Н. Карѣевъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Томъ VI.

ПОСЛѢДНЯЯ ТРЕТЬ XIX ВѢКА.

Часть II (1880—1900 годы).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин. 28.
1910.

4019

Другу-женѣ

посвящаю

этотъ томъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ЧАСТИ.

Перечень главъ первой части.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ VI ТОМА.

I.

Этою, второю частью шестого тома „Исторіи Западной Европы“ оканчиваются вообще изложеніе исторіи XIX вѣка, начатое въ четвертомъ томѣ, и въ частности изложеніе исторіи послѣдней его трети, которой посвященъ цѣликомъ весь шестой томъ. Въ предисловіи, помѣщенномъ въ первой части тома, объяснено, почему его пришлось раздѣлить на два отдѣльныхъ выпуска: онъ вышелъ слишкомъ объемистымъ, гораздо бо̀льшимъ, чѣмъ предыдущіе томы [1]) и чѣмъ первоначально предполагалось. Въ частности, и вторая часть далеко вышла изъ тѣхъ рамокъ, какія ей были предназначены, — обстоятельство, заставившее меня даже нѣсколько урѣзать эту часть сравнительно съ раньше намѣчавшеюся программою отдѣльныхъ главъ.

Излагая исторію послѣдней трети XIX в., я вовсе не думалъ педантически ограничить себя восьмисотыми годами, нигдѣ не переходя черезъ рубежъ 1900 года, послѣдняго въ истекшемъ столѣтіи [1]). Моимъ намѣреніемъ даже было включить въ свое изложеніе нѣкоторыя наиболѣе важныя событія и явленія начала XX вѣка, разъ эти событія и явленія завершали собою что-либо, начавшееся еще до 1900 г. Такъ, въ исторіи Англіи я имѣлъ въ виду остановиться подробнѣе на войнѣ съ бурами, окончившейся въ 1902 г., въ исторіи Франціи — на отдѣленіи церкви отъ государства, совершившемся въ 1905 г., въ исторіи

---

[1]) Въ IV томѣ 661 страницъ, въ V—886, въ обѣихъ же частяхъ VI—1037 (=421+616).

[1]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. VIII.

Австріи — на введеніи всеобщаго избирательнаго права, имѣвшемъ мѣсто въ 1906 г., и т. п., но оказалось, что сколько-нибудь подробное изложеніе этихъ и другихъ такихъ фактовъ, прямо требующееся самою близостью ихъ къ нашимъ днямъ, имѣло бы своимъ результатомъ совсѣмъ уже непомѣрное разростаніе выпускаемой теперь въ свѣтъ второй части VI тома.

Я съ тѣмъ большею легкостью рѣшился на операцію, которая можетъ быть названа ампутаціей, что у меня сталъ собираться и намѣчаться матеріалъ для дальнѣйшаго продолженія „Исторіи Западной Европы“ и вмѣстѣ съ этимъ складываться въ головѣ планъ VII тома, гдѣ могли бы найти мѣсто и бурская война, и отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи, и введеніе въ Австріи всеобщаго избирательнаго права, и большое еще количество другихъ фактовъ. Не могу сказать, когда мнѣ удастся— и удастся ли вообще—осуществить такое предпріятіе, потому что на очереди у меня есть и другія работы, требующія немалаго времени для своего выполненія.

Одна изъ этихъ работъ, поставленная въ первую голову, имѣетъ ближайшее отношеніе къ только-что законченному VI тому.

Въ предисловіи, помѣщенномъ въ первой части, я уже указалъ [1]) на то, что первые три тома „Исторіи Западной Европы“ были мною резюмированы въ небольшой книжкѣ подъ заглавіемъ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, и что то же самое было мною потомъ сдѣлано по отношенію къ четвертому и пятому томамъ въ особой книжкѣ, озаглавленной „Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в.“. Весьма естественно, что у меня возникла мысль написать подобный же обобщающій обзоръ и для послѣдней трети XIX в. на основаніи матеріала, собраннаго и обработаннаго въ обѣихъ частяхъ VI тома. Когда стала подходить къ концу работа надъ этимъ томомъ, я началъ исподволь обдумывать общій планъ новаго обобщающаго обзора, но мало-по-малу пришелъ къ совершенно иному рѣшенію, отчасти, пожалуй, подсказанному мнѣ чисто внѣшнимъ обстоятельствомъ.

Въ послѣдніе годы профессорами всеобщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ былъ выработанъ и началъ осуществляться планъ чередованія общихъ курсовъ, вводящихъ, такъ сказать, въ изученіе отдѣльныхъ эпохъ. По этому плану на мою долю выпали три годичныхъ курса: одинъ по эпохѣ абсолютизма,

---

[1]) На стр. V.

другой по французской революціи, третій по исторіи XIX в. Случилось такъ, что курсъ по исторіи XIX в. пришелся какъ-разъ на 1909—10 учебный годъ [1]), къ началу котораго я надѣялся окончить работу надъ VI томомъ. Занявшись выработкою программы университетскаго общаго курса исторіи XIX в.,— куда вошелъ бы и обобщенный обзоръ послѣдней трети, — я, въ концѣ концовъ, остановился на мысли объ изданіи именно этого, цѣльнаго курса по исторіи прошлаго столѣтія съ помѣщеніемъ въ немъ, рядомъ съ обобщеніями, и главнѣйшихъ единичныхъ фактовъ [2]). Если удастся, съ нимъ я соединю алфавитный указатель къ IV — VII томамъ „Исторіи Западной Европы", а сверхъ того предполагаю еще приложить къ этому курсу,—если опять-таки успѣю,—нѣсколько историческихъ картъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, охотно видѣлъ бы первый приступъ къ изданію бо̀льшихъ размѣровъ историческаго атласа для исторіи XIX вѣка.

Въ приложеніи ко второй части VI тома читатель найдетъ рядъ поправокъ, дополненій и примѣчаній къ обѣимъ частямъ этого тома. Поправки относятся къ нѣсколькимъ досаднымъ недосмотрамъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, не всегда достаточной внимательности при корректурѣ. Что касается до дополненій, то ихъ преимущественное содержаніе — библіографія. За время составленія VI тома и въ частности за время его печатанія, продолжавшагося почти полтора года, вышло въ свѣтъ немало новыхъ работъ, указанія на которыя и представляютъ первую категорію библіографическихъ дополненій. Другія двѣ категоріи обнимаютъ или работы, уже существовавшія раньше, но прежде почему-либо остававшіяся мнѣ неизвѣстными, или же такія, которыя въ необходимые моменты оказывались забытыми, не занесенными на карточки либо занесенными на карточки, случайно попавшія при ихъ сортировкѣ не на свое мѣсто. Наконецъ, въ особо рѣдкихъ, прямо исключительныхъ случаяхъ пришлось помѣстить въ приложеніи примѣчанія, которыя могли бы найти мѣсто въ подстрочныхъ ремаркахъ. Вообще, нѣкоторые большіе отдѣлы тома набирались, корректировались и печатались во время моего пребыванія въ деревнѣ или въ заграничныхъ курортахъ, гдѣ очень часто въ моемъ распоряженіи не могло быть необходимыхъ пособій, прекращеніе же печатанія книги въ лѣтніе мѣсяцы, когда я обла-

---

[1]) Въ 1907—8 г. былъ читанъ курсъ, легшій въ основу книги „Западноевропейская абсолютная монархія", въ 1908—9 г.—по французской революціи.

[2]) Программа этого курса прилагается къ настоящему полутому.

далъ наибольшимъ досугомъ для того, чтобы слѣдить за этою работою, могло бы отсрочить выходъ книги въ свѣтъ на неопредѣленно-продолжительное время. Изъ двухъ золъ я и выбралъ то, которое лично мнѣ казалось меньшимъ, въ каковомъ расчетѣ и рѣшилъ снабдить настоящій томъ, въ приложеніи, поправками, дополненіями и примѣчаніями, хотя безъ нихъ большею частью, думается мнѣ, громадное большинство читателей ничего, пожалуй, и не потеряло бы. Только желаніе дать наиболѣе полную библіографію руководило мною, когда я собиралъ матеріалъ для своихъ дополненій. И при всемъ томъ, однако, нельзя, разумѣется, сказать, чтобы задача была совершенно выполнена. Есть одна работа, передъ громадностью которой я остановился въ нерѣшительности, но именно въ виду большого интереса, ею представляемаго, я здѣсь о ней и заговорилъ.

Въ статьѣ, предпосланной тексту первой части этого тома, было упомянуто [1]) о существованіи въ нашихъ толстыхъ журналахъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, массы общихъ и болѣе спеціальныхъ статей, касающихся западно-европейской политической, соціальной, экономической и культурной жизни за послѣднюю треть XIX в. Въ свое время эти статьи прочитывались мною, и по нимъ, главнымъ образомъ, я знакомился съ текущею историческою жизнью Запада: теперь могу только сожалѣть, что не выписывалъ названій этихъ статей съ отмѣтками объ ихъ содержаніи. Быть можетъ, кто-либо изъ нашихъ библіографовъ взялся бы за трудъ приведенія въ извѣстность и систематизаціи этого матеріала. Въ числѣ этихъ иностранныхъ обозрѣній, хроникъ заграничной жизни, статей объ отдѣльныхъ событіяхъ, движеніяхъ, явленіяхъ и т. п., корреспонденцій изъ главныхъ политическихъ и культурныхъ центровъ, я увѣренъ, есть очень много такихъ, которыя будутъ находить читателей и въ настоящее время и не утратятъ значенія въ ближайшемъ, по крайней мѣрѣ, будущемъ. Только желаніе не задерживать выходъ въ свѣтъ настоящаго тома,—который я позволяю себѣ считать необходимымъ,—удержало меня отъ менѣе нужной въ данный моментъ работы надъ составленіемъ библіографіи русскихъ журнальныхъ статей указаннаго содержанія для дополненій, прилагаемыхъ къ настоящему тому, хотя работа эта была бы съ моей стороны данью благодарности русской прогрессивной журналистикѣ за удовлетвореніе ею того интереса, съ какимъ я относился къ текущей жизни Запада, когда еще и

---

[1]) Стр. IX, примѣч. 2.

въ мысляхъ моихъ не было заняться болѣе систематическимъ ея изученіемъ для университетскихъ курсовъ и для написанія „Исторіи Западной Европы“. Теперь, въ сороковую годовщину начала своей университетской жизни студентомъ-первокурсникомъ пріема 1869 г., не могу, наприм., не вспомнить, что первыми моими шагами въ дѣлѣ ознакомленія съ западно-европейскою современменностью руководили тогдашнія „Отечественныя Записки“. Въ отношеніи къ изученію новѣшей исторіи положеніе теперешней молодежи куда лучше, чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ [1]), но и при всемъ томъ я не могу не радоваться, что многіе теперь знакомятся систематически съ исторіей послѣдняго столѣтія по моимъ книгамъ и въ частности по выпущенной уже въ свѣтъ первой части этого тома. И если, дѣйствительно, суждено быть написаннымъ еще и VII тому, моя радость будетъ еще большею.

31 августа 1909 г.

II.

Во время печатанія второй части VI тома я сдѣлалъ перестановку двухъ послѣднихъ главъ сравнительно съ первоначальнымъ предположеніемъ. Объ этомъ, разумѣется, не стоило бы упоминать, если бы въ разныхъ мѣстахъ и первой, и второй частей я не отсылалъ читателей къ главамъ XXIV и XXV за тѣми или другими подробностями. Самая перестановка вызвана была тѣмъ соображеніемъ, что въ прежнемъ планѣ глава, въ которой излагаются *идеи* конца вѣка, оказалась бы между двумя главами, посвященными преимущественно внѣшнимъ *отношеніямъ* эпохи.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ объ этой послѣдней главѣ. Какъ слѣдуетъ на нее смотрѣть, объ этомъ достаточно сказано въ текстѣ [1]). Моею цѣлью не было и не могло быть дать сколько-нибудь исчерпывающее изложеніе западно-европейской философіи за три послѣднія десятилѣтія истекшаго столѣтія, но въ то же самое время я находилъ, что безъ такой главы общая картина конца XIX в. не была бы достаточно полной. Конечно, эта картина вышла бы еще полнѣе, если бы отдѣльныя главы были посвящены еще исторіи спеціальныхъ наукъ, разныхъ отраслей литературы (романа, театра,

---

[1]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. XIX.

[1]) См. стр. 552—553, 589 и 607, прим. 1.

лирики, критики) и отдѣльныхъ художествъ, но все это — такія спеціальныя сферы, разсмотрѣніе которыхъ могло бы быть только совершенно механически соединено съ исторіей практическихъ отношеній политическаго, соціальнаго и экономическаго характера, составляющихъ, съ соціологической точки зрѣнія, самую суть исторіи. Наука, литература и искусство въ очень и очень многихъ случаяхъ стоятъ слишкомъ далеко отъ злобъ текущаго дня и имѣютъ, такъ сказать, свою особую эволюцію, на которой или совсѣмъ не отражается, или отражается въ весьма слабой степени эволюція общественныхъ отношеній. При томъ въ этихъ областяхъ первенствующую роль играютъ очень часто крайне спеціальныя темы, каковы научныя открытія и проблемы, методы науки, вопросы стиля, техники и т. п. въ музыкѣ или въ изобразительныхъ искусствахъ и пр. Въ развитіи наукъ, литературы и искусствъ общаго историка можетъ интересовать не ихъ специфическая, а общекультурная и общественная сторона, и тамъ, гдѣ къ этому представлялся случай, я не отказывался въ исторіи XIX в. говорить и о фактахъ изъ исторіи естествознанія, поскольку оно вліяло на общее міросозерцаніе (наприм., о теоріи Дарвина), и о литературныхъ явленіяхъ, насколько таковыя имѣли показательное значеніе для своего времени (наприм., о романтизмѣ, о соціальномъ романѣ, о натурализмѣ), и о нѣкоторыхъ историческихъ сочиненіяхъ, въ томъ или другомъ отношеніи интересныхъ съ общественной точки зрѣнія (наприм., о разныхъ исторіяхъ французской революціи), и о тѣхъ или другихъ фактахъ изъ исторіи соціальныхъ наукъ.

Конечно, съ этой же точки зрѣнія на одну доску съ спеціальными науками, литературой и художествами можно было бы поставить и философію, ибо и она вмѣстѣ съ ними входитъ въ одну обширную категорію духовнаго творчества, создающаго о-бокъ съ реальнымъ міромъ фактическихъ отношеній, который составляетъ главный предметъ общей исторіи, еще особый идеальный міръ нашихъ преставленій, настроеній и стремленій, тѣмъ болѣе, что и въ философіи такъ много своего, особаго, специфическаго. Если тѣмъ не менѣе для философіи я сдѣлалъ исключеніе, посвятивъ ей отдѣльную главу, то такъ я поступилъ, руководствуясь тѣмъ, что философія служитъ выраженіемъ общаго міросозерцанія эпохи и отраженіемъ общихъ ея настроеній и стремленій. Въ этомъ отношеніи по своему значенію для общаго историка съ философіей можетъ конкуррировать только религія, тоже имѣющая значеніе общаго міро- и жизнепониманія, причемъ для каждой, т.-е. и для религіи, и для философіи есть свое время. То, что въ наукѣ,

въ литературѣ и въ искусствѣ дается изъ міро- или жизнепониманія разрозненнымъ въ видѣ частныхъ научныхъ истинъ или художественныхъ образовъ и символовъ, въ религіи и въ философіи сводится къ цѣльности и единству, а это для общаго историка и выдвигаетъ впередъ значеніе—религіи для такихъ эпохъ, какъ средніе вѣка или реформація, философіи для временъ, подобныхъ нашему. Какъ религія, такъ и философія есть устремленіе къ универсальному и вѣчному, отрѣшеніе отъ мѣстнаго и временнаго, отъ политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ и культурныхъ злобъ текущаго дня, и въ то же время обѣ онѣ вносятъ въ разрѣшеніе вопросовъ текущаго дня свои руководящія начала.

Вотъ какими соображеніями я руководился, когда писалъ обѣ послѣднія главы и пятаго, и шестого томовъ, находящіяся между собою въ тѣснѣйшей связи. Другое дѣло — само исполненіе задачи: здѣсь я, конечно, не судья. Я предвижу, однако, возможность указаній со стороны на неравномѣрность, на пробѣлы и т. п. Что по этому предмету я считалъ нужнымъ сказать, то уже было сказано мною въ текстѣ [1]). Здѣсь я только нахожу нелишнимъ прибавить, что о неравномѣрности и пробѣлахъ можно говорить также по поводу и остальныхъ главъ и что объ этомъ уже было упомянуто во вступительной статьѣ первой части этого тома. Дополню прежнія соображенія указаніемъ лишь на то, что при выборѣ фактовъ, въ общемъ, я руководствовался большею или меньшею близостью ихъ къ тому, что составляетъ самую суть историческаго процесса [2]), хотя въ подробностяхъ, конечно, нерѣдко, — притомъ, вполнѣ сознательно и преднамѣренно,—я отъ этого отступалъ, когда просто было жалко не отмѣтить тотъ или другой интересный фактъ, то или другое мнѣніе и т. п. Исключительная забота о равномѣрности и полнотѣ могла бы привести только къ схематизаціи матеріала по нѣсколькимъ общимъ шаблонамъ, не говоря уже о томъ, что книга должна была бы непомѣрно разростись и получила бы, пожалуй, инвентарно-справочный характеръ. Я знаю, что многіе читатели, которые стали бы искать, наприм., въ послѣдней главѣ все, что имъ захотѣлось бы узнать о философіи Спенсера, Дюринга, Вундта и Фулье, т. е. все, что относительно каждаго изъ нихъ особенно интересно, будутъ недовольны неравномѣрностью и неполнотою моего изложенія, но у меня и не могло быть намѣренія удовлетворить всѣ требованія, какія только вообще могутъ

---

[1]) См. стр. 552—553.

[2]) Конечно, какъ я его теоретически понимаю. См. особенно мою книгу „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“.

быть предъявляемы къ исторической книгѣ о столь близкомъ прошломъ.

Я невольно заговорилъ объ этомъ отчасти подъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ во мнѣ нѣкоторыми рецензіями о первой части тома. Помнится, въ одной изъ нихъ мнѣ ставилось въ упрекъ что-то въ родѣ того, что я слишкомъ-де много говорю о Лассалѣ и Марксѣ, когда, по мнѣнію рецензента, слѣдовало бы, если мнѣ не измѣняетъ память, побольше говорить о Шиллерѣ и Гёте: ожидаю, что и теперь съ такимъ же основаніемъ мнѣ поставятъ въ упрекъ, наприм., Спенсера при полномъ неупоминаніи о Рихардѣ Вагнерѣ или Бёклинѣ. Приходитъ на память еще и такой упрекъ, какъ указаніе на слишкомъ большую краткость упоминанія у меня о балканскихъ государствахъ послѣ берлинскаго конгресса, хотя въ данномъ случаѣ меня, по крайней мѣрѣ, уже въ самомъ заглавіи книги оправдывала „Западная Европа“, въ составѣ которой Балканскій полуостровъ не значится. Да если бы даже и значился! Вотъ и теперь, въ главѣ XXI настоящаго тома, я посвятилъ обоимъ пиренейскимъ государствамъ, несомнѣннѣйшимъ образомъ, находящимся въ Западной Европѣ, едва пять съ половиною страницъ,—соглашаюсь, очень мало,—но съ точки зрѣнія общаго интереса я не нашелъ нужнымъ говорить больше этого объ испанскихъ и португальскихъ дѣлахъ. Конечно, я пойму неудовлетворенность того, кто взялся бы за эту часть „Исторіи Западной Европы“ ради ознакомленія, главнымъ образомъ, съ исторіей Испаніи, и даже готовъ буду раздѣлить чувство неудовольствія рецензента, больше меня знакомаго съ исторіей Испаніи, но все-таки я буду считать себя правымъ въ томъ, что ограничился въ изложеніи испанскихъ дѣлъ лишь самымъ необходимымъ. Поэтому если мнѣ вполнѣ понятно огорченіе одного рецензента, заявившаго, что, какъ спеціалистъ по дѣламъ такой-то страны, онъ могъ бы пожелать, чтобы читатель моей книги получилъ болѣе, нежели въ ней дается, то и себя самого вмѣстѣ съ тѣмъ я продолжаю считать въ достаточной мѣрѣ правымъ съ болѣе общей точки зрѣнія.

Положеніе общаго историка, т.-е. общаго и въ смыслѣ обзора цѣлаго ряда странъ, и въ смыслѣ разсмотрѣнія различныхъ сторонъ жизни, дѣлается особенно труднымъ, когда ему предъявляются требованія, возможныя лишь по отношенію къ историкамъ отдѣльныхъ народовъ или отдѣльныхъ сторонъ ихъ историческаго развитія. Что было сказано о частныхъ исторіяхъ тѣхъ или другихъ государствъ, можетъ быть повторено и по отношенію къ спеціальнымъ исторіямъ государственнаго строя

и политическихъ ученій, хозяйственнаго быта и экономическихъ теорій, внѣшней политики и международнаго права или, вотъ, хотя бы той же самой философіи, о которой шла рѣчь по поводу послѣдней главы тома. Я очень хорошо предвидѣлъ, во время работы надъ настоящимъ томомъ, что спеціалисты по государственному праву, по политической экономіи, по философіи и т. п. найдутъ въ моемъ изложеніи интересующихъ ихъ предметовъ очень много пробѣловъ, важныхъ съ ихъ спеціальныхъ точекъ зрѣнія, но это будетъ уже совсѣмъ другой вопросъ, насколько важнымъ окажется то или другое упущеніе съ болѣе общей точки зрѣнія, которую можно назвать здѣсь строго соціологическою, въ отличіе отъ точки зрѣнія культурно-исторической въ настолько широкомъ смыслѣ, что я оказался бы совершенно неправымъ, не давъ мѣста въ своемъ изложеніи и такимъ вещамъ, какъ драмы Ибсена, картины Бёклина, оперы Вагнера, башня Эйфеля, изобрѣтенія Эдиссона, открытіе рёнтгеновскихъ лучей и очень-очень многое, притомъ весьма разнородное другое.

Кстати еще: я знаю, что есть историческія книги о XIX в., которыя снабжаютъ читателю и такими свѣдѣніями, и вполнѣ оправдываю ихъ существованіе, но пусть каждый дѣлаетъ свое, лично же я менѣе всего думалъ о слѣдованіи общему шаблону и о томъ, чтобы ни одно громкое имя конца XIX в. не было пропущено въ моемъ изложеніи, чѣмъ это имя въ свое время ни прославилось.

31 декабря 1909 г.

КОНЕЦЪ XIX ВѢКА.

XIII. Международныя комбинаціи послѣ берлинскаго конгресса [1]).

Распаденіе союза трехъ императоровъ.—Взаимныя отношенія Германіи и Австро-Венгріи послѣ 1866 г. — Австрійское движеніе на Востокъ. — Австро-германскій союзъ 1879 г.—Колебанія Италіи послѣ 1870 г. между Франціей и средне-европейскимъ союзомъ и причины ея перехода на сторону послѣдняго.—Сила тройственнаго союза въ восьмидесятыхъ годахъ.—Прежнія попытки франко-русскаго союза. — Франко-русскій союзъ девяностыхъ годовъ XIX в. — Гаагская мирная конференція. — Усложненіе международныхъ отношеній эпохи колоніальными предпріятіями.

Исходъ берлинскаго конгресса разстроилъ соглашеніе трехъ императоровъ. Обнаружилось это, однако, не сразу.

Русскій императоръ продолжалъ думать, что лучшимъ обезпеченіемъ мира и впредь долженъ оставаться этотъ союзъ, въ чемъ его

---

[1]) Для исторіи международныхъ отношеній послѣ берлинскаго конгрѣсса см. „заключеніе“ къ книгѣ *A. Debidour'a* (т. II, стр. 535—570), гдѣ дается краткій очеркъ 1878—90 гг. съ указаніями на отдѣльныя работы (большею частью статьи въ „Revue des deux mondes“).—*Ф. Мартенсъ.* Современное международное право (1900; изд. 4).—*Листъ.* Международное право (1902).—*И. Бліохъ.* Будущая война (см. объ этой книгѣ т. VI, ч. 1, стр. 122), т. V, стр. 314—327 („Возстановленіе нарушеннаго равновѣсія посредствомъ союзовъ“) и стр. 329—368 (о вѣроятности войны въ концѣ XIX в.), представляющія обзоръ международныхъ отношеній послѣ берлинскаго конгресса.—*Rathlef.* Bismarck und Oesterreich bis 1886 (1893).—Das Ende des Fürsten Bismarck in der auswärtigen Politik.—*Radbolsky.* Die mitteleuropäische Friedensliga.—*Valbert* (*Cherbuliez*). La triple alliance (въ „Revue des deux mondes“ за 1883 г.).—*K. H. Geffken.* Frankreich, Russland und der Dreibund (1893).—*Hippeau.* Histoire diplomatique de la troisième république.—*Bérard.* La France et Guillaume II.—*Л. Слонимскій.* Франко-русскій союзъ и международныя иллюзіи („Вѣстн. Евр.“ за 1887 г.).—*E. Daudet.* Histoire diplomatique de l'alliance franco-russe (1894).—*Jules Jansen.* Diplomatische Enthüllungen aus der Botschafterzeit des Baron von Mohrenheim. 1884—98 (1908).—*André Tardieu.* La France et les alliances. La lutte pour l'équilibre (1909; книга о франuуз-

особенно поддерживалъ второй уполномоченный на берлинскомъ конгрессѣ, гр. Шуваловъ, уже раньше находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Бисмаркомъ, а на конгрессѣ сошедшійся довольно близко и съ Андраши. Изъ своего посѣщенія Вѣны осенью 1878 г. русскій дипломатъ вынесъ наилучшія впечатлѣнія,—его тамъ хорошо принимали и говорили ему о необходимости сохраненія тройственнаго соглашенія, но когда въ скоромъ времени гр. Шуваловъ снова посѣтилъ Андраши въ Будапештѣ, то самъ первый разочаровался въ политикѣ вѣнскаго двора. Русскіе послы въ Вѣнѣ и Берлинѣ (Новиковъ и Убри) доносили тоже—и очень согласно,—что между Германіей и Австро-Венгріей замѣчается болѣе тѣсное сближеніе. Факты были, между прочимъ, такіе. Обѣ державы осенью 1878 г. отмѣнили съ обоюднаго согласія одну статью пражскаго договора 1866 г., признававшую за Даніей право на возвращеніе ей сѣверныхъ округовъ Шлезвига [1]), что Пруссіей выполнено не было и, при сохраненіи статьи, очень смущало прусское правительство. Въ международныхъ коммиссіяхъ, приводившихъ въ исполненіе на Балканскомъ полуостровѣ отдѣльныя статьи берлинскаго конгресса, австро-венгерскіе уполномоченные всегда дѣйствовали противъ русскихъ, вмѣстѣ съ англійскими поддерживая турокъ, а германскіе становились тоже на точку зрѣнія, неблагопріятную для Россіи. Наконецъ, подъ предлогомъ появленія въ Россіи чумы [2]) Германія и Австро-Венгрія совмѣстно приняли на западной русской границѣ рядъ мѣръ, разорительныхъ для русской торговли съ обѣими имперіями, не нашедши даже нужнымъ сообщить объ этомъ русскому правительству. Эти донесенія подѣйствовали на Горчакова, до того времени бывшаго однимъ изъ горячихъ сторонниковъ союза съ Германіей и Австро-Венгріей, но уже поколебавшагося въ своей вѣрѣ въ этотъ союзъ послѣ того, что онъ пережилъ во время берлинскаго

ской дипломатіи при третьей республикѣ). Что касается до новѣйшихъ проявленій стремленія къ международному миру вообще и въ частности о гаагской конференціи, то объ этомъ: *A. H. Fried.* Die moderne Friedensbewegung (1907). *Его же.* Die Haager Friedens-Konferenz (1900).—*A. Pillet.* La cause de la paix et les deux conférences de la Haye.—*Chr. Meurer.* Uebersicht über die Arbeiten der Haager Friedenskonferenz (1899).—*Mérignac.* La conférence de la paix (1900).—*Holls.* The peace conference at the Hague (1900).—*Th. Martens.* La conférence de la paix à la Haye (1900; въ 2 т. четвертаго изд. „Современнаго международнаго права“ *проф. Мартенса* имѣется изложеніе гаагскихъ конвенцій).—*Brusa.* La conférence de la Haye et ses résultats („Rev. gén. de droit intern. public“, 1899).—*Lapradelle* (статья подъ тѣмъ же заглавіемъ и тамъ же).—*Olivart* (то же).—*В. Гессенъ.* О значеніи гаагской конференціи (1900).

[1]) Т. V, стр. 1729.

[2]) Знаменитой „ветлянской“.

конгресса. Свое неудовольствіе на обѣ державы, въ особенности на Германію, онъ выражалъ очень открыто въ наставленіяхъ, которыя посылалъ русскимъ посламъ при обоихъ дворахъ. Онъ даже прямо высказывался въ томъ смыслѣ, что фактически соглашеніе расторгнуто поведеніемъ Германіи и Австро-Венгріи, и что Россіи остается только ликвидировать прошлое, а въ будущемъ полагаться лишь на самоё себя. Бисмаркъ чувствовалъ и зналъ, что въ Россіи были обижены его поведеніемъ на конгрессѣ, сталъ поэтому избѣгать свиданій съ русскимъ посломъ, а во время свиданій больше напиралъ на то, что Россія находится въ бѣдственномъ положеніи, и что русскому правительству нужно энергичнѣе вести борьбу съ внутренней смутой. Его сильно раздражали нападки русской печати на его „честное маклерство“, и германская оффиціозная печать, получавшая отъ него внушенія, заговорила въ самомъ недружелюбномъ тонѣ о Россіи. Александръ II продолжалъ все-таки крѣпиться въ привязанности къ идеѣ тройственнаго соглашенія, вѣрный семейнымъ традиціямъ дружбы съ Пруссіей, лично расположенный къ своему дядѣ Вильгельму I и убѣжденный въ томъ, что соглашеніе важно для поддержанія монархическаго принципа и общаго мира. Долгое время въ разговорахъ съ германскимъ и австро-венгерскимъ послами онъ только жаловался на отдѣльные непріятные факты, охотно признавая ихъ недоразумѣніями и только выражая желаніе, чтобы болѣе они не повторялись. Оба дипломата упорно отмалчивались, и разговоры оставались безъ результата. Русскій императоръ даже лично (въ письмѣ лѣтомъ 1879 г.) жаловался Вильгельму I на то, что германская политика не соотвѣтствуетъ исконной дружбѣ между обоими государствами, и намекалъ на Бисмарка, какъ на виновника германской некорректности [1]). Получивъ такое письмо, смущенный его содержаніемъ и тономъ, Вильгельмъ I отправилъ его къ Бисмарку для составленія на него отвѣта. Имперскій канцлеръ исполнилъ порученіе своего государя, составивъ весьма успокоительный отвѣтъ, который подѣйствовалъ на Александра II самымъ превосходнымъ образомъ. Находясь на маневрахъ въ Царствѣ Польскомъ, онъ выразилъ бывшему на нихъ прусскому фельдмаршалу Мантейфелю желаніе поскорѣе встрѣтиться и объясниться съ своимъ

---

[1]) Инымъ не можетъ быть смыслъ слѣдующаго мѣста въ этомъ письмѣ: „est-ce digne d'un véritable homme d'état de faire entrer dans la balance une brouille personnelle quand il s'agit de l'intérêt de deux grands êtats и т. д.?“ *С. Татищевъ.* Императоръ Александръ II, т. II, стр. 666. Вражда Бисмарка къ Горчакову ни для кого не была секретомъ, и одинъ разъ, въ 1878 г., Шувалову, во время переговоровъ о созывѣ конгресса, пришлось указывать Бисмарку, что дѣло не въ личныхъ отношеніяхъ его къ Горчакову, а въ политическихъ отношеніяхъ двухъ монархій. Самъ Александръ II въ этомъ смыслѣ потомъ лично высказался Вильгельму I.

дядею,—бывшимъ въ то время тоже на маневрахъ въ Восточной Пруссіи. Вильгельмъ I немедленно на это согласился, и между обоими государями произошла встрѣча на русской пограничной станціи желѣзной дороги между Варшавой и Берлиномъ, Александровѣ. Въ это время германскій императоръ уже зналъ о важныхъ переговорахъ, которые Бисмаркъ велъ съ Австріей. Въ Александровѣ свиданіе состоялось 22 августа (ст. ст.), и на немъ Александръ II уже откровенно сталъ жаловаться на Бисмарка, который, повидимому, перенесъ злопамятство противъ раздражившаго ее въ 1875 г. Горчакова на самоё Россію. Съ своей стороны, германскій императоръ жаловался русскому государю на русскую періодическую печать, постоянно нападающую на Германію, что со стороны германской печати вызываетъ только естественную самозащиту. Вильгельмъ I даже особенно настаивалъ (въ разговорѣ съ пріѣхавшими въ Александрово русскими министрами), что главная виновница размолвки—враждебная Германіи пресса въ Россіи, которая требуетъ обузданія. Результатами свиданія Александръ II остался очень доволенъ и, хотя и высказывался неблагопріятно объ австрійской политикѣ, которая была во время войны, какъ и всегда, косоватой (louche), тѣмъ не менѣе радовался тому, что главное достигнуто: „нужно, чтобы мы и впредь втроемъ твердо держались другъ за друга“. Старый императоръ поспѣшилъ сообщить Бисмарку обо всемъ, что говорилось въ Александровѣ, но скоро долженъ былъ узнать, что его собственныя завѣренія находились въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что дѣлалось самимъ Бисмаркомъ какъ-разъ въ это время.

Новымъ дѣломъ Бисмарка былъ направленный противъ Россіи союзъ Германіи съ Австріей.

Въ политическіе планы Бисмарка никогда не входило сдѣлать изъ Австріи вѣчнаго врага Пруссіи. Въ 1866 г. онъ настоялъ на томъ, чтобы Вильгельмъ I отказался отъ своего намѣренія совершить тріумфальный въѣздъ въ Вѣну и получить территоріальное приращеніе Пруссіи отъ Австріи [1]). Еще до конфликта 1866 г. онъ пытался убѣдить австрійскаго посланника въ Берлинѣ, что вѣнскому двору лучше добровольно уступить первенство въ Германіи Берлину, а центръ тяжести Австріи перенести на Востокъ. Послѣ войны 1866 г. онъ еще болѣе настаивалъ передъ самимъ Францемъ-Іосифомъ на томъ, чтобы онъ обратился къ болѣе дѣятельной восточной политикѣ, цѣлью которой должны были быть какъ-разъ Боснія и Герцеговина, граничащія съ Далмаціей. Бисмаркъ даже прямо предлагалъ австрійскому импе-

---

[1]) Т. V, стр. 736. Вильгельмъ I хотѣлъ получить часть Силезіи, оставшуюся послѣ семилѣтней войны во власти Австріи, и нѣмецкіе округа Богеміи.

ратору поддержку Германіи въ пріобрѣтеніи отъ Турціи этихъ двухъ областей. Пока Францъ-Іосифъ расчитывалъ еще при помощи Франціи вернуть своей монархіи прежнее значеніе въ Германіи, онъ оставался глухъ къ подобнаго рода предложеніямъ, но послѣ разгрома Франціи въ Вѣнѣ начали относиться болѣе внимательно къ совѣтамъ Бисмарка и къ предлагавшемуся имъ союзу. Сначала передъ свиданіемъ въ Берлинѣ трехъ императоровъ въ 1872 г. [1]), повидимому, во встрѣчѣ австрійскаго государя съ прусскимъ не предполагалось участія Александра II, и какъ-разъ въ то время, какъ устроивался союзъ трехъ императоровъ, между Германіей и Австріей состоялось соглашеніе, скрытое отъ Россіи, по которому Германія давала обязательство помочь Австріи получить вознагражденіе за свои потери въ Италіи и Германіи изъ турецкихъ владѣній на Балканскомъ полуостровѣ. Мы уже видѣли, какъ это при содѣйствіи Германіи было достигнуто вѣнскимъ правительствомъ послѣ войны 1877—78 гг.

Австрійскій Drang nach Osten нуженъ былъ Бисмарку и въ другомъ отношеніи. Какъ ни разошлись интересы Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ въ Германіи, все-таки обѣ эти династіи были династіи германскія, а Австро-Венгрія въ главной своей половинѣ была государствомъ нѣмецкимъ. Если при объединеніи Германіи Австрію пришлось исключить изъ новой имперіи, то это еще не значило, что между Германіей и Австріей не могло бы образоваться, ради общенѣмецкихъ племенныхъ интересовъ, все-таки нѣкоторой связи. Нѣмецкая Австрія была для Германской имперіи своего рода форпостомъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ направленіи къ южнымъ морямъ того, что вообще называется „Deutschtum“, германизма съ его національно-культурными и національно-экономическими интересами. Бисмаркъ хорошо понималъ, что особый союзъ съ Австріей будетъ одобренъ всѣми германскими партіями, кромѣ однихъ соціалъ-демократовъ, и что въ Австріи за него будутъ стоять также всѣ нѣмцы. Онъ расчитывалъ и на то, что въ мадьярахъ, которые тогда держались за единеніе съ нѣмцами по ту сторону Лейты, союзъ съ Германіей тоже будетъ популяренъ. Такимъ образомъ, направленная Бисмаркомъ на Востокъ, Австро-Венгрія будетъ тамъ служить экономическимъ и политическимъ интересамъ Германіи.

Нѣкоторые нѣмецкіе историки утверждаютъ, будто Бисмаркъ тяготѣлъ болѣе къ особому союзу съ Россіею, нежели съ Австро-Венгріей, и будто онъ предпочелъ второй союзъ первому только вслѣдствіе вызывающей политики Россіи. Его, дѣйствительно, тревожилъ призракъ „старой кауницевской коалиціи“ Австріи съ Россіей и Франціей,

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 120.

и разъ возможнымъ уже было одно сепаратное соглашеніе, остававшееся нѣкоторое время ему неизвѣстнымъ, между петербургскимъ и вѣнскимъ дворами, то почему бы подобному соглашенію и не повториться во вредъ Германіи? Тревожило его и то, что Андраши покидалъ свой постъ вслѣдствіе замѣны въ Вѣнѣ либерально-нѣмецкаго министерства кн. Ауерсперга новымъ, феодально-консервативнымъ, болѣе расположеннымъ къ Россіи, нежели къ Германіи, и вотъ онъ рѣшился дѣйствовать какъ можно скорѣе, чтобы связать монархію Габсбурговъ съ имперіей Гогенцоллерновъ. Поѣздка Вильгельма I не соотвѣтствовала его планамъ, и онъ старался убѣдить своего монарха въ томъ, что поспѣшность, съ какою онъ отозвался на зовъ русскаго императора, несогласна съ его достоинствомъ, что письмо Александра II заключаетъ въ себѣ угрозы и вызовъ [1]), что въ Россіи готовятся къ войнѣ и ищутъ союза съ Франціей и Италіей, и что въ виду этого Германія и Австро-Венгрія должны заключить оборонительный союзъ противъ Россіи, иначе оставленная Германіей Австро-Венгрія вынуждена будетъ соединиться съ Франціей и, пожалуй, съ самой Россіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ сообщилъ Андраши, что въ скоромъ времени предстоитъ союзъ Россіи съ Франціей, на что Андраши отвѣтилъ словами: „противъ русско-французскаго союза единственный отвѣтный ходъ (Gegenzug), это—союзъ австро-германскій“. Бисмарку, какъ онъ разсказывалъ, было сдѣлано такое сообщеніе съ французской стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ было, какъ онъ же самъ передаетъ, сообщено и объ отклоненіи этого предложенія. Объ этомъ послѣднемъ

---

[1]) Письмо Александра II, имѣющееся въ печати (см. выше, стр. 3), отнюдь не производитъ такого впечатлѣнія; наоборотъ, тонъ его элегическій. Между тѣмъ, нѣмецкій историкъ новѣйшаго времени *Egelhaaf* (стр. 142) находитъ въ двухъ его мѣстахъ угрозы. Одно мѣсто передано такъ: „wenn Deutschland an seiner Weigerung festhalte, bei orientalischen Streitigkeiten seine Stimme ein für allemal im Sinn Russlands abzugeben, so könne der Friede zwischen Deutschland und Russland nicht dauern“, а затѣмъ-де письмо „stellte das deutsche Reich offenbar vor der Wahl, sich entweder zum Schleppträger der russischen Politik in orientalischen Fragen herabzuwürdigen oder sich eines Angriffs zu versehen“. Въ письмѣ на самомъ дѣлѣ Александръ II только говоритъ о своей обязанности обратить вниманіе дяди „sur les tristes conséquences que celà pourrait ammener dans nos rapports de bon voisinage en aigrissant nos deux nations l'une contre l'autre, comme la presse des deux pays commence à le faire“ (это одно мѣсто съ указаніемъ на работу недруговъ, не могущихъ переварить союзъ трехъ императоровъ) и о потребности не скрыть отъ своего дяди „les craintes qui me préoccupent et dont les conséquences pourraient devenir désastreuses pour nos deux pays“ (это—другое мѣсто). Однимъ изъ утвержденій Бисмарка было еще, будто Александръ II въ свое время колебался между войной съ Австріей (для отобранія Галиціи) и войной съ Турціей.

обстоятельствѣ Бисмаркъ, повидимому, умолчалъ въ разговорѣ съ Андраши, сославшись зато на угрозы, съ какими Александръ II обратился къ германскому императору въ своемъ письмѣ. Подготовивъ такимъ образомъ почву, германскій имперскій канцлеръ предложилъ австро-венгерскому министру увѣнчать свою дѣятельность заключеніемъ союза между обѣими имперіями и притомъ не обычнаго международнаго союза, а такого, который былъ былъ бы своего рода ихъ внутреннимъ закономъ, принятымъ германскимъ рейхстагомъ и австро-венгерскими делегаціями и подлежащимъ, въ случаѣ надобности, отмѣнѣ не иначе, какъ тѣмъ же порядкомъ, причемъ этотъ необычный союзъ долженъ былъ быть явнымъ. Это предложеніе ясно обнаруживаетъ всю широту бисмарковскаго замысла въ этомъ дѣлѣ, но Андраши не согласился идти такъ далеко, чтобы превратить габсбургскую монархію въ нѣчто въ родѣ аннекса къ Германской имперіи. Согласіе его простиралось лишь на заключеніе тайнаго договора чисто оборонительнаго характера и на тотъ только случай, если бы на одну изъ договаривающихся державъ напала Россія. Бисмаркъ сразу не посвятилъ Вильгельма I въ сущность этихъ переговоровъ, а Андраши сообщилъ о нихъ Францу-Іосифу, который одобрилъ планъ своего министра, находя, что онъ отнюдь не находится въ противорѣчіи съ политикой охраны мира между тремя имперіями, и даже просилъ своего министра не покидать своего поста до подписанія договора. Гораздо труднѣе было Бисмарку склонить къ новой политической комбинаціи Вильгельма I. Письмо Александра II было представлено, какъ первый шагъ къ разрыву, но получивъ отъ Бисмарка докладъ съ указаніемъ на необходимость союза съ Австро-Венгріей наканунѣ отъѣзда въ Александрово, императоръ телеграфировалъ канцлеру, чтобы безъ предварительнаго съ его стороны утвержденія тотъ не принималъ рѣшенія въ переговорахъ съ Андраши, пославъ вдогонку письмо, гдѣ говорилось, что предложеніе не соотвѣтствуетъ его собственнымъ взглядамъ и что свиданіе въ Александровѣ выяснитъ, дѣйствительно ли это нужно. Бисмаркъ, находившійся тогда въ Вѣнѣ, не скрылъ отъ Андраши, что отъ Вильгельма I согласіе получить будетъ крайне трудно. Самъ онъ этого добивался, письменно настаивая на томъ, чтобы ему были даны полномочія на заключеніе договора— съ перспективою расширить его современемъ въ цѣлую европейскую коалицію противъ Россіи. Старый императоръ возражалъ желѣзному канцлеру, что онъ жестоко ошибается относительно Россіи, какъ это ясно показало александровское свиданіе, и ссылался при этомъ на фразы самого же Бисмарка въ успокоительномъ отвѣтѣ русскому императору. Бисмаркъ настаивалъ, грозя отставкою, и Вильгельмъ I мало-по-малу началъ уступать, хватаясь лишь за разныя ограниченія и ого-

ворки. Полномочія въ концѣ концовъ Бисмарку были даны, но император говорилъ одному изъ приближенныхъ, что поступилъ онъ такъ только скрѣпя сердце, потому что благоразуміе подсказало ему, что нужно послушаться столь вѣрнаго и опытнаго совѣтника, какъ Бисмаркъ.

Въ Вѣнѣ Бисмаркъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ при ликованіи населенія, которому соотвѣтствовалъ во всей монархіи и общій тонъ нѣмецкой и мадьярской прессы. Это была полная побѣда Бисмарка надъ застарѣлымъ недовѣріемъ Франца-Іосифа къ Пруссіи. Австрійскій императоръ долгое время мечталъ о реваншѣ за 1866 г. въ союзѣ сначала со второй имперіей, потомъ съ восточною своей сосѣдкой, но теперь онъ раздѣлялъ убѣжденіе Андраши, что для прочности и благосостоянія его монархіи единственно нуженъ союзъ съ Германіей [1]). Вильгельмъ I соглашался на договоръ безъ упоминанія въ немъ имени Россіи, но и Андраши, и его предполагаемый преемникъ, баронъ Гаймерле, настаивали на томъ, чтобы именно тамъ была названа Россія, дабы не испортить отношеній Австро-Венгріи съ Франціей или Англіей, которыя могли бы подумать, что договоръ имѣетъ въ виду и ихъ. Послѣ долгихъ обсужденій разныхъ политическихъ вопросовъ, касающихся обѣихъ имперій, былъ составленъ проектъ конвенціи между ними, гдѣ говорилось, что обѣ онѣ забстятся прежде всего о своей безопасности и спокойствіи подданныхъ, что цѣль эта будетъ достигнута лучше всего, если между ними установится тѣсное сплоченіе, подобное тому, которое существовало въ Германскомъ союзѣ, и что такое ихъ шествіе рука объ руку только будетъ служить интересамъ европейскаго мира, никому ничѣмъ не угрожая. Если бы на одну изъ нихъ напала Россія, другая должна помочь своей союзницѣ всѣми своими вооруженными силами и безъ нея не заключать мира, тогда какъ въ случаѣ нападенія какой-либо иной державы отъ союзной имперіи требуется только соблюденіе дружественнаго нейтралитета, разъ только нападающей державѣ опять-таки не окажетъ помощь Россія. Для избѣжанія всякихъ лжетолкованій этого договора онъ долженъ былъ храниться въ строжайшемъ

[1]) Ср. то, что объ этомъ говорится въ первой части этого тома (стр. 119—130 и особенно стр. 359—360). Мадьярскіе историки и публицисты очень хвалятъ Андраши за то, что онъ съумѣлъ дать отпоръ Бисмарку и сохранить независимое по отношенію къ нему положеніе, тогда какъ преемники его превратили Австро-Венгрію въ „планету германской солнечной системы“. *Mercator*. Die Nationalitätenfrage und die ungarische Staatsidee (1908), стр. 45 и слѣд. „Unsere Diplomatie wandelt seit Andràssy auf falschen Bahnen“, стр. 48. Ненужно забывать, что Андраши, собственно говоря, только подготовилъ союзъ 1879 г., такъ какъ въ это же самое время онъ вышелъ въ отставку, т. VI, ч. 1, стр. 361—362.

секретѣ и могъ бы быть сообщенъ какой-либо третьей державѣ лишь съ обоюднаго согласія обѣихъ имперій. Надѣясь на миролюбивыя завѣренія русскаго императора въ Александровѣ, договаривавшіяся правительства не должны были ему сообщать объ этомъ соглашеніи, но если бы такая надежда не оправдалась, то долгъ чести заставитъ ихъ сдѣлать Россіи надлежащее предупрежденіе. Францъ-Іосифъ не замедлилъ утвердить договоръ, но Вильгельмъ I, увидѣвъ, что ни одна изъ его оговорокъ не была принята во вниманіе, сначала рѣшился его не утверждать, о чемъ и написалъ Бисмарку, заявивъ, что онъ „неспособенъ на такой предательскій поступокъ", и предложивъ пригласить и Россію къ участію въ договорѣ. Бисмаркъ созвалъ тогда всѣхъ имперскихъ и прусскихъ министровъ и отъ ихъ лица заявилъ Вильгельму I, что всѣ они подадутъ въ отставку, если актъ, столь необходимый для государственной безопасности, не будетъ утвержденъ. Это заявленіе было отправлено въ Баденъ-Баденъ, гдѣ тогда находился императоръ. Кромѣ того, его убѣждалъ не сопротивляться и наслѣдный принцъ. Всѣ новыя предложенія, какія дѣлалъ Вильгельмъ I, чтобы лишить договоръ характера предательства, отвергались Бисмаркомъ и Андраши, несмотря на то, что и Вильгельмъ I грозилъ отреченіемъ отъ престола, когда увидѣлъ, что не помогаютъ ни мольбы, ни слезы, ни заявленія о его нежеланіи себя обезчестить. Въ концѣ концовъ договоръ былъ подписанъ въ началѣ октября 1879 г., и для императора Бисмаркомъ было сочинено письмо къ Александру II, которое онъ, Вильгельмъ I, долженъ былъ собственноручно переписать и послать по адресу. Дѣло въ немъ представлялось такъ, что расторгнутый въ 1866 г. союзъ Пруссіи, Австріи и германскихъ государствъ продолжаетъ жить въ сознаніи нѣмцевъ, и что поэтому рѣшено восполнить пустоту (le vide), образовавшуюся отъ распаденія прежняго союза. Александръ II приглашался одобрить это, какъ укрѣпленіе соглашенія трехъ императоровъ. Къ письму былъ приложенъ не самый договоръ, а составленный Бисмаркомъ и Андраши меморандумъ. На случай запроса со стороны Россіи о подробностяхъ дѣла Бисмаркомъ былъ приготовленъ мемуаръ, гдѣ дѣло представлялось такъ, будто соглашеніе имѣло въ виду помѣшать заключенію союза Австро-Венгріи съ Франціей противъ Германіи, но въ этой объяснительной запискѣ не оказалось никакой надобности, потому что русскій императоръ принялъ все въ письмѣ своего дяди за чистую монету. Отвѣтное письмо, написанное Александромъ II, не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. „Присоединяясь" къ принципамъ, изложеннымъ въ меморандумѣ, и „приступая вслѣдствіе этого къ соглашенію" между обѣими имперіями, онъ „съ удовольствіемъ усматривалъ въ немъ („j'aime à y voir") возвращеніе къ совершенному согласію трехъ императоровъ".

Пожалуй, и въ отвѣтѣ императора, какъ и въ письмѣ, его вызвавшемъ, съ большею обстоятельностью говорилось о русской злобѣ дня, о „панславистскихъ тенденціяхъ" въ прессѣ и о „субверсивныхъ происках нигилистической партіи".—Политическое соглашеніе между Германіей и Австро-Венгріей было дополнено и соглашеніемъ экономическимъ въ смыслѣ торговаго договора, на основаніи котораго обѣ державы стали одна къ другой въ положеніе наиболѣе благопріятствуемой стороны. Бисмаркъ находилъ, что союзъ возстановилъ только то, что уже существовало до 1866 г., но было разрушено вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго Австріей прусской гегемоніи въ Германіи. Теперь старый антагонизмъ между обѣими великими нѣмецкими державами былъ устраненъ, и хорошія отношенія между ними болѣе не нарушались никакими спорными вопросами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ, какъ онъ выражался, вовсе не думалъ совсѣмъ оборвать проволоку, соединяющую Берлинъ съ Петербургомъ. Въ 1884 г. ему удалось устроить какъ-бы возобновленіе союза трехъ императоровъ на свиданіи въ Скерневицахъ (въ Царствѣ Польскомъ) между Вильгельмомъ I, Францемъ-Іосифомъ и Александромъ III, который лично не былъ расположенъ къ Германіи. Вскорѣ отношенія между Германіей и Россіей опять испортились, когда въ руки Александра III въ 1887 г. попали документы, доказывавшіе, что Германія поощряла Фердинанда Кобургскаго занять болгарскій престолъ [1]) вопреки согласію Россіи, но Бисмаркъ убѣдилъ русскаго императора, что документы были злостною поддѣлкою съ цѣлью поссорить Германію съ Россіей. Онъ даже устроилъ на три года особое соглашеніе между обѣими державами въ родѣ, такъ сказать, перестраховки („Rückversicherungsvertrag", какъ его называютъ нѣмцы), въ силу котораго Германія и Россія обязались взаимно дружественнымъ нейтралитетомъ въ томъ случаѣ, если одна изъ нихъ съ какой бы то ни было стороны подвергнется нападенію. Новый договоръ не касался случая, когда сама Россія сдѣлала бы нападеніе, что̀ оставляло въ полной силѣ заключенный въ 1879 г. союзъ съ Австро-Венгріей. Впрочемъ, въ отношеніяхъ между Россіей и ея ближайшими западными сосѣдками все время продолжала оставаться натянутость. Мѣсто, которое занимала Россія въ союзѣ трехъ императоровъ, вскорѣ послѣ его распаденія досталось Италіи.

Италія послѣ 1870 г. долгое время держалась „политики свободныхъ рукъ", не довѣряя Франціи, въ которой велась агитація въ пользу возстановленія папской власти, и не имѣя возможности сблизиться съ союзомъ, въ которомъ участвовала Австрія, ея давнишній

---

[1]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 421.

недругъ [1]). Эта политика свободныхъ рукъ состояла въ томъ, чтобы не связывать себя никакими договорами, которые налагáли бы на Италію какія-либо обязательства, чтобы быть совершенно свободною въ выборѣ линіи поведенія сообразно съ обстоятельствами. Но у этой политики обнаружилась и неудобная сторона, которая заставила Италію въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ отказаться отъ прежней системы и искать вступленія въ союзъ среднеевропейскихъ державъ.

Недовѣріе Италіи къ Франціи прекратилось съ переходомъ власти въ этой странѣ отъ монархистовъ къ республиканцамъ, отъ которыхъ, конечно, папство не могло получить помощь для возвращенія себѣ свѣтской власти надъ Римомъ. Въ Италіи стала обнаруживаться склонность къ сближенію съ Франціей, гдѣ въ свою очередь такіе люди, какъ Гамбетта и Жюль Ферри, считали нужнымъ ладить съ Германіей и даже пользоваться ея содѣйствіемъ въ достиженіи нѣкоторыхъ политическихъ плановъ. Культуркампфъ, который велся въ Германіи въ семидесятыхъ годахъ, очень интересовалъ Гамбетту, видѣвшаго въ клерикализмѣ наиболѣе опаснаго врага республики [2]), и онъ началъ искать сближенія съ Бисмаркомъ черезъ одного своего пріятеля, силезскаго графа Доннерсмарка. Имперскій канцлеръ отклонилъ попытку Гамбетты войти съ нимъ въ непосредственныя сношенія, находя, что время для этого еще не приспѣло, и что самъ Гамбетта этимъ можетъ только себѣ повредить во Франціи. Нѣкоторое сближеніе, происшедшее вскорѣ между Германіей и новымъ папой Львомъ XIII [3]), не особенно благопріятствовало какимъ-либо соглашеніямъ относительно борьбы съ католицизмомъ, но въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ бывшій другомъ Гамбетты Жюль Ферри рѣшился воспользоваться Германіей для укрѣпленія позиціи Франціи на Средиземномъ морѣ посредствомъ захвата Туниса. Именно, онъ сдѣлалъ запросъ въ Берлинѣ, какъ отнеслись бы тамъ къ тому, если бы Франція наказала тунисцевъ за разныя причиненныя ей непріятности, на что Бисмаркъ отвѣтилъ, что лично онъ ничего не имѣетъ возразить противъ завоеванія Туниса, такъ какъ внѣ Европы Франція можетъ-де дѣлать, что ей угодно. Мы еще увидимъ въ другой связи [4]), что Франція очень скоро справилась съ Тунисомъ, и почему къ покоренію ею этой африканской области въ Италіи должны были отнестись съ величайшимъ огорченіемъ. Итальянское правительство обратилось къ Англіи за содѣйствіемъ противъ Франціи, но получило оттуда сухой отвѣтъ: въ Римѣ не знали, что Англія еще ранѣе,

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 323—324.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 213.

[3]) См. т. VI, ч. 1, стр. 263 и слѣд.

[4]) См. ниже, въ слѣдующей главѣ.

чтобы укрѣпить за собою Кипръ, обѣщала Франціи въ видѣ компенсаціи обладаніе Тунисомъ. Таковъ былъ результатъ политики свободныхъ рукъ. Правительство стало тогда увеличивать свои сухопутныя и морскія силы и подумывать о прочномъ союзѣ съ средне-европейскими державами. Сближеніе съ Франціей было оставлено, и приняты были мѣры противъ непріязненнаго по отношенію къ Австріи ирредентизма. За союзъ съ Франціей стояли въ Италіи радикалы и республиканцы, для которыхъ выборы 1882 г. оказались неблагопріятными, что̀ облегчало выполненіе правительственнаго плана относительно вступленія Италіи въ союзъ съ Германіей и Австро-Венгріей, который диктовался также,—думали въ Италіи,—и необходимостью консолидировать монархію противъ республиканцевъ. Обѣ средне-европейскія державы охотно пошли навстрѣчу Италіи, король которой посѣтилъ Франца-Іосифа. Въ 1882 г. австро-германскій союзъ превратился въ „тройственный союзъ", который обезпечивалъ за Германіей Эльзасъ-Лотарингію, за Австро-Венгріей Боснію съ Герцеговиной, за Италіей Римъ. Хотя всѣ члены этого союза должны были поддерживать другъ друга во всѣхъ вопросахъ международнаго характера для укрѣпленія престижа и дѣйствительной силы союза, но его значеніе для Италіи умалялось тѣмъ, что по отношенію къ Средиземному морю Германія и Австро-Венгрія не давали ей никакихъ спеціальныхъ гарантій. Тройственный союзъ на долгое время сдѣлался самою значительною политическою силою въ Европѣ [1]).

Первенствующую роль въ тройственномъ союзѣ, разумѣется, продолжала играть Германія, канцлеръ которой попрежнему держалъ

---

[1]) Военныя силы тройственнаго союза въ самомъ концѣ XIX в. опредѣлялись въ тысячахъ человѣкъ такимъ образомъ:

	Германія.	Австро-Венгрія.	Италія.	Итого.
Въ мирное время	521	317	249	1023
Въ военное время	2370	1159	1164	4693

Одновременно съ этимъ силы позднѣе вступившихъ между собою въ союзъ Россіи и Франціи представлялись въ такомъ видѣ:

	Россія.	Франція.	Итого.
Въ мирное время	946	552	1498
Въ военное время	2729	2005	4734

Изъ этого сопоставленія видно, что силы тройственнаго и франко-русскаго союзовъ были въ то время на случай войны приблизительно одинаковы. Заключеніе тройственнаго союза немало содѣйствовало дальнѣйшему развитію милитаризма. Ср. т. VI, ч. 1, стр. 124—125 и 127, а также въ дальнѣйшихъ главахъ, гдѣ говорится о ростѣ вооруженій въ концѣ XIX вѣка.

въ своихъ рукахъ всѣ нити европейской политики. По отношенію къ территоріи и ко внѣшнему могуществу Бисмаркъ считалъ Германію вполнѣ „насыщенной“ (saturiert), но лишь въ самой Европѣ, которою до начала восьмидесятыхъ годовъ германская политика только интересовалась. Бисмаркъ приписывалъ „необычайной мѣрѣ глупости и извращенія правды (Verlogenheit) въ общественномъ мнѣніи и печати Россіи“ предположеніе, что у Германіи есть аггрессивныя тенденціи, выразившіяся въ тройственномъ союзѣ. Извращеніе истины, или умышленную лживость онъ ставилъ въ вину польско-французскимъ интригамъ, глупости приписывалъ чисто мѣстное происхожденіе. Каковы бы ни были цѣли бисмарковской политики, ея интересы ограничивались предѣлами Европы во весь этотъ „классическій“, какъ охотно выражаются нѣмцы, періодъ дѣятельности „создателя германскаго единства“. Такимъ же оставалось и направленіе германской политики въ первые годы послѣ отставки Бисмарка въ 1890 г. Основными чертами политики Бисмарка въ эпоху тройственнаго союза были натянутыя отношенія къ Россіи, полная отчужденность по отношенію къ Франціи и неблагопріятное настроеніе по отношенію къ Англіи. Тогда, въ бисмарковское время, у Германіи еще не было такихъ матеріальныхъ интересовъ, которые могли бы приводить ее во враждебныя столкновенія съ Англіей: извѣстная непріязнь къ ней въ Германіи вытекала лишь изъ того, что эта ближайшая сосѣдка Франціи очень плохо соблюдала нейтралитетъ, обѣщанный ею Германіи, снабжая Францію оружіемъ, и что вообще англичане держали себя высокомѣрно по отношенію къ нѣмцамъ по старой памяти о тѣхъ временахъ, когда Германія была политическимъ и экономическимъ ничтожествомъ. Только либеральные круги уважали Англію, какъ образцовое конституціонное государство, но бо̀льшая часть націоналистической прессы въ Германіи только и твердила о грубой и вѣроломной политикѣ Англіи. Однако, никакой тогда англо-германской войны не предвидѣлось, и при заключеніи тройственнаго союза Англія совсѣмъ не имѣлась въ виду: опасными для Германіи считались только Россія и Франція. И возникшій, уже послѣ отставки Бисмарка, въ противовѣсъ тройственному союзу союзъ франко-русскій имѣлъ въ виду исключительно европейскія отношенія. Переходъ Германіи къ міровой политикѣ явленіе болѣе позднее.

Тройственный союзъ, объединявшій всю центральную Европу отъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей на сѣверѣ и Средиземнаго и Адріатическаго на югѣ, при изолированности, въ какой очутились двѣ остальныя великія державы материка, представлялъ собою самое большое политическое могущество этой эпохи. Къ этой силѣ стали тяготѣть по тѣмъ или другимъ причинамъ болѣе мелкія политиче-

скія единицы, и съ отдѣльными членами союза начали сближаться, какъ Англія, такъ и Россія, именно Англія—сначала съ Италіей, разссорившись съ Франціей и Россіей изъ-за своихъ внѣевропейскихъ отношеній [1]), потомъ съ Германіей, которой даже возвратила о-въ Гельголандъ, захваченный въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, а Россія—съ Германіей вслѣдствіе дурныхъ своихъ отношеній къ Англіи. Даже Франція для устройства своихъ африканскихъ дѣлъ тоже пошла на сближеніе съ Германіей [2]). Свою силу тройственный союзъ обнаруживалъ въ теченіе всѣхъ восьмидесятыхъ годовъ. Когда въ 1885 г. Восточная Румелія вопреки берлинскому конгрессу присоединилась къ Болгаріи [3]), великія державы отказались признать этотъ переворотъ законнымъ, но это не помѣшало Австро-Венгріи прямо взять объединенную Болгарію подъ свое покровительство, къ величайшему неудовольствію русскаго императора. Въ Россіи печать опять заговорила въ тонѣ весьма враждебномъ по отношенію къ Австро-Венгріи и Германіи, а одновременно съ этимъ и во Франціи стала шумливо проявлять себя лига патріотовъ, взывавшая къ реваншу [4]). Два незначительныхъ пограничныхъ инцидента, арестъ германскими властями на французской границѣ нѣкоего Шнебеля, по должности французскаго полицейскаго коммиссара, и убійство на французской территоріи германскимъ солдатомъ француза-охотника, были раздуты въ общественномъ мнѣніи и въ печати до размѣровъ событій, за которыми неминуемо должна была начаться война. Воинственное настроеніе и во Франціи, и въ Германіи во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, о которомъ рѣчь еще впереди [5]), было дѣйствительною угрозою европейскому миру, и это тогда Бисмаркъ сказалъ свое знаменитое: „мы, нѣмцы, боимся Бога и больше ничего на свѣтѣ", а также опубликовалъ содержаніе австро-германскаго договора 1879 г. (1888), что, однако, не повлекло за собою отмѣны русско-германскаго договора о нейтралитетѣ, срокъ котораго оканчивался лишь въ 1890 г. [6]).

Улучшившіяся—было на нѣкоторое время въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ русско-германскія отношенія во второй половинѣ этого десятилѣтія настолько испортились, что въ Берлинѣ начался настоящій походъ противъ русскихъ бумажныхъ цѣнностей на германскихъ биржахъ, и усиленная продажа большого количества русскихъ процентныхъ бумагъ ихъ владѣльцами, наносила ущербъ русскому

[1]) Изъ-за Египта, Индо-Китая и Афганистана, о чемъ въ слѣд. главѣ.
[2]) См. о берлинской конференціи въ слѣд. главѣ.
[3]) См. т. VI, ч. 1, стр. 421.
[4]) См. ниже, въ главѣ XVI.
[5]) См. главы XV и XVI.
[6]) См. выше, стр. 10.

государственному кредиту и поселяла тревогу относительно прочности мира. Россія была изолирована, и въ 1889 г. Александръ III констатировалъ это, сказавъ, на придворномъ обѣдѣ въ честь пріѣхавшаго въ Россію черногорскаго князя, что этотъ государь является „единственнымъ дѣйствительнымъ другомъ Россіи"; это даже отразилось на временномъ паденіи курса русскаго бумажнаго рубля. Столь же изолированною въ эти годы силы тройственнаго союза чувствовала себя и Франція.

Во Франціи, кромѣ стремленія къ реваншу, немалую роль играла и боязнь новой войны съ Германіей, какъ это показалъ извѣстный инцидентъ 1875 г. [1]). Французы не безъ боязни за очень близкое будущее отмѣчали, что въ ростѣ своего населенія Германія [2]) сильно обгоняетъ ихъ отечество. Ежегодный приростъ во Франціи былъ довольно незначителенъ, да и то отчасти былъ обязанъ происхожденіемъ переселенцамъ изъ Бельгіи и Италіи [3]). Въ 1870 г. населеніе Франціи и Германіи въ смыслѣ численности было почти одинаково (по 40 приблизительно милліоновъ), но въ 1871 г. Франція лишилась двухъ провинцій, гдѣ приростъ населенія, — не такъ, какъ въ другихъ ея частяхъ, — былъ вообще нормальнымъ; безъ нихъ въ 1872 г. она имѣла жителей только 36,1 милліоновъ. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ начала войны Германія уже насчитывала около 50 милліоновъ жителей, Франція—съ небольшимъ 38 милліоновъ, что составляетъ цифру, какая была передъ войной. Франція должна была увеличивать свою армію въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ германской, а это было трудно, разъ Германія обгоняла въ смыслѣ роста населенія. Осенью 1886 г. Бисмаркъ потребовалъ у рейхстага усиленія германской арміи въ мирное время съ 427 т. до 468 т., т.-е. на 41 т. человѣкъ, другими словами безъ малаго на 10%. „Ни одна газета, сказалъ онъ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ въ началѣ 1887 г., ни одинъ голосъ во Франціи не отказались отъ Эльзасъ-Лотарингіи, и каждую минуту тамъ можетъ очутиться у власти правительство, которое начнетъ войну. Она можетъ вспыхнуть черезъ десять лѣтъ или черезъ десять дней, мы не знаемъ. Въ сравненіи съ этою войною та, которая была въ 1870 г., будетъ дѣтскою забавою (Kinderspiel). Каждая сторона будетъ стре-

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 120—122

[2]) О ростѣ населенія Германіи см. въ слѣд. главѣ.

[3]) *J. Bertillon.* Le problème de la dépopulation (1897).—*С. Ан—скій.* Къ вопросу о народонаселеніи во Франціи („Рус. Мысль" за 1897 г., іюль).— *Bonvalot.* Sommes-nous en décadence? (1898; изд. 4).—*H. Bérenger.* La conscience nationale (1898).—*E. Levasseur.* La population française (1889—92).—*Его же.* Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième republique (1907), стр. 280—295: „Population française".—*M. Piot.* La dépopulation, enquête personnelle (1902).—*I. Гольдштейнъ.* Проблемы населенія во Франціи (1903) и др.

миться къ тому, чтобы saigner à blanc другую, выпустить изъ нея всю кровь (ihm solange zur Ader zu lassen, bis die Blutleere eintritt), дабы ниспровергнутый врагъ не могъ подняться на ноги и тридцать лѣтъ не могъ подумать о возможности снова помѣриться съ побѣдителемъ". Въ 1888 г. Бисмаркъ предложилъ еще и реформу ландвера перечисленіемъ въ него изъ ландштурма всѣхъ старше 33 и моложе 39 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы въ ландштурмѣ были люди 40—45-лѣтняго возраста. Защищалъ онъ необходимость этого закона ссылкою на существованіе воинственныхъ стремленій во Франціи и въ Россіи, и говорилъ, что съ принятіемъ этого закона Германія будетъ въ состояніи выставить на каждой своей границѣ по милліону солдатъ: это было бы равносильно тому, какъ если бы къ тройственному союзу присоединилась еще одна великая держава съ арміей въ 700 т. человѣкъ. Затронь только Германію, и вся страна отъ Мемеля до Боденскаго озера взорвется, какъ пороховая мина, и покажетъ, что такое — furor tentonicus!

Такъ продолжалось до отставки Бисмарка уже при Вильгельмѣ II въ 1890 г. Причины послѣдней, какъ мы увидимъ [1]), лежали не во внѣшней, а во внутренней его политикѣ, тѣмъ не менѣе въ общемъ направленіи первой началось извѣстное измѣненіе, которое заключалось въ томъ, что, кромѣ европейскихъ интересовъ, у Германіи явились интересы и міровые. Вскорѣ послѣ отставки Бисмарка, въ томъ же 1890 г., между Германіей и Англіей состоялось соглашеніе по дѣламъ африканскимъ [2]), — давшее, между прочимъ, первой изъ нихъ о-въ Гельголандъ на Нѣмецкомъ морѣ,—и чувствовалось, что сближеніе между этими двумя державами не должно пройти безслѣдно и для Европы. Недаромъ молодой императоръ въ своихъ застольныхъ рѣчахъ,—къ которымъ съ самаго начала обнаружилъ склонность, — заговаривалъ и о братствѣ по оружію между нѣмцами и англичанами при Ватерлоо въ прошломъ и о совмѣстной защитѣ мира англійскимъ флотомъ и германской арміей въ будущемъ. Объ одной такой рѣчи Мольтке даже высказался, что ей не слѣдовало бы появляться въ газетѣ. По тогдашнему настроенію Вильгельма II можно было думать, что защищать миръ, по его мнѣнію, предстояло противъ Россіи. Новый имперскій канцлеръ, Каприви, нашелъ, что заключенный Бисмаркомъ „Rückversicherungsvertrag" [3]) съ Россіей не соотвѣтствуетъ австро-германскому союзу, а потому отказался его возобновить по истеченіи его срока, а это въ Петербургѣ было понято въ томъ смыслѣ, что Германія болѣе не намѣрена придерживаться дружественнаго нейтралитета при

---

[1]) См. ниже, въ главѣ XV.

[2]) См. въ слѣд. главѣ.

[3]) См. выше, стр. 10 и 14.

какомъ бы то ни было случаѣ нападенія на Россію. Если только рѣчь Вильгельма II объ англо-германскомъ военномъ братствѣ сдѣлалась тогда же извѣстною въ Петербургѣ, то она могла только усилить непріятное впечатлѣніе отъ отказа возобновить „перестраховку“ мирныхъ отношеній. Наконецъ, тогда же началось заигрываніе Берлина съ поляками [1]), въ которыхъ Каприви видѣлъ какъ бы аванпостъ противъ Россіи. Все это и склонило русскаго императора къ сближенію съ Франціей, состоявшемуся въ 1891 г.

Объ этомъ франко-русскомъ союзѣ въ свое время написано было очень много, и публицисты, писавшіе на тему, искали для этой новой международной комбинаціи не только политическихъ основаній, но и историческихъ прецедентовъ, пускаясь даже въ такую археологію, какою былъ когда-то, въ XI в., бракъ одного изъ первыхъ капетингскихъ королей съ русскою княжною, дочерью Ярослава Мудраго. Прецеденты, дѣйствительно, были и указывали на то, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ обоюдная политическая выгода заставляла оба государства искать сближенія между собою для солидарнаго выступленія въ разрѣшеніи международныхъ вопросовъ, стоявшихъ въ то или другое время на очереди. Чтобы не заходить слишкомъ далеко, вспомнимъ только факты изъ исторіи XIX в., когда Наполеонъ I дѣлилъ съ Александромъ I власть надъ міромъ [2]), когда о союзѣ съ Россіей хлопоталъ министръ Людовика XVIII Ришелье, самъ раньше бывшій на русской службѣ [3]), когда, наконецъ, союзъ и налаживался на самомъ дѣлѣ между Карломъ X и Николаемъ I въ министерство Полиньяка [4]). Послѣ 1830 г. мысль о союзѣ болѣе не возобновлялась. Іюльская революція и послѣдовавшее за нею польское возстаніе заставили Николая I вернуться къ комбинаціи священнаго союза, который передъ 1830 г. трещалъ уже чуть не по всѣмъ швамъ [5]), и, разумѣется, не при „королѣ баррикадъ“, Людовикѣ-Филиппѣ, не при второй республикѣ, не при Наполеонѣ III,—которому Николай I не хотѣлъ дать титула своего „брата“ и который составилъ коалицію противъ Россіи, а впослѣдствіи повелъ еще кампанію въ защиту Польши,—можно было думать, чтобы русское правительство пришло къ мысли о союзѣ съ Франціей. Когда Наполеонъ III палъ и во Франціи установилась республика, лучшимъ средствомъ обезпечить мирное развитіе Европы было признано со стороны Россіи возстановить тѣсную связь съ Пруссіей и Австріей, что и выразилось въ политикѣ союза трехъ импера-

---

[1]) См. ниже, въ гл. XV.
[2]) Т. IV, стр. 151—152.
[3]) Т. IV, стр. 401.
[4]) Т. V, стр. 13—14.
[5]) Т. V, стр. 63, 70—72.

торовъ. Съ французской стороны послѣ 1830 г. тоже не могло быть желанія входить въ какія-либо прочныя соглашенія съ Россіей. Русское государственное устройство слишкомъ далеко отстояло отъ того, что во Франціи считалось политической нормою даже при Наполеонѣ III, а польскія возстанія 1830 и 1863 гг., пользовавшіяся большимъ сочувствіемъ французовъ, еще больше отчуждали ихъ отъ Россіи. Въ отдѣльныхъ случаяхъ временно русская и французская политика еще могли поддерживать одна другую, но до единенія отсюда было еще далеко. Когда началась франко-германская война, сочувствіе русскаго общества,—особенно послѣ паденія Наполеона III,—рѣшительно было на сторонѣ Франціи вопреки правительству, въ которомъ господствовало, наоборотъ, пруссофильское настроеніе и которое потомъ само примкнуло къ союзу, образовавшемуся подъ гегемоніей побѣдителей Франціи. Общественное мнѣніе въ Россіи было расположено къ Франціи и послѣ 1871 г., да и въ самой Франціи стали присматриваться къ Россіи, какъ къ державѣ, единственно, пожалуй, способной быть надежною опорою въ положеніи, въ какомъ она, Франція, очутилась послѣ образованія Германской имперіи. Главнымъ основаніемъ франкофильскихъ теченій въ русскомъ обществѣ было то вліяніе французской культуры, подъ которымъ находилось русское общество, а потомъ уже шли политическія соображенія о полезности французскаго союза, располагавшія къ нему и такихъ, напр., публицистовъ, которые не очень-то сочувствовали общему характеру французской цивилизаціи. У французовъ, когда среди нихъ стала зрѣть мысль о русскомъ союзѣ, имѣла силу исключительно утилитарная точка зрѣнія, изолированное положеніе въ Европѣ, страхъ передъ Германіей, желаніе имѣть союзниковъ, которые ихъ защитили бы въ бѣдѣ и, можетъ быть,—какъ тоже вѣдь многимъ представлялось,—помогли бы вернуть Эльзасъ и Лотарингію. Какъ бы то ни было между русскими и французами какъ бы устанавливалась извѣстная взаимность, возникало сознаніе общности интересовъ. Иногда оно даже проявлялось въ такихъ формахъ, что выраженія этого обоюднаго тяготѣнія другъ къ другу производили сильную сенсацію, какъ это было, напр., съ заявленіями Гамбетты и Скобелева въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ [1]).

[1]) О Гамбеттѣ см. ниже, въ главѣ XVI. Что касается до Скобелева (Мих. Дм., одного изъ видныхъ дѣятелей войны 1877—78 г.), то онъ на одномъ военномъ праздникѣ въ началѣ 1882 г. произнесъ славянофильскую рѣчь, вызвавшую страшное раздраженіе въ Германіи и въ Австріи и вообще надѣлавшую много шума. Вскорѣ послѣ этого онъ поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ произнесъ еще нѣсколько очень задорныхъ словъ въ отвѣтъ на привѣтственный адресъ сербской молодежи, учащейся въ Парижѣ, что тоже вызвало большую сенсацію, заставившую русское правительство сократить срокъ заграничнаго отпуска Скобелева.

Среди государственныхъ людей Франціи особенно стремился расположить Россію въ пользу своего отечества дальновидный Жюль-Ферри, исходившій изъ того соображенія, что въ качествѣ соперницъ Англіи въ Европѣ, въ Египтѣ, въ Средней Азіи, въ Китаѣ, на Тихомъ океанѣ Россія и Франція имѣютъ общіе интересы, и потому онъ еще въ 1886 г. хлопоталъ о томъ, чтобы Россія получила мѣсто въ международной коммиссіи египетскаго долга и съ другими державами гарантировала египетскій заемъ, заключенный въ указанномъ году. Когда произошло очевидное сближеніе между Германіей и Англіей въ 1890 г., сближеніе Россіи и Франціи, такъ сказать, напрашивалось само собою.

Въ іюлѣ 1891 г. Кронштадтъ посѣтила французская эскадра подъ начальствомъ адмирала Жервэ, причемъ послѣдній съ большимъ почетомъ былъ принятъ въ Петербургѣ, а императоръ Александръ III посѣтилъ адмиральское судно „Маренго" и даже стоя и съ непокрытою головою слушалъ, какъ играли національный французскій гимнъ, пѣснь великой революціи, Марсельезу. Президенту Французской республики по случаю этого посѣщенія Александромъ III была послана телеграмма, гласившая о глубокихъ симпатіяхъ, существующихъ между Франціей и Россіей. Въ октябрѣ 1893 г. послѣдовалъ отвѣтный визитъ русской эскадры въ Тулонъ, откуда часть нашихъ моряковъ ѣздила въ Парижъ, принявшій ихъ съ необычайнымъ восторгомъ и ознаменовавшій ихъ пріѣздъ рядомъ торжествъ. По этому случаю между русскимъ государемъ и главою французскаго государства произошелъ обмѣнъ телеграммъ, въ которыхъ снова говорилось о тѣсныхъ узахъ между обѣими націями. Какое соглашеніе состоялось между правительствами этихъ двухъ государствъ, никому не было извѣстно,—дѣло держалось въ строжайшей тайнѣ,—но общее убѣжденіе было то, что Франція и Россія прочно связаны одна съ другою. За нѣкоторыми исключеніями общественное мнѣніе обѣихъ странъ отнеслось весьма сочувственно къ тому, что стали называть „alliance franco-russe" [1]), и русскій заемъ во Франціи имѣлъ весьма большой успѣхъ, что тоже играло извѣстную роль въ новой политической комбинаціи, особенно въ виду недоброжелательнаго отношенія Берлина къ русскому госу-

---

[1]) Слово „союзъ" (alliance) долго оффиціально не произносилось. Въ императорской телеграммѣ президенту Карно по случаю кронштадтскихъ торжествъ 1891 г. говорилось о „симпатіи, связывающей Францію съ Россіей", и еще въ 1895 г. французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото въ одной рѣчи въ палатѣ депутатовъ употребилъ только выраженіе „entente" (соглашеніе). Но въ томъ же самомъ 1895 г. министръ-президентъ Рибо назвалъ уже взаимныя отношенія обоихъ государствъ „союзомъ", хотя и послѣ этого долго еще обѣ стороны какъ-то избѣгали употреблять слово „alliance".

дарственному кредиту. И Францiя, и Россiя продолжали держаться состоявшагося между ними соглашенiя, вслѣдствiе чего новый союзъ сдѣлался серьезнымъ противовѣсомъ тройственному союзу средне-европейскихъ державъ. Перемѣна царствованiя въ Россiи въ 1894 г. и всѣ внутреннiя измѣненiя, какiя послѣ 1893 г. происходили во Францiи, не поколебали его существованiя. Въ концѣ второго года своего царствованiя (1896) императоръ Николай II посѣтилъ Парижъ, гдѣ была приготовлена ему торжественная встрѣча, показывавшая, какъ Францiя и ея столица цѣнятъ русскую дружбу, а въ слѣдующемъ году (1897) послѣдовалъ отвѣтный визитъ въ Петербургъ президента республики Феликса Фора, прiемъ котораго русскою столицею тоже свидѣтельствовалъ, что и въ Россiи французская дружба пользуется популярностью. На этотъ разъ впервые оффицiально было заявлено о существованiи настоящаго союза. Въ своемъ прощальномъ тостѣ на броненосцѣ Потюо Феликсъ Форъ назвалъ Россiю и Францiю „двумя соединенными и союзными нацiями" (deux nations unies et alliées), на что императоръ Николай II отвѣчалъ тостомъ, въ которомъ тоже было сказано о закрѣпленiи узъ „между двумя дружественными и союзными нацiями" (deux nations amies et alliées). Послѣ этого неразъ еще оффицiально подтверждалось существованiе союза [1]).

Вся международная политика послѣдняго десятилѣтiя XIX в. опредѣляется соперничествомъ между союзами тройственнымъ въ центрѣ Европы и франко-русскимъ на ея западномъ и восточномъ флангахъ. Оба союза оправдывали свое существованiе необходимостью поддерживать миръ въ Европѣ, хотя каждый изъ нихъ заподозрѣвалъ другой въ аггресивныхъ замыслахъ, и это соперничество, дѣйствительно, поддерживало европейскiй миръ. Опираясь другъ на друга, Францiя и Россiя могли теперь дѣйствовать самостоятельнѣе въ вопросахъ внѣшней политики. Когда на Дальнемъ Востокѣ произошла война между Японiей и Китаемъ и побѣда склонилась на сторону первой, рѣшительное франко-русское вмѣшательство заставило японцевъ умѣрить свои требованiя, и къ политикѣ обѣихъ державъ присоединилась сама Германiя (1895). Около того же времени въ Турцiи произошло страшное избiенiе армянъ, напомнившее дни болгарскихъ ужасовъ; на этотъ разъ Англiя предложила произвести европейское вмѣшательство, но въ планы русской политики теперь не входило

---

[1]) Въ 1898 г. это было сдѣлано французскимъ министромъ-президентомъ Дюпюи въ его програмной рѣчи 4 ноября. Союзными нацiями названы были Россiя и Францiя и въ императорской телеграммѣ президенту республики Лубе по поводу открытiя памятника Карно. То же значенiе имѣла вторичная поѣздка русской императорской четы во Францiю въ 1901 г. и отвѣтный визитъ Лубе въ Россiю.

снова поднимать восточный вопросъ, и вслѣдствіе несогласія съ русской стороны, поддержаннаго Франціей, англійское предложеніе не имѣло успѣха. Германія и Австрія тоже были далеки отъ намѣренія повторить неудачную европейскую кампанію 1875—77 г., и потому изъ всего этого ничего не вышло—къ новому торжеству европейскаго мира, но цѣною сохраненія въ Турціи старыхъ порядковъ. Такой исходъ турецкихъ событій 1895—96 гг. содѣйствовалъ усиленію русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, и тогда же произошло примиреніе Россіи съ Болгаріей, князь которой, Фердинандъ Кобургскій, отказался отъ своей прежней антирусской политики и поэтому былъ признанъ въ своемъ званіи и со стороны Россіи.

Существованіе двухъ союзовъ не мѣшало частнымъ соглашеніямъ между отдѣльными государствами, принадлежащими къ разнымъ лагерямъ. Къ числу такихъ частныхъ соглашеній относится и то, которое состоялось между Россіей и Австріей относительно Балканскаго полуострова [1]).

Миролюбивыя стремленія послѣднихъ лѣтъ XIX в. нашли выраженіе въ совершенно для всѣхъ неожиданномъ заявленіи русскаго правительства относительно средствъ для поддержанія всеобщаго мира. 12 (24) августа 1898 г. русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, по повелѣнію императора Николая II, обратился ко всѣмъ иностраннымъ посланникамъ въ Петербургѣ съ особымъ циркуляромъ, въ которомъ говорилось слѣдующее: „Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготѣющихъ надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ. Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны

---

[1]) Рѣчь идетъ о событіяхъ уже начала XX в. Въ концѣ 1902 г. русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Ламсдорфъ, посѣтилъ Сербію, Болгарію и Австро-Венгрію, чтобы добиться соглашенія по поводу возстанія въ Македоніи противъ турецкаго владычества. Въ началѣ 1903 г. Россія и Австро-Венгрія предъявили турецкому правительству ноту о необходимости введенія реформъ въ Македоніи, а осенью того же года на свиданіи русскаго и австрійскаго императоровъ въ Мюрцштегскомъ охотничьемъ замкѣ между обоими правительствами было заключено соглашеніе относительно общаго образа дѣйствій по отношенію къ Турціи. Начало такой политикѣ было положено еще въ девяностыхъ годахъ XIX в., въ основѣ же ея лежала идея неприкосновенности Оттоманской имперіи.

потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути... Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства отвратить угрожающія всему міру несчастья—таковъ высшій долгъ для всѣхъ государствъ". Во имя этого долга русское правительство и обращалось къ другимъ правительствамъ „съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи: съ Божіей помощью, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка". Никто не сомнѣвался въ томъ, что эта декларація, своимъ тономъ напоминавшая благія пожеланія Священнаго союза, дѣйствительно, имѣла своимъ иниціаторомъ русскаго государя, но къ ней отнеслись безъ достаточнаго довѣрія, съ одной стороны, вслѣдствіе сильнаго сомнѣнія въ осуществимости выраженныхъ въ ней пожеланій, съ другой, въ виду того, что сама Россія тѣмъ не менѣе все-таки продолжала свои вооруженія. Пріемъ, какой встрѣтило русское предложеніе въ Западной Европѣ, былъ поэтому довольно холоднымъ—и въ правительственныхъ кругахъ, да и въ общественномъ мнѣніи также. Русскому правительству пришлось въ очень непродолжительномъ времени нѣсколько измѣнить свои первоначальныя предложенія, хотя и безъ отказа отъ основной мысли. Во второмъ русскомъ циркулярѣ отъ 30 декабря 1898 г. (11 января 1899 г.) указывалось на то, что, несмотря на сочувственное отношеніе правительствъ и общественнаго мнѣнія къ идеѣ мирной конференціи, „многія государства приступили къ новымъ вооруженіямъ, стараясь въ еще большей мѣрѣ развить свои военныя силы".

Послѣ того, какъ состоялось соглашеніе отдѣльныхъ правительствъ относительно мѣста конференціи, каковымъ была выбрана Гаага, нидерландское правительство обратилось съ приглашеніемъ на конференцію не только къ европейскимъ государствамъ и къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, но и къ такимъ, какъ Персія, Сіамъ, Китай и Японія. Цѣлью совѣщаній объявлялось „изыскать дѣйствительныя средства, чтобы обезпечить за народами прочный миръ и положить предѣлъ постоянному возрастанію военныхъ вооруженій". Засѣданія гаагской мирной конференціи, въ которой участвовало 98 уполномоченныхъ отъ 26 государствъ подъ предсѣдательствомъ русскаго посла въ Лондонѣ, барона Стааля, начались 18 мая 1899 г. и окончились только почти черезъ два съ половиной мѣсяца (29 іюля). Результаты конференціи совсѣмъ не соотвѣтствовали первоначальному широкому замыслу, и какъ конвенціи, такъ и необязательныя деклараціи, выработанныя конференціей и включенныя въ ея общій заключительный протоколъ, имѣли за себя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лишь очень слабое большинство уполномоченныхъ, да и

нуждались еще въ согласіи самихъ правительствъ. Три конвенціи, состоявшіяся въ Гаагѣ, касались мирнаго улаженія международныхъ недоразумѣній, способовъ веденія сухопутной войны и распространенія женевской конвенціи 1864 г. на морскую войну, три деклараціи высказывались противъ употребленія на войнѣ извѣстныхъ взрывчатыхъ веществъ, снарядовъ и другихъ боевыхъ средствъ, а пять пожеланій говорили объ ограниченіи военныхъ приготовленій, установленіи правъ и обязанностей нейтральныхъ государствъ, охранѣ частной собственности въ морской войнѣ и др. предметахъ, подлежавшихъ обсужденію на слѣдующей конференціи. Наиболѣе важное значеніе изъ всѣхъ этихъ результатовъ имѣетъ конвенція о мирномъ улаженіи международныхъ недоразумѣній третейскимъ судомъ, но пока еще практическія примѣненія этой конвенціи были очень рѣдки [1]). Конференція не предотвратила ни войны англичанъ съ бурами, ни русско-японской войны, какъ не уменьшила, равнымъ образомъ, и роста вооруженій.

Разсматривая международныя отношенія послѣдней трети XIX в., мы совершенно не касались одной важной ихъ стороны, которой посвящается цѣлая глава, непосредственно слѣдующая за настоящею. Дѣло въ томъ, что взаимныя отношенія европейскихъ державъ часто опредѣлялись ихъ внѣ-европейскими, колоніальными интересами, и что, въ свою очередь, эти отношенія тоже такъ или иначе отражались на положеніи отдѣльныхъ странъ во внѣ-европейскихъ ихъ владѣніяхъ. Примѣровъ этого исторія знаетъ немало со времени борьбы, которую Голландія въ концѣ XVI в. вела съ Испаніей, когда стала овладѣвать ея тогдашними колоніями [2]). Въ ближайшія къ намъ времена особое значеніе въ исторіи международныхъ отношеній получилъ колоніальный вопросъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Можно сказать, что берлинскій конгрессъ 1878 г. былъ кульминаціонною точкою старой политической системы шести (раньше до объединенія Италіи пяти) великихъ европейскихъ державъ [3]), потому что потомъ произошло расширеніе исторической сцены, на которой стало развиваться соперничество уже „міровыхъ державъ“ (Weltmächte, puissances mondiales). По своему географическому положенію въ новой комбинаціи первое мѣсто заняли Англія и Россія, а внѣ Европы Соединенные Штаты Сѣверной Америки, послѣднее — Италія и Австро-Венгрія, середину—Германія и Франція. Новымъ въ исторіи колоніальной политики европейскихъ державъ было то, что Германія и Италія, не имѣвшія во времена своей раздробленности колоній, тоже послѣ

---

[1]) Относящіеся къ этому случаи принадлежатъ уже исторіи XX столѣтія.
[2]) Т. II, стр. 315. Другіе случаи указаны въ слѣдующей главѣ.
[3]) Объ этомъ понятіи пяти великихъ державъ см. т. IV, стр. 321.

своего объединенія стали стремиться,—хотя и далеко съ неодинаковымъ успѣхомъ,—къ обладанію внѣ-европейскими странами, а это не могло, между прочимъ, не отразиться и на внутренней исторіи обоихъ этихъ государствъ.

XIV. Колоніальныя предпріятія европейскихъ державъ въ концѣ XIX в. [1]).

Общій взглядъ на исторію колоніальной политики западно-европейскихъ государствъ. — Колоніальныя націи: португальцы, испанцы, голландцы, англичане и французы. — Англо-французское соперничество изъ-за колоній. — Положеніе Франціи и Англіи въ другихъ частяхъ свѣта передъ 1870 г. — Новый фазисъ въ исторіи колоніальной политики въ восьмидесятыхъ годахъ XIX в. — Англійскій имперіализмъ. — Новыя пріобрѣтенія англичанъ въ другихъ частяхъ свѣта въ концѣ XIX в. — Англійское отношеніе метрополіи къ колоніямъ. — Колоніальная политика Франціи при третьей республикѣ. — Начало и быстрые успѣхи колоніальной политики Германской имперіи. — Неудачное выступленіе Италіи на путь колоніальной политики. — Образованіе государства Конго. — Международныя соглашенія по колоніальнымъ дѣламъ.

Очеркъ колоніальной политики европейскихъ державъ въ концѣ XIX в. намъ приходится начать издалека—съ эпохи великихъ геогра-

---

[1]) Литература о колоніяхъ громадна, и мы ограничимся изъ нея лишь самымъ важнымъ (болѣе общимъ) и наиболѣе новымъ. Работы чисто историческаго содержанія или съ очень большою долею историчности можно раздѣлить на общія исторіи колонизаціи, на исторіи колонизаціи у отдѣльныхъ націй (англичанъ, французовъ, нѣмцевъ и т. д.), на исторіи отдѣльныхъ колоній (напр., англійскаго Капланда, французскаго Алжира, германскаго Камеруна и т. п.) и на исторіи отдѣльныхъ эпизодовъ (наприм., войнъ англичанъ съ бурами, экспедиціи Маршана и фашодскаго инцидента). Понятно, что въ дальнѣйшемъ указываются книги главнымъ образомъ первыхъ двухъ категорій и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ двухъ послѣднихъ. О колоніяхъ существуетъ еще географическо-этнографическая литература и экономико-статистическая (съ общетеоретическою оцѣнкою значенія колоній), которой мы здѣсь почти не касаемся (соч. *Roscher und Jannasch*, *Schäffle*, *Ives Guyot*, статья *Hasse* въ „Handwörterbuch'ѣ“ *Конрада* и *Лексиса*). Изъ сочиненій вообще по исторіи колоній указываемъ только: *P. Leroy-Beaulieu*. De la colonisation chez les peuples modernes (1887; есть рус. перев.). — *Zimmermann*. Kolonialgeschichtliche Studien (1895). — *К. Каутскій*. Колоніальная политика въ прошломъ и настоящемъ (1900).—*D. Schäfer*. Kolonial-Geschichte (1906; небольшой общій очеркъ, входящій въ составъ „Sammlung Göschen“).—*A. G. Keller*. Colonization (1908).— Какъ общій обзоръ исторіи колоніальной политики за 1870—1900 гг., заключающій въ себѣ около 170 стр., можно отмѣтить слѣдующія три главы (съ именами ихъ авторовъ) въ XII томѣ извѣстной „Histoire générale“ *Лависса* и *Рамбо*, а именно—ch. III: *A. Métin*. Colonies et dépendances du Royaume Uni (стр. 100—164); ch. XXII: *A. Rambaud*. L'empire colonial français

фическихъ открытій конца XV и начала XVI вѣковъ, когда европейцы впервые переплыли Атлантическій, Индійскій и Тихій океаны, послѣ чего немедленно стали заводить свои торговыя факторіи и колоніи въ разныхъ внѣ-европейскихъ странахъ. Съ открытія Америки и морского пути въ Индію, въ 1492 и въ 1498 гг., за которымъ на небольшомъ разстояніи слѣдовали открытіе Великаго океана и первое плаваніе изъ Атлантическаго океана въ этотъ только-что открытый океанъ, въ 1515 и 1520 гг.,—начинается новый періодъ всемірной исторіи, періодъ океаническій, послѣдовавшій за періодомъ морскимъ, когда главными водными, нерѣчными путями сообщенія для европейскихъ народовъ служили такія моря, какъ Средиземное съ Чернымъ, Мраморнымъ и Адріатическимъ, Нѣмецкое и Балтійское. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ значеніи, какое эти открытія имѣли для ближайшаго къ нимъ времени въ жизни Западной Европы [1]); нужно только отмѣтить, что съ этого времени начинается развитіе европейской торговли и колонизаціи внѣ Европы, въ странахъ какъ Новаго, такъ и Стараго Свѣта. Сначала въ исторіи міровыхъ отношеній почти исключительную роль игралъ одинъ Атлантическій океанъ [2]), ближайшій къ Западной Европѣ, но къ концу XIX и началу XX в. стало все болѣе и болѣе выясняться громадное значеніе, какое долженъ имѣть въ міровыхъ отношеніяхъ будущаго и Великій океанъ [3]). Равнымъ образомъ здѣсь не мѣсто говорить о причинахъ той эмиграціи изъ Европы, которая дала бѣлое населеніе двумъ материкамъ Новаго Свѣта съ многочисленными островами у ихъ береговъ. Достаточно указать, что глав-

---

(стр. 702—759; изъ которыхъ 756—759 наполнены богатой библіографіей); ch. XXVI: *R. de Caix de Saint-Aymour.* Le partage de l'Afrique (стр. 842—894),—всѣ три съ указаніями на литературу. Для исторіи колоніальной политики до начала восьмидесятыхъ годовъ. *F. Nolte.* L'Europe militaire et diplomatique au XIX siècle (томы III и IV: Guerres coloniales et expéditions d'outre mer—до 1884 г.). Есть, кромѣ того, спеціальныя періодическія изданія по колоніямъ, справочники (наприм., *Brose.* Deutsche Kolonialliteratur, изд. съ 1898 г.), и атласы на разныхъ языкахъ. На нѣм. языкѣ только въ началѣ девятисотыхъ годовъ ихъ вышло нѣсколько: *Langhaus'а* (1900 и слѣд.), *Moysel'я* и *Sprigade* (1902 и слѣд.), Германскаго колоніальнаго общества (1907), Колоніально-хозяйственнаго комитета (Wirtschaftsatlas der deutschen Kolonien, 1907), франц. изд. *P. Pelet.* Atlas des colonies françaises, dressé par ordre du ministère des colonies. См. также таблицу 52 въ „Atlas géographie historique" *Schrader'а* (L'expansion coloniale de la France et de l'Angleterre). Сюда же слѣдуетъ отнести соч. по раздѣлу Африки, называемыя ниже, въ главѣ XXV. Что касается до сочиненій по исторіи англійской, французской и т. д. колонизаціи, то они называются ниже въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

[1]) Т. II, дополнительная глава.

[2]) *Хисламъ.* Господство на Атлантическомъ океанѣ (1908).

[3]) Объ этомъ подробно см. ниже, въ главѣ XXV.

ною ея причиною въ XIX в. сдѣлалось перенаселеніе при неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, но очень большую роль въ развитіи эмиграціи сыграло и усовершенствованіе способовъ передвиженія [1]). Съ другой стороны, не со вчерашняго дня началась и такъ называемая колоніальная политика правительствъ, руководимыхъ интересами государственной казны, національнаго благосостоянія и торгово-промышленныхъ классовъ населенія. Систематическое развитіе колоніальныхъ предпріятій ведетъ свое начало отъ эпохи господства меркантилизма [2]), который въ области жизненной практики не такъ-то отошелъ въ прошлое, какъ это о немъ можно сказать въ отношеніи къ исторіи теоретическихъ построеній въ области политической экономіи. Увлеченіе принципами свободной торговли, обнаружившееся на Западѣ въ серединѣ XIX вѣка [3]), никогда не было достаточно полнымъ, но оно также не оказалось и достаточно прочнымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ общій поворотъ къ протекціонизму, замѣчаемый въ послѣдней четверти XIX в. [4]). Обостреніе протекціонизма совпало по времени съ оживленіемъ колоніальной политики европейскихъ государствъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Колоніи всегда должны были служить не только мѣстами для отлива излишковъ населенія, но и рынками для произведеній отечественной промышленности, странами, изъ которыхъ удобнѣе всего получать необходимое для послѣдней сырье, источниками обогащенія государственной казны. Понятно, что интересы колоніальной политики не могли не внести осложняющихъ моментовъ въ международныя отношенія метрополій, и что постоянный ростъ милитаризма также нельзя частью не отнести на счетъ колоніальной политики, въ особенности по отношенію къ увели-

---

[1]) Одно выселеніе въ Соединенные Штаты выражается громадными цифрами. Въ 1776 г. все населеніе Штатовъ состояло изъ 3 милліоновъ, къ 1900 г. оно выросло до 76, причемъ за эти 125 лѣтъ однихъ европейскихъ переселенцевъ было болѣе 18 милліоновъ. По даннымъ 1900 г. среди гражданъ великой республики насчитывалось болѣе 10 милліоновъ такихъ, которые родились не на ея территоріи, т.-е. большею частью въ Европѣ. Полагаютъ, что, по крайней мѣрѣ, четыре пятыхъ теперешняго населенія Соединенныхъ Штатовъ происходитъ отъ людей, не жившихъ еще въ Америкѣ во время основанія республики. Въ Австраліи и въ англійскихъ владѣніяхъ въ Сѣверной Америкѣ въ началѣ XIX в. бѣлое населеніе считалось только сотнями тысячъ, теперь его въ обоихъ мѣстахъ милліоны: болѣе четырехъ въ Австраліи и болѣе пяти милліоновъ въ сѣверо-американскомъ владѣніи.

[2]) Т. II, стр. 414—416 и 535—538. См. также главу XIV моей книги „Западно-европейская абсолютная монархія XVI, XVII и XVIII вѣковъ“ (1908).

[3]) Т. V, стр. 93 и слѣд. и 763 и т. VI, ч. 1, въ разныхъ мѣстахъ.

[4]) См. т. VI, ч. 1, стр. 193 и др. и ниже въ разныхъ мѣстахъ, въ особенности въ главѣ XXII.

ченію военныхъ флотовъ [1]). Всякая колоніальная держава должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ и державою морскою. Лучшимъ примѣромъ этого общаго правила служитъ, конечно, Англія, давнишняя „владычица морей“, создавшая величайшую „колоніальную имперію“. На нашихъ глазахъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, произошло одновременное превращеніе въ колоніальную и морскую державу и Германіи, у которой раньше не было ни заморскихъ владѣній, ни военнаго флота. Англо-германское политическое соперничество—важный историческій фактъ очень недавняго происхожденія, съ тѣхъ именно поръ, какъ произошло превращеніе Германіи изъ страны земледѣльческой въ промышленную страну, потребовавшее пріобрѣтенія колоній и сооруженія военнаго флота, которые до объединенія Германіи были, конечно, немыслимы, — очень рельефный примѣръ сочетанія политическихъ и экономическихъ условій, благодаря коимъ произошло превращеніе Германіи въ міровую державу, обладающую большими заморскими владѣніями и внушительною морскою силою.—

Извѣстно, что первыми колоніальными націями были испанцы и португальцы [2]): въ XVI в. только имъ, главнымъ образомъ, принадлежалъ американскій материкъ,—въ тѣхъ, конечно, своихъ частяхъ, которыя уже были заняты европейцами,—и многочисленные острова на океанахъ. Дальнѣйшій ходъ исторіи мало-по-малу оттѣснилъ Испанію и Португалію на задній планъ, и обѣ онѣ постепенно растеряли свои колоніи. Начало этимъ потерямъ было положено еще во время борьбы Нидерландовъ за освобожденіе отъ испанскаго владычества, когда голландцамъ удалось отнять часть у Испаніи португальскихъ колоній [3]). Особенно для Испаніи и Португаліи было неблагопріятно начало XIX в., когда ихъ американскія колоніи отложились отъ своихъ метрополій, чтобы образовать самостоятельныя государства [4]), что̀ стояло въ тѣсной связи съ тогдашними политическими событіями въ Европѣ. Кромѣ того, въ самомъ концѣ прошлаго вѣка (1898) въ войнѣ съ Сѣверо-Американскими штатами Испанія утратила и чуть не послѣднія свои колоніи [5]). Ни Испанія, ни Португалія не были промышленными странами. Само промышленное ихъ населеніе не было настолько велико, чтобы онѣ безъ большого вреда для себя могли посылать въ колоніи большое количество эмигрантовъ. Испанія отправляла въ свои

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 126.

[2]) Новѣйшій трудъ: *De Lannoy et van der Linden.* Histoire de l'expantion coloniale des peuples européens. Portugal et Espagne (1908).

[3]) Португалія въ 1580—1640 гг. находилась подъ властью Испаніи. Въ это время она потеряла часть своихъ колоній.

[4]) Т. IV, стр. 329, 331, 338, 342, 577—578.

[5]) Объ этомъ ниже, въ гл. XXV.

колоніи преимущественно рыцарей и монаховъ, а не ремесленниковъ и землепашцевъ [1]). Первою промышленною страною, образовавшею большой флотъ и начавшею пріобрѣтать колоніи, была Голландія, которая лучше, чѣмъ обѣ южно-романскія страны, сохраняетъ и до настоящаго времени свои колоніи. Очень скоро, однако, она должна была уступить первое мѣсто Англіи, даже вытѣснившей кое-гдѣ другія колоніальныя націи изъ ихъ владѣній [2]). Въ числѣ пострадавшихъ отъ англичанъ колоніальныхъ націй были и французы, начавшіе развивать колоніальную политику только съ середины XVII в. [3]). Между прочимъ, Франція завладѣла въ Сѣверной Америкѣ Канадой, а къ серединѣ слѣдующаго столѣтія обладала большою территоріей въ Остъ-Индіи, но потомъ тоже стала растеривать свои пріобрѣтенія. Кое-что Франціи пришлось уступить Англіи изъ своихъ колоній еще въ началѣ XVIII в. послѣ окончанія войны за испанское наслѣдство, бывшей до извѣстной степени и борьбой европейскихъ націй изъ-за обладанія колоніями [4]). Гораздо серьезнѣе пострадала Франція, какъ извѣстно, во время своей борьбы съ Англіей въ эпоху войнъ середины XVIII в. между Австріей и Пруссіей, происходившихъ при участіи Франціи и Англіи. По миру 1763 г. Франція потеряла бо̀льшую часть своихъ тогдашнихъ колоній, будучи вытѣснена и изъ Сѣверной Америки, и изъ Остъ-Индіи [5]). Особенно благопріятствовали Англіи политическія обстоятельства начала XIX в., во время наполеоновскихъ войнъ. Одною изъ задачъ всей внѣшней политики Наполеона I было, какъ всѣ хорошо знаютъ, нанести ударъ Англіи, но всѣ его попытки, начиная отъ египетской экспедиціи, которая должна была въ концѣ концовъ повредить положенію англичанъ въ Индіи [6]), оканчивались неудачами. Франція въ эту эпоху только потеряла свой военный флотъ [7]), и Англія сдѣлалась единственной владычицей морей. Англичане воспользовались своимъ положеніемъ, чтобы поживиться еще кое-чѣмъ въ колоніяхъ,

---

[1]) Вотъ почему въ бывшихъ колоніяхъ Испаніи и теперь нигдѣ процентъ людей бѣлаго происхожденія въ населеніи не превышаетъ 20, причемъ эта часть населенія сосредоточена въ городахъ.

[2]) Наприм., въ серединѣ XVII в. Англія отняла у Испаніи Ямайку (т. II, стр. 514); кромѣ того, англичане рано вытѣснили португальцевъ изъ нѣкоторыхъ пунктовъ Остъ-Индіи; равнымъ образомъ, къ англичанамъ перешла и нѣкоторая часть голландскихъ колоній.

[3]) Т. II, стр. 539.

[4]) Т. II, стр. 566.

[5]) Т. III, стр. 92. Конецъ всѣмъ французскимъ вожделѣніямъ относительно Остъ-Индіи былъ положенъ въ 1799 г., когда англичане завладѣли Серингапатамомъ, столицею Типпо-Саиба.

[6]) Т. IV, стр. 136 и слѣд. и 148.

[7]) Т. IV, стр. 142.

благо колоніальныя страны (Голландія и Испанія) были тогда во власти Франціи, которая сама была безсильна защитить ихъ владѣнія отъ англичанъ [1]).

Послѣ наполеоновскихъ войнъ Франція изъ своихъ колоній сохранила очень мало: кое-какіе пункты въ Остъ-Индіи, о-въ Реюньонъ, часть Гвіаны и кое-какіе острова въ Вестъ-Индіи, у западнаго берега Африки и у Нью-Фаундленда. Первое колоніальное пріобрѣтеніе въ XIX в. Франція сдѣлала въ 1830 г., завоевавъ Алжиръ, еще при старшей линіи Бурбоновъ. При Людовикѣ-Филиппѣ въ 1842 г. Франціи удалось получить протекторатъ надъ островами Товарищества и Маркизскими. Болѣе сдѣлано было въ этомъ отношеніи при Наполеонѣ III, который пріобрѣлъ въ 1853 г. Новую Каледонію, потомъ соединилъ нѣсколько разбросанныхъ пунктовъ въ Сенегамбіи въ сплошную территорію, захватилъ въ 1862 г., въ отвѣтъ на занятіе англичанами Перима при входѣ въ Красное море, сосѣдній Обокъ и въ томъ же году взялъ у анамскаго императора Кохинхину, а въ 1867 г. Камбоджу. Но наибольшія колоніальныя пріобрѣтенія сдѣланы были, какъ мы увидимъ дальше, Франціей при третьей республикѣ.

Гораздо бо̀льшія пріобрѣтенія совершила въ первыя двѣ трети XIX вѣка Англія [2]). Изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ она вышла съ немалымъ приращеніемъ своихъ владѣній за океаномъ [3]), не говоря о захваченныхъ въ то же время въ Европѣ островахъ Мальтѣ и Іоническихъ на Средиземномъ морѣ и Гельголандѣ на Нѣмецкомъ [4]). Эти захваты имѣли для морского могущества Англіи весьма важное значеніе, да и вообще англичане умѣли пользоваться происходившими въ Европѣ войнами для того, чтобы укрѣплять за собою тѣ или другіе, имѣющіе большую цѣнность пункты. Такъ, война за испанское на-

---

[1]) Т. IV, гл. VIII. Въ это время Англія отняла у Голландіи о-въ Цейлонъ, лучшую часть Гвіаны, Капландъ и поселенія на индійскомъ материкѣ, Испанія же спаслась отъ потерь только тѣмъ, что по удаленіи Іосифа Бонапарта (т. IV, стр. 322—323) заключила союзъ съ Англіей противъ Наполеона. Сама Франція лишилась въ Вестъ-Индіи св. Луціи и Тобаго, а на пути въ Остъ-Индію—о-ва Маврикія (Иль-де-Франсъ). Ср. т. V, стр. 454—456.

[2]) *Bonwick*. The british colonies and their resources (1886).—*Г. Гиббинсъ*. Очеркъ развитія англійской торговли и колоній (1899).—*П. Мижуевъ*. Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи (1903).—*H. Speyer*. La constitution juridique de l'empire colonial britannique (1906).—*C. S. Salmon*. The crown colonies of Great Britain.—*M. v. Brandt*. Englische Kolonialpolitik (1906).—*W. Langenbeck*. Englands Weltmacht in ihrer Entwicklung von XVII Jahrhundert bis auf unsere Tage (1907).

[3]) См. предпослѣднее примѣчаніе.

[4]) Т. IV, стр. 242 и 455. Іоническіе острова были потомъ уступлены Греціи (см. т. V, стр. 760), Гельголандъ—Германіи (см. ниже).

слѣдство въ началѣ XVIII в. дала имъ Гибралтаръ при выходѣ изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ русско-турецкая 1877—78 гг. позволила произвести „оккупацію“ Кипра [1]), тоже усилившую позицію Англіи на Средиземномъ морѣ. Что касается до внѣевропейскихъ пріобрѣтеній Англіи въ первыя двѣ трети XIX в., то они сводятся къ слѣдующему.

За это время достояніемъ Англіи сдѣлался весь австралійскій материкъ, первое поселеніе на которомъ для ссыльныхъ преступниковъ [2]) было основано только въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII в., послѣ чего была устроена такая же колонія въ 1803 г., причемъ за полвѣка до 1836 г. сюда было сослано около 100 т. человѣкъ. Свободная колонизація материка и близлежащихъ острововъ началась лишь въ двадцатыхъ годахъ XIX в., колонизація Новой Зеландіи—только въ 1840 г. Одновременно произошло первое утвержденіе англичанъ въ Южной Африкѣ, гдѣ въ 1806 г. они овладѣли Капскою землею, начавъ дальнѣйшее расширеніе этой области въ концѣ сороковыхъ годовъ и объявивъ въ серединѣ пятидесятыхъ своею колоніей Наталь (1856). Новыя пріобрѣтенія дѣлались въ первой половинѣ XIX в. и въ Индіи, гдѣ то та, то другая территорія постепенно переходили подъ англійское владычество [3]). Во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ здѣсь произошло весьма опасное для Англіи возстаніе сипаевъ (войскъ изъ туземцевъ), которое было усмирено жесточайшимъ образомъ, послѣ чего управленіе Индіей было отнято у Остъ-индской компаніи и непосредственно было взято на себя самимъ правительствомъ, еще раньше (1813—1833), постепенно отмѣнившимъ ея торговую монополію [4]). Кромѣ большихъ территорій Англія пріобрѣтала въ Азіи и отдѣльные пункты, важные въ стратегическомъ или торговомъ отношеніяхъ, каковы Аденъ (1838) и Перимъ (1855), расположенные у входовъ въ Персидскій заливъ и Бабэльмандебскій проливъ въ западной части Азіи, а въ восточной—Сингапуръ (1819) у южной оконечности полуострова Малакки и Гонкъ-Конгъ (1842) у восточнаго берега Китая, гдѣ англичане устроили одинъ изъ первыхъ торговыхъ портовъ въ мірѣ, наконецъ, сѣверная часть о-ва Борнео (1846)

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 418.

[2]) Система колоній для ссылки преступниковъ была Англіей оставлена только во второй половинѣ XIX в; Франція удержала ее въ Новой Каледоніи.

[3]) Въ 1818 г. окончательное покореніе царства маратовъ, въ 1826 г. отнятіе у Бирмы всѣхъ прибрежныхъ провинцій, въ 1843 г. пріобрѣтеніе нижняго теченія Инда, въ 1845—48 г. утвержденіе въ Пенджабѣ, въ 1854 г. покореніе Нагпура въ срединѣ Индіи, въ 1855 г. Oudh'а на среднемъ Гангѣ.

[4]) Объ Остъ-индской компаніи и индійскихъ дѣлахъ см. т. II, стр. 430; т. III, стр. 91—92; т. V, стр. 764.

съ богатыми каменноугольными копями. Когда въ Англіи восторжествовала идея свободы торговли,—а этимъ особенно характеризуются шестидесятые-семидесятые годы [1],—многіе въ Англіи стали высказываться съ сомнѣніемъ о важности колоній и о необходимости дальнѣйшихъ колоніальныхъ пріобрѣтеній, соотвѣтственно чему вели себя и государственные люди эпохи, главнымъ образомъ Гладстонъ [2]), но въ восьмидесятыхъ годахъ Англія опять возвратилась къ старымъ традиціямъ колоніальной политики и въ послѣднюю четверть вѣка сдѣлала новыя колоссальныя пріобрѣтенія въ другихъ частяхъ свѣта. Внѣшнимъ толчкомъ къ этому послужило то обстоятельство, что континентальными странами Европы въ это время овладѣла настоящая колоніальная горячка, въ которой приняли участіе даже страны, никогда раньше и не думавшія о пріобрѣтеніи колоній, именно Германія и Италія.

Уже этотъ бѣглый обзоръ исторіи колоніальныхъ пріобрѣтеній европейскихъ державъ указываетъ на то, что главную роль въ этой исторіи играли страны, примыкающія къ Атлантическому океану. Въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ эпоху открытія Америки и морского пути въ Индію, наиболѣе экономически развитыми странами Европы, превосходившими въ торговомъ отношеніи и Англію, и Францію, и Испанію, были Италія и Германія, которыя какъ-разъ потомъ экономически все болѣе и болѣе падали. Около 1500 г. въ Италіи и Германіи были многочисленные, цвѣтущіе и населенные города, которыхъ здѣсь было больше, чѣмъ въ остальной Западной Европѣ, да и вообще обѣ страны были населеннѣе, чѣмъ напр., Англія и Испанія. Въ нихъ стояли на высокой ступени развитія ремесла, торговля, денежное обращеніе. Потомъ въ обѣихъ странахъ начался экономическій регрессъ. Причина его заключалась не въ одномъ перемѣщеніи торговыхъ путей, на которое обыкновенно указываютъ. Конечно, оно не могло не оказать своего вліянія на судьбы торговли въ новое время, но что здѣсь дѣло не въ одномъ этомъ, доказательствомъ тому можетъ служить современная Германія, экономически оттѣсняющая на второй планъ болѣе близкую къ океану Францію. Указываютъ, равнымъ образомъ, на дурное вліяніе, какое было оказано на обѣ страны католическою реакціею, сопровождавшеюся общимъ пониженіемъ культуры, и въ данномъ случаѣ объясненіе подтверждается ссылкою на аналогич-

---

[1]) Т. V, стр. 763—764 и т. VI, ч. 1, стр. 305.

[2]) Въ 1859 и 1871 гг. было отклонено предложеніе со стороны о-вовъ Фиджи стать подъ англійскій протекторатъ, въ 1863 г. Іоническіе о-ва отданы Греціи (т. V, стр. 760), а также было проявлено извѣстное колебаніе по отношенію къ бурамъ, о чемъ см. ниже.

ное явленіе и въ исторіи Испаніи [1]). Но нельзя, конечно, не принимать въ расчетъ и политической раздробленности обѣихъ странъ, о которыхъ идетъ рѣчь, въ то самое время, какъ въ другихъ мѣстахъ происходило, наоборотъ, объединеніе. И Италія, и Германія страшно страдали отъ своей раздробленности въ политическомъ отношеніи, сдѣлавшись даже ареною, на которой сводили свои счеты другія государства и частями которой овладѣвали. Стоитъ только вспомнить итальянскія войны конца XV и начала XVI в., тридцатилѣтнюю войну въ Германіи, времена захватовъ Людовика XIV, эпоху войнъ за австрійское наслѣдство и семилѣтней, наконецъ, войны великой революціи и первой имперіи. Всѣмъ извѣстно, какому разоренію подвергла Германію одна только тридцатилѣтняя война. Вотъ, вслѣдствіе этой раздробленности вплоть до второй половины XIX в., ни Италія, ни Германія не могли принять участія въ колоніальныхъ предпріятіяхъ рядомъ съ другими странами. Въ основаніи колоній извѣстную роль играла частная иниціатива, но главная роль принадлежала государственному дѣйствію, бывшему не по силамъ раздробленнымъ Италіи и Германіи. Въ обѣихъ націяхъ было немало, такъ сказать, матеріала, годнаго для колонизаціи, — особенно съ XVIII в. была сильна эмиграція изъ Германіи [2]),—но не было политической мощи для завоеванія новыхъ странъ. Услугами немалаго количества итальянцевъ и нѣмцевъ пользовались правительства Испаніи, Португаліи и Англіи. Колумбъ (Colombo) былъ итальянецъ на испанской службѣ, какъ итальянцемъ же былъ и состоявшій на англійской службѣ Каботъ (собственно Caboto), современникъ Колумба, сдѣлавшій тоже немало морскихъ открытій, и отецъ другого мореплавателя Кабота, служившаго то Англіи, то Испаніи. Только націи, пользовавшіяся въ Европѣ, политическою мощью, могли заводить колоніи и удерживать ихъ за собою. Испанія господствовала въ Новомъ Свѣтѣ, пока была первенствующею державою въ Европѣ: крушеніе ея непобѣдимой армады въ концѣ XVI в. [3]) знаменовало начало ея упадка. Франція стала превращаться въ колоніальную державу при Людовикѣ XIV, когда тоже занимала въ Европѣ доминирующее положеніе [4]). Быть можетъ, если бы „король-солнце“ не растрачивалъ силъ націи въ своихъ европейскихъ предпріятіяхъ, Франція не дала бы Англіи сдѣлаться первою колоніальною державою [5]). Послѣ разгрома Франціи объеди-

---

[1]) Т. II, стр. 304 и слѣд.

[2]) Т. III, стр. 111.

[3]) Т. II, стр. 313—314.

[4]) Т. II, гл. XLIII.

[5]) Въ концѣ XVIII еще вѣка Англія съ Шотландіей имѣла лишь около 10 милліоновъ жителей, Франція—около 24.

нившеюся Германіей послѣдняя, какъ мы видѣли, сдѣлалась въ Европѣ первенствующею политическою силою, въ то же время обогатившись милліардами французской контрибуціи. Мы знаемъ также, какое быстрое развитіе получила къ этому времени экономическая жизнь Германіи [1]). Теперь и нѣмцы могли сдѣлаться колоніальной націей, такъ какъ для этого у нихъ были всѣ условія: избытокъ населенія, достигшая высокаго развитія промышленность, государственная мощь. Выступленіе Германіи на поприще колоніальной политики было вообще очень важнымъ событіемъ не только въ исторіи самой этой политики. За Германіей потянулась и Италія, которая также объединилась и въ которой также былъ избытокъ населенія, но неизмѣримо болѣе бѣдная, далеко не столь могущественная, какъ Германія, а потому и не столь удачливая, какъ послѣдняя, въ своихъ колоніальныхъ предпріятіяхъ.

Этотъ новый періодъ въ исторіи колоніальной политики, начиная, главнымъ образомъ, съ восьмидесятыхъ годовъ, и будетъ составлять дальнѣйшее содержаніе настоящей главы.

Продолжимъ, прежде всего, прерванную нѣсколько выше исторію англійскихъ внѣ-европейскихъ пріобрѣтеній. Начало тому, что въ концѣ прошлаго столѣтія въ Англіи стали называть „имперіализмомъ", было положено во второе министерство Дизраэли-Биконсфильда и стоитъ въ связи съ принятіемъ, по его совѣту, королевой Викторіей, въ 1876 г., титула императрицы Индіи [2]), когда стало входить въ обычай и самое Великобританское королевство съ Индійской имперіей и колоніями, называть „имперіей", англійскій парламентъ „имперскимъ" парламентомъ и т. п. Въ англійскомъ словоупотребленіи „имперіализмъ", конечно, отнюдь не является синонимомъ „цезаризма", какъ на континентѣ: здѣсь это не что иное, какъ напряженная дѣятельность государства, направленная къ расширенію своихъ владѣній, къ укрѣпленію связей между метрополіей и колоніями, къ увеличенію національнаго могущества и вліянія въ международныхъ отношеніяхъ, словомъ, то же самое, что передается нѣмецкими терминами „Weltmacht", „Weltpolitik". Англійскіе имперіалисты, главнымъ представителемъ которыхъ въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка сдѣлался Чэмберленъ [3]), не довольствуются оффиціальнымъ титуломъ „Великая Британія" (Great Britain), употребляющемся со времени слiянія Англіи и Шотландіи въ единое государство [4]), а охотно называютъ его „Большей

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 271 и слѣд.
[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 307.
[3]) См. ниже, въ главѣ XVII.
[4]) Т. III, стр. 63.

Британіей", „Greater Britain" [1]), — терминъ, который употреблялся иногда уже въ шестидесятыхъ годахъ [2]), вслѣдствіе чего и себя обозначали, какъ „велико-англичанъ" (Great Englanders) въ отличіе отъ малоангличанъ, въ родѣ Джона Морлея. Почти въ теченіе десяти лѣтъ (1884 — 93) въ Англіи дѣйствовала особая „Imperal Federation League", агитировавшая въ пользу превращенія Англіи съ ея колоніями въ федеративную имперію, съ единымъ парламентомъ во главѣ и потомъ раздѣлившаяся на рядъ обособленныхъ лигъ, работавшихъ надъ выясненіемъ отдѣльныхъ пунктовъ имперіалистской программы. Впослѣдствіи эта программа дополнилась протекціонизмомъ и мыслью о таможенномъ союзѣ между метрополіей и всѣми колоніями. Немало содѣйствовали возникновенію и усиленію англійскаго имперіализма колоніальные, торговые и промышленные успѣхи Германіи, сдѣлавшейся къ концу XIX в. главною соперницею Великобританіи въ міровой политикѣ. Старое соперничество съ Франціей стало отходить на второй планъ, какъ подконецъ стало утрачивать свою остроту и то ревнивое чувство съ опасеніями за Индію, которое возбуждали къ себѣ со стороны англичанъ успѣхи русскихъ въ Средней Азіи [3]). Къ концу XIX и началу XX вв. имперіализмъ сталъ оказывать сильнѣйшее вліяніе на внѣшнюю политику Англіи, приведши, между прочимъ, къ знаменитой бурской войнѣ 1899—1902 гг., послѣ чего его вліяніе стало понемногу ослабѣвать по причинамъ, излагать которыя здѣсь не мѣсто [4]). Въ послѣднія десятилѣтія XIX в. Англія, дѣйствительно, страшно увеличила свои колоніальныя владѣнія.

Въ Индіи англійское правительство послѣ 1858 г. не присоединило новыхъ территорій, довольствуясь вѣрностью вассальныхъ государствъ, даже возстановивъ въ одномъ случаѣ (въ 1882 г.) одну старую династію (мисорскую), которая была лишена своихъ владѣній за полвѣка передъ тѣмъ. На церемоніи провозглашенія англійской королевы индійскою императрицею 1 января 1877 г. въ Дели такихъ

---

[1]) У насъ „greater" переводятъ словомъ „величайшая" (Британія), но это было бы greatest.

[2]) Въ книгѣ противника имперіализма Чарльза Дилька „Greater Britain" (1868).

[3]) Напомнимъ главныя даты русскихъ успѣховъ въ Средней Азіи: въ 1865 г. завоеваніе Ташкента, въ 1868 г. взятіе Самарканда, въ 1873 г. покореніе Хивы, въ 1876 г. присоединеніе Кокандскаго ханства, въ 1881 г. подчиненіе текинцевъ, въ 1884 г. вступленіе въ русское подданство Мерва, въ 1885 г. битва при Кушкѣ, о чемъ см. въ главѣ XVII.

[4]) *G. Parkin.* Imperial federation; the problem of national unity (1892.)— *V. Bérard.* L'Angleterre et l'impérialisme (1900).—*Fr. Hirst.* Liberalism and the empire (1900). — *Schulze-Gaevernitz.* Britischer Imperialismus. — Многое — въ книгѣ *Діонео* „Очерки современной Англіи" (1903).

мѣстныхъ владыкъ было болѣе шестидесяти при трехъ сотняхъ представителяхъ мѣстной знати. Къ чести англійскаго правительства нужно сказать, что въ управленіе обширною страною съ милліонами населенія оно все болѣе и болѣе вводитъ европейскіе порядки, хотя многое еще оставляетъ желать лучшаго, о чемъ свидѣтельствуютъ частыя посѣщенія Индіи голодными годами и чумными заболѣваніями, равно какъ постоянные дефициты въ индійскихъ финансахъ. Причина послѣднихъ—въ усиленныхъ вооруженіяхъ, вызванныхъ возобновленіемъ, въ 1881 г., крупныхъ военныхъ экспедицій. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ царилъ миръ, но въ концѣ послѣдняго изъ этихъ десятилѣтій началось опять военное время. Въ 1878 г. афганскій эмиръ Ширъ-Али принялъ русское посольство, когда же снаряжено было къ нему и англійское посольство, то отказалъ въ пропускѣ послѣднему въ свои владѣнія. Биконсфильдъ отвѣтилъ на это вторженіемъ въ Афганистанъ значительнаго войска, занявшаго страну. Ширъ-Али бѣжалъ въ Туркестанъ, а его сынъ Якубъ уступилъ англичанамъ пограничные горные проходы и подчинилъ свою внѣшнюю политику надзору англійскаго резидента въ своей столицѣ, когда же послѣдній палъ жертвою убійства, противъ Афганистана предпринята была Биконсфильдомъ вторая война (1879), окончившаяся уже при Гладстонѣ, врагѣ новыхъ присоединеній. Въ числѣ поступковъ, ставившихся ему въ вину англійскими имперіалистами [1]), было то, что онъ отказался отъ присоединенія Афганистана, удовольствовавшись постановкою внѣшней политики новаго эмира (Абдуррахмана) подъ англійскій контроль. Когда Россія завладѣла Мервомъ (1884), граница между русскими и афганистанскими владѣніями должна была быть проведена по соглашенію между русскою и англійскою коммиссіями, но одинъ случайный инцидентъ въ началѣ 1885 г. чуть-было, какъ тогда полагали, не окончился войною Англіи съ Россіей [2]). Дѣло до войны, однако, не дошло. Между тѣмъ русскіе въ 1891 г. стали твердою ногою на Памирѣ, гдѣ только въ 1895 г. англо-русскою коммиссіей была проведена прочная граница между русскими и афганистанскими владѣніями, одновременно и по соглашенію съ Россіей съ установленіемъ границы между Афганистаномъ и Белуджистаномъ, который еще раньше попалъ въ вассальную зависимость отъ Англіи, и отъ котораго Англія въ 1882 г. отрѣзала для присоединенія къ своимъ индійскимъ владѣніямъ довольно значительную территорію. Черезъ десять лѣтъ для улучшенія англо-афганской границы и съ этой стороны было кое-что присоединено къ Индіи (важные горные проходы). Афга-

---

[1]) См. т. VI, ч. I, стр. 320—321.

[2]) Объ этомъ нѣсколько подробнѣе въ главѣ XVII.

нистанъ послѣ этого долженъ былъ служить государствомъ-буфферомъ между обѣими міровыми державами въ Средней Азіи. Всѣ издержки по афганистанскимъ и белуджистанскимъ экспедиціями пали на бѣдное населеніе Индіи [1]). Очень важнымъ расширеніемъ англійскихъ владѣній въ Индіи было еще присоединеніе Бирмы, нѣкоторые пункты которой уже раньше были въ обладаніи англичанъ [2]). Съ захвата англичанами части бирманскихъ владѣній между этимъ государствомъ и Англіей уже не могло быть добрососѣдскихъ отношеній. Правительство этой страны стало заискивать у Франціи, съ которою въ 1885 г. даже заключило торговый и дружественный договоръ, но англичане воспользовались первымъ серьезнымъ нарушеніемъ бирманцами ихъ интересовъ, чтобы начать войну, окончившуюся присоединеніемъ всей Бирмы (1886).

Изъ старыхъ культурныхъ странъ въ тѣхъ же восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Англія наложила свою руку и на Египетъ. Она уже раньше вмѣшивалась въ дѣла этой страны, составлявшей часть Оттоманской имперіи, но особенно должна была Англія считать себя здѣсь заинтересованною съ тѣхъ поръ, какъ былъ прорытъ Суэзскій каналъ (1869), черезъ который лежитъ ближайшій путь изъ Англіи въ Индію [3]), и проходитъ чуть не девять десятыхъ общаго числа судовъ, попадающихъ въ каналъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ (1876) египетскій хедивъ продалъ Англіи свои суэзскія акціи на громадную сумму 4 милліона ф. ст. [4]), а потомъ оказался несостоятельнымъ должникомъ по своимъ займамъ. Такъ какъ въ египетскихъ финансовыхъ дѣлахъ, кромѣ англичанъ, имѣвшихъ египетскія денежныя бумаги, были заинтересованы и французы и по той же самой причинѣ, то это дало поводъ правительствамъ обѣихъ этихъ націй вмѣшаться въ дѣла внутренняго управленія Египта посредствомъ учрежденія особой международной коммиссіи. Въ началѣ 1882 г. хедивъ (Тевфикъ) смѣнилъ министерство, дѣйствовавшее подъ англо-французскимъ давленіемъ, и назначилъ новое, въ которомъ наиболѣе вліятельнымъ лицомъ былъ военный министръ Араби-паша, поставившій своею цѣлью освободить Египетъ отъ европейскаго вліянія. Когда его намѣренія выяснились въ достаточной мѣрѣ, Франція и Англія послали къ Александріи свои флоты, что заставило страшно испугавшагося этимъ шагомъ державъ хедива дать Араби-пашѣ отставку. Послѣдній началъ возстаніе, стоившее жизни двумъ сотнямъ европейцевъ

---

[1]) Въ Индіи живетъ около 200 т. англичанъ, изъ коихъ 75 т. солдаты, туземцевъ же насчитывается въ ней до 300 милліоновъ.

[2]) Ср. выше, стр. 30.

[3]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 416, прим. 1.

[4]) Онѣ были куплены Дизраэли по телеграфу.

въ разныхъ городахъ страны, въ особенности же въ столицѣ. Тогда англійскій адмиралъ Сеймуръ бомбардировалъ Александрію и началъ правильную войну, окончившуюся полнымъ покореніемъ Египта, причемъ велась война при помощи англо-индійскихъ войскъ подъ начальствомъ Ульселея. Формально ея цѣлью было поставлено подчиненіе Египта законной власти, противъ которой произошло возмущеніе, но реальнымъ результатомъ побѣды англичанъ была продолжающаяся и понынѣ „оккупація", при которой къ хедиву приставленъ особый финансовый совѣтникъ, надзирающій за управленіемъ страною во всѣхъ дѣлахъ, касающихся финансовъ. Нужно отдать англичанамъ справедливость въ томъ отношеніи, что они уже къ 1885 г. упорядочили египетскіе финансы, но уйти изъ страны они не обнаруживаютъ ни малѣйшей охоты. Въ 1887 г. Англія обязалась-было передъ Турціей произвести въ три года эвакуацію Египта, но это обставлено было такими условіями, которыя не могли быть выполнены, а потому обѣщаніе и не было исполнено. Франція была крайне недовольна вытѣсненіемъ своимъ изъ Египта, однако, въ концѣ концовъ примирилась съ совершившимся фактомъ, настоявъ только на полной нейтрализаціи Суэзскаго канала (1887) и заставивъ Англію отказаться отъ проектированной ею конверсіи египетскихъ долговъ, которая оказывалась невыгодною для французскихъ держателей долговыхъ обязательствъ (1889).—Египетское возстаніе 1882 г. перенеслось въ Суданъ, гдѣ и вспыхнуло въ 1883 г. подъ начальствомъ мусульманскаго пророка, „махди" [1]). Гладстонъ, съ 1880 г. стоявшій вторично во главѣ управленія Англіей, нашелъ необходимымъ усмирить и это возстаніе, но не англійскими, а египетскими войсками, такъ какъ дѣло шло о возвращеніи Судана Египту. Только во главѣ экспедиціи противъ инсургентовъ былъ поставленъ англійскій генералъ Гордонъ. Экспедиція эта началась въ январѣ 1884 г., но не имѣла успѣха. Силы мятежниковъ оказались бо̀льшими, чѣмъ о нихъ думали, а египетскія войска въ борьбѣ съ единовѣрцами обнаружили нѣкоторую ненадежность. Въ апрѣлѣ 1884 г. Гордонъ освободилъ отъ махдистовъ Хартумъ, но самъ былъ скоро окруженъ непріятелемъ подъ начальствомъ самого пророка. Англіи пришлось снарядить новую экспедицію, теперь уже изъ англичанъ подъ начальствомъ Ульселея, для освобожденія Гордона. Хартумъ, нѣсколько мѣсяцевъ осаждавшійся суданцами, не дождался избавителей: 25 января 1885 г. произошло его паденіе, и лишь черезъ два дня на третій къ городу подошли два блиндированныхъ парохода съ англійскимъ авангардомъ. Защитники Хартума были перебиты фанатическими суданцами; въ ихъ числѣ нашелъ смерть и самъ Гор-

---

[1]) Это былъ суданскій дервишъ, Махаммедъ-Ахметъ.

донъ [1]). Впослѣдствіи Англія при помощи египетскихъ войскъ вернула Египту все верхнее теченіе Нила отъ Хартума до озера Викторіи, причемъ дѣло не обошлось безъ столкновенія съ французами, улаженнаго, однако, въ 1899 г. [2]). Такъ проникало англійское вліяніе къ югу отъ Египта, въ то самое время, какъ на встрѣчу ему шло другое—отъ южной оконечности Африки къ сѣверу.

Уже было сказано, что Капландомъ Англія овладѣла въ 1806 г. и что къ этой колоніи она присоединила нѣкоторыя сосѣднія земли, въ ихъ числѣ, въ 1856 г., Наталь. Къ сѣверу отъ нихъ были расположены двѣ образованныя голландскими колонистами (бурами) республики—Оранжевая и Трансваальская. Обѣ онѣ были основаны переселенцами изъ Капской колоніи, недовольными англійскимъ управленіемъ. Буры болѣе южной изъ обѣихъ республикъ (Оранжевой) провозгласили свою независимость въ 1842 г. Сначала правительство Капланда вздумало ихъ покорить, но начавшаяся въ 1845 г. война только утомила англичанъ, и въ 1854 г. они признали независимость бурской республики. Трансвааль сформировался нѣсколько позднѣе и превратился изъ четырехъ маленькихъ отдѣльныхъ областей въ единую республику только въ 1852 г., будучи тотчасъ же признанъ независимымъ со стороны англичанъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Оранжевой республикѣ были открыты алмазныя копи, въ Трансваалѣ—золотыя розсыпи, что стало привлекать въ обѣ республики переселенцевъ къ великому неудовольствію хозяевъ страны, начавшихъ ихъ всячески тѣснить. Уже въ скоромъ затѣмъ времени англичане отхватили часть территоріи у Оранжевой республики, заплативши, впрочемъ, за нее деньги, а въ 1877 г. на Трансвааль обратилъ свое вниманіе Биконсфильдъ, чтобы присоединить золотоносную территорію къ англійской „имперіи". Въ странѣ въ пользу аннексіи сталъ агитировать англійскій коммиссаръ, устроившій нѣчто въ родѣ плебисцита въ пользу присоединенія, но большинство буровъ и слышать объ этомъ не хотѣло. Между англичанами и Трансвааломъ тогда началась война, въ которой первые понесли пораженіе (при Majuba Hill въ 1881 г.) какъ-разъ въ то время, когда министерство Биконсфильда уже смѣнилось вторымъ министерствомъ Гладстона, вовсе не желавшаго аннексіи. Съ бурами заключенъ былъ миръ, по которому они должны были, сохраняя полную внутреннюю автономію, признать суверени-

---

[1]) О недовольствѣ въ Англіи Гладстономъ по этому поводу см. ниже, въ главѣ XVII.

[2]) Въ 1896 г., послѣ пораженія итальянцевъ въ Абиссиніи, англичане снарядили экспедицію изъ Египта на югъ подъ начальствомъ Китчинера, которая имѣла большой успѣхъ. О конфликтѣ съ Франціей (изъ-за Фашоды) см. ниже, стр. 47.

тетъ англійской короны съ контролемъ надъ внѣшнею политикою и принять англійскаго резидента, но въ 1884 г. бурская депутація въ Лондонѣ добилась признанія со стороны англійскаго правительства полной самостоятельности „Южно-Американской республики“ съ одною лишь оговоркою—утвержденіемъ всѣхъ договоровъ (кромѣ договоровъ съ Оранжевою республикою) Англіей. Вскорѣ населеніе Трансвааля увеличилось притокомъ переселенцевъ (uitlanders), но конституція 1890 г. стала разсматривать ихъ, какъ гражданъ (бургеровъ) второго класса, неполноправныхъ, хотя поправка 1893 г. обѣщала имъ переводъ въ первый классъ по истеченіи извѣстнаго срока. Недовольные бурами англійскіе „уйтлендеры“ стали стремиться къ соединенію Трансвааля съ англійскими владѣніями, и въ 1895 г. премьеръ Капланда Сесиль Родсъ тайно организовалъ вооруженное нападеніе на Трансвааль, приведенное въ исполненіе нѣкіимъ Джемсономъ. Предувѣдомленные о нападеніи, буры приготовили встрѣчу, окружили отрядъ Джемсона и заставили его сдаться на волю побѣдителей (1896). Вожди предпріятія были выданы Англіи, гдѣ ихъ судили, но приговорили къ очень мягкимъ наказаніямъ. Вездѣ въ Европѣ вѣсть о „разбойничьемъ набѣгѣ“ была встрѣчена негодованіемъ. Вильгельмъ II даже послалъ трансваальскому президенту Крюгеру поздравительную телеграмму, очень непріязненно принятую въ Англіи. Послѣ этой неудачи уйтлендеры стали просить у Англіи заступничества, но на всѣ англійскія представленія бурское правительство отвѣчало, что Англія не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Трансвааля. Обѣ республики въ это время вступили между собою въ союзъ въ виду возможной войны съ Англіей, которая дѣйствительно и началась осенью 1899 г. Она у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Извѣстенъ и ея конечный результатъ—совершившееся уже въ 1902 г. превращеніе обѣихъ республикъ въ англійское колоніальное владѣніе [1]).

Кромѣ буровъ, на югѣ Африки Англія вела еще войны съ туземцами. Особенно извѣстна война съ кафрскимъ племенемъ зулу, начавшаяся въ 1879 г. (Между прочимъ, въ англійской экспедиціи противъ зулусовъ погибъ сынъ Наполеона III). И ихъ страна была включена въ составъ англійскихъ владѣній (въ 1897 г. присоединена къ Наталю), подобно нѣсколькимъ другимъ сосѣднимъ территоріямъ—

---

[1]) Бурская война 1899—1902 гг. и предшествовавшія событія вызвали большую литературу. См., напр., *Mermeix.* Le Transvaal et la Chartered (1897).—*Hofmeyer.* Die Buren und Jamesons Einfall in Transvaal (1897).—*Fisher.* Transvaal and the Boers (1899).—*Vallentin.* Die Ursachen des Krieges zwischen England und die Burenrepubliken (1902).—*Hobson.* The war in South Africa, its causes and effects (1900).—*Stirling.* The colonials in South Africa (1899—1902) и др.

въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ. Другія территоріи, очень большія, но мало населенныя, захватывались Англіей только для того, чтобы онѣ не могли достаться нѣмцамъ, какъ это случилось со страною бечуановъ, величиною съ Францію, но съ населеніемъ всего въ двѣсти тысячъ душъ. Эта территорія была однимъ изъ предметовъ спора съ бурами, пока въ 1885 г. ею не завладѣла Англія, опасавшаяся, что нѣмцы, основавшіе тогда свою колонію „Юго-западной Африки“ (къ з. отъ Бечуаналанда), распространятъ потомъ свои владѣнія и въ эту сторону, чѣмъ загородятъ дорогу внутрь материка со стороны Капланда.

Отъ Капланда англичане стали двигаться и къ сѣверу, въ область, лежавшую между португальскими колоніями Анголой на юго-западномъ берегу Африки и Мозамбикомъ на юго-восточномъ, что̀ давало португальцамъ поводъ думать, что и промежутокъ принадлежитъ имъ же, пока не признали на эту область, величиною въ цѣлыхъ двѣ Франціи правъ Англіи (1889 и 1891). Указанное пріобрѣтеніе сдѣлалось достояніемъ привилегированной (chartered, получившей хартію) южно-африканской компаніи, основанной англичаниномъ Сесилемъ Родсомъ [1]), имя котораго уже было названо выше въ связи съ „разбойничьимъ нападеніемъ“ 1895 г. на Трансвааль [2]). Сесиль Родсъ (Rhodes) пріѣхалъ въ Капландъ изъ Англіи для поправленія своего здоровья, но остался тамъ, чтобы принять участіе въ добываніи алмазовъ и золота, Онъ скоро сдѣлался милліонеромъ, „бриллiантовымъ королемъ“, и достигъ большого политическаго значенія въ колоніи, такъ что въ 1890 г. мы его видимъ уже премьеръ-министромъ. Названную выше компанію онъ основалъ въ предыдущемъ году, получивъ особую хартію на разслѣдованіе и пріобрѣтеніе новыхъ территорій въ Южной Африкѣ. Предпріятіе пошло весьма успѣшно—путемъ договоровъ съ мѣстными князьками и усмиренія возстаній туземцевъ, пока не образовалась большая сплошная область, которую стали по имени Родса называть Родезіей [3]). Авантюра 1895 г. заставила Родса сложить съ себя званіе премьера и директора компаніи, но это не лишило его вліянія на дѣла Южной Африки. Цѣлью его стремленій сдѣлалось соединить желѣзною дорогою Капштадтъ съ Каиро, т.-е. построить длинную линію, которая, проходя черезъ всю Африку, соединила бы ея сѣверъ съ югомъ, почти все время притомъ оставаясь въ англійскихъ рукахъ.

---

[1]) *E. Dicey*. The right honourable Cecil Rhodes (1895).—*Vindex*. Cecil Rhodes. His political life and speeches (1900).—*Hensman*. Cecil Rhodes (1902).—Статья *Э. Пименовой* въ ея книгѣ „Политическіе вожди современной Англіи“.

[2]) См. выше, стр. 39.

[3]) *Du Toit*. Rhodesia, past and present (1897).—*Mermeix*. Transvaal et la „Chartered“ (1897).—*Knight*. Rhodesia of to day.

Только въ одномъ мѣстѣ дорогу пришлось бы вести черезъ Восточно-Африканскую колонію Германіи, отдѣляющую Родезію отъ британскихъ владѣній Восточной Африки. Съ цѣлью добиться согласія на этотъ планъ отъ Германіи, Родсъ ѣздилъ въ 1899 г. въ Берлинъ, гдѣ его очень благосклонно принялъ Вильгельмъ II, предавшій забвенію свою телеграмму Крюгеру. Когда началась бурская война, Родсъ принялъ въ ней участіе. Въ числѣ англійскихъ имперіалистовъ этотъ „капскій Наполеонъ", какъ его называли [1]), конечно, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, вслѣдствіе чего въ настоящемъ очеркѣ расширенія владѣній Англіи въ концѣ XIX в. его имя не могло бы остаться неназваннымъ [2]).

Только-что было указано, по поводу присоединенія къ Капской колоніи Бечуаналанда [3]), что англичане иногда захватывали тѣ или другія области—просто съ цѣлью не допустить занятія ихъ другими державами. Особенно это вѣрно по отношенію къ нѣкоторымъ захваченнымъ Англіей островамъ. Такъ было поступлено по отношенію къ островамъ Фиджи въ 1874 г. при Дизраэли. Иногда такъ дѣлалось по иниціативѣ, исходившей отъ колонистовъ, наприм., австралійскихъ, которые подобными захватами старались обезпечить свою безопасность, и т. п.

Въ нашу задачу не входитъ перечислять всѣ колоніальныя пріобрѣтенія Англіи [4]) и еще менѣе того разсказывать внутреннюю исторію этихъ внѣ-европейскихъ странъ и описывать ихъ государственное устройство, экономическій бытъ, культурныя отношенія, но нельзя не остановиться на общей характеристикѣ отношеній англійской метрополіи къ своимъ колоніямъ, не входя, впрочемъ, и здѣсь въ большія подробности.

Въ дѣлѣ основанія англійскихъ колоній всегда болѣе или менѣе значительную роль играла частная и общественная иниціатива, къ которой правительство приходило только на помощь. Было время, очень давнее, впрочемъ, когда существовали частныя собственническія колоніи (proprietary colonies), основывавшіяся знатью, но теперь ихъ болѣе не существуетъ, что̀ не мѣшаетъ богатымъ людямъ и въ настоящее время принимать участіе въ колоніальныхъ предпріятіяхъ. Особую категорію составляли въ прежнія времена компанейскія колоніи, устройствомъ каковыхъ занимались купеческія общества (такъ

---

[1]) Ср. статью *К. Э.* подъ этимъ заглавіемъ въ „Образованіи" за 1904 г.

[2]) Родсъ по смерти (1902) оставилъ 15 мил. ф. ст., т.-е. полтораста милліоновъ рублей, которые завѣщалъ на „умственное развитіе Британской имперіи". *W. Stead.* The last will and testament of C. Rhodes (1904).

[3]) См. выше, стр. 40.

[4]) Къ этой темѣ еще придется вернуться въ другой связи.

называемыхъ „merchants adventurers“), получая на это особыя хартіи (откуда ихъ названіе „charter colonies“). Основаніе Родезіи въ концѣ XIX в. было не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ именно этого способа занимать новыя земли при помощи „торговаго авантюризма“. Была, наконецъ, эпоха, когда основаніе колоніямъ полагалось безъ правительственнаго разрѣшенія гонимыми за вѣру, но, разумѣется, ничего подобнаго теперь уже быть не могло, если не считать ирландской эмиграціи отъ невозможныхъ соціальныхъ условій, направлявшейся преимущественно въ Соединенные Штаты. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ болѣе близкую къ намъ эпоху пріобрѣтеніе колоній было всегда правительственнымъ дѣломъ, но правительство Англіи въ то же время даетъ широкое самоуправленіе ея колоніямъ. Отпаденіе отъ Англіи Соединенныхъ Штатовъ было урокомъ для метрополіи, которая совершенно измѣнила свои отношенія къ колоніямъ. Тамъ, гдѣ европейское населеніе еще слабо, Англія управляетъ своими заморскими владѣніями посредствомъ посылаемыхъ туда губернаторовъ, въ иныхъ случаяхъ облеченныхъ всею полнотою власти, которая, однако, нигдѣ не имѣетъ характера диктатуры, кромѣ чисто-военнаго поселенія въ Гибралтарѣ. Наибольшими правами правительство облекаетъ намѣстника Индіи, хотя и здѣсь дѣлаются шаги къ введенію, по крайней мѣрѣ, мѣстнаго самоуправленія. Во всѣхъ такъ называемыхъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, коронныхъ колоніяхъ при губернаторахъ имѣются административные совѣты, играющіе роль мѣстныхъ министерствъ, и совѣты законодательные изъ колонистовъ по назначенію отъ правительства, иногда же на половину и выборныхъ. Какъ только колонія оказывается въ состояніи содержать себя на собственныя средства, ей дается автономія, отъ которой иная колонія бываетъ готова и отказаться, разъ ей это не по средствамъ. Англія сама тратитъ вообще очень мало на свои колоніи,—въ четыре раза менѣе, нежели Франція на свои,—содержа въ нихъ, не считая Индіи, Мальты и Гибралтара, какихъ-нибудь десятка два тысячъ войска. Большая часть колоній должны защищаться сами, т.-е. на собственныя средства и при помощи мѣстныхъ милицій, лишь подъ общею охраною могущественнаго флота метрополіи. Зато такимъ колоніямъ дается внутренняя свобода. Въ однѣхъ изъ нихъ при существованіи выборныхъ законодательныхъ собраній исполнительная власть принадлежитъ губернаторамъ съ совѣтами изъ чиновниковъ, но самыя важныя имѣютъ болѣе широкую автономію — настоящіе парламенты съ отвѣтственными правительствами [1]). Такое устройство въ концѣ XIX в. имѣли весь сѣверъ Америки къ с. отъ Соединенныхъ Шта-

---

[1]) *A. Todd.* Parliamentary government in the british colonies (1894; изд. 2).

товъ (Dominion, въ основу которой легла Канада), Нью-Фаундлендъ, семь штатовъ Австраль-Азіи и Капландъ. Всѣ эти колоніи были уже настоящими республиками, куда королева назначала только губернаторовъ съ чисто-теоретическимъ правомъ „veto", что имъ не мѣшало держаться за свою принадлежность къ Британской имперіи. Внѣшнія столкновенія Англіи возбуждаютъ обыкновенно патріотическія чувства населенія этихъ автономныхъ колоній, которыя, кромѣ того, засвидѣтельствовали свою вѣрность метрополіи и въ дни празднованія золотого (1887) и бриллiантоваго (1897) юбилеевъ королевы Викторіи. Автономныя колоніи ведутъ свою собственную политику, отчасти даже въ расширеніи своихъ владѣній и въ установленіи между собою болѣе тѣснаго общенія. Въ самые послѣдніе годы колоніи австралійскаго материка выработали для себя федеративное устройство, въ 1900 г. утвержденное англійскимъ парламентомъ и превратившее ихъ съ 1 января 1901 г. въ Соединенные Штаты Австраліи или Австралійскую республику (commonwealth) по примѣру, еще раньше поданному Канадой.

Англійскіе имперіалисты стали развивать мысль о необходимости дать федеративное устройство и всей Британской колоніальной имперіи, включая въ нее и самоё метрополію, давая этой мысли, однако, очень различныя толкованія то въ смыслѣ устройства общаго таможеннаго союза, то въ смыслѣ посылки колоніальныхъ представителей въ англійскій парламентъ. Дарованіе колоніямъ широкой автономіи было дѣломъ либераловъ, не особенно склонныхъ къ колоніальнымъ предпріятіямъ [1]), тогда какъ укрѣпленіе связей между метрополіей и колоніями сдѣлалось заботою консерваторовъ. Уничтоженіе Гладстономъ въ 1873 г. особаго эмиграціоннаго фонда заставило сторонниковъ колоніальной политики начать агитацію въ пользу правительственной организаціи эмиграціи. Раньше (съ 1833 г.) существовавшее общество для содѣйствія колонизаціи при помощи государства (state aided) превратилось въ общество колонизаціи, направляемой государствомъ (state directed), и около того же времени сталъ дѣйствовать „Королевскій колоніальный институтъ", тоже особое общество, поставившее себѣ информаціонныя и агитаціонныя цѣли. Въ 1886 г. этотъ институтъ переименовался въ „имперскій", и рядомъ съ нимъ возникла „Imperial federation league". Въ общественномъ мнѣніи конца XIX в. имперскій военно-таможенный федерализмъ получалъ значеніе самаго дѣйствительнаго, какой только возможенъ, отвѣта

---

[1]) См. ниже, въ главѣ XVII. Въ первое министерство Гладстона министръ колоній Гранвилль вывелъ въ 1869 г. англійскія войска изъ Австраліи, находя, что она защищаться можетъ и сама.

со стороны владычицы морей на милитаризмъ и протекціонизмъ, все болѣе и болѣе усиливавшіеся на материкѣ, вслѣдствіе чего и во внутренней жизни Англіи конца XIX в. колоніальный вопросъ получилъ такое громадное значеніе.

Французская колонизація всегда во многихъ отношеніяхъ была противоположностью англійской. За исключеніемъ Канады, получившей французское населеніе еще въ старыя времена, но утраченной потомъ своею метрополіей, французы нигдѣ не основали большихъ поселеній, что объясняется, между прочимъ, слабымъ приростомъ населенія въ самой Франціи [2]): даже въ близко лежащій Алжиръ переселилось французовъ сравнительно немного. Пріобрѣтеніе Франціей колоній имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, для ея торговли и политическаго положенія среди другихъ міровыхъ державъ. Съ другой стороны, въ управленіи своими колоніями Франція сохранила бюрократическіе порядки, допустивъ, впрочемъ, представителей отъ колоній въ свой парламентъ.

Въ настоящее время и Франція обладаетъ обширнѣйшею колоніальною имперіей, созданною уже при третьей республикѣ, которая такимъ образомъ наверстала все, что было утрачено французами во времена войнъ за испанское наслѣдство, семилѣтней и наполеоновскихъ. Главнымъ иниціаторомъ новѣйшей колоніальной политики Франціи былъ Жюль Ферри [3]), бывшій министромъ-президентомъ въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ (въ первый разъ въ 1880—81, второй въ 1883—1885). Онъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что Франціи нужна колоніальная политика, такъ какъ дѣло въ данномъ случаѣ идетъ о всемъ будущемъ Франціи, о будущемъ не завтрашняго „дня (l'avenir de demain), а о будущемъ черезъ пятьдесятъ, черезъ сто лѣтъ". При Жюлѣ Ферри Франція завоевала въ Африкѣ Тунисъ, въ

---

[1]) *Vignon.* Les colonies françaises (1885).—*J. L. de Lanessan.* L'expansion coloniale de la France (1886).—*A. Rambaud.* La France coloniale (1887 и рядъ позднѣйшихъ изданій).—*A. Rambaud.* Les affaires de Tunisie (съ предисловіемъ *Жюля Ферри*).—*J. L. de Lanessan.* La Tunisie (1887).—*P. Leroy-Beaulieu* L'Algérie et la Tunisie (1887).—*P. Gaffarel.* Les colonies françaises.—*J. B. Piolet.* La France hors de France.—*J. L. de Lanessan.* L'Indochine française.—*Jules Ferry.* Le Tonkin et la mère-patrie (1891).—*De Lanessan.* La colonisation de l'Indo-Chine (1895).—*André Lebon.* La politique de la France en Afrique (1896—1898).—*E. Petit.* Organisatiou générale des colonies françaises (1894).—*J. Dupuis.* L'ouverture du Fleuve Rouge au commerce et les événements du Tonkin (1872–73).—*Paul Deschanel.* La question du Tonkin (1883).—*Billot.* L'affaire du Tonkin. — *Ch. Castellani.* Vers le Nil français (sic!) avec la mission Marchand (1898). — *R. de Caix.* Fachoda (1899). — *J. Legrand.* La leçon de Fachoda (1899).

[2]) Ср. выше, стр. 15.

[3]) О немъ см. т. VI. ч. 1, стр. 98, 183, 190, 221 и др. и особенно далѣе, въ главѣ XVI.

Азіи Тонкинъ, установила свой протекторатъ въ Африкѣ надъ Мадагаскаромъ, въ Азіи надъ Айнамомъ, добилась отъ Европы признанія своихъ правъ на двухъ великихъ африканскихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Атлантическій океанъ, Нигерѣ въ сѣверной половинѣ материка и Конго въ южной, [1])—за короткое время результаты, поразительно громадные. На этомъ Францiя еще не остановилась, такъ какъ протекторатъ могъ перейти въ аннексію, и пріобрѣтенныя области—увеличиваться новыми присоединеніями [2]). Съ другой стороны, образованіе колоніальной имперіи создало для Франціи немало заботъ и хлопотъ: приходилось вести войны, усмирять возстанія (между прочимъ, и въ Алжирѣ), приходить изъ-за колоній въ столкновенія съ другими государствами, какъ европейскими, такъ и туземными, съ которыми французскія пріобрѣтенія находились въ сосѣдствѣ. Все это стоило дорого, требовались большія жертвы и людьми, и деньгами, да и самыя дѣла шли не всегда гладко: недаромъ Жюль Ферри по поводу одной неудачи въ Тонкинѣ, носилъ бранную кличку „Тонкинца" (le Tonkinois). Перейдемъ теперь къ подробностямъ.

Сношенія Франціи съ тунисскими беями начались со времени завоеванія Алжира. Послѣ этого французское правительство всячески противодѣйствовало возстановленію власти турецкаго султана надъ этою областью, когда-то бывшею достояніемъ Оттоманской имперіи. На берлинскомъ конгрессѣ Солсбери далъ понять Франціи, что со стороны Англіи не будетъ никакой помѣхи французской политикѣ въ Тунисѣ. Фактически здѣсь уже существовалъ французскій протекторатъ, но къ установленію своего протектората здѣсь стремилась и Италія, изъ которой въ Тунисъ уже давно направлялась волна эмиграціи [3]). У Франціи, конечно, нашлись поводы (малая обезпеченность французскихъ предпріятій въ странѣ отъ дурной администраціи, нарушенія алжирской границы и т. п.) для того, чтобы въ 1881 г. отправить въ Тунисъ военную экспедицію. Успѣхъ былъ полный, и въ Бардо былъ заключенъ договоръ съ беемъ (Саддокомъ), вполнѣ подчинявшій страну Франціи. Турція сдѣлала-было попытку протеста, пославъ въ Триполи цѣлый корпусъ войска, но изъ этого ничего не вышло. Это была вообще эпоха сильнаго раздраженія мусульманскаго міра противъ христіанъ. Только-что окончилась русско-турецкая война,—окончилась пораженіемъ „халифа", взволновавшимъ правовѣрныхъ на

---

[1]) Дѣля Африку на двѣ части линіей отъ устья Нигера къ Бабъ-эль-Мандебскому проливу.

[2]) Въ 1882 г. Алжиръ былъ увеличенъ присоединеніемъ къ нему съ юга Мзаба съ нѣсколькими находящимися въ немъ городами, а позднѣе—оазисами на мароканской границѣ.

[3]) Въ 1880 г. итальянцевъ здѣсь было до 20 тысячъ.

всемъ пространствѣ отъ Атлантическаго до Индійскаго океана. Это были годы зарожденія панисламизма, годы магометанскихъ возстаній въ Египтѣ и въ Суданѣ [1]). Возстаніе не могло не вспыхнуть и въ Тунисѣ. Французы справились съ нимъ очень скоро. Въ 1883 г. съ новымъ беемъ, братомъ прежняго, умершаго, былъ заключенъ новый договоръ (въ Марсѣ), еще болѣе ограничившій власть бея постояннымъ контролемъ французскаго „генералъ-резидента".

Другимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ французовъ въ Африкѣ была громадная область, въ настоящее время, т.-е. въ началѣ XX столѣтія, охватывающая всѣ страны внутренней Африки отъ Атлантическаго океана приблизительно до 40° в. д. отъ о-ва Ферро (или 20° отъ Парижа). Она тянется съ с. на ю. отъ Алжира и Туниса, заключая въ себѣ всю Сахару и Суданъ, до лежащаго на экваторѣ Конго, мѣстами доходя до береговъ Атлантическаго океана въ Верхней и Новой Гвинеѣ, гдѣ, кромѣ того эта громадная территорія упирается въ границы гвинейскихъ владѣній Англіи и германскихъ колоній Того и Камеруна. Исходнымъ пунктомъ движенія французовъ въ эти края была старая (съ 1696 г.) Сенегальская колонія, сохранившаяся за ними и послѣ наполеоновскихъ войнъ. Начало движенія относится къ 1880 г., а въ 1884 г. французы достигли уже верхняго теченія Нигера. Другимъ такимъ же исходнымъ пунктомъ сдѣлалось пріобрѣтенное въ 1876 г. на Невольничьемъ берегу французское владѣніе въ Дагомеѣ, которая послѣ ряда войнъ была покорена окончательно въ 1892 г. Въ этой сторонѣ конкуррентами французовъ явились нѣмцы, въ восьмидесятыхъ же годахъ основавшія тутъ свои колоніи [2]), и англичане, начавшіе пріобрѣтать на нижнемъ Нигерѣ земли еще въ семидесятыхъ годахъ, а въ 1879 г. для ихъ эплуатаціи образовавшіе „Соединенную Африканскую компанію", которая въ 1885 г. получила королевскую хартію. Дальнѣйшимъ успѣхамъ французовъ много помогли научныя экспедиціи во внутреннюю Африку. Это было вообще время смѣлыхъ путешествій во внутреннюю Африку, прославившихъ на весь свѣтъ имена Ливингстона и Стэнли [3]), изъ среды же французскихъ изслѣдователей новыхъ странъ особенно выдвинулся Саворньянъ де Брацца [4]), совершившій въ семидесятыхъ и особенно въ

[1]) См. выше, стр. 37.

[2]) См. ниже о Того и Камерунѣ.

[3]) О Ливингстонѣ существуетъ цѣлая литература (соч. *Roberts'a*, *Behm'a*, *André*, *Blaikie*, *Barth'a*, *Plieninger* и др.). Одно изъ этихъ соч. (*Стэнли. Какъ я нашелъ Ливингстона?*) пользовалось большою популярностью и у насъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. О самомъ Стэнли кн. *Reichard'a*. Изслѣдованія Ливингстона, Стэнли, Брацца, Петерса и др. оказали въ высшей степени важныя услуги географіи Африки.

[4]) *Neuville* et *Bréard*. Les voyages de Savorgnan de Brazza (1884).

восьмидесятыхъ годахъ рядъ географическихъ открытій и установившій нѣсколько французскихъ „протекторатовъ“ надъ черными царьками при щедрой денежной помощи со стороны государства (напр., въ 1883 г. палаты вотировали ему болѣе одного съ четвертью милліона франковъ). Благодаря энергичному предпринимателю и его сподвижникамъ, французскія владѣнія дошли до Конго и Гвинейскаго залива между германскимъ Камеруномъ и устьемъ названной рѣки (1885). Другіе изслѣдователи въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ направили свои изысканія въ самый центръ Африки, въ сторону озера Тшада, гдѣ французы тоже утвердили свое владычество въ послѣднемъ году прошлаго столѣтія (1900). Всѣ эти и другія, оставшіяся неупомянутыми миссіи, время отъ времени приходили въ столкновеніе съ представителями другихъ европейскихъ національностей. Одна изъ нихъ, находившаяся подъ начальствомъ капитана Маршана, двинулась въ 1897 г. съ береговъ Конго черезъ всю Африку прямо къ Нилу, котораго и достигла въ іюлѣ 1898 г. у города Фашоды, нѣсколько южнѣе 10^0 с. ш. Въ 1884 г. этотъ городъ былъ завоеванъ махдистами [1]), сдѣлавшими изъ него свою столицу, но послѣ разгрома ихъ англо-египетскими войсками французское правительство (Мелинъ) задумало завладѣть и Фашодою, чтобы утвердиться на верхнемъ теченіи Нила. Маршану удалось безъ большого труда исполнить эту задачу, но вскорѣ и англійскій генералъ Китчинеръ, одержавъ рѣшительную побѣду надъ махдистами (въ сентябрѣ 1898 г. при Омдуманѣ), подошелъ къ Фашодѣ, занятой французами. Между тѣмъ англійскій министръ Солсбёри заявилъ передъ французскимъ министерствомъ (Бриссона), что Англія не потерпитъ занятія какого бы то ни было пункта на Нилѣ какою-либо европейскою державою, и что удержаніе Фашоды французами будетъ сочтено за casus belli. Послѣ этого, въ ноябрѣ 1898 г., Маршану дано было приказаніе очистить Фашоду, что вызвало страшное раздраженіе во Франціи, гдѣ даже рьяные сторонники „реванша“ начали проповѣдовать необходимость франкогерманскаго союза противъ Англіи. Дѣло кончилось франко-англійской конвенціей 1899 г., опредѣлившей границу французскихъ владѣній водораздѣломъ между Ниломъ и Конго. Въ общемъ Франція заняла около трети Африки. Въ эту же эпоху Франція утвердила свое владычество въ восточной части Африки, на Индійскомъ океанѣ, надъ Мадагаскаромъ и Обокомъ. Съ Мадагаскаромъ французамъ пришлось вести двѣ войны (1882—1885 и 1895): первая окончилась установленіемъ протектората, усиленнаго въ смыслѣ „своихъ послѣдствій“ новымъ трактатомъ послѣ второй войны. Въ 1896 г. на островѣ вспыхнуло

---

[1]) Ср. выше, стр. 37.

возстаніе, которое привело къ простой аннексіи Мадагаскара къ колоніальной имперіи Франціи. Что касается до Обока, то онъ былъ пріобрѣтенъ еще Наполеономъ III [1]), въ восьмидесятыхъ же годахъ произошло значительное расширеніе этой колоніи, однимъ изъ эпизодовъ въ исторіи которой было нападеніе въ ней на крѣпостцу Сагалло русскихъ авантюристовъ подъ начальствомъ „вольнаго казака" Ашинова, ѣздившаго въ сосѣднюю Абиссинію (1889). — Отмѣтимъ еще пріобрѣтеніе Франціей въ девяностыхъ годахъ нѣкоторыхъ острововъ на Индійскомъ океанѣ (Амстердамъ и св. Павла).

Наконецъ, это же время, два послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка, было эпохой большихъ французскихъ пріобрѣтеній въ Индо-Китаѣ. Мы знаемъ уже, что въ шестидесятыхъ годахъ Наполеонъ отторгъ отъ Аннама Кохинхину и Камбоджу. Въ 1873 г. одинъ французскій негоціантъ въ Китаѣ (Жанъ Дюпюи) на свой страхъ сдѣлалъ нападеніе на одну часть аннамской территоріи, погибши, однако, въ битвѣ, что послужило поводомъ къ заключенію въ 1874 г. договора, по которому Франція признавала независимость Аннама, но ставила его внѣшнюю политику подъ свой контроль. Китай, считавшій Аннамъ своимъ вассальнымъ государствомъ, протестовалъ противъ нарушенія правъ сюзеренитета, а въ Тонкинѣ было умерщвлено нѣсколько французовъ, откуда и возникла война не только съ Аннамомъ, но и съ Китаемъ (1883). Послѣ нѣкоторыхъ неудачъ война кончилась побѣдою (1885), за которою послѣдовало присоединеніе Тонкина и установленіе французскаго протектората надъ остальнымъ Аннамомъ. Жюль Ферри мечталъ еще о протекторатѣ надъ Сіамомъ съ превращеніемъ Бирмы въ государство-буфферъ между французскими и англійскими владѣніями, но Бирмою овладѣлъ въ 1885 г. вице-король Индіи, лордъ Дёфферинъ, а съ Сіамомъ, подпавшимъ всецѣло англійскому вліянію, у Франціи возникли затрудненія, заставившія даже въ 1893 г. устроить противъ сіамскаго короля военную демонстрацію.

Теперь очередь за колоніальной политикой Германіи [2]). Если

---

[1]) См. выше, стр. 29.

[2]) *Kurt Hassert.* Deutschlands Kolonien (1898; послѣдн. изд. 1907 г.).— *Hauser.* Colonies allemandes, impériales et spontanées (1900). — *Stoecklin.* Les colonies et l'émigration allemandes. — *Demay.* Histoire de la colonisation allemande. — *H. v. Bülow.* Deutschlands Kolonien und Kolonial-Kriege (1900).— *R. Schmidt.* Deutschlands Kolonien (1902). — *P. Rohrbach.* Deutsche Kolonialwirtschaft (1907). — *E. Tonnebar.* L'expansion allemande hors d'Europe: États Unis, Brésil, Chantoung, Afrique du Sud (1908).—*A. Heilborn.* Die deutschen Kolonien (1908; небольшой географическій и этнографическій обзоръ по новѣйшимъ даннымъ съ очень богатымъ перечнемъ литературы, стр. 167—170, и недурной картой).—*O. Cannstatt.* Fürst Bismarcks kolonialpolitische Initiative (брошюра 1908 г.).

раньше Германія не заводила колоній, то это еще не значитъ, что нѣмецкая нація не нуждалась въ новыхъ территоріяхъ для выселенія избытка своего населенія: именно только политическое устройство Германіи не благопріятствовало тому, чтобы ею заводились собственныя колоніи, для которыхъ, прежде всего, нужно было обладать вооруженной силой на морѣ. Что касается до эмиграціи населенія, то она была значительною уже въ XVIII столѣтіи, когда, между прочимъ, изъ разныхъ частей Германіи уходили отъ тогдашнихъ невозможныхъ соціальныхъ условій массы переселенцевъ въ Россію, гдѣ по приглашенію и съ помощью нашего правительства основывали свои колоніи. Въ Америку нѣмцы стали переселяться еще раньше, въ XVII в., и, напр,. Пеннсильванія, вступая въ союзъ съ другими штатами, имѣла весьма значительное нѣмецкое населеніе, языкъ котораго даже пользовался признаніемъ со стороны мѣстныхъ властей. Въ ростѣ населенія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки посредствомъ иммиграціи изъ Европы нѣмцамъ принадлежало довольно видное мѣсто. Извѣстно, что, по крайней мѣрѣ, четыре пятыхъ теперешняго населенія великой заатлантической республики происходитъ отъ людей, предки которыхъ не жили въ странѣ въ эпоху образованія союза, и что изъ Европы въ Соединенные Штаты переселилось въ XIX вѣкѣ около 20 милліоновъ человѣкъ, добрая же четверть этой цифры, т.-е. до пяти милліоновъ падаетъ на нѣмцевъ,—правда, не изъ одной только теперешней Германіи, но и изъ Австріи и Швейцаріи. Въ 1852 г. цифра нѣмецкихъ переселенцевъ въ Сѣверную Америку достигла уже ста тысячъ въ годъ, въ 1881—болѣе двухсотъ-двадцати тысячъ. Германія же была первою континентальною страною, между портами которой и сѣверо-американскими портами завязалось—еще въ 1847 г.—правильное пароходное сообщеніе, благодаря чему въ связи съ эмиграціей изъ одной страны въ другую стали развиваться торговыя сношенія между обѣими странами и доставили въ торговлѣ съ С.-А. Соединенными Штатами Германіи первое мѣсто послѣ Англіи, такъ что въ этомъ отношеніи нѣмцы обогнали французовъ, не смотря на ихъ непосредственное сосѣдство съ Атлантическимъ океаномъ. Только къ концу XIX в., вслѣдствіе общаго подъема народнаго благосостоянія въ Германіи, цифра выселяющихся за океанъ стала падать, и случилось, напр., такъ, что въ одинъ годъ изъ Гамбурга выѣхало только 20 т. нѣмцевъ и 170 т. изъ Россіи, Австро-Венгріи, Румыніи и т. п. Кромѣ пяти милліоновъ нѣмецкихъ переселенцевъ въ Соединенные Штаты, сотни тысячъ переселились въ Канаду, Аргентину, Австралію и др. страны. Эти милліоны и сотни тысячъ были, такъ сказать, потеряны для нѣмецкаго отечества, а потому уже въ сороковыхъ годахъ, когда въ Германіи стало усиливаться сознаніе національнаго единства, поднимался во-

просъ о томъ, нужно ли нѣмцамъ своею иммиграціей усиливать иностранныя владѣнія.

Сильный ростъ населенія въ Германіи послѣ ея объединенія тоже заставлялъ подумывать о необходимости пріобрѣтенія собственныхъ колоній, куда могъ бы уходить избытокъ населенія безъ ущерба, наоборотъ, съ выгодою для самой Германіи, и которыя вообще были бы для нея большимъ экономическимъ подспорьемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, населеніе Германіи, опредѣлявшееся въ 1871 г. цифрою 41,1 м., къ 1880 г. возрасло до 45,2 м., къ 1890 г.—до 49,4 м., къ 1900 г.—до 56,4 м., а къ 1908—до 63,3 м. Въ 1871 г. Германія была страною, вывозившею хлѣбъ, съ середины восьмидесятыхъ годовъ она стала уже ввозить хлѣбъ и такимъ образомъ изъ „Agrarstaat", какъ теперь выражаются, превращаться въ „Industriestaat". Это превращеніе страны съ преобладаніемъ сельскаго хозяйства надъ промышленностью въ страну съ обратною экономическою характеристикою, несомнѣнно, обусловливалось быстрымъ ростомъ населенія, причемъ индустріальное развитіе даже стало обгонять ростъ населенія: въ 1880 г. Германія вывозила на 2,95 милліардовъ марокъ, ввозила на 2,86 милліардовъ, а въ 1899 вывозъ былъ въ 4,37, ввозъ—въ 5,78 милліардовъ, чтобы къ 1906 г. достигнуть цифръ 6,36 и 8,02 милліардовъ, т.-е. въ 19 лѣтъ, между 1880 и 1899 г., ростъ вывоза и ввоза выразился приблизительно на два и на три милліарда, въ гораздо болѣе короткій промежутокъ времени между 1900 и 1906 гг. на почти полтора и почти на два съ половиною милліарда, тогда какъ населеніе между 1880 и 1899 г. увеличилось на 10 милліоновъ, а между 1900 и 1906 гг. только на половину этой цифры [1]). Раньше въ Германію ввозились изъ внѣевропейскихъ странъ только такъ называемые колоніальные товары и въ особенности хлопчатая бумага, къ началу же XX в. не только возросъ ввозъ послѣдней, но и страшно усилился ввозъ всякаго сырья, необходимаго для германской индустріи, а также и разныхъ продуктовъ для пропитанія населенія, на первомъ мѣстѣ—хлѣба. Во внѣшней торговлѣ Германіи, благодаря этому, все болѣе и болѣе стали играть роль заокеанскія страны, между ними С.-А. Соединенные Штаты и Аргентина по вывозу изъ нихъ пшеницы. Въ своей вывозной и ввозной торговлѣ, вмѣстѣ взятыхъ, Германія опередила многія другія страны: въ началѣ XX в. (1906 г.) внѣшняя торговля Германіи уже опредѣлялась въ 15,5 милліардовъ марокъ и уступала только англійской (почти 21 милліардъ), но превосходя сѣверо-

---

[1]) Эти цифровыя данныя, какъ и другія указанія, дѣлающіяся ниже, заимствованы изъ книги *Dr. Paul Rohrbach'a* „Deutschland unter den Weltvölkern" (2 изд. 1908 г.).

американскую (12,5 милліардовъ) и русскую (едва 3,5 милліарда). Еще въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ въ этомъ отношеніи Германія стояла позади Франціи, въ первые же годы XX столѣтія германская торговля перегнала французскую (немного болѣе 8 милліардовъ), превысивъ ее почти вдвое. Вычислено, что къ началу XIX в. одна шестая или даже одна пятая часть населенія страны должна пропитываться привознымъ хлѣбомъ. Всѣмъ этимъ экономическая жизнь германской націи начала обрекаться на дальнѣйшее развитіе обрабатывающей промышленности и торговли и на развитіе приложенія германскаго капитала въ заграничныхъ и на первомъ планѣ во внѣевропейскихъ странахъ. Такимъ образомъ, времена, по выраженію Бисмарка [1]), „насыщенности" Германіи въ ея европейскихъ границахъ стали все дальше и дальше уходить въ прошлое, и передъ Германіей начали все больше раскрываться широкія перспективы заокеанскихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній по примѣру Англіи,—какъ ни противились этому консервативно-аграрная, католико-ультрамонтанская и соціалъ-демократическая партіи. Особое вліяніе на переходъ Германіи къ колоніальной политикѣ приписываютъ брошюрѣ одного изъ дѣятелей Рейнскаго миссіонерскаго общества, Фабри, подъ заглавіемъ: „Bedarf Deutschland Kolonien?" Въ ней указывалось на ростъ населенія съ 38 милліоновъ до 50, — въ одномъ Берлинѣ число жителей поднялось съ полумилліона до полутора,—а также и на то, что земледѣліемъ раньше питалось въ Германіи почти три четверти населенія, тогда какъ теперь, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, отношеніе это сдѣлалось вдвое меньшимъ, и что возростающее число людей, занятыхъ промышленною дѣятельностью, нуждается и въ дешевомъ сырьѣ, которое можно получать только изъ колоній, и во внѣевропейскихъ рынкахъ, которые не могли быть заперты для германской промышленности.

Первыми своими колоніями современная Германія обязана частной иниціативѣ. Въ ноябрѣ 1882 г. бременскій купецъ Фр. Ад. Людерицъ обратился съ вопросомъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, можетъ ли онъ расчитывать на покровительство и защиту имперіи, если онъ устроитъ поселеніе на юго-западномъ берегу Африки, къ с. отъ устья Оранжевой рѣки. Отвѣтъ ему былъ данъ утвердительный, но подъ условіемъ пріобрѣтенія тамъ такой гавани, на которую не могло бы быть предъявлено притязанія какимъ-либо другимъ государствомъ. Условіе это было исполнено весною 1883 г. путемъ пріобрѣтенія за какія-нибудь двѣ тысячи марокъ и двѣсти ружей у мѣстнаго князька полосы земли верстъ въ 15 вдоль берега и верстъ въ 35 вглубь ма-

---

[1]) См. выше, стр. 13.

терика [1]). Къ югу отъ этой территоріи лежалъ Капландъ, англійская колонія, въ главномъ городѣ которой, Капштадтѣ, начали-было протестовать противъ этого пріобрѣтенія, но Бисмаркъ послалъ мѣстному германскому консулу рѣшительную телеграмму о томъ, что владѣніе Людерица находится подъ защитою Германской имперіи. 7 августа въ бухту Ангра-Псквену, находившуюся на сѣверѣ этой территоріи, явились два германскихъ корвета съ дессантомъ, и на берегу былъ поднятъ имперскій флагъ, причемъ прочитана была прокламація, которою Германія извѣщала весь міръ о своемъ вступленіи на путь колоніальной политики. Третье военное судно проѣхало вдоль берега моря къ сѣверу до мыса Фріо и тоже подняло на берегу германскій флагъ (оставивъ нетронутою лишь Китовую бухту, принадлежавшую англичанамъ), чѣмъ и было положено начало Германской Юго-Западной Африкѣ, въ которой тотчасъ же были заключены сдѣлки съ мѣстными князьками на счетъ уступки территорій. Еще сѣвернѣе Германія тогда же начала утверждать за собою и свои будущія западно-африканскія колоніи Камерунъ, противъ испанскаго о-ва Фернандо По и Того, на Невольничьемъ берегу. Извѣстіе о пріобрѣтеніи Того свалилось, какъ снѣгъ на голову, на совершенно не приготовленную къ нему публику. Въ 1880 г. гамбургскіе и бременскіе торговые дома основали здѣсь первыя свои учрежденія, въ независимой отъ Англіи области, что очень не нравилось сосѣднимъ англичанамъ, но въ виду того, что на поселенцевъ стали нападать туземцы, какъ жаловались съ германской стороны, подстрекаемые англичанами, владѣльцы нѣмецкихъ факторій и обратились къ своему правительству, прося помощи, каковая сюда и явилась въ видѣ военнаго судна и правительственнаго коммиссара. Между туземными главарями тоже возникли распри, и часть ихъ обратилась къ германскому императору съ просьбой защитить ихъ отъ вмѣшательства англичанъ въ ихъ дѣла, взявъ ихъ подъ покровительство Германіи. Въ іюлѣ 1884 г. германскій флагъ былъ водруженъ въ двухъ приморскихъ пунктахъ, и съ главнымъ вождемъ Того былъ заключенъ договоръ. Однако, здѣсь нѣмцы встрѣтились еще съ притязаніями французовъ, и только послѣ долгихъ переговоровъ съ ними лѣтомъ и въ началѣ осени 1885 г. нѣмцамъ удалось утвердиться въ этой области. Столь же неожиданнымъ было для непосвященныхъ и пріобрѣтеніе Камеруна. Еще въ серединѣ XIX в. здѣсь завязали торговыя отношенія гамбургскіе купцы (въ особенности Вёрманъ), основавшіе въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ первыя нѣмецкія факторіи въ этой области, причемъ Вёртманомъ было устроено правильное пароходное сообщеніе съ Гамбургомъ. Съ самаго начала и

---

[1]) Территорія эта получила названіе Lüderitzland'а.

въ Камерунской области возникло у нѣмцевъ соперничество съ англичанами, которые тоже имѣли въ ней факторіи. Еще въ 1874 г. нѣмцы обращались къ своему правительству съ просьбою учрежденія въ Камерунѣ консульства, но безуспѣшно, и только черезъ десять лѣтъ, когда германскимъ подданнымъ стала грозить опасность отъ туземцевъ, между которыми начались междоусобія, къ берегамъ этой области явилось военное судно, только-что побывавшее у береговъ Того, и въ Камерунѣ тоже сталъ развѣваться германскій флагъ. И здѣсь, и тамъ правительственнымъ коммиссаромъ Германіи былъ Нахтигаль [1]), извѣстный изслѣдователь Африки, вскорѣ послѣ этого и скончавшійся на борту германскаго военнаго судна, исполнявшаго у западныхъ береговъ Африки столь важную миссію.

Въ томъ же 1884 г., когда были пріобрѣтены Того и Камерунъ, Германія овладѣла въ Тихомъ океанѣ сѣверо-восточною частью Новой Гвинеи и сосѣдними съ нею островами. Въ этихъ мѣстахъ существовалъ нѣмецкій торговый домъ Годефруа изъ Гамбурга, который въ концѣ семидесятыхъ годовъ попалъ въ затруднительное положеніе по части платежей, и для подержки котораго образовалось особое „Германское общество морской торговли", само обратившееся за помощью къ правительству, на что послѣдовалъ отказъ. Это было въ 1880 г. Скоро, однако, отношеніе правительства, къ вопросу измѣнилось. Въ 1882 г. во Франфуртѣ-на-Майнѣ возникъ „Общій германскій колоніальный союзъ", насчитывавшій въ своихъ рядахъ много политическихъ дѣятелей и ученыхъ и образовавшій цѣлый рядъ филіальныхъ отдѣленій во всей имперіи [2]), а осенью того же года въ одной газетѣ (аугсбургской „Allgemeine Zeitung") появилась статья, въ которой указывалась часть Новой Гвинеи, не принадлежавшая голландцамъ, какъ территорія, удобная для германской колонизаціи. Статья эта обратила на себя вниманіе не только въ Германіи, но даже и въ Австраліи, гдѣ стали говорить, что вся группа названныхъ острововъ представляетъ собою естественную принадлежность Австраліи. Поэтому австралійскіе колонисты начали просить правительство своей метрополіи о присоединеніи Новой Гвинеи, соглашаясь принять на свой счетъ издержки предпріятія, къ чему англійское правительство стало обнаруживать склонность. Такъ какъ это грозило торговымъ интересамъ Германіи на Тихомъ океанѣ, то германское правительство поспѣшило въ августѣ 1884 г. предложить въ Лондонѣ, черезъ своего посла, совершить въ Новой Гвинеѣ разграниченіе территорій, которыя бу-

---

[1]) Ему принадлежитъ видное мѣсто среди изслѣдователей, о которыхъ см. выше, стр. 46.

[2]) Рядомъ съ нимъ возникло и другое, которое въ 1888 г. слилось съ нимъ въ одно.

дутъ находиться подъ государственной охраной Германіи и Англіи. Мѣсяцемъ раньше къ Бисмарку обратилось упомянутое общество для морской торговли съ сообщеніемъ, что имъ отправлена въ Меланезію съ цѣлью земельныхъ пріобрѣтеній первая экспедиція, и съ просьбою назначить правительственныхъ агентовъ съ надлежащими полномочіями относительно взятія пріобрѣтенныхъ земель подъ протекторатъ имперіи. На этотъ разъ правительство исполнило просьбу названнаго общества, и германскій флагъ былъ водруженъ какъ на Новой Гвинеѣ, такъ и на сосѣднемъ значительномъ островѣ архипелага Новой Британіи, получившемъ названіе Новой Помераніи. Въ 1885 г. состоялось и соглашеніе съ Англіей, послѣ чего оффиціально были взяты подъ имперскую охрану часть Новой Гвинеи, подъ названіемъ Земли Императора Вильгельма, и указанный архипелагъ, переименованный теперь въ архипелагъ Бисмарка, а въ слѣдующемъ году по соглашенію же съ Англіей въ составъ германскаго „Schutzgebiet'a“ вошла и часть Саломоновыхъ острововъ. Нужно замѣтить, что на островѣ къ в. отъ Новой Гвинеи нѣмецкія торговыя фирмы имѣли свои учрежденія еще съ середины семидесятыхъ годовъ. Кромѣ того, съ конца семидесятыхъ годовъ нѣкоторыя нѣмецкія фирмы завели свои плантаціи и пріобрѣли по договору съ однимъ изъ мѣстныхъ князьковъ угольную станцію на Маршальскихъ островахъ, что было только предисловіемъ къ водруженію и здѣсь германскаго флага, по договору же съ Англіей въ 1886 г. о разграниченіи владѣній на Тихомъ океанѣ всѣ Маршальскіе острова были признаны входящими въ германскій „шуцгебитъ“. Тогда же, въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, сдѣлана была Германіей попытка утвердиться на островахъ Самоа, окончившаяся удачею только позднѣе.

Къ тому же періоду относится, наконецъ, пріобрѣтеніе Германіей и первыхъ частей обширной территоріи въ восточной Африкѣ, къ югу отъ экватора между англійскими и португальскими владѣніями съ сѣвера на югъ и между Индійскимъ океаномъ и большими озерами Танганьика и Ньясса съ востока на западъ. Этимъ пріобрѣтеніемъ Германская имперія обязана инціативѣ общества германской колонизаціи и энергіи смѣлаго изслѣдователя Карла Петерса [1]). Въ концѣ 1884 г. ему удалось заключить съ нѣсколькими князьками договоры, въ силу которыхъ они уступали свои верховныя права названному обществу. По возвращеніи на родину Петерсъ нашелъ тотчасъ же поддержку у Бисмарка, и въ февралѣ 1885 г. отъ Вильгельма I была получена грамота, которою земли, пріобрѣтенныя въ

---

[1]) Петерсъ подвергался очень часто нареканіямъ за свое жестокое обращеніе съ туземцами.

восточной Африкѣ „Германо-восточноафриканскимъ обществомъ Петѐрса и· К°“, признавались состоящими подъ верховенствомъ Германской имперіи. Въ Англіи уже давно засматривались на эту область, и потому какъ только было объявлено о пріобрѣтеніи ея Германіей, состоящій подъ англійскимъ протекторатомъ занзибарскій султанъ протестовалъ противъ этого акта германскаго правительства. Тогда подъ Занзибаромъ явился германскій флотъ, и это заставило султана смириться.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ германскихъ колоній превосходятъ своими размѣрами самоё Германію. Нѣмецкая Восточная Африка (995 т. кв. километровъ) чуть не вдвое больше метрополіи (540 т. кв. кил.), а Нѣмецкая Юго-Западная Африка (слишкомъ 835 т. кв. кил.) обширнѣе ея почти на двѣ трети. Лишь немногимъ сама Германія больше Камеруна (около 495 т. кв. кил.), и только Того̀ (87 т. кв. кил.), да Земля Императора Вильгельма I (179 т. кв. кил.), не говоря уже объ островахъ [1]), меньше Германіи. Все-таки, однако, Того̀ равняется четверти прусской территоріи и превосходитъ баварскую территорію (76 т. кв. кил.), Земля же Вильгельма I составляетъ приблизительно половину Пруссіи. Въ общей сложности перечисленныя колоніальныя владѣнія Германіи образуютъ территорію въ 2.655.000 кв. кил., что̀ превышаетъ территорію самой метрополіи почти въ пять разъ. Среди колоніальныхъ націй Европы послѣ англичанъ и французовъ нѣмцы занимаютъ первое мѣсто. Такіе важные результаты были достигнуты Германской имперіей въ Африкѣ и на Тихомъ океанѣ сравнительно въ очень короткій срокъ—между 1883 и 1886 гг., главнымъ образомъ въ 1884—85 гг., хотя бы тогда еще и не были вполнѣ опредѣлены точно границы этихъ колоній. Въ исторіи ихъ основанія нельзя не отмѣтить притомъ нѣкоторыя общія черты. Начало всему дѣлу было положено германскими торговыми фирмами, но даже въ семидесятыхъ еще годахъ онѣ напрасно просили у правительства помощи, которая имъ была нужна и противъ англичанъ, почти всюду заявлявшихъ притязанія на незанятыя территоріи, и противъ туземцевъ, нападавшихъ на нѣмецкія учрежденія. Правительство стало помогать германскимъ піонерамъ въ заокеанскихъ странахъ только въ восьмидесятыхъ годахъ послѣ того, какъ и въ самой Германіи началось общественное движеніе въ пользу колоніальной политики. Съ Англіей и съ другими европейскими странами германское правительство стало входить въ соглашенія, которыхъ и впослѣдствіи было не

---

[1]) Въ архипелагѣ Бисмарка 65 т. кв. кил. Даты и цифры заимствованы изъ соч. знатока германскихъ колоній *A. Heilborn'a* „Die deutschen Kolonien“ (по второму изд. 1907 г.).

мало. Окончательное соглашеніе съ Англіей относительно Восточной Африки состоялось лишь въ 1890 г., когда за отказъ Германіи отъ Занзибара и еще одного сосѣдняго острова Англія возвратила ей Гельголандъ [1]). Для опредѣленія границъ Того пришлось вступать въ переговоры съ Франціей (1897) и даже два раза (1899 и 1904) съ Англіей. Одновременно съ Восточной Африкой англо-германскій договоръ урегулировалъ границы и Юго-Западной Африки, по вопросу о которыхъ пришлось договариваться также съ Португаліей. По поводу захваченныхъ было нѣмцами въ 1886 г. Каролинскихъ острововъ Германіи пришлось имѣть споръ съ Испаніей, и третейскій судъ папы Льва XIII рѣшилъ его въ пользу Испаніи, но въ 1899 г. Германія купила ихъ у Испаніи съ Маріанскими островами за 20 милліоновъ марокъ (пространство въ 2 т. кв. кил.). Пріобрѣтеніе о-вовъ Самоа имѣло даже очень сложную и запутанную исторію [2]). Здѣсь нѣмцамъ въ 1884 и слѣд. гг. оказали сильное противодѣйствіе англичане и американцы, а попытка устроить соглашеніе всѣхъ трехъ заинтересованныхъ сторонъ въ 1889 г. не привела ни къ чему, и только въ 1899 г. Германія подѣлила ихъ между собою и Америкой, уступивъ послѣдней нѣсколько маленькихъ островковъ, а себѣ взявъ большіе ($2^1/_2$ т. кв. кил.).

Что касается до туземцевъ, то двѣ тысячи марокъ и 200 ружей, отданныхъ за Людерицландъ, очень хорошо характеризуетъ, за какія незначительныя деньги покупались у полудикихъ князьковъ зе́мли, сдѣлавшіяся собственностью нѣмцевъ. Нѣмецкіе историки постоянно обвиняютъ англичанъ, что они своими интригами среди туземцевъ поселяли въ нихъ нерасположеніе къ нѣмцамъ, но и сами нѣмцы, что называется, охулки на руку не клали въ своихъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ народцамъ. Сама германская пресса разоблачала страшныя жестокости многихъ колонистовъ по отношенію къ туземцамъ. Еще слишкомъ короткая исторія колоніальнаго царства Германіи полна возстаніями темнокожихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ междоусобіями въ ихъ средѣ, въ которыя вмѣшивались какъ соперники нѣмцевъ, такъ и они сами. Въ 1904 и 1905 гг. возстанія въ обѣихъ наиболѣе значительныхъ областяхъ Африки приняли для Германіи даже довольно грозные размѣры и потребовали съ ея стороны не мало жертвъ. Впрочемъ, это— обычное явленіе въ исторіи европейскихъ колоній, отмѣченное еще Рэйналемъ въ его „Исторіи обѣихъ Индій“ [3]).

Германскій рейхстагъ сначала не обнаруживалъ склонности под-

---

[1]) См. выше, стр. 16.

[2]) Die Vorgeschichte der Erwerbung Samoas ist sehr verwickelt und intrigenreich. *A. Heilborn*, стр. 143.

[3]) Т. III, стр. 228.

держивать колоніальную политику. Сдѣланное Бисмаркомъ еще въ 1880 г. предложеніе о разсроченной на 20 лѣтъ ссудѣ торговому дому Годефруа было тогда отклонено, правда, незначительнымъ большинствомъ голосовъ подъ вліяніемъ главы германскихъ манчестерцевъ Бамбергера, который доказывалъ, что разъ торговое предпріятіе само не въ состояніи приносить дохода, то оно ничего не стоитъ. Самъ Бисмаркъ высказалъ свой взглядъ на колоніальную политику въ одной парламентской рѣчи 1884 г. Именно, онъ сказалъ, что онъ не сторонникъ французской колоніальной системы, заключающейся въ томъ, чтобы, занявъ территорію, послать туда только солдатъ и чиновниковъ и только потомъ привлекать туда переселенцевъ, но что готовъ защищать имперскими силами отъ непосредственныхъ сосѣдей и другихъ европейскихъ державъ колоніи, которыя не искусственно созданы и возникли сами собою. Нельзя же объявить этимъ ганзейскимъ предпринимателямъ, что все это, дескать, прекрасно, но имперія слишкомъ бѣдна, труслива и слаба, чтобы вамъ помочь? Въ 1885 г. рейхстагъ принялъ предложеніе правительства о большой субсидіи одному пароходному обществу, обязавшемуся поддерживать правильное почтовое сообщеніе съ Восточной Азіей и Австраліей, а въ 1889 г. то же было сдѣлано и для правильныхъ сношеній съ Африкой. Впрочемъ, оказывая поддержку всѣмъ этимъ начинаніямъ, Бисмаркъ отнюдь не хотѣлъ, чтобы Германія пріобрѣтала какія-либо „колоніальныя провинціи“, какъ онъ самъ выражался: все дѣло должно было заключаться въ имперской охранѣ (Schutz) торговыхъ компаній, которымъ и выдавались особыя охранныя грамоты (Schutzbriefe). Такъ какъ, однако, отсутствіе военной силы ставило эти общества въ трудное положеніе, то имперіи пришлось пойти далѣе. Такъ, въ 1889 г. рейхстагъ согласился на просьбу Восточно-африканскаго общества, чтобы имперія взяла на себя военную защиту его области, а въ 1890 г. по договору между имперіей и обществомъ первая взяла на себя и все управленіе колоніей, заплативъ компаніи извѣстную сумму денегъ, въ видѣ возмѣщенія за пошлины, которыя она взимала въ свою пользу. То же произошло по отношенію къ Юго-Западной Африкѣ въ 1889 г., по отношенію къ Новой Гвинеѣ въ 1898 г. Вездѣ, вмѣсто управляющихъ, назначавшихся торговыми компаніями, во главѣ колоніальныхъ территорій ставились правительственные губернаторы. Только Того и Камерунъ сразу сдѣлались непосредственными колоніями имперіи [1]). Въ 1907 г. даже возникло особое имперское вѣдомство (Reichsamt) по завѣдованію колоніальными дѣлами.

---

[1]) Въ нѣмецкой литературѣ такія непосредственныя имперскія, или коронныя колоніи (directe Reichs- или Kronkolonien) и Schutzgebiete различаются между собою.

Италія [1]), какъ и Германія, до своего объединенія не имѣла колоній, несмотря на то ни одинъ романскій народъ въ Европѣ не давалъ такого большого количества эмигрантовъ, какъ итальянскій. Подобно нѣмцамъ, итальянцы выселялись въ чужія государства. Въ XIX в. особенно большое количество народа выселялось изъ южной части полуострова и изъ Сициліи въ Тунисъ, гдѣ основывалось въ городахъ множество купцовъ, внѣ городовъ—значительное число земледѣльцевъ, ведущихъ свое хозяйство, и кромѣ того селилась масса рабочихъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, такъ что самымъ распространеннымъ и наиболѣе употребительнымъ изъ европейскихъ языковъ въ Тунисѣ сдѣлался итальянскій. Въ 1878 г. на берлинскомъ конгрессѣ представители Германіи и Австро-Венгріи предложили Италіи свою поддержку въ случаѣ занятія Туниса ея войсками, на что итальянскій уполномоченный, графъ Корти, иронически отвѣчалъ вопросомъ: неужели князю Бисмарку такъ хочется втравить Италію въ войну съ Франціей? Повидимому, опасенія графа Корти были тогда совершенно напрасными: Франція едва ли бы рѣшилась на войну съ Италіей при поддержкѣ послѣдней со стороны двухъ имперій, тѣмъ болѣе, что тогда, въ 1878 г., во Франціи еще не существовало плана о созданіи на сѣверѣ и западѣ Африки французскаго колоніальнаго царства. Во всякомъ разѣ Италія упустила тогда случай присоединить къ своимъ владѣніямъ бывшую Карѳагенскую область, или римскую провинцію Африку уже съ довольно значительнымъ итальянскимъ населеніемъ, страну очень богатую и притомъ такую, обладаніе которою было бы важно для Италіи и въ смыслѣ ея политическаго усиленія на Средиземномъ морѣ, такъ какъ при сравнительной близости западной оконечности Сициліи къ мысу Бону въ Африкѣ, въ рукахъ Италіи находился бы проходъ между восточною и западною половинами Средиземнаго моря. Когда Тунисомъ завладѣла Франція, Италія не замедлила отвѣтить на это своимъ сближеніемъ съ Германіей и Австро-Венгріей, въ результатѣ чего и получился тройственный союзъ, несмотря на то, что сами итальянцы болѣе симпатизировали фран-

---

[1]) *N. Colojani.* Politica coloniale (1891).—*F. Martini.* Cose africane (1896).—*V. Mantegazza.* La guerra in Africa (1896).—*De la Jonguière.* Les italiens en Erytrée: quinze ans de politique coloniale (1897).—*B. Melli.* La colonia Eritrea dalle sue origini al 1 marzo 1900 (1900).—*Fr. Foschini.* La Somalia italiana (1908).—*A. B. Wylde.* Modern Abyssinia (1900; см. главы V—IX объ итальянской кампаніи).—*P. de Lauribar.* Douze ans en Abyssinie (1898).—*А. Троянскій.* Эритрейская колонія Италіи („Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ." за 1893 г.).—*Fumagalli.* Africa italiana (1895 и слѣд.).—*Mario.* La colonia Eritrea.—О неудачахъ итальянской торговли въ Абиссиніи см. *Ѳ. Криндачъ.* Очеркъ промышленности и торговли Абиссиніи (1899), стр. 23 и 27.—*A Franceschini.* L'emigrazione italiana nell' America del Sud (1908).

цузамъ, а австрійцевъ продолжали попрежнему не любить, считая притомъ, что у нихъ нужно было бы отнять южный Тироль и Тріестъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ итальянское правительство рѣшило вознаградить себя за потерю Туниса занятіемъ въ 1881 г. Массавы (Massaua) на Красномъ морѣ, что вызвало протестъ со стороны абессинскаго негуса Іоанна, а потомъ и войну Италіи съ Абессиніей. На время Италіи удалось установить надъ Абессиніей свой протекторатъ (1889), но, въ сущности, преемникъ Іоанна Менеликъ только о томъ и думалъ, чтобы освободиться отъ итальянцевъ и ихъ сосѣдства. Итальянцамъ вся эта колоніальная авантюра обошлась очень дорого, что крайне неблагопріятно отразилось на ихъ финансахъ, а черезъ десять лѣтъ послѣ ея начала и военное счастье имъ совершенно измѣнило: именно, въ самомъ концѣ 1895 и началѣ 1896 г. они потерпѣли два сильныя пораженія отъ абессинцевъ (при Амба - Аладжи и особенно при Адуѣ). Отъ абессинскихъ плановъ Италіи послѣ этого пришлось отказаться и ограничиться лишь береговою полосою у Краснаго моря и по сосѣдству подобною же полосою на Сомалійскомъ берегу. Изъ „эритрейскаго“ предпріятія такимъ образомъ ничего не вышло, и тогда итальянская политика поставила себѣ новую цѣль— усилить итальянское вліяніе по другую сторону Адріатическаго моря, на Балканскомъ полуостровѣ,—именно въ Албаніи—и возстановить итальянское господство на самомъ Адріатическомъ морѣ, что, конечно, совершенно противорѣчитъ цѣлямъ австрійской политики [2]).

Отмѣтимъ еще образованіе въ самомъ сердцѣ экваторіальной Африки такъ называемаго „независимаго государства Конго“ [3]).

Страна по верхнему теченію Конго сдѣлалась извѣстною европейцамъ только со времени изслѣдованія ея, въ 1877 г., знаменитымъ Стэнли [4]), который былъ иниціаторомъ особой торговой компаніи Конго подъ предсѣдательствомъ бельгійскаго короля (1878). Кромѣ этой компаніи, на обширную область Конго зарились и французы, и англичане. Бисмаркъ, перешедшій къ колоніальной политикѣ, воспользовался начавшимся изъ-за египетскихъ дѣлъ 1882 г. охлажденіемъ между Франціей и Англіей, чтобы въ согласіи съ Франціей созвать по дѣламъ Конго въ Берлинѣ конференцію (Kongo-Konferenz),

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 343, 348—350.

[2]) *L. v. Chlumecky.* Oesterreich-Ungarn und Italien (1907).

[3]) *Wauters.* L'état indépendant du Congo (1899).—*E. Gattier.* Étude sur la situation de l'état indépendant du Congo (1906; изд. 2).—*R. Pierantoni.* Le traité de Berlin de 1885 et l'état indépendant du Congo (1901; перев. съ итал.).—*Descamps.* L'Afrique nouvelle (1903). Для исторіи международныхъ соглашеній относительно раздѣла Африки и въ частности о Конго *бар. Б. Нольде.* Постоянно-нейтральное государство (1905), стр. 420 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 46.

въ которой участвовали представители четырнадцати государствъ, и которая продолжалась съ ноября 1884 до февраля 1885 г. Конференція международнымъ актомъ, къ великому неудовольствію Англіи, признала Конго независимымъ государствомъ (état libre du Congo), пользующимся нейтралитетомъ и свободою торговли, и отдала его подъ суверенную власть бельгійскаго короля, который вскорѣ (1889) передалъ свои права по завѣщанію самой Бельгіи [1]. Въ 1890 г. въ Брюсселѣ собиралась по дѣламъ Конго новая международная конференція. принявшая нѣсколько важныхъ рѣшеній, касающихся границъ, торговли и т. п. этой, въ сущности, бельгійской теперь колоніи.

Не одинъ вопросъ о Конго былъ предметомъ международныхъ переговоровъ и соглашеній по колоніальнымъ дѣламъ. Развѣдочныя миссіи, торговыя предпріятія, военныя экспедиціи отдѣльныхъ колоніальныхъ націй въ послѣднія два десятилѣтія XIX в. то и дѣло сталкивались между собою, что приводило потомъ въ движеніе дипломатическія канцеляріи и вызывало разные договоры, посредствомъ которыхъ улаживались спорныя дѣла, уступались и переуступались, дѣлились и передѣлялись, оккупировались, аннексировались нейтрализировались и т. п. цѣлыя территоріи на сушѣ и цѣлыя группы острововъ на океанахъ. Намъ и еще разъ придется бросить взглядъ на всю эту „міровую политику" конца XIX в. въ связи, между прочимъ, съ совершенно новыми вопросами Дальняго Востока, которыя XIX вѣкъ оставилъ въ наслѣдство текущему столѣтію [2]. Здѣсь только нужно особенно подчеркнуть то, что отношенія, возникавшія между европейскими державами въ другихъ частяхъ свѣта, не могли не отражаться на конъюнктурахъ внѣшней политики и въ самой Европѣ. Столкновеніе интересовъ Франціи и Англіи въ Африкѣ (напр., Египетъ, Фашода) оказывало вліяніе на ихъ европейскую политику. Занятіе Туниса Франціей бросило Италію въ объятія австро-германскаго союза. Но вмѣстѣ съ тѣмъ колоніальныя державы избѣгали воевать, предпочитая, наоборотъ вступать въ переговоры, дѣлать другъ другу уступки, созывать международныя конференціи, прибѣгать къ третейскому суду [3]. Однихъ соглашеній между двумя государствами, примѣры

---

[1]) Въ Конго въ началѣ XX в. на цѣлые милліоны туземцевъ (отъ 15 до 30) европейцевъ было только $2^1/_2$ тысячи, среди которыхъ большинство ($1^1/_2$ т.) составляли бельгійцы.

[2]) См. ниже, главу XXV.

[3]) См въ слѣдующей главѣ о третейскомъ судѣ папы Льва XIII между Германіей и Испаніей изъ-за Каролинскихъ острововъ. Или, напрнм., въ 1888 г. русскій императоръ былъ избранъ третейскимъ судьей между Франціей и Голландіей для разрѣшенія ихъ спора о границахъ между французской Гвіаной и Суринамомъ.

каковыхъ мы не разъ видѣли выше, иногда оказывалось недостаточно, и нужны были именно международныя конференціи, какъ въ вопросѣ о Конго.

XV.—Германія временъ „соціальной политики“ [1]).

Поворотъ въ политикѣ Бисмарка въ концѣ семидесятыхъ годовъ. — Экономическая и соціальная политика Германіи восьмидесятыхъ годовъ —Вліяніе новаго направленія правительственной политики на партійныя отношенія.—Борьба изъ-за милитаризма во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ.- Царствованіе Фридриха III.—Личный характеръ Вильгельма II.—Взаимныя отношенія Вильгельма II и Бисмарка.—Отставка Бисмарка и новый курсъ въ политикѣ.—Соціальная политика въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в.—Канцлерства Каприви и Гогенлоэ.—Юридическое объединеніе Германіи. — Польскій вопросъ въ Пруссіи.—Антисемитизмъ въ Германіи.

Если не держаться очень строго хронологическихъ границъ, исторію Германіи послѣ берлинскаго конгресса и изданія закона противъ со-

---

[1]) Кромѣ литературы, указанной въ главахъ VII и VIII, въ которыхъ разсматривается внутренняя жизнь Германіи въ семидесятыхъ годахъ, и кромѣ того, что указано выше по внѣшней и колоніальной политикѣ въ главахъ XII—XIV, см. еще по экономической исторіи Германіи наиболѣе новые труды: *Huber*. Deutschland als Industriestaat (1901).— *W. Sombart*. Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert (1903).—*P. Arndt*. Deutschlands Stellung in der Weltwirtschaft (1907).—*Уильямсъ*. Торжество германской промышленности. „Made in Germany“ (1897).—*G. W. Medley*. The German Bogey: a reply to „made in Germany“ (1896). — *K. Oldenberg*. Deutschland als Industriestaat (1897).—*C. Kindermann*. Deutschlands wirtschaftliche Weltstellung (1909).— *W. H. Dawson*. The evolution of modern Germany (1908). — Спеціально по исторіи экономической политики Германіи указываемъ: *Zimmermann*. Die Handelspolitik des Deutschen Reichs vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart (1899).—*G. Gothein*. Der deutsche Aussenhandel (1901).—*F. C. Huber*. Der gesetzgeberische Ausbau des Deutschen Reiches und seine Wirtschaftspolitik (1906).—Въ спеціальной работѣ *М. Фридмана* объ „обложеніи спирта, сахара, пива и табаку въ Германской имперіи“, составляющей первый томъ его книги „Современные косвенные налоги на предметы потребленія“ (1908) первыя 68 страницъ представляютъ собою очеркъ экономической политики Германской имперіи въ эпоху Бисмарка.— *И. Озеровъ*. Главнѣйшія теченія въ развитіи прямого обложенія въ Германіи (1899).—*M. Heckel*. Die Fortschritte der directen Besteuerung in deutschen Staaten, 1880—1903 (1905).—Въ частности объ отношеніи Бисмарка къ экономическимъ вопросамъ есть тоже цѣлый рядъ работъ, каковы: *Poschinger*. Fürst Bismarck als Volkswirt (сборникъ). — *Zeitlin*. Fürst Bismarck's sozial-, Wirtschafts- und steuerpolitische Anschauungen (1902).—*Schmoller*. Vier Briefe über Bismarck's sozialpolitische und volkswirtschaftliche Stellung und Bedeutung (въ сборн. „Zu Bismarcks Gedächtniss“ 1899).—*W. Röhrich*. Das Finanz-und Zollprogramm des Fürsten Bismarck vom

ціалистовъ до конца XIX в. можно раздѣлить на два періода—восьмидесятыхъ годовъ и девяностыхъ годовъ: первый періодъ, это — еще

15 December 1878.—*Brodnitz*. Bismarck's national-oekonomische Anschauungen (1902).—*H. Blum*. Die Sozialpolitik Bismarcks (1904).—*М. Бернацкій*. Общественно-экономическія воззрѣнія князя Бисмарка („Образованіе" за 1905 г.).— Имѣются равнымъ образомъ работы, посвященныя соціальному законодательству эпохи: *А. Гольденвейзеръ*. Соціальное законодательство Германской имперіи (1890).—*В. Яроцкій*. Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей (1895).—*А. Миклашевскій*. Рабочій вопросъ и соціальное законодательство въ Германіи (1896). — *Anton*. Geschichte der preussischen Fabrikgesetzgebung (1896).—*Frankenstein*. Der Arbeiterschutz, seine Theorie und Politik (1896).—*C. Bornhack*. Die deutsche Sozialgesetzgebung systematisch dargestellt (1890; въ 1900 г. вышло 4, переработанное изданіе).—*М. Герценштейнъ*. Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи (1905).—*E. Conrad*. Der Verein für Socialpolitik und seine Wirksamkeit auf dem Gebiete der gewerbl. Arbeiterfrage (1906).—*M. Wenck*. Geschichte und Ziele der deutschen Sozialpolitik (1908). — *К. Вегнеръ*. О страхованіи рабочихъ въ Германіи (1908).— Очень много было написано о второмъ и особенно о третьемъ императорахъ объединенной Германіи: о Фридрихѣ III см. соч. *Hengst*'а, *R. Rodd*'а (англ.; есть нѣм. пер.), *E. Simon*'а (франц.; есть нѣм. пер.), *W. Müller*'а, *Ziemmssen*'а, всѣ вышедшія въ свѣтъ въ годъ его смерти (1888), когда также появились и „Persönneiche Erinnerungen an Kaiser Friedrich und sein Haus" *H. Dellbrück*'а. Болѣе позднія о немъ книги: *G. Freytag*. Der Kronprinz und die deutsche Kaiserkrone (1892).—*M. Philippson*. Friedrich III, als Kronzprinz und Kaiser (1892).—*Его же*. Das Leben Kaiser Friedrichs III (1900 и 2 изд. 1908, совершенно переработанное) и др.—О Вильгельмѣ II уже были книги и статьи въ самый годъ его восшествія на престолъ: *Hinzpeter*. Kaiser Wilhelm II (1888; авторъ—воспитатель Вильгельма II, издавшій о немъ книгу въ самый годъ его вступленія на престолъ).—*Gr. Douglas*. Was wir von Kaiser Wilhelm zu erwarten haben? (1888). — *E. Lavisse*. Trois empereurs d'Allemagne (1888).—Изъ послѣдующей литературы за истекшія двадцать лѣтъ царствованія Вильгельма II отмѣтимъ: *H. Conradi*. Wilhelm II und die junge Generation (1889).—*Fr. Bauer*. Kaiser und Arbeiter (1891).—*Politikos*. Европейскіе монархи и ихъ дворы (1892).—Wilhelm II, Romantiker und Socialist (1892).—*G. Valbert*. L'empereur Guillaume II et sa manière d'entendre le gouvernement personnel (въ „Rev. des deux mondes" за 1895 г.).—Wilhelm II, wie er geschildert wird und wie er ist, von einem alten Diplomaten (1908).— *S. Gräfin von Wedel-Bérard* (geschiedene). Meine Beziehungen zu S. M. Wilhelm II. Die Wahrheit über Graf Waldersee (1908).— Есть изданія разнаго рода устныхъ и письменныхъ заявленій Вильгельма II: Kaiserreden. Reden und Erlasse, Briefe und Telegramme Kaiser Wilhelms II. Ein Characterbild des deutschen Kaisers (1902).—См. также общедоступное (въ „Universalbibliothek" *Реклама*) изданіе „Die Reden Kaiser Wilhelms" (безъ даты).—Ср. *E. Schroeder*. Ein Tagebuch Kaiser Wilhelms (1903; изд. панегирическаго характера).— Существуетъ также цѣлая литература объ отставкѣ Бисмарка и послѣднихъ восьми годахъ его жизни въ отставкѣ: Wie Bismarck entlassen wurde?— *Penzler*. Fürst Bismarck nach seiner Entlassung (1897—98).—*Liman*. То же заглавіе (1901) и др. Исполнившееся въ 1908 г. десятилѣтіе по смерти Бисмарка дало поводъ къ появленію о немъ нѣсколькихъ брошюръ (*Liman*'а и др.).—

конецъ царствованія Вильгельма I („Великаго“, какъ приказалъ называть его Вильгельмъ II), второй—начало царствованія Вильгельма II, вступившаго на престолъ еще въ 1888 г. Если, однако, мы примемъ въ расчетъ, что въ первые два года новаго царствованія во главѣ управленія все еще оставался „желѣзный канцлеръ“, которому молодой императоръ далъ отставку только въ 1890 г., то указанное хронологическое обозначеніе будетъ еще болѣе правильнымъ: восьмидесятые годы — еще время Бисмарка, девяностые уже цѣликомъ время Вильгельма II. Сравнивая восьмидесятые годы съ семидесятыми, мы можемъ сказать, что въ политикѣ Бисмарка это были два различные періода. Семидесятые годы, эпоха культуркампфа, являются временемъ сближенія Бисмарка съ націоналъ-либералами [1]), но уже къ концу семидесятыхъ годовъ Бисмаркъ сталъ обнаруживать большее тяготѣніе къ консервативнымъ силамъ, въ которыхъ видѣлъ лучшій оплотъ противъ соціализма, что̀ и было одною изъ причинъ прекращенія имъ культуркампфа [2]). Однимъ изъ признаковъ разрыва Бисмарка съ націоналъ-либералами былъ рѣшительный переходъ его на сторону протекціонизма въ то время, какъ націоналъ-либералы были ярыми фритредерами [3]), и въ связь съ этимъ поворотомъ въ экономической политикѣ имперскаго канцлера слѣдуетъ поставить также перемѣну въ его отношеніи къ вопросу о пріобрѣтеніи Германіей колоній въ другихъ частяхъ свѣта [4]). Теорія „laisser faire, laisser passer“ менѣе всего подходила къ властному характеру желѣзнаго канцлера, а тутъ еще успѣхи германской соціалъ-демократіи наводили его на мысль о необходимости овладѣть рабочимъ движеніемъ, дабы придать ему направленіе, согласное съ видами правительства, чего, казалось Бисмарку, лучше всего можно было бы достигнуть, взявъ рабочихъ подъ покровительство „соціальнаго законодательства“. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвалъ и наконецъ совсѣмъ прекратился культуркампфъ семидесятыхъ годовъ, все сильнѣе, наоборотъ, проявлялись новыя стремленія, характеризующія восьмидесятые годы, т.-е. протекціонизмъ, колоніальная политика и соціальное законодательство, оставленные Бисмаркомъ въ наслѣдство и новому царствованію, которое во всѣхъ этихъ трехъ отношеніяхъ

Что касается Капріви и Гогенлоэ, то о первомъ изъ нихъ есть сочиненія *Schreck*'а (1891), *R. Arndt*'а (1894), *Schneidewinn*'а (Das politische System des Reichskanzlers Grafen von Caprivi, 1894) и др., а о Гогенлоэ—*Rust*. Reichskanzler Fürst Chlodwig zu Hohenlohe und seine Brüder (1897).—*Völherdorff*. Vom Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe Erinnerungen (1902) и др.

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 238—239, 245—246 и др.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 263.

[3]) См. т. VI, ч. 1, стр. 272—273.

[4]) См. выше, стр. 51 и слѣд.

не только не порывало связей съ бисмаркіанской традиціей, но, наоборотъ, дало ей еще большее развитіе. Отношенія, образовавшіяся между императорскою властью и народнымъ представительствомъ, между имперскимъ канцлеромъ и политическими партіями, давали, какъ извѣстно [1]), перевѣсъ исполнительной власти надъ законодательною, благодаря чему Бисмаркъ могъ всегда добиваться въ концѣ концовъ всего, что̀ ему было нужно, то искусно заключая союзы съ однѣми партіями противъ другихъ, то распуская рейхстагъ и назначая новые выборы. До самаго конца своего канцлерства онъ продолжалъ руководить и внѣшнею политикою Германіи, для большей успѣшности которой усиливалъ милитаризмъ. Новымъ—въ послѣднемъ отношеніи— было то, что превращеніе Германіи, въ восьмидесятыхъ годахъ, въ колоніальную державу ставило передъ нею задачу созданія могущественнаго флота, сдѣлавшуюся одною изъ главныхъ заботъ Вильгельма II. Какъ бы, однако, ни объяснялись всѣ перемѣны во внутренней политикѣ имперскаго правительства восьмидесятыхъ годовъ тѣми или другими мотивами ея руководителей и прежде всего Бисмарка, громадное вліяніе на эту политику, конечно, оказывало и то обстоятельство, что къ этому времени завершилось начавшееся раньше [2]) превращеніе Германіи въ одну изъ первыхъ во всемъ мірѣ странъ развитой обрабатывающей промышленности со всѣми послѣдствіями этого факта, начиная отъ усиленія вліянія, оказываемаго на политику со стороны торгово-промышленныхъ классовъ, и кончая сильнымъ ростомъ рабочаго движенія. Бисмаркъ въ теченіе всѣхъ двѣнадцати лѣтъ, протекшихъ отъ изданія законовъ противъ соціалистовъ до его отставки, оставался вѣренъ политикѣ репрессивнаго законодательства: только отставка желѣзнаго канцлера освободила Германію отъ этого наслѣдія 1878 года, такъ что и по отношенію къ исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи годъ отставки перваго имперскаго канцлера имѣетъ значеніе грани между двумя періодами ея существованія въ ближайшее къ намъ время. Исходя именно изъ такихъ соображеній о несходствѣ между семидесятыми и восьмидесятыми годами въ политикѣ Бисмарка, мы въ главѣ о первомъ изъ этихъ двухъ періодовъ забѣжали нѣсколько впередъ во второй періодъ,когда рѣчь шла о культуркампфѣ, какъ о характернѣйшемъ явленіи семидесятыхъ годовъ, оставивши при этомъ для разсмотрѣнія въ настоящей только главѣ нѣкоторыя явленія семидесятыхъ годовъ, давшія свои настоящіе плоды лишь въ слѣдующемъ десятилѣтіи.

Въ 1872 г. противъ манчестерства образовалось среди профессо-

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 235—237.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 252 и 271—272

ровъ политической экономіи въ Германіи направленіе, которому его противники дали кличку „катедеръ-соціализма“ [1]), такъ какъ, по ихъ представленію, новое направленіе было не чѣмъ инымъ, какъ соціализмомъ, преподаваемымъ съ университетской каѳедры. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что теорія „laissez passer, laissez faire“ нашла въ лицѣ нѣмецкихъ экономистовъ весьма несочувственныхъ критиковъ, которые рекомендовали государству взять на себя заботу о рабочихъ въ смыслѣ улучшенія ихъ быта въ отношеніи къ ихъ жилищамъ, рабочему времени, внѣшнимъ условіямъ труда, для чего требовалось изданіе соотвѣтственныхъ законовъ съ учрежденіемъ фабричной инспекціи. Кромѣ того, катедеръ-соціалисты указывали на необходимость регулированія государствомъ банковаго и биржевого дѣла. Во главѣ новаго направленія стоялъ берлинскій профессоръ Густавъ Шмоллеръ, бывшій тогда еще въ цвѣтѣ лѣтъ [2]), объединяющимъ же представителей катедеръ-соціализма учрежденіемъ сдѣлался „Союзъ для соціальной политики“ (Verein für Socialpolitik). Къ этому направленію весьма сочувственно отнеслась партія центра, всегда бывшая враждебною либерализму и стояла за государственную помощь слабымъ, особенно ремесленникамъ, среди которыхъ она вербовала своихъ сторонниковъ. Особенно эту точку зрѣнія защищалъ и пропагандировалъ мюнхенскій патеръ Гице, впослѣдствіи сдѣлавшійся профессоромъ въ Мюнстерѣ. Весьма сочувственно отнеслась къ направленію и евангелическая христіанско-соціальная партія, руководимая Штёккеромъ [3]). Въ непосредственно практическомъ отношеніи было важно, конечно, не то, что новую экономическую политику защищали университетскіе профессора или протестантскіе пасторы, а то, что у нея были и въ рейхстагѣ такіе сильные сторонники, какъ вся партія центра, видѣвшая въ этой политикѣ осуществленіе ученія церкви о необходимости помощи страждущимъ и обремененнымъ. Экономическіе и соціалъ-политическіе планы Бисмарка въ ней и нашли наиболѣе сильную поддержку.

Начало правительственной дѣятельности Бисмарка совпало по времени съ наибольшею популярностью въ широкихъ кругахъ обще-

---

[1]) *H. Oppenheim.* Der Kathedersozialismus (1872).—*A. Wagner.* Offener Brief an Herrn H. Oppenheim (1872).—Verhandlungen der Eisenacher Versammlung zur Besprechung der sozialen Frage (1873).—*L. Bamberger.* Die Arbeiterfrage (1873).—*Brentano.* Die wissenschaftliche Leistung der Herrn L. Bamberger (1873).—*Laspeyres.* Die Kathedersozialisten (1875).—*Treitschke.* Der Sozialismus und seine Gönner (1875).—*Schmoller.* Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft (1875).—*Lexis.* Kathedersozialismus (въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ Конрада) —*Н. Анненскій.* Очерки новыхъ направленій въ экономической наукѣ (въ „Дѣлѣ“ за 1882 г.).

[2]) Ему было тогда 34 года.

[3]) См. т. VI, ч. 1, стр. 297.

ства теоріи свободной торговли, когда замѣчательное развитіе англійской промышленности разсматривалось, какъ результатъ перехода англійскаго законодательства на сторону принципа свободы торговли [1]). Сначала и Бисмаркъ раздѣлялъ такой взглядъ, но очень скоро онъ перешелъ на другую точку зрѣнія и началъ утверждать, что торговля должна регулироваться государствомъ. Прежде всего онъ находилъ, что великимъ зломъ для торговли является раздробленность въ Германіи желѣзно-дорожнаго дѣла между нѣсколькими государствами, и уже въ 1875—76 гг. хлопоталъ объ объединеніи желѣзно-дорожнаго дѣла въ рукахъ имперскаго правительства, предложивъ, между прочимъ, покупку имперіей прусскихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Этотъ планъ Бисмарка, однако, потерпѣлъ крушеніе вслѣдствіе сопротивленія другихъ германскихъ правительствъ, отстаивавшихъ мѣстные „суверенитеты“. Въ 1877 г. Бисмаркъ предложилъ рейхстагу поддержать отечественную желѣзо-дѣлательную промышленность введеніемъ охранительной пошлины на иностранное желѣзо, но встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны націоналъ-либераловъ, и его предложеніе было отвергнуто въ рейхстагѣ двумя третями голосовъ (212 изъ 323). Къ этому времени и относится уже упоминавшееся выше [2]) предложеніе Бисмарка Бенингсену вступить въ министерство, такъ какъ тогда онъ все еще хотѣлъ идти рука объ руку съ націоналъ-либералами. Въ слѣдующемъ году Бисмаркъ развилъ въ прусской палатѣ свои финансовые планы, заключавшіеся въ томъ, чтобы создать для имперіи независимые отъ отдѣльныхъ государствъ доходы путемъ развитія косвенныхъ налоговъ, не скрывъ, что конечною его цѣлью является созданіе табачной монополіи. Но особенно важнымъ было то, что уже въ серединѣ семидесятыхъ годовъ у Бисмарка былъ цѣлый планъ такой экономической политики, цѣлью которой прямо ставилось огражденіе какъ промышленности, такъ и сельскаго хозяйства отъ иностранной конкурренціи. При выработкѣ этого плана и проведеніи его въ жизнь у канцлера нашлось не мало совѣтниковъ и помощниковъ (между ними Лотаръ Бухеръ), а манифестомъ, такъ сказать, новой экономической политики явилась вышедшая въ свѣтъ въ 1875 г. брошюра „Противъ теченія“ (Wider den Strom). Авторомъ ея былъ нѣкто Ф. Кардорффъ, лидеръ имперской партіи, крупный землевладѣлецъ и промышленникъ въ Силезіи, который въ 1876 г. основалъ и соотвѣтственный „Zentralverband deutscher Industrieller zur Förderung und Wahrung nationaler Arbeit“. Лозунгъ охраны національнаго труда въ рейхстагѣ, выбранномъ въ 1878 году, имѣлъ за себя уже прочное

---

[1]) Т. V, стр. 749 и 761 и слѣд.
[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 246.

большинство, состоявшее изъ консервативной партіи и партіи центра, которыя располагали болѣе, чѣмъ пятьюдесятью голосами каждая, съ центромъ, у котораго было около сотни голосовъ [1]). На сторону этого большинства, кромѣ того, перешли нѣкоторые члены маленькихъ польской и эльзасской партій и даже изъ партіи националъ-либераловъ. Союзный совѣтъ въ томъ же году назначилъ особую тарифную коммиссію, которая къ веснѣ 1879 года и окончила свою работу.

Проектъ новаго тарифа встрѣтилъ рѣзкую критику со стороны нѣмецкихъ фритредеровъ, которые указывали, напр.,—въ данномъ случаѣ несогласно съ истиной,—будто новыя хлѣбныя пошлины были выше англійскихъ въ 1840 г., когда дѣйствовали не отмѣненные еще хлѣбные законы [2]). Бисмаркъ самъ защищалъ проектъ тарифа въ рейхстагѣ, доказывая, что проектъ имѣетъ умѣренный, отнюдь не боевой характеръ, и что имъ только исправляются ошибки слишкомъ оптимистической, односторонней и черезчуръ теоретичной доктрины свободной торговли: цѣль его въ томъ, чтобы, съ одной стороны, придти на помощь національному труду, съ другой—создать для имперіи независимый источникъ доходовъ, вмѣсто взносовъ отъ отдѣльныхъ государствъ, ложащихся крайне неравномѣрно и на бѣдную Тюрингію, и на богатые Гамбургъ или Бременъ. Наконецъ, имперскій канцлеръ указывалъ на необходимость для Германіи быть и въ хозяйственномъ отношеніи національнымъ цѣлымъ, тѣмъ болѣе, что созданіе самостоятельныхъ источниковъ для имперскихъ доходовъ только скрѣпитъ политическое единство, такъ какъ средства отдѣльныхъ государствъ не будутъ высасываться имперіей, но, наоборотъ, имперія сама будетъ имъ помогать изъ своихъ собственныхъ средствъ. На этотъ разъ Бисмаркъ былъ счастливѣе, чѣмъ въ 1878 г., и отвергнутое тогда предложеніе о пошлинѣ на желѣзо было теперь (въ маѣ 1879 г.) принято рейхстагомъ большинствомъ 228 голосовъ противъ всего 88, что было полнымъ пораженіемъ националъ-либеральной партіи. По этому поводу националъ-либеральный предсѣдатель собранія (Максъ Форкенбекъ) даже сложилъ свою должность, и преемникомъ его сдѣлался консерваторъ (ф. Зейдевицъ) при первомъ товарищѣ предсѣдателя изъ центра (ф. Франкенштейнѣ). Черезъ два мѣсяца (въ іюлѣ) большинствомъ 217 голосовъ противъ 117 былъ принятъ рейхстагомъ и законъ о хлѣбныхъ пошлинахъ, причемъ изъ националъ-либеральной фракціи

---

[1]) Объ обстоятельствахъ, при какихъ были произведены выборы 1878 г., см. т. VI, ч. 1, стр. 293.

[2]) Т. IV, стр. 588—589 и т. V, стр. 95—96. Въ Англіи до 1840 г. пошлины составляли 30% цѣны продукта, съ 1840 г.—7%, тогда какъ въ Германіи тарифъ 1879 г. облагалъ рожь 4%, а пшеницу 6%.

рейхстага (но не изъ партіи вообще) вышло около двадцати депутатовъ, въ числѣ ихъ исторіографъ новой Германской имперіи Генрихъ ф. Трейчке [1]).

Для націоналъ-либеральной партіи, до того времени шедшей рука объ руку съ Бисмаркомъ, это было началомъ полнаго съ нимъ разрыва. Имперскій канцлеръ самъ въ это время искалъ новыхъ союзниковъ въ рейхстагѣ для своей экономической политики и ради сближенія съ центромъ круто сталъ поворачивать назадъ въ борьбѣ съ клерикализмомъ: отставка прусскаго министра культовъ Фалька по времени совпадаетъ съ побѣдою Бисмарка относительно хлѣбныхъ пошлинъ [2]). Понятно, что, имѣя въ рейхстагѣ большинство, благопріятное новому курсу, Бисмаркъ не могъ остановиться въ своей экономической политикѣ на достигнутомъ, и однимъ изъ первыхъ его шаговъ было завершить экономическое объединеніе Германіи въ одно цѣлое въ торговомъ отношеніи. Какъ извѣстно, начало таможенному объединенію Германіи было положено прусскимъ цолльферейномъ [3]), но въ его составъ не входили оба ганзейскихъ города, самые крупные порты Германіи, Гамбургъ и Бременъ. Такъ какъ Гамбургъ упорно не обнаруживалъ желанія вступить въ таможенный союзъ и послѣ основанія Сѣверо-германскаго союза, превратившагося въ Германскую имперію, то въ 1880 г. Бисмаркъ вошелъ въ союзный совѣтъ съ предложеніемъ включить въ союзъ шлезвигъ-гольштейнскую Альтону съ непосредственно примыкающимъ къ ней гамбургскимъ предмѣстьемъ св. Павла, остававшуюся внѣ союза изъ особаго вниманія къ самому Гамбургу. Въ этомъ послѣднемъ прусское предложеніе вызвало крайнее неудовольствіе, и желаніе Гамбурга оставаться вольною гаванью нашло не мало защитниковъ среди сторонниковъ свободной торговли. Полемика по этому случаю дошла до того, что когда большинство націоналъ-либераловъ высказалось противъ притязанія Гамбурга пользоваться исключительнымъ положеніемъ въ имперіи, отъ этой партіи отпало ея лѣвое, особенно рѣзко фритредерское крыло съ

---

[1]) *Treitschke* былъ съ 1863 г. профессоромъ исторіи въ разныхъ германскихъ университетахъ (въ томъ числѣ и въ берлинскомъ), а съ 1871 г. и членомъ рейхстага, въ которомъ выступалъ горячимъ сторонникомъ пруссачества и политики Бисмарка. Главный его трудъ—„Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert“, начавшій выходить въ свѣтъ въ 1879 г., доставилъ ему въ 1886 г. званіе прусскаго исторіографа. Вышли также и Völk съ Schauss'омъ, о которыхъ см. т. VI, ч. 1, стр. 246, прим. 2.

[2]) Объ этой отставкѣ см. т. VI, ч. 1, стр. 264. Фалькъ получилъ ее 14 іюля 1879 г., а засѣданіе рейхстага, въ которомъ были приняты пошлины, было 12 іюля.

[3]) Т. IV, стр. 348—349 и т. V, стр. 181—183.

Ласкеромъ, Бамбергеромъ, Форкенбекомъ и др. [1]), образовавъ особую группу сецессiонистовъ (1880), которая черезъ четыре года слилась съ рихтеровской прогрессистской партiей въ германско-свободомыслящую партiю [2]). По вопросу о Гамбургѣ Бисмаркъ добился своего лишь въ 1881 г., когда былъ заключенъ договоръ между имперiей и Гамбургомъ, въ силу котораго послѣднiй долженъ былъ съ осени 1888 г. войти въ составъ цолльферейна [3]). На дѣлѣ оказалось, что Гамбургъ отъ этого только выигралъ, сдѣлавшись первымъ торговымъ портомъ на материкѣ. Бременъ послѣдовалъ примѣру Гамбурга нѣсколько позднѣе, заключивъ договоръ съ имперiей о включенiи въ таможенный союзъ только въ 1885 г. Къ этой же эпохѣ относится и начало соцiальной политики Бисмарка, о которой рѣчь будетъ идти впереди. Проводить ее имперскому канцлеру пришлось уже при очень измѣнившемся составѣ рейхстага.

До 1881 г. большинство въ рейхстагѣ принадлежало всегда „тремъ, по выраженiю Бисмарка, компанiямъ“, вождемъ которыхъ онъ могъ себя считать, но эти три компанiи, т.-е. партiя консервативная, имперская и нацiоналъ-либеральная, вошли въ составъ рейхстага 1881 г. всего лишь въ количествѣ 121 человѣка, что̀ крайне раздражило канцлера, уже тогда,—какъ недавно сдѣлалось извѣстнымъ,—говорившаго о возможности измѣненiя конституцiи [4]). Дѣло до этого, конечно, не дошло, но зато рейхстагу, въ которомъ были сильны сторонники манчестерства, объявлено было съ самаго же начала о твердомъ намѣренiи правительства встпить на путь соцiальной политики, сущность которой стояла въ рѣзкомъ противорѣчiи съ основными положенiями этого экономическаго направленiя.

О соцiальной политикѣ рѣчь будетъ идти еще особо. Отмѣтимъ только, что цѣлью ея была государственная помощь рабочему классу. То обстоятельство, что о своихъ намѣренiяхъ правительство возвѣстило особенно торжественно въ формѣ прямого обращенiя монарха, выражавшаго личное свое желанiе, дало оппозицiи поводъ говорить о неконституцiонности этого шага, и это вызвало даже оффицiальный

---

[1]) Объ этихъ лицахъ см. т. VI, ч. 1, стр. 246 и выше, стр. 67.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 240.

[3]) Гамбургу было, впрочемъ, дозволено оставить часть городской территорiи подъ porto franco, для оборудованiя котораго онъ получилъ отъ имперiи 40 миллiоновъ марокъ.

[4]) Князь Хлодвигъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ, тогдашнiй посолъ въ Парижѣ, въ недавно изданномъ (1906) дневникѣ записалъ такiя слова Бисмарка: „нѣмцы не умѣютъ обращаться съ нюрнбергскою игрушкою, которую я имъ далъ; они ее портятъ. Если дѣло такъ пойдетъ и впредь, то союзныя правительства снова вернутся къ старому бундестагу, сохранятъ только военный и таможенный союзъ, а отъ рейхстага откажутся“.

отвѣтъ со стороны прусскаго правительства, указывавшій на то, что конституція лишь „ограничила, но не отмѣнила право короля вести по собственному усмотрѣнію (nach eigenem Ermessen) управленіе Пруссіей и ея политику“. Ту же точку зрѣнія нѣсколькими днями позже Бисмаркъ защищалъ въ страстной рѣчи [1]), произнесенной въ рейхстагѣ (въ январѣ 1882 г.). Чтобы лучше справиться съ экономическимъ законодательствомъ, еще въ августѣ 1880 г. онъ взялъ на себя должность прусскаго министра торговли и образовалъ для Пруссіи особый народно-хозяйственный совѣтъ (Volkswirtschaftsrat) изъ 75 членовъ, среди которыхъ было до 15 ремесленниковъ и рабочихъ и особенно видную роль игралъ Лотаръ Бухеръ, до мозга костей проникнутый бисмаркизмомъ [2]). Сначала изъ всѣхъ политическихъ партій поддерживали новую политику Бисмарка только центръ, христіанскіе соціалы, но имперскій канцлеръ не раздѣлялъ исключительно церковной точки зрѣнія первой партіи и антисемитизмъ, который сталъ все больше характеризовать вторую. Главнымъ противникомъ Бисмарка въ эти годы былъ вождь прогрессистовъ Евгеній Рихтеръ, отличавшійся большою твердостью воли, язвительнымъ остроуміемъ, блестящимъ краснорѣчіемъ, обширными знаніями въ тѣхъ областяхъ, о которыхъ ему приходилось говорить, и соединявшій со всѣми этими качествами любовь къ политической свободѣ, но въ вопросахъ экономическихъ бывшій чистѣйшимъ представителемъ манчестерства. Въ своей оппозиціи политикѣ имперскаго канцлера онъ нерѣдко задѣвалъ и его самого заподозрѣваніями совершенно личнаго характера, что послужило для бисмаркіанцевъ поводомъ назвать Рих-

---

[1]) Въ ней онъ напалъ на то, что назвалъ „конституціонными легендами, которыя подобно густому вьющемуся растенію, закрыли ясный буквальный смыслъ прусской конституціи“. Она „говоритъ, что исполнительная власть принадлежитъ королю, а о министрахъ нѣтъ и рѣчи... Министерская диктатура (въ ней обвиняли Бисмарка) возможна только при замѣнѣ королевскаго правленія министерскимъ. Если вы хотите отнять у насъ этого мощнаго, пустившаго такіе глубокіе корни въ нашей вѣковой славной исторіи короля (=королевскую власть), улетучить его въ какое-то заоблачное царство (in ein Wolkenkuckucksheim verflüchtigen), такъ чтобы его намъ и видно не было, то вы принесете намъ только хаосъ. Безъ этого короля, который не далъ развиться опирающемуся на большинство майордомству, мы и теперь еще сидѣли бы себѣ въ Эшенгеймскомъ переулкѣ“, ибо и пріобрѣтеніе герцогствъ и объединеніе Германіи произошли вопреки большинству. Поэтому „предоставьте королю выйти изъ министерскаго инкогнито и говорить непосредственно народу“.

[2]) Лотаръ Бухеръ былъ однимъ изъ наиболѣе радикальныхъ членовъ прусскаго національнаго собранія 1848 г., болѣе десяти лѣтъ находился въ заграничной эмиграціи, а въ 1864 г. получилъ видную должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Совмѣстная работа бывшаго прусскаго юнкера и бывшаго прусскаго радикала особенно умиляетъ нѣмецкихъ историковъ.

тера Терситомъ германскаго Ахилла. Бисмарка не менѣе, чѣмъ Рихтеръ, ненавидѣлъ также и вождь центра Виндгорстъ, но въ области соціальной политики имперскій канцлеръ и глава клерикаловъ до извѣстной степени между собою сходились.

Видное мѣсто въ экономическихъ планахъ Бисмарка занималъ еще вопросъ о германскихъ желѣзныхъ дорогахъ, которыя, принадлежа разнымъ государствамъ и частнымъ компаніямъ, своимъ соперничествомъ и вообще несогласованностью своихъ дѣйствій немало вредили хозяйственной жизни страны. Благодаря несообразностямъ тарифовъ, напр., въ Силезіи, привозныя изъ Австріи дрова стоили дешевле мѣстныхъ. Первоначально сдѣланная Бисмаркомъ попытка привести въ дѣйствіе § 42 имперской конституціи, говорившій объ единой желѣзнодорожной сѣти, какъ мы видѣли, потерпѣла неудачу, и тогда (еще въ 1876 г.) Бисмаркъ предложилъ выкупъ въ пользу имперіи всѣхъ прусскихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ длиною въ четыре тысячи сто километровъ. Но и это не встрѣтило сочувствія въ союзныхъ правительствахъ, а отчасти и въ населеніи. Имперскому канцлеру послѣ этого оставалось только добиться желѣзнодорожной реформы на задуманныхъ имъ началахъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Пруссіи, въ расчетѣ на то, что современемъ какъ другія правительства, такъ и частныя общества откажутся отъ своего прежняго партикуляризма. Помощникомъ себѣ въ этомъ дѣлѣ онъ взялъ въ 1878 г. Майбаха, занимавшаго передъ тѣмъ должность предсѣдателя въ имперскомъ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ, но бывшаго крайне недовольнымъ полною невозможностью что-либо дѣлать на этомъ посту. Теперь онъ сталъ во главѣ прусскаго министерства общественныхъ работъ и принялся за дѣло „огосударствленія“ (Verstaatlichung) желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи съ такой энергіей, что ко времени его отставки (въ 1891 г.) Пруссія обладала уже тридцатью тысячами километровъ казенныхъ дорогъ. Система Майбаха заключалась въ томъ, чтобы сразу предлагать частнымъ обществамъ хорошія цѣны и тѣмъ самымъ быстро кончать дѣло. Все сложное желѣзнодорожное хозяйство онъ повелъ такъ искусно, что государство стало получать барыши, которые шли на новыя постройки или на разныя усовершенствованія и на увеличеніе содержанія всѣхъ работниковъ желѣзнодорожнаго дѣла. Въ дѣлѣ тарифовъ онъ старался держать въ равновѣсіи интересы восточной и западной половинъ монархіи, не создавая преимуществъ ни для сельскаго хозяйства первой, ни для обрабатывающей промышленности второй. Менѣе счастливъ былъ Бисмаркъ со своимъ проектомъ введенія въ имперіи табачной монополіи по примѣру Франціи, Австріи и Италіи, гдѣ казна имѣла отъ продажи табаку отъ $2^1/_2$ до $5^1/_2$ и даже больше марокъ на каждаго жителя, тогда какъ въ Германіи на

одного жителя приходилась только одна марка, что французскій экономистъ Леруа-Больё въ финансовомъ отношеніи называлъ глупостью, а въ нравственномъ — скандаломъ. Бисмаркъ высчитывалъ, что, даже заплативъ фабрикантамъ и рабочимъ, которымъ казна не въ состояніи была бы давать заработокъ, около 250 милліоновъ вознагражденія, все-таки имперія будетъ получать ежегодный доходъ въ сто шестьдесятъ слишкомъ милліоновъ марокъ, а это могло бы облегчить налоговое бремя въ отдѣльныхъ государствахъ и поставить на собственныя ноги имперскіе финансы. Не безъ труда провелъ Бисмаркъ свое предложеніе въ союзномъ совѣтѣ, но въ рейхстагѣ оно потерпѣло лѣтомъ 1882 г. рѣшительное пораженіе: за него было подано только сорокъ съ небольшимъ голосовъ. Причины этого были разныя: партикуляристы вообще относились подозрительно къ каждому усиленію имперской власти; конституціоналисты были противъ умноженія косвенныхъ налоговъ, потому что они не вотируются ежегодно рейхстагомъ; фритредеры видѣли въ монополіи нарушеніе промышленной свободы и даже начало соціализма. Бисмаркъ рѣзко порицалъ поведеніе въ этомъ дѣлѣ рейхстага, сказавъ въ одной тогдашней рѣчи, что отнынѣ имперское единство покоится не на рейхстагѣ, для котораго оно должно было бы быть первою заботою, а на династіяхъ, проникшихся національнымъ чувствомъ. „Я, прибавилъ при этомъ Бисмаркъ, не могу въ безсонныя ночи отдѣлаться отъ мысли, что, быть можетъ, наши сыновья будутъ снова засѣдать вокругъ такъ хорошо мнѣ знакомаго круглаго стола франкфуртскаго бундестага". На эту рѣчь горячо отвѣчалъ Рихтеръ въ томъ смыслѣ, что стоитъ только имперіи отказаться отъ колоссальныхъ тратъ на военныя надобности—и денегъ будетъ вполнѣ достаточно. Задѣтый за живое, Бисмаркъ доказывалъ, что вся его забота съ 1871 г. заключалась въ томъ, чтобы помѣшать образованію могущественной коалиціи противъ Германіи, и что всѣ его усилія въ этомъ направленіи не привели бы ни къ чему, если бы за ними какъ-разъ не стояла германская армія. Позднѣе Бисмаркъ сдѣлалъ предложеніе ввести въ Германіи водочную монополію, которая по его расчету могла бы дать казнѣ ежегодный доходъ въ 300 милліоновъ марокъ, но и этотъ проектъ провалился въ рейхстагѣ, гдѣ за него было подано только три голоса при 37 депутатахъ, воздержавшихся отъ голосованія.

Къ этой же эпохѣ относится и начало колоніальной политики Бисмарка, которая нами была уже разсмотрѣна въ другомъ мѣстѣ въ связи съ колоніальной политикой другихъ государствъ въ послѣднія два десятилѣтія XIX вѣка [1]). Напомнимъ только, что сначала рейхс-

---

[1]) См. въ главѣ XIV, стр. 51 и слѣд.

тагъ относился несочувственно къ оказанію государственной помощи частнымъ предпріятіямъ въ заокеанскихъ странахъ, но что въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ перемѣнилъ свой взглядъ, благодаря чему Германія мало-по-малу пріобрѣла въ Африкѣ и на островахъ Тихаго океана колоніальную территорію, въ пять разъ бо̀льшую, чѣмъ сама Германія. Къ исторіи колоніальной политики Бисмарка относится одинъ эпизодъ, имѣющій отношеніе къ его политикѣ и въ другой области. Когда въ 1885 г. германское правительство задумало утвердить власть имперіи на Каролинскихъ островахъ, въ Испаніи произошло сильное народное движеніе противъ Германіи, — съ дворца германскаго посла въ Мадридѣ уличная толпа сорвала имперскій гербъ, — и дѣло даже грозило войною. Стоявшій во главѣ морского вѣдомства генералъ Каприви былъ того мнѣнія, что Испанію разбить на морѣ не будетъ стоить ни малѣйшаго труда, но Бисмаркъ нашелъ, что побѣда навѣрняка не приноситъ славы („à vainre sans péril, on triomphe sans gloire"), и что вообще дѣло этого не сто̀итъ, а потому предложилъ обратиться къ третейскому суду. Всѣхъ тогда необычайно поразилъ выборъ Бисмаркомъ въ третейскіе судьи папы Льва XIII, а въ протестантскихъ и либеральныхъ кругахъ Германіи это вызвало даже негодованіе. Со стороны имперскаго канцлера здѣсь былъ очень ловкій дипломатическій ходъ: занятіе германскимъ военнымъ судномъ одного изъ Каролинскихъ островов является ошибкой, которую нужно было исправить, а главное, Бисмаркъ очень хотѣлъ залѣчить послѣднія раны, напоминавшія о культуркампфѣ. Левъ XIII былъ очень польщенъ такимъ обращеніемъ къ нему Германіи и взялъ на себя роль трейскаго судьи, признавъ, однако, суверенитетъ надъ спорными островами за Испаніей и выговоривъ въ пользу Германіи на Каролинскихъ островахъ одну угольную станцію и свободу торговли. Бисмаркъ по случаю этого обращенія къ папскому суду получилъ отъ Льва XIII никогда не дававшійся раньше протестантамъ орденъ Христа. Примиреніе съ католическою церковью было полное.

Какъ относились къ колоніальной политикѣ имперіи отдѣльныя партіи, объ этомъ уже было упомянуто въ другомъ мѣстѣ [1]). Впрочемъ, ни консерваторы, ни центръ не препятствовали этой политикѣ, а иногда даже и со̀дѣйствовали, болѣе же принципіальную ей оппозицію дѣлали только соціалъ-демократы [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 56 и слѣд.

[2]) *P. Rohrbach* въ своей книгѣ „Deutschland unter den Weltvölkern" говоритъ по этому поводу, что „kraft des besonderen, im Grunde echt spieszbürgelichen, kurzsichtigen und materialistisch verbiszenen Typus, zu dem sie (соціалъ-демократія) sich gerade in Deutschland entwickelt hat, wird sie bei

Отъ экономической и колоніальной политики Германской имперіи съ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ переходимъ къ ея соціальному законодательству. Первыя проявленія соціальной политики въ Пруссіи историки этого направленія въ дѣятельности ея правительства относятъ еще къ концу двадцатыхъ годовъ, когда властями было обращено вниманіе на то, что въ рейнскомъ промышленномъ округѣ широко пользовались на фабрикахъ работою дѣтей чуть не съ четырехлѣтняго возраста за самую грошовую плату при десяти- и двѣнадцатичасовой, иногда даже четырнадцатичасовой работѣ, вслѣдствіе чего страдали и здоровье, и физическое развитіе этихъ дѣтей. Какъ то было и въ Англіи въ самомъ началѣ фабричнаго законодательства [1]), къ филантропическимъ соображеніямъ примѣшивались, въ указаніяхъ на это зло, и предостереженія относительно могущаго отсюда быть вреда: въ такомъ государствѣ, какъ Пруссія, гдѣ заботы о военномъ могуществѣ стояли всегда на первомъ планѣ и гдѣ еще въ XVIII столѣтіи въ видахъ правильности рекрутскаго набора правительство отказывалось отъ своихъ распоряженій, имѣвшихъ въ виду улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ [2]), интересы арміи и въ данномъ случаѣ выдвигались на первый планъ, но на этотъ разъ въ выгодномъ для филантропіи смыслѣ. Одинъ изъ прусскихъ генераловъ въ 1828 г. обратилъ вниманіе Фридриха-Вильгельма III на то, что Рейнская область не въ состояніи давать надлежащій контингентъ новобранцевъ вслѣдствіе вырожденія населенія. Самъ провинціальный ландтагъ этой области, въ значительной мѣрѣ состоявшій изъ мѣстныхъ фабрикантовъ, сдѣлалъ королю представленіе о необходимости принять мѣры противъ такого зла. Правительство, однако, не торопилось и только въ 1839 г. распорядилось запретить трудъ дѣтей моложе девяти лѣтъ, а пользованіе трудомъ дѣтей моложе шестнадцати лѣтъ ограничить лишь дневными часами и притомъ не болѣе десяти въ сутки. За этимъ послѣдовали новыя распоряженія, какъ, напр., вмѣненіе полиціи въ обязанность блюсти за тѣмъ, чтобы ремесленные ученики содержались въ условіяхъ, не вредныхъ для ихъ здоровья и нравственности (1845), или запрещеніе принуждать къ работѣ въ воскресные и праздничные дни, кромѣ случаевъ крайней необходимости (1849) и т. п. Но для надзора за исполненіемъ этихъ законовъ не существовало спеціальныхъ органовъ, да и въ законахъ была неопредѣленность, были оговорки.

uns von innen heraus schwerlich je zu einem ähnlich freien Standpunkt gelangen, wie ihn die englische und selbst ein Theil der französischen Sozialdemokratie in weltpolitischen Fragen gewonnen hat“, стр. 27 (по изд. 1908 г.).

[1]) Т. V, стр. 213.

[2]) Т. III, стр. 393.

Издавались они притомъ съ большими промежутками времени, на что указываютъ отмѣченныя выше ихъ даты, и лишь въ 1853 г., наприм., запрещено было пользоваться работою дѣтей ниже 12-лѣтняго возраста, трудъ до 14-лѣтняго возраста ограничивался 6 часами при трехъ часахъ обязательнаго школьнаго обученія и т. п., и впервые учреждена фабричная инспекція, но только „гдѣ въ ней окажется надобность". Начало баварскаго законодательства относительно ограниченія дѣтской работы во вредныхъ для здоровья производствахъ относится тоже лишь къ 1840 г., какъ и баденскаго, вообще немногимъ раньше перваго французскаго закона о дѣтскомъ трудѣ [1]), а въ Вюртембергѣ и въ Саксоніи первые фабричные законы относятся даже лишь къ 1861 г., въ мелкихъ же государствахъ прямо ничего подобнаго и совсѣмъ не было. Только по основаніи Сѣверо-Германскаго союза было распространено на всѣ вошедшія въ его составъ земли дѣйствіе общаго закона, бывшаго въ существенныхъ своихъ чертахъ воспроизведеніемъ порядковъ, установленныхъ въ Пруссіи, съ кое-какими улучшеніями и дополненіями, а превращеніе союза въ имперію сопровождалось введеніемъ общаго закона и въ южно-германскихъ государствахъ (въ Эльзасъ-Лотарингіи только въ 1889 г.). Фабриканты были очень недовольны государственнымъ вмѣшательствомъ съ его „вредными, какъ они говорили, стѣсненіями (Fesseln) промышленности", а съ другой стороны, слышались жалобы и на недостаточность существующихъ законовъ, которые не касались, напр., женскаго труда, не создавали дѣйствительной фабричной инспекціи, не заключали въ себѣ абсолютнаго признанія воскреснаго отдыха, не обезпечивали рабочихъ при несчастныхъ случаяхъ. Бисмаркъ въ то время, однако, не хотѣлъ идти дальше того, что было уже сдѣлано, находя, что нужно предоставить свободу борьбѣ интересовъ предпринимателей и рабочихъ безъ вторженія въ хозяйское право работодателя. Большинство рейхстага стояло на той же точкѣ зрѣнія, хотя тѣмъ не менѣе и въ семидесятыхъ годахъ производились кое-какія частичныя улучшенія въ законодательствѣ, касавшемся ремесленныхъ заведеній и фабрикъ. Напр., въ 1878 г. защита, дававшаяся прежде только дѣтскому возрасту, была распространена и на женскій полъ (запрещеніе занимать работой въ теченіе трехъ недѣль послѣ разрѣшенія отъ бремени). Въ томъ же 1878 г. принято было въ принципѣ обязательное введеніе фабричной инспекціи, на практикѣ выразившееся, однако, назначеніемъ только тридцати инспекторовъ, чего было слишкомъ мало.

„Придворное, правительственное и вообще поверхностное по-

---

[1]) Т. IV, стр. 224.

ниманіе германской соціальной политики, говоритъ новѣйшій ея историкъ [1]), заключается въ большей или меньшей мѣрѣ въ томъ представленіи, будто соціально-политическое законодательство Германской имперіи было добровольнымъ актомъ правительствъ, руководимыхъ гуманитарными соображеніями", но на самомъ дѣлѣ тутъ дѣйствовало давленіе со стороны совершавшагося въ странѣ соціальнаго движенія, давленія, которое указанный авторъ прямо называетъ могучимъ (mächtig). Лассалевская агитація задѣла не одинъ рабочій классъ, но и въ бюргерскомъ обществѣ возбудила большой интересъ къ рабочему вопросу; даже и въ бюрократическихъ кругахъ стали заниматься разрѣшеніемъ новой соціальной проблемы. Правда, среди бюргеровъ господствовало мнѣніе, въ силу котораго улучшенія своей участи рабочіе могутъ добиться безъ всякаго государственнаго вмѣшательства, какъ это напр., доказывалъ, д-ръ Максъ Гиршъ, ѣздившій въ 1868 г. въ Англію для изученія тамошняго трэдъ-юніонизма и писавшій о немъ статьи въ одной берлинской газетѣ, которыя сильно читались публикой.

Въ сущности, это была и точка зрѣнія Бисмарка. Крупный помѣщикъ, онъ съ ранняго возраста привыкъ представлять себѣ нормальныя отношенія между господиномъ и наймитомъ (Herr und Knecht), какъ традиціонно-патріархальныя; будучи мало знакомъ съ новыми формами промышленности, онъ и послѣднюю понималъ лишь въ смыслѣ ремесленныхъ предпріятій, хозяева которыхъ должны составлять зерно средняго сословія, необходимаго для здороваго національнаго существованія. Съ рабочимъ вопросомъ въ современномъ смыслѣ Бисмаркъ ближе сталъ знакомиться, лишь будучи уже прусскимъ министромъ, въ эпоху сближенія съ Лассалемъ [2]), и въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ онъ говорилъ, что „прусскіе короли никогда не были королями богатыхъ", ссылаясь при этомъ на слова Фридриха Великаго, заявлявшаго, еще въ бытность кронпринцемъ, что онъ будетъ „королемъ нищихъ". Конечно, Лассаль нѣсколько иначе смотрѣлъ на характеръ королевской власти въ Пруссіи [3]), и былъ при этомъ правъ, такъ какъ политика прусскихъ королей далеко не оправдывала ученія Лоренца Штейна о „соціальной королевской власти" [4]), но во всякомъ случаѣ уже въ 1871 г. Бисмаркъ находилъ, что лучшимъ средствомъ противодѣйствія соціалъ-демократіи было бы осуществленіе того, что было справедливымъ въ ея требованіяхъ. Но на этой точкѣ зрѣнія онъ не удер-

---

[1]) *Martin Wenck.* Die Geschichte und Ziele der deutschen Socialpolitik (1908), стр. 13.

[2]) Т. V; стр. 836.

[3]) Т. V, стр. 826 и слѣд.

[4]) Т. V, стр. 384.

жался отчасти вслѣдствіе того, что занялся главнымъ образомъ своими финансовыми и экономическими реформами, и преимущественно же потому, что отношеніе его къ самой соціалъ-демократіи стало обостряться въ виду, быть можетъ, французскихъ событій 1871 г. и сочувствія германской соціалъ-демократіи къ интернаціональному революціонизму. Въ семидесятыхъ годахъ Бисмаркъ опять заговорилъ о хозяйскомъ правѣ предпринимателей, въ которое государству не слѣдуетъ вмѣшиваться. Притомъ это было время, когда онъ сблизился не только съ землевладѣльческою знатью, но и съ крупными промышленниками, особенно съ желѣзными заводчиками. Съ соціалъ-демократіей въ концѣ семидесятыхъ годовъ Бисмаркъ боролся уже исключительно репрессивными мѣрами.

Единственное, что еще, кромѣ репрессій, Бисмаркъ сталъ допускать въ своей борьбѣ съ соціалъ-демократіей, это не вмѣшательство государства во взаимныя отношенія хозяевъ предпріятій и работающихъ въ нихъ наймитовъ, а государственная помощь рабочимъ въ болѣзни, несчастныхъ случаяхъ, старости и инвалидности. Въ этомъ направленіи Бисмаркомъ было предпринято въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ цѣлое законодательство, которому онъ самъ давалъ названіе осуществленія „практическаго христіанства", такъ какъ основною его идеей было оказаніе помощи „бѣднымъ и слабымъ", со ссылкою на то, что и прежніе законы о бѣдныхъ обезпечивали инвалидныхъ рабочихъ отъ голодной смерти: „по крайней мѣрѣ,—говорилъ онъ въ своей рѣчи по поводу перваго же проекта,—по земскому праву [1]) никто не долженъ голодать, но не случается ли это, я не знаю". Въ началѣ 1881 г. въ рейхстагъ былъ внесенъ законопроектъ о страхованіи рабочихъ, получающихъ менѣе 2 т. марокъ въ годъ, отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ при работѣ въ видѣ уплаты издержекъ за лѣченіе и извѣстнаго вознагражденія за все время неспособности къ труду, въ случаѣ же смерти отъ происшедшаго несчастья—въ видѣ покрытія расходовъ по погребенію и выдачи пенсіи вдовѣ рабочаго и сиротамъ до 15-лѣтняго возраста. Страховая премія при этомъ должна была вноситься при полученіи рабочимъ менѣе 750 марокъ на двѣ трети работодателемъ, а на одну треть изъ мѣстнаго „Landarmenverband'а" или даже государствомъ, при платѣ же свыше 750 марокъ на половину работодателемъ, наполовину—самимъ рабочимъ.

При внесеніи этого проекта въ рейхстагъ необходимость закона мотивировалась тѣмъ, что государство, преслѣдуя соціалъ-демократическіе эксцессы, должно въ то же время позаботиться о благосостоя-

---

[1]) Ссылка на прусское Allgemeines Landrecht (т. III, стр. 364), которое возлагало на государство обязанность прокармливать подданныхъ.

ніи рабочихъ. Это предложеніе было встрѣчено недружелюбно представителями либеральныхъ воззрѣній, увидѣвшими въ немъ опасный „государственный соціализмъ“, а разсматривавшая проектъ коммиссія рейхстага вычеркнула изъ него предполагавшуюся Бисмаркомъ государственную приплату и, вмѣсто единаго для всей Германіи страхового учрежденія, предложила введеніе особыхъ для каждаго отдѣльнаго государства подобныхъ учрежденій. На послѣднее измѣненіе Бисмаркъ, скрѣпя сердце, пожалуй, и согласился бы, но первое противорѣчило основной его идеѣ о государственной помощи, и онъ добился того, что законопроектъ, принятый рейхстагомъ съ такими измѣненіями, былъ отклоненъ союзнымъ совѣтомъ, послѣ чего произошелъ роспускъ рейхстага и назначены были новые выборы. Разумѣется, Бисмаркъ расчитывалъ, что новые выборы дадутъ болѣе сговорчивый рейхстагъ, но въ этомъ своемъ расчетѣ онъ очень ошибся: проиграли консерваторы и націоналъ-либералы (послѣдніе съ цифры 98 спустились на цифру 45), а выиграли прогрессисты (увеличеніе съ 26 на 59) и особенно центръ (болѣе 130 мѣстъ), который, какъ извѣстно, подозрительно относился ко всякому усиленію имперской власти и защищалъ партикуляристическія стремленія.

Вышло такъ, что главными защитниками соціальной политики явились консерваторы, которые, конечно, могли стоять за нее съ точки зрѣнія не „государственнаго соціализма“, а „практическаго христіанства“ и „церковной традиціи“, тѣмъ болѣе, что, являясь представителями крупнаго землевладѣнія, они не были задѣты въ своихъ интересахъ законопроектомъ, касавшимся однихъ промышленныхъ рабочихъ. Въ послѣднемъ отношеніи ихъ поведеніе было такое же, какъ полувѣкомъ раньше поведеніе англійскихъ консерваторовъ при проведеніи въ парламентѣ фабричнаго законодательства [1]). Съ одними консерваторами, понятное дѣло, имперскій канцлеръ, обѣщавшій императору провести предпринятую соціальную реформу, сдѣлать ничего не могъ, и вотъ тогда рѣшено было прибѣгнуть къ своего рода апелляціи къ народу. 17 ноября 1881 г. рейхстагъ былъ открытъ императорскимъ посланіемъ, которое вслѣдъ за тѣмъ было оффиціально расклеено во всѣхъ общинахъ имперіи.

Въ этомъ документѣ опять указывалось на то, что „исцѣленія соціальныхъ бѣдствій (Schäden) нужно искать не исключительно на пути репрессіи соціалъ-демократическихъ проявленій (Ausschreitungen), но равнымъ образомъ и на пути положительнаго споспѣшествованія (Förderung) благу рабочихъ“, вслѣдствіе чего императоръ и взялся за то, чтобы создать „для отечества новое и прочное обезпеченіе внутрен-

---

[1]) Т. V, стр. 223—224.

няго мира, а для нуждающихся въ помощи (Hilfsbedürftigen) бо̀льшую безопасность и Ergiebigkeit des Beistandes". Указавъ затѐмъ на уже предлагавшійся законъ о страхованіи рабочихъ, императорское посланіе говорило далѣе о дополненіи къ нему въ видѣ закона, касающагося людей, неспособныхъ къ труду по старости или инвалидности, „нуждающихся въ большей мѣрѣ государственной заботливости, нежели та, какая имъ оказывалась доселѣ". Нахожденіе способовъ и средствъ для достиженія указанной цѣли императоръ объявлялъ „одною изъ высшихъ задачъ всякаго общежитія (Gemeinwesens), покоящагося на нравственныхъ устояхъ христіанской народной жизни". Другими словами, посланіе, не отказывавшееся и отъ продолженія репрессій, какъ бы указывало на то, что если у рабочихъ этою репрессіей и урѣзаны политическія права, государство все-таки считаетъ своею обязанностью приходить къ нимъ на помощь въ трудныя минуты жизни. Въ этомъ заключалась программа цѣлаго соціальнаго законодательства, для проведенія котораго потребовалось девять лѣтъ [1]). Императорское посланіе 17 ноября 1881 г. подчеркивало при этомъ, что государство раньше въ недостаточной мѣрѣ исполняло по отношенію къ нуждающимся въ помощи своимъ сочленамъ обязанность, вытекающую не только изъ требованій „человѣколюбія (Humanität) и христіанства", но и изъ „задачи государствоохранительной политики, которая имѣетъ цѣлью поселить и въ неимущихъ классахъ (besitzlosen Klassen) населенія, въ то же время самыхъ многочисленныхъ и менѣе просвѣщенныхъ, воззрѣніе, что государство есть не только необходимое, но и благодѣтельное учрежденіе". Т.-е. рабочіе должны, благодаря новымъ законамъ, убѣдиться, что „государство вовсе не является учрежденіемъ лишь для защиты лучше поставленныхъ (besser situirten) классовъ общества, а учрежденіемъ, служащимъ также и ихъ, рабочихъ, нуждамъ и интересамъ". Посланіе указывало наконецъ, что отъ проведенія соціальнаго законодательства отнюдь не должно удерживать то соображеніе, что

[1]) Указанный выше авторъ новѣйшаго труда объ этомъ законодательствѣ, М. Венкъ, называющій его исполинскимъ дѣломъ, которое можетъ служить образцомъ для другихъ государствъ (стр. 65), даетъ такой хронологическій перечень соотвѣтственныхъ законовъ (стр. 66—67): 1) страхованіе отъ болѣзней въ 1883 г., 2) отъ несчастныхъ случаевъ въ 1884 г., 3) распространеніе обоихъ на новыя категоріи рабочихъ, именно на занятыхъ на путяхъ сообщенія, въ 1885 г., 4) страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ служащихъ и лицъ солдатскаго званія въ 1886 г., 5) распространеніе дѣйствія первыхъ двухъ законовъ на земледѣльческихъ и лѣсныхъ рабочихъ, 6) на строительныхъ рабочихъ въ 1886 г., 7) потомъ на моряковъ и судоходныхъ рабочихъ въ 1887 г. и 8) страхованіе на случай старости и инвалидности въ 1889 г. Въ этотъ счетъ не идутъ позднѣйшіе (1892—1903) законы, числомъ 9, заключающіе въ себѣ измѣненія и дополненія къ прежнимъ.

въ него вводится „соціалистическій элементъ“. Собственно говоря, здѣсь вовсе не предполагается вводить что-то новое, ибо дѣло идетъ „только о дальнѣйшемъ развитіи современной государственной идеи, выросшей изъ христіанскаго нравственнаго настроенія“ (Gesittung) и требующей, чтобы государство всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами цѣлаго споспѣшествовало всѣмъ своимъ сочленамъ и именно „слабымъ и нуждающимся въ помощи“. Съ такой точки зрѣнія посланіе даже соглашалось видѣть въ „заботѣ о бѣдныхъ“, отличающемъ новое государство отъ древняго и средневѣковаго, „соціалистическій моментъ“: въ дѣйствительности, сказано было въ посланіи, „мѣры, которыя могутъ быть принятыми для улучшенія положенія неимущихъ классовъ, суть только дальнѣйшее развитіе идеи, лежащее въ основѣ государственнаго попеченія о бѣдныхъ“.

Слишкомъ большое подчеркиваніе въ этомъ возвѣщеніи соціальной реформы той мысли, что она должна оказать воспитательное воздѣйствіе на политическое настроеніе рабочихъ, конечно, было расчитано на то, чтобы расположить въ пользу реформы буржуазные элементы общества, но при этомъ не было принято въ расчетъ, какое впечатлѣніе это подчеркиваніе произведетъ на соціалъ-демократовъ, вожди которыхъ и стали говорить, что вся эта реформа задумана не ради блага рабочихъ, а ради видимости, будто государство и для рабочихъ что-то дѣлаетъ, когда на самомъ дѣлѣ оно гораздо больше дѣлаетъ для имущихъ классовъ. Между тѣмъ для большинства рейхстага указанное соображеніе въ пользу новаго законодательства не получило большой силы, и правительственные проекты проходили въ рейхстагѣ съ великимъ трудомъ, вслѣдствіе чего дѣло затянулось: первый законъ (о страхованіи на случай болѣзни) прошелъ только въ 1883 г., а проектъ о страхованіи отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ правительству пришлось даже не разъ перерабатывать. Особенно затянулся вопросъ о страхованіи на случай старости и инвалидности, потому что, желая создать для страховой операціи большія денежныя средства, Бисмаркъ задумалъ ввести на этотъ конецъ табачную монополію, связавъ оба проекта какъ бы въ одинъ цѣльный планъ, а это только затормозило дѣло. Рейхстагъ и слышать не хотѣлъ о табачной монополіи, отклонивъ ее въ 1882 г. подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Оппозиція закону о страхованіи на случай старости и инвалидности шла со стороны консерваторовъ, находившихъ, что онъ отвлечетъ въ города рабочія руки отъ сельскаго хозяйства и что участіе въ страхованіи будетъ многимъ землевладѣльцамъ не по силамъ. Бисмаркъ лишь съ трудомъ убѣдилъ большинство консерваторовъ, что съ ихъ стороны было бы непатріотично быть въ оппозиціи вмѣстѣ съ соціалъ-демократами, вельфами, поляками, датчанами, эльзасцами и

свободомыслящими. Законъ прошелъ только въ 1889 г. уже въ царствованіе Вильгельма II, который очень настаивалъ на завершеніи дѣла, задуманнаго его дѣдомъ. Кстати отмѣтимъ, что за все время проведенія соціальной реформы свободомыслящіе не переставали твердить, что государству грозитъ опасность гибели въ соціализмѣ, а соціалъ-демократы называли страхованіе рабочихъ „нищенской реформой" или „нищенской подачкой" [1]). Среди работодателей и рабочихъ къ реформѣ царствовало почти сплошное недовѣріе.—Бисмарку удалось добиться и созданія центральнаго или имперскаго страхового учрежденія (Reichsversicherungsamt). Когда въ 1906 г. исполнилось 25 лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ „посланія" 17 ноября 1881 г., было подсчитано, что къ концу 1903 г. 60 милліоновъ человѣкъ получили страховыхъ денегъ 4 милліарда, изъ которыхъ 2,5 милліарда было уплачено ими самими, а 1,5 милліарда составляло излишекъ изъ другихъ источниковъ.

Нельзя сказать, чтобы въ годы, когда проводилось законодательство о страхованіи рабочихъ, совсѣмъ ужъ ничего не дѣлалось въ смыслѣ улучшенія условій или охраны труда, но дѣйствительно серьезнаго все-таки ничего не предпринималось. Бисмаркъ оставался при своемъ старомъ взглядѣ на неприкосновенность хозяйскаго права или пользовался аргументами устарѣлой экономической теоріи, доказывая, напр., что запрещеніе праздничной работы или ограниченіе женскаго и дѣтскаго труда сильно понизятъ бюджетъ рабочей семьи. Съ другой стороны, онъ выражалъ опасеніе, какъ бы слишкомъ большою охраною труда не былъ нанесенъ ущербъ національной промышленности въ ея конкурренціи съ иностранною,—опасеніе, которое впослѣдствіи совсѣмъ не оправдалось. Наконецъ, онъ не хотѣлъ также вооружать противъ себя промышленный классъ, находя, что фабриканты и безъ того вынуждены были приносить большія жертвы вслѣдствіе введенія страхованія, а главное—нуждаясь въ поддержкѣ промышленнаго класса, который вмѣстѣ съ аграріями былъ главною опорою власти въ ея борьбѣ съ свободомыслящими и соціалъ-демократами. Сторонникъ традиціонно-патріархальныхъ отношеній между хозяевами и наймитами, Бисмаркъ прямо враждебно относился къ требованію рабочими свободы коалицій. Въ общемъ патріархальномъ взглядѣ на рабочій народъ Бисмаркъ вполнѣ сходился со своимъ старымъ государемъ, еще болѣе, пожалуй, сохранявшемъ въ полной неприкосновенности традиціи старой, феодально-сословной Пруссіи, но, какъ мы увидимъ, у новаго государя,

---

[1]) Объ отношеніи соціалъ-демократіи ко всему этому см. „Исторію германской соціалъ-демократіи" *Ф. Меринга* (т. IV, стр. 219 и слѣд. по рус. пер. въ изданіи Гранатъ и К°).

Вильгельма II, на этотъ счетъ были уже болѣе современныя идеи,— что въ вопросѣ о соціальной политикѣ должно было привести къ конфликту между рейхсъ-канцлеромъ и молодымъ императоромъ.

Остановимся пока на изложенномъ въ исторіи германскаго соціальнаго законодательства, чтобы перейти къ чисто политическимъ отношеніямъ въ Германіи восьмидесятыхъ годовъ—до смерти императора Вильгельма I.

Прежде всего коснемся коротко нѣкоторыхъ событій, происшедшихъ въ отдѣльныхъ государствахъ. Въ 1884 г. умеръ, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ, брауншвейгскій герцогъ Вильгельмъ I, царствовавшій съ 1830 г. послѣ своего изгнаннаго изъ страны брата Карла [1]). По династическимъ отношеніямъ герцогство должно было перейти къ герцогу Кумберлэндскому, сыну лишеннаго въ 1866 г. своихъ владѣній ганноверскаго короля Георга V [2]), но вступленію его въ управленіе герцогствомъ препятствовало непризнаваніе имъ ни присоединенія Ганноверскаго королевства къ Пруссіи, ни конституціи Германской имперіи, не знающей Ганноверскаго королевства. Въ виду этого еще въ 1879 г. герцогъ Вильгельмъ I и мѣстный ландтагъ пришли къ соглашенію на счетъ регентства, которое должно было быть установлено въ герцогствѣ по его, Вильгельма I, смерти. Въ силу этого закона брауншвейгскій ландтагъ выбралъ регентомъ племянника императора, прусскаго принца Альбрехта, на все время невозможности занятія престола законнымъ наслѣдникомъ, котораго между тѣмъ союзный совѣтъ призналъ неспособнымъ царствовать вслѣдствіе его враждебности къ одному изъ союзныхъ государствъ и несогласія съ имперской конституціей. Вступленіе на престолъ государя, называвшаго себя ганноверскимъ королемъ и имѣвшаго за себя въ Ганноверѣ цѣлую вельфско-легитимистическую партію, конечно, не могло быть допущено ни Пруссіей, ни другими союзными государствами [3]).—Другимъ мѣстнымъ событіемъ была кончина баварскаго короля Людвига II. Этотъ весьма своеобразный въ личномъ отношеніи король, первый подавшій голосъ за возстановленіе имперіи, стремившійся однако, всегда къ тому, чтобы создать для Баваріи исключительное положеніе, и даже мечтавшій о поочередномъ императорствѣ Пруссіи и Баваріи или, по крайней мѣрѣ, о баварскомъ замѣстительствѣ императорскаго сана въ извѣстныхъ случаяхъ, впалъ въ душевную болѣзнь, и такъ какъ ему во что бы то ни стало хотѣлось

[1]) Т. V, стр. 59.

[2]) Т. V, стр. 35. Георгъ V умеръ въ 1878 г.

[3]) Въ 1906 г. принцъ Альбрехтъ умеръ, и такъ какъ новая попытка склонить претендента къ отказу отъ Ганновера не удалась, былъ выбранъ новый регентъ въ лицѣ герцога Іоанна-Альбрехта Мекленбургскаго.

царствовать неограниченно, то онъ сталъ искать, нельзя ли гдѣ-либо, на Кипрѣ или на Канарскихъ островахъ, — купить себѣ королевство съ абсолютною властью. Когда баварскій министръ внутреннихъ дѣлъ сталъ ему отказывать въ исходатайствованіи отъ ландтага денегъ на его безумныя траты (главнымъ образомъ на постройки), Людвигъ II въ раздраженіи началъ подписывать смертные приговоры непріятнымъ ему лицамъ, и пришлось, вмѣсто него, назначить регента въ лицѣ его дяди принца Луитпольда, такъ какъ и братъ короля и его наслѣдникъ, Оттонъ, былъ душевно больной. Вскорѣ послѣ этого Людвигъ II кончилъ жизнь, утонувъ, вмѣстѣ со своимъ докторомъ, въ Штарнбергскомъ озерѣ, причемъ никто не видалъ, какъ это случилось.—Спеціально въ Пруссіи въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ особую остроту получилъ польскій вопросъ. Дѣло въ томъ, что въ восточныхъ областяхъ Пруссіи сталъ замѣчаться большой наплывъ поляковъ изъ русской Польши, и прусское правительство, опасаясь полонизаціи этихъ областей, какъ и въ началѣ культуркампфа [1]), изгнало около тридцати тысячъ поляковъ, какъ „обременительныхъ иностранцевъ" (lästige Ausländer) за границу. Рейхстагъ протестовалъ противъ этой мѣры (въ январѣ 1886 г.), но прусскій ландтагъ значительнымъ большинствомъ принялъ рѣшеніе поддерживать правительство въ борьбѣ съ усиленіемъ польскаго элемента. Ассигновано было сто милліоновъ марокъ на скупку у польскихъ помѣщиковъ ихъ имѣній для поселенія въ нихъ нѣмецкихъ крестьянъ; кромѣ того, у общинъ съ польскимъ или смѣшаннымъ населеніемъ было отнято право назначенія школьныхъ учителей, дабы, пользуясь этимъ правомъ, само правительство могло посылать туда только „нѣмецки-настроенныхъ" (deutschgesinnte) учителей [2]).

Главнымъ чисто политическимъ вопросомъ, интересовавшимъ всю Германію въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, былъ вопросъ объ усиленіи арміи. Во Франціи въ это время начиналось буланжистское движеніе, принявшее воинственный характеръ [3]), а болгарскія осложненія [4]) наводили на мысль о возможности войны между Австріей и Россіей, и вотъ осенью 1886 г. германскія союзныя правительства сдѣлали рейхстагу предложеніе повысить цифру войска въ мирное время съ 427 тыс. до 468 тыс. и притомъ съ такимъ условіемъ, чтобы эта цифра была установлена на семь лѣтъ. Мы уже видѣли въ другомъ мѣстѣ, какъ Бисмаркъ мотивировалъ необходимость пред-

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 257.

[2]) О прусско-польскихъ отношеніяхъ см. подробнѣе въ концѣ главы.

[3]) См. ниже, въ слѣдующей главѣ.

[4]) См. т. VI, ч. 1, стр. 241.

ложенной рейхстагу мѣры [1]). Всякія попытки, какія только дѣлались вообще рейхстагомъ, чтобы такъ или иначе влiять на военные порядки имперіи, страшно раздражали Бисмарка, и онъ не разъ напоминалъ, что рейхстагъ не долженъ касаться арміи [2]). И теперь онъ запальчиво говорилъ, что „германская армія есть такое учрежденіе, которое не можетъ зависѣть отъ того или другого большинства въ рейстагѣ. Стремленіе, сказалъ онъ еще между прочимъ, образовать парламентское войско, составъ котораго зависѣлъ бы не отъ его величества императора и отъ союзныхъ правительствъ, а отъ господъ Виндгорста и Рихтера, никогда не осуществится“. Виндгорста сильно убѣждалъ содѣйствовать принятію „септенната“ папскій статсъ-секретарь черезъ мюнхенскаго нунція въ виду того, что это можетъ принести пользу церкви, но Виндгорстъ объединилъ всю оппозицію на такой формулѣ: правительству дано будетъ согласіе на его предложеніе „до послѣдняго человѣка и до послѣдняго гроша“, но не на семь лѣтъ, а только на три года, такъ какъ и это уже жертва со стороны рейхстага, имѣющаго право утверждать расходы только на годъ. Эта поправка была принята 14-го января 1887 г. большинствомъ 183 голосовъ противъ 154, среди которыхъ были только голоса обѣихъ консервативныхъ и націоналъ-либеральной партій, при 31 воздержавшихся отъ голосованія. Едва только сдѣлался извѣстнымъ этотъ результатъ, какъ Бисмаркъ поднялся съ своего мѣста и, вынувъ изъ лежавшей передъ нимъ папки бумагу, прочиталъ императорское посланіе, которымъ съ согласія союзнаго совѣта рейхстагъ объявлялся распущеннымъ. Немедленно же вожди трехъ партій, стоявшихъ за септеннатъ, заключили между собою „картель“, въ силу котораго всѣ 154 депутата изъ этихъ трехъ партій должны были быть снова выставлены въ ихъ избирательныхъ округахъ, какъ общіе кандидаты консервативной, имперской и націоналъ-либеральной партій, причемъ въ остальныхъ округахъ должны были быть выставлены кандидаты, согласные на септеннатъ, и вообще три партіи на выборахъ должны были поддерживать одна другую. Такое тѣсное соединеніе либераловъ съ консерваторами показываетъ, что въ восьмидесятыхъ годахъ въ Германіи либерализмъ шелъ на убыль не только количественно [3]), но и качественно. Еще въ 1881 г. націоналъ-либералы обнародовали новую программу, въ которой говорили о несомнѣнно совершившемся поворотѣ во внутренней политикѣ („die veränderte Richtung, welche die innere Politik der Reichsregierung zurzeit verfolgt“) въ неблагопріятную для либерализма

---

[1]) См. выше, стр. 15—16.
[2]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 235 и др.
[3]) См. т. VI, ч. 1, стр. 246.

сторону и доказывали важность существованія своей партіи для поддержанія основъ государства „среди потрясающей ихъ борьбы между крайними направленіями“, но новаго въ этой программѣ сказано ничего не было, поведеніе же партіи все больше и больше связывало ее съ правительствомъ—особенно послѣ того, когда одинъ изъ видныхъ ея членовъ Микель не послѣдовалъ примѣру Беннигсена [1]) и сдѣлался прусскимъ министромъ финансовъ (1890). Союзомъ съ консерваторами, который продолжался и послѣ [2]), націоналъ-либералы до такой степени себя скомпрометировали среди своихъ избирателей, что въ 1903 г. во всей Саксоніи не было выбрано въ рейхстагъ ни одного націоналъ-либерала.

Впрочемъ, благодаря картелю и національному возбужденію, вызванному рѣчами о возможности войны, на выборахъ 1887 г. націоналъ-либералы получили такое количество голосовъ (почти 1.678,000), какого у нихъ ни до того, ни послѣ того не было, хотя число ихъ депутатовъ въ рейхстагѣ и ограничилось цифрою 99, все-таки вдвое большею, нежели въ 1884 г. Нѣсколько повысились въ числѣ въ рейхстагѣ 1887 г. и консерваторы (съ 76 на 80), и имперская партія (съ 28 на 41), въ общемъ же результатѣ картель пріобрѣлъ въ рейхстагѣ болѣе 60 новыхъ мѣстъ, что (съ примкнувшими еще къ картелю дикими) дало ему большинство въ рейхстагѣ, откуда его названіе „картельнаго“ (Kartellreichstag). Вильгельмъ I выразился объ этомъ составѣ, что лучшаго подарка въ день своего рожденія онъ не могъ бы и желать. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени отверженія прежнимъ составомъ правительственнаго проекта о септеннатѣ, какъ 9 марта большинствомъ 227 голосовъ противъ 31 это предложеніе было принято при воздержаніи громаднаго большинства центра, благодаря вмѣшательству Льва XIII, объявившаго съ своей стороны принятіе септенната полезнымъ для церкви. Центръ, не желавшій, какъ выразился Виндгорстъ, „уничтожить свой единственный базисъ, довѣріе избирателей“, не пошелъ такъ далеко, чтобы подавать голоса за септеннатъ, но не рѣшился стать и на другую сторону. Мы знаемъ уже, что, кромѣ этого усиленія арміи [3]), Бисмаркъ тогда же провелъ въ рейхстагѣ и другія мѣры касательно военной обороны (1888). Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ картельный рейхстагъ вотировалъ

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 246.

[2]) Вотъ приговоръ историка политическихъ партій въ Германіи о націоналъ-либералахъ послѣднихъ десятилѣтій: „In einem grossen Theile des Reiches waren die Nationalliberalen nicht nur völlig zu einem Anhängsel der Konservativen geworden, sonder auch ihre alte Gegnerschaft zum Zentrum begann allmählich zu verblassen“. *Chr. Grotewold*, стр. 161.

[3]) См. выше, стр. 16.

и необходимыя для реформы ландвера деньги, скончался (9 марта) Вильгельмъ I на исходѣ 91 года своей жизни.

Быстро промелькнуло 99-дневное царствованіе его сына Фридриха III. Уже весною 1887 г. у кронпринца Фридриха былъ констатированъ ракъ въ гортани. Извѣстіе о смерти отца застало его на Ривьерѣ, и онъ поспѣшилъ пріѣхать въ Берлинъ. Въ моментъ вступленія на престолъ ему уже было 57 лѣтъ, и въ общественномъ мнѣніи онъ имѣлъ репутацію либерально настроеннаго принца. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ принимать участіе въ дѣлахъ,—а онъ былъ, напр., и однимъ изъ военныхъ дѣятелей временъ объединенія Германіи [1]),—ему нерѣдко приходилось расходиться во мнѣніяхъ со своимъ отцомъ и не одобрять политику его министровъ, какъ это было въ эпоху конфликта начала шестидесятыхъ годовъ. Старый императоръ въ иныхъ случаяхъ даже велѣлъ скрывать отъ сына особенно важныя вещи, опасаясь, что о нихъ черезъ кронпринцессу, дочь королевы Викторіи, будутъ, пожалуй, узнавать въ Лондонѣ. Вильгельму I не нравилось англійское вліяніе, подъ которымъ находился кронпринцъ, и онъ даже ему завѣщалъ не подчинять своей политики иностраннымъ вліяніямъ. Другимъ его завѣтомъ было не склоняться къ парламентаризму на англійскій образецъ и сохранить Бисмарка на его посту. Съ либеральными взглядами въ политикѣ кронпринцъ соединялъ извѣстный интересъ къ наукѣ и искусству,—чего Вильгельмъ I былъ совершенно лишенъ, и потому сближался съ учеными и художниками и особенно заботился о томъ, чтобы дать хорошее образованіе своимъ сыновьямъ. Ихъ кронпринцъ даже отдалъ въ кассельскую гимназію, гдѣ они учились наравнѣ съ другими мальчиками, подчиняясь всѣмъ правиламъ школьной дисциплины. Смертельный недугъ не далъ долго царствовать Фридриху III. Онъ сохранилъ Бисмарка на его посту, хотя со стороны имперскаго канцлера ему пришлось не разъ встрѣчать сопротивленіе. Такъ, Бисмаркъ не согласился включить въ объявленную императоромъ амнистію отбывавшихъ наказанія соціалъ-демократовъ, какъ того хотѣлъ Фридрихъ III. Онъ воспротивился также желанію больного императора наградить орденами нѣкоторыхъ представителей партіи прогрессистовъ, какъ-то Моммзена, Вирхова и др., и Фридрихъ III нѣкоторыхъ ему уступилъ. Помѣшалъ онъ также отставкѣ антисемитическаго придворнаго проповѣдника Штеккера [2]). Наконецъ, Бисмаркъ настоялъ еще на томъ, чтобы императоръ отказался отъ плана выдать свою дочь замужъ за бывшаго болгарскаго князя Александра Баттенбергскаго, такъ какъ это могло бы быть обидно русскому

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 92, 94 и др.

[2]) О немъ см. т. VI, ч. 1, стр. 297.

двору [1]). Какъ правительственныя дѣйствія въ этотъ краткій промежутокъ времени между 9 марта и 15 іюля 1888 г., должны быть отмѣчены обнародованіе принятаго союзнымъ совѣтомъ и рейхстагомъ закона о продленіи депутатскихъ полномочій съ трехъ лѣтъ до пяти и утвержденіе подобнаго же закона по отношенію къ прусской палатѣ, а также отставка прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ Путткамера, которому Фридрихъ III выразилъ свое неудовольствіе по поводу его безцеремонныхъ избирательныхъ манёвровъ, вызвавшихъ порицаніе со стороны большинства прусской палаты (націоналъ-либераловъ, центра и свободомыслящихъ). Свободомыслящіе въ отставкѣ Путткамера готовы были прямо привѣтствовать самое значительное дѣло короткаго царствованія Фридриха III.

Новому императору Вильгельму II при вступленіи на престолъ шелъ тридцатый годъ. Онъ получилъ начальное воспитаніе въ чисто англійской обстановкѣ: мать говорила съ дѣтьми только по-англійски, и даже большая часть прислуги была также англійская. Но англійское вліяніе не привилось будущему германскому императору, потому что, когда дальнѣйшее его воспитаніе было поручено теологу д-ру Гинцпетеру, началось, наоборотъ, внѣдреніе въ воспитанника нѣмецкихъ культурныхъ и политическихъ началъ, пріохочиваніе его къ нѣмецкой литературѣ, внушеніе ему уваженія къ національнымъ традиціямъ и героямъ германской исторіи. Пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ Генрихомъ, онъ былъ отданъ въ кассельскую гимназію, гдѣ между прочимъ сдружился съ однимъ еврейскимъ мальчикомъ и даже пригласилъ его къ себѣ на Рождествѣ въ Потсдамъ. По окончаніи курса въ кассельской гимназіи онъ прослушалъ еще курсъ государственныхъ и юридическихъ наукъ въ Боннскомъ университетѣ, возвратившись же въ Берлинъ, сдѣлался офицеромъ и въ 1881 г. женился на дочери герцога Фридриха Шлезвигъ-Гольштейнскаго, на котораго въ 1863—66 гг. въ герцогствахъ (да и въ самой Германіи) смотрѣли, какъ на законнаго ихъ наслѣдника [2]). Въ томъ, что будущему германскому императору выбрали такую невѣсту, не безъ основанія, кажется, видѣли руку Бисмарка, который этимъ бракомъ думалъ внести окончательное успокоеніе во всю исторію съ герцогствами. Молодая женщина была тоже съ головы до ногъ настоящею нѣмкою и отличалась большимъ благочестіемъ въ евангелическомъ духѣ, что̀ сблизило ее самоё, а также и ея совсѣмъ еще

---

[1]) Большой бисмаркіанецъ *Egelhaaf* оправдываетъ Бисмарка отъ обвиненія въ пренебрежительномъ отношеніи къ Фридриху III, какъ къ человѣку, обреченному на смерть, соглашаясь, однако, что при дворѣ и могло въ иныхъ случаяхъ проявляться такое отношеніе. Gesch. der neuest. Zeit., стр. 199.

[2]) Т. V, стр. 727 (Фридрихъ Аугустенбургскій).

юнаго супруга съ однородными кругами берлинскаго общества вообще, а въ частности съ извѣстнымъ придворнымъ проповѣдникомъ Штеккеромъ. Эти связи, конечно, не могли оставаться неизвѣстными въ обществѣ, и въ немъ стало складываться такое представленіе о будущемъ кронпринцѣ, что когда наступитъ его чередъ царствовать, правленіе его будетъ въ духѣ крайней правой: одни относились къ этому съ большою радостью, другіе съ опасеніемъ. Во всякомъ случаѣ по общему своему направленію молодой прусскій принцъ гораздо ближе подходилъ къ своему дѣду, нежели къ отцу, хотя, какъ и у отца, у него рано стали развиваться извѣстные культурные вкусы. Впослѣдствіи Вильгельмъ II даже проявилъ большой дилеттантизмъ въ сферахъ скульптуры, живописи, музыки, театральнаго искусства и т. п. и настоящую страсть къ краснорѣчію. Другое предположеніе, которое о немъ высказывалось въ обществѣ и за границей, заключалось въ томъ, что со вступленіемъ его на престолъ начнется эпоха войнъ: до такой степени молодой человѣкъ былъ увлеченъ военною службою и своими офицерскими обязанностями, проникнутъ военными воспоминаніями изъ эпохи объединенія Германіи и преклонялся передъ героями этого объединенія съ Вильгельмомъ I и Бисмаркомъ во главѣ. Съ Бисмаркомъ впослѣдствіи онъ разошелся, но къ дѣду чувствовалъ всегда особый піететъ и даже впослѣдствіи настаивалъ на томъ, чтобы имя Вильгельма I перешло въ исторію съ предикатомъ Великаго. Отношенія его къ Бисмарку сначала были наилучшія, и во время болѣзни отца онъ говорилъ, напр., что если капитанъ государственнаго корабля и очень тяжко боленъ, за то у него есть надежный кормчій, съ которымъ можно быть спокойнымъ. По вступленіи на престолъ онъ также заявилъ, что будетъ держаться политики дѣда и отца и поэтому не разлучится съ мудрымъ ихъ совѣтникомъ, имперскимъ канцлеромъ.

За двадцать слишкомъ лѣтъ своего царствованія Вильгельмъ II слишкомъ часто занималъ германскую націю и весь цивилизованный міръ своими выступленіями, подчасъ весьма эксцентричными, всею своею личностью, главною особенностью которой за послѣдніе годы стала признаваться необычайная импульсивность. Въ немъ всегда очень сильно проявлялись стремленіе къ фразѣ и къ позѣ, желаніе, чтобы о немъ говорили и чтобы говорили, какъ о человѣкѣ необыкновенной разносторонности, поистинѣ универсальномъ. Чаще всего онъ выступалъ ораторомъ не безъ претензіи на силу и эффектность рѣчи, но случалось, что военный и политическій ораторъ превращался въ его лицѣ въ церковнаго проповѣдника, назидающаго своихъ приближенныхъ или пароходную команду во время любимыхъ имъ морскихъ путешествій. Склонностью къ краснорѣчію Вильгельмъ II напоминаетъ своего двоюроднаго дѣда Фридриха-Вильгельма IV, съ которымъ роднитъ его также и свое-

образный научно-художественный дилеттантизмъ. Въ немъ есть и своего рода романтизмъ, отличавшій Фридриха-Вильгельма IV, съ которымъ его сближаютъ еще и мистическая вѣра въ божественное посланничество королевской власти, и глубокая преданность династическимъ традиціямъ Гогенцоллерновъ, подновленная преклоненіемъ передъ „величіемъ" подвиговъ незабвеннаго дѣда. Въ разные моменты Вильгельма II посѣщала фантазія быть и живописцемъ или скульпторомъ, и композиторомъ или капельмейстеромъ, и педагогомъ [1]) или техникомъ, и „соціальнымъ императоромъ" или гроссмейстеромъ Тевтонскаго ордена. Часто эти разнообразныя стремленія увлекали его въ противоположныя стороны, приводили къ противорѣчіямъ въ его словахъ и поступкахъ, но, въ сущности, онъ оставался вездѣ и всегда однимъ и тѣмъ же—человѣкомъ необычайно подвижнымъ, непосѣдливымъ, ищущимъ дѣятельности, движенія, шума и блеска, непрестанно сознающимъ величіе своего сана и громадность своей власти. Ему нравятся поэтому всякія церемоніи, всякій парадъ, начиная съ обрядностей студенческихъ коммершей, отъ участія въ которыхъ онъ не отказывался, даже будучи уже императоромъ [2]), и кончая военными, придворными [3]) и иными торжествами [4]). Что касается до его заявленій на счетъ своей власти, то многія изъ нихъ весьма характерны. То, напр., онъ собственноручно вписываетъ въ почетную книгу города Мюнхена изреченіе: „regis voluntas — suprema lex", то приказываетъ выгравировать на саблѣ, предназначенной въ подарокъ военному министру, аналогичное „sic volo, sic jubeo". Это отожествленіе королевской воли съ высшимъ закономъ, эта ссылка на „хочу и приказываю", конечно, мало гармонируютъ съ положеніемъ конституціоннаго монарха, но Вильгельмъ II въ своихъ заявленіяхъ вообще очень мало стѣснялся этимъ соображеніемъ, съ которымъ,

---

[1]) *A. Herzen.* Vélléités pédagogiques d'un empereur (1890). — *P. Güssfeld.* Die Erziehung der deutschen Jugend (1890).

[2]) Будучи студентомъ въ Боннѣ, Вильгельмъ II примкнулъ къ корпораціи „Borussia", въ коммершѣ которой, происходившемъ въ одной изъ берлинскихъ гостиницъ, самъ, напримѣръ, принималъ участіе въ 1891 г. Онъ явился на это собраніе въ ея костюмѣ, принялъ на себя предсѣдательство и совершилъ всѣ традиціонныя обрядности (выпилъ за веселость собранія, прокололъ на эспадронѣ свою корпоративную шапочку подъ звуки пѣсенной клятвы оставаться всегда добрымъ буршемъ и т. п.).

[3]) Имъ, напримѣръ, былъ возстановленъ какой-то церемоніальный танецъ прусскихъ государственныхъ сановниковъ съ канделябрами въ рукахъ.

[4]) Торжество возстановленія Тевтонскаго ордена, причемъ Вильгельмъ II и участники празднества были одѣты въ соотвѣтственные средневѣковые костюмы. Въ 1898 г. Вильгельмъ II совершилъ обставленное величайшею пышностью путешествіе на Востокъ (въ Константинополь и въ Іерусалимъ), о чемъ см. въ гл. XXV.

какъ-никакъ, все-таки долженъ былъ сообразоваться въ своей дѣятельности. „Одинъ только повелитель въ странѣ, это—я!"—сказалъ онъ, напр., однажды членамъ рейнскаго провинціальнаго ландтага, какъ другой разъ заявилъ членамъ и бранденбургскаго ландтага: „въ полномъ согласіи съ моимъ дѣдомъ я вижу въ доставшихся мнѣ народѣ и странѣ ввѣренное мнѣ Богомъ наслѣдіе, которое, какъ о томъ сказано въ Библіи, я призванъ умножить и за которое долженъ буду отвѣтить". Или вотъ что было еще, между прочимъ, въ рѣчи, произнесенной Вильгельмомъ II въ Кобленцѣ на открытіи памятника „Вильгельму Великому": „для насъ всѣхъ, особливо же для государей онъ (т. е. Вильгельмъ I) снова высоко поставилъ и заставилъ ослѣпительно блистать великое сокровище, которое мы должны возвышать и почитать, какъ святыню,—королевскую власть Божіею милостью... съ ея отвѣтственностью передъ единымъ Творцомъ, отъ которой не можетъ освободить монарха никто, никакой министръ, никакой парламентъ, никакой народъ". Очень нерѣдко въ своихъ рѣчахъ Вильгельмъ II произносилъ энергичныя угрозы по адресу враговъ внѣшнихъ, и внутреннихъ. Нѣкоторыя изъ его угрозъ особенно характерны: большею частью это были угрозы по адресу мятежниковъ, всѣхъ недовольныхъ и критикановъ (Hörgler), особенно соціалистовъ, которымъ онъ въ лучшемъ случаѣ рекомендовалъ въ одной рѣчи всѣмъ „отряхнуть нѣмецкую пыль со своихъ башмаковъ" и уйти изъ неправящейся имъ обстановки. Что должно было бы ожидать ихъ въ худшемъ случаѣ, это можно видѣть изъ одной рѣчи, произнесенной Вильгельмомъ II передъ новобранцами по поводу приведенія ихъ къ присягѣ: „если я дамъ вамъ приказъ, вы должны разстрѣливать своихъ собственныхъ родныхъ, своихъ братьевъ, даже родителей" [1]). Не менѣе угрозъ было произнесено Вильгельмомъ II и по адресу враговъ внѣшнихъ, когда къ тому представлялся какой-либо поводъ. Съ теченіемъ времени публика попривыкла къ его постоянному „брянцанію оружіемъ",—какъ газеты обыкновенно называли воинственныя демонстраціи Вильгельма II,—но на первыхъ порахъ онѣ обыкновенно вызывали немалую тревогу, такъ какъ многіе были увѣрены, что молодой императоръ только о томъ и помышляетъ, чтобы начать войну [2]).

---

[1]) На одномъ смотру Вильгельмъ II далъ представлявшемуся ему полку совѣтъ такъ же и впредь не щадить бунтовщиковъ, какъ полкъ не щадилъ ихъ въ мартовскіе дни 1848 г.

[2]) Въ первые годы своего царствованія Вильгельмъ II демонстративно искалъ сближенія съ Франціей. Составилось даже мнѣніе, что самъ онъ подготовляетъ почву для возможности собственной поѣздки во Францію. Къ этому именно времени и относится эпизодъ съ путешествіемъ въ Парижъ импе-

Первые года полтора по вступленіи своемъ на престолъ Вильгельмъ II не проявлялъ большой личной иниціативы, какъ бы подчиняясь авторитету Бисмарка, но въ 1890 г. онъ далъ ему отставку, что въ связи съ созывомъ международной конференціи по рабочему вопросу и невозобновленіемъ закона противъ соціалистовъ создало Вильгельму II нѣкоторую популярность въ прогрессивныхъ кругахъ общества. Но Вильгельмъ II не удержался на занятой имъ позиціи благожелательнаго отношенія къ рабочимъ, такъ какъ къ концу девяностыхъ годовъ оно смѣнилось у него уже чувствомъ раздраженія противъ пролетаріата. Вообще въ его настроеніи и поведеніи обнаружилось въ концѣ концовъ большое непостоянство, въ зависимости отъ чего по причинамъ, остававшимся неизвѣстными обществу, Вильгельмъ II смѣнялъ одного имперскаго канцлера другимъ, держа потомъ того или другого изъ нихъ въ должности лишь до тѣхъ поръ, пока онъ соотвѣтствовалъ его личнымъ видамъ. Какъ до 1890 г. вся германская политика опредѣлялась волею Бисмарка, такъ послѣ 1890 г. она стала опредѣляться волею Вильгельма II.

Обратимся, однако, къ изложенію фактической исторіи взаимныхъ отношеній Вильгельма II и Бисмарка въ 1888—1890 годахъ. Вскорѣ по смерти Фридриха III бывшій близкимъ къ нему человѣкомъ страсбургскій профессоръ Геффкенъ, которому Фридрихъ III въ началѣ своего короткаго царствованія поручилъ составить свое благожелательное обращеніе къ народу („An mein Volk“), опубликовалъ въ извѣстномъ нѣмецкомъ журналѣ „Deutsche Rundschau“ [1]) дневникъ покойнаго, веденный имъ еще кронъ-принцемъ въ 1870 г. и заключавшій въ себѣ кое-какія „разоблаченія“ касательно треній и трудностей, какими сопровождалось основаніе имперіи. Эта публикація произвела сильнѣйшую сенсацію и въ самой Германіи, и за границей.

ратрицы-матери, вдовы Фридриха III, приведшій чуть не къ объявленію войны. Вопреки всѣмъ правиламъ, Вильгельмъ II рѣшилъ, что мать его будетъ въ Парижѣ, не давъ объ этомъ заранѣе знать французскому правительству, чѣмъ поставилъ послѣднее въ крайне неудобное положеніе. Французская пресса была крайне взволнована и требовала отставки Эрбетта, французскаго посла въ Берлинѣ, за то, что онъ ничего объ этомъ не зналъ, и по всей вѣроятности ему была бы дана отставка, если бы съ германской стороны не было оффиціально сообщено въ Парижѣ, что увольненіе Эрбетта императоръ принялъ бы за личное для себя оскорбленіе, откуда могли бы получиться самыя серьезныя послѣдствія. Въ дѣло пришлось вмѣшаться австро-венгерской и римской дипломатіи, чтобы склонить французское правительство къ уступчивости. Весь этотъ инцидентъ разыгрался лишь черезъ четыре года послѣ дѣла Шнебеле (см. выше, стр. 14), когда тоже изъ-за пустяка шла рѣчь о возможности новой войны между Германіей и Франціей.

[1]) Октябрьская книжка за 1888 г.

Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что дневникъ былъ подлинный, и самъ Бисмаркъ отнюдь тогда въ этомъ не сомнѣвался [1]; но онъ счелъ необходимымъ оффиціально заподозрѣть въ немъ подлогъ, въ каковомъ смыслѣ и сдѣлалъ, немедленно затѣмъ опубликованный, докладъ, предложивъ возбудить процессъ противъ Геффкена и „Deutsche Rundschau", въ виду того, что они разгласили государственныя тайны въ случаѣ подлинности дневника и наклеветали на императора Вильгельма I и самого Фридриха III, если дневникъ только поддѣлка. Въ этомъ докладѣ Бисмаркъ оспаривалъ, чтобы кронъ-принцъ былъ посвященъ въ наиболѣе секретныя дѣла того времени, такъ какъ Вильгельмъ I опасался, какъ бы не вышло какой-либо нескромности по отношенію къ англійскому двору съ его французскими симпатіями,—разумѣется при посредствѣ супруги кронъ-принца, англійской принцессы. Такая, въ сущности, инсинуація Бисмарка вредила памяти покойнаго Фридриха III гораздо больше, чѣмъ его нелестные отзывы о Баваріи, дѣйствія которыхъ на баварцевъ будто бы Бисмаркъ наиболѣе опасался [2]. Для неудовольствія имперскаго канцлера, повидимому, были другія, личныя причины, потому что, между прочимъ, Фридрихъ III выставлялъ себя чуть не настоящимъ иниціаторомъ императорскаго титула, только и настоявшимъ, чтобы и его отецъ, и Бисмаркъ на него согласились. Съ другой стороны, имперскій канцлеръ очень не жаловалъ Геффкена и даже высказывался въ томъ смыслѣ, что многое въ дневникѣ Фридриха III было написано по внушенію разныхъ друзей кронъ-принца и въ ихъ числѣ самого Геффкена. Послѣдній тоже не любилъ Бисмарка и еще въ 1878 г., выставляя свою кандидатуру на выборахъ въ рейхстагъ, какъ консерваторъ, написалъ противъ Бисмарка рѣзкую брошюру [3], бывшую источникомъ непріязни самого Бисмарка къ Геффкену. Вильгельмъ II согласился съ предложеніемъ доклада о возбужденіи судебнаго преслѣдованія. Геффкенъ былъ арестованъ и предсталъ передъ уголовнымъ отдѣленіемъ имперскаго суда, который, однако, его оправдалъ.

Въ этомъ дѣлѣ между молодымъ императоромъ и старымъ имперскимъ канцлеромъ проявилась полная солидарность, которая скоро стала нарушаться на почвѣ рабочаго вопроса.

Въ 1889 г. въ Рурской области забастовало до 100 т. углекоповъ, требовавшихъ увеличенія заработной платы, восьмичасового рабочаго

---

[1] Бисмаркъ только былъ убѣжденъ, что первоначально онъ заключалъ въ себѣ лишь запись военныхъ событій, и что лишь впослѣдствіи кронъ-принцъ вставилъ мѣста съ политическимъ содержаніемъ.

[2] Защитники Бисмарка потомъ утверждали, будто вовсе и не онъ былъ авторомъ доклада.

[3] „Der zweite Juni und die Reichstagswahlen".

дня и образованія особыхъ рабочихъ комитетовъ для улаженія недоразумѣній съ хозяевами. Сочувствіе населенія было на сторонѣ этой грандіозной стачки. Депутаты стачечниковъ были даже по ихъ просьбѣ оффиціально приняты (14 мая) императоромъ, сказавшимъ имъ рѣчь, въ которой отнесся къ ихъ дѣлу двойственно. Осудивъ самовольное нарушеніе договора съ работодателями и застращиванія по отношенію къ несоглашавшимся на стачку рабочимъ, равно какъ случаи сопротивленія властямъ и нарушеній правъ чужой собственности, онъ сказалъ, что при повтореніи подобныхъ вещей онъ имъ не можетъ оказать никакой помощи, какъ и въ томъ случаѣ, если они пойдутъ рука объ руку съ „врагами отечества", соціалъ-демократами, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ и внимательно разсмотрѣть ихъ требованія. Императорская рѣчь произвела въ обществѣ благопріятное впечатлѣніе, усилившееся отъ рѣчи, сказанной депутатамъ отъ работодателей, въ которой упрекнулъ ихъ, что они доводятъ дѣло до такихъ столкновеній съ рабочими, съ своей стороны находя естественнымъ, что рабочіе тоже стремятся къ улучшенію своего положенія, разъ знаютъ изъ газетъ, какіе барыши получаются предпринимательскими обществами. Дѣло рурскихъ рабочихъ на сей разъ кончилось миролюбиво, а Вильгельмъ II вынесъ изъ него убѣжденіе о необходимости противопоставить неудовольствію въ рабочемъ классѣ соотвѣтственное соціально-политическое законодательство, не встрѣтивъ, однако, сочувствія въ Бисмаркѣ. Въ это время его вліяніе уже стало ослабѣвать, и бо̀льшую часть 1889 г. онъ прожилъ внѣ Берлина, въ Фарцинѣ и Фридрихсруэ, а Вильгельмъ II на заинтересовавшую его тему довольно часто сталъ бесѣдовать съ министромъ Бёттихеромъ. Повидимому, Вильгельму II и законъ о соціалистахъ, — по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ,—приходился не по душѣ: законъ не помѣшалъ тому, что на выборахъ 1887 г. было подано болѣе трехъ четвертей милліона соціалъ-демократическихъ голосовъ и выбрано было 11 представителей партіи, да и надежда на продленіе дѣйствія закона за предѣлы послѣдняго срока въ сентябрѣ 1890 г. была небольшая. Бисмаркъ осенью 1889 г. даже прямо хлопоталъ о превращеніи этого временнаго закона въ постоянный, сдѣлавъ рейхстагу въ этомъ смыслѣ предложеніе, расчитывая на то, что картельный рейхстагъ приметъ его предложеніе. Расчетъ, однако, оправдался лишь наполовину: рейхстагъ соглашался на предложеніе Бисмарка, но требовалъ кое-какихъ при этомъ смягченій. И Вильгельмъ II, и большинство министровъ были не прочь уступить, да и Бисмаркъ былъ того же мнѣнія—не настаивать на одномъ пунктѣ (дѣло шло о правѣ высылокъ), чтобы получить главное. Консерваторы, однако, полагая, что Бисмаркъ скорѣе готовъ отказаться отъ всего, чѣмъ согласиться на исключеніе спорнаго пункта, при третьемъ чте-

ніи законопроекта 25 января 1890 г. вотировали противъ, чѣмъ и содѣйствовали провалу правительственнаго предложенія (169 голосами противъ 98).

Вслѣдъ за этимъ рейхстагъ былъ распущенъ, но въ заключительной тронной рѣчи ни единымъ словомъ не было упомянуто объ отвергнутомъ законопроектѣ. Въ засѣданіи короннаго совѣта Бисмаркъ услышалъ отъ Вильгельма II о его намѣреніи начать новую эпоху соціально-политическаго законодательства и возвѣстить объ этомъ въ императорскомъ посланіи, какъ это за восемь лѣтъ передъ тѣмъ было сдѣлано его дѣдомъ [1]). Несмотря на возраженія, которыя сталъ дѣлать Бисмаркъ, ему же самому и пришлось составить столь важный манифестъ, но было рѣшено, что соотвѣтственные законопроекты будутъ выработаны только послѣ созыва особой международной конференціи и по выслушаніи мнѣнія прусскаго государственнаго совѣта. Бисмаркъ согласился на порученное ему дѣло подъ этими двумя условіями, вполнѣ надѣясь, что на международной конференціи станетъ во всю ширь вопросъ о способности германской промышленности выдерживать конкурренцію съ иностранной, государственный же совѣтъ согласится съ доводами крупныхъ промышленниковъ. Что Бисмарку не нравилась вся новая затѣя, видно и изъ отказа его отъ завѣдованія министерствомъ торговли и промышленности, гдѣ его смѣнилъ Берлепшъ. Выборы въ рейхстагъ были назначены на 20 февраля, а 4-го были опубликованы два императорскихъ рескрипта, возвѣщавшихъ новую эпоху.

Въ первомъ изъ нихъ (на имя Бисмарка) императоръ заявлялъ о своемъ намѣреніи заняться улучшеніемъ быта германскихъ рабочихъ, насколько это совмѣстимо съ сохраненіемъ способности германской промышленности къ конкурренціи на міровомъ рынкѣ и по тому самому съ обезпеченіемъ за самими рабочими средствъ къ существованію, ибо потеря сбыта германскихъ продуктовъ за границей лишила бы хлѣба и предпринимателей, и рабочихъ. Для избѣжанія такой опасности и созывалась международная конференція на счетъ „возможности удовлетворить потребности и желанія рабочихъ". Если, говорилось далѣе, германскіе посланники во Франціи, Англіи, Бельгіи и Швейцаріи извѣстятъ, что тамошнія правительства согласны прислать своихъ уполномоченныхъ, то имперскій канцлеръ пригласитъ эти правительства это сдѣлать. Такое окончательное выраженіе получило предложеніе Бисмарку, а въ другомъ документѣ на имя новаго министра промышленности и торговли, оставшемся безъ подписи Бисмарка, говорилось о недостаточности прежняго соціальнаго законодательства и о необходимости „подвергнуть изслѣдованію отношенія фабричныхъ

---

[1]) См. выше, стр. 78—80.

рабочихъ для удовлетворенія раздающихся въ этой области жалобъ и пожеланій, насколько онѣ основательны. Исходнымъ пунктомъ этого изслѣдованія, сказано было далѣе, должно быть признаніе за государственною властью задачи упорядоченія времени, продолжительности и способа труда съ принятіемъ во вниманіе сохраненія здоровья, предписаній нравственности и хозяйственныхъ потребностей рабочихъ и ихъ притязанія на законное равноправіе". Далѣе намѣчалась для обезпеченія мира между работодателями и рабочими организація представительства послѣднихъ при сношеніяхъ съ работодателями и агентами правительственной власти, вслѣдствіе чего „сдѣлается возможнымъ для рабочихъ свободное и мирное выраженіе ихъ желаній и неудовольствій (Beschwerden)". Второй указъ имѣлъ въ виду только Пруссію, поскольку обращался къ прусскому министру и заключалъ въ себѣ указаніе на разработку поднятаго вопроса въ прусскомъ государственномъ совѣтѣ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя и съ привлеченіемъ къ совѣщанію свѣдущихъ людей по его выбору, но въ существѣ дѣла и тутъ возвѣщалось новое имперское законодательство. Дѣло теперь уже должно было заключаться не въ христіанскомъ милосердіи по отношенію къ больнымъ, увѣчнымъ и хилымъ, а объ осуществленіи извѣстнаго права всѣхъ здоровыхъ и нормальныхъ работниковъ. Этимъ какъ бы порывалась всякая связь со старою, патріархальною системою, на точкѣ зрѣнія коей продолжалъ стоять Бисмаркъ.

Дѣло было двинуто быстро. Черезъ десять дней открылись засѣданія прусскаго государственнаго совѣта съ десятками спеціально приглашенныхъ Вильгельмомъ II лицъ — между ними крупными промышленниками, владѣльцами копей, знаменитымъ пушечнымъ заводчикомъ Круппомъ [1]) и т. п. Программа занятій заключалась въ словахъ самого императора о необходимости „защиты рабочихъ противъ произвольной и неограниченной эксплуатаціи (Ausbeutung) рабочей силы, ограниченія размѣра дѣтскаго труда въ соотвѣтствіи съ требованіями человѣчности и естественныхъ законовъ развитія" и улучшенія въ нравственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ домашняго быта рабочихъ. Императоръ подчеркнулъ также, что задача вовсе не въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей: „это уже другая забота, сказалъ онъ, и съ нею въ случаѣ надобности справлюсь я одинъ, не нуждаясь ни въ совѣтахъ вашихъ, ни въ поддержкѣ". Для разработки отдѣльныхъ вопросовъ были образованы особыя коммиссіи съ приглашеніемъ въ нихъ нѣкотораго числа экспертовъ изъ ремесленниковъ и рабочихъ. Затѣмъ, съ 15 по 28 марта засѣдала Международная конференція по охранѣ рабочихъ („Internationale Konferenz für Arbeiterschutz") изъ

---

[1]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 130.

представителей всѣхъ западно-европейскихъ государствъ; Россія и балканскія страны не были представлены, такъ какъ ихъ вывозъ лишенъ индустріальнаго характера. Предметами совѣщаній были: регулированіе труда горнорабочихъ, воскресный отдыхъ, трудъ дѣтей, подростковъ и женщинъ, приведеніе въ исполненіе принятыхъ постановленій. Приняты были въ качествѣ рѣшеній или только пожеланій запрещеніе работы въ копяхъ для дѣтей моложе 14 лѣтъ и для женщинъ, возможно большее ограниченіе работы въ условіяхъ, вредныхъ для здоровья, обращеніе обѣихъ сторонъ къ третейскому суду въ случаѣ столкновеній, необходимость соглашенія между всѣми государствами касательно воскреснаго дня, запрещеніе ночного и воскреснаго женскаго труда, ограниченіе труда женщинъ 11 часами съ перерывомъ въ $1^1/_2$ часа, допущеніе родильницъ къ работѣ лишь черезъ четыре недѣли послѣ родовъ, недопущеніе къ фабричной работѣ дѣтей моложе 12 лѣтъ, къ ночной или воскресной работѣ моложе 14 лѣтъ, установленіе для нихъ шестичасовой нормы и десятичасовой до 16 лѣтъ. Конечно, все это имѣло лишь академическій характеръ, но, несомнѣнно, укрѣпляло Вильгельма II въ его реформаторскихъ планахъ. Бисмаркъ былъ, напротивъ, очень недоволенъ: „конференція не подлила воды въ вино" и „не затормозила гуманнаго, расположеннаго къ рабочимъ порыванія (Elan) государя"; все это была „одна фразеологія". Еще конференція не кончила своей работы, какъ разнеслась вѣсть объ отставкѣ Бисмарка.

За мѣсяцъ передъ тѣмъ и выборы въ рейхстагъ окончились не въ пользу Бисмарка. Картель потерялъ 80 мѣстъ, собравши только 2,5 милліона голосовъ противъ 4,5 милліоновъ оппозиціи. Императорскіе указы не уменьшили, какъ на то расчитывалъ самъ Вильгельмъ II, количества соціалъ-демократическихъ голосовъ (соціалъ-демократовъ было выбрано 35 человѣкъ). Соціалъ-демократы даже извлекли выгоду изъ этихъ указовъ, такъ какъ самъ императоръ призналъ-де справедливость ихъ требованій, и многіе наивные люди думали, что быть „gut social-demokratisch" и „gut kaiserlich"—одно и то же. Еще больше соціалъ-демократы ссылались на то, что февральскіе указы находятся въ противорѣчіи съ закономъ о соціалистахъ, и распространяли взглядъ, что все значеніе указовъ—въ ловкомъ избирательномъ манёврѣ.

Что касается до отставки Бисмарка, то о ней очень много говорили, да немало и писали; предпринимались чуть не цѣлыя историческія изслѣдованія о ея причинѣ или причинахъ. Всѣ, конечно, указывали на слишкомъ самостоятельный и властный характеръ молодого императора, который тяготился опекою желѣзнаго канцлера и, въ сущности, желалъ быть собственнымъ своимъ канцлеромъ. Между

представителемъ стараго поколѣнія, уже отжившаго свое время, со старыми идеалами и старыми предразсудками, съ одной стороны, и представителемъ поколѣнія болѣе молодого, имѣвшимъ свои новыя стремленія и прихоти, съ другой стороны, при дѣйствительно большой разницѣ лѣтъ должны были возникнуть непримиримыя,—принимая въ расчетъ оба характера,—разногласія. Въ 1890 г. Бисмарку было уже 75 лѣтъ, Вильгельму — 31, разница въ 44 года, какая можетъ быть, пожалуй, иногда между дѣдомъ и внукомъ. Разногласія бывали у Бисмарка и съ Вильгельмомъ I, но ихъ было меньше, да и старый прусскій король и германскій императоръ всегда подчинялся болѣе сильной личности своего министра [1]). Бисмаркъ даже привыкъ къ этой уступчивости монарха, и потому ему уже труднѣе было ладить съ новымъ своенравнымъ государемъ. Отставка Бисмарка поразила своею неожиданностью. Еще въ ноябрѣ 1889 г. во время одного своего путешествія императоръ послалъ Бисмарку очень милостивую телеграмму, а 1 января 1890 г., всего за 79 дней до разрыва, горячо поздравлялъ его съ новымъ годомъ, „прося Бога, чтобы Онъ еще на многіе годы сохранилъ для него, императора, въ его трудномъ и отвѣтственномъ призваніи государя, такого вѣрнаго, испытаннаго совѣтника“, какимъ былъ имперскій канцлеръ.

Разногласія между Вильгельмомъ II и Бисмаркомъ образовались по разнымъ вопросамъ. Одни думаютъ, что въ отставкѣ Бисмарка большую роль съиграло различное пониманіе соціальной политики, по вопросамъ которой императоръ больше слушалъ совѣтовъ министра Бёттихера; поведеніе послѣдняго по отношенію къ себѣ Бисмаркъ считалъ прямо подозрительнымъ [2]). Другіе рѣшительно отрицаютъ такое объясненіе конфликта [3]), но, кажется, никто не можетъ отрицать, чтобы въ разладѣ между императоромъ и его канцлеромъ не было работы постороннихъ силъ. Несомнѣнно, что противъ Бисмарка передъ Вильгельмомъ II велась интрига и притомъ съ разныхъ сторонъ. Придворный проповѣдникъ Штёккеръ и редакторъ „Крестовой газеты“ Гаммерштейнъ были недовольны несочувствіемъ Бисмарка антисемитизму и покровительствомъ прогрессивному протестантскому богослову Гарнаку [4]), и оба были убѣждены, что нужно „возбудить

---

[1]) Примѣры въ т. V, стр. 736 и въ т. VI, ч. 1, стр. 7—8.

[2]) Такова, напримѣръ, точка зрѣнія *Wenck*'а на стр. 118 и слѣд. цитированнаго выше (стр. 76) сочиненія.

[3]) Nicht deswegen, weil er die kaiserliche Socialpolitik nicht hätte mitmachen wollen. *G. Egelhaaf.* Geschichte der neuesten Zeit., стр. 212. Эгельгаафъ, самъ большой поклонникъ Бисмарка, очень обстоятельно разсматриваетъ вопросъ на 20 страницахъ (212—232).

[4]) См. о немъ въ главѣ XXIV.

у императора впечатлѣніе, что Бисмаркъ даетъ ему плохіе совѣты". Неблагопріятныя для канцлера вліянія шли и съ либеральной стороны: указываютъ на великаго герцога баденскаго, который въ данномъ случаѣ, какъ думаютъ, служилъ сознательно или безсознательно цѣлямъ англійской политики, видѣвшей въ Бисмаркѣ главнаго сторонника дружбы Германіи съ Россіей. Договоръ съ послѣднею при Александрѣ III истолковывался врагами Бисмарка въ смыслѣ опасной для Германіи измѣны союзу съ Австріей [1]). Не было недостатка въ разныхъ инсинуаціяхъ и болѣе личнаго содержанія. Указывали на непочтительные отзывы Бисмарка объ императорѣ передъ иностранными дипломатами („императоръ такого рода человѣкъ, что хотѣлъ бы каждый день праздновать день своего рожденія"); объясняли поведеніе канцлера въ дѣлѣ Геффкена [2]), какъ желаніе выставить отца и мать императора плохими нѣмцами и передатчиками государственныхъ тайнъ въ Лондонъ; обвиняли Бисмарка и въ томъ, что онъ скрываетъ отъ императора важныя дѣла. О непосредственномъ поводѣ къ отставкѣ мы узнаёмъ, быть можетъ, лучше всего изъ прощальнаго письма, составленнаго Бисмаркомъ 18 марта 1890 г. и переданнаго Вильгельму II на другой день. Этотъ документъ былъ немедленно по смерти отставного канцлера (1898) обнародованъ его секретаремъ Бушемъ въ „Berliner Lokalanzeiger'ѣ".

По „кабинетсъ-ордеру" Фридриха-Вельгельма IV отъ 8 сентября 1852 г. министры не имѣли права безъ вѣдома министра-президента дѣлать непосредственные доклады королю, а Вильгельмъ II въ этомъ видѣлъ только ограниченіе своей власти и хотѣлъ находиться въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ каждымъ изъ своихъ министровъ. Онъ потребовалъ у Бисмарка отмѣны этого порядка, но все министерство вмѣстѣ съ нимъ нашло, что это лишило бы министра-президента надлежащаго авторитета. Этотъ эпизодъ относится къ марту 1890 г., къ которому относится и другой эпизодъ аналогичнаго характера. Бисмаркъ вошелъ въ сношенія съ Виндгорстомъ, которыя должны были остаться секретными, но узнавшій объ этомъ Вильгельмъ II указалъ Бисмарку на неблаговидность такихъ сношеній министра, безъ императорскаго разрѣшенія, съ вліятельными членами рейхстага, и запретилъ ему впредь это дѣлать. Бисмаркъ съ своей стороны съ такою точкою зрѣнія не согласился, указавъ на то, что

---

[1]) См. выше, стр. 10. На самомъ дѣлѣ, какъ впослѣдствіи разсказывалось въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ газетныхъ „разоблаченіяхъ", Бисмаркъ однажды осенью 1889 г. упрекалъ Вильгельма II въ чрезмѣрной приверженности къ Россіи: императоръ будто бы былъ такъ разсерженъ, что велѣлъ кучеру остановиться (разговоръ происходилъ въ экипажѣ) и попросилъ Бисмарка его оставить.

монарху во всѣхъ случаяхъ принадлежитъ послѣднее слово, если онъ не одобрилъ бы результата переговоровъ,—и будто бы прибавилъ: „ваша власть не распространяется на гостиную моей жены“. Кромѣ того, Вильгельмъ II высказалъ желаніе, чтобы Бисмаркъ отказался отъ своихъ прусскихъ должностей министра-президента и министра иностранныхъ дѣлъ, сохранивъ за собою одно имперское канцлерство. Императоръ былъ еще недоволенъ тѣмъ, что Бисмаркъ не показалъ ему одного донесенія отъ германскаго консула въ Кіевѣ о военныхъ приготовленіяхъ Россіи, но Бисмаркъ оправдывался тѣмъ, что не вѣрилъ въ воинственные замыслы Александра III и потому не хотѣлъ поднимать исторіи по поводу этого донесенія. Ко всему этому прибавилось еще раздраженіе императора, вызванное исходомъ выборовъ въ рейхстагъ. Угадывая настроеніе Вильгельма II, Бисмаркъ сказалъ ему, что готовъ выйти въ отставку, но только не сейчасъ, дабы не произвести невыгоднаго для правительства впечатлѣнія, а лѣтомъ, когда можно было бы подыскать для него подходящаго преемника. Бисмаркъ соглашался помочь проведенію военнаго предложенія, но предсказывалъ, что едва ли можно будетъ имѣть успѣхъ, что рейхстагъ придется распустить—и, пожалуй, не одинъ разъ—и даже созвать въ Берлинъ союзныхъ государей, дабы съ ними подумать объ измѣненіи избирательнаго закона и, можетъ быть другихъ пунктовъ конституціи. Вильгельмъ II какъ-будто съ этимъ соглашался. Впослѣдствіи Бисмарку по этому поводу было приписано намѣреніе, въ мартѣ 1890 г., отмѣнить всеобщее избирательное право [1]). Защитники памяти Бисмарка не отрицаютъ, что онъ предвидѣлъ возможность, въ случаѣ упорнаго несогласія націи съ предложеніемъ объ усиленіи войска, послѣ одного-двухъ роспусковъ, созвать государей и вольные города, которые въ 1867 и 1870—71 г. создали конституцію, и предложить имъ или остаться лишь въ таможенномъ и военномъ союзѣ безъ рейхстага, или, сохранивъ существующую конституцію, измѣнить дѣйствующее избирательное право, препятствующее безопасности и могуществу имперіи. Еще въ 1881 г. Бисмаркъ носился съ подобною же мыслью, называя рейхстагъ нюрнбергскою игрушкою, съ которою нѣмцы не умѣютъ обращаться [2]). Во всякомъ случаѣ онъ думалъ прибѣгнуть къ радикальному средству не сейчасъ и надѣялся, что можно будетъ обойтись и безъ него. Свою мысль Бисмаркъ развилъ передъ императоромъ 25 февраля, и тотъ согласился, что не слѣдуетъ сдаваться („no surrender!“). Дядя императора, великій герцогъ баденскій, разубѣдилъ Вильгельма II въ допустимости такого плана: это вызоветъ народное

---

[1]) Статьи *Delbrück*'а въ „Preuszische Jahrbücher“ за 1906 г.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 250.

возстаніе, „тебя, — аргументировалъ либеральный государь, котораго Бисмаркъ величалъ германскимъ Людовикомъ-Филиппомъ, человѣкомъ вѣчной уступки, тебя прозовутъ картечнымъ принцемъ, и тебѣ придется по щиколодку ходить въ крови твоихъ подданныхъ". Великій герцогъ усматривалъ даже во всей этой исторіи „штуку (ein Trick) стараго Бисмарка", чтобы, поссоривъ императора съ народомъ, сдѣлать себя еще болѣе необходимымъ. Дѣло идетъ,—будто бы прибавилъ дядя императора, — о томъ, царствовать ли въ Германіи династіи Бисмарковъ или Гогенцоллерновъ. Понятно теперь, кого имѣлъ въ виду Вильгельмъ II, когда сказалъ 5 марта на банкетѣ бранденбургскаго провинціальнаго ландтага: „я буду по мѣрѣ силъ по-своему (mit meinem Pfunde) вести свое хозяйство; кто мнѣ при этомъ будетъ помогать, тому отъ сердца добро пожаловать, но кто мнѣ станетъ поперекъ въ этой работѣ, того я разгромлю (den zerschmettere ich!)". Затѣмъ началась настоящая политика булавочныхъ уколовъ, раздача высокихъ знаковъ отличія завѣдомымъ недругамъ Бисмарка (напр., Бёттихеру), приглашеніе канцлера на докладъ въ слишкомъ ранній для старика часъ, оставленіе безъ отвѣта его писаній, а 17 марта Бисмарку былъ поставленъ и прямой ультиматумъ—или отмѣнить кабинетскій ордеръ 1852 г., или подать въ отставку. Министры, созванные Бисмаркомъ, хотѣли-было взять на себя посредничество въ улаженіи кризиса, но Вильгельмъ II предупредилъ ихъ намѣреніе, давъ понять, что это будетъ напрасно, и послалъ Бисмарку уже прямое предписаніе подать въ отставку. Тогда послѣдній написалъ свое прошеніе на двадцати страницахъ, о которомъ было упомянуто и которое проливаетъ свѣтъ на непосредственный поводъ императорской немилости. Прося объ отставкѣ „съ узаконенной пенсіей", имперскій канцлеръ подчеркивалъ, что онъ уже давно это сдѣлалъ бы, если бы у него „не было впечатлѣнія, что его величеству угодно пользоваться опытностью и способностями вѣрнаго слуги его предшественниковъ. Теперь, — такъ заканчивалось прошеніе, — когда мнѣ извѣстно, что Ваше Величество въ нихъ не нуждаетесь, я могу уйти изъ политической жизни, не боясь, что мое рѣшеніе будетъ принято общественнымъ мнѣніемъ за несвоевременное. Фонъ-Бисмаркъ". На это прошеніе императоръ отвѣтилъ 20 марта, что принимаетъ отставку „со смутнымъ сердцемъ" и въ знакъ „неизгладимой благодарности" жалуетъ Бисмарку титулъ герцога Лауенбургскаго,—титулъ, котораго тотъ никогда потомъ не хотѣлъ употреблять. Другою наградою было производство Бисмарка въ „генералъ-оберсты кавалеріи". Общественному мнѣнію высочайшіе рескрипты представляли такъ, будто самъ Бисмаркъ настаивалъ на отставкѣ и ничѣмъ его нельзя было уговорить, а одному изъ германскихъ государей Вильгельмъ II телеграфи-

ровалъ, что ему „такъ больно, какъ будто онъ еще разъ лишился своего дѣда“, но нужно-де покориться волѣ Божіей. „На мою долю, сказано было далѣе въ телеграммѣ, выпала должность вахтеннаго офицера на государственномъ кораблѣ. Курсъ остается старый: на всѣхъ парахъ впередъ!“ Назначенный на мѣсто Бисмарка генералъ Каприви съ такою поспѣшностью переѣхалъ въ канцлерскій отель, что семья Бисмарка едва успѣла кое-какъ уложиться. Старшій сынъ Бисмарка, графъ Гербертъ, не захотѣлъ послѣ этого оставаться на своемъ посту статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ.

Выборы 1890 г., въ которыхъ германская нація проявила свое отвращеніе къ реакціонной политикѣ послѣднихъ лѣтъ, и отставка Бисмарка черезъ мѣсяцъ послѣ этихъ выборовъ открывали новую эпоху внутренней исторіи Германіи—съ новыми людьми и новыми стремленіями. Преемникомъ Бисмарку былъ назначенъ—и имперскимъ канцлеромъ, и министромъ-президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Пруссіи — генералъ Каприви-де-Каправа-де-Монтекукули [1]), котораго Бисмаркъ давно считалъ своимъ врагомъ. Участникъ войнъ 1866 и 1870—71 гг., въ 1883 г. онъ былъ назначенъ, несмотря на свое сухопутное званіе, начальникомъ адмиралтейства, въ управленіи которымъ очень скоро проявилъ недюжинную инициативу и большую распорядительность. Пробывъ въ этой должности пять лѣтъ и пріобрѣтши въ ней значительныя познанія въ морскомъ дѣлѣ, пригодившіяся ему впослѣдствіи, Каприви изъ-за разногласій съ Бисмаркомъ въ 1888 г. былъ снова переведенъ въ армію командовать корпусомъ, съ каковой должности совершенно для всѣхъ неожиданно и былъ взятъ Вильгельмомъ II на постъ имперскаго канцлера. Есть одно извѣстіе, будто императоръ еще передъ обнародованіемъ февральскихъ рескриптовъ призывалъ къ себѣ Каприви и говорилъ ему, что когда должность канцлера освободится, то мѣсто это будетъ за нимъ, такъ какъ еще дѣдъ Вильгельмъ I рекомендовалъ его, Каприви, въ преемники Бисмарку, когда тотъ умретъ. „Но,—какъ говорятъ, прибавилъ къ этому Вильгельмъ II,—кажется, мнѣ придется съ нимъ разстаться раньше“. Каприви въ отвѣтъ на это сказалъ, что только воля монарха можетъ заставить его взять на себя отправленіе должности, къ которой онъ совсѣмъ не чувствуетъ себя готовымъ, на что Вильгельмъ II возразилъ ему: „но вамъ и надобности нѣтъ въ этомъ, потому что я самъ буду дѣлать вамъ указанія“. Этимъ разговоромъ вполнѣ опредѣлился взглядъ Вильгельма II на роль имперскаго канцлера

---

[1]) Предки Каприви были итальянцы; въ XVI в. одинъ изъ нихъ переселился въ Крайну, а въ XVIII в. нѣкоторые изъ Каприви были въ прусской службѣ.

совершенно въ согласіи съ тѣмъ объясненіемъ, какое своей отставкѣ давалъ и самъ Бисмаркъ, говоря, что „его величество очень дѣятельный человѣкъ, чувствуетъ въ себѣ избытокъ силъ и потому самъ хочетъ быть своимъ канцлеромъ“. Въ сущности, на дѣлѣ такъ и было: Каприви оказался канцлеромъ гораздо болѣе покладистымъ, нежели слишкомъ своенравный Бисмаркъ. Въ новой своей должности онъ оставался четыре съ половиною года (20 марта 1890—26 окт. 1894 г.), и если причина его отставки до сихъ поръ остается невыясненною, то все-таки есть нѣкоторыя основанія полагать, что произошло это, когда онъ сталъ проявлять въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ извѣстную самостоятельность, которая не могла понравиться Вильгельму II.

Слѣдствіемъ императорскихъ февральскихъ рескриптовъ 1890 г. было пробужденіе и въ буржуазіи интереса къ соціальному вопросу, и изъ этой среды стали выходить одна за другою книжки и брошюры на отдѣльныя темы этого вопроса, между прочимъ, о соціалъ-демократіи, которую съ конца семидесятыхъ годовъ, нельзя сказать, чтобы игнорировали, но во всякомъ случаѣ серьезно не изучали. Происшедшая осенью того же года отмѣна закона о соціалистахъ, повлекшая за собою оживленіе соціалъ-демократической агитаціи, послужила, между прочимъ, поводомъ для возникновенія цѣлой „бюргерской“ соціалъ-политической литературы, разумѣется полемическаго характера, причемъ выкопаны были и забытыя публикаціи первыхъ временъ христіанско-соціалистическаго движенія. Движеніе захватило и многихъ консервативно настроенныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересованныхъ вопросами соціальной реформы людей, какъ придворный проповѣдникъ Штеккеръ, берлинскій профессоръ политической экономіи Адольфъ Вагнеръ, одинъ мюнхенскій священникъ Веберъ и нѣкто д-ръ Кропачекъ, будущій редакторъ „Крестовой Газеты“. Они образовали кружокъ, въ который допустили и болѣе либеральныхъ людей, въ родѣ знаменитаго берлинскаго теолога Гарнака, и созвали евангелическо-соціальный съѣздъ для того, чтобы „безпредубѣжденно изслѣдовать соціальныя отношенія своего народа, примѣнить къ нимъ мѣрку нравственныхъ и религіозныхъ требованій Евангелія и самимъ болѣе плодотворнымъ и дѣйствительнымъ образомъ, нежели раньше, оказывать воздѣйствіе на современную экономическую жизнь“. На первомъ такомъ конгрессѣ преобладала очень консервативная нота, но съ теченіемъ времени въ лонѣ самаго этого учрежденія стало развиваться болѣе либеральное направленіе, представителями котораго были Науманъ, Гёре [1]) и др., а въ 1895 г. изъ состава организаціи вы-

[1]) О Науманѣ см. статью *Г. Гросмана* въ „Образованіи“ за 1904 г. („Пасторъ Науманъ и его политическая карьера“). Онъ былъ сначала пасторомъ, но, увлекшись соціальной политикой, оставилъ это званіе и сдѣлался

шелъ самъ Штекеръ, потянувъ за собою и массу другихъ наиболѣе консервативныхъ въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ членовъ, образовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ особую „Церковно-соціальную конференцію". Значительное развитіе въ девятидесятыхъ годахъ получили и основанные еще раньше евангелическіе рабочіе ферейны, тоже раздѣлившіеся на болѣе консервативные и болѣе прогрессивные, послѣдніе подъ руководствомъ Наумана, Гёре и т. п. Вліяніе, шедшее сверху, направило въ соціально-политическую сторону и протестантскія церковныя управленія (въ особенности прусское), которыя начали приглашать подвѣдомственное имъ духовенство къ занятію соціальнымъ вопросомъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовала и внутренняя миссія евангелической церкви, начиная со своего съѣзда въ Нюрнбергѣ въ 1890 г., и ея центральный комитетъ обнародовалъ записку объ отношеніи миссіи къ соціальному вопросу, послужившую темой для цѣлой книги Наумана „Соціальная программа евангелической церкви".

Конечно, еще болѣе сильное и болѣе важное развитіе получила въ Германіи послѣ 1890 г. дѣятельность соціалъ-демократической партіи [1]).

Рейхстагъ, вышедшій изъ выборовъ 1890 г., занялся предложеннымъ ему въ маѣ этого года законопроектомъ въ духѣ февральскихъ указовъ, но потребовался цѣлый годъ для выработки и принятія самаго закона. Тремя главными предметами соціальнаго законодательства были теперь работа въ праздничные дни и трудъ дѣтей и женщинъ. Правительство предложило совсѣмъ запретить работу въ праздничные дни на фабрикахъ и въ ремесленныхъ мастерскихъ и ограничить ее пятью часами для всѣхъ служащихъ и рабочихъ, занятыхъ

писателемъ. Въ своей книгѣ „Demokratie und Kaisertum" (1900) онъ, въ сущности, возвращается къ штейновской традиціи „соціальной монархіи" (т. V, стр. 384). Болѣе ранніе его труды: „Was thun wir gegen die glaubenslosen Sozialdemokratie?" (1889), „Das soziale Programm der evangelischen Kirche" (1890) и др. О Гёре см. статью *Г. Гросмана* въ „Образованіи" за 1904 г. („Пасторъ Гёре и его политическая карьера"). Въ 1890 г., будучи уже пасторомъ, желая изучить бытъ рабочихъ, онъ три мѣсяца провелъ простымъ рабочимъ на одной фабрикѣ, написавъ потомъ объ этомъ книгу „Drei Monate Fabriksarbeiter und Handwerksbursche" (1891). Въ книгѣ „Die evangelischsoziale Bewegung, ihre Geschichte und ihre Ziele" (1896) онъ уже высказывается противъ консерватизма этого движенія, а въ 1899 г. прямо перешелъ въ соціалъ-демократическую партію, объяснивъ этотъ переходъ въ своей, разошедшейся въ количествѣ полумилліона экземпляровъ, брошюрѣ „Wie ein Pfarrer Sozialdemokrat wurde" (1900). Нѣкоторыя его сочиненія переведены по-русски: *Гёре*. Три мѣсяца на фабрикѣ (1906).—Жизнь современнаго фабричнаго рабочаго (въ Германіи). Подъ ред. и съ пред. *Павла Гёре* (1908).

[1]) См. ниже, въ главѣ XXIII.

въ торговыхъ заведеніяхъ. Трудъ дѣтей ниже тринадцатилѣтняго возраста совсѣмъ предложено было запретить, съ этого же возраста допускать только прошедшихъ черезъ школу и притомъ съ нормами до 6 и до 10 часовъ для подростковъ моложе 14 и моложе 16 лѣтъ. Работницы на фабрикахъ не должны были быть заняты по ночамъ и наканунѣ праздничныхъ дней позже 5½ ч. вечера, работники же старше 16 лѣтъ—не болѣе 11 часовъ въ сутки съ часовымъ перерывомъ для обѣда. Кромѣ того, предложены были новыя постановленія, касавшіяся и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ. Соціалъ-демократическая фракція со своей стороны внесла предложеніе, отличавшееся отъ правительственнаго преимущественно тѣмъ, что всѣ рабочіе старше 16 лѣтъ должны были быть заняты сначала самое бо̀льшее десять часовъ, съ 1894 г. только девять, а съ 1898 г.—восемь. Но парламентская коммиссія сразу отклонила всѣ предположенія относительно нормальной продолжительности рабочаго дня за исключеніемъ одного—ограниченія ежедневной работы замужнихъ работницъ десятью часами. Къ другимъ предложеніямъ правительства коммиссія въ общемъ отнеслась сочувственно.

Понятно, что здѣсь не мѣсто излагать германское законодательство по такъ называемому „Arbeiterschutz'у", начиная съ законовъ 6 и 7 мая 1891 г. [1]). Достаточно упомянуть, что были приняты правила о частичныхъ запрещеніяхъ или ограниченіяхъ воскресной и праздничной работы, новыя мѣры противъ „Trucksystem", разныя предосторожности относительно опасныхъ для жизни и вредныхъ для здоровья или нравственности условій работы [2]), постановленія касательно рабочихъ комитетовъ (Arbeiterausschüsse) и т. п. Особенное развитіе получило законодательство о фабричной инспекціи въ смыслѣ увеличенія ея персонала (въ одной Пруссіи до 226, во всей Германіи свыше 300), расширенія ея компетенціи и облегченій въ исполненіи ея функцій (содѣйствіе мѣстной полиціи и т. п.). Еще раньше всего этого законодательства, въ іюнѣ 1890 г., были учреждены посредническіе промышленные суды (Gewerbegerichte) для всѣхъ пререканій между работодателями и рабочими. Члены такихъ судовъ должны быть пополамъ отъ обѣихъ сторонъ подъ предсѣдательствомъ лица, не принадлежащаго ни къ той, ни къ другой сторонѣ.

Увлеченіе Вильгельма II соціальной политикой было не особенно продолжительно. У этой политики съ самаго начала были вліятельные противники среди крупныхъ промышленниковъ, изъ которыхъ каждый

---

[1]) *M. Wenck*, стр. 160—170 и 197—201.

[2]) Подробности было предоставлено установить союзному совѣту, который въ этомъ направленіи издалъ цѣлый рядъ распоряженій въ теченіе девятидесятыхъ годовъ.

хотѣлъ оставаться „господиномъ въ собственномъ домѣ“ (Herr im eigenem Hause), каковы были пушечный король Круппъ [1]) или владѣлецъ каменноугольныхъ копей и разныхъ заводовъ Штуммъ [2]), находившіе, кромѣ того, что безъ строгой дисциплины рабочихъ въ желѣзодѣлательной и каменноугольной промышленности Германіи не выдержать конкурренціи съ Англіей. Подобныя лица хотѣли быть въ своихъ предпріятіяхъ маленькими самодержцами и держать рабочихъ и въ политической зависимости отъ себя—въ смыслѣ недопущенія принадлежности ихъ къ непріятнымъ для хозяевъ партіямъ, за что, владѣя большими средствами, они охотно обставляли хорошо матеріальный бытъ своихъ рабочихъ. Ихъ нерасположеніе къ соціальной политикѣ шло такъ далеко, что въ своихъ органахъ они начали настоящую травлю противъ „соціальныхъ пасторовъ“ (Наумана, Гёре и др.), „катедеръ-соціалистическихъ профессоровъ“ и т. п.: въ ихъ глазахъ все это были крамольники (Umstürzler), революціонеры, въ лучшемъ случаѣ безпочвенные теоретики, не понимающіе,—какъ то ясно „людямъ практическаго дѣла“ (Männer der Praxis),—что вся эта затѣя ведетъ только къ разоренію, къ полной гибели отечественной промышленности. Они дѣйствовали и на консервативныхъ землевладѣльцевъ, и на ихъ представителей въ рейхстагѣ, увѣряя ихъ, что всякія такія поблажки промышленнымъ рабочимъ заставятъ сельскихъ рабочихъ уходить въ города, и это нанесетъ страшный ударъ сельскому хозяйству. Вся эта круппо-штуммовская агитація оказывала свое воздѣйствіе и на правящія сферы, и, напр., прусскій высшій церковный совѣтъ началъ сдерживать слишкомъ „соціальныхъ“ пасторовъ. Не останавливалась агитація и передъ тѣмъ, чтобы повліять на самого Вильгельма II въ благопріятномъ для своихъ видовъ смыслѣ: напр., велся систематическій подкопъ подъ министра Берлепша.

Но особенно, конечно, Штуммъ и его сторонники хлопотали о томъ, чтобы настроить императора противъ новыхъ идей, заострить его (scharf machen, откуда ихъ кличка „шарфмахеры“) противъ соціалъ-демократіи. И Круппъ, и Штуммъ пользовались личнымъ расположеніемъ императора, который, напр., однажды въ телеграммѣ ко

---

[1]) О фирмѣ Круппа см. т. VI, ч. 1, стр. 130. Здѣсь рѣчь идетъ о Фридрихѣ-Альфредѣ, сынѣ Альфреда Круппа.

[2]) Карлъ-Фердинандъ Штуммъ-Гальбергъ (съ 1888 г. баронъ) сдѣлался близокъ Вильгельму II еще въ бытность его кронпринцемъ. У Штумма къ концу его жизни (ум. 1901) работало болѣе пяти съ половиною тысячъ рабочихъ, которыхъ онъ держалъ въ строгой, патріархальной опекѣ, въ то же время устраивая для нихъ хорошія жилища, дешевыя столовыя, бани, школы, библіотеки (съ одностороннимъ подборомъ книгъ), больницы и обезпечивая пенсіями долго прослужившихъ у него рабочихъ. Его называли „папа Штуммъ“ и „король Штуммъ“.

второму изъ нихъ обозвалъ „christlich-social" безсмыслицей (Unsinn). Главною цѣлью „шарфмахеровъ" было набросить тѣнь на всю соціальную политику за ея родство съ соціалъ-демократіей и начать новую борьбу съ нею, если бы для этого нужно было возстановить законъ о соціалистахъ. Въ самомъ Вильгельмѣ II все болѣе росло раздраженіе противъ соціалъ-демократіи, и онъ уже боялся, что она затѣетъ бунтъ: въ одной своей, надѣлавшей много шуму, рѣчи къ новобранцамъ онъ прямо, какъ мы уже видѣли, сказалъ, что въ случаѣ надобности они должны стрѣлять и въ наиболѣе близкихъ своихъ родныхъ [1]).

Двумъ различнымъ настроеніямъ Вильгельма II по отношенію къ рабочимъ соотвѣтствуютъ и вообще два періода въ исторіи правительственной политики въ Германіи въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в., которое можетъ быть раздѣлено на два періода: періодъ канцлерства Каприви (1890—1894) и періодъ канцлерства Гогенлоэ (1894—1900). Четыре съ половиною года правительственной дѣятельности Каприви характеризуются политикой примиренія и успокоенія, подъ которую, однако, очень скоро стали подкапываться недовольные ею консерваторы и аграріи, добившіеся наконецъ замѣны Каприви княземъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстомъ. Вообще измѣнчивость въ политическомъ настроеніи Вильгельма II, слишкомъ часто дававшая себя знать послѣ отставки Бисмарка, дала поводъ, назвать его новый курсъ „курсомъ зигзаговъ" (Zickzack-Kurs). Одинъ только милитаризмъ продолжалъ пользоваться неизмѣннымъ его сочувствіемъ, неизмѣннымъ его расположеніемъ. Въ этомъ отношеніи онъ проявлялъ непрестанное стремленіе къ усиленію вооруженій Германіи, особенно на морѣ путемъ созданія сильнаго военнаго флота, но въ другихъ вопросахъ политика его шла зигзагами. Мы еще увидимъ, напр., что въ первой половинѣ послѣдняго десятилѣтія XIX в. онъ рѣшительно заигрывалъ съ поляками, съ которыми во второй половинѣ того же десятилѣтія велъ уже безпощадную борьбу, какъ бы поставивъ своею цѣлью искорененіе польскаго элемента въ Пруссіи, и, въ сущности, то же самое, какъ было уже отмѣчено, наблюдается и въ его отношеніи къ рабочимъ. Еще одинъ примѣръ: послѣ отраженія бурами нападенія на нихъ англичанъ Вильгельмъ II, какъ мы уже знаемъ [2]), послалъ президенту Трансваальской республики Крюгеру телеграмму, самое содержаніе которой и употребленныя въ ней выраженія сильно задѣли англійскую націю, а три года спустя, когда началась англобурская война, онъ уже высказывалъ сочувствіе не бурамъ, а англи-

---

[1]) Ср. выше, стр. 90.
[2]) См. выше, стр. 39.

чанамъ. Эту же непослѣдовательность Вильгельмъ II обнаруживалъ и въ вопросахъ экономической политики. Въ канцлерство Каприви онъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы удовлетворять притязанія аграріевъ, и стоялъ за необходимость заключенія торговыхъ договоровъ съ иностранными государствами, но впослѣдствіи, наоборотъ, его политика приняла крайне аграрно-протекціонистское направленіе. Тому рѣшительному тону, съ какимъ онъ заявлялъ о своихъ намѣреніяхъ, не всегда, какъ въ эти, такъ и въ послѣдующіе годы, соотвѣтствовала степень настойчивости въ практическомъ ихъ осуществленіи. Особенно знаменательно въ этомъ отношеніи поведеніе его послѣ отклоненія представительными учрежденіями Германіи и Пруссіи — первымъ обязаннаго его собственной иниціативѣ законопроекта о наказаніи за подстрекательство къ стачкѣ заключеніемъ въ смирительный домъ, а вторымъ его проекта о соединеніи посредствомъ каналовъ Эльбы съ Рейномъ, которое онъ считалъ очень важнымъ и въ военномъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ: именно, полный провалъ его предложеній отнюдь не заставилъ его добиваться во что бы то ни стало осуществленія его плановъ. Напротивъ того, несмотря на все свое самолюбіе и свою обычную властность, Вильгельмъ II отнесся къ этимъ неудачамъ какъ-то пассивно, словно дѣло шло не о такихъ вещахъ, которымъ онъ самъ же приписывалъ особенно важное значеніе. Мало того, его эльборейнскій планъ потерпѣлъ пораженіе въ прусской палатѣ, благодаря какъ-разъ оппозиціи тѣхъ самыхъ консерваторовъ, которымъ онъ потомъ сталъ дѣлать различныя уступки. Замѣна Каприви княземъ Гогенлоэ въ 1894 г., а этого послѣдняго въ 1900 г. графомъ Бюловымъ, это тоже были проявленія курса зигзаговъ.

Канцлерство Каприви имѣло, какъ сказано, примирительный характеръ. Уже въ первой рѣчи, произнесенной имъ въ прусской палатѣ депутатовъ, слышались ноты гораздо бо̀льшаго уваженія къ народному представительству, чѣмъ можно было ожидать отъ дѣятеля, объявившаго, что его политическій курсъ будетъ старымъ курсомъ, курсомъ Бисмарка. „Хорошій тонъ", обѣщанный имъ въ это время для оффиціозныхъ статей по внѣшней политикѣ, онъ поддерживалъ и во внутренней политикѣ, между прочимъ, и въ своихъ отношеніяхъ къ прусскому ландтагу и къ германскому рейхстагу. Это примирительное направленіе „новаго курса", какъ прозвали время канцлерства Каприви, выразилось въ невозобновленіи закона о соціалистахъ, въ возвращеніи наслѣдникамъ бывшаго ганноверскаго короля того денежнаго фонда, на который Бисмаркъ поддерживалъ рептильную прессу [1]), въ отмѣнѣ паспортныхъ стѣсненій на границѣ между Фран-

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 261.

ціей и Эльзасъ-Лотарингіей, въ переходѣ къ болѣе мягкой политикѣ по отношенію къ полякамъ [1]). Въ началѣ своего канцлерства Каприви заключилъ рядъ торговыхъ договоровъ—съ Австро-Венгріей, Италіей, Бельгіей и Швейцаріей, а въ концѣ—съ Испаніей, Румыніей, Сербіей и Россіей (съ послѣдней послѣ упорной таможенной войны). Эти договоры значительно понижали пошлину на ввозимый въ Германію хлѣбъ и выговаривали, кромѣ того, облегченія ко ввозу въ названныя страны продуктовъ германской обрабатывающей промышленности. Этимъ, конечно, были крайне недовольны консерваторы-аграріи, но за то на сторонѣ новыхъ торговыхъ договоровъ стояли и соціалъ-демократы, и свободомыслящіе, и центръ, причемъ, однако, первыя двѣ партіи находили, что пошлины на провозный хлѣбъ можно было бы еще сильно сбавить. Отказъ отъ бисмарковскаго (съ 1879 г.) аграрнаго протекціонизма [2]), замѣна бисмарковскаго закона противъ соціалистовъ развитіемъ соціальнаго законодательства, ослабленіе полицейскаго гнета были, можно сказать, основными линіями внутренней политики Каприви, отчасти соотвѣтствовавшими и перемѣнамъ, происшедшимъ въ рейхстагѣ послѣ выборовъ 1890 г.

Выше [3]) было уже упомянуто, что правительственный картель на выборахъ 1890 г. собралъ только 2½ милліона голосовъ противъ 4½ милліоновъ голосовъ оппозиціи. Особенно знаменателенъ былъ ростъ соціалъ-демократическихъ голосовъ почти вдвое сравнительно съ предшествовавшими выборами, именно съ 763.000 до 1.427.000, а с.-д. депутатовъ даже болѣе, чѣмъ въ три раза [4]). Въ новый рейхстагъ въ 1890 г. правительство внесло предложеніе объ увеличеніи арміи на 18 т. человѣкъ, отказавшись при этомъ отъ септенната [5]), и предложеніе это прошло. Въ 1892 г. новое аналогичное требованіе клонилось къ повышенію численности арміи болѣе, чѣмъ на 70 т. человѣкъ, взамѣнъ чего предлагалось сократить срокъ обязательной службы съ трехъ лѣтъ до двухъ, причемъ оказывалось нужнымъ единовременно издержать лишнихъ 66 милліоновъ марокъ, да ежегодно тратить лишнихъ 64 милліона. На этотъ разъ рейхстагъ не согласился на правительственный проектъ и былъ поэтому распущенъ,— не первый, какъ мы знаемъ [6]), случай роспуска рейхстага изъ-за военнаго проекта. На почвѣ вопроса объ увеличеніи арміи происхо-

---

[1]) См. ниже, въ этой же главѣ.

[2]) См. выше, стр. 66—67.

[3]) См. стр. 96.

[4]) На этихъ выборахъ впервые антисемиты (см. ниже) собрали достаточное количество голосовъ, чтобы имѣть своихъ депутатовъ.

[5]) См. т. VI, ч. 1, стр. 235.

[6]) См. выше, стр. 84.

дила въ 1893 г. и избирательная борьба въ рейхстагъ, давшая 4.312.000 голосовъ противникамъ проекта и 3.268.000 голосовъ его сторонникамъ. Въ рейхстагѣ, однако, законопроектъ прошелъ, ибо въ его пользу образовалось большинство изъ консерваторовъ (100 голосовъ), націоналъ-либераловъ (54), свободомыслящаго союза (13), отколовшагося отъ своихъ товарищей, поляковъ (19) и антисемитовъ (13), да двухъ членовъ центра и нѣсколькихъ „дикихъ“. Къ меньшинству, кромѣ центра (94), принадлежали, конечно, и соціалъ-демократы, которыхъ въ этомъ рейхстагѣ было уже 44 депутата при поданныхъ на выборахъ 1.786.000 голосовъ [1]). Финансовые планы правительства, соединенные съ принятымъ закономъ объ увеличеніи арміи, однако, прошли далеко не всѣ. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, Вильгельмъ II могъ бы быть доволенъ своимъ новымъ канцлеромъ, который и въ другихъ отношеніяхъ обнаружилъ немалую ревность въ смыслѣ укрѣпленія власти и порядка. Въ качествѣ главы прусскаго министерства Каприви усиленно проводилъ въ прусской палатѣ депутатовъ очень реакціонный законопроектъ, цѣлью котораго было создать въ странѣ вѣроисповѣдную школу, но сильное общественное возбужденіе противъ такой мѣры заставило правительство взять свой законопроектъ назадъ, слѣдствіемъ чего Каприви даже вышелъ въ отставку, какъ прусскій министръ-президентъ, сдавъ эту должность гр. Эйленбургу (1892), съ которымъ онъ впослѣдствіи столкнулся по вопросу о возобновленіи репрессивныхъ мѣръ противъ соціалистовъ. Главными противниками Каприви были прусскіе аграріи, среди которыхъ особенно выдвинулся Каницъ, авторъ проекта о сосредоточеніи всей торговли привознымъ хлѣбомъ въ рукахъ правительства, имѣвшаго регулировать хлѣбныя цѣны въ интересахъ землевладѣльцевъ. Каприви высказался рѣшительнѣйшимъ образомъ противъ такихъ притязаній аграрной партіи, чѣмъ вызвалъ въ ней страшное раздраженіе противъ себя, какъ „выскочки, у котораго самого-то нѣтъ и пяди земли“,—и даже крайнее неудовольствіе противъ самого императора, держащаго такого канцлера. Въ союзъ съ консерваторами-аграріями вступила по вопросу о проектѣ Каница значительная часть промышленной буржуазіи, особенно желѣзные заводчики, получавшіе барыши отъ казенныхъ заказовъ [2]) и не желавшіе ссориться съ консервативной партіей, по всѣмъ другимъ вопросамъ всегда поддерживавшей правительство: низкія цѣны на хлѣбъ для нихъ были не такъ важны, какъ союзъ съ консервативными силами. Въ рейхстагѣ проектъ Каница былъ проваленъ большинствомъ на тринадцать только голосовъ, въ чемъ

---

[1]) Антисемиты тоже собрали много голосовъ (263.000). См. ниже.

[2]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 130.

нельзя не видѣть измѣны канцлеру со стороны многихъ, которые стояли раньше за него. Притомъ у него возникло серьезное разногласіе съ Эйленбургомъ по вопросу о возобновленіи репрессивнаго закона противъ соціализма. Къ необходимости репрессій склонялся теперь самъ Вильгельмъ II, видѣвшій въ постоянномъ ростѣ соціалъ-демократіи черную неблагодарность рабочаго класса къ нему, императору, столько сдѣлавшему для проведенія соціальнаго законодательства. Эйленбургъ былъ за, Каприви—противъ, но отставку они получили оба, послѣ чего обѣ ихъ должности снова были соединены въ рукахъ кн. Гогенлоэ.

Этотъ третій канцлеръ Германской имперіи былъ личностью еще менѣе значительною, чѣмъ Каприви. Въ 1894 г. ему уже было около семидесяти пяти лѣтъ [1]). Человѣкъ, въ достаточной мѣрѣ одряхлѣвшій, почти глухой, совершенно лишенный самостоятельности, онъ не могъ своею личностью импонировать ни рейхстагу, въ которомъ говорилъ свои рѣчи не иначе, какъ по бумажкѣ, ни императору, требовавшему отъ него лишь исполненія его предначертаній. Самое большее, что̀ могъ еще кн. Гогенлоэ позволять себѣ по отношенію къ Вильгельму II, это—въ нѣкоторыхъ случаяхъ вносить извѣстное смягченіе въ исполненіе того, чего хотѣлъ его импульсивный и властный государь. Политика зигзаговъ при этомъ имперскомъ канцлерѣ и прусскомъ министрѣ-президентѣ достигла кульминаціоннаго пункта своего развитія, получивъ особенно яркое выраженіе въ частой смѣнѣ министровъ и статсъ-секретарей по причинамъ, большею частью остававшимся неизвѣстными или непонятными [2]). Во внѣшней политикѣ канцлерство Гогенлоэ было временемъ нѣкотораго сближенія съ Россіей, консервативную роль которой теперь особенно цѣнили въ Берлинѣ послѣ такъ еще недавно бывшихъ размолвокъ. Колоніальная политика имперіи въ эти годы приняла особенно активный характеръ, равно какъ началось и усиленіе вліянія Германіи въ Константинополѣ [3]). Равнымъ образомъ и имперскій милитаризмъ за это время сдѣлалъ значительные успѣхи. Въ 1895 г. Вильгельмъ II торжественно отпраздновалъ открытіе канала императора Вильгельма I, по которому военныя суда, равно какъ и торговыя могутъ свободно проходить изъ Балтійскаго

---

[1]) Раньше онъ былъ вице-президентомъ рейхстага, потомъ посломъ въ Парижѣ (съ 1875 г.), наконецъ намѣстникомъ въ Эльзасъ-Лотарингіи (съ 1885 г.).

[2]) Въ этой смѣнѣ министровъ молва приписывала немалую роль тайному совѣтнику Лукапусу, бывшему начальникомъ гражданскаго кабинета императора: говорили, что кого посѣтитъ Луканусъ, тотъ вслѣдъ за тѣмъ выходитъ въ отставку.

[3]) См. ниже, въ главѣ XXV.

моря въ Нѣмецкое и обратно, не огибая Даніи. Въ 1897 г. началось усиленное строительство военнаго флота. Въ началѣ этого года Гогенлоэ добился въ рейхстагѣ кредита въ 58 милліоновъ марокъ на сооруженіе новыхъ крейсеровъ; правительство, впрочемъ, запросило больше, именно 70 милліоновъ. Осенью того же года, открывая рейхстагъ тронною рѣчью, Вильгельмъ II указалъ въ ней на необходимость для Германіи занять и на морѣ достойное ея мѣсто. Въ переводѣ на языкъ цифръ это обозначало, что въ ближайшее семилѣтіе (1898—1904) Германія должна была израсходовать на свой военный флотъ одинъ милліардъ сорокъ семь милліоновъ марокъ. Съ небольшими лишь сокращеніями этотъ ростъ морского бюджета рейхстагомъ былъ принятъ въ 1898 году.

Въ канцлерство Гогенлоэ правительство опиралось обыкновенно на новую комбинацію партій въ рейхстагѣ, въ которой значительная роль принадлежала центру. Между прочимъ, въ 1895 г. президіумъ въ рейхстагѣ попалъ въ руки клерикаловъ послѣ того, какъ бывшій тогда президентомъ Левецовъ подалъ въ отставку, обидѣвшись на то, что предложеніе его послать привѣтствіе Бисмарку въ восьмидесятую годовщину его рожденія было принято только 163 голосами противъ 146, т.-е. всего большинствомъ въ 17 голосовъ. Въ самомъ центрѣ около этого времени произошла перемѣна въ отношеніи къ правительственному курсу: именно центръ сталъ самъ склоняться къ аграрному протекціонизму, уже начавшему намѣчаться въ правительственныхъ сферахъ, а главное — сталъ благосклоннѣе относиться къ желанію увеличить сухопутныя и морскія (особенно морскія) силы имперіи. Благодаря поддержкѣ центра, правительство получило упомянутый уже кредитъ на кораблестроеніе, хотя какъ-разъ центръ-же урѣзалъ запрошенную сумму на 12 милліоновъ марокъ. Въ 1898 г. центръ равнымъ образомъ поддерживалъ требованія правительства въ морскомъ бюджетѣ. Со своей стороны, и правительство очень внимательно относилось къ мнѣніямъ и пожеланіямъ центра.

Вообще сравнительно съ политикой Каприви направленіе, принятое правительственною дѣятельностью при Гогенлоэ, было болѣе реакціоннымъ. Правда, аграріи ничего не получили отъ преемника ненавистнаго имъ Каприви, — въ этомъ отношеніи имъ пришлось ждать новой перемѣны, такъ какъ болѣе замѣтный поворотъ къ аграрному протекціонизму относится уже къ канцлерству Бюлова, — но въ общемъ къ Гогенлоэ аграріи относились недурно. Рѣшительнѣе порвалъ Гогенлоэ съ политикой Каприви въ вопросѣ польскомъ, обостреніе котораго относится главнымъ образомъ къ 1898 г., когда прусское правительство вернулось къ традиціямъ полонофобской

политики Бисмарка [1]). Болѣе же всего замѣтна была перемѣна курса въ отношеніи къ соціалъ-демократіи. Открывая въ концѣ 1894 г. новую сессію рейхстага тронною рѣчью, Вильгельмъ II указалъ въ ней на необходимость, не оставляя соціальнаго законодательства, въ то же время „энергично бороться съ пагубными замыслами людей, стремящихся противодѣйствовать государственной власти въ исполненіи ею своего долга". Въ частности тронная рѣчь возвѣщала внесеніе въ рейхстагъ проекта объ измѣненіи нѣкоторыхъ уголовныхъ законовъ для усиленія полагающихся по нимъ наказаній и даже введенія новыхъ каръ за такія дѣянія, какъ подстрекательство къ преступленіямъ или восхваленіе преступленій путемъ печатнаго или устнаго слова, причемъ въ число наказуемыхъ дѣйствій входили неповиновеніе властямъ, распространеніе ложныхъ слуховъ о дѣйствіяхъ правительства и т. п. Въ самомъ законопроектѣ (Umsturzvorlage, какъ его краткости ради обозначали) соціалъ-демократія не называлась, но во время дебатовъ въ рейхстагѣ никто не скрывалъ, что видитъ въ немъ не что иное, какъ мѣру для борьбы съ политической крамолой, главными представителями каковой и были соціалъ-демократы. Всѣ прогрессивныя и отчасти даже просто умѣренныя партіи были противъ этой „Umsturzvorlage", за нее же высказывались консерваторы и даже націоналъ-либералы, а кромѣ того и центръ, пытавшійся распространить уголовную репрессію на то, что онъ считалъ неуваженіемъ къ религіи и церкви. Этимъ центръ, однако, только повредилъ законопроекту, который взялся защищать, и рейхстагъ отклонилъ предложеніе очень значительнымъ большинствомъ голосовъ. Одинъ эпизодъ этой сессіи показалъ даже, что большинство рейхстага не очень-то было склонно вступить на путь репрессій по отношенію къ соціалъ-демократіи. Случилось такъ, что депутаты этой партіи не успѣли заранѣе покинуть залу засѣданій передъ провозглашеніемъ „hoch" императору,—какъ они обыкновенно поступали,—и остались сидѣть на своихъ мѣстахъ, когда всѣ встали. Прокуратура усмотрѣла въ этомъ оскорбленіе величества и обратилась къ рейхстагу съ просьбою разрѣшить ей уголовное преслѣдованіе противъ членовъ названной партіи, но громаднымъ большинствомъ голосовъ рейхстагъ отказалъ прокуратурѣ въ этой просьбѣ. Отклоненіе законопроекта, въ принятіи котораго какъ бы лично былъ заинтересованъ самъ Вильгельмъ II, не повлекло за собою роспуска рейхстага. Онъ былъ распущенъ только послѣ истеченія законнаго срока полномочій его членовъ. Новые выборы состоялись въ іюнѣ 1898 г., обнаруживъ снова значительное усиленіе соціалъ-демократическихъ голосовъ

---

[1]) См. ниже, въ этой же главѣ.

(2.107.000) съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ и мандатовъ въ рейхстагѣ (57 человѣкъ). Новому составу народнаго представительства имперіи пришлось снова разсматривать законопроектъ, направленный противъ соціалъ-демократіи. Между выборами и открытіемъ сессіи Вильгельмъ II на одномъ банкетѣ произнесъ грозную рѣчь, въ которой объявилъ о новомъ законопроектѣ, направленномъ противъ стачекъ. Цѣлью возвѣщавшейся мѣры ораторъ ставилъ защиту тѣхъ, которые желаютъ работать, противъ нарушителей свободы труда, средствомъ же для этого объявлялась каторжная тюрьма. Рѣчь Вильгельма II произвела большую сенсацію въ народѣ. Она обозначала, что онъ порывалъ съ соціальной политикой столь недавняго еще прошлаго, и что въ борьбѣ классовъ государственная власть рѣзко становилась на сторону работодателей противъ рабочихъ. Однако, рейхстагъ отклонилъ въ 1899 г. „каторжный законопроектъ", внесенный въ него правительствомъ. За то имъ былъ принятъ другой уголовный законъ, пользовавшійся сочувствіемъ Вильгельма II, законъ, извѣстный подъ названіемъ „lex Heinze" [1]), карающій сводничество и развратъ; большинство рейхстага только отвергло поправки къ нему центра, который желалъ воспользоваться этимъ закономъ противъ всѣхъ произведеній литературы и искусства, гдѣ только можно было усмотрѣть безнравственность или оскорбленіе чувства стыдливости.

Гогенлоэ оставилъ канцлерство въ самомъ концѣ послѣдняго года XIX вѣка, и въ XX столѣтіе Германія вступила съ новымъ канцлеромъ, графомъ Бюловомъ.

Остановимся еще нѣсколько на томъ, что въ 1900 г. произошло объединеніе Германіи въ юридическомъ отношеніи введеніемъ общегерманскаго гражданскаго кодекса, принятаго рейхстагомъ еще въ 1896 г. съ условіемъ, чтобы началомъ его дѣйствія было 1 января 1900 г. [2]).

Вопросъ о юридическомъ объединеніи Германіи былъ поставленъ на очередь еще въ началѣ XIX в. извѣстнымъ юристомъ Тибо, высказавшимъ мысль о необходимости общегерманскаго гражданскаго кодекса въ спеціально посвященной этому брошюрѣ. Эта работа появилась въ печати въ 1814 г., всего черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ подобный единый кодексъ получила Франція изъ рукъ Наполеона I [3]). Любопытно, что, предлагая совершить юридическое объединеніе Германіи, Тибо рѣшительно высказался противъ объединенія

---

[1]) Гейнце, былъ преступникъ, давшій поводъ къ составленію законопроекта.

[2]) Для дальнѣйшаго ср. т. IV, стр. 343 и 347—348, а также т. VI, ч. 1. стр. 233.

[3]) Т. IV, стр. 116—117.

политическаго, но другіе вліятельные юристы возстали и противъ общаго гражданскаго кодекса. Главнымъ противникомъ этой мысли былъ, какъ извѣстно, Савиньи, основатель такъ называемой исторической школы права [1]), оказавшей большія услуги наукѣ, но бывшей весьма консервативною въ политическомъ отношеніи. Историческая школа на долгое время наложила свою печать на все юридическое мышленіе нѣмецкихъ ученыхъ, пока въ германской юриспруденціи не былъ произведенъ настоящій переворотъ историко-философскимъ направленіемъ Рудольфа Іеринга, осудившаго прежде всего консерватизмъ исторической школы [2]). Конечно, однако, главнымъ препятствіемъ для созданія и введенія въ жизнь общаго гражданскаго кодекса было не такое или иное юридическое ученіе, а то состояніе политической раздробленности, въ какомъ находилась Германія до 1867—71 гг. Чтобы въ странѣ сдѣлалось возможнымъ общее законодательство, необходимо было образованіе общаго законодательнаго органа [3]), какимъ явился только рейхстагъ, необходимо было и большее объединеніе націи въ другихъ отношеніяхъ, особенно въ области отношеній экономическихъ, имущественныхъ и т. п., не говоря уже о технической сторонѣ дѣла, потребовавшей немало времени и труда. Между созданіемъ Германской имперіи и принятіемъ ея народными представителями общаго германскаго кодекса гражданскаго права протекла цѣлая четверть вѣка [4]).

---

[1]) Т. IV, стр. 274—275.

[2]) Іерингъ высказывался въ томъ смыслѣ, что исторія, конечно, учитъ консерватизму, но что истинный консерватизмъ сохраняетъ старое не ради его самого, а лишь поскольку оно является условіемъ будущаго. Ученію исторической школы о чисто органическомъ, такъ сказать, безличномъ, безболѣзненномъ и мирномъ развитіи права онъ противопоставилъ теорію творческаго правообразованія съ постановкою праву цѣли (его „Цѣль въ правѣ") и путемъ усиленной борьбы (его „Борьба за право"). Ср. мое „Введеніе въ изученіе соціологіи", гдѣ противоположность обѣихъ точекъ зрѣнія получаетъ болѣе общее освѣщеніе. См. объ *Іерингѣ* († 1892) труды *Jonge*, *Eck'a*, *Kuntze*, *Merkel'я* и др.

[3]) Конституція Германской имперіи распространяла компетенцію рейхстага лишь на нѣкоторыя части гражданскаго права, но закономъ 20 декабря 1873 г. было произведено измѣненіе конституціи въ смыслѣ расширенія законодательной компетенціи имперіи на всю область гражданскаго права.

[4]) До 1900 г. въ Германіи существовала страшная пестрота дѣйствующаго права. Въ самомъ Прусскомъ королевствѣ не было единства. Allgemeines Landrecht (см. т. III, стр. 332 и слѣд.) дѣйствовало лишь въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи и въ Восточной Фрисландіи (если не считать еще ансбахскаго и байретскаго округовъ Баваріи), тогда какъ въ западныхъ частяхъ монархіи имѣли силу другіе законы. Наполеоновскій кодексъ дѣйствовалъ на лѣвомъ берегу Рейна и въ Баденѣ. Саксонія съ 1863 г. имѣла свое особое гражданское уложеніе и т. п. „Германская правовая карта, говоритъ одинъ нѣмецкій ученый

Начало этой работы было положено въ 1874 г. союзнымъ совѣтомъ, учредившимъ коммиссію для выработки общаго плана, а потомъ и проекта кодекса, причемъ въ составъ коммиссіи были приглашены видные юристы изъ разныхъ германскихъ государствъ. Проектъ былъ изготовленъ ею къ 1 января 1888 г., послѣ чего началось его обсужденіе и въ общей, и въ юридической печати [1]). Въ вызванной имъ полемикѣ особаго вниманія не-юриста заслуживаетъ приписывающаяся составителямъ кодекса тенденція борьбы съ соціализмомъ [2]). Въ 1890 г. бундесратомъ была образована для переработки проекта новая коммиссія, которая занималась этимъ дѣломъ съ апрѣля 1891 по декабрь 1895 г., причемъ продолжалось обсужденіе проекта и въ прессѣ, разсматривавшей тѣ или другія его предположенія съ точки зрѣнія различныхъ соціальныхъ интересовъ. Въ рейхстагъ проектъ былъ внесенъ въ началѣ 1896 г., и здѣсь его обсужденіе дало поводъ отдѣльнымъ партіямъ выставить свои особыя требованія. Наприм., одна группа консерваторовъ настаивала на необязательности гражданскаго брака, тогда какъ соціалъ-демократы „въ семейномъ правѣ выставили цѣлую группу связанныхъ между собою предложеній, которыя, вмѣстѣ взятыя, должны были бы произвести полную революцію въ области семейныхъ отношеній“ [3]). Случалось, что очень страстная оппозиція дѣлалась по поводу очень неважныхъ пунктовъ, какъ это было, наприм., по вопросу о вознагражденіи убытковъ, причиняемыхъ зайцами, о чемъ и слышать не хотѣли консерваторы. 1 іюля 1896 г. наконецъ гражданское уложеніе было принято 228 голосами противъ 48 при 18 воздержавшихся. 14 іюля союзный совѣтъ далъ санкцію, а 18 августа новый кодексъ былъ утвержденъ и императоромъ. Нужно, однако, замѣтить, что во многихъ отношеніяхъ новое общее право не коснулось законовъ о княжескихъ и знатнѣйшихъ дворянскихъ фами-

---

(Бернгефтъ на стр. 17 соч., названнаго ниже), была значительно пестрѣе, чѣмъ политическая. Иногда граница правовой области проходила между городомъ и деревней или даже черезъ одинъ домъ. Жители одного города часто были раздѣлены юридически, такъ какъ для разныхъ классовъ дѣйствовали разныя права“.

[1]) Укажемъ. между прочимъ, на слѣд. работы: *Schwarz*. Die Geschichte der privatrechtlichen Kodifikationsbestrebungen und Entstehungsgeshichte des Entwurfes eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich“ (1889).—*Behrend*. Die neueren Privatrechts-Kodifikationen und der Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich (въ „Holtzendorff's Encyclopädie“, 1890), а также на существующую и въ рус. пер. работу *Фр. Бернгефта* „Гражданское уложеніе Германской имперіи въ процессѣ его образованія“, гдѣ на стр. 18 и слѣд. разсказана исторія происхожденія германскаго уложенія.

[2]) Ср. *Menger*. Die besitzlosen Volksklassen und das deutsche bürgerliche Gesetzbuch.

[3]) Слова *Бернгефта* на стр. 30 русск. пер. его работы. Ср. тамъ же стр. 39 и 40.

ліяхъ и не вытѣснило цѣлаго ряда мѣстныхъ особенностей наприм., аграрнаго права и т. п.

Закончимъ эту главу разсмотрѣніемъ еще двухъ явленій въ жизни Германіи, получившихъ особое развитіе въ послѣднія десятилѣтія XIX в. и, несмотря на всѣ свои различія, сходныхъ между собою въ томъ отношеніи, что оба эти явленія одинаково характеризуютъ духъ національной нетерпимости, овладѣвшій значительною частью германской націи. Два явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, это—вражда нѣмцевъ къ обоимъ наиболѣе многочисленнымъ не-нѣмецкимъ элементамъ въ составѣ населенія имперіи, т.-е. къ полякамъ и евреямъ. Какъ ни несходно положеніе одной національности въ Германіи съ положеніемъ другой и какъ ни различны мотивы объявленной германскими националистами имъ борьбы, въ обостреніи и польскаго, и еврейскаго вопросовъ проявился одинаково духъ той крайней національной исключительности, которая особенно стала развиваться среди нѣмцевъ послѣ побѣдъ надъ французами въ 1870—71 гг. и которую усердно поддерживали послѣ этого всѣ реакціонныя силы націи [1]).

Области Прусскаго королевства съ польскимъ населеніемъ вошли въ составъ его государственной территоріи далеко не въ одно и то же время. Ранѣе всего, въ началѣ XVII в., монархія Гогенцоллерновъ пріобрѣла такъ называемую Восточную Пруссію, изъ-за которой еще съ XIII в. шла борьба между польскимъ, литовскимъ и германскимъ племенами и гдѣ до польскихъ раздѣловъ у Рѣчи По-

---

[1]) Кромѣ поляковъ и евреевъ, невыгодныя слѣдствія этого нѣмецкаго національзма испытали на себѣ еще французы Эльзасъ-Лотарингіи и датчане Шлезвига. Для исторіи прусской политики въ польскихъ областяхъ см. *L. Bernhard.* Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat. Die Polenfrage (1907).— *Его же.* Die Städtepolitik im Gebiet des deutsch-polnischen Nationalitätenkampfes.—*K. Rakowski.* Dzieje W. Księstwa Poznańskiego w zarysie, 1815—1900.—*Его же.* Walka w obronie narodowości polskiej pod berłem pruskim.— *Józef Buzek.* Historya polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec polaków od traktatów wiedeńskich do ustaw wyjątkowych z r. 1908 (1909). Часть III книги, посвященная „Epoce polityki eksterminacyjnej wobec polaków" съ 1872 года, занимаетъ около 400 стр. (137 — 533) изъ 569, т.-е. 5/7 всей книги. Исторію прусско-польскихъ отношеній послѣ 1872 г. *Buzek* дѣлитъ на 5 періодовъ: 1) уничтоженіе правъ польскаго языка и ограниченіе правъ польскаго населенія Бисмаркомъ, съ 1872 г. по 1885 г., 2) начало истребительной борьбы прусскаго правительства противъ поляковъ, отъ 1885 до 1890 г., 3) время примирительной политики въ канцлерство Каприви отъ 1890 до 1894 г., 4) возобновленіе истребительной борьбы съ 1895 по 1897 г. и 5) эпоху подавленія польскаго элемента на всѣхъ поприщахъ съ помощью исключительныхъ законовъ.—*Вл. Студницкій.* Польша въ политическомъ отношеніи отъ раздѣловъ до нашихъ дней (1908), гл. XII.—*Романъ Дмовскій.* Германія, Россія и польскій вопросъ (1909).

сполитой оставалась небольшая территорія, называющаяся по-польски Варміей, по-нѣмецки Эрмландомъ. И до сихъ поръ въ населеніи Восточной Пруссіи насчитывается до 15% поляковъ. Затѣмъ въ серединѣ XVIII в. Пруссія овладѣла Силезіей, отторгшейся отъ остальной Польши еще въ XIII столѣтіи и подчинившейся въ началѣ XVI в. въ составѣ Чешскаго королевства династіи Габсбурговъ. И Восточная Пруссія, и Силезія поступили подъ власть прусскихъ королей уже сильно онѣмеченными. Немало было нѣмецкаго населенія, особенно въ городахъ, и въ Западной Пруссіи, которую Гогенцоллерны пріобрѣли по первому польскому раздѣлу 1772 г., и въ Познанскомъ княжествѣ, которымъ они непрерывно владѣютъ съ 1815 г. За исключеніемъ Силезіи, гдѣ на одну квадратную милю приходится около 140 человѣкъ, всѣ эти области со смѣшаннымъ польско-нѣмецкимъ населеніемъ заселены гораздо менѣе густо, нежели Пруссія и вообще Германская имперія: въ то время, какъ для послѣднихъ можно принять среднимъ числомъ около 100 душъ на квадратную милю, въ В. и З. Пруссіи на квадратную милю приходится только около 55 и 60 человѣкъ и около 65 въ Познани. Естественно, что эти менѣе населенныя области всегда были территоріей, на которую устремлялась нѣмецкая колонизація, историческій „Drang nach Osten“ германскаго племени. Включеніе ихъ въ составъ германскаго государства только облегчало этотъ процессъ заселенія бывшихъ частей польскаго государства нѣмцами, тѣмъ болѣе, что въ Рѣчи Посполитой было много земель, принадлежавшихъ коронѣ и церкви: именно на этихъ земляхъ прусское правительство и стало устраивать нѣмецкихъ колонистовъ. Прогрессивное заселеніе бывшихъ польскихъ областей нѣмцами могло бы идти и впредь съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ началось, если бы въ экономической жизни Германіи не произошелъ извѣстный намъ поворотъ въ сторону индустріальнаго развитія. Населеніе имперіи стало отливать въ города, а такъ какъ большіе промышленные города находятся на западѣ, т.-е. не въ бывшихъ польскихъ областяхъ, то естественный приливъ нѣмецкаго населенія въ эти земли пріостановился. Мало того, изъ самихъ этихъ областей началась эмиграція на западъ: въ настоящее время на Рейнѣ, въ Вестфаліи среди рабочихъ встрѣчаются массами поляки, иногда цѣлыми тысячными колоніями. Если уже поляки выселяются, чтобы искать заработка среди чуждаго населенія, то еще болѣе устремляется въ другія части изъ прусской Польши нѣмцевъ. Вслѣдствіе этого процентное отношеніе нѣмцевъ и поляковъ въ восточныхъ окраинахъ Пруссіи начало становиться менѣе благопріятнымъ для господствующей національности. Когда Познанское герцогство поступало подъ власть Гогенцоллерновъ, т.-е. въ 1815 г., въ немъ насчитывалось

лишь около 20% нѣмецкаго населенія, а въ годъ основанія Сѣверо-Германскаго союза нѣмцевъ было здѣсь уже около 45%, но потомъ эта цифра пошла на убыль, такъ что въ 1890 г. оффиціальная статистика не насчитывала въ данной области и полныхъ сорока процентовъ, а въ 1900 г. едва 38½% [1]). Такая убыль нѣмцевъ въ Познанской провинціи объясняется, впрочемъ, не одною ихъ эмиграціей, но и болѣе быстрымъ естественнымъ приращеніемъ въ польской части населенія, состоящей изъ низшихъ классовъ населенія, сравнительно съ нѣмецкою. Кромѣ того, вслѣдствіе бо́льшаго развитія среди мѣстныхъ поляковъ сознанія своей народности началось въ этой области, такъ сказать, разнѣмеченіе массы мѣстныхъ жителей, стоявшихъ раньше на пути полнаго сліянія съ нѣмцами. Особенно послѣдній процессъ любопытенъ въ Силезіи, гдѣ всѣ верхи общества издавна были нѣмецкими, а польская народная масса, бѣдная и невѣжественная, была только этнографическимъ матеріаломъ для претворенія въ истинныхъ пруссаковъ. Большую роль въ пробужденіи національнаго самосознанія среди прусскихъ поляковъ съигралъ культуркампфъ, который заставилъ ихъ сплотиться подъ знаменемъ католицизма противъ правительственныхъ преслѣдованій ихъ церкви. Правда, сначала эта борьба шла подъ предводительствомъ германскихъ католиковъ, т.-е. партіи центра, въ то время до извѣстной степени защищавшихъ польскіе интересы [2]), но когда въ Германіи произошло примиреніе между церковью и государствомъ и самъ католицизмъ принялъ германизаторскій характеръ, то даже въ особенно

---

[1]) Послѣ 1900 г., благодаря дѣятельности колонизаціонной коммиссіи цифры дѣлаются для нѣмцевъ болѣе благопріятными. *J. Buzek*, стр. 545—548.

[2]) Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ одинъ изъ виднѣйшихъ польскихъ писателей, А. Свентоховскій, указывалъ на то, что польская національность въ Познани находится какъ бы въ заколдованномъ кругу. (Отсюда названіе статьи „Błędne Koła" въ еженедѣльникѣ „Prawda" за 1881 г. Подробнѣе см. въ моей книгѣ „Polonica", 1905 г., стр. 21 и слѣд.). При успѣхахъ германизаціи въ этомъ краѣ поляковъ сплачиваетъ въ нѣчто отдѣльное только католицизмъ, причемъ многіе чувствуютъ себя болѣе католиками, чѣмъ поляками, другіе же только въ католицизмѣ видятъ средство спасенія національности. Кромѣ того, не менѣе важно, что прусскіе поляки находятъ защитниковъ среди нѣмцевъ лишь въ партіи центра: это заставляетъ ихъ всячески поддерживать центръ въ его клерикальныхъ и реакціонныхъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ, говорилъ Свентоховскій, положеніе дѣлъ въ Познани таково, что передъ поляками здѣсь открыты двѣ дороги, одинаково для нихъ фатальныя: отказаться отъ клерикализма значитъ въ поступательномъ движеніи съ германскою цивилизаціей утратить свою народность, защищать же свою народность средствами клерикальной партіи значитъ отказаться отъ собственнаго прогресса, т.-е. или національная смерть, или культурное банкротство! И клерикализмъ, и германизмъ грозятъ гибелью польскому элементу въ Познани, и все счастье его въ томъ, что папа и имперскій канцлеръ не засѣдаютъ за однимъ столомъ!

онѣмеченной Силезіи были случаи выбора въ рейхстагъ не нѣмцевъ, а поляковъ. Кромѣ численнаго усиленія, за послѣднее время, польскаго элемента въ восточныхъ областяхъ Пруссіи, нельзя не отмѣтить еще и того обстоятельства, что здѣсь мало-по-малу получили большее значеніе и средніе классы польской національности. Раньше въ этихъ краяхъ не было польскаго бюргерства: купцы и ремесленники здѣсь были или нѣмцы, или онѣмеченные евреи,—но съ теченіемъ времени среди и торговаго, и промышленнаго люда стало увеличиваться количество поляковъ, начавшихъ даже вытѣснять своихъ конкуррентовъ изъ нѣмцевъ. Что-нибудь да значитъ, что въ 1871 г. въ населеніи Познанской области евреевъ было почти 4%, а въ 1900 г. уже не было полныхъ 2% и только 1½% въ 1905 г. Даже въ общей цифрѣ населенія Пруссіи приростъ поляковъ обнаруживаетъ тенденцію выражаться бо̀льшими цифрами. Напр., въ 1900 г. поляки въ ней составляли около 9,6%, а въ 1905 г. уже около 9,8%.

Это усиленіе „полячества" (Polenthum) очень озабочивало Бисмарка. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ былъ бы не прочь присоединить къ Пруссіи всю западную часть царства Польскаго по Вислу, но впослѣдствіи онъ смотрѣлъ на увеличеніе числа поляковъ въ прусскомъ подданствѣ, какъ на большое зло для государства. Лозунгомъ его политики по отношенію къ полякамъ сдѣлалось скорѣйшее онѣмеченіе бывшихъ польскихъ областей. Въ исторіи новѣйшей Пруссіи это, впрочемъ, не было чѣмъ-нибудь небывалымъ. До польской революціи 1830 года берлинское правительство еще, такъ сказать, церемонилось со своими поляками, опасаясь, какъ бы конституціонная русская Польша не сдѣлалась центромъ притяженія для польскихъ подданныхъ Пруссіи, но съ 1832 г. оно начало все болѣе и болѣе стѣснять права польскаго языка въ публичной жизни. Только въ 1848 г. познанскимъ полякамъ улыбнулась надежда лучшаго національнаго существованія въ предѣлахъ Пруссіи, съ началомъ же реакціи опять стали входить въ силу прежнія стѣсненія. Со времени основанія Германской имперіи поднялъ голову и нѣмецкій шовинизмъ, въ которомъ прусское правительство стало всегда находить поддержку въ своей германизаторской политикѣ. Если въ эпоху культуркампфа и существовалъ союзъ между германскими католиками и поляками, то позднѣе онъ распался, когда поляки начали обнаруживать нерасположеніе къ нѣмецкому католицизму, слишкомъ очевидно дѣлавшему изъ католической религіи орудіе германизаціи. Даже въ германской соціалъ-демократіи стали происходить серьезныя размолвки, а иногда и прямые конфликты между представителями обѣихъ національностей. Понятно, что если и въ католицизмѣ, и въ соціализмѣ среди нѣмцевъ обнаруживались анти-польскія стремленія, то въ тѣхъ общественныхъ кру-

гахъ, гдѣ Бисмаркъ всегда имѣлъ союзниковъ, онъ могъ имѣть еще бо̀льшую поддержку своимъ германизаторскимъ планамъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ особенно должно было его раздражать то, что познанскіе поляки перестали бороться исключительно за права своего „княжества“, а написали на своемъ знамени защиту польскихъ національныхъ правъ во всѣхъ областяхъ, гдѣ только есть сколько-нибудь значительный процентъ польскаго населенія. Полякъ былъ для него врагомъ имперіи, врагомъ нѣмецкаго народа, врагомъ, особенно опаснымъ для Пруссіи, и противъ него принимались соотвѣтственныя мѣры. Бисмаркъ не останавливался при этомъ и передъ тѣмъ, чтобы содѣйствовать, насколько это отъ него зависѣло, травлѣ поляковъ и за предѣлами Германіи. Конечно, это не относилось къ польскимъ подданнымъ Австріи, но по отношенію къ русской Польшѣ Бисмаркъ всегда держался очень опредѣленной политики—не давать улучшиться русско-польскимъ отношеніямъ.

Послѣ убіенія Александра II, 1 марта 1881 г., чуть не въ одинъ день и катковскія „Московскія Вѣдомости“, и бисмарковская „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ („Норддейчерка“, какъ называла ее польская пресса) выпустили въ свѣтъ обвиненіе поляковъ въ томъ, что убійство русскаго императора — дѣло ихъ рукъ [1]). Польскія газеты (между прочимъ, и варшавскія) протестовали противъ такого обвиненія и при этомъ гораздо больше обрушивались на редактора нѣмецкой газеты, Пиндтера, чѣмъ на редактора русской, Каткова. За инсинуаціями Пиндтера поляки увидѣли систему, строгій политическій планъ, стремленіе ловить рыбу въ мутной водѣ, сѣя раздоръ между русскими и поляками и всячески компрометтируя послѣднихъ въ глазахъ высшихъ сферъ Петербурга. Съ своей стороны „Норддейчерка“ возражала, обвиняя польскую прессу въ приписываніи германской политикѣ того, въ чемъ она совершенно неповинна. Между прочимъ, польская печать настаивала на близкомъ участіи самого Бисмарка въ поднятой нѣмецкою рептильною прессою травлѣ противъ поляковъ. Въ это время разсказывалось, напримѣръ, о разговорѣ Бисмарка съ однимъ депутатомъ рейхстага о статьѣ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, Канцлеръ спросилъ этого депутата, читалъ ли онъ статью, и когда тотъ, отвѣтивъ утвердительно, заикнулся, чтобы что-то возразить, то былъ остановленъ своимъ собесѣдникомъ: никакихъ-де „но“ не нужно, потому что газета попала въ самый центръ вопроса. Потомъ Бисмаркъ сталъ жаловаться, что поляки ему всюду мѣшаютъ: если и культуркампфъ такъ далеко зашелъ, виноваты въ этомъ поляки, — такъ бы вотъ и упряталъ ихъ въ каторжную тюрьму! Депутатъ попросилъ у Бисмарка

[1]) Обо всемъ этомъ эпизодѣ подробнѣе въ моей книгѣ „Polonica“ (1905), стр. 57.

позволенія обнародовать этотъ разговоръ, на что получилъ утвердительный отвѣтъ и будто-бы въ такой формѣ: „das ist mir ganz Wurst". Въ горячности, съ какою польскія газеты полемизировали съ германскимъ оффиціозомъ, послѣдній усмотрѣлъ признакъ того, что поляки задѣты за живое разглашеніемъ ихъ секрета. Такъ какъ въ своихъ полемическихъ статьяхъ польскіе публицисты затронули массу разныхъ другихъ вопросовъ изъ области нѣмецко-польскихъ отношеній, то Пиндтеръ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для новаго нападенія на безпокойную націю, вожаки которой нарочно-де съ цѣлью заслонить главный пунктъ обвиненія подняли посторонніе вопросы. Во время этой газетной кампаніи часть русской прессы стала на сторону поляковъ, но Пиндтеръ тогда объявилъ, что петербургскій „Голосъ" есть, въ сущности, польскій органъ, издающійся по-русски подъ польской редакціей и съ сотрудниками изъ французовъ.

Восьмидесятые годы были вообще временемъ особаго обостренія германизаціонной политики Пруссіи по отношенію къ полякамъ. Мы уже упоминали [1]) о своеобразной ксеноласіи, устроенной Бисмаркомъ въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда онъ изгналъ изъ прусско-польскихъ областей около тридцати тысячъ (иные говорятъ о сорока тысячахъ) русско- и австрійско-подданныхъ поляковъ съ воспрещеніемъ и впредь иностранно-подданнымъ полякамъ долго заживаться въ этихъ краяхъ. Упомянуто было нами и о другихъ мѣрахъ—о германизаціи польскихъ дѣтей посредствомъ школы и о скупкѣ польскихъ земель для поселенія на нихъ нѣмецкихъ колонистовъ. Послѣдняя мѣра заслуживаетъ того, чтобы о ней было сказано нѣсколько подробнѣе. Прусская колонизаціонная коммиссія [2]) была основана въ 1887 г. съ кредитомъ въ сто милліоновъ марокъ, которые и были израсходованы въ десять лѣтъ, такъ что въ 1898 г. прусскому ландтагу на ту же цѣль скупки польскихъ земель пришлось ассигновать новые сто милліоновъ. На эти двѣсти милліоновъ за пятнадцать лѣтъ коммиссія устроила около 15 т. человѣкъ, такъ что каждый нѣмецъ, поселенный на купленной изъ польскихъ рукъ землѣ, обошелся прусской казнѣ тысячъ въ 13—14 марокъ, причемъ изъ 4.695 нѣмецкихъ семействъ, посаженныхъ на купленные участки, собственно только 2.973 семейства были пришлыми, остальныя же 1.722 уже раньше жили въ данныхъ мѣстностяхъ. Особенно невыгодность этой операціи явствуетъ изъ того, что за первыя десять лѣтъ скуплено было у поляковъ около $72^1/_2$ т. гектаровъ и около 25 т. гектаровъ у нѣмцевъ же, но по такой цѣнѣ, что польскій гектаръ обходился по 664 марки, а

[1]) См. выше, стр. 83.

[2]) Большія подробности даетъ *J. Buzek* на стр. 291—370 своей книги (§ 19: „Komisya kolonizacyjna i walka o ziemię w zaborze pruskim").

нѣмецкій—по 224 марки, т.-е. за польскую землю платили втридорога, лишь бы вырвать ее изъ польскихъ рукъ и тѣмъ ослабить польскій элементъ въ краѣ. Нужно прибавить, что польскіе помѣщики, у которыхъ коммиссія скупала земли, продавали далеко не лучшія и большею частью обремененныя долгами имѣнія, да и то продажа земель скоро сильно сократилась: въ слѣдующее пятилѣтіе у поляковъ было куплено только 15 тысячъ гектаровъ, а у нѣмцевъ уже 65 тысячъ. Мало того, польскіе помѣщики, желавшіе развязаться со своими имѣніями, стали распродавать ихъ небольшими участками польскимъ же крестьянамъ при помощи парцелляціонныхъ учрежденій, пользовавшихся поддержкою познанскаго земельнаго банка, но не такъ давно (1904) прусское правительство запретило основывать новыя поселенія безъ административнаго на то разрѣшенія, которое притомъ не можетъ быть выдано, если на то нѣтъ согласія со стороны колонизаціонной коммиссіи [1]).

Только въ самомъ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прусское правительство нѣсколько ослабило угнетеніе польскаго элемента въ восточныхъ частяхъ королевства. Причиною этого было желаніе задобрить поляковъ на случай считавшейся тогда возможною войны съ Россіей [2]). Конечно, это ослабленіе репрессій могло быть только вре-

---

[1]) *J. Buzek* на стр. 528 и слѣд. подсчитываетъ денежные расходы въ цѣляхъ антипольской политики въ Пруссіи за 1898—1907 гг. и приходитъ къ тому заключенію, что „за эти десять лѣтъ прусское правительство обратило около 50 милліоновъ марокъ, заплаченныхъ польскимъ населеніемъ, на борьбу съ этимъ населеніемъ“.

[2]) См. выше, стр. 14—15. Новѣйшій историкъ прусско-польскихъ отношеній *J. Buzek* посвящаетъ нѣсколько страницъ (211—228) эпохѣ „угодовой“ политики въ канцлерство Каприви. По его мнѣнію, прусское правительство искало соглашенія съ поляками, полагая, что этимъ путемъ вѣрнѣе прикрѣпить ихъ къ Пруссіи и Германіи. „Однако этого соглашенія оно не искало съ польскою народною массою (ludem polskim) и совсѣмъ не помышляло о возстановленіи національнаго и гражданскаго равноправія поляковъ, уничтоженнаго законодательствомъ Бисмарка. Если бы даже правительство согласилось на возстановленіе равноправія, то никогда не получило бы согласія со стороны прусскаго ландтага, въ которомъ антипольскія партіи всегда имѣли перевѣсъ. Самое большее, что было возможнымъ для правительства, это—сдѣлать полякамъ мелкія уступки, не требовавшія участія ландтага, а за эту цѣну получить на время (chwilowo) поддержку польскаго парламентарнаго представительства и опытныхъ (wyszkolonych) польскихъ политиковъ, которые хорошо видѣли, что правительство еще не исчерпало всѣхъ средствъ борьбы, съ другой стороны же, умѣли оцѣнить заслуги безпристрастной въ національномъ отношеніи административной дѣятельности правительства для экономическаго развитія польскаго общества. Очевидно, что взаимныя уступки по существу дѣла должны были быть скоро исчерпаны, тогда какъ польскій народъ и его представители въ парламентѣ должны были начать борьбу за полное равноправіе и тѣмъ самымъ стать въ оппозиціонное

меннымъ—пока опять не наладились старыя добрососѣдскія отношенія между Берлиномъ и Петербургомъ. Все дѣло сводилось къ тому, что въ школахъ сдѣланы были кое-какія, не очень въ общемъ важныя уступки въ пользу польскаго языка, да кондукторамъ было разрѣшено выкрикивать польскія названія станцій. Болѣе существенною уступкою было назначеніе на гнѣзненское архіепископство, занятое передъ тѣмъ нѣмцемъ Диндеромъ, поляка Стаблевскаго [1]). Около этого же времени (1890) произошло нѣкоторое сближеніе между польскими депутатами и правительствомъ. И въ рейхстагѣ, и въ прусскомъ ландтагѣ депутаты-поляки прежде были въ постоянной оппозиціи, но теперь Вильгельмъ II постарался и ихъ перетянуть на свою сторону, въ чемъ ему помогъ своею примирительною политикою и Каприви. Императоръ даже лично сошелся съ однимъ изъ познанскихъ политическихъ дѣятелей, Косцельскимъ, сдѣлавшимся главнымъ представителемъ совсѣмъ для Пруссіи новой, такъ называемой „угодовой" (т.-е. компромиссной) политики. Сущность ея заключалась въ томъ, чтобы оказывать поддержку правительству и за это получать отъ него уступки, какъ это дѣлали австрійскіе станчики [2]). Самымъ важнымъ проявленіемъ этой политики было голосованіе поляковъ въ пользу морского проекта Вильгельма II въ 1893 г. [3]). Демократическіе эле-

---

положеніе по отношенію къ правительству, которое или не хотѣло, или не могло признать это равноправіе". Отсюда, по мнѣнію автора, эфемерность „угоды".

[1]) Во время культуркампфа архіепископомъ познанскимъ былъ польскій графъ Мечиславъ Ледоховскій, личный другъ Пія IX, одинъ изъ наиболѣе видныхъ защитниковъ догмата папской непогрѣшимости, ѣздившій осенью 1870 г. въ Версаль къ Вильгельму I хлопотать о возстановленіи свѣтской власти папы. Несмотря на свою принадлежность къ польской націи, онъ противодѣйствовалъ проявленію польскимъ духовенствомъ національныхъ стремленій и даже сократилъ употребленіе польскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи, но послѣ неудачной поѣздки въ Версаль онъ сталъ, наоборотъ, поощрять въ духовенствѣ своей епархіи польско-оппозиціонное настроеніе, что особенно усилилось съ началомъ культуркампфа. Пій IX сдѣлалъ его въ 1873 г. польскимъ примасомъ, а черезъ два года и кардиналомъ, но въ этотъ промежутокъ времени онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на два года и въ 1876 г. высланъ изъ Германіи. (Затѣмъ онъ игралъ особенно видную роль въ Римѣ). Послѣ такого опыта прусское правительство очень боялось поляковъ на вліятельныхъ постахъ католической церкви въ своихъ польскихъ областяхъ. По смерти Диндера націоналистическая нѣмецкая печать требовала назначенія на его мѣсто снова нѣмца, но прусское правительство согласилось на этотъ разъ назначить поляка, притомъ такого, который незадолго до своего назначенія, на съѣздѣ польскихъ католиковъ въ Торнѣ, произнесъ рѣзкую рѣчь съ нападками на Россію, какъ на главнаго врага католицизма и польской націи.

[2]) См. ниже, въ главѣ XIX.

[3]) Ср. выше, стр. 106 и 109.

менты польскаго общества были очень недовольны этой тактикой, которую обозначали, какъ „придворную политику“, да и со стороны Вильгельма II ей нельзя было ждать дальнѣйшей поддержки, когда съ улучшеніемъ русско-германскихъ отношеній миновала надобность ублажать поляковъ, тѣмъ болѣе, что и польское общество не очень-то шло за своими „угодовцами“. Самъ Косцельскій, ихъ глава и чуть не личный другъ Вильгельма II, впалъ въ немилость за то, что въ 1894 г. во время своей поѣздки во Львовъ на выставку произнесъ польско-патріотическую рѣчь, въ которой очень рѣшительно высказался о неразрывной связи, существующей между поляками всѣхъ трехъ частей Польши. Послѣ этого Вильгельмъ II проникся совершенно полонофобскимъ настроеніемъ, и на поляковъ посыпались мѣры, еще болѣе суровыя, нежели тѣ, какія противъ нихъ принималъ Бисмаркъ. Антипольскія выступленія прусскаго правительства съ середины послѣдняго десятилѣтія XIX в. пользовались, кромѣ того, большою поддержкою со стороны извѣстной части нѣмецкаго общества, лозунгомъ которой по отношенію къ полякамъ сдѣлалось—„ausrotten“: это была проповѣдь безпощаднаго искорененія польщизны въ предѣлахъ Германской имперіи.

Полонофобское направленіе въ нѣмецкомъ обществѣ конца XIX в. получило названіе „гакатизма“ по начальнымъ буквамъ трехъ наиболѣе рьяныхъ ненавистниковъ польской націи и самыхъ вліятельныхъ дѣятелей возникшаго въ 1894 г. „Общества для поддержки германизма въ восточныхъ провинціяхъ“. Это были, именно, Ганземаннъ, Кеннеманнъ и Тидеманъ, откуда и произошло слово „гаката“ (НКТ), скоро получившее у поляковъ всѣ права гражданства. Въ 1895 г. гакатисты основали газету „Die Ostmark“, по имени которой и самое общество гакатистовъ приняло въ 1899 г. названіе „Нѣмецкаго общества для Восточной Марки“. Въ томъ же году почти вся германская пресса вооружилась противъ поляковъ за то, что поляки, торжественно отпраздновавъ годовщину польской конституціи 3 мая 1791 г., отказались праздновать седанскую годовщину 2 сентября. Какъ-разъ въ этомъ же году произошло примиреніе Вильгельма II съ Бисмаркомъ, и императоръ былъ очень недоволенъ, что польскіе послы вмѣстѣ съ центромъ и свободомыслящими голосовали въ прусской палатѣ противъ посылки Бисмарку поздравленія по поводу достиженія имъ восьмидесятилѣтняго возраста [1]). Новое настроеніе правящихъ сферъ выразилось и въ томъ, что на запросъ одного польскаго депутата въ прусской палатѣ (Яжджевскаго) о дѣятельности гакатистовъ министръ внутреннихъ дѣлъ взялъ ихъ подъ свою защиту, послѣ чего чиновники

---

[1]) Ср. выше, стр. 111.

и учителя стали массами записываться въ этотъ союзъ [1]). Впрочемъ, до 1897 г. въ борьбѣ съ поляками правительство ограничивалось только административными средствами, не прибѣгая къ новымъ мѣрамъ законодательнаго характера, если только не считать нѣсколькихъ незначительныхъ добавленій къ прежнему законодательству бисмарковскихъ временъ. Польскіе депутаты по поводу притѣсненій аппеллировали къ рейхстагу и въ расчетѣ на бо̀льшую его справедливость по отношенію къ ихъ національности становились каждый разъ на сторону всякаго предложенія, усиливавшаго значеніе имперіи на счетъ прусскаго партикуляризма. Когда, однако, поляки увидѣли, что и вообще большинство нѣмцевъ относится враждебно къ ихъ національности, то и въ рейхстагѣ они по примѣру депутатовъ въ прусской палатѣ перешли въ оппозицію. Къ концу XIX в. не только прусско-польскія, но и вообще германско-польскія отношенія обострились до-нельзя [2]). Между прочимъ, и среди людей науки нашлось немало такихъ, которые стали писать противъ „польской опасности". Родоначальникомъ полонофобскаго направленія въ новѣйшее время среди германскихъ профессоровъ нужно считать національнаго исторіографа Трейчке [3]), самымъ жерьянымъ проповѣдникомъ борьбы съ полонизмомъ за послѣдніе годы былъ лейпцигскій профессоръ Гассе [4]). Въ XX вѣкъ, какъ извѣстно, прусская Польша перешла въ крайне неблагопріятныхъ для себя условіяхъ, которыя въ первые годы XX в. только еще ухудшились.

Какъ-никакъ, борьба съ поляками, главнымъ образомъ, ограничивалась Пруссіей, да и то, преимущественно одною ея восточною частью, гдѣ сосредоточено все польское населеніе Германской имперіи. Наоборотъ, еврейское населеніе имперіи является разсѣяннымъ болѣе или менѣе повсюду, и въ общей жизни всей Германіи антисемитизмъ игралъ поэтому гораздо бо̀льшую роль, нежели гакатизмъ. Антисемитизмъ [5]) не былъ совершенно новымъ явленіемъ въ исторіи нѣмецкой націи. Уже да-

---

[1]) Въ 1905 г. союзъ состоялъ изъ 405 мѣстныхъ отдѣловъ и насчитывалъ 40½ тысячъ членовъ.

[2]) Вся вторая половина книги *J. Bureka* посвящена именно изображенію этихъ отношеній съ 1898 года.

[3]) См. выше, стр. 68.

[4]) Въ 1907 г. онъ издалъ первый томъ соч. „Deutsche Politik", гдѣ всѣ его антипольскіе взгляды получили наиболѣе полное выраженіе.

[5]) *Lehnhardt.* Die antisemitische Bewegung in Deutschland (1884). — *Winter.* Der Antisemitismus in Deutschland. — *A. Bebel.* Antisemitismus und Sozialdemocratie (1894).—*Krause.* Zur Naturgeschichte der antisemitischen Bewegung in Deutschland (1890).—*Fiedler.* Die antisemitische Bewegung in Deutschland (1891). — *В. Водовозовъ.* Антисемитизмъ въ Германіи (въ „Рус. Бог." за 1898 г.).—*С. Лозинскій.* Статья объ антисемитизмѣ во II т. „Еврейской Энциклопедіи".

рованіе евреямъ равноправія во Франціи въ эпоху первой революціи встревожило многихъ нѣмцевъ, результатомъ чего было появленіе цѣлаго ряда брошюръ, въ которыхъ доказывалось, что евреи никогда не могутъ быть хорошими гражданами вслѣдствіе своихъ религіозныхъ воззрѣній, враждебныхъ христіанству. Антисемитическія заявленія въ эту эпоху можно найти даже у такихъ писателей, какъ Фихте и Гёте. Традиція эта потомъ, можно сказать, не ослабѣвала въ теченіе всей первой половины XIX в., хотя, съ другой стороны, стали раздаваться голоса и въ защиту еврейскаго равноправія. Не нужно также забывать, что интеллигентные евреи къ концу первой половины XIX в. принимали уже довольно видное участіе въ совершавшемся тогда въ Германіи освободительномъ движеніи [1]). Революція 1848 г. дала и германскимъ евреямъ равноправіе, которое, однако, стало отниматься вскорѣ наступившей реакціей. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ законодательство, касающееся евреевъ, даже возвратилось къ домартовскимъ временамъ, за исключеніемъ, однако, Пруссіи, въ которой конституція 1850 г. удержала принципъ гражданскаго равноправія. Противники новыхъ идей и порядковъ извлекали мотивы необходимости ограниченія правъ еврейскаго населенія изъ того обстоятельства, будто „жиды“ съ другими инородцами и произвели всю происшедшую въ 1848 г. государственную смуту. Главнымъ вдохновителемъ юдофобства въ Германіи въ эпоху реакціи былъ извѣстный Шталь [2]), самъ крещеный еврей, авторъ, между прочимъ, сочиненія „Христіанское государство въ его отношеніи къ деизму и іудейству“, виднымъ органомъ враждебнаго евреямъ направленія была „Крестовая газета“ [3]). Въ самой прусской палатѣ дѣлались попытки отмѣнить ту статью конституціи, въ силу которой пользованіе гражданскими и политическими правами не должно было опредѣляться принадлежностью къ той или другой религіи. Шестидесятые годы XIX в., бывшіе временемъ оживленія въ германскомъ обществѣ прогрессивныхъ стремленій, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ поворота какъ общественнаго мнѣнія, такъ и законодательства въ благопріятную для евреевъ сторону (передъ основаніемъ имперіи только въ одной Баваріи не было еврейскаго равноправія) хотя не было попрежнему недостатка въ непріязненныхъ евреямъ заявленіяхъ въ печати и притомъ даже со стороны такихъ крупныхъ людей, какъ государствовѣдъ Робертъ фонъ-Моль или композиторъ Рихардъ Вагнеръ. Новый взрывъ юдофобства послѣдовалъ въ Германіи за грюндерскимъ

---

[1]) Т. V, стр. 202, 342, 361 и др.
[2]) Т. V, стр. 636 и слѣд.
[3]) Т. V, стр. 547 и 634.

крахомъ 1873 г. [1]). Походъ противъ евреевъ,—изъ которыхъ, дѣйствительно, многіе, но на ряду съ несомнѣннѣйшими христіанами участвовали въ спекуляціяхъ,—открыла клерикальная „Germania“, начавшая обвинять новую имперію въ потворствѣ „интернаціональной золотой шайкѣ“ во вредъ христіанству и въ томъ, что самый культуркампфъ былъ-де затѣянъ съ тою же цѣлью нанесенія ущерба истинной религіи и германскому патріотизму. Эта юдофобская проповѣдь была направлена противъ тогдашняго союза Бисмарка съ націоналъ-либералами, среди которыхъ были, между прочимъ, и евреи. Въ томъ же духѣ стали писать противъ общаго направленія тогдашней внутренней политики и газеты феодальнаго оттѣнка, защищавшіе интересы крупныхъ землевладѣльцевъ противъ экономическаго либерализма. Особенно сильное впечатлѣніе въ разныхъ кругахъ германскаго общества произвела книга Глогау „Der Börsen-und Gründerschwindel in Berlin“, гдѣ сваливались въ одну кучу политическій либерализмъ, экономическое манчестерство, грюндерство, культуркампфъ и еврейская опасность, благо—вожди націоналъ-либераловъ Ласкеръ и Бамбергеръ были евреи. Въ книжкѣ высказывались обвиненія и противъ министровъ. Въ 1875 г. даже на самого Бисмарка посыпались въ печати обвиненія въ томъ, что и онъ былъ прикосновененъ къ грюндерству и вообще отдавалъ отечество въ руки всякаго рода сомнительныхъ дѣльцовъ и особенно евреевъ, уже погубившихъ Францію [2]). Появился цѣлый рядъ памфлетовъ, въ которыхъ доказывалось, что настоящимъ хозяиномъ Германской имперіи сдѣлался еврей: „finis Germaniae!“ восклицалъ по этому случаю нѣкто Марръ, авторъ брошюры „Побѣда іудейства надъ германизмомъ съ невѣроисповѣдной точки зрѣнія“ [3]).

Совершенно новое направленіе получилъ германскій антисемитизмъ съ того времени, когда подъ его знамя стала „христіанско-соціальная партія“ придворнаго проповѣдника Штёккера [4]).

Сначала Штёккеръ выступилъ противъ соціалъ-демократіи съ проповѣдью на ту тему, что соціализмъ вовсе не требуетъ въ политическомъ отношеніи радикализма, а въ религіозномъ—атеизма, но эта проповѣдь имѣла такъ мало успѣха, что на выборахъ 1878 г. его партія не собрала даже полныхъ полуторы тысячи голосовъ. Тогда онъ

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 252.

[2]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 259. См. кн. *Rudolph Mayer'a* „Politische Gründer und die Korruption in Deutschland“ (1877).

[3]) Въ 1880 г. этотъ писатель сталъ издавать „Zwanglose antisemitische Hefte“, и, собственно говоря, съ этого времени сталъ входить во всеобщее употребленіе терминъ „антисемитизмъ“.

[4]) См. т. VI, ч. 1, стр. 297.

перемѣнилъ тактику и сталъ въ своемъ противодѣйствіи соціалъ-демократіи пользоваться антисемитическими аргументами: религія евреевъ враждебна христіанству, семитическая раса вноситъ элементы разложенія въ арійское общество, а кромѣ того, евреи-де эксплуататоры народа, хотя при всемъ томъ Штёккеръ и любитъ подчеркивать, что у него нѣтъ ни религіозной, ни расовой, ни классовой ненависти къ евреямъ. На этотъ разъ успѣхъ Штёккера былъ полный, тѣмъ болѣе, что онъ пользовался благосклонностью двора, сочувствіемъ Бисмарка и поддержкою рептильной прессы. Въ народныхъ массахъ число его приверженцевъ стало быстро увеличиваться, и въ христіанско-соціальную партію начали записываться даже бывшіе соціалъ-демократы. Съ нѣкоторыми оговорками на счетъ грубости антисемитическихъ ораторовъ на митингахъ за новое общественное настроеніе высказался Трейчке [1]), вызвавъ сильную отповѣдь со стороны Моммзена. Вообще полемика по этому вопросу приняла широкіе размѣры, занявъ и академическіе круги — профессуру и студенчество, разбившіеся на два лагеря. Въ 1880 г. по иниціативѣ одного гимназическаго учителя была составлена петиція объ ограниченіи правъ евреевъ и распространена для сбора подписей въ пятидесяти слишкомъ тысячахъ экземпляровъ, что вызвало въ прусской палатѣ запросъ министерству и схватки между либералами и реакціонерами. Въ 1881 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли еврейскіе погромы, а въ 1882 г. антисемиты даже устроили въ Дрезденѣ международный конгрессъ своихъ единомышленниковъ, на который собралось около 300 человѣкъ изъ единой Германіи, изъ Австро-Венгріи и остзейскихъ провинцій Россіи. Между прочимъ, на этомъ съѣздѣ выражено было полнѣйшее сочувствіе антиеврейскимъ мѣрамъ русскаго законодательства. Немалую сенсацію вызвало и выступленіе прогрессивнаго берлинскаго философа Дюринга [2]) съ теоретическимъ оправданіемъ юдофобства съ

---

[1]) См. выше, стр. 68.

[2]) Дюрингъ читалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ доцента, такъ-таки никогда и не добившись профессуры, несмотря на свой успѣхъ среди студентовъ. Въ 1877 г. онъ даже былъ удаленъ изъ университета дисциплинарнымъ порядкомъ. Въ числѣ своихъ враговъ онъ всегда считалъ, кромѣ профессоровъ и соціалъ-демократовъ (извѣстна его полемика съ Энгельсомъ), равнымъ образомъ и евреевъ. Противъ послѣднихъ онъ издалъ нѣсколько сочиненій, начиная съ „Die Judenfrage, als Rassen- Sitten-und Kulturfrage“, выдержавшей нѣсколько изданій. Въ одномъ изъ этихъ сочиненій („Der Ersatz der Religion durch Vollkommneres und die Ausscheidung des Judenthums durch den modernen Völkergeist“, 1883), онъ обрушивается на евреевъ за то, что они дали міру христіанство: это въ его глазахъ было преступленіемъ, достойнымъ самыхъ страшныхъ каръ, — любопытный примѣръ того, до какой пестроты доходилъ составъ антисемитическаго лагеря въ Германіи.

точки зрѣнія врожденной испорченности семитической расы. Среди самихъ антисемитовъ не было, однако, полнаго единодушія; произошелъ даже расколъ между болѣе умѣреннымъ и болѣе радикальнымъ направленіями. Несмотря на большую популярность антисемитизма въ кругахъ средней и мелкой буржуазіи, охотно посѣщавшей юдофобскіе митинги, на выборахъ партія не пользовалась большимъ успѣхомъ, собравши, наприм., на выборахъ 1887 г. только одиннадцать съ половиною тысячъ голосовъ. Во всякомъ случаѣ изъ двухъ соперничавшихъ направленій болѣе радикальное, во главѣ котораго стоялъ Беккель, критиковавшій безпринципность Штёккера, замѣтно одерживало побѣду надъ направленіемъ умѣреннымъ, которое не только не доводило до конца принциповъ антисемитизма, но и слишкомъ было тѣсно связано съ консервативно-аграрными интересами. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Беккелю своею болѣе демократическою программою и совершенно демагогическою тактикою удалось навербовать немало приверженцевъ не только среди средней и мелкой буржуазіи, но и въ крестьянствѣ. На выборахъ 1890 г. за антисемитовъ было подано уже сорокъ семь съ половиною тысячъ голосовъ, и въ рейхстагъ попало шесть депутатовъ ярко антисемитической окраски. Послѣ того, какъ нѣкій Германъ Альвардтъ, предложилъ конфисковать всѣ еврейскіе капиталы и раздѣлить ихъ между неимущими нѣмцами, популярность антисемитизма въ извѣстныхъ слояхъ еще больше возрасла, такъ что на выборахъ 1893 г. за антисемитовъ было подано уже 264 тысячи голосовъ, депутатами же отъ антисемитовъ въ рейхстагъ прошло уже 16 человѣкъ (въ ихъ числѣ и упомянутый Альвардтъ). Ростъ антисемитическаго движенія продолжался и послѣ этого: въ 1898 г. за антисемитовъ было подано голосовъ на двадцать тысячъ больше, чѣмъ въ 1893 г., но число антисемитическихъ депутатовъ стало съ этого времени падать [1]). Раздоры между самими антисемитами, но особенно то обстоятельство, что самые радикальные представители партіи голосовали въ рейхстагѣ очень часто заодно съ консерваторами, не могли служить укрѣпленію антисемитизма въ германской націи. Въ другой разъ „измѣнниковъ" уже не выбирали, и они во время новыхъ выборовъ агитировали въ свою пользу только въ такихъ округахъ, гдѣ ихъ не знали. Очень много вреда антисемитамъ приносила борьба противъ нихъ со стороны соціалъ-демократіи. Тамъ, гдѣ они были прежде популярны, они расчищали только почву для новыхъ успѣховъ соціалъ-демократіи, съигравъ въ этомъ отношеніи для многихъ роль переходной ступени отъ прежнихъ, болѣе консервативныхъ къ новымъ, болѣе радикальнымъ воззрѣ-

---

[1]) 13 въ 1898 г., 9 въ 1903 г., 6 въ 1908 г.

ніямъ. Во всякомъ случаѣ къ концу XIX в. воинствующій антисемитизмъ въ Германіи замѣтно пошелъ на убыль.

XVI. Францiя послѣ побѣды республиканской партіи [1]).

Республика и соціализмъ, буржуазія и демократія во Франціи до начала восьмидесятыхъ годовъ.—Первыя республиканскія министерства и борьба съ клерикализмомъ.—Политика Гамбетты и «великое министерство».—Реакціонныя аттаки противъ республики въ два послѣднія десятилѣтія XIX в.—Особенности партійной жизни во Франціи.—Раздѣленіе республиканской партіи на оппортунистовъ и радикаловъ.—Генералъ Буланже и буланжистское движеніе.—Возрожденіе во Франціи соціализма и образованіе соціалистическихъ партій.—Анархистскія выступленія.—Новый поворотъ въ политикѣ консервативной партіи въ девяностыхъ годахъ. — «Панама». — Политика республиканской концентраціи. — Антисемитическая агитація во Франціи. — Дѣло Дрейфуса и вызванная имъ борьба реакціонныхъ и прогрессивныхъ элементовъ. — Общественное значеніе этой борьбы.

Излагая исторію Франціи въ семидесятыхъ годахъ, послѣ франкфуртскаго мира и подавленія коммуны до начала восьмидесятыхъ годовъ [2]), мы сосредоточили все вниманіе читателя на исторіи утвержденія въ тогдашней Франціи республиканскаго образа правленія и той

---

[1]) По исторіи третьей республики, кромѣ соч., указанныхъ въ 1 ч. VI т. (стр. 173 — 174), см. только что вышедшую „La troisième république" *John'a Labusquière'a*, составляющую XII томъ „Histoire socialiste", издаваемой подъ ред. *I. Jaurès'a* (объ XI т. см. т. VI, ч. 1, стр. 80 и 134). Изъ 306 стр. текста (кромѣ стр. 307 — 312, составляющихъ „Conclusion" *Jaurès'a*) 222 стр. отведено на исторію семидесятыхъ годовъ до начала президентства Греви, такъ что на весь періодъ 1879—1900 гг. приходится менѣе ста страницъ.—См. еще *Th. Lavallée.* Histoire des français, continuée par *Fr. Lock et M. Dreyfous*, t. VII: La république parlementaire, 1876—1901 (1905), своего рода лѣтопись и справочная книга.—*Henry Leyret.* Waldeck-Rousseau et la troisième république, 1869—1889 (1908; въ предисловіи сказано: „ce livre est plus qu'une biographie; c'est un chapitre d'histoire contemporaine").—Автору „Очерковъ современной Франціи", *Н. Е. Кудрину* (см. т. VI, ч. 1, стр. 173) принадлежитъ еще „Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей" (1906), въ которой даются характеристики такихъ политическихъ дѣятелей, какъ Клемансо, Вальдекъ-Руссо, Комбъ, Рошфоръ, Жоресъ, Гэдъ.—Общее представленіе о внутреннемъ состояніи Франціи въ концѣ XIX в. (съ большими историческими экскурсами) даетъ большая книга: *Karl Vogel.* Die dritte französische Republik bis 1895 (1895). — Для экономической и соціальной исторіи Франціи, которой мы совершенно не касались въ главѣ VI, громадный матеріалъ собранъ и обработанъ извѣстнымъ историкомъ рабочихъ во Франціи (см. въ „Ист. Зап. Евр." т. III, стр. 114 и т. IV. стр. 514) *E. Levasseur'омъ* въ его новѣйшемъ крупномъ (LXXVII + 968 стр.) трудѣ „Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république" (1907).

[2]) См. главу VI или, вѣрнѣе, стр. 192—221 этой главѣ.

борьбы за республику, которая въ моментъ принятія конституціи 1875 г. насчитывала въ своемъ прошломъ уже болѣе восьмидесяти лѣтъ [1]). Это былъ, дѣйствительно, главный вопросъ внутренней исторіи Франціи, доминировавшій надъ всѣми остальными, часто даже, такъ сказать, совершенно ихъ затиравшій, если только не считать заботъ правительства и общества о реорганизаціи финансовъ и арміи [2]). Само принятіе національнымъ собраніемъ республиканской конституціи еще не гарантировало для Франціи дальнѣйшаго мирнаго развитія подъ сѣнью республики, какъ это показалъ эпизодъ политики „16 мая", заставившій объединиться всѣхъ республиканцевъ, къ какимъ бы оттѣнкамъ политической мысли они ни принадлежали. Дѣло въ томъ, что въ 1876 г. во Франціи снова началась пропаганда соціализма и возродилось рабочее движеніе, которымъ подавленіе коммуны и запрещеніе Интернаціонала нанесли страшный ударъ. Въ этомъ именно году во Францію возвратился публицистъ Жюль Гэдъ (Guesde), приговоренный въ 1871 г. къ тюремному заключенію на пять лѣтъ, за одну статью, но успѣвшій бѣжать въ Италію, и сдѣлался во Франціи глашатаемъ въ своей газетѣ „L'Égalité" идей чистаго марксизма, только-что побѣдившаго и въ Германіи на готскомъ съѣздѣ [3]). Въ томъ же году въ Парижѣ былъ созванъ первый рабочій конгрессъ въ виду того, что разъ республика была основана, рабочій классъ уже могъ отдѣлиться отъ буржуазіи, чтобы заняться исключительно своимъ дѣломъ [4]). „16 мая" снова заставило соціалистовъ соединиться съ республиканской буржуазіей для борьбы противъ клерикальной реакціи, что, конечно, не могло отозваться благопріятно на успѣхахъ чистаго соціализма, противополагающаго рабочій классъ, какъ нѣчто, имѣющее свои интересы, стоящей въ общемъ противъ него буржуазіи. Извѣстно, что первая попытка образованія во Франціи „коллективистической рабо-

---

[1]) Этому прошлому и посвящено начало VI главы (стр. 173—192).

[2]) „Les cinq premières années qui ont suivi l'effondrement de 1870—71 furent employées surtout au rétablissement des finances et à la reconstitution de l'état militaire, ainsi qu'à des débats sur la forme de gouvernement". *E. Levasseur* на стр. 299 только-что названнаго труда.

[3]) См. т. VI, ч. 1, стр. 287 и слѣд. О Гэдѣ см. ниже.

[4]) Въ краткомъ „historique", предпосланномъ протоколамъ этого конгресса мы читаемъ: „Du moment que la forme républicaine était acquise, il était indispensable à la classe ouvrière qui, jusque-là, avait marché de concert avec la bourgeoisie républicaine, de s'affirmer dans ses intentions propres, et de rechercher les moyens qui pouvaient lui permettre de transformer sa condition économique". Séances du congrès ouvrier de France (1877), стр. 3. Устроители придали этому конгрессу характеръ „d'un congrès exclusivement ouvrier", на необходимости чего особенно настаивала газета „La Tribune", „qui relevait franchement le drapeau socialiste", стр. 4.

чей партіи“ была сдѣлана только на третьемъ рабочемъ конгрессѣ въ Марсели въ 1879 г. (второй былъ въ Ліонѣ въ 1878 г.), но что эта организація оказалась весьма непрочною, такъ какъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ она распалась, и вообще во Франціи образовалось нѣсколько соціалистическихъ направленій, ведшихъ между собою борьбу не на животъ, а на смерть. Въ 1881 г. всѣ французскія соціалистическія партіи едва собрали на выборахъ 60 т. человѣкъ, вслѣдствіе чего и въ палатѣ соціалистовъ въ этомъ году насчитывалось только двое, когда въ Германіи уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ подавались сотни тысячъ голосовъ и число депутатовъ этой партіи перевалило уже за десять [1]).

„Буржуазность“ третьей республики во Франціи въ первый періодъ ея существованія выразилась и въ ея законодательствѣ относительно рабочихъ. Въ своемъ капитальномъ трудѣ „Рабочіе и промышленные вопросы во Франціи при третьей республикѣ“ (1907) извѣстный Левассёръ особенно настаиваетъ на томъ, что спеціально рабочее законодательство, бывшее въ полномъ пренебреженіи отъ великой революціи до второй республики, сдѣлалось предметомъ политическихъ заботъ лишь съ того момента, когда къ занятію имъ стало приглашать всеобщее голосованіе, и онъ ставитъ въ заслугу третьей республикѣ то, что она начала осуществлять программы реформаторовъ и филантроповъ, составлявшіяся до 1870 г. [2]). Посвящая этому предмету цѣлую большую главу [3]), ученый экономистъ, дѣлающій въ ней обзоръ рабочаго законодательства третьей республики по матеріямъ [4]), недостаточно обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ отношеніи эпоху третьей республики нужно раздѣлить на отдѣльные періоды [5]). Семи-

---

[1]) См. выше, стр. 291. Цифръ 493 т. и 437 т., полученныхъ германскими соціалъ-демократами на выборахъ 1874 и 1877 гг., французскіе соціалисты достигли только въ началѣ девяностыхъ годовъ (въ 1893 г.).

[2]) „Depuis la révolution jusqu'à la seconde république les lois spécialement ouvrières avaient été très peu nombreuses... La politique a commencé à se préoccuper en France d'une législation spéciale en cette matière depuis que le suffrage universel l'y a invitée. Avant 1870, des réformateurs, philanthropes ou républicains avaient esquissé des programmes. La troisième république en a réalisé déjà une partie“. Questions ouvrières etc., стр. 434. Въ другомъ мѣстѣ Левассёръ прямо приписываетъ вліянію всеобщаго избирательнаго права (и соціальныхъ идей) то обстоятельство, что „depuis la révolution de 1848, sous le second empire, les questions ouvrières ont tenu bien plus de place qu'auparavant dans les préoccupations de la politique“, стр. 515.

[3]) Chap. VIII: „Les lois ouvrières“, стр. 434—518.

[4]) Регламентація дѣтскаго, женскаго и мужского труда, продолжительность рабочаго дня, воскресный отдыхъ и т. п.

[5]) Ср. стр. 916—918 книги Левассёра, гдѣ хотя и говорится о „plusieurs étapes dans la marche économique de la nation française sous la troisième ré-

десятые годы были почти совершенно безплодны въ области рабочаго законодательства [1]). Дѣтскій трудъ во Франціи все еще регламентировался крайне и для своего времени недостаточнымъ закономъ, изданномъ еще во времена іюльской монархіи, въ 1841 г. [2]), а въ семидесятыхъ годахъ (въ 1874 г.) по этому предмету былъ изданъ новый законъ, вызвавшій справедливую критику своимъ несовершенствомъ съ лѣвой стороны и очень скоро (1881) доказавшій необходимость своего пересмотра. По всѣмъ другимъ важнымъ вопросамъ въ семидесятыхъ и даже въ восьмидесятыхъ годахъ продолжали дѣйствовать устарѣлые законы. Напримѣръ, только закономъ 1884 г. были отмѣнены іюльскій законъ 1791 г. [3]), запрещавшій профессіональныя ассоціаціи, и статья 416 уголовнаго кодекса [4]), которая налагала кары на рабочихъ, хозяевъ и предпринимателей, дѣлающихъ покушеніе на свободное пользованіе своимъ промысломъ или трудомъ. Мало того, если вторая имперія въ концѣ своего существованія смотрѣла на образованіе рабочихъ союзовъ снисходительно [5]), лишь бы они не вмѣшивались въ политику, то третья республика, въ 1872 г. строжайшимъ образомъ запретившая Интернаціоналъ, сначала и вообще съ большимъ подозрѣніемъ относилась ко всякаго рода рабочимъ синдикатамъ и коалиціямъ. Самый законъ 1884 г. прошелъ всѣ инстанціи съ великимъ трудомъ. Первое предложеніе палатѣ объ отмѣнѣ закона 1791 г. было сдѣлано еще въ 1876 г. однимъ изъ депутатовъ крайней лѣвой, Локруа [6]), потомъ въ 1880 г. былъ выработанъ другой, измѣ-

---

publique", но не особенно рѣзко отмѣчается, что первый періодъ республики по отношенію къ рабочему законодательству былъ безплоденъ.

[1]) По вѣрному замѣчанію *Hanotaux*, національное собраніе остерегалось „d'admettre, qu'il y a, selon le mot redoutable, *une question sociale*" и допускало лишь существованіе „de certaines questions sociales": „au lendemain de la commune, говоритъ онъ, toute thèse, tout système, toute réforme, qui paraîtrait céder aux exigences des nouvelles écoles socialistes, lui est en appréhension, en horreur". Histoire de la France contemporaine, т. III, стр. 71. Тамъ же и на слѣд. стр. см. о безплодности работъ особой парламентской анкеты „объ условіяхъ труда во Франціи". О настроеніи относительно соціальнаго вопроса въ семидесятыхъ годахъ много у *R. Lavollée.* Les classes ouvrières en Europe.

[2]) О немъ см. т. V, стр. 224.

[3]) Т. III, стр. 539.

[4]) Т. IV, 133, 559 и др.

[5]) Т. V, стр. 818.

[6]) Въ восьмидесятыхъ годахъ Локруа былъ въ разныхъ кабинетахъ министромъ торговли, потомъ народнаго просвѣщенія, а въ девяностыхъ морскимъ. Онъ очень много, кромѣ того, писалъ. Подробности о провалѣ вопроса въ упомянутой (въ примѣчаніи 1) коммиссіи изложилъ одинъ изъ ея членовъ, депутатъ *Tallon*, въ IV главѣ своей книгѣ „La vie morale et intellectuelle des ouvriers" (1877).

ненный въ палатѣ, отвергнутый въ сенатѣ, затѣмъ опять побывавшій въ палатѣ и принятый сенатомъ лишь послѣ новаго разсмотрѣнія [1]). Замѣтимъ, что только законъ 1884 г., разрѣшавшій профессіональныя ассоціаціи, далъ въ руки французскихъ рабочихъ важное орудіе экономической и политической борьбы. Что касается до другихъ пунктовъ рабочаго законодательства, то Франціи пришлось ждать относительно ихъ до послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка или первыхъ годовъ XX столѣтія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Франція и въ этотъ послѣдній періодъ только копировала германское соціальное законодательство, по признанію того же Левассёра [2]).

Столь же мало, какъ и въ соціальномъ законодательствѣ, проявила себя третья республика въ первые годы своего существованія и по отношенію къ народному образованію. Республиканская партія во Франціи всегда стояла за необходимость широкаго просвѣщенія массъ, но первый важный законъ въ этомъ отношеніи (о пріобрѣтеніи общинами школьныхъ зданій и о казенной субсидіи на ихъ постройку) былъ изданъ лишь въ 1878 г., но и это было только прелюдіей къ гораздо болѣе важному школьному законодательству восьмидесятыхъ годовъ, о свѣтскомъ характерѣ котораго у насъ уже шла рѣчь [3]), какъ о наилучшемъ средствѣ, какое можно было только придумать для борьбы съ главнымъ врагомъ республики—клерикализмомъ. Изъ-за начальной школы у республики шла упорная война съ духовенствомъ, и въ данномъ случаѣ правительству оказывали большую поддержку прогрессивныя общественныя силы, въ родѣ „Французской лиги образованія“ (Ligue française d'enseignement), которая въ 1872 г. передала президіуму (бюро) палаты депутатовъ петицію объ обязательномъ, даровомъ и свѣтскомъ начальномъ обученіи, покрытую болѣе одного милліона двухсотъ шестидесяти семи тысячъ

---

[1]) Вообще сенатъ въ исторіи рабочаго законодательства игралъ роль очень сильнаго тормаза, примѣры чего въ книгѣ *Levasseur'a* см. на стр. 437, 438, 454, 473, 489, 491.

[2]) См. напр., стр. 517 и 914. Къ сожалѣнію, въ приложеніи къ гл. VIII, заключающемъ въ себѣ обзоръ главныхъ законовъ о рабочихъ внѣ Франціи, *Levasseur* съ датами этихъ законовъ въ другихъ странахъ не сопоставляетъ французскихъ датъ. Для начала XX в. онъ считаетъ возможнымъ сказать, что „aucun gouvernement en France n'avait jusque-là autant fait... pour la classe ouvrière et ...aucun état européen n' a fait autant dans le même temps“, стр. 942. Ср. *В. В—овъ.* Фабричное законодательство во Франціи (въ „Мірѣ Божіемъ“ за 1893 г.). — *А. Кеппенъ.* Соціальное законодательство Франціи и Бельгіи (1900). — *Ю. Гамбаровъ.* Рабочее законодательство Вальдека-Руссо (въ „Рус. Бог.“ за 1901 г.). См. также ниже, въ главѣ XXIII.

[3]) См. т. VI, ч. 1, стр. 221.

подписей [1]). Прибавимъ, что и въ школьномъ дѣлѣ французамъ во многихъ отношеніяхъ сначала приходилось только догонять побѣдившую ихъ въ 1870—71 г. Германію. Система средняго образованія, господствовавшая во Франціи во времена второй имперіи, подверглась въ семидесятыхъ годахъ сильной критикѣ [2]), вслѣдствіе чего дѣлались разныя предложенія о ея реформѣ, но даже такой умѣренный историкъ, какъ Ганото, находитъ, что вопросъ объ этой реформѣ ненадлежащимъ образомъ съуживался вслѣдствіе своей „буржуазной“ постановки [3]).

Въ „Исторіи современной Франціи“ Ганото есть вообще нѣсколько страницъ [4]) о взаимныхъ отношеніяхъ буржуазіи и демократіи во Франціи, тѣмъ болѣе любопытныхъ, что самъ Ганото по своей политической умѣренности является костью отъ костей, плотью отъ плоти той самой буржуазіи, которую онъ потомъ характеризуетъ на этихъ страницахъ [5]). По его словамъ, буржуазія, этотъ „высшій слой націи“, „привыкшій командовать“ (qui avait pris l'habitude du commandement), была крайне удивлена появленіемъ на сценѣ новыхъ общественныхъ слоевъ. „Царствованіе Людовика-Филиппа не было, говоритъ онъ, столь отдаленнымъ временемъ, чтобы буржуазія могла забыть эти единственныя

---

[1]) Позднѣе французы воспользовались и примѣромъ англійской university extension, о которой см. т. VI, ч. 1, стр. 316—317.

[2]) *M. Bréal.* Quelques mots sur l'instruction publique (1872).—*J. Simon.* La réforme de l'enseignement secondaire (1874) и др.

[3]) „La bourgeoisie encore dirigeante s'occupe de sa (т.-е. своей собственной) préparation et de ce qui touche à son recrutement: c'est à dire les études universitaires“ („universitaires“ во французскомъ смыслѣ, о чемъ см. у насъ на стр. 128 IV тома) .....L'enseignement universitaire est sur le tapis: n'a-t-il pas, pour consécration, le diplôme, qui ouvre la porte du mandarinat bourgeois: le baccalauréat? ...Malheureusement, la polémique fut plus ardente que profonde. Les professeurs seuls parlèrent. Le problème hautement social et moral resta ainsi enfermé dans les limites d'un tournoi scolaire... Le rôle social de la bourgeoisie au milieu de la démocratie n'était pas touché“. Hist. de la France contemporaine, III, 76—78. О томъ, почему Ганото называетъ баккалавреатъ (нѣчто въ родѣ нашего аттестата зрѣлости) буржуазнымъ мандаринатомъ, см. ниже.

[4]) Страницы 515—532 третьяго тома, составляющія конецъ главы X („Le relèvement, l'avènement de la démocratie“).

[5]) Въ палатѣ депутатовъ онъ былъ только въ 1886—1889 г. а, не будучи въ составѣ ни одной изъ палатъ, дважды (1894—95 и 1896—98) занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетахъ Дюпюи, Рибо и Мелина. Ему принадлежитъ нѣсколько крупныхъ историческихъ трудовъ, каковы о происхожденіи должности интендантовъ (1884), о кардиналѣ Ришелье (1893) и др. IV томъ его „Histoire de la France contemporaine“, доведенный до конца 1882 г., вышелъ въ свѣтъ уже послѣ того, какъ была отпечатана глава о Франціи въ первой части нашего VI т.

времена (ces heures uniques). 1848 годъ захватилъ ее въ расплохъ. Выступленіе на политическую сцену народныхъ массъ показалось ей необъяснимымъ катаклизмомъ. „Спасенная“, немножко противъ собственнаго желанія, въ 1851 г., она дулась на Наполеона III, тѣмъ не менѣе принимая отъ него и мѣста, и знаки отличія... Но вотъ у власти Тьеръ, и прекрасные дни вернулись“. Однако, замѣчаетъ далѣе Ганото, „къ этому времени, къ годамъ, которые предшествовали войнѣ и слѣдовали за нею, характерные признаки буржуазіи не опредѣляются уже ни рожденіемъ, ни пользованіемъ какими-либо соціальными привилегіями, ни даже занятіемъ извѣстными профессіями, а только полученіемъ диплома, баккалавреатомъ. Это мандаринство установилось между 1830 и 1860 гг.“. Ганото рѣзко противополагаетъ „буржуазно“ (слово „bourgeoisement“ у него самого въ ковычкахъ) одѣтаго „l'homme qui a fait ses études“ человѣку изъ народа, „l'homme qui a fait son temps“. Не приводя здѣсь набрасываемой историкомъ характеристики настроенія образованной буржуазіи, отмѣтимъ только его указаніе на то, что по отношенію къ народу она „невѣроятно невѣжественна и презрительна“ („à l'égard du peuple, elle est dans une ignorance et dans un mépris incroyables“). Со всѣми своими достоинствами и недостатками, буржуазія, охотно величающая себя „среднимъ классомъ“, чувствуетъ себя призванною къ занятію отвѣтственными дѣлами государства, къ отправленію общественныхъ должностей. На другой же день послѣ войны и коммуны, подъ предводительствомъ Тьера она и протягиваетъ руки, чтобы взять бразды правленія, но въ этомъ стремленіи своемъ она встрѣтила затрудненія съ двухъ сторонъ: со стороны старой аристократіи и духовенства и со стороны народныхъ массъ. „Среди буржуазіи, говоритъ Ганото, одни, испуганные опасностью, быстро пятятся назадъ, другіе спрашиваютъ себя, благоразумно ли, тактично ли (s'il était habile), справедливо ли разрывать съ народомъ... Стиснутые между этими двумя теченіями, средніе классы стали колебаться, какъ стали колебаться и люди, управлявшіе отъ ихъ имени“. До сихъ поръ командующимъ классомъ были 660 тысячъ буржуазіи изъ общей цифры избирателей въ десять милліоновъ. Но что представляла собою эта масса? Въ деревняхъ она оставалась совсѣмъ неорганизованною, въ городахъ послѣ пораженія соціалистовъ въ маѣ 1871 г. она чувствовала себя растерянною и фактически тоже была организована очень плохо. Если буржуазія отличалась по отношенію къ народу невѣжественностью и презрительностью, то со стороны этого народа въ городахъ сама встрѣчала также только недовѣріе и ненависть.

„А между тѣмъ, продолжаетъ Ганото, всѣ партіи и даже тѣ, которыя, повидимому, особенно далеко отстоятъ отъ демократизма,

обращаются къ этимъ городскимъ и сельскимъ массамъ, зная, что тамъ вся сила, все развитіе, все будущее" [1]). Вотъ тутъ-то и выступаютъ на сцену „новые общественные слои" (nouvelles couches sociales), состоящіе изъ людей, которые едва только выдѣлились изъ рядовъ рабочихъ и крестьянъ. „Эта необуржуазія (néo-bourgeoisie),— характеризуетъ ее историкъ, — не такъ холодна, какъ ея старшая сестра; въ ней больше горячности, больше энергіи; въ ней больше жизненности и стремленія къ знанію; она умѣетъ хотѣть". Изъ нея, главнымъ образомъ, составляются избирательные комитеты, и изъ нея даже рекрутируются масоны [2]), и въ общемъ повторяя сравненіе, сдѣланное Ганото, это—„дрожжи демократіи". На эти-то новые общественные слои и сталъ указывать Гамбетта въ своихъ рѣчахъ, когда говорилъ о демократіи, да они и на самомъ дѣлѣ стали играть роль въ политикѣ, такъ какъ начали входить въ составъ избранной части

[1]) Положеніе, отчасти напоминающее отношенія, которыя создали въ Англіи то, что для краткости обозначается терминомъ „caucus". См. т. VI, ч. 1, стр. 322 и слѣд.

[2]) Общій характеръ настоящаго труда не позволяетъ намъ остановиться на подробностяхъ французскаго масонства, которому многими приписывается очень большое политическое значеніе въ исторіи третьей республики. (См. въ частности книги *de Marcère'a*, который особенно склоненъ вездѣ усматривать руку масонства). Масонство во Франціи имѣетъ старую исторію; нѣкоторые даже (и между ними, напр., Луи Бланъ) приписывали ему извѣстное вліяніе на возникновеніе французской революціи (совершенно неправильно). Масонство пережило великую революцію и продолжало даже существовать при обоихъ Наполеонахъ, ставившихъ во главѣ масонскихъ организацій принцевъ своего дома, дабы не допускать въ масонство политическаго духа. Тѣмъ не менѣе значительная часть масоновъ была настроена всегда либерально и даже республикански, особенно во времена второй имперіи, когда для очень многихъ вступленіе въ масоны было единственнымъ средствомъ встрѣчаться между собою, обмѣниваться мыслями, упражняться въ краснорѣчіи и договариваться относительно образа дѣйствій (*Ж. Вейль.* Исторія республиканской партіи во Франціи, стр. 393. — *Tchernoff.* Le parti républicain sous le second empire, стр. 319 и слѣд.— *Colfavru.* Discours au congrès maçonnique international de 1889). Вмѣстѣ съ этимъ во французское масонство сталъ проникать антитеологическій духъ молодого поколѣнія республиканцевъ (ср. т. VI, ч. I, стр. 184): уже въ 1867 г. въ такъ называемомъ „Великомъ Востокѣ" было сдѣлано предложеніе, сообщенное всѣмъ ложамъ и черезъ десять лѣтъ принятое двумя третями голосовъ, устранить изъ устава догматическое утвержденіе о существованіи Божества и безсмертія души, изъ-за чего съ французскимъ Великимъ Востокомъ прервали всякія сношенія ложи Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Канады и т. п. При третьей республикѣ масонство, получившее значеніе общаго антиклерикальнаго союза, стало даже сближаться съ позитивизмомъ; „la maçonnerie est positiviste sans le savoir", сказалъ Жюль Ферри при своемъ принятіи въ ложу „Clémente amitié". Это особенно заставило католическую церковь вооружиться противъ масонства, о чемъ см. и ниже, въ главѣ XX. Ср. ниже, стр. 140, прим. 5.

(l'élite) изъ десяти милліоновъ избирателей, которая до того времени состояла лишь изъ прежнихъ вліятельныхъ элементовъ съ Парижемъ и со всѣмъ бюрократическимъ персоналомъ, т.-е. изъ того, чѣмъ создается общественное мнѣніе. Установившаяся во Франціи свобода печати особенно подняла значеніе демократіи, у которой явились и свои органы—газеты въ одинъ су, т.-е. менѣе двухъ копѣекъ [1]).

На новыхъ общественныхъ слояхъ и стремился, какъ мы дальше увидимъ, обосновать свою политику Гамбетта, бывшій къ концу семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, несомнѣнно, первымъ человѣкомъ Франціи, самымъ вліятельнымъ ея политическимъ дѣятелемъ, во всякомъ случаѣ безспорнымъ вождемъ республиканской партіи. Въ это время самымъ опаснымъ своимъ врагомъ республиканцы считали, вмѣстѣ съ Гамбеттою клерикализмъ, [2]), и борьба съ нимъ была очередной задачей партіи. Съ отставкою Макъ-Магона и выборомъ въ президенты республики Греви [3]) министерства во Франціи стали составляться исключительно изъ республиканцевъ. Первыми министерствами были кабинеты Ваддингтона (въ 1879 г.) [4]), потомъ Фрейсине (въ 1880 г.) и, наконецъ, Жюля Ферри (въ 1880—1881 гг.), послѣ чего предсѣдателемъ кабинета министровъ сдѣлался Гамбетта. Въ другомъ мѣстѣ уже шла рѣчь о томъ, что̀ было сдѣлано этими тремя первыми министерствами послѣ окончательнаго перехода власти къ республиканской партіи [5]). Здѣсь мы остановимся только на начавшейся тогда борьбѣ съ клерикализмомъ и съ неменьшимъ даже пра-

---

[1]) *H. Avenel.* Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu' à nos jours" (1900). О развитіи французской прессы въ концѣ XIX в. см. въ „Очеркахъ современной Франціи" *Н. Е. Кудрина* „письма", XIII (стр. 336—364).

[2]) Вспомнимъ фразу Гамбетты: „le cléricalisme, c'est l'ennemi". Т. VI, ч. 1. стр. 213.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 220. Жюль Греви еще молодымъ человѣкомъ (23 лѣтъ) участвовалъ въ іюльской революціи, а послѣ февральской революціи временное правительство послало его, какъ человѣка, извѣстнаго своими республиканскими убѣжденіями, коммиссаромъ въ департаментъ Юры. Выбранный въ національное собраніе 1848 г., онъ въ немъ высказался, какъ извѣстно, противъ должности президента республики, да еще выбираемаго всеобщею подачею голосовъ. 4 сентября 1870 г. Греви тоже высказался противъ диктатуры, о чемъ заходила-было рѣчь. Въ національномъ собраніи 1871 г. онъ былъ президентомъ (до 1873 г.),—должность, на которую былъ выбранъ и палатою 1876 г. Въ защиту республики противъ монархистовъ въ 1873 г. онъ издалъ „Le gouvernement necéssaire". Отмѣтимъ еще, что Греви во время дебатовъ о септеннатѣ (т. VI, ч. 1, стр. 204—205) высказывался противъ. *Barbou.* Jules Grévy. Болѣе подробно о его характерѣ см. ниже.

[4]) Ваддингтонъ въ 1878 г. былъ уполномоченнымъ Франціи на берлинскомъ конгрессѣ (т. VI, ч. 1, стр. 415). Онъ былъ въ это время министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Дюфора.

[5]) Т. VI, ч. 1, стр. 220—221.

вомъ, чѣмъ германскій культуркампфъ, заслуживающей право на названіе защиты современной цивилизаціи отъ средневѣковыхъ притязаній католицизма. Если поименованныя министерства ничего не сдѣлали для соціальнаго вопроса, то въ культурномъ отношеніи ихъ усилія заслуживаютъ большого вниманія. Главною позиціей французскаго духовенства была позиція, занятая имъ въ народномъ образованіи. Первый въ XIX в. организаторъ во Франціи вѣдомства народнаго просвѣщенія, Наполеонъ I, какъ извѣстно, стремился подчинить всю эту область національной жизни строго-государственному, чисто-бюрократическому управленію, сдѣлавъ изъ „университета“,—въ новомъ смыслѣ всего учащаго персонала высшихъ и среднихъ школъ,—своего рода монополиста въ дѣлѣ публичнаго преподаванія и подчинивъ учителей низшей школы органамъ общей администраціи [1]). Послѣ паденія Наполеона I, при старшей линіи Бурбоновъ, именно въ министерство Виллеля, начальныя школы во Франціи были переданы въ вѣдѣніе духовенства [2]), и въ это же время іезуиты и члены всякихъ другихъ неразрѣшенныхъ конгрегацій стали открывать школы, въ которыхъ училось много молодежи, вовсе не готовившейся къ вступленію въ духовное званіе. Извѣстно, какую бурю негодованія возбудило среди реакціонеровъ министерство Мартиньяка, когда подчинило духовныя семинаріи правительственному надзору и фиксировало цифру учащейся въ нихъ молодежи, ограничивъ ее въ соотвѣтствіи съ потребностями церкви въ кандидатахъ на духовныя должности [3]). Такимъ образомъ, уже въ двадцатыхъ годахъ XIX в. во Франціи начиналось соперничество государства и церкви изъ-за народнаго образованія. Іюльская монархія была въ общемъ менѣе благопріятна, чѣмъ реставрація, клерикальнымъ притязаніямъ, и впервые въ тридцатыхъ годахъ, благодаря инициативѣ протестанта Гизо, сдѣланы были шаги для введенія во Франціи настоящей государственной организаціи начальнаго обученія [4]). Когда послѣ революціи 1848 г. въ обществѣ началась реакція, духовенство весьма умѣло ею воспользовалось для того, чтобы подчинить себѣ народное образованіе. Оно добилось отмѣны монополіи „университета“, за которую въ эпоху іюльской монархіи стояли либералы, опасавшіеся, что свобода преподаванія только послужитъ на пользу духовенства [5]). Въ эпоху іюльской монархіи духовенство, наоборотъ, какъ-разъ и стремилось осуществить выгодную для него свободу преподаванія. Само правительство

---

[1]) Т. IV, стр. 128.
[2]) Т. IV, стр. 412.
[3]) Т. IV, стр. 418.
[4]) Т. V, стр. 267.
[5]) Т. V, стр 194—195.

тогда очень боялось, что іезуитскій орденъ, существовавшій въ странѣ вопреки законамъ, захватитъ въ свои руки все среднее образованіе, и бывшій въ сороковыхъ годахъ министромъ Гизо готовъ былъ терпѣть школы другихъ конгрегацій, лишь бы папа потребовалъ у іезуитовъ закрытія ихъ учебныхъ заведеній и удаленія изъ Франціи. Какъ извѣстно, Гизо удалось этого достигнуть въ 1845 г. [1]), но черезъ пять лѣтъ клерикальный министръ Фаллу провелъ законъ, который ради борьбы съ революціей и соціализмомъ вводилъ въ высшій учебный совѣтъ духовныхъ членовъ, объявлялъ свободу открытія частныхъ школъ, предоставлялъ духовнымъ лицамъ право преподаванія безъ государственнаго экзамена и т. п. [2]); послѣ правомъ открывать среднія и низшія школы воспользовались разныя религіозныя корпораціи. Въ частности, женское образованіе цѣликомъ попало въ руки „сестеръ“ (soeurs, т.-е. монахинь). Съ закона Фаллу и началась страшная клерикализація народнаго просвѣщенія во Франціи, продолжавшаяся при второй имперіи и не прекратившаяся при третьей республикѣ. Первыя попытки борьбы съ клерикализмомъ въ школьномъ дѣлѣ относятся еще къ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ при Ваддингтонѣ (какъ и Гизо, протестантѣ), дважды занимавшемъ постъ министра народнаго просвѣщенія, но настоящимъ борцомъ за свѣтскую школу во Франціи былъ Жюль Ферри, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія въ кабинетахъ Ваддингтона и Фрейсине, потомъ самъ ставшій во главѣ министерства [3]).

Жюль Ферри былъ истиннымъ создателемъ системы народнаго образованія третьей республики. Въ этомъ дѣлѣ у него были и помощники какъ въ лицѣ общественныхъ организацій въ родѣ уже упоминавшейся выше „Лиги образованія“ [4]) и масонства [5]), навлекавшихъ на

---

[1]) Т. V, стр. 463—464.

[2]) Т. V, стр. 606.

[3]) Жюль Ферри въ 1869 г. былъ выбранъ въ законодательный корпусъ, въ 1870 г. сдѣлался членомъ правительства національной обороны, въ 1871 г. попалъ въ національное собраніе, въ 1876 г. — въ палату депутатовъ. Т. VI, ч. 1, стр. 98, 183, 190 и др. Впослѣдствіи онъ опять занималъ должность министра народнаго просвѣщенія (въ кабинетахъ Фрейсине 1882 г. и своемъ собственномъ), пока не сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, о чемъ см. ниже. О немъ соч. извѣстнаго французскаго историка *A. Rambaud* (1903), который самъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія (1896—1898), а также работа *Robiquet.* [illegible]

[4]) См. стр. 134. La ligue de l'enseignement была основана Жаномъ Масе въ 1866 г. и уже въ самомъ началѣ своего существованія навлекла на себя гнѣвъ мецкаго епископа, а позднѣе и самого папы. Уже въ 1870 г. она насчитывала до 18 т. членовъ, въ 1876 г. около 30 т. *A. Dessoye.* Jean Macé et la fondation de la ligue d'enseignement.

[5]) Большую роль масонству въ этомъ дѣлѣ приписываютъ многіе историки.

себя громы католической церкви, такъ и въ лицѣ нѣкоторыхъ ученыхъ, преподавателей и другихъ дѣятелей. Въ числѣ отдѣльныхъ лицъ, очень много помогавшихъ борьбѣ съ клерикализмомъ, нельзя не упомянуть объ извѣстномъ физіологѣ Полѣ Берѣ [1]), который былъ докладчикомъ законовъ Ферри въ палатѣ, а потомъ и самъ министромъ народнаго просвѣщенія въ министерствѣ Гамбетты. Въ 1880 г. онъ открылъ кампанію противъ іезуитовъ своею „Моралью іезуитовъ" [2]), въ которой разоблачаетъ теоріи и практику ордена въ вопросахъ нравственности и общежитія. Въ школьномъ законодательствѣ третьей республики именно Полю Беру принадлежитъ рѣзко подчеркнутая „свѣтскость" (laïcité) всей системы. По его мысли, образованіе (начальное) должно было быть „обязательнымъ, даровымъ и свѣтскимъ", обязательнымъ въ интересахъ самого ребенка, его семьи, самого государства, даровымъ уже вслѣдствіи самой своей обязательности и ради уравненія бѣдныхъ съ богатыми, и свѣтскимъ, ибо это—требованіе свободы совѣсти какъ обучаемыхъ, такъ и обучающихъ. „Принимая въ расчетъ, говорилъ онъ въ одномъ своемъ докладѣ, что наставнику принадлежитъ область разума, священнику область вѣры, мы предоставили этому послѣднему всѣ заботы по религіозному воспитанію. Каждый, такимъ образомъ, является, у себя хозяиномъ, одинъ въ школѣ, другой въ храмѣ. Если что-либо мы изгоняемъ изъ школы, такъ это—нетерпимость". Поль Беръ защищалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ту точку зрѣнія, что обученіе морали не должно быть непремѣнно связано съ обученіемъ религіи, и что обученіе въ школахъ конгрегацій (l'enseignement congréganiste) внушаетъ только чувство безусловнаго подчиненія церкви, а не чувство собственной отвѣтственности при свободѣ. „Какъ частное лицо, говорилъ Поль Беръ въ одной публичной лекціи, я могу теоретически относиться безъ всякаго уваженія къ разнымъ видамъ религіознаго обученія, но, какъ законодатель, я долженъ ихъ уважать на практикѣ. Если бы я не уважалъ права̀ тѣхъ, которые съ чистою совѣстью занимаются этимъ преподаваніемъ, считая его необходимымъ, и права̀ тѣхъ, которые желаютъ, чтобы ихъ дѣти получали такое обученіе, я нарушилъ бы свободу совѣсти. Если бы я сталъ ее нарушать, — я, республиканецъ, я, на-

---

См. напр., *Hanotaux*, IV, 453.—*Debidour*. L'église catholique et l'état sous la troisième république, I, 90, 150, 216 и др. Противъ масонства Дюпанлу (см. ниже) написалъ брошюру (Etude sur la franc-maçonnerie, 1875).

[1]) *Bérillon*. L'oeuvre scientifique de Paul Bert (1887). Поль Беръ умеръ въ 1886 г.

[2]) *Paul Bert*. La morale des jésuites (1880). Résumé этой книги даетъ *Debidour* въ I т. названнаго выше труда, стр. 425—435.

слѣдникъ революціи,—у меня самого не было бы ни основанія существовать, ни права говорить“.

Предложеніе о введеніи во Франціи обязательнаго, дарового и свѣтскаго обученія было внесено въ палату, собственно, радикаломъ Бародэ, избраніе котораго въ палату въ 1873 г. было ближайшимъ поводомъ аттаки правыхъ противъ Тьера, приведшей къ его отставкѣ [1]), но разработка общаго плана реформы принадлежала Полю Беру, проводить же реформу пришлось Жюлю Ферри.

Жюль Ферри, въ противоположность Гамбеттѣ,—съ которымъ сначала его связывали узы дружбы,—былъ человѣкъ крайне разсудительный и сдержанный, а потому „отличался умѣренностью взглядовъ еще тогда, когда Гамбетта былъ настроенъ еще болѣе радикально. Оба они въ молодости подверглись вліянію позитивизма [2]), но на Ферри это вліяніе сказалось и сильнѣе, и прочнѣе. Главною его идеею стало реформировать жизнь путемъ реформы міросозерцанія, въ основу же послѣдняго онъ полагалъ науку, ту самую науку, которая на разныхъ ступеняхъ своихъ преподается въ школѣ. Въ остальныхъ отношеніяхъ Ферри какъ нельзя больше подходилъ къ тому направленію, которое получило перевѣсъ въ республиканской партіи въ 1878 г. Въ общемъ оно удовлетворялось конституціей 1875 г. и не стремилось къ дальнѣйшимъ политическимъ реформамъ, а къ реформамъ соціальнымъ въ немъ было прямое отвращеніе, и вся практическая политика сводилась къ „дѣламъ“, приводившимъ значительную часть республиканской партіи въ соприкосновеніе съ капиталистическою и очень умѣренною буржуазіей. При такомъ настроеніи оставалась одна область для политики не интересовъ, а именно идей, которая притомъ отвлекала бы отъ щекотливыхъ вопросовъ соціальнаго характера и вмѣстѣ съ тѣмъ была бы борьбою за республику противъ реакціи. Клерикализмъ, главный врагъ, былъ указанъ Гамбеттою, и Жюль Ферри оказался человѣкомъ, наиболѣе пригоднымъ вести кампанію противъ „врага“. Личныя убѣжденія этого дѣятеля вполнѣ совпадали съ настроеніемъ господствовавшей партіи и наиболѣе вліятельнаго, дѣлового класса. Конечно, ему пришлось встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны представителей тѣхъ партій, которыя хотѣли сохранить за духовенствомъ его культурное вліяніе на разные классы націи, боялись поэтому широкаго развитія въ народныхъ массахъ знаній и пониманія своего положенія и, наконецъ, находили еще, что обязательность и безвозмездность обученія слишкомъ дорого обойдутся и государству, и общинамъ, но главная борьба велась по вопросу о „лаицизаціи“

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 199.
[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 184.

школы. „Школа, совершенно откровенно заявлялъ Жюль Ферри, сдѣлалась при дѣйствіи закона 1850 г. католическою въ отношеніи доктрины. Мы хотимъ ее отъ этого освободить; мы хотимъ, чтобы ни малѣйшимъ образомъ не соотвѣтствовало дѣйствительности мнѣніе, въ силу котораго самое важное мѣсто въ школѣ принадлежитъ служителямъ культа". Пусть они продолжаютъ учить по прежнему, но только не въ школьныхъ помѣщеніяхъ. „Проведите точныя границы, и вы установите миръ, къ которому мы столь же пламенно и ревностно стремимся, какъ и вы". Конечно, такіе аргументы не могли убѣдить клерикаловъ, и еп. Фреппель, бывшій депутатомъ, только твердилъ, что „школа безъ Бога будетъ школой противъ Бога". Защищая свои положенія, министръ протестовалъ противъ правой, утверждавшей, будто проектъ имѣетъ въ виду „создать такую школу, въ которой будетъ запрещено произносить имя Бога" [1]). Противники „лаицизаціи" обученія указывали еще, что свѣтскіе учителя сдѣлаются, конечно, избирательными агентами, и что, пожалуй, учителей, заподозрѣнныхъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, скоро начнутъ не допускать въ школы, и на это Поль Беръ оттѣчалъ: „мы не объявляемъ войны религіи, мы совершаемъ дѣло современнаго общества—секуляризуемъ всѣ государственныя вѣдомства".

Школьныя реформы, къ которымъ Франція приступила въ 1879 г., затянулись на нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ борьба не прекращалась [2]). Со стороны реакціонеровъ новые законы получили прозвище „злодѣйскихъ" или „преступныхъ" (lois scélérates), и все пускалось въ ходъ, чтобы ихъ проваливать въ палатахъ, задерживать ихъ исполненіе, обходить ихъ на практикѣ и т. п. Дѣло было начато съ того, что изъ высшаго совѣта народнаго просвѣщенія были удалены всѣ духовныя лица и замѣнены преподавателями, техниками и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ у частныхъ высшихъ школъ было отнято право именоваться университетами или факультетами (имъ дано было

---

[1]) Кто-то на правой крикнулъ: „но вѣдь это говорилъ г. Поль Беръ", на что послѣдній возразилъ: „извините, я никогда этого не говорилъ".

[2]) Кромѣ спеціальныхъ работъ по исторіи народнаго просвѣщенія во Франціи, указанныхъ въ др. томахъ и большею частью не доведенныхъ до конца XIX в., см. изъ новѣйшихъ общихъ трудовъ *A. Debidour*. L'église etc., t. I, partie II (Les lois scélerates) и *E. Levasseur*. Questions ouvrières etc., chap. VI (L'instruction primaire et professionnelle). Болѣе спеціально: *Levasseur*. L'enseignement primaire dans les pays civilisés.—*Dreyfus-Brisac*. L'éducation nouvelle (1882—1883).—*O. Gréard*. L'enseignement secondaire des filles.—*Его же*. La législation de l'enseignement primaire en France depuis 1789 (1889). Кое-что есть въ русской литературѣ: *Бобровниковъ*. Народное образованіе во Франціи (въ „Вѣстн. Евр." за 1881 г.).—*М. Чистяковъ*. Образованіе народа во Франціи (1904) и т. д.

названіе „écoles libres"), равно какъ и право раздавать ученыя степени [1]). Въ этомъ второмъ законѣ былъ спеціально направленный противъ іезуитскихъ школъ параграфъ 7, запрещавшій кому бы то ни было изъ лицъ, принадлежащихъ къ непризнаннымъ конгрегаціямъ, стоять во главѣ какого-либо учебнаго заведенія, публичнаго или частнаго и всѣхъ степеней. Кромѣ того, отъ преподавателей рѣшено было требовать особаго профессіональнаго аттестата, съ каковою цѣлью постановлено было создать особыя учительскія семинаріи (écoles normales) мужскія и женскія. Противъ всего этого духовенство начало самую энергичную кампанію словесныхъ и письменныхъ протестовъ, петицій и т. п., и къ его великому удовольствію сенатъ отвергъ седьмой параграфъ, хотя и незначительнымъ большинствомъ голосовъ (въ мартѣ 1880 г.), въ отвѣтъ на что палата депутатовъ, съ своей стороны, поручила правительству начать примѣненіе законовъ, касающихся неразрѣшенныхъ конгрегацій.

Это переводило борьбу на другую почву. Вопросъ о существованіи во Франціи неразрѣшенныхъ конгрегацій былъ тоже очень старой исторіей. Наполеоновскій конкордатъ и дополнявшія его органическія статьи не только не возстановили во Франціи монашества, но даже не давали легальной почвы для его возстановленія или для возникновенія новыхъ религіозныхъ сообществъ [2]). Тѣмъ не менѣе въ эпоху реставраціи пооткрывались монастыри, всякія іезуитскія учрежденія и т. п. [3]), хотя тогда указывалось на противозаконность ихъ существованія [4]). Въ общемъ они продолжали существовать, благодаря попустительству властей, и вовсе не думали о легализаціи. Законы, примѣненія которыхъ палата въ 1880 г. потребовала отъ министерства, были разныхъ временъ и разныхъ категорій, начиная съ тѣхъ, которые были изданы еще въ шестидесятыхъ годахъ XVIII в. противъ іезуитовъ, или съ декретовъ революціонной эпохи о монашествѣ и кончая болѣе новыми, въ число которыхъ нужно включить и одну статью уголовнаго кодекса [5]). Министерство въ тотъ же день (29 марта) поспѣшило издать два декрета, изъ которыхъ одинъ распускалъ орденъ іезуитовъ, давъ ему извѣстный срокъ для ликвидаціи своихъ учре-

---

[1]) Въ 1875 г. особый законъ, объявившій свободу высшаго преподаванія, далъ духовенству возможность открыть цѣлый рядъ факультетовъ въ Парижѣ, Ліонѣ, Лиллѣ, Анжерѣ, гдѣ изъ нихъ возникли католическіе университеты, а кромѣ того, въ Тулузѣ и Пуатье. Цѣлью ихъ было „que le catholicisme disputât au positivisme l'âme de la France".

[2]) Т. IV, стр. 122.

[3]) Т. IV, стр. 414.

[4]) Т. IV, стр. 416.

[5]) Одинъ депутатъ даже ссылался на законъ 1872 г., запретившій во Франціи Интернаціоналъ!

жденій (3 мѣсяца, а для школъ 5 мѣсяцевъ), другой же предписывалъ остальнымъ неразрѣшеннымъ конгрегаціямъ испросить въ теченіе трехъ мѣсяцевъ у правительства легализацію (autorisation) подъ угрозою въ противномъ случаѣ примѣненія и къ нимъ „существующихъ законовъ". Іезуиты и не подумали подчиниться, вслѣдствіе чего насильно были удалены изъ своихъ домовъ. Чтобы склонить другія конгрегаціи къ подчиненію требованію декрета 29 марта, часть министерства вступила въ секретные переговоры съ Римомъ, окончившіеся неудачею и только вызвавшіе въ самомъ кабинетѣ внутренній конфликтъ. Фрейсине, стоявшій тогда во главѣ министерства, вышелъ въ отставку и предсѣдателемъ совѣта сдѣлался самъ Жюль Ферри. Въ данный конгрегаціямъ срокъ онѣ не обратились къ правительству за легализаціей и тоже были распущены. Конечно, клерикалы протестовали, устраивали митинги негодованія, манифестировали на улицахъ, и все это происходило не только въ столицѣ, но и въ департаментахъ [1]). Въ иныхъ случаяхъ фиктивные собственники конгрегатскихъ домовъ подавали формальныя жалобы въ суды. Во французской магистратурѣ было немало клерикаловъ, которые или рѣшали иски въ пользу жалобщиковъ (ихъ рѣшенія были потомъ кассированы), или подавали въ отставку; судей послѣдней категоріи нашлось около двухсотъ, но всѣ образовавшіяся вслѣдствіе этого ваканціи были безъ труда замѣщены. Большинство націи въ этомъ конфликтѣ стало на сторону правительства, особенно по отношенію къ іезуитамъ, которые никогда не пользовались популярностью въ народѣ. Весьма знаменательнымъ было то, что частичное обновленіе генеральныхъ совѣтовъ, имѣвшее мѣсто вскорѣ послѣ примѣненія декрета о іезуитахъ, значительно усилило республиканскій составъ этихъ собраній [2]),—признакъ того, что населеніе поддерживало правительственную политику. Побѣда правительства надъ католическими корпораціями не была, однако, полной. Съ теченіемъ времени (и довольно скоро) онѣ вновь образовались, и впослѣдствіи число учениковъ въ ихъ учебныхъ заведеніяхъ даже стало увеличиваться, благодаря тому, что республиканская буржуазія начала отдавать въ нихъ своихъ дѣтей, слѣдуя въ данномъ случаѣ примѣру консервативной аристократіи, которая весьма естественно тяготѣла къ духовенству [3]).

Главною заботою Жюля Ферри, когда онъ сдѣлался главою министерства, было продолжать реформу школьнаго дѣла, хотя къ этому же времени относятся и другіе важные законы, имъ прове-

---

[1]) Іезуитскія учрежденія существовали въ 31 департаментѣ.

[2]) До 1 авг. 1880 г. республиканцевъ въ нихъ было около 1.600, консерваторовъ около 1.400, а послѣ 1 авг. первыхъ около 1.900, вторыхъ—около 1.000.

[3]) См. объ этомъ ниже.

денные (право собраній безъ предварительнаго разрѣшенія, явочный порядокъ основанія періодическихъ изданій, подчиненіе печати суду присяжныхъ и т. п.). Въ 1880 г. Жюль Ферри создалъ во Франціи среднее женское образованіе, государственное и свѣтское, что имѣло очень серьезныя послѣдствія въ виду того, что раньше молодыя дѣвушки обучались, главнымъ образомъ, въ монастыряхъ. Тогда же, въ 1881 г., было положено начало и новому низшему образованію. Именно, іюньскимъ закономъ этого года сдѣлано было даровымъ обученіе во всѣхъ начальныхъ школахъ, а въ слѣдующее свое управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія (въ 1882 г.) Жюль Ферри провелъ и законъ объ обязательности обученія всѣхъ дѣтей отъ 6 до 13 лѣтъ въ публичныхъ или частныхъ школахъ, или же дома. Этотъ же самый законъ установилъ програму низшихъ школъ съ „моральнымъ и цивическимъ наставленіемъ", но безъ закона Божія, для занятій которымъ внѣ школы, т.-е. въ церкви или на дому, одинъ день въ недѣлю, кромѣ воскресенья, долженъ былъ быть свободнымъ отъ посѣщенія дѣтьми школы. Право инспектировать школы, предоставленное духовенству закономъ 1850 г., было отмѣнено. Въ реформѣ начальнаго образованія Жюлю Ферри особенно много помогалъ Бюиссонъ, котораго онъ назначилъ директоромъ низшаго образованія. Здѣсь не мѣсто разсматривать дальнѣйшія реформы въ этой области [1]), и достаточно только указать на то, какой прогрессъ совершила Франція при третьей республикѣ въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія. Именно, на одну эту статью казна израсходовала отъ 1878 по 1902 г. около 720 милліоновъ франковъ, не считая тѣхъ расходовъ, которые были сдѣланы городскими и сельскими управленіями; наприм., одинъ Парижъ въ 1871—1901 гг. истратилъ около 150 милліоновъ франковъ на свои элементарныя школы. Что касается общаго числа всѣхъ начальныхъ школъ, учащихся и учителей, то отъ 1876—77 до 1902—03 гг. первое число увеличилось на 12 тысячъ (причемъ не принимается въ расчетъ, что за этотъ періодъ времени около десятка тысячъ школъ конгреганистскихъ замѣнилось государственными), число учащихся увеличилось на 835 т., число учащихъ—на 43 т. Особенно же важно то, что и въ качественномъ отношеніи школьное дѣло во Франціи сдѣлало громадные успѣхи.

Въ 1881 г. Жюля Ферри въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ смѣнилъ, наконецъ, Гамбетта. Его министерство было очень непродолжительнымъ, но политика самого Гамбетты въ эпоху торжества республики, которому онъ такъ много содѣйствовалъ, заслужи-

---

[1]) Реформа низшей школы была завершена въ 1886 г. удаленіемъ изъ общественныхъ школъ учителей и учительницъ изъ конгрегацій.

ваетъ величайшаго вниманія, и излагая ее, намъ придется нѣсколько вернуться назадъ.

Вспомнимъ прежде всего то, что говорилось въ началѣ настоящей главы [1]) о выступленіи во Франціи на поприще политической жизни новыхъ общественныхъ слоевъ. Указанное тамъ соотношеніе соціальныхъ силъ, конечно, не могло не быть учтено такимъ политическимъ дѣятелемъ, какъ Гамбетта. Единственнымъ средствомъ упрочить во Франціи республику онъ, какъ мы уже видѣли въ другомъ мѣстѣ [2]), находилъ внесеніе въ политику республиканской партіи большей умѣренности требованій, которая должна была расположить въ пользу республики наиболѣе вліятельный въ соціальномъ отношеніи классъ французскаго общества—буржуазію. Гамбетта очень боялся, что борьба классовъ, какъ это уже случалось раньше, убьетъ республику, и потому ревностно пропагандировалъ идею общественной солидарности всѣхъ республиканскихъ (или могущихъ быть таковыми) элементовъ націи. Отсюда же и его „оппортунизмъ".

Необходимость единенія классовъ Гамбетта проповѣдовалъ еще во время своей поѣздки по странѣ лѣтомъ и осенью 1872 г. съ цѣлью республиканской пропаганды. „Нужно, говорилъ онъ, возвратиться къ плодотворной мысли 1789 г., возстановить связь, разрушенную злодѣйскими руками, сблизить буржуа съ рабочимъ, рабочаго съ крестьяниномъ". Въ то же время въ своей знаменитой гренобльской рѣчи [3]) онъ возвѣстилъ появленіе на политическомъ поприщѣ „новыхъ общественныхъ слоевъ, которымъ принадлежитъ будущее", т.-е. трудового населенія городовъ и деревень. Эта ссылка на „новые общественные слои" была принята консерваторами за демагогическое возбужденіе народной массы противъ „правящихъ классовъ" (classes dirigeantes), и вотъ Гамбетта въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей слѣдующаго года, прямо къ тому вызванный, уже нашелъ нужнымъ „ограничить (limiter) мысль, высказанную въ Греноблѣ", въ виду того, что нѣкоторые хотѣли превратить выра-

---

[1]) См. выше, стр. 135 и слѣд.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 219.

[3]) 26 сент. 1872 г.; ее можно найти въ „Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta", на стр. 107 и слѣд. Вотъ одно мѣсто: „N'a-t-on pas vu les travailleurs des villes et des campagnes, ce monde du travail à qui appartient l'avenir, faire son entrée dans les affaires politiques? Oui! je pressens, je sens, j'annonce la venue et la présence, dans la politique, d'une couche sociale nouvelle qui est aux affaires depuis tantôt dix-huit mois, et qui est loin, à coup sûr, d'être inférieure à ses devancières", стр. 115. Нужно обратить вниманіе на то, что Гамбетта говоритъ здѣсь не о наемныхъ только рабочихъ (ouvriers), какъ готовы были нѣкоторые толковать это мѣсто, но вообще о трудящихся (travailleurs).

женіе „nouvelles couches sociales“ въ „знамя безпорядка“. „Народъ, сказалъ онъ, самъ сталъ заниматься своими дѣлами, и именно это явленіе я привѣтствовалъ въ Греноблѣ подъ именемъ новыхъ общественныхъ слоевъ, этого плода всеобщаго голосованія“, только и всего, такъ какъ никогда онъ, Гамбетта, не былъ „сторонникомъ уравнительныхъ (niveleuses) теорій и человѣкомъ безпорядка“. Къ вопросу о новыхъ общественныхъ слояхъ и объ единеніи классовъ Гамбетта нерѣдко возвращался и впослѣдствіи. Напр., въ посланіи къ ліонской демократіи, написанномъ осенью 1875 г., онъ прямо настаивалъ на необходимости примиренія этихъ новыхъ слоевъ съ „избранною частью (l'élite) стараго общества“, на „тѣсномъ союзѣ пролетаріата и буржуазіи“ [1]).

Особенно развивалъ Гамбетта эту мысль въ эпоху кризиса, пережившагося республикой въ 1876—77 г. Въ знаменитой лилльской рѣчи 15 августа 1877 г. онъ уже готовъ былъ привѣтствовать, какъ совершившійся фактъ, „сліяніе (la fusion) между буржуазіей и рабочими, между капиталомъ и трудомъ, оплодотворяющими другъ друга“. Гамбетта указывалъ въ этой рѣчи на множество крупныхъ промышленниковъ, банкировъ, землевладѣльцевъ и т. п., перешедшихъ на сторону республики, которая, такимъ образомъ, предъ лицомъ Франціи и всей Европы „была скрѣплена печатью союза буржуазіи и пролетаріата“. „Сліяніе классовъ подъ знаменемъ республики“ онъ признавалъ равносильнымъ отверженію цезаризма, этого „деспотизма, опиравшагося на антагонизмъ двухъ классовъ общества“ [2]). Понятно, что при такомъ взглядѣ на политическую задачу республики, являвшуюся, пожалуй, въ то же время, по его мнѣнію, и необходимѣйшимъ условіемъ ея существованія, Гамбетта долженъ былъ во многихъ отношеніяхъ отступить отъ своей прежней, болѣе радикальной программы и даже возвести на степень политическаго принципа требованіе извѣстнаго приспособленія къ условіямъ окружающей среды. „Я знаю, господа, говорилъ Гамбетта въ своей парламентской рѣчи объ амнистіи 21 іюня 1880 г., что есть двѣ политики, которыя всегда были и всегда будутъ, потому что таково ужъ движеніе человѣческаго духа: однихъ оно увлекаетъ къ новизнѣ, къ устремленію впередъ, ко все болѣе и болѣе смѣлому завоеванію прогресса и реформъ, тогда какъ другихъ оно задерживаетъ, тѣхъ, которые по своему темпераменту,

---

[1]) „Dans cette France unifiée, il nous sera, peut-être, donné de voir tomber les haines et les préjugés de classe à classe... Les nouvelles couches sosiales... réconcilées avec l'élite de la vieille société, nous pourrons enfin achever, par l'alliance intime et chaque jour plus féconde du prolétariat et de la bourgeoisie, l'immense évolution commencée en 1789“. *Hanotaux,* III, 429.

[2]) Discours et plaidoyers, стр. 254.

по хорошему качеству своего ума,—ибо это часто хорошее качество: бо̀льшая послѣдовательность въ сопротивляющихся умахъ, — напротивъ, стоятъ за неподвижность (stationnement), за долго совершающійся расчетъ, прежде нежели принять рѣшеніе. Я люблю оба эти направленія ума... Быть можетъ, сказалъ Гамбетта дальше, вы меня обвините въ оппортунизмѣ. Я знаю, что это слово ненавистно, но я беру смѣлость утверждать, что въ этомъ варваризмѣ [1]) скрывается истинная политика, что принимать рѣшенія можно, только вдохновляясь великодушіемъ однихъ и духомъ изслѣдованія другихъ. И вотъ, когда передо мною великія трудности, я говорю послѣднимъ: вы стойте за осуществленіе мѣры, которая, быть можетъ, была бы осуществлена, если бы она была соединена въ сдѣланныхъ по ея поводу заявленіяхъ съ бо̀льшимъ чувствомъ мѣры, съ бо̀льшимъ благоразуміемъ. А тѣмъ, первымъ, я говорю: настала минута рѣшиться; не видите ли вы между собою и тѣми, которые вовсе не анархисты по профессіи, а только чистые демагоги, только виновники безпорядка,—не видите ли вы между ними и нами цѣлую, сплоченную армію хорошихъ людей, честныхъ и искреннихъ избирателей, которые въ своемъ смущеніи и заблужденіи готовы видѣть въ амнистіи возвращеніе къ самымъ отвратительнымъ ученіямъ? Не чувствуете ли вы, что необходимо пойти къ нимъ, успокоить ихъ, сказать имъ: республика, это—самый сильный какой только извѣстенъ, образъ правленія противъ демагогіи" [2]). Въ другой своей рѣчи, именно въ рѣчи избирателямъ 20 округа въ августѣ 1881 г., Гамбетта тоже говорилъ, что изученіе прошлаго какъ самой Франціи вообще, такъ и республиканской партіи объяснило ему, почему была такъ полна неудачъ исторія „столь достойнаго удивленія дѣла республиканской демократіи". Именно, по его мнѣнію, здѣсь виновна была привычка республиканской партіи „приносить слишкомъ большія жертвы духу химеры, авантюры и насилій", въ то время, какъ, съ другой стороны, „правящіе классы, вся остальная Франція, поддавались самому низкому, наихудшему изъ общественныхъ чувствъ—чувству страха, ужасающе французскому злу въ политикѣ, самому плохому совѣтчику націи... Вотъ это, продолжалъ

[1]) Гамбетта не разъ называлъ терминъ „оппортунизмъ" „un nom mal fait, un véritable barbarisme", „une épithète malsonnante et même inintelligible", какъ это сказано, напр., въ одной предвыборной рѣчи (12 авг. 1881 г.), гдѣ онъ еще прибавляетъ: „pour une chose mal conçue, il fallait un vocable malconçu", тогда какъ, въ сущности, онъ не хотѣлъ-де знать никакой другой политики, кромѣ политики разума и успѣха, „politique avisée, ne laissant jamais passer l'heure propice, les circonstances favorables, mais ne sacrifiant rien ni au hasard, ni à l'ésprit absolu, ni a l'ésprit de violence". Discours et plaidoyers, стр. 353.

[2]) Discours et plaidayers, стр. 316—317.

Гамбетта и внушило мнѣ мысль порвать съ такимъ прошлымъ и сказать себѣ [1]): ты посвятишь свою жизнь борьбѣ съ духомъ насилія, который столько разъ приводилъ демократію на ложные пути, разрушенію въ ней культа абсолютнаго, направленію ея къ изученію фактовъ, конкретныхъ реальностей, пріученію ея къ тому, чтобы считаться съ традиціями, нравами, предразсудками,—ибо предразсудки—сила, ихъ не сломаешь: ихъ нужно разсѣивать убѣжденіемъ и разумомъ. Ты будешь учить свою партію отказу отъ духа насилія, отвращенію къ нему. Ты будешь стараться вырвать жало страха, толкающаго на реакціонныя мѣры. Ты явишься. ...какъ бы примирителемъ между интересами однихъ и другихъ, и если бы тебѣ удалось осуществить этотъ союзъ между народомъ и буржуазіей, ты далъ бы республиканскому порядку непоколебимую основу" [2]). Въ другую сторону, къ рабочимъ, онъ также обращался съ совѣтомъ не требовать слишкомъ многаго, отъ многаго даже прямо отказаться, идти на жертвы, и критики не безъ основанія указывали на то, что почему-то уступчивость рекомендовалась Гамбеттою только одной сторонѣ, рабочимъ.

Гамбетта уже давно пришелъ къ тому убѣжденію, что, находясь во власти, онъ могъ бы сдѣлать гораздо больше, чѣмъ пребывая вѣчно въ оппозиціи, но когда власть перешла къ республиканцамъ, президентомъ республики сдѣлался человѣкъ, который вовсе не былъ расположенъ поручить ему составленіе министерства.

Греви, въ 1848 г. совѣтовавшій не создавать должности президента республики, сдѣлавшись черезъ тридцать одинъ годъ самъ президентомъ, велъ себя въ полномъ согласіи съ этою своею старою мыслью [3]). Въ сравненіи съ Гамбеттою это была полная противоположность [4]). Въ первомъ же засѣданіи совѣта министровъ новый президентъ спокойно слушалъ горячій обмѣнъ мыслей присутствующихъ и по окончаніи его столь же спокойно сказалъ: „знаете ли, господа, что я сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ?" Всѣ насторожились,

---

[1]) Дальнѣйшія слова онъ называетъ клятвою, которую онъ себѣ самому далъ.

[2]) Discours et plaidoyers, стр. 357.

[3]) Toute sa vie tend à attenuer, en politique, la personnalité, à l'effacer, à la noyer dans un groupe, un parti, une classe. *Hanotaux*, IV, стр. 434.

[4]) Deux natures contraires, говоритъ *Hanotaux*, l'action et l'abstention, le don de soi et l'économie de soi. IV, стр. 437. Историкъ называетъ избраніе такого человѣка прямо ошибкой. *Seignobos* (въ „Histoire générale" *Лависса и Рамбо*, т. XII, стр. 28) бездѣятельности Греви придаетъ другой оттѣнокъ: „devenu président, il s'abstint de toute intervention personnelle dans les affaires, et parvint à créer une tradition de neutralité stricte qui a enlevé à la présidence tout caractère monarchique".

затаили дыханіе — и услышали: „ну, я ничего не сталъ бы дѣлать“ (eh bien! je ne ferais rien). Сама кандидатура Греви была задолго подготовлена, чтобы устранить слишкомъ властнаго Гамбетту. Оба они не любили другъ друга и больше Греви—Гамбетту, чѣмъ Гамбетта, вообще отличавшійся добродушіемъ,—Греви. Послѣдній даже отрицалъ ораторскій талантъ Гамбетты. „Развѣ,—сказалъ онъ по поводу одной его рѣчи, это по-французски? Это—по-лошадиному“ (Ça du français? C'est du cheval). Та популярность, которою пользовался Гамбетта, принималась Греви, чуть не какъ личная обида. Когда они вмѣстѣ посѣтили Шербургъ (путешествіе было „политическимъ“), на обѣдѣ, данномъ имъ мѣстными республиканцами, Гамбеттѣ устроили овацію, какой не удостоили президента. Послѣ обѣда Греви пошелъ пѣшкомъ, и прохожіе ему почтительно кланялись, а за Гамбеттой, поѣхавшимъ въ ландо, бѣжала восторженная толпа. Когда экипажъ догналъ президента, Гамбетта велѣлъ остановиться и, не вставъ съ своего мѣста и не вышедши изъ ландо, предложилъ Греви ѣхать дальше вмѣстѣ, но тотъ холодно поблагодарилъ и пошелъ дальше.—Во время этой сцены Гамбетта былъ президентомъ палаты. Уже тотчасъ послѣ избранія Греви въ президенты республики бывшій тогда министромъ Дюфоръ, подавая въ отставку, указалъ новому главѣ государства на Гамбетту, какъ на наиболѣе подходящаго своего преемника, но Греви нашелъ, что „еще не время“ и посовѣтовалъ Гамбеттѣ поставить свою кандидатуру на предсѣдательство въ палатѣ.

Бывшій турскій диктаторъ согласился на эту комбинацію. И во Франціи, и за границей на него смотрѣли, какъ на самую крупную фигуру въ республикѣ. Принцъ Уэльскій, будущій Эдуардъ VII, съ нимъ завтракалъ, черезъ посредниковъ не прерывались у него сношенія съ Бисмаркомъ. Незадолго передъ тѣмъ избранный на папскій престолъ Левъ XIII нашелъ нужнымъ написать Гамбеттѣ письмо объ условіяхъ, на какихъ папство могло бы стать на сторону республики. Мало того, Гамбетта вступилъ въ секретные переговоры съ папою при посредствѣ г-жи Леони Леонъ, переписка его съ которою была опубликована лишь недавно [1]). Наоборотъ, радикальная печать стала теперь нападать на Гамбетту все рѣзче и рѣзче [2]). Въ палатѣ тоже его престижъ пошатнулся, и на слѣдующихъ выборахъ въ президенты онъ уже получилъ меньшее количество голосовъ. Зато росла его популярность въ арміи.

Когда осенью 1880 г. пало министерство Фрейсине, несмотря на всѣ настоянія передъ Греви, чтобы онъ поручилъ составленіе но-

---

[1]) См. ниже, на стр. 154, примѣч.

[2]) Главными врагами его были Клемансо, Гобле и Бриссонъ.

ваго министерства Гамбеттѣ, тотъ упорно отказывался это сдѣлать, заявивъ, что оставляетъ его про запасъ [1]). Министерство получилъ тогда старый пріятель Гамбетты Жюль Ферри, но прежней дружбы въ это время между ними уже не было. На министерство Ферри сыпались тѣмъ не менѣе обвиненія въ томъ, что оно только рабски исполняетъ волю „сокровеннаго правительства“ (le gouvernement occulte). Съ самаго начала 1881 г. о Гамбеттѣ, какъ необходимомъ или, наоборотъ, невозможномъ министрѣ, только и говорили, писали статьи, брошюры. Такъ, газета „Фигаро“ въ количествѣ 100 т. экземпляровъ выпустила памфлетъ подъ заглавіемъ „Гамбетта, это—война!“ Въ палатѣ даже сдѣланъ былъ запросъ о „сокровенномъ правительствѣ“. О министерствѣ Гамбетты говорили много и за границами Франціи, и Бисмаркъ, наприм., находилъ, что „Гамбетта во главѣ Франціи подѣйствовалъ бы на нервы Европы, какъ человѣкъ, бьющій въ барабанъ въ комнатѣ больного“. Самъ Гамбетта все это время спокойно выжидалъ, что его часъ наступитъ, и лично хлопоталъ лишь о томъ, чтобы замѣнить практиковавшуюся систему выборовъ по округамъ системою выборовъ по общему списку для цѣлаго департамента (scrutin de liste), которая, по его мнѣнію, дала бы болѣе вѣса избранникамъ народа: при новомъ порядкѣ онъ самъ могъ бы выставить свою кандидатуру въ нѣсколькихъ департаментахъ, какъ это сдѣлалъ Тьеръ при выборахъ 1871 г. Наконецъ, палата приняла его проектъ, но сенатъ его отвергъ (май 1881 г.). Греви тоже высказывался противъ, находя, что „scrutin de liste не что иное, какъ тріумфальная колесница (voiture de sacre) для государей и полководцевъ“.

Послѣ выборовъ 1881 г., давшихъ громадное большинство республиканцамъ [2]), Гамбетта отклонилъ отъ себя избраніе въ президенты палаты, какъ бы давая этимъ понять, что онъ хочетъ быть свободнымъ для образованія министерства, о чемъ онъ уже самъ велъ теперь бесѣду съ Греви. 10 октября произошелъ одинъ изъ обычныхъ министерскихъ

---

[1]) „Je garde M. Gambetta comme réserve“.

[2]) Въ недавно вышедшемъ трудѣ *Henry Leyret* о Вальдекѣ-Руссо (1908) мы читаемъ слѣдующее объ отношеніи Греви къ Гамбеттѣ: „Jules Grévy, rusé, madré, sorte de Louis-Philippe rural, jaloux de Gambetta“ était „animé contre lui d'une basse haine de robin, le sapant en termite depuis son entrée à l'Elysée“, стр. 183. „C'est alors (т.-е. когда пошатнулась популярность Гамбетты) que l'astucieux Grevy jugea le moment venu pour ses desseins d'appeler Gambetta aux affaires. Il s'en était bien gardé tant que le tribun jouissait dans le pays d'une prédominance indiscutable. Maintenant qu'à l'ombre des radicaux et des intransigeants il avait, scurnois comme une taupe, ébranlé la puissance morale du grand citoyen, il éstima qu'il ne restait plus qu'à lui passer le lacet. „Ce sera le ministère de la déception nationale“, sifflait-il méchamment à l'oreille de ses intimes“ и т. д., стр. 184.

кризисовъ, Жюль Ферри подалъ въ отставку, и составленіе новаго министерства было поручено Гамбеттѣ. Въ публикѣ заговорили объ образованіи „великаго министерства“ [1]). Ожидали именно, что въ это министерство войдутъ самые крупные представители республиканской партіи, и Гамбетта, дѣйствительно, дѣлалъ попытку ихъ привлечь, но ни Фрейсине, ни Жюль Ферри, ни Леонъ Сэй, ни Бриссонъ не захотѣли вступить въ новый кабинетъ. Дѣло его образованія затянулось на нѣсколько дней, и въ своей неудачѣ Гамбетта усматривалъ враждебное ему вліяніе Елисейскаго дворца. Въ концѣ концовъ пришлось пригласить одних единомышленниковъ, такъ что публика сразу окрестила новое министерство именами „кабинета приказчиковъ“ и „кабинета диктатуры“ [2]). Въ деклараціи новаго министерства, прочитанной въ палатѣ и въ сенатѣ 15 ноября 1881 г., обѣщались „политика постепенно, но рѣшительно реформаторская, мудро ограниченный пересмотръ конституціи, уменьшеніе военнаго бремени налоговъ, отягощавшихъ сельское хозяйство, торговые договоры, строгое исполненіе конкордата“ и т. п. И ограниченіе пересмотра конституціи, и сохраненіе въ силѣ конкордата далеко не соотвѣтствовали старой радикальной программѣ самого Гамбетты. Министерскую декларацію встрѣтилъ холодный пріемъ какъ со стороны законодательныхъ палатъ, такъ и со стороны общественнаго мнѣнія. Въ палатѣ депутатовъ у Гамбетты не было прочнаго, вполнѣ съ нимъ солидарнаго большинства, а между тѣмъ самъ онъ и нѣкоторые его товарищи стали вести

---

[1]) „L'une des manoeuvres de ses (Гамбетты) adversaires était d'annoncer à la France que son ministère serait le *grand ministère*, c'est-à-dire l'assemblage des illustrations de parti républicain. Ils avaient si bien préparé l'opinion publique à cette idée singulière (?),.. que Gambetta eut la bonhomie d'essayer de la satisfaire“ и т. д. *Henry Leyret*, стр. 184. Время происхожденія названія „великое министерство“ и смыслъ этого названія опредѣляются не вполнѣ одинаково, и одинъ и тотъ же авторъ (*Seignobos* въ „Histoire générale“ *Лависса* и *Рамбо*, XII, 31) толкуетъ его надвое: „on l'appelait d'avance „le grand ministère“ (въ серьезъ), а нѣсколько ниже: „comme on l'appela par dérision“. О министерствѣ Гамбетты есть спеціальное сочиненіе: *Joseph Reinach*. Le ministère Gambetta, histoire et doctrine (1884). Авторъ этой работы, написавшій еще общій трудъ о Гамбеттѣ, во время его министерства былъ такъ называемымъ „chef du cabinet“.

[2]) Гамбетта взялъ на себя иностранныя дѣла, а изъ болѣе извѣстныхъ лицъ въ министерство вошли Вальдекъ-Руссо (вн. дѣла), Поль Беръ (нар. просв. и культы), Рувье (колоніи и торговля), въ качествѣ же sous-secrétaire d'état въ немъ былъ Феликсъ Форъ, будущій президентъ республики. О Вальдекѣ-Руссо см. *J. Ernest-Charles*. Waldeck-Rousseau (1902). — *Henry Leyret*. Waldeck-Rousseau et la troisième république (см. объ этой книгѣ выше, стр. 130) — *Michel Salomon* (въ „Etudes et portraits littéraires“, 1896).—*G. Deschamps* (въ Rev. polit. et parl., 1904).—*Н. Е. Кудринъ*. Статья въ „Галлереѣ современныхъ французскихъ знаменитостей“.

себя такъ властно, какъ будто за спиною ихъ стояло внушительное и тѣсно сплоченное большинство. Нѣкоторыя новыя назначенія (наприм., генераловъ Шанзи, Галлиффе, Канробера и др. въ высшій военный совѣтъ) вызывали раздраженіе среди депутатовъ и журналистовъ: назначать, восклицали одни, на высокія должности людей, которые разстрѣляли бы самого Гамбетту, встрѣться онъ съ ними на углу какой-либо улицы послѣ коммуны! [1]) Или, говорили другіе, отчего бы не взять въ такомъ случаѣ Базена?“ [2]) Между тѣмъ министерство выработало цѣлый рядъ законопроектовъ, и въ январѣ 1882 г. Гамбетта внесъ въ палату законопроектъ о частичномъ пересмотрѣ конституціонныхъ законовъ, касающихся главнымъ образомъ сената. Коммиссія, въ которую поступилъ этотъ законопроектъ, предложила, однако, палатѣ неограниченный пересмотръ, отвергавшійся Гамбеттою, и палата большинствомъ 268 голосовъ противъ 218 приняла это предложеніе, послѣ чего министерство подало въ отставку, просуществовавъ всего два съ половиною мѣсяца. Ровно черезъ годъ послѣ этого, за нѣсколько минутъ до наступленія новаго, 1883 г. Гамбетта скончался среди обстоятельствъ, которыя тогда породили много толковъ [3]).

Остановимся также нѣсколько на внѣшней политикѣ Гамбетты.

Мы уже видѣли въ другомъ мѣстѣ [4]), что Гамбетта одно время искалъ свиданія съ Бисмаркомъ („le Monstre“, какъ онъ называлъ

---

[1]) Галлиффе особенно прославился жестокимъ обращеніемъ съ коммунарами.

[2]) Базенъ судился за измѣну. Т. VI, ч. 1, стр. 99, прим.

[3]) Въ 1907 г. вышла въ свѣтъ очень небольшого формата книжка, озаглавленная: „*Francis Laur*. Le coeur de Gambetta“, содержащая въ себѣ совершенно, къ сожалѣнію, фельетонно разсказанную исторію романа Гамбетты и нѣкоей Léonie Léon, переписка съ которою Гамбетты за 1873—82 гг. составляетъ часть этой книги. Трибунъ всячески оберегалъ свою тайну, несмотря на то, что любовь продолжалась нѣсколько лѣтъ. Интересно то, что Леони Леонъ имѣла на него большое вліяніе, притомъ вліяніе сдерживающее, особенно въ церковномъ вопросѣ. Между прочимъ, она играла роль секретной посредницы между нимъ и папою Львомъ XIII (*Fr. Laur*, стр. 260 и слѣд.). Только въ самомъ концѣ она согласилась стать женою Гамбетты, но какъ-разъ въ это время несчастный случай пресѣкъ дни трибуна, чему въ книгѣ посвящена отдѣльная главка („La vérité sur l'accident de Gambetta“, стр. 327—358). Гамбетта ранилъ себя въ правую руку вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ револьверомъ, изъ котораго онъ собирался пострѣлять, но легенда заставила стрѣлять въ Гамбетту его ревнивую любовницу, благо—въ моментъ выстрѣла въ домѣ была какая-то таинственная дама. Въ сущности, однако, умеръ Гамбетта не отъ своей раны, а отъ перитифлита.

[4]) См. выше, стр. 11. См. интересныя подробности въ IV томѣ труда *Hanotaux*, стр. 254—256, 258, 262—263, 465. Въ 1881 г. ходилъ слухъ, что Гамбетта съѣздилъ-таки въ Фридрихсруэ. Тамъ же, стр. 708.

его въ интимныхъ бесѣдахъ и перепискѣ),—который, однако, находилъ, что глава республиканской партіи во Франціи долженъ „поберечь такой капиталъ“, какимъ былъ вообще его авторитетъ среди французскихъ партій. Есть одно извѣстіе, указывающее на то, что въ концѣ концовъ Гамбетта самъ не рѣшился на этотъ шагъ, убѣдившись изъ одного разговора, что ѣхать въ Германію ему, дѣйствительно, не слѣдуетъ. Этотъ эпизодъ относится къ 1878 г., когда Россія была обезсилена войною съ Турціей, и уже не могла бы оказать Франціи такой же помощи, какъ въ 1875 г. [1]). Сдѣлавшись министромъ, Гамбетта, впрочемъ, подготовлялъ почву для сближенія съ Россіей, правительство которой передъ тѣмъ имѣло основаніе быть очень недовольнымъ поведеніемъ Франціи по случаю невыдачи ею одного важнаго политическаго преступника [2]). Бисмаркъ не замедлилъ воспользоваться этимъ инцидентомъ, чтобы противопоставить коварной Франціи лойяльную Германію, и рептильная пресса громко объ этомъ заговорила, обрушившись на французское правительство. Сдѣлавшись главою министерства, Гамбетта далъ понять, кому слѣдуетъ, что лично онъ будетъ дѣлать все, о чемъ его будутъ просить, въ смыслѣ репрессивныхъ мѣръ противъ иностранныхъ революціонеровъ, находящихся во Франціи. Теперь, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ уже довольно опредѣленно начиналъ высказываться о желательности союза съ Россіей. Франціи, говорилъ онъ, нужно быть чрезвычайно осторожною до тѣхъ поръ, пока она не имѣетъ очень сильной арміи: о реваншѣ нужно постоянно думать, но не слѣдуетъ о немъ говорить. Когда у Франціи будетъ сильная армія, у нея, конечно, явятся и союзники, и можно будетъ начать войну противъ Германіи въ союзѣ съ Россіей. По словамъ Гамбетты, онъ велъ объ этомъ бесѣды съ генераломъ Скобелевымъ, котораго „любилъ и уважалъ“ [3]). Вотъ по-

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 121.

[2]) Въ 1879 г. подъ Москвой совершено было покушеніе на взрывъ царскаго поѣзда. Главный участникъ этого покушенія, Гартманъ, бѣжалъ въ Парижъ, гдѣ, однако, былъ арестованъ префектомъ полиціи Андріё по просьбѣ русскаго посла, кн. Орлова. Изъ Петербурга послѣдовало требованіе о выдачѣ Гартмана, но во Франціи началась сильная агитація противъ выдачи, нашедшая поддержку, между прочимъ, въ такомъ человѣкѣ, какъ Викторъ Гюго. Подъ давленіемъ этого общественнаго движенія правительство въ выдачѣ Гартмана отказало, мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что не нашло достаточными доказательства тожества личности обвиняемаго и его участія въ приписывавшихся ему дѣяніяхъ. Гартманъ былъ выпущенъ, радикальная пресса торжествовала, а Викторъ Гюго даже послалъ Греви привѣтственную телеграмму, которая была опубликована. Самъ Гартманъ, впрочемъ, былъ высланъ изъ Парижа въ Лондонъ.

[3]) О поѣздкѣ М. Д. Скобелева въ Парижъ и его воинственныхъ рѣчахъ см. выше, стр. 18, примѣч.

чему Гамбетта и считается если не иниціаторомъ, то однимъ изъ предшественниковъ франко-русскаго союза. Гораздо, впрочемъ, серьёзнѣе и положительнѣе было его стремленіе къ соглашенію съ Англіей. Какъ-разъ въ это время начались египетскія осложненія, приведшія въ скоромъ же времени къ оккупаціи Египта Англіей [1]). Гамбетта стоялъ за самое тѣсное единеніе обѣихъ державъ въ египетскомъ вопросѣ, но въ Англіи къ намѣреніямъ французскаго правительства относились съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и съ опаскою подъ вліяніемъ лозунга: „Гамбетта, это—война". Въ самой Франціи вліятельные круги (между прочимъ, финансисты) были противъ непосредственнаго французскаго вмѣшательства въ дѣла Египта, который, какъ говорили въ этихъ кругахъ, никогда не сдѣлается центромъ французской колонизаціи. Впослѣдствіи и радикалы высказались противъ вмѣшательства. Уже послѣ своей отставки, Гамбетта, лѣтомъ 1882 г., выступалъ въ палатѣ, стараясь убѣдить ее, что Франція не должна бросать Египетъ на произволъ судьбы или, вѣрнѣе, отдавать его Англіи. Послѣ этого англійское правительство и оказалось въ состояніи наложить руку на Египетъ, вытѣснивъ изъ него французское вліяніе [2]).

Послѣ исчезновенія Гамбетты съ политической сцены начался въ республиканской партіи длительный расколъ, который, конечно, былъ только на руку консерваторамъ. Реакціонныя силы Франціи и въ восьмидесятыхъ, и въ девяностыхъ годахъ далеко не считали проиграннымъ своего дѣла. Послѣ побѣдоносной борьбы, какую Гамбетта и Жюль Ферри вели съ клерикализмомъ, французское духовенство [3]) и вѣрные католики [4]) только еще тѣснѣе сплотились для

---

[1]) См. выше, стр. 36—37.

[2]) См. выше, стр. 37.

[3]) Особенно дѣятельными вождями французскаго клерикализма были епископы Дюпанлу и Фреппель. Первый, протестовавшій сначала противъ догмата папской непогрѣшимости, но потомъ ему подчинившійся, былъ выбранъ въ 1871 г. въ національное собраніе, гдѣ занялъ мѣсто среди правой. Въ 1876 г. онъ сдѣланъ былъ сенаторомъ и принялъ дѣятельное участіе въ клерикальныхъ проискахъ, для чего основалъ газету „La Défence". Когда позитивистъ Литтре былъ выбранъ во Французскую академію (1874), Дюпанлу, уже двадцать лѣтъ состоявшій ея членомъ, отказался посѣщать ея засѣданія. Его біографіи написаны были *Hairdet* (1878) и *Lagrange*'емъ (1886). Преемникъ Дюпанлу въ палатѣ, Фреппель игралъ видную роль на ватиканскомъ соборѣ среди защитниковъ папской непогрѣшимости, будучи извѣстенъ и ранѣе того своими опроверженіями книгъ Ренана „Жизнь Іисуса" и „Апостолы". Празднованіе въ 1879 г. сотой годовщины по смерти Вольтера тоже дало Фреппелю поводъ выступить съ рѣзкими опроверженіями. О немъ есть соч. *Ricard'a*. См. также *Jean de Bonnefon*. Soutanes politiques (1893).

[4]) *P.-Th. Vibert*. La nouvelle France catholique (1909). — *Louis Teste*. Les monarchistes sous la troisième république (1891; нов. изд. 1907 г.).

общаго дѣйствія, и однимъ изъ средствъ, на которыя клерикалами возлагались особыя надежды, было пріобрѣтеніе вліянія на армію. Въ послѣдней и безъ того уже была довольно значительная клерикальная закваска. Высшіе военные чины достигли своего положенія еще при второй имперіи, и не одинъ Макъ-Магонъ былъ среди маршаловъ и генераловъ вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ католической церкви. Французское офицерство во времена третьей республики вербовалось преимущественно изъ аристократіи и той части богатой буржуазіи, которая сама, такъ сказать, лѣзла въ дворянство, приставляя къ своимъ плебейскимъ фамиліямъ аристократическое de, какъ несомнѣнный признакъ благороднаго происхожденія, сочиняя для себя фантастическіе гербы и усвоивая себѣ идеологію шуановъ и эмигрантовъ временъ великой революціи [1]). Одинъ публицистъ въ концѣ девяностыхъ годовъ указалъ въ печати на то интересное обстоятельство, что болѣе тысячи фамилій, носимыхъ офицерами французской арміи, все это—фамиліи лицъ, входившихъ въ составъ эмигрантской арміи принца Конде за сто лѣтъ передъ тѣмъ. Раньше французская аристократія не очень жаловала военную профессію, но послѣ введенія всеобщей воинской повинности старыя дворянскія семьи стали предпочитать, чтобы ихъ сыновья служили въ арміи офицерами, а не отбывали свою повинность солдатами. Аноблированная буржуазія въ этомъ отношеніи не отставала отъ аристократіи. Это, впрочемъ, было не только дѣломъ расчета, но и дѣломъ моды, образовавшейся на почвѣ необычайнаго развитія во Франціи культа арміи. Военное пораженіе, испытанное французской націей въ 1870—71, до болѣзненности развившаяся въ ней жажда реванша, оказывали въ этомъ отношеніи сильное дѣйствіе и на смѣнявшіяся одно за другимъ правительства, и на разныя политическія партіи всѣхъ палатъ, и на прессу разныхъ лагерей, и на общество, на всю націю. На уси-

---

[1]) Нѣкто, скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ *vic. A. de Royer* въ „Revue des revues" за 1898 г. помѣстилъ статьи подъ заглавіемъ „Avons nous la noblesse française?" и „Les fantômes de vieille roche", гдѣ доказывалъ, что изъ 45 т. аристократическихъ фамилій Франціи едва 450 могутъ оправдать свое благородное происхожденіе. Являясь пустою приманкою тщеславія, французская noblesse въ то же время играетъ роль убѣжища реакціи, ибо всякій буржуа, становясь „благороднымъ", тотчасъ же усваиваетъ благородное, т.-е. реакціонное міросозерцаніе. См. также только-что вышедшую въ свѣтъ книгу *J. de Bonnefon'a* „La noblesse de France et les anoblis de la république. Liste complète des familles pourvues de noble parure par le conseil d'état de 1870 à 1906 (1909). Аналогичная инфильтрація буржуазіи въ аристократію, благодаря покупкѣ бюргерами „рыцарскихъ имѣній", происходила и въ Пруссіи и съ тѣми же послѣдствіями, т.-е. съ зараженіемъ покупщиковъ сословною идеологіей. См. т. IV, стр. 202.

леніе арміи и флота никогда не жалѣли средствъ, такъ что въ общей сложности за послѣднія тридцать лѣтъ XIX в. на эти двѣ статьи было израсходовано около тридцати милліардовъ. Армія сдѣлалась и для палатъ, и для прессы какимъ-то фетишемъ, къ которому нельзя прикасаться: она должна была стоять выше всякихъ подозрѣній; критиковать порядки, которые въ ней завелись, можно было только съ величайшею осторожностью; во всякомъ случаѣ, оскорбленія арміи не могли быть допускаемы, при чемъ самое понятіе оскорбленія арміи сдѣлалось необычайно растяжимымъ [1]). Благодаря этому, французское офицерство съ высшими чинами арміи во главѣ сдѣлалось своего рода замкнутой, привилегированной кастой съ крайнимъ развитіемъ непотизма и кумовства и презрѣнія къ штатскимъ. Молодой человѣкъ, попадавшій въ эту среду, тотчасъ же заражался ея міросозерцаніемъ, но дѣло усложнялось еще тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ онъ еще до своего вступленія въ составъ офицерскаго корпуса былъ обыкновенно въ достаточной мѣрѣ проникнутъ очень опредѣленной идеологіей.

Времена, когда французская буржуазія отличалась бо̀льшимъ или меньшимъ вольномысліемъ, давно отошли въ прошлое. Послѣ второй республики она все болѣе и болѣе стала подпадать подъ вліяніе клерикализма, особенно благодаря роли духовенства въ средней школѣ. Въ общемъ кампанія, предпринятая Жюлемъ Ферри противъ іезуитовъ, на первыхъ порахъ не удалась. Они подъ новыми названіями опять пооткрывали множество школъ съ преподаваніемъ въ духѣ самаго строгаго католицизма и неуклоннаго консерватизма. „Благородныя“ семьи, дорожившія всякими вообще традиціями, съ особою охотою отдавали своихъ сыновей въ эти клерикальныя школы, что сдѣлалось даже признакомъ хорошаго тона, требованіямъ котораго охотно стала подчиняться и буржуазія. Отсюда, изъ этихъ хотя и частныхъ, но привилегированныхъ училищъ, главнымъ образомъ, и стали выходить молодые люди, которые дѣлались потомъ офицерами. Систематическая клерикализація офицерскаго корпуса не могла не дать своихъ въ высшей степени отрицательныхъ для республиканской арміи результатовъ. Если побѣда республиканцевъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ повела за собою „очистку“ (épuration) административнаго и даже судебнаго [2]) персонала, то армія въ этомъ отношеніи

---

[1]) О культѣ арміи во Франціи много характерныхъ подробностей въ „Очеркахъ современной Франціи“ *Н. Е. Кудрина.* См. стр. 399 и слѣд., 438 и слѣд., 454 и слѣд. и др.

[2]) Въ 1883 г. (во второе министерство Жюля Ферри) была, какъ временная мѣра, принята отмѣна несмѣняемости судей, что дало возможность правительству удалить изъ магистратуры наиболѣе враждебныхъ республикѣ людей.

оставалась въ какомъ-то исключительномъ положенiи, и даже завѣдомые реакцiонеры изъ высшихъ ея членовъ получали иногда очень важныя должности [1]).

Клерикально-милитарная реакцiя не переставала пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вредить республикѣ, а между тѣмъ въ республиканскомъ лагерѣ происходило дробленiе, которое вредно отражалось на общемъ ходѣ дѣлъ. Во Францiи, какъ и въ Германiи, образовалось нѣсколько партiй, но здѣсь онѣ были менѣе опредѣленны, нежели въ Германiи, что затрудняетъ дать такую характеристику французскихъ партiй, какая вполнѣ возможна для нѣмецкихъ [2]). Американскiй изслѣдователь политическихъ партiй на Западѣ Европы, Лоуэлль особенно подчеркиваетъ, говоря о современной Францiи, расплывчатость тамошнихъ партiй. „Можно сказать, говоритъ онъ, что во Францiи совершенно не существуетъ партiйной организацiи всей нацiи“,—„поразительный контрастъ, отмѣчаетъ онъ тутъ же, съ Соединенными Штатами, гдѣ механизмъ партiи оказывается иногда болѣе живучъ, чѣмъ ея принципы“ [3]). „Разнообразныя группы, говоритъ онъ далѣе, на которыя разбиваются депутаты, обыкновенно совершенно не существуютъ внѣ стѣнъ парламента... Кромѣ того, программы, составляемыя каждымъ кандидатомъ лично для себя, представляютъ собою только индивидуальныя исповѣданiя убѣжденiй и всѣ различны, такъ что не существуетъ никакой программы, которую обязывалась бы поддерживать какая-либо партiя, какъ цѣлое... Передъ послѣдними общими выборами [4]) только одни соцiалисты выпустили общую программу, выясняющую основные принципы партiи. Но особенно, прибавляетъ Лоуэлль, ярко проявляется отсутствiе партiйной организацiи послѣ начала выборной кампанiи. Тогда въ каждомъ избирательномъ округѣ борьба ведется самостоятельно; на то, что дѣлается въ остальной странѣ, обращается очень мало вниманiя, и каждый округъ представляется какъ бы самостоятельнымъ государствомъ, занятымъ борьбою, которая касается только его“ [5]). Отсюда

---

[1]) См. выше, стр. 154.

[2]) См. т. VI, ч. 1 стр. 238 и 248. — Общiй обзоръ и публицистическую оцѣнку французскихъ партiй, сдѣланную въ 1900 г., можно найти въ книгѣ *Н. Е. Кудрина* „Очерки современной Францiи“ (письмо XXI).

[3]) *А. Лоуэлль.* Правительства и политическiя партiи въ государствахъ Западной Европы (1905), стр. 71. Авторъ, конечно, имѣетъ въ виду организацiю, описанную *М. Я. Острогорскимъ* (т. VI, ч. 1, стр. 322 и слѣд.) и принятую Англiей (о чемъ см. тамъ же),—организацiю, которую *Лоуэлль* въ другомъ своемъ соч. (см. въ слѣд. главѣ) отмѣчаетъ и въ Англiи.

[4]) Книга *Лоуэлля* въ подлинникѣ помѣчена 1896 г., и рѣчь идетъ о выборахъ 1893 г.

[5]) „Французскую систему, читаемъ мы еще у *Лоуелля* (стр. 74), хвалили

отсутствіе во Франціи двухъ-трехъ большихъ партій, крайнее партійное дробленіе. „Партіи въ палатѣ депутатовъ, говоритъ тотъ же Лоуэлль, представляли собою такую путаницу разнообразныхъ взглядовъ, что нарисовать ясную картину ихъ въ высшей степени трудно“ [1]. Особенно дробленіе пошло далеко въ восьмидесятыхъ годахъ, вслѣдствіе чего не могло никогда составиться прочныхъ министерствъ, которыя опирались бы на постоянное большинство съ ясно выраженною программою.

Высчитано, что въ десять лѣтъ, протекшихъ послѣ отставки маршала Макъ-Магона во Франціи было послѣдовательно четырнадцать министерствъ, т.-е. на каждое министерство приходилось среднимъ числомъ менѣе девяти мѣсяцевъ. Къ той же средней цифрѣ мы придемъ, если примемъ въ расчетъ, что въ 23 года, послѣдовавшіе за отставкой Тьера смѣнилось 34 министерства. Очень часто кабинеты падали совершенно неожиданно вслѣдствіе принятія палатою неблагопріятныхъ порядковъ дня послѣ какой-либо интерпеляціи или во время дебатовъ и, случалось, по маловажнымъ поводамъ. За весьма рѣдкими исключеніями, которыхъ послѣ 1877 г. всего насчитывается три (министерства Бриссона въ 1885 г., Буржуа въ 1895 г. и Мелина въ 1896 г.), въ каждый новый кабинетъ всегда входила нѣкоторая часть (въ среднемъ 40%) состава министерства, вышедшаго въ отставку. Другой результатъ того же общаго явленія, это—коаліціонный въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ составъ французскихъ министерствъ, причемъ разныя комбинаціи такъ же легко распадались, какъ легко и создавались. Въ сущности, при такомъ порядкѣ вещей, разъ не было однородной господствующей партіи и однородной оппозиціи, которая могла бы занять ея мѣсто, отсутствовалъ и главный мотивъ, который могъ бы заставить наличное большинство строго держаться партійной дисциплины, а такъ какъ вдобавокъ палата была пріучена къ тому, что смѣна министерства очень часто не сопровождалась сколько-нибудь серьезными послѣдствіями, то у палаты не было и главнаго мотива дорожить наличнымъ министерствомъ. Къ этому нужно прибавить укоренившійся во французскомъ народномъ представительствѣ взглядъ на исполнительную власть, какъ на при-

---

за то, что она избавляетъ народъ отъ ига тяжеловѣснаго партійнаго механизма и даетъ ему возможность болѣе свободно выбирать своихъ кандидатовъ. Это справедливо, и это представляетъ, дѣйствительно, большое преимущество французской системы. Но, съ другой стороны, справедливо и то, что эта система препятствуетъ образованію большихъ сплоченныхъ партій, и это есть зло, отъ котораго страдаетъ парламентарное правленіе современной Франціи“.

[1]) *Лоуэллъ*, стр. 51.

роднаго врага законодательной власти, — взглядъ, ведущій свое начало еще изъ временъ первой революціи и поддерживавшійся тѣмъ, что и въ XIX в. правительства такъ часто обнаруживали тяготѣніе къ системѣ усмотрѣній и произвола, особенно опасныхъ при тѣхъ полномочіяхъ, какими пользуется вообще французская администрація [1]).

Иногда можетъ казаться, что во Франціи третья республика знаетъ только двѣ партіи—республиканцевъ и реакціонеровъ, и дѣйствительно, въ наиболѣе важные, критическіе моменты борьба шла между этими двумя временно объединявшимися лагерями. Но реакціонеровъ способна объединять, кромѣ ихъ преданности католицизму, только ненависть къ республикѣ, какъ республиканцевъ по временамъ сплачивалъ лишь страхъ за республику. Если бы первымъ удалось добиться уничтоженія республики, тотчасъ между ними начались бы раздоры, какъ каждый разъ, когда республикѣ не грозило никакой опасности, единеніе республиканцевъ уступало мѣсто дробленію на враждебныя группы. Попытки того, что стало особенно въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. называться политикой республиканской концентраціи, въ общемъ нельзя признать особенно удачными, ибо всякая коалиція партій неминуемо влекла за собою компромиссы, заставлявшія отдѣльныя группы отказываться отъ тѣхъ или другихъ пунктовъ своихъ программъ, что лишало правительство, являвшееся результатомъ фракціонныхъ соглашеній, возможности вести одну какую-либо опредѣленную линію. Только къ концу девяностыхъ годовъ, послѣ того, какъ Франція пережила не только буланжизмъ, но и дрейфусіаду, въ партійныя отношенія стала вноситься бо̀льшая опредѣленность.

Замѣчательно также, что характеромъ крайней раздробленности сталъ отличаться также и французскій соціализмъ, бывшій весьма далекимъ отъ того единства, той организованности и дисциплины, которыми отличается германская соціалъ-демократія [2]). Во всемъ

---

[1]) *Dupriez.* Les ministres dans les principaux pays d'Europe et d'Amérique (нѣкоторыя отд. части этого труда существуютъ по-русски, между прочимъ, и та, которая касается Франціи).—*Hancour.* Gouvernements et ministères de la troisième République Française.—*Muel.* Gouvernements, ministères et constitutions de la France.—*Его же.* Les crises ministèrielles en France de 1895 à 1898 (1899). Отсюда частыя указанія на то, что во Франціи парламентаризмъ функціонируетъ крайне несовершенно. *P. Laffitte.* Le suffrage universel et le régime parlementaire. Ср. статью *Н. И. Кудрина* подъ заглавіемъ „Французскій парламентаризмъ и его критики“ въ его книгѣ „Очерки современной Франціи“ и въ книгѣ *К. Тахтарева* „Отъ представительства къ народовластію“ (1907) стр. 68 и слѣд. Между прочимъ, свои доводы противъ парламентаризма французскіе реакціонеры берутъ изъ соч. Прудона „Idée générale de la révolution au XIX siècle“, написанной еще въ 1851 г.

[2]) См. выше, стр.

этомъ, быть можетъ, выразилась сдѣлавшаяся какъ бы національною чертою французовъ абстрактная теоретичность ихъ политическаго мышленія, особенно подчеркиваемая въ нихъ писателями англо-саксонской расы [1]).

Когда власть въ 1879 г. перешла къ республиканцамъ, они дѣлились, главнымъ образомъ, на лѣвый центръ, республиканскую лѣвую и республиканскій союзъ (l'inion républicaine), который, въ сущности, былъ группою Гамбетты. Въ палатѣ, вышедшей изъ выборовъ 1881 г., изъ 467 республиканцевъ къ группѣ Гамбетты принадлежало 206 человѣкъ, къ центру—40, къ лѣвой—168, да кромѣ того, образовалась крайняя лѣвая изъ 46 человѣкъ, стоявшая за проведеніе прежней радикальной программы съ требованіями прогрессивнаго подоходнаго налога, уничтоженія сената и отдѣленія церкви отъ государства. „Великое министерство“ должно было бы состоять изъ представителей двухъ наиболѣе численныхъ группъ, но мы видѣли, что оно составилось только изъ одной, что не давало ему большинства. Отставка Гамбетты была большимъ ударомъ для республиканскаго союза, но разрывъ между этимъ послѣднимъ и республиканскою лѣвою и былъ причиною непрочности всѣхъ ближайшихъ министерствъ, когда кабинетъ всегда былъ въ зависимости отъ инцидентовъ, возникавшихъ во время засѣданій [2]). Только министерство Жюля Ферри продержалось два года (1883—1885), когда снова союзъ и лѣвая были въ единеніи, образуя какъ бы единую республиканскую правительственную партію (le parti républicain de gouvernement), которую рѣшительно разошедшаяся съ этимъ республиканскимъ большинствомъ крайняя лѣвая и окрестила именемъ оппортунистской партіи, пользуясь не только терминомъ, бывшимъ еще въ ходу при Гамбеттѣ, но и однимъ заявленіемъ Ферри о необходимости только „умѣреннаго, частичнаго и своевременнаго пересмотра конституціи“ (révision... opportune). Впрочемъ,

---

[1]) Ср. слѣдующее мѣсто изъ книги *Лоуэлля* (стр. 70): „Для француза политическіе вопросы имѣютъ скорѣе абсолютное, а не относительное, или практическое значеніе, и вслѣдствіе этого онъ больше заботится о принципахъ и мнѣніяхъ, чѣмъ о фактахъ. Эта тенденція проявляется въ программахъ кандидатовъ, которыя часто представляютъ собою философскіе трактаты, а не конкретныя политическія программы, и хотя бываютъ и очень пространны, но часто даютъ сравнительно мало представленія объ отношеніи ихъ автора къ ближайшимъ вопросамъ дня“. Такую характеристику программъ авторъ дѣлаетъ на основаніи двухъ книгъ *Duguet* „Les députés et les cahiers éléctoraux en 1889“ и подъ тѣмъ же заглавіемъ для 1893 г.

[2]) Le cabinet était à la merci des incidents de séance. *Seignobos* въ „Hist. générale“, XII, 32. Какъ въ этой работѣ Сеньобоса, такъ и въ его „Политической исторіи современной Европы“ обстоятельно отмѣчаются всѣ министерскіе кризисы во Франціи.

это раздѣленіе не мѣшало крайней лѣвой, или радикальной партіи подавать нерѣдко голоса вмѣстѣ съ оппортунистами. Напр., и тѣ, и другіе шли рука объ руку при проведеніи закона о разводѣ, который, какъ извѣстно, былъ отмѣненъ во Франціи еще „незамѣнимою палатою" 1815 г. [1]). Министерству Ферри удалось добиться согласія обѣихъ палатъ на пересмотръ конституціи, заранѣе обѣщавъ сенату, что онъ будетъ только частичнымъ, и дѣйствительно, національное собраніе, т.-е. совмѣстное засѣданіе членовъ обѣихъ палатъ, которому принадлежало право пересмотра [2]), приняло въ 1884 г. 509 голосами противъ 172 только реформу выборовъ въ сенатѣ, состоявшую въ замѣнѣ 75 безсмѣнныхъ сенаторовъ, которые кооптировались самимъ сенатомъ, сенаторами, выбиравшимися обычнымъ порядкомъ, причемъ, впрочемъ, измѣнялся нѣсколько и самый этотъ порядокъ. Дѣло въ томъ, что въ коллегіи, выбиравшія сенаторовъ, каждая община раньше выбирала по одному делегату, по реформѣ же 1884 г. число делегатовъ должно было находиться въ соотвѣтствіи съ числомъ муниципальныхъ совѣтниковъ; это нѣсколько ослабляло, при выборахъ въ сенатъ, роль мелкихъ коммунъ [3]).

Въ эти годы выдвигается впередъ Клемансо [4]), заслужившій

---

[1]) См. т. IV, стр. 404.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 209.

[3]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 209. Измѣненія вообще касались §§ 2—4, 8, 14 и 22, а кромѣ того, были отмѣнены §§ 24 и 25. См. стр. 541—548 во II т. сборника *Гессена* и *Нольде*. Реформа сената и превратила его окончательно въ „верховный совѣтъ общинъ Франціи", какъ о немъ говорилъ еще Гамбетта, т. VI, ч. 1, стр. 219.

[4]) Жоржъ Клемансо былъ сынъ стараго республиканца, попавшаго въ тюрьму послѣ 2 декабря 1851 г., непримиримаго врага клерикаловъ, даже не крестившаго своего сына. Самъ Клемансо девятнадцатилѣтнимъ юношей попалъ въ тюрьму за участіе въ одной политической демостраціи (1861). Въ 1865 г. онъ получилъ степень доктора медицины за диссертацію, которая для насъ интересна своимъ позитивистическимъ характеромъ. Между прочимъ, характерное для этого момента увлеченіе позитивизмомъ (т. VI, ч. 1, стр. 157—158 и 184) сказалось на Клемансо и въ томъ, что въ 1868 г. онъ перевелъ на французскій языкъ книжку Милля о Контѣ. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ онъ прожилъ около четырехъ лѣтъ въ Америкѣ, гдѣ и женился на американкѣ. Правительство національной обороны сдѣлало его мэромъ одного изъ округовъ Парижа, а въ 1871 г. ему пришлось играть роль въ неудачной попыткѣ примиренія между коммуною и Версалемъ (т. VI, ч. 1, стр. 148). Въ 1875 г. Клемансо былъ выбранъ въ президенты парижскаго муниципальнаго совѣта, въ 1876 г. въ палату депутатовъ, въ которой выдвинулся особенно, благодаря рѣчи въ пользу амнистіи коммунарамъ. Во время кризиса 1877 г. Клемансо дѣйствовалъ заодно съ Гамбеттою и на выборахъ получилъ чуть не всѣ голоса своего избирательнаго округа (изъ почти 19 т. голосовъ не за него было подано лишь около 200), но съ 1879 г. началось его расхо-

очень скоро кличку „низвергателя министерствъ“ (le tombeur des ministères). Еще въ 1880 г. въ одной изъ своихъ рѣчей онъ довольно рѣзко критиковалъ гамбеттовскій оппортунизмъ. Защищая то, что Гамбетта называлъ утопіей и идеологіей, „стремящейся сразу измѣнить весь видъ общества при помощи какой-то волшебной палочки“, Клемансо охарактеризовалъ мудрыхъ людей, хвастающихся умѣніемъ приспособлять свои дѣйствія къ обстоятельствамъ, принимая въ расчетъ наличные факты, какъ людей, которые сами такъ хорошо приспособились и такъ подчинились фактамъ, что превосходно почувствовали себя въ данной средѣ и уже перестали желать измѣнять факты, казавшіеся имъ самимъ прежде подлежащими отмѣнѣ. Эти люди, говорилъ онъ еще, до того пропитались своими практическими стремленіями, что дали даже формальное обѣщаніе осуществить республиканскую практику при чисто монархическихъ учрежденіяхъ, сдѣлавъ себя единственными судьями своевременности (opportunité) реформъ съ цѣлью, впрочемъ, не распредѣленія ихъ въ извѣстномъ порядкѣ [1]) и ихъ проведенія, а просто-на-просто только ихъ отложенія. Въ противоположность Гамбеттѣ, говорившему, что нѣтъ соціальнаго вопроса, а есть лишь рядъ задачъ для разрѣшенія, Клемансо утверждалъ, что соціальный вопросъ существуетъ и что въ дальнѣйшемъ онъ все болѣе и болѣе будетъ служить предметомъ законодательства, но въ то же время онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ отвергалъ соціалистическія ученія, находя, что „въ ихъ пользу нѣтъ достаточныхъ аргументовъ“. Это заявленіе Клемансо очень характерно для всей радикальной партіи, вождемъ которой онъ сдѣлался. Въ данномъ отношеніи крайняя лѣвая партія была не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ того чисто-политическаго демократизма, съ которымъ въ исторіи Франціи мы знакомы еще съ тридцатыхъ годовъ XIX в. [2]). Какъ у Гамбетты и оппортунистовъ былъ свой органъ „La République Fran-

---

жденіе съ главою оппортунистовъ. Около этого же времени онъ рѣзко отграничилъ себя и слѣва. *C. Pelletan.* George Clémenceau (въ серіи „Célébrités contemporaines, 1883).—*Georg Brandes* (ст. въ „Contemporary Review“ за 1903 г.).—*Ad. Brisson* (въ сборникѣ „Portraits intimes“, 1896).—*Maxime Leroy* (въ журналѣ „La grande France“ за 1902 г.). — *В. Дерюжинскій* (въ сборникѣ „Изъ исторіи политической свободы“, 1906).—*Н. Е. Кудринъ* (въ „Галлереѣ современныхъ французскихъ знаменитостей“, 1903) и др.

[1]) Намекъ на гамбеттовское выраженіе „sérier les questions“, о чемъ т. VI, ч. 1, стр. 219.

[2]) См. т. V, гл. 14, passim. *Н. Е. Кудринъ*, авторъ только-что отмѣченной выше статьи о Клемансо, особенно останавливается на этой его сторонѣ. Въ 1880 г. Клемансо на публичное состязаніе о коллективизмѣ вызывали соціалисты, группировавшіеся вокругъ Гэда и писавшіе въ „L'Égalité“, но онъ уклонился, заявивъ, что съ него довольно согласія съ нимъ подавляющаго большинства его избирателей (стр. 131 названной статьи по изд. 1906 г.).

çaise", основанная еще въ семидесятыхъ годахъ [1]), такъ и Клемансо для пропаганды своихъ взглядовъ основалъ въ 1880 г. газету „La Justice", въ которой самъ, впрочемъ, ничего не писалъ, и въ которой участвовали нѣкоторые соціалисты (корреспонденціи изъ Германіи Либкнехта, писавшаго подъ псевдонимомъ Outis'а, статьи русской соціалистки Жандръ-Никитиной). Въ 1881 г., во время избирательной компаніи руководимая Клемансо группа парижскихъ избирателей выработала и программу, которую онъ принялъ. Въ ней мы находимъ уничтоженіе сената и должности президента республики, административную децентрализацію съ коммунальной автономіей [2]), отдѣленіе церкви отъ государства, свѣтское, даровое и обязательное обученіе, сокращеніе срока отбыванія воинской повинности съ постепенною замѣною постоянной арміи народнымъ ополченіемъ (милиціей), пересмотръ концессій относительно рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ [3]) и т. п., отмѣну налоговъ на потребленіе и городскихъ octrois, введеніе прогрессивнаго налога, ограниченіе рабочаго дня, установленіе отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими посредствомъ страхованія, устройство пенсіонныхъ кассъ для инвалидовъ труда, организацію трудового кредита, легализацію рабочихъ синдикатовъ съ сообщеніемъ имъ правъ юридической личности и т. п. Какъ мы видимъ, многое въ этой программѣ входитъ въ понятіе соціальной политики [4]), а кромѣ того, нужно прибавить, что значительная часть этихъ программныхъ пунктовъ впослѣдствіи была осуществлена, хотя имъ иногда и пришлось этого ждать только отъ XX в. Не будучи соціалистомъ, Клемансо въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ тѣмъ не менѣе рѣзко порицалъ экономическую политику оппортунистической буржуазіи, которая понимаетъ свободу лишь въ смыслѣ возможности для сильныхъ угнетать слабыхъ. Въ эти годы Клемансо былъ кумиромъ мелкой буржуазіи и той части рабочихъ, которая, уже будучи затронута политикой, не раздѣляла ни одного изъ соціалистическихъ ученій. Впослѣдствіи многіе изъ его приверженцевъ стали въ ряды соціалистовъ, какъ другіе пошли подъ знамя націонализма. Рѣзкое отношеніе Клемансо къ экономической политикѣ буржуазіи

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 200.

[2]) Кстати отмѣтимъ, что во французской демократіи въ восьмидесятыхъ годахъ началась агитація о введеніи референдума въ мѣстномъ самоуправленіи, но успѣха не имѣла вслѣдствіе, между прочимъ, сопротивленія въ палатѣ. *R. de la Sizeraine*. Le Referendum communal (1893).—*К. Тахтаревъ*. Отъ представительства къ народовластію (1907), стр. 93—95. Вообще о самоуправленіи во Франціи см. *З. Аваловъ*. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи (1905).

[3]) Значеніе этого требованія разъясняется нѣсколькими страницами далѣе.

[4]) Составители программы даже назвали ее соціалистическою.

заставило его особенно энергично выступить и противъ колоніальныхъ предпріятій, главнымъ вдохновителемъ которыхъ былъ Жюль Ферри. Свою полемику противъ колоніальной политики онъ началъ еще въ 1881 г., когда захватывался Франціей Тунисъ [1]). Въ слѣдующемъ году онъ протестовалъ противъ идеи подчиненія Франціи Египта [2]). Когда началась французская акція въ Тонкинѣ [3]), со стороны Клемансо противъ нея тоже была начата кампанія. Извѣстіе объ одномъ неудачномъ для французовъ оборотѣ дѣлъ въ Тонкинѣ и дало Клемансо поводъ обвинить министерство Жюля Ферри въ томъ, что оно впутало Францію въ авантюру, которой нація вовсе не хотѣла. Нападеніе Клемансо на министерство привело къ его паденію. Новое министерство (Бриссона) отчасти изъ „радикаловъ", отчасти изъ „республиканцевъ" заключило миръ съ Китаемъ и провело избраніе депутатовъ по департаментамъ (scrutin de liste), чего не удавалось сдѣлать Гамбеттѣ [4]).

Выборы 1885 г. послали въ палату почти поровну консерваторовъ, оппортунистовъ и радикаловъ. За смертью, въ 1883 г., гр. Шамбора легитимисты слились съ орлеанистами и вмѣстѣ еще съ бонапартистами составили „конституціонную оппозицію", большею частью уже открыто не нападавшую на конституцію и только добивавшуюся отмѣны прогрессивныхъ законовъ. Всѣхъ ихъ прошло на выборахъ 202 человѣка, но нѣкоторые выборы были инвалидированы, и ихъ осталось 180. Почти во всѣхъ департаментахъ было два республиканскихъ списка — оппортунистскій и радикальный, и только при баллотировкахъ, чтобы не дать перевѣса консерваторамъ, республиканцы вотировали за общіе списки, составленные изъ именъ, за которыя въ первый разъ было подано наибольшее количество голосовъ. Умѣренные получили 200 мѣстъ, радикалы — 180. Прочнаго большинства не было, и Бриссонъ, послѣ переизбранія въ президенты республики Греви, вышелъ въ отставку (въ декабрѣ 1885 г.). За этимъ слѣдовалъ рядъ полурадикальныхъ министерствъ, но это не мѣшало продолжаться колоніальной политикѣ „тонкинца". Съ другой стороны, радикальная партія не была настолько сильна, чтобы дать прочную опору своему вождю Клемансо, съ которымъ притомъ въ радикализмѣ стали соперничать попавшіе въ палату представители рабочихъ, Базли, Бойе, Ферруль, Камелина. Въ періодъ наибольшаго вліянія радикаловъ въ палатѣ, въ 1880 г., когда образовалось министерство Флоке, Клемансо не прошелъ даже въ президенты палаты. Его вліяніе во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ

---

[1]) См. выше, стр. 45.
[2]) См. выше, стр. 156.
[3]) См. выше, стр. 48.
[4]) См. выше, стр. 152.

напоминаетъ намъ вліяніе Гамбетты въ семидесятыхъ, когда онъ тоже не былъ у власти. Слѣдуетъ еще прибавить, что Клемансо не только сокрушалъ министерства, но и создавалъ министровъ. По крайней мѣрѣ, его иниціативѣ принадлежитъ возвышеніе того, чье имя во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ было однимъ изъ самыхъ громкихъ въ исторіи третьей республики, именно знаменитаго генерала Буланже.

Въ 1887 г. обнаружилось, что зять Греви, незадолго передъ тѣмъ переизбраннаго на второе семилѣтіе, Вильсонъ, участвовалъ въ торговлѣ орденами. Это дѣло не только повлекло за собою паденіе министерства, но и выходъ въ отставку самого Греви, когда онъ увидѣлъ, что при такихъ обстоятельствахъ никто не хотѣлъ составить новое министерство [1]). 2 декабря 1887 г. состоялась эта отставка, а на другой день въ президенты республики былъ избранъ Сади-Карно, внукъ знаменитаго „организатора побѣды“ [2]) временъ первой революціи. Его кандидатура была выдвинута радикалами и собрала въ національномъ собраніи 616 голосовъ изъ 827 [3]). Президентство Карно, продолжавшееся шесть съ половиною лѣтъ, представляетъ собою очень бурную эпоху въ исторіи третьей республики. Въ началѣ этого періода во Франціи произошло политическое движеніе, извѣстное подъ названіемъ буланжизма, въ концѣ — разразился такъ называемый панамскій скандалъ. И буланжизмъ, и „панама“ были очень опасны для самаго существованія республики. Къ этому же времени относится усиленіе рабочаго движенія во Франціи и появленіе въ палатѣ депутатовъ соціалистической партіи, тогда же, кромѣ того, поднялъ голову и воинствующій анархизмъ, проявившій себя цѣлымъ рядомъ покушеній. Самъ Карно лѣтомъ 1894 г. палъ жертвою итальянскаго анархиста Казеріо, нанесшаго ему во время его пребыванія въ Ліонѣ смертельную рану ударомъ кинжала.

Буланжистское движеніе получило свое названіе отъ генерала Буланже, который въ первомъ кабинетѣ послѣ переизбранія Греви

---

[1]) Приговоръ *Hanotaux* объ этой эпохѣ (IV, 765): „le principat de M. Jules Grevy est en somme une restauration médiocre du régime bourgeois“. И далѣе (IV, 773): „le système ne sut pas se garder de son plus dangereux écueil, la corruption, et M. Jules Grévy, en dépit de sa circonspection, assista à la banqueroute de cette ère néobourgeoise que son élection avait inaugurée en antagonisme avec la conception plus large de M. Gambetta“.

[2]) Т. III, стр. 605, 620, 624 и др.

[3]) Его политическая карьера началась съ 1871 г., когда онъ былъ избранъ въ національное собраніе. Въ 1878 г. онъ сдѣлался товарищемъ министра общественныхъ работъ, а въ 1880 г. и главою этого министерства; въ 1885—86 г. онъ былъ министромъ финансовъ (въ кабинетахъ Бриссона и Фрейсине).

получилъ постъ военнаго министра [1]). Своимъ возвышеніемъ онъ былъ обязанъ радикаламъ, въ особенности Клемансо, съ которымъ Буланже сблизился, надѣясь черезъ него сдѣлать свою карьеру, какъ прежде заискивалъ у одного изъ принцевъ орлеанскихъ, герцога Омальскаго, хотя потомъ, будучи военнымъ министромъ, самъ же Буланже участвовалъ въ изгнаніи ихъ изъ Франціи [2]). Очень скоро новый военный министръ пріобрѣлъ среди радикаловъ очень прочное расположеніе заявленіями „противъ офицеровъ, выставляющихъ на показъ свои враждебныя къ республикѣ чувства". Съ другой стороны, въ арміи, какъ среди солдатъ, такъ и среди офицеровъ, и въ населеніи, особенно въ парижской толпѣ, Буланже снискалъ большую популярность въ качествѣ генерала, на котораго возлагались большія надежды относительно реванша за 1870—71 г.: политическія рѣчи, произносившіяся имъ при подходящихъ случаяхъ, и предпринятыя имъ въ арміи реформы, на что въ 1887 г. палата ассигновала особый кредитъ, создали ему репутацію будущаго мстителя за ужасы и позоръ войны, за потерю двухъ провинцій, за уплату пяти милліардовъ контрибуціи. Усиленіе военной обороны на восточной границѣ и подготовка мобилизаціи армейскихъ корпусовъ, стоявшихъ въ восточныхъ департаментахъ, какъ будто указывали даже на намѣреніе, когда все будетъ готово, начать войну. Вмѣстѣ съ тѣмъ Буланже постарался удалить съ высшихъ должностей въ арміи всѣхъ, въ комъ только видѣлъ возможнаго соперника или противника. Популярный среди радикаловъ, въ арміи и

---

[1]) Буланже въ это время было 49 лѣтъ. За тридцать лѣтъ передъ тѣмъ онъ кончилъ курсъ въ Сенъ-Сирской военной школѣ съ чиномъ подпоручика, въ каковомъ принялъ участіе въ алжирскомъ походѣ. Потомъ онъ участвовалъ въ итальянской войнѣ 1859 г., въ индо-китайской экспедиціи и въ войнѣ 1870—71 г. Въ 1882 г. онъ былъ сдѣланъ начальникомъ пѣхоты; въ этой должности онъ обратилъ на себя вниманіе своими проектами военныхъ реформъ и тою популярностью, какую пріобрѣлъ среди солдатъ своею о нихъ заботливостью. Въ парижскомъ свѣтскомъ обществѣ Буланже тоже сдѣлался всеобщимъ любимцемъ, особенно среди великосвѣтскихъ дамъ. Не очень-то счастливый въ бракѣ (съ женою своею онъ рано разошелся), Буланже вызвалъ къ себѣ прочную привязанность г-жи Боннемэнъ, съумѣвшей и его такъ прочно къ себѣ привязать, что многіе важные эпизоды его біографіи объясняются его отношеніями къ этой женщинѣ (вплоть до самоубійства на ея могилѣ).— *Chincholle* (буланжистъ). Le général Boulanger, (1889). — *Verlu*. Le général Boulanger et la conspiration monarchique (1893).— *X... du „Figaro"*. Les coulisses du boulangisme revues et augmentées de plusieurs chapitres inédits avec un préface de *Mermeix* (1890).—*В. Дерюжинскій*. Буланже и буланжизмъ (въ сборн. „Изъ исторіи политич. свободы", 1906).

[2]) Орлеанскіе принцы вернулись во Францію въ 1871 г. (т. VI, ч. 1, стр. 193), а въ 1872 г. имъ были возвращены ихъ имѣнія, но въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ правительство республики стало примѣнять къ нимъ исключительныя мѣры.

въ народѣ генералъ, наоборотъ, очень не нравился оппортунистамъ, а потому когда послѣ министерства Гобле, удержавшаго Буланже на его посту, образовалось „министерство примиренія“, то глава его, Рувье, уже не пригласилъ Буланже на занимавшійся имъ передъ тѣмъ постъ, тѣмъ болѣе, что генералъ успѣлъ обнаружить слишкомъ самовластныя замашки. Назначенный лѣтомъ 1887 г. корпуснымъ командиромъ въ Клермонѣ, онъ затаилъ страшную злобу противъ оппортунистовъ, а проводы его на мѣсто назначенія послужили поводомъ для сочувственной ему демонстраціи со стороны парижской толпы. Въ то же время сторонники генерала начали цѣлую кампанію противъ министерства. Вскорѣ послѣ этого произошелъ вильсоновскій скандалъ, повлекшій за собою отставку президента республики. Радикалы, опасаясь, какъ бы на открывшуюся ваканцію не попалъ ненавистный имъ Жюль Ферри, пригласили Буланже тайно пріѣхать въ Парижъ, чтобы образовать съ нимъ новое министерство, принявъ которое, Греви могъ бы еще остаться на своемъ посту. Комбинація не удалась, но и Жюль Ферри не былъ выбранъ, новый же президентъ, Карно, вернулся къ политикѣ республиканской концентраціи. Тогда вокругъ генерала Буланже и образовалась цѣлая оппозиціонная партія.

Предыдущая эпоха раскола среди республиканцевъ и поворота части ихъ направо поселила въ массѣ народа крайнее неудовольствіе: неисполненныя обѣщанія и дурное веденіе дѣлъ заставляли ее желать общей перемѣны лицъ. Буланже очень искусно воспользовался такимъ настроеніемъ націи, въ которой, притомъ же, была очень популярна идея реванша. Имѣть хорошую армію сдѣлалось главною мечтою чуть не большинства французовъ, преобладающею чертою которыхъ и стало, пользуясь выраженіемъ самого Буланже, „обожаніе султана“. Около имени генерала начали возникать легенды. Когда между Франціей и Германіей въ 1887 г. возникли нѣкоторыя осложненія [1]), поклонники Буланже распускали слухъ, что война, которой теперь же желала Германія, не началась, только благодаря дѣятельности замѣчательнаго военнаго министра, съумѣвшаго въ короткое время поставить армію въ полную боевую готовность. Въ такъ называемую „историческую ночь“, предшествовавшую отставкѣ Греви, когда составлялся планъ новаго министерства съ участіемъ Буланже, даже заходилъ разговоръ о необходимости произвести возстаніе, лишь бы вернуть генерала къ власти, но у большинства лицъ, совѣщавшихся съ нимъ на счетъ того, что предпринять, эта идея не нашла сочувствія.

---

[1]) См. выше, стр. 14. Рѣчь идетъ объ инцидентѣ съ Шнебелемъ, который былъ улаженъ, благодаря Греви, не хотѣвшему, чтобы началась война. Большинство министровъ было тоже противъ войны, которую, наоборотъ, Буланже очень хотѣлъ бы начать по поводу этого инцидента.

Тогда „буланжисты“ придумали другой способъ возвращенія къ власти своего любимца. Именно образовался особый комитетъ, поставившій своею задачею поддерживать кандидатуру Буланже на дополнительныхъ выборахъ въ четырехъ департаментахъ [1]). Узнавъ, что для переговоровъ со своими сторонниками генералъ опять тайно пріѣзжалъ въ Парижъ, министерство смѣстило его съ занимавшейся имъ должности, но его сторонники тотчасъ же образовали „комитетъ національнаго протеста“, который принялъ программу честолюбиваго генерала, сводившуюся, въ сущности, къ тремъ пунктамъ. Первымъ требованіемъ былъ роспускъ палаты, вторымъ—пересмотръ конституціи, третьимъ—созывъ для этой цѣли учредительнаго собранія [2]). Самому Буланже впереди рисовалось нѣчто въ родѣ конституціи 1848 г. съ президентомъ, избираемымъ всеобщею подачею голосовъ и совершенно независимымъ отъ народнаго представительства: парламентарной республикѣ во Франціи долженъ былъ придти конецъ. Въ буланжистскомъ комитетѣ участвовало нѣсколько радикальныхъ депутатовъ, видѣвшихъ, впрочемъ, въ генералѣ лишь орудіе, при помощи котораго можно было бы добиться осуществленія ихъ собственныхъ цѣлей, но партія въ цѣломъ была противъ Буланже и требовала только пересмотра конституціи. Вообще у новаго претендента на власть оказалось множество самыхъ разнообразныхъ союзниковъ. Въ ихъ числѣ былъ старый противникъ второй имперіи, Рошфоръ [3]), сдѣлавшійся послѣ 1871 г. ярымъ шовинистомъ, только и думавшій о реваншѣ. Къ Буланже примкнула, далѣе, столь же шовинистическая „лига патріотовъ“ [4]), руко-

---

[1]) Не забудемъ, что въ это время дѣйствовалъ scrutin de liste (ср. выше, стр. 166).

[2]) „Dissolution, revision, constituante“.

[3]) См. о немъ т. V, стр. 669—670 и т. VI, ч. 1, стр. 151, 186, 190. За косвенное участіе въ коммунѣ Рошфоръ поплатился ссылкою въ Новую Каледонію, откуда, однако, ему удалось бѣжать, послѣ чего онъ поселился въ Женевѣ. Здѣсь онъ прожилъ до амнистіи 1880 г., занимаясь постоянными обличеніями (очень ѣдкими) умѣренныхъ республиканцевъ. Возвратившись на родину, онъ сталъ издавать, радикальную газету „L'Intransigeant“, былъ выбранъ въ депутаты (1885), а потомъ примкнулъ къ Буланже, съ которымъ даже бѣжалъ впослѣдствіи въ Бельгію и Англію. Сдѣлавшись націоналистомъ, Рошфоръ принималъ затѣмъ участіе во всѣхъ ихъ крупныхъ выступленіяхъ вплоть до антисемитизма. Свою исполненную приключеній жизнь онъ самъ разсказалъ въ „Les aventures de ma vie“ (1897 и слѣд.). О Рошфорѣ есть книги и статьи *Olivier Pain'a* (1879), *Edm. Bazire'a* (1883), *Jules Lemaître'a* (въ его „Les comtemporains, études et portraits litteraires“), *Н. Е. Кудрина* (въ „Очеркахъ современной Франціи“).

[4]) Основана была эта лига въ 1882 г. для пропаганды военнаго и патріотическаго воспитанія. Первымъ ея предсѣдателемъ былъ извѣстный историкъ Анри Мартенъ.

водимая Деруледомъ [1]). Въ буланжистской агитаціи приняло участіе и нѣсколько бланкистовъ и даже соціалистовъ. Съ другой стороны, черезъ довѣренныхъ лицъ Буланже находился въ сношеніяхъ съ главарями бонапартистовъ и орлеанистовъ. Въ 1887 г. у него даже было тайное свиданіе съ принцемъ Наполеономъ на швейцарской территоріи. Сначала монархическія газеты агитировали противъ Буланже, но затѣмъ отъ самого графа Парижскаго орлеанистская печать получила приказъ поддерживать генерала, а въ 1889 г. графъ и генералъ лично встрѣтились въ Лондонѣ. И самъ претендентъ на престолъ тоже издалъ манифестъ о необходимости пересмотра конституціи въ томъ расчетѣ, что это поведетъ къ монархической реставраціи. Наконецъ, Буланже привлекъ на свою сторону и клерикаловъ, пообѣщавъ имъ ничего не предпринимать противъ церкви. Такимъ образомъ, въ буланжистскомъ движеніи участвовали и республиканцы, и бонапартисты, и орлеанисты, участвовали люди и крайнихъ лѣвыхъ [2]), и крайнихъ правыхъ воззрѣній и стремленій, причемъ, нужно прибавить, буланжисты-республиканцы назвали себя національной или ревизіонистской партіей [3]).

---

[1]) Поль Деруледъ сдѣлался впервые извѣстнымъ благодаря своимъ „Пѣснямъ солдата“ (1872). Въ 1885 г. онъ совершенно овладѣлъ лигой патріотовъ, давъ ей крайне шовинистическое направленіе. Между прочимъ въ 1887 г. онъ былъ ея представителемъ на похоронахъ Каткова и сильно агитировалъ за союзъ съ Россіей съ цѣлью реванша. Впослѣдствіи правительство закрыло Лигу, а самъ Деруледъ былъ даже изгнанъ за участіе въ заговорѣ ради военнаго переворота.

[2]) Къ числу буланжистовъ изъ радикаловъ принадлежалъ извѣстный Альфредъ Наке (одно время профессоръ химіи въ Парижской Медицинской школѣ). Какъ человѣкъ радикальнаго образа мыслей, онъ выдвинулся еще во время второй имперіи, когда ему даже пришлось бѣжать изъ Франціи, чтобы избавиться отъ тюрьмы, грозившей ему за сочиненіе подъ заглавіемъ „Религія, собственность, семья“. Онъ возвратился на родину только послѣ паденія имперіи и, будучи выбранъ въ національное собраніе, примкнулъ къ крайней лѣвой. Къ этому времени относится его „La république radicale“ (1873). Особенно Наке прославился своей кампаніей въ защиту закона о разводѣ, о которомъ писалъ („Le divorce“, 1881), читалъ публичныя лекціи, произносилъ рѣчи и т. п., пока не добился принятія составленнаго имъ законопроекта о разводѣ палатой депутатовъ (1884). Участіе его въ буланжистскомъ движеніи было настолько значительно, что потомъ онъ былъ приговоренъ за него къ уплатѣ денежнаго штрафа. Другимъ виднымъ буланжистомъ изъ радикаловъ былъ Жоржъ Лагерръ, адвокатъ, прославившійся защитою соціалистовъ и анархистовъ, сотрудникъ „La Justice“ Клемансо, членъ крайней лѣвой въ палатѣ. Послѣ паденія буланжизма Лагерръ совершенно измѣнилъ свое къ нему отношеніе и даже содѣйствовалъ разоблаченію этого движенія, оставшись, однако, рьянымъ націоналистомъ. Въ числѣ буланжистовъ мы встрѣчаемъ также извѣстную часть бланкистовъ (напр., Эрнеста Роша) и провинціальныхъ соціалистовъ (напр., Журда).

[3]) Вотъ характеристика буланжистовъ изъ республиканцевъ, сдѣланная

Денегъ въ распоряженіи Буланже было очень много, особенно благодаря щедрымъ взносамъ, дѣлавшимся одной богатой дамой изъ аристократіи (герцогиней д'Юзесъ [1]): ихъ хватало и на агитацію, и на широкій train de vie самого генерала. Популярность Буланже въ парижской толпѣ была такъ велика, что каждое его появленіе было встрѣчаемо привѣтственными криками [2]).

бывшимъ буланжистомъ: ...„eux, qui en toute bonne foi se croient républicains, ne sont que des légitimistes d'une espèce particulière. Leur chef légitime, leur comte de Chambord, c'est le général Boulanger. Ils ne comprennent pas la politique sans lui. Il n'y a pas de revision ni de socialisme dehors de lui... Quand les *Coulisses du Boulangisme* ont révélé l'intrigue orléaniste dans laquelle s'est perdu le général Boulanger, l'esprit légitimiste des membres de l'ancien Comité s'est réveillé. On touchait au fétiche!.. „Ne touchez pas à la Reine". „Ne touchez pas à Boulanger". Que Boulanger a failli livrer la république à ses ennemis en n'organisant pas son parti, en laissant le champs libre à la Droite, ils ne veulent pas le savoir, ces républicains!.. Tous sont seulement des fanatiques aveuglés. Ils ont incarné l'idée dans un homme et aujourd'hui, comme des simples qu'ils sont, il restent avec l'homme après qu'il a trahi l'idée. Ils ne s'en aperçoivent pas. L'idole est devant eux toujours la même d'apparence. Ils ne se soucient pas qu'elle soit creuse. Les Coulisses du Bonlangisme, стр. IX—XI.

[1]) Герцогиня д'Юзесъ (d'Uzès), изъ очень аристократической фамиліи, отдавшая въ общей сложности на буланжизмъ три милліона франковъ,—очень своеобразная фигура въ этомъ движеніи. Убѣжденная монархистка, она не требовала отъ Буланже возстановленія трона. Не любила республику изъ-за чисто католическихъ мотивовъ, она ожидала отъ Буланже только одного, именно, чтобы онъ помогъ французской націи создать правительство, которое было бы справедливо ко всѣмъ. Въ этомъ отношеніи она ничѣмъ не отличалась отъ кухарокъ, присылавшихъ Буланже свои маленькія сбереженія. Вѣрующая католичка, она съ увлеченіемъ занималась дѣлами благотворенія и какъ-то у постели одной бѣдной больной встрѣтилась съ „петролейщицей" Луизой Мишель. Послѣдняя, извѣщая герцогиню о смерти ихъ бѣдной пріятельницы („notre pauvre amie est morte"), послала ей на память о ней какую-то бездѣлушку. Герцогиня отправилась лично благодарить знаменитую революціонерку. Между ними установилась трогательная дружба, благодаря которой кое-что отъ герцогини перепало черезъ Луизу Мишель въ пользу ея „старыхъ товарищей по коммунѣ". Наканунѣ выборовъ Буланже Луиза Мишель писала герцогинѣ: „я не люблю вашего Буланже, но ради васъ я не стану на него нападать. Совсѣмъ напротивъ. Голоса друзей будутъ за него". О герцогинѣ д'Юзесъ см. „Les Coulisses du Boulangisme", стр. 115 и слѣд. Ср. стр. 126 и слѣд. о свиданіи герцогини съ гр. Парижскимъ. При ея же посредствѣ состоялось свиданіе съ нимъ и самого Буланже въ Лондонѣ, о чемъ тамъ же, стр. 264 и слѣд. Деньги на буланжистскую агитацію шли и отъ графа Парижскаго, который стоялъ за „параллельное дѣйствіе" съ партіей Буланже и тоже говорилъ, что монархія должна быть возстановлена „воззваніемъ къ народу", т.-е., въ сущности, становился на бонапартистскую точку зрѣнія.

[2]) Любопытныя данныя объ отношеніи народа къ Буланже въ книгѣ *Mermeix* (особенно стр. 317 и слѣд.): „S'il y eut intrigue en haut, говоритъ авторъ, il n'y eut que confiance et enthousiasme en bas, dans le peuple. Il fut

Весною 1888 г. Буланже былъ выбранъ депутатомъ въ Сѣверномъ департаментѣ. Въ палату онъ внесъ предложеніе о пересмотрѣ конституціи, а кромѣ того, заставилъ о себѣ много говорить по поводу оскорбленія, нанесеннаго министру-президенту Флоке: это вызвало между ними дуэль, въ которой Буланже получилъ рану. Все это время онъ готовился къ выборамъ 1889 г., ставя вмѣстѣ съ тѣмъ свою кандидатуру на дополнительныхъ выборахъ въ разныхъ департаментахъ. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали этой агитаціи. Въ 1888 г. произошелъ панамскій крахъ,—о чемъ рѣчь еще впереди,— разорившій немало семействъ изъ мелкой буржуазіи, а въ началѣ 1889 г. произошло крушеніе одного изъ крупныхъ банковыхъ учрежденій Франціи (comptoir d'escompte), занимавшагося рискованными спекуляціями. Вездѣ царило неудовольствіе. Большія средства, какими располагалъ Буланже, дали ему возможность до-нельзя развить предвыборную агитацію въ пользу своей кандидатуры. Пускалась въ ходъ самая беззастѣнчивая реклама съ даровою раздачею въ громадномъ количествѣ экземпляровъ портретовъ и біографій Буланже, разныхъ пѣсенокъ и стихотвореній, сложенныхъ въ его честь [1]), и т. п., а, кромѣ того, искусственно устраивались и разныя „народныя“ манифестаціи въ пользу его кандидатуръ. Во многихъ мѣстахъ эта пропаганда новаго спасителя Франціи имѣла успѣхъ: его выбрали въ нѣсколькихъ департаментахъ, а въ концѣ января 1889 г. онъ былъ выбранъ и въ самомъ Парижѣ 240.000 голосовъ, поданныхъ за него консерваторами и многими радикалами, противъ 160.000, которые получилъ общій кандидатъ всѣхъ республиканскихъ группъ. Въ населеніи столицы извѣстіе о такомъ результатѣ было встрѣчено шумнымъ восторгомъ, и если бы только Буланже захотѣлъ, ему ничего, пожалуй, не стоило бы сдѣлать попытку государственнаго переворота въ свою пользу. Въ толпахъ народа, собиравшихся на улицахъ, раздава-

---

admirable, ce peuple. Il s'était engagé derrière le général Boulanger par patriotisme. Il le suivit aveuglément quand il entra dans la politique. Depuis longtemps un chef de parti n'avait pas été autant aimé de ses partisans que le fut le général. Il avait fanatisé et on avait fanatisé pour lui l'élite militante de la population“.

[1]) О пѣсенкахъ въ честь Буланже, о фотографіяхъ и хромолитографіяхъ генерала, о такъ называемыхъ „camelots“ (разнощикахъ газетъ), которые его пропагандировали въ народѣ, и т. п. см. на стр. 275 и слѣд. „Coulisses du Boulangisme“. Знаменитый маршъ „En revenant de la revue“ доставилъ издателямъ 50 т. франковъ. Многія пѣсенки составлялись по заказу буланжиста гр. Дильона (Dillon), приказывавшаго ихъ печатать въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. *Mermeix* приводитъ цѣлый рядъ образцовъ этой литературы въ отрывкахъ (стр. 285 и слѣд.) и даже цѣлую „народную поэму“ въ четыре десятка строфъ (по 12 стиховъ въ каждой).

лись крики, требовавшіе похода на Елисейскій дворецъ, мѣстопребываніе президента республики, и то же самое совѣтовали сдѣлать генералу и нѣкоторые его политическіе друзья. Казалось, что и успѣхъ былъ обезпеченъ въ виду того, что полиція въ лицѣ городовыхъ и республиканская гвардія тоже выражали свое сочувствіе народному любимцу. Самъ Буланже, однако, не рѣшился на такой отважный шагъ, тѣмъ болѣе, что и главные его пособники не одобряли такого рискованнаго предпріятія, ожидая торжества своего дѣла отъ общихъ выборовъ, которые должны были состояться осенью того же года.

Послѣ всего этого республиканцы не могли не понять, какою, въ сущности, опасностью буланжизмъ грозилъ республикѣ. Министерство Тирара, вступившее въ управленіе въ мартѣ 1889 г., предложило палатѣ депутатовъ возстановить выборы по округамъ и даже издать спеціальный законъ, которымъ запрещалось бы ставить кандидатуру одного и того же лица въ разныхъ мѣстахъ. Оба эти предложенія были приняты палатой. Затѣмъ противъ Буланже и его приверженцевъ былъ начатъ процессъ по обвиненію въ заговорѣ, грозившемъ безопасности государства, и въ совращеніи солдатъ, судить же его долженъ былъ сенатъ, превращенный въ верховный трибуналъ. Политическіе друзья Буланже совѣтовали ему аппеллировать къ народу, но онъ предпочелъ спастись бѣгствомъ въ Брюссель, откуда бельгійское правительство заставило его, однако, уѣхать, вслѣдствіе чего онъ отправился въ Лондонъ. Малодушное бѣгство Буланже изъ Франціи сильно пошатнуло его популярность, а разоблаченія во время процесса разныхъ закулисныхъ сторонъ буланжизма еще болѣе дискредитировали его въ глазахъ многихъ прежнихъ его приверженцевъ, не подозрѣвавшихъ, наприм., что за спиною генерала стояли противники республики, или что Буланже присвоилъ около 250 т. франковъ казенныхъ денегъ. Верховный судъ 195 голосами противъ 5 заочно приговорилъ Буланже къ заключенію въ крѣпость (14 сентября 1889 г.). За приговоромъ надъ главою движенія не только суда, но и общественнаго мнѣнія буланжистская партія распалась, а въ маѣ 1890 г. и самый комитетъ національнаго протеста прекратилъ свое существованіе. Въ томъ же 1890 г. буланжизмъ былъ окончательно добитъ разоблаченіями депутата Мермекса [1]), принимавшаго участіе въ дви-

---

[1]) Его статьи съ подписью X... печатались въ „Фигаро“, а потомъ онъ ихъ издалъ подъ заглавіемъ; „X... du *Figaro*. Les Coulisses du Boulangisme revues et augmentées de plusieurs chapitres inédits avec une preface de Mermeix, député de Paris“ (1890). О себѣ онъ говоритъ: „je n'avais rien été dans le boulangisme qu'un tirailleur d'avant-garde qui a payé de sa personne“ (процессъ, тюрьма), стр. XI. Въ концѣ отдѣльнаго изданія авторъ особенно подчеркиваетъ, что его разоблаченія не вызвали ни одного опроверженія,

женіи и много потому знавшаго о закулисныхъ его сторонахъ. Самъ герой всей этой эпопеи, проживъ нѣкоторое время на островѣ Джерси, снова уѣхалъ въ Брюссель, гдѣ въ 1891 г. и окончилъ жизнь самоубійствомъ на могилѣ своей возлюбленной, г-жи Боннемэнъ. Провалу буланжизма немало содѣйствовалъ и успѣхъ всемірной выставки, устроенной въ Парижѣ въ 1889 г., въ столѣтній юбилей великой революціи.

Въ борьбѣ съ буланжизмомъ правительство на выборахъ въ сентябрѣ 1889 г. даже пустило въ ходъ оффиціальныя кандидатуры противъ консерваторовъ и ревизіонистовъ, во многихъ случаяхъ дѣйствовавшихъ заодно. Выборы дали такія цифры: 366 республиканцевъ, 172 консерватора и только 38 ревизіонистовъ, такъ что партія „національной республики“ оказалась совершенно провалившеюся. Паденіе буланжизма было также пораженіемъ и для радикальной партіи, участвовавшей въ агитаціи за пересмотръ конституціи. Послѣ этого долгое время во главѣ правленія стояли умѣренные республиканцы, и если все-таки происходили довольно частыя смѣны министерствъ, то больше по поводу частныхъ и въ политическомъ отношеніи второстепенныхъ вопросовъ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ умѣренные республиканцы получили даже своеобразное подкрѣпленіе съ правой стороны. Именно отъ консерваторовъ отдѣлилась чисто католическая часть депутатовъ, чтобы оффиціально примкнуть къ республикѣ, хотя и съ заднею мыслью—вліять на общую политику въ клерикальномъ духѣ. Эти „присоединившіеся“ (ralliés), какъ ихъ прозвали, „признали конституцію, чтобы измѣнить законодательство“, и папа Левъ XIII далъ имъ свое благословеніе, приказавъ февральскою энцикликою 1892 г. всему клиру и всѣмъ вѣрнымъ католикамъ Франціи признать республику [1]). Съ группою „присоединившихся“ стали находить нужнымъ считаться сами умѣренные республиканцы, особенно послѣ того,

---

кромѣ немногихъ мелкихъ поправокъ. Книга эта—интересный источникъ для изученія буланжистскаго движенія.

[1]) Въ дѣлѣ примиренія французскаго духовенства съ республиканской формой правленія видамъ Льва XIII немало помогалъ французскій кардиналъ Лавижери, занимавшій архіепископскую каѳедру въ Алжирѣ, а послѣ занятія французами Туниса и тамъ работавшій надъ устройствомъ католической церкви. За свое примирительное направленіе Лавижери сдѣлался предметомъ ненависти французскихъ монархистовъ.—Большая заслуга Лавижери передъ цивилизаціей заключается въ его борьбѣ съ рабствомъ въ Африкѣ. Имъ въ 1890 г. были изданы „Documents sur la fondation de l'oeuvre anti-esclavagiste“. О немъ имѣются отдѣльныя работы: *Picot*. Le cardinal Lavigerie et ses oeuvres (1889)—*Clarke*. Cardinal Lavigerie and the African slave trade (1890). — *Abbé Klein*. Le cardinal Lavigerie et ses oeuvres d'Afrique (1890). Послѣ его смерти (1892) біографіи его издали нѣмецъ *Blersch* (1893) и французъ *De Préville* (1894). Нѣкоторыя подробности объ этомъ шагѣ папы Льва XIII сообщаются ниже, въ XX гл.

какъ въ странѣ возобновилось соціалистическое движеніе. Въ 1894 г. умѣренные даже прямо заговорили о необходимости „политики умиротворенія“ и о „новомъ духѣ“, которымъ должны быть проникнуты отношенія правительства къ католической церкви. Черезъ два года эта часть республиканцевъ уже открыто соединилась съ правою для образованія новой консервативной партіи, которая стала опираться на буржуазію, духовенство и высшую бюрократію противъ радикаловъ и вошедшихъ въ палату въ 1893 г. соціалистовъ, искавшихъ поддержки среди рабочихъ, крестьянъ и мелкихъ служащихъ. Консервативно-республиканское министерство Мелина (1896), собственно говоря, и держалось сочувствіемъ правой, за что подвергалось постояннымъ нападкамъ со стороны лѣвой, имѣя, впрочемъ, на своей сторонѣ постоянное большинство отъ 50 до 80 человѣкъ.

Вступленіе соціалистовъ въ палату депутатовъ во Франціи представляетъ собою важный моментъ въ исторіи третьей республики въ концѣ XIX в. Мы неоднократно уже упоминали, что французскій соціализмъ былъ совершенно разбитъ въ Парижѣ, своемъ средоточіи, и во всей странѣ послѣ разгрома коммуны, и что въ теченіе всѣхъ семидесятыхъ годовъ онъ влачилъ самое жалкое существованіе. Оживленіе соціализма началось лишь въ восьмидесятыхъ годахъ, когда амнистія 1880 г. возвратила французскому пролетаріату его вождей, жившихъ въ ссылкѣ послѣ разгрома коммуны. Съ другой стороны, пропаганду соціалистическихъ идей облегчили законы о свободѣ печати, о свободѣ собраній и особенно о свободѣ синдикатовъ [1]). Послѣ коммуны администрація относилась очень подозрительно къ союзамъ рабочихъ и всячески ихъ преслѣдовала. Когда въ 1872 г. парижскіе рабочіе стали указывать властямъ на совершенно другое отношеніе ихъ къ союзамъ предпринимателей, имъ былъ данъ такой отвѣтъ, что предпринимательскіе союзы не создаютъ никакихъ хлопотъ для администраціи, тогда какъ отъ рабочихъ синдикатовъ ей просто нѣтъ житья. Разрѣшеніе закономъ 1884 г. рабочихъ синдикатовъ, имѣвшее для Франціи до извѣстной степени такое же значеніе, какое въ Англіи получило законодательство первой половины семидесятыхъ годовъ [2]),

[1]) Кооперативное движеніе во Франціи долгое время не обращало на себя достаточнаго вниманія историковъ. „Присматриваясь,—говоритъ новѣйшій его историкъ *Поль Луи* (Исторія синдикальнаго движенія во Франціи, 1907),—къ той крупной роли, которую играютъ рабочіе союзы въ современной Франціи, невольно удивляешься, что они были оставлены такое долгое время въ какой-то полутѣни... Французская публика интересовалась англійскимъ трэдъ-юніонизмомъ гораздо больше, чѣмъ своимъ собственнымъ рабочимъ движеніемъ“, стр. 3. Въ настоящее время положеніе дѣла стало измѣняться. Ср. литературу, указанную въ главѣ XXIII.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 317 и слѣд.

дало возможность французскимъ рабочимъ организоваться на вполнѣ легальной почвѣ.

Французскіе соціалисты, какъ извѣстно, не объединились подъ однимъ какимъ-либо знаменемъ, что рѣзко отличаетъ ихъ отъ германской соціалъ-демократіи. Уже и раньше во французскомъ соціализмѣ были разныя теченія, а къ этому еще стали прибавляться новыя. Правда, изъ старыхъ направленій не всѣ пережили десятилѣтіе, протекшее со времени разгрома коммуны, и наприм., прудонизмъ утратилъ все свое прежнее значеніе [1]), но бланкизмъ продолжалъ еще держаться и даже организовался въ партію соціалистовъ-революціонеровъ (le parti socialiste révolutionnaire), которая попрежнему стремилась къ установленію новаго строя жизни путемъ захвата власти пролетаріатомъ. Рядомъ съ нею образовалась другая партія, состоявшая почти исключительно изъ рабочихъ, но принимавшая уже программу и организацію германской соціалъ-демократіи и называвшая себя французскою соціалистическою рабочею партіей (le parti ouvrier socialiste français). Впервые, марксистскія тенденціи замѣтно стали проявляться среди французскихъ рабочихъ на второмъ рабочемъ конгрессѣ, бывшемъ въ Ліонѣ въ 1878 г. [2]), но тогда представители этого направленія,—впослѣдствіи усвоившіе названіе коллективистовъ,—были въ такомъ незначительномъ меньшинствѣ, что не могли оказать никакого вліянія на рѣшенія конгресса. Въ томъ же самомъ году они начали пропагандировать свои идеи въ спеціально основанномъ для этого органѣ („L'Égalité"), но попытка ихъ устроить въ Парижѣ, пользуясь тогдашней всемірной выставкой, международный рабочій конгрессъ окончилась неудачею вслѣдствіе ареста инiціаторовъ, судившихся потомъ исправительной полиціей и подвергшихся тюремному заключенію. Въ числѣ устроителей неудавшагося конгресса былъ приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію и глава французскихъ марксистовъ, Жюль Гэдъ [3]), фракція котораго впослѣд-

---

[1]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 69.

[2]) О первомъ конгрессѣ см. выше, стр. 131.

[3]) Настоящая фамилія Жюля Гэда (Guesde)—Базиль, а Гэдъ, это — дѣвичья фамилія его матери, которою онъ сталъ пользоваться, какъ литературнымъ псевдонимомъ. Окончивъ 16-ти лѣтъ курсъ средней школы, онъ занялъ одну изъ мелкихъ должностей при городскомъ управленіи, а черезъ четыре года сталъ писать въ газетахъ. Въ концѣ второй имперіи онъ попалъ въ тюрьму, съ которою долженъ былъ бы снова познакомиться (и на цѣлыя пять лѣтъ) за статьи въ защиту коммуны, если бы не бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ примкнулъ къ Интернаціоналу, проявивъ при этомъ большее сочувствіе анархистской Юрской федераціи (т. VI, ч. 1, стр. 168). Когда срокъ тюремнаго заключенія истекъ, Гэдъ возвратился во Францію и сдѣлался въ скоромъ времени марксистомъ, придавъ взглядамъ Маркса особенно рѣзкую формули-

ствіи и стала называться гэдистами. Въ слѣдующемъ же году на коллективистическомъ конгрессѣ въ Марселѣ была выработана программа новой партіи, вышедшая въ свѣтъ съ комментаріями Гэда и Лафарга [1]). Въ этой программѣ политическія требованія были не чѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ, съ кое-какими прибавленіями, старой республиканской программы, извѣстной подъ названіемъ „бельвильской" [2]). Что касается до соціальной части программы, то она была цѣликомъ проникнута марксистскими идеями. Французскіе коллективисты стали на точку зрѣнія борьбы классовъ, въ каковой борьбѣ видѣли не только основу всего историческаго процесса въ прошломъ, но и наиболѣе удобный методъ борьбы въ настоящемъ. Поэтому они обращались преимущественно къ неимущей части націи, такъ какъ только она, руководимая своими матеріальными интересами, можетъ усвоить коллективистическую теорію. По этой причинѣ они, далѣе, рѣзко противопоставили себя всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, разумѣя подъ послѣдними вообще партіи, не стоящія на точкѣ зрѣнія коллективизма, въ томъ числѣ и радикаловъ, и большинство членовъ коммуны, которымъ даже прямо отказывали въ правѣ называться соціалистами. Всѣ свои надежды партія возлагала на естественный процессъ концентраціи капиталовъ и производства, такъ какъ этотъ процессъ отучаетъ отъ преклоненія передъ частною собственностью мелкую и среднюю буржуазію, а въ рабочихъ, объединяемыхъ крупнымъ производствомъ, развиваетъ соціальную солидарность. Среди чисто практическихъ требованій на первый планъ коллективисты выдвигали восьмичасовой рабочій день.

Въ 1880 г. былъ новый соціалистическій съѣздъ въ Гаврѣ, а на третьемъ, въ Сентъ-Этьенѣ въ 1882 г., въ рабочей партіи уже произошелъ расколъ. Одна часть партіи, сохранившая за собою прежнее названіе, осталась подъ руководствомъ Гэда („гэдисты"), т.-е. удержала марксистскую программу, а вмѣстѣ съ нею и устройство съ центральнымъ комитетомъ изъ пяти членовъ. Отъ нихъ отдѣлились сторонники Брусса, находившіе, что нетактично пугать большинство населенія страны крайними требованіями въ коллективистическомъ

ровку. Въ палату онъ впервые попалъ лишь въ 1893 г. О немъ интересная статья въ „Галлереѣ современныхъ французскихъ знаменитостей" *Н. Е. Кудрина.* Въ русскомъ переводѣ изъ соч. Гэда имѣются „Рѣчи, произнесенныя въ палатѣ депутатовъ" (1908).

[1]) Le programme du parti ouvrier, commenté par *Jules Guesde* et *Paul Lafargue.* Второй изъ авторовъ этого комментарія былъ женатъ на дочери Маркса. Онъ является однимъ изъ главныхъ представителей теоріи экономическаго матеріализма во Франціи (одно изъ его сочиненій въ этомъ духѣ названо въ примѣч. на стр. 132 первой части VI тома).

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 187.

смыслѣ, что болѣе вѣрный путь въ извѣстной постепенности, т.-е. въ послѣдовательномъ осуществленіи того, что въ данный моментъ возможно (possible), вслѣдствіе чего этой фракціи дано было названіе „поссибилистовъ“, что можно было бы перевести порусски неологизмомъ „возможники“, если бы тому же понятію не соотвѣтствовалъ существующій уже терминъ „постепеновцы“. Если гэдисты рѣшительно отвергали сотрудничество съ буржуазными партіями, то бруссисты находили возможнымъ соединиться съ радикалами. Впослѣдствіи (1890) сама эта поссибилистская, какъ она стала называться, „федерація соціалистическихъ работниковъ тоже раскололась: отъ бруссистовъ отдѣлилась меньшинство, руководимое Аллеманомъ („аллеманисты“) и отвергшее какъ федеральное устройство, принятое бруссистами, такъ и сотрудничество съ другими партіями. Главнымъ орудіемъ борьбы они признали всеобщую стачку, а на участіе въ выборахъ смотрѣли, лишь какъ на агитаціонное средство.

Такимъ образомъ, къ началу послѣдняго десятилѣтія XIX в. во Франціи существовало четыре соціалистическія партіи: бланкисты (во главѣ которыхъ стоялъ Вальянъ), гэдисты, бруссисты и аллеманисты. Постоянными органами послѣднихъ трехъ партій были „Le Socialiste“, „Le Prolétaire“ и „Le Parti Ouvrier“. Болѣе широкая организація по всей Франціи была у коллективистовъ, какъ называли себя гэдисты, но хуже всего были организованы аллеманисты, ограничивавшіеся только Парижемъ. Враждуя между собою, эти четыре партіи разбивали соціалистическіе голоса и на муниципальныхъ, и на парламентскихъ выборахъ, и ихъ успѣхи ограничивались почти исключительно муниципальными выборами Парижа. Что касается до парламентскихъ выборовъ, то въ 1887 г. во всей Франціи соціалистамъ не удалось собрать и полсотни тысячъ голосовъ. Во время буланжистскаго движенія соціалистическія партіи держались различно: поссибилисты были на сторонѣ правительства, изъ бланкистовъ многіе на сторонѣ Буланже, гэдисты выжидали, чья возьметъ [1]).

Когда въ 1889 г. въ Парижѣ по случаю столѣтняго юбилея революціи была устроена всемірная выставка, коллективисты и бланкисты созвали международный соціалистическій конгрессъ, бывшій, въ сущности, первымъ послѣ распаденія Интернаціонала [2]). На немъ

---

[1]) „Французскіе марксисты, въ родѣ Гэда и Лафарга, приписывали одно время очень большое значеніе буланжизму и, по крайней мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ не знали, что имъ дѣлать: выступить ли противъ браваго генерала, или же пользоваться имъ, наподобіе другихъ партій, для достиженія своихъ цѣлей. И надо было сдѣлать рѣшительный шагъ поссибилистамъ и бланкистамъ оттѣнка Эдуарда Валльяна, чтобы и гэдисты пошли противъ Буланже“. *Н. Е. Кудринъ.* Очерки современной Франціи, стр. 63 (по изд. 1904 г.)

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 172.

были делегаты всѣхъ главныхъ культурныхъ націй, и онъ же установилъ празднованіе рабочими 1 мая въ ознаменованіе международной солидарности пролетаріа и ради манифестацій въ пользу восьмичасового рабочаго дня. Въ слѣдующемъ же году этотъ день благополучно былъ отпразднованъ во Франціи, но въ 1891 г. въ г. Фурми (въ Сѣверномъ департаментѣ) произошло столкновеніе между манифестантами и военною силою, окончившееся смертью десяти человѣкъ, большею частью изъ молодежи отъ 11—13 до 21—22 лѣтъ [1]). Эта печальная исторія вызвала негодованіе во всей Франціи и была предметомъ запроса въ палатѣ, на который бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ Констансъ [2]) отвѣчалъ защитою властей, вмѣстѣ съ тѣмъ возбудилъ судебное преслѣдованіе противъ двухъ соціалистовъ, произносившихъ въ Фурми незадолго передъ тѣмъ зажигательныя рѣчи. Однимъ изъ обвиняемыхъ былъ Лафаргъ, доказывавшій на судѣ, что рабочая партія дѣйствуетъ не насиліемъ, а убѣжденіемъ; тѣмъ не менѣе присяжные нашли его виновнымъ, и онъ былъ приговоренъ къ годичному заключенію въ тюрьмѣ (его товарищъ по скамьѣ подсудимыхъ, нѣкто Кюлинъ,—къ пяти годамъ и къ лишенію политическихъ правъ). Впрочемъ, осенью того же года Лафаргъ былъ избранъ рабочими Лилля въ палату на одно сдѣлавшееся въ ней вакантнымъ мѣсто, и это его освободило изъ тюрьмы.

1892 годъ былъ довольно важнымъ въ исторіи французскаго соціализма. Во-первыхъ, въ этомъ году состоялся въ Марсели соціалистическій конгрессъ (съ участіемъ на немъ Либкнехта), выработавшій агитаціонную программу для сельскихъ рабочихъ и мелкихъ собственниковъ. Во-вторыхъ, лѣтомъ этого же года была крупная стачка рудокоповъ въ Кармò изъ-за увольненія администраціей компаніи одного рабочаго, стоявшаго во главѣ синдиката, въ чемъ рабочіе увидѣли нарушеніе закона 1884 г. о свободѣ синдикатовъ. Дѣло приняло очень серьезный оборотъ, но благополучно окончилось послѣ разбора его третейскимъ судомъ главою тогдашняго министерства Лубе, удовлетворившимъ нѣкоторыя требованія рудокоповъ. Въ-третьихъ, когда депутатъ отъ Кармò вышелъ въ отставку, на его мѣсто былъ выбранъ Жоресъ [3]), сдѣлавшійся виднымъ вождемъ соціалистовъ. Не-

---

[1]) Только двое убитыхъ были старше (одинъ 30, другой 50 лѣтъ).

[2]) Constans; кажется такъ (Констансъ) нужно произносить эту фамилію, а не Констанъ, какъ это у насъ принято. Онъ прославился крайнимъ деспотизмомъ. Впослѣдствіи (1898) его назначили посломъ въ Турцію.

[3]) Жанъ-Леонъ Жоресъ (Jaurès) первоначально занимался философіей (его французская докторская диссертація „De la réalité du monde sensible“) и преподавалъ этотъ предметъ въ Тулузскомъ университетѣ. Онъ самъ впослѣдствіи жаловался на свое „слишкомъ книжное и одинокое воспитаніе“ (въ

маловажнымъ обстоятельствомъ было и то, что около этого времени соціалистическія группы стали приходить къ сознанію необходимости прекратить свои распри и направить всѣ свои усилія на предвыборную агитацію въ виду приближавшихся общихъ выборовъ, тѣмъ болѣе, что среди лѣвыхъ участниковъ буланжистскаго движенія стало обнаруживаться тяготѣніе къ соціализму. Усиленіе соціалистической пропаганды заставило самихъ радикаловъ искать сближенія съ оппортунистами въ расчетѣ на такъ называемую республиканскую концентрацію, которая должна была объединить не-соціалистическія партіи. Подъ вліяніемъ той же соціалистической опасности и часть правой выказала готовность идти на примиреніе съ республикой. Выборы 1893 г. дали соціалистамъ въ палатѣ цѣлыхъ тридцать мѣстъ. Избраны были изъ видныхъ дѣятелей Вальянъ, Гэдъ, Жоресъ, Мильеранъ и др. (Лафаргъ не прошелъ), а кромѣ того, въ палату попали и настоящіе рабочіе [1]). Такой результатъ получился, благодаря тому, что соціалистическія группы заключили между собою „революціонную лигу для достиженія (pour l'avenèment) соціальной республики“. Впервые теперь образовалась парламентарная соціалистическая партія, которая стала притомъ играть роль, благодаря еще тому обстоятельству, что

Высшей Нормальной школѣ), противоположное тому, какое получаютъ политическіе люди Англіи, и въ частности указывалъ на то, что, будучи знакомъ по книгамъ съ соціализмомъ „отъ Фихте до Маркса“, не зналъ, что во Франціи въ это время существовали и вели между собою борьбу, зараженныя „сектаторскимъ пыломъ“ соціалистическія группы. (Свои знанія въ области исторіи соціализма, онъ проявилъ во второй, латинской диссертаціи: „De primis socialismi germanici lineamentis“, 1891). Въ палату депутатовъ онъ былъ выбранъ въ 1885 г. двадцати шести лѣтъ отъ роду. Его политическая эволюція — предметъ спорный: по крайней мѣрѣ, самъ онъ утверждаетъ, что всегда былъ соціалистомъ, но наблюдатели со стороны находятъ, что онъ сдѣлался соціалистомъ не сразу (см. въ статьѣ о немъ въ „Галлереѣ современныхъ французскихъ знаменитостей“ *Н. Е. Кудрина*), и, кажется, второе мнѣніе болѣе вѣрно. Во всякомъ случаѣ формальный переходъ его въ соціалистическій лагерь совершился только въ 1892—93 г., когда онъ вторично былъ выбранъ въ палату. Впослѣдствіи началась эволюція Жореса вправо, принявшая, по выраженію *Н. Е. Кудрина* (стр. 317, по 2 изд.) „характеръ рѣшительнаго оппортунизма“, что даетъ названному автору поводъ провести параллель „эволюціи Жореса внутри соціализма“ съ „эволюціей Гамбетты внутри радикализма“, стр. 317—323. Впрочемъ, въ 1905 г. Жоресъ опять „взялъ влѣво“. Въ первые годы XX в. Жоресъ предпринялъ большую „Histoire Socialiste“, первые томы которой, посвященные французской революціи (четыре тома въ 1901—1904 гг.) написаны самимъ Жоресомъ, остальные большею частью другими лицами. (Первый томъ переведенъ по-русски; о послѣднихъ томахъ см. у насъ т. VI, ч. 1, стр. 80 и 134 и выше, стр. 130.

[1]) Радикалы прошли въ количествѣ 170 человѣкъ, но Клемансо не былъ переизбранъ.

къ ней примкнуло около двадцати бывшихъ ревизіонистовъ. Вообще въ 1893 г. произошло значительное полѣвѣніе всей палаты.

Въ то самое время, какъ происходило это усиленіе соціализма во Франціи, въ ней равнымъ образомъ заставилъ говорить о себѣ и воинствующій анархизмъ [1]). Особенность анархистскихъ выступленій заключалась въ томъ, что все это были индивидуальные акты, проявленія личной инціативы, стоявшія внѣ всякой связи съ какими бы то ни было организаціями. Если и случалось, что сразу въ разныхъ странахъ совершалось нѣсколько однородныхъ политическихъ покушеній, какъ это было въ годъ двухъ покушеній на жизнь Вильгельма I и покушеній еще на жизнь испанскаго и итальянскаго королей [2]), не считая того, что происходило тогда и въ Россіи, то это не значитъ, чтобы существовала какая-либо общая организація, направлявшая анархистскія выступленія. Конечно, дѣйствовало нѣкоторое общее настроеніе, овладѣвавшее частью радикальныхъ элементовъ, да и примѣръ, подаваемый одними, заражалъ другихъ. Нельзя, разумѣется, отрицать и вліянія пропаганды, „эластичность которой позволяетъ ей быть незамѣтной и скрытной“ [3]). Анархисты въ семидесятыхъ и въ восьмидесятыхъ годахъ продолжали время отъ времени съѣзжаться [4]), все болѣе и болѣе отграничивая себя отъ всякихъ другихъ партій, какъ бы онѣ тамъ ни назывались, что заставляло и соціалистовъ всячески сторониться отъ анархистовъ и постоянно исключать ихъ изъ своихъ собраній и съѣздовъ. Общая организація анархистовъ просто была даже немыслима при рѣзко индивидуалистическомъ характерѣ движенія: совершенно разрозненныя группы по-

---

[1]) О доктринѣ анархизма въ концѣ XIX в. см. ниже, въ главѣ XXIII. Главными французскими теоретиками анархизма въ эту эпоху были Элизе Реклю, Жанъ Граве, Себастіанъ Форъ, Д. Сорель, А. Гамонъ. Причины особаго развитія анархизма во Франціи, гдѣ послѣдователи этого ученія насчитываются десятками тысячъ (*Л. Кульчицкій.* Современный анархизмъ, стр. 191) только-что названный авторъ видитъ въ „недавнихъ историческихъ воспоминаніяхъ и въ наличности очень сильнаго интеллигентнаго пролетаріата съ спеціальнымъ характеромъ“, стр. 223. „Интеллигентный пролетарій Парижа,—говоритъ *Л. Кульчицкій*,—пролетарій, достигшій вершины цивилизаціи, видящій роскошь и возможность интензивной и разносторонней жизни, долженъ особенно сильно чувствовать свое положеніе и съ отчаяніемъ смотрѣть на проходящую молодость и виднѣющійся вдали гробъ... Бунтующая душа французскаго пролетарія не имѣетъ скрытой узды въ видѣ религіи и шаблонно-моральныхъ преградъ. О перепроизводствѣ либеральныхъ профессій во Франціи см. *M. Leblond.* Les prolétaires intellectuels en France (на эту тему есть и другія работы).

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 291—293 и 351.

[3]) Слова *Цокколи* въ его книгѣ „Анархизмъ“, стр. 290.

[4]) Внѣ Франціи. См. у *Цокколи*, стр. 340 и слѣд.

стоянно возникали и исчезали въ зависимости отъ массы частныхъ и случайныхъ причинъ. Время отъ времени движеніе въ какой-либо странѣ усиливалась, и начиналась такъ называемая „пропаганда дѣйствіемъ" (la propagande par le fait). Такимъ періодомъ анархистскихъ покушеній было во Франціи начало девяностыхъ годовъ. Ранѣе другихъ на этомъ поприщѣ прославился Равашоль, совершившій въ 1892 г. цѣлый рядъ динамитныхъ покушеній. За Равашолемъ было довольно богатое уголовное прошлое, когда онъ началъ свои анархистскіе подвиги съ бомбами. На судѣ онъ заявилъ, что онъ „дѣйствовалъ во имя анархіи, будущей великой семьи человѣчества, которая всѣхъ насытитъ", и что цѣлью его было „терроризировать буржуазію", дабы она обратила наконецъ вниманіе на анархистовъ и поняла, что они—истинные защитники угнетенныхъ". Судъ съ присяжными приговорилъ его къ пожизненной каторгѣ, а потомъ его судили по прежнимъ преступленіямъ (убійства) и приговорили къ смертной казни. Не одинъ Равашоль, имя котораго сдѣлалось очень популярнымъ, мотивировалъ свои покушенія службою идеѣ анархіи. Въ 1893 г. нѣкто Леонъ Леотье покушался на жизнь сербскаго посланника въ Парижѣ, заявивъ потомъ, что, „убивая перваго попавшагося буржуа, не убиваешь невиннаго". Въ 1894 г. двадцатилѣтній юноша Эмиль Анри бросалъ бомбы въ полицейскій участокъ и въ кафè, результатомъ чего была смерть нѣсколькихъ человѣкъ [1]). На судѣ онъ повѣдалъ, какъ пришелъ къ мысли бросать бомбы. Ему говорили, что жизнь широко открыта для умныхъ и энергичныхъ людей, но опытъ скоро указалъ ему, что успѣваютъ въ жизни одни циники и рабы. Анри сталъ тогда врагомъ общества, которое сталъ считать преступнымъ,—и сблизился съ анархистами, увлекшими его своею искренностью и свободою. „Равашоль показалъ примѣръ того, что нужно дѣлать съ буржуазіей: ей нужно показать, что царству ея наступаетъ конецъ, а рабочимъ дать понять, кто ихъ истинные защитники. Анархисты не засѣдаютъ, какъ соціалисты въ парламентѣ, а идутъ на гильотину. Пусть не говорятъ о невинныхъ жертвахъ: бомба была брошена туда, гдѣ были одни буржуа, почему и не могло быть невинныхъ жертвъ. Всѣ буржуа живутъ эксплуатаціей несчастныхъ, вслѣдствіе чего всѣ и должны расплачиваться". Кромѣ того, онъ, Анри, мстилъ за другихъ анархистовъ, преданныхъ казни. Въ числѣ казненныхъ онъ назвалъ анархиста Вальяна. Этотъ Вальянъ (Vaillant) въ декабрѣ 1893 г. бросилъ бомбу въ залу засѣданій палаты во время преній. Убитыхъ не было, раненъ былъ одинъ, но покушеніе произ-

---

[1]) Въ числѣ раненыхъ былъ писатель Лоранъ Тальядъ, который раньше по поводу одного такого же покушенія произнесъ знаменитую фразу: „дѣло не въ поступкѣ; достаточно, что жестъ былъ красивъ".

вело сильное впечатлѣніе [1]). И Анри, и Вальянъ были безработные [2]), озлобленные долгимъ голоданіемъ. Такимъ же голоднымъ и озлобленнымъ безработнымъ былъ и убійца президента республики Карно, итальянецъ Казеріо, умертвившій его въ іюнѣ 1894 г. во время его пребыванія въ Ліонѣ. Онъ тоже разсказывалъ на судѣ, какъ онъ сдѣлался анархистомъ. Только среди анархистовъ, говорилъ онъ, между прочимъ, онъ нашелъ добрыхъ и искреннихъ людей, которые борятся за счастье рабочихъ. Правительство пускаетъ противъ нихъ въ ходъ ружья, кандалы, тюрьмы: неужели же анархисты должны только прятаться по домамъ и измѣнять своей идеѣ? Нѣтъ, они отвѣчаютъ правительству динамитомъ, бомбами, кинжалами и дѣлаютъ все, что только могутъ, для истребленія буржуазіи и правительствъ. Эмиль Анри бросилъ бомбу въ кафе, онъ, Казеріо, мстилъ при помощи кинжала. Пусть же буржуазное общество сниметъ его голову, если обществу это нужно [3]). Анархистскія выступленія вызвали большое безпокойство въ обществѣ и въ палатахъ. Послѣднія тотчасъ же послѣ покушенія Вальяна въ палатѣ приняли законы, направленные противъ анархистскихъ сообществъ и газетъ, а послѣ убіенія Карно министерство настояло на исключительномъ законѣ, ставившемъ внѣ общаго права всѣхъ анархистовъ. Соціалисты и радикалы сильно боролись противъ такой мѣры и требовали, по крайней мѣрѣ, установленія срока для ея дѣйствія.

---

[1]) Не задолго сдѣлавшійся президентомъ совѣта министровъ Дюпюи проявилъ замѣчательное хладнокровіе, крикнувъ среди дыма, наполнившаго залу: „господа, засѣданіе продолжается".

[2]) О роли безработицы въ исторіи анархистскаго движенія ср. у *Л. Кульчицкаго* (Соврем. анархизмъ, стр. 216 и слѣд.). Вообще о безработицѣ во Франціи въ концѣ XIX в. см. „письмо VII" въ „Очеркахъ современной Франціи" *Н. Е. Кудрина.*

[3]) Перепечатка заявленія Казеріо во Франціи была запрещена въ силу особаго закона, изданнаго въ 1894 г. Къ числу дѣятелей анархизма во Франціи слѣдуетъ отнести еще Луизу Мишель, о которой т. VI, ч. 1, стр. 151, прим. 1. Въ 1883 г. она предводительствовала одной демонстраціей безработныхъ на Эспланадѣ инвалидовъ (въ Парижѣ) и, зашедши въ сосѣднюю булочную, взяла нѣсколько хлѣбовъ, которые и раздѣлила между демонстрантами. За это ее приговорили, какъ за грабежъ, къ тюремному заключенію, но едва въ 1886 г. она была выпущена на свободу, какъ снова попала въ тюрьму за анархистскую пропаганду. Впослѣдствіи (послѣ покушенія Вальяна) Луиза Мишель объясняла индивидуальныя выступленія того времени тѣмъ, что народныя движенія ни къ чему, кромѣ напраснаго пролитія крови, не приводятъ, а потому пусть ужъ „отдѣльныя лица, имѣющія сердце, жертвуютъ собою, на свой страхъ совершая насильственныя дѣянія, чтобы терроризировать и поражать правительство и буржуазію". Въ рус. пер. имѣется соч. Луизы Мишель „Коммуна" (изд. Дороватовскаго и Чарушникова).

Одновременно съ только-что разсмотрѣннымъ усиленіемъ во Франціи соціализма и анархизма, въ началѣ девяностыхъ годовъ, разразился такъ называемый панамскій скандалъ, который подобно буланжизму, тоже былъ однимъ изъ тяжелыхъ кризисовъ, переживавшихся третьей республикой. Въ этомъ скандалѣ оказались сильно скомпрометированными многіе видные дѣятели республики, что дало поводъ съ одной стороны, непримиримымъ правымъ напасть на самоё республику, а съ другой стороны, крайнимъ лѣвымъ — на оппортунистскую политику.

Политическіе дѣятели изъ республиканской партіи, стоявшей во главѣ правленія, унаслѣдовали экономическую политику прежнихъ режимовъ, причемъ многіе пользовались своимъ участіемъ во власти ради собственнаго матеріальнаго благополучія [1]). При второй имперіи оппозиція постоянно осуждала „политику дальнихъ предпріятій", но съ начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка и республиканская Франція съ большою настойчивостью начала, какъ мы уже видѣли въ другомъ мѣстѣ [2]), политику пріобрѣтенія новыхъ колоній и завоеванія новыхъ рынковъ, гдѣ могли бы найти выгодное помѣщеніе французскіе капиталы и широкій сбытъ—французскіе товары. Первая экспедиція была предпринята въ Тунисъ съ цѣлью подчиненія его французскому протекторату, который былъ нуженъ владѣльцамъ тунисскихъ процентныхъ бумагъ, сильно упавшихъ въ цѣнѣ. Такая политика не была случайностью, и почти всѣ французскія министерства этой эпохи стояли въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ финансистамъ и биржевикамъ, которые имъ были нужны при заключеніи займовъ. Само народное представительство всегда заключало въ себѣ множество людей, бывшихъ членами правленій въ банкахъ, въ желѣзнодорожныхъ кампаніяхъ, въ разныхъ акціонерныхъ обществахъ и т. п. или же принимавшихъ участіе въ биржевой игрѣ. Благодаря именно этому, желѣзнодорожныя кампаніи съумѣли заключить выгодную для себя сдѣлку съ казною, какъ и во времена Людовика-Филиппа [3]). Однимъ изъ главныхъ дѣятелей такой политики интересовъ былъ, какъ извѣстно, Жюль Ферри, оказавшій Франціи въ дѣлѣ организаціи народнаго образованія несомнѣнныя услуги [4]), но въ другихъ отношеніяхъ стяжавшій репутацію дѣльца, слишкомъ безцеремонно проводившаго въ жизнь свой принципъ: „въ политикѣ существуютъ только интересы". Жюль Ферри, конечно, далеко не былъ исключеніемъ, и если онъ

---

[1]) *Auguste Chirac.* L'agiotage sous la troisième république.
[2]) Ср. выше, стр. 44 и слѣд.
[3]) См. т. V, стр. 463.
[4]) См выше, стр. 143 и слѣд.

пользовался особымъ нерасположеніемъ радикаловъ,—какъ мы знаемъ [1]), страстно не желавшихъ видѣть его на посту президента республики,— то причина этого заключалась въ томъ „дѣлеческомъ“ характерѣ, какимъ нерѣдко отличалась политика Ферри, наприм., заключившаго съ желѣзно-дорожными обществами очень выгодную для нихъ, но не очень-то выгодную для государства и населенія конвенцію [2]). Панамскій скандалъ,—или „панамà“, сдѣлавшаяся нарицательнымъ словомъ для обозначенія всякаго рода денежныхъ злоупотребленій и расхищеній, — показалъ, что и знаменитости радикальной партіи сами въ этомъ отношеніи не всегда были безъ грѣха.

Къ числу выгодныхъ предпріятій, особенно заинтересовавшихъ французовъ возможностью крупныхъ барышей, принадлежало въ восьмидесятыхъ годахъ XIX в. прорытіе въ Америкѣ Панамскаго перешейка для соединенія посредствомъ канала Атлантическаго и Великаго океановъ. Успѣхъ Суэзскаго канала, незадолго передъ тѣмъ (1869 г.) сооруженнаго французами и на французскія деньги, внушилъ главному руководителю этого дѣла Лессепсу мысль объ устройствѣ такого же канала на Панамскомъ перешейкѣ. Идея не была совсѣмъ новой, и между прочимъ, ее высказывалъ еще Сенъ-Симонъ [3]), въ числѣ послѣдователей котораго въ своей молодости былъ и Лессепсъ [4]). Прорытіе между двумя океанами канала обѣщало весьма важныя послѣдствія для міровыхъ сношеній: наприм., морской путь изъ Ливерпуля въ Санъ-Франциско долженъ былъ сократиться на $9^1/_2$ тысячъ километровъ, а въ Вальпарайсо — на $4^1/_2$ тысячъ. Проектомъ заинтересовались цѣлыя ученыя общества, которыя помогали Лессепсу своими совѣтами. Въ публикѣ его предпріятіе тоже было встрѣчено большимъ сочувствіемъ. Для приведенія въ исполненіе своего плана Лессепсъ основалъ сначала особое общество (1876), которое занялось разработкою вопроса о томъ, въ какомъ направленіи и какого рода строить каналъ, и въ 1879 г. географическій конгрессъ въ Парижѣ одобрилъ одинъ изъ выработанныхъ къ тому времени проектовъ.

---

[1]) См. выше, стр. 45 и 166.

[2]) Конвенція отдавала на 70 лѣтъ (до 1954 г.) всѣ перевозочныя средства страны въ руки капиталистическихъ кампаній, причемъ, взявшись построить на 7 т. километровъ новыхъ линій, онѣ, однако, выговорили себѣ заранѣе извѣстный барышъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы казна доплачивала разницу, если фиксированная сумма не будетъ выручаться. *C. Pelletan.* Les fraudes des compagnies de chemins de fer (1898).

[3]) Во время своего путешествія въ Мексику еще въ концѣ XVIII в. См. т. IV, стр. 633.

[4]) Т. IV, стр. 63. Ему въ годъ смерти Сенъ-Симона было двадцать лѣтъ. О Лессепсѣ см. *Bertrand et Ferrier.* Ferdinand Lesseps, sa vie et son oeuvre (1887).—*G. B. Smith.* Life and enterprises of Ferdinand de Lesseps (1895).

Въ концѣ того же 1879 г. Лессепсъ, которому въ это время исполнилось уже 74 года, съ почти юношескою энергіей отправился на мѣсто постройки канала съ партіей инженеровъ, принадлежавшихъ къ разнымъ національностямъ, которые въ 1880 г. опредѣлили стоимость прорытія перешейка въ 843 милліона франковъ. Впослѣдствіи самъ Лессепсъ объяснялъ, что въ эту смѣту не вошли многія такія издержки, какъ расходы по реализаціи этой суммы, по надзору за рабочими и т. п. Для приведенія въ исполненіе выработаннаго инженерами плана образовалось акціонерное общество, приступившее къ дѣлу въ 1881 г. Очень скоро, однако, оказалось, что принятый проектъ встрѣчаетъ разныя техническія затрудненія, и рѣшено было замѣнить его другимъ. Въ сущности, уже чуть не въ самомъ началѣ работъ было понято, что добытыхъ средствъ для проведенія канала по первому плану не хватитъ, вслѣдствіе чего и перешли къ другому, болѣе простому и дешевому [1]). Къ этому еще прибавилась, какъ крайне неблагопріятное условіе, большая смертность среди рабочихъ отъ страшно нездороваго климата той мѣстности, гдѣ проводился каналъ: при убійственной жарѣ губительно дѣйствовали и на бѣлыхъ, и на негровъ болотныя испаренія, порождавшія лихорадку. Въ семь лѣтъ работы едва была закончена одна ея треть, а между тѣмъ уже сдѣланные расходы достигали колоссальныхъ суммъ. Насталъ моментъ, когда Лессепсъ, нуждавшійся въ новомъ притокѣ денежныхъ средствъ, довелъ до свѣдѣнія акціонерной компаніи объ истинномъ положеніи дѣлъ, но оно оказалось столь безнадежнымъ, что кампаніи пришлось только ликвидировать все предпріятіе. Коммиссія, занявшаяся этимъ дѣломъ, нашла, что на окончаніе работъ потребовалось бы еще до 900 милліоновъ франковъ и около семи-восьми лѣтъ работы, тогда какъ срокомъ окончанія работъ предполагался сначала 1890 годъ, уже истекшій въ моментъ появленія доклада ликвидаціонной коммиссіи [2]). Въ мартѣ 1889 г. работы были пріостановлены. Въ общемъ акцій и облигацій (между прочимъ, и по займу съ выигрышами) Общество панамскаго канала выпустило почти на тысячу двѣсти милліоновъ франковъ, все же его состояніе, заключавшееся, главнымъ образомъ, въ пріобрѣтенной имъ полосѣ земли, въ построенной на ней желѣзной дорогѣ и въ исполненныхъ уже работахъ, не достигало

---

[1]) Весь вопросъ заключался въ томъ, долженъ ли каналъ все время идти на морскомъ уровнѣ или же пользоваться системою шлюзовъ; первый способъ постройки былъ болѣе труднымъ.

[2]) Позднѣе (1894), для прорытія канала образовалось новое акціонерное общество, но года черезъ три (1897) возникло сомнѣніе въ возможности доведенія дѣла до конца. Въ 1902 г. у новой компаніи все имущество было куплено Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.

даже полныхъ двухсотъ тридцати двухъ милліоновъ франковъ. Потери акціонеровъ и кредиторовъ были громадны, особенно если принять въ расчетъ, что многіе пріобрѣтали акціи выше ихъ номинальной цѣны. Нѣкоторые полагаютъ, что панамскій крахъ обошелся держателямъ выпущенныхъ акціонерной кампаніей бумагъ въ полтора милліона франковъ, т.-е. чуть не въ треть того, что Франція заплатила Германіи послѣ войны 1870—71 г.

Подобные крахи при третьей республикѣ случались и съ другими предпріятіями [1]), но тутъ привзошло нѣкоторое осложненіе. Слѣдствіе, начатое по случаю неудачи, обнаружило рядъ растратъ, злоупотребленій и подкуповъ газетъ съ цѣлью прославленія предпріятія, когда уже видна была его неминуемая гибель. Нужно прибавить, что и сами газеты обвиняли другъ друга въ разныхъ нечистыхъ дѣлахъ [2]). Начались и разоблаченія относительно некрасивыхъ дѣяній нѣкоторыхъ оппортунистскихъ депутатовъ, а въ концѣ 1892 г. католическая партія подняла и прямо въ палатѣ вопросъ о подкупѣ цѣлой сотни депутатовъ при голосованіи выигрышнаго займа съ указаніемъ на то, что много выпало на долю и кое-кого изъ бывшихъ министровъ и другихъ сановниковъ. Консервативныя и радикальныя газеты стали тогда печатать новыя и новыя разоблаченія, вызывавшія въ палатѣ бурныя сцены. Палата назначила слѣдственную коммиссію и предала суду нѣсколькихъ депутатовъ и сенаторовъ. По дѣлу о банкротствѣ Лессепсъ и его сынъ и нѣкоторые другіе дѣятели панамскаго предпріятія (между ними Эйфель, строитель знаменитой башни) были приговорены къ тюремному заключенію на разные сроки, а Лессепсъ-сынъ и бывшій министръ публичныхъ работъ Байо (Baïhaut), получившій громадную взятку, были приговорены къ такому же наказанію и по обвиненію въ подкупѣ. Изъ посредниковъ, передававшихъ взятки, одинъ покончилъ съ собою самоубійствомъ (банкиръ Жакъ Рейнакъ), двое бѣжали (Артонъ и Герцъ [3]), но когда одинъ изъ бѣглецовъ (Артонъ)

---

[1]) Въ 1875 г. паденіе цѣнъ на турецкія бумаги (напр., одного займа съ 135 фр. до 18 фр.), въ 1882 г. крахи банковъ Бонту и Савари и т. п.

[2]) На подкупъ газетъ было истрачено 20 милліоновъ франковъ, причемъ консервативный „Фигаро“ получилъ 80½ тысячъ, умѣренный „Moniteur Universel“ — около 40 т., радикальный „Rappel“ — 30 т. и пр. О продажности извѣстной части французской прессы см., между прочимъ, въ „письмѣ“ объ этой прессѣ въ „Очеркахъ современной Франціи“ *Н. Е. Кудрина* (стр. 336—364).

[3]) О послѣднемъ въ свое время пресса, занимавшаяся панамскимъ скандаломъ, очень много говорила. Корнелій Герцъ былъ типичный авантюристъ, съумѣвшій втереться въ высшее общество Парижа и добиться одной изъ высшихъ степеней ордена почетнаго легіона и даже приглашеній на президентскія охоты. Бѣжавъ въ Англію, онъ уклонился отъ появленія на панамскомъ процессѣ подъ предлогомъ тяжкой болѣзни. Такъ какъ Герцъ въ

былъ арестованъ въ Англіи, пріостановленный было процессъ черезъ полтора года возобновился. Правда, депутаты и сенаторы, попавшіе на скамью подсудимыхъ, были присяжными оправданы, но все-таки была брошена тѣнь на очень многихъ видныхъ политическихъ дѣятелей, между прочимъ, и изъ радикальной партіи, бывшихъ въ сношеніяхъ съ главными дѣльцами „панамы“ и поощрявшихъ выдачу ими денегъ нѣкоторымъ газетамъ. Результатомъ этого было то, что нѣкоторые вожди обѣихъ республиканскихъ партій сошли со сцены [1]). Поднимая панамскій скандалъ, консерваторы прямо расчитывали дискредитировать республику, видные дѣятели которой уличались въ неблаговидныхъ поступкахъ, въ частности же консерваторы надѣялись, что паденіе престижа республики приведетъ ихъ самихъ къ торжеству на выборахъ 1893 года. Бывшіе буланжисты и монархисты даже нарочно раздували панамскій скандалъ разными преувеличеніями и выдумками, чтобы на примѣрѣ этого грязнаго дѣла показать, во что выродилась парламентарная республика со своими политическими дѣльцами. Наоборотъ, правительственная партія старалась свести дѣло къ его настоящимъ размѣрамъ, а гдѣ только была малѣйшая возможность, представлять его и въ менѣе непривлекательномъ видѣ.

Въ своемъ мѣстѣ уже было сказано [2]), что панамскій крахъ разыгрался въ концѣ президентства Карно, убитаго анархистомъ лѣтомъ 1894 г. Мы видѣли также [3]), что усиленіе соціализма и анархизма заставило значительную часть республиканской буржуазіи сильно податься направо и сблизиться съ менѣе непримиримою частью кон-

1883—85 гг. былъ однимъ изъ наиболѣе крупныхъ акціонеровъ газеты Клемансо, это впослѣдствіи бросило тѣнь на самого Клемансо.

[1]) Въ панамскомъ дѣлѣ пострадала репутація, между прочимъ, Альбера Греви (брата президента). Равнымъ образомъ, нехорошо кончилось дѣло и для Флоке, бывшаго одно время (съ 1885 г.) президентомъ палаты, потомъ главою министерства, которое боролось съ буланжизмомъ (1888—9), наконецъ снова президентомъ палаты: обнаруженный за нимъ грѣхъ заключался въ томъ, что онъ получалъ отъ панамистовъ большія суммы на нужды правительственной агитаціи, и въ 1893 г. его уже не выбрали въ президенты палаты, послѣ чего онъ не былъ избранъ и депутатомъ. (Впрочемъ, это не помѣшало ему, какъ и Альберу Греви, быть выбраннымъ въ сенаторы). Пострадалъ отъ Панамы и Клемансо, несмотря на то, что онъ-то ужъ ничего не взялъ, отказавшись какъ участвовать въ панамскомъ обществѣ, такъ и печатать рекламныя объявленія объ этомъ предпріятіи. Если противъ него не было никакихъ уликъ, то и это эксплуатировалось его врагами, находившими, что Клемансо, значитъ, только особенно ловкій, а потому и наиболѣе опасный мошенникъ. Главное доказательство вины Клемансо видѣли въ его близкихъ отношеніяхъ къ Корнелію Герцу, въ сущности же, Клемансо былъ всегда честнымъ и неподкупнымъ дѣятелемъ.

[2]) См. выше, стр. 167.

[3]) См. выше, стр. 181 и 184.

серваторовъ, съ такъ называемыми „присоединившимися“. Сближенiе обѣихъ партiй было облегчено появленiемъ на политической сценѣ новаго поколѣнiя республиканскихъ дѣятелей, у которыхъ уже не было „предразсудковъ ихъ отцовъ“. Выборъ послѣ смерти Карно въ президенты республики Казимира Перье былъ совершенъ именно въ духѣ новой политики поворота вправо, но новый президентъ уже въ началѣ 1895 г. вышелъ въ отставку (по причинамъ, до сихъ поръ не вполнѣ яснымъ [1]), и въ преемники ему былъ избранъ Феликсъ Форъ. Это избранiе тоже было результатомъ коалицiи оппортунистовъ и консерваторовъ противъ кандидата радикаловъ, поддерживавшагося и соцiалистами, Бриссона [2]).

Первое министерство при Феликсѣ Форѣ [3]) было умѣреннымъ (Рибо), второе—радикальнымъ (Буржуа). Въ министерствѣ Рибо изъ видныхъ дѣятелей участвовали Ганото и Пуанкаре, но оно у власти не могло долго продержаться. Противъ него повели агитацiю соцiалисты, воспользовавшись уже ранѣе существовавшимъ обвиненiемъ противъ нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей въ подкупности по дѣлу одной желѣзнодорожной концессiи. Дѣло это уже поднималось раньше, но было прекращено въ виду того, что документы, на которыхъ строилось обвиненiе, оказались подложными, что и заставило Рибо высказаться противъ новаго разслѣдованiя, предлагавшагося соцiалистами, но такъ какъ палата приняла ихъ предложенiе, то кабинетъ Рибо подалъ въ отставку. Тогда Феликсъ Форъ поручилъ составить новое министерство радикалу Буржуа, который тотчасъ же обѣщалъ разслѣдовать новую „панаму“ [4]) и представить законо-

[1]) Свой шагъ Казимиръ Перье объяснялъ тѣмъ, что онъ чувствовалъ себя безсильнымъ противъ тѣхъ обвиненiй, оскорбленiй и насмѣшекъ, какимъ онъ подвергался со стороны своихъ враговъ, а вмѣстѣ съ нимъ подвергались и всѣ власти, и армiя. Но, говорили по этому поводу, развѣ, принимая избранiе, онъ, человѣкъ, не бывшiй новичкомъ въ политикѣ, не зналъ того, что вообще происходитъ во Францiи и на что потому онъ шелъ? (Этотъ К. Перье былъ внукомъ знаменитаго К. Перье, министра начала тридцатыхъ годовъ, о которомъ см. т. V, стр. 124 и слѣд.)

[2]) Эженъ Бриссонъ, очень часто занимавшiй постъ президента палаты (1881—1885 и 1894—1898 гг.), а въ 1885 и 1898 гг. дѣлавшiйся главою кабинета, получилъ 361 голосъ, тогда такъ Форъ—430. Третьимъ кандидатомъ былъ Вальдекъ-Руссо, занимавшiй прежде постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

[3]) Феликсъ Форъ въ молодости работалъ на кожевенномъ заводѣ и былъ потомъ приказчикомъ, пока не устроилъ свой собственный кожевенный заводъ. Въ палату депутатовъ избранъ онъ былъ впервые въ 1881 г. (объ отношенiи его къ Гамбеттѣ см. выше, стр. 153), а въ 1894 г. сдѣлался вице-президентомъ, послѣ чего занималъ еще должность морского министра. О немъ *Maillard*. Le président Faure, sa vie commerciale, administrative et politique (1897). Въ народѣ у него была кличка „Фелискъ“ (вм. Феликсъ).

[4]) Къ этому времени относится арестъ въ Лондонѣ панамскаго дѣльца

проектъ о воспрещеніи народнымъ представителямъ участвовать въ какихъ бы то ни было промышленныхъ синдикатахъ [1]). Кромѣ того. министерство Буржуа провело въ палатѣ принципъ прогрессивнаго подоходнаго налога, казавшагося буржуазіи началомъ реформы распредѣленія собственности. Противъ министерства, вступившаго на такой опасный путь, началась кампанія, которую поддерживалъ въ тайнѣ и самъ президентъ республики, и это привело къ образованію министерства Мелина, опиравшагося на союзъ умѣренныхъ съ консерваторами. Мелинъ отказался отъ принятаго уже въ принципѣ палатою подоходнаго налога и видимо благопріятствовалъ клерикаламъ, всячески, наоборотъ, вредя демократамъ.

Положеніе министерства Мелина не разъ колебалось [2]), и его спасали только успѣхи внѣшней политики, особенно посѣщеніе при немъ Парижа русскимъ императоромъ и Петербурга президентомъ республики [3]). Тѣмъ не менѣе, выборы 1898 г. оказались неблагопріятными для министерства, отвергшаго прогрессивный налогъ и сблизившагося съ правой, и послѣ того, какъ въ палатѣ лѣвая значительнымъ большинствомъ голосовъ провела требованіе объ исключительно республиканскомъ большинствѣ, на которое опиралось бы правительство, Мелинъ подалъ въ отставку. Когда въ началѣ 1899 г. за внезапною смертью Феликса Фора произошли новые выборы президента республики, Мелинъ явился на нихъ кандидатомъ правой, но громадное большинство голосовъ досталось кандидату лѣвой— Лубе [4]). Этотъ выборъ былъ крайне непріятенъ націоналистамъ, какъ сталъ называться новый союзъ реакціонныхъ и шовинистическихъ

Артона (см. выше, стр. 188), у котораго предполагалось найти списки подкупленныхъ лицъ, но таковыхъ списковъ у него не оказалась.

[1]) Въ восьмидесятыхъ годахъ около 50 сенаторовъ и около 100 депутатовъ оффиціально состояли членами правленій разныхъ предпріятій въ родѣ банковъ, желѣзнодорожныхъ компаній и т. п. Многіе политическіе дѣятели вообще стояли очень близко къ королямъ биржи. Финансисты оказывали вообще большое вліяніе на политику. Есть предположеніе, что паденіе Гамбетты произошло не безъ вліянія финансовыхъ круговъ, близкихъ къ Ротшильду, которые были недовольны его планами о выкупѣ желѣзнодорожной сѣти.

[2]) Это было самое долговѣчное министерство, какое только имѣла Франція при третьей республикѣ до конца XIX в.: продолжительность его была два года и два мѣсяца. Ср. съ частой смѣной министерствъ, о чемъ выше, стр. 160.

[3]) См. выше, стр. 20.

[4]) Эмиль Лубе былъ избранъ въ палату депутатовъ въ 1876 г. и былъ въ кабинетѣ Тирара (1889) министромъ общественныхъ работъ, а въ 1892 г. самъ сталъ во главѣ министерства, взявъ себѣ портфель внутреннихъ дѣлъ, который былъ въ его рукахъ и въ кабинетѣ Рибо (послѣ отставки, въ которую онъ выходилъ во время панамскаго процесса). На выборахъ въ президенты онъ получилъ 483 голоса противъ 279, поданныхъ за Мелина.

группъ. Еще въ день похоронъ Феликса Фора старый буланжистъ Деруледъ [1]) сдѣлалъ попытку увлечь за собою войско, участвовавшее въ церемоніи, и повести его на Елисейскій дворецъ, возвращавшемуся же изъ Версаля послѣ выборовъ Лубе устроена была враждебная встрѣча, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя кучка націоналистовъ устроила президенту новый публичный скандалъ на скачкахъ, собирающихъ массу публики, на что республиканцы потомъ отвѣтили грандіозной манифестаціей въ честь Лубе. Результатомъ этой новой націоналистической агитаціи было образованіе министерства республиканской защиты, во главѣ котораго сталъ оппортунистъ Вальдекъ-Руссо и въ составъ котораго вошли, съ одной стороны, соціалистъ Мильеранъ въ качествѣ министра торговли, а съ другой съ портфелемъ военнаго министра генералъ Галлиффе, разстрѣливавшій въ 1871 г. коммунаровъ [2]).

Въ эти послѣдніе годы XIX в. въ исторіи французскихъ политическихъ партій произошла та перемѣна, что умѣренные республиканцы еще тѣснѣе соединились съ консерваторами въ одну партію охраны существующаго соціальнаго строя (conservation sociale), тогда какъ радикалы вмѣстѣ съ соціалистами составили партію соціальныхъ преобразованій. Первая находила свою естественную опору въ буржуазіи, духовенствѣ, въ верхахъ бюрократіи, вторая искала поддержки въ рабочихъ, крестьянахъ, въ мелкомъ чиновничествѣ. Главнымъ предметомъ борьбы сдѣлался въ это время, какъ мы только-что видѣли, вопросъ о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ, а кромѣ того, со стороны новой лѣвой стали требовать пересмотра конституціи въ смыслѣ измѣненія выборовъ въ сенатъ и ограниченія законодательныхъ правъ этого учрежденія [3]). Предметомъ партійныхъ разногласій былъ также вопросъ о франко-русскомъ союзѣ. Всѣ министерства, однако, совершенно одинаково понимали его полезность для Франціи въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ. Въ массѣ народа онъ пользовался тоже большою популярностью, ибо въ ней жила увѣренность, что этотъ союзъ знаменуетъ болѣе или менѣе близкое торжество реванша. Наконецъ, буржуазіи союзъ тоже казался выгоднымъ, такъ какъ онъ создавалъ благопріятныя условія для помѣщенія ея капиталовъ и сбереженій въ русскіе займы. Настоящей идейности въ союзѣ не было [4]), а болѣе лѣвые были противниками союза, какъ политики,

---

[1]) См. выше стр. 171, прим.

[2]) Впрочемъ, въ 1900 г. онъ былъ замѣненъ радикаломъ Андре.

[3]) Министерство Буржуа вынуждено было подать въ отставку именно вслѣдствіе столкновенія съ сенатомъ.

[4]) *Н. Е. Кудринъ* (Очерки современной Франціи, стр. 435—436 по 2 изд.) подчеркиваетъ эту сторону дѣла, противополагая равнодушіе французовъ въ концѣ девяностыхъ годовъ къ не-оффиціальной Россіи тому, наоборотъ, увлеченію русской литературой, которое было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

основанной на тѣсномъ соглашеніи съ абсолютистскимъ режимомъ [1]). Наконецъ, на взаимныя отношенія партій большое вліяніе оказывало и дѣло Дрейфуса, исторіей котораго мы и заключимъ настоящую главу.

Смерть Феликса Фора и избраніе Лубе пришлись на время наиболѣе горячаго періода еще одной общественной борьбы, въ которой столкнулись между собою прогрессивныя и реакціонныя силы Франціи и которая поэтому имѣетъ большое значеніе во внутренней исторіи третьей республики въ самомъ концѣ XIX вѣка. Опять образовался союзъ клерикаловъ, монархистовъ, шовинистовъ, на этотъ разъ получившій вдобавокъ рѣзко антисемитическій характеръ,—явленіе, вносящее въ агитацію реакціонеровъ новую, сравнительно съ буланжизмомъ, черту. Рѣчь идетъ о нашумѣвшемъ на весь свѣтъ дѣлѣ Дрейфуса. Прежде, однако, чѣмъ говорить объ этомъ дѣлѣ, нужно коснуться появленія и развитія и во Франціи, вслѣдъ за Германіей, антисемитизма, придавшаго дѣлу Дрейфуса специфическій характеръ „травли жида“ [2]).

Во Франціи передъ войной 1870—71 г. совершенно не было замѣтно въ обществѣ какого бы то ни было нерасположенія къ евреямъ, и даже во время и послѣ войны никто, повидимому, и подумать о томъ не могъ, чтобы обвинять евреевъ въ бѣдахъ, обрушившихся на родину. Такъ дѣло стояло и въ теченіе всѣхъ семидесятыхъ годовъ, такъ что еще въ 1880 г. французскій публицистъ Шербюлье писалъ, что во Франціи вообще трудно понять, какъ это въ Германіи есть какой-то еврейскій вопросъ, изъ-за котораго происходитъ столько споровъ и волненій. У насъ, прибавлялъ онъ, „рѣшено разъ на-всегда, что законы для всѣхъ одинаковы и что для пользованія ихъ покровительствомъ нѣтъ надобности молиться непремѣнно въ католическихъ церквахъ“. Скоро, однако, послѣ того, какъ это было написано, и во Франціи по примѣру Германіи началось антисемитическое движеніе, исходнымъ пунктомъ котораго были клерикальные круги, лозунгомъ—соціальная защита сорока милліоновъ французскаго народа, т.-е. крестьянъ и рабочихъ отъ эксплуатаціи со стороны восьмидесяти тысячъ живущихъ во Франціи евреевъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ стали появляться періодическія изданія,

---

[1]) Въ 1899 г. многіе французы не скрывали своего неудовольствія на то, что Россія не оказала энергичной поддержки Франціи во время конфликта изъ-за Фашоды, о которомъ см. выше, стр. 47.

[2]) *Bernard Lazare.* L'antisémitisme, son histoire et ses causes (1894).— *Levaillant.* La genèse de l'antisémitisme sous la troisième république (1907).— *A. Leroy-Beaulieu.* L'antisémitisme (1897). — *Н. Кудринъ.* Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи (въ „Очеркахъ соврем. Франціи“).—*С. Лозинскій.* Антисемитизмъ во Франціи (ст. во II т. „Еврейской энциклопедіи“).

направленныя противъ „жидовъ", какими были "L'Antijuif" и „L'Antisémitique". Французскіе антисемиты воспользовались тѣмъ недовольствомъ, какое царило въ народныхъ массахъ по отношенію къ оппортунистической политикѣ правящей буржуазіи, и начали рѣзкую травлю „еврейской шайки", которая, по ихъ словамъ, завладѣла судьбами Франціи. Для приданія характера полной очевидности такому утвержденію достаточно было указанія на то, что среди министровъ и другихъ политическихъ дѣятелей были евреи, напримѣръ, Рейнакъ, бывшій министромъ общественныхъ работъ, или Поль Беръ, сотрудникъ Жюля Ферри въ его антиклерикальномъ школьномъ законодательствѣ. Въ 1886 г. талантливый публицистъ Эдуардъ Дрюмонъ выпустилъ въ свѣтъ книгу „La France juive [1])", которая нашла массу читателей и почитателей. Въ этой книгѣ проводилась та мысль, что источникъ всѣхъ бѣдствій Франціи—евреи, что они виновны и въ неудачахъ войны 1870—71 г., и въ ужасахъ коммуны, и въ паденіи добрыхъ нравовъ въ обществѣ, и во всемъ остальномъ, ибо „tout vient du juif!" Этотъ же коллективный еврей, по словамъ Дрюмона, только и выигралъ вообще отъ революціи: все дѣло-де въ свойствахъ семитической расы. На самомъ дѣлѣ клерикальный писатель мѣтилъ, главнымъ образомъ, въ республику и столько же мѣста посвятилъ въ своей книгѣ обличеніямъ Гамбетты и другихъ вождей республиканской партіи, сколько отведено было нападкамъ на Рейнака и его сородичей. Сторонники Дрюмона основали особую „Антисемитическую лигу" и стали дѣятельно пропагандировать ея идеи въ провинціи. Это движеніе вскорѣ, однако, затихло, когда у французскихъ реакціонеровъ очутилось въ рукахъ новое средство для нападенія на республику, буланжизмъ, но когда буланжизмъ потерпѣлъ пораженіе, дѣятельность антисемитовъ оживилась, и многіе вожди буланжизма выступили теперь, какъ антисемиты, послѣ чего антисемитизмъ уже не могъ скрывать своего антиреспубликанскаго характера. Въ началѣ девяностыхъ годовъ въ палату депутатовъ было внесено предложеніе, поддержанное тридцатью слишкомъ депутатами, объ изгнаніи евреевъ изъ Франціи (1891), была основана большая антисемитическая газета „La Libre Parole" подъ редакціей Дрюмона (1892) и было открыто нѣсколько филіальныхъ отдѣленій „Антисемитической лиги" въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ. Между прочимъ, органъ Дрюмона сталъ обвинять въ измѣнническомъ поведеніи офицеровъ изъ евреевъ, и когда одинъ офицеръ еврей вызвалъ Дрюмона на дуэль, то друзья

---

[1]) *E. Drumont.* La France juive (1886). — *Его же.* La France juive devant l'opinion (1886). — *Léonce Regnaud.* La France n'est pas juive (1886). — *Его же.* Les juifs français devant l'opinion. — *Jaques de Biez.* La question juive (1886).—*H. Marini.* Le fin mot de la question juive (1886).

послѣдняго всѣ выразили желаніе драться за него по очереди, до тѣхъ поръ, пока у нихъ не будетъ „un bon cadavre de juif". Дѣло именно такъ и кончилось, какъ того желали друзья Дрюмона, т.-е. послѣ одной изъ такихъ дуэлей на мѣстѣ остался „еврейскій трупъ". Панамскій скандалъ, въ которомъ было замѣшано нѣсколько еврейскихъ именъ, далъ новую пищу антисемитической агитаціи, но на этотъ разъ юдофобскія ноты стали раздаваться и со стороны нѣкоторой части французскихъ соціалистовъ. Произошло нѣчто странное: въ то время, какъ многіе соціалисты обрушивались въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ на еврейство, антисемиты, состоявшіе главнымъ образомъ изъ клерикаловъ и бонапартистовъ, наоборотъ, и на собраніяхъ, и въ прессѣ сами брали рѣзко демократическія и соціалистическія ноты. Нерѣдко обвиненія реакціонеровъ и радикаловъ до такой степени были близки между собою, что обывательской публикѣ было очень трудно разобраться, гдѣ кончался „капиталистическій строй" и начиналось „еврейское засилье". Особенно это сближеніе діаметрально-противоположныхъ элементовъ усилилось, когда началось дѣло Дрейфуса, бывшее въ глазахъ антисемитовъ исполненіемъ пророчества Дрюмона о томъ, что французскіе офицеры изъ евреевъ предадутъ Францію. Подъ знаменемъ національнаго патріотизма въ однихъ рядахъ съ реакціонерами, клерикалами и монархистами стояли теперь многіе, считавшіе себя прогрессистами, свободомыслящими, чистѣйшими республиканцами, рядомъ съ Дрюмономъ, напримѣръ, Рошфоръ и т. п. Нужно, впрочемъ, прибавить, что если послѣ „панамы" антисемиты нашли наибольшее количество приверженцевъ въ соціалистическомъ лагерѣ, то во время „дрейфусіады", наоборотъ, союзниками антисемитовъ выступали, главнымъ образомъ, умѣренные республиканцы, у которыхъ, какъ сами думали многіе изъ нихъ, только теперь раскрылись глаза на всѣ еврейскія козни. Но это же самое дѣло Дрейфуса въ концѣ концовъ обнаружило, что и патріотизмъ, и антисемитизмъ были только прикрытіемъ настоящаго существа всей агитаціи, т.-е. клерикальныхъ происковъ. Самое дѣло Дрейфуса заключалось въ слѣдующемъ [1]).

---

[1]) *J. Reinach.* Histoire de l'affaire Dreyfus (пять томовъ, изъ коихъ послѣдній вышелъ въ 1908 г.). — *Paschal Grousset.* L'affaire Dreyfus illustrée et ses ressorts secrets, histoire documentaire (1898).—*Mittelstädt.* Die Affaire Dreyfus (1899).—*H. Brisson.* Souvenirs. Affaire Dreyfus (1908).—*H. Dutrait-Crozon.* Procès de l'affaire Dreyfus, 1894—1908 (1909). — *J. Grand-Carteret.* L'affaire Dreyfus et l'image (1898).—*S. Faure.* Les anarchistes et l'affaire Dreyfus (1897).—*Jean Jaurès.* Les preuves de l'affaire Dreyfus (1898). — *Дрейфусъ.* Пять лѣтъ моей жизни. 1901.—Дѣло Дрейфуса, Эстергази и Эмиля Зола (1898).—Процессъ Зола съ изложеніемъ дѣлъ Дрейфуса-Эстергази (1898). — *А. Ревилль.* Какъ я

Въ концѣ 1894 г. во французскомъ генеральномъ штабѣ было обнаружено исчезновенiе нѣкоторыхъ секретныхъ бумагъ, а вскорѣ затѣмъ полковникъ Анри (Henry), состоявшiй начальникомъ развѣдочнаго бюро, доставилъ военнымъ властямъ „бордеро“ (препроводительное письмо), въ которомъ неизвѣстное лицо извѣщало кого-то о доставленiи ему тайныхъ военныхъ документовъ, причемъ Анри указалъ, откуда былъ добытъ этотъ „бордеро“: выходило такъ, что его нашли въ числѣ бумагъ, выброшенныхъ, какъ ненужный хламъ, нѣмецкимъ полковникомъ Шварцкоппеномъ, военнымъ агентомъ Германiи въ Парижѣ. „Бордеро“ подвергли изслѣдованiю, приведшему къ тому выводу, что онъ написанъ почеркомъ капитана, еврея по происхожденiю, Альфреда Дрейфуса, не задолго передъ тѣмъ бывшаго причисленнымъ къ генеральному штабу, очень способнаго офицера, хорошаго служаки, только не пользовавшагося любовью товарищей за свою жесткость и надменность. Военный министръ Мерсье добился возбужденiя противъ Дрейфуса судебнаго преслѣдованiя, не смотря на то, что противъ этого былъ его товарищъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото, выражавшiй сомнѣнiе относительно главной улики, т.-е. „бордеро“. Въ дѣлѣ преданiя Дрейфуса суду главную роль съиграли Анри и еще одинъ офицеръ, майоръ Пати-де-Кламъ, потомъ и на судѣ доказывавшiе виновность Дрейфуса вмѣстѣ съ начальникомъ генеральнаго штаба, генераломъ Буадеффромъ, а также и его помощникомъ, генераломъ Гонзомъ. Военный судъ, разбиравшiй дѣло при закрытыхъ дверяхъ, призналъ Дрейфуса виновнымъ въ шпiонствѣ и въ государственной измѣнѣ и приговорилъ его къ лишенiю чина и воинскаго званiя и къ ссылкѣ на всю остальную жизнь въ Кайенну. Въ началѣ января 1895 г. осужденный былъ отправленъ въ строгое заключенiе на Чортовъ островъ. Между тѣмъ уже въ то время многiе высказывали сомнѣнiе, не произошло ли въ этомъ дѣлѣ судебной ошибки, такъ какъ принадлежность „бордеро“ Дрейфусу не казалась строго установленной [1]). Въ 1896 г. даже появилась брошюра подъ заглавiемъ „Одна судебная ошибка“ (авторъ ея—Лазаръ), доказывавшая невиновность Дрейфуса.

Совсѣмъ неожиданный оборотъ приняло „дѣло Дрейфуса“, когда занявшiй мѣсто Анри полковникъ Пикаръ [2]) нашелъ, что почеркъ пресловутаго „бордеро“ сильно напоминаетъ почеркъ совсѣмъ другого офицера генеральнаго штаба, маiора Эстергази; онъ довелъ объ этомъ

повѣрилъ въ невинность Дрейфуса? (1898). — О дѣлѣ Дрейфуса см. также XV—XVII „письма“ въ книгѣ *Н. Е. Кудрина* „Очерки современной Францiи“.

[1]) Самый „бордеро“ былъ въ видѣ факсимиле опубликованъ въ газетѣ „Le Matin“.

[2]) *Fr. de Pressensé.* Un héro, le lieutenant-colonel Picquart (1898).

до свѣдѣнія Гонза, указавъ, что заподозрѣнный имъ офицеръ соритъ деньгами. Открытію Пикара хода, однако, дано не было, и самъ онъ даже былъ переведенъ въ Тунисъ, но узнавшій отъ него о его подозрѣніи сенаторъ Жераръ-Кестнеръ, республиканецъ, пользовавшійся въ обществѣ самой безупречной репутаціей [1]), сдѣлалъ въ сенатѣ по этому дѣлу запросъ правительству, чтобы добиться пересмотра дѣла. Такъ какъ и новый военный министръ (Бильо) настаивалъ на виновности Дрейфуса, а министромъ колоній (Лебономъ) было даже послано на Чортовъ островъ приказаніе усилить строгость тюремнаго режима, которому былъ подвергнутъ „предатель“, то за несчастнаго вступился уже его братъ, Матьё Дрейфусъ, предъявившій къ Эстергази формальное обвиненіе въ авторствѣ „бордеро“. Судъ надъ Эстергази (военный) состоялся въ первой половинѣ января 1898 г., но это была, въ сущности, простая комедія, разыгранная для оправданія Эстергази, какъ того только и хотѣло военное начальство. Тогда на сцену „дрейфусовскаго дѣла“ выступилъ знаменитый романтистъ Зола, напечатавшій въ газетѣ Клемансо „Aurore“ открытое письмо къ президенту республики („J'accuse“), въ которомъ съ большою силою обвинялъ Эстергази и Анри въ подлогѣ „бордеро“, а генеральный штабъ и само военное министерство—въ сознательной несправедливости по отношенію къ непріятному имъ человѣку и въ прямомъ укрывательствѣ Эстергази. Въ тотъ же день, когда появилось въ печати „J'accuse“ Зола, въ палатѣ депутатовъ по его поводу былъ сдѣланъ правительству запросъ, на который оно отвѣчало заявленіемъ, что Зола будетъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, послѣ чего получило вотумъ довѣрія весьма внушительнымъ большинствомъ голосовъ. Смѣлый обличитель, дѣйствительно, былъ преданъ суду по обвиненію въ клеветѣ. Первый приговоръ присяжныхъ (въ февралѣ 1898 г.) былъ кассированъ по чисто формальнымъ поводамъ, а вторымъ приговоромъ въ іюлѣ Зола былъ признанъ виновнымъ, вслѣдствіе чего былъ присужденъ къ годичному заключенію въ тюрьмѣ и къ денежному штрафу въ три тысячи франковъ. Чтобы не подвергаться тюремному заключенію, Зола бѣжалъ въ Англію [2]).

„J'accuse“ славнаго романиста, проявившаго въ своемъ обвиненіи и большое гражданское мужество, произвело сильное впеча-

---

[1]) При Наполеонѣ III онъ былъ въ рядахъ оппозиціи; въ 1870 г. организовалъ защиту Эльзаса, своей родины; выбранный въ національное собраніе 1871 г., оставилъ его въ видѣ протеста противъ уступки Эльзаса; въ качествѣ сенатора (съ 1875 г.) былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ противниковъ Макъ-Магона, потомъ Буланже.

[2]) Подъ заглавіемъ „La vérité en marche“ (1901) *Zola* издалъ еще сборникъ статей по дѣлу Дрейфуса.

тлѣніе буквально въ цѣломъ свѣтѣ и возбудило не только во Франціи, но и повсюду тотъ интересъ къ „affaire Dreyfus", который придалъ ему широкое общественное значеніе и сдѣлалъ его въ полномъ смыслѣ историческимъ. Общество и газетные публицисты не въ одной Франціи раздѣлились на дрейфусистовъ и антидрейфусистовъ. Въ этомъ второмъ лагерѣ очутились во Франціи вся армія съ генеральнымъ штабомъ и военнымъ министерствомъ, всѣ клерикалы, націоналисты, антисемисты и т. п. Къ антидрейфусистскому лагерю примкнулъ совершенно неожиданно Рошфоръ. Старый полемистъ и революціонеръ, за свою буланжистную ревность подвергавшійся опасности пожизненнаго заключенія въ крѣпости [1]), амнистированный въ 1895 г. и вернувшійся на родину изъ Лондона, гдѣ онъ спасался отъ наказанія, на этотъ разъ далъ полную волю своимъ давнишнимъ юдофобскимъ чувствамъ и сталъ вести кампанію въ одномъ лагерѣ со своимъ обвинителемъ въ процессѣ 1889 г., прокуроромъ Кенэ-де-Бореперомъ и съ главою французскихъ антисемитовъ Дрюмономъ. Рошфоръ выступилъ въ этомъ дѣлѣ самымъ необузданнымъ противникомъ пересмотра, самымъ пламеннымъ защитникомъ генеральнаго штаба. Можно даже сказать, что дѣло Дрейфуса довольно прочно сблизило его съ антисемитами, шовинистами и клерикалами и сдѣлало его отъявленнымъ врагомъ всѣхъ его прежнихъ союзниковъ и друзей, хотя формально онъ и не отрекся отъ своихъ былыхъ антиклерикальныхъ и радикально-демократическихъ воззрѣній. Вообще люди, бывшіе за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ буланжистами, теперь становились антидрейфусистами. Всѣ они стояли на той точкѣ зрѣнія, что Дрейфусъ былъ наказанъ совершенно справедливо, какъ предатель и врагъ Франціи, что защищать его способны только „грязные жиды" (sales juifs) да продавшіеся имъ измѣнники и иностранцы, что все это—люди, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы обезчестить французскую армію и французскій офицерскій корпусъ, въ которомъ помимо евреевъ не можетъ быть, шпіоновъ и предателей. Наоборотъ, прогрессивная часть общества требовала, чтобы на дѣло было пролитъ безпристрастный свѣтъ, будучи убѣждена, что Дрейфусъ былъ заподозрѣнъ лишь вслѣдствіе своего еврейства и что его враги высказываются противъ пересмотра дѣла только ради спасенія Эстергази и огражденія авторитета военнаго суда. Среди соціалистовъ произошло раздѣленіе мнѣній. Представитель марксистскаго теченія во французскомъ соціализмѣ, Жюль Гэдъ, по вопросу о Дрейфусѣ совершенно разошелся съ вождемъ соціалистовъ въ палатѣ, Жоресомъ, ставшимъ на сторону Дрейфуса. Мнѣніе Гэда заключалось въ томъ, что этотъ

---

[1]) См. выше, стр. 170, примѣч. 3.

вопросъ — домашнее дѣло буржуазіи, которая и должна въ немъ копаться и, какъ сама знаетъ, разбираться, но что соціализму и рабочимъ совершенно незачѣмъ впутываться въ буржуазную распрю, кто бы тамъ ни былъ правъ или виноватъ. Наоборотъ, Жоресъ выступилъ горячимъ защитникомъ Дрейфуса вмѣстѣ съ Зола и съ Клемансо, наиболѣе сдѣлавшими для того, чтобы обратить общественное вниманіе на содѣянную несправедливость. Дѣло дошло даже до раскола между гэдистами и жоресистами, имѣвшаго, конечно, и другія причины, поскольку Гэдъ былъ правовѣрнымъ послѣдователемъ Маркса, а міросозерцаніе Жореса, само не отличаясь полною стройностью, во всякомъ случаѣ не находилось въ гармоніи съ ученіями и стремленіями соціалъ-демократіи. И это былъ не единственный раздоръ изъ-за дѣла Дрейфуса между близкими людьми: ссоры происходили въ разныхъ кругахъ вплоть до отдѣльныхъ семей [1]).

Обвинители Дрейфуса искали новыхъ доказательствъ его преступности. На судѣ надъ Зола однимъ генераломъ было предъявлено перехваченное письмо германскаго военнаго агента въ Парижѣ, уже упоминавшагося Шварцкоппена, написанное имъ своему итальянскому собрату Паницарди, гдѣ упоминался „этотъ еврей Д", т.-е. Дрейфусъ. Потомъ въ дѣло были пущены еще два документа, добытые такимъ же путемъ, тоже письма съ упоминаніями объ „этой канальѣ Д." На эти письма оффиціально сослался военный министръ (Кавеньякъ) въ одномъ своемъ отвѣтѣ палатѣ на сдѣланный правительству запросъ, и это имѣло большой успѣхъ у громаднаго большинства депутатовъ, даже принявшихъ предложеніе одного соціалиста (Мирмана) отпечатать рѣчь министра и расклеить ее во всѣхъ коммунахъ Франціи. Но и защитники Дрейфуса не дремали. Дѣло въ томъ, что письмо Шварцкоппена, написанное по-французски, заключало въ себѣ нѣсколько ошибокъ, которыхъ,—говорили защитники Дрейфуса,—германскій военный агентъ сдѣлать не могъ, какъ эльзасскій уроженецъ, знающій по-французски превосходно. Полковникъ Пикаръ даже публично обви-

---

[1]) Очень хорошо характеризуетъ эту сторону разсматриваемаго эпизода одна каррикатура извѣстнаго Каранъ-д'Аша: за обѣденнымъ столомъ сидитъ большая компанія, а въ объяснительномъ текстѣ значится приглашеніе не говорить о дѣлѣ Дрейфуса, рядомъ же, подъ другою картиною, сказано, что о дѣлѣ заговорили („Ne parlons pas de l'affaire Dreyfus" и „ils ont parlé"), причемъ изображена всеобщая потасовка, съ опрокинутыми стульями, сдернутою скатертью, падающими тарелками, бутылками, ножами, вилками и т. п.—Нѣкоторые писатели, касавшіеся дѣла Дрейфуса, подчеркиваютъ вмѣшательство въ него религіозныхъ страстей. Наприм., *E. Levasseur* говоритъ: „il était regrettable que des passions religieuses se donnassent carrière à cette occasion et creusasent plus profondément les divisions qui existaient déjà parmi les Français. Questions ouvrières en France sous la troisième république (1907), стр. 21.

нилъ въ прямой поддѣлкѣ этого документа Анри, за что былъ арестованъ, хотя нѣкоторое время спустя и самъ военный министръ усумнился въ подлинности письма Шварцкоппена. Поэтому онъ пригласилъ къ себѣ Анри, произвелъ ему допросъ и вынудилъ у него признаніе въ подлогѣ. На этотъ разъ уже Анри подвергся аресту, находясь подъ которымъ, поспѣшилъ кончить самоубійствомъ всѣ свои счеты съ жизнью. Однако, и въ высшихъ военныхъ сферахъ, и въ лагерѣ антидрейфусистовъ не подумали изъ самоубійства Анри дѣлать выводъ въ пользу узника Чортова острова. У Анри нашлись защитники, говорившіе, что совершеніе имъ подлога было вызвано патріотизмомъ и чувствомъ преданности къ арміи, честь которой страдала-де отъ агитаціи дрейфусаровъ. Мало того, началась подписка для сооруженія памятника на могилѣ несчастной жертвы любви къ отечеству и народной гордости, какую антисемиты видѣли теперь въ Анри. Самъ Кавеньякъ, заподозрѣвшій Анри въ подлогѣ, продолжалъ тѣмъ не менѣе вѣрить въ виновность Дрейфуса, но предсѣдатель совѣта министровъ Бриссонъ, тоже вѣрившій въ эту виновность, послѣ открытія подлога Анри началъ настаивать на необходимости пересмотра дѣла, поставивъ въ вину Кавеньяку, что, подозрѣвая подложность документа, онъ молчалъ объ этомъ передъ своими товарищами по кабинету. Кавеньякъ тогда вышелъ въ отставку, но и замѣнившій его генералъ Цурлинденъ (французы произносятъ фамилію этого эльзасца Зюрленденъ) оказался противникомъ пересмотра. Повидимому, вступая въ министерство Бриссона, Цурлинденъ далъ ему извѣстныя обѣщанія относительно дѣла Дрейфуса, но это не помѣшало ему обратиться съ письмомъ, появившемся потомъ въ газетахъ, къ министру юстиціи (Сарьену), гдѣ проводилась та мысль, что подлогъ, сдѣланный въ 1896 г., отнюдь не долженъ оказывать вліянія на отношеніе къ дѣлу, рѣшенному еще въ 1894 г. Такъ какъ тѣмъ не менѣе совѣтъ министровъ постановилъ передать дѣло Дрейфуса на разсмотрѣніе кассаціоннаго суда, то Цурлинденъ на другой же день подалъ въ отставку, заявивъ въ своемъ прошеніи, что убѣжденіе въ виновности Дрейфуса, вынесенное изъ очень внимательнаго изученія процесса, не позволяетъ ему стать въ качествѣ главы арміи на какую-либо иную точку зрѣнія, кромѣ той, которая вытекаетъ изъ судебнаго по дѣлу приговора. Эта отставка тотчасъ же сдѣлала Цурлиндена въ глазахъ антидрейфусистовъ настоящимъ героемъ, когда же онъ, вернувшись на свой прежній постъ военнаго губернатора Парижа, вновь арестовалъ Пикара, возбудивъ противъ него дѣло о клеветѣ, то популярность его, Цурлиндена, среди шовинистовъ и антисемитовъ поднялась еще больше. Мѣсто военнаго министра занялъ въ кабинетѣ Шануанъ, который, однако, черезъ нѣкоторое время, ни слова напередъ не сказавъ Бриссону, совершенно

неожиданно заявилъ въ палатѣ, что и онъ убѣжденъ въ виновности Дрейфуса, и что оставаться на своемъ посту онъ болѣе не можетъ. Послѣ выхода изъ кабинета изъ-за дѣла Дрейфуса третьяго военнаго министра и самъ кабинетъ не могъ долѣе оставаться. Новымъ премьеромъ сдѣлался Дюпюи, военнымъ министромъ—Фрейсине.

Кассаціонный судъ, разсмотрѣвъ дѣло Дрейфуса, нашелъ, что достаточно одного „новаго факта“, заключающагося въ подлогѣ документа, чтобы дѣло было пересмотрѣно, но сверхъ того онъ обнаружилъ, что въ дѣлѣ былъ еще цѣлый рядъ подложныхъ документовъ, и что на приговоръ оказано было рѣшительное вліяніе предъявленіемъ судьямъ, во время ихъ совѣщанія о виновности или невиновности Дрейфуса, такихъ данныхъ, которыя не были предъявлены ни самому подсудимому, ни его защитнику. Антидрейфусисты были крайне недовольны такимъ рѣшеніемъ кассаціоннаго суда. Большимъ для нихъ ударомъ былъ и отъѣздъ Эстергази за границу, откуда онъ прислалъ признаніе въ составленіи „бордеро“. Правда, антидрейфусисты находили объясненіе это музаявленію въ томъ, что, конечно, и здѣсь дѣло сдѣлано было за хорошую плату изъ дрейфусаровскихъ „жидовскихъ“ фондовъ. До какой степени разгорѣлись въ этотъ періодъ дрейфусовскаго дѣла страсти, можно видѣть изъ того, что когда, наконецъ, въ концѣ лѣта 1899 г. въ Реннѣ начался пересмотръ дѣла въ военномъ судѣ, на жизнь защитника Дрейфуса (Лабори) сдѣлано было неизвѣстными лицами лишь случайно неудавшееся покушеніе.

На реннскомъ пересмотрѣ дѣла Дрейфуса, тянувшемся цѣлый мѣсяцъ, опять военною партіей было пущено все въ ходъ, чтобы узникъ Чортова острова не вышелъ оправданнымъ изъ суда. На судъ явились въ качествѣ свидѣтелей всѣ его прежніе обвинители, не исключая пяти военныхъ министровъ, но въ вызовѣ Шварцкоппена и Паницарди защитѣ судъ рѣшительно отказалъ, такъ что уже самъ германскій военный агентъ путемъ печати огласилъ фактъ передачи ему секретныхъ документовъ не Дрейфусомъ, а Эстергази, германское же правительство къ этому прибавило оффиціальное сообщеніе, что и вообще съ Дрейфусомъ у него не было никакихъ сношеній. Изъ семи судей только двое высказались за Дрейфуса, но, вновь признавъ его виновнымъ, судъ сослался на смягчающія вину обстоятельства и приговорилъ его къ десятилѣтнему заключенію, вмѣсто прежняго пожизненнаго. Сторонники Дрейфуса справедливо находили этотъ приговоръ непослѣдовательнымъ и неискреннимъ: при дѣйствительной виновности никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ не могло быть, а разъ ихъ признавали, значитъ, на судѣ не все было чисто.

Финалъ дѣла Дрейфуса былъ такой. Уже въ министерство Вальдека-Руссо президентъ республики Лубе по предложенію министерства

далъ Дрейфусу помилованіе. На всѣхъ дрейфусистовъ произвело очень тягостное впечатлѣніе то, что Дрейфусъ согласился его принять. Среди нихъ возникъ даже планъ начать новую борьбу возбужденіемъ судебнаго преслѣдованія противъ генерала Мерсье, но Вальдекъ-Руссо предпочелъ прекратить дальнѣйшую агитацію въ обществѣ, предложивъ палатамъ (ими потомъ вскорѣ и принятую) общую амнистію по всѣмъ преступленіямъ, имѣющимъ какую-либо связь съ дѣломъ Дрейфуса [1]).

Около знаменитаго „дѣла" („l'affaire"), въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ волновавшаго общество не въ одной Франціи, образовалась цѣлая литература [2]). Когда вернувшійся во Францію Дрейфусъ издалъ книгу подъ заглавіемъ „Пять лѣтъ моей жизни" [3]) съ описаніемъ ужасовъ своего заточенія, ее раскупали на расхватъ и переводили на разные языки. Стенографическіе отчеты о процессахъ какъ самого Дрейфуса, такъ и другихъ, связанныхъ съ его дѣломъ (наприм., Зола), равнымъ образомъ, сильно интересовали публику и переводились на другіе языки. Подъ заглавіемъ „Исторія дѣла Дрейфуса" Жозефъ Рейнакъ даже предпринялъ цѣлую исторію Франціи съ 1894 г., пять томовъ которой издавались съ 1901 по 1908 г. [4]). Все это, конечно, свидѣтельствуетъ о громадномъ общественномъ значеніи, какое выпало на долю этого дѣла въ концѣ XIX в. „L'affaire Dreyfus", какъ въ фокусѣ, сосредоточила въ себѣ борьбу реакціи и прогресса, и въ этомъ его великое общественное значеніе, безъ чего оно, конечно, не могло бы произвести такого сильнаго впечатлѣнія на современниковъ и перейти въ исторію, какъ одинъ изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ французской исторіи конца прошедшаго столѣтія. Французскіе соціалисты были неправы, когда утверждали, что это былъ только домашній споръ буржуазіи. Его значеніе гораздо лучше поняли наиболѣе выдающіеся представители, такъ сказать, неполитической интел-

---

[1]) Собственно это не было настоящимъ финаломъ. За Дрейфусомъ осталось право требовать пересмотра своего дѣла, которымъ онъ и воспользовался въ 1903 г. послѣ того, какъ Жоресъ доложилъ палатѣ одно письмо къ Каваньяку, въ которомъ ясно говорилось о разнаго рода обманахъ въ дѣлѣ Дрейфуса, и бывшій въ 1903 г. военнымъ министромъ генералъ Андре высказался за новый пересмотръ. Въ 1905 г. кассаціонный судъ отмѣнилъ приговоръ реннскаго суда и вообще все вызванное обвиненіемъ Дрейфуса дѣлопроизводство, что повлекло за собою возвращеніе самого Дрейфуса на дѣйствительную службу съ повышеніемъ въ майоры и даже награжденіемъ орденомъ почетнаго легіона.

[2]) Въ 1903 г. *P. Désachy* издалъ „Bibliographie de l'affaire Dreyfus", въ которой названо болѣе шестисотъ книгъ и брошюръ.

[3]) Есть не одинъ русскій переводъ.

[4]) См. выше, стр. 195.

лигенціи, увидѣвшіе въ антидрейфусистской агитаціи нападеніе на самыя важныя пріобрѣтенія цивилизаціи [1]). Это тоже была своего рода „борьба за культуру“, и если французы съумѣли придать частному случаю совершонной несправедливости подъ вліяніемъ некультурныхъ инстинктовъ и предразсудковъ интересъ крупнаго общественнаго событія въ глазахъ всего цивилизованнаго міра, то это только показываетъ, что демократическая и интеллигентная Франція все еще остается страною, особенно умѣющею приковывать къ себѣ вниманіе и сочувствіе образованныхъ людей всѣхъ націй.

XVII. Эпоха завершенія демократическаго переустройства Англіи и борьбы за ирландскій гомруль [2]).

Общій взглядъ на конецъ царствованія королевы Викторіи и на ея роль въ исторіи Англіи XIX вѣка.—Второе министерство Гладстона.—Ирландскія волненія и начало дѣятельности Парнелля. — Третья парламентская реформа. — Внѣшняя политика второго министерства Гладстона. — Внутренній разладъ въ кабинетѣ Гладстона и начало политической дѣятельности Чэмберлена.—Внутреннія движенія въ либеральной и консервативной партіяхъ послѣ 1880 г.— Выступленіе Чёрчилля.—Первое министерство Солсбёри.—Третье министерство Гладстона и его билль о гомрулѣ. — Образованіе партіи уніонистовъ. — Второе министерство Солсбёри.—Ирландскія дѣла конца восьмидесятыхъ годовъ и конецъ Парнелля.—Демократизація управленія графствами.—Рабочее движеніе и соціализмъ въ Англіи въ концѣ XIX в. — Четвертое министерство Гладстона и Розбери.—Переходъ власти къ консерваторамъ.—Возрастаніе имперіалистскихъ стремленій и замыслы Чэмберлена.—Начало бурской войны.

Главными явленіями внутренней исторіи Англіи въ послѣднія два десятилѣтія XIX вѣка были завершеніе демократизаціи ея учре-

[1]) „Мы присутствуемъ теперь при очень любопытномъ явленіи: великія историческія силы современнаго періода, заполняющія весь міръ шумомъ своей борьбы, въ данный моментъ (процессъ Зола) воздержались отъ активнаго вмѣшательства въ ту злобу дня, которая, несмотря на свой частный характеръ, означаетъ ни много, ни мало, какъ столкновеніе двухъ основныхъ міровоззрѣній, — мирнаго и свѣтскаго настоящаго и военно-клерикальнаго прошлаго. Зато на сцену борьбы выступили „идеологи“. Уже давно во Франціи мы не присутствовали при такомъ движеніи „интеллигенціи“ (intellectuels, какъ вошло теперь въ моду называть людей этой категоріи); давно мы не видѣли такого искренняго возмущенія несправедливостью со стороны мыслящей части буржуазіи“. *Н. Е. Кудринъ.* Очерки современной Франціи, стр. 447. Авторъ приписываетъ воздѣйствію ученыхъ, профессоровъ и литераторовъ то, что часть общества, „кокетничавшая антисемитизмомъ, устыдилась своихъ бывшихъ товарищей и союзниковъ и рѣшительно отшатнулась отъ нихъ“, стр. 448. См. также начинающееся на указанной стр. „письмо“ XVII объ „идейномъ пробужденіи Франціи“ (см. особенно стр. 460 и слѣд.).

[2]) Исторія Англіи съ конца шестидесятыхъ до начала восьмидесятыхъ годовъ XIX в. изложена въ главѣ IX (стр. 297—337 первой части этого тома).

жденій и постановка вопроса объ ирландскомъ гомрулѣ. За этотъ періодъ времени произошли въ Англіи третья реформа парламентскихъ выборовъ и двѣ реформы мѣстнаго управленія: одна, касавшаяся графствъ, какъ болѣе крупныхъ территоріальныхъ дѣленій, другая, касавшаяся мелкой земской единицы, т.-е. прихода. Всѣ три реформы имѣли демократическій характеръ и были произведены на протяженіи десяти лѣтъ (1884—1894). Не такъ счастлива была задуманная наиболѣе прогрессивными политическими дѣятелями Англіи реформа управленія

Тамъ же (на стр. 298—299, 301, 303, 308, 309, 310, 317, 325 и др.) даны указанія на литературу. Спеціально для настоящей главы отмѣтимъ: *J. H. Mac Carthy.* England under Gladstone, 1880—1885 (1885).—*P. W. Clayden.* England under the coalition, 1885—1892 (1892).—*Г. П. Каменскій.* Государственное хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управленія министерства тори, 1886—1892 (1895).—*Д. Сатуринъ.* Послѣдніе моменты исторіи англійскаго народа. Южно-африканская война, федерація австралійскихъ колоній и пр. — *Pulling.* Life and speeches of the marquis of Salisbury (1885).—*Traill.* The marquis of Salisbury (1892).—*Aitkin.* The marquis of Salisbury (1901).—*How.* The marquis of Salisbury (1902).—*Whates.* The third Salisbury administration (1900). Для реформъ въ области мѣстнаго управленія см.: *Ch. Baker.* The local government act 1888 (1888).—*W. A. Holdsworth.* То же заглавіе (1888).—*W. C. Ryde.* The local government act 1894 (1894). — *E. Jenks.* An outline of english local government (1894; есть фран. перев. 1901 г.). — *Arminjon.* L'administration locale d'Angleterre (1895). — *M. Vauthier.* Le governement local en Angleterre (1896).—*M. Вотье.* Мѣстное управленіе Англіи (1896). — *A. Shaw.* Municipal government in Great Britain (1896). — *C. Hugo.* Städteverwaltung und Munizipal-Socialismus in England 1897; по русски: *К. Гуго.* Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи, 1898).—*Wright and Hobhouse.* An outline of local government and local taxation in England and Wales (1898).—*Odgers.* Local government in England and Wales (1899). — *L. Sinzheimer.* Der londoner Grafschaftsrat (1900). -- *Redlich.* Englische Localverwaltung (1901; есть рус. пер.).—*S. and B. Webb.* English local government from the revolution to the municipal incorporations act. The parish and the county (1907).—*R. Boverat.* Le socialisme municipal en Angleterre (1907).—По исторіи ирландскаго гомруля и парнеллевскаго движенія тоже есть большая литература: *Bryce.* Handbook of home rule (1887; изд. 2-е).—*B. Powel.* The truth about home rule (1887; изд. 2-е).—*A. V. Dicey.* Englands case against home rule (1886).—*Sidney Buxton.* Handbook to political questions of the day (1892; изд. 8-е).—*T. P. O'Connor.* Parnell movement (1889).—*Его же.* Ch. St. Parnell (1892). — *Walsch.* A memorial volume to Ch. St. Parnell (1892).—*G. Moor.* Parnell and his Island (1887).—*Stead.* The discrowned king of the Irland (1891).—*Barry O'Brien.* The life of Ch. St. Parnell (1898).—См. также книгу *Filon'a*, названную на стр. 299 первой части тома.— О Парнеллѣ довольно много писалось и у насъ. См. *В. Дерюжинскій.* Парнелль и Ирландія (Въ сборн. „Изъ исторіи политической свободы", 1906).—*Его же* статья о Парнеллѣ въ кн. „Выдающіеся англійскіе политическіе дѣятели XIX в." (1904). *Е. Тарле* (въ его „Очеркахъ и характеристикахъ изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX в.", 1904).— О Парнеллѣ есть статья также въ книгѣ *Э. Пименовой*, указанной на стр. 299 первой части.

Ирландіей на началахъ автономіи, но вопросъ объ этой реформѣ продолжалъ служить предметомъ политической борьбы, внесши вмѣстѣ съ этимъ расколъ въ ряды либеральной партіи и тѣмъ создавъ новую комбинацію въ междупартійныхъ отношеніяхъ. Этотъ расколъ вообще ослабилъ либераловъ, а кромѣ того, противъ ихъ политики, произошла протекціонистская и націоналистическая реакція, выразившаяся въ ростѣ такъ называемаго имперіализма, начало которому было положено еще во второе министерство Биконсфильда [1]). За періодъ времени, разсматриваемый въ настоящей главѣ, трижды первымъ министромъ [2]) королевы Викторіи становился старикъ Гладстонъ (въ 1880, 1886 и 1892 годахъ), и трижды власть переходила къ консерваторамъ (въ 1885, 1886 и 1895 годахъ).—Это были послѣдніе годы длиннаго царствованія Викторіи. Вступивъ на престолъ еще совсѣмъ молодой (18 лѣтъ) въ 1837 г., она отпраздновала въ 1887 и 1897 гг. „золотой“ и „бриллiантовый“ юбилеи и скончалась въ 1901 г., процарствовавъ 64 года. Современники этой королевы не разъ указывали на то, что столь продолжительное пребываніе на англійскомъ престолѣ женщины было благопріятно для развитія въ Англіи парламентаризма [3]), хотя не слѣдуетъ думать, что королева Викторія такъ-

---

[1]) См. выше, стр. 33—34.

[2]) Одной изъ избитыхъ фразъ, бывшихъ въ ходу въ Англіи, было то, что „первый министръ неизвѣстенъ конституціи“. „Въ Англіи, говоритъ *Сидней Лоу*, существованіе перваго министра старательно скрывалось. Имя его, кажется, формально не упоминалось въ оффиціальныхъ документахъ до 1878 г., когда... во вводной части берлинскаго трактата лордъ Биконсфильдъ былъ названъ первымъ лордомъ казначейства ея величества, первымъ министромъ Англіи“ (быть можетъ, въ видѣ уступки невѣжеству иностранцевъ), а послѣ этого лишь въ 1900 г. „придворный циркуляръ, по оплошности или же сознательно осмѣлившись на такое новшество, назвалъ Солсбери первымъ министромъ“. Государственный строй Англіи (1908), стр. 133—134.—Until 1906 the prime minister... was unknown to the law“. *L. Lowell.* The government of England (1908), I, 68.

[3]) Въ книгѣ *Сиднея Лоу* „Государственный строй Англіи“ по этому поводу говорится слѣдующее: „если бы Вильгельму IV наслѣдовала не юная женщина, а молодой, энергичный и талантливый человѣкъ, тогда политическая эволюція XIX столѣтія приняла бы, можетъ быть, иной оборотъ“, стр. 230 и слѣд., гдѣ эта мысль аргументируется бѣглымъ обзоромъ отношеній, существовавшихъ между королевой Викторіей и ея министрами. По мнѣнію *Лоу*, имѣла большое значеніе и преждевременная смерть принца-супруга. „Потеря, говоритъ онъ, заботливаго конфиденціальнаго совѣтника сдѣлала королеву, хотя съ возрастомъ она пріобрѣла большую опытность, менѣе способной отстаивать свою волю противъ могущественныхъ самоувѣренныхъ министровъ позднѣйшаго періода“. Вообще Викторія,—прибавляетъ авторъ,—„быть можетъ, не совсѣмъ охотно, согласилась на утвержденіе верховенства кабинета“, стр. 233. Разъясненіе послѣдняго выраженія см. въ примѣчаніи на стр. 328 первой части настоящаго тома.

таки не играла никакой политической роли въ исторіи своей страны [1]). Конечно, она не безразлично относилась и къ отдѣльнымъ политическимъ дѣятелямъ [2]), съ чѣмъ нельзя было не считаться при образованіи министерствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она умѣла подчинять свои симпатіи и антипатіи требованіямъ политической дальновидности. Въ массахъ англійскаго народа Викторія пользовалась величайшею популярностью, чѣмъ даже немало способствовала поднятію престижа королевскаго сана, который былъ такъ уроненъ ея дядей, Георгомъ IV [3]). Особенно въ годъ своего бриллiантоваго юбилея, въ праздновании котораго приняли широкое участіе и колоніи,—Викторія могла видѣть, какою любовью и уваженіемъ ее окружали ея подданные англо-саксонской расы во всѣхъ частяхъ свѣта. Демократическое переустройство Англіи въ общемъ приходилось ей не по душѣ, но она не дѣлала никакихъ попытокъ, чтобы мѣшать этому процессу. Благодаря такому отношенію королевской власти къ запросамъ времени, въ Англіи не было республиканской агитаціи, и традиціонная монархія не казалась англичанамъ помѣхою свободѣ. Королева Викторія была послѣднимъ отпрыскомъ Ганноверской династіи по мужской линіи на англійскомъ престолѣ [4]), и ей наслѣдовалъ ея сынъ отъ брака съ принцемъ Альбертомъ Саксенъ-Кобургскимъ [5]). Съ пере-

---

[1]) Достаточно вспомнить, наприм., ея личное вмѣшательство въ дѣло „разустановленія" англиканской церкви въ Ирландіи (т. VI, ч. 1, стр. 312), что далеко не было единственнымъ случаемъ въ исторіи ея царствованія: ниже, въ этой же главѣ, приводится и другой случай ея дѣятельнаго вмѣшательства въ проведеніе третьей парламентской реформы. Все-таки, однако, и это были исключительные случаи. Къ нихъ числу нужно отнести еще, во-первыхъ, отставку Пальмерстона, который выразилъ одобреніе перевороту 2 декабря, не сообщивъ объ этомъ королевѣ, на что Викторія пожаловалась главѣ кабинета, и, во-вторыхъ, настойчивость, съ какою она добивалась титула императрицы.

[2]) Такъ, Гладстона она недолюбливала и, наоборотъ, относилась очень благосклонно къ Биконсфильду. Т. VI, ч. 1, стр. 307 и 322. Разсказываютъ, что о Гладстонѣ она однажды сказала: „это единственный министръ, который никогда не относился ко мнѣ, какъ къ женщинѣ и какъ къ королевѣ".

[3]) О характерѣ этого короля см. т. IV, стр. 459—460.

[4]) Раздѣленіе Англіи и Ганновера произошло въ 1837 г., когда въ Англіи вступила на престолъ Викторія, а въ Ганноверѣ, не допускавшемъ царствованія женщинъ, королемъ сдѣлался ея дядя Эрнстъ-Августъ (т. V, стр. 173).

[5]) Рано овдовѣвъ (1861), Викторія сильно огорченная смертью своего мужа, стала все чаще и чаще отказываться отъ внѣшняго представительства, передавъ его старшему своему сыну, принцу Уэльскому (будущему Эдуарду VII). О своемъ мужѣ Викторія хранила всегда самую восторженную память, издавъ даже не одно сочиненіе съ воспоминаніями о немъ („Early life of the Prince Consort" и др.). Старшая дочь королевы была замужемъ за прусскимъ кронпринцемъ, позднѣе императоромъ Фридрихомъ III. Вообще о королевѣ Ви-

ходомъ короны отъ нея къ Эдуарду VII въ исторіи современной Англіи начался новый періодъ болѣе самостоятельнаго и дѣятельнаго вмѣшательства королевской власти въ государственныя дѣла (главнымъ образомъ, во внѣшнюю политику).

Переходимъ теперь къ болѣе детальному изложенію исторіи Англіи за два послѣднія десятилѣтія царствованія Викторіи, начиная съ 1880 г., когда вслѣдъ за блестящею побѣдою либераловъ на выборахъ въ парламентъ Гладстонъ снова былъ призванъ къ образованію министерства [1]).

Гладстоновскій кабинетъ 1880 г. заключалъ въ себѣ много выдающихся дѣятелей какъ умѣренно либеральнаго, такъ и радикальнаго оттѣнковъ. Изъ первой категоріи отмѣтимъ маркиза Гартингтона [2]), лордовъ Спенсера, Гренвиля и Фоссета, ко второй принадлежали Чэмберленъ, Фёрстеръ, Джонъ Брайтъ, Гаркортъ, Чарльзъ Дилькъ [3]).

кторіи см. интересную статью-некрологъ *Діонео*, появившуюся сначала въ „Рус. Бог.", а потомъ перепечатанную въ сборникѣ его статей „Очерки современной Англіи" (1903). См. тамъ же статью „Смѣна теченій", написанную по поводу празднованія брилліантоваго юбилея Викторіи. Авторъ, между прочимъ, пользуется опубликованными дневниками королевы, изъ которыхъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что Викторія была „типичной женщиной современныхъ среднихъ классовъ", т.-е. „отличною матерью, заботливой хозяйкой и такой же большой скопидомкой", понявшею, что въ Англіи королевскій санъ сталъ простымъ символомъ, и устранившеюся отъ дѣлъ еще въ силу своего темперамента и умственнаго склада. На всемъ этомъ и основывалась ея популярность, которая, однако, не старше шестидесятыхъ годовъ.

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 308 и 333—334.

[2]) Маркизъ Гартингтонъ (съ 1891 г., по смерти своего отца, герцогъ Девонширскій) въ 1875 г., когда Гладстонъ временно слагалъ съ себя лидерство либеральной партіи, по единодушному желанію партіи занялъ его мѣсто, вслѣдствіе чего въ 1880 г. Викторія именно ему хотѣла поручить составленіе новаго министерства (см. т. VI, ч. 1, стр. 308), тѣмъ болѣе, что онъ былъ гораздо умѣреннѣе Гладстона. Впослѣдствіи онъ отдѣлился отъ Гладстона изъ-за ирландскаго гомруля и сдѣлался главою такъ называемыхъ уніонистовъ (см. ниже), а въ 1895 г. даже вошелъ въ составъ консервативнаго министерства Солсбери, отъ чего отказывался еще въ 1886—92 гг. Къ этому же времени относится его увлеченіе имперіализмомъ.

[3]) Джонъ Брайтъ (о немъ т. V, стр. 766—768) принадлежалъ къ сектѣ квакеровъ и принималъ участіе еще въ политической агитаціи передъ первой парламентской реформой, а потомъ въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Въ парламентѣ въ сороковыхъ годахъ онъ сильно содѣйствовалъ проведенію какъ эмансипаціи евреевъ, такъ и отмѣны кромвелевскаго навигаціоннаго акта, въ 1854 г. смѣло протестовалъ противъ войны съ Россіей, а въ шестидесятыхъ сдѣлалъ очень много для осуществленія второй реформы парламентскихъ выборовъ, самый проектъ которой въ значительной мѣрѣ принадлежалъ ему. Онъ уже участвовалъ въ первомъ министерствѣ Гладстона. Впослѣдствіи (1886 г.) онъ, не сочувствуя ирландскому гомрулю, сталъ въ ряды его противниковъ. О

Большое количество такихъ видныхъ дѣятелей въ кабинетѣ заставляло его главу считаться съ ихъ личными мнѣніями гораздо болѣе, чѣмъ это обыкновенно было принято въ практикѣ англійскихъ министерствъ; довольно было, напр., присутствія въ кабинетѣ одного Чэмберлена, чтобы нельзя было говорить о безусловномъ подчиненіи его членовъ видамъ премьера. Съ другой стороны, неоднородность состава кабинета, существованіе въ немъ двухъ расходившихся между собою по многимъ вопросамъ теченій, нерѣдко заставляло Гладстона принимать рѣшенія по большинству голосовъ, что опять было отступленіемъ отъ сложившагося раньше порядка, дававшаго больше самостоятельности премьеру въ выборѣ рѣшеній.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, на которомъ должно было быть сосредоточено вниманіе Гладстона и его товарищей, былъ вопросъ ирландскій. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что реформы, проведенныя имъ въ первое свое министерство, не успокоили броженія въ Ирландіи, какъ не помогали въ этомъ и репрессивныя мѣры, скорѣе даже приводившія къ діаметрально противоположному результату [2]). Съ самаго же начала послѣ вторичнаго вступленія во власть Гладстонъ заявилъ о безцѣльности репресcій и о необходимости по этой причинѣ ихъ устраненія. Лучшимъ средствомъ успокоенія Ирландіи онъ призналъ продолженіе реформъ, которыя положили бы конецъ печальному состоянію ирландской народной массы. Въ земельномъ актѣ, изданномъ въ первое министерство, былъ пробѣлъ, позволявшій лендлордамъ совсѣмъ не вознаграждать за сдѣланныя улучшенія арендаторовъ, удаляемыхъ за неплатежъ денегъ, что особенно давало себя знать въ виду страшно увеличившагося числа выдвореній. Въ смыслѣ пополненія этого пробѣла Гладстонъ составилъ и внесъ въ палату общинъ билль, прошедшій въ этой палатѣ не очень значительнымъ большинствомъ голосовъ, но отвергнутый чуть не пятью шестыхъ голосовъ, поданныхъ въ палатѣ лордовъ. Извѣстіе о провалѣ въ парламентѣ новаго земельнаго билля Гладстона, разумѣется, должно было только еще сильнѣе раздражить ирландцевъ, какъ это и обнаружилось въ значительномъ ростѣ цифры аграрныхъ преступленій [3]). Въ виду этого министерству трудно было теперь думать о прекра-

немъ *Robertson*. Life and times of J. Bright (1883).—Чарльзъ Дилькъ, избранный впервые въ парламентъ въ 1868 г., примкнулъ въ немъ къ самымъ передовымъ радикаламъ и не стѣсняясь высказывалъ свои республиканскія убѣжденія. О Чэмберленѣ см. т. VI, ч. 1, стр. 325 и слѣд., о Фёрстерѣ тамъ же, стр. 331 и слѣд.

[1]) Въ 1884—85 г. въ составъ кабинета вошли еще Кэмпбелль—Баннерманъ и лордъ Розбери.

[2]) См. т. VI, ч. I, стр. 311—314. стр.

[3]) Ср. выше, стр. 314.

щеніи дѣйствія исключительныхъ мѣръ въ Ирландіи. Мало того, министерство въ 1881 г. выработало и поставило на первую очередь билль о защитѣ собственности въ Ирландіи („Protection of property bill"), лишь по разсмотрѣніи котораго долженъ былъ сдѣлаться предметомъ обсужденія новый земельный билль. Такой порядокъ разсмотрѣнія ирландскаго вопроса и самое предложеніе особыхъ мѣръ противъ аграрнаго движенія сильно вооружили противъ министерства всю группу, въ шестьдесятъ человѣкъ, ирландскихъ депутатовъ съ Парнеллемъ во главѣ: она прибѣгла къ обструкціи путемъ безконечно длинныхъ рѣчей, до-нельзя затягивавшихъ засѣданія палаты, что заставило правительство предпринять измѣненія въ парламентскомъ наказѣ [1]). Такая тактика ирландскихъ депутатовъ могла, самое большее, замедлить движеніе билля по инстанціямъ. Въ концѣ концовъ билль былъ принятъ обѣими палатами и утвержденъ королевою, послѣ чего Гладстонъ могъ обратиться къ другой, болѣе важной части своего плана умиротворенія Ирландіи. Существенными чертами новаго ирландскаго „лендбилля" были дозволеніе арендаторамъ переуступать свои фермы третьимъ лицамъ безъ права землевладѣльца повышать при этомъ арендную плату и установленіе особыхъ коммиссій, которыя по жалобѣ арендатора могли бы опредѣлять справедливую для каждаго случая арендную плату, притомъ на цѣлыя пятнадцать лѣтъ. Значеніе этого законопроекта, обезпечивавшаго интересы арендаторовъ, понятно, но именно это-то и вооружило противъ него лендлордовъ

[1]) Такъ называемая обструкція не была средствомъ совершенно новымъ. Она была возможна потому, что англійскій парламентъ не зналъ постановленій о прекращеніи преній, и каждый членъ палаты могъ записываться говорить столько разъ, сколько ему было угодно. Кромѣ того, достаточно было только одному лицу заявить желаніе, и голосованіе производилось выходомъ согласныхъ и несогласныхъ въ разныя двери и потомъ возвращеніемъ не черезъ тѣ двери, въ которыя совершался выходъ, на что, конечно, уходило много времени. Какъ-то одинъ ирландецъ во время дебатовъ замѣтилъ спикеру, что въ залѣ есть посторонніе люди, и успокоился лишь тогда, когда трибуны,—гдѣ между прочимъ находился наслѣдникъ престола,—были очищены. (Въ старину парламентъ считалъ своей привилегіей засѣдать при закрытыхъ дверяхъ, безъ постороннихъ слушателей. См. т. III, стр. 68. Особыя мѣста для публики, strangers gallery, были устроены только послѣ 1832 г. Т. V, стр. 84—85. Но и послѣ этого можно было потребовать удаленія посторонней публики. Зрители сидятъ на своихъ мѣстахъ лишь потому, что ихъ яко бы „не видятъ", но за послѣднее время принято правило, по которому вопросъ объ удаленіи постороннихъ рѣшается баллотировкой). Въ 1882 г. Гладстонъ провелъ въ палатѣ общинъ новое правило о возможности постановлять прекращеніе преній (cloture), сдѣлавъ даже изъ своего предложенія кабинетскій вопросъ, но по желанію палаты было принято, чтобы въ случаѣ несогласія на прекращеніе преній сорока человѣкъ послѣднее не могло имѣть мѣста. Ср. ниже, стр. 221—222. Нужно прибавить, что вопросъ впервые былъ поставленъ еще въ тридцатыхъ годахъ.

и всѣхъ консерваторовъ, увидѣвшихъ въ биллѣ покушеніе на принципъ неприкосновенности частной собственности, весьма опасное, какъ прецедентъ, и для самой Англіи. Можно поэтому себѣ представить, какую оппозицію вызвалъ новый аграрный законъ со стороны консерваторовъ. Пренія по этому биллю, очень горячія, продолжались въ теченіе почти шестидесяти засѣданій въ августѣ 1881 г., пока онъ все-таки не превратился въ законъ; но ирландскіе представители въ палатѣ общинъ особой помощи Гладстону не оказали, будучи недовольны имъ за первый билль. Вскорѣ послѣ принятія ирландскаго аграрнаго закона члены незадолго передъ тѣмъ возникшей въ Ирландіи „Земельной лиги“ [1]) собрались на очередной съѣздъ, на которомъ общее направленіе правительственной политики подверглось осужденію, принятіе парламентомъ „land-act'a“ было признано лишь за уступку, вынужденную лигою, и постановлено было добиваться гомруля. Главнымъ руководителемъ ирландской оппозиціи былъ въ это время Чарльзъ-Стюартъ Парнелль.

Происходя изъ стараго англійскаго рода [2]) и принадлежа по рожденію къ англиканской церкви, Парнелль, какъ и многіе изъ его старшей родни, былъ настоящимъ ирландскимъ патріотомъ, хотя и довольно плохо зналъ ирландское нарѣчіе. Въ парламентъ онъ попалъ въ серединѣ семидесятыхъ годовъ и весьма быстро своею систематическою и упорною оппозиціей консервативному правительству,—оппозиціею, не останавливавшейся и передъ обструкціей,—снискалъ себѣ такую популярность на родинѣ, что сдѣлался, подобно въ свое время О'Коннелю, „некоронованнымъ королемъ Ирландіи“. Въ 1880 г. онъ уже былъ лидеромъ ирландской группы въ палатѣ общинъ, выступивъ самымъ рѣзкимъ оппонентомъ гладстоновскаго репрессивнаго билля 1881 г. Наприм., ему удалось затянуть одно засѣданіе палаты общинъ болѣе, чѣмъ на сорокъ часовъ сряду (съ 4 ч. дня 31 янв. до 9 ч. у. 2 февраля). „Рѣчи ни къ чему, говорилъ онъ, и словами мы битвы не выиграемъ. Намъ просто нужно сдѣлать невозможною работу палаты.

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 314.

[2]) Дѣдъ Парнелля былъ членомъ ирландскаго парламента и одно время занималъ должность министра финансовъ. Между прочимъ, онъ высказался въ 1798 г. противъ уніи съ Англіей. Самъ Парнелль по всему своему облику былъ типичный англійскій джентельменъ и своею выправкою, сдержанностью, вѣжливостью рѣзко отличался отъ большинства ирландскихъ депутатовъ, державшихъ себя sans façon, что даже его нѣсколько шокировало. (Когда однажды кто-то изъ его товарищей его позвалъ просто по имени, то онъ его поправилъ: „мистеръ Парнелль“). Парнелль былъ однимъ изъ иниціаторовъ „Земельной лиги“ (т. VI, ч. 1, стр. 314), и ему же принадлежитъ основная идея такъ называемаго бойкота (тамъ же, прим. 1). Передъ выборами 1880 г. онъ ѣздилъ въ Америку, гдѣ собралъ въ пользу ирландцевъ 72 т. фунтовъ стерлинговъ.

Мы имъ должны показать, что разъ они не дѣлаютъ того, что́ намъ нужно, мы имъ ничего вообще не позволимъ дѣлать". Уже въ 1879 г. было высчитано, что въ одну сессію Парнелль говорилъ 500 разъ. За непарламентское поведеніе онъ былъ одинъ разъ устраненъ изъ засѣданій на нѣсколько дней и выведенъ силою изъ залы, когда не захотѣлъ повиноваться такому постановленію. Его товарищи пошли по его стопамъ и тоже одинъ за другимъ были удаляемы изъ засѣданій. Выступленіе Парнелля съ рѣзкими предложеніями на съѣздѣ Земельной лиги послужило поводомъ къ его аресту на основаніи репрессивнаго закона, пріостановившаго въ Ирландіи дѣйствіе „habeas-corpus-act'а", но едва Парнелль и другіе вожди ирландскаго движенія были посажены въ тюрьму [1]), какъ появилось за ихъ подписью воззваніе къ ирландцамъ, приглашавшее ихъ не платить арендныхъ денегъ, доколѣ защитники народа будутъ сидѣть въ заключеніи. Тогда министерство поспѣшило признать Земельную лигу противозаконнымъ и опаснымъ обществомъ и сдѣлало распоряженіе о ея закрытіи [2]). Аграрный терроръ въ Ирландіи только усилился къ вящшему злорадству консерваторовъ, предложившихъ въ палатѣ лордовъ назначить парламентскую коммиссію для изслѣдованія результатовъ новаго аграрнаго акта, которая, какъ они думали, дастъ неблагопріятные для правительства выводы. Лорды, конечно, согласились на это предложеніе, но оно вызвало въ палатѣ общинъ рѣзкую отповѣдь со стороны Гладстона, указавшаго на то, что лорды не могутъ быть судьями правительства, на сторонѣ котораго находится большинство народныхъ представителей. Въ этомъ смыслѣ была составлена и принята почти двумя третями голосовъ особая резолюція.

Между тѣмъ, возбужденіе, царившее въ Ирландіи, только усиливалось. Въ странѣ энергично дѣйствовали отряды „рыцарей луннаго свѣта" (moonlighters) и „бѣлыхъ ребятъ" (white boys) и образовалась осенью 1881 феніанская ассоціація непобѣдимыхъ (invincibles) [3]), проповѣдовавшихъ политическія убійства. Гладстонъ еще разъ долженъ былъ убѣдиться, что репрессивными мѣрами нельзя ничего достигнуть. Поэтому черезъ одного изъ пріятелей Парнелля онъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, а потомъ объявилъ кабинету, что желаетъ освободить изъ тюремнаго заключенія вождей Земельной лиги, а также

---

[1]) Въ Kilmainham'ѣ.

[2]) Но тогда сестра же Парнелля образовала „Женскую земельную лигу" (Ladies land league).

[3]) Это была секція такъ называемаго „Ирландскаго республиканскаго братства", которое было противъ парламентскаго способа борьбы и проповѣдовало необходимость „физической силы". Сторонники этой идеи жили преимущественно въ Сѣверной Америкѣ и въ Парижѣ.

подвергнуть пересмотру списки другихъ лицъ, которыя были заподозрѣны, какъ соучастники аграрныхъ преступленій, и поэтому тоже сидѣли въ тюрьмахъ. Статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи Фёрстеръ, недовольный этою мѣрою, вышелъ изъ состава кабинета; равнымъ образомъ подалъ въ отставку и лордъ-намѣстникъ Ирландіи Коуперъ (2 мая 1882 г.). Перваго изъ нихъ замѣнилъ лордъ Кавендишъ, второго—Спенсеръ, раздѣлявшіе взгляды Гладстона о томъ, что̀ нужно для умиротворенія Ирландіи. Черезъ нѣсколько дней Спенсеръ и Кавендишъ были уже въ Дублинѣ, гдѣ, какъ вѣстники мира, были встрѣчены населеніемъ очень хорошо, тѣмъ болѣе, что отставку Фёрстера объясняли его оппозиціей соглашенію, состоявшемуся, какъ говорили, между Гладстономъ и Парнеллемъ, выпущеннымъ изъ тюрьмы. Но въ тотъ же самый день (6 мая), когда Кавендишъ въ сопровожденіи своего помощника Бёрка проходилъ по Фениксъ-парку, на нихъ напало нѣсколько „непобѣдимыхъ“, и оба они были убиты [1]). Хотя оффиціальные вожди ирландскаго движенія торжественно отреклись отъ всякой солидарности съ этимъ преступленіемъ и по иниціативѣ Парнелля во всѣхъ большихъ городахъ Ирландіи были устроены митинги негодованія, дѣлу соглашенія съ ирландцами этимъ событіемъ въ Фениксъ-паркѣ, страшно взволновавшимъ общественное мнѣніе въ Англіи, былъ нанесенъ непоправимый ударъ. Самъ Гладстонъ, вѣроятно, не удержался бы на своемъ посту, если бы немедленно же не внесъ въ парламентъ „билль о предупрежденіи преступленій“ (prevention of crimes bill), расширявшій на три года полномочія полиціи при обыскахъ и арестахъ, а главное — вводившій особыя судебныя коммиссіи для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ преступленій. Правда, почти одновременно съ этимъ биллемъ Гладстонъ внесъ въ парламентъ и другой—о способахъ предупрежденія выдвореній арендаторовъ, обремененныхъ большими недоимками, но это не смягчило ирландскую оппозицію въ палатѣ общинъ, снова обратившуюся къ упорной обструкціи и доведшую себя до удаленія ирландскихъ членовъ, одного за другимъ, изъ залы засѣданія. Въ началѣ іюля превентивный билль былъ принятъ, какъ черезъ нѣсколько времени былъ принятъ и другой, т.-е. о недоимкахъ. Вмѣстѣ съ закономъ 1881 г., особенно послѣ образованія коммиссій, устанавливавшихъ справедливую арендную плату, и эта мѣра служила дѣлу успокоенія Ирландіи, возбужденіе въ которой, однако, сразу все-таки не могло улечься. И закрытая Земельная лига возродилась лишь подъ другимъ названіемъ—„Національной“, и аграрный

[1]) На убійцъ указалъ одинъ изъ соучастниковъ (Carey), за что получилъ помилованіе. Подъ другимъ именемъ онъ былъ высланъ въ Капландъ, но одинъ изъ „непобѣдимыхъ“ тамъ его убилъ.

терроръ продолжался. Въ самомъ Лондонѣ и въ другихъ городахъ Англіи даже совершился рядъ динамитныхъ покушеній, виновниками которыхъ были ирландцы [1]). Все это постепенно приводило Гладстона къ мысли о необходимости дать возможно полное удовлетвореніе ирландскимъ требованіямъ, особенно послѣ того, какъ парламентская реформа 1884 - 85 г. усилила, какъ это обнаружилось на выборахъ 1885 г., число гомрулеровъ въ парламентѣ. Въ Ирландіи во всѣ остальные годы министерства Гладстона Парнелль продолжалъ оставаться „некоронованнымъ королемъ". Въ 1883 — 84 г. ирландцы даже собрали по подпискѣ около 40 т. фунтовъ стерлинговъ для поднесенія ихъ Парнеллю въ видѣ національнаго подарка.

Другими важными мѣропріятіями, проведенными во второе министерство Гладстона были третья избирательная реформа, законы 1880 г. объ обязательности бывшаго прежде только факультативнымъ [2]) начальнаго народнаго образованія и объ увеличеніи отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими, законъ 1885 г. о замѣнѣ религіозной присяги для членовъ парламента, не желающихъ ее давать, торжественнымъ обѣщаніемъ добросовѣстно исполнять свои обычайности [3]), и др.

Что касается третьей реформы парламентскихъ выборовъ, то еще въ своихъ мидлотіанскихъ рѣчахъ [4]) Гладстонъ указывалъ на необходимость дальнѣйшей демократизаціи англійскихъ учрежденій, но внести въ парламентъ проектъ расширенія избирательнаго права ему удалось только въ февралѣ 1884 г. Сущность этого проекта заключалась въ томъ, чтобы и на графства были распространены приблизительно тѣ же условія пользованія избирательными правами, какія ре-

---

[1]) Напр., въ началѣ 1884 г. была найдена бомба въ зданіи парламента, и въ тотъ же день произошелъ взрывъ бомбы у Тоуэра.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 316. Законъ о всеобщей обязательности школьнаго образованія называется The elementary education act. См. *Balfour*. Educational systems of Great Britain and Ireland.—*Craik*. The state in its relation to education (1898).—*Holman*. English national education (1898). Въ 1891 г. начальное образованіе было сдѣлано даровымъ.

[3]) Вспомнимъ инцидентъ Брэдло (Bradlaugh), избраннаго въ 1880 г. въ парламентъ, но не могшаго занять въ немъ мѣста изъ-за своего нежеланія, какъ атеиста, принести установленную присягу (т. V, стр. 770—771). Правда, Гладстону удалось склонить парламентъ къ замѣнѣ въ данномъ случаѣ присяги обѣщаніемъ, но судъ призналъ это неправильнымъ. Это повторялось неразъ, пока въ 1885 г. Гладстонъ не добился узаконенія парламентомъ такой замѣны, какъ общаго для извѣстныхъ случаевъ правила. Брэдло написалъ автобіографію, но, кромѣ того, имѣются его біографіи написанныя *Headingley'емъ* и *Mackay'емъ*.

[4]) См. т. VI, ч. 1, стр. 322.

формою 1867 г. были установлены для городовъ [1]). Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Англіи насчитывалось около двухъ съ половиною милліоновъ лицъ, имѣвшихъ право участвовать въ парламентскихъ выборахъ; теперь это число должно было болѣе нежели удвоиться и дойти до пяти съ половиною милліоновъ человѣкъ. Въ палатѣ общинъ проектъ имѣлъ большой успѣхъ. При второмъ чтеніи высказалось за него болѣе трехъ пятыхъ голосовъ, а въ третьемъ чтеніи онъ былъ принятъ единогласно, правда, потому, впрочемъ, что оппозиція въ голосованіи демонстративно не участвовала, будучи вполнѣ убѣждена, что лорды отвергнутъ реформу. Оппозиція въ верхней палатѣ прибѣгла, однако, къ другой тактикѣ, предложивъ поправку къ биллю относительно распредѣленія избирательныхъ округовъ: правительство должно было ее отвергнуть, и дѣло поэтому—затормозиться. Расчетъ оказался вѣрнымъ, сессія кончилась ничѣмъ. Извѣстіе о сопротивленіи лордовъ биллю о реформѣ вызвало въ Англіи массу митинговъ сторонниковъ реформы, выражавшихъ свое негодованіе по поводу поведенія лордовъ [2]). Между тѣмъ Гладстонъ, собираясь внести въ парламентъ свой билль вторично, рѣшилъ на этотъ разъ сдѣлать торіямъ кое-какія уступки, къ чему склоняла его и королева Викторія, вмѣстѣ съ тѣмъ предложившая ему, съ другой стороны, повліять и на вождей оппозиціи въ смыслѣ уступчивости, лишь бы только избѣжать конфликта между обѣими палатами. Королева даже взяла на себя иниціативу встрѣчи между вождями обѣихъ партій для выработки условій, на которыхъ могло бы совершиться полюбовное соглашеніе,—необычайный способъ уладить дѣло, вызывавшійся, по ея заявленію, серьезностью момента. Гладстонъ далъ на эту комбинацію свое согласіе, равно какъ лордъ Солсбери, бывшій послѣ смерти Биконсфильда лидеромъ торіевъ. Билль былъ внесенъ Гладстономъ 23 октября, а мѣсяцъ спустя (19 ноября) въ его домѣ состоялось первое совѣщаніе представителей обѣихъ сторонъ. На эти переговоры потребовалась недѣля, и когда они пришли къ благополучному концу, Гладстонъ поспѣшилъ извѣстить королеву объ этомъ счастливомъ обстоятельствѣ. Теперь реформа могла расчитывать на успѣхъ, и, дѣйствительно, она прошла такъ быстро, что уже 6 декабря проектъ получилъ силу закона. Остался только неразработаннымъ вопросъ

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 33—34.

[2]) Объ агитаціи въ пользу третьяго акта о реформѣ см. особую главу (стр. 526—553) во II томѣ „Платформы“ *Г. Джефсона* (рус. пер. 1901 г.). Видную роль играло въ этомъ случаѣ начавшееся въ семидесятыхъ годахъ движеніе среди сельскихъ рабочихъ, руководимое Джозефомъ Арчемъ. Для послѣдняго *Joseph Arch.* The story of his life told by himself (1898); о самомъ движеніи—*Heath.* The english peasantry (1883).

объ измѣненіи избирательныхъ округовъ, на рѣшеніе котораго потребовалось еще полгода, пока соотвѣтственный билль тоже не прошелъ черезъ обѣ палаты и не былъ утвержденъ королевой [1]).

Новый избирательный законъ [2]) получилъ названіе „акта въ народномъ представительствѣ“, въ чемъ сказалось вліяніе радикальной идеологіи, хотя на самомъ дѣлѣ порядокъ, установлявшійся этимъ актомъ, былъ простымъ компромиссомъ и избирательное право разсматривалось въ немъ попрежнему, какъ привилегія, льгота, „franchise“ [3]), а не право, принадлежащее каждому гражданину. Реформа не вводила всеобщаго избирательнаго права: она только распространяла на графства условія пользованія избирательнымъ правомъ, которыя предъидущая реформа установила для городовъ. Именно, избирательное право давалось всѣмъ домовладѣльцамъ (household vote) и квартиронанимателямъ (lodger vote), платящимъ 10 фунтовъ въ годъ, а кромѣ того, устанавливался и для городовъ, и для графствъ новый „service vote“—для всѣхъ лицъ, которыя, не платя мѣстныхъ налоговъ, по своей должности на общественной или частной службѣ пользуются квартирой. Эта реформа повысила число избирателей съ 2.660.444 (цифра 1884 г.) до 4.395.176 (1886 г.), т.-е. болѣе чѣмъ на одинъ милліонъ семьсотъ-тридцать-четыре тысячи,—а въ Ирландіи число избирателей даже утроилось,—но приблизительно такое же количество взрослыхъ мужчинъ осталось лишеннымъ этого права, какъ-то сыновья, живущіе при родителяхъ, лица, нанимающія меблированныя комнаты, прислуга, очень многіе сельскіе рабочіе и т. п. Радикальная формула „one man, one vote“ (каждому человѣку голосъ) не была осуществлена и въ томъ отношеніи, что зажиточные люди могли быть избирателями не въ одномъ, а въ двухъ и больше округахъ. Вмѣстѣ съ этимъ было произведено перераспредѣленіе (redistribution) избирательныхъ округовъ съ увеличеніемъ числа членовъ парламента съ 658 до 670 т., причемъ, однако, число ирландскихъ депутатовъ осталось прежнимъ, Шотландія же именно и получила двѣнадцать новыхъ мѣстъ [4]).

---

[1]) Вотъ почему третья парламентская реформа датируется то 1884 годомъ, то 1885, то 1884—85.

[2]) *Renwick Seager.* The representation of people and the redistribution acts of 1884—85 (1885).—*Heaton.* Three reforms of parliament (1885).

[3]) T. VI, ч. 1, стр. 32.

[4]) Сущность „редистрибуціи“ заключалась въ томъ, что сто слишкомъ бурговъ (boroughs) перестали быть самостоятельными избирательными округами, а 37 бурговъ должны были довольствоваться каждый однимъ представителемъ, но за то графства получили большее, чѣмъ прежде, число депутатовъ; при этомъ сами графства, какъ и города, выбирающіе болѣе, чѣмъ одного депутата, были раздѣлены на отдѣльные избирательные округа.

Конечно, реформа 1884—85 гг. не была вполнѣ демократической, но во всякомъ случаѣ она сильно демократизировала англійскую избирательную систему. Внося свой билль въ палату общинъ, Гладстонъ ссылался на то, что распространеніе избирательнаго права на всѣхъ пригодныхъ для этого гражданъ,—безразлично, будетъ ли ихъ много, или мало,—равносильно умноженію силъ государства. Интересно, что со стороны консерваторовъ въ палатѣ общинъ никто Гладстону не возражалъ. Весь правящій классъ Англіи, который представленъ въ парламентѣ девятью десятыми общаго числа депутатовъ безъ различія партій, призналъ, такимъ образомъ, необходимость, даже прямую неизбѣжность демократизаціи народнаго представительства. Акты 1884 и 1885 гг. являются поэтому одною изъ важнѣйшихъ реформъ, произведенныхъ Гладстономъ во второе свое министерство.

Внѣшняя политика въ это второе министерство Гладстона отличалась большимъ миролюбіемъ въ противоположность задорно-воинственному направленію его предшественника. Отъ Биконсфильда онъ унаслѣдовалъ войну съ Афганистаномъ, успѣшно окончивъ которую, и не подумалъ ни присоединить эту страну, ни оставить англійскія войска въ ней, ни, по крайней мѣрѣ, объявить надъ нею англійскій протекторатъ. Кромѣ того, Гладстонъ, не одобрявшій во время избирательной кампаніи присоединеніе Биконсфильдомъ Трансвааля въ южной Африкѣ, не подумалъ также начать войну съ бурами, когда они подняли возстаніе, но вступилъ съ ними въ переговоры, согласившись признать независимость Трансвааля сначала съ формальною оговоркою относительно сюзеренныхъ правъ Англіи (трактатъ 1881 г.), а потомъ и безъ этого упоминанія (трактатъ 1884 г.),—только безъ права самостоятельной внѣшней политики. Эту уступчивость противники Гладстона ставили ему въ вину, какъ проявленіе слабости, грозящее Англіи потерею престижа и разными усложненіями, какъ упрекали они Гладстона и за уступчивость по отношенію къ Россіи въ столкновеніи изъ-за Мерва. Занятіе русскими, въ 1884 г., этого средне-азіатскаго оазиса возбудило въ англичанахъ страхъ за Афганистанъ и даже за Индію. Оба правительства, англійское и русское, рѣшили полюбовно установить границы Афганистана, но прежде чѣмъ собралась коммиссія, которая должна была заняться этимъ дѣломъ, въ одномъ пограничномъ пунктѣ генералъ Комаровъ разбилъ афганцевъ и овладѣлъ этимъ пунктомъ [1]). На этотъ разъ Гладстонъ проявилъ большую энергію, потребовавъ у парламента чрезвычайнаго кредита на усиленіе арміи и флота, но когда русскій императоръ согласился передать вопросъ о правильности дѣйствій Комарова на рѣшеніе дат-

---

[1]) См. выше, стр. 35, а подробнѣе ниже, въ гл. XXV.

скаго короля, Гладстонъ вполнѣ былъ этимъ удовлетворенъ, вызвавъ и на сей разъ проявленіемъ своего миролюбія упреки съ указаніями на то, что Биконсфильдъ, конечно, съ своей стороны, Россіи не спустилъ бы, и что она дорого поплатилась бы за свои аггрессивныя дѣйствія по отношенію къ афганцамъ.

Поведеніе Гладстона въ египетскомъ вопросѣ, равнымъ образомъ, не нравилось консерваторамъ и даже либераламъ. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы видѣли, что въ сентябрѣ 1882 г. Англіей, въ сущности, было произведено завоеваніе Египта. Конечно, большинство націи одобрило бы прямое присоединеніе завоеванной страны къ Англіи, но это противорѣчило бы тому осужденію, съ какимъ Гладстонъ относился, во время своей кампаніи противъ Биконсфильда, къ присоединенію Кипра и Трансвааля [2]). Поэтому онъ ограничился лишь объявленіемъ временной оккупаціи Египта. Когда, какъ извѣстно [3]), въ зависѣвшемъ отъ египетскаго хедива (больше номинально) Суданѣ произошло возстаніе, и поставленный во главѣ египетскаго войска англійскій генералъ Гордонъ оказался окруженнымъ инсургентами, а министерство своею медлительностью не предупредило постигшей его катастрофы, общественное мнѣніе Англіи свалило всю вину за нее на министерство, и даже сама королева въ этомъ смыслѣ послала Гладстону и военному министру Гартингтону телеграммы съ упреками. Въ февралѣ 1885 г., немедленно по открытіи сессіи, Солсбёри провелъ въ палатѣ лордовъ резолюцію, порицавшую дѣятельность правительства, и такое же предложеніе было сдѣлано Норткотомъ въ палатѣ общинъ. Очень опаснымъ для кабинета было то обстоятельство, что отклонена она была лишь большинствомъ въ четырнадцать голосовъ. Въ кабинетѣ даже возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли ему подать въ отставку, и при этомъ голоса раздѣлились поровну. Гладстонъ высказался въ отрицательномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, до окончанія вопроса о перераспредѣленіи избирательныхъ округовъ для завершенія третьей реформы выборовъ [4]). Мервскій инцидентъ послѣдовалъ немедленно за извѣстіемъ о суданскомъ пораженіи и тоже сильно поколебалъ положеніе Гладстона.

Въ самомъ кабинетѣ Гладстона къ 1885 г. образовался разладъ. Болѣе умѣренные его члены были крайне недовольны поведеніемъ Чэмберлена и прямо совѣтовали Гладстону какъ-нибудь его укоротить, въ то же время нерѣдко впадая въ разногласія съ самимъ премьеромъ, заставлявшія ихъ иногда заговаривать о своей отставкѣ. „Сегодня,—

---

[1]) См. выше, стр. 37.
[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 322 и 418—419.
[3]) См. выше, стр. 37.
[4]) См. выше, стр. 214—215.

сказалъ Гладстонъ въ шутку одному изъ своихъ товарищей,—у насъ было хорошее засѣданіе, потому что только три министра говорили о выходѣ въ отставку“. Премьеръ, однако, умѣлъ сглаживать разногласія и настаивать на солидарномъ проведеніи мѣръ, принятыхъ большинствомъ или же особенно имъ лично одобрявшихся. Скрыть вполнѣ эти разногласія отъ другихъ, конечно, было трудно, тѣмъ болѣе, что Чэмберленъ нерѣдко публично выступалъ съ мнѣніями, которыя большинствомъ его товарищей отнюдь не раздѣлялись.

Намъ уже часто встрѣчалось имя Чэмберлена, какъ организатора того, чему въ Англіи дали американскую кличку „caucus'a“ [1]). Мы знаемъ, что онъ вступилъ въ политическую жизнь съ очень радикальными взглядами. Въ качествѣ предсѣдателя „Національной лиги образованія“, онъ критиковалъ школьный законъ Фёрстера [2]) за субсидированіе вѣроисповѣдныхъ школъ. Свою политическую карьеру онъ сдѣлалъ на почвѣ своей весьма успѣшной муниципальной дѣятельности, въ качествѣ сначала члена городского совѣта, потомъ мэра Бирмингама, замѣчательно улучшившаго внѣшній видъ и бытъ населенія этого города, добившись извѣстности и своими дѣльными статьями по разнымъ вопросамъ городского хозяйства, которые онъ разрѣшалъ большею частью въ направленіи (пользуясь позднѣйшимъ терминомъ) „муниципальнаго соціализма“. Кромѣ того, онъ интересовался вопросами внѣшней торговли и колоніальной политики, довольно рано обнаруживъ только впослѣдствіи выступившія во всей яркости имперіалистскія стремленія. Въ 1880 г. Гладстонъ сдѣлалъ Чэмберлена въ своемъ кабинетѣ министромъ торговли, въ каковой должности онъ провелъ нѣсколько биллей по этой спеціальности. Ирландская политика премьера имѣла въ немъ одного изъ наиболѣе сочувствовавшихъ ей помощниковъ, и потому онъ былъ въ числѣ лицъ, которымъ принадлежалъ починъ въ переговорахъ 1882 г. между Гладстономъ и Парнеллемъ, когда послѣдній сидѣлъ еще въ тюрьмѣ. Въ началѣ 1885 г. въ Бирмингамѣ Чэмберленъ произнесъ рядъ рѣчей, доказывая необходимость радикальнаго преобразованія палаты лордовъ, введенія всеобщаго голосованія, принудительнаго отчужденія крупной поземельной собственности, прогрессивнаго обложенія и т. п. и давая вообще обѣщанія, исполненіе которыхъ едва ли могло входить въ планы министерства, что̀ и заставляло его товарищей жаловаться на него главѣ кабинета. Въ это время Чэмберленъ еще считалъ себя совершенно солидарнымъ съ Гладстономъ и даже принялъ постъ въ третьемъ его министерствѣ,—скоро, впрочемъ, оставленный изъ-за нежеланія поддерживать начатую Гладстономъ поли-

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 325 и слѣд.
[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 316.

тику ирландскаго гомруля. Мы увидимъ, что менѣе, чѣмъ черезъ десять лѣтъ, Чэмберленъ былъ уже членомъ консервативнаго министерства Солсбёри, въ которомъ его былой радикализмъ сталъ выдыхаться [1]), все болѣе и болѣе уступая мѣсто имперіализму. Въ послѣдніе годы XIX в. и онъ былъ однимъ изъ главныхъ разжигателей шовинистическаго настроенія англичанъ противъ буровъ. Весь этотъ поворотъ Чэмберлена слѣва направо совершился уже послѣ второго министерства Гладстона: въ 1885 г. по своему радикализму Чэмберленъ игралъ еще роль enfant terrible стоявшей у власти политической партіи, и никакъ нельзя было ожидать, что если онъ порветъ когда-либо съ Гладстономъ, то не для того, чтобы идти въ сторону еще бо̀льшаго радикализма.

Разногласія въ гладстоновскомъ кабинетѣ въ 1885 г. существовали, между прочимъ, и по вопросу о дальнѣйшемъ направленіи ирландской политики. Болѣе умѣренные члены кабинета и слышать не хотѣли о какихъ-либо новыхъ уступкахъ, тогда какъ самъ Гладстонъ и нѣкоторые другіе министры не прочь были дать Ирландіи мѣстные выборные совѣты съ объединяющимъ ихъ дѣятельность центральнымъ о̀рганомъ, которымъ были бы предоставлены широкія административныя полномочія. Хотя при этомъ политическія функціи должны были бы быть устранены, Парнелль соглашался и на такую комбинацію, ставя съ своей стороны лишь условіе, чтобы по истеченіи трехлѣтняго срока, на который вотировался превентивный актъ 1882 г. [2]), послѣдній болѣе не возобновлялся. По поводу и этого вопроса въ кабинетѣ было разногласіе, настолько, вдобавокъ, значительное, что рѣшеніе было принято не сразу. Послѣднее состоялось въ пользу продленія исключительныхъ мѣръ на два года, но съ разными смягченіями и съ одновременнымъ внесеніемъ въ парламентъ билля объ облегченіи арендаторамъ въ Ирландіи покупки своихъ участковъ въ полную собственность. Парнелль ни за что не хотѣлъ допустить продленія репрессивнаго акта и, видя, что въ министерствѣ провалился планъ административной реформы въ Ирландіи, внялъ болѣе, чѣмъ намекамъ консерваторовъ о томъ, что перейди къ нимъ только власть, они тотчасъ же отказались бы отъ продленія „prevention of crimes act'a". На этой почвѣ между главою ирландскихъ гомрулеровъ и лидерами консерваторовъ состоялись переговоры, приведшіе къ тому, что въ одномъ голосованіи ирландцы присоединились къ консерваторамъ и оставили министерство въ меньшинствѣ. Образовавшійся послѣ

[1]) Въ 1902 г. онъ уже отстаивалъ тогдашній правительственный проектъ объ усиленіи вліянія духовенства въ школѣ изъ уваженія къ голосу націи, требующей-де, чтобы въ школахъ преподавался Законъ Божій.

[2]) См. выше, стр. 212.

этого кабинетъ Солсбёри исполнилъ свое обѣщаніе, не поднявъ вопроса о продленіи ненавистнаго ирландцамъ закона. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ исторіи этого министерства, намъ нужно еще остановиться и на внѣпарламентской дѣятельности политическихъ партій Англіи послѣ 1880 г.

Побѣда либераловъ на выборахъ 1880 г., приведшая къ образованію второго министерства Гладстона, разсматривалась многими, какъ результатъ дѣятельности того, что̀ краткости ради мы условились обозначать терминомъ „caucus“ [1]). Нѣкоторые думали, что вся цѣль существованія либеральной организаціи для всей страны заключалась въ томъ, чтобы сокрушить власть торіевъ, и что разъ цѣль эта была достигнута, въ дальнѣйшемъ существованіи организаціи не было болѣе ни малѣйшей надобности. Иного мнѣнія держались главари организаціи, полагавшіе, что ея роль, наоборотъ, только началась, и что въ дальнѣйшемъ эта роль должна была бы заключаться въ доведеніи до свѣдѣнія правительства идей и стремленій англійскаго либерализма и въ оказаніи вліянія на правительство въ смыслѣ ихъ проведенія въ жизнь. Особую трудность представляла, собственно говоря, вторая задача, потому что въ данномъ случаѣ дѣло шло о томъ, какъ принуждать парламентское большинство къ принятію предлагаемыхъ министерствомъ мѣръ. Прежде взаимныя отношенія правительства и правительственнаго большинства основывались на взаимномъ довѣріи, котораго ничто, конечно, не могло замѣнить, разъ его въ данный моментъ не было налицо. Съ вторичнымъ вступленіемъ Гладстона во власть въ 1880 г. парламентское положеніе не могло считаться вполнѣ благопріятнымъ для министерства. У Гладстона не было однороднаго, компактнаго большинства, такъ какъ болѣе умѣренныхъ либераловъ пугалъ его планъ аграрной реформы въ Ирландіи, а ирландская партія, руководимая Парнеллемъ, тормазила своей обструкціей всю парламентскую работу, думая этимъ путемъ добиться гомруля. Въ виду такого положенія дѣлъ центральный комитетъ „Національной либеральной федераціи“ разослалъ по всѣмъ мѣстнымъ ассоціаціямъ циркуляръ съ жалобой на то, что среди либеральныхъ членовъ палаты общинъ нашлись такіе, которые „не были всѣмъ сердцемъ преданы своимъ лидерамъ“. Это настроеніе квалифицировалось, какъ отсутствіе лойяльности (disloyalty), совершенно нетерпимое, противъ котораго рекомендовалось принять мѣры. Циркуляръ возымѣлъ свое дѣйствіе: въ самомъ непродолжительномъ времени на депута-

[1]) Предыдущая исторія того, о чемъ далѣе идетъ рѣчь, изложена на стр. 324—337 первой части настоящаго тома. Въ дальнѣйшемъ мы слѣдуемъ главнымъ образомъ работѣ *М. Я. Острогорскаго*, указанной въ т. VI, ч. 1, стр. 298—299.

товъ посыпались телеграммы и письма отъ избирателей съ требованіемъ ревностнѣе поддерживать правительство. Въ Бирмингамѣ на торжественномъ собраніи „шестисотъ“ [1]) было провозглашено, что всѣ нелойяльные депутаты должны быть прогнаны со своихъ мѣстъ. Каждый разъ, какъ въ парламентѣ замѣчалось нежелательное для вождей федераціи настроеніе, тотчасъ же приводились въ движеніе всѣ мѣстныя организаціи, устраивались митинги, составлялись петиціи въ парламентъ, посылались депутатамъ представленія и даже прямыя приказанія. Напр., отъ депутатовъ строго-на-строго требовали, чтобы они непремѣнно были въ такомъ-то засѣданіи и подавали голосъ въ такомъ-то смыслѣ. Тонъ попрежнему задавался Бирмингамомъ, который первый подавалъ голосъ и начиналъ кампанію по всей линіи. „Быстрота, говоритъ историкъ организаціи,—быстрота, съ какою демонстраціи мѣстныхъ „коукёсовъ“ слѣдовали за парламентскими событіями, служившими для нихъ предлогами, сама уже по себѣ доказывала, сколь мало были онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ самостоятельной работѣ общественнаго мнѣнія“ [2]), и потому Чэмберленъ совершенно напрасно оспаривалъ людей, говорившихъ, что въ странѣ существуютъ „фабрики общественнаго мнѣнія, въ которыхъ на заказъ выдѣлываютъ и пылъ, и единодушіе“. Въ обществѣ, дѣйствительно, шелъ слухъ, что всѣмъ дѣломъ заправляли три-четыре члена бюро федераціи, и что всѣ нити были въ рукахъ Чэмберлена, приводившаго ихъ въ движеніе. Самъ Чэмберленъ протестовалъ противъ „лестнаго для него, но вполнѣ ошибочнаго мнѣнія“, будто онъ одинъ является воплощеніемъ всего бирмингамскаго „коукёса“. Несмотря на всѣ эти нареканія, федерація все болѣе и болѣе укрѣпляла свои позиціи и въ 1882 г. доказала свою силу, вмѣшавшись въ дѣло пересмотра наказа палаты общинъ по поводу усилившейся тенденціи прибѣгать къ обструкціонизму. Гладстонъ предложилъ для пресѣченія злоупотребленія правомъ говорить въ палатѣ безъ конца новый регламентъ, хотя самъ раньше защищалъ обструкцію, какъ орудіе, безъ котораго меньшинству иногда трудно обходиться, и на защиту свободы рѣчи выступили теперь не только торіи, но и либералы, находившіе опаснымъ дать большинству дискреціонную власть въ любой моментъ объявлять прекращеніе преній. Иначе отнеслась къ вопросу бирмингамская ассоціація, тотчасъ же разославшая циркулярное воззваніе ко всѣмъ другимъ ассоціаціямъ о необходимости оказанія поддержки министерству, и въ томъ же самомъ смыслѣ высказалось и центральное бюро. Противники новаго наказа стали высказывать опа-

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 325.
[2]) *M. Ostrogorski.* La démocratie etc. I, 197.

сеніе, какъ бы онъ не превратилъ самый парламентъ въ учрежденіе для простого регистрированія воли „коукёса“ и приказовъ партійной прессы. Гладстонъ всячески увѣрялъ оппонентовъ въ томъ, что либеральная партія никогда не сдѣлаетъ изъ прекращенія преній партійнаго орудія противъ конституціонной оппозиціи, но въ такомъ случаѣ, говорили „молодые радикалы“ устами Лабушера, пожалуй, не стòитъ и приходить въ палату, чтобы подавать голосъ за министерскій проектъ. Дѣло въ томъ, что эти „молодые демократы“ отнюдь были не прочь пользоваться прекращеніемъ преній по волѣ большинства въ интересахъ партіи, тѣмъ болѣе, что этимъ они думали упрочить господство демократіи съ перспективою въ будущемъ императивныхъ мандатовъ, которые даже сдѣлали бы совсѣмъ излишними пренія въ палатѣ, разъ все будетъ рѣшаться непосредственно народомъ. Мѣстные „коукёсы“, приведенные въ движеніе сторонниками новаго наказа, стали настаивать на томъ, чтобы ихъ депутаты подавали голоса за принятіе проекта. Одинъ непослушный членъ парламента былъ даже призванъ къ отвѣту за свое поведеніе „коукёсомъ“ его города. Самъ Гладстонъ, соглашавшійся на кое-какія уступки въ пользу всякихъ меньшинствъ, отказался отъ нихъ, когда устроенные мѣстными „коукёсами“ митинги провели рядъ резолюцій о возможности постановлять прекращеніе преній простымъ большинствомъ и заставили большинство либеральныхъ депутатовъ стать на точку зрѣнія „молодыхъ радикаловъ“.

Ассоціаціи либеральной федераціи не ограничивались только организаціей выраженія общественнаго мнѣнія въ желательномъ для нихъ направленіи (даже, притомъ, въ такихъ случаяхъ, когда сами были плохо освѣдомлены относительно существа министерскихъ проектовъ), но и задерживали образованіе общественнаго мнѣнія, когда считали это полезнымъ. Мы видѣли, что внѣшняя политика Гладстона въ Трансваалѣ, въ Египтѣ, въ Суданѣ, въ Афганистанѣ, не считалась благополучной, но заправилы федераціи находили ненужнымъ по поводу неудачъ этой политики поднимать въ странѣ агитацію, „чтобы не ставить Гладстона въ затруднительное положеніе“.

Съ каждымъ годомъ національная организація „коукёса“ и ея мѣстныя развѣтвленія укрѣпляли все болѣе и болѣе свою позицію и принимали характеръ рѣзкой исключительности. Въ восьмидесятыхъ годахъ одна мѣстная организація еще разъ показала свою силу въ конфликтѣ съ однимъ заслуженнымъ политическимъ дѣятелемъ,—случай, который надѣлалъ не менѣе шуму, чѣмъ конфликтъ Фёрстера съ брэдфордской организаціей [1]). На этотъ разъ столкновеніе произошло съ

---

[1]) См. т. VI, ч, 1, стр. 332—333.

настоящимъ радикаломъ и демократомъ Джозефомъ Коуэномъ (Cowen [1]). Богатый фабрикантъ, онъ немало потрудился надъ организацiей для рабочихъ кооперативныхъ обществъ, библіотекъ, курсовъ, участвовалъ въ демократической агитаціи, унаслѣдовавъ общій духъ чартизма, и всячески искалъ сближенія съ рабочими. О его общемъ настроеніи можно судить по тому, что еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ онъ былъ близокъ или, по крайней мѣрѣ, водилъ компанію съ континентальными эмигрантами въ Лондонѣ: съ Мадзини, Луи Бланомъ, Герценомъ и другими. Въ 1874 г. родной городъ, Ньюкэстль-на-Тайнѣ, послалъ Коуэна въ парламентъ, гдѣ онъ скоро прославился своимъ ораторствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ большою независимостью личнаго мнѣнія, позволявшею ему нерѣдко выступать противъ вождей либерализма, когда онъ находилъ ихъ неправыми. Между прочимъ, онъ высказался и противъ гладстоновскаго наказа палаты общинъ. Это и вообще нежеланіе Коуэна подчиниться до полнаго самоотреченія партійной дисциплинѣ вооружили противъ него ньюкэстльскій „коукёсъ“, начавшій его всячески дискредитировать въ глазахъ мѣстнаго населенія. Когда въ 1882 г. освободилось одно изъ двухъ депутатскихъ мѣстъ отъ Ньюкэстля, ассоціація выставила кандидатомъ на его мѣсто Джона Морлея, желая затмить этимъ именемъ все еще популярнаго въ городѣ Коуэна. Во время выборной кампаніи 1885 г. Коуэнъ сводилъ свое разногласіе съ вождями „коукёса“ къ тому, что самъ онъ выдвигалъ на первый планъ принципы либерализма, они же—либеральную партію, что для него важны мѣропріятія, для нихъ—личности. Старые радикалы поддерживали Коуэна своимъ сочувствіемъ противъ притязаній „ненавистнаго caucus'а“, но враждебное отношеніе къ прежнему депутату въ населеніи приняло такіе размѣры, что однажды при появленіи Коуэна на улицѣ въ него полетѣли комки грязи и камни. На выборахъ онъ прошелъ только съ трудомъ: благодаря избирателей за довѣріе, онъ объявилъ, что въ другой разъ онъ уже не поставитъ своей кандидатуры. Когда въ 1886 г. парламентъ былъ распущенъ, Коуэнъ такъ и поступилъ, объяснивъ своимъ сторонникамъ, почему онъ не считаетъ для себя возможнымъ выбираться: „я не хочу,—сказалъ онъ между прочимъ,—сдѣлаться рабомъ партіи или подвергаться безъ всякой пользы для моихъ согражданъ преслѣдованіямъ злобы. Коукёсу нужна политическая машина, а я человѣкъ, никоимъ образомъ не машина“. Полный отказъ Коуэна отъ политической дѣятельности знаменовалъ собою крахъ стараго радикализма, ставившаго выше всего принципы и личное убѣжденіе и во имя ихъ отгонявшаго отъ себя всякія сдѣлки съ кѣмъ бы то ни было ради достиженія власти. Кромѣ

---

[1]) *E. R. Jones.* Life and speeches of J. Cowen (1885).

Коуэна и другіе старые радикалы отстаивали прежніе лозунги, критикуя „субституцію индивидуальности машинеріей“, между прочимъ обращаясь и къ новымъ избирателямъ, рабочимъ, съ совѣтомъ самимъ учиться, изслѣдовать, критиковать, оспаривать, а не смотрѣть на себя, какъ на автоматическую силу, которою распоряжаются другіе. Вмѣстѣ съ этимъ они предостерегали отъ развитія демагогіи, которая несетъ съ собою опасности для всей политической жизни.

Такимъ образомъ, въ восьмидесятыхъ годахъ „коукёсъ“ съигралъ роль могильщика стараго радикализма. Не менѣе важную роль съигралъ „коукёсъ“ и въ судьбахъ умѣреннаго либерализма. До 1880 г. въ организаціи „сотенъ“ наблюдалось извѣстное равновѣсіе между умѣренными и радикальными элементами, но послѣ 1880 г., когда въ большей части „коукёсовъ“ былъ отмѣненъ бывшій и раньше лишь факультативнымъ, но почти вездѣ фактически существовавшій членскій взносъ, началась быстрая и рѣшительная демократизація этихъ учрежденій, благопріятная стремленіямъ „молодыхъ радикаловъ“. Одновременно съ этимъ радикальный характеръ, принятый реформаторскою дѣятельностью Гладстона, поколебалъ многихъ умѣренныхъ въ ихъ прежней вѣрности знамени партіи и все болѣе и болѣе склонялъ ихъ къ тому, чтобы прислушиваться къ предостереженіямъ, съ какими къ нимъ обращались торіи. Идти къ торіямъ они, однако, все-таки не рѣшались, но вмѣстѣ съ тѣмъ находили неподходящимъ при данныхъ условіяхъ основать по образцу дѣлавшагося все болѣе радикальнымъ „коукёса“ особую „Moderate liberal union“, проектъ которой уже былъ даже составленъ. Только послѣ того, какъ въ 1885 г. главный представитель новаго радикализма и организаторъ ассоціаціи, Чэмберленъ, издалъ свой избирательный манифестъ, многіе умѣренные либералы бросились въ объятія торіевъ.

Послѣ своего пораженія на выборахъ 1880 г. торіи естественно должны были задуматься надъ вопросомъ, гдѣ искать причину этого пораженія. Объясненіе напрашивалось само собою: оно заключалось въ превосходствѣ либеральной организаціи „коукёса“. Первоначально торіи вообще только и дѣлали, что нападали на эту систему, подвергая ее критикѣ и насмѣшкамъ, негодуя на ея основу, разоблачая неблаговидныя стороны ея примѣненія на практикѣ. Это не помѣшало торіямъ послѣ выборовъ 1880 г. заняться рѣшеніемъ вопроса, какъ бы устранить нѣчто такое, что̀ было бы похоже на „коукёсъ“, но и не было бы „коукёсомъ“. Смерть вождя, въ 1881 г., внесла разстройство въ ряды торіевъ, среди которыхъ теперь ясно обнаружилось новое теченіе, въ которомъ сливались воедино нетерпѣніе болѣе молодыхъ членовъ и честолюбіе плебеевъ, вошедшихъ въ составъ этой аристократической партіи. Первые находили старыхъ лидеровъ

слишкомъ слабыми, слишкомъ мало предпріимчивыми въ борьбѣ съ либеральнымъ министерствомъ, а вторые были недовольными тѣмъ, что въ партіи лидерство оставалось попрежнему въ рукахъ представителей аристократизма. Среди членовъ торійской оппозиціи образовалась маленькая группа, всего въ четыре человѣка, такъ называемая „четвертая партія“, которая стала нападать на самого лидера партіи Норткота (Northcote), какъ въ свое время Чэмберленъ и его друзья нападали на своего лидера Гартингтона [1]),—и притомъ стали нападать не на иное что, какъ на аристократизмъ названнаго вождя торійской оппозиціи. До третьей парламентской реформы 1885 г. перевѣсъ въ графствахъ принадлежалъ „джентльменамъ“ Англіи, но послѣ реформы 1867 г. представительство отъ городовъ торіи вынуждены были предоставить людямъ, которые въ ихъ глазахъ были плебеями, хотя отъ того, чтобы этимъ *hominibus novis* дать равное съ собою положеніе въ партіи, они были далеки. Консервативное министерство 1874 г. было сплошь составлено изъ важныхъ именъ, новые же люди остались за флагомъ, несмотря на то, что многіе изъ нихъ сильно содѣйствовали побѣдѣ торіевъ на выборахъ этого года. Отсюда возникло немало обидъ противъ „аристократической котеріи, завладѣвшей всѣми мѣстами“ и вообще „всѣми хорошими вещами“. Вотъ эти-то обиды и сказались на возникновеніи „четвертой партіи“ съ молодымъ лордомъ Рандольфомъ Чёрчилемъ во главѣ [2]). Недовольная группа обратилась къ странѣ со своего рода манифестомъ, написаннымъ Друммондомъ Вольфомъ и Гёрстомъ: это былъ даже настоящій обвинительный актъ противъ партіи, лидеры которой „принадлежатъ,

---

[1]) См. выше, стр. 218.

[2]) О Чёрчилѣ, кромѣ указанной на стр. 299 первой части настоящаго тома работы *Filon'a*, см. *I. B. Crozier*. Lord R. Churchill, a study of the english democracy (1887), а также анонимную брошюру (1887) „Lord Randolph, radical or renegate?“, гдѣ доказывается, что его нельзя назвать ни радикаломъ, потому что у него столько же радикальныхъ, сколько и консервативныхъ заявленій, ни ренегатомъ, такъ какъ у него вообще никогда никакихъ убѣжденій, собственно говоря, и не было. Онъ, дѣйствительно, былъ крайне неустойчивъ и горячъ, что отразилось на его рѣзкихъ выходкахъ въ парламентѣ и на грубомъ тонѣ его митинговыхъ рѣчей. Въ его міросозерцаніи соединялись отстаиваніе англиканской церковности и палаты лордовъ, съ одной стороны, и требованіе всеобщаго избирательнаго права и государственныхъ заботъ о рабочихъ, съ другой. Въ 1880—85 гг. онъ постоянно нападалъ на Гладстона, потомъ былъ два раза министромъ въ обоихъ кабинетахъ Солсбёри второй половины восьмидесятыхъ годовъ, но изъ второго вышелъ вслѣдствіе разногласій, хотя и поддерживалъ потомъ Солсбёри, который въ началѣ девяностыхъ годовъ даже предположилъ его назначить посломъ въ Парижѣ. Французское правительство не приняло этого назначенія, такъ какъ Чёрчиль былъ страстнымъ почитателемъ Буланже.

какъ сказано было въ документѣ, къ одному и тому же классу и образуютъ котерію, составленную изъ членовъ аристократіи, землевладѣльцевъ и ихъ партизановъ, вся заслуга коихъ въ ихъ сервилизмѣ". Цѣлью недовольныхъ было произвести „радикальную революцію" въ организаціи партіи въ болѣе народномъ направленіи. Мысль молодыхъ торіевъ нашла сочувствіе въ консервативныхъ кругахъ, гдѣ послѣ пораженія 1880 г. указывали на примѣръ организаціи Чэмберлена, какъ на достойный подражанія, не въ примѣненіи системы,—оговаривались при этомъ „молодые",—а въ ея принципѣ: изъ этой системы, указывали они, нужно взять то, что̀ въ ней хорошо, отбросивъ то, что̀ дурно. „Идея, говорилось ими еще, хороша. Чтобы имѣть успѣхъ, организація должна исходить изъ народа. Нужно привлечь народъ къ интересамъ партійной политики... Нужно, чтобы народъ почувствовалъ, что онъ можетъ дѣлать нѣчто большее, нежели только подавать свои избирательные бюллетени". Очень скоро въ большихъ городахъ и, между прочимъ, ранѣе всего въ Бирмингамѣ, стали возникать консервативныя ассоціаціи, построенныя на началахъ коукёса, тѣмъ болѣе начавшія дѣйствовать энергично, что въ нихъ стали вступать многіе представители буржуазіи: по мѣрѣ того, какъ главныя политическія и экономическія требованія этого класса удовлетворялись, а съ другой стороны, начинала предъявлять свои требованія демократія, среди буржуазіи все чаще и чаще стали повторяться случаи перехода изъ либеральнаго лагеря въ консервативный. Классы дѣловыхъ людей (businessmen) и людей свободныхъ профессій (professionalmen) заключали въ своемъ составѣ немало лицъ, настроенныхъ консервативно, но въ то же время не раздѣлявшихъ политическаго міросозерцанія стараго торизма, помѣщичьяго и сельскаго, и не обнаруживавшихъ большой охоты идти на поводу аристократіи. Раньше торійская партія состояла, главнымъ образомъ, изъ аристократіи и простонародья, теперь же въ партіи образовалось свое среднее сословіе, желавшее тоже играть роль въ политической жизни, какъ мѣстной, такъ и всей страны. Манифестъ „четвертой партіи" былъ встрѣченъ весьма сочувственно въ этой общественной средѣ. Главою новаго, демократическаго торизма сдѣлался лордъ Рандольфъ Чёрчиль, сынъ торійскаго герцога Мальборо, начавшій разыгрывать роль настоящаго демагога даже въ самомъ своемъ стилѣ, который очень приходился по вкусу ремесленникамъ, приказчикамъ и конторщикамъ, охочимъ до чтенія газетъ. Не отказываясь отъ старыхъ принциповъ торизма и отъ преданности религіи, учрежденіямъ, порядку и собственности, онъ придалъ своей проповѣди болѣе демократическій характеръ, увѣряя народъ въ своихъ рѣчахъ на митингахъ въ разныхъ городахъ въ 1883—84 гг., что радика-

лизмъ—просто фортель, и что торіи—самые подлинные демократы и наилучшіе друзья народа. Въ рѣчахъ Чёрчиля сильно доставалось и либераламъ, и радикаламъ, для которыхъ „vox populi—vox Dei" есть лишь кимвалъ бряцающій и мѣдь звенящая или самый грубый фетишъ, тогда какъ у торіевъ это—живая истина, ибо девизъ ихъ: „отъ народа, для народа, посредствомъ народа". Чёрчиль критиковалъ въ своихъ рѣчахъ и лидеровъ консервативной партіи, не довѣряющихъ народу и боящихся народа, но все это, прибавлялъ онъ, должно скоро измѣниться, когда возникнетъ въ консервативной организаціи представительный органъ, отвѣтственный передъ своими избирателями. Позднѣе Чёрчиль даже признался, что давно втайнѣ чувствовалъ удивленіе передъ либеральной организаціей по бирмингамскому плану. Къ обычнымъ пріемамъ „коукёса" новые торіи прибавили еще одну приманку для народа, которая дѣйствовала на воображеніе и имѣла прямо сентиментальный характеръ. Они создали нѣчто въ родѣ средневѣкового рыцарскаго ордена съ званіями оруженосцевъ и рыцарей для своихъ членовъ и съ эмблемою въ видѣ подснѣжника, откуда и самое названіе союза—„The primrose tory leage". Романтическая приманка возымѣла дѣйствіе и „Лига подснѣжника" получила весьма быстрое развитіе.

Одновременно съ демократизаціей мѣстныхъ консервативныхъ ассоціацій усилія „четвертой партіи" были направлены на то, чтобы создать вліятельный, сильный и властный центральный органъ для направленія всѣмъ движеніемъ демократическаго торизма. Попытка предоставить совѣту „Національнаго союза консервативныхъ и конституціонныхъ ассоціацій" избраніе лидера партіи по смерти Биконсфильда не удалась: преемниковъ ему выбрали сами лорды (въ лицѣ Солсбёри) и коммонеры (въ лицѣ Норткота), но это не остановило Чёрчиля, сдѣлавшагося предсѣдателемъ упомянутаго совѣта, и онъ прямо потребовалъ, чтобы центральный комитетъ парламентской фракціи торіевъ, располагавшій фондами партіи, занимавшійся кандидатурами и вообще распоряжавшійся ея дѣлами, былъ уничтоженъ, и чтобы всѣ его полномочія перешли къ совѣту, въ которомъ онъ, Чёрчиль, занималъ предсѣдательское мѣсто. Понятно, что оффиціальные лидеры не очень-то хотѣли разстаться съ своимъ положеніемъ, но обстоятельства заставили ихъ вступить въ переговоры съ организаціей Чёрчиля и даже пойти на уступки, которыхъ послѣднему, впрочемъ, было мало. Дѣло дошло до рѣзкаго разрыва переговоровъ, во время котораго въ самомъ совѣтѣ, руководимомъ Чёрчилемъ, произошло разногласіе, заставившее послѣдняго отказаться отъ предсѣдательства и объявить о своемъ отъѣздѣ на время изъ Англіи. Все это всполошило мѣстныя консервативныя организаціи, устроившія по поводу раскола партіи деле-

гатскую конференцію въ Лондонѣ для нахожденія компромисснаго выхода изъ распри вождей стараго, ортодоксальнаго и новаго, демократическаго торизма. Результатомъ съѣзда была нѣкоторая реорганизація учрежденій партіи и включеніе въ строго представительный во всемъ остальномъ центральный совѣтъ двухъ делегатовъ отъ лидеровъ, за которыми признавалось исключительное право завѣдыванія финансами партіи, направленія ея общей политики и назначенія кандидатовъ въ члены парламента, если бы этого потребовалъ тотъ или другой округъ. Обѣ стороны приняли этотъ компромиссъ, лордъ Солсбѣри—скрѣпя сердце, Чёрчиль—весьма охотно, и дѣло кончилось новымъ избраніемъ его въ предсѣдатели совѣта. Для ортодоксальнаго торизма это было капитуляціей передъ новой организаціей, напоминавшей радикальный „коукёсъ". Новыхъ торіевъ въ парламентѣ было только четыре человѣка, но внѣ парламента демократическій торизмъ былъ большою силою, съ которою лидеры партіи не могли не считаться. Миръ не былъ, однако, вполнѣ искреннимъ. Ортодоксальные торіи не отказывались отъ попытокъ спасти прежнее положеніе, а торіи-демократы смотрѣли на заключенное соглашеніе, какъ на временное лишь перемиріе.

Новые торіи не ограничились послѣ 1880 г. реорганизаціей учрежденій партіи, но нашли нужнымъ пересмотрѣть и самую ея программу въ болѣе прогрессивномъ направленіи. Они говорили, что торизмъ болѣе не долженъ быть сопротивленіемъ реформамъ, напротивъ, долженъ содѣйствовать своевременнымъ преобразованіямъ, для которыхъ общество уже достаточно созрѣло. Передъ ихъ умственными взорами рисовалась картина единой конституціонной партіи, образовавшейся изъ сліянія торіевъ и либераловъ ради защиты свободы отъ деспотизма толпы. Позднѣе, какъ мы увидимъ, это чаяніе торіевъ исполнилось, когда въ самомъ либерализмѣ возникъ расколъ изъ-за ирландскихъ плановъ Гладстона, но то, что называлось деспотизмомъ толпы, стало проникать и въ самый этотъ обновленный торизмъ. Какъ центромъ, изъ коего вышло движеніе, приведшее къ организаціи радикальнаго „коукёса", былъ Бирмингамъ, исходнымъ пунктомъ аналогичнаго явленія въ торійской партіи сдѣлался Ливерпуль, муниципальный совѣтъ и нотабли („leading citizens") котораго стали все болѣе и болѣе сближаться съ простонародною массою. Въ этомъ городѣ дѣла либераловъ были въ рукахъ своего рода коммерческой олигархіи („merchant princes"), получившихъ за свою надменность и сухость въ обращеніи съ народомъ кличку „красно-смородиннаго желе" (red currant jelly), что было очень благопріятно для мѣстныхъ торійскихъ лидеровъ, искавшихъ общенія съ народомъ на политической почвѣ („common political association"). Торійскіе агитаторы во всей странѣ съ Чёрчи-

лемъ во главѣ не уставали твердить, что народъ долженъ отстаивать національныя учрежденія, отвергаемыя радикалами, ибо именно этимъ учрежденіямъ Англія обязана свободою, благосостояніемъ и величіемъ. Они отстаивали, какъ самое зерно торійской партіи, наслѣдственную палату лордовъ, необходимую и для сохраненія въ Англіи монархіи. Они представляли радикальные проекты опасными для самого народа, который можетъ получать пользу отъ преобразованій только въ границахъ и подъ руководствомъ старыхъ, испытанныхъ учрежденій. Массамъ при этомъ обѣщались разныя благодѣтельныя мѣропріятія, и вмѣстѣ съ тѣмъ курился самый неумѣренный ѳиміамъ: онѣ-де обладаютъ всѣми добродѣтелями, политическою мудростью, здравостью сужденія, такъ какъ „гласъ народа — гласъ Божій". „Правительства, сказалъ въ одной митинговой рѣчи Чёрчиль, могутъ ошибаться, классы могутъ ошибаться, лондонское общество и клубы улицы Pall Mall (т.-е. богачей) постоянно ошибаются, но народъ не ошибается". Съ другой стороны, эти консервативные демократы, вносившіе чисто демократическія начала въ организацію своей партіи, были очень далеки отъ того, чтобы реформировать самоё конституцію на основаніи тѣхъ же принциповъ. Они готовы были идти на разныя подачки народу, лишь бы послѣдній позволялъ и даже помогалъ управлять Англіей партіи торіевъ съ ихъ лордами, установленною церковью и крупнымъ землевладѣніемъ. Конечно, между открытою проповѣдью и сокровенными намѣреніями торіевъ-демократовъ было вопіющее противорѣчіе, которое не всегда удавалось главарямъ партіи замазать, и волей-неволей имъ приходилось катиться по наклонной плоскости уступокъ настроеніямъ народной массы, безъ чего очень опасною для торизма сдѣлалась бы конкурренція радикализма.

Видя въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ неизбѣжность третьей парламентской реформы, торіи хлопотали только о томъ, чтобы сохранить старые избирательные округа, очень неравномѣрные по отношенію и къ размѣрамъ, и къ населенности, но зато вполнѣ приспособленные къ удержанію въ нихъ традиціонныхъ мѣстныхъ вліяній, тогда какъ либералы желали перераспредѣленія избирательныхъ округовъ въ соотвѣтствіи съ ихъ населенностью. На почвѣ этого вопроса возникъ настоящій конфликтъ между обѣими палатами парламента, такъ какъ въ верхней палатѣ возобладало мнѣніе торіевъ, въ нижней виговъ. Для улаженія спора начаты были переговоры, не мало удивившіе либераловъ, когда обнаружилась со стороны торіевъ большая предупредительность и уступчивость: торіямъ не оставалось болѣе ничего, какъ не дать либераламъ одержать надъ ними рѣшительную побѣду въ странѣ. Пока, однако, вопросъ только еще былъ предметомъ переговоровъ, радикальный „коукёсъ" все привелъ въ движеніе,

чтобы вызвать повсемѣстные митинги, процессіи и другія манифестаціи. Лордъ Солсбёри не находилъ словъ для выраженія своего негодованія противъ такой „апелляціи къ улицѣ“ и „законодательствованія посредствомъ пикниковъ“, но, въ сущности, и торіи тоже прибѣгли къ такой же агитаціи, и самъ же Солсбёри очень скоро, слѣдуя примѣру Чёрчиля и съ однихъ съ нимъ подмостокъ, говорилъ передъ „улицею“ рѣчи [1]).

[1]) *L. Lowell* въ своемъ послѣднемъ трудѣ „The government of England“ (1908), упоминавшемся выше (стр. 205), посвящаетъ двѣ послѣднія главы перваго тома изображенію происхожденія и паденія коукёса („The rise and fall of the caucus“), въ которыхъ, какъ это можно видѣть изъ общаго названія обѣихъ этихъ главъ, указывается на ослабленіе ихъ роли въ настоящее время. По его словамъ, за тридцать лѣтъ своей исторіи Національная либеральная федерація оказалась далеко не тѣмъ, чѣмъ первоначально стремилась сдѣлаться („what it was originally intended to be“). Лоуелль признаётъ, что во многихъ отношеніяхъ она была „въ высокой степени полезна (highly useful) для своей партіи“, но не затрудняется назвать ее въ качествѣ своего рода либеральнаго парламента, управляющаго партіей, обманомъ или подлогомъ („the Federation is a sham“), указывая на то, что фактически на ея центральный органъ надѣтъ намордникъ („the council is effectively muzzled“) уже вслѣдствіе „почти неизмѣннаго отсутствія всѣхъ руководящихъ либераловъ“ (all the leading Liberals) I, 533. Между тѣмъ, замѣчаетъ Лоуэлль на „caucus“ смотрѣли, какъ на „грядущую форму демократіи, предназначенную къ тому, чтобы подкопать болѣе старыя политическія учрежденія націи“, на дѣлѣ же оказалось, что „среди въ высшей степени практическаго народа демократическія теоріи на счетъ прямого изъявленія народной воли уступаютъ требованіямъ актуальной общественной жизни“, и что новая организація совершенно тщетно боролась вырвать лидерство изъ рукъ парламентскихъ лидеровъ, I, 534. Къ аналогичному выводу приходитъ Лоуэлль, разсмотрѣвъ и консервативный „коукёсъ“. Обѣ эти организаціи, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „были источниками тревоги (sources of anxiety) для партійныхъ лидеровъ, но, по крайней мѣрѣ, на время обѣ сдѣлались безвредными (harmless). Процессъ въ каждомъ случаѣ не былъ одинъ и тотъ же, хотя результаты не оказались несходными (are not unlike). Обѣ онѣ были обманами (shams), но только съ тѣмъ различіемъ, что консервативная организація—обманъ прозрачный, а либеральная—непрозрачный“ (an opaque sham), I, 570. Еслибы, читаемъ мы еще у Лоуэлля, коукёсъ превратилъ палату общинъ въ „простую машину для регистраціи его повелѣній“ (behests), то „кабинетъ былъ бы отвѣтственъ передъ коукёсомъ, а не передъ парламентомъ, и теперешняя форма правленія совершенно измѣнилась бы“, II, 20. На стр. 299 и 322—323 первой части настоящаго тома было приведено мнѣніе Лоуэлля о книгѣ Острогорскаго, подробнѣе всѣхъ изучившаго „коукёсъ“; Лоуэль находитъ у этого автора большія преувеличенія, но, можетъ быть и самъ онъ повиненъ въ нѣкоторомъ стремленіи представить эту систему менѣе важною въ политической жизни, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Такой авторитетный изслѣдователь, какъ Редлихъ (кстати сказать, незнакомый съ трудомъ Острогорскаго) уподобляетъ современную структуру англійскихъ партій „пирамидѣ, которая, покоясь на широкой демократической основѣ, заканчивается вершиной, призванной къ

Это былъ тотъ самый Солсбёри [1]), который въ іюлѣ 1885 г. смѣнилъ Гладстона у власти, правда, на какіе-нибудь полгода, такъ какъ уже въ январѣ 1886 г. его министерство пало. Въ этомъ своемъ кабинетѣ Солсбёри предложилъ одно изъ первыхъ мѣстъ Чёрчилю. Съ самаго же начала новый кабинетъ выступилъ на путь своего рода государственнаго соціализма, что́ дало поводъ Чэмберлену сказать о новомъ кабинетѣ: „въ немъ должности принадлежатъ торіямъ, а власть находится въ рукахъ радикаловъ". Самъ Чёрчиль, однако, громко заявилъ, что радикализмъ можетъ погубить Англію своей демагогіей, и приглашалъ умѣренныхъ либераловъ соединиться съ консерваторами для предотвращенія такой опасности. Старые виги, слушая эти рѣчи, не могли, съ своей стороны, не видѣть, что и въ торизмѣ дулъ также радикальный вѣтеръ, и что среди консерваторовъ завелся такой же „коукёсъ", какому они въ своей партіи были обязаны оттѣснившему ихъ назадъ радикальному теченію. Ирландскій вопросъ и теперь продолжалъ быть главною злобою дня англійской политики. У Солсбёри, собственно говоря, не было большинства, и если онъ держался, то лишь потому, что либералы не хотѣли ничего предпринимать въ ожиданіи скорыхъ общихъ выборовъ. Парнелль, благодаря которому министерство Гладстона вышло въ 1889 г. въ оттставку, оставался господиномъ положенія. Его тактикой сдѣлалось соединяться то съ одною, то съ другою англійской партіей, чтобы отъ каждой получить то, что́ она ему могла только дать. Министерство даже вступило съ этимъ „архангеломъ революціи" въ переговоры

активному руководительству, такъ что,—говоритъ далѣе самъ Редлихъ,—въ концѣ концовъ воля маленькаго круга лицъ фактически безъ шума направляетъ весь громадный механизмъ. Въ большихъ городахъ средней Англіи, продолжаетъ онъ,.. эта организація подъ вліяніемъ американскаго образца развилась въ форму, очень похожую на систему такъ наз. caucus... Въ такой формѣ организованы въ настоящее время какъ либералы, такъ и консерваторы... Чѣмъ тщательнѣе соблюдаются демократическія формы при образованіи исполнительнаго органа, тѣмъ больше полнота власти, предоставленной этому послѣднему" и т. д. *І. Редихъ.* Англійское мѣстное управленіе, I, 305—306.

[1]) Маркизъ Робертъ Солсбёри (Salisbury) участвовалъ еще въ министерствахъ Дэрби (т. VI, ч. 1, стр. 33) и Дизраэли-Биконсфильда (т. VI, ч. 1, стр. 321). Во время кризиса на Балканскомъ полуостровѣ онъ былъ англійскимъ уполномоченнымъ на константинопольской конференціи 1876 г., (т. VI, ч. 1, стр. 399), а въ 1878 г., въ качествѣ великобританскаго министра иностранныхъ дѣлъ (т. VI, ч. 1, стр. 413), участвовалъ вмѣстѣ съ Биконсфильдомъ въ берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ много содѣйствовалъ передачѣ Босніи и Герцеговины австрійскому императору (т. VI, ч. 1, стр. 415—416). О немъ *Pulling,* Marquis of Salisbury, life and speeches (1885).—*Traill.* The marquis of Salisbury (1891) и др., указанныя выше (стр. 204). Солсбёри дважды стоялъ во главѣ министерства (въ 1885—86 и 1895—1902 гг.).

при посредствѣ одного изъ своихъ сочленовъ, вице-короля Ирландіи Карнарвона. Свиданіе между Карнарвономъ и Парнеллемъ было обставлено величайшею тайною, чтобы о немъ какъ-нибудь не узнали репортеры газетъ, но потомъ самъ Парнелль разсказалъ въ парламентѣ о бывшемъ у него съ Карнарвономъ разговорѣ. Собесѣдникъ Парнелля объяснилъ ему, что желалъ его видѣть, дабы узнать его взглядъ на „ирландскую конституцію", но на самомъ дѣлѣ предложилъ ему свой планъ создать изъ ирландскихъ провинціальныхъ совѣтовъ, тогда еще существовавшихъ (уничтожены въ 1897 г.), центральное законодательное собраніе. Парнелль, однако, отвергъ это предложеніе, сказавъ, что нуженъ настоящій ирландскій парламентъ, который уже самъ создастъ и формы мѣстнаго самоуправленія. Тогда Карнарвонъ заявилъ, что и самъ онъ находитъ необходимымъ считаться съ желаніемъ всей Ирландіи, и что, по его мнѣнію, отдѣльный ирландскій парламентъ можно было бы организовать по образцу какого-либо колоніальнаго парламента. Онъ только указалъ на страшную бурю, которую вызвалъ бы въ Англіи принятый ирландскимъ парламентомъ протекціонизмъ по отношенію къ мѣстной промышленности для ея огражденія отъ конкурренціи съ англійскою. Около того же времени, когда велись эти переговоры, Солсбёри произнесъ въ Ньюпортѣ рѣчь, одно мѣсто которой (ссылка на примѣръ дуалистической Австро-Венгріи) было истолковано въ благопріятномъ для ирландской автономіи смыслѣ. Послѣ этого, когда были назначены новые выборы въ парламентъ, Парнелль сталъ рѣзко нападать на либераловъ, говоря, что они обращаются съ Ирландіей такъ же, какъ русское правительство съ Польшею, и совѣтуя подавать голоса противъ нихъ [1]). На выборахъ 1886 г. гладстоніанцы получили 333 мѣста, консерваторы—251, ирландцы—86, такъ что министерское большинство было, всего лишь на четыре голоса. Изъ временнаго союза торіевъ съ гомрулерами ничего не вышло, но зато Гладстонъ тогда самымъ кореннымъ образомъ измѣнилъ свою ирландскую политику въ пользу гомруля. Торіи, сами шедшіе на сдѣлку, стали потомъ кричать о намѣреніи радикаловъ „расколоть имперію" [2]).

---

[1]) Это очень удивило одного изъ видныхъ ирландскихъ патріотовъ, Чарльза Гавана Дёффи, бывшаго фенія, сосланнаго когда-то на каторжныя работы въ Австралію, гдѣ впослѣдствіи онъ сдѣлался виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, и уже въ качествѣ таковаго пріѣхавшаго на родину, но Парнелль объяснилъ ему свое поведеніе тѣмъ, что торіи обѣщали дать Ирландіи самоуправленіе. По просьбѣ Парнелля Дёффи самъ принялъ участіе въ переговорахъ съ консерваторами, которые подтверждали, что если ирландскіе націоналисты ихъ поддержатъ на выборахъ, то самоуправленіе Ирландіи будетъ дано.

[2]) Нужно, однако, замѣтить, что не такъ давно (1908) консервативныя

Кабинетъ Солсбёри былъ опрокинутъ вновь образовавшимся союзомъ ирландцевъ съ либералами, и Гладстонъ въ третій разъ сдѣлался главою министерства, впрочемъ, менѣе, нежели на полгода. Въ составѣ третьяго гладстоновскаго кабинета преобладали радикальные члены, какъ-то Чэмберленъ, Розбери, Морлей [1]). Уже во время выборной кампаніи 1885 — 86 г. онъ говорилъ о необходимости „великодушныхъ мѣръ самоуправленія для Ирландіи“, теперь же онъ окончательно рѣшилъ поднять вопросъ объ ирландской автономіи въ парламентѣ, составивъ въ этомъ смыслѣ цѣлый проектъ, по которому Ирландія должна была управляться по образцу автономныхъ колоній особыми парламентомъ и министерствомъ, но подъ контролемъ имперскаго правительства.

Свой билль объ ирландскомъ гомрулѣ Гладстонъ внесъ въ палату общинъ 8 апрѣля 1886 г., изложивъ въ рѣчи, продолжавшейся болѣе трехъ часовъ, свои аргументы. Англія,—говорилъ онъ,—утомилась примѣнять для удержанія Ирландіи въ союзѣ съ собою исключительный режимъ. Единственный выходъ изъ нестерпимаго положенія—образовать отдѣльный парламентъ для Ирландіи, который не нарушалъ бы, однако, прерогативъ короны въ дѣлахъ внѣшнихъ сношеній, арміи и флота. Полиція и жандармерія временно, равнымъ образомъ, должны были оставаться въ распоряженіи органовъ центральной власти съ отнесеніемъ на Англію трети расходовъ по ихъ содержанію, да и вообще финансовое единство должно было быть сохранено съ тѣмъ, чтобы по покрытіи чисто ирландскихъ расходовъ центральнымъ казначействомъ, остатокъ ирландскихъ доходовъ отдавался въ распоряженіе мѣстнаго парламента. Что касается послѣдняго, то Гладстонъ проектировалъ одну палату, которая состояла бы изъ двухъ категорій депутатовъ, различнымъ образомъ только избираемыхъ [2]), совѣщающихся вмѣстѣ, голосующихъ же отдѣльно, съ предоставленіемъ депутатамъ перваго разряда права отсрочивающаго „veto“. Ирландскій парламентъ, однако, не могъ бы распоряжаться тамож-

---

газеты заговорили о желательности „имперскаго федерализма“ въ смыслѣ федераціи, въ составъ которой вошли бы Шотландія, Уэльсъ и Ирландія. Есть одинъ пунктъ, на которомъ торіи сходятся съ гомрулерами: и тѣ, и другіе—протекціонисты.

[1]) Джонъ Морлей началъ свою дѣятельность въ шестидесятыхъ годахъ, какъ писатель и журналистъ въ духѣ философскаго радикализма (его книги о Вольтерѣ, о Руссо, о Дидро и энциклопедистахъ, и о компромиссѣ переведены по-русски, и ему же принадлежитъ главный существующій трудъ о Гладстонѣ (ср. т. VI, ч. 1, стр. 303, прим. 2-е). Членомъ парламента онъ сдѣлался въ 1883 году.

[2]) Одни должны были избираться обычнымъ порядкомъ, другіе—пэрами и богатыми землевладѣльцами, большею частью англичанами.

нями, какъ того требовалъ Парнелль. Другимъ проектомъ Гладстона былъ планъ аграрной реформы, состоявшій въ назначеніи англійскимъ парламентомъ, съ разсрочкою на четыре бюджетныхъ срока, пятидесяти милліоновъ ф. ст. для покупки земель въ Ирландіи съ цѣлью ихъ перепродажи фермерамъ, которые потомъ выкупали бы пріобрѣтенные участки посредствомъ ежегодныхъ платежей. Гарантіей того, что Ирландія расплатилась бы съ Англіей за сдѣланный такимъ образомъ авансъ, служили бы ирландскіе финансы. По первоначальному плану Гладстона, ирландскіе депутаты должны были быть совершенно исключены изъ англійскаго парламента, но при второмъ чтеніи билля Гладстонъ заявилъ, что онъ готовъ въ этомъ пунктѣ сдѣлать уступку въ смыслѣ сохраненія въ англійскомъ парламентѣ ирландскихъ депутатовъ при обсужденіи ирландскихъ налоговъ.

Проекты Гладстона встрѣтили сочувствіе среди ирландцевъ и большей части либераловъ, но противъ нихъ началась сильная агитація, въ которой особенно дѣятельное участіе принимали такъ называемые „оранжисты“, указывавшіе на то, что осуществленіе проекта о гомрулѣ отдало бы англійское меньшинство Ирландіи, сосредоточенное въ области Ульстерѣ, подъ власть ирландскихъ католиковъ [1]). Многіе жители этой области говорили, что они готовы скорѣе поднять возстаніе, нежели подчиниться новому порядку вещей. Въ самой либеральной партіи по поводу внесенія Гладстономъ билля о гомрулѣ произошелъ расколъ. Чэмберленъ прямо подалъ въ отставку, не желая болѣе оставаться въ кабинетѣ Гладстона, въ которомъ онъ занималъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ [2]), а между тѣмъ въ другихъ вопросахъ онъ считался радикальнѣе Гладстона. Вмѣстѣ съ нимъ откололись отъ либеральной партіи и нѣкоторые другіе дѣятели радикальнаго образа мыслей. Отпали точно также отъ нея и умѣренные ея члены съ Гартингтономъ во главѣ, который одно время былъ лидеромъ либераловъ, вмѣсто Гладстона, устранившагося тогда отъ по-

---

[1]) Ульстеръ (Ulster)—самая сѣверная и самая богатая провинція Ирландіи, населенная, главнымъ образомъ, англичанами и шотландцами, среди которыхъ еще въ XVII в. и составился для охраны англійскаго владычества и протестантизма въ Ирландіи союзъ „orangemen'овъ“.

[2]) Отпаденіе Чэмберлена отъ Гладстона изъ-за гомруля для современниковъ было загадкой и осталось открытымъ вопросомъ для историковъ. Чэмберленъ не скрывалъ своей близости къ Парнеллю еще въ 1874 г. и раньше другихъ либераловъ говорилъ о необходимости дарованія Ирландіи законодательной самостоятельности, и вдругъ теперь Гладстонъ оказался безсильнымъ его удовлетворить. Такъ какъ при этомъ Чэмберленъ съ своей стороны никакихъ вѣскихъ резоновъ не приводилъ и ссылался только на разныя мелочи, не имѣвшія серьёзнаго значенія, то составилось такое объясненіе: полагая, что по старости лѣтъ Гладстонъ въ скоромъ времени оставитъ политическую

литической дѣятельности [1]). Всѣ бывшіе прежде единомышленниками и сторонниками политики „великаго старца", теперь съ нимъ разошедшіеся, образовали партію либераловъ-уніонистовъ, получившую это названіе отъ своего желанія во что бы то ни стало сохранить въ силѣ англо-ирландскую „унію" 1798 г. Вождемъ этихъ либераловъ-диссидентовъ въ палатѣ общинъ сдѣлался Гартингтонъ, когда же онъ по смерти своего отца, герцога Девонширскаго, сдѣлался членомъ палаты лордовъ (1891), уніонистское лидерство перешло къ Чэмберлену.

Въ виду раскола въ парламентской либеральной партіи рѣшено было узнать мнѣніе избирателей, подававшихъ за нее голоса на выборахъ. Бюро федераціи передъ началомъ преній о „home-rull-bill'ѣ" въ палатѣ общинъ обратилось ко всѣмъ мѣстнымъ организаціямъ съ предложеніемъ высказаться по вопросу, послѣ чего общій делегатскій митингъ долженъ былъ формулировать мнѣніе уже имени всей либеральной партіи о проектѣ. Мѣстныя ассоціаціи совершенно растерялись, такъ какъ имъ пришлось выбирать между Гладстономъ и Чэмберленомъ, да и самъ спорный вопросъ допускалъ разныя рѣшенія, смотря по точкѣ зрѣнія, съ какой его можно было рѣшать. Отвѣты получались поэтому крайне неясные, сбивчивые, неопредѣленные, къ великому неудовольствію Чэмберлена, спрашивавшаго даже, къ чему же было устраивать всѣ эти ассоціаціи, разъ онѣ не знаютъ, что̀ сказать. Тѣмъ не менѣе делегаты отъ мѣстныхъ либеральныхъ организацій съѣхались въ Лондонъ на конференцію, на которой произошелъ настоящій бой между Гладстономъ и Чэмберленомъ. Все на этомъ съѣздѣ сложилось къ выгодѣ Гладстона, помимо обаянія, которое оказывала самая личность стараго лидера либераловъ. Среди делегатовъ изъ многихъ городовъ весьма замѣтна была зависть къ исключительной роли, какую въ федераціи присвоилъ себѣ Бирмингамъ; одного этого было достаточно для того, чтобы высказаться противъ Чэмберлена, которому было поставлено въ вину, что онъ уже принялъ свое рѣшеніе, не дождавшись мнѣнія всей федераціи. Громадное большинство делегатовъ объявило себя за Гладстона и не захотѣло даже слышать о предлагавшемся компромиссѣ, состоявшемъ въ томъ, чтобы Гладстонъ отказался отъ своей мысли о полномъ исключеніи ирландскаго представительства изъ англійскаго парламента, опасномъ для

дѣятельность, Чэмберленъ смотрѣлъ-де на себя, какъ на его преемника, и изъ гомруля на сей конецъ хотѣлъ-де сдѣлать главный пунктъ своей программы; ожиданія его не оправдались, и онъ оставилъ Гладстона.

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 401—402. Гартингтона Гладстонъ приглашалъ войти въ составъ кабинета, но тотъ отказался отъ этой чести изъ-за намѣренія Гладстона дать Ирландіи гомруль.

„единства имперіи“. Это рѣшеніе делегатскаго собранія сдѣлалось лозунгомъ для мѣстныхъ ассоціацій, начавшихъ теперь настаивать, чтобы ихъ депутаты поддерживали проектъ Гладстона. Изъ отдѣльныхъ городовъ полетѣли въ Лондонъ письма и телеграммы въ этомъ смыслѣ, а когда это не помогало, стали ѣздить спеціальные посланцы, чтобы лично уговаривать членовъ парламента проводить всѣми средствами мѣру, предлагаемую Гладстономъ. Самъ Гладстонъ готовъ былъ видѣть въ этой агитаціи доказательство, что все либеральное общественное мнѣніе на его сторонѣ, и думалъ найти въ этомъ обстоятельствѣ главный козырь въ борьбѣ противъ Гартингтона, Чэмберлена, Джона Брайта и др., увлекшихъ за собою часть либеральныхъ представителей. Но Гладстонъ ошибся въ своемъ расчетѣ: ни увѣщанія, ни угрозы не подѣйствовали на очень многихъ членовъ либеральной партіи, которые во время голосованія билля и перешли на сторону консерваторовъ. Билль о гомрулѣ былъ проваленъ 241 голосомъ противъ 211, но Гладстонъ не сдавался, будучи увѣренъ, что большинство націи за него. Парламентъ былъ распущенъ, назначены были новые выборы.

Расколъ среди парламентскихъ либераловъ внесъ разложеніе и въ мѣстныя либеральныя организаціи, такъ какъ ихъ покинули многія вліятельныя лица, въ родѣ предсѣдателей и секретарей. Самъ Чэмберленъ оставилъ свое дѣтище и основалъ въ Бирмингамѣ новую „Радикальную унію“ съ филіальными отдѣленіями въ другихъ мѣстахъ. Ея требованіемъ было широкое областное самоуправленіе, въ которомъ и Ирландіи предоставлено было бы равное мѣсто съ собственной Англіей, съ Шотландіей и Уэльсомъ. Прежняя либеральная федерація, наоборотъ, шла подъ знаменемъ гладстоновскаго гомруля, сдѣлавъ изъ него общее мѣрило либерализма: либералъ—только тотъ, кто за гомруль, а кто противъ, тотъ не либералъ, причемъ въ категорію нелибераловъ попали и Чэмберленъ, и Джонъ Брайтъ, и другіе радикалы. Когда бывшіе депутаты, вотировавшіе противъ гомруля, желали объяснить свое поведеніе избирателямъ, ихъ до этого старались не допускать, не принимали отъ нихъ, какъ отъ измѣнниковъ либерализму, никакихъ оправданій или просто не давали имъ говорить криками и шумомъ. На это либералы-уніонисты отвѣчали обвиненіями оффиціальнаго либерализма въ тираніи, попирающей право личнаго мнѣнія и независимой дѣятельности.

Объявленные Гладстономъ новые выборы оказались неблагопріятными для гомруля. Сторонниковъ его прошло въ палату 277 человѣкъ (изъ нихъ 86 ирландцевъ), противниковъ 392 (въ ихъ числѣ уніонистовъ лишь 75 человѣкъ, а всѣ остальные 317 были консерва-

торы). Вслѣдствіе такой неудачи [1]) Гладстонъ немедленно же подалъ въ отставку, не дожидаясь сбора парламента [2]), въ которомъ составилось консервативно-уніонистское большинство. „Коукёсъ“ оказался далеко не настоящимъ выразителемъ подлиннаго общественнаго мнѣнія, но думаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не будь этой организаціи въ дѣйствіи, пораженіе Гладстона было бы болѣе полнымъ и безвозвратнымъ. Какъ ни важны были понесенныя федераціей потери въ нужныхъ и вліятельныхъ людяхъ, она все-таки продолжала существовать, опираясь преимущественно уже на мелкую буржуазію и на рабочихъ. Въ сущности, именно настроенію этихъ общественныхъ слоевъ наиболѣе соотвѣтствовалъ ирландскій проектъ Гладстона; Чэмберленъ, возставши противъ него, дурно расчиталъ, полагая, что „коукёсъ“ будетъ тоже противъ гомруля. Федерація, ставши на сторону Гладстона, тѣмъ самымъ какъ бы освятила своимъ оффиціальнымъ авторитетомъ требованіе гомруля для Ирландіи, а Чэмберленъ къ великому удовольствію весьма многихъ либераловъ попалъ въ положеніе человѣка, отвергнутаго своею партіей. Многіе ликовали именно по поводу того, что англійская демократія доказала свою политическую зрѣлость и спасла свободу либеральной организаціи тѣмъ, что съумѣла избавиться отъ исключительнаго господства одного человѣка. Результатомъ пораженія Чэмберлена было и то, что нѣкоторыя либеральныя ассоціаціи, ради сохраненія своей самостоятельности раньше не примыкавшія къ федераціи, теперь стали входить въ ея составъ, и что въ самой федераціи произошелъ пересмотръ устава въ направленіи большей децентрализаціи. Сама главная квартира „коукёса“ была перенесена въ Лондонъ, гдѣ она естественно должна была попасть подъ вліяніе оффиціальныхъ лидеровъ партіи съ Гладстономъ во главѣ. Послѣднее обстоятельство не могло не отразиться на самомъ характерѣ всей федераціи: она стала превращаться въ органъ парламентскихъ лидеровъ партіи, и сами делегатскіе съѣзды сдѣла-

---

[1]) О причинахъ пораженія либераловъ на выборахъ 1886 г. сборникъ различныхъ мнѣній въ изд. *A. Reid'a* „New liberal programm“ (1886).

[2]) „Истинными владыками, рѣшающими судьбы кабинетовъ, являются избиратели. Въ XVIII столѣтіи министры выходили въ отставку, когда они теряли довѣріе короля; въ великій парламентскій періодъ они выходили въ отставку, когда теряли довѣріе палаты общинъ; при демократическомъ избирательномъ правѣ они получали обыкновенно отставку отъ избирателей... Между 1867 и 1900 г. правительство смѣнялось восемь разъ, и въ шести изъ этихъ восьми случаевъ вышли въ отставку не вслѣдствіе пораженія въ палатѣ общинъ, а потому, что избиратели вынесли на общихъ выборахъ неблагопріятный для нихъ приговоръ... Избиратели рѣшаютъ фактически, какому составу партійныхъ лидеровъ они передаютъ время отъ времени свою власть“. *Сидней Лоу*. Государственный строй Англіи (1908), стр. 87—88.

лись скорѣе проводниками постановленій этихъ лидеровъ, чѣмъ свободнымъ парламентомъ общественнаго мнѣнія. Многіе стали даже жаловаться, что во времена Бирмингама было больше свободы. Бывали случаи, что подъ тѣми или другими предлогами задерживалось обсужденіе вопросовъ, которые считались со стороны лидеровъ недостаточно назрѣвшими, какъ это случилось, наприм., въ 1891 г. съ вопросомъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Критеріемъ либерализма сдѣлалось безусловное соотвѣтствіе съ политикой либеральныхъ лидеровъ: и здѣсь образовалась своя ортодоксія, отступленія отъ которой разсматривались, какъ ереси, и влекли за собою исключеніе диссидентовъ изъ мѣстныхъ ассоціацій. При той исключительности, какая стала устанавливаться и въ реформированной организаціи, конечно, далеко не всѣ прогрессивные элементы англійскаго общества входили въ ея составъ. Понятно также, что диссиденты тоже стремились создавать свои организаціи; особенно это нужно сказать о радикалахъ разныхъ оттѣнковъ, бывшихъ недовольными лондонской федераціей и протестовавшихъ противъ того, что многія мѣстныя ассоціаціи къ своему обозначенію, какъ либеральныхъ, стали прибавлять: „и радикальныя“.

Послѣ отставки Гладстона образовалось снова министерство Солсбёри: въ теченіе года съ небольшимъ Англія,—рѣдкій въ ея исторіи случай,—видѣла четыре министерства: Гладстона и Солсбёри, потомъ опять Гладстона и снова Солсбёри. На этотъ разъ послѣдній уже довольно прочно усѣлся на своемъ креслѣ и, между прочимъ, воспользовался благопріятными обстоятельствами для новыхъ пріобрѣтеній въ Африкѣ [1]). Ирландскій вопросъ, однако, и этому министерству создавалъ немало затрудненій и хлопотъ.

Ирландія въ 1886—87 гг. переживала время трудное вслѣдствіе бывшаго въ странѣ недорода, значительно сократившаго количество полученнаго сельскими хозяевами продукта, да и цѣны на хлѣбъ въ эти годы стояли низкія, отъ чего терпѣли и болѣе богатыя страны Европы. Вслѣдствіе этого недоимки фермеровъ въ Ирландіи умножились, а это не могло не сопровождаться усиленіемъ выдвореній. Само консервативное правительство предложило образовать парламентскую коммиссію для разслѣдованія происходящаго въ Ирландіи, но Парнелль протестовалъ противъ сопряженной съ такимъ разслѣдованіемъ оттяжки, предложивъ, какъ временную мѣру, довольствоваться на сей разъ уплатою лишь половины какъ недоимки, такъ и арендной платы, разъ фермръ докажетъ, что больше у него нѣтъ ничего для уплаты. Въ свою очередь Джонъ Морлей внесъ предложеніе пріостановить выдворенія

[1]) См. выше, стр. 38 и слѣд, но особенно ниже, въ главѣ XXV.

до пересмотра вопроса объ арендной платѣ, которую онъ находилъ чрезмѣрно высокою. Оба предложенія были отвергнуты значительнымъ большинствомъ голосовъ, причемъ особенно сильнымъ по своему вліянію на палату оппонентомъ пріостановки сгона фермеровъ съ ихъ участковъ оказался Чэмберленъ, соглашавшійся, впрочемъ, на переоцѣнку. Это только обострило положеніе дѣлъ въ Ирландіи, гдѣ снова начались или, вѣрнѣе, усилились безпорядки. Гладстонъ, во время преній по указаннымъ предложеніямъ, сильно нападалъ на министерство за то, что оно очень охотно посылаетъ военную помощь лендлордамъ противъ арендаторовъ. Правительство поторопилось снять съ себя этотъ упрекъ, вслѣдствіе чего власти стали отказывать лендлордамъ и ихъ управляющимъ въ военномъ содѣйствіи при выдвореніяхъ фермеровъ, разъ просьбы о содѣйствіи оказывались недостаточно обоснованными. Съ своей стороны фермеры отдѣльныхъ мѣстностей Ирландіи начали образовывать союзы и вносить арендныя деньги не самимъ лендлордамъ, а своимъ уполномоченнымъ, предоставляя имъ при этомъ торговаться на счетъ уступки: дѣлалась уступка—вносились всѣ собранныя деньги, а если лендлордъ оказывался несговорчивымъ, то ему не давалось ничего, послѣ чего передъ нимъ открывалась перспектива общаго сгона всѣхъ фермеровъ въ его помѣстьѣ. На эту мѣру, нашедшую въ Ирландіи не мало сторонниковъ, правительство отвѣтило биллемъ о введеніи въ странѣ чрезвычайной охраны и притомъ не на срокъ, какъ это обыкновенно дѣлалось прежде, а безсрочно, пока самъ парламентъ не найдетъ возможнымъ отмѣнить дѣйствіе исключительнаго закона. Сущность билля заключалась въ томъ, что намѣстнику Ирландіи давалось право распускать всѣ сообщества, которыя онъ признаетъ вредными, и вводить исключительное положеніе вездѣ, гдѣ только это имъ найдено будетъ нужнымъ, причемъ бойкотированіе подводилось подъ понятіе преступнаго дѣянія, подлежащаго судебному преслѣдованію даже англійскими установленіями. Противъ этого билля возражали Парнелль, Джонъ Морлей и самъ Гладстонъ, которому защитники билля кололи глаза тѣмъ, что самъ же онъ и притомъ не очень-то еще давно пользовался при управленіи Ирландіей чрезвычайными мѣрами. Гладстону оставалось только заявить, что, значитъ, и самъ онъ прежде ошибался, теперь же только предостерегаетъ противъ повторенія ошибочнаго мѣропріятія. Исключительный законъ былъ все-таки принятъ. Въ видѣ протеста дублинскій муниципальный совѣтъ отказался принимать участіе въ праздновании золотого юбилея королевы.

Консерваторы не ограничились проведеніемъ репрессивнаго закона, но постарались еще путемъ публичной агитаціи дискредитировать Гладстона, какъ союзника ирландцевъ, особенно же самихъ ирландцевъ

и въ частности Парнелля, какъ лицъ, замѣшанныхъ въ террористическихъ актахъ. Парнелля въ самомъ парламентѣ еще въ 1883 г. обвиняли въ соучастіи въ убійствѣ Кавендиша и Бёрка, что было поводомъ очень бурныхъ сценъ въ палатѣ и ряда выраженій сочувствія ему въ Ирландіи [1]). Теперь кампанію противъ Парнелля повела газета „Таймсъ" въ цѣлой серіи статей, въ подтвержденіе которыхъ было напечатано даже *fac simile* письма Парнелля къ одному лицу, прикосновенному все къ тому же убійству. Впослѣдствіи письмо оказалось подложнымъ, но еще ранѣе само правительство нашло ненужнымъ производить разслѣдованіе, предложенное Парнеллемъ. Понятно, что правительство, проведшее исключительный законъ, стало примѣнять его самымъ безпощаднымъ образомъ—путемъ арестовъ, конфискацій газетъ и пр. и пр., причемъ преступленіями, за которыя полагались наиболѣе тяжкія кары, были бойкотъ, нисколько, впрочемъ, не уменьшившійся, а напротивъ, усилившійся съ введеніемъ въ Ирландіи новаго исключительнаго закона, а также и „планъ кампаніи",—терминъ, которымъ обозначались фермерскіе союзы для солидарнаго выступленія по отношенію къ лендлордамъ при уплатѣ арендныхъ денегъ. Кромѣ репрессій, правительство задумало прибѣгнуть и къ моральному воздѣйствію, обратившись къ Льву XIII за посредничествомъ. Политикъ-папа еще раньше уже хотѣлъ оказать давленіе на ирландскую католическую паству, высказавшись противъ національной подписки въ пользу Парнелля, а теперь онъ послалъ въ Ирландію одного изъ приближенныхъ яко бы для разслѣдованія дѣла, написавъ еще посланіе къ епископамъ Ирландіи съ совѣтомъ увѣщавать своихъ духовныхъ чадъ и осуждать въ этихъ увѣщаніяхъ недозволенные способы борьбы. Вліянія это посланіе, однако, на населеніе страны никакого не оказало. Кромѣ всего этого, консерваторы обвиняли Гладстона и Парнелля въ томъ, что своимъ ирландскимъ вопросомъ они только тормазятъ парламентскую работу, но это только заставило ихъ обоихъ принять за своего рода правило больше безъ особенной нужды не заговаривать объ ирландскихъ дѣлахъ въ парламентѣ. Общее дѣло въ это время все болѣе и болѣе сближало Гладстона и Парнелля, который даже неоднократно бывалъ гостемъ въ имѣніи Гладстона. Обстоятельство совершенно частнаго характера скоро, однако, испортило эти отношенія и внесло раздоръ въ среду самихъ гомрулеровъ, страшно вмѣстѣ съ тѣмъ повредивъ репутаціи и самого „некоронованнаго короля" Ирландіи.

Дѣло въ томъ, что Парнелль влюбился въ жену своего друга

---

[1]) Тогда-то и былъ собранъ упомянутый выше (стр. 213) національный подарокъ.

Катерину О'Ши, которая отвѣтила ему взаимностью. Кое-кто выслѣдилъ ихъ отношенія и сдѣлалъ ихъ достояніемъ гласности. За этимъ послѣдовалъ бракоразводный процессъ, по окончаніи котораго Парнелль вступилъ со своею возлюбленною въ законный бракъ. Враждебныя Парнеллю газеты всячески раздували этотъ „скандалъ". Въ свою очередь вѣрующіе католики тоже были скандализированы сугубымъ грѣхомъ Парнелля, полюбившаго чужую жену и женившагося на разведенной, что заставило отшатнуться отъ него и стоявшее раньше за него ирландское духовенство. Самъ Гладстонъ въ данномъ случаѣ оказался не выше общественнаго мнѣнія Англіи, показавшаго, насколько и англичане были шокированы поведеніемъ ирландскаго вождя: онъ написалъ письмо одному товарищу Парнелля по партіи, высказавшись, именно, въ томъ смыслѣ, что безъ ущерба для интересовъ партіи и защищаемаго ею дѣла Парнелль не можетъ оставаться въ ея главѣ. „Некоронованный король" Ирландіи обратился тогда къ ирландскому народу съ воззваніемъ, въ которомъ протестовалъ противъ покушенія англичанъ на независимость ирландской партіи, т.-е противъ даннаго ей Гладстономъ приказанія отречься отъ своего вождя. „Если,—писалъ онъ,—партія подчинится, она только распишется въ своемъ ничтожествѣ, сама же вроетъ могилу надеждъ на гомруль. Если Гладстонъ вполнѣ искренне вѣритъ въ необходимость гомруля, а не лицемѣрно только говоритъ объ этомъ, то онъ долженъ его поддерживать, все равно—кто будетъ лидеромъ". Въ ирландской партіи по вопросу обнаружилось разногласіе, начались совѣщанія вождей и митинги, на которыхъ Парнелль доказывалъ, что до его чисто личной исторіи никому не должно быть дѣла. Около трехъ пятыхъ поданныхъ въ парламентской фракціи голосовъ послѣ дебатовъ, длившихся пять дней, высказалось за избраніе новаго лидера, въ лицѣ Макъ-Карти, на что Парнелль отвѣтилъ новымъ воззваніемъ съ прямымъ обвиненіемъ противъ Гладстона въ предательствѣ, хотя и съ заявленіемъ о подчиненіи новому лидерству. Вскорѣ послѣдовавшая за этимъ кончина Парнелля и его похороны въ Дублинѣ (1891) показали, какою любовью онъ продолжалъ пользоваться въ массахъ, бывшихъ теперь готовыми видѣть въ немъ „замученную англичанами" жертву ирландскаго патріотизма. Смерть вождя не умиротворила его партію, въ которой все это время продолжался расколъ, даже обострившійся по поводу избранія новаго депутата на мѣсто Парнелля и доведшій во время выборовъ до настоящаго побоища. Преемникомъ Парнелля сдѣлался Редмондъ и по лидерству среди „парнеллитовъ", которые не признавали лидеромъ Макъ-Карти. Конечно, этотъ расколъ среди ирландскихъ автономистовъ немало ослаблялъ ихъ положеніе въ парламентѣ, какъ единой раньше и очень сплоченной партіи.

Несмотря на свой консерватизмъ, второе министерство Солсбёри совершило въ Англіи въ высшей степени важную реформу, заключавшуюся въ демократизаціи управленія графствъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить все значеніе этой реформы нужно бросить общій взглядъ на всю предыдущую исторію мѣстнаго управленія въ Англіи.

Одною изъ наиболѣе характерныхъ чертъ англійской конституціи было то, что въ ней съ самоуправленіемъ націи въ ея цѣломъ было соединено самоуправленіе отдѣльныхъ областей (графствъ), — самоуправленіе болѣе въ общемъ стараго происхожденія, чѣмъ самъ парламентъ [1]). Въ послѣднемъ палата общинъ возникла именно, какъ представительство мѣстныхъ міровъ, на что и указываетъ самое названіе „общинъ“. Монтескьё просмотрѣлъ эту черту англійской конституціи [2]), и чуть ли не первый понялъ ея значеніе прусскій министръ-реформаторъ начала XIX в., баронъ Штейнъ [3]). Потомъ о важности самоуправленія, имѣя въ виду англійскіе порядки, говорилъ главный идеологъ французскаго либерализма въ эпоху реставраціи Бенжаменъ Констанъ [4]), во второй же половинѣ XIX в. англійскій „selfgovernment“ сдѣлался даже однимъ изъ особенно популярныхъ лозунговъ либерализма на континентѣ. Изъ германскихъ ученыхъ наибольшимъ его поклонникомъ въ его прошломъ былъ извѣстный государствовѣдъ Гнейстъ [5]). Здѣсь, конечно, не мѣсто говорить о возникновеніи этой системы, но нѣкоторыя черты ея должны быть отмѣчены для болѣе яснаго представленія о значеніи реформы, о которой должна

---

[1]) Т. I, гл. 7—8.

[2]) Т. III, стр. 182 и слѣд.

[3]) Т. IV, стр. 189.

[4]) Т. IV, стр. 302.

[5]) Гнейстъ, нѣмецкій юристъ и публицистъ, проф. Берлинскаго университета, бывшій также членомъ ландтага и рейхстага, гдѣ принадлежалъ къ партіи націоналъ-либераловъ, издалъ въ 1857 — 63 гг. трудъ подъ заглавіемъ „Das heutige englische Verfassungs- und Verwaltungsrecht“, послѣ чего напечаталъ еще цѣлый рядъ сочиненій по англійскому государственному праву, изъ которыхъ нѣкоторыя были переведены по-англійски. Онъ создалъ особую, вполнѣ самостоятельную и своеобразную теорію объ англійскомъ самоуправленіи, положенную имъ въ основу общаго ученія о самоуправленіи, какъ органическомъ соединеніи государства и общества. Взгляды Гнейста, какъ знатока англійскихъ порядковъ, пользовались громаднымъ авторитетомъ въ Германіи и вообще на континентѣ, но новѣйшій изслѣдователь англійскаго мѣстнаго управленія *Редлихъ*, въ книгѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ (т. II, стр. 341—428) доказываетъ, что теорія Гнейста, поскольку она касается Англіи, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Прибавимъ, что демократизаціи англійскаго мѣстнаго управленія Гнейстъ не одобрилъ. Ср. ниже, примѣчаніе 4 на стр. 244.

ниже идти рѣчь [1]). То соотношеніе между центральнымъ правительствомъ и мѣстнымъ самоуправленіемъ, которое возникло въ Англіи, образовалось, конечно, не сразу. Важнымъ моментомъ въ его исторіи было возникновеніе, въ серединѣ XIV в., должности мировыхъ судей (justices of peace), мѣстахъ блюстителей общественнаго спокойствія („мира“, peace), соединявшихъ въ своихъ рукахъ и полицейскія, и судебныя функціи. Дѣло въ томъ, что эта должность имѣла, такъ сказать, компромиссный характеръ: мировой судья назначался центральнымъ правительствомъ, но безусловно изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ, даже не получавшихъ жалованья за исполненіе своихъ обязанностей. Для рѣшенія административныхъ дѣлъ мировые судьи одного и того же графства стали собираться на съѣзды, которые соединились съ болѣе древними народными собраніями графствъ. Эти послѣднія были мѣстами, гдѣ происходили выборы представителей въ палату общинъ, сдѣлавшуюся своего рода высшею инстанціей для собраній графствъ, откуда въ палату общинъ поступали разнаго рода петиціи, превращавшіяся тамъ въ особые, или частные законы для отдѣльныхъ мѣстностей Англіи. Съ другой стороны, въ Англіи существовалъ старинный общинный строй—въ церковныхъ приходахъ (сельскихъ мѣстностяхъ) и въ городахъ съ мѣстечками: это были, между прочимъ, мелкія земскія единицы, заботившіяся о дорогахъ, мостахъ и т. п., а съ XVI в. на приходы была возложена забота о мѣстныхъ бѣднякахъ (пауперахъ), для чего былъ установленъ спеціальный общинный налогъ, игравшій такую важную роль въ мѣстной жизни Англіи до своей отмѣны послѣ первой парламентской реформы [2]). Этотъ общинный строй стоялъ подъ начальствомъ тѣхъ же мировыхъ судей. Послѣ побѣды парламента надъ королевскою властью въ XVII в. это мѣстное самоуправленіе даже освободилось отъ какого бы то ни было центральнаго административнаго органа, ибо всѣ дѣйствія мѣстныхъ властей стали подлежать лишь компетенціи высшаго суда, въ который

---

[1]) Кстати, только-что названный авторъ указываетъ на то, что Гнейстъ, сдѣлавшій столь популярнымъ на материкѣ терминъ selfgovernment, „употребляетъ это слово весьма произвольно, обозначая имъ организацію внутренняго управленія. А между тѣмъ, продолжаетъ Редлихъ, selfgovernment, въ этомъ смыслѣ, какъ terminus technicus, никогда не употреблялось въ Англіи, ни въ языкѣ законовъ, ни въ литературѣ. И для обозначенія историческаго строя Англіи, въ каковомъ смыслѣ Гнейстъ часто примѣняетъ selfgoverment, это слово въ Англіи не употребляется“. Соотвѣтственный англійскій терминъ „local government“, вытѣснившій болѣе раннія „civil“ или „municipal government“. Гнейстъ и терминъ, и точку зрѣнія заимствовалъ отъ одного нынѣ забытаго англійскаго публициста. Англійское мѣстное управленіе, т. II, стр. 360—361.

[2]) Т. II, стр. 425—426; т. IV, стр. 583—587 и т. V, стр. 94—95.

только и можно было приносить на нихъ жалобы. Съ другой стороны, однако, это широкое мѣстное самоуправленіе получило чисто аристократическій характеръ, такъ какъ безвозмездность несенія обязанностей мирового судьи (какъ и члена парламента) дѣлала эту должность доступною лишь очень богатымъ людямъ, изъ среды которыхъ и само правительство только и назначало мировыхъ судей [1]).

Такой порядокъ вещей продолжался до тридцатыхъ годовъ XIX в., когда послѣ первой парламентской реформы въ него стали вноситься разныя измѣненія. Прежде всего, реформѣ въ 1835 г. подверглось городское управленіе, которое раньше находилось въ рукахъ олигархическихъ корпорацій, пополнявшихъ свой составъ путемъ кооптаціи [2]), а въ 1835 г. въ жизнь городовъ было введено представительство всѣхъ мѣстныхъ жителей, имѣвшихъ осѣдлость въ городѣ въ теченіе трехъ лѣтъ и платившихъ мѣстные налоги [3]). Одновременно съ этимъ судъ въ городахъ былъ отдѣленъ отъ управленія, само же оно было поставлено подъ извѣстный правительственный контроль. Это было первымъ шагомъ къ демократизаціи мѣстнаго самоуправленія, и уже тогда, въ тридцатыхъ годахъ, ставился вопросъ о реформѣ самоуправленія земскаго, но оно попрежнему оставалось въ рукахъ среднихъ классовъ, которые въ 1832 г. получили и болѣе широкій доступъ въ парламентъ. Однимъ изъ глашатаевъ необходимости демократизаціи мѣстныхъ учрежденій выступилъ Милль, требовавшій въ своемъ „разсужденіи о представительномъ правленіи" (1861) устройства мѣстныхъ, какъ онъ выражался, „подпарламентовъ" (subparliaments) на основахъ всеобщаго избирательнаго права съ коррективомъ въ пользу состоятельныхъ классовъ въ видѣ множественныхъ вотумовъ, причемъ исполнительными органами этихъ „подпарламентовъ" должны были бы быть свѣдущія лица, назначаемыя на свои должности отвѣтственными главами мѣстнаго управленія [4]). Вторая парламентская

---

[1]) Т. IV, стр. 445 и V, стр. 207.

[2]) Т. IV, стр. 443—444.

[3]) Т. V, стр. 208. Позднѣе трехлѣтній срокъ былъ сокращенъ втрое, и было принято, что въ налогъ, уплачиваемый домовладѣльцемъ, входятъ и доли его квартирантовъ.

[4]) Милль справедливо находилъ, что мировые судьи, назначаемые изъ землевладѣльцевъ, были наслѣдниками феодальныхъ сеньёровъ, и что потому это учрежденіе и было наиболѣе аристократическимъ, какія только существовали въ Англіи. Общее изложеніе книги Милля „Разсужденія о представительномъ правленіи" дано нами на стр. 772—776 пятаго тома. Гнейсту (ср. выше, стр. 242) именно и нравилось то, что Милль, наоборотъ, въ своемъ демократизмѣ отрицалъ. „Осужденіе Джона Стюарта Милля, говоритъ *Редлихъ*, принадлежитъ къ самымъ серьезнымъ по своимъ ошибкамъ Гнейста". Англійское мѣстное управленіе, II, 353.

реформа не сопровождалась, однако, кореннымъ измѣненіемъ въ порядкахъ областного и приходскаго самоуправленія. Демократизація управленія графствами произошла только вслѣдъ за третьею парламентскою реформою, а сельскому (приходскому) управленію пришлось дожидаться своей очереди только еще черезъ десять лѣтъ.

Реформа мѣстнаго управленія, совершившаяся въ концѣ XIX в., заключалась, впрочемъ, не въ одной его демократизаціи. Между прочимъ, Милль проводилъ еще ту мысль, что „власть должна быть локализована, но знанія для того, чтобы приносить наибольшую пользу, могутъ быть централизованы“ [1]). Этотъ принципъ нашелъ воплощеніе въ нѣкоторыхъ новыхъ явленіяхъ мѣстной жизни въ Англіи [2]), хотя у нихъ уже были кое-какіе прецеденты — въ созданіи особыхъ для всей страны центральныхъ органовъ по призрѣнію бѣдныхъ (въ тридцатыхъ годахъ), по охранѣ общественнаго здравія (въ 1848 г.) съ правами общаго руководительства и контроля по отношенію къ мѣстнымъ учрежденіямъ общественнаго призрѣнія, народнаго здравія и т. д. Но во всѣхъ указанныхъ учрежденіяхъ совершенно отсутствовалъ принципъ представительной демократіи, и впервые эта система была введена въ жизнь вмѣстѣ съ школьнымъ законодательствомъ Гладстона въ первое его министерство [3]). Правда, въ Англіи и до школьнаго закона 1870 г. существовалъ центральный комитетъ народнаго образованія [4]), но ему мало было работы въ виду отсутствія государственныхъ школъ и мѣстныхъ органовъ управленія школами. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что законъ 1870 г. учреждалъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ выборные школьные комитеты, или совѣты, и вотъ въ эти-то учрежденія (school boards) законъ предписалъ производить выборы всѣмъ плательщикамъ налоговъ (ratepayers) даже безъ раз-

---

[1]) Power may be localized, but knowledge, to be most useful, must be centralized.

[2]) См. въ первой части VI т., на стр. 335 — 336 и др. о книгѣ *Дайси* (Dicey), разсматривающей отношенія между законами и общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи въ XIX в. Вліяніе идей Милля на законодательство относится къ числу фактовъ, изслѣдуемыхъ Дайси (ср. стр. 398—407 французскаго перевода его книги 1906 г.), но еще болѣе онъ приписываетъ значенія „бентамизму“, о чемъ см. указанныя страницы первой части VI т. О вліяніи идей Бентама на выработку именно системы современнаго мѣстнаго управленія въ Англіи особенно обстоятельно говоритъ *Редлихъ*: „въ этихъ идеяхъ лежатъ зародыши той практической реформы управленія“ и т. д. Англійское мѣстное управленіе, I, 136 и слѣд. См. у него еще и выработанный Бентамомъ планъ центральнаго и мѣстнаго управленія, I, 138—145. Не забудемъ, что Милль былъ „бентамистомъ“.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 315—317.

[4]) Съ 1839 г. Т. V, стр. 207.

личія пола [1]). Впервые Англія получила цѣлостную систему народнаго образованія, въ которой мы имѣемъ и центральный органъ (свѣдущихъ лицъ), и мѣстные органы представительно-демократическаго характера. Въ 1875 г. нѣчто аналогичное было создано и для попеченія о народномъ здравіи.

Дальнѣйшій и притомъ неизмѣримо болѣе важный шагъ былъ сдѣланъ въ 1888 г. консервативнымъ министерствомъ Солсбёри, что вполнѣ объяснимо уже извѣстнымъ намъ поворотомъ торіевъ въ сторону бо́льшаго демократизма [2]), особенно послѣ того, какъ съ ними соединились либералы-уніонисты, имѣя въ своей средѣ такого человѣка, какъ Чэмберленъ. Послѣдній даже можетъ разсматриваться, какъ настоящій родоначальникъ реформы [3]), хотя и самъ Солсбёри во время избирательныхъ кампаній 1885 и 1886 гг. говорилъ отъ имени своей партіи о необходимости широкой и серьезной реформы мѣстнаго управленія (диктовавшейся, между прочимъ, и чисто техническими соображеніями).

Реформа 1888 г. раздѣлила Англію съ Уэльсомъ [4]) на 122 округа изъ которыхъ нѣсколько было создано вновь и которымъ было присвоено названіе графствъ (counties). Изъ нихъ около половины (60) было земскихъ, приблизительно столько же (61) городскихъ (county boroughs) для особенно населенныхъ или замѣчательныхъ городовъ, кромѣ Лондона, который вмѣстѣ съ сосѣдними „приходами" составилъ также особую административную единицу (Лондонское графство). Въ каждомъ графствѣ учреждался мѣстный совѣтъ (county council) съ характеромъ земскихъ собраній или городскихъ думъ, и ему были переданы всѣ несудебныя функціи мировыхъ судей, такъ какъ реформа 1888 г. слѣдовала въ данномъ случаѣ примѣру городской реформы 1835 г., основанной на отдѣленіи юстиціи отъ

---

[1]) Интересная подробность: каждый избиратель имѣетъ право на количество голосовъ, равное числу членовъ даннаго совѣта (5—13), при чемъ можетъ всѣ ихъ подать за одного кандидата,—мѣра для обезпеченія меньшинства, не принадлежащаго къ господствующему въ мѣстности вѣроисповѣданію. Отмѣтимъ еще, что Бентамъ и Милль были защитниками политическихъ правъ женщинъ, которыя въ Англіи во многихъ случаяхъ пользуются активнымъ избирательнымъ правомъ, а въ двухъ случаяхъ (мѣстные школьные и благотворительные совѣты) и пассивнымъ. Въ 1886 и 1897 г. палата общинъ принимала въ принципѣ и допущеніе женщинъ къ парламентскимъ выборамъ, но дѣло не доходило до третьяго чтенія соотвѣтственныхъ предложеній.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 335—337 и выше, стр. 228 и слѣд.

[3]) Въ 1885 г. онъ требовалъ этого въ предисловіи къ „Radical programm".

[4]) На Шотландію дѣйствіе закона было распространено въ 1889 г., но введеніе преобразованія въ Ирландіи было тогда отложено до ея успокоенія. Исполнено это было лишь въ 1898 г., о чемъ см. ниже, стр. 260.

администраціи. Выборы въ совѣты графствъ вполнѣ демократическіе: въ нихъ стали участвовать всѣ плательщики налоговъ, съ распространеніемъ активнаго избирательнаго права и на незамужнихъ женщинъ, платящихъ налогъ (квартиронанимательницъ). Надъ совѣтами графствъ стоитъ высшій совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго управленія (Local government board), учрежденный еще въ 1871 г., подъ ними— совѣты низшихъ административныхъ единицъ (городскіе и сельскіе окружные, т.-е. town councils и district councils).

Несмотря на то, что наиболѣе консервативные торіи и нѣкоторая часть либераловъ (стараго вигскаго пошиба) были очень недовольны тѣмъ, что земская аристократія (landed aristocracy) должна была уступить мѣсто въ мѣстномъ управленіи демократическимъ элементамъ населенія, билль 1888 г. прошелъ замѣчательно гладко. Одинъ французскій историкъ [1]) справедливо сравниваетъ реформу управленія въ графствахъ (и послѣдовавшую затѣмъ реформу управленія въ приходахъ) съ французской департаментской и муниципальной организаціей по конституціи 1791 г. [2]). Правда, оговаривается онъ, англійская организація не была, подобно французской, создана „по одному систематическому плану сразу, но она похожа на послѣднюю и въ смыслѣ участія всѣхъ платящихъ налоги жителей въ мѣстномъ управленіи и въ смыслѣ отсутствія въ провинціяхъ агентовъ центральной власти. Въ Англіи нѣтъ префектовъ или аналогичныхъ чиновниковъ. Мѣстныя корпораціи являются хозяевами всѣхъ отраслей управленія (de tous leurs services), въ томъ числѣ и полиціи (кромѣ Лондона). Онѣ контролируются непосредственно министерствомъ мѣстныхъ дѣлъ (Local government board)“ и пр. Однимъ словомъ, старому англійскому „selfgovernment'у“, который восхищалъ Гизо, Токвиля и Гнейста, пришелъ конецъ. Дѣло дошло до того, что въ четвертое министерство Гладстона въ мировые судьи, на эту почетную и вліятельную должность, бывшую прежде доступною только помѣщикамъ, сквайрамъ, стали назначаться люди изъ мелкой буржуазіи и даже изъ рабочихъ (главнымъ образомъ изъ принадлежащихъ къ трэдъ-юніонамъ).

Вообще послѣ реформъ 1884—85 и 1888 гг. въ Англіи произошло усиленіе демократическаго движенія. Между прочимъ, тѣ радикальные протесты противъ оффиціальнаго либерализма, о которыхъ сказано было выше [3]), нашли очень благопріятную почву въ настроеніи рабочихъ, ибо среди нихъ стала мало-по-малу укрѣпляться мысль о не-

---

[1]) *A. Métin*, авторъ главы объ Англіи въ XII томѣ „Histoire générale“ *Лависса* и *Рамбо*.

[2]) Т. III, стр. 530—531 и 537—538.

[3]) См. стр. 221—222.

обходимости использовать свои политическія права въ интересахъ улучшенія своего матеріальнаго положенія. Болѣе развитые рабочіе находили либеральную партію столь же эгоистичной, какою была въ ихъ глазахъ и консервативная, и потому считали болѣе цѣлесообразнымъ организовать свою особую „трудовую партію" (labour party), которая въ парламентѣ должна была бы вести себя приблизительно такъ же, какъ вели себя ирландцы, т.-е. соединяться съ любыми партіями, отъ которыхъ можно было бы что-либо получить, и вступать въ борьбу съ каждой партіей, которая становилась бы поперекъ дороги. Въ 1888 г. въ Брэдфордѣ былъ съѣздъ рабочихъ, положившій начало новой партійной организаціи, причемъ за образецъ былъ принятъ либеральный „caucus". Нѣкоторыя старыя соціалистическія или ультрарадикальныя общества совѣтовали рабочимъ подавать голоса и на парламентскихъ, и на мѣстныхъ выборахъ только за своихъ, рабочихъ кандидатовъ. Новое движеніе охватило даже классическіе англійскіе трэдъ-юніоны, вообще сторонившіеся отъ политики и требовавшіе отъ государства только невмѣшательства. Мало того, это движеніе не могло не обратить на себя вниманія либераловъ, поставившихъ себѣ вопросъ, удовлетворяетъ ли ихъ программа потребностямъ времени. Отвѣтъ на этотъ вопросъ получался отрицательный, и среди либераловъ стала распространяться мысль, что возвращеніе ихъ партіи къ власти сдѣлается возможнымъ лишь тогда, когда ея политика будетъ вообще больше принимать въ расчетъ нужды и интересы народныхъ массъ. Была даже формулирована идея „новаго либерализма" (the new liberalism), рядомъ съ которымъ по другимъ мотивамъ возникали „новый радикализмъ", „новый уніонизмъ" и т. п. Это указывало на процессъ дробленія, чуть не распыленія либеральной партіи на группы съ различными формулами, съ различными требованіями реформъ. Возстановить былое свое единство федерація могла, только отказавшись отъ гомруля, какъ единственнаго своего лозунга, дабы присоединить къ нему рядъ другихъ требованій, о которыхъ заявляли разныя фракціи. Такъ на партійномъ съѣздѣ осенью 1891 г. возникла знаменитая „Ньюкэстльская программа" [1]), въ которой были поставлены рядомъ и гомруль, и отдѣленіе церкви отъ государства, и уничтоженіе или преобразованіе палаты лордовъ, и реформа земельнаго налога, и еще очень многое другое. Прежнюю объединяющую разныя оттѣнки либерализма программу сравнивали съ большимъ зонтикомъ („grand old liberal umbrella"), подъ которымъ всѣмъ найдется мѣсто, теперь въ томъ же смыслѣ стали говорить о „либеральномъ омнибусѣ", въ которомъ, прибавимъ, давалось мѣсто и вмѣшательству государства,

---

[1]) Авторомъ ея былъ Джонъ Морлей.

вмѣсто стараго „laissez faire, laissez passer“ [1]). Особаго довѣрія среди рабочихъ этотъ поворотъ къ „государственному соціализму“, впрочемъ, не вызвалъ: въ его искренность плохо вѣрили, боялись, что все это лишь избирательный манёвръ. Демократизація мѣстнаго управленія, соединенная съ осужденіемъ старой теоріи невмѣшательства, привела въ Англіи къ такъ называемому муниципальному соціализму, заключающемуся въ томъ, что городскія управленія, съ одной стороны, начали брать непосредственно на себя водоснабженіе, освѣщеніе улицъ, средства передвиженія и т. п., а съ другой, занялись уменьшеніемъ рабочаго дня и улучшеніемъ платы своихъ рабочихъ и служащихъ, строить для нихъ дома и т. п. Конечно, это не есть еще соціализмъ, да и вообще въ мѣстныхъ управленіяхъ настоящіе соціалисты въ концѣ XIX в. нигдѣ въ Англіи не составляли большинства, и въ меньшинствѣ были не вездѣ.

Однако, все-таки конецъ XIX в. и въ Англіи былъ временемъ усиленія соціальнаго движенія. Оно даже охватило сельскихъ рабочихъ, которыхъ больше всего, конечно, интересовалъ вопросъ аграрный. Радикальная партія въ виду этого даже выставила требованіе, чтобы предложенія, дѣлавшіяся Гладстономъ для Ирландіи, были распространены и на самоё Англію, т.-е. чтобы государство содѣйствовало пріобрѣтенію мелкихъ земельныхъ участковъ сельскими рабочими [2]). Одновременно, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ Англіи образовались двѣ лиги, поставившія своею цѣлью добиваться перехода земли къ народу. Одна, получившая названіе „Лиги для національзаціи земли“, слѣдовала идеямъ знаменитаго естествоиспытателя Уоллеса [3]), который писалъ также и по общественнымъ вопросамъ и, между прочимъ, издалъ книгу подъ заглавіемъ „Land nationalization“ (1883). Другая лига, именно „Лига для возвращенія земли народу“ была на сторонѣ идей знаменитаго американскаго писателя Генри Джорджа, автора прославившей его имя книги „Прогрессъ и бѣдность“ (1879). Обѣ лиги, въ сущности, стремились къ одному и тому же: вся разница заключалась въ томъ, что первая стояла за пріобрѣтеніе всей земли государствомъ посредствомъ выкупа ея у теперешнихъ владѣльцевъ, тогда какъ другая ожидала перехода земли къ государству путемъ обложенія ея единственнымъ налогомъ, который равнялся бы всему получаемому отъ нея доходу. Одновременно съ этими

---

[1]) Объ общемъ ростѣ въ демократической Англіи тенденціи, осуждающей старый принципъ невмѣшательства, см. у *Дайси*, о чемъ еще разъ отсылаю къ стр. 335—336 первой части VI тома.

[2]) Одна изъ идей Чэмберлена въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ.

[3]) Уоллесъ (Wallace) еще до выхода въ свѣтъ главнаго сочиненія Дарвина доказывалась измѣняемость видовъ.

двумя лигами по аграрному вопросу была основана Гайндманомъ „Соціально-демократическая федерація“, которая приняла ученіе германской соціалъ-демократіи. Идеи Генри Джорджа и Карла Маркса стали мало-по-малу распространяться въ рабочей средѣ, особенно благодаря безработицѣ и дороговизнѣ, которыми отличалась середина восьмидесятыхъ годовъ. Кризисъ, переживавшійся въ это время англійскою промышленностью и торговлею, вызвалъ немало волненій среди рабочихъ, и нѣкоторыя изъ тогдашнихъ демонстрацій совершались не безъ участія соціалистовъ (какъ, съ другой стороны, и ирландцевъ). Дѣло доходило даже до столкновеній съ полиціей и войскомъ, какъ это было во время грандіознаго митинга въ Трафальгаръ-сквэрѣ осенью 1887 г. Англійскій трэдъ-юніонизмъ [1]), который въ большей части своей сравнительно долгой исторіи отличался нерасположеніемъ къ государственному вмѣшательству и къ соціализму, до конца восьмидесятыхъ годовъ сохранялъ свой мирный и консервативный характеръ. Въ это время всѣхъ объединенныхъ трэдъ-юніонами рабочихъ насчитывалось около милліона, и ежегодно (съ 1868 г.) ихъ делегаты собирались на конгрессы, каждый разъ упорно отвергавшіе всѣ предложенія въ соціалистическомъ духѣ, какія вносились отдѣльными делегатами. Эти съѣзды отвергали даже предложенія о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Но съ конца восьмидесятыхъ годовъ и эта твердыня рабочаго консерватизма стала колебаться. Въ 1888 г. неразъ отвергавшійся принципъ націонализаціи земли былъ наконецъ принятъ. Особое значеніе для проникновенія соціализма въ трэдъ-юніоны имѣло появленіе въ 1889 г. такъ называемаго „новаго юніонизма“ (new unionism). Основателями его были неквалифицированные рабочіе (unskilled labourers), т.-е. чернорабочіе, раньше не входившіе въ составъ трэдъ-юніоновъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ среди такихъ рабочихъ, занятыхъ на докахъ, началось сильное броженіе, выразившееся въ рядѣ стачекъ. Самая грандіозная стачка въ лондонскихъ докахъ произошла въ 1889 г., за которою послѣдовали стачки и въ другихъ мѣстахъ какъ „докеровъ“, такъ и другихъ рабочихъ, въ родѣ кочегаровъ, матросовъ и т. ц. На этой почвѣ для продолженія борьбы съ предпринимателями лондонскіе доковые рабочіе образовали союзъ, однимъ изъ главныхъ руководителей котораго явился Джонъ Бёрнсъ. Это былъ простой рабочій, съумѣвшій, однако, обогатить свой умъ историческимъ и политико-экономическимъ чтеніемъ, много видѣвшій на своемъ вѣку (онъ побывалъ и въ Африкѣ, и попутешествовалъ по Европѣ), еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ усвоившій основы соціализма отъ одного бѣжавшаго въ Англію коммунара и

[1]) Т. IV, 217, 233—246, 559—560; т. V, стр. 807—810; т. VI, ч. 1, стр. 42—43 и др.

вскорѣ затѣмъ начавшій выступать на рабочихъ митингахъ. Въ 1885 г. онъ даже думалъ попасть въ парламентъ, но не былъ избранъ. Зато участіе его въ волненіяхъ 1889 г. повлекло за собою приговоръ къ тюремному заключенію. Когда произведена была реформа мѣстнаго управленія, Бёрнсъ былъ избранъ въ лондонскій county council, что указываетъ, какою онъ въ это время пользовался популярностью среди демократическихъ избирателей. Еще болѣе доказало то же самое совершившееся впослѣдствіи избраніе его въ члены парламента.—Около того же времени, какъ организовались „докеры", возникла и организація рабочихъ газовыхъ заводовъ, въ чемъ дѣятельное участіе принялъ одинъ изъ членовъ соціально-демократической федераціи (Торнъ). Примѣру ихъ стали слѣдовать чернорабочіе и въ другихъ городахъ.

Новый юніонизмъ отличался отъ стараго тѣмъ, что въ немъ уже не было манчестерскаго духа. Участники движенія сознавали необходимость государственнаго воздѣйствія для улучшенія быта рабочихъ. Въ то же время они понимали, что при своихъ скудныхъ заработкахъ они не въ состояніи заводить такія учрежденія, какія существовали въ старыхъ, хорошо обезпеченныхъ союзахъ. Нужно было искать новыхъ путей для выхода изъ тяжелаго положенія, и соціалистическая проповѣдь въ этомъ отношеніи находила здѣсь очень благопріятную для себя почву.

Вступленіе въ союзную организацію цѣлаго ряда организацій необученныхъ рабочихъ очень скоро отразилось на конгрессахъ трэдъ-юніоновъ. Начиная съ 1890 г. эти съѣзды послѣдовательно вотируютъ восьмичасовой рабочій день, переходъ въ общественную собственность всѣхъ орудій производства (съ повтореніемъ постановленія о національизаціи земли), необходимость развитія рабочаго законодательства, государственной помощи, муниципальнаго соціализма и т. п. Рядомъ съ этимъ въ трэдъ-юніонахъ шла агитація въ пользу государственнаго обязательнаго страхованія, призрѣнія старыхъ рабочихъ по достиженіи ими шестидесятилѣтняго возраста и т. п. Съѣздъ 1893 г. принялъ въ принципѣ необходимость образованія новой партіи, которая состояла бы изъ всѣхъ рабочихъ организацій (такъ называемую trade federation), и вмѣстѣ съ этимъ учрежденія особой кассы для выбора въ парламентъ рабочихъ (labour members), которые защищали бы принципы коллективизма. На конгрессѣ 1894 г. отказано было въ признаніи права быть делегатами за лицами, фактически переставшими заниматься физическимъ трудомъ. Въ это же время возникла еще новая „независимая рабочая партія" (1893), менѣе исключительная, чѣмъ марксистская федерація, и ея члены Джонъ Бёрнсъ и и Кэръ Гарди сдѣлались даже членами парламента. Самый конецъ XIX в. засталъ англійскій соціализмъ еще въ періодѣ броженія, да-

лекимъ отъ кристаллизаціи въ какія-либо прочныя формы, но съ этою цѣлью въ 1900 г. тредъ-юніоны и соціалистическія организаціи и учредили особый „Комитетъ представительства рабочихъ" (Labour representation commitee). Въ началѣ XX столѣтія (1903 годъ) въ англійскомъ парламентѣ уже было 14 представителей отъ рабочихъ.

Во время этого усиленія соціальнаго движенія въ Англіи, именно въ 1892 г. произведены были парламентскіе выборы, довольно въ общемъ оказавшіеся благопріятными для либеральной партіи. Именно, либераловъ прошло 275 при 81 ирландцахъ, изъ нихъ 71 были антипарнеллиты, консерваторовъ же и юніонистовъ было выбрано 268 и 40. Какъ-никакъ, обѣ послѣднія партіи составляли меньшинство, хотя и противники ихъ не имѣли большинства. Результатомъ была отставка Солсбёри и образованіе четвертаго министерства Гладстона. Составившееся въ парламентѣ либеральное большинство послушно слѣдовало за своимъ 84-лѣтнимъ вождемъ отчасти потому, что между отдѣльными группами, объединенными „Ньюкэстльскою программою", образовалось нѣчто въ родѣ круговой поруки, отчасти подъ давленіемъ мѣстныхъ ассоціацій, требовавшихъ вѣрности министерской программѣ, составленной на основаніи требованій отдѣльныхъ группъ. Такъ какъ министерство встрѣчало оппозицію всѣмъ своимъ планамъ со стороны лордовъ, то отдѣльныя либеральныя группы объединялись и общею оппозиціею палатѣ лордовъ. Противъ послѣдней въ странѣ начата была даже цѣлая кампанія, задачею каковой было объединить на одномъ лозунгѣ общественное мнѣніе избирателей. Министерство при этомъ демонстрировало злокозненность лордовъ, внося одинъ за другимъ билли, которые не могли расчитывать на принятіе верхнею палатою, и все билли, одинъ другого важнѣе и популярнѣе въ странѣ. Однако, въ концѣ концовъ эта тактика не создала сильнаго своимъ единодушіемъ настроенія въ странѣ.

Когда Гладстонъ въ началѣ своего четвертаго министерства снова внесъ билль о гомрулѣ, вездѣ начались митинги *pro* и *contra*, на которыхъ доказывалось, что Англіи придетъ конецъ, если она допуститъ образованіе отдѣльнаго парламента для Ирландіи, respective— если Ирландія не получитъ отдѣльнаго парламента [1]). Въ самомъ парламентѣ при обсужденіи билля консерваторы и уніонисты пускали въ ходъ обструкцію и всячески тормазили дѣло къ великому раздраженію ирландцевъ. Дѣло однажды дошло до драки, до настоящей

[1]) Въ ирландской области Ульстерѣ съ протестантско-англійскимъ населеніемъ (ср. выше, стр. 234, прим. 1) была составлена петиція королевѣ отъ женщинъ, заклинавшихъ ее не давать Ирландіи гомруля. Она была написана на длиннѣйшемъ свиткѣ, имѣвшемъ въ діаметрѣ полтора фута и покрытомъ чуть не полутораста тысячами подписей.

драки, сопровождавшейся невообразимымъ гамомъ и свистками. Гладстонъ, подавленный этой некультурной сценой, оставался на своемъ мѣстѣ до окончанія побоища, причемъ отъ консерваторовъ ему пришлось выслушивать крики: „Это дѣло вашихъ рукъ!“ Какъ ни затягивали противники билля его обсужденіе (съ середины февраля до конца августа), онъ въ концѣ концовъ былъ принятъ 301 голосомъ противъ 267 (1 сент.). Но въ палатѣ лордовъ онъ былъ отвергнутъ (9 сент.) такимъ громаднымъ большинствомъ,—именно, въ десять разъ превосходившимъ меньшинство (419 противъ 41),—что Гладстонъ не рѣшился преодолѣть несогласіе лордовъ вторичнымъ проведеніемъ того же билля въ палатѣ общинъ. Еслибы не упорство наслѣдственныхъ законодателей, Ирландія получила бы, какъ выразился Макъ-Карти, изъ рукъ Гладстона великую реформу. По этому биллю Гладстона особый парламентъ по ирландскимъ дѣламъ (Irish legislature), или „ирландская легислатура“, долженъ былъ состоять изъ законодательнаго совѣта (legislative council) въ 48 членовъ, выбранныхъ на восемь лѣтъ, и законодательнаго собранія (legislative assembly) въ 103 члена съ пятилѣтними полномочіями. Для избранія послѣднихъ принимались основанія англійскаго закона о парламентскихъ выборахъ, тогда какъ члены совѣта должны были выбираться лицами, имѣвшими ежегодно имущественнаго дохода двадцать фунтовъ стерлинговъ. Далѣе, для принятія законопроекта предполагалось требовать согласіе обѣихъ палатъ, но за совѣтомъ признавалось лишь отсрочивающее „veto“, такъ какъ въ случаѣ принятія собраніемъ черезъ два года или раньше, но въ новомъ составѣ отвергнутаго проекта, при повторномъ несогласіи совѣта, окончательное голосованіе должно было происходить въ соединенномъ собраніи. Изъ компетенціи ирландскаго парламента исключались всѣ дѣла, касающіяся короны и регентства, власти ирландскаго намѣстника (который долженъ былъ быть назначаемъ на шестилѣтній срокъ), внѣшнихъ сношеній, войны, заграничной торговли и монетной системы. При намѣстникѣ долженъ былъ находиться особый исполнительный комитетъ (executive commitee of the privy council), своего рода ирландское министерство, съ совѣтами котораго намѣстникъ былъ бы обязанъ сообразовать всю свою правительственную дѣятельность. Билль не порывалъ совсѣмъ связь Ирландіи съ англійскимъ парламентомъ, такъ какъ въ немъ должны были сохраниться ирландскіе депутаты (въ количествѣ восьмидесяти) съ правомъ простого участія въ преніяхъ по всѣмъ вопросамъ и голосованія лишь по дѣламъ либо общеимперскаго, либо спеціально-ирландскаго значенія. Послѣ провала билля о гомрулѣ въ палатѣ лордовъ Гладстонъ черезъ полгода (4 марта 1894 г.)

вышелъ по болѣзни въ отставку, передавъ власть лорду Розбёри [1]), и лишь изрѣдка посѣщалъ парламентъ, а на выборахъ 1895 г. и совсѣмъ не выставлялъ своей кандидатуры [2]).

Выходъ Гладстона въ отставку не могъ не ослабить либеральное министерство 1892 г., такъ какъ его преемникъ не пользовался ни такимъ авторитетомъ въ партіи, ни такою популярностью въ странѣ, какъ Гладстонъ. Радикалы, считавшіе единственнымъ правомѣрнымъ преемникомъ Гладстона Гаркорта, были недовольны еще тѣмъ, что новый премьеръ, вдобавокъ, былъ членъ палаты лордовъ, а ирландцы нѣсколько косились на болѣе холодное отношеніе Розбёри къ гомрулю. Самъ Розбёри, вступивъ во власть, сдѣлалъ заявленіе, что правительство, оставаясь вѣрнымъ принятымъ на себя обязательствамъ, не намѣревается, однако, возобновить дѣло гомруля въ ближайшей сессіи. Въ общемъ для внутренней исторіи Англіи министерство Розбёри прошло почти безплодно. Причинами этого были сопротивленіе палаты лордовъ и постепенное таяніе правительственнаго большинства. Изъ предложеній правительства не осуществились ни отдѣленіе церкви отъ государства въ Уэльсѣ, ни измѣненія въ ирландскомъ арендномъ правѣ, ни расширеніе избирательнаго права (по принципу „one man, one vote“), ни введеніе вознагражденія членамъ палаты общинъ и т. п. [3]). Впрочемъ, одна очень важная реформа въ 1894 г. была осуществлена въ министерство Розбёри, хотя и она, собственно говоря, была цѣликомъ подготовлена еще при Гладстонѣ и только замедлена обструкціей лордовъ.

Самою мелкою земской единицей въ Англіи былъ приходъ (parish), совѣтъ котораго (vestry) подъ предсѣдательствомъ духовнаго лица установленной церкви и подъ бо̀льшимъ или меньшимъ вліяніемъ мѣстнаго сквайра вѣдалъ не только дѣла приходской церкви, но и чисто гражданскія дѣла. Реформа 1894 г. состояла въ томъ, что за старымъ совѣтомъ оставлено было вѣдѣніе дѣлами церкви, все же остальное было передано въ завѣдованіе или приходскаго собранія (parish miting) всѣхъ плательщиковъ налоговъ въ селеніяхъ, гдѣ менѣе 300 жителей, или приходскаго совѣта (parish council),

---

[1]) Гладстонъ подготовлялъ еще реформу избирательнаго права, которая распространила бы его на 600 т. новыхъ избирателей, но ее при Розбери постигла судьба гомруля. При этомъ должно было осуществиться правило: „one man, one vote“, т.-е. каждый долженъ былъ имѣть лишь одинъ голосъ, а не по числу цензовъ въ разныхъ мѣстахъ.

[2]) Гладстонъ скончался въ маѣ 1898 г.

[3]) Зато военный министръ Кампбелль Баннерманъ ввелъ во всѣхъ своихъ мастерскихъ и заводахъ 8-часовой рабочій день путемъ административнаго распоряженія.

избираемаго приходскимъ собраніемъ. Гладстонъ хотѣлъ дополнить этотъ важный законъ, муниципализировавшій и демократизировавшій приходское управленіе, еще нѣкоторыми подробностями, но, дабы не доводить дѣло до конфликта между обѣими палатами, что только затормазило бы проведеніе билля, убѣдилъ нижнюю палату кое-что уступить верхней, сказавъ, однако, что такъ дѣло дальше не должно быть, ибо слишкомъ ужъ различны міросозерцанія обѣихъ палатъ. Эти слова были поняты въ смыслѣ желанія осуществить по отношенію къ палатѣ лордовъ радикальное „mend or end" (исправить или прикончить), но, повидимому, въ гладстоновскомъ большинствѣ на это не было бы согласія. Такъ, сходя съ политической сцены, „великій старецъ" одновременно завершалъ демократизацію англійскихъ учрежденій [1]) и указывалъ англійской демократіи на задачу будущаго по отношенію къ палатѣ лордовъ.

Министерство Розбёри [2]) пережило лишь съ небольшимъ годъ отставку Гладстона. Послѣ его ухода правительственное большинство постепенно таяло — до того, что въ 1894 г. стало превышать оппозицію голосовъ на 25 и того меньше, а въ 1895 г. уже не превышало болѣе, чѣмъ на 15 голосовъ: то отдѣльные парнеллиты переходили въ оппозицію, то гдѣ-нибудь на дополнительныхъ выборахъ

---

[1]) *Редлихъ*, авторъ „Англійскаго мѣстнаго управленія" (русск. пер. 1907 г.), одинъ изъ лучшихъ знатоковъ предмета, справедливо замѣчаетъ по поводу реформы 1894 г., что въ Англіи прежде, чѣмъ XIX столѣтіе пришло къ концу, исполнилось по отношенію къ Англіи „предсказаніе Токвиля о непреодолимости демократической идеи" (о самомъ предсказаніи этомъ см. у насъ въ т. V, на стр. 271). Англія къ концу XIX в., такимъ образомъ, говоритъ еще *Редлихъ*, получила истинное самоуправленіе, т.-е. „установленіе народомъ законовъ, народное правленіе посредствомъ парламента, покоящагося на (почти) всеобщемъ избирательномъ правѣ, посредствомъ полнаго подчиненія центральной власти этому послѣднему при помощи системы парламентарнаго правительства; самоуправленіе народа посредствомъ преобразованія всего внутренняго управленія въ административную дѣятельность демократически организованныхъ общинъ; наконецъ, сохраненіе правосудія, какъ функціи суда, который является совершенно независимымъ отъ парламента, правительства и административныхъ корпорацій, и юрисдикція котораго съ одинаковою силою и въ одинаковыхъ формахъ блюдетъ за всѣми юридически нормированными отношеніями общественной жизни и рѣшаетъ ихъ окончательно". *Редлихъ*, т. I, стр. 267. Итакъ, этотъ авторъ коротко опредѣляетъ современное англійское мѣстное управленіе, какъ „административную дѣятельность демократически организованныхъ общинъ".

[2]) И Розбёри очень рѣзко говорилъ о палатѣ лордовъ, что вызывало возраженія Солсбёри, указывавшаго на то, что реформа или отмѣна палаты лордовъ едва ли можетъ быть осуществлена при теперешней конституціи, такъ какъ на это потребовалось бы согласіе самихъ лордовъ, котораго, конечно, ими не будетъ дано.

побѣда оставалась на сторонѣ консерваторовъ. Когда 21 іюня военный министръ (Кампбелль Баннерманъ) внесъ въ палату билль о переустройствѣ арміи, одинъ изъ членовъ оппозиціи подвергъ этотъ билль суровой критикѣ, предложивъ уменьшить жалованье военному министру, и за такое выраженіе протеста подано было 132 голоса противъ 125. Министерство подало въ отставку. Новое составилъ Солсбёри, остававшійся потомъ у власти до 1902 г. Въ составъ этого послѣдняго англійскаго министерства въ XIX в. и перваго въ XX в. вошли частью крайніе и умѣренные консерваторы, частью либералы, либералы-уніонисты болѣе умѣреннаго (герцогъ Девонширскій) и болѣе крайняго (Чэмберленъ), направленій. Едва образовавшись, новое министерство распустило парламентъ и назначило выборы, во время которыхъ, какъ свои лозунги, выставило сохраненіе государственнаго единства (противъ гомруля), защиту палаты лордовъ (противъ требованія ея реформы), болѣе энергичную внѣшнюю политику и рядъ соціальныхъ реформъ въ родѣ пенсій для престарѣлыхъ, законодательной нормировки рабочаго времени, посредническихъ судовъ между предпринимателями и рабочими и т. п. Эти соціальныя реформы были спеціальностью агитаціи Чэмберлена вслѣдствіе чего получили названіе „чэмберленовскихъ козырей", съигравшихъ роль заманчиваго обѣщанія, не исполненнаго, когда свое дѣло они сдѣлали. Въ это же время въ консервативно-уніонистской коалиціи стало обнаруживаться новое, имперіалистское теченіе, во главѣ котораго стоялъ герцогъ Девонширскій, основатель лиги для упроченія союза Англіи съ колоніями.

Выборы 1895 г. послали въ палату общинъ правительственное большинство, состоявшее изъ 338 консерваторовъ и 73 уніонистовъ, итого 441 членъ, при меньшинствѣ изъ 175 либераловъ, 82 ирландцевъ (съ 12 парнеллитами въ томъ числѣ) и 2 представителями— явленіе совсѣмъ въ Англіи новое [1]) — независимой рабочей партіи, всего въ 259 человѣкъ. Такимъ образомъ, министерство Солсбёри располагало 152 лишними голосами, въ чемъ была его несомнѣнная сила. Слабую его сторону составляли разногласія въ его собственной средѣ, приведшія, однако, постепенно къ тому, что въ немъ возобладали крайніе торіи, благодаря, между прочимъ, поддержкѣ со стороны Чэмберлена, который этимъ путемъ хотѣлъ склонить ихъ на сторону своихъ имперіалистскихъ и протекціонистскихъ плановъ. Хотя въ министерствѣ 1895 г. иностранныя дѣла взялъ на себя самъ Солсбёри, но настоящимъ руководителемъ внѣшней политики Англіи сдѣлался въ немъ Чэмберленъ, занимавшій постъ министра колоній.

Въ другомъ мѣстѣ у насъ уже шла рѣчь о новѣйшемъ англій-

---

[1]) См. выше, стр. 251.

скомъ имперіализмѣ и еще будетъ о немъ рѣчь впереди [1]). Англійскій имперіализмъ, это—проповѣдь энергичной и широкой міровой политики, соединенная съ рѣзкими проявленіями націонализма, милитаристическими стремленіями и протекціонистскими идеями. Особыя обстоятельства, которыя дѣлали имперіалистическую агитацію необыкновенно успѣшною въ Англіи, заключались въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась экономическая жизнь страны. Англійское сельское хозяйство въ теченіе второй половины XIX в. далеко не прогрессировало, а скорѣе даже шло на убыль. Высчитано, что въ началѣ царствованія королевы Викторіи въ Англіи привознымъ хлѣбомъ питались только одинъ мѣсяцъ въ году, а въ остальное время—своимъ, тогда какъ въ концѣ этого царствованія привознымъ хлѣбомъ Англія должна была питаться уже не одинъ мѣсяцъ въ году, а девять съ половиною мѣсяцевъ. Конечно, этому соотвѣтствовало и уменьшеніе дохода общественныхъ классовъ, живущихъ рентою или прибылью отъ сельскаго хозяйства. Менѣе замѣтный, но тоже довольно-таки ощутимый кризисъ переживала Англія и въ сферѣ своей обрабатывающей промышленности, въ которой ей фактически принадлежала монополія на всемірномъ рынкѣ [2]),—что̀, между прочимъ, содѣйствовало соціальному успокоенію Англіи послѣ пережитой во времена чартизма бури, такъ какъ интенсивное развитіе промышленности давало хорошіе заработки рабочему классу и тѣмъ обусловливало матеріальное его благополучіе [3]). Но къ концу XIX в. въ индустріальномъ отношеніи выросли и другія страны, которыя начали конкуррировать съ Англіей. Особенно опасною конкурренткою стала казаться англичанамъ Германія, промышленность которой начала даже опережать англійскую [4]). Въ англійскихъ магазинахъ стали продаваться разнообразнѣйшіе товары съ клеймомъ, указывавшемъ на ихъ нѣмецкое происхожденіе. Слова „сдѣлано въ Германіи“ (made in Germany) на товарахъ, продающихся въ Англіи, казались страшною угрозою всему матеріальному существованію націи, и по этому поводу возникла цѣлая лите-

---

[1]) См. выше, стр. 33—34 и 43—44, а также ниже, въ главѣ XXV, гдѣ идетъ рѣчь о міровой политикѣ европейскихъ державъ въ концѣ XIX в. Къ литературѣ, указанной на стр. 34, можно еще прибавить: *Jeans.* Englands supremacy (есть фр. пер. 1887 г.).—*Сили.* Расширеніе Англіи (1903).—*H. H. Asquith.* Trade and the empire: Mr. Chamberlain's proposals examined.—*J. Gazeau.* L'impéri alisme anglais, son évolution (1903).—*L. Lowell.* The government of England (1908), vol. II, part VI: „The empire“.

[2]) Т. V, стр. 761 и слѣд.

[3]) Т. V, стр. 765.

[4]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 271 и слѣд.

ратура [1]). Что въ англійской промышленности не все обстояло благополучно, на это указываютъ и упоминавшіяся уже выше [2]) волненія среди рабочихъ, вызывавшіяся безработицей и имѣвшія результатомъ усиленіе соціализма. И въ колоніальномъ отношеніи съ середины восьмидесятыхъ годовъ Англія перестала быть чуть не единственною владѣлицею заокеанскихъ странъ: у нея явились соперницы въ лицѣ Германіи и Франціи, не говоря уже объ опасеніяхъ, которыя въ англичанахъ вызывали русскіе успѣхи въ Средней Азіи [3]). Англичане привыкли вездѣ и во всемъ видѣть нарушеніе своихъ коммерческихъ и политическихъ интересовъ, но болѣе всего опасались за Индію, изъ которой уже давно извлекали колоссальные доходы. Если сельское хозяйство Англіи падало, развитіе промышленности остановилось, въ торговлѣ замѣчался застой, то это не значитъ, чтобы происходило обѣднѣніе страны. Англія давно уже сдѣлалась банкиромъ, ссужающимъ деньги другимъ, болѣе отсталымъ въ экономическомъ отношеніи странамъ [4]). Англійскіе же капиталы, отданные взаймы въ эти страны, немало способствовали развитію обрабатывающей промышленности внѣ самой Англіи, что̀ компенсировало потери на иностранной конкурренціи. Оказалось даже болѣе выгоднымъ заводить непосредственно промышленныя заведенія въ чужихъ владѣніяхъ, гдѣ можно было гораздо дешевле, чѣмъ на родинѣ, покупать рабочую силу. Во всякомъ случаѣ, въ той ли, въ другой ли формѣ Англія получала громаднѣйшіе доходы изъ своихъ капиталовъ, нашедшихъ помѣщеніе за границей. Безопасность и правильное поступленіе процентовъ отъ ссуженныхъ другимъ націямъ капиталовъ должны были сдѣлаться особою заботою англійскихъ капиталистовъ, вліяніе которой на политику сказалось, наприм., въ оккупаціи Египта [5]). Однимъ изъ выгодныхъ способовъ помѣщенія излишнихъ капиталовъ сдѣлалась также выдѣлка и поставка въ казну предметовъ, необходимыхъ для арміи и флота [6]), ростъ расходовъ на которые вызывался рядомъ маленькихъ войнъ, какія Англіей велись то тамъ, то сямъ въ разныхъ частяхъ свѣта [7]).

---

[1]) Выше, на стр. 61 названы работы *Уильямса* и *Медлея* о „made in Germany“.

[2]) См. выше, стр. 250 и слѣд.

[3]) Обо всемъ см. выше, въ главѣ XIV.

[4]) Т. IV, стр. 577—578.

[5]) См. выше, стр. 36 и слѣд.

[6]) Частный случай общаго явленія, о которомъ см. стр. 129 и слѣд. первой части этого тома.

[7]) Въ главѣ XIV настоящаго тома перечислены далеко не всѣ колоніальныя войны, какія Англія вела въ разсматриваемую эпоху, а только главныя. Что касается до увеличенія военныхъ расходовъ Англіи, то объ этомъ

Имперіализмъ обѣщалъ всѣмъ что-нибудь для нихъ нужное: кому огражденіе отечественнаго производства отъ иностраннаго ввоза хлѣба и продуктовъ индустріи, кому—хорошіе заработки, кому—торговые барыши, кому—обезпеченное полученіе доходовъ отъ помѣщенныхъ въ чужихъ краяхъ капиталовъ, кому—обильныя поставки въ казну, всей же вообще націи—почетное положеніе среди другихъ народовъ, прямое первенство между ними и господство во всемъ мірѣ, что, въ свою очередь, развивало въ массахъ крайнюю степень національнаго самомнѣнія, исключительности и нетерпимости, или такъ называемаго „джингоизма" [1]. Въ Англіи въ эту эпоху развилась и соотвѣтственная пресса, льстившая самымъ низменнымъ инстинктамъ толпы.

Имперіализмъ немало содѣйствовалъ также начавшемуся еще ранѣе разложенію либеральной партіи. Вышедши въ отставку въ 1895 г., Розбёри на время удалился въ частную жизнь, передавъ лидерство Гаркорту, который, въ свою очередь, уступилъ его изъ-за партійныхъ несогласій Кампбеллю-Баннерману, но въ томъ же самомъ 1898 году, когда произошла эта послѣдняя смѣна, бывшій преемникъ Гладстона снова выступилъ на политическое поприще и на этотъ разъ уже настоящимъ имперіалистомъ, въ чемъ нашелъ, впрочемъ, и товарищей въ лицѣ нѣкоторыхъ другихъ видныхъ либераловъ. Полемика, начавшаяся между Розбёри и новымъ лидеромъ либераловъ, показывала, до какой степени въ либеральной партіи былое единство уступило мѣсто внутреннему разладу. Послѣ того, какъ отъ нея откололись уніонисты съ Чэмберленомъ во главѣ, начали откалываться и имперіалисты, имѣя во главѣ Розбёри. Въ сущности, уніонизмъ и имперіализмъ стали покрывать другъ друга, и недаромъ Розбёри впослѣдствіи говорилъ, что изъ старой либеральной программы нужно вычеркнуть слово „гомруль" и на его мѣстѣ написать „имперіализмъ". Дѣло въ томъ, что главою имперіалистовъ сдѣлался вождь уніонистовъ Чэмберленъ, ставшій теперь первою фигурою во всемъ Соединенномъ королевствѣ [2]). Онъ, какъ было выше сказано, и за-

---

см., напр., хотя бы цифры тратъ на флотъ, приведенныя въ примѣчаніи на стр. 126 первой части настоящаго тома (увеличеніе съ 1873 по 1892 г. болѣе, чѣмъ въ три раза).

[1]) Слово совершенно новаго происхожденія (изъ одной патріотической пѣсенки 1876 г.). Въ русской печати за наростаніемъ имперіалистическаго духа особенно слѣдилъ съ конца девяностыхъ годовъ на страницахъ „Русскаго Богатства" *Діонео*, въ собраніи корреспонденцій котораго „Очерки современной Англіи" (1903) см. между прочимъ отдѣлъ подъ заглавіемъ „Новый фазисъ". Въ частности, много интереснаго было сообщено этимъ авторомъ по поводу бурской войны.

[2]) См. живую характеристику Чэмберлена въ „Очеркахъ современной Англіи" *Діонео*, стр. 164 и слѣд. „Всѣмъ извѣстно, говоритъ онъ, что Чэмбер-

нялъ, въ сущности, первенствующее положенiе въ министерствѣ Солсбёри, рядомъ съ людьми, которые раньше открыто называли его выскочкой, политическимъ шарлатаномъ, бирмингамскимъ обманщикомъ, дикимъ теоретикомъ и другими не менѣе нелестными эпитетами, а теперь видѣли въ немъ своего вождя.

Министерствомъ 1895 г. были исполнены нѣкоторыя обѣщанiя, дававшiяся раньше Чэмберленомъ или намѣчавшiяся въ министерство Гладстона-Розбери, какъ, напр., были проведены новый Irish land bill, облегчавшiй покупку земли крестьянамъ, законъ о вознагражденiи за несчастные случаи съ рабочими (workmens compensation act, но только въ извѣстныхъ, а не во всѣхъ производствахъ) и законъ о мѣстномъ управленiи въ Ирландiи, бывшiй, въ сущности, распространенiемъ и на нее главныхъ основанiй англiйской реформы 1888 г. Но особенно усиленную дѣятельность руководимое фактически Чэмберленомъ министерство проявило въ области политики имперiализма. Въ 1897 г. праздновался бриллiантовый юбилей королевы, на который съѣхались въ Лондонъ представители всѣхъ автономныхъ колонiй Англiи. Чэмберленъ, уже за годъ передъ тѣмъ произнесшiй рѣчь о необходимости соединенiя всѣхъ колонiй съ ихъ метрополiей въ единую федеративную имперiю, воспользовался съѣздомъ колонiальныхъ делегатовъ и пригласилъ ихъ на конференцiю для обсужденiя этого вопроса. Начало должно было быть положено, по плану Чэмберлена, образованiемъ изъ метрополiи и ея колонiй таможеннаго союза по образцу того, который подготовилъ политическое объединенiе Германiи. Дѣло въ томъ, что въ автономныхъ колонiяхъ большею частью были приняты протекцiонныя пошлины, въ самой же метрополiи дѣйствовала система свободной торговли, а Чэмберленъ надѣялся все это измѣнить въ смыслѣ образованiя изъ метрополiи и колонiй единаго замкнутаго въ экономическомъ отношенiи цѣлаго, внутри котораго зато не было бы таможенныхъ границъ. Рядомъ съ этимъ онъ совѣтовалъ сосѣднимъ между собою колонiямъ объеди-

---

ленъ въ достаточной мѣрѣ часто мѣнялъ политическую физiономiю; но, мнѣ кажется, ошибочно мнѣнiе, что онъ когда-либо имѣлъ опредѣленную физiономiю. Съ перваго момента появленiя на аренѣ политической дѣятельности, въ сущности, Чэмберленъ былъ всегда одинъ и тотъ же. Если, выражаясь фигурально, онъ часто мѣнялъ вооруженiе, то потому, что надѣялся, что въ немъ скорѣе дойдетъ до цѣли—до верховъ политической лѣстницы. Чэмберленъ, не задумываясь, мѣнялъ вооруженiе, выкованное другими, когда находилъ это выгоднымъ. Чэмберленъ является политическимъ дѣятелемъ около тридцати лѣтъ (писано въ 1898 г.), но *никогда* онъ не выступалъ со *своей* теорiей. Онъ бралъ выработанную другими, готовую идею, которая по его расчетамъ, должна больше всего имѣть сторонниковъ. Если это не оправдывалось, Чэмберленъ бросалъ идею и поднималъ новое знамя“, стр. 165.

няться въ мѣстныя федераціи, которыя подготовили бы путь и для дальнѣйшаго политическаго объединенія. Для всей „имперіи“ пока можно было бы ограничиться учрежденіемъ имперскаго совѣта, въ составъ котораго входили бы лица, свѣдущія въ колоніальныхъ дѣлахъ, но изъ котораго потомъ, съ теченіемъ времени, могло бы выработаться и федеративное союзное представительство. Представители колоній приняли проектъ довольно холодно, тѣмъ болѣе, что въ число первыхъ же шаговъ на пути объединенія Чэмберленъ включалъ необходимость для колоній немедленно же принять участіе въ несеніи бремени расходовъ на флотъ и войско, равно какъ и въ самихъ колоніальныхъ войнахъ посылкою своихъ контингентовъ. Послѣднее предложеніе было поддержано только Капландомъ, гдѣ первымъ лицомъ въ это время былъ извѣстный авантюристъ и имперіалистъ Сесиль Родсъ [1]), бывшій не безъ грѣха въ „разбойничьемъ набѣгѣ“, въ 1895 — 96 г., Джемсона на Трансваальскую республику буровъ въ Южной Африкѣ. Капландъ даже прислалъ королевѣ юбилейный подарокъ въ видѣ совершенно готоваго броненосца. Нужно замѣтить кстати, что въ тайномъ соучастіи въ набѣгѣ Джемсона обвиняли не только Родса, занимавшаго постъ капландскаго премьера, но и Чэмберлена. Онъ даже формально въ этомъ обвинялся особою слѣдственною коммиссіею, которая была назначена капландскимъ парламентомъ, хотя такая же коммиссія, назначенная англійскимъ парламентомъ, не нашла основаній преслѣдовать Чэмберлена за дѣяніе, совершенное въ другомъ полушаріи. Во всякомъ случаѣ Чэмберленъ былъ главнымъ виновникомъ войны съ бурами, начавшейся въ 1899 г. и кончившейся только въ 1902 г.

Извѣстно, что въ 1884 г. Гладстонъ призналъ за Трансваальскою республикою полную самостоятельность [2]). Министерство Солсбёри начало вмѣшиваться во внутреннія дѣла республики, не признавая договора 1884 г., а Чэмберленъ—говорить воинственныя рѣчи въ духѣ крайняго джингоизма, отклонивъ третейскій судъ по спорному вопросу и приступивъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію военныхъ силъ Англіи въ Капландѣ. Вновь переизбранный въ президенты этой республики Крюгеръ, уже давно готовившійся къ войнѣ съ Англіей, послалъ въ октябрѣ 1899 г. англійскому правительству ультиматумъ, который оно оставило безъ отвѣта. Тогда началась знаменитая бурская война, служившая на рубежѣ XIX и XX вѣковъ предметомъ вниманія всего цивилизованнаго міра. Самъ Чэмберленъ не ожидалъ такой быстрой развязки. Въ собранномъ на чрезвычайную сессію

---

[1]) См. выше, стр. 39—41. Тамъ же и о набѣгѣ Джемсона.
[2]) См. выше, стр. 38—39.

парламентѣ онъ старался защититься отъ обвиненія въ неправильномъ веденіи переговоровъ, и вотумъ порицанія былъ отклоненъ 362 голосами противъ 135. Въ началѣ новой сессіи, уже въ 1900 г., когда съ театра войны пришло немало неблагопріятныхъ для англичанъ извѣстій, Чэмберлену опять пришлось защищать въ парламентѣ свою политику и снова одержать побѣду: и на этотъ разъ вотумъ порицанія собралъ только 139 голосовъ противъ 352, поданныхъ за Чэмберлена. Осенніе общіе выборы 1900 г. еще болѣе укрѣпили положеніе министерства, потому что правительственная партія получила 402 мѣста, оппозиція—только 263. Такимъ образомъ, въ XX столѣтіе Англія вступала въ крайне имперіалистскомъ настроеніи, но въ цивилизованномъ мірѣ она стояла въ такомъ же „блестящемъ уединеніи" (splendid isolation), о какомъ Солсбёри говорилъ и о положеніи Англіи среди другихъ державъ. Бурская война, какъ во Франціи буланжизмъ или дѣло Дрейфуса, подняла въ Англіи на поверхность политической жизни съ ея дна всю накопившуюся тамъ грязь и муть, что и здѣсь, однако, какъ и во Франціи, не осталось безъ благородныхъ протестовъ.

XVIII. Внутренняя политика Италіи въ концѣ XIX вѣка [1]).

Присоединеніе Италіи къ тройственному союзу и начало въ ней колоніальной политики.—Вліяніе этихъ фактовъ на внутреннія отношенія.—Борьба правительства съ республиканцами и соціалистами, съ клерикалами и ирредентистами. — Искаженіе въ Италіи парламентскаго режима во время управленія Криспи.—Его реакціонная политика въ серединѣ девяностыхъ годовъ.—Разгромъ итальянской арміи въ Абессиніи.—Анархизмъ и соціализмъ въ Италіи.

Въ главѣ X исторія Италіи была доведена до 1881 г. Мы видѣли, что за три года передъ тѣмъ умеръ Викторъ-Эммануилъ, оставивъ

---

[1]) Исторія Италіи въ семидесятыхъ годахъ XIX в. изложена въ главѣ X (стр. 337—352 первой части этого тома). Тамъ же даны и указанія на литературу. Уже послѣ того, какъ глава X была отпечатана, вышли въ свѣтъ (въ 1908 г.) первые два тома подробной лѣтописи Италіи съ 1870 г. подъ заглавіемъ: „*P. Vigo.* Storia degli ultimi trent'anni del secolo XIX", въ которыхъ изложеніе не доведено еще до конца семидесятыхъ годовъ, такъ что только слѣдующіе томы этого изданія будутъ заключать въ себѣ исторію Италіи въ два послѣднія десятилѣтія XIX в. Для исторіи итальянскихъ политическихъ партій можно указать *Jacini.* I conservatori el'evoluzione dei partiti politici in Italia.—*Minghetti.* I partiti politici. — *Bonfadini.* I partiti parlamentari (въ „Nuova Antologia" за 1894 г.).—*А. Лоуэлль.* Правительства и политическія партіи въ государствахъ западной Европы (1905), стр. 127 и слѣд.—*В. Модестовъ,* Современная Италія (въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за 1893 г.). *A. Billot.* La France et l'Italie. Histoire des années troubles, 1881—1899 (1905).

престолъ объединенной имъ Италіи сыну своему Гумберту I, и что еще нѣсколько раньше власть перешла изъ рукъ правой въ руки лѣвой [1]), въ каковыхъ, прибавимъ, и находилась послѣ этого до 1887 г. Мы видѣли, далѣе, что въ 1879 г. образовалось министерство, въ которомъ нашли мѣсто оба политическіе соперника предшествующихъ лѣтъ, болѣе прогрессивный Кайроли, и болѣе консервативный Депретисъ [2]). Нами было отмѣчено еще, что къ 1881 г. государственное хозяйство Италіи находилось въ хорошемъ состояніи [3]), но что нельзя было сказать то же о положеніи народныхъ массъ, недовольствомъ которыхъ пользовались революціонныя партіи (республиканцы и интернаціоналисты-анархисты) для пропаганды мысли о необходимости политическаго переворота и прямо для организаціи заговоровъ и возстаній [4]). Впрочемъ, уже о 1880 г. можно говорить, какъ о такомъ времени, когда неудачи, постигавшія революціонныя выступленія, вносили и въ ряды вождей, и въ руководимые ими народные круги извѣстное разочарованіе относительно плановъ насильственнаго ниспроверженія существующаго строя [5]). 1881 г. былъ, такъ сказать, поворотнымъ въ новѣйшей исторіи Италіи. Въ этомъ году, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, завершена была финансовая реформа (главнымъ образомъ, отмѣна налога на помолъ и принудительнаго курса бумажныхъ денегъ) и подготовлена избирательная реформа, затѣмъ и принятая парламентомъ въ слѣдующемъ году. Одновременно съ этимъ Италія должна была распроститься съ своими надеждами на Тунисъ, сдѣлавшійся достояніемъ Франціи, что̀ толкнуло внѣшнюю политику Италіи на совершенно новый путь и не могло также не отразиться на внутреннихъ отношеніяхъ. Въ семидесятыхъ годахъ, какъ и въ шестидесятыхъ, въ руководящихъ политическихъ кругахъ Италіи хорошо помнили, во что̀ обошлась вся внѣшняя политика объединительной эпохи, довольствовались достигнутыми результатами, не стремились къ чему-либо большему и заботились прежде всего объ экономіи въ государственномъ хозяйствѣ. Въ восьмидесятыхъ годахъ все это было какъ-бы позабыто, и взятъ былъ новый курсъ. Перемѣною во внѣшней политикѣ было то, что теперь Италія вступаетъ на путь колоніальныхъ предпріятій, съ одной стороны, и начинаетъ играть новую роль въ самой Европѣ, въ качествѣ одного изъ членовъ тройственнаго союза среднеевропейскихъ державъ, двумя другими членами котораго были Германія и Австро-Венгрія. Новая внѣшняя

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 340 и 341.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 343.

[3]) См. т. VI, ч. 1, стр. 350.

[4]) См. т. VI, ч. 1, стр. 350 и слѣд.

[5]) См. т. VI, ч. 1, стр. 352.

политика требовала бо̀льшихъ, чѣмъ прежде, военныхъ расходовъ, потому что нужно было усилить армію и флотъ и много потрачено было средствъ на разныя экспедиціи, а это, вмѣстѣ съ другими большими расходами [1]), оказалось не подъ силу только-что упорядоченнымъ финансамъ. Превышеніе доходовъ надъ расходами, достигшее одно время 21 милліона лиръ (въ 1881 г.), стало понижаться, такъ что въ 1883 г. оно уже равнялось только 12 милліонамъ, цифрѣ 1877 г., а въ 1884 г. имѣлась въ бюджетѣ цифра тоже въ 21 милліонъ, но уже въ графѣ дефицита, а не превышенія доходовъ. Слѣдующіе годы въ этомъ отношеніи были еще хуже: черезъ два года дефицитъ увеличился почти въ три раза, черезъ три года—уже въ четыре раза, черезъ пять (въ 1889 г.)—болѣе нежели въ десять разъ (230 милліоновъ), превысивъ цифру 1872 г. (208 милліоновъ). Значительная часть въ ростѣ итальянскаго бюджета падала на чрезвычайные кредиты, которые палатами послушно вотировались по требованію правительства въ видѣ чрезвычайныхъ кредитовъ. Такъ, въ 1882 г. на военныя надобности было ассигновано болѣе 125 милліоновъ, въ 1885 — болѣе 200 милліоновъ. Соотвѣтственно съ этимъ шло увеличеніе военныхъ силъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Число армейскихъ корпусовъ было увеличено съ десяти до двѣнадцати, т.-е. на одну пятую, а еще болѣе было увеличино количество находившихся подъ ружьемъ солдатъ (съ 300 до 430 т., т.-е. чуть не въ полтора раза), не считая особаго запаса въ видѣ такъ называемой территоріальной милиціи, стрѣлковыхъ обществъ и т. п. Итальянскій флотъ тоже долженъ былъ идти въ уровень съ общимъ усиленіемъ военной мощи государства. Къ этому времени относится постройка итальянскимъ правительствомъ такихъ морскихъ колоссовъ, какъ „Дуиліо“ и „Лепанто“. Военное усиленіе Италіи было прямо слѣдствіемъ колоніальныхъ предпріятій и вступленія въ тройственный союзъ [2]). Въ томъ общемъ ростѣ милитаризма въ восьмидесятыхъ

---

[1]) Постройка въ короткій срокъ тысячи километровъ желѣзныхъ дорогъ, большія траты на улучшеніе санитарныхъ условій Неаполя, расходы на приведеніе Рима въ лучшій видъ и т. п.

[2]) Одинъ изъ французскихъ военныхъ писателей, приводимый *Бліохомъ* (ср. т. VI, ч. 1, стр. 122), т. II, стр. 420, говоритъ: „прежде чѣмъ принять Италію въ союзъ, прусская дипломатія съ главнымъ штабомъ поставили условіемъ, чтобы итальянскій флотъ былъ приведенъ въ состояніе прервать сообщеніе Франціи съ ея владѣніями въ Африкѣ и чтобы онъ получилъ вооруженіе, превосходящее вооруженіе флота французскаго; затѣмъ, чтобы сухопутной арміи дано было такое устройство, которое сдѣлало бы ее способною вести войну внѣ предѣловъ самой Италіи“. См. въ томъ же II т. соч. *Бліоха* стр. 682 и слѣд., гдѣ говорится, какъ тяжело обходится итальянскому народу это военное бремя: „Франція платитъ (въ налогахъ) 1,75% съ суммы благосо-

годахъ, который у насъ былъ изображенъ въ другомъ мѣстѣ, итальянскія вооруженія того времени были довольно значительнымъ слагаемымъ общей суммы. Населеніе Италіи хорошо чувствовало, во что обходится „la triplice“ (тройственный союзъ), которая поэтому отнюдь не могла пользоваться популярностью въ странѣ, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь прочною и продолжительною. Мы увидимъ еще, что новый политическій курсъ, принятый во внѣшнихъ дѣлахъ итальянскимъ правительствомъ, былъ одною изъ причинъ таможенной войны, разгорѣвшейся между Италіей и Франціей въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и тоже довольно дорого обошедшейся для болѣе слабой стороны [1]). Обнищаніе народа попрежнему давало себя знать періодическими вспышками народныхъ бунтовъ.

Вотъ все наиболѣе существенное, что характеризуетъ внутреннюю политику Италіи въ восьмидесятыхъ годахъ. Переходимъ теперь къ главнѣйшимъ подробностямъ. На первомъ мѣстѣ, не по одному хронологическому порядку, нужно здѣсь поставить избирательную реформу 1882 г.

Въ Итальянскомъ королевствѣ съ самаго 1861 г. дѣйствовалъ сардинскій избирательный законъ 1848 г. [2]), благодаря которому въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ изъ 30 милліоновъ жителей Италіи избирательными правами пользовались всего какія либо 600 тысячъ, или 2%. Предложеніе о реформѣ выборовъ было внесено въ парламентъ Депретисомъ, который въ данномъ случаѣ не столько, вѣроятно, платилъ дань былому, когда самъ былъ радикаломъ, сколько слѣдовалъ указанію благоразумія, такъ какъ трудно было поддерживать такую ненормальность, какую представляла собою слишкомъ малая цифра избирателей. Правая находила совершенно ненужнымъ какое бы то ни было измѣненіе избирательной системы, ссылаясь на то,

---

стоянія, Италія—3,25%“. Кстати: въ IV томѣ труда Бліоха есть богатый цифрами отдѣлъ (стр. 44—71) объ экономической и финансовой отсталости Италіи. Съ 1866 г. прямое и косвенное обложеніе въ ней болѣе, нежели удвоилось—съ 78,5 до 40,9 лиръ (стр. 53—54). См. также въ указанной на стр. 122 первой части книгѣ *G. Ferrero* главу IV объ итальянскомъ милитаризмѣ (стр. 197—255 франц. перев.). Въ 1896 г. цифра расходовъ на армію и флотъ достигла 1.839.753.509 лиръ, а до 1860 г. она едва переходила за 500 т. лиръ. Съ 1871 г. Италія по этимъ двумъ статьямъ израсходовала до 1897 г. 8 милліардовъ 223 милліона, что „немножко много“ для страны, все богатство которой оцѣнивается въ 55 милліардовъ. *Ferrero*, стр. 222 и 228.

[1]) Отмѣтимъ, что, напр., въ то время какъ вывозъ изъ богатой Франціи въ Италію уменьшился на 60 милліоновъ фр., вывозъ изъ бѣдной Италіи во Францію сократился на сумму въ два съ половиною раза бо́льшую (150 милліоновъ фр.).

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 6.

что и при ней абсентеизмъ на выборахъ достигаетъ 60%, тогда какъ болѣе радикальные представители лѣвой, въ ихъ числѣ Криспи, настаивали на необходимости введенія въ Италіи всеобщаго избирательнаго права по французскому образцу. Депретисъ и его коллеги съ послѣднимъ требованіемъ не соглашались, напирая на то, что введеніе всеобщаго голосованія было бы равносильно отдачѣ голосовъ бѣднаго и невѣжественнаго сельскаго населенія въ распоряженіе крупныхъ землевладѣльцевъ. Реформа проходила съ большимъ трудомъ: ее долго задерживала парламентская коммиссія, потребовавшая немало времени для разсмотрѣнія министерскаго проекта, потомъ ее долго обсуждали въ палатѣ депутатовъ, а подъ конецъ и сенатъ тормазилъ ея принятіе, пока въ его составъ для образованія большинства въ пользу реформы не было назначено 34 новыхъ члена. 21 января и 14 февраля были изданы, наконецъ, два закона, къ которымъ сводилась вся реформа. Первымъ изъ нихъ возрастный цензъ избирателей понижался съ 25 до 21 года, имущественный—до 19 лиръ и 80 чентезимовъ (вмѣсто прежняго въ 40 лиръ) вносимыхъ плательщикомъ налоговъ, съ исключеніемъ, впрочемъ, изъ права голосованія всѣхъ неграмотныхъ, но зато съ прибавкою всѣхъ, получившихъ начальное школьное образованіе. Эта реформа увеличила число избирателей болѣе, нежели втрое: съ шестисотъ съ небольшимъ тысячъ оно поднялось до двухъ милліоновъ слишкомъ. Повышеніе это было обязано своимъ происхожденіемъ не столько увеличенію числа цензовыхъ избирателей, сколько включенію въ составъ избирательнаго корпуса всѣхъ грамотныхъ (около милліона съ третью). Другой законъ 1882 г. имѣлъ такое содержаніе. Ранѣе въ Италіи полагался одинъ депутатъ на округъ, причемъ каждый избиратель писалъ только одно имя, теперь же былъ введенъ предложенный годомъ раньше во Франціи Гамбеттою „scrutin de liste“ [1]): теперь нѣсколько депутатовъ (отъ одного до пяти) избирались сразу цѣлымъ спискомъ, въ которомъ каждый избиратель писалъ по два, по три и по четыре имени соотвѣтственно числу депутатовъ отъ цѣлой провинціи, если же провинція посылала пять депутатовъ, то въ видѣ уступки меньшинству (отмѣненной въ 1890 г.) писалось не пять, а только четыре имени. Нельзя не отмѣтить, что къ началу послѣдняго десятилѣтія число избирателей дошло почти до трехъ милліоновъ, но абсентеизмъ на выборахъ понизился очень мало (до 56% въ 1892 г.). Въ общемъ на составъ палаты реформа 1882 г. большого вліянія не оказала въ виду того, что въ Италіи и прежде широко практиковалось и потомъ не перестало практиковаться административное давленіе на выборахъ,

---

[1]) Во Франціи этотъ способъ былъ принятъ въ 1885 г. Ср. выше, стр. 166.

составляющее одно изъ золъ итальянской политической жизни. Во всякомъ случаѣ, съ начала восьмидесятыхъ годовъ избирательная система въ Италіи получила болѣе демократическій обликъ [1]).

Такой оборотъ приняла политика лѣвой во внутреннихъ дѣлахъ Италіи. Въ политикѣ внѣшней вожди этой партіи тяготѣли болѣе въ сторону Франціи, съ которою, однако, хорошія отношенія не налаживались по многимъ причинамъ. Еще въ 1878 г. Италія получила со стороны Франціи отказъ на предложеніе торговаго договора, а кромѣ того, Франція отклонила намѣреніе итальянскаго правительства относительно дѣятельнаго вмѣшательства, совмѣстно съ французами, въ египетскія дѣла, но главнымъ образомъ добрыя чувства къ Франціи въ Италіи должны были исчезнуть послѣ потери всякихъ надеждъ на Тунисъ. Мы видѣли [2]), что еще въ эпоху берлинскаго конгресса германская и австро-венгерская политика стала отвращать взоры итальянскаго правительства отъ областей монархіи Габсбурговъ, населенныхъ итальянцами, и отъ Адріатики съ ея иллирійскимъ побережьемъ, въ сторону Туниса, на который у Италіи могли быть очень серьезные виды, въ то же самое время, какъ на берлинскомъ конгрессѣ на эту африканскую область англичане указывали французамъ въ качествѣ возможной компенсаціи за присоединеніе Кипра къ Англіи. Между Франціей и Италіей происходило глухое соперничество по отношенію къ Тунису, пока Франція ловкими дипломатическими ходами не прибрала, наконецъ, весною 1881 г. Тунисъ къ своимъ рукамъ [3]). Итальянское министерство, увѣрявшее палаты, что со стороны Франціи никакой опасности нѣтъ, сами палаты, вѣрившія заявленіямъ Кайроли въ этомъ смыслѣ, и общественное мнѣніе Италіи были страшно раздражены французскимъ „обманомъ". Вотъ эта неудача во внѣшней политикѣ и направила дѣятельность итальянскаго правительства по новому пути. Чтобы удерживаться у власти, Депретисъ задабривалъ избирателей, стараясь удовлетворить мѣстныя нужды, и пытался привлекать на свою сторону правые элементы палаты, не только переманивая ихъ въ свою партію, но даже не отказывая наиболѣе сговорчивымъ въ возмож-

---

[1]) Въ 1900 г. число избирателей въ Италіи опредѣлилось въ два съ половиною милліона, что составляетъ около 7% всего населенія, но по отдѣльнымъ провинціямъ этотъ процентъ колеблется между 10,56% въ Пьемонтѣ и 3,87% въ Сициліи, въ зависимости отъ большей или меньшей зажиточности и образованности жителей. Въ выборахъ 1900 г. принимали участіе 1.310.480 человѣкъ, что составляетъ 58,28% населенія, тогда какъ въ 1892 г. процентъ выражался цифрою 55,86 (въ 1895 и 1897 г. процентъ превышалъ цифры 58,5 и 59).

[2]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 416.

[3]) Ср. выше, стр. 45—46.

ности вступленія въ кабинетъ, особенно въ виду частыхъ перемѣнъ въ послѣднемъ (такое присоединеніе правыхъ къ лѣвой онъ называлъ „il transformismo“ [1]). Самъ Мингетти перешелъ на сторону кабинета, противъ котораго оппозиція теперь образовалась уже изъ части самой лѣвой, именно среди лицъ, бывшихъ недовольными направленіемъ министерства. Въ 1886 г. Депретисъ произвелъ новые выборы, давшіе 285 членовъ министерской партіи, 183 сторонниковъ оппозиціонной „пентархіи“ [2]) и 60 непримиримыхъ радикаловъ. Послѣ этого Депретисъ сталъ, впрочемъ, опять поворачивать налѣво, такъ что весною 1887 г. въ составъ министерства были приняты двое изъ „пентархіи“: Криспи и Дзанарделли. Случилось это передъ самою смертью Депретиса въ іюлѣ 1887 г., послѣ чего самымъ крупнымъ политическимъ дѣятелемъ Италіи на долгое время, то въ роли министра, то въ качествѣ вождя оппозиціи, сдѣлался Криспи.

Поворотъ направо во внутренней политикѣ подготовилъ и вступленіе въ союзъ съ обѣими средне-европейскими имперіями [3]). Однимъ изъ препятствій къ сближенію съ Австро-Венгріей былъ ирредентизмъ, и вотъ противъ него принимаются рѣшительныя мѣры, тѣмъ болѣе, что ирредентисты были республиканцы. Бисмарковская дипломатія очень искусно дѣйствовала въ Римѣ, все болѣе и болѣе вселяя въ правительственныхъ сферахъ убѣжденіе, что все спасеніе Италіи и во внутренней, и во внѣшней ея политикѣ заключается въ союзѣ съ Германіей. Итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ Манчини все сильнѣе и сильнѣе подчинялся вліянію, шедшему изъ Берлина, и убѣдилъ короля и королеву сдѣлать парадный визитъ въ Вѣну. Когда въ 1883 г. былъ сдѣланъ въ палатѣ запросъ о внѣшней политикѣ министерства, онъ же въ своемъ отвѣтѣ рѣшительнѣйшимъ образомъ осудилъ ирредентистское движеніе. Мало ли что,—таковъ былъ

---

[1]) Депретисъ часто прибѣгалъ къ такъ называемому rimpasto, т.-е. давалъ отставку тѣмъ изъ своихъ товарищей, которые въ данную минуту были особенно непопулярны или неудобны лично ему. „Въ сущности, говоритъ *Лоуэллъ*, въ это время было очень мало или даже не было никакой разницы между партіями въ политическихъ принципахъ, и борьба министерствъ происходила подъ девизомъ: „власть принадлежитъ тому, кто ее съумѣетъ взять, и пусть ее удерживаетъ, кто сможетъ“. Правительства и политическія партіи, стр. 133. Со стороны Депретиса это было „полнымъ искаженіемъ парламентской системы, такъ какъ, вмѣсто того, чтобы брать на себя отвѣтственность въ качествѣ руководителя сплоченнаго кабинета, онъ сдѣлался постояннымъ главою министровъ, которые могли свергаться палатою каждый отдѣльно. Онъ, въ сущности, присвоилъ себѣ королевскую прерогативу, сдѣлавшись неотвѣтственнымъ главою государства, и въ то же время лишилъ кабинетъ коллективной отвѣтственности“, стр. 134.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 341.

[3]) *Stieglitz*. L'Italie dans la triple alliance.

смыслъ его рѣчи,—что въ сосѣдней монархіи есть области, населенныя итальянцами: если требовать ихъ присоединенія, то почему же не поступить такъ же по отношенію къ Франціи изъ-за Ниццы, по отношенію къ Англіи изъ-за Мальты, или почему бы, въ такомъ случаѣ, и Германіи не заявить притязаній на балтійскія провинціи Россіи? Вѣдь все это повело бы только къ страшнѣйшей войнѣ, но, въ сущности, ирредентисты вовсе не о томъ заботятся, чтобы пріобрѣсти южную часть Тироля и Тріестъ, такъ какъ ихъ планъ—замѣнить монархію, съ которою такъ сжился и которой такъ преданъ итальянскій народъ, своею республикою. Этому, однако, заявилъ Манчини, не бывать: пока Италія находится въ совершенномъ единеніи съ Германіей и Австріей, монархіи въ Италіи не можетъ грозить никакая опасность. Онъ указалъ еще на то, что цѣль согласія между тремя державами — поддерживать общій миръ, но отъ дальнѣйшихъ объясненій отказался. Правда, входя въ соглашеніе съ обѣими имперіями, Манчини съумѣлъ выторговать у Бисмарка отказъ отъ одного условія, по которому итальянское министерство должно было бы обязаться строго держаться во внутренней политикѣ опредѣленнаго консервативнаго курса, но зато онъ долженъ былъ согласиться на взаимное гарантированіе договаривающимися сторонами не только ихъ владѣній (т.-е. Эльзасъ-Лотарингіи за Германіей, Босніи и Герцеговины за Австро-Венгріей и Римской области за Италіей), но и общихъ ихъ интересовъ первостепенной важности, именно поддержанія равновѣсія на Средиземномъ морѣ: на Римъ никто не покушался, спеціально же по поводу новаго какого-либо предпріятія со стороны Франціи на Средиземномъ морѣ ничего не говорилось. Само правительство скоро стало сознавать, что тройственный союзъ доставлялъ мало выгодъ для Италіи въ области внѣшнихъ отношеній [1]). Дѣло въ томъ, что союзъ долженъ былъ служить и цѣлямъ внутренней политики—укрѣплять монархію, бороться съ республиканцами. Когда указанная рѣчь Манчини вызвала со стороны нѣкоторыхъ запросъ объ общей политикѣ правительства, казавшейся этому бывшему единомышленнику Депретиса недостаточно лѣвой, то послѣдній въ своемъ отвѣтѣ на запросъ сталъ говорить объ устарѣлости партійныхъ раздѣленій, которыя не могутъ-де оставаться вѣчно въ одномъ и томъ же положеніи, что дѣло-де не въ лицахъ и партіяхъ, а только въ благѣ

---

[1]) Заключенію союза не мало содѣйствовалъ итальянскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ Robilant, который, сдѣлавшись въ 1886 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ, высказывался въ смыслѣ вѣроятности, что договоръ не будетъ возобновленъ по истеченіи пятилѣтняго срока. (Предположеніе это не оправдалось, ибо договоръ въ 1887 г. былъ продолженъ). *R. Cappelli.* La politica estranea del conte Robilant (1897).

Италіи. Эта рѣчь Депретиса такъ понравилась вождю правыхъ Мингетти, что онъ не замедлилъ заявить о своемъ присоединеніи къ политикѣ министерства, прибавивъ, что не его собственные политическіе взгляды измѣнились, а, наоборотъ, сама лѣвая подалась направо. Особенно онъ похвалилъ возраженія, сдѣланныя ирредентистамъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и при этомъ высказалъ свое убѣжденіе, что политика Депретиса пойдетъ на пользу династіи и монархіи. Въ подобномъ же родѣ говорилъ и одинъ изъ прежнихъ министровъ правой, Бонги. Два члена министерства (Баккарини и Дзанарделли), обнаружившіе во время преній ~~свое~~ нежеланіе входить съ правою въ соглашенія, должны были въ непродолжительномъ времени выйти въ отставку. Побѣда министерства отразилась въ томъ, что за него подала голоса не только вся правая, но и очень большая часть лѣвой, подвергшаяся депретисовскому „трансформизму“. Съ 1886 г. въ палатѣ появились впервые два клерикала.

Къ разсматриваемымъ годамъ относится и начало колоніальныхъ предпріятій Италіи, о которыхъ рѣчь уже шла въ другомъ мѣстѣ [1]). Мы видѣли, что колоніальная политика Италіи не могла похвастаться успѣшностью, да и выгодъ странѣ она не дала: были скорѣе только одни убытки. Предполагалось, что пріобрѣтеніе колоній на Красномъ морѣ создастъ рынокъ для итальянской обрабатывающей промышленности, но ожиданія этого рода далеко не оправдались. Напр., въ серединѣ слѣдующаго десятилѣтія было ввезено въ Эритрейскую колонію товаровъ лишь на 15 милліоновъ лиръ въ годъ (1895), а управленіе ею обходилось въ 10 милліоновъ, такъ какъ доходы отъ нея оказывались самые жалкіе ($1^1/_2$ милліона лиръ при $11^1/_2$ милліонахъ расходовъ). Эти десять милліоновъ значительно обременяли плательщиковъ налоговъ, переплатившихъ въ десять лѣтъ сотню милліоновъ слишкомъ къ выгодѣ небольшого числа промышленниковъ и купцовъ. Когда въ первыхъ числахъ февраля 1887 г. сдѣлалось извѣстнымъ пораженіе итальянскаго войска отъ абессинцевъ [2]), негодованію населенія и палаты не было границъ, тѣмъ болѣе, что чуть не наканунѣ еще министръ иностранныхъ дѣлъ увѣрялъ въ полной безопасности и прочности положенія. Когда Депретисъ потребовалъ чрезвычайныхъ кредитовъ и посылки подкрѣпленій, все ему было тѣмъ не менѣе дано, и предложеніе Криспи выразить правительству недовѣріе—отвергнуто. Иначе относилась къ Депретису сама нація. Въ народѣ возбужденіе было такъ сильно, что Депретисъ предпочелъ выйти въ отставку. Кризисъ затянулся на два мѣсяца, пока не сфор-

---

[1]) См. выше, стр. 58—59.
[2]) См. выше, стр. 59.

мировался новый кабинетъ все того же, впрочемъ, Депретиса, въ восьмой разъ сдѣлавшагося премьеромъ, но зато теперь въ составѣ новаго министерства былъ старый противникъ Депретиса, Криспи, ставшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, а по смерти Депретиса и главою кабинета.

Со времени смерти Кавура, т.-е., въ сущности, съ самаго начала Итальянскаго королевства до 1887 г., въ теченіе, значитъ, цѣлой четверти вѣка Италія не выдвинула ни одного, дѣйствительно, крупнаго по своей личной силѣ, своему вліянію и значенію государственнаго человѣка, который могъ бы идти въ сравненіе съ только-что названнымъ министромъ. Впервые послѣ цѣлаго ряда лѣтъ Италія получила дѣятеля одной мѣры съ Кавуромъ въ лицѣ Криспи, котораго принято было приравнивать прямо къ Бисмарку. Человѣкъ съ бурнымъ революціоннымъ прошлымъ, страстный республиканецъ, одно время политическій эмигрантъ, сподвижникъ Гарибальди въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вѣка, Криспи съ 1864 г., какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ [1]), перешелъ на сторону монархіи, оставаясь, однако, сторонникомъ радикальной программы, въ составъ которой входили широкое муниципальное самоуправленіе, право всѣхъ грамотныхъ на участіе въ выборахъ, назначеніе депутатамъ вознагражденія, введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога, замѣна постоянной арміи народнымъ ополченіемъ, устройство дешеваго кредита для мелкихъ сельскихъ хозяйствъ и ремесленниковъ и уничтоженіе смертной казни. Къ серединѣ семидесятыхъ годовъ Криспи выдвинулся настолько впередъ, что въ 1875 г. палата депутатовъ выбрала его своимъ предсѣдателемъ, а два года спустя Викторъ-Эммануилъ далъ ему секретное порученіе объѣздить нѣкоторыя столицы съ цѣлью протеста противъ австрійскихъ замысловъ относительно Босніи и Герцеговины [2]). Во время своей дипломатической поѣздки Криспи повидался съ руководящими политическими дѣятелями разныхъ сторонъ, съ Гамбеттою, съ Дэрби, съ Бисмаркомъ, съ Андраши, по возвращеніи же на родину вошелъ въ составъ министерства Депретиса въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ [3]). Это участіе Криспи во власти было, однако, непродолжительнымъ (всего съ небольшимъ два мѣсяца), такъ какъ его недоброжелатели обвинили его въ двоеженствѣ [4]), и хотя судъ его

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. т. VI, ч. 1, стр. 348.

[2]) О томъ, что въ Италіи косо смотрѣли на эти замыслы, см. т. VI, ч. 1, стр. 416.

[3]) См. т. VI, ч. 1, стр. 341—342.

[4]) Во время своего тюремнаго заключенія въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Криспи сошелся съ тюремною прачкою, съ которою потомъ и обвѣнчался. Впослѣдствіи онъ разошелся съ этою своею женою (бывшею по отношенію къ нему весьма самоотверженнымъ другомъ) и женился на одной бо-

оправдалъ, процессъ этотъ сильно повредилъ репутаціи Криспи при дворѣ, особенно въ глазахъ королевы, не хотѣвшей и слышать о возможности для такого человѣка быть министромъ. Во всякомъ случаѣ вступленіе Криспи въ министерство Депретиса указывало на его сильный поворотъ направо, на что, равнымъ образомъ, указывала и сдѣланная имъ попытка примиренія между папствомъ и королевскою властью послѣ кончины Виктора-Эммануила. Удаленіе Криспи изъ министерства снова вернуло его въ ряды оппозиціи и къ прежнему радикализму, такъ что въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ опять занялъ боевое положеніе по отношенію къ правителиству. Въ его парламентскихъ рѣчахъ снова зазвучала демократическая нота защиты народныхъ интересовъ и противъ правительства, и противъ буржуазіи, къ чему поводы давали и избирательная реформа, и вопросъ о фабричномъ законодательствѣ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ рекомендовалъ монархіи видѣть свою настоящую опору только въ народѣ, отнюдь не въ войскѣ, не въ дворянствѣ, не въ духовенствѣ, съ каковой точки зрѣнія порицалъ правительственные шаги къ сближенію съ Ватиканомъ. Звучала въ это время въ рѣчахъ Криспи и нота, которая могла понравиться ирредентистамъ, такъ какъ, напр., въ одной изъ этихъ рѣчей было сказано нѣсколько пышныхъ фразъ о казненномъ въ Австріи итальянскомъ патріотѣ Оберданкѣ [1]). Наконецъ, и внѣшняя политика правительства часто дѣлалась въ эти годы предметомъ самыхъ рѣзкихъ нападокъ со стороны Криспи. Это замѣчаніе равносильно какъ въ отношеніи къ африканской авантюрѣ, такъ и въ отношеніи къ тройственному союзу. Особенною рѣзкостью отличались его отзывы о послѣднемъ, который онъ не стѣснялся называть чудовищемъ, заставляющимъ итальянское правительство разыгрывать роль прислужника средне-европейскихъ державъ и даже жандарма этого новаго священнаго союза.

Какъ у всякаго выдающагося человѣка, у Криспи было много недруговъ, но и много вмѣстѣ съ тѣмъ беззавѣтныхъ поклонниковъ. И тѣ, и другіе одинаково признавали его большой умъ, замѣчательную находчивость, недюжинную обаятельность, очень обширныя знанія, громадную организаторскія способности, но даже друзья и сторонники не могли отрицать того, что человѣкъ, возбуждавшій въ нихъ восхищеніе внушительностью всей своей личности, широтой своихъ замысловъ и непреклонностью своей воли, въ то же время часто проявлялъ вообще слишкомъ большую властность нрава, сказывавшуюся и въ повелительной рѣзкости его рѣчей, и въ ни передъ

гатой красавицѣ. Судъ нашелъ, что первый его бракъ не былъ законнымъ, и потому вынесъ оправдательный приговоръ.

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 349.

чѣмъ не останавливавшейся насильственности его поступковъ, и въ его обыкновеніи идти къ своей цѣли безъ оглядки, когда обстоятельства призывали къ бо̀льшей осторожности. Недруги Криспи указывали и на иные его недостатки, въ особенности на общую неэтичность его настроенія. Съ этой стороны однимъ изъ первыхъ его разгадалъ еще Мадзини, съ которымъ онъ познакомился и даже близко сошелся въ Лондонѣ въ годы своего изгнанничества. Противники Криспи впослѣдствіи даже воспользовались однимъ частнымъ письмомъ покойнаго патріота, написаннымъ въ очень нелестномъ для Криспи смыслѣ, и предали его гласности: старый революціонеръ отзывался о своемъ бывшемъ пріятелѣ, какъ о человѣкѣ безъ убѣжденій, въ поведеніи котораго главную роль играло честолюбіе и который прежде всего не забывалъ себя и въ своей старой революціонной дѣятельности. Въ заслугу Криспи многіе, не симпатизировавшіе ему лично, ставили его горячій патріотизмъ въ смыслѣ націоналистической народной гордости, вполнѣ гармонировавшей съ его личнымъ честолюбіемъ. Сдѣлавшись во второй разъ министромъ въ кабинетѣ Депретиса, Криспи не замедлилъ стать въ немъ первою фигурою, пока смерть главы министерства не очистила для него мѣста премьера. Это было, какъ мы видѣли, въ 1887 г., когда самому Криспи, родившемуся въ 1819 г., было уже подъ семьдесятъ лѣтъ. Лѣта, повидимому, были безсильны надъ этимъ энергичнымъ и трудолюбивымъ старикомъ. Къ указанному времени онъ съумѣлъ снова завоевать полное довѣріе со стороны короля, для котораго замѣна Депретиса посредствомъ Криспи была тѣмъ естественнѣе, что по важнѣйшимъ пунктамъ внутренней и внѣшней политики новый премьеръ долженъ былъ продолжать собою своего предшественника. Первымъ вопросомъ внутренней политики была борьба съ республиканцами, главною заботою политики внѣшней—поддержаніе тройственнаго союза. Еще до смерти Депретиса, мѣсяца черезъ полтора послѣ вступленія Криспи въ министерство, будущій премьеръ произнесъ въ палатѣ программную рѣчь, въ которой очень ясно показалъ, какой политики будетъ держаться. Старый другъ Мадзини и Гарибальди отрекался теперь отъ собственнаго своего прошлаго, связывавшаго имя его съ именами этихъ двухъ вождей освобожденія и объединенія Италіи,—отрекался, чтобы противопоставить ихъ „безразсудной" политикѣ мудрую политику Кавура, обуздывавшаго итальянскую революцію. Похвала знаменитому сардинскому министру въ устахъ Криспи находилась въ вопіющемъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что въ былыя времена самъ же онъ говорилъ о Кавурѣ, когда еще находился подъ властью своихъ прежнихъ радикальныхъ взглядовъ. Конечно, формально отъ Мадзини и отъ Гарибальди Криспи никогда не отрекался и даже продолжалъ ихъ восхва-

лять, какъ это было, напр., по случаю постановки имъ памятниковъ, въ которой выразилась и его собственная инициатива, но дѣло было не въ этомъ внѣшнемъ признанiи заслугъ обоихъ героевъ недавняго прошлаго въ Италiи. Подобно своему предшественнику, Криспи находилъ, что прежнiя партiйныя обозначенiя правой и лѣвой утратили свой смыслъ [1]), въ полномъ соотвѣтствiи съ чѣмъ онъ, искусно удерживая за собою лѣвую при помощи проведенiя нѣкоторыхъ либеральныхъ реформъ, перетянулъ на свою сторону часть правой („правый центръ“), шедшую за маркизомъ ди-Рудини, преемникомъ Мингетти послѣ его смерти.

Понятно, что при томъ направленiи, какое приняла дѣятельность Криспи, отъ нея и нельзя было ожидать осуществленiя радикальной программы середины шестидесятыхъ годовъ, приведенной нами выше. Криспи однѣми своими мѣрами какъ будто и продолжалъ осуществлять требованiя лѣвой, но другими онъ становился въ рѣзкое противорѣчiе со своимъ радикальнымъ прошлымъ. Къ первой категорiи мѣропрiятiй Криспи нужно прежде всего отнести секуляризацiю благотворительныхъ фондовъ (opere pie) въ видѣ недвижимостей и движимостей, на доходы отъ которыхъ, въ размѣрахъ полутораста миллiоновъ лиръ въ годъ, духовенство содержало разныя учрежденiя для призрѣнiя сиротъ, стариковъ, увѣчныхъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, больницы и т. п., тратя при этомъ много больше половины, если не двѣ трети на управленiе. Въ проведенiи отобранiя этихъ имуществъ въ казну на сторонѣ Криспи были еще радикалы, ирредентисты и соцiалисты, такъ какъ эта мѣра ослабляла силу церкви. Другимъ прогрессивнымъ дѣломъ Криспи было, въ 1889 г., введенiе новаго уголовнаго кодекса, который вытѣснилъ старинные мѣстные уголовные законы, дѣйствовавшiе еще во времена полной раздробленности Италiи, а главное—составленные въ духѣ прежняго варварства и клерикальныхъ влiянiй. Новый кодексъ, понятно, не былъ дѣломъ одного министерства Криспи. Надъ нимъ смѣнявшiяся правительства работали около двадцати лѣтъ, но честь завершенiя этого дѣла принадлежитъ Криспи. Изъ системы наказанiй новый итальянскiй кодексъ совершенно изгонялъ смертную казнь, но зато грозилъ строгими наказанiями за разныя дѣянiя, враждебныя государству, совершаемыя въ интересахъ католической церкви (напр., пользованiе церковной каѳедрой для политической агитацiи). Кромѣ того, Криспи провелъ законъ, расширявшiй компетенцiю органовъ мѣстнаго самоуправленiя, хотя, быть можетъ, и не въ томъ объемѣ, какой имъ предполагался,

---

[1]) Ср. выше, стр. 269—270.

когда онъ включалъ въ свою радикальную программу пунктъ о муниципальной автономіи.

Боевое положеніе, занятое Криспи по отношенію къ Ватикану, объясняли отместкою со стороны правительства за упорное нежеланіе папы примириться съ Квириналомъ. Эту непріязненную папству политику подчеркивало особеннымъ образомъ открытіе въ 1889 г. памятника знаменитому Джордано Бруно, сожженному въ 1600 г. за ересь на одной изъ площадей папской столицы. Клерикалы въ самомъ сооруженіи памятника на мѣстѣ казни еретика и въ торжествѣ его открытія усматривали тяжелое оскорбленіе католической церкви и ея главы. Въ близкихъ къ Льву XIII кругахъ поговаривали даже, что папѣ слѣдуетъ временно оставить Римъ. Самъ Левъ XIII очень рѣзко отозвался о нечестивомъ министрѣ и о его безбожныхъ распоряженіяхъ. Криспи отвѣчалъ ему тѣмъ же, публично заявивъ, напр., что врагъ Италіи — Ватиканъ, и что если папа, уѣхавъ изъ Рима, вздумаетъ возвратиться, то еще вопросъ, пуститъ ли его назадъ итальянское правительство. Однимъ словомъ, прежняя сдержанность по отношенію къ Ватикану была оставлена. Итальянское правительство говорило теперь такимъ тономъ, что въ Ватиканѣ поспѣшили взять назадъ свою угрозу отъѣздомъ папы.

Совсѣмъ иной обликъ получила политика Криспи въ ея отношеніяхъ къ республиканцамъ, ирредентистамъ и соціалистамъ съ одной стороны, и къ тройственному союзу, съ другой. Его отношеніе ко всякаго рода радикаламъ было сплошной репрессіей. Такъ, имъ были закрыты комитеты ирредентистовъ и запрещены кружки Барсанти и Оберданка [1]), не допущены празднества въ память послѣдняго, равно какъ и въ память римской республики 1849 г. по случаю сороковой ея годовщины и т. п. Противъ общественныхъ манифестацій оппозиціоннаго характера Криспи щедро пускалъ въ ходъ полицейскія мѣры, въ родѣ роспуска собраній или предупрежденія демонстрацій путемъ ареста агитаторовъ, не говоря уже о подавленіи вооруженною силою демонстрацій безработныхъ. Когда одинъ изъ министровъ [2]) не нашелъ нужнымъ или удобнымъ возражать на произнесенную въ его присутствіи на банкетѣ рѣчь ирредентистскаго характера, самъ Криспи настоялъ у Гумберта I, чтобы министру была дана отставка. Въ подобнаго рода случаяхъ онъ былъ вообще неумолимъ по отношенію къ слугамъ государства, которыхъ находилъ недостаточно благонадежными. Уволенъ же, напр., былъ синдикъ Рима за то, что отъ имени городского населенія принесъ поздравленіе папѣ по случаю его юбилея (1888).

---

[1]) См. т. V, ч. 1, стр. 349.

[2]) Министръ финансовъ Seismit-Doda.

Защищая монархію мѣрами строгости противъ республиканцевъ, Криспи вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и ревностнымъ охранителемъ тройственнаго союза со всѣмъ тѣмъ, что̀ его обусловливало и изъ него вытекало. Онъ выставлялъ ненавистную передовымъ элементамъ итальянскаго общества „трипличе“ и не менѣе порицавшійся ими милитаризмъ, какъ самыя вѣрныя гарантіи того, что ни папа, ни французы не осмѣлятся покуситься на итальянское единство. Націоналистическая нота, звучавшая въ его заявленіяхъ о внѣшней политикѣ Италіи, располагала въ его пользу очень многихъ патріотовъ, полагавшихъ, что̀ и Италія призвана быть великой державой, т.-е. играть роль въ общеевропейской политикѣ, содержать большія военныя силы и обладать заморскими колоніями, и обижавшихся на пренебрежительный и насмѣшливый тонъ французскихъ газетъ по этому поводу. Отношенія къ Франціи вообще были очень испорчены въ это время. Увлекаясь общимъ поворотомъ государственныхъ людей своего времени къ протекціонизму, Криспи совершенно отказался отъ кавуровскаго фритрэдерства [1]), впрочемъ, уже и раньше Криспи начавшаго уступать мѣсто противоположному направленію. Въ два года (1887 и 1888) ввозная пошлина на пшеницу была увеличена почти въ три раза, что̀ только увеличило таможенный доходъ казны и крупныхъ землевладѣльцевъ, не принесши никакой выгоды сельскому хозяйству, которое страдало отъ слишкомъ большого обремененія поземельнымъ налогомъ. Между тѣмъ протекціонистская политика Криспи привела Италію въ столкновеніе съ коммерческими интересами Франціи, объявившей своей сосѣдкѣ таможенную войну. Конечно, въ послѣдней пострадала болѣе слабая сторона, каковою была, понятное дѣло, не Франція. Весьма естественно, что разгорѣвшаяся между Франціей и Италіей таможенная война не могла содѣйствовать установленію добрососѣдскихъ отношеній между обѣими націями, но въ то же время непріязненный по отношенію къ итальянскому правительству тонъ французской печати постоянно доставлялъ Криспи поводы говорить о необходимости тройственнаго союза для безопасности Италіи. Уже въ 1887 г., едва сдѣлавшись министромъ, Криспи отправился на свиданіе съ Бисмаркомъ въ Фридрихсруэ, послѣ чего, какъ нарочно, возникли дурныя отношенія съ Франціей, начиная съ отказа Криспи возобновить торговый трактатъ 1881 года. Черезъ годъ послѣ посѣщенія Бисмарка Криспи, осенью 1888 г. посѣтилъ столицу Италіи самъ Вильгельмъ II, возложившій на Криспи знаки высшаго прусскаго ордена, „Чернаго орла“. При всякомъ удобномъ случаѣ бывшій гарибальдіецъ восхвалялъ теперь выгоды для Ита-

---

[1]) Т. V, стр. 680—681.

ліи отъ тройственнаго союза, къ числу которыхъ было прибавлено и то, что въ первый разъ повелитель могущественной націи пріѣхалъ привѣтствовать въ самомъ Квириналѣ [1]) государя объединенной Италіи. Противникамъ его политики, оказывавшейся страшно разорительною для страны, Криспи постоянно указывалъ, что только военная мощь заставляетъ иностранцевъ уважать Италію, бояться ея и дорожить союзомъ съ нею. Поэтому всѣ требованія о прекращеніи роста военныхъ расходовъ находили въ немъ упорнаго противника, имѣвшаго въ данномъ случаѣ на своей сторонѣ и самого Гумберта I. И послѣ посѣщенія Рима Вильгельмомъ II не было недостатка въ новыхъ фактахъ, свидѣтельствовавшихъ о прочности дружбы съ Германіей [2]) и о недовѣріи къ Франціи, которое заставляло Италію противъ нея вооружаться [3]). Колоніальная политика тоже пользовалась большимъ расположеніемъ Криспи. Въ 1887 г. онъ съумѣлъ навязать Абессиніи итальянскій протекторатъ и сдѣлать новыя земельныя пріобрѣтенія въ Африкѣ [4]).

Криспи оставался во главѣ правленія до 1891 г., переживъ, однако, критическое время въ началѣ 1889 г., когда остался въ меньшинствѣ по поводу своей финансовой политики. По правилу парламентаризма, которое Криспи самъ же восхвалилъ въ одной изъ первыхъ своихъ министерскихъ рѣчей, ему слѣдовало бы выйти въ отставку, но онъ нашелъ лучшимъ „ради избѣжанія ущерба для крупныхъ государственныхъ интересовъ“ только перемѣнить трехъ министровъ, въ ихъ числѣ и министра финансовъ. Дѣла государственнаго хозяйства, дѣйствительно, шли очень плохо: за четыре года къ 1 января 1891 г. превышеніе расходовъ достигало болѣе 430 милліоновъ лиръ [5]). Хотя и самъ Криспи заговорилъ объ экономіи, но и не думалъ мѣнять свой курсъ, тѣмъ болѣе, что выборы 1890 г. сильно укрѣпили его положеніе, давъ ему правительственное большинство почти въ четыре пятыхъ общаго числа депутатовъ (392 изъ 508). Этому успѣху на выборахъ отнюдь не соотвѣтствовало настоящее настроеніе націи. Нужда населенія росла, и мѣстами происходили сильные безпорядки.

---

[1]) Ср. т. V, ч. 1, стр. 120, гдѣ говорится, что раньше визиты итальянскому королю отдавались, изъ желанія не обижать папу, не въ самомъ Римѣ.

[2]) Въ 1889 г. Криспи посѣтилъ Берлинъ съ королемъ и наслѣднымъ принцемъ (въ маѣ), и Вильгельмъ II опять пріѣзжалъ въ Италію (осенью), а съ 1890 г. было свиданіе между Криспи и новымъ германскимъ канцлеромъ Каприви въ Миланѣ.

[3]) Въ 1889 г. Криспи довелъ военный бюджетъ до 403 милліоновъ лиръ, приказавъ усиливать альпійскія укрѣпленія.

[4]) См. выше, стр. 59.

[5]) Мы видѣли (стр. 264), что въ 1887 г. дефицитъ достигъ 83 милліоновъ, въ 1888 г. онъ равнялся 73 м., въ 1889 г.—230 м., а въ 1890 г.—45 м.

Въ началѣ 1889 г. въ самомъ Римѣ была революціонная манифестація по поводу безработицы съ разными эксцессами, въ родѣ битья оконъ и разграбленія магазиновъ и съ криками противъ династіи и „злодѣя“ Криспи. Инцидентъ вызвалъ въ палатѣ запросъ, заставившій самого премьера заявить о бѣдственномъ экономическомъ положеніи народныхъ массъ. Вскорѣ послѣ этого былъ сдѣланъ другой запросъ подобнаго же рода, на этотъ разъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ. Криспи и палата отдѣлывались обѣщаніями и мелкими подачками наиболѣе нуждающимся, и тѣмъ рѣзче бросалась въ глаза очень крупная сумма, назначенная на путешествіе короля въ Германію. Волновались не одни городскіе рабочіе, но и крестьяне. Не прошло болѣе трехъ дней послѣ запроса о крестьянской нуждѣ, какъ вспыхнулъ бунтъ среди сельскаго населенія Ломбардіи, сопровождавшійся поджогами и грабежами помѣщичьихъ усадебъ и прекращенный лишь дней черезъ десять военными отрядами. Народныя волненія не могли не вызвать усиленной дѣятельности революціонныхъ организацій, но Криспи зналъ, какъ съ ними бороться. Къ концу года наступило успокоеніе, принятое за признакъ того, что экономическій кризисъ пошелъ на убыль. По крайней мѣрѣ, таковъ былъ смыслъ одного мѣста въ тронной рѣчи, которою Гумбертъ I открывалъ осенью парламентскую сессію. Упомянутый успѣхъ выборовъ 1890 г. еще болѣе утвердилъ правительство въ мысли, что все обстоитъ благополучно. И если тѣмъ не менѣе вскорѣ послѣ этого Криспи долженъ былъ выйти въ отставку, то это была чистая случайность, не имѣвшая ничего общаго съ народнымъ недовольствомъ. Въ палатѣ обсуждался въ январѣ 1891 г. бюджетъ. Во время преній, возражая вождю крайней правой Бонги, бывшему въ 1874 — 76 гг. министромъ, Криспи, вообще не отличавшійся сдержанностью въ словахъ, попрекнулъ его тѣмъ, что онъ былъ членомъ правительства, отличавшагося „сервилизмомъ по отношенію къ иностранцамъ“. Уже одно это должно было вызвать сильное раздраженіе всей правой, такъ какъ Криспи говорилъ о времени, когда она была у власти, но онъ сдѣлалъ ей еще болѣе рѣзкій вызовъ, сказавъ, что „предстоящее голосованіе должно показать иностранцамъ, желаетъ ли Италія имѣть сильное правительство или предпочитаетъ возвратиться ко временамъ правительствъ, которыя своими колебаніями и нерѣшительностью дискредитировали страну“. Правая вся, равно какъ правый центръ, во главѣ котораго стоялъ расположенный къ министерству ди-Рудини, а съ ними и вся крайняя лѣвая вотировали противъ Криспи. Ему осталось подать въ отставку. На этотъ разъ Гумбертъ I поручилъ составленіе новаго министерства ди-Рудини.

За отставкою Криспи въ Италіи послѣдовала довольно частая

смѣна министерствъ. Съ февраля 1891 по май 1892 г. во главѣ правленія мы видимъ ди-Рудини, затѣмъ съ мая 1892 по декабрь 1893 г. — Джіолитти, пока Криспи снова не становится у власти на нѣсколько болѣе продолжительное время—съ декабря 1893 по мартъ 1896 г., чтобы вторично уступить мѣсто ди-Рудини, министерство котораго просуществовало съ небольшимъ два года—до іюня 1898 г., когда оно уступило мѣсто министерству крайняго консерватора Пеллу [1]) Прибавимъ къ этому, что во второе свое министерство ди-Рудини вынужденъ былъ три раза производить измѣненія въ его составѣ, и что въ 1899 г. Пеллу тоже подавалъ въ отставку и остался лишь въ переформированномъ кабинетѣ. Несмотря на эту свою непрочность, итальянскія министерства послѣдняго десятилѣтія XIX в. всегда одерживали блестящую побѣду на выборахъ каждый разъ, когда находили нужнымъ распустить палату. Въ концѣ 1892 г. такъ поступилъ Джіолитти, получившій весьма значительное большинство на новыхъ выборахъ; такъ поступилъ весною 1894 г. и Криспи, равнымъ образомъ имѣвшій большой успѣхъ на послѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ. Къ новымъ выборамъ для упроченія своего положенія прибѣгъ и ди-Рудини во второе министерство (въ 1897) и тоже не ошибся въ расчетѣ [2]). Главнымъ камнемъ преткновенія этихъ министерствъ были финансы, такъ какъ они оставались всегда самымъ слабымъ мѣстомъ внутренней политики, и потому на нихъ легче всего бывало вообще провалить министерство. Такъ было съ первою отставкою ди-Рудини. Въ отставкѣ Джіолитти финансовый вопросъ осложнился некрасивыми операціями министра торговли и одного близкаго пріятеля премьера въ римскомъ банкѣ [3]). Причины паденія послѣдняго министерства Криспи и второго министерства ди-Рудини были, впрочемъ, иныя: первый палъ вслѣдствіе новаго пораженія итальянскаго войска въ Африкѣ, второй—вслѣдствіе страшныхъ внутреннихъ волненій.

Лозунгомъ своей политики ди-Рудини въ 1891 г. объявилъ возможно бòльшую экономію, въ зависимости отъ чего былъ значительно сокращенъ, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, общій размахъ внѣшней политики Италіи. Дѣйствительно, въ бюджетѣ начались сокращенія, между прочимъ, особенно по отношенію къ военному

---

[1]) Министерство Pelloux просуществовало до іюня 1900 г.

[2]) Подобный же фактъ имѣлъ мѣсто и въ 1900 г. при Пеллу.

[3]) Этотъ банкъ незаконнымъ образомъ выпустилъ лишнихъ билетовъ на 35 милліоновъ и давалъ въ ссуду деньги безъ достаточныхъ гарантій нѣкоторымъ депутатамъ и сановнымъ лицамъ. Когда по поводу этихъ операцій было предложено образовать въ парламентѣ слѣдственную коммиссію, ди-Рудини этому сопротивлялся три мѣсяца. Докладъ этой коммиссіи и заставилъ его уйти.

вѣдомству, такъ что роспись доходовъ и расходовъ на 1892 г. была нетолько сведена безъ дефицита, но даже обѣщала нѣкоторое превышеніе доходовъ. Тѣмъ не менѣе какъ-разъ на почвѣ одного финансоваго вопроса, именно повышенія налоговъ и совершилось паденіе кабинета вслѣдствіе крайней непрочности большинства, составлявшагося нерѣдко въ зависимости отъ чисто случайныхъ комбинацій. Министерство Джіолитти тоже хотѣло быть экономнымъ, но обострившіяся отношенія къ Франціи вызвали со стороны парижской биржи настоящее объявленіе войны итальянскимъ финансамъ, повлекшее за собою паденіе итальянской ренты и курса бумажныхъ лиръ. Криспи, возвратившись въ 1893 г. къ власти, долженъ былъ особенно считаться съ финансовымъ разстройствомъ, такъ какъ дефицитъ въ 1894 г. снова достигъ громадной цифры 177 милліоновъ лиръ. Если не для полнаго покрытія дефицита, то, по крайней мѣрѣ, для его уменьшенія было милліоновъ на тридцать сокращено расходовъ и введено новыхъ налоговъ на цѣлую сотню милліоновъ. Нѣкоторое улучшеніе дѣлъ могъ отмѣтить только ди-Рудини во второе свое министерство, представивъ палатѣ въ концѣ 1897 г. бюджетъ съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами на 16 милліоновъ лиръ. Улучшеніе оказалось, однако, непрочнымъ, и въ XX столѣтіе Италія вступила съ крайне печальнымъ состояніемъ финансовъ.

Нечего повторять, что одною изъ причинъ такого разстройства итальянскаго государственнаго хозяйства, кромѣ, конечно, общаго экономическаго упадка, въ какомъ находилась страна, было и направленіе внѣшней политики, державшее Италію въ тискахъ тройственнаго союза, приводившее ее къ столкновеніямъ съ Франціей и впутывавшее въ дѣла далекой Африки.

Когда Криспи въ 1891 г. вышелъ въ отставку, за предѣлами Италіи ожидали новаго курса въ международной политикѣ этого государства, и, дѣйствительно, министерствомъ ди-Рудини въ этомъ направленіи какъ будто бы и сдѣланы были кое-какія обѣщанія въ смыслѣ отказа отъ слишкомъ активной политики въ Африкѣ и улучшенія отношеній къ Франціи, но тройственный союзъ и новымъ министромъ былъ признанъ за основу всей международной политики Италіи. Ди-Рудини даже поторопился еще до истеченія срока союза его возобновить; это было сдѣлано итальянскимъ правительствомъ уже во второй разъ со времени вступленія Италіи въ тѣсное соглашеніе съ Германіей и Австро-Венгріей [1]). Впрочемъ, ди-Рудини считалъ нужнымъ всегда подчеркивать, что союзъ этотъ отнюдь не ставитъ себѣ какихъ-либо аггрессивныхъ цѣлей, а существуетъ исключи-

---

[1]) О первомъ возобновленіи см. выше, стр. 269, прим.

тельно для поддержанія территоріальной цѣлости Италіи и общаго мира. При Джіолитти, въ 1892 и 1893 гг., государи Италіи и Германіи еще два раза засвидѣтельствовали передъ всѣмъ свѣтомъ о своей солидарности свиданіями въ Берлинѣ и въ Римѣ, равно какъ поѣздкою итальянскаго наслѣднаго принца на осенніе маневры германской арміи около Меца. Французы были очень задѣты этой поѣздкой наслѣдника итальянскаго престола въ городъ, съ которымъ у нихъ было соединено столько непріятныхъ воспоминаній изъ войны 1870 г. и который еще такъ недавно былъ отнятъ у Франціи нѣмцами. Одна случайная схватка между итальянскими и французскими рабочими (въ Эгъ-Мортъ) подлила масла въ огонь, и на этомъ разъ задѣтыми считали себя итальянцы. Пресса обѣихъ странъ стала опять разжигать взаимную національную вражду, но у французовъ нашлось оружіе и посильнѣе, такъ какъ именно въ это время происходилъ въ Парижѣ биржевой походъ на итальянскія процентныя бумаги и бумажныя деньги. Возвращеніе Криспи къ власти въ 1893 г., разумѣется, не могло измѣнить отношенія Италіи къ тройственному союзу, но въ колоніальной политикѣ Криспи снова пустился въ рискованныя предпріятія.

Ди-Рудини въ первое свое министерство отказался отъ политики расширенія итальянскихъ владѣній въ Африкѣ, но Криспи совершенно вышелъ изъ болѣе скромныхъ рамокъ, оставленныхъ ему въ наслѣдство его предшественниками, и предпринялъ новыя завоеванія въ Африкѣ. Въ этомъ отношеніи онъ, дѣйствительно, оказался для Италіи „роковымъ человѣкомъ", какимъ его считалъ Гладстонъ. Въ зиму съ 1895 на 1896 г. итальянская армія понесла въ Африкѣ рядъ пораженій отъ абессинскаго негуса Менелика, изъ которыхъ одно было полнымъ разгромомъ: ихъ десятитысячнаго отряда генерала Баратьери одни пали на полѣ битвы, другіе и вся артиллерія попали въ плѣнъ. Извѣстіе объ этомъ несчастьѣ вызвало во всей Италіи настоящую бурю негодованія, приведшую Криспи къ вторичному паденію. Общественное мнѣніе во всемъ обвиняло его одного и требовало его отставки. Криспи даже не рѣшился подъѣхать къ парламенту, чтобы пройти въ него черезъ обычную дверь, такъ какъ здѣсь стояла грозно настроенная толпа, ожидавшая премьера съ весьма опасными для него намѣреніями. Онъ долженъ былъ найти для себя другой ходъ, гдѣ могъ бы проскользнуть незамѣченнымъ, но и въ парламентъ онъ явился только для заявленія, что король принялъ отставку кабинета [1]). Его преемникъ, ди-Рудини, долженъ былъ за-

---

[1]) Въ послѣдній періодъ дѣятельности Криспи относительно него стали дѣлаться скандальныя разоблаченія. Еще по банковому дѣлу, изъ-за котораго

явить, что Италіи ничего не остается болѣе, какъ отказаться отъ всякой мысли о войнѣ въ Африкѣ, которая потребовала бы посылки туда арміи тысячъ въ полтораста и страшныхъ денежныхъ тратъ, а это было бы совсѣмъ не подъ силу Италіи, опять вынужденной прибѣгнуть и безъ того къ внутреннему займу. Осенью того же года миръ съ Абессиніей былъ, дѣйствительно, заключенъ на основахъ отказа Италіи отъ протектората надъ Абессиніей, возвращенія ей захваченной при Криспи области и уплаты негусу десяти милліоновъ лиръ за содержаніе итальянскихъ солдатъ, попавшихъ въ абессинскій плѣнъ [1]). Ликвидировавъ абессинскую авантюру, ди-Рудини сталъ при помощи министра иностранныхъ дѣлъ (Висконти-Веноста) искать сближенія съ Россіей и Франціей, не порывая, однако, съ тройственнымъ союзомъ. Сближенію съ Россіей помогло вступленіе осенью 1896 г., итальянскаго наслѣдника въ бракъ съ черногорскою княжною, находившеюся въ родствѣ съ русскимъ императорскимъ домомъ и получившею образованіе въ Россіи. Незадолго до свадебныхъ торжествъ Италія заключила торговый трактатъ съ Тунисомъ, признававшій права французскаго протектората надъ этою страною. Черезъ два года послѣ этого, уже въ министерство Пеллу, былъ заключенъ торговый договоръ и съ самой Франціей, въ которомъ обѣ стороны дѣлали одна другой уступки въ смыслѣ пониженія таможенныхъ ставокъ, причемъ обѣ онѣ признавали одна за другою права наиболѣе благопріятствуемой націи.

Если, такимъ образомъ, внѣшняя политика стала отдѣлываться, въ послѣдніе годы XIX в., отъ тяжкихъ ошибокъ криспіанской политики, то внутреннее положеніе страны все еще продолжало оставаться весьма печальнымъ. Мы уже видѣли, какъ неспокоенъ былъ въ Италіи 1889 годъ [2]). Въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. нищета

совершилось паденіе министерства Джіолитти (см. выше, стр. 279), обнаружилось, что о злоупотребленіяхъ зналъ, но молчалъ и ничего не дѣлалъ для ихъ прекращенія одинъ изъ членовъ министерства Криспи. Нѣсколько позже депутатъ Кавалотти и парижскій „Figaro“ обнародовали документы, доказывавшіе, что жена Криспи тоже брала изъ банковъ на свои надобности большія суммы денегъ (чуть не цѣлый милліонъ лиръ), и что самъ министръ выхлопоталъ за деньги одинъ итальянскій орденъ французскому публицисту Корнелію Герцу. Эти разоблаченія, по поводу которыхъ сторонники Криспи поднимали вопросъ о подлинности документовъ, компрометирующихъ Криспи, вызвали рядъ очень бурныхъ засѣданій палаты. Однако, палата отказалась предать его суду, самъ же онъ счелъ нужнымъ, сложивъ съ себя полномочія, подвергнуть себя вторичному избранію, окончившемуся для него весьма благополучно. Послѣ своей отставки Криспи прожилъ около пяти лѣтъ (ум. въ 1901 г.).

[1]) Генералъ Баратьери судился потомъ военнымъ судомъ, но былъ оправданъ.

[2]) См. выше, стр. 278.

и безработица особенно часто вызывали народныя волненія, принимавшія въ иныхъ мѣстахъ,—именно въ областяхъ бывшаго Неаполитанскаго королевства, — совершенно характеръ былого бандитизма неаполитанской каморры и сицилійской мафіи. Въ другихъ случаяхъ народное недовольство выражалось и въ болѣе новыхъ формахъ анархизма, получившаго въ Италіи особенно широкое развитіе: это былъ активный анархизмъ, дѣйствовавшій преимущественно при помощи взрывчатыхъ веществъ. Чисто соціалистическая пропаганда въ Италіи съ середины восьмидесятыхъ годовъ тоже дѣлала большіе успѣхи— среди городскихъ рабочихъ, главнымъ образомъ, на сѣверѣ и среди крестьянъ, преимущественно на югѣ, между прочимъ, въ Сициліи съ ея невозможными аграрными отношеніями [1]). Однимъ изъ признаковъ экономическаго упадка Италіи, страны преимущественно сельскаго хозяйства, было постоянное пониженіе урожаевъ пшеницы: въ первую половину семидесятыхъ годовъ средній ея урожай опредѣлялся тридцатью восемью съ половиною милліоновъ центнеровъ, въ пятилѣтіе, захватывающее конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ онъ понизился уже до трицати пяти милліоновъ, а въ соотвѣтствующее пятилѣтіе черезъ десять лѣтъ (съ крайне неблагопріятными 1888 и 1889 годами) для опредѣленія средняго урожая приходится уже принять только двадцать восемь милліоновъ центнеровъ. Въ послѣднемъ изъ указанныхъ годовъ были прямо смертные случаи на почвѣ хроническаго голоданія. Въ то время, какъ среди городскихъ рабочихъ въ исходѣ XIX вѣка распространялось ученіе нѣмецкой соціалъ-демократіи, крестьянское движеніе выразилось въ своеобразной формѣ особыхъ рабочихъ союзовъ (fasci dei lavoratori), имѣвшихъ на первыхъ порахъ своею цѣлью организацію низшихъ классовъ сельскаго населенія для участія въ муниципальныхъ выборахъ и только позднѣе вступившихъ на почву соціальной борьбы, да и то съ характеромъ болѣе этическихъ, нежели экономическихъ требованій. Въ Сициліи, насчитывающей только три милліона жителей, въ началѣ девяностыхъ годовъ членовъ этихъ крестьянскихъ союзовъ было уже около трехсотъ тысячъ, что̀ составляло одну десятую всего населенія.

Въ самомъ началѣ послѣдняго министерства Криспи положеніе дѣлъ въ Сициліи было крайне напряженнымъ: можно сказать, на

---

[1]) Объ аграрныхъ отношеніяхъ въ Сициліи еще въ серединѣ семидесятыхъ годовъ была написана *Sonnino* книга подъ заглавіемъ „I contadini in Sicilia" (1876), о которой мною была помѣщена статья въ московскомъ „Критическомъ Обозрѣніи" за 1879 годъ. Авторъ этого интереснаго труда съ 1880 г. началъ играть политическую роль и входилъ въ составъ кабинетовъ Криспи, а въ 1906 г. и самъ становился въ главѣ кабинета.

островѣ начиналась настоящая революція. Криспи не остановился передъ самыми суровыми мѣрами для подавленія волненія. Именно, Сицилія была имъ объявлена въ осадномъ положеніи; былъ посланъ на островъ военный генералъ съ чрезвычайными полномочіями; были приведены въ движеніе военные суды и т. п., и въ два мѣсяца Сицилія оказалась успокоенною [1]). Особыя мѣры по отношенію къ Сициліи принимались и ди-Рудини во время его второго министерства, но уже болѣе гуманнаго, хотя и крайне недостаточнаго свойства. Но какъ-разъ этому министерству пришлось пасть изъ-за новой крупной вспышки народнаго недовольства. 1898 г. былъ опять необычайно бурнымъ [2]). Волненія вызваны были въ этомъ году вздорожаніемъ хлѣба. Началось движеніе въ Сициліи, откуда перешло на полуостровъ. Въ первыхъ числахъ мая были настоящіе бунты въ Равеннѣ, въ Пизѣ, въ Ливорно, но особенно большіе размѣры—съ баррикадами и съ уличнымъ боемъ—приняло народное возстаніе въ Миланѣ, гдѣ было съ обѣихъ сторонъ много убитыхъ и раненыхъ. Это происшествіе и было непосредственнымъ поводомъ паденія второго министерства ди-Рудини, въ которомъ произошло крупное разногласіе по вопросу о способѣ успокоенія населенія. Переходъ власти къ отличившемуся крайнимъ консерватизмомъ Пеллу́ хорошо объясняетъ показываетъ, въ какомъ направленіи былъ разрѣшенъ спорный вопросъ.

Впрочемъ, суровыя репрессіи сдѣлались обычнымъ пріемомъ всѣхъ итальянскихъ министерствъ разсматриваемаго періода. Мы только что видѣли, какъ поступилъ Криспи съ Сициліей, но это было лишь продолженіемъ того, что онъ раньше дѣлалъ по отношенію къ республиканцамъ, ирредентистамъ и соціалистамъ. Анархистское покушеніе на жизнь самого Криспи въ іюлѣ 1894 г. и убіеніе правительственнаго публициста Бонди имѣли своимъ результатомъ принятіе противъ анархизма законовъ, дававшихъ правительству возможность дѣйствовать сурово и вообще противъ всякихъ оппозиціонныхъ проявленій. У Криспи въ это время былъ даже планъ добиться отъ парламента временной (на одинъ годъ) пріостановки дѣйствія конституціи съ передачею на этотъ срокъ всей полноты власти королю, но онъ не рѣшился на эту мѣру и ограничился только тѣмъ, что фактически полгода управлялъ безъ парламента: закрывъ въ концѣ 1894 г. сессію, онъ потомъ объявилъ роспускъ палаты и назначилъ новые выборы только въ маѣ, постаравшись дать самый широкій просторъ административному

[1]) См. во II т. „Исторіи соціализма въ Италіи“ *Анджіолини* (по рус. пер. 1907 г. стр. 64—129) главу подъ названіемъ „Сицилійскія движенія 1893—1894 гг. и буржуазная реакція“.

[2]) Тамъ же, стр. 218—285 подъ заглавіемъ „Волненія и реакція въ Италіи въ 1898 г.“.

давленію на избирателей. Подъ разными благовидными, но очень часто совершенно неосновательными предлогами изъ избирательныхъ списковъ вычеркивались непріятныя имена, а оппозиціонныя собранія разгонялись. Выборы нѣкоторыхъ крайнихъ были кассированы. Особенно казался правительству опаснымъ ростъ голосовъ, подававшихся за соціалистическихъ кандидатовъ: въ предыдущихъ выборахъ ихъ было 26 т., а теперь 55 т. Когда ди-Рудини распустилъ палату и назначилъ новые выборы, то на нихъ соціалистическихъ голосовъ было подано уже 134 тысячи.

Министерство Пеллу къ борьбѣ съ республиканцами, соціалистами и анархистами путемъ стѣсненій свободы прессы и собраній прибавило еще борьбу со стачками путемъ замѣны рабочихъ солдатами, когда къ этому представлялась какая-либо возможность. Напр., нижніе воинскіе чины посылались для исполненія обязанностей желѣзно-дорожной, почтовой и т. п. службы. Пеллу уже оставилъ въ сторонѣ всякія церемоніи со свободой, не обращая ни малѣйшаго вниманія на протесты парламентской оппозиціи, возмущавшейся режимомъ безпощадной полицейской репрессіи. Первый свой кабинетъ онъ составилъ съ допущеніемъ въ него нѣкоторыхъ, правда второстепенныхъ представителей лѣвой, но, подавъ въ маѣ 1899 г. въ отставку и получивъ отъ короля порученіе составить новое министерство, онъ образовалъ второй свой кабинетъ изъ однихъ членовъ правой, послѣ чего внесъ въ палату крайне реакціонный законопроектъ о печати и собраніяхъ. Дабы помѣшать проведенію придуманныхъ министерствомъ мѣръ, лѣвая обратилась къ обструкціи, приведшей къ двукратнымъ отсрочкамъ сессіи, и за этимъ въ теченіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ до очени 1899 г. продолжался режимъ крайняго произвола, находившій поддержку и въ дѣятельности судовъ по дѣламъ объ оскорбленіи величества, по дѣламъ печати и пр. Еще вслѣдъ за первою отсрочкою сессіи Пеллу пытался провести свой проектъ въ формѣ королевскаго декрета (decreto-legge), идущаго потомъ на одобреніе палатъ [1]). Созвавъ парламентъ въ ноябрѣ 1899 г., министерство сначала провело бюджетъ, а потомъ снова стало добиваться одобренія „decreto-legge", настоявъ на измѣненіи парламентскаго наказа въ такомъ направленіи, чтобы сдѣлать невозможною обструкцію. Когда и это не помогло (обструкція продолжалась и при новомъ регламентѣ), палата была распущена, и хотя выборы дали въ общемъ правительственное большинство, однако, и оппозиція вернулась съ

[1]) О злоупотребленіи въ Италіи правомъ изданія декретовъ и ордонансовъ въ Италіи см. у *Лоуэлля*. Правительства и политическія партіи, стр. 110. Предпочтеніе декретовъ передъ законами онъ считаетъ даже особенностью латинской расы, стр. 112.

значительно увеличенными силами, такъ что Пеллу предпочелъ выйти въ отставку. Прибавимъ, что въ самомъ концѣ XIX в. и особенно при Пеллу Италія принимала участіе, вмѣстѣ съ другими европейскими державами, въ улаженіи ближне-и дальне-восточныхъ дѣлъ.

Съ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ отставки Пеллу окончилось и царствованіе Гумберта I катастрофой 29 іюля того же 1900 г.: во время проѣзда короля въ Монцу (около Милана) онъ былъ убитъ анархистомъ Анджело Бреши.

Это событіе даетъ намъ поводъ нѣсколько остановиться здѣсь на развитіи въ Италіи анархизма.

О болѣе ранней исторіи итальянскаго анархизма у насъ уже была въ своемъ мѣстѣ рѣчь [1]), и мы видѣли, что въ шестидесятыхъ и особенно въ семидесятыхъ годахъ анархистская пропаганда въ Италіи нашла для себя особенно благопріятную почву. Можно даже сказать, что Италія сдѣлалась классическою страною анархизма. Сколько, во-первыхъ, было напечатано и въ самой Италіи, и внѣ ея, но на итальянскомъ языкѣ, анархистскихъ изданій, т.-е. книгъ, брошюръ, листковъ и даже журналовъ, и сколько можно назвать итальянскихъ именъ среди теоретиковъ и пропагандистовъ анархизма [2]). Во-вторыхъ, на почвѣ Италіи собиралось нѣсколько анархистскихъ съѣздовъ, бывшихъ какъ бы продоженіемъ конгрессовъ Интернаціонала. Первый изъ нихъ былъ въ 1876 г. въ Болоньѣ вскорѣ послѣ кончины Бакуника, а мѣсяцъ спустя другой, въ Эзи и еще одинъ съѣздъ въ концѣ года во Флоренціи. Правда, слѣдующіе съѣзды происходили внѣ Италіи и вскорѣ (1882) прекратились, чтобы возобновиться лишь черезъ восемь съ половиною лѣтъ, но первымъ съѣздомъ послѣ такого перерыва былъ опять-таки итальянскій (въ Каполаго), положившій начало „Итальянской федераціи революціонной партіи соціалистовъ-анархистовъ". Въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. анархизмъ дѣлалъ въ Италіи все бòльшіе и бòльшіе успѣхи, особенно когда въ 1897 г. вернулся на родину изъ Лондона Эррико Малатеста, одинъ изъ видныхъ теоретиковъ анархизма и агитаторовъ, и занялся переустройствомъ и оживленіемъ анархистскихъ группъ. Въ концѣ 1898 г. сразу были основаны новыя анархистскія группы въ Римѣ, въ Падуѣ, въ Бергамо, въ Генуѣ, въ Реджіо ди-Калабрія, въ Виченцѣ, въ Специи, въ Пизѣ и т. д. На этотъ же періодъ падаетъ и сильный расцвѣтъ анархистской агитаціонной литературы въ Италіи. Въ этихъ кружкахъ развивалась и теорія „пропаганды дѣйствіемъ" [3]), по поводу которой велась полемика.

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 74, 78—79 и 350—351.
[2]) См., напр., въ книгѣ *Цѳкколи* „Анархизмъ".
[3]) Ср. выше, стр. 183.

Въ ней, напр., участвовали упомянутый Малатеста, бывшій еще въ семидесятыхъ годахъ однимъ изъ агитаторовъ пропаганды дѣйствіемъ, и Анри, находившій его мнѣнія еще недостаточно радикальными и самъ впослѣдствіи совершившій извѣстное покушеніе въ кафе [1]). Она примѣнялась не въ одной Италіи, но особенно видныя убійства совершены были итальянцами. Итальянскій анархистъ Казеріо убилъ въ 1894 г. президента французской республики Карно [2]), какъ тоже итальянскій анархистъ Лукени убилъ въ 1898 г. въ Женевѣ австрійскую императрицу Елизавету. Гаэтанé Бреши, убившій Гумберта I, былъ третьимъ, въ короткое время совершившимъ аналогичное преступленіе. „Акты“ Казеріо и Бреши со стороны анархистовъ вызвали апологіи. Одна изъ нихъ, напечатанная въ Лондонѣ для тайнаго распространенія въ Италіи, была составлена Малатестой, который, заявляя о своемъ „внутреннемъ и принципіальномъ отвращеніи къ насилію“, тѣмъ не менѣе оправдывалъ его съ точки зрѣнія „необходимости бороться со зломъ при помощи удобныхъ и дѣйствительныхъ средствъ“.—Параллельно съ анархизмомъ шло въ Италіи и развитіе соціализма. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что около 1880 г. соціальное движеніе переживало кризисъ вслѣдствіе разочарованія въ лозунгахъ и попыткахъ семидесятыхъ годовъ [3]). Во-первыхъ, въ рабочемъ классѣ, стали развиваться, съ одной стороны, профессіональное движеніе, съ другой, бóльшій интересъ къ парламентской и муниципальной жизни. Во-вторыхъ, въ интеллигенціи съ теченіемъ времени началъ распространяться марксизмъ. Произошло это, однако, довольно поздно. „Марксистовъ,—говоритъ Зомбартъ [4]), о началѣ девяностыхъ годовъ,—въ то время въ Италіи было только двое: Антоніо Лабріола, профессоръ философіи, и Анна Кулешова, жена юнаго Филиппо Турати“, который и былъ первымъ адептомъ новаго ученія. „И вотъ, продолжаетъ Зомбартъ, Италія стала исполинскими шагами догонять то, что упустила. Въ теченіе 1890-хъ годовъ съ быстротою вихря распространялось по всему полуострову ученіе современнаго соціализма, благодаря, главнымъ образомъ, еженедѣльному журналу „La critica sociale“, издававшемуся подъ талантливымъ руководствомъ четы Турати. И, прибавляетъ Зомбартъ, вскорѣ Италія закишѣла марксистами всѣхъ оттѣнковъ. Послѣ нѣмецкой, говоритъ онъ еще, итальянская марксистская литература, можетъ быть, самая обширная“. — „Внѣшніе успѣхи соціалъ-демократіи въ Италіи, читаемъ мы у того же автора

---

[1]) О немъ выше, стр. 183.

[2]) См. выше, стр. 167 и 184.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 351—352.

[4]) *Вернеръ Зомбартъ.* Соціализмъ и соціальное движеніе (2 изд., дополненное по 6 нѣм. изд.), стр. 322.

нѣсколько дальше [1]), очень значительны: число соціалистическихъ голосовъ съ 1892 г., когда оно равнялось 26.000, увеличилось до 135.000 въ 1897 г., до 164.946 въ 1900 г., до 301.525 въ 1904 г. Число депутатовъ соціалъ-демократовъ возрастало за эти годы въ такомъ порядкѣ: 6, 16, 32, 32. Около сотни городскихъ управъ въ рукахъ соціалистовъ".

1892 годъ, на который указываетъ Зомбартъ, это — годъ соціалистическаго конгресса въ Генуѣ, на который, говоря словами опять-таки того же автора, „собралась пестрая смѣсь соціалистовъ-утопистовъ, анархистовъ, мадзинистовъ, республиканцевъ, представителей полупатріархальныхъ рабочихъ союзовъ, полубуржуазныхъ вспомогательныхъ кассъ и т. д.".—„На генуэзскомъ конгрессѣ,—такъ оцѣниваетъ его значеніе спеціальный историкъ итальянскаго соціализма Анджіолини [2]),—умерла анархическая партія и родилась итальянская соціалистическая партія. На генуэзскомъ конгрессѣ соціалисты отдѣлились отъ анархистовъ и совсѣмъ уничтожили рабочую партію, существованіе которой сдѣлалось излишнимъ" [3]). Вѣрнѣе сказать, съ генуэзскаго конгресса начинается господство соціалъ-демократіи въ рабочемъ движеніи Италіи. По даннымъ, которыми пользовался Анджіолини, число дѣйствительныхъ членовъ соціалистической партіи съ 1892 г. по 1893 г. возрасло до 120 т. человѣкъ, а обществъ, зарегистрованныхъ въ качествѣ соціалистическихъ, до 270. Любопытно, что въ составъ этой организаціи вошли въ 1893 г. крестьянскіе союзы Мантуанской области, такъ что итальянская соціалъ-демократія сразу стала пускать корни и въ сельскомъ населеніи. Въ 1893 г. въ Италіи особенно широко было отпраздновано и „первое мая", день, для котораго оффиціальный органъ партіи „Lotta di classe" [4]) былъ отпечатанъ въ количествѣ 600 т. экземпляровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сразу въ Италіи получила большое развитіе соціалистическая періодическая пресса. Наконецъ, столь быстро наладившееся движеніе вошло въ непосредственныя связи съ соціализмомъ и въ другихъ странахъ. На партійный съѣздъ 1893 г. въ эмилійскомъ Реджіо (Reggio nell'Emilia) даже пріѣхали бельгійскіе соціалисты Вандервельдъ и де-Брукеръ. Такъ какъ радикальныя газеты писали объ этомъ конгрессѣ, что на немъ соціалисты соединятся съ родственными партіями, то „Lotta di classe" заявила, что для соціалистовъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія

---

[1]) Тамъ же, стр. 326.

[2]) *А. Анджіолини.* Исторія соціализма въ Италіи (1907), II, 19.

[3]) Дѣло идетъ о рабочей партіи, возникшей въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, но не игравшей большей роли, хотя она и стояла въ связи съ рабочими союзами (fasci).

[4]) „Борьба классовъ".

классовой борьбы, никакихъ „родственныхъ“ партій нѣтъ и быть не можетъ. Во время этого же конгресса партія пріобрѣла видныя умственныя силы въ лицѣ Энрико Ферри и Эдмондо де-Амичиса. Первый изъ нихъ, извѣстный криминалистъ, стоявшій на точкѣ зрѣнія антропологической школы Ломброзо, по которой преступленія порождаются физіологическою и психологическою организаціей преступниковъ, сначала полемизировалъ противъ Турати по поводу основной мысли его брошюры „Il delitto e la questione sociale“ о происхожденіи преступности изъ нищеты, невѣжества и т. п. Мало-по-малу, однако, онъ самъ сталъ на эту точку зрѣнія и на конгрессѣ 1893 г. объявилъ себя соціалистомъ. Съ де-Амичисомъ произошло еще болѣе рѣзкое превращеніе. Приблизительно до 1890 г. этотъ талантливый разсказчикъ и поэтъ прославлялъ Савойскій домъ и военные подвиги итальянской арміи, но задумавъ написать романъ, посвященный празднованію перваго мая [1]), сталъ для этого собирать матеріалы и самъ увлекся соціализмомъ до такой степени, что уже въ 1892 г. выставилъ свою кандидатуру на выборахъ въ палату, какъ соціалистъ. Вообще къ соціализму въ Италіи стали присоединяться въ значительномъ количествѣ ученые, литераторы, публицисты [2]).

„Время между 1892 и 1897 годами, говоритъ Анджіолини, было однимъ изъ лучшихъ періодовъ въ жизни итальянскаго соціализма .... просто потому, что его пропаганда не встрѣчала препятствій, потому что тогда не было опасно основывать соціалистическіе кружки и общества, устраивать соціалистическіе рефераты, писать въ партійныхъ газетахъ и публично высказывать свои убѣжденія: министерство Джіованни Джіолитти позволяло дѣлать все это“ [3]). Это было время новыхъ конгрессовъ, дальнѣйшей разработки программы и пар-

---

[1]) Первое мая праздновалось въ Италіи съ самаго начала объявленія этого дня праздникомъ труда и, напр., въ 1891 г. сопровождался волненіями въ Римѣ, во Флоренціи и въ др. мѣстахъ.

[2]) См. объ этомъ на страницѣ 46 и слѣд. II тома книги *Анджіолини*, который самъ—профессоръ. Не всѣ они, однако,—правовѣрные марксисты, даже, раздѣляя, напрм., теорію экономическаго матеріализма, какъ это можно сказать, положимъ, о Лоріа, авторѣ книгѣ „La teoria economica della costituzione politica“ (1886), болѣе извѣстной во французской передѣлкѣ (Les bases économiques de la constitution sociale, 1893), о которой въ русской литературѣ писали *М. Я. Герценштейнъ* („Русск. Мысль“ за 1887 г.), *В. А. Гольцевъ* (тамъ же за 1893 г.) и я (въ „Русск. Бог.“), перепечатавъ потомъ свою статью въ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ“ (1896). Мало того, между итальянскими соціалистами происходили немалыя теоретическія разногласія. Извѣстно, что за послѣднее время сочиненія нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей усердно переводились по русски (Лабріола, Лоріа, Ферреро и др.).

[3]) Исторія соціализма въ Италіи, II, 52.

ламентскихъ выступленій соціалистовъ, между прочимъ, напримѣръ, противъ авантюристской внѣшней политики въ Африкѣ. Особенно кипучею была дѣятельность соціалистической партіи съ осени 1897 до весны 1898 г., но съ бурныхъ весеннихъ событій этого послѣдняго года, за которыми въ разныхъ мѣстностяхъ было объявлено военное положеніе (снятое, впрочемъ, въ томъ же году), начались строгости и репрессіи [1]), иногда очень мелочныя. Когда, наприм., снова сдѣлалось возможнымъ издавать закрытыя послѣ бури 1898 г. газеты, то „Lotta di classe“ должна была называться уже просто „Lotta“ безъ указанія на ея теорію „борьбы“ именно „классовъ“ [2]). Съ своей стороны, депутаты-соціалисты вмѣстѣ съ республиканцами пустили въ ходъ парламентскую обструкцію, и одинъ Ферри говорилъ иногда рѣчи, продолжавшіяся по три, по четыре, по пяти часовъ; въ парламентской дѣятельности соціалисты въ это время вообще стали дѣйствовать солидарно съ радикалами [3]). Однако, правительственная репрессія не заходила такъ далеко, чтобы даже послѣ трагедіи, разыгравшейся лѣтомъ 1900 г. въ Монцѣ [4]), не могъ осенью того же года собраться очередной соціалистическій конгрессъ въ самой же столицѣ Итальянскаго королевства, на глазахъ враждебно настроенныхъ властей [5]).

---

[1]) См. выше, стр. 284.

[2]) Центральнымъ органомъ въ концѣ XIX и началѣ XX в. была уже римская ежедневная газета „Avanti“ (названная по образцу германскаго „Vorwärts'a“).

[3]) Это было уже отступленіемъ отъ тѣхъ заявленій, которыя, какъ мы видѣли на предыдущей страницѣ, незадолго передъ тѣмъ дѣлались вождями партіи.

[4]) По поводу убіенія Гумберта I анархистомъ Бреши консервативная пресса обвиняла соціалистовъ въ подстрекательствѣ и въ моральной отвѣтственности. Указывалось, между прочимъ, на то, что Бреши передъ этимъ жилъ въ одномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, въ который около этого времени ѣздилъ одинъ соціалистическій депутатъ (Дино Ронданп), но на самомъ дѣлѣ этотъ депутатъ былъ отъявленный врагъ анархизма и съумѣлъ только возбудить къ себѣ, во время своего пребыванія въ Америкѣ, глубокую ненависть среди жившихъ тамъ анархистовъ.

[5]) За подробностями исторіи соціализма въ Италіи отсылаю къ книгѣ *Анджіолини*, весьма богатой содержаніемъ и нерѣдко имѣющей даже чисто протокольный характеръ, что дѣлаетъ по временамъ ея чтеніе нѣсколько утомительнымъ.

XIX. Обостреніе борьбы національностей въ Австро-Венгріи за два послѣднія десятилѣтія XIX вѣка [1]).

Австро-Венгрія въ эпоху оккупаціи Босніи и Герцеговины.—Поворотъ къ примирительной политикѣ по отношенію къ австрійскимъ національностямъ при гр. Таафе.—Партійныя отношенія рейхсрата въ его министерство. — Законодательная дѣятельность и правительственныя распоряженія о языкахъ. — Недовольство австрійскихъ нѣмцевъ политикою Таафе.—Начало демократическихъ движеній въ Австріи.—Чешско-нѣмецкое соглашеніе 1890 г.—Паденіе кабинета Таафе.—Министерство Бадени. — Эпоха парламентской обструкціи и дѣйствія 14 статьи австрійской конституціи. — Новыя чешско-нѣмецкія распри.—Пангерманизмъ въ Австріи.—Вліяніе національныхъ раздоровъ въ Австріи на австро-венгерскія отношенія.—Взглядъ на внутреннія отношенія въ Венгріи.—Чешскія партіи въ концѣ XIX в. — Національныя и партійныя отношенія въ Галиціи. — Особая проблема соціализма въ Австро-Венгріи.

Излагая внутреннюю исторію Австро-Венгріи въ первый періодъ послѣ введенія въ ней дуализма, мы остановились на 1879 г. Далѣе,

[1]) Исторія Австро-Венгріи съ конца шестидесятыхъ до конца семидесятыхъ годовъ XIX в. изложена въ главѣ XI (стр. 352—387 первой части настоящаго тома), и тамъ же (на стр. 352—354, 356, 358, 374, 379 и др.) даны указанія на литературу, дополняемую здѣсь ссылками на сочиненія, или только что вышедшія въ свѣтъ, или имѣющія прямое отношеніе къ періоду, который разсматривается въ настоящей главѣ: *P. Henry.* L'union austro-hongroise (1908).—*R. Volkmann.* Die Lebensfrage Oesterreichs (1908; рекомендуется федерація съ руководящею ролью нѣмецкаго элемента и со включеніемъ балканскихъ государствъ, образцомъ для чего должна служить Германская имперія).—*С. Лозинскій.* Національный вопросъ и политическія партіи въ Австріи (1907; брош.).—*G. Freytag und Ed. Kindermann.* Die Gruppierung der Mitglieder des oesterreichschen Abgeordnetenhauses in der Wahlperiode 1885—1891 (1886).—*J. S. Bloch.* Der nationale Zwist und die Juden in Oesterreich (1886).—*Peez.* Die oesterreichische Handelspolitik der letzten 25 Jahre (въ сборникѣ „Die Handelspolitik, veröff. vom Verein für Socialpolitik", 1892).—*K. Schwechler.* Die österreichische Sozialdemocratie (1907; изд. 2).—*D. Oertzen.* Von Wiechern bis Posadowsky. Zur Geschichte der Sozialreform und der christlichen Arbeiterbewegung (1908). — Для эпохи Таафе и для вопроса объ избирательной реформѣ см. Das System Taaffe (1882; анон.).—*L. Wittmayer.* Unser Reichswahlrecht und die Taaffesche Wahlvorlage (1901).—*V. Adler.* Das allgemeine, gleiche, direkte Wahlrecht (1893).—*Strakosch-Grossmann.* Das allgemeine Wahlrecht im Oesterreich seit 1848 (1906). — Для Чехіи укажемъ: *Ed Beneš.* Le problème autrichien et la question tchèque. Études sur les luttes politiques des nationalités en Autriche (1908).—Въ вышедшемъ лѣтомъ 1909 г. третьемъ томѣ „České Politiki" (см. т. VI, ч. 1, стр. 8—9), на стр. 448 начинается работа *K. Kramář'a* по исторіи чешской политики съ 1879 г. — *Ad. Srb.* Politické dějiny nár. českého. I—od r. 1861 až do nastoupení ministerstva Badenova r. 1895 (1899). II—od nastoupení Badenova do odstoupení Thunova (1901).—*Menger.*

изъ обзора исторіи международныхъ отношеній семидесятыхъ годовъ [1]) мы знаемъ, что руководителемъ австро-венгерской внѣшней политики за этотъ періодъ былъ мадьяръ гр. Андраши, направившій эту политику на Балканскій полуостровъ, ради чего Габсбургская монархія должна была обезпечить себѣ тылъ со стороны Германіи и Италіи, въ которыхъ еще такъ недавно эта монархія играла доминирующую роль. Выбитой въ 1866 г. изъ своихъ германской и итальянской позицій имперіи Франца-Іосифа больше ничего не оставалось дѣлать, какъ искать компенсаціи на Востокѣ, и, конечно, лучше всего приспособленнымъ къ такой политикѣ могъ оказаться представитель мадьярской національности, которой не было дѣла ни до нѣмцевъ, ни до итальянцевъ, но которую зато не могли не интересовать ближайшія области Оттоманской имперіи. Правда, сами мадьяры, какъ и нѣмцы, не были склонны усиливать въ монархіи славянскій элементъ присоединеніемъ Босніи и Герцеговины, но это присоединеніе было мечтою самого императора, которому Андраши весьма искусно и помогъ осуществить его мечту [2]). Конечно, подобнаго рода услуга, оказанная Францу-Іосифу, не могла не принести своей пользы и для самой Венгріи, тѣмъ болѣе, что въ виды личной политики своего „короля" вошелъ и венгерскій министръ-президентъ, съ 1875 г., Коломанъ Тисса, отличавшійся крайнимъ мадьярскимъ націонализмомъ, но въ то же время поддерживавшій желанія Франца-Іосифа съ рискомъ для собственной своей популярности. Безпощадный мадьяризаторъ [3]) венгерскихъ славянъ, „саксовъ", румыновъ, настойчивый защитникъ интересовъ Венгріи при возобновленіи соглашенія ея съ Австріей, Тисса не побоялся, однако, оказывать поддержку внѣшней политикѣ Франца-Іосифа, не находившей сочувствія въ мадьярахъ. Венгерскій парламентъ негодовалъ на то, что занятіе Босніи и Герцеговины было рѣшено безъ его на то согласія, особенно въ виду соединенныхъ съ этимъ денежныхъ расходовъ, но Тисса благополучно провелъ въ палатѣ вотумъ довѣрія правительству, что̀, конечно, не могло не быть зачтено ему въ заслугу со стороны императора. Никакихъ измѣненій во внутренней

Der böhmische Ausgleich (1891).—По Венгріи въ 1909 г. вышла „La Hongrie contemporaine et le suffrage universel", изданная ред. мадьярскаго журнала „Huszadik Század" (XX вѣкъ) и представляющая собою сборникъ статей разныхъ мадьярскихъ публицистовъ прогрессивнаго направленія объ отдѣльныхъ сторонахъ жизни Венгріи съ приложеніемъ мнѣній цѣлаго ряда зап.-евр. ученыхъ и политическихъ дѣятелей о проектѣ избирательнаго закона гр. Андраши.—*Šulek*. Hrvatski ustav ili konstitucija godine 1882 (1883).

[1]) Въ главахъ XII и XIII.

[2]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 404—405 и др.

[3]) См. т. VI, ч. 1, стр. 364.

политикѣ Венгріи весь этотъ инцидентъ не произвелъ, такъ что Тисса оставался потомъ во власти еще болѣе десяти лѣтъ.

Другая судьба постигла лично Андраши, столь много сдѣлавшаго для удовлетворенія желанія Франца-Іосифа получить право на оккупацію Босніи и Герцеговины. Андраши доказывалъ, что занятіе турецкихъ провинцій не потребуетъ ни особенныхъ расходовъ, ни, равнымъ образомъ, особеннаго напряженія военныхъ силъ, но когда обнаружилось, что расчеты министра не оправдались, онъ предпочелъ выйти въ отставку уже въ августѣ 1879 г., не успѣвъ даже подписать вполнѣ имъ тогда подготовленный австро-германскій союзный договоръ [1]). Что касается до внѣшней политики Австро-Венгріи послѣ отставки Андраши, то она осталась прежней [2]).

Въ Цислейтаніи оккупація Босніи и Герцеговины имѣла иные результаты, нежели въ Транслейтаніи, и въ вѣнскомъ рейхсратѣ вопросъ объ оккупаціи прошелъ не такъ гладко, какъ въ будапештскомъ государственномъ сеймѣ. Нѣмецкимъ либераламъ было крайне непріятно присоединеніе двухъ новыхъ славянскихъ областей, а ихъ вожди Гербстъ и Гискра говорили, что кредитъ на осуществленіе оккупаціи ни въ какомъ случаѣ не будетъ принятъ. Однимъ изъ нихъ (Гербстомъ) было сдѣлано и предложеніе отклонить берлинскій трактатъ. Нѣмцы рѣзко нападали на самую идею компенсаціи, говоря, что „выпавшій изъ короны Габсбурговъ брилліантъ (т.-е. Ломбардо-Венеціанское королевство) хотятъ подмѣнить булыжникомъ“. Если бы министерство, защищавшее политику Франца-Іосифа, не нашло поддержки въ правой и въ полякахъ, дѣло могло бы совершенно провалиться. Это заставило императора совершенно перемѣнить курсъ внутренней политики, такъ какъ нѣмецкіе либералы, до того времени поддерживавшіе министерство, продолжали упорствовать въ своемъ

---

[1]) Онъ былъ подписанъ въ октябрѣ 1879 г., и подъ нимъ стоитъ имя Гаймерле. Ср. выше, стр. 9.

[2]) Преемникомъ Андраши былъ гр. Гаймерле, послѣ смерти котораго въ 1881 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ сдѣлался гр. Кальноки. Въ это время къ австро-германскому союзу примкнула и Италія, вслѣдствіе чего образовался тройственный союзъ (см. выше, стр. 17 и 268), но Кальноки считалъ полезнымъ поддерживать хорошія отношенія и съ Россіей. Въ 1884 и 1885 гг. у Франца-Іосифа были свиданія съ Александромъ III въ Скерневицахъ и въ Кремзирѣ (Кромѣржижѣ), но избраніе на болгарскій престолъ, вопреки желанію Россіи, принца Фердинанда Кобургскаго (т. VI, ч. 1, стр. 421) и усиленіе въ Сербіи русскаго вліянія послѣ отреченія короля Милана снова испортили отношенія обѣихъ державъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ опасались воинственныхъ замысловъ Россіи (ср. выше, стр. 99). Съ 1895 г. австро-венгерскимъ министромъ иностр. дѣлъ сдѣлался полякъ гр. Голуховскій, сынъ бывшаго намѣстника Галиціи и одно время австрійскаго мин. внутр. дѣлъ.

несогласіи на оккупацію. Новымъ довѣреннымъ лицомъ Франца-Іосифа сталъ теперь его личный другъ съ молодыхъ годовъ, графъ Эдуардъ Таафе, сдѣлавшій своимъ лозунгомъ примиреніе національностей („die Versöhnung der Nationalitäten"). Онъ не былъ новичкомъ въ политикѣ и уже раньше занималъ министерскіе посты [1]). Въ 1879 г., когда Францъ-Іосифъ къ нему обратился, онъ былъ (съ 1871 г.) намѣстникомъ въ Тиролѣ; теперь онъ былъ призванъ императоромъ въ министерство Ауэрсперга сначала для соглашенія съ лѣвой, потомъ, когда это не удалось вслѣдствіе ея упорства въ босно-герцеговинскомъ вопросѣ, для проведенія (въ роли министра внутреннихъ дѣлъ уже въ кабинетѣ Штремайра) новыхъ выборовъ. Таафе и раньше былъ расположенъ къ федерализму, который онъ и сталъ осуществлять на практикѣ съ перваго же момента нахожденія у власти. На этотъ разъ для достижднія большинства на выборахъ правительство нашло нужнымъ вступить въ переговоры съ чехами, среди которыхъ восточная политика монархіи какъ-разъ находила одобреніе и поддержку, не говоря уже о томъ, что оккупація Босніи и Герцеговины вообще подсказывала правительству необходимость задобрить славянъ. Кромѣ того, еще и быстрый экономическій и культурный ростъ чешской національности настолько бросался въ глаза, что сами нѣмецкіе либералы были не прочь передъ выборами 1879 г. войти въ соглашеніе съ чехами, но этому мѣшало, главнымъ образомъ, очень консервативное въ общемъ настроеніе старочеховъ, бывшихъ самою вліятельною чешскою партіей, и ихъ стремленіе достигнуть своихъ цѣлей путемъ прямого соглашенія съ самимъ правительствомъ. Мы видѣли уже въ другомъ мѣстѣ [2]), что, не отказываясь отъ государственнаго права Чешскаго королевства въ принципѣ, чехи откладывали его осуществленіе до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, а пока, прекративъ бойкотъ, согласились на участіе въ рейхсратѣ и поставили ближайшею своею цѣлью добиваться частныхъ уступокъ ихъ національнымъ требованіямъ [3]). Новая палата депутатовъ, въ которой послѣ

---

[1]) Въ 1867—71 гг. въ разныхъ кабинетахъ, причемъ въ 1868—70 гг. былъ и министромъ-президентомъ. Послѣ ухода Ауэрсперга, потерявшаго большинство въ палатѣ, сначала было назначено министерство Претиса, бывшаго министромъ финансовъ въ предыдущемъ кабинетѣ, потомъ Штремайра, въ кабинетѣ котораго Таафе занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Послѣ выборовъ въ рейхсратъ Штремайръ тоже подалъ въ отставку и тогда министромъ-президентомъ сдѣлался Таафе.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 378.

[3]) „Roku 1879 nastal v politice české nový obrat: zanechana passivita a nastoupena cesta politiky činné za účastenství ve vídeňském parlamentu. Poodstaveny jsou snahy státopravní a politika běře se za bližšími, zdánlivě snaze

многихъ лѣтъ появились наконецъ чешскіе депутаты, состояла изъ трехъ группъ, изъ коихъ двѣ,—самыя численныя,—подраздѣлялись еще на болѣе мелкія. Наиболѣе значительную группу составляли федералисты-консерваторы: общая ихъ численность выражалась цифрою 168, составившеюся изъ почти одинаковыхъ цифръ трехъ „клубовъ“: чешскаго въ 54 человѣка, польскаго въ 57 человѣкъ и гогенвартовскаго въ 57 же человѣкъ [1]). Конституціоналистовъ нѣмцевъ [2]), бывшихъ прежде большинствомъ, теперь было только 145 съ подраздѣленіемъ на либераловъ и прогрессистовъ (91 и 51). Остальные сорокъ человѣкъ стояли особнякомъ. Такъ какъ они могли всегда дать перевѣсъ или правой, или лѣвой, то на нихъ было обращено особое вниманіе правительства, задумавшаго даже образовать изъ нихъ особую партію. Послѣ такого исхода выборовъ составленіе новаго министерства было поручено Таафе, остававшемуся потомъ во главѣ австрійскаго правительства четырнадцать лѣтъ.

Въ 1879 г. Таафе составилъ кабинетъ на коалиціонномъ началѣ. Большинство въ немъ состояло изъ нѣмцевъ какъ консервативнаго, такъ и либеральнаго направленія, но въ него были допущены также (безъ портфелей) одинъ чехъ (Пражакъ) и одинъ полякъ (Земляковскій) [3]). Впрочемъ, либералы недолго оставались въ составѣ кабинета. Однимъ изъ главныхъ предметовъ первой сессіи рейхсрата, выбраннаго въ

---

dosažitelnymi cíly. Hned na předním místě očitá se tu jazyková otázka, která odtud po celé čtvrtstoletí české politice dodává ráz“. Česká politika, I, 410. Эта краткая характеристика чешской политики съ 1879 г.—отказа отъ государственно-правовой точки зрѣнія ради, главнымъ образомъ, языкового вопроса, занявшаго въ слѣдующей четверти вѣка самое первое мѣсто,—принадлежитъ чешскому ученому *К. Кадльцу* (*Karel Kadlec*), помѣстившему въ сборникѣ „Česká polityka“ (ср. т. VI, ч. 1, стр. 353) большую статью подъ заглавіемъ „Národnostní a jazyková otázka v Rakousko-Uhersku“.

[1]) О послѣднемъ, состоявшемъ изъ нѣмецкихъ феодаловъ, словенцевъ и далматинцевъ, ср. т. VI, ч. 1, стр. 370.

[2]) Нѣмецкіе либералы въ Австріи имѣли много общаго съ либералами въ Германіи и оказали большія услуги введенію въ Австріи конституціи. Ихъ же временному господству, съ другой стороны, Австрія обязана торжествомъ въ семидесятыхъ годахъ манчестерства въ экономической политикѣ. Перешедши въ оппозицію, они не расширили своей программы. По словамъ ихъ вождей, „соціальный вопросъ прекращается у Боденбаха“ (die soziale Frage hört bei Bodenbach auf, т.-е. на границѣ съ Германіей), ибо „въ Пруссіи имъ можно заниматься, въ Австріи же для него нѣтъ мѣста“. Чтобы не растерять своихъ избирателей, они подконецъ стали особенно сильно напирать на необходимости національной политики и возведенія нѣмецкаго языка на степень государственнаго при сохраненіи установленнаго конституціей равноправія всѣхъ языковъ, которому будто бы ихъ требованіе не противорѣчило.

[3]) Въ 1881 г. Пражакъ сдѣлался министромъ юстиціи, въ каковой должности особенно энергично отстаивалъ національные интересы чеховъ.

1879 г., былъ новый военный законъ, устанавливавшій контингентъ арміи на десять лѣтъ. Лѣвая вознамѣрилась провалить министерство на этомъ вопросѣ, не давъ ему требовавшихся въ данномъ случаѣ двухъ третей голосовъ, но въ послѣдній моментъ болѣе умѣренная часть либераловъ вотировала за министерское предложеніе, опасаясь неудовольствія монарха. Этотъ эпизодъ показалъ министерству, что оппозиція лѣвой не представляетъ большой опасности и что вообще безъ ея представителей въ кабинетѣ можно будетъ весьма легко обходиться [1]). Но и у правительственнаго большинства, съ другой стороны, не было внутренняго единства: чешскій, польскій и клерикальный (гогенвартовскій) „клубы" объединялись лишь внѣшнимъ образомъ опасеніемъ, какъ бы новый министерскій кризисъ не возвратилъ либераловъ снова къ власти. Чтобы такъ не случилось, эти „клубы" считали нужнымъ отказаться отъ излишней требовательности и проявлять при всякомъ удобномъ случаѣ свою „законопослушность". Такому большинству Таафе могъ смѣло объявить, что никакого измѣненія въ конституціи ждать нечего, вслѣдствіе чего для осуществленія національныхъ стремленій и клерикальныхъ вожделѣній и чехамъ, и полякамъ, и словинцамъ съ далматинцами, равно какъ нѣмецкимъ католикамъ, оставался открытымъ одинъ путь—вступать въ частные переговоры съ правительствомъ, входить съ нимъ въ особыя сдѣлки, выторговывать у него для себя, что только было можно, и не настаивать на томъ, что могло бы разсердить предержащую власть. Съ удаленіемъ изъ кабинета либеральныхъ членовъ въ немъ возродились всѣ повадки чисто-абсолютистскаго режима. Такъ какъ въ палатѣ господъ все еще оставалось немало независимыхъ членовъ, то, пользуясь § 5 конституціи 1861 г., Таафе выхлопоталъ у Франца-Іосифа въ 1881 г. назначеніе въ нее сразу двадцати шести членовъ „изъ лицъ, оказавшихъ услуги государству или церкви, наукѣ и искусству" [2]). Новые члены всѣ принадлежали къ федеративно-клерикальной партіи. Самъ Таафе очень дорожилъ такимъ большинствомъ, при которомъ можно было управлять страною въ духѣ абсолютизма. Ради этого онъ готовъ былъ и на самомъ дѣлѣ шелъ на ограниченіе правъ нѣмецкаго языка, лишь бы только сохранить за конституціей ея централистическія черты. Онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы широко открыть славянамъ доступъ къ разнымъ государственнымъ должностямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всячески поддерживалъ и укрѣплялъ старый бюрократическій строй Австріи. При

---

[1]) Въ 1880 г. министръ финансовъ нѣмецъ былъ замѣненъ полякомъ Дунаевскимъ, о которомъ см. ниже, стр. 298.

[2]) Ср. т. VI, ч., стр. 11.

такомъ режимѣ,—діаметрально противоположномъ тому, какой одновременно съ этимъ проводился въ Венгріи Тиссою,—конечно, должны были усилиться вліянія на политику со стороны духовенства, дворянства и придворныхъ сферъ. Австрійскіе нѣмцы при этомъ прямо приносились въ жертву реставраціи стараго порядка. Однимъ изъ проявленій „славянской политики" Таафе было то, что въ 1881 г. предсѣдателемъ палаты депутатовъ сдѣлался полякъ Смолька [1]), товарищемъ предсѣдателя—чехъ князь Лобковичъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ направленіемъ политики Таафе чешская и польская аристократія стала добиваться національныхъ уступокъ отъ правительства и при помощи придворныхъ отношеній, какія были у многихъ представителей этой аристократіи, вліять на самого Франца-Іосифа.

Понятно, что законодательство рейхсрата, имѣвшаго консервативное большинство, должно было получить и соотвѣтственный характеръ. Даже тогда, когда принимаемая мѣра имѣла демократическій обликъ, подкладка у нея была консервативная. Таково было пониженіе, въ 1882 г., избирательнаго ценза въ городской и сельской куріяхъ съ десяти гульденовъ прямыхъ налоговъ до пяти [2]), что,—въ городахъ, по крайней мѣрѣ,—должно было ослабить вліяніе либеральной буржуазіи въ пользу ремесленниковъ, находившихся въ то время подъ сильнымъ вніяніемъ духовенства. Болѣе откровенно-реакціонный характеръ имѣлъ законъ 1883 г., предоставлявшій общиннымъ правленіямъ право сокращать продолжительность школьнаго обученія съ восьми лѣтъ до шести и дѣлавшій изъ права преподаванія въ народныхъ школахъ привилегію однихъ католиковъ [3]). Другимъ закономъ того же 1883 г. рейхсратъ ограничилъ свободу промысловъ, обязавъ извѣстныя профессіи принять цеховую организацію съ допускомъ къ нимъ лишь по экзаменамъ или на основаніи особыхъ цертификатовъ и т. п. Въ одномъ существенномъ отношеніи министерство Таафе оказало Австріи несомнѣнную услугу, благодаря дѣя-

[1]) У насъ это имя неправильно пишется безъ мягкаго знака (Смолка). Въ молодости онъ судился за принадлежность къ тайному обществу „Молодой Польши" (т. V, стр. 202 и 414) и даже былъ приговоренъ къ смертной казни. Будучи помилованъ, онъ впослѣдствіи былъ предсѣдателемъ вѣнскаго учредительнаго сейма (т. V, стр. 543). Въ 1861—62 гг. Смолька былъ снова членомъ рейхсрата, гдѣ вторично занялъ мѣсто въ 1867 г. и оставался до 1893 г., будучи съ 1881 г. постоянно переизбираемымъ въ предсѣдатели. Онъ былъ вообще горячимъ сторонникомъ федерализма. Кромѣ того, извѣстна его страстная ненависть къ Россіи. О немъ *Widmann*. Franz Smolka (1887).

[2]) „Fünfgulden-Männer".

[3]) Собственно, завѣдованіе школами должно было находиться въ рукахъ людей одного вѣроисповѣданія съ большинствомъ учащихся.

тельности министра финансовъ, поляка-автономиста Дунаевскаго (1880—91), при которомъ прежніе ежегодные дефициты стали сокращаться, пока бюджетъ 1889 г. не далъ даже превышенія доходовъ надъ расходами. Только этотъ благопріятный результатъ умѣлой финансовой политики Дунаевскаго могъ сдѣлать возможнымъ переходъ Австро-Венгріи къ золотой валютѣ, совершившійся уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи [1]). Бисмарковское соціальное законодательство тоже нашло нѣкоторое подражаніе въ Австріи, въ видѣ установленія нормальнаго рабочаго дня (въ 11 часовъ) и воскреснаго отдыха, страхованія въ случаѣ болѣзней или полученныхъ на работѣ увѣчій и т. п.

То, что австрійскіе нѣмцы считали самымъ законнымъ своимъ „Besitzstand'омъ", въ министерство Таафе, несомнѣнно, претерпѣло нѣкоторый ущербъ [2]). Болѣе всего нѣмцы жаловались на умаленіе правъ ихъ языка. Въ другомъ мѣстѣ у насъ уже шла рѣчь о чешско-нѣмецкихъ несогласіяхъ изъ-за Пражскаго университета, окончившихся тѣмъ, что въ министерство Таафе произошло раздѣленіе этого университета на нѣмецкій и чешскій [3]). Это не была единственная уступка чехамъ, депутаты которыхъ тотчасъ же по вступленіи своемъ въ рейхсратъ подали Таафе меморандумъ о равноправіи языковъ, гдѣ, кромѣ умноженія чешскихъ каѳедръ въ университетѣ, настаивали на необходимости развитія средняго и профессіональнаго образованія на чешскомъ языкѣ, равно какъ на томъ, чтобы чиновники въ Чехіи и Моравіи знали оба языка и чтобы на обоихъ же языкахъ могли подаваться прошенія, писались разныя дѣловыя бумаги и т. п. Авторы меморандума указывали при этомъ, что всѣ ихъ требованія, какъ основанныя на законахъ, должны быть осуществлены одною исполнительною властью. Наоборотъ, богемскіе нѣмцы поспѣшили представить свой меморандумъ съ просьбою сохранить за нѣмецкимъ языкомъ значеніе государственнаго языка съ допущеніемъ чешскаго языка лишь въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ. Излагать въ подробности, какъ рѣшило министерство этотъ вопросъ въ такъ называемыхъ „штремайровскихъ" постановленіяхъ 1880 г., было бы здѣсь дѣломъ нѣсколько сложнымъ въ виду цѣлаго ряда сдѣланныхъ при этомъ разли-

---

[1]) Въ 1892 г. прежній счетъ на гульдены (флорины) и крейцеры былъ въ Австро-Венгріи замѣненъ счетомъ на кроны (короны) и геллеры, причемъ, въ сущности, произошло только уменьшеніе вдвое прежней монетной единицы.

[2]) О понятіи „Besitzstand'a" см. т. VI, ч. 1, стр. 374. Нѣмцы находили, что вся государственная мудрость кабинета также состояла „im Fortwursteln und Durchfretten". *G. Egelhaaf.* Geschichte der neuesten Ziet, стр. 280. *O. Kaemmel* въ „Illustrierte Geschichte der neuesten Zeit" (1902) называетъ этотъ періодъ „der Rückgang des Deutschthums in Oesterreich", 552 и слѣд.

[3]) См. т. VI, ч. 1, стр.

ченій между отдѣльными вѣдомствами или сторонами дѣлопроизводства, суть же дѣла заключалась въ томъ, что должностныя лица обязаны были говорить съ обращающимися къ нимъ частными лицами на томъ именно языкѣ, на которомъ къ нимъ то или другое лицо обращалось. Это влекло за собою то слѣдствіе, что нѣмецкимъ чиновникамъ, не знавшимъ чешскаго языка, нельзя уже было продолжать службу въ мѣстахъ, гдѣ требовалась „чиновничья двуязычность" (dvojjazyčnost úředníků). Кромѣ Чехіи и Моравіи, подобное распоряженіе въ 1882 г. было издано и для Австрійской Силезіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ которой можно было обращаться къ должностнымъ лицамъ и по-нѣмецки, и по-чешски, и по-польски. Округа со словинскимъ населеніемъ получили также подобную „двуязычность". Проведеніе въ жизнь довольно-таки сложныхъ предписаній 1880 и 1882 г. встрѣтилось съ разными затрудненіями, и въ 1886 г. министру юстиціи чеху Пражаку пришлось издать новое распоряженіе, касающееся все того же языкового вопроса. Нѣмцы, гдѣ только было можно, протестовали, жаловались, оказывали сопротивленіе, кричали объ утѣсненіи нѣмцевъ чехами и настаивали на необходимости различать между понятіями „Landessprache, landesübliche Sprache, bezirksübliche Sprache" и т. п. На обоихъ языкахъ, разумѣется, велась и полемика въ печати [1]). Избирательная реформа 1882 г. имѣла своимъ результатомъ то, что въ богемскомъ сеймѣ большинство было послѣ этого чешское. Спасая себя отъ чехизаціи, богемскіе нѣмцы стали предлагать раздѣленіе страны въ языковомъ отношеніи на отдѣльные округа, имѣя въ виду сохраненіе за исключительнымъ употребленіемъ нѣмецкаго языка и округовъ съ соотвѣтственнымъ населеніемъ, но сдѣланное въ этомъ смыслѣ предложеніе въ земскомъ сеймѣ потерпѣло неудачу, ибо чехи упорно стояли на точкѣ зрѣнія равноправія обоихъ земскихъ языковъ (rovnoprávnosti obou zemkých jazyků) во всемъ королевствѣ Чешскомъ (1885—86). Время отъ времени вопросъ о языкахъ продолжалъ подниматься и въ рейхсратѣ. Выборы 1885 г. еще болѣе усилили въ

---

[1]) Въ только-что указанной статьѣ *д-ра К. Кадльца* (Česká politika, I, 468—469) названо десятка два чешскихъ и десятокъ нѣмецкихъ книгъ, брошюръ и статей по чешско-нѣмецкому спору изъ-за языка. Самыя заглавія ихъ указываютъ на ихъ характеръ. См. напр., *J. Vašatý.* Zákonná rovnost jazyka českého s německým v zemich koruny české (1884; авторъ былъ большимъ руссофиломъ, и о немъ, какъ видномъ чешскомъ націоналистѣ въ вѣнскомъ парламентѣ, очень часто въ свое время писали русскія газеты, почему-то нерѣдко называвшія его Вожатымъ, а не Вашатымъ).—*A. V. Nevšimal.* Prava jazyka českého (1899).—*Zd. Tobolka.* Rakouské (-австрійское) právo jazykové (1902).—*A. Fischel.* Das oesterreichische Sprachenrecht (1901) и Materialien zur Sprachenfrage in Oesterreich (1902) и др.

послѣднемъ славянское большинство, поддерживавшее министерство Таафе.

Такое положеніе дѣлъ отразилось на австрійскихъ нѣмцахъ подъемомъ въ нихъ національнаго самосознанія. Въ 1880 г. для поддержки нѣмецкихъ школъ и нѣмецкаго языка они создали особый союзъ (der deutsche Schulverein), въ который вступило немало и германскихъ нѣмцевъ. Особенно боролись члены этого союза противъ стремленія клерикаловъ превратить единую государственную школу въ рядъ школъ отдѣльныхъ королевствъ и земель (или „verländern", какъ тогда выражались), ибо въ этомъ они тоже видѣли своего рода гибель нѣмецкой культуры въ не-нѣмецкихъ областяхъ Австріи. Въ рейхсратѣ и въ богемскомъ сеймѣ нѣмцы пускали въ ходъ всѣ средства, чтобы затормазить невыгодное для нихъ законодательство. Когда чешское большинство богемскаго сейма отвергло предложеніе одного изъ нѣмецкихъ членовъ (Пленера) оставить въ чисто-нѣмецкихъ округахъ Богеміи въ оффиціальномъ употребленіи одинъ нѣмецкій языкъ, нѣмецкіе депутаты прибѣгли къ тому же средству, къ какому раньше прибѣгали чехи: они тоже въ 1886 г. покинули съ протестомъ сеймъ и не появлялись въ немъ до 1890 г. Въ рейхсратѣ впослѣдствіи нѣмцы грозили поступить такимъ же образомъ. Послѣ выборовъ 1885 г. въ рейхсратѣ нѣмцевъ было всего 112 членовъ соединенной лѣвой и 16 націоналистовъ, ставившихъ интересы нѣмецкой народности выше интересовъ австрійскаго государства, во имя чего они открыто говорили о необходимости сліянія всѣхъ нѣмецкихъ частей Австріи съ великимъ германскимъ отечествомъ. Когда въ 1888 г. князь Алоизій Лихтенштейнъ внесъ въ рейхсратъ откровенное предложеніе возстановить во всей чистотѣ конфессіональную школу, нѣмецкіе либералы прямо заявили, что имъ остается одно средство борьбы—покинуть рейхсратъ. За все это время (восьмидесятые годы) главнымъ театромъ борьбы была Чехія, а въ ней Прага, гдѣ не прекращались националистическія манифестаціи и нерѣдко происходили стычки между чешскими и нѣмецкими студентами. Въ началѣ 1890 г. Таафе счелъ поэтому нужнымъ сдѣлать попытку новой „Versöhnung" между обѣими сторонами путемъ непосредственныхъ между ними переговоровъ для достиженія какого-либо modus vivendi. Главною цѣлью задуманнаго соглашенія было создать консервативную плотину противъ демократическаго движенія, начавшагося въ Австріи и съ особою силою проявившагося, между прочимъ, какъ-разъ въ Чехіи.

Къ концу восьмидесятыхъ годовъ въ областяхъ Цислейтаніи съ болѣе значительнымъ и развитымъ городскимъ населеніемъ стали все болѣе и болѣе проявляться чисто демократическія стремленія, которыя къ этому времени особенно успѣли проникнуть и въ рабочую

среду. Уже въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ (именно въ 1882—1885 гг.) значительное вліяніе оказывала на нѣкоторые элементы населенія анархистская пропаганда, подавленная только самыми суровыми репрессивными мѣрами со стороны правительства. Особенною авторитетностью среди австрійскихъ нѣмцевъ, подвергшихся дѣйствію этой пропаганды, пользовались идеи извѣстнаго анархиста Іоганна Моста [1]). Въ 1888 г. была основана въ Австріи „рабочая соціалъ-демократическая партія“, усвоившая программу и организацію германской и, между прочимъ, подчеркнувшая свой интернаціональный характеръ. Это совершилось на съѣздѣ въ Гайнфельдѣ, гдѣ выработана была и программа партіи. Для Австріи было очень важно, что рядомъ съ привилегіями, обусловливаемыми рожденіемъ и владѣніемъ имуществомъ, партія осуждала и преимущества національныя и вмѣстѣ съ тѣмъ объявляла необходимость международной борьбы съ эксплуатаціей, поскольку и сама эксплуатація имѣетъ международный характеръ. Главными своими требованіями австрійскіе соціалъ-демократы выставляли введеніе восьмичасового рабочаго дня и установленіе всеобщаго избирательнаго права. Кромѣ того, они требовали уничтоженія вѣроисповѣднаго характера государства и развитія народнаго образованія на началахъ общеобязательности и безплатности.

Въ началѣ января 1890 г. по личной иниціативѣ Франца-Іосифа Таафе созвалъ въ Вѣнѣ чешско-нѣмецкую конференцію, на которую, однако, младочехи и другія чешскія партіи, стоящія лѣвѣе ихъ, приглашены не были. Это совѣщаніе приняло около дюжины постановленій („пунктуаціи“) о раздѣленіи нѣкоторыхъ богемскихъ учрежденій (областного школьнаго совѣта и пражской торговой палаты) на нѣмецкія и чешскія отдѣленія, объ образованіи судебныхъ округовъ по возможности съ однороднымъ составомъ населенія, объ обязательности для двухъ третей пражскаго высшаго областного суда знанія обоихъ языковъ, объ образованіи національныхъ курій при выборахъ въ богемскій земскій сеймъ и т. п. [2]). Это соглашеніе не удовлетворяло вполнѣ ни нѣмцевъ, ни чеховъ. Еще раздѣленіе школьнаго совѣта было принято сеймомъ (1890), но когда въ сеймъ былъ внесенъ правительственный проектъ о судебныхъ округахъ, то въ сеймѣ начались бурныя засѣданія, приведшія къ отклоненію проекта

---

[1]) О Мостѣ см. въ текстѣ и примѣч. стр. 296 первой части настоящаго тома, а особенно въ книгѣ *Цо́кколи* „Современный анархизмъ“, стр. 240 и слѣд. Мостъ, между прочимъ, самъ писалъ о рабочемъ движеніи въ Австріи: „Zur Geschichte der Arbeiterbewegung in Oesterreich“ (въ цюрихской „Neue Gesellschaft“ за 1877 г.) и статьи съ аналогичными названіями въ лондонскихъ „Freiheit“ (за 1884 и 1890 г.) и „Die Autonomie“ (за 1891 г.).

[2]) См. о послѣдней подробности ниже.

подавляющимъ большинствомъ. Участіемъ своимъ въ соглашеніи 1890 г. старочехи сильно скомпрометтировали себя въ глазахъ своихъ соотечественниковъ и, можно сказать, подписали свой смертный приговоръ. Со стороны младочеховъ соглашеніе вызвало такую бурную оппозицію въ сеймѣ, что послѣдній былъ распущенъ до окончанія разсмотрѣнія бюджета. Настроеніе этой партіи дѣлалось все болѣе и болѣе радикальнымъ, а въ августѣ и сентябрѣ произошли даже антидинастическія манифестаціи [1]), по поводу которыхъ богемскій намѣстникъ гр. Тунъ настоялъ на объявленіи Праги въ осадномъ положеніи со всѣми его послѣдствіями въ видѣ отмѣны свободы собраній и суда присяжныхъ по дѣламъ печати и т. п. Наоборотъ, нѣмцы соглашеніемъ были очень довольны [2]).

Въ это время Таафе, постоянно лавировавшій между разными теченіями и прибѣгавшій къ тѣмъ или другимъ мѣрамъ для предотвращенія непріятныхъ результатовъ своей же политики [3]), задумалъ дать выходъ совершавшемуся въ странѣ общественному движенію, направивъ его изъ національнаго русла въ другое, соціальное, „die soziale Frage gegen die nationale auszuspielen“ [4]). Въ данномъ случаѣ иниціатива мѣры, на которой онъ остановился, принадлежала министру

---

[1]) Česká politika, III, 549 и слѣд., гдѣ говорится о роли молодежи въ этомъ движеніи (v Čechách počala dávati tón celému hnutí mladež). Это броженіе прогрессивнаго студенчества, соединенное съ рѣзкими антидинастическими демонстраціями дало полиціи поводъ возбудить противъ многихъ дѣло объ устройствѣ тайнаго общества подъ названіемъ „Омладины“. („Омладина“, т.-е. молодежь, собственно, сербскій терминъ, обозначавшій тайное національное общество, ставившее своею цѣлью добиться объединенія и независимости всѣхъ вѣтвей сербскаго племени. Оно дѣйствовало съ шестидесятыхъ годовъ XIX в. въ Венгріи и Сербіи и сыграло особенно видную роль въ событіяхъ 1875—78 гг.). Это возбужденіе преслѣдованія противъ „Омладины“ не обошлось безъ провокатора въ лицѣ нѣкоего Рудольфа Мрвы (Česká politika, III, 556). Объ этомъ сенсаціонномъ процессѣ, кончившимся для многихъ подсудимыхъ тюрьмою, въ свое время много писали въ газетахъ.

[2]) Глава австрійскихъ централистовъ Пленеръ писалъ: „wir glauben, die Deutschen in Böhmen werden nicht unzufrieden sein. Die Mehrzahl unserer Forderungen ist bewilligt... Die Ergebnisse der Konferenz sind nicht blos ein Erfolg der Deutschen in Böhmen, sie sind eine Kräftigung aller Deutschen in Oesterreich“.

[3]) Seine deutsche Gegner warfen ihm vor, seine ganze Staatsweisheit habe im „Fortwursteln und Durchfretten“ bestanden. *Egelhaaf*. Geschichte der neuesten Zeit (1908), стр. 280.

[4]) Comme les luttes nationales étaient des luttes... des classes moyennes, Taafe... supposa que les haines nationales, moins dures et moins venineuses dans les classes inférieures, seraient apaisées par l'entrée de ces classes dans la vie publique. *E. Beneš*. Le problème autrichien et la question tchèque (1908), стр. 277.

финансовъ Штейнбаху, которымъ еще въ 1891 г. былъ замѣненъ полякъ Дунаевскій, пожертвованный домогательствамъ нѣмцевъ. Въ 1893 г. Таафе предложилъ рейхстагу значительно расширить избирательное право въ городской и сельской куріяхъ, распространивъ его на всѣхъ, кто только умѣетъ читать и писать на какомъ-либо языкѣ, т.-е. въ избирательное право вводился простой цензъ грамотности, вмѣсто прежняго пятигульденоваго налога [1]). Младочехи, нѣмецкіе націоналисты и отчасти клерикалы отнеслись къ министерскому проекту съ сочувствіемъ, но Гогенвартовъ клубъ рѣшительно воспротивился такой демократической мѣрѣ, и съ нимъ заодно высказалась нѣмецкая либеральная партія, опасавшаяся, что результатомъ всеобщаго избирательнаго права будетъ славянское большинство въ рейхсратѣ, а въ нѣмецкомъ меньшинствѣ будутъ играть наиболѣе значительную роль соціалисты. Съ консерваторами и либералами соединились въ данномъ случаѣ и поляки, которымъ вовсе не хотѣлось демократизаціи выборовъ въ Галиціи, гдѣ это могло бы только пошатнуть господствующее положеніе, занятое шляхтою. Видя, что реформа не пройдетъ въ рейхсратѣ, Таафе думалъ провести ее при помощи 14 статьи конституціи, дающей императору право „въ виду крайнихъ обстоятельствъ, въ промежуткѣ между двумя сессіями" издавать указы, которые потомъ должны идти на одобреніе палатъ [2]). Францъ-Іосифъ, однако, указалъ Таафе, что 14 статья существуетъ въ конституціи не для такихъ реформъ, и Таафе подалъ тогда въ отставку [3]).

Отставка Таафе была принята, и новое „коаліціонное" министерство подъ предсѣдательствомъ кн. Альфреда Виндишгреца обѣщало заняться проведеніемъ необходимѣйшихъ реформъ (избирательной, налоговой, судебной) подъ условіемъ хотя бы временнаго примиренія національностей, что̀, однако, тоже оказалось неисполнимымъ. Паденіе Таафе было результатомъ примиренія между клубомъ Гогенварта и либеральной лѣвой и соединенія съ ними польскаго кола. Подобно тому, какъ прежде партіи съ самыми несходными стремленіями соединялись на чисто отрицательномъ желаніи, чтобы какъ-

---

[1]) См. выше, стр. 297.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 13.

[3]) Интересныя замѣчанія о политикѣ Таафе дѣлаетъ американецъ *Лоуэлль.* Его „поддерживали различныя національности не столько за то, что онъ благопріятствовалъ имъ, сколько за то, что онъ не благопріятствовалъ нѣмецкимъ либераламъ", результатомъ же его политики было „усиленіе короны и превращеніе рейхсрата въ простое орудіе правительства". Это была „любопытная пародія на парламентскую жизнь". Правительства и политическія партіи, 318—319.

нибудь не вернулось господство лѣвой, такъ и теперь извѣстная солидарность установилась между клерикалами, либералами и поляками, согласившимися не поднимать ни одного вопроса, который могъ ихъ раздѣлить, чтобы только поддерживать statum quo противъ демократическихъ стремленій вообще и въ частности противъ младочеховъ. Больше всего пугала эту коалицію перспектива такой избирательной реформы, которая могла бы повлечь за собою вступленіе въ рейхсратъ новыхъ общественныхъ элементовъ,—кромѣ клерикаловъ, которые были не противъ реформы въ пользу, пожалуй, мелкой буржуазіи, находившейся подъ ихъ вліяніемъ. Между тѣмъ та или другая уступка была необходима, такъ какъ среди рабочихъ не прекращалось движеніе въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Особая коммиссія работала надъ вопросомъ, что можно было бы сдѣлать для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, требовавшаго реформы, и составила проектъ, создававшій рядомъ съ четырьмя старыми куріями крупныхъ землевладѣльцевъ, городовъ, торговыхъ палатъ и сельскихъ общинъ [1]) пятую курію. Ей въ рейхсратѣ должно было принадлежать 47 мѣстъ съ такимъ раздѣленіемъ, чтобы на 34 изъ нихъ выборы производились плательщиками налоговъ ниже установленнаго ценза, а на остальныя 13—промышленными рабочими. Коалиціи, однако, и не пришлось разсматривать этотъ вопросъ, причиною чего былъ одинъ эпизодъ, въ высшей степени характерный для австрійской политической жизни.

Въ дѣло былъ замѣшанъ опять-таки національный вопросъ. Въ Штиріи, въ населеніи которой двѣ трети составляютъ нѣмцы и одну треть словинцы, есть небольшой городокъ, называющійся по-нѣмецки Цилли, по-словински Целье, бывшій когда-то резиденціей феодальнаго графства. Въ городкѣ есть гимназія съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ, но словинцы пожелали, чтобы для нихъ въ этой гимназіи были учреждены параллельные классы съ преподаваніемъ на ихъ языкѣ [2]). Гогенвартовъ клубъ, въ составъ котораго входило нѣсколько словинскихъ депутатовъ, поддерживалъ ихъ требованіе, но нѣмецкіе либералы воспротивились и, когда министръ народнаго просвѣщенія, полякъ Мадейскій, согласился на желаніе словинскихъ депутатовъ, вышли изъ коалиціи съ остальными правительственными партіями, результатомъ чего была отставка министерства. Новый кабинетъ съ гр. Кильмансеггомъ во главѣ просуществовалъ весьма короткое время, послѣ чего составленіе кабинета было поручено гр. Бадени, который вернулся къ традиціи Таафе [3]).

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 369.

[2]) Въ Австріи это называется утраквизаціей. Ср. т. VI, ч. 1, стр. 381.

[3]) Это особенно отмѣчаютъ нѣмецкіе историки. См. напр., *Egelhaaf*. Gesch. der neuest. Zeit, стр. 281. *P. Шпрингеръ* указываетъ, что за послѣднее

Графъ Казимиръ Бадени съ 1888 г. до образованія министерства подъ его предсѣдательствомъ занималъ должность намѣстника Галиціи, самъ притомъ принадлежа къ господствующей въ ней національности. Это былъ ставленникъ польской аристократіи, въ духѣ которой онъ управлялъ Галиціей, проведши въ ней всю жизнь и привыкши въ ней къ системѣ подкуповъ и застращиваній по отношенію ко всѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ населенія. При вѣнскомъ дворѣ Бадени ставили въ особую заслугу то, что онъ съумѣлъ устроить въ Галиціи цѣлый рядъ вѣрноподданническихъ манифестацій тамошней шляхты въ 1893 и 1894 годахъ, а этому придавалось особливое значеніе въ виду приближавшагося пятидесятилѣтняго юбилея царствованія Франца-Іосифа. Свое министерство, въ составѣ котораго не было ни единаго депутата, Бадени составилъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ разнымъ національностямъ и партіямъ, и въ своей деклараціи объявилъ, что кабинетъ будетъ стоять выше партій и самъ руководить рейхсратомъ, а не имъ будетъ руководимъ, и что права всѣхъ національностей будутъ уважаться при признаніи историческаго первенства нѣмецкой культуры. Поставленный на очередь еще Таафе вопросъ объ избирательной реформѣ былъ однимъ изъ первыхъ дѣлъ, которыя гр. Бадени считалъ нужнымъ наконецъ разрѣшить. Въ 1896 г. онъ представилъ свой проектъ реформы, придавъ ему характеръ своего рода ультиматума, который и былъ принятъ всѣми партіями безъ особаго удовольствія. Сущность преобразованія [1]) заключалась въ томъ, что къ 353 членамъ палаты депутатовъ, избираемымъ по основному закону о народномъ представительствѣ, было присоединено еще 72 члена, „выбираемыхъ общимъ классомъ избирателей", причемъ изъ этой цифры приходилось на Богемію 18, на Галицію 15, на Нижнюю и Верхнюю Австрію 9 и 3, на Моравію 7, на Штирію 4, на остальныя земли отъ трехъ до одного отъ каждой. Въ „общемъ классѣ избирателей" по закону 1896 г. находятся „всѣ

время руководящими народностями Австріи были нѣмцы, поляки и чехи, комбинировавшіеся, однако, различнымъ образомъ при Таффе и Бадени. При первомъ, говоритъ онъ, „поляки были настолько умны, чтобы не слѣдовать постоянно за чехами, и, будучи свободны направо и налѣво, имѣли, такимъ образомъ, рѣшающее значеніе. Только при Бадени они пошли за чехами, и, благодаря этому, они сдѣлались козломъ отпущенія нѣмецкой обструкціи". Національная проблема (1909), стр. 263. Общій же ходъ національныхъ отношеній въ Австріи рисуется ему въ такомъ видѣ: „вмѣсто единаго господства нѣмцевъ, дуализма между нѣмцами и поляками, попеременнаго сближенія между чехами, поляками и нѣмцами, наступаетъ простое сожительство восьми національностей", стр. 264.

[1]) См. Современныя конституціи, изд. подъ ред. *В. М. Гессена* и *Б. Э. Нольде* (1905), т. I, стр. 5 и 9.

австрійскіе граждане, достигшіе двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, обладающіе всѣми гражданскими правами" и т. д., что не исключаетъ изъ состава этого класса, какъ пятой куріи, и избирателей другихъ курій. Новая курія была куріей всеобщаго избирательнаго права для пяти слишкомъ милліоновъ голосовъ, представителямъ которыхъ законъ отводилъ 72 мѣста изъ общаго числа 425, что составляетъ только около 17%, т. е. не достигаетъ даже того процента, который въ этомъ представительствѣ по куріямъ принадлежалъ классу крупныхъ землевладѣльцевъ (85 голосовъ), причемъ всѣхъ избирателей перваго разряда было около $5^1/_2$ тысячъ. Нужно еще замѣтить, что въ новой куріи выборы должны были быть прямыми въ шести наиболѣе населенныхъ городахъ и косвенными вообще повсемѣстно [1]).

Новый избирательный законъ получилъ въ первый разъ примѣненіе весною 1897 г., когда происходили общіе выборы въ парламентъ. Далеко нельзя сказать, чтобы на этихъ выборахъ, въ которыхъ вообще впервые при дѣйствіи австрійской конституціи 1861 г. могли принять принять народныя массы, царствовала свобода. Наоборотъ, министерство Бадени пустило въ ходъ всѣ средства для того, чтобы на выборахъ не могли имѣть успѣха непріятные ему кандидаты, и, быть можетъ, нигдѣ вмѣшательство не принимало такихъ размѣровъ, какъ въ родной премьеру Галиціи, гдѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо, произведено было арестовъ среди агитаторовъ, а также было случаевъ прямого недопущенія неблагонадежныхъ избирателей до урнъ и, наконецъ, даже примѣровъ подачи голосовъ лицами, которыхъ давно уже не было на бѣломъ свѣтѣ или несовершеннолѣтними. Несмотря на всѣ избирательные маневры властей, пятая курія все-таки дала себя знать выборомъ значительнаго числа оппозиціонныхъ депутатовъ. Здѣсь, именно, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ 1897 г. въ первый разъ австрійскій рейхсратъ увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ соціалъ-демократовъ и притомъ сразу въ количествѣ четырнадцати человѣкъ, принадлежавшихъ къ тремъ главнымъ національностямъ,— обстоятельство, не помѣшавшее имъ образовать общій интернаціональный клубъ [2]). Чешскіе депутаты были почти всѣ младочехи, и

---

[1]) При первомъ же примѣненіи новаго закона оказалось, что въ землевладѣльческой куріи 1 депутатъ приходится на 64 человѣка, въ куріи торговыхъ палатъ—на 28, въ городской—на 3341, въ четвертой на $11^1/_2$ т., въ пятой на $69^2/_3$ т. Ср. т. VI, ч. 1, стр. 369.

[2]) На выборахъ соціалисты получили въ пятой куріи такое громадное количество голосовъ, что при дѣйствіи всеобщаго избирательнаго права ихъ въ палатѣ должно было бы быть около ста. Klub socyaldemokratyczny jest jedynem w parlamencie, w którym zasiada spokojnie niemiec koło czecha, polak obok rusina, nie potrzebując przytem wyrzekać się swej indywidualności narodowej,

если, наоборотъ, почти всѣ польскіе представители Галиціи были консерваторы, то все-таки и среди поляковъ явилось въ рейхсратъ около десятка демократовъ. Изъ нѣмецкихъ партій значительный уронъ потерпѣла бывшая раньше наиболѣе значительною партіей соединенная нѣмецкая лѣвая, въ которой въ предыдущемъ рейхсратѣ числилось 110 человѣкъ, а теперь оставалось только 77, причемъ больше всего потеряли мѣстъ городскіе и сельскіе депутаты. Мало того, между ними и либеральными депутатами изъ крупныхъ землевладѣльцевъ прежнія связывавшія ихъ узы распались въ виду того, что среди городскихъ и сельскихъ депутатовъ господствовало болѣе оппозиціонное настроеніе. На ихъ счетъ выиграли нѣмецкіе клерикалы, христіанскіе соціалы (антисемиты) и націоналисты.

Въ общемъ, въ концѣ концовъ Бадени удалось создать для себя большинство изъ необычайно пестраго состава новой палаты депутатовъ. Это большинство образовали всѣ наиболѣе консервативные элементы съ присоединеніемъ къ нимъ либеральныхъ представителей крупнаго нѣмецкаго землевладѣнія и чеховъ, обладавшихъ вмѣстѣ безъ малаго ста голосами. Чтобы обезпечить за собою содѣйствіе первыхъ, Бадени сумѣлъ устроить такъ, что императоръ по поводу его желанія подать въ отставку выразилъ ему высочайшее довѣріе, а это заставило лойяльныхъ либераловъ изъ куріи крупнаго землевладѣнія „въ государственномъ интересѣ“, какъ они объясняли, обѣщать министерству свою поддержку. Что касается до чеховъ, то ихъ Бадени расположилъ въ свою пользу распоряженіями о языкахъ (Sprachenverordnungen), изданными вскорѣ послѣ выборовъ (въ апрѣлѣ).

Своими распоряженіями о языкахъ, однимъ для Чехіи, другихъ для Моравіи, Бадени вводилъ въ обѣихъ областяхъ монархіи равноправіе нѣмецкаго и чешскаго языковъ, обязывавшее всѣхъ вообще чиновниковъ и въ Чехіи, и въ Моравіи черезъ пять лѣтъ владѣть обоими языками, причемъ все дѣлопроизводство въ присутственныхъ мѣстахъ должно было вестись на обоихъ языкахъ, т.-е. къ тексту на одномъ изъ нихъ прилагаться переводъ его на другой. Среди нѣмцевъ предписаніе Бадени вызвало страшное негодованіе: богемскіе нѣмцы увидѣли въ немъ просто-на-просто не что иное, какъ приступъ къ ихъ чехизаціи. Нѣмцы въ другихъ частяхъ монархіи тоже всполошились. Они указывали на то, что министръ превысилъ свою власть, вздумавъ рѣшать по своему усмотрѣнію вопросъ, который могъ быть рѣшенъ только законодательнымъ порядкомъ; указывали и на то, что въ Богеміи, кромѣ округовъ, населенныхъ чехами или имѣющихъ смѣшанное на-

---

ani najdalej idących, byle nie na koszt cudzy operujących aspiracyj. *W. Feldman.* Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi (1907), II, 111.

селеніе, есть еще чисто нѣмецкіе округа, гдѣ чеховъ нѣтъ; указывали, наконецъ, и на то, что чехи все заполонятъ въ Богеміи, что среди чеховъ много уже знающихъ по-нѣмецки, что имъ учиться нѣмецкому языку нетрудно и что изъ знанія этого языка они, кромѣ пользы ничего, не получатъ, тогда какъ, наоборотъ, нѣмцевъ, знающихъ по-чешски, мало, самый языкъ чешскій очень труденъ для изученія, да и пользы это изученіе не дастъ никакой въ виду, какъ увѣряли нѣмцы, отсутствія у чеховъ настоящей литературы. Протесты со стороны австрійскихъ нѣмцевъ нашли поддержку и за границами Австріи. Большого шума, напр., надѣлало и вызвало полемику съ чешской стороны заявленіе знаменитаго историка Рима, Моммзена [1], приглашавшаго своихъ австрійскихъ соплеменниковъ не сдаваться, напротивъ, всѣми силами бороться противъ распоряженій графа Бадени, такъ какъ, говорилъ Моммзенъ, дѣло идетъ о судьбѣ австрійскихъ нѣмцевъ, которые не могутъ же выселиться изъ провинцій, нѣмцамъ обязанныхъ своею высокою культурою, не могутъ допустить чехизаціи если не дѣтей своихъ, то внуковъ. Въ пылу защиты нѣмецкой національности великій ученый позволилъ себѣ рѣзкія выходки по адресу чешскаго тупоголовія, что вызвало не менѣе страстные отвѣты съ чешской стороны [2]). Самая горячая борьба происходила въ рейхсратѣ, куда въ маѣ того же года было внесено разными нѣмецкими группами предложеніе о преданіи суду министровъ, подписавшихъ распоряженія о языкахъ, какъ людей, нарушившихъ этими распоряженіями конституцію. Пренія объ этомъ предложеніи были очень бурны. Главнымъ ораторомъ оппозиціи выступалъ націоналистъ Вольфъ, грозившій, между прочимъ, жалобой германскимъ соплеменникамъ на то, что Бадени замыслилъ погубить богемскихъ нѣмцевъ, и реторически просившій этихъ соплеменниковъ быть готовыми придти на помощь, когда настанетъ время. Состоявшееся затѣмъ голосованіе было въ пользу Бадени: предложеніе о преданіи его суду было провалено 253 голосами противъ 163. Тогда нѣмецкая оппозиція прибѣгла къ обструкціи, которую проводила очень энергично и искусно, чѣмъ заставила правительство отсрочить засѣданія до осени, хотя

---

[1]) Онъ написалъ статью подъ заглавіемъ „An die Deutschen in Oesterreich“, которая была помѣщена въ „Neue Freie Presse“.

[2]) Одинъ изъ этихъ отвѣтовъ (пражскаго профессора Пекаржа) былъ переведенъ по-русски и изданъ отдѣльной брошюрой. Чехи до сихъ поръ не могутъ простить Моммзену его совѣтъ бить чеховъ по твердымъ башкамъ. См., напр., слова *Крамаржа* въ III т. изданія „Česká politika“, стр. 607: „surowost slavila pravé orgie, a Mommsen se postaral, aby jí postaveno bylo monumentum aere perennius“. Съ польской стороны возражалъ проф. права *Oswald Balzer* въ „Offenes Schreiben an Dr. Th. Mommsen“ (1897).

палата не успѣла даже составить отвѣтный адресъ на тронную рѣчь императора. При закрытіи сессіи Бадени пришлось слышать громкіе крики съ депутатскихъ мѣстъ: „долой! въ отставку! въ отставку!“

Въ промежутокъ между преждевременно закрытой, весенней сессіей рейхсрата и новой сессіей, которая открыта была осенью, распоряженія Бадени продолжали быть злобой дня австрійскихъ нѣмцевъ вообще и въ особенности богемскихъ. Народныя манифестаціи съ зажигательными рѣчами, принимавшими нерѣдко прямо революціонный характеръ, и съ распѣваніемъ національнаго германскаго гимна (Wacht am Rhein) такъ и слѣдовали одна за другою. Случалось, что эти демонстраціи сопровождались стычками съ кровопролитіемъ, какъ это было въ нѣмецкомъ городѣ сѣверо-западнаго угла Богеміи, Эгерѣ (по-чешски Хэбѣ), мѣстѣ убіенія Валленштейна. Мало того, выборныя власти мѣстнаго самоуправленія стали отказываться отъ измѣненія разныхъ порученій, которыя имъ давались въ силу министерскихъ распоряженій. Все лѣто 1897 г. прошло въ волненіяхъ, разжигавшихся еще газетной полемикой, когда же въ октябрѣ снова собрался рейхсратъ, въ немъ стали повторяться весеннія сцены, усложнившіяся еще настоящими драками. При самомъ открытіи засѣданій Вольфъ крикнулъ Бадени, что онъ совершаетъ подлость, и результатомъ этого была дуэль, въ которой министръ получилъ рану. Обструкція тоже была пущена въ ходъ со злостнымъ намѣреніемъ не дать состояться голосованію о продленіи соглашенія съ Венгріей на новое десятилѣтіе въ виду истеченія срока, на которое это соглашеніе заключалось [1]). Въ вѣнскомъ парламентѣ стали повторяться сцены, происходившія въ лондонскомъ временъ парнеллевской обструкціи. Однажды рѣчь нѣмецкаго депутата, начатая вечеромъ, окончилась только утромъ слѣдующаго дня, а малѣйшія попытки предсѣдателя,— кстати, какъ и премьеръ не нѣмца, а поляка Абрагамовича [2]),— встрѣчались со стороны обструкціонистовъ шумомъ, стукомъ по пюпитрамъ, криками и т. п. Чтобы положить конецъ такому невозможному положенію дѣлъ, большинство рѣшилось измѣнить наказъ рейхсрата, давъ предсѣдателю право исключать на три засѣданія членовъ, которые препятствуютъ правильному ходу занятій палаты, и даже удалять ихъ, въ случаѣ неповиновенія, силою при помощи внутренней полиціи рейхсрата. Разумѣется, провести такое измѣненіе наказа можно было только необычнымъ путемъ: именно, сдѣланное въ этомъ смыслѣ предложеніе одного изъ членовъ большинства было

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 16 и 363.

[2]) Предсѣдателемъ, собственно говоря, былъ тирольскій клерикалъ Катрейнъ, а Абрагамовичъ — товарищемъ предсѣдателя (а другимъ — младочехъ Крамаржъ).

немедленно принято безъ всякаго обсужденія этимъ большинствомъ, какъ одинъ человѣкъ, вставшимъ и тѣмъ заявившимъ о своемъ согласіи на такую мѣру. Абрагамовичъ имѣлъ смѣлость заявить, что предложеніе было принято единогласно: правда, и оппозиція вскочила со своихъ мѣстъ, но только отъ изумленія и негодованія. Дѣло, конечно, такъ просто кончиться не могло. Крайняя лѣвая на парламентскій coup d'état отвѣтила парламентской революціей, въ которой главную роль играли соціалъ-демократы. Предсѣдателя прогнали съ его мѣста, завладѣли его колокольчикомъ съ крикомъ: „да здравствуетъ революція!"; бумаги президіума поразбросали, обратили въ бѣгство и самихъ министровъ и т. д., вслѣдъ за чѣмъ произошла свалка съ полиціей, наконецъ и очистившей залу. Однако, революція, усмиренная въ залѣ, вышла затѣмъ на площадь передъ зданіемъ рейхсрата, куда явились цѣлыя толпы народа, особенно рабочихъ, а вмѣстѣ съ ними и войска разгонять народъ лихой аттакой конницы, ружейными выстрѣлами и т. п. Между тѣмъ Бадени рѣшилъ послѣ всего этого подать въ отставку, о чемъ и поспѣшилъ сообщить народу находившійся въ зданіи ратуши, почти рядомъ съ рейхстагомъ, бюргермейстеръ Люэгеръ [1]) Быстро послѣдовали одинъ за другимъ императорскіе указы объ отсрочкѣ засѣданій, потомъ объ отставкѣ Бадени, наконецъ о закрытіи сессіи. Такъ плачевно кончилось министерство Бадени [2]).

---

[1]) Люэгеръ (Luëger, а не Lüger), когда-то демократъ,—одна изъ наиболѣе шумливыхъ личностей австрійской реакціи. Раздѣляя съ главою „всенѣмцевъ", Шёнереромъ, его шовинизмъ и антисемитизмъ, онъ расходился съ нимъ въ двухъ отношеніяхъ: въ отношеніи религіозномъ Люэгеръ — католикъ, другъ клерикаловъ, одинъ изъ вождей христіанско-соціальной партіи, тогда какъ Шёнереръ оказывалъ большее благоволеніе къ протестантизму, въ отношеніи же розыска главныхъ враговъ, кромѣ евревъ, Люэгеръ усматривалъ ихъ не столько въ лицѣ славянъ, сколько въ мадьярахъ, эксплуатирующихъ Австрію съ 1867 г. Положеніе столичнаго городского головы сдѣлало его очень видною фигурою въ жизни Австріи. Но этого положенія Люэгеръ достигъ не безъ препятствій. Бадени въ началѣ своего министерства дважды не допускалъ его утвержденія, причемъ ему пришлось распустить городской совѣтъ и назначить новые выборы, но достигъ этимъ только сильнаго броженія въ вѣнскомъ населеніи.

[2]) По опредѣленію *Шпрингера* австрійская политика со времени паденія перваго бюргерскаго министерства слѣдовала двумъ руководящимъ принципамъ, которые онъ формулируетъ такъ: 1) „Австрія—главная опора католицизма въ Европѣ" и 2) „Австрія — федерація западныхъ и южныхъ славянъ подъ конституціоннымъ скипетромъ Габсбурговъ". Первый принципъ „выросъ изъ жажды реванша со стороны клерикаловъ (за 1870 г.) и феодаловъ" (за пораженіе 1866 г.), а вторая мысль „созрѣла въ головѣ польской шляхты и чешской буржуазіи", соединеніе же того и другого „получило свое высшее выраженіе въ министерствѣ графа Бадени", но „ни для одного изъ этихъ принциповъ, прибавляетъ *Шпрингеръ*, нѣтъ компактнаго, перевѣшива-

Преемникомъ его на посту премьера былъ одинъ изъ его товарищей по только что павшему министерству, нѣмецъ, баронъ Гаутчъ фонъ-Франкентурмъ, въ рукахъ котораго былъ портфель народнаго просвѣщенія. Эта перемѣна вызвала сильные безпорядки въ Чехіи, гдѣ отставка Бадени встрѣчена была крайнимъ раздраженіемъ большинства населенія. Въ цѣломъ рядѣ городовъ произошли антинѣмецкія демонстраціи сопровождавшіяся насиліями надъ нѣмцами, а заодно и надъ евреями. Въ Прагѣ, напр., камнями были повыбиты стекла въ домахъ многихъ нѣмцевъ и евреевъ, разгромлено нѣсколько принадлежавшихъ имъ магазиновъ, и подверглось нападенію зданіе нѣмецкаго университета, что̀ повлекло за собою введеніе въ городѣ осаднаго положенія. Главную роль въ этомъ погромѣ играли чешскіе націоналисты разныхъ направленій, тогда какъ, наоборотъ, рабочіе, принадлежавшіе къ соціалъ-демократической партіи, старались положить конецъ дикимъ уличнымъ сценамъ, разыгравшимся подъ вліяніемъ національной вражды ко всему не-чешскому. Эти безпорядки происходили въ декабрѣ 1897 г. [1]), и осадное положеніе въ Прагѣ продолжалось до февраля слѣдующаго года, когда былъ открытъ въ столицѣ Чехіи земскій сеймъ. Опасаясь, что во время сессіи сейма могутъ возникнуть новые безпорядки, власти запретили студентамъ нѣмецкаго университета въ Прагѣ появляться на улицахъ города со своими цвѣтными лентами и другими знаками принадлежности къ нѣмецкому корпоративному студенчеству, какъ бы обладавшими свойствомъ раздражать чеховъ, которые видѣли въ такомъ оказательствѣ нѣмечества вызывающую демонстрацію. На это запрещеніе студенты отвѣтили забастовкой, которая должна была распространиться на всѣ высшія учебныя заведенія Австріи съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія. Съ этою цѣлью въ одномъ изъ городовъ Богеміи (Лейтмерицѣ) состоялся академическій съѣздъ, куда пріѣхало нѣсколько нѣмецкихъ депутатовъ и профессоровъ, и принятая на немъ резолюція о забастовкѣ немедленно стала приводиться въ исполненіе: нѣмецкіе студенты разныхъ

ющаго большинства среди населенія“. Національная проблема (1909), стр. 203. „Бюргерское министерство“ (Bürgerministerium), о которомъ сказано въ началѣ цитаты, это—тотъ кабинетъ, который образовался вслѣдъ за введеніемъ австрійской конституціи 1867 г. и получилъ это названіе вслѣдствіе своего состава не изъ родовитыхъ людей, т.-е., такъ сказать, „плебейское“, или „мѣщанское министерство, ministère des roturiers, какъ данный кабинетъ называютъ по-французски; поэтому напрасно русскій переводчикъ книги *Шпрингера* называетъ его не „бюргерскимъ“, а „буржуазнымъ“, что̀ придаетъ термину совсѣмъ другой смыслъ.

[1]) Почти одновременно съ этимъ въ Галиціи были еврейскіе погромы, въ Штиріи нападенія нѣмцевъ на словинцевъ, а въ южномъ Тиролѣ и Тріестѣ итальянскіе подданные Австріи горѣли желаніемъ присоединиться къ Италіи.

высшихъ учебныхъ заведеній прекратили посѣщеніе аудиторій и стали примѣнять обструкцію по отношенію къ профессорамъ, продолжавшимъ чтеніе лекцій для своихъ слушателей изъ разныхъ славянскихъ національностей, которыхъ въ университетахъ вездѣ было, конечно, немало. Академическіе безпорядки приняли такіе размѣры, что въ февралѣ же правительство объявило о временномъ закрытіи высшихъ школъ.

Когда Бадени приглашался занять министерскій постъ, на него возлагались въ высшихъ сферахъ особыя надежды относительно возобновленія австро-венгерскаго соглашенія и празднованія императорскаго юбилея. Рейхстагъ послѣ отставки Бадени не былъ въ сборѣ, и новый министръ провелъ соглашеніе съ Венгріей на прежнихъ условіяхъ по 14 статьѣ конституціи, дающей императору право въ случаяхъ настоятельной надобности издавать временные законы въ отсутствіе рейхсрата [1]). Дѣло это прошло сравнительно гладко вслѣдствіе предварительнаго соглашенія съ вождями партій, но по поводу юбилея произошли новые раздоры. Отдѣльные земскіе сеймы монархіи, собранные въ концѣ 1848 г., обратились къ Францу-Іосифу съ рядомъ поздравительныхъ адресовъ, изъ которыхъ, въ виду только-что разыгравшихся событій, особое значеніе получилъ адресъ отъ сейма Богеміи. Авторомъ этого адреса былъ Карлъ Крамаржъ, стоявшій на точкѣ зрѣнія чешскаго государственнаго права [2]), но нѣмецкіе депутаты, узнавъ о содержаніи адреса и видя, что въ его пользу составится большинство, отказались принимать участіе въ его обсужденіи и ушли изъ залы засѣданій съ намѣреніемъ и вообще болѣе въ ней не появляться. Отрицательное отношеніе нѣмцевъ къ содержанію адреса было поддержано и намѣстникомъ, гр. Куденгофомъ, сказавшимъ, что основная идея адреса совершенно для правительства непріемлема, но предсѣдатель сейма, князь Лобковичъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей партіи чешскихъ феодаловъ, отвѣтилъ, что для его партіи, всегда отстаивавшей извѣстные принципы, точка зрѣнія того или другого правительства безразлична [3]). Сеймъ устроилъ овацію своему президенту, но весь этотъ инцидентъ знаменовалъ не что иное, какъ разрывъ чеховъ съ правительствомъ, которое до тѣхъ поръ ими поддерживалось. Что къ чешскому адресу такъ отнеслись нѣмцы, это будетъ вполнѣ понятно, если мы примемъ въ расчетъ, что онъ былъ составленъ въ духѣ рѣшительнаго федерализма и возвращенія отъ дѣйствовавшей въ то время системы непосредственныхъ

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 13.

[2]) *Karel Kramař*. Ceské státní právo (1896).

[3]) Крамаржъ, какъ докладчикъ коммиссіи объ адресѣ, тоже говорилъ, что правительства приходятъ и уходятъ, а право остается (vlády přicházejí a odcházejí, ale právo zůstává).

выборовъ въ рейхсратъ къ прежней системѣ делегацій отъ земскихъ сеймовъ [1]). Все, что происходило тогда въ австрійской половинѣ монархіи, чешскій адресъ вмѣнялъ въ вину преимущественно „противоестественному" централизму, который лишилъ земскій сеймъ права посылать своихъ представителей въ рейхсратъ, сдѣлавъ изъ послѣдняго арену непосредственной борьбы въ высшей степени противорѣчивыхъ національныхъ и экономическихъ интересовъ. Адресъ указывалъ далѣе на то, что централистическая бюрократія неспособна, какъ слѣдуетъ, разрѣшать задачи, требующія знанія мѣстныхъ условій, нуждъ и интересовъ. Поэтому въ адресѣ рекомендовалось возвращеніе монархіи къ ея историческимъ и естественныхъ основамъ, возвращеніе и Чехіи къ ея прежнему положенію въ монархіи. Этимъ, сказано было еще въ адресѣ, отнюдь не устраняется необходимость общаго представительства для общихъ дѣлъ, которыя суть на самомъ дѣлѣ общія для всѣхъ отдѣльныхъ королевствъ и земель дѣла, но и при существующей конституціи можно расширить права земскихъ сеймовъ, равно какъ обособить управленіе Чешскаго королевства, которое притомъ должно оставаться „единымъ и нераздѣльнымъ" съ признаніемъ въ немъ за каждымъ обывателемъ права обращаться ко всѣмъ мѣстнымъ властямъ на своемъ языкѣ и съ проведеніемъ справедливой реформы выборовъ. Наконецъ, въ адресѣ выражалось упованіе, что государь пріѣдетъ въ Прагу вѣнчаться священной короной св. Вацлава.

Между тѣмъ баронъ Гаутчъ издалъ новыя распоряженія о языкахъ, измѣнявшія распоряженія Бадени въ смыслѣ, болѣе благопріятномъ для нѣмцевъ, что̀, впрочемъ, послѣднихъ нисколько не удовлетворило. Въ томъ, что теперь объявлялось, прямо указывалась необходимость законодательнаго урегулированія вопроса, пока же издавались временныя правила. Это была одна уступка требованіямъ нѣмецкаго общественнаго мнѣнія. Далѣе, составленіе дѣловыхъ бумагъ на двухъ языкахъ отмѣнялось, и, наоборотъ, предписывалось въ протоколахъ, рѣшеніяхъ и отвѣтахъ пользоваться языкомъ, на которомъ къ должностнымъ лицамъ обращались люди, имѣвшіе къ нимъ дѣло. Вмѣстѣ съ этимъ Богемія раздѣлялась на округа чисто-чешскіе, чисто-нѣмецкіе и смѣшанные, что̀ дѣлало для чиновниковъ обязательнымъ знаніе обоихъ языковъ только въ смѣшанныхъ округахъ. Въ Моравіи такого дѣленія округовъ установлено не было, т.-е. здѣсь предписана была двуязычность. Чехи тоже остались недовольны новымъ распоряженіемъ, какъ и вообще самимъ барономъ Гаутчемъ, отставки котораго

---

[1]) О замѣнѣ одного порядка другимъ въ 1873 г. см. на стр. 11 и 369 первой части настоящаго тома.

чешскія газеты стали требовать немедленно послѣ разрыва большинства богемскаго сейма съ правительствомъ [1]).

Демонстративный уходъ нѣмцевъ изъ пражскаго сейма состоялся 26 февраля, распоряженія о языкахъ, подписанныя еще за два дня передъ тѣмъ, обнародованы 4 марта, а 5 марта уже была опубликована отставка барона Гаутча съ назначеніемъ министромъ-президентомъ богемскаго аристократа гр. Франца Туна-Гогенштейна. Чехамъ это былъ человѣкъ очень хорошо извѣстный. Членъ австрійской палаты господъ и богемскаго сейма, онъ принадлежалъ къ феодально-клерикальной партіи, что̀ ставило его во враждебныя отношенія къ нѣмецкимъ либераламъ и централистамъ. Въ началѣ своей политической дѣятельности онъ очень опредѣленно высказывался за необходимость осуществленія чешскаго государственнаго права и коронованія Франца-Іосифа въ Прагѣ чешскимъ королемъ. Это не помѣшало ему сдѣлаться богемскимъ намѣстникомъ, какъ-разъ въ то время (1889), когда тамъ происходило сильное національное и демократическое движеніе, которое онъ сталъ подавлять самыми суровыми мѣрами [2]). При Бадени Туну пришлось оставить свою должность, такъ какъ младочехи поставили это условіемъ своего содѣйствія кабинету Бадени. Нужно прибавить, что Тунъ былъ въ ссорѣ и съ богемскими нѣмцами, но какимъ-то страннымъ образомъ это и выдвинуло его при дворѣ, какъ человѣка, который долженъ былъ примирить обѣ національности. Назначенный преемникомъ Гаутча, Тунъ, взявъ на себя въ новомъ кабинетѣ министерство внутреннихъ дѣлъ, пригласилъ къ участію въ немъ членовъ разныхъ группъ правой, которая раньше была въ союзѣ съ Бадени. Изъ славянъ въ составъ кабинета вошли младо-чехъ Іосифъ Кайзль, сдѣлавшійся министромъ финансовъ, и полякъ Іендржеёвичъ—для Галиціи. Чехи не могли быть довольны вступленіемъ Кайзля въ министерство такого дѣятеля, какъ гр. Тунъ, оставившій по себѣ недобрую память во всѣхъ слояхъ чешской націи,—кромѣ, конечно, феодаловъ, къ которымъ принадлежалъ самъ.

Министерство гр. Туна не было счастливѣе своихъ предшественниковъ. Въ рейхсратѣ, созванномъ 21 марта, снова начались бурныя засѣданія, заставлявшія закрывать засѣданія. Потомъ опять ихъ открывали, но снова ненадолго и опять закрывали. Срокъ временнаго соглашенія съ Венгріей истекалъ, но правильнымъ порядкомъ

---

[1]) Баронъ Гаутчъ далеко не былъ врагомъ чешской національности, что̀ недавно засвидѣтельствовалъ самъ Крамаржъ. Česká politika, III, 627.

[2]) Přiblížení se hr. Thuna k českému národu bylo dost překvapující. Činnost jeho jako místodržitele nenechala v českých srdcích teplé vzpomínky. Česka politika, III, 628.

продолжить его не удавалось, такъ что опять пришлось возобновить его при помощи 14 статьи конституціи. Тѣмъ же порядкомъ Кайзль установилъ и бюджетъ, который не могъ быть вотированъ рейхсратомъ. Имѣя противъ себя всѣ нѣмецкія партіи, гр. Тунъ счелъ осенью 1899 г. совершенно для себя невозможнымъ впредь оставаться у власти и вышелъ въ отставку. Новое министерство образовалось подъ предсѣдательствомъ гр. Клари-Альдрингена, бывшаго намѣстникомъ Штиріи. Это было уже полною ликвидаціей политики Бадени.

Еще при Тунѣ, весною 1890 г., разныя нѣмецкія партіи объединились въ общій союзъ и обнародовали свою національную программу. Главными пунктами этой программы были отмѣна 14 статьи конституціи, измѣненіе условій соглашенія съ Венгріей въ смыслѣ отказа отъ уступленныхъ ей преимуществъ, болѣе тѣсное единеніе съ Германіей съ образованіемъ таможеннаго съ нею союза, признаніе законодательнымъ порядкомъ за нѣмецкимъ языкомъ значенія всеобщаго языка для сношеній (Vermittelungssprache), обязательнаго во всей Австріи для чиновниковъ, адвокатовъ и нотаріусовъ, но съ правомъ употребленія мѣстныхъ языковъ въ южной части Тироля, въ Галиціи и въ чисто-чешскихъ округахъ Богеміи, для чего должно было бы быть совершено перераспредѣленіе послѣдней на этнографическіе округа. Понятное дѣло, распоряженія о языкахъ, сдѣланныя Бадени и Туномъ, подлежали съ нѣмецкой точки зрѣнія отмѣнѣ. Новое министерство гр. Клари не замедлило исполнить послѣднее желаніе и черезъ двѣ недѣли послѣ своего вступленія во власть отмѣнило распоряженія предыдущихъ кабинетовъ. На этотъ разъ протестовать стали чехи и въ рейхсратѣ, и въ странѣ. Въ Богеміи и Моравіи снова начались волненія, усмирявшіяся при помощи войска. Запасные нижніе чины изъ чеховъ при перекличкѣ стали, вмѣсто нѣмецкаго „hier", выкрикивать „zde", хотя за это ихъ подвергали наказаніямъ, чешскіе же дѣятели, не исключая и депутатовъ, ихъ одобряли. На почвѣ этихъ постоянныхъ „zde" въ началѣ 1900 г. произошла даже необычайная для чопорнаго вѣнскаго этикета сцена. Въ числѣ лицъ, оправдывавшихъ проступки чешскихъ солдатъ противъ дисциплины, былъ депутатъ и членъ австрійской делегаціи Странскій. Представляясь Францу-Іосифу вмѣстѣ съ другими членами обѣихъ делегацій, онъ получилъ отъ императора нѣчто въ родѣ выговора. Странскій не смолчалъ, заявивъ, что онъ только исполнялъ свой депутатскій долгъ. Францъ-Іосифъ разсердился, пригрозилъ объявленіемъ осаднаго положенія, если будутъ и впредь не повиноваться, и сказалъ, что ни одинъ изъ приговоренныхъ за это къ наказанію не получитъ отъ него помилованія. Странскій продолжалъ настаивать на своей правотѣ, указывая, что законъ даже и не предписываетъ непре-

мѣнно говорить „hier“, и тогда Францъ-Іосифъ рѣзко сталъ обвинять чешскую интеллигенцію, что это она-де мутитъ простой народъ, и рѣшительно заявилъ, что въ вопросѣ о языкѣ въ арміи, каковымъ долженъ быть нѣмецкій, уступки быть не можетъ. Странскій опять возразилъ, сославшись на могущія изъ всего этого получиться „достойныя сожалѣнія слѣдствія“, разъ не найдено будетъ выхода, пріемлемаго для чешскаго національнаго чувства. „И я, — отрѣзалъ ему императоръ,—тоже буду этимъ огорченъ, но еще разъ повторяю вамъ: не затрогивайте больше арміи“.

Незадолго до этого необычнаго разговора между главою государства и оппозиціоннымъ народнымъ представителемъ и министерство гр. Клари уже болѣе не существовало, продержавшись лишь два съ половиною мѣсяца. На очереди стояло обсужденіе вопроса о соглашеніи съ Венгріей, которое гр. Клари хотѣлъ провести конституціоннымъ путемъ, но чехи начали опять обструкцію, и дѣло кончилось отставкою министерства, назначеніемъ чисто бюрократическаго кабинета и новымъ проведеніемъ австро-венгерскаго соглашенія по 14 статьѣ. За кабинетомъ Виттека, просуществовавшимъ только одинъ мѣсяцъ, послѣдовало министерство Кёрбера, сдѣлавшаго новую попытку чешско-нѣмецкаго примиренія, попытку, опять не увѣнчавшуюся успѣхомъ. Въ весенней своей сессіи 1900 г. рейхсратъ снова былъ ареной, на которой разыгралась чешская обструкція, заставившая правительство сначала закрыть засѣданія, а черезъ три мѣсяца и распустить рейхсратъ съ назначеніемъ выборовъ на январь 1901 г. Первый годъ новаго, XX столѣтія былъ опять свидѣтелемъ бурныхъ сценъ, давшихъ министру-президенту даже поводъ пригрозить пріостановкою конституціи и возвращеніемъ къ абсолютизму. Любопытно, что во время бывшихъ въ этомъ году парламентскихъ пререканій чехи предлагали нѣмцамъ ужъ лучше прямо объявить, что они стремятся сдѣлаться пруссаками, на что одинъ изъ націоналистовъ отвѣтилъ заявленіемъ о своемъ и товарищей своихъ дѣйствительномъ желаніи присоединиться къ Германской имперіи, „а вы,—прибавилъ онъ по адресу чеховъ,—хотите сдѣлаться подданными Россіи“.

Національная борьба въ Австріи сдѣлала въ концѣ XIX в. не только совершенно невозможною правильную конституціонную жизнь, но и повлекла за собою одно интересное явленіе въ настроеніи и поведеніи австрійскихъ нѣмцевъ. Впрочемъ, что касается перваго результата, то иногда само правительство искусственно создавало условія для примѣненія 14-ой статьи. Когда въ 1898 г. въ рейхсратѣ узнали о состоявшемся между австрійскимъ и венгерскимъ министрами уговорѣ относительно новаго проведенія Ausgleich'а на основаніи 14-ой статьи, буде рейхсратъ окажется неработоспособнымъ, оппозиція въ

рейхсратѣ стала вести себя довольно тихо и смирно, дабы лишить правительство предлога закрыть сессію, но это не помогло: сессія все-таки была закрыта, и статья 14-я примѣнена снова.

Если однимъ результатомъ національной борьбы было прекращеніе правильнаго функціонированія парламента, то другимъ было возникновеніе среди австрійскихъ нѣмцевъ пангерманизма. Главою крайнихъ нѣмецкихъ націоналистовъ (Deutchnationale) или такъ называемыхъ еще „всенѣмцевъ“ (Alldeutschen [1]) въ Австріи сдѣлался въ это время Шёнереръ, бывшій депутатомъ еще въ семидесятыхъ годахъ и тогда уже прославившійся разными крайностями націоналистическаго характера. Къ числу отличительныхъ чертъ его политической физіономіи нужно отнести еще самый рьяный антисемитизмъ [2]), который онъ

---

[1]) Въ брошюрѣ *С. Лозинскаго* „Національный вопросъ и политическія партіи въ Австріи“ (1907 г.) приводится длинная выдержка изъ одного воззванія нѣмецкихъ націоналистовъ (1885 года), откуда приводимъ нѣсколько строкъ: „мы требуемъ для Австріи такой реформаторской политики, какую въ Пруссіи проводитъ Бисмаркъ. Мы требуемъ положить конецъ неслыханной эксплуатаціи крестьянъ и ремесленниковъ,... мы требуемъ... заставить движимый капиталъ, а въ особенности биржу платить налоги. Все это будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если, во-первыхъ, будетъ устранено вліяніе евреевъ изъ общественной жизни,... а во-вторыхъ, если народное представительство будетъ основано на принципѣ справедливости, національзма и народности“. Далѣе требуются объединеніе въ одно цѣлое земель, входившихъ раньше въ составъ Германскаго союза, объявленіе въ нихъ нѣмецкаго языка государственнымъ, вступленіе ихъ въ тѣсный союзъ съ Германіей съ отдачей въ пользу Венгріи какъ Далмаціи съ Босніей и Герцеговиной, такъ, пожалуй, и Галиціи съ Буковиной.

[2]) Послѣ всего, что уже было сказано объ антисемитизмѣ въ Германіи и во Франціи (см. выше, стр. 126—129 и 193—195) можно ограничиться лишь немногими замѣчаніями объ антисемитизмѣ въ Австріи. Особымъ условіемъ для его возникновенія въ Австріи было то, что здѣсь евреи стали играть такую видную роль, какъ нигдѣ. Съ конца шестидесятыхъ годовъ наплывъ евреевъ въ Вѣну сдѣлался явленіемъ, не могшимъ не бросаться въ глаза. Съ 1860 по 1886 г. число евреевъ въ столицѣ увеличилось на 80%, тогда какъ христіанъ—только на 11%. Они стали играть видную роль не только въ промышленности и торговлѣ, но и заполнять либеральныя профессіи, такъ что въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ евреевъ было 40% среди университетскихъ преподавателей, 50% врачей, болѣе 50% присяжныхъ адвокатовъ и т. п., не говоря уже о прессѣ. Такія цифры давали австрійскимъ антисемитамъ возможность сваливать на евреевъ всѣ экономическія бѣды, переживавшіяся населеніемъ Австріи вслѣдствіе и въ ней происходившаго процесса концентраціи, поддерживавшагося манчестерскою политикою правительства. Между прочимъ, австрійскіе антисемиты внушали своимъ слушателямъ и читателямъ ту мысль, что самъ соціализмъ есть не что иное, какъ ловкая еврейская выдумка для отвода глазъ отъ истинныхъ виновниковъ всѣхъ бѣдствій, которою они и морочатъ народъ: не даромъ же во главѣ австрійской соціалъ-демократіи стоитъ еврей (Адлеръ). При этомъ указывали на Германію, гдѣ Бисмаркъ не давалъ-де воли еврейскимъ соціали-

стремился привить къ вѣнскому нѣмецкому студенчеству. За одну свою грубую выходку онъ попалъ однажды, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ тюрьму и былъ лишенъ дворянства. Удалившись-было въ частную жизнь, онъ въ 1897 г. былъ снова выбранъ въ рейхсратъ. Его ближайшимъ товарищемъ былъ антисемитическій журналистъ Карлъ Вольфъ, тотъ самый, который дрался съ Бадени на дуэли [1]) и его ранилъ. На общихъ выборахъ 1897 г. шенеріанцевъ прошло въ рейхсратъ четыре человѣка изъ общаго числа 46, а впослѣдствіи (въ январѣ 1901 г.) ихъ было уже двадцать одинъ. Нѣмецкихъ націоналистовъ этого направленія оскорбляло то, что министрами и даже главами министерствъ, предсѣдателями и товарищами предсѣдателя рейхсрата могли дѣлаться чехи и поляки и что издавались такія распоряженія о языкахъ, которыя наносили ущербъ нѣмецкой націи. Ихъ взоры все чаще стали обращаться къ сосѣдней имперіи, и они не стѣсняясь готовы были жаловаться туда на утѣсненія нѣмцевъ въ Австріи или заявлять, что ихъ мечта — присоединеніе къ истинному германскому отечеству; они не останавливались и передъ такими словами, въ которыхъ болѣе строгія власти легко могли бы найти и государственную измѣну, и оскорбленіе величества или династіи. Такъ какъ главные враги нѣмцевъ, т.-е. славяне вообще и въ особенности чехи были въ союзѣ съ нѣмецкими клерикалами, то лозунгомъ пангерманистовъ сдѣлалось „los von Rom“, „прочь отъ Рима“, а формою національнаго протеста противъ славянско-клерикальнаго направленія политики—массовые переходы въ протестантизмъ, цѣлыми тысячами въ теченіе одного мѣсяца. Въ одной Вѣнѣ въ неполныя десять лѣтъ отъ начала этого движенія (по апрѣль 1907 г.) перешло въ протестантизмъ изъ католицизма около 37 т. человѣкъ. Этому движенію оказывали сильную поддержку изъ Германіи тамошнія религіозныя ассоціаціи [2]).

стамъ. Кромѣ указаннаго выше (стр. 291) соч. *J. S. Block'a*, см. статью во II т. „Еврейской энциклопедіи“. Кое-что объ обще-австрійскихъ отношеніяхъ есть въ спеціальной главѣ „Żydzi“ второго тома книги *W. Feldmana* „Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi“ (1907).

[1]) См. выше, стр. 309.

[2]) „Gustav Adolfsverein“, основанный въ 1832 г., и болѣе новой (съ 1886—7 г.) „Evangelischer Bund zur Wahrung der deutschprotestantischen Interesse“. Послѣдній имѣлъ особенно боевой характеръ, будучи основанъ въ эпоху отказа Бисмарка отъ культуркампфа, въ видѣ отчасти какъ бы протеста противъ правительства. Вообще еще раньше австрійскіе нѣмцы въ своей борьбѣ со славянами пользовались всегда и моральною, и матеріальною поддержкой своихъ германскихъ единоплеменниковъ. Она оказывалась, напр., нѣмецкому школьному союзу (Deutscher Schulverein), возникшему въ Австріи въ 1880 г. и въ 1883 г. уже имѣвшему болѣе 60 т. членовъ: ему присылали денежную помощь чисто-гер-

Отъ этой національной распри, происходившей въ Австріи и ослаблявшей ея правительство, Венгрія только выигрывала. Соединеніе Венгріи съ Австріей было признаваемо въ Венгріи существенно необходимымъ для самой же Венгріи [1]), но, конечно, соединеніе это, полезное политически, должно было и въ экономическомъ отношеніи приносить Венгріи особыя выгоды. Вспоминая условія соглашенія 1867 г. [2]), мы легко можемъ понять, что австрійскій обструкціонизмъ мадьярамъ приносилъ только пользу. Соглашеніе въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ возобновлялось правильнымъ порядкомъ, но въ концѣ девяностыхъ годовъ начала дѣйствовать 14 статья австрійской конституціи, т.-е. венгерскому парламенту приходилось теперь имѣть дѣло уже не съ австрійскимъ парламентомъ, а съ австрійскимъ правительствомъ, лишеннымъ какой бы то ни было поддержки со стороны народнаго представительства и бывшаго готовымъ идти на всякія уступки, лишь бы возобновить Ausgleich. Хотя однимъ изъ важнѣйшихъ условій договора 1867 г. и было со стороны мадьяровъ, чтобы въ Австріи была введена конституція, такъ какъ Венгрія желала „вступать въ сношенія по общимъ съ другими землями монархіи дѣламъ только съ конституціонными правительствами этихъ земель“ [3]), тѣмъ не менѣе черезъ тридцать лѣтъ это условіе какъ бы забывалось, когда въ Австріи обходились при помощи статьи 14 безъ утвержденія соглашенія рейхсратомъ. Мадьяры къ этому времени свыклись съ тою мыслью, что, собственно, имъ нѣтъ никакого дѣла до того, что̀ происходитъ въ Австріи и кто̀ тамъ у власти, лишь бы только Австрія не уклонялась отъ условій договора. Въ 1887 г. соглашеніе было возобновлено во второй разъ совершенно благополучно. Черезъ два года императорская армія въ угоду мадьярамъ стала именоваться императорскою и королевскою, а въ 1895 г. это дуалистическое обозначеніе было распространено и на императорскій дворъ. Оккупація Босніи и Герцеговины, которыя должны были управляться общимъ министромъ финансовъ подъ высшимъ надзоромъ обоихъ правительствъ, придала особую значительность этой должности, которая была отдана мадьяру Слави (Szlávy) вслѣдствіе желанія Франца-Іосифа, чтобы послѣ

манскія организаціи, центромъ коихъ былъ Берлинъ. *L. Stacke.* Neueste Geschichte (7 изд. 1908 г.), стр. 508.

[1]) „Für Ungarn wäre es nicht so leicht, sich von Oesterreich zu trennen, wie das bei Norwegen und Schweden der Fall ist... Deshalb müssten wir, wenn wir nicht schon bisher mit Oesterreich in einem Bündnisse gelebt hätten, Oesterreich mit allen unsern Kräften, selbst mit bewaffneter Gewalt zwingen, ein ständiges staatsrechtliches Bündniss mit uns einzugehen“. *Mercator.* Die Nationalitätenfrage und die ungarische Reichsidee (1908), стр. 36.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 15—16 и 361—364.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 16.

отставки Андраши кто-либо изъ мадьярской національности былъ въ составѣ общаго министерства, а потомъ министромъ финансовъ и правителемъ Босніи и Герцеговины сдѣлался Каллай, тоже мадьяръ (между прочимъ, введшій въ обѣихъ провинціяхъ воинскую повинность съ присягою новобранцевъ императору и королю). Мы уже видѣли, что третье продленіе австро-венгерскаго соглашенія при Гаутчѣ произошло путемъ примѣненія 14 статьи австрійской конституціи, но только на одинъ годъ и что потомъ это стало повторяться [1]). Въ это время въ Венгріи первымъ министромъ былъ уже не Тисса, а Банфи, самъ смѣнившій въ 1895 г. одного изъ его преемниковъ. Въ 1897 г. Банфи удалось убѣдить венгерскій парламентъ согласиться на годичную отсрочку заключенія новаго договора съ Австріей подъ условіемъ обращенія, въ случаѣ его незаключенія, къ совершенно самостоятельному законодательству по экономическимъ вопросамъ, какъ это, впрочемъ, и предвидѣлось первоначальнымъ соглашеніемъ 1867 года [2]). Лѣтомъ 1898 г. въ дачной резиденціи Франца-Іосифа, Ишлѣ, состоялось совѣщаніе бывшаго тогда главою австрійскаго министерства Туна и нарочно пріѣхавшаго туда Банфи подъ предсѣдательствомъ самого императора. Венгерскій министръ-президентъ вошелъ въ соглашеніе съ Францемъ-Іосифомъ насчетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ условіяхъ Ausgleich'а, которыя за извѣстныя уступки въ пользу Венгріи дали бы возможность австрійскому правительству обойтись безъ санкціи рейхсрата. Мы знаемъ, что въ этомъ году еще разъ была примѣнена 14 статья, но въ Венгріи сдѣлка Банфи съ австрійскимъ правительствомъ встрѣтила оппозицію, какъ совершенно не конституціонный поступокъ. Сторонники Банфи хотѣли дать ему заранѣе индемнитетъ спеціальнымъ закономъ, который, однако, предполагали провести не черезъ палату, гдѣ могла бы произойти обструкція, а въ частномъ засѣданіи либеральной партіи, составлявшей въ палатѣ большинство, но противъ этого возстали наиболѣе вліятельные члены партіи, между которыми находился и самъ предсѣдатель палаты. Надежда Банфи на то, что его неконституціонный образъ дѣйствій не будетъ ему поставленъ въ вину вслѣдствіе выторгованныхъ имъ для Венгріи матеріальныхъ выгодъ, оказалась тщетной, и ему пришлось выйти въ отставку, что уничтожило и сдѣлку, заключенную имъ въ Ишлѣ. Такой исходъ дѣла былъ равносиленъ пораженію политики самого Франца-Іосифа, но онъ вынужденъ былъ съ этимъ примириться и назначить первымъ министромъ Коломана Селля (Széll), который, въ свою очередь, предложилъ новыя условія соглашенія. По его предложенію, венгерскій

[1]) См. выше, стр. 312, 314—315 и 316.
[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 16, прим. 2.

парламентъ принялъ постановленія, въ силу которыхъ Венгрія могла установить экономическіе законы съ обязательнымъ дѣйствіемъ до 1907 г., существующіе торговые договоры не могли бы быть продолжены далѣе 1903 г., а къ этому сроку долженъ былъ быть выработанъ новый тарифъ. Въ Австріи то, что было вотировано венгерскимъ парламентомъ, было введено простымъ велѣніемъ власти [1]). Венгрія еще разъ вышла побѣдительницею, воспользовавшись внутренними неладами Австріи. Въ началѣ XX в. у венгерскаго парламента произошелъ и рѣзкій конфликтъ съ самою короной изъ-за желанія мадьяровъ, чтобы въ Венгріи была своя особая національная армія съ командою на мадьярскомъ языкѣ и съ отдѣльными военными знаками.

Внутри Венгрія за разсматриваемый періодъ продолжала быть попрежнему ареной борьбы національностей противъ господствующаго мадьяризма, но борьба здѣсь не могла получить такого политическаго значенія, какъ въ цислейтанской половинѣ монархіи, потому что въ своемъ болѣе централизованномъ государствѣ [2]) мадьяры сохранили господствующее положеніе, да и сами подчиненныя имъ народности, кромѣ одной хорватской, не имѣли въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ борьбы, какія были, напримѣръ, въ рукахъ чеховъ.

Страна, въ экономическомъ отношеніи страшно отсталая, Венгрія не имѣла и въ концѣ XIX в. сколько-нибудь развитого городского населенія: ни вліятельной буржуазіи, ни многочисленнаго городского пролетаріата. Попрежнему главными ея общественными классами были землевладѣльческое дворянство изъ господствующей народности и бѣдное и забитое крестьянство большею частью происхожденія славянскаго и румынскаго, притомъ же съ вообще слабымъ развитіемъ среди этой массы мелкаго землевладѣнія. Въ 1890—1900 гг. на каждую тысячу жителей было занято земледѣльческимъ трудомъ около 700 человѣкъ, но на каждаго мелкаго собственника среднимъ числомъ приходилось лишь по 1,1 гектару земли, тогда какъ средняя величина крупной собственности исчислялась въ 3831 гектаръ, и вся крупная собственность занимала около $^{15}/_{16}$ поверхности страны. Одного сельскаго пролетаріата было въ Венгріи около 1900 г. семь съ половиною милліоновъ. Населеніе городовъ нерѣдко и въ началѣ

[1]) Совершить правильное возобновленіе Ausgleich'а удалось только въ 1907 г. Прибавимъ, что при установленіи общихъ расходовъ происходило постепенное уменьшеніе австрійской доли (Quote) въ общихъ расходахъ. Въ 1899 г. она была понижена съ $68{,}6\%$ до $66{,}92\%$ (собственно $66^{46}/_{49}$), а въ 1907—до $63{,}6\%$.

[2]) О большей централизованности Венгріи см. т. VI, ч. 1, стр. 364.

XX в. состоитъ изъ землепашцевъ. Очень умѣренныя потребности этого населенія за все разсматриваемое время удовлетворялись исключительно крупною австрійскою промышленностью, для которой отсутствіе таможенной границы между обѣими частями монархіи и высокое обложеніе иностраннаго ввоза создали своего рода монополію, мѣшающую развитію промышленности въ самой Венгріи. Крупные землевладѣльцы для того, чтобы имѣть легкій сбытъ для своего хлѣба въ Австрію, считали для себя всегда болѣе удобнымъ не ставить никакихъ препятствій стремленію Австріи къ монополизаціи венгерскаго рынка для своей промышленности, и около 80% всей венгерской торговли приходилось на австрійскій ввозъ [1]). Оставаясь страною по преимуществу земледѣльческою, Венгрія не можетъ, однако, похвастаться прогрессомъ своего сельскаго хозяйства. Благодаря американской конкурренціи на міровомъ рынкѣ, цѣны на хлѣбъ здѣсь стали падать, и чтобы наверстать потери, венгерскіе помѣщики усилили самую беззастѣнчивую эксплуатацію сельской рабочей массы [2]).

Господствующій въ Венгріи классъ, мадьярскіе землевладѣльцы, во многихъ случаяхъ даже не находилъ нужнымъ считаться съ потребностями и стремленіями другихъ классовъ [3]). Преобладающимъ въ немъ мнѣніемъ было всегда то, которое указывало на союзъ съ Австріей, какъ на лучшее средство сохраненія за собою—при помощи династіи — своего господствующаго положенія. Если среди класса крупныхъ и среднихъ собственниковъ и возникло оппозиціонное теченіе противъ Австріи, то его объясняютъ желаніемъ нѣкоторыхъ представителей этого класса получить въ свою пользу голоса тѣхъ избирателей, которые недовольны результатами уніи съ Австріей, но, въ сущности, весь владѣльческій классъ очень солидаренъ въ своихъ отношеніяхъ къ условіямъ союза съ Австріей, которыя не позволяютъ развиться обрабатывающей промышленности въ Венгріи и тѣмъ держатъ ея буржуазію въ приниженномъ состояніи. Всѣ нападки мадьярскихъ политиковъ на соединеніе съ Австріей поэтому не отличались

---

[1]) Всѣ указанія на экономическое состояніе заимствованы изъ статьи *J. Racz'a* „L'état économique et social de la Hongrie au vingtième siècle", занимающую стр. 3—56 названной выше (стр. 292) книги „La Hongrie contemporaine". См. тамъ же статью *A. Bolgàr'a* объ эмиграціи изъ Венгріи, стр. 57—62.

[2]) *Zoltàn Rònai.* Le bilan de la politique sociale hongroise (стр. 63—89 той же книги).

[3]) „C'est donc la classe des propriétaires fonciers, unie aux fonctionnaires issus de son milieu qui presque toute seule domine ce pays. Et cet état hongrois redoute si peu la bourgeoisie actuelle" и т. д. *Z. Rònai*, стр. 63. „En 1872 et en 1884 la peur de la classe ouvrière n'existait pas encore", стр. 79.

никогда совершенною искренностью [1]). Сѣя въ народѣ вражду къ Австріи, они, собственно, хотѣли только внушить ему мысль, что всѣ бѣды происходятъ не отъ чего иного, какъ отъ соединенія съ Австріей, какъ въ Австріи, въ свою очередь, люди, подобные Люэгеру, сваливали чуть не все вредное на мадьяровъ [2]). Въ глубинѣ души весь государственный сеймъ Венгріи стоитъ за союзъ съ Австріей и съ династіей, ибо только этотъ союзъ обезпечиваетъ за мадьярскимъ элементомъ и соціальное, и національное господство. Демократовъ (да и то изъ мелкой еврейской буржуазіи) въ этомъ сеймѣ въ началѣ XX в. было лишь четыре человѣка, притомъ тоже настроенныхъ крайне націоналистически въ мадьярскомъ смыслѣ, а соціалъ-демократовъ не было ни одного, тѣмъ болѣе, что сама соціалъ-демократическая партія, какъ политическій факторъ, возникла въ Венгріи лишь въ 1899 г.

Мадьярскій націонализмъ въ концѣ XIX в. дѣлалъ все бо̀льшіе успѣхи. Если раньше угнетенныя мадьярами національности протестовали противъ закона 1868 г. о языкахъ [3]), то къ концу XIX в. онѣ стали, наоборотъ, всячески его защищать въ виду усиленія насильственной мадьяризаціи; что же касается до мадьяровъ, то они, напротивъ того, пришли къ мысли, что законъ 1868 г. долженъ быть измѣненъ въ болѣе благопріятномъ для мадьярской національности смыслѣ. Мадьярскія власти начали различными способами искажать смыслъ закона въ его примѣненіи и подвергать преслѣдованію всѣхъ протестующихъ, какъ измѣнниковъ—наравнѣ съ соціалистами [4]). Если уже въ парла-

---

[1]) Такъ съ большою убѣдительностью представляетъ дѣло мадьярскій же писатель *P. Szende* въ помѣщенной все въ той же книгѣ статьѣ „Les partis politiques hongrois et l'union avec l'Autriche" (стр. 90—103). „La noblesse hongroise, говоритъ онъ, n'a jamais protesté contre la politique douanière autrichienne qui tendait à maintenir la Hongrie au niveau d'une colonie livrée à l'exploitation autrichienne... Le parti qui s'est formé au sein de la classe dirigeante et prétend vouloir relâcher les liens du dualisme, n'est pas sincère et ne tend qu'à tromper les électeurs.. Les partis qui ont critiqué le régime de l'union avec l'Autriche, ont simplement brigué la popularité pour arriver au pouvoir et ont voulu détourner l'attention publique de certaines questions dangereuses pour leur hégémonie", стр. 93.

[2]) См. выше, стр. 310.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 364.

[4]) *Oscar Jàszi.* Les tendances de la politique hongroise concernant les nationalités (въ той же „La Hongrie contemporaine", стр. 143—157). Вотъ что говоритъ самъ этотъ мадьярскій публицистъ: „les hongrois chauvins murmurent contre la loi des nationalités; ils n'en exécutent plus les dispositions ou en corrompent le sens. La magyarisation est le but manifeste du parlement", стр. 148. И еще: „les dépositaires de la puissance employent à l'égard des nationalités le même procédé qu'envers les socialistes: poursuite par voie de la presse, terreur sociale, procès et punitions", стр 156—157. Ср. т. VI, ч. 1, стр. 364.

ментѣ рѣдкіе депутаты не изъ мадьяровъ подвергаются насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, то чего же должны ожидать бѣдные словакскіе или румынскіе крестьяне?

Единственною національностью въ Венгріи, которая могла еще оказывать сопротивленіе мадьярамъ, были хорваты, обезпечившіе себя особымъ соглашеніемъ [1]). Въ 1879 г. хорваты, въ противоположность мадьярамъ, были большими сторонниками оккупаціи Босніи и Герцеговины, населенныхъ ихъ единоплеменниками, и даже мечтали объ аннексіи этихъ земель, имѣя въ виду создать вмѣстѣ съ ними „великую“ Хорватію и занять въ монархіи самостоятельное мѣсто. Мадьяры были крайне недовольны этими стремленіями, но при возобновленіи соглашенія заставили хорватовъ умѣрить свои требованія, только расширивъ хорватскую территорію прирѣзкою къ ней пограничной полосы земли. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ большія волненія произошли въ столицѣ Хорватіи, Загребѣ, вслѣдствіе сдѣланной тамъ попытки замѣнить хорватскія вывѣски на общественныхъ зданіяхъ вывѣсками на двухъ языкахъ. Дѣло доходило до побоищъ и до народныхъ вспышекъ въ деревняхъ, что повлекло за собою отставку хорватскаго бана (намѣстника), но вмѣстѣ съ тѣмъ и пріостановку дѣйствія конституціи (1883). Мадьяро-хорватскія вывѣски были сняты, но и хорватскія не были возстановлены. Въ слѣдующемъ году происходили бурныя сцены въ мѣстномъ сеймѣ между защитниками и противниками соглашенія съ Венгріей, и однажды во время рукопашной схватки досталось самому бану. Францъ-Іосифъ далъ тогда согласіе на введеніе въ Загребѣ осаднаго положенія: репрессія хорватскаго патріотизма совершалась при временной отмѣнѣ во всей области суда присяжныхъ. И послѣ этого происходили еще не разъ хорватскія волненія съ анти-мадьярскимъ характеромъ. До какой степени господствующая національность преслѣдовала „измѣнниковъ“ изъ другихъ народностей, показываетъ слѣдующій случай. Однажды вожди румынскаго движенія въ Трансильваніи подали Францу-Іосифу жалобу на обиды, чинимыя мадьярами, но такъ какъ они подали эту жалобу „австрійскому императору“ въ Вѣнѣ, а не „венгерскому королю“ въ Будапештѣ, то ихъ предали суду. Обвиняемые не желали отвѣчать по-мадьярски, судъ не хотѣлъ ихъ допрашивать по-румынски, и присяжные, которые были всѣ мадьяры, признали подсудимыхъ виновными, послѣ чего они были приговорены судомъ къ заключенію въ тюрьму на болѣе или менѣе продолжительные сроки (нѣкоторые на пять лѣтъ). „Измѣна“, такимъ образомъ, была наказана строго.—Только къ евреямъ мадьяры оказывались болѣе благосклонными, такъ какъ

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 361.

среди нихъ сталъ сильно распространяться (еще съ 1848 г.) мадьярскій патріотизмъ. Чтобы облегчить добровольную мадьяризацію евреевъ, Тисса даже провелъ законъ, разрѣшавшій браки между христіанами и евреями, хотя для этого пришлось сломить сопротивленіе палаты магнатовъ [1]).

Отъ Транслейтаніи перейдемъ опять къ Цислейтаніи и остановимся еще нѣсколько на исторіи чешскихъ партій за восьмидесятые и девяностые годы и на внутреннихъ отношеніяхъ въ Галиціи за эти же два десятилѣтія.

Въ началѣ разсматриваемаго періода чехи упорно продолжали стоять на своей прежней точкѣ зрѣнія историческаго государственнаго права своей страны. Это былъ непререкаемый патріотическій догматъ, которому чехи были фанатически преданы и самое сомнѣніе въ которомъ разсматривалось, какъ національная измѣна и непозволительная политическая ересь [2]). Этотъ догматъ, однако, не принималъ болѣе конкретныхъ формъ, будучи скорѣе только отрицаніемъ настоящаго, нежели опредѣленнымъ планомъ будущаго устройства монархіи съ государственнымъ правомъ Чехіи, и съ нимъ, этимъ догматомъ, чехи заходили только въ политическій тупикъ. Мы знаемъ, однако, что за періодомъ болѣе или менѣе однообразнаго пониманія

---

[1]) Всѣ магнаты, получающіе менѣе 3 т. гульденовъ, потеряли право засѣдать въ палатѣ и могли только выбирать изъ своей среды 50 представителей, да королевская власть получила право назначать (но не болѣе 50) пожизненныхъ членовъ верхней палаты (см. законъ 1885 г., измѣняющій устройство верхней палаты; помѣщенъ на стр. 194 и слѣд. I тома сборника *Гессена* и *Нольде*) Послѣ Тиссы съ 1890 г. министромъ-президентомъ былъ Сапари, при которомъ возникли вопросы о передачѣ церковныхъ метрикъ въ руки государства, о равноправіи вѣроисповѣданій и о гражданскомъ бракѣ. Изъ-за рѣшенія этихъ вопросовъ происходили сильныя пренія и частыя смѣны министерствъ. Сначала Францъ-Іосифъ былъ противъ гражданскаго брака, потомъ противъ него возстала верхняя палата, и Францъ-Іосифъ не захотѣлъ исполнить требованіе министра-президента (Векэрле) назначить новыхъ пэровъ. Въ концѣ концовъ гражданскій бракъ былъ введенъ, такъ какъ Францъ-Іосифъ былъ вынужденъ уступать одну позицію за другою. Онъ даже вынужденъ былъ дать отставку Кальноки (ср. выше, стр. 293), стоявшему противъ новаго „политико-церковнаго законодательства“. Въ дѣло вмѣшался апостолическій нунцій Альярди, но чуть-было не былъ за это изгнанъ изъ Венгріи.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 377. Les tchèques faisaient de leur rêve d'indépendance un dogme, une idole. Ceux qui osaient contester sa valeur pratique ou dénonçaient la vanité de telles espérances étaient proclamés apostats et traîtres à la patrie. On ne vivait en Bohême que dans ce rêve du droit d'état, on ne se souciait de rien d'autre, on n'examinait les questions politiques qu'à ce point de vue. La critique était devenue une héresie et la politique du droit d'état se changea en un fanatisme. *E. Beneš*. Le problème autrichien et la question tchèque (1908), стр. 268.

патріотическаго догмата настал періодъ разнаго его пониманія, когда чешская партія распалась на старую и молодую [1]). Младо-чехи первые отказались отъ пассивной политики („пассивиты“, какъ выражаются чехи), но зато проявили меньшій оппортунизмъ, нежели старо-чехи, тѣмъ не менѣе по внѣшности упорнѣе державшіеся за свой догматъ. Другими словами, одни были рѣшительнѣе въ вопросахъ тактики, другіе упорнѣе въ главномъ пунктѣ программы, хотя при первомъ выходѣ изъ „пассивиты“ старо-чехи тотчасъ же обнаружили свою консервативно-оппортунистическую сущность. Ихъ тѣсное соединеніе съ феодалами и клерикалами впослѣдствіи погубило ихъ въ глазахъ націи, въ общемъ отличающейся большимъ демократизмомъ.

Главною чешскою партіей, поддерживавшею министерство Таафе, и были именно старо-чехи. Будучи весьма ловкимъ политикомъ, Таафе не давалъ своимъ чешскимъ союзникамъ никакихъ положительныхъ, сколько-нибудь опредѣленныхъ обѣщаній и только повторялъ, что, находясь въ союзѣ съ властью, они достигнутъ гораздо бо̀льшаго, чѣмъ въ оппозиціи. Младо-чехи убѣждали старо-чеховъ не удовлетворяться неопредѣленными заявленіями министра-президента и совѣтовали заручиться положительными гарантіями относительно государственнаго права Чехіи, но старочехи были противъ рекомендовавшейся имъ тактики слишкомъ докучливыхъ младо-чеховъ и говорили, что съ нихъ довольно и одного не-нѣмецкаго характера министерства. Послѣднее нужно было понимать, конечно, лишь по отношенію къ внутренней политикѣ, потому что внѣшняя политика Австріи была какъ-разъ германофильская и враждебная Россіи, т.-е. къ славянской державѣ, къ которой у чеховъ всегда было извѣстное тяготѣніе. Руссофильское направленіе было сильно въ эти годы особенно среди младо-чеховъ [2]), которые на поведеніе старо-чеховъ и по отношенію къ внѣшей политикѣ смотрѣли, какъ на измѣну. Административныя распоряженія будто бы славянскаго министерства ихъ не подкупали,—ихъ, стоявшихъ на точкѣ зрѣнія нарушеннаго государственнаго права Чехіи: то, что дало одно министерство, другое можетъ взять назадъ. Кромѣ того, младо-чехи требовали политическихъ реформъ въ родѣ расширенія избирательнаго права и т. п., и эту парію, признававшую нелегальность существованія рейхсрата [3]), не могла не раздражать старо-чешская фраза о томъ, что цислейтанская конституція пускаетъ корни въ жизнь чешской націи. Мы уже видѣли [4]), что въ

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 378.

[2]) Кто изъ тогдашнихъ читателей газетъ не запомнитъ яркую фигуру особенно ревностнаго руссофила Вашатаго (Vášatý)! Ср. выше, стр 299.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 376 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 301.

1890 г. тайно отъ своихъ соперниковъ чешскіе консерваторы заключили съ правительствомъ особый договоръ о новомъ modus vivendi обѣихъ національностей Богеміи. Младо-чехи протестовали противъ совершонной въ Вѣнѣ сдѣлки, потому что она не была дѣломъ всего чешскаго представительства, и даже предложили всѣмъ чешскимъ депутатамъ выйти въ отставку. Намѣстникъ предписалъ конфисковать нумеръ „Народныхъ Листовъ", въ которомъ была напечатана заключавшая въ себѣ этотъ протестъ младо-чешская резолюція. Противъ послѣдней старо-чехи не замедлили тоже выпустить воззваніе, въ которомъ, высказываясь противъ общей отставки, предлагали младо-чехамъ дѣйствовать въ желательномъ для нихъ направленіи въ земскомъ сеймѣ. Помимо того, что соглашеніе было заключено неправильно, младо-чехи указывали еще на то, что оно не касалось Моравіи и Силезіи, т.-е. заключало въ себѣ какъ бы отказъ отъ историческаго права чешской національности на эти двѣ земли св. Вацлава. Равнымъ образомъ, они находили неумѣстнымъ и тотъ параграфъ соглашенія, по которому при раздѣленіи земскаго сейма на двѣ національныя куріи предполагалось вдобавокъ дать въ немъ особое представительство крупному землевладѣнію съ установленіемъ правила, чтобы всѣ вопросы, касающіеся національныхъ отношеній, рѣшались не иначе, какъ съ общаго согласія трехъ курій. Въ этомъ младо-чехи справедливо усматривали тенденцію усилить вліяніе крупнаго землевладѣнія.

Младо-чехи рѣшили во что бы то ни стало препятствовать осуществленію соглашенія. Ихъ страстное отношеніе къ вопросу только усиливало административныя репрессіи противъ ихъ агитаторовъ, собраній и газетъ, начатыя намѣстникомъ, который, въ свою очередь, считалъ нужнымъ примѣнять тѣмъ еще бо̀льшія строгости, что движеніе принимало прямо антидинастическій характеръ. Соглашеніе было какъ бы личнымъ дѣломъ самого императора, находившаго, что чешско-нѣмецкій споръ имъ рѣшается наилучшимъ образомъ, и чехамъ не могло быть неизвѣстнымъ, что онъ даже прямо высказывалъ свое высочайшее неудовольствіе по поводу образа дѣйствій младо-чеховъ. Послѣдніе видѣли въ заявленіяхъ Франца-Іосифа недопустимое для конституціоннаго монарха (который-де долженъ всегда стоять выше всякихъ партій) непосредственное вмѣшательство во внутреннія дѣла своего королевства. Рѣшительность, съ какою младо-чехи возставали противъ политики правительства и старо-чеховъ, создали имъ громадную популярность въ народѣ къ великому огорченію старо-чеховъ, чувствовавшихъ, что почва уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ. Они сами поняли, что сдѣлали большую ошибку, — и рѣшили поправить дѣло при обсужденіи соглашенія въ земскомъ сеймѣ. Въ то время, какъ младо-чехи занялись обструкціей при помощи безконечныхъ рѣчей и

массы мелочныхъ поправокъ, старо-чехи тоже вдругъ вздумали предложить свои поправки, въ чемъ Таафе не могъ не усмотрѣть своего рода измѣны. Мы уже упоминали о волненіяхъ, происходившихъ въ то же время въ Прагѣ, заставившихъ правительство ввести въ ней военное положеніе [1].

Между тѣмъ рейхсратъ въ началѣ 1891 г. былъ распущенъ, и затѣмъ произведены были новые выборы, бывшіе для старо-чеховъ настоящимъ пораженіемъ. Дѣло дошло даже до того, что въ самой Прагѣ глава старо-чешской партіи, патріархъ чешскихъ патріотовъ, Ригеръ [2], не былъ выбранъ, а извѣстіе объ этомъ его провалѣ вызвало враждебную ему студенческую манифестацію передъ редакціей „Народныхъ Листовъ", главнаго органа младо-чеховъ. Если бы отъ Моравіи не прошло нѣсколькихъ старо-чеховъ, то въ новомъ рейхсратѣ представителей этой партіи не набралось бы и десятка, а было бы только два [3]. Почти всѣ ихъ мѣста перешли къ ихъ болѣе счастливымъ соперникамъ.

Но младо-чехи не устояли на занятой ими позиціи. Оказалось, что и сами они были не прочь сблизиться съ правительствомъ, которое согласилось бы опираться на славянъ нѣсколько больше, чѣмъ это дѣлалъ Таафе, такъ какъ среди младо-чеховъ было немало такихъ, которые дорожили больше національною, нежели демократическою частью своей программы и даже готовы были временно поступиться своимъ „государственнымъ правомъ короны св. Вацлава" для того, чтобы отстоять интересы чешской національности въ борьбѣ съ нѣмецкою. Наиболѣе вліятельные младо-чехи съ Грегромъ [4] во главѣ подавали голоса за избирательную реформу Бадени, и только самые непримиримые (Вашатый и др.) голосовали противъ, требуя дѣйствительнаго всеобщаго избирательнаго права и исправленія избирательной ариѳметики въ пользу славянъ. Сближеніе младо-чеховъ съ правительственнымъ большинствомъ выразилось въ томъ, что одинъ изъ ихъ среды (Крамаржъ) сдѣлался товарищемъ предсѣдателя рейхсрата, а впослѣдствіи другой (Кайзль) занималъ постъ министра финансовъ въ кабинетѣ Туна [5]. Подобно тому, какъ раньше старо-чехи, не выбрасывая изъ своей программы чешское государственное право, фактически пошли по широкой дорогѣ оппортунизма, теперь и младо-чехи послѣдовали за ними и притомъ не только въ вопросахъ національнаго

---

[1]) См. выше, стр. 302.

[2]) О Ригрѣ см. т. VI, ч. 1, стр. 379, примѣч. 1.

[3]) Всѣхъ старочеховъ было въ рейхсратѣ 1891 г. только 12.

[4]) О немъ т. VI, ч. 1, стр. 378.

[5]) См. выше, стр. 314.

существованія. Въ послѣднемъ отношеніи они все болѣе и болѣе отказывались отъ непримиримости историческаго государственнаго права, по которому корона св. Вацлава должна была бы быть поставлена на одномъ уровнѣ съ короною св. Стефана, т.-е. австро-венгерскій дуализмъ долженъ былъ бы замѣниться австро-венгро-чешскимъ тріализмомъ [1]), а потому все прочнѣе и прочнѣе становились на точку зрѣнія австрійскаго федерализма, понимая его, однако, больше въ территоріальномъ, а не въ національномъ смыслѣ [2]), хотя за самое послѣднее время, нужно прибавить, вторая точка зрѣнія начинаетъ одерживать верхъ [3]).

Въ началѣ послѣдняго десятилѣтія XIX в. изъ партіи младочеховъ выдѣлилась, подъ названіемъ „реалистовъ", небольшая группа прогрессивныхъ депутатовъ съ профессоромъ философіи въ Пражскомъ университетѣ Масарикомъ во главѣ [4]), впослѣдствіи (1900) преобразовавшаяся въ чешскую народную партію (strana českà lidová). Она отвергла идею чешскаго государственнаго права и требуетъ справедливаго по отношенію къ обѣимъ сторонамъ рѣшенія вопроса о языкахъ въ школѣ, администраціи и судѣ. Стоя на точкѣ зрѣнія демократическаго избирательнаго права,—которое младо-чехи уже не помѣстили въ число своихъ программныхъ требованій 1899 г.,—и очень сочувствуя соціально-политическимъ реформамъ, эта партія стала все болѣе и болѣе расходиться съ младо-чехами, такъ что ея тактикой на выборахъ сдѣлалось, за невозможностью проведенія своихъ собственныхъ кандидатовъ, поддерживать соціалъ-демократовъ противъ младочеховъ [5]). Кромѣ того, реалисты заявили себя, какъ принци-

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 363.

[2]) Объ этомъ различіи см. т. VI, ч. 1, стр. 371 и слѣд.

[3]) *E. Beneš*. Le problème autrichien et la question tchèque, стр. 281—284, гдѣ авторъ указываетъ еще на новѣйшій поворотъ младо-чеховъ къ федералистической идеѣ Палацкаго въ 1848 г., о которой см. т. V, стр. 575.

[4]) Первоначально къ этому новому направленію примкнули бывшіе въ это время очень близкими съ проф. Масарикомъ Крамаржъ и Кайзль, впослѣдствіи съ нимъ разошедшіеся (см. выше, стр. 314). О реалистахъ недавно Крамаржъ написалъ нѣсколько страницъ (515—522) въ третьемъ томѣ изданія „Českà politika", гдѣ, между прочимъ, говоритъ, что „realismus nechtěl být z počàtku samostatnou stranou", и что самъ онъ „byl vždycky mladočechem". Своеобразную черту чешскихъ партійныхъ отношеній представляетъ собою то, что на реалистовъ, какъ на плохихъ патріотовъ, напали защитники подлинности Краледворской рукописи (ср. т. V, стр. 402—403), тогда какъ въ лагерѣ реалистовъ доказывали поддѣльность этого „новѣйшаго произведенія древне-чешской письменности".

[5]) Очень сочувственная характеристика стремленій партіи у *Beneš'a* въ цитировавшемся выше трудѣ, стр. 285—287. По его убѣжденію, программа реалистовъ является „sinon la véritable solution du problème tchèque et autrichien, du moins la voie dans laquelle il peut être résolu".

ціальные противники антисемитизма, очень, наоборотъ, популярнаго въ двухъ тоже новыхъ демократическихъ, но крайне націоналистическихъ чешскихъ партіяхъ — радикальной и національно-соціалистической (которую нужно отличать отъ партіи соціалъ-демократической, тоже образовавшейся среди чеховъ [1]). Радикальная партія (strana radikalně-státoprávnì) возникла среди той молодежи, которая принимала участіе въ движеніи, послужившемъ поводомъ для процесса противъ „Омладины" [2]). Что касается до національно-соціалистической партіи (strana národně-socialní), то ее противъ соціалъ-демократіи создали младо-чехи, думавшіе, что это будетъ чисто рабочая партія, но не предвидѣвшіе, что среди рабочихъ агитація въ этомъ направленіи не удастся, и что въ партію, напротивъ, уйдетъ много мелкаго мѣщанства, которое раньше шло за младо-чехами [3]).

Поляки заняли въ Австріи совсѣмъ другую позицію, нежели чехи. Вся ихъ политика обусловливалась тою основною мыслью, что не оппозиція правительству, а, наоборотъ, содѣйствіе его видамъ наиболѣе будетъ полезно ихъ національности и автономіи Галиціи [4]). Въ Вѣнѣ тѣмъ охотнѣе шли на встрѣчу полякамъ, что ихъ стремленія не требовали со стороны правительства никакихъ антинѣмецкихъ мѣръ, а если уже и приходилось кѣмъ-либо жертвовать польскимъ стремленіямъ, такъ это была „рутенская" народность, которою въ Вѣнѣ, конечно, не дорожили. Исканіе помощи въ Вѣнѣ связывало поляковъ особенно сильно съ придворными сферами и съ феодально-клерикальными кругами [5]), что̀, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовало и

---

[1]) См. выше, стр. 306.

[2]) См. выше, стр. 302.

[3]) Такъ дѣло изображено *Крамаржемъ* на 634 стр. третьяго тома „České politiki".

[4]) Американецъ *А. Л. Лоуэлль*, страннымъ образомъ заявляющій, что чехи претендуютъ на принадлежность къ славянской расѣ, а поляки—народъ неславянскаго происхожденія, тѣмъ не менѣе вѣрно понялъ „мудрость" поляковъ, хорошо-де знающихъ, въ чемъ „истинная основа политической власти въ Австріи": „они, говоритъ онъ, видятъ, что ихъ судьба зависитъ отъ добраго расположенія короны, и потому они готовы вотировать за правительство при проведеніи всѣхъ важныхъ законовъ въ обмѣнъ за разныя преимущества для ихъ національности". Правительства и политическія партіи въ Западной Европѣ, стр. 308—309. Прибавимъ, что чеховъ съ самаго начала такое поведеніе („политика нищенства") поляковъ возмущало. „За исключеніемъ Польши, писали однажды „Народные Листы", повсюду исполняется правило, не позволяющее лазить въ трубу, чтобы наскоблить себѣ мѣлу", а поляки именно и „бѣгаютъ къ язычникамъ за пророчествами".

[5]) По мнѣнію А. Свентоховскаго (ср. т. VI, ч. 1, стр. 118) не одни познанскіе, но и галиційскіе поляки попали въ заколдованный кругъ. Борьба съ германизмомъ и ихъ связываетъ съ реакціонными элементами Австріи. Чтобы

собственному настроенію польской шляхты. Первую свою формулировку австро-польскій лойализмъ получилъ, послѣ возстанія русской Польши, въ адресѣ Францу-Іосифу отъ галиційскаго сейма, въ которомъ было сказано: „около тебя, всемилостивѣйшій государь, мы стоимъ и хотимъ стоять“ [1]). Правда, и послѣ неудачнаго возстанія 1863 г. многіе поляки все еще надѣялись на пушки Наполеона III, но когда въ 1866 г. Пруссія поколотила Австрію, среди нѣкоторыхъ краковскихъ профессоровъ и публицистовъ (въ редакціи газеты „Czas“) возникло уже очень большое сомнѣніе относительно надеждъ на Францію. Люди, сначала враждебно относившіеся къ политикѣ маркиза Велёпольскаго въ Царствѣ Польскомъ, стали теперь сожалѣть, что возстаніе 1863 г. положило конецъ его попыткѣ устроить по-новому русскую Польшу, и вотъ въ небольшомъ кружкѣ, душою котораго былъ краковскій профессоръ Іосифъ Шуйскій, историкъ, драматургъ, публицистъ и политическій дѣятель, явилась мысль составить общими силами анонимный памфлетъ противъ возстанія 1863 г. Названіе ему было дано „Тека [2]) Станьчика“, по имени придворнаго шута XVI вѣка, играющаго въ историческихъ преданіяхъ Польши такую же роль, какая у насъ принадлежитъ Балакиреву: это былъ великій острословъ, мѣтко и зло осмѣивавшій оппозиціонныхъ сенаторовъ и депутатовъ („пословъ“). Составители „Теки“,—появившейся сначала въ „Польскомъ Обозрѣніи“ („Przegląd Polski“), потомъ отдѣльно въ 1868 г.,—тоже очень остроумно и безъ всякой пощады осмѣяли возстаніе 1863 г. Памфлетъ произвелъ сенсацію: его читали, страшно бранили, но все-таки читали, и многіе стали соглашаться съ выводами, какіе дѣлались изъ отрицательнаго отношенія къ прежней „политикѣ приключеній“. У враговъ новаго направленія, которое проповѣдовалось авторами „Теки“, они прослыли подъ именемъ „станьчиковъ“, — кличка, которая за ними и утвердилась. Къ небольшому первоначальному кружку станьчиковъ стали присоединяться многіе профессора обоихъ польскихъ университетовъ, журналисты, депутаты—и не только вѣнскаго рейхсрата, но даже и берлинскаго рейхстага, крупные землевладѣльцы,

---

найти поддержку своей автономіи, поляки въ Вѣнѣ становятся подъ реакціонное знамя нѣмецкой клерикально-феодальной партіи, чѣмъ замедляютъ прогрессъ не только во всемъ государствѣ, но и въ своей собственной національности. И эта часть Польши, по мнѣнію А. Свентоховскаго, находилась въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ на распутіи между денаціонализирующимъ прогрессомъ и національною реакціонностью. Вся разница между Познанью и Галиціей, по мнѣнію А. Свентоховскаго, была въ томъ, что въ первой изъ заколдованнаго круга выхода не было, тогда какъ австрійскіе поляки сами загнали себя въ заколдованный кругъ своею близорукою политикой.

[1]) „Przy Tobie, Najjaśniejszy Panie, stoimy i stač chcemy“.

[2]) Тека значитъ портфель.

шляхта. Новая партія провозгласила, что возстаній больше ненужно, что возстаніе 1863 г. было величайшимъ національнымъ бѣдствіемъ. Когда въ 1869 г. Францъ-Іосифъ далъ Галиціи патентъ, допускавшій польскій языкъ въ школу, администрацію и судъ, станьчики были въ восторгѣ, превозносили Франца-Іосифа и клялись въ вѣрности Габсбургамъ. Въ 1880 г., во время посѣщенія австрійскимъ императоромъ Галиціи, ему устроенъ былъ самый восторженный, блестящій пріемъ [1]). Но въ 1869 г. въ Галицію вернулось и много эмигрантовъ, изгнанныхъ изъ Австріи въ 1864 г. за сочувственное отношеніе къ возстанію 1863 г. Они тотчасъ же въ своей прессѣ (львовскіе „Gazeta Narodówa“ и „Dziennik Polski“) начали кампанію противъ станьчиковъ и ихъ главнаго органа, краковскаго „Часа“, обвинивъ послѣдній въ томъ, что онъ подкупленъ русскимъ правительствомъ. Это обвиненіе со стороны „тромтадратовъ“,—какъ прозвали станьчики своихъ противниковъ [2]),—заставило главарей партіи развить свою общую идею политической вѣрности въ смыслѣ австрійскаго патріотизма въ соединеніи съ лойальностью и по отношенію къ Пруссіи, несмотря на происходившій въ ней въ семидесятыхъ годахъ культуркампфъ, задѣвавшій поляковъ въ ихъ религіозныхъ чувствахъ, но для Россіи было сдѣлано исключеніе. Когда въ Краковѣ въ 1876 г. вышла анонимная брошюра „Ирландія и Польша“, въ которой положеніе Царства Польскаго было представлено неизмѣримо лучшимъ, нежели положеніе Ирландіи и полякамъ рекомендовалась политическая лойальность по отношенію къ Россіи съ совѣтомъ обратиться къ русскому государю, какъ королю польскому [3]), то станьчиковскій „Часъ“ поспѣшилъ возразить на это послѣднее предложеніе. Впрочемъ, „Часъ“ не преминулъ похвалить брошюру за совѣтъ не предпринимать больше возстаній. Станьчики воспротивились также намѣренію нѣкоторыхъ противниковъ Россіи, во время войны 1877—78 г., снарядить добровольческій отрядъ въ Люблинскую губернію, гдѣ шло броженіе среди уніатовъ, „возсоединенныхъ“ незадолго передъ тѣмъ съ православною церковью. Только берлинскимъ конгрессомъ 1878 г. станьчики рѣшили воспользоваться, составивъ для него мемуаръ по польскому вопросу, но изъ этого предпріятія ничего не вышло [4]).

---

[1]) Ср. объ отношеніи поляковъ къ Францу-Іосифу въ VI т., ч. 1, стр. 387, прим. 3.

[2]) „Тромтадраты“ — звукоподражательное слово, обозначающее людей, производящихъ стукъ, шумъ, трескотню.

[3]) Оффиціальный титулъ „царь польскій“ по-польски переводится „król polski“.

[4]) Интересно, что и въ это время среди поляковъ раздавались голоса въ пользу сближенія съ Россіей, даже оффиціальною, прецеденты чего были еще передъ 1848 г. (т. V, стр. 416 и 420). Въ 1878 г. много шуму надѣлала

Вотъ эта-то станьчиковская идея и стала опредѣлять поведеніе польскаго кола въ рейхсратѣ [1]), бывшаго, какъ мы знаемъ, строго консервативнымъ. Особую разновидность польскихъ консерваторовъ составляла группа шляхетскихъ представителей изъ Восточной Галиціи, населенной русинами, или такъ называемые „подоляки", тѣ же самые станьчики, какъ о нихъ было однажды сказано, „только менѣе умные" (tylko... mniej mądrzy), потому что свой страхъ передъ русинами они довели до того, что всѣ вопросы разсматривали въ связи съ тѣмъ, какъ бы то или другое ихъ рѣшеніе не послужило на пользу русинамъ или не вызвало бы у нихъ какихъ-нибудь новыхъ стремленій.

Станьчики и подоляки являются партіями преимущественно шляхетскими, но къ концу XIX в. стали усиливаться въ польской части Галиціи и демократическія движенія вплоть до возникновенія и здѣсь

книга *Лисицкаго* о маркизѣ Велёпольскомъ (см. о ней т. V, стр. 22, прим.), четырехтомная біографія этого дѣятеля, представляющая апологію его лояльной по отношенію къ Россіи политики. Много заставила о себѣ говорить и вышедшая въ свѣтъ въ 1879 г. въ Краковѣ брошюра гр. Мошинскаго (австрійскаго подданнаго) подъ заглавіемъ „Austryacka polityka Czasu", въ которой доказывалось, что австро-польская партія не только не должна препятствовать, но скорѣе должна даже содѣйствовать вѣрноподданной русско-польской партіи, и т. п. Нѣкоторыя подробности о подобнаго рода проявленіяхъ см. въ моей книгѣ „Polonica" (1905). Тамъ же читатель найдетъ нѣсколько страницъ (92 и слѣд.) о томъ, что у поляковъ получило названіе „органической работы" („praca organiczna"). Замѣтимъ, что эта моя книга составилась въ значительной своей части изъ статей о польскихъ дѣлахъ, писавшихся въ 1881 и слѣд. годахъ.

[1]) О станьчикахъ см. еще въ книгѣ *W. Feldman'a* „Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi (1907), т. I, стр. 124—226. Онъ отмѣчаетъ (стр. 150 и слѣд.), что первоначально станьчики не были оппортунистами, но когда число членовъ этой партіи,—едва превышавшее сначала, по злому замѣчанію одной дамы, число грацій, но далеко не доходившее до числа музъ,—выросла въ цѣлую общественную силу, „minęła Sturm und Drangperiode, zawieszeni dotychczas w powietrzu ideolodzy stali się politykami „praktycznymi", politykami określonych interesów i grup społecznych", т.-е. станьчики слились съ консервативной партіей, стр. 157. „Stańczycy, говоритъ онъ еще, to par excellence partya pracy organicznej, стр. 176. Идеаломъ всей школы сдѣлалась сильная власть, и съ этой точки зрѣнія краковскій проф. Бобржинскій раскритиковалъ все прошлое Польши (см. о трудѣ Бобржинскаго мою статью, перепечатанную въ „Polonica'хъ"). *W. Feldman* довольно рѣзко критикуетъ партію станьчиковъ, которую, наоборотъ, проф. *А. Л. Погодинъ* до извѣстной степени беретъ подъ свою защиту. См. книгу послѣдняго „Главныя теченія польской политической мысли" (1908), стр. 91 и слѣд. У него же ср. еще о теоріи органическаго труда на стр. 104 и слѣд. (въ связи съ распространеніемъ позитивизма, о чемъ стр. 136 и слѣд.). Наконецъ, изъ болѣе раннихъ соч. о станьчикахъ: *A. Giller*. O serwiliźmie i serwilistach (1879).—Polityka Stańczyków (1882).—*M. Pawlikowski*. Kilka słów o Stańczykach (1883).

соціалъ-демократіи [1]). Вообще чисто демократическія движенія среди поляковъ въ Галиціи относятся къ числу явленій болѣе поздняго времени, приблизительно съ конца восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка [2]). Мѣщанская демократія, вступившая въ борьбу со станьчиками, выработала свою программу во время выборной кампаніи 1879 г. Въ лицѣ Романовича она нашла дѣятельнаго вождя, который даже устроилъ въ 1889 г. предвыборный (передъ новымъ сеймомъ) съѣздъ или „вѣче“ (wiec) городовъ и мѣстечекъ Галиціи съ довольно умѣренной, впрочемъ, программой, уже не удовлетворявшей рабочія массы, которыя начали пробуждаться къ новой жизни. Въ это время появляется направленіе такъ называемыхъ „людовцевъ“, сообразовавшееся подъ вліяніемъ русскаго „народничества“ [3]). Тогда же со своею христіанско-соціальною проповѣдью среди народныхъ массъ выступилъ знаменитый ксёндзъ Станиславъ Стояловскій, долгое время занимавшій своею особою не одну польскую періодическую прессу. Его дѣятельность привела его въ столкновеніе съ высшимъ католическимъ духовенствомъ въ Галиціи, а устройство имъ предвыборныхъ крестьянскихъ комитетовъ въ 1889 г. познакомило его съ тюрьмою, гдѣ онъ сблизился съ сидѣвшими тамъ же людовцами и подпалъ подъ вліяніе ихъ идей, чтобы потомъ составить свою программу христіанскаго соціализма [4]). Но особенно важнымъ было то, что въ эти же годы въ Галиціи стала организоваться соціалъ-демократическая партія, главнымъ вождемъ которой сдѣлался Игнатій Дашинскій. Намъ еще придется вернуться къ этой партіи въ другой связи, но здѣсь нельзя не замѣтить, что въ Галиціи съ ея слабо развитою обрабатывающею промышленностью соціализмъ сдѣлался просто направленіемъ протеста противъ шляхетскаго хозяйничанья—и только. Если въ Германіи за кандидатовъ соціалъ-демократіи часто подаютъ свои голоса несоціалисты, то въ еще большей мѣрѣ стало это дѣлаться въ Галиціи [5]).

---

[1]) *Żegota* (*Дашинскій*). Krótka historya rozwoju partyi socyalistycznej w Galicyi (1894).—*W. Feldman.* Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi (1907), томъ II, стр. 83—162.—*А. Л. Погодинъ.* Главныя теченія польской политической мысли (1908), стр. 141 — 279 (гл. III: „Соціализмъ въ Польшѣ и польскія соціалистическія партіи за границей“).

[2]) Jako siła polityszna lud i nadal pozostał spętanym dopóki z końcem lat ośmodziesiątych sam o swem wyzwoleniu nie zaczął myslеć“. *W. Feldman*, II, 4.

[3]) Основателемъ его былъ Болеславъ Выслоухъ, который раньше участвовалъ въ русскомъ революціонномъ движеніи.

[4]) Въ 1898 г. онъ даже былъ выбранъ въ рейхсратъ, гдѣ, однако быстро совершилъ эволюцію вправо.

[5]) Ruch socyalistyczny w Galicyi stał się przedewszystkiem ruchem wszystkich niezadowolonych,... więcej, niż gdziekolwiek, głosem głównie protestu i opo-

Въ 1897 г. на выборахъ за Дашинскаго было подано въ Краковскомъ округѣ 22 т. голосовъ, но, конечно, идею борьбы классовъ и коллективизма изъ этихъ двухъ десятковъ слишкомъ тысячъ человѣкъ раздѣляли сравнительно немногіе.

Отношенія поляковъ къ русинамъ, или украинцамъ, какъ стали охотнѣе называть себя русинскіе прогресисты, существеннымъ образомъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ не измѣнились [1]), а изъ двухъ уже ранѣе боровшихся между собою направленій, москвофильскаго и украинофильскаго [2]), перевѣсъ видимо переходилъ на сторону второго. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и здѣсь началось политическое движеніе въ народной массѣ, и даже образовалась радикальная крестьянская партія съ Иваномъ Франкомъ [3]) и Михаиломъ Павликомъ во главѣ, которые сами были только учениками Драгоманова. Наконецъ, въ 1897 г. въ Галиціи возникла и русинская соціалъ-демо-

---

syzyi, więcej negacyą wobec przeszłości, niż afirmaçyą wobec przyszłości. *W. Feldman*, II, 93—94.

[1]) Вотъ что объ этомъ говоритъ безпристрастный польскій писатель: „въ польскомъ обществѣ все еще смотрѣли на русиновъ съ точки зрѣнія традицій люблинской уніи, какъ на интегральную часть Польши, и безусловно порицали все, что не совпадало съ этою точкою зрѣнія... За немногими исключеніями всѣ польскіе политическіе дѣятели и публицисты занимали такое положеніе, и нѣтъ ничего удивительнаго, что не могъ установиться никакой modus vivendi“. *W. Feldman.* Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi, II, 334. Тотъ же писатель указываетъ на неудачи соглашеній въ виду того, что дѣло рѣшали „безъ хозяина“, т.-е. „bez ruskiego ludu“. Главная „угода“ была задумана гр. Бадени въ 1890 г., одновременно съ нѣмецко-чешскимъ соглашеніемъ. Отмѣтимъ еще попытку, сдѣланную католическими властями, подчинить русинскую національную церковь (уніатскаю) іезуитамъ, что, однако, кончилось полной неудачею.

[2]) Австрійскому правительству въ москвофилахъ нравится консерватизмъ, но не нравятся симпатіи къ Россіи, и наоборотъ, оно благосклонно къ „сепаратизму“ украинцевъ, но очень недовольно его политическимъ направленіемъ. На почвѣ консерватизма за послѣднее время началось сближеніе москвофиловъ съ поляками противъ украинцевъ. Въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ австрійскія власти и галиційскіе поляки относились очень подозрительно къ москвофильству. Когда около 1880 г. одна деревня (Гнилички) изъ уніи перешла въ православіе, что сопровождалось крестьянскими волненіями, въ числѣ обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ былъ уніатскій священникъ и писатель Наумовичъ, который былъ посаженъ въ тюрьму и лишенъ сана. О такъ называемомъ „процессѣ Ольги Грабаръ“, связанномъ съ дѣломъ, тогда очень много писали въ нашихъ газетахъ.

[3]) Мих. Петр. Драгомановъ, въ 1865—1875 г. доцентъ всеобщей исторіи въ Кіевскомъ университетѣ, очень много писалъ о галиційскихъ отношеніяхъ.

[4]) Извѣстный писатель, нѣкоторыя сочиненія котораго существуютъ и въ русскомъ переводѣ.

кратическая партія, у которой съ самаго же начала установились связи съ польскою соціалъ-демократіей.

Закончимъ эту главу указаніемъ на то, что борьба національностей въ монархіи Габсбурговъ вообще и въ особенности въ австрійской ея половинѣ поставила на разрѣшеніе тамошнихъ соціалистовъ, вопросъ, который не могъ возникнуть въ странахъ съ однороднымъ или, по крайней мѣрѣ, съ болѣе однороднымъ въ національномъ отношеніи составомъ населенія, во Франціи, въ Италіи, въ Германіи. Этимъ вопросомъ былъ именно вопросъ національный. Какъ-никакъ, пестрота населенія Австріи не могла не отразиться на исторіи австрійскаго соціализма.—Новѣйшая организація соціализма въ этомъ государствѣ, ведущая свое начало отъ 1888 г., была обязана своимъ происхожденіемъ вліянію, шедшему изъ Германіи, и новая политическая партія, впервые попавшая въ рейхсратъ лишь въ 1897 г., съ самаго начала объявила себя интернаціональною [1]), но это не могло устранить изъ жизни вопросъ о значеніи національныхъ различій въ одномъ и томъ же государствѣ. На этой почвѣ не могли не возникнуть и расколы въ самомъ соціализмѣ. Мы видѣли его, напр., въ Чехіи, гдѣ есть и соціалъ-демократы, и народные соціалисты [2]). На первомъ австрійскомъ соціалистическомъ съѣздѣ, въ Гайнфельдѣ, делегатовъ отъ Галиціи совсѣмъ не было, и польская нація была представлена однимъ полякомъ-наборщикомъ изъ Вѣны, но на слѣдующемъ съѣздѣ (въ Вѣнѣ въ 1892 г.) Галиція,—гдѣ организація соціалистической партіи началась лишь въ 1889 г. [3]),—была уже правильно представлена. Такимъ образомъ, въ началѣ послѣдняго десятилѣтія XIX в. въ австрійской соціалъ-демократической партіи, строго державшейся марксизма съ его космополитическими стремленіями, оказались участвующими и нѣмцы, и чехи, и поляки, но съ самаго же своего возникновенія молодая партія столкнулась съ вопросомъ о національностяхъ [4]).

Въ 1890 г., когда во всей Европѣ въ первый разъ праздновался день 1 мая, уже и въ Галиціи были устроены рабочія манифестаціи, но въ 1893 г., въ столѣтнюю годовщину конституціи 3 мая, возникъ вопросъ, праздновать ли польскимъ соціалистамъ 1 или 3 мая,—вопросъ, бывшій предметомъ массы рѣчей, статей, брошюръ. Впрочемъ, уже въ 1891 г. соціалисты, отпраздновавъ день чествованія труда, при-

---

[1]) См. выше, стр. 306.

[2]) См. выше, стр. 330.

[3]) См. выше, стр. 334.

[4]) Z pośród wszystkich problemów, z ktorymi młoda partya miała do czynenia, wysuwała się od pierwszej chwili, jako najbardziej zasadnicza i aktualna,sprawa narodowa. *W. Feldman.* Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi, II, 102.

няли участіе и въ ежегодномъ патріотическомъ поминовеніи конституціи 1791 г. Этотъ специально-польскій вопросъ въ болѣе общей формѣ уже затрогивался на партійномъ съѣздѣ 1892 г., гдѣ польскіе делегаты заявили слѣдующее: „въ виду исключительнаго положенія нашего края, политическія границы котораго не соотвѣтствуютъ фактическимъ и лингвистическимъ (językowym) отношеніямъ, и въ виду интересовъ живущихъ за границами государства нашихъ соплеменниковъ (rodaków), нуждающихся въ нашей помощи, мы не можемъ такъ тѣсно связать себя съ австрійской организаціей". Въ 1893 г. на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Цюрихѣ въ первый разъ встрѣтились соціалистическіе делегаты изъ всѣхъ трехъ „заборовъ" [1]) Польши, и связью между всѣми направленіями польскаго соціализма [2]) сдѣлалась идея независимости Польши [3]). Сближеніе на національной почвѣ польскихъ соціалистовъ разныхъ направленій съ теченіемъ времени только усиливалось. Въ 1896 г. они выступили съ общимъ воззваніемъ къ польскому пролетаріату, а когда въ 1901 г., произошелъ конфликтъ между польскими соціалистами въ Пруссіи съ германскою соціалъ-демократіей, на конференціи, собранной по этому случаю въ 1902 г., представители главныхъ направленій соціализма во всѣхъ трехъ государствахъ, раздѣлившихъ Польшу, выступили совершенно солидарно по отношенію къ нѣмцамъ [4]). Этимъ своимъ національнымъ характеромъ польская соціалъ-демократія создавала себѣ автономное положеніе въ общеавстрійской партіи. На соціалъ-демократическомъ конгрессѣ 1899 г. въ Бернѣ польскіе делегаты заявили, что они стремятся къ освобожденію и объединенію своей націи, но что по условіямъ времени они участвуютъ въ австрійской соціалъ-демократической партіи лишь подъ условіемъ полнѣйшей „autonomji narodowej".

У нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ Австріи обнаружились подобныя же стремленія. На одномъ соціалъ-демократическомъ конгрессѣ въ Германіи были австрійскіе депутаты Адлеръ и Пернерсторферъ, которые заявили, что предпочли бы на этомъ конгрессѣ быть не въ качествѣ гостей, а въ качествѣ членовъ. По отношенію къ своимъ славянскимъ сочленамъ австрійско-нѣмецкіе соціалъ-демократы не

---

[1]) Забраныхъ земель.

[2]) Кромѣ соціалъ-демократовъ (S. D.), это были Związek zagraniczny socyalistów polskich (Z. Z. S. P.) и Polska partya socyalistychna (P. P. S.) изъ Царства Польскаго.

[3]) *Michał Luśnia.* Niepodległość Polski w programie socyalistycznym (1900). Авторъ—нынѣ умершій молодой соціологъ *Kraus.*

[4]) Wszystkie trzy partye... wystąpiły jako zwarta całość wobec zarządu niemieckiego. *W. Feldman,* II, 105.

всегда ведутъ себя такъ, какъ того первые желали бы [1]), и даже оффиціальный органъ партіи (Arbeiter Zeitung) иногда упрекается въ томъ, что „время отъ времени беретъ тонъ, достойный прежнихъ нѣмецкихъ централистовъ“.

Эти національныя раздѣленія не могли не обратить на себя вниманія австрійскихъ соціалистовъ-теоретиковъ. Въ возрожденіи угнетенныхъ народностей Австріи они увидѣли только одинъ изъ фазисовъ экономической борьбы, поскольку, напр., вообще всѣ эти народности въ Австріи находятся въ экономической зависимости отъ нѣмцевъ, а въ частности нѣмецкая часть Богеміи въ экономическомъ отношеніи находится на болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ чешская [2]). Борющіяся народности могутъ осуществить свои стремленія только при помощи государства, откуда—ихъ борьба за власть въ государствѣ, но единственною причиною этой борьбы является централистическая конституція. Между тѣмъ эта борьба, въ сущности, крайне невыгодна для рабочихъ, которые не могутъ въ ней не участвовать, разъ всякій общественный вопросъ получаетъ національную окраску, а потому и не въ состояніи отдать всѣ свои силы борьбѣ классовой. Такъ какъ эта послѣдняя международна, то національная и классовая борьба находятся между собою въ противорѣчіи. Отсюда простой выводъ—необходимость устраненія централистической конституціи. Рѣшая вопросъ о томъ, какъ же въ такомъ случаѣ устроить Австрію, соціалисты-теоретики нашли невозможнымъ держаться территоріальнаго принципа, ибо, напр., чехи и нѣмцы часто живутъ рядомъ въ однихъ и тѣхъ же округахъ, общинахъ и даже домахъ, не говоря уже о томъ, что рабочіе очень часто мѣняютъ мѣсто своего жительства. Территоріальный принципъ поэтому было предложено замѣнить національнымъ, чтобы каждая народность на протяженіи всего государства составляла отдѣльную единицу, особую моральную личность, въ которой удовлетворялись бы всѣ духовныя потребности отдѣльныхъ лицъ (посредствомъ школъ, библіотекъ, музеевъ, театровъ и т. п.). Для обезпеченія равноправія этихъ коллективныхъ единицъ, т.-е. для предохраненія ихъ отъ господства одной изъ нихъ государство должно быть перестроено на широкихъ началахъ демократическаго самоуправленія территоріальныхъ единицъ и національныхъ группъ [3]).

---

[1]) „Nie ulega wątpliwości, że wśród niemców austryackich dużo jeszcze jest szowinizmu“. *W. Feldmann*, II, 112. Къ этому онъ прибавляетъ еще замѣчаніе, что у чеховъ же мало пониманія польскихъ аспирацій.

[2]) Экономическое соперничество, дѣйствительно, существуетъ, и напр., чехи покупаютъ зажигательныя спички чешскихъ, а не нѣмецкихъ фабрикъ.

[3]) См. названныя на стр. 352—353 первой части VI тома сочиненія *R. Springer'a* (Рённера) и *O. Bauer'a*, имѣющіяся и въ русскомъ переводѣ.

XX. Папство и католицизмъ въ послѣдней трети XIX вѣка [1]).

Общій взглядъ на исторію понтификата Пія IX.—Прекращеніе свѣтской власти папы.—Отношеніе къ этому католиковъ разныхъ странъ.—Итальянскій законъ о гарантіяхъ. — Послѣдніе годы Пія IX и положеніе въ это время католической церкви.—Старо-католическій расколъ.—Борьба церкви съ правительствами разныхъ странъ. — Личный характеръ, принципы и политика Льва XIII. — Его боевыя энциклики и примирительная тактика по отношенію къ отдѣльнымъ государствамъ.—Соціальный католицизмъ конца XIX в..—Отношеніе Льва XIII къ положенію рабочихъ и осужденіе имъ соціализма.—Его мечты о соединеніи церквей.—Успѣхи католической пропаганды въ концѣ XIX в.

Результатомъ франко-германской войны по отношенію къ папству были окончательное объединеніе Италіи, лишившее папу свѣт-

---

О нихъ не безъ вѣрности основной мысли говоритъ слѣдующее *E. Beneš*: „deux socialistes marxistes, orthodoxes, inventent un système de la réorganisation politique où ils veulent rejeter au second plan le territoire et, par conséquent, les questions économiques. Ils séparent complètement les intérêts moraux et les intérêts économiques les uns des autres“ и т. д. Здѣсь есть дѣйствительно противорѣчіе съ идеей экономическаго матеріализма, но названный авторъ идетъ и дальше, доказывая, что „ce système était inventé surtout pour avantager les allemands“, которые такъ разсѣяны по всей монархіи, что для нихъ нельзя выкроить сплошныхъ территорій, и которые, кромѣ того, благодаря своей большей зажиточности, могутъ лучше другихъ устроить свои культурныя дѣла. Le problème autrichien et la question tchèque, стр. 299. Съ чешской стороны эту систему критиковалъ *Фр. Модрачекъ* въ работѣ „Національный вопросъ въ соціалъ-демократіи“.

[1]) Для общей исторіи папства въ прошломъ вѣкѣ см. *Nielsen*. Geschichte des Papstthums im XIX Jahrhundert (1880). — *Sill*. Die Entwicklung der Katholischen Kirche im XIX Jahrhundert (1898). — *E. Chénon*. L'église et les cultes de 1870 à nos jours (XVI глава XII т. „Histoire générale“ *Лависса* и *Рамбо*, стр. 527—556 съ подробной библіографіей, требующей, однако, дополненій).—Вопросъ о правовомъ положеніи папства послѣ потери папами свѣтской власти вызвалъ цѣлую литературу, въ которую слѣдуетъ включить и работы, спеціально касающіяся отношеній между св. престоломъ и Италіей: *Bluntschli*. Die rechtliche Unverantwortlichkeit und Verantwortlichkeit des römischen Papstes (1876).—*R. Bompart*. Le pape et le droit de gens (1888).—*Minghetti*. Stato e chiesa (1880; изд. 2).—*C. Cadorna*. Il potere temporale dei papi, la legge delle garanzie e la garanzia delle garanzie (1884).—*L. Casella*. La posizione giuridica del sommo pontefice e della santa sede apostolica (1887).—*A. Corsi*. La situazione attuale della santa sede nel diritto internazionale (1886).—*E. Nys*. Le droit international et la papauté („Rev. de droit international“, 1879). — *P. Resch*. Das Papstthun und das Völkerrecht (1889).—*G. Barzellotti*. L'Italia ed il papato („Nuova Antologia“, 1904).—*A. Bruniati*. L'unità d'Italia ed il papato nel mondo cattolico (1892). — *Centi*. Dei rapporti fra stato e chiesa in Italia (1897). — *F. Lampertico*. L'Italia e la chiesa (1890).—*Olivart*. Le pape, les états de l'église

ской власти въ Римѣ, паденіе во Франціи имперіи, поддерживавшей эту власть и силу духовенства въ самой этой странѣ, замѣна имперіи

---

et l'Italie (1897).—*Geigel.* Das italienische Staatskirchenrecht (1886).—*E. Soderini.* Rome et le gouvernement italien de 1870 à 1894 (1895).—*A. Leroy-Beaulieu.* Le Vatican et le Quirinal depuis 1878 („Rev. des deux mondes", 1882). Въ русской юридической литературѣ этому вопросу посвященъ трудъ *А. Байкова* „Современная международная правоспособность папства" (1904).—Значительный фактическій матеріалъ для исторіи папства послѣ 1871 г. можно найти въ соч. *P. Vigo* „Storia degli ultimi trent'anni del secolo XIX", первые два тома которой вышли въ свѣтъ въ 1908 г.; но этотъ трудъ еще не доведенъ до конца. По общимъ вопросамъ см. также *E. M. de Vogué.* Le Vatican, les papes et la civilisation (1895).—*Goyau, Pérate et Fabre.* Le Vatican, gouvernement de l'église.—*В. Левицкій.* Современныя стремленія папства. Для исторіи католицизма въ отдѣльныхъ странахъ, см., кромѣ сочиненій о культуркампфѣ въ Германіи, указанныхъ въ своемъ мѣстѣ (т. VI, ч. 1, стр. 226), *L. Eisenmann.* Le régime des cultes en Autriche et en Hongrie (1908). — *Guibert.* Le reveil du catholicisme en Angleterre au XIX siècle (1909).—*P. Thureau-Dangin.* Le catholicisme en Angleterre au XIX siècle (1909) и *его же* болѣе раннее соч. „La renaissance catholique en Angleterre au XIX siècle", по отношенію къ которому названное раньше является, въ сущности, лишь сокращеннымъ изложеніемъ.—*A. Debidour.* L'église catholique et l'état sous la troisième république (1906 — 190 ; два тома, причемъ во второмъ изложеніе доводится до 1906 г.; богатѣйшія библіографическія указанія вообще для эпохи).—*Bourgain.* L'église catholique et l'état en France au XIX siècle (1901). — *Fr. Despagnet.* La république et le Vatican. 1870—1906 (1908).—*P. Th. Vibert.* La nouvelle France catholique (1909). — *E. de Laveleye.* Le parti clérical en Belgique (1874). — *J. Bełcikowski.* Papieże a kwestya polska w XIX w. (1909).—(*Frére Orban* предположительно). La Belgique et le Vatican (1880—81).—*Fr. Nippold.* Römisch-Katholische Kirche im Königreiche der Niederlande (1877).—*Woeste.* Histoire du Kulturkampf en Suisse (1887; съ катол. точки зрѣнія). По исторіи старокатоличества: *Bühler.* Der Altkatholicismus (1880).—*Schulte.* Der Altkatholicismus, Geschichte seiner Entwicklung (1887).—*Его же* Lebenserinnerungen (1908), въ которыхъ см. главу „Die kirchlichen Ereignisse seit dem 18 Juli 1870".—*J. Wed.* Die gegenwärtige Ausbreitung der alt-katholischen Bewegung (1890).—*Бѣляевъ.* Происхожденіе старо-католичества (1892).—*Керенскій.* Старо-католицизмъ, его исторія и внутреннее развитіе (1894).—*Красноженъ.* Происхожденіе старо-католицизма и IV старо-католическій конгрессъ въ Вѣнѣ (1898). — *Iška.* České starokatolické hnutí (1902).— Что касается до отношенія католицизма къ соціальному движенію, то объ этомъ см. *G. de Pascal.* L'église et la question sociale. Étude sur l'encyclique de la condition des ouvriers (1891).—*Max Turmann.* Le développement du catholicisme social depuis l'encyclique „Rerum novarum" (1900). — *Nitti.* Le socialisme catholique (1894; пер. съ итал.).—*Н. Водовозовъ.* Экономическія идеи французскихъ католиковъ (въ „Экономическихъ этюдахъ", 1897). Отмѣтимъ кстати еще *J. Kübel.* Geschichte des katholischen Modernismus (1909). Наконецъ, есть рядъ сочиненій объ обоихъ папахъ послѣдней трети XIX в. То, что было написано о Піи IX, было названо въ т. V (стр. 423), о Львѣ XIII см. *A. de Saint-Albin.* Histoire de Léon XIII.—*T'Serclaes.* Le pape Léon XIII. — *L. Teste.* Léon XIII et le Vatican. — *Henri des Houx.* Joachim Pecci. — *J. de Narfon.* Léon XIII intime. — *Mgr. Justin Fèvre.* Le pontificat

республикой, вступившей въ борьбу съ клерикализмомъ, и основаніе Германской имперіи, протестантскій характеръ которой крайне неблагопріятно отозвался на положеніи католической церкви въ Германіи. Когда совершился этотъ переворотъ, на папскомъ престолѣ доживалъ свои послѣдніе годы Пій IX.

Понтификатъ Пія IX относится къ числу наиболѣе продолжительныхъ во всей исторіи папства: этотъ папа правилъ католическою церковью тридцать два года (1846—1878). Избранный на папскій престолъ за два года до революціи 1848 г., когда въ Италіи уже было замѣтно ея приближеніе, онъ первоначально пользовался большою популярностью среди своихъ соотечественниковъ [1]). Пій IX смѣнилъ собою крайне реакціоннаго Григорія XVI и былъ кандидатомъ Франціи, а не Австріи, что̀ патріоты ставили ему въ заслугу, и первые же его шаги, какъ правителя Церковной области, снискали ему любовь и уваженіе итальянцевъ, привѣтствовавшихъ въ немъ папу-патріота. Наоборотъ, въ Австріи и у итальянскихъ правительствъ онъ былъ въ сильномъ подозрѣніи, и даже виваты папѣ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ или въ Неаполѣ разсматривались, какъ мятежные возгласы. Сначала Пій IX, человѣкъ лично мягкій, привѣтливый, благожелательный, или, по крайней мѣрѣ, казавшійся такимъ, какъ-будто и самъ шелъ на встрѣчу освободительному движенію, но въ самомъ же началѣ итальянской революціи онъ обратился къ своимъ подданнымъ съ просьбою не предъявлять ему требованій, противныхъ святой церкви, которыхъ онъ-де и не могъ бы исполнить. Въ сорокъ восьмомъ году надежды, какія возлагались на Пія IX даже римскими демократами, должны были разсѣяться, какъ дымъ. Правда, сначала онъ издалъ воззваніе „къ народамъ Италіи“, поощрявшее ихъ къ войнѣ съ Австріей,—воззваніе, которое потомъ ему пришлось истолковать въ какомъ-то иномъ смыслѣ,—но затѣмъ скоро отказался отъ борьбы съ Австріей, какъ „намѣстникъ на землѣ Великаго Миротворца“ [2]). Это, какъ извѣстно, не понравилось народу, который

---

de Léon XIII (1908).—*Meignan.* Léon XIII pacificateur (1886).—*AbbéBarbier.* Le progrès du libéralisme catholique sous le pape Léon XIII. Le pape du „possumus“.—*Jean d'Arros.* Léon XIII d'après ses encycliques (1902).—*V. Bérard.* Léon XIII („Revue de Paris“, 1903).—Don Pasquale de Franciscis издалъ въ 1884 г. собраніе рѣчей папы Льва XIII, въ предисловіи къ которому изображается печальное положеніе католицизма въ Европѣ въ началѣ его понтификата. — *R. Bonghi.* Leone XIII ed il governo italiano („Nuova antologia“, 1882).—*E. Lefebvre de Bezaine.* Leon XIII et le prince de Bismarck.—*De Waal.* Papst Leo's XIII Leben (1878).—*O'Reilly.* Leo XIII, seine Zeit, sein Pontifikat und seine Erfolge (1892). — *Tesi-Passerini.* Leone XIII ed il suo tempo (1886).

[1]) Т. V, стр. 431 и слѣд.

[2]) Т. V, стр. 581.

скоро заставилъ его бѣжать подъ охрану неаполитанскаго короля [1]. Въ Римѣ была провозглашена республика, но въ 1849 г. будущій Наполеонъ III возстановилъ въ вѣчномъ городѣ свѣтскую власть папы [2]), и въ 1850 г. Пій IX рѣшился возвратиться въ свою столицу. Тотчасъ же онъ началъ въ своихъ владѣніяхъ отчаянную реакцію. Въ своей энцикликѣ „Nostris et nobiscum", изданной въ 1849 г., онъ въ духѣ средневѣковыхъ опредѣленій папской власти указывалъ на нее, какъ на единственную спасительницу отъ революцій, происходящихъ отъ ослабленія церковной дисциплины. Въ слѣдующемъ году былъ основанъ ультрамонтанскій органъ „Civiltà cattolica" [3]). Наполеоновскій государственный переворотъ Пій IX прямо благословилъ, какъ событіе, полезное для религіи [4]). Въ другихъ государствахъ онъ всячески поощрялъ клерикальныя стремленія, и напр., въ Австріи добился конкордата (1855), которымъ устранялись изъ взаимныхъ отношеній церкви и государства послѣдніе слѣды законодательства Іосифа II, отстаивавшаго права свѣтской власти и независимость свѣтскаго общества [5]). Въ 1854 г. Пій IX личною своею властью провозгласилъ новый догматъ о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы, а черезъ десять лѣтъ издалъ знаменитую энциклику „Quanta Cura" и „Силлабусъ современныхъ заблужденій", гдѣ осуждались свобода совѣсти и слова, свѣтская наука, народовластіе, соціализмъ, гражданскій бракъ, контроль свѣтской власти надъ распоряженіями церкви и т. п. вплоть до утвержденія о возможности и необходимости примиренія папства съ прогрессомъ, либерализмомъ и современной цивилизаціей. Іезуиты были весьма довольны такимъ папою, совершенно подпавшимъ подъ ихъ вліяніе, и содѣйствовали распространенію и утвержденію энциклики и силлабуса 1864 г. въ умахъ вѣрныхъ [6]). Въ годъ изданія этихъ характерныхъ памятниковъ католической реакціи во второй половинѣ XIX в. часть папскихъ владѣній уже была присоединена къ Итальянскому королевству, и Пій IX на всѣ предложенія Виктора-Эммануила на счетъ установленія между ними мирныхъ отношеній отвѣчалъ своимъ знаменитымъ „non possumus". По отношенію къ „узурпаторскому" королевству онъ держался самой непримиримой политики, предписавъ вѣрнымъ сынамъ церкви не принимать участія въ выборахъ („no elettori, no elletti") въ „разбойничій" парламентъ [7]).

---

[1]) Т. V, стр. 584.
[2]) Т. V, стр. 587.
[3]) Т. V, стр. 643.
[4]) Т. V, стр. 615 и 623.
[5]) Т. V, стр. 646 и слѣд.
[6]) Т. V, стр. 644 и слѣд.
[7]) Т. V, стр. 691.

Въ 1867 и 1869 гг. въ Римѣ были торжественно отпразднованы два юбилея—ап. Петра и самого папы, что дало возможность Пію IX устроить два раза большіе смотры наличныхъ силъ католической церкви. Наконецъ, въ самомъ концѣ 1869 г. въ Римѣ былъ созванъ вселенскій соборъ этой церкви, получившій названіе ватиканскаго, для установленія еще одного новаго догмата — о папской непогрѣшимости" [1]).

Ватиканскій соборъ открылъ свои засѣданія 8 декабря 1869 г., и черезъ семь мѣсяцевъ, при отсутствіи сотни оппонентовъ догмата, уѣхавшихъ нарочно изъ Рима, большинствомъ пятисотъ слишкомъ голосовъ противъ двухъ былъ принятъ догматъ о безошибочности всѣхъ опредѣленій папы ex cathedra въ вопросахъ вѣры и нравственности. Когда, во время еще преній объ этомъ предметѣ, было заявлено, что предлагаемый догматъ противорѣчитъ преданію церкви, то Пій IX заявилъ, что „преданіе, это—онъ", какъ бы въ pendant къ „l'état, c'est—moi" Людовика XIV. Конституція „Pastor aeternus", въ которой былъ изложенъ новый догматъ съ провозглашеніемъ проклятія тѣмъ, которые будутъ ему противиться, была прочитана самимъ Піемъ IX въ торжественномъ засѣданіи 18 іюля 1870 г., какъ-разъ наканунѣ объявленія войны Наполеономъ III Пруссіи. Дальнѣйшія засѣданія собора были отложены до ноября, но имъ не суждено было возобновиться, потому что черезъ два мѣсяца послѣ провозглашенія догмата Римъ уже былъ во власти Виктора-Эммануила.—Въ проведеніи догмата Пій IX проявилъ большое упорство. Сначала онъ думалъ, что догматъ будетъ принятъ посредствомъ аккламаціи, но когда встрѣтилъ оппозицію, то, поддерживаемый большинствомъ собора, вступилъ съ нею въ борьбу. Ему хотѣлось превратить папство окончательно въ абсолютную монархію, лишивъ епископатъ и соборы всякой самостоятельности, и кромѣ того, соборъ долженъ былъ издать рядъ другихъ постановленій, для чего и предполагалось продолжать засѣданія съ ноября, но въ концѣ октября соборъ былъ отложенъ ad meliora tempora. Въ послѣдніе дни засѣданій собора Пій IX съ большимъ интересомъ слѣдилъ за франко-прусскимъ конфликтомъ, приложивъ свое стараніе къ тому, чтобы противъ протестантской Пруссіи былъ заключенъ союзъ католическихъ Франціи и Австріи, которому папа пророчилъ побѣду подъ покровительствомъ св. Дѣвы Маріи. (Между тѣмъ итальянскіе патріоты въ это время кричали виваты Пруссіи и „смерть французамъ", „ментанскимъ убійцамъ" [2]). Говорятъ, что Пій IX ожидалъ чуда при вторженіи солдатъ итальянскаго короля въ Римъ и смотрѣлъ

[1]) О ватиканскомъ соборѣ см. т. V, стр. 696—697.

[2]) Сраженіе при Ментанѣ, гдѣ французы разбили Гарибальди, напавшаго на Римъ въ 1867 г., о чемъ см. т. V, стр. 695.

изъ окна Ватикана на то, что̀ дѣлалось. Когда дѣло было проиграно, Пій IX сказалъ: „мнѣ совѣтуютъ уѣхать, но я думаю, что если пьемонтцы отнимутъ у меня свѣтскую власть, я вовсе отъ этого не лишусь сна“. Пій IX рѣшилъ остаться „узникомъ“ въ Ватиканѣ, и съ этого момента сдѣлалось какъ бы однимъ изъ основныхъ законовъ св. престола, что папа не можетъ покинуть Ватиканскій дворецъ ни на одинъ день. Однимъ словомъ, Пій IX обрекъ себя на добровольный плѣнъ, нахожденіе въ которомъ сдѣлалось потомъ обязательной традиціей и его преемниковъ.

Лишеніе папы свѣтской власти, которою онъ пользовался въ теченіе столѣтій и которая считалась необходимою для независимости св. престола, было встрѣчено негодованіемъ всѣхъ приверженцевъ католицизма. Въ пользу „ватиканскаго узника“ началась агитація въ католическихъ массахъ, начались денежные сборы въ видѣ „динарія св. Петра“, на приношенія котораго папство, лишившееся собственныхъ доходовъ и отказавшееся отъ какой-либо субсидіи со стороны итальянскаго правительства, могло бы содержать всѣ свои учрежденія. Когда въ 1877 г. Пій IX праздновалъ пятидесятилѣтіе со дня своего посвященія въ епископы [1]), то въ Римъ стеклось громадное количество паломниковъ изъ всѣхъ европейскихъ странъ и даже изъ далекой Америки, и многочисленныя депутаціи привезли съ собою около пятнадцати милліоновъ лиръ, кромѣ массы драгоцѣнныхъ подарковъ въ видѣ разныхъ вещей. Этотъ юбилей служилъ внушительной демонстраціей духовнаго могущества папства. Съ тою же цѣлью католики постарались наводнить всѣ страны громаднымъ количествомъ всякихъ публикацій въ честь Пія IX [2]). Вѣрные сыны католической церкви на первыхъ порахъ послѣ присоединенія Рима къ итальянскому королевству не теряли надежды на возвращеніе папѣ свѣтской власти. Уже осенью 1870 г. польскій епископъ въ Пруссіи Ледоховскій ѣздилъ къ Вильгельму I въ Версаль хлопотать о возстановленіи свѣтской власти папы [3]). Въ началѣ 1871 г. въ Германіи на почвѣ адреса императору о необходимости возвращенія папѣ свѣтской власти произошло объединеніе клерикаловъ въ парламентскую партію центра, которая весною того же года сдѣлала соотвѣтственное предложеніе и рейхс-

---

[1]) А не тридцатилѣтіе своего понтификата, какъ сказано, наприм., у *Сеньобоса* (II, 137).

[2]) „Nell'occasione di questo giubileo episcopale furono fatte in onore del papa tante pubblicazioni, da potersi dire che si ebbe una vera bibliografia del notevolissimo avvenimento“. *P. Vigo.* Storia degli ultimi trent'anni del secolo XIX (1908), II, 199.

[3]) См. выше, стр. 123, прим. 1.

тагу, имъ отклоненное [1]). Въ томъ же смыслѣ клерикалы вели агитацію и въ католическихъ массахъ. Еще бòльшую настойчивость въ такомъ же направленіи проявили вожди клерикальной партіи во Франціи. Въ президентство Макъ-Магона они устраивали церковныя процессіи и паломничества, которыя должны были служить манифестаціями въ пользу возстановленія монархіи во Франціи и свѣтской власти папы въ Римѣ. Вмѣстѣ съ этимъ они сочиняли для отсылки въ палату депутатовъ изъ разныхъ мѣстъ петиціи объ оказаніи помощи папѣ-узнику [2]). Эта агитація даже создавала немало затрудненій для внѣшней политики Франціи, возбуждая въ Италіи въ высшей степени недовѣрчивое къ ней отношеніе: одна изъ причинъ, которая привела Италію ко вступленію въ тройственный союзъ съ Германіей и Австро-Венгріей, заключалась въ желаніи обезпечить за собою обладаніе Римомъ [3]). Бельгія тоже была страною, въ которой клерикалы дѣятельно вели пропаганду реставраціи правъ церкви вообще и въ частности папской власти въ бывшей Церковной области, въ каковомъ смыслѣ мѣстные епископы даже составили торжественный протестъ противъ итальянскаго правительства [4]). И въ другихъ странахъ католики не отставали въ изъявленіи своихъ чувствъ по отношенію къ папѣ отъ германскихъ, французскихъ и бельгійскихъ клерикаловъ, насколько это было возможно по мѣстнымъ условіямъ.

Самъ Пій IX занялъ по отношенію къ новому порядку вещей безусловно боевую позицію. Излагая исторію Италіи въ первое десятилѣтіе послѣ того, какъ она овладѣла Римомъ, мы уже упоминали о томъ, что Пій IX отвергъ такъ называемый законъ о гарантіяхъ, которымъ опредѣлялось будущее положеніе папы [5]). Мы уже знакомы также и съ содержаніемъ этой „legge delle guarantigie“ [6]), которая предоставляла папѣ привилегіи государя и полную свободу въ духовной области съ назначеніемъ ему значительной ежегодной ренты (l'annua rendita) въ 3.225.000 лиръ. Пій IX въ своей энцикликѣ 15 мая 1871 г., обращенной ко всѣмъ патріархамъ, примасамъ, архіепископамъ, епископамъ и прелатамъ, назвалъ законъ о гарантіяхъ совершенно для себя непріемлемымъ, обозначивъ его, какъ

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 239 и 248.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 202 и 213.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 342 и 345 и выше, стр. 10 и 12.

[4]) См. въ слѣдующей главѣ.

[5]) Т. VI, ч. 1, стр. 344.

[6]) Текстъ закона съ русскимъ переводомъ дается *А. Л. Байковымъ* въ приложеніи къ его книгѣ „Современная международная правоспособность папства“ (1904), стр. 439—446. Его перепечатываетъ и *P. Vigo* въ названномъ выше трудѣ (I, 112—115).

„futiles quaedam immunitates ac privilegia", вѣроломно сочиненныя „субальнинскимъ правительствомъ" (gubernium subalpninum), которое такимъ образомъ лишаетъ его возможности свободно пользоваться властью, свыше врученною папамъ, и защищать независимость церкви. Между тѣмъ законъ о гарантіяхъ создавалъ для папства совершенно независимое положеніе въ Ватиканѣ. Личность папы объявлялась священной и неприкосновенной, и всякія на нее посягательства приравнивались къ посягательствамъ противъ личности короля. За папою сохранялись суверенныя почести (gli onori sovrani) и почетное первенство (le preminenze d'onore), признанное католическими государями. Особою статьею постановлялось, что „во время вакантности св. престола никакіе органы государственной власти какъ судебные, такъ и политическіе не должны ни подъ какимъ предлогомъ стѣснять или ограничивать личную свободу кардиналовъ", и кромѣ того, правительство обязывалось „принимать мѣры къ тому, чтобы засѣданія конклава и вселенскихъ соборовъ (concili ecumenici) не подвергались какимъ-либо внѣшнимъ актамъ насилія". Цѣлымъ рядомъ статей устанавливалась экстерриторіальность папскихъ дворцовъ и даже разныхъ папскихъ учрежденій духовнаго характера, равно какъ неподсудность органамъ государственной власти лицъ, исполняющихъ свои функціи въ духовномъ управленіи св. престола. „Папа, сказано было еще въ одной статьѣ, свободно сносится съ епископатомъ и всѣмъ вообще католическимъ міромъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны итальянскаго правительства", съ каковою цѣлью папѣ предоставлялось учреждать въ Ватиканѣ и другихъ мѣстахъ его жительства свои почтовыя и телеграфныя станціи. Далѣе законъ о гарантіяхъ отмѣнялъ „всякія спеціальныя ограниченія относительно членовъ католическаго духовенства въ дѣлѣ осуществленія ими права собраній", „освобождалъ епископовъ отъ обязанности принесенія присяги королю", равнымъ образомъ „отмѣнялъ *exequatur* и *placet regium* и всѣ прочія формы правительственнаго разрѣшенія въ дѣлѣ обнародованія и осуществленія актовъ духовной власти" [1]), запрещалъ свѣтскимъ властямъ принимать какія-либо жалобы и апелляціи на акты церковной власти въ дѣлахъ духовныхъ и дисциплинарныхъ и т. п. Однимъ словомъ, религіозныя права папства отнюдь не умалялись закономъ о гарантіяхъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ церковь въ Италіи была поставлена въ болѣе независимое положеніе въ государствѣ, нежели во

---

[1]) *Exequatur*—правительственное утвержденіе, безъ котораго постановленіе духовной власти не можетъ быть приведено въ исполненіе, а *placet*—правительственное разрѣшеніе на обнародованіе рѣшеній духовной власти. Исключенію подлежали только постановленія, касающіяся церковныхъ имуществъ, о которыхъ долженъ былъ быть изданъ особый законъ.

многихъ другихъ странахъ. Лишеніе свѣтской власти даже оказалось, въ сущности, обстоятельствомъ благопріятнымъ для усиленія моральнаго авторитета папства.

Послѣ потери свѣтской власти папа Пій IX прожилъ еще съ небольшимъ семь лѣтъ, упорствуя въ своей непримиримости. Въ эти годы онъ постоянно выступалъ съ разными аллокуціями и энцикликами, протестуя противъ тѣхъ или другихъ непріятныхъ ему явленій современной жизни и обвиняя правительства разныхъ странъ въ нечестии и революціонности. Особенно рѣзко продолжалъ онъ отзываться объ Италіи, правительство и парламентъ которой давали ему по временамъ поводы выступать съ новыми жалобами и протестами [1]). Всѣ законы, какіе только издавались итальянскимъ правительствомъ, разъ они только такъ или иначе затрогивали интересы церкви, подвергались со стороны Пія IX постоянно самому строгому осужденію. Вступленіе на итальянскій престолъ Гумберта I дало Пію IX поводъ къ заявленію послѣдняго своего протеста противъ лишенія его свѣтской власти. Въ самый день похоронъ Виктора-Эммануила всѣмъ представителямъ св. престола при иностранныхъ правительствахъ былъ разосланъ циркуляръ статсъ-секретаря кардинала Симеони противъ присвоенія сыномъ Виктора-Эммануила титула короля Италіи, чѣмъ онъ „выразилъ притязаніе санкціонировать ограбленіе св. престола", происшедшее въ 1860 и 1870 годахъ. И этотъ протестъ былъ послѣднимъ лишь потому, что недѣли черезъ три послѣ этого Пій IX скончался (7 февраля 1878 г.), доживъ до глубокой старости (умеръ 86 лѣтъ). Между тѣмъ итальянское правительство продолжало держать себя по отношенію къ папству весьма корректно и добросовѣстно исполняло взятыя на себя закономъ о гарантіяхъ обязательства [2]). Гнѣвъ куріи на новыя отношенія вытекалъ еще изъ того обстоятельства, что послѣ паденія папской власти стали въ самомъ Римѣ возможными проявленія крайней вражды къ католицизму. Напр., въ началѣ 1871 г. здѣсь было основано „Общество свободныхъ мыслителей" (Società di liberi pensatori). Въ своемъ воззваніи, распространенномъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, оно говорило, что цивилизаторская миссія Италіи и Рима не прекращается съ низверженіемъ свѣтской власти папы, но что имъ предстоитъ еще сокрушить ложь религій, не силою оружія, конечно, а превращеніемъ Рима въ истинный центръ научной и моральной пропаганды. Около

---

[1]) *P. Vigo* въ книгѣ, называвшейся выше, собралъ цѣлый рядъ этихъ „lamenti" и „proteste", нерѣдко съ приведеніемъ изъ нихъ отдѣльныхъ мѣстъ.

[2]) Напр., въ 1871 г. оно дало полную свободу празднованію 25-лѣтняго папскаго юбилея, потомъ 50-лѣтняго епископскаго юбилея (о чемъ выше, стр. 344) и т. п.

того же времени Римъ былъ свидѣтелемъ первыхъ гражданскихъ похоронъ. Въ 1875 г. въ Римѣ былъ даже открытъ масонскій храмъ [1]), что особенно было непріятно Пію IX, который уже раньше негодовалъ на то, что въ столицѣ католицизма стали открываться иновѣрные (протестантскіе) или, по его терминологіи, еретическіе храмы.

Весь конецъ понтификата Пія IX былъ сплошною борьбою противъ всего, что создавала современность новаго въ политико-церковныхъ отношеніяхъ. Въ самой католической церкви произошелъ въ семидесятыхъ годахъ расколъ старо-католичества, вызванный нежеланіемъ нѣкоторыхъ членовъ клира и извѣстной части паствы подчиниться догмату о папской непогрѣшимости [2]). Извѣстно, что старокатолицизмъ возникъ и сталъ распространяться въ Германіи съ нѣмецкими частями Швейцаріи и Австріи. Главнымъ вождемъ старокатоликовъ былъ сначала ученый церковный историкъ Дёллингеръ, занимавшій каѳедру своего предмета въ Мюнхенскомъ университетѣ. Еще съ конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ онъ былъ извѣстенъ, какъ теологъ строго-ультрамонтанскаго направленія, благодаря своимъ книгамъ о реформаціи XVI в. и о Лютерѣ [3]). Будучи прежде ревностнымъ папистомъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Дёллингеръ осмѣлился, однако, высказать мысль о томъ, что папство можетъ существовать и безъ свѣтской власти, а въ эпоху ватиканскаго собора онъ написалъ (подъ псевдонимомъ Януса) книгу „Папа и соборъ“ [4]), въ которой рѣшительно высказался противъ догмата о непогрѣшимости папы. Когда у него (уже въ 1871 г.) потребовали подчиниться догмату, онъ заявилъ, что не можетъ этого сдѣлать „ни какъ христіанинъ, ни какъ богословъ, ни какъ историкъ, ни какъ гражданинъ“. Его авторитетный голосъ далъ начало старо-католическому движенію, въ которомъ впослѣдствіи самъ Дёллингеръ не принималъ уже участія, не желая новой „схизматической секты“, хотя и не повернулъ въ сторону правовѣрнаго католицизма [5]). На своемъ первомъ съѣздѣ, въ Мюнхенѣ, въ сентябрѣ 1871 г., католики, отказавшіеся признать новый догматъ, какъ противный ихъ совѣсти, заявили, что всѣ, признавшіе догматъ, должны разсматриваться, какъ люди, соблазненые іезуитами и отпавшіе отъ вѣры древней церкви,

---

[1]) *P. Vigo*, I, 20—21.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 255—256.

[3]) „Die Reformation, ihre innere Entwickelung und ihre Wirkung“ (1846—48) и „Luther“ (1851).

[4]) Въ 1870 г. былъ сдѣланъ ея переводъ на русскій языкъ, а въ 1892 г. *Döllinger* издалъ ея переработку подъ заглавіемъ „Das Papsthum“; есть франц. перев. *Giraud-Teulon'a* (1904).

[5]) Онъ былъ отлученъ отъ церкви, но до конца жизни оставался не поколебимъ.

которая продолжаетъ существовать только у нихъ, старо-католиковъ. Новое собраніе делегатовъ старо-католическихъ общинъ, бывшее въ Кёльнѣ въ іюнѣ 1873 г., дало старо-католицизму правильную церковную организацію съ приходами, епархіями и общимъ синодомъ. Въ томъ же году былъ избранъ въ епископы этой церкви бреславльскій профессоръ Рейнкенсъ [1]), признанный въ своемъ санѣ и правительствами, прусскимъ, баденскимъ и гессенскимъ (но баварскимъ нѣтъ), такъ какъ старо-католики объявили себя не отколовшимися отъ церкви, а только временно въ силу особыхъ обстоятельствъ не находящимися съ нею въ общеніи [2]). Дальнѣйшаго развитія, однако, новая эта церковь не получила, несмотря на то, что въ эпоху культуркампфа на нее въ Германіи возлагались извѣстныя надежды и потому ей покровительствовали, хотя, съ другой стороны, правительственное покровительство и удерживало многихъ отъ перехода въ старо-католицизмъ [3]). Папа, конечно, осудилъ все это движеніе и даже особо протестовалъ противъ покровительства, какое власти въ Германіи оказывали отщепенцамъ [4]). Въ исторіи католицизма конца XIX в. это было непріятнымъ эпизодомъ,—не болѣе того,—въ сущности, не принесшимъ римской церкви особенно большого ущерба.

---

[1]) *Beyschlag.* Bischof Reinkens und der deutsche Altkatholicismus (1896). Для посвященія Рейнкенса въ епископы старо-католикамъ пришлось обратиться къ девентерскому янсенистскому епископу въ Голландіи, гдѣ янсенисты (см. т. II, стр. 284) съ конца XVII в. имѣли свою церковь (утрехтскую).

[2]) Число старо-католиковъ въ Германіи въ годъ смерти Пія IX превышало 50 т. человѣкъ, но потомъ пошло на убыль, и въ 1890 г. ихъ было не больше тысячъ 30. Въ Швейцаріи за тотъ же періодъ также произошло пониженіе съ 73 т. до 46 т. Менѣе всего ихъ было въ Австріи, а именно въ 1890 г. около 10 т. (главнымъ образомъ, въ нѣмецкой части Богеміи). Что касается до внѣшней исторіи старо-католицизма въ Швейцаріи, то здѣсь „національно-католическая христіанская церковь“ организовалась въ 1872 г., принявъ нѣмецкій языкъ въ богослуженіе и отмѣнивъ целибатъ священниковъ (что германскіе старо-католики сдѣлали въ 1878 г.). Въ 1874 г. они основали въ Бернѣ университетъ, гдѣ между другими преподавалъ Герцогъ, въ 1876 г. посвященный Рейнкенсомъ въ епископы. Въ Австріи отъ образованія особой церкви,—которая по мѣстнымъ законамъ не могла бы быть признанною за католическую,—отклонилъ старо-католиковъ профессоръ каноническаго права Маассенъ. (Соч. послѣдняго „Neun Kapitel über freie Kirche und Gewissenfreiheit“, вышедшія въ свѣтъ въ 1876 г., появились въ 1882 г. и въ русскомъ переводѣ).

[3]) Нѣкоторыя надежды возлагались на старо-католицизмъ и въ русскихъ церковныхъ сферахъ, такъ какъ сами старо-католики выражали желаніе слиться съ англиканскою или православною церквами (1874). Между прочимъ, *Reinkens*, хорошо знакомый съ исторіей восточной церкви, написалъ о ней въ 1873 г. двѣ статьи въ старо-католическомъ „Theologisches Literaturblatt“.

[4]) Въ этомъ движеніи не было никакого политическаго элемента, чѣмъ оно существенно отличается отъ возникшаго позже въ Австріи движенія „los von Rom“, о чемъ см. выше, стр. 318.

Гораздо болѣе непріятными и опасными были для католической церкви и ея главы тѣ мѣры, которыя принимались правительствами и законодательными палатами разныхъ странъ противъ власти и вліянія католическаго клира. Культуркампфъ въ Германіи, краткая исторія котораго у насъ изложена въ другомъ мѣстѣ [1]), былъ лишь однимъ изъ частныхъ проявленій той борьбы между государствомъ и церковью, какая при Піѣ IX велась повсемѣстно. Припомнимъ только, что германскій культуркампфъ возникъ на почвѣ вопросовъ объ участіи духовенства въ народномъ образованіи, о злоупотребленіяхъ проповѣдническою каѳедрой, о карательной власти духовенства, о дѣятельности ордена іезуитовъ и другихъ подобныхъ корпорацій и т. п.: все это вопросы, изъ-за которыхъ велась борьба и въ другихъ мѣстахъ, не въ одной Германіи. Извѣстно также, какія крутыя мѣры были пущены въ ходъ Бисмаркомъ противъ непослушнаго католическаго духовенства, когда оппозиціонныхъ епископовъ облагали штрафами, сажали въ тюрьмы, смѣщали, когда въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ то же самое примѣнялось къ приходскимъ священникамъ (и до тысячи двухсотъ приходовъ въ концѣ концовъ оставили безъ пастырей) или когда были уничтожены сотни монастырей съ тысячами монаховъ и т. п. Мы знаемъ, равнымъ образомъ, что въ годы германскаго культуркампфа и третья республика вела борьбу съ клерикализмомъ, продолжавшуюся и въ слѣдующее десятилѣтіе [2]). И во Франціи дѣло шло о защитѣ народнаго образованія отъ клерикальнаго вліянія, объ освобожденіи страны отъ ордена іезуитовъ и другихъ подобныхъ конгрегацій, о подчиненіи духовенства законамъ государства. Какъ ни различны были между собою Бисмаркъ и Гамбетта, ихъ общимъ девизомъ была борьба съ ультрамонтанскимъ католицизмомъ, нашедшимъ наилучшее свое выраженіе въ догматѣ папской непогрѣшимости. Въ болѣе мелкихъ государствахъ (напр., въ Бельгіи, въ Швейцаріи), какъ мы еще увидимъ [3]), тоже происходила борьба съ ультрамонтанскимъ клерикализмомъ. Изъ большихъ странъ и Австрія не избѣжала общей участи— войти въ конфликтъ съ папскою властью. Уже объявленіе въ монархіи Габсбурговъ конституціоннаго строя съ обезпеченіемъ свободы вѣроисповѣданій, противорѣчившей реакціонному конкордату 1855 г. [4]), вызвало непріятныя тренія между вѣнскимъ кабинетомъ и римскою куріею. Всѣ нововведенія въ Австріи, находившіяся въ несогласіи съ конкордатомъ или просто съ папскими его толкованіями, Пій IX не стѣснялся объявлять недѣйствительными, но либеральный (въ то время)

---

[1]) VI, ч. 1, стр. 256—263.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 221 и особенно выше, стр. 138 и слѣд.

[3]) Въ слѣдующей главѣ.

[4]) Т. V, стр. 646—647.

австрійскій кабинетъ заявлялъ, что государство имѣетъ право единственно своею властью измѣнять даже такія постановленія, которыя имѣютъ свое основаніе въ соглашеніи съ церковною властью. Провозглашеніе соборомъ 1870 г. папской непогрѣшимости дало только австро-венгерскому правительству поводъ мотивировать свой отказъ отъ стѣснительнаго для государства конкордата тѣмъ, что новымъ догматомъ въ католическую церковь было введено измѣненіе, которое вовсе не предвидѣлось при заключеніи конкордата. Наслѣдіе реакціи пятидесятыхъ годовъ было ликвидировано, и Австрія въ началѣ семидесятыхъ годовъ занялась своимъ церковнымъ законодательствомъ, бывшимъ возвращеніемъ къ іозефинизму съ его отстаиваніемъ правъ государства [1]). Въ своемъ мѣстѣ [2]) уже упоминалось, что въ 1874 г. въ Австріи были изданы новые законы въ области церковныхъ отношеній, которые, кстати сказать, не далеко въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уходили отъ эпохи прусскаго культуркампфа, но Пій IX не рѣшился на этотъ разъ слишкомъ рѣзко выразить свое несогласіе, ограничившись лишь, во-первыхъ, посылкою въ Вѣну своего нунція Якобини, чтобы подвинуть австрійскій епископатъ на заявленіе теоретическаго протеста противъ законовъ 1874 г., а во-вторыхъ, письмомъ къ Францу-Іосифу, на которое тотъ отвѣчалъ ссылкою на волю рейхсрата [3]). Рядъ законовъ, касавшихся церкви, былъ изданъ и въ Италіи въ семидесятыхъ годахъ, какъ-то: объ уничтоженіи теологическихъ факультетовъ въ правительственныхъ университетахъ, о закрытіи религіозныхъ конгрегацій въ Римской области съ отобраніемъ ихъ имуществъ въ казну, объ устраненіи обязательнаго обученія закону Божію въ народныхъ школахъ, о введеніи обязательнаго гражданскаго брака [4]). Все это вызывало протесты папы, очень часто крайне рѣзкіе по формѣ. Когда Пій IX умиралъ, высшая власть католической церкви была въ ссорѣ съ большею частью государствъ [5]), и преемнику его выпала на долю трудная задача возстановленія церковнаго мира.

Когда въ февралѣ 1878 г. собрался конклавъ для выбора новаго

---

[1]) Т. III, гл. 25 и 27.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 371.

[3]) „Oesterreich verlangte in einigen grundlegenden Fragen dasselbe wie Preussen und logischerweise hätte Pius IX auch mit Oesterreich anbinden und auch dessen Gesetze für ungültig erklären müssen. Dies geschah aber nicht" и т. д. *Egelhaaf*, стр. 36. Что касается до Венгріи, то въ ней спеціально церковно-политическое законодательство относится уже къ послѣднему десятилѣтію XIX в. (см. выше, стр. 325, прим. 1).

[4]) Т. VI, ч. 1, стр. 346.

[5]) Пій IX протестовалъ и противъ испанской конституціи 1876 г., нарушившей прежнее единство вѣры, вслѣдствіе провозглашенія этой конституціей вѣротерпимости, а съ Россіей всякія сношенія были прерваны еще въ 1866 г.

папы, итальянское правительство исполнило свое обѣщаніе относительно полной свободы конклава. Двухъ сутокъ (18—20 февраля) оказалось совершенно достаточнымъ, чтобы кардиналы могли выбрать преемника Пію IX. Избранъ былъ шестидесятивосьмилѣтній кардиналъ Іоахимъ Печчи, принявшій имя Льва XIII въ честь Льва XII (1823—1829), покровительствомъ котораго пользовался въ молодыхъ годахъ. Настоящая его карьера началась при Григоріи XVI, который въ 1843 г. назначилъ его нунціемъ въ Брюссель какъ-разъ въ такое время, когда въ Бельгіи образовалась католическая партія. По вступленіи на папскій престолъ Пій IX его отозвалъ, и послѣ этого онъ около тридцати лѣтъ провелъ на своей архіепископской каѳедрѣ въ Перуджіи, переѣхавъ въ Римъ только въ 1876 г. по смерти папскаго статсъ-секретаря Антонелли, который боялся его, какъ возможнаго соперника. Пій IX тоже не любилъ будущаго своего преемника и даже завѣщалъ кардиналамъ не выбирать его въ папы. Избранъ Печчи былъ, говорятъ, въ качествѣ кандидата партіи, которая держалась середины между двумя теченіями, изъ которыхъ одно склонялось къ примиренію съ итальянскимъ королевствомъ, другое, наоборотъ, отличалось рѣзко непримиримымъ отношеніемъ къ безбожной узурпаціи. Мечтая о папской тіарѣ, кардиналъ Печчи всячески старался избѣгать всего, что такъ или иначе могло ему повредить въ глазахъ тѣхъ или другихъ членовъ коллегіи, къ которой онъ принадлежалъ. На ватиканскомъ соборѣ онъ, очень ученый сановникъ церкви, не произнесъ ни одной рѣчи о непогрѣшимости папы, но голосъ свой подалъ за новый догматъ, что расположило въ его пользу наиболѣе реакціонныхъ сторонниковъ папства, съ другой же стороны, онъ сумѣлъ понравиться и либеральнымъ католикамъ,—которыхъ Пій IX терпѣть не могъ,—двумя пастырскими посланіями 1877 и 1878 гг. на тему гармоніи между церковью и цивилизаціей, гдѣ доказывалъ, что католицизмъ по преимуществу есть религія движенія впередъ. Составъ конклава 1878 г. былъ такого рода, что ни непримиримые, ни склонные къ примиренію кардиналы не составляли большинства, и легче всего поэтому могъ пройти человѣкъ, заслужившій репутацію человѣка среднихъ воззрѣній. Онъ самъ помогъ своему избранію, склонивъ въ свою пользу одного изъ конкуррентовъ, кардинала Франки, бывшаго опаснымъ не потому, что за него составилось бы большинство, а потому, что своимъ вліяніемъ онъ могъ помѣшать кандидатурѣ самого Печчи. Будущій папа, чтобы имѣть Франки на своей сторонѣ, пообѣщалъ ему почетную и вліятельную должность статсъ-секретаря, чѣмъ превратилъ соперника въ сторонника. Приличіе и старый обычай требовали, однако, отъ избранника знаковъ изумленія и даже огорченія, слезъ и словъ о своей недостойности занимать столь высокое положеніе, и

Левъ XIII все это исполнилъ, какъ исполняли и его предшественники при такихъ же обстоятельствахъ. Католическая церковь имѣла новаго папу, которому, несмотря на преклонный возрастъ въ моментъ избранія, суждено было занимать св. престолъ цѣлую четверть вѣка [1]).

Когда состоялось избраніе Льва XIII, первымъ его дѣломъ должно было быть благословеніе народа, собравшагося у храма св. Петра. Прежде для этого вновь избранный папа въ бѣлой сутанѣ выходилъ на внѣшній балконъ (loggia) храма, откуда и давалъ свое благословеніе „urbi et orbi". Говорятъ, что итальянское правительство распорядилось привѣтствовать пушечными выстрѣлами съ крѣпости св. Ангела появленіе папы во внѣшней „лоджіи", но есть извѣстія, будто готовилась и какая-то враждебная манифестація со стороны „либераловъ". Папа, однако, не вышелъ изъ стѣнъ св. Петра, что было признакомъ его намѣренія оставаться, подобно Пію IX, „узникомъ" въ Ватиканѣ и не признавать власти итальянскаго короля въ столицѣ католическаго міра. Новый папа ни на одну іоту не отрекся отъ принциповъ своего предшественника, но зато совершенно измѣнилъ его тактику. Если Пій IX былъ папою-воителемъ, то Левъ XIII былъ папою-дипломатомъ. Страшно худой, съ блѣднымъ лицомъ, человѣкъ, въ которомъ „едва душа держалась въ тѣлѣ", Левъ XIII поражалъ всѣхъ ясностью своего взора, въ которомъ свѣтились недюжинный умъ и сильная воля. Его краснорѣчіе было не изъ тѣхъ видовъ ораторскаго искусства, которые имѣютъ цѣлью затрогивать душевныя эмоціи, умилять сердце или плѣнять слухъ, но зато обладало силою логической убѣдительности въ доказываніи защищаемыхъ тезисовъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ отличался большимъ тактомъ, чувствомъ мѣры, умѣніемъ достигать поставленныхъ цѣлей. Слишкомъ самостоятельный по своему характеру, чтобы подчиняться, подобно Пію IX, постороннимъ вліяніямъ, Левъ XIII былъ въ то же время натурою властною, но безъ рѣзкостей, безъ жостокости, и вмѣстѣ съ этимъ умѣлъ терпѣливо выжидать, уступать, гдѣ было нужно, и своею умѣренностью тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ все-таки настаивать на своемъ. По дипломатической ловкости Льва XIII сравниваютъ съ самимъ Бисмаркомъ [2]), а въ своемъ оппорту-

---

[1]) Левъ XIII умеръ въ 1903 г. Интересныя подробности объ избраніи въ папы Льва XIII можно найти изъ новѣйшихъ соч. въ IV томѣ „Histoire de la France contemporaine" *Ганото*, стр. 266 и слѣд. Въ распоряженіи автора названной книги были неизданные источники.

[2]) „Les deux diplomates les plus considérables et les plus ingénieux qu'il y eut alors, étaient fait pour s'entendre. Mais dignes l'un de l'autre, ils procédèrent dans les règles de la plus savante escrime". *G. Hanotaux*, IV, 502. Иначе судитъ *A. Debidour* (II, 23), называя Льва XIII „imitateur de Metternich plutôt que de Bismarck".

низмѣ, говорятъ о немъ нѣкоторые, онъ не уступилъ бы ни въ чемъ и Гамбеттѣ [1]). Въ теоріи, на словахъ, въ своихъ многочисленныхъ заявленіяхъ [2]) Левъ XIII постоянно твердилъ, что онъ остается непоколебимо вѣренъ тѣмъ принципамъ, которые были установлены и защищались его предшественникомъ, что онъ рѣшительно ничего ненамѣренъ уступить изъ религіозныхъ и политическихъ правъ церкви ни „ложной цивилизаціи", ни „нечестивымъ законамъ", ни „узурпаторской власти" въ Римѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на практикѣ, въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, онъ многимъ на самомъ дѣлѣ поступался, когда нужно было выиграть что-либо болѣе крупное.

По части изданія энцикликъ Левъ XIII проявилъ большую энергію, причемъ всѣ его энциклики были въ большей или меньшей степени откликами на разныя явленія современности, только въ самомъ средневѣковомъ духѣ. Рядъ наиболѣе важныхъ изъ нихъ начинается энцикликой „Inscrutabili" (1878), въ которой, нападая на ложную цивилизацію нашихъ дней, папа осуждалъ нечестивые законы, изданные за послѣднее время въ большей части странъ для разрушенія церкви и распространенія посредствомъ свободы обученія всякаго зла. Затѣмъ энциклика „Aeterni Patris" (1879) устанавливала взаимныя отношенія знанія и вѣры, въ смыслѣ подчиненія перваго второй, и особенно рекомендовала изучать философію Ѳомы Аквината и крѣпко ея держаться. Двѣ энциклики 1880 г. были направлены противъ свѣтскаго обученія, гражданскаго брака, теоріи народовластія, соціализма и т. п. Противъ „imperium populare", основаннаго на ложной философіи XVIII в., была направлена и одна еще энциклика „Diuturnum" 1881 г. Въ особой энцикликѣ „Humanum genus" (1884) Левъ XIII обрушился на вредную секту масоновъ, ставящую своею задачею устроеніе государства и общества не на религіозныхъ, христіанскихъ, а на натуралистическихъ началахъ гражданскаго брака, свѣтскаго обученія, верховной власти народа и нейтральности государства по отношенію къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ [3]).

---

[1]) „Dès le début de son pontificat, Léon XIII, avec un art consommé, montra que l'opportunisme n'était point le monopole de Gambetta et que sa politique serait par-dessus tout la politique des circonstances". *A. Debidour.* L'église catholique et l'état sous la troisième république (1906), I, 189.

[2]) *Ш. Сеньобосъ* въ своемъ очеркѣ политики Льва XIII (рус. пер. „Политической исторіи современной Европы", т. II, стр. 137 — 142 по 4 изд. подъ ред. Поссе) даетъ очень большое количество выдержекъ изъ цѣлаго ряда энцикликъ Льва XIII. Болѣе подробное ихъ изложеніе есть въ книгѣ *A. Debidour'a*, названной выше. Нѣкоторыя изъ нихъ, имѣющія ближайшее отношеніе къ Франціи, помѣщены въ приложеніяхъ къ обоимъ томамъ труда Дебидура цѣликомъ или въ большихъ извлеченіяхъ.

[3]) О массонствѣ ср. выше, стр. 137 и 140.

Въ другой энцикликѣ, вышедшей въ томъ же году, „Nobillissima Gallorum gens“ папа спеціально осуждалъ политику французскаго правительства. Въ „Immortale Dei“ (1885) Львомъ XIII дана была цѣлая теорія христіанскаго устройства государствъ, съ точки зрѣнія которой осуждались, въ духѣ „Силлабуса“ Пія IX [1]), разныя заблужденія новаго права, учащаго объ естественныхъ свободѣ и равенствѣ людей, а народовластіи, о свободѣ мысли, о невѣроисповѣдномъ государствѣ, хотя и съ оговоркою, что св. престолъ не отвергаетъ никакой формы правленія и въ извѣстныхъ рамкахъ участіе народа въ государственныхъ дѣлахъ признаётъ даже полезнымъ и необходимымъ. Какъ тонкій дипломатъ, Левъ XIII оставлялъ своего рода лазейки для возможности въ будущемъ болѣе уступчивыхъ формулировокъ [2]). Въ 1888 г. папа издалъ еще энциклику „Libertas praestantissimum“, гдѣ опровергалъ воззрѣнія „сильно распространенной и весьма вліятельной школы людей, именующихъ себя либералами“, но далекихъ въ своемъ натурализмѣ отъ истиннаго пониманія свободы и въ частности разныхъ публичныхъ свободъ—совѣсти, преподаванія, печати. Далѣе, энциклика „Sapientiae christianae“ (1890) давала наставленія, какъ вести себя католикамъ въ исполненіи своихъ гражданскихъ обязанностей въ столь трудныя для церкви времена. Но больше всего надѣлала шуму энциклика Льва XIII по рабочему вопросу, знаменитая „Rerum novarum“, вышедшая въ свѣтъ въ 1891 году и отмѣчающая цѣлый поворотъ въ папской политикѣ въ сторону „католическаго соціализма“. И въ послѣднее десятилѣтіе своего понтификата Львомъ XIII было издано немало энцикликъ общаго содержанія, каковы „Providentissimus Deus“ (1893) объ изученіи св. писанія, „Divinum illud“ о благодатномъ дѣйствіи св. Духа,—обѣ, впрочемъ, чисто теологическаго, а не политическаго содержанія, — и др. Кромѣ того, Левъ XIII то-и-дѣло обращался съ пастырскими посланіями на злобы дня къ епископамъ разныхъ странъ съ указаніями на опасности, грозящія церкви въ той или другой странѣ, съ совѣтами, какъ нужно поступать въ виду такихъ-то и такихъ-то обстоятельствъ, съ предложеніями относительно ближайшихъ задачъ, требующихъ разрѣшенія. Наконецъ, Левъ XIII любилъ и устныя аллокуціи къ разнымъ депутаціямъ, представлявшимся ему и получавшимъ отъ него назиданія и совѣты.

Боевому тону большей части энцикликъ Льва XIII совершенно не соотвѣтствовала его примирительная политика, благодаря чему

---

[1]) Т. V, стр. 644.

[2]) См. у *Debidour'a* (I, 359 и слѣд.) страницы, посвященныя энцикликѣ „Immortale Dei“. Ср. его замѣчанія и о „Nobilissima“ на стр. 338—339.

ему удалось сильно поднять значеніе и вліяніе папства во всемъ мірѣ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ [2]) у насъ уже шла рѣчь о прекращеніи культуркампфа въ Германіи, въ чемъ видная роль принадлежала лично Льву XIII. Первый шагъ къ примиренію сдѣланъ былъ Львомъ XIII въ первомъ же году его понтификата. Сначала переговоры при посредствѣ мюнхенскаго нунція, Мазеллы, и нунція вѣнскаго, Якобини, были неудачны вслѣдствіе упорнаго нежеланія Бисмарка отмѣнить такъ называемые майскіе законы, но когда имперскій канцлеръ увидѣлъ, что въ соціализмѣ онъ имѣетъ дѣло съ врагомъ, болѣе опаснымъ, нежели католицизмъ, то пошелъ на уступки, и въ концѣ концовъ его гордое заявленіе о томъ, что онъ не пойдетъ въ Каноссу, оказалось неисполненнымъ. Майскіе законы, кромѣ нѣкоторыхъ только пунктовъ, были отмѣнены. Когда у Германіи и Испаніи въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ возникъ споръ изъ-за Каролинскихъ острововъ, обѣ стороны обратились къ третейскому суду Льва XIII [3]), что для папства послѣ всей исторіи съ культуркампфомъ было, конечно, великимъ моральнымъ торжествомъ. По этому случаю Бисмаркъ даже получилъ отъ Льва XIII католическій орденъ Христа. Германскіе ка-

---

[1]) Русскій резидентъ при папскомъ дворѣ, К. А. Губастовъ, такъ въ годъ смерти Льва XIII опредѣлялъ его историческое значеніе: „когда въ 1878 г. скончался лишенный свѣтскаго могущества Пій IX, находившійся въ разладѣ почти со всѣми государствами Европы, то многимъ казалось, что съ нимъ должно погибнуть и само папство. Избранному на перекоръ желанію Пія IX кардиналу Печчи удалось не только разсѣять эти близорукія опасенія, но и убѣдить весь міръ въ необходимости признать за папствомъ какъ его живучесть, такъ и значительный авторитетъ въ сферѣ международныхъ отношеній. Послѣ сравнительно небольшого числа лѣтъ можно было замѣтить, что съ лишеніемъ свѣтской власти, бывшей въ послѣдніе годы лишь жалкимъ призракомъ самостоятельности, папство должно было обновиться, освободившись отъ бремени гражданскихъ дѣлъ, и выступить на болѣе подобающую ему пастырскую дѣятельность, и на самомъ дѣлѣ ни одинъ папа не былъ такъ ревностенъ на учительство, какъ Левъ XIII... Второю и неменѣе важною заслугою папы слѣдуетъ признать установленныя имъ отношенія ко всѣмъ иностраннымъ государствамъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что со времени среднихъ вѣковъ нравственный авторитетъ папы не достигалъ такой высоты, на которую Льву XIII, благодаря его выдающемуся политическому уму, удалось поставить... Число католиковъ увеличивается не только въ Азіи и въ Африкѣ, но и въ Сѣверной Америкѣ. Пользуясь политической свободой, господствующей въ Соединенныхъ Штатахъ, римское католичество достигло тамъ небывалыхъ успѣховъ, превратившись изъ ничтожной горсти католиковъ въ могущественную церковь съ кардиналомъ во главѣ и сильною іерархіею". Приведено въ указанной выше (стр. 340) книгѣ *А. Л. Байкова* на стр. 146—148.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 263—267.

[3]) См. выше, стр. 56 и 73.

толики были очень недовольны и уступчивостью, проявленною папою при переговорахъ съ Бисмаркомъ. „Во всемірной исторіи, сказано было въ одной газетной статьѣ, нерѣдко случалось, что побѣдоносная армія была измѣннически предаваема дипломатическими переговорами какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда ей предстояло только заставить надменнаго врага сдать свои послѣднія укрѣпленія. То, къ чему привели печальные результаты переговоровъ между Римомъ и Берлиномъ, въ состояніи вызвать краску гнѣва на лицо даже самаго терпѣливаго изъ насъ“. Въ другой газетѣ говорилось, что на надгробномъ памятникѣ партіи центра нужно написать такія слова: „Ни разу не побѣжденный врагами, ни разу не покидавшійся друзьями, но отвергнутый папою, за права котораго боролся и страдалъ семнадцать лѣтъ“. Въ одномъ епископскомъ городѣ, гдѣ католическій ферейнъ ежегодно чествовалъ папу особымъ торжественнымъ собраніемъ, въ 1887 г. среди духовныхъ лицъ не могли найти ни одного, кто взялъ бы на себя произнесеніе обычной рѣчи [1].—Кромѣ Пруссіи Левъ XIII съумѣлъ примирить съ католическою церковью правительства Гессенъ-Дармштадта и Бадена, равно какъ и федеральное правительство Швейцаріи, причемъ бо̀льшія уступки сдѣланы были не со стороны папства. Въ обоихъ названныхъ германскихъ государствахъ боевые законы были взяты назадъ, въ Швейцаріи, изъ которой еще въ 1874 г. удалился папскій нунцій, въ 1884 г. были возстановлены сношенія со св. престоломъ [2].

Болѣе сложныя отношенія образовались у Льва XIII съ Франціей. Здѣсь высшее духовенство и свѣтскіе клерикалы были въ то же время и приверженцами монархіи. Пій IX держался той же самой точки зрѣнія, но Левъ XIII понялъ, что своею связью съ безнадежнымъ и непопулярнымъ дѣломъ монархической реставраціи католицизмъ во Франціи только подвергаетъ себя излишнему риску. Съ са-

---

[1]) *G. Egelhaaf*, 64—65.

[2]) Одною изъ причинъ ссоры папства съ Швейцаріей было слѣдующее: при Піи IX епископомъ женевскимъ былъ назначенъ Мермильо (Mermilliod), но городской совѣтъ не призналъ за нимъ этой функціи (1872), послѣ чего Пій IX объявилъ его апостольскимъ викаріемъ въ Женевѣ, но это только заставило союзное правительство изгнать Мермильо изъ Швейцаріи, пока онъ не откажется отъ незаконно полученныхъ имъ званій (1873). Черезъ десять лѣтъ Швейцарія, однако, согласилась на назначеніе его епископомъ въ Лозанну, къ которой былъ приписанъ и женевскій кантонъ. Дѣло Мермильо было одно изъ тѣхъ, которыя въ свое время очень занимали періодическую прессу. Какъ видный дѣятель церкви, духовный писатель и выдающійся проповѣдникъ, Мермильо имѣлъ біографовъ въ лицѣ *Belloc'a* (1892) и *Lesur et Bournand* (1895). Въ 1873 г. былъ также изгнанъ базельскій епископъ Lachat, который тоже вернулся въ 1884 г. въ Швейцарію, хотя и на другое мѣсто (въ Тичинскій кантонъ).

маго начала Левъ XIII своею уступчивостью стремился обезоружить республиканское правительство. Онъ безпрекословенно утверждалъ кандидатовъ на епископскія каѳедры, какихъ только ему представляли изъ Парижа, хотя случалось, что противъ этихъ кандидатовъ высказывалось антиреспубликанское большинство французскаго епископата. Въ 1882 г. папа наградилъ титуломъ архіепископа in partibus одного французскаго прелата, Маре, къ которому Пій IX относился очень сурово за его либерализмъ, причемъ Львомъ XIII была благосклонно принята книга Маре подъ заглавіемъ „Католическая истина и религіозный миръ", въ которой доказывалась ошибочность поведенія французскаго духовенства по отношенію къ республикѣ, бывшей единственною, по мнѣнію автора, возможною формою правленія во Франціи. Когда папу, въ томъ же 1882 г., посѣтилъ гр. Парижскій, то былъ принятъ очень вѣжливо, но уѣхалъ ни съ чѣмъ, а по смерти, въ 1883 г., гр. Шамбора Левъ XIII обратился къ французскому епископату съ совѣтами благоразумія и умѣренности. Извѣстно также, что Левъ XIII писалъ Гамбеттѣ, и что между ними были нѣкоторыя секретныя сношенія [1]). Ему даже удалось склонить на сторону примиренія съ республикою нѣкоторыхъ высшихъ духовныхъ лицъ, какъ напр., кардинала Лавижери [2]). Папскіе совѣты вообще плохо слушались французскими католиками, бывшими вмѣстѣ съ тѣмъ и крайними недругами республики, что ставило Льва XIII въ большое затрудненіе, но онъ терпѣливо велъ свою линію, и наприм., его энциклика 1884 г. „Nobilissima Gallorum gens", въ которой онъ хвалилъ французскую націю за ея вѣрность церкви, говорилъ о своей любви къ Франціи и выражалъ желаніе скорѣйшаго примиренія ея правительства со св. престоломъ, была составлена такъ, что въ ней не было прямого нападенія на республиканскій строй. Протестуя противъ республиканскаго законодательства, въ которомъ главная вина падала въ его глазахъ на масоновъ [3]), Левъ XIII не переставалъ при случаѣ говорить о своей симпатіи къ Франціи, что не мѣшало ему, съ другой стороны, принимать кое-какія непріязненныя по отношенію къ Франціи мѣры. Когда у Франціи изъ-за Тонкина вспыхнула война съ Китаемъ [4]), французскій посолъ при Небесной имперіи поручилъ принадлежавшій Франціи протекторатъ надъ католическими миссіями представителю Россіи, но Левъ XIII подъ тѣмъ предлогомъ, что миссіи остались безъ защиты, обратился къ богдыхану съ письмомъ,

---

[1]) См. выше, стр. 151 и 154.

[2]) См. выше, стр. 175, прим.

[3]) Энциклика „Humanum genus", о которой см. выше (стр. 355), имѣла въ виду именно Францію.

[4]) См. выше, стр. 48.

цѣлью котораго было замѣнить французскій протекторатъ папскимъ. Впрочемъ, когда въ 1888 г. Германія и Италія захотѣли взять на себя этотъ протекторатъ, папа далъ знать католическимъ миссіямъ, что онѣ попрежнему должны искать защиты у Франціи [1]). Въ своихъ отношеніяхъ къ Франціи Льву XIII приходилось считаться также съ настроеніемъ кардиналовъ, бо̀льшая часть которыхъ находила нужнымъ „не дѣлать никакихъ уступокъ революціи", а нѣкоторые даже открыто, какъ, наприм., французскій кардиналъ Питра [2]), высказывались противъ измѣны политикѣ Пія IX. Со стороны буланжистовъ, которыхъ охотно поддерживали клерикалы, дѣлались попытки привлечь на свою сторону Льва XIII, но онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы чѣмъ бы то ни было себя компрометтировать въ этой авантюрѣ. Папа только воспользовался общественнымъ возбужденіемъ, чтобы лишній разъ преподать французамъ политическіе совѣты въ энцикликѣ „Libertas praestantissimum", гдѣ, между прочимъ, и заявилъ, что церковь можетъ терпѣть существованіе извѣстныхъ видовъ свободы [3]). Когда республика вышла съ тріумфомъ изъ буланжистскаго кризиса и международное значеніе Франціи окрѣпло, благодаря начавшемуся сближенію съ Россіей [4]), папа-дипломатъ понялъ, что наступилъ психологическій моментъ для выступленія съ проповѣдью присоединенія (le ralliement) къ республикѣ, поручивъ ее сначала кардиналу Лавижери. Послѣдній, въ то время примасъ Африки, воспользовался отсутствіемъ изъ Алжира генералъ-губернатора, чтобы, заступая его, пригласить на обѣдъ офицеровъ средиземной эскадры, находившейся у береговъ этой колоніи, и провозгласилъ на немъ тостъ въ смыслѣ необходимости добрымъ католикамъ признать республику. Этотъ тостъ вызвалъ большую сенсацію во Франціи и на долгое время сдѣлался предметомъ обсужденія въ прессѣ (осенью 1890 г.). Сенсація, произве-

---

[1]) Французскій протекторатъ по отношенію къ католикамъ существовалъ и въ странахъ ближняго Востока, что̀ усложняло отношенія между папствомъ и республикою. Левъ XIII его поддерживалъ, дабы онъ не достался Италіи.

[2]) Питра напечаталъ въ „Journal de Rome" письмо, въ которомъ, въ сущности, порицалъ политику Льва XIII, восхваляя политику его предшественника. Разгнѣванный папа приказалъ редактору этой газеты оставить Римъ и обратился къ французскимъ архіепископамъ и епископамъ съ посланіемъ о долгѣ безусловнаго повиновенія главѣ церкви.

[3]) Отрывки помѣщены въ одномъ изъ приложеній къ I т. книги *Debidour'a*, который называетъ ее образцомъ „de l'art consommé avec lequel ce pieux sophiste savait manier à la fois le pour et le contre" (I, 398). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что этотъ историкъ не вполнѣ правильно судитъ о Львѣ XIII, отказывая ему и въ большомъ умѣ, и въ сильномъ характерѣ. Ср. выше, стр. 353.

[4]) Ср. выше, стр. 19 и слѣд.

денная инцидентомъ, была тѣмъ большею, что Лавижери намекнулъ на то, что его не дезавуируетъ ни одинъ авторитетный голосъ. Левъ XIII не сразу благословилъ дѣло присоединенія къ республикѣ, которое все-таки встрѣчало несочувствіе со стороны консерваторовъ, бывшихъ больше монархистами, чѣмъ клерикалами, но въ концѣ концовъ все-таки предписалъ вѣрнымъ чадамъ церкви „принять республику съ цѣлью измѣнить законодательство“ [1]). Это сдѣлано было энцикликою 16 февраля 1892 г., [2]) за которою слѣдовало посланіе къ французскимъ кардиналамъ, порицавшее консерваторовъ, которые приносятъ въ жертву своимъ личнымъ взглядамъ и цѣлямъ партійной политики единство, необходимое всѣмъ католикамъ. Наконецъ, было издано и формальное предписаніе всѣмъ вѣрнымъ чадамъ церкви подчиниться велѣнію свыше.

Энциклика Льва XIII, о которой только-что было упомянуто, говорила объ огорченіи, какое онъ чувствовалъ по поводу того, что въ любезной его сердцу Франціи существуетъ обширный заговоръ, имѣющій цѣлью уничтоженіе религіи. Въ виду этого заговора на французскихъ католиковъ папа возлагалъ обязанность прекратить политическія несогласія и напрячь всѣ свои силы, чтобы достигнуть успокоенія своего отечества. Церковь, заявлялъ тутъ же Левъ XIII, не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія политически господствовать надъ государствомъ: кто говоритъ противное, тотъ на нее клевещетъ. Далѣе энциклика напоминала, что въ теченіе вѣковъ во Франціи нѣсколько разъ перемѣнялся образъ правленія, и каждый изъ нихъ былъ хорошъ, разъ онъ достигалъ своей цѣли. Въ умозрительномъ порядкѣ идей католики должны обладать полною свободою оказывать предпочтеніе одному образу правленія передъ другимъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ самъ по себѣ не находится въ противорѣчіи со здравымъ смысломъ и съ правилами христіанскаго вѣроученія, а потому и церковь въ своихъ сношеніяхъ съ публичными властями не обращаетъ вниманія на формы правленія, различающія власти между собою. У каждаго народа—свой образъ правленія, вытекающій изъ совокупности историческихъ или національныхъ условій, и нужно, чтобы отдѣльныя лица подчинялись установленнымъ формамъ и ничего не предпринимали для ихъ ниспроверженія, въ силу чего церковь и осуждала всегда мятежниковъ противъ законной власти. Правда, иногда народы переживаютъ насильственные кризисы, во время которыхъ прежде существовавшія правительства (les gouvernements préexistants) факти-

---

[1]) Ср. выше, стр. 175.

[2]) Эга „французская“ энциклика („Au milieu des sollicitudes“) помѣщена цѣликомъ въ приложеніи ко II т. книги *A. Debidour'a*, стр. 524 и слѣд. Полатыни она называется „Inter innumeras“.

чески исчезаютъ, но во избѣжаніе анархіи нація въ такомъ случаѣ должна тотчасъ же позаботиться объ обезпеченіи порядка созданіемъ новаго правительства. Впрочемъ, и тутъ, продолжаетъ папа, новизна касается только политической формы гражданскихъ властей и способа ихъ передачи, отнюдь не существа власти самого по себѣ. Послѣднее остается неизмѣннымъ и достойнымъ уваженія. Въ концѣ концовъ, какъ таковая, власть приходитъ отъ Бога и всегда отъ Бога. „Посему разъ устанавливаются новыя правительства, представляющія эту неподвижную власть, принимать ихъ не только разрѣшается, но это прямо требуется и даже повелѣвается необходимостью общественнаго блага, которое ихъ создало и поддерживаетъ... Этимъ объясняется мудрость церкви въ поддержаніи сношеній съ различными правительствами, которыя смѣняли одно другое во Франціи менѣе, нежели въ теченіе вѣка. Такое поведеніе самое вѣрное и самое спасительное для всѣхъ французовъ въ ихъ отношеніяхъ къ республикѣ, которая въ настоящее время является формою правленія ихъ отечества“. Нужно, говорится далѣе, не смѣшивать, какъ это такъ часто и совершенно напрасно дѣлаютъ, „установленныя власти“ и „законодательство“, являющееся дѣломъ людей, облеченныхъ властью, ибо свойства законовъ зависятъ больше отъ свойствъ этихъ людей, нежели отъ формы властей. Задача всѣхъ благонамѣренныхъ людей и должна заключаться въ томъ, чтобы, соединившись, какъ одинъ человѣкъ, „бороться всѣми законными и честными способами противъ все усиливающихся злоупотребленій законодательства. И этому нисколько не противорѣчитъ должное уваженіе къ властямъ“, но никоимъ образомъ нельзя „одобрять такія стороны законодательства, которыя враждебны религіи и Богу: напротивъ того, обязанность—ихъ отвергать“. Энциклика упоминала и о дѣйствовавшемъ во Франціи конкордатѣ: несомнѣнно, что этотъ договоръ очень далекъ отъ совершенства, но вѣрныя чада церкви не должны поднимать вопросовъ, вѣдать которые въ правѣ лишь одинъ св. престолъ. Что касается раздѣленія церкви и государства, то Левъ XIII объявлялъ его безусловно недопустимымъ для Франціи, гдѣ союзъ обѣихъ властей особенно онъ находилъ необходимымъ.

Мы знаемъ изъ главы о Франціи въ концѣ XVIII в. о томъ, какъ образовалась партія католиковъ, „присоединившихся“ къ республикѣ, или такъ называемыхъ raillíés [1]). Для дѣла церкви во Франціи Левъ XIII очень желалъ, чтобы католики образовали здѣсь сильную политическую партію, которая, заявивъ себя сторонницей республики, стремилась бы эту самую республику подчинить вліянію

---

[1]) См. выше, стр. 175 и слѣд.

церкви. Папа-дипломатъ вообще дорожилъ тѣмъ, чтобы имѣть Францію на своей сторонѣ, и потому самъ защищалъ ея интересы. Когда Вильгельмъ II сталъ хлопотать объ учрежденіи нунціатуры въ Константинополѣ и турецкаго представительства въ Римѣ, дабы ослабить французское вліяніе въ Оттоманской имперіи, и вмѣстѣ съ этимъ добивался, чтобы св. престолъ призналъ его протекторомъ католиковъ въ святыхъ мѣстахъ, папа торжественно заявилъ, что исконныя права Франціи на Востокѣ должны быть сохранены въ полной неприкосновенности, ибо это — миссія, ввѣренная ей Провидѣніемъ (1898). Левъ XIII до такой степени слѣдилъ за перипетіями общественнаго мнѣнія въ Франціи, что когда дѣло Дрейфуса благополучно окончилось признаніемъ его невиновности, высказался въ одномъ интервью въ пользу Дрейфуса и противъ „космополитическаго скандала", который былъ устроенъ во Франціи его обвинителями.

Къ числу политическихъ успѣховъ Льва XIII нужно отнести и возстановленіе въ Римѣ русской миссіи (1895). Его политическое вліяніе выросло настолько, что въ его содѣйствіи стали нуждаться сами правительства для внутреннихъ своихъ дѣлъ. Мы видѣли, наприм., что въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ ради пользы церкви изъ Рима партіи центра совѣтовали вотировать за одинъ правительственный законопроектъ, къ которому эта партія не была расположена [1]). Аналогичную услугу оказывалъ папа и англійскому правительству въ его борьбѣ съ ирландцами, для которыхъ, какъ для католиковъ, должно было быть вѣскимъ папское слово, осуждавшее ихъ способы борьбы [2]). Католическому духовенству въ Россіи онъ равнымъ образомъ преподалъ совѣтъ повиновенія власти (1894). Однимъ словомъ, Левъ XIII хотѣлъ въ отдѣльныхъ странахъ вліять на католическія силы, чтобы при ихъ помощи располагать въ свою пользу правительства этихъ странъ, съ которыми онъ предпочиталъ улаживать всѣ дѣла мирнымъ путемъ, избѣгая конфликтовъ и борьбы. Единственнымъ исключеніемъ было отношеніе Льва XIII къ Итальянскому королевству, хотя и тутъ онъ отступилъ отъ завѣта своего предшественника, разрѣшивъ католикамъ участвовать въ политическихъ выборахъ, дабы и здѣсь могла образоваться католическая партія въ парламентѣ [3]). Сдѣлавшись папою, Левъ XIII и не подумалъ извѣстить объ этомъ итальянское правительство, а когда возникали слухи о возможности примиренія съ нимъ, то самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергалъ ихъ вѣрность, осудивъ неразъ и тѣхъ прелатовъ, которые осмѣли-

---

[1]) См. выше, стр. 84.
[2]) См выше, стр. 240.
[3]) См. выше, стр. 275.

вались заговаривать о примиреніи. Каждый годъ въ день своей коронаціи и въ другіе праздники онъ произносилъ рѣчи, протестовавшія противъ споліаціи св. престола, а также очень благосклонно относился къ манифестаціямъ представлявшихся ему богомольцевъ, когда они привѣтствовали его, какъ папу-государя, криками: „evviva il papa-re!“ Католическихъ государей, пріѣзжавшихъ въ Римъ къ Гумберту I, онъ не принималъ въ Ватиканѣ. По временамъ изъ Ватикана пускался слухъ, что Левъ XIII собирается уѣхать вообще изъ Италіи: нѣкоторыя происшествія въ самомъ Римѣ, казалось, дѣлали совершенно невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе папы въ Римѣ, какъ наприм., постановка въ этомъ городѣ памятника сожженному еретику Джіордано Бруно (1889).

Въ то самое время, какъ правительства даже не-католическихъ странъ (Пруссіи, Англіи, Россіи) считались съ Львомъ XIII, признавая въ немъ серьезную политическую силу, ему не всегда удавалось заставлять слушаться своихъ же католиковъ, когда онъ требовалъ отъ нихъ подчиненія своей волѣ вопреки ихъ собственнымъ желаніямъ. И въ Германіи, и въ Ирландіи, и во Франціи католики высказывали прямое неудовольствіе на вмѣшательство папы въ ихъ политику. Они указывали на то, что въ дѣлахъ вѣры они считаютъ себя обязанными безусловно повиноваться папѣ, но что въ вопросахъ свѣтскихъ они могутъ сохранять свободу мнѣнія и поведенія. Левъ XIII не соглашался съ такою точкою зрѣнія, что̀ особенно было имъ подчеркнуто въ многочисленныхъ увѣщаніяхъ, послѣдовавшихъ за изданіемъ энциклики 1892 г.

Остановимся теперь на отношеніи Льва XIII къ рабочему вопросу и къ соціализму. Но прежде нѣсколько свѣдѣній о соціальномъ католицизмѣ, къ исторіи котораго относится и папское выступленіе 1891 года съ энцикликою по рабочему вопросу.

Самъ Левъ XIII называлъ въ данномъ вопросѣ своимъ предшественникомъ майнцскаго епископа шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ барона Кеттелера, весьма вліятельнаго въ свое время прелата, одного изъ вдохновителей католическаго центра въ Германіи. Между прочимъ, онъ въ 1863 г., въ опроверженіе идей Лассаля, написалъ брошюру „Рабочій вопросъ и христіанство“ [1]), а въ 1873 г. издалъ въ видѣ „Наброска политической программы“, свою работу о католикахъ въ Германской имперіи [2]), гдѣ уже имѣлись въ зародышѣ всѣ основныя идеи энциклики 1891 г. Тогда же, въ началѣ семидесятыхъ го-

---

[1]) Die Arbeiterfrage und das Christenthum.

[2]) Die Katholiken im Deutschen Reiche. Entwurf zu einem politischen Programm.

довъ возникло соціальное направленіе и среди французскихъ католиковъ, иниціаторами котораго были графъ де-Мёнъ (Mun) и маркизъ Ла-Туръ-де-Пенъ-Шамбли, основатели въ концѣ 1871 г. католическихъ рабочихъ клубовъ (cercles) и спеціальнаго органа по рабочему вопросу „Association catholique“ [1]). Цѣлью своею иниціаторы этого направленія во Франціи ставили передѣлку современнаго общества на католической основѣ, для чего нужно было противопоставить революціи контръ-революцію. Это было направленіе, которое вдохновлялось идеями іезуитовъ, Жозефа де-Местра, „Силлабуса“ и еп. Кеттелера, вслѣдствіе чего къ нему очень благосклонно отнеслись и гр. Шамборъ, и Пій IX, назвавшій новые рабочіе кружки „арміей Божіей“. Въ семидесятыхъ годахъ духовныя и свѣтскія власти сильно покровительствовали этому движенію, которое уже къ рединѣ десятилѣтія было представлено 130 комитетами и 150 кружками съ 18 тысячами членовъ, среди которыхъ пять шестыхъ были рабочіе. Когда, однако, дѣятели соціальнаго католицизма стали въ своихъ рѣчахъ и писаніяхъ изображать въ мрачныхъ краскахъ положеніе рабочихъ, многіе видные вожди оффиціальнаго католицизма отъ него отшатнулись, стали къ нему въ прямую оппозицію и даже принимали мѣры къ тому, чтобы движеніе заглохло [2]). Само духовенство начало сознавать, что для успѣха среди рабочихъ и для полученія ихъ голосовъ на выборахъ недостаточно говорить имъ только о благѣ церкви и о вѣчномъ спасеніи, а нужно заинтересовывать ихъ вопросами ихъ матеріальнаго благосостоянія, что̀ вело къ усиленію чисто соціальной стороны этого клерикальнаго движенія, но и рабочіе, въ свою очередь, научались хорошо понимать, что здѣсь дѣло пахло простымъ желаніемъ духовенства и буржуазіи прибрать къ рукамъ рабочій классъ. Это недовѣріе рабочихъ заставило часть французскаго духовенства отдѣлиться отъ буржуазіи, пойти прямо къ рабочимъ, заговорить передъ ними о соціальной справедливости, о минимумѣ заработной платы, о сокращеніи рабочаго дня, объ обязательномъ праздничномъ отдыхѣ и т. п. [3]). Это явленіе не было исключительно французскимъ.

---

[1]) Собственно говоря, католическіе кружки рабочихъ существовали уже въ 1864 г., но не имѣли тогда большого значенія. Кромѣ названныхъ лицъ, въ духѣ католическаго воздѣйствія на рабочихъ, которые должны были христіански повиноваться своимъ хозяевамъ въ христіанскихъ корпораціяхъ, писалъ немало *Le Play*, идеи котораго нашли сочувственный откликъ въ Побѣдоносцевѣ, даже пропагандировавшемъ ихъ въ Россіи.

[2]) *G. Hanotaux*, IV, 399—403. — *A. Debidour*, I, 67 и слѣд., 136—137 и др.

[3]) „Une partie du clergé, говоритъ *A. Debidour*, glissait ainsi complaisamment sur la pente qui mène au socialisme“ (II, 17). — „Tout en se défendant

Оно возникало повсемѣстно, такъ какъ вездѣ католическая церковь, въ большей или меньшей мѣрѣ, стремилась не только противодѣйствовать соціализму, но и забирать въ свои руки соціальное движеніе. Въ этомъ отношеніи совершенно одинаково поступали и государственная власть, и церковь протестантская [1]). Въ каждой странѣ соціальное движеніе среди католиковъ, — гдѣ раньше, гдѣ позже,—возникало самостоятельно, вездѣ получая мѣстный характеръ, болѣе, напримѣръ, аристократическій въ Австріи, гдѣ главнымъ его дѣятелемъ былъ баронъ Фогельзангъ, принадлежавшій къ партіи феодаловъ, и рѣшительно демократическій въ Швейцаріи съ вождемъ въ лицѣ д-ра Декюртена [2]). Весьма естественно, что разъ въ отдѣльныхъ странахъ возникали одинаковыя теченія, среди соціалъ-католиковъ должна была явиться мысль о приданіи своимъ усиліямъ извѣстнаго единства. Въ швейцарскомъ Фрейбургѣ (собственно Фрибурѣ) для изученія экономическихъ вопросовъ современности съ точки зрѣнія рекомендованной католикамъ папою философіи Ѳомы Аквинскаго [3]) образовался особый союзъ, который сталъ издавать свои труды [4]). Въ нихъ печатались мемуары о возстановленіи съ благословенія церкви старыхъ промышленныхъ корпорацій, о фиксаціи заработной платы, о регламентаціи дѣтскаго и женскаго труда и пр. и пр. Однимъ изъ участниковъ этого союза былъ извѣстный лозаннскій епископъ Мермильо [5]), резиденціей котораго былъ именно Фрейбургъ со своимъ католическимъ университетомъ. Этотъ прелатъ былъ въ большомъ почетѣ въ Ватиканѣ и въ 1890 г. получилъ отъ Льва XIII кардинальскую шляпу. Онъ и познакомилъ папу съ трудами „Фрейбургскаго союза".

Левъ XIII самъ около этого времени сталъ склоняться къ мысли о необходимости вмѣшательства церкви въ рабочій вопросъ для блага самой же церкви. Еще въ 1887 г. по доносу одного канадскаго епископа онъ рѣзко осудилъ существовавшую въ Соединенныхъ Штатахъ подъ предводительствомъ католика ассоціацію „рыцарей труда" (Knights of labour), въ которой было усмотрѣно сходство съ масон-

---

toujours de tomber dans le socialisme,... (les abbés démocrates) faisaient en réalité du socialisme, tout comme les guesdistes et les possibilistes" (II, 18).

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 296.

[2]) Выше намъ уже приходилось упоминать объ этихъ христіанско-соціальныхъ теченіяхъ (см., напр., 310). Позже всего (въ концѣ 90-тыхъ годовъ) направленіе это возникло у поляковъ. *W. Feldman.* Stronnictwa i programy polityczne, II, 233—264.

[3]) См. выше, стр. 354, объ энцикликѣ „Aeterni Patris".

[4]) „Union catholique d'études sociales et économiques" или „Union de Fribourg", о которой подробности въ книгѣ: *L. Grégoire.* Le pape, les catholiques et la question sociale.

[5]) См. выше, стр. 357, прим. 2.

ствомъ, но за нее заступились два другихъ епископа и англійскій кардиналъ Маннингъ [1]), что заставило папу въ слѣдующемъ же году смягчить свое отношеніе къ названному сообществу, устраивавшему грандіозныя стачки. Около этого же времени Левъ XIII началъ принимать паломничества, состоявшія изъ рабочихъ. Первый такой пріемъ состоялся въ 1887 г., когда въ Ватиканъ прибыла смѣшанная компанія изъ священниковъ, предпринимателей и рабочихъ, но въ 1889 г. гр. де-Мёнъ устроилъ чисто-рабочее паломничество, въ которомъ участвовало около десяти тысячъ человѣкъ, которые просили у папы не только благословенія, но и директивъ. Въ своей аллокуціи къ паломникамъ папа напомнилъ тѣ времена, когда церковь установляла соціальный миръ на землѣ, и указалъ на необходимость того, чтобы носители общественной власти не мѣшали церкви съ полною свободою совершать свое великое дѣло и „оказывать свое спасительное вліяніе на всѣ классы общества". Тѣ же мотивы, которые заставляли Льва XIII измѣнить свое отношеніе къ республикѣ во Франціи, руководили имъ и при нащупываніи новаго отношенія къ соціальному вопросу,—не безъ опасенія, впрочемъ, какъ бы не потерять при этомъ расположенія консерваторовъ и имущихъ классовъ. Между тѣмъ соціалъ-католики ожидали отъ папы болѣе опредѣленныхъ заявленій по вопросу. Высказывалось предположеніе, что Левъ XIII для бо̀льшаго эффекта отъ своего выступленія воспользовался для своей энциклики по рабочему вопросу происшедшимъ 1 мая 1891 г. кровопролитіемъ, когда солдаты стрѣляли въ рабочихъ [2]).

Знаменитая энциклика 15 мая 1891 г. называется „Rerum novarum" [3]). Эта хартія соціальнаго католицизма, какъ ее называли, была составлена въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ тамъ, гдѣ рѣчь заходила о щекотливыхъ вопросахъ рабочаго движенія, но самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждала коллективистическій принципъ новѣйшаго соціализма. Левъ XIII не отрицалъ ужасающаго конфликта, въ какомъ находятся хозяева и рабочіе, капиталъ и трудъ, не отрицалъ и трудности рѣшенія вопросовъ, отсюда возникающихъ, но причину зла усматривалъ, главнымъ образомъ, въ ослабленіи дѣйствія началъ религіи и въ разрушеніи былыхъ индустріальныхъ корпорацій. Далѣе шла защита существующей на основаніи естественнаго права частной собственности, которую соціалисты хотятъ передать общинѣ

---

[1]) Маннингъ былъ англиканскій духовный, перешедшій въ католицизмъ и сдѣлавшійся завзятымъ папистомъ, защищавшимъ и непогрѣшимость, и свѣтскую власть.

[2]) См. выше стр. 180.

[3]) Ее можно найти въ приложеніи ко II т. соч. *A. Debidour*, гдѣ она занимаетъ 24 стр. (500—524) очень мелкой печати.

или государству. Право личности предшествуетъ государству, задача котораго защищать, а не уничтожать право личности вообще. Чтобы уврачевать общество, спасти его отъ разъѣдающаго его зла, нужно исполнять велѣнія церкви, а она, прежде всего, учитъ, что должно „терпѣливо мириться съ своимъ положеніемъ“. Неравенство соціальныхъ положеній законно, полезно, даже необходимо. Но не слѣдуетъ думать, что классы капиталистовъ и рабочихъ должны непремѣнно находиться между собою во враждебныхъ отношеніяхъ. Нѣтъ, одинъ не можетъ обойтись безъ другого, т.-е. они созданы для того, чтобы другъ другу оказывать помощь и содѣйствіе, а не для того, чтобы между собой вести войну. Лучшею связью между ними можетъ быть одна религія. И хозяевамъ, и рабочимъ Левъ XIII преподавалъ совѣты честнаго и справедливаго отношенія однихъ къ другимъ, рекомендовалъ въ особенности — однимъ не эксплуатировать, другимъ не бунтовать. Кромѣ простой справедливости отношеній, онъ указывалъ еще на христіанскія начала милосердія, дружелюбія и братства. Но не одна церковь должна заботиться объ улучшеніи положенія рабочихъ, а нужно, чтобы этимъ занялись и человѣческія учрежденія, т.-е. государство, на которое падаетъ обязанность вмѣшаться въ регламентацію труда. Государство должно вообще создавать и поддерживать общественный порядокъ, т.-е. охранять религію, мораль, справедливость, собственность, промышленность, торговлю, должно оказывать всѣмъ классамъ общества одинаковое покровительство, но, кромѣ того, оно обязано обезпечивать законное достаточное благосостояніе рабочаго класса, который является истинымъ создавателемъ народнаго богатства: „разъ общіе интересы или особый интересъ какого-либо класса нарушаются или находятся въ опасности и для устраненія этого нѣтъ никакихъ средствъ, необходимо обращаться къ общественной власти“. Однако, и вмѣшательство государства должно не выходить за границы необходимаго и справедливаго и не столько подавлять, сколько предупреждать вредныя и опасныя выступленія рабочихъ въ родѣ буйныхъ стачекъ, отъ которыхъ страдаетъ все общество. Но, съ другой стороны, то же государство должно оказывать покровительство рабочему въ его моральныхъ правахъ, напр., на воскресный отдыхъ, направляющій его мысли къ небесному, и въ его стремленіи къ матеріальному благосостоянію, ради чего законъ долженъ устанавливать продолжительность и гигіеническія условія труда, особенно по отношенію къ женскому полу и дѣтскому возрасту. Папа высказался въ своей энцикликѣ еще и за установленіе минимума заработной платы: выше свободы распоряжаться своимъ трудомъ для человѣка должна стоять необходимость поддерживать свое существованіе, и выше свободы заключающихъ между собою договоры — естествен-

ная справедливость, требующая, чтобы заработка не было недостаточно для пропитанія. Вообще государство должно приходить на помощь рабочимъ устройствомъ сберегательныхъ кассъ, введеніемъ страхованія и т. п., въ особенности же возстановленіемъ былыхъ корпорацій, хотя бы изъ однихъ рабочихъ, если бы оказалось невозможнымъ соединеніе и хозяевъ вмѣстѣ съ ними. Левъ XIII даже особенно подчеркивалъ законность всякихъ сообществъ, чтобы попутно протестовать противъ мѣръ, принимаемыхъ правительствами по отношенію къ религіознымъ братствамъ и монашескимъ орденамъ. Конечно, рабочимъ союзамъ энциклика рекомендорала проникаться духомъ христіанства, понимаемаго въ смыслѣ безграничнаго повиновенія церкви. Съ своей стороны, устами своего главы и церковь обѣщала всякое содѣйствіе разнообразнымъ сообществамъ рабочихъ и вообще мірянъ, ставящихъ себя подъ ея покровительство.

Таково содержаніе энциклики, за которую соціалъ-католики стали называть Льва XIII „папою рабочихъ“ и которую хвалили нѣкоторые соціалисты, какъ это сдѣлалъ, наприм., Лафаргъ, ставя свою кандидатуру въ палату передъ католическими избирателями Сѣвернаго департамента. Но высшій клиръ далеко не одобрялъ языка, какимъ заговорилъ Левъ XIII, да и свѣтскіе католики были очень недовольны тѣмъ, что папа возбуждалъ слишкомъ, по ихъ мнѣнію, острые вопросы о продолжительности рабочаго дня и о минимальномъ размѣрѣ рабочей платы. Но въ общемъ энциклика „Rerum novarum“ значительно двинула впередъ соціально-католическое направленіе въ разныхъ странахъ, объединивъ его на нѣсколькихъ основныхъ пунктахъ.

Левъ XIII рекомендовалъ, между прочимъ, и международное соглашеніе по вопросамъ рабочаго законодательства, о которомъ только-что передъ этимъ сталъ хлопотать Вильгельмъ II [1]). Но относительно международности у папы-дипломата были и болѣе широкія мечтанія. Во время своего епископскаго юбилея въ 1893 г. Левъ XIII получилъ поздравленія и почетные дары не только отъ католическихъ (кромѣ итальянскаго), но и отъ иновѣрныхъ правительствъ, и подъ вліяніемъ тѣхъ заявленій объ уваженіи къ нему, какія ему пришлось слышать со стороны людей, не принадлежащихъ къ католической церкви, у него явилась мысль [2]) начать цѣлую кампанію въ смыслѣ возсоединенія христіанства подъ верховною властью римскаго первосвященника. Лѣтомъ 1894 г. съ воззваніемъ объ этомъ онъ обратился „къ государямъ и народамъ вселенной“ съ энцикликой „Praeclara“, гдѣ

---

[1]) См. выше, стр. 94 и слѣд.

[2]) Раньше въ смыслѣ желательности возсоединенія онъ высказался въ 1884 г. при пріемѣ славянскихъ паломниковъ, явившихся подъ предводительствомъ загребскаго епископа Штросмайера.

призывалъ къ возсоединенію съ Римомъ и восточную церковь, и протестантовъ. Для опредѣленія условій уніи Левъ XIII созвалъ особую конференцію, результатомъ которой была „конституція" того же года „Orientalium dignitas", гарантировавшая сохраненіе восточныхъ обрядовъ за присоединяющимися къ Риму. Къ той же категоріи актовъ Льва XIII принадлежитъ энциклика 1896 г. „Satis cognitum", гдѣ имъ развито ученіе о единствѣ церкви на основаніи св. писанія и твореній отцовъ церкви, — теоретичесиое разсужденіе, показывающее, какъ много работала мысль Льва XIII въ этомъ направленіи. Кромѣ того, въ 1895 г. онъ обращался съ особымъ воззваніемъ къ англійскому народу, въ 1896 г. занимался вопросомъ о коптской церкви и т. п.

Мы не станемъ останавливаться на католическихъ миссіяхъ въ другихъ частяхъ свѣта, дѣятельно проповѣдовавшихъ христіанство народамъ разныхъ расъ, степеней цивилизаціи и религій, отмѣтивъ только, что понтификатъ Льва XIII совпалъ съ усиленіемъ колоніальной политики европейскихъ государствъ, которымъ воспользовалась для своихъ цѣлей и миссіонерская дѣятельность католической церкви. Гораздо важнѣе указать на тѣ успѣхи, какіе католицизмъ дѣлалъ въ послѣдней трети XIX в. среди протестантовъ. Въ извѣстномъ смыслѣ подверглась „католизаціи" даже родина протестантизма, Германія [1]), но особенно замѣчательны успѣхи католической пропаганды среди англо-саксовъ. Въ той части англиканскаго духовенства, которая слыветъ подъ названіемъ высокой церкви (high church) всегда были болѣе или менѣе сильны католическія тенденціи. Расчитывая на это, въ 1895 г. Левъ XIII и обратился со своимъ воззваніемъ къ англійскому народу, и въ извѣстныхъ сферахъ оно имѣло успѣхъ. Лорду Галифаксу удалось расположить въ пользу проекта уніи даже самого Гладстона, который послѣ ватиканскаго собора заявлялъ себя крайнимъ противникомъ того, что̀ онъ сталъ обозначать, какъ „ватиканизмъ", отнимающій у человѣка его личное разумѣніе и личную

[1]) Извѣстный германскій теологъ *Гарнакъ* въ „Сущности христіанства" (стр. 151 пятаго тома „Общей исторіи европейской культуры", изд. Брокгауза-Ефрона) отмѣчаетъ совершающійся, по его наблюденіямъ, процессъ „католизаціи евангелическихъ церквей", по-своему объясняя это явленіе изъ индифферентизма массъ, не способныхъ понять евангелическое христіанство и въ противовѣсъ ему восхваляющихъ католицизмъ, изъ очень распространеннаго („искусственнаго") религіознаго настроенія, заставляющаго искать въ дѣлѣ вѣры и связанныхъ съ нею упованій прочнаго авторитета, и изъ стремленія государства сдѣлать церковь своимъ орудіемъ.

[2]) См. въ указанной выше (стр. 340) книжкѣ *Thureau-Dangin'а* послѣднюю главу „Le progrès des idées catholiques au sein de l'anglicanisme", стр. 213—256.

совѣсть и несовмѣстимый съ англійскимъ патріотизмомъ [1]). Дѣло не имѣло, однако, успѣха. Весь вопросъ для склонной къ уніи части англиканскаго духовенства заключался въ томъ, признáетъ ли папа дѣйствительность сана духовныхъ лицъ или нѣтъ. Въ Англіи установилось правило, въ силу котораго англиканскіе священники, переходившіе въ католицизмъ и желавшіе оставаться священниками, должны были вновь получать посвященіе, и самъ Левъ XIII своимъ посланіемъ „Apostolicae curae“ призналъ только такой порядокъ вещей правильнымъ. Англиканскіе епископы заявили коллективный протестъ, въ которомъ защищали дѣйствительность полученнаго ими посвященія, но имъ на это возразили англійскіе католическіе епископы, ставшіе на точку зрѣнія папы. Эта неудача уніи, (она, впрочемъ, едва ли и имѣла бы большой успѣхъ среди всѣхъ англиканцевъ) нисколько не мѣшала индивидуальнымъ обращеніямъ въ католицизмъ, дѣлавшимся все болѣе частыми въ Англіи. Въ началѣ XIX в. въ Англіи едва насчитывалось 160 т. католиковъ, къ началу XX столѣтія ихъ число почти удесятерилось, т.-е. достигло полутора милліона, не считая 350 т. католиковъ въ Шотландіи, тоже странѣ протестантской. Далѣе, вмѣсто четырехъ апостольскихъ викаріевъ и четырехсотъ священниковъ, бывшихъ въ Англіи около ста лѣтъ тому назадъ, теперь въ ней семнадцать епископовъ и три тысячи священниковъ. Въ 1878 г. Левъ XIII возстановилъ въ Шотландіи католическую іерархію, а въ 1895 г. учредилъ апостольскій викаріатъ въ Уэльсѣ, превращенномъ въ 1898 г. въ особую епархію. Въ Лондонѣ англійскіе католики построили великолѣпный соборъ, въ которомъ недавно на заупокойной мессѣ по убитомъ королѣ португальскомъ присутствовали король и королева Англіи [2]). Громадныя завоеванія сдѣлалъ католицизмъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ нихъ насчитывали въ началѣ XX в. отъ 13 до 15 милліоновъ католиковъ съ 13 архіепископами, 89 епископами, 11—12 тысячами священниковъ и церквей. Раньше не было и одного католика на 100 жителей, теперь ихъ уже семь на сто, а въ иныхъ мѣстахъ приходится и больше; напр., въ Бостонѣ, старой столицѣ пуританизма, ихъ цѣлая половина населенія. Ежегодно въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается около 30 т. обращеній въ католическую вѣру. Въ Австраліи въ 1900 г. было тоже 21 католическая епархія. Наконецъ, и въ Голландіи, гдѣ католическая іерархія была возстановлена только при Піи IX (1855), католическихъ церквей къ началу XX в. было уже около 400.

---

[1]) См. у *Thureau-Dangin'a*, стр. 164 и слѣд. о полемикѣ Маннинга по этому случаю.

[2]) *Thureau-Dangin*, стр. 40.

Однимъ словомъ, потерявъ свѣтскую власть и разссорившись въ послѣдніе годы Пія IX со всѣми почти государствами Европы, папство при Львѣ XIII достигло опять такого значенія, какимъ давно уже не пользовалось въ мірѣ. Оно укрѣпило свой моральный авторитетъ среди католиковъ и съумѣло занять очень почетное положеніе въ мірѣ международныхъ отношеній. Словомъ, общее состояніе католицизма было въ годъ смерти Льва XIII (1903) гораздо болѣе благопріятнымъ, нежели за четверть вѣка передъ тѣмъ.

XXI. Второстепенныя государства Западной Европы въ послѣдней трети XIX вѣка [1].

Вліяніе крупныхъ общеевропейскихъ событій и движеній на жизнь второстепенныхъ государствъ. — Кратковременное царствованіе въ Испаніи Амедея Аостскаго, превращеніе ея въ республику и быстрая монархическая реставрація.— Испанская конституція 1876 г. и утвержденіе въ странѣ конституціоннаго строя — Внѣшнія неудачи Испаніи въ концѣ XIX в.—Португалія въ концѣ вѣка.—Вліяніе на Бельгію франко-германской войны и провозглашенія догмата папской непогрѣшимости.—Бельгійскія политическія партіи.—Борьба за школу въ Бельгіи.— Вопросъ объ избирательной реформѣ, рабочее движеніе и соціализмъ въ Бельгіи.—Исторія Голландіи въ концѣ XIX в.—Внѣшнее положеніе Даніи и ея внутренняя жизнь послѣ войны 1864 г.—Конституціонный конфликтъ и переформировка партій въ Даніи. — Главные политическіе вопросы въ Швеціи съ семидесятыхъ годовъ XIX в. — Шведско-норвежскія отношенія этой эпохи.—Вліяніе событій семидесятыхъ годовъ на Швейцарію.—Швейцарскій культуркампфъ.— Конституціонныя измѣненія въ Швейцаріи въ послѣдней трети вѣка.—Соціальное законодательство и соціализмъ въ Швейцаріи.

Исторія второстепенныхъ странъ Западной Европы за послѣднія тридцать лѣтъ въ самомъ началѣ этого періода отразила на себѣ въ

[1]) По общему плану „Исторіи Западной Европы въ новое время“, намѣченному еще въ первой главѣ перваго тома, во всѣхъ ея томахъ излагается исторія главнымъ образомъ Англіи, Германіи (съ Австріей и Пруссіей), Италіи и Франціи, другія же, второстепенныя страны вводятся въ изложеніе лишь эпизодически и даже спорадически. Въ VI томѣ имъ отводится особая глава, не считая того, что дается по ихъ исторіи въ главѣ I. Нѣсколько въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (но не во всѣхъ) болѣе подробное изложеніе исторіи второстепенныхъ странъ, нежели то, которое дается здѣсь нами, можно найти въ XII томѣ изданной подъ ред. *Lavisse et Rambaud* „Histoire générale du IV siècle à nos jours“, гдѣ отведены для періода 1870—1900 г.: для Швейцаріи вторая половина V главы, написанной *Fr. de Crue* (стр. 213—232), для Бельгіи и Нидерландскаго королевства гл. VI (стр. 234—247 и 247—255) *A. Métin'a*, для Швеціи съ Норвегіей и Даніи гл. VII (стр. 258—274 и 274—279) *Chr. Schefer'a* и для Испаніи съ Португаліей гл. IX (стр. 313—337 и 337—341) *Desdevises du Dézert'a*, въ общемъ болѣе 80 страницъ, причемъ

той или другой степени вліяніе франко-германской войны 1870—71 г. и провозглашенія догмата папской непогрѣшимости на ватиканскомъ соборѣ 1870 г. Послѣ побѣдъ, одержанныхъ надъ Франціей Германіею, объединившеюся въ могущественную военную имперію, многіе были увѣрены, что послѣдняя не насытится такъ скоро своими завоеваніями и будетъ стремиться къ дальнѣйшему расширенію своихъ границъ. Опасенія на счетъ будущей политики Германіи существовали въ Голландіи, которую будто бы со всѣми ея колоніями стремился Бисмаркъ присоединить къ новой имперіи. Тревожились за свою судьбу и сосѣднія съ Германіей Бельгія и Швейцарія, послѣдняя — особенно потому, что Бисмарку приписывался планъ округлить Германскую имперію вообще сосѣдними странами, въ которыхъ населеніе говорило по-нѣмецки, а въ ихъ числѣ находилась и бо̀льшая часть Швейцаріи [1]). Милитаризмъ, столь пышно расцвѣтшій въ великихъ державахъ, не могъ не затронуть и малыхъ государствъ [2]). Въ виду грознаго положенія, занятаго Германской имперіей, и второстепенныя государства стали увеличивать свои военныя силы, производить реформы въ комплектованіи своихъ армій, поднимать численность ихъ состава, пріобрѣтать усовершенствованное вооруженіе, строить крѣпости и военныя суда и т. п., что̀, конечно, тяжело ложилось на государственный бюджетъ и вызывало нерѣдко внутреннія политическія осложненія въ видѣ оппозиціи со стороны прогрессивныхъ партій, находившихъ многія траты излишними и т. п. Вопросъ о введеніи всеобщей воинской повинности въ нѣкоторыхъ государствахъ сдѣлался прямо предметомъ сильной политической борьбы, такъ какъ введенію его сильно сопротивлялись имущіе классы, молодежь которыхъ могла нанимать замѣстителей [3]). Долгое время въ Европѣ были увѣрены, что

дается подробная библіографія при каждой главѣ, посвященной той или другой странѣ. Въ нѣкоторыхъ общихъ трудахъ по исторіи новѣйшаго времени (напр., *L. Stacke.* Neueste Geschichte. изд. 1908 г.) соотвѣтственныхъ отдѣловъ и совсѣмъ нѣтъ, а въ другихъ дается лишь очень краткое изложеніе (напр., въ „Illustrierte Geschichte der neuesten Zeit von *Otto Kaemmel*“, изд. 1902, гдѣ на всѣ второстепенныя страны отведено около печатнаго листа, стр. 560 — 576, съ выключеніемъ изъ нихъ иллюстрацій, или въ книгѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ *G. Egelhaaf'a*, изд. 1908 г., въ которой одна глава въ три страницы посвящена скандинавскимъ странамъ и одна глава въ восемь — девять страницъ остальнымъ малымъ государствамъ).

[1]) Т. IV, ч. 1, стр. 118.

[2]) См. о милитаризмѣ послѣ 1870 — 71 г. на стр. 122 и слѣд. первой части VI тома.

[3]) Предметомъ борьбы вопросъ о воинской повинности былъ въ Бельгіи, гдѣ король стремился къ введенію германской системы, а либералы и соціалисты рекомендовали систему швейцарскую, но гдѣ сильными противниками всеобщей личной воинской повинности и отмѣны замѣстительства (т.-е.

новая франко-германская война разразится въ самомъ непродолжительномъ времени, и всѣ считали нужнымъ быть готовыми ко всякимъ случайностямъ: извѣстно, напр., какую тревогу вызывали въ 1875 г. нѣкоторые признаки близкой войны [1]). Образованіе такъ называемаго союза трехъ императоровъ въ 1871 г. служило гарантіей мира [2]), но въ то же время заставляло малыя государства опасаться за потерю политической независимости. Если уже великія державы, Австрія и Россія, вступивъ въ союзъ съ Германіей, должны были подчиниться ея первенству, то второстепенныя страны не могли тоже не испытывать на себѣ вліянія германской политики. Образованіе, въ 1879 г., тройственнаго союза изъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи при изолированности остальныхъ великихъ державъ создало въ центрѣ Европы такую политическую силу, къ которой не могли не тяготѣть мелкія государства [3]). Наконецъ, и колоніальная политика великихъ державъ съ середины восьмидесятыхъ годовъ не могла не отразиться на нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствахъ (на Голландіи и на Испаніи), а одно изъ нихъ, Бельгія, даже само превратилось въ метрополію большого колоніальнаго владѣнія въ центрѣ Африки [4]).

Съ другой стороны, провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости, усилившее клерикальный натискъ на свѣтскую культуру въ большихъ государствахъ [5]), сопровождалось тѣмъ же самымъ результатомъ и въ малыхъ государствахъ. Культуркампфъ, борьба съ ультрамонтанствомъ и клерикализмомъ, проходитъ красною нитью черезъ исторію и Швейцаріи, и Бельгіи, и Голландіи и т. п. И здѣсь это была, главнымъ образомъ, борьба за права государства и свѣтской культуры противъ теократическихъ и клерикальныхъ тенденцій католической церкви. Какъ и въ великихъ державахъ, въ Германіи, во

возможности откупаться деньгами) были клерикалы. Въ 1901 г. въ Бельгіи была введена военная реформа, сохранившая замѣстительство и вмѣстѣ съ тѣмъ создавшая разныя приманки для привлеченія въ армію побольше волонтеровъ. Въ Голландіи также возникъ вопросъ о введеніи всеобщей воинской повинности безъ замѣстительства, но и здѣсь противъ этого возставали консерваторы, желая сохранить привилегію, которою пользовалась буржуазія, откупавшаяся отъ личной повинности, да и опасаясь вліянія города на крестьянскихъ парней. Здѣсь всеобщая воинская повинность была принята только въ 1898 г. послѣ споровъ, продолжавшихся цѣлую четверть вѣка. И въ Бельгіи, и въ Голландіи этотъ вопросъ одинаково былъ однимъ изъ наиболѣе важныхъ пунктовъ партійныхъ несогласій.

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 120—121.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 118—120.

[3]) См. выше, стр. 13—14.

[4]) См. выше, стр. 59—60.

[5]) Т. VI, ч. 1, стр. 202, 256 и слѣд., 344—345 и выше, стр. 138 и слѣд.

Франціи, въ Италіи, центромъ этой борьбы была школа, особенно низшая школа, посредствомъ которой духовенство хотѣло властвовать надъ народными массами. Воинственная политика Пія IX [1]) затрогивала не однѣ великія державы, и не въ нихъ только получали силу и значеніе клерикальныя партіи, которыя потомъ стремился направлять къ единой и общей цѣли Левъ XIII, желавшій со всѣми государствами жить въ мирѣ, но въ то же время и вездѣ имѣть свою политическую партію, какъ орудіе св. престола [2]).

Къ числу европейскихъ явленій, наблюдаемыхъ нами въ исторіи второстепенныхъ странъ, относится, конечно, и распространеніе соціалистическихъ ученій, образованіе соціалистическихъ рабочихъ партій. Мы знаемъ, что Интернаціоналу, основанному въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, удалось сдѣлаться центромъ соціалистической пропаганды для всей Европы, и что въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ въ этой организаціи участвовали и бельгійцы, и швейцарцы, и испанцы, и голландцы, и португальцы, и датчане [3]). Правда, въ серединѣ семидесятыхъ годовъ Интернаціоналъ пересталъ существовать, но посѣянныя имъ сѣмена дали всходы въ видѣ мѣстныхъ соціалистическихъ партій [4]). Мало того, въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствахъ, въ особенности, напр., въ Бельгіи и въ Даніи, соціализмъ получилъ очень большое развитіе [5]). Касаясь выше соціалистическаго движенія за послѣднія два десятилѣтія XIX в. въ большихъ государствахъ, мы должны были отмѣчать, какіе вездѣ успѣхи дѣлала основная идея теоріи, организаціи и тактики германской соціалъ-демократіи, которая стала главнымъ образцомъ для образо-

---

[1]) См. выше, стр. 348 и слѣд.

[2]) Ср. выше, стр. 361.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 57—58, 77—79, 168 и 171.

[4]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 172.

[5]) „Всякій, говоритъ *В. Зомбартъ* въ своей книгѣ „Соціализмъ и соціальное движеніе“ (цитирую по русск. перев. во второмъ изд. Суворина, 1908 г.), — всякій, кому захотѣлось бы видѣть соціализмъ полнымъ жизни и бодрости, кого интересовало бы узнать, какъ, судя по всѣмъ вѣроятіямъ, сложится на будущее время соціальное движеніе въ современныхъ странахъ со старой культурой, — тому я совѣтую съѣздить въ Брюссель или въ Гентъ... Развитіе соціализма въ Бельгіи потому такъ знаменательно, что оно охватываетъ одновременно всѣ стороны современнаго соціальнаго движенія — политическаго, профессіональные союзы и товарищества рабочихъ“, стр. 314. „Чего, говоритъ онъ еще, достигли соціалисты въ Бельгіи за послѣднія двадцать лѣтъ — поистинѣ изумительно“, стр. 315. „Данія, читаемъ въ другомъ мѣстѣ, во многихъ отношеніяхъ представляетъ сходство съ Бельгіей: тамъ соціализмъ также достигъ высокой степени развитія; такъ же, какъ и въ Бельгіи, тамъ одинаково сильно выработались всѣ три отрасли соціальнаго движенія“, стр. 319.

нія соціалистическихъ рабочихъ партій и въ другихъ странахъ [1]). То же самое слѣдуетъ сказать объ успѣхахъ германской соціалъ-демократической программы и въ малыхъ государствахъ. Особенно нужно принять въ расчетъ, что съ 1889 г. соціалистическое движеніе снова начало интернаціонализироваться и тѣмъ самымъ ставить все происходящее въ каждой отдѣльной странѣ, въ бо̀льшую и бо̀льшую зависимость отъ происходящаго въ другихъ странахъ и, прежде всего, въ Германіи, Франціи и Англіи [2]). Соціальное законодательство тоже получило извѣстное развитіе въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ странахъ [3]).

То же можно сказать и объ общихъ экономическихъ перемѣнахъ, происходившихъ въ послѣднія десятилѣтія XIX в. съ ихъ слѣдствіями, въ родѣ усиленія протекціонистскихъ стремленій [4]).

Что касается до выработки новыхъ политическихъ формъ, то творчество малыхъ странъ въ этомъ отношеніи было очень ограниченнымъ. Въ большинствѣ случаевъ эти страны въ вопросахъ конституціоннаго права слѣдовали образцамъ, какіе давались имъ большими государствами. Исключеніями являются только Бельгія (введеніе пропорціональнаго представительства) и особенно Швейцарія, продолжавшая и въ послѣднюю треть XIX в. развивать свои учрежденія въ строго демократическомъ направленіи. Однимъ изъ главныхъ лозунговъ демократіи во всѣхъ странахъ, гдѣ еще нѣтъ всеобщаго избирательнаго права, сдѣлалось именно введеніе этой формы политическаго равноправія, для которой новою эпохою въ ея исторіи было, какъ извѣстно, введеніе ея въ Германіи въ 1867—71 гг.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ исторіи отдѣльныхъ странъ. Въ изложеніи испанскихъ дѣлъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XIX в. мы остановились на моментѣ избранія на сдѣлавшійся вслѣдствіе революціи 1868 г. вакантнымъ тронъ Амедея Аостскаго, сына Виктора-Эммануила [5]). Новый король высадился въ Картагенѣ,

---

[1]) См. выше, стр. 177, 250, 287, 301.

[2]) См. ниже, главу XXIII.

[3]) См. ниже, главу XXII.

[4]) Le vieux parti libéral libre-échangiste, qui eut une si grande importance politique dans l'Europe occidentale au milieu de ce (XIX) siècle, a été écrasé partout; il n'occupe plus le pouvoir que dans un seul état, le royaume des Pays-Bas. (Замѣчаніе автора нидерландской исторіи, *A. Métin'a*, въ XII т. *Лависса* и *Рамбо*, стр. 255). Ср. ниже, въ главѣ XXII.

[5]) Для предыдущей исторіи Испаніи см. стр. 34 — 35 первой части VI тома. Изъ литературы отмѣтимъ: *Castelar.* Historia del movimiento republicano en Europa (1873 — 74).—*Pi y Margall.* Amadeo de Saboya (1884).—*H. Léonardon.* Prim (1901).—Значительная литература на испанскомъ языкѣ названа въ XII т. *Лависса и Рамбо* (стр. 341—342 франц. подлиника въ первомъ изд.). Какъ бѣдна литература по исторіи Испаніи на рус. яз., въ этомъ

накануне послѣдняго дня 1870 г., и въ этотъ же день умеръ одинъ изъ виновниковъ революціи, маршалъ Примъ, „дѣлатель королей“, незадолго передъ тѣмъ смертельно раненый неизвѣстнымъ лицомъ, а на второй день новаго (1871) года совершился въѣздъ Амедея въ Мадридъ, гдѣ имъ была принесена присяга конституціи. Положеніе молодого короля было не изъ завидныхъ. Какъ-никакъ, онъ былъ въ глазахъ народа иностранцемъ. Гордые испанскіе гранды относились къ нему нерѣдко свысока, республиканцы, въ главѣ съ Кастеляромъ, профессоромъ исторіи въ Мадридскомъ университетѣ,—прямо враждебно, въ Андалузіи же и во многихъ приморскихъ пунктахъ были достаточно сильны клерикалы, державшіеся карлизма [1]), а демократы оказывались недостаточно надежными. Внутреннее состояніе было тоже довольно шаткимъ, на что указываетъ частая смѣна министерствъ, а когда одно изъ нихъ распустило кортесы и назначило новые выборы, бывшіе пораженіемъ для карлистовъ и республиканцевъ, то первые подняли въ Бискайѣ и Наваррѣ знамя возстанія, въ которомъ вскорѣ принялъ непосредственное участіе и самъ донъ Карлосъ. Въ 1872 г. оно было усмирено маршаломъ Серрано, тоже однимъ изъ дѣятелей революціи, бывшимъ регентомъ Испаніи, потомъ министромъ Амедея, который теперь, послѣ смѣны двухъ министерствъ, снова сдѣлался ненадолго министромъ. Вскорѣ вспыхнуло новое возстаніе въ Каталоніи. Къ тому же духовенство возбуждало народъ противъ государя, сына ненавистнаго вѣрнымъ католикамъ короля Италіи, и въ 1873 г. на жизнь его даже совершено было покушеніе. Не находя ни откуда поддержки, Амедей въ концѣ концовъ въ февралѣ 1873 г. отрекся отъ престола и уѣхалъ въ Италію.

Въ самый день объявленія королемъ своего отреченія кортесамъ послѣдніе провозгласили республику. По вопросу о томъ, что должна собою представлять республика, образовалось двѣ партіи, изъ коихъ одна желала республики унитарной и консервативной, какая въ это время устанавливалась во Франціи, тогда какъ другая партія стояла за республику федеративную по американскому образцу. Во временномъ правительствѣ преобладаніе принадлежало федералистамъ Кастеляру, Сальмерону, Фигуерасу, Пи-и-Маргалю; наоборотъ, въ постоянной коммиссіи кортесовъ, игравшей роль контроля надъ правительствомъ, сильнѣе были консерваторы съ Серрано во главѣ. Фигуерасъ въ апрѣлѣ того же 1873 г. разогналъ эту коммиссію, и всю

можно убѣдиться изъ библіографіи, составленной *В. А. Поссе* и помѣщенной въ новомъ изд. 1908 на русскомъ языкѣ книги *Сеньобоса* (II, 267). Въ „Исторіи Испаніи и Португаліи“ *В. К. Пискорскаго* (1902) новѣйшій періодъ изложенъ очень коротко.

[1]) Т. V, въ гл. VII.

власть захватили федералисты. Созванные для изданія республиканской конституціи кортесы приняли 8 іюня предложеніе Кастеляра, по которому Испанія на будущее время должна была быть раздѣлена на 13 самостоятельныхъ государствъ съ религіозною свободою, отдѣленіемъ церкви отъ государства, распродажею церковныхъ имуществъ и т. п. Во главѣ союзнаго правительства сталъ самъ Кастеляръ. Федерализмъ соотвѣтствовалъ весьма сильно развитой въ Испаніи областной обособленности, но попытка дать послѣдней политическое выраженіе въ конституціи успѣхомъ не увѣнчалась. Къ карлистскому возстанію, продолжавшемуся на сѣверо-востокѣ, присоединился рядъ возстаній въ большихъ городахъ на югѣ—въ Барселонѣ, Севильѣ, Гранадѣ, Кадиксѣ, Картагенѣ — подъ знаменемъ соціализма и въ духѣ парижской коммуны. Въ Картагенѣ, представляющей собою лучшій военный портъ Испаніи, возставшими были захвачены военныя суда. Морскія державы признали, однако, ихъ красный флагъ пиратскимъ, и германская эскадра послѣ сильнаго сопротивленія овладѣла этими судами и возвратила ихъ центральному правительству. Во главѣ послѣдняго стоялъ теперь Сальмеронъ, который и подавилъ это городское движеніе (кромѣ, впрочемъ картагенскаго). Гораздо болѣе труднымъ дѣломъ оказалось справиться съ карлистскимъ возстаніемъ, принявшимъ характеръ безпощадной мелкой, или партизанской войны, „гверильи“. Центральное правительство, въ виду карлистскихъ успѣховъ, нашло нужнымъ учредить диктатуру, вручивъ неограниченныя полномочія Кастеляру, къ великому прискорбію его самого, но онъ пользовался властью диктатора лишь около четырехъ мѣсяцевъ, отъ 7 сентября 1873 до 2 января 1874 года. Едва онъ, отчаявшись въ успѣхѣ, подалъ въ отставку, какъ молодой генералъ Павія разогналъ кортесы, и Серрано снова сталъ во главѣ правленія въ качествѣ предсѣдателя исполнительной власти. Какъ-разъ въ это время пала Картагена, продолжавшая сопротивляться центральному правительству, и Серрано получилъ возможность направить всѣ усилія на борьбу съ карлистами. Такъ какъ въ іюлѣ въ руки карлистовъ попалъ нѣмецкій корреспондентъ Шмидтъ, и донъ Карлосъ велѣлъ его разстрѣлять, особенно за то, что онъ былъ протестантъ, то Бисмаркъ добился отъ великихъ державъ, за исключеніемъ Россіи, признанія правительства Серрано. Пока послѣдній собиралъ новыя силы для борьбы съ карлистами, въ Испаніи неожиданно было произведено новое пронунсіаменто.

Въ странѣ нашлось немало вліятельныхъ людей, которые подумывали о возведеніи на престолъ сына изгнанной королевы Альфонса, воспитывавшагося сначала въ вѣнскомъ Терезіанумѣ, потомъ въ сэндгерстской военной школѣ въ Англіи. Ему только что исполнилось

осенью 1874 г. семнадцать лѣтъ, онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, и по этому случаю испанскіе гранды поднесли ему привѣтственный адресъ, на который онъ по инціативѣ бывшаго раньше министромъ Кановаса-дель-Кастильо отвѣчалъ манифестомъ (1 декабря) съ заявленіемъ какъ своихъ правъ на испанскую корону, такъ и своей приверженности къ либеральной конституціонной монархіи. Не прошло и мѣсяца послѣ этого, какъ генералъ Мартинесъ Кампосъ провозгласилъ въ одномъ небольшомъ городѣ (Мурвіедро) сына Изабеллы королемъ подъ именемъ Альфонса XII, къ чему присоединились андалузскіе гарнизоны, а потомъ и войско въ самомъ Мадридѣ. Серрано сложилъ съ себя власть, и въ началѣ января 1875 г. Альфонсъ XII былъ уже въ Барселонѣ. Такъ послѣ почти семилѣтнихъ смутъ въ Испаніи произошла реставрація Бурбоновъ. Министерство досталось Кановасу-дель-Кастильо. На продолженіе борьбы съ карлистами испанскому правительству потребовалось, однако, еще болѣе года, потому что послѣдній ударъ, заставившій донъ Карлоса перебраться во Францію, былъ нанесенъ карлистамъ лишь въ концѣ февраля 1876 г. Новые кортесы для выработки конституціи были собраны, равнымъ образомъ, лишь въ февралѣ 1876 г., но они не замедлили съ своею работою, и новая конституція, принятая 24 мая, была обнародована 30 іюня [1]).

Конституція 1876 г. была въ исторіи Испаніи XIX в. по счету седьмою [2]). Въ теченіе первыхъ трехъ четвертей XIX в. испанская нація шесть разъ получала новое государственное устройство на началахъ народнаго представительства, и каждый разъ конституція существовала лишь по нѣскольку лѣтъ, кромѣ одной, продержавшейся почти четверть вѣка (1845—69). На этотъ разъ конституція оказалась болѣе долговѣчной: ей идетъ уже четвертый десятокъ лѣтъ. Характеръ ея вообще довольно-таки шаблонный, и лишь немногое въ ней достойно быть отмѣчено особо. Это, во-первыхъ,— статья 11, гласящая такъ: „Римско-католическая апостолическая религія есть религія государственная. Народъ беретъ на себя обязательство содержать культъ и поддерживать его служителей. Никто на испанской территоріи не можетъ быть преслѣдуемъ за свои религіозныя убѣжденія или за исполненіе культа своей религіи, причемъ всякій тѣмъ не менѣе обязанъ уваженіемъ къ христіанской морали. Однако, не дозволены манифестаціи и публичныя церемоніи другихъ религій, кромѣ государственной“. Подобная статья была еще въ самой либеральной изъ испанскихъ конституцій, конституціи 1812 г., но ду-

---

[1]) Испанская конституція помѣщена въ I томѣ сборника *Гессена* и *Нольде* (стр. 243—261). Для государственнаго права Испаніи см. *Torres Campos.* Das Staatsrecht des Königreichs Spanien (1889).

[2]) Болѣе раннія были 1808, 1812, 1834, 1837, 1845 и 1869 гг.

ховенство все-таки было недовольно уступкою духу времени, и самъ Пій IX протестовалъ противъ нарушенія этою статьею единства вѣры [1]). Въ составѣ верхней палаты (сената) конституція сохраняла грандовъ Испаніи, получающихъ опредѣленный доходъ (60 т. песетъ, или франковъ, т.-е. около 22 т. рублей). Наконецъ, „конгрессъ депутатовъ“ состоитъ въ Испаніи изъ депутатовъ, выбираемыхъ на пять лѣтъ по одному на 50 т. жителей, но конституція ничего не говоритъ объ избирательномъ цензѣ, который былъ установленъ особымъ закономъ, но черезъ четырнадцать лѣтъ (1890) отмѣненъ.

Успокоеніе въ Испаніи послѣ столькихъ лѣтъ междоусобій наступило не скоро. На жизнь Альфонса было совершено два покушенія, въ 1878 и 1879 годахъ. Въ 1883 г. въ одномъ мѣстѣ вспыхнулъ руководимый республиканцами солдатскій бунтъ. Кромѣ того, правительство вело борьбу съ тайной соціалистической организаціей „черной руки“ (mano nera), состоявшей изъ трехъ тысячъ группъ и совершавшей насильственныя дѣйствія. Только въ сентябрѣ 1883 г. рѣшился Альфонсъ XII посѣтить Австрію и Германію. Вильгельмъ I сдѣлалъ его шефомъ одного уланскаго полка, который онъ и посѣтилъ въ Страсбургѣ, за что подвергся оскорбленію со стороны уличной толпы въ Парижѣ на обратномъ пути въ Испанію. Хорошія отношенія короля къ Германіи, однако, не помѣшали тому, чтобы въ самой націи по поводу Каролинскихъ острововъ могла начаться воинственная агитація противъ нѣмцевъ [2]). Это было уже въ 1885 г, когда вскорѣ неожиданная смерть унесла въ могилу Альфонса XII. Женатый во второмъ бракѣ на австрійской принцессѣ Маріи-Христинѣ, онъ оставилъ послѣ себя беременную вдову и двухъ дочерей, и когда королева весною 1886 г. разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, онъ немедленно былъ объявленъ королемъ съ именемъ Альфонса XIII и подъ регентствомъ своей матери. Смерть короля, междуцарствіе между его кончиной и рожденіемъ его преемника и продолжительное малолѣтство новаго короля не поколебали положенія ни монархіи, ни самой династіи въ Испаніи, такъ привыкшей въ XIX в. къ революціямъ и пронунсіаменто.

Въ послѣдніе годы Альфонса XII и въ регентство Маріи-Христины у власти постоянно чередовались Кановасъ и Сагаста, причемъ главною силою оставалась, однако, все-таки армія, съ которою каждому правительству приходилось очень серьезно считаться, въ культурномъ же отношеніи страна не дѣлала никакихъ серьезныхъ успѣ-

---

[1]) См. выше, стр. 56.
[2]) См. выше, стр. 73.

ховъ и продолжала коснѣть въ невѣжествѣ [1]) подъ вліяніемъ іезуитовъ и вообще духовенства, сохранившаго въ Испаніи свою прежнюю силу. Внѣшній порядокъ серьезно послѣ смерти Альфонса XII долго не нарушался, но экономическій подъемъ Испаніи былъ крайне медленный, а администрація, прославившаяся своимъ произволомъ, взяточничествомъ и казнокрадствомъ, нисколько не улучшалась. Въ самомъ концѣ XIX в. Испанія протерпѣла и рядъ серьезныхъ пораженій во внѣшней политикѣ. Въ 1895 г. противъ испанскаго владычества произошло сильное возстаніе на островѣ Кубѣ, съ которымъ мадридское правительство не могло справиться въ теченіе трехъ лѣтъ, истративъ на его подавленіе массу денегъ и потерявъ около 50 тысячъ войска убитыми и умершими отъ мѣстной лихорадки, а черезъ полтора года (1896) поднялось возстаніе и на Филиппинскихъ островахъ. Еще не были подавлены эти два возстанія, какъ Испаніи пришлось выдержать войну съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, во время которой Испанія лишилась большей части своего флота, а по окончаніи должна была отказаться отъ своихъ колоній [2]).

Въ самомъ концѣ XIX в., отчасти подъ вліяніемъ внѣшнихъ неудачъ и соединеннаго съ ними обѣднѣнія населенія въ Испаніи снова началось революціонное броженіе, однимъ изъ первыхъ проявленій котораго было убіеніе въ 1897 г. Кановаса, занимавшаго въ то время должность перваго министра [3]). Вслѣдъ за этимъ начались народныя волненія, на которыя правительство отвѣчало объявленіемъ Мадрида въ военномъ положеніи и даже пріостановкою дѣйствія конституціи.

Португалія ни въ экономическомъ, ни въ культурномъ, ни въ политическомъ отношеніяхъ почти ничѣмъ существенно не отличалась отъ Испаніи. Португальская конституція ведетъ свое начало отъ 1826 года съ нѣкоторыми измѣненіями, сдѣланными въ ней въ 1852 и 1885 гг. [4]), но на самомъ дѣлѣ примѣнялась она всегда самымъ невозможнымъ образомъ. Простыми королевскими декретами пріостанавливались конституціонныя гарантіи, министерская отвѣтственность существовала только на бумагѣ, выборы лишь назывались свободными, а палаты всегда болѣе или менѣе покорно одобряли дѣйствія министровъ, причемъ и консерваторы, и либералы къ концу XIX в. только о томъ и хлопотали, чтобы не дать разростись республиканскому и соціалистическому движеніямъ. Въ послѣдней трети XIX в.

---

[1]) На 17 милліоновъ испанцевъ безграмотныхъ приходилось 12 милліоновъ.

[2]) Ср. выше, стр. 27, но подробнѣе ниже, въ главѣ XXV.

[3]) Убійцею былъ итальянскій анархистъ Анджилилло. Анархизмъ былъ вообще сильно распространенъ и въ самой Испаніи.

[4]) *Гессенъ* и *Нольде*, I, стр. 353—387.

въ Португаліи царствовали Луисъ I (1870—1889) и сынъ его Карлъ I, убитый революціонерами уже въ первыхъ годахъ XX столѣтія [1]). Начавшійся еще при первомъ изъ нихъ конфликтъ съ Англіей на почвѣ недоразумѣній въ Африкѣ [2]) кончился униженіемъ Португаліи, что повлекло за собою крайнее недовольство населенія, сильно взволнованнаго уже и попыткою республиканскаго возстанія въ Опорто въ началѣ 1891 г. Правительство отвѣтило на проявленія народнаго неудовольствія всякаго рода репрессіями, и въ этомъ состояніи неустойчиваго равновѣсія Португалія перешла въ XX столѣтіе.

Переходимъ къ исторіи Бельгіи [3]).

Международное положеніе этого маленькаго государства обезпечивалось признаніемъ его нейтралитета, но опасенія со стороны французскаго завоеванія заставляли брюссельское правительство быть насторожѣ. Дѣйствительно, въ числѣ политическихъ комбинацій, которыя создавались въ головѣ Наполеона III, не послѣднее мѣсто принадлежало присоединенію Бельгіи [4]). Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ правительство внесло въ палату планъ превращенія Антверпена въ большой укрѣпленный лагерь и въ центральный пунктъ цѣлой системы вооруженной обороны, направленной противъ Франціи. Многіе либералы были противъ этого „заключенія Антверпена въ Бастилію“, и вообще весь правительственный планъ вызвалъ большія несогласія, но въ концѣ концовъ палатою онъ былъ принятъ (1864). Эта же политика недовѣрія къ наполеоновской Франціи и вообще боязнь за національную независимость продолжались и при новомъ королѣ, Леопольдѣ II,

---

[1]) Событіе это относится къ 1908 г. Съ королемъ былъ убитъ и наслѣдникъ престола, такъ что корона перешла ко второму сыну короля, Мануэлю II.

[2]) См. ниже, въ главѣ XXV.

[3]) *С. Г. Лозинскій.* Исторія Бельгіи и Голландіи въ новое время (1908; доведена до конца XIX в.). — *Hymans.* Histoire parlementaire du Belgique de 1830 à 1880 (1877—80).—*Его же.* La Belgique contemporaine (1900).—*Thonissen.* La constitution belge annotée (1879).—*Vauthier.* Staatsrecht des K. Belgien (1892). — *Фланденъ.* Бельгійская конституція. — *К. Гюисмансъ, Л. де Брукеръ и Л. Бертранъ.* 75 лѣтъ буржуазнаго господства (1906). — *L. Bertrand.* Histoire de la démocratie et du socialisme en Belgique depuis 1830. Préf. par *E. Vandervelde* (1906; есть русск. пер. 1907 г.)—*А. Кеппенъ.* Соціальное законодательство Франціи и Бельгіи (1900). — *Вандервельдъ и Дестрэ.* Соціализмъ въ Бельгіи (изд. т-ва Гранатъ). — *L. Arnaud.* La revision belge, 1890 — 93 (1894).—*Goblet d'Alviella.* La représentation proportionnelle en Belgique (1900).—*Dupriez.* Le suffrage universel en Belgique (1904).—*П. Дюбуа.* Пропорціональное представительство въ опытѣ Бельгіи (1908). — *E. de Laveleye.* Le parti clérical en Belgique (1874).—См. также указанія на нѣкоторыя русскія статьи въ рус. пер. (подъ ред. *В. А. Поссе*) „Политической исторіи современной Европы“ *Сеньобоса* (1908), т. II, стр. 266 и 592.

[4]) Т. V, стр. 657 и 660 и т. VI, ч. 1, стр. 84.

вступившемъ на престолъ въ 1865 г. Германскія событія 1866 г. тоже подѣйствовали на Бельгію, и въ ней началась военная реформа въ смыслѣ удлиненія срока службы въ войскѣ, увеличеніе численности набора и т. п. Министерство Фреръ-Орбана прямо стало сближаться съ Германіей, особенно когда Наполеонъ III сдѣлалъ попытку выкупить наиболѣе важныя бельгійскія желѣзныя дороги и такимъ образомъ поставить Бельгію въ экономическую зависимость отъ Франціи. Это было въ 1869 г., а когда началась франко-германская война, театръ которой былъ близъ границъ Бельгіи, особенно въ седанскій періодъ [1]), со стороны Бельгіи было выставлено на границѣ 80 тыс. войска для защиты нейтралитета страны отъ всякаго его нарушенія воюющими націями. Сочувствіе въ войнѣ было рѣшительно, однако, на сторонѣ французовъ, что̀, между прочимъ, испытали на себѣ германскіе раненые подъ Седаномъ, когда ихъ провозили черезъ Бельгію. Въ виду нѣмецкихъ побѣдъ бельгійцы даже стали бояться завоевательной политики Германской имперіи, и это заставляло многихъ настаивать на необходимости имѣть въ распоряженіи сильную армію, хотя противъ этого и возставали такъ называемые антимилитаристы. Вопросъ объ арміи сдѣлался даже, какъ мы сейчасъ увидимъ, однимъ изъ наиболѣе жгучихъ во внутренней политической борьбѣ, происходившей въ Бельгіи съ конца шестидесятыхъ годовъ.

Провозглашеніе ватиканскимъ соборомъ догмата о непогрѣшимости папы и вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшая потеря имъ свѣтской власти оказали на бельгійскихъ католиковъ совершенно такое же дѣйствіе, какъ и на католиковъ другихъ странъ. Культуркампфъ въ Германіи только усиливалъ возбужденіе, царствовавшее въ клерикальныхъ кругахъ Бельгіи. И въ этой странѣ велась агитація въ пользу возвращенія папѣ свѣтской власти и вообще возстановленія правъ церкви. Во главѣ этой агитаціи стояли епископы, которые даже обнародовали посланіе противъ образа дѣйствій итальянскаго и германскаго правительствъ. Какъ и во Франціи [2]), и въ Бельгіи устраивались разныя религіозныя манифестаціи съ политическимъ характеромъ, какъ-то церковныя процессіи, массовыя паломничества и т. п., и довольно большую сенсацію произвелъ тостъ за папу раньше тоста за короля на одномъ католическомъ банкетѣ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа. Въ это время, послѣ выборовъ 1870 г., давшихъ большинство католикамъ вслѣдствіе многочисленныхъ воздержаній отъ подачи голоса со стороны либераловъ, во главѣ правленія стояло католическое министерство болѣе умѣреннаго направленія,

---

[1]) Седанъ находится у самой бельгійской границы. Ср. т. VI, ч. 1, стр. 99.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 202.

вслѣдствіе чего вело себя во всей этой исторіи очень сдержанно—не только не принимало участія въ ультрамонтанскомъ движеніи, но даже высказывалось въ смыслѣ необходимости твердаго соблюденія конституціи. Духовенство въ это время агитировало, напр., за то, чтобы законодательнымъ порядкомъ была установлена обязанность совершать церковный бракъ раньше гражданскаго, принятіе чего было бы противно провозглашенному бельгійской конституціей принципу религіозной свободы. Духовенство, кромѣ того, теперь особенно пользовалось своимъ вліяніемъ на гражданъ, чтобы создавать ихъ политическое настроеніе и опредѣлять ихъ политическое поведеніе. Въ виду того, что оно стѣсняло свободу выборовъ, не только указывая избирателямъ, за кого они должны подавать голоса, но и пользуясь разными способами, дабы убѣдиться, такъ ли, какъ ему угодно, подаются голоса на выборахъ, либералы подняли вопросъ о необходимости огражденія дѣйствительной тайны голосованія. Само католическое правительство предложило тогда ввести такой способъ подачи голосовъ на выборахъ: каждому избирателю долженъ былъ даваться печатный списокъ выставленныхъ въ данной мѣстности кандидатовъ, послѣ чего въ особомъ помѣщеніи, куда никто, кромѣ самого избирателя въ данный моментъ не имѣлъ доступа, онъ ставилъ крестикъ противъ фамиліи своего кандидата, и уже въ такомъ видѣ бюллетень долженъ былъ попадать въ избирательную урну.

Господство католической партіи въ Бельгіи въ семидесятыхъ годахъ объясняется предшествовавшимъ ему расколомъ среди либераловъ, раздѣлившихся на нѣсколько несогласныхъ между собою партій по разнымъ внутреннимъ вопросамъ, каковы были вопросъ о выборахъ, объ арміи, объ употребленіи фламандскаго языка и т. п. Въ тридцатыхъ годахъ XIX в., когда Бельгія получила свое государственное устройство, въ конституціонныхъ государствахъ господствовала система ценза, которая, какъ извѣстно, была введена и въ Бельгіи, и благодаря которой—и то послѣ пониженія ценза въ 1848 г.—во всей этой странѣ въ серединѣ XIX в. не было и полныхъ полутораста тысячъ избирателей. Между тѣмъ въ сосѣдней Франціи съ 1848 г. дѣйствовало всеобщее избирательное право, которое въ 1867 г. было введено и въ сосѣдней же Германіи, а въ сосѣдней также Англіи въ 1867 г. было произведено значительное расширеніе избирательнаго права. Не мудрено, что и среди бельгійскихъ либераловъ образовались партіи, требовавшія отмѣны цензовой системы, или въ пользу только расширенія этого права, или даже въ пользу введенія всеобщаго голосованія, въ то время, какъ другіе стояли за сохраненіе старой цензовой системы. Эти консерваторы среди либераловъ получили названіе доктринеровъ, а двѣ другія партіи стали обозначаться, какъ мо-

лодые либералы, или прогрессисты и какъ радикалы. Кромѣ того, съ доктринерами, желавшими сохранить старый военный строй, разошлись по этому вопросу сторонники народной милиціи, вмѣсто постоянной арміи, и они образовали особую лигу антимилитаристовъ. Наконецъ, фламандское населеніе Бельгіи находило, что не соблюдался, какъ слѣдуетъ, параграфъ конституціи 1831 г., объявлявшій факультативность пользованія распространенными въ Бельгіи языками, но либералы, говорившіе по-французски, держались насчетъ употребленія фламандскаго языка неблагопріятнаго для него воззрѣнія. Католики даже воспользовались послѣднимъ несогласіемъ, чтобы расположить фламандцевъ въ свою пользу, и когда власть попала въ ихъ руки, они придали фламандскому языку значеніе оффиціальнаго въ области, гдѣ на немъ говоритъ населеніе, во всѣхъ общинныхъ дѣлахъ и въ уголовномъ судѣ. Всѣ указанныя разногласія среди бельгійскихъ либераловъ относятся къ самому концу шестидесятыхъ годовъ: наприм., вопросъ о реформѣ выборовъ былъ поднятъ въ 1866 г., лига антимилитаристовъ основалась въ 1868 г. Обостреніе отношеній среди либераловъ дошло до того, что многіе скорѣе готовы были видѣть у власти католиковъ, нежели своихъ соперниковъ изъ либераловъ же. Воздержаніе отъ подачи голосовъ антимилитаристовъ и фламандцевъ сыграло немалую роль на выборахъ 1870 г., а по отношенію къ радикаламъ даже существовало обвиненіе въ томъ, что они своимъ голосованіемъ за католическихъ кандидатовъ и прямо содѣйствовали провалу либеральныхъ кандидатовъ. Когда, однако, во главѣ правленія стало католическое министерство, а особенно когда поднялась клерикальная агитація, о которой сказано выше, началось сближеніе между нѣкоторыми элементами стараго союза либераловъ. Именно, доктринеры и прогрессисты первые протянули другъ другу руки, чтобы тѣмъ самымъ положить начало единенію всѣхъ бельгійскихъ либераловъ для борьбы съ клерикалами, дѣлавшимися все болѣе опасными для свѣтскаго государства и общества. Это было достигнуто въ 1875 г., когда всѣ либералы слились въ единую правильно организованную „либеральную федерацію", и черезъ три года послѣ этого либералы снова имѣли парламентское большинство, утраченное ими въ 1870 г. Образовавшееся въ 1878 г. либеральное министерство начало борьбу съ клерикализмомъ.

Какъ и въ другихъ странахъ,—во Франціи, въ Германіи, въ Швейцаріи и т. д.,—предметомъ борьбы между либералами и католиками была школа. Въ Бельгіи конца семидесятыхъ годовъ это уже далеко не былъ новый вопросъ. Еще въ 1850 г. стоявшее тогда у власти либеральное министерство провело законъ, отнимавшій у духовенства право надзора за начальнымъ образованіемъ народа, но

духовенство устроило дѣло такъ, что этотъ законъ сталъ обходиться. Стоило только какой-либо общинѣ обратиться къ епископу съ просьбою о назначеніи въ ту или другую школу законоучителя, какъ отъ общины епископъ требовалъ, какъ необходимаго условія для своего согласія, чтобы данная школа была поставлена подъ надзоръ духовенства, и чтобы, кромѣ католическаго священника, въ ней не преподавали духовныя лица другихъ исповѣданій. Дѣйствіе закона было парализовано, а когда черезъ пять лѣтъ послѣ его изданія клерикалы очутились у власти, то задумали провести законъ объ устраненіи государственнаго надзора за благотворительными учрежденіями, чтобы передать ихъ всецѣло въ руки духовенства. Среди либераловъ это вызвало тогда такое ожесточеніе, что начались враждебныя противъ католиковъ и правительства демонстраціи на улицахъ, нападенія на монастыри и т. п., потребовавшія даже вмѣшательства національной гвардіи. Когда вскорѣ послѣ этого либералы снова стали у власти и образовалось либеральное министерство Фреръ-Орбана (1857), опять возгорѣлся споръ съ католиками о народномъ образованіи. На этотъ разъ предметомъ его было распространеніе государственнаго надзора надъ основаннымъ въ 1835 г. католическимъ университетомъ въ Лувенѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ либералы въ Бельгіи даже особенно много сдѣлали для развитія профессіональнаго образованія, а въ 1865 г. возникла либеральная „Лига народнаго образованія“ (Ligue de l'enseignement), поставившая въ числѣ своихъ задачъ борьбу съ клерикализмомъ въ школѣ.

Въ 1878 г. Фреръ-Орбанъ вторично сдѣлался главою либеральнаго министерства, въ которомъ учреждена была теперь и спеціальная должность министра народнаго просвѣщенія. Уже въ тронной рѣчи при открытіи парламентской сессіи было заявлено, что государство должно взять на себя высшее руководство всѣмъ учебнымъ дѣломъ въ странѣ и часть сопряженныхъ съ этимъ издержекъ. Школьный законъ 1 іюля 1879 г. обязывалъ каждую общину содержать лишенную всякой конфессіональной окраски начальную школу, безплатную для дѣтей изъ бѣдныхъ семей, со свѣтскими учителями и учебными пособіями, одобренными правительствомъ, которое и надзираетъ за всѣми такими школами чрезъ особыхъ инспекторовъ. Религіозное образованіе было исключено изъ школьнаго плана, такъ какъ отдавалось въ руки самихъ родителей или духовныхъ лицъ разныхъ вѣроисповѣданій съ правомъ преподаванія въ помѣщеніи самихъ школъ. Бельгійскій епископатъ отнесся къ этому закону съ порицаніемъ и даже рѣшился дѣйствовать противъ учителей и учениковъ новой школы, равно какъ противъ родителей послѣднихъ, не останавливаясь передъ отказомъ въ причащеніи. Вмѣстѣ съ этимъ низшее духовенство, повинуясь предписанію своихъ епископовъ, стало основывать частныя

школы, которыя должны были отвлекать дѣтей отъ посѣщенія „созданныхъ на погибель младенческихъ душъ“ школъ по закону 1879 г. Богатое и вліятельное духовенство очень успѣшно повело это дѣло, и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ публичныхъ школахъ училось лишь около трети всѣхъ дѣтей соотвѣтственнаго возраста. Въ этомъ дѣлѣ бельгійскій епископъ нашелъ поддержку и въ римской куріи. По бельгійской конституціи, „государство не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ назначеніе, ни въ допущеніе къ должности священнослужителей какой бы то ни было религіи“, а обученіе объявлялось свободнымъ и прямо запрещались „всякія предупредительныя противъ него мѣры“. Духовенство, слѣдовательно, только пользовалось конституціонною „свободою церкви“ и „свободою обученія“, которыя и въ другихъ странахъ были лозунгами клерикаловъ. Поэтому духовенство было внѣ сферы досягаемости для правительственнаго воздѣйствія, и государственной власти оставался только путь обращенія къ главѣ католической церкви въ Римѣ съ просьбою повліять на бельгійскій клиръ. Папскій нунцій въ отвѣтъ на это обращеніе сообщилъ правительству, что епископы въ данномъ случаѣ дѣйствовали на свой страхъ, и что, наоборотъ, св. престолъ преподалъ имъ совѣтъ сдержанности. Правительство истолковало этотъ отвѣтъ въ смыслѣ неодобренія папою поведенія епископовъ и стало пользоваться такимъ своимъ пониманіемъ полученнаго изъ Рима отвѣта для оказанія давленія на епископатъ. Курія, съ своей стороны, оффиціально опровергла, чтобы отвѣтъ имѣлъ смыслъ порицанія, и дѣло дошло до того, что правительство, обвинивъ папу въ недостойномъ образѣ дѣйствій, прервало съ римской куріей дипломатическія сношенія; бельгійскій посланникъ покинулъ Римъ, папскій нунцій вынужденъ былъ оставить Брюссель. Палата, въ которой преобладали либералы, пошла еще далѣе, нарядивъ своего рода слѣдствіе надъ поведеніемъ духовенства и ходомъ дѣла въ духовной школѣ, открывшее цѣлый рядъ злоупотребленій духовенства своимъ вліяніемъ на умы и властью надъ совѣстью населенія для борьбы со свѣтскою школой. Результатомъ клерикальныхъ происковъ было то, что общинныя школы, на улучшеніе которыхъ ежегодно тратились громадныя суммы денегъ, большею частью пустовали, а „свободныя“ были переполнены учениками, хотя преподаваніе въ нихъ, по отзывамъ компетентныхъ лицъ, велось хуже. У палаты оставалось лишь одно средство бороться съ духовенствомъ—репрессаліи. Такъ, напр., она лишила его изъятія по отбыванію воинской повинности, которымъ прежде пользовались воспитанники духовныхъ семинарій. Немало тревожило либераловъ и то, что съ середины XIX в. къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь, число монастырей и монашествующихъ удвоилось, что указывало на

ростъ клерикальнаго вліянія и создавало для будущаго новыя кадры враговъ свѣтскаго государства. Такъ какъ клерикалы имѣли большую силу особенно среди фламандцевъ, то чтобы удовлетворить послѣднихъ, министерство Фреръ-Орбана допустило фламандскій языкъ, какъ языкъ преподаванія, въ приготовительныхъ классахъ среднихъ школъ. Послѣднія также подверглись реформѣ, и число мужскихъ гимназій, или, какъ онѣ называются въ Бельгіи, „атенеевъ“ было увеличено, а для женскаго образованія, почти всецѣло находившагося въ рукахъ монахинь, было вновь основано пятьдесятъ среднихъ школъ. Все это требовало большихъ расходовъ, раньше не входившихъ въ государственный бюджетъ: одно начальное образованіе стало стоить казнѣ болѣе 22 милліоновъ въ годъ, тогда какъ финансы были далеко не въ блестящемъ положеніи. Ежегодные дефициты стали рости, и въ 1883 г. дефицитъ достигъ какъ-разъ той суммы (и даже нѣсколько ее превысилъ), которую поглощали полупустующія, вслѣдствіе противодѣйствія духовенства, низшія школы. Пришлось заключить заемъ, пришлось подумать о повышеніи налоговъ. Это поселяло неудовольствіе въ народѣ, а тутъ еще и между самими либералами возродились старыя разногласія изъ-за избирательнаго права.

Еще католическое министерство въ своихъ интересахъ понизило въ 1871 г. избирательный цензъ для коммунальныхъ и провинціальныхъ выборовъ. Теперь, черезъ десять лѣтъ, прогрессисты потребовали новаго пониженія избирательнаго ценза въ провинціальномъ самоуправленіи, но доктринеры на это не давали своего согласія, тогда какъ радикалы шли еще дальше прогрессистовъ, сдѣлавъ предложеніе о пересмотрѣ конституціи съ конечною цѣлью—введенія и въ Бельгіи, по примѣру сосѣднихъ странъ, всеобщаго избирательнаго права въ парламентскихъ выборахъ. Съ начала семидесятыхъ годовъ агитація въ пользу избирательной реформы велась и въ Голландіи, что̀ только усиливало стремленія бельгійскихъ радикаловъ. Министерство состояло изъ доктринеровъ и пошло только на одну уступку, а именно на предоставленіе избирательнаго права на провинціальныхъ выборахъ всѣмъ, имѣющимъ дипломъ высшей школы, а подавляющее большинство самой палаты оказалось противъ демократизаціи законодательныхъ выборовъ. Это начало расползанія либеральной федераціи совпало съ усиленіемъ недовольства среди избирателей финансовымъ управленіемъ либеральнаго министерства при сильной, вдобавокъ, общей агитаціи противъ него со стороны духовенства. Когда въ 1884 г. произошло обновленіе состава палаты новыми выборами, послѣдніе оказались крайне неблагопріятными для либераловъ: католиковъ было выбрано такъ много, что вмѣстѣ съ уже бывшими въ палатѣ они теперь составили прочное большинство. Немедленно же мѣсто либеральнаго министерства за-

няло католическое во главѣ съ Малу-Бернэртомъ, который уже былъ министромъ-президентомъ въ семидесятыхъ годахъ и отличался тогда относительною умѣренностью. На этотъ разъ началась полнѣйшая, безоглядная реакція. Школьный законъ 20 сентября 1884 г. устанавливалъ неограниченное право открытія частныхъ, или „свободныхъ“ школъ между прочимъ и для разныхъ духовныхъ конгрегацій, что же касается публичныхъ школъ, то общинамъ разрѣшалось замѣнять ихъ частными, если въ общинѣ не находилось двадцати отцовъ семействъ, которые ходатайствовали бы о сохраненіи публичной школы. Уже къ концу 1885 г., благодаря этому, чуть не цѣлая половина прежнихъ общинныхъ школъ (877 изъ 1993) была закрыта. Масса учителей была выброшена за бортъ,—впрочемъ, съ пенсіей,—и ихъ замѣнили новые, у которыхъ не спрашивали никакой педагогической квалификаціи, лишь бы только они были вѣрными сынами церкви. Общинамъ, сохранявшимъ прежнія школы, разрѣшалось включать въ число предметовъ преподаванія и законъ Божій, уроки котораго должны были быть помѣщаемы въ росписаніяхъ въ началѣ или въ концѣ учебнаго дня, дабы семьи могли и не пользоваться для образованія своихъ дѣтей этими уроками, — уступка въ пользу протестантовъ. Понятно, что католическое министерство возстановило дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ. Выборы 1886 г. даже еще нѣсколько усилили католическое большинство палаты, но въ этомъ же году католическая партія лишилась своего вождя Малу-Бернэрта.

Во время господства въ Бельгіи католической партіи, перешедшаго и въ слѣдующее, послѣднее десятилѣтіе XIX в., либеральныя партіи сначала дѣлали остававшіяся безуспѣшными попытки соглашенія на счетъ реформы выборовъ, такъ какъ каждая занимала упорно свою прежнюю позицію. Доктринеры не соглашались на дарованіе избирательнаго права всѣмъ грамотнымъ гражданамъ, чего требовали прогрессисты, а эти были противъ требованія радикаловъ ввести въ Бельгіи всеобщее избирательное право, т.-е. все оставалось попрежнему, но зато теперь, кромѣ старыхъ и молодыхъ либераловъ и радикаловъ, стали формироваться и новыя оппозиціонныя партіи лѣвѣе радикаловъ: это были партіи республиканская и соціалистическая, которыя тоже требовали всеобщей подачи голосовъ, но сверхъ того, какъ показываютъ и самыя ихъ названія, шли далѣе радикальной партіи, ограничивавшейся требованіемъ отмѣны избирательнаго ценза и постоянной арміи. Новыя партіи вербовали послѣдователей въ рабочемъ классѣ, который былъ созданъ быстрымъ индустріальнымъ развитіемъ Бельгіи въ текстильномъ, металлическомъ, кожевенномъ и т. п. производствахъ. О быстротѣ и силѣ бельгійской экономической эволюціи лучше всего свидѣтельствуетъ то, что вывозъ изъ

страны, преимущественно издѣлій обрабатывающей промышленности, за пятьдесятъ лѣтъ между 1840 и 1890 гг. болѣе, чѣмъ удесятерился, повысившись съ 149 милліоновъ франковъ до 1437 милліоновъ. За вторую половину этого пятидесятилѣтія, т.-е. между 1865 и 1890 г. и населеніе Бельгіи возросло на 50% слишкомъ, а именно въ началѣ періода оно равнялось четыремъ милліонамъ, а къ концу перевалило за шесть, и весь излишекъ населенія вынужденъ былъ искать заработковъ въ индустріи, торговлѣ, путяхъ сообщенія. И клерикалы, и либералы одинаково въ своихъ распряхъ мало заботились о рабочей массѣ, исключавшейся цензомъ изъ права участвовать въ народномъ представительствѣ, и законодательство ничего не дѣлало для охраны труда отъ эксплуатаціи его капиталомъ. Среди рабочихъ валлонской части Бельгіи, доступныхъ по языку французскому вліянію, распространялись, главнымъ образомъ, французскія республиканскія идеи, а среди рабочихъ изъ фламандцевъ преимущественно замѣтно было вліяніе германской соціалъ-демократіи. Промышленный кризисъ 1886 г. вызвалъ среди рабочихъ сильное броженіе, перешедшее въ цѣлый рядъ эксцессовъ. Въ Льежѣ 18 марта была устроена въ память двадцать пятой годовщины возстанія парижской коммуны рабочая манифестація, во время которой произошли серьезные уличные безпорядки вплоть до разграбленія магазиновъ и кофеенъ, и усмиреніе толпы полиціей окончилось только далеко за полночь. Подобныя же выступленія пролетаріата имѣли мѣсто въ Брюсселѣ 25 и 26 марта, и опять происходило усмиреніе вооруженной силой. Въ ближайшіе же дни волненіе охватило Шарльруа и его округъ, гдѣ произошелъ разгромъ фабрикъ, виллъ и т. п., перенеслось въ Ру, гдѣ былъ разграбленъ монастырь Солейльмонъ, и во всѣхъ каменно-угольныхъ мѣстностяхъ завершилось забастовками. Только военное вмѣшательство возстановило порядокъ въ Льежѣ и въ Геннегау, и даже засѣдавшему въ Брюсселѣ лѣтомъ 1886 г. международному рабочему конгрессу оказалось очень труднымъ успокоить бурное настроеніе, овладѣвшее бельгійскимъ пролетаріатомъ. Только теперь спохватились правительство и правящіе классы, и назначена была коммиссія для изслѣдованія желаній рабочаго класса. Въ 1887 г. въ Бельгіи приступили даже къ законодательству по охранѣ рабочихъ, пользуясь большею частью германскимъ образцомъ. Начали съ установленія примирительныхъ судовъ для улаженія недоразумѣній между предпринимателями и рабочими и съ запрещенія уплачивать за работу не деньгами, а товарами (1887 г.); потомъ учредили болѣе бдительный надзоръ за условіями, въ которыхъ совершается работа въ разнаго рода предпріятіяхъ (1888); въ 1890 г. по случаю королевскаго юбилея (съ дня вступленія на престолъ исполнилось 25 лѣтъ) было положено

основаніе страховому фонду для несчастныхъ случаевъ, правда, очень недостаточному, и т. п. Въ числѣ требованій рабочихъ, нашедшихъ поддержку и въ королѣ, былъ пунктъ о введеніи обязательной для всѣхъ личной воинской повинности, т.-е. объ отмѣнѣ практиковавшагося въ широкихъ размѣрахъ замѣстительства, что могло усилить армію и потому входило въ планы короля. Вопросъ объ этомъ ставился на очередь еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, но и въ восьмидесятыхъ католическая партія, какъ и тогда, была противъ этого (1887). Католики шли охотно лишь на уступки требованіямъ фламандцевъ, такъ какъ среди нихъ находили, главнымъ образомъ, поддержку. Такъ, въ 1886 г. была основана королевская академія для фламандскаго языка и литературы; въ 1888 г. стали требовать знанія фламандскаго языка отъ всѣхъ кандидатовъ на офицерство, и расширено было употребленіе этого языка въ судахъ. Клерикаламъ даже не была бы опасна и всеобщая подача голосовъ съ фламандскимъ населеніемъ деревень.

Неудовлетворительность стараго избирательнаго закона наконецъ стала чувствоваться чуть не всѣми. Самъ Леопольдъ II находилъ, что лучшее средство внести успокоеніе въ жизнь націи заключается въ проведеніи избирательной реформы, и въ этомъ смыслѣ настаивалъ, чтобы министерство взяло на себя инціативу. Господствующая партія тоже пришла къ тому выводу, что безъ реформы обойтись нельзя, но въ своихъ предположеніяхъ не шла далѣе распространенія избирательнаго права на квартиронанимателей по англійскому образцу. Доктринеры и прогрессисты на этотъ разъ пошли тоже на уступки, расширивши свои прежнія предложенія. Но прошло около трехъ лѣтъ прежде, нежели принципіальное согласіе господствующей партіи на пересмотръ избирательнаго закона дало практическій результатъ. Теоретическое согласіе партіи относится къ 1891 г.; только въ 1892 г. состоялись на этотъ счетъ постановленія палаты и сената; въ 1893 г. палата не пришла ни къ какому рѣшенію, такъ какъ ни одинъ изъ проектовъ реформы не могъ собрать надлежащаго большинства. Такая затяжка дѣла выводила изъ терпѣнія рабочихъ, которые все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе предъявляли требованіе относительно введенія всеобщаго избирательнаго права. Въ столицѣ королевства начинались народныя волненія, и даже грозила со стороны рабочихъ всеобщая забастовка на тотъ случай, если не будетъ проведено всеобщее голосованіе. Только подъ давленіемъ народа палаты приняли наконецъ въ 1894 г. новый избирательный законъ. Сущность его заключалась во введеніи всеобщаго избирательнаго права для мужского населенія Бельгіи старше 25 лѣтъ, но съ прибавкою еще одного или даже двухъ голосовъ для всѣхъ, у кого былъ извѣстный соціальный, имуществен-

ный или образовательный цензъ: условіями для пользованія правомъ „множественнаго голоса“ (vote plural) были либо положеніе отца семейства, либо обладаніе имуществомъ (недвижимостью или денежнымъ капиталомъ) цѣною не менѣе двухъ тысячъ франковъ, либо окончаніе курса въ средней школѣ; кто подходилъ подъ одно изъ этихъ условій, пользовался, кромѣ одного голоса въ силу всеобщаго избирательнаго права, еще однимъ голосомъ—по цензу, но въ общей сложности нельзя было имѣть одному лицу больше трехъ голосовъ. Теоретическая система этого „плюральнаго вотума“ уже рекомендовалась въ свое время Миллемъ [1]), и вотъ она-то и была осуществлена въ Бельгіи, какъ компромиссъ между демократическою и цензовою системами. Новый избирательный законъ сразу удесятерилъ въ Бельгіи число избирателей: раньше ихъ было немногимъ меньше полутораста тысячъ, теперь стало безъ малаго полтора милліона (1.350.000), которые располагали, благодаря множественности вотумовъ болѣе, чѣмъ двумя милліонами голосовъ. Новые выборы по только-что изложенному закону дали католикамъ опять значительный перевѣсъ надъ ихъ противниками, но теперь противниками ихъ, имѣющими какое-либо значеніе, были уже не либералы, а соціалисты. Либеральная партія въ народномъ представительствѣ какъ-бы совсѣмъ исчезла, да и то, что отъ нея осталось, соотвѣтствовало только лѣвому ея крылу, прогрессистамъ, потому что избиратели доктринеровъ, какъ болѣе консервативно настроенные люди, стали послѣ избирательной реформы подавать голоса уже за католическихъ кандидатовъ. Въ общемъ, можно сказать, въ Бельгіи создалось такое политическое положеніе, что въ народномъ представительствѣ не существуетъ среднихъ партій между крайними правыми и крайними лѣвыми, между клерикалами и соціалистами. Нѣкоторое еще значеніе имѣетъ группа прогрессистовъ, но старая борьба съ клерикализмомъ заставило эту группу искать сближенія съ соціалистами.

По новому закону выборы въ Бельгіи происходили въ первый разъ въ 1894 г., и потомъ въ 1896 и 1898 гг. произошли два обновленія состава палаты, каждый разъ на половину. Число либераловъ за это время въ палатѣ все понижалось: въ 1894 г. ихъ было 18, въ 1898 г. — только 12. Зато необычайно выростало католическое большинство, достигшее въ 1898 г. 112 депутатовъ, среди которыхъ было немало христіанскихъ демократовъ, избранныхъ въ деревняхъ, гдѣ они вели усиленную пропаганду въ духѣ вмѣшательства государства въ цѣляхъ улучшенія быта народныхъ массъ. До 1894 г. въ бельгійскомъ парламентѣ не было ни одного соціалиста, но новый

[1]) Т. V, стр. 774.

избирательный законъ тотчасъ же обнаружилъ свое дѣйствіе тѣмъ, что въ палату было сразу же выбрано 29 соціалистовъ и среди нихъ глава партіи, Эмиль Вандервельдъ [1]). Въ соединеніи съ либералами-прогрессистами соціалисты стали требовать отмѣны плюральнаго вотума и введенія пропорціональнаго представительства. Конечно, католическое большинство, обязанное всѣмъ плюральному вотуму, всячески противилось проведенію въ жизнь принциповъ, которые могли бы его лишить преобладанія. Мало того, въ 1895 г. оно провело законъ, повысившій возрастъ избирателей на коммунальныхъ выборахъ съ 21 до 30 лѣтъ и пребываніе въ одной мѣстностп съ одного года до трехъ лѣтъ и сдѣлавшій возможнымъ соединять въ одномъ лицѣ четыре голоса [2]). Для предотвращенія изданія такого реакціоннаго закона соціалисты думали прибѣгнуть къ общей стачкѣ, но правительство заранѣе приняло противъ нея мѣры въ видѣ приготовленія къ вмѣшательству военной силы. Реакціонное настроеніе католическаго большинства выразилось и въ томъ, что закономъ 1895 г. было возстановлено религіозное преподаваніе въ начальныхъ школахъ, а вмѣстѣ съ этимъ отмѣнена безплатность обученія тѣхъ дѣтей, родители которыхъ въ состояніи за нихъ платить,—мѣра, имѣвшая цѣлью ослабить конкурренцію, какую общественная народная школа дѣлала школѣ конфессіональной, содержимой духовенствомъ.

Это хозяйничанье клерикаловъ не могло не вызывать общественныхъ протестовъ, которые особенно усилились послѣ того, какъ въ 1899 г., словно идя на встрѣчу общественному мнѣнію, клерикальное министерство предложило ввести пропорціональное представительство, составивъ, однако, такой законопроектъ, что, благодаря его дѣйствію, только еще болѣе усилились бы клерикалы. И въ самой палатѣ, и внѣ ея происходили по поводу этого законопроекта бурныя сцены, заставившія городскихъ головъ наиболѣе значительныхъ городовъ сдѣлать королю завленіе въ томъ смыслѣ, что они не могутъ ручаться за сохраненіе порядка, пока правительство будетъ настаивать на внесенномъ имъ въ палату законопроектѣ. Этотъ шагъ и вообще сильное броженіе во всей странѣ возымѣли свое дѣйствіе: министерство предложило ради всеобщаго успокоенія избрать коммиссію изъ членовъ различныхъ партій, которая занялась бы разсмотрѣніемъ какъ правительственнаго, такъ и другихъ проектовъ относи-

---

[1]) Въ 1894 г. за соціалистовъ было подано 334 т. голосовъ, въ 1898 г.—534 т. *Vandervelde* написалъ нѣсколько цѣнныхъ работъ, каковы двухтомная „Enquête sur les associations professionnelles d'artisans et d'ouvriers en Belgique“ (1892), „Le socialisme en Belgique“ (1898, въ сотрудничествѣ съ *J. Destrée*) и др. Нѣкоторыя его сочиненія переведены по-русски.

[2]) „Законъ четырехъ безстыдствъ“, какъ прозвали его соціалисты.

тельно реформы избирательнаго права. Предложеніе было принято, коммиссія избрана, но всѣ проекты, ей представленные, были ею отвергнуты. Министерство вышло въ отставку, а новое, во главѣ котораго сталъ Сметъ де-Найеръ, выработало законопроектъ, и бывшій затѣмъ принятымъ 70 голосами противъ 63 при 19 воздержаніяхъ отъ подачи голоса, причемъ было отвергнуто требованіе соціалистовъ отмѣнить множественную подачу голосовъ. Законъ 1899 г. признавалъ за каждой партіей, при полученіи ею установленнаго для каждаго округа количества голосовъ, право на представительство съ тѣмъ еще условіемъ, чтобы каждая партія выставляла лишь такое количество кандидатовъ, какое болѣе или менѣе вѣроятно могло бы пройти по бывшимъ примѣрамъ [1]). По новой системѣ выборы были произведены въ 1900 г. и дали 85 мѣстъ клерикаламъ, 34 мѣста либераламъ и христіанскимъ демократамъ и 33 соціалистамъ. Большинство все-таки осталось за клерикалами, которые въ 1902 г. еще разъ отвергли предложеніе объ отмѣнѣ множественности вотумовъ. На выборахъ 1902 г. соціалисты получили три лишнихъ мѣста, но и клерикалы усилились на шесть мѣстъ.

Нужно прибавить, что бельгійская рабочая партія, въ томъ видѣ, въ какомъ она стала играть политическую роль, образовалась только въ 1885 г., выработавъ окончательно свою программу лишь въ 1894 г. подъ сильнымъ, хотя и не безусловнымъ вліяніемъ марксизма. Вождь бельгійскихъ соціалистовъ, Вандервельдъ, характеризуетъ соціализмъ, имъ представляемый, какъ сліяніе англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ направленій. „У англичанъ,—говоритъ онъ, соціалистическая Бельгія заимствовала самопомощь, свободную ассоціацію, главнымъ образомъ въ формѣ коопераціи; у нѣмцевъ—политическую тактику и основныя ученія, изложенныя впервые въ Коммунистическомъ манифестѣ; у французовъ, наконецъ, — ихъ идеалистическія стремленія, ихъ интегральное пониманіе соціализма, разсматриваемаго, какъ продолженіе революціонной философіи, какъ новая религія, довершающая христіанство, заставляющая его низойти на землю въ лучезарномъ сіяніи небесъ“ [2]).—

Въ исторіи сосѣдней съ Бельгіей Голландіи, или въ Нидерландскомъ королевствѣ, какъ оно оффиціально называется, тоже могутъ

---

[1]) Наприм., Брюссель высылалъ 18 депутатовъ, и если бы было за нихъ подано 180 т. голосовъ, то партія, которая собрала бы десять тысячъ голосовъ, имѣла бы одного депутата, двадцать тысячъ голосовъ—двухъ, тридцать тысячъ — трехъ и т. д. Сколько какая партія могла бы выставить кандидатовъ, это рѣшается статистикой предыдущихъ выборовъ.

[2]) Отмѣтимъ еще, что въ 1898 г. былъ изданъ законъ о полной равноправности фламандскаго языка съ французскимъ.

быть отмѣчены нѣкоторые важные моменты, стоящіе въ связи съ общимъ движеніемъ эпохи и потому дополняющіе общую картину исторіи послѣдней трети XIX в. новыми штрихами [1]).

До 1866 г. между этимъ королевствомъ и Германіей существовала извѣстная связь, ибо не только Люксембургъ, связанный съ нимъ чисто личною уніей, но и Лимбургская провинція самого королевства входили въ составъ Германскаго союза [2]), что, впрочемъ, имѣло чисто формальное значеніе, такъ какъ обѣ названныя области не обнаруживали ни малѣйшаго тяготѣнія къ Германіи. Распаденіе Германскаго союза въ 1866 г. повлекло за собою прекращеніе этой призрачной связи [3]), а въ слѣдующемъ году очень много заставило о себѣ говорить намѣреніе голландскаго короля продать Франціи Люксембургское герцогство. Тогда этой сдѣлкѣ помѣшалъ Бисмаркъ [4]), и на лондонской конференціи было рѣшено объявить Люксембургъ нейтральной территоріей. Такъ онъ и остался въ соединеніи съ Голландіей—до 1890 г., когда по смерти нидерландскаго короля Вильгельма II его дочь, сдѣлавшаяся королевою въ Голландіи, не могла ему наслѣдовать въ Люксембургѣ, конституція котораго не признавала наслѣдственнаго права за женщинами. Люксембургъ достался тогда ближайшему родственнику покойнаго короля, бывшему нассаускому герцогу Адольфу, лишенному своихъ владѣній Пруссіей въ 1866 г. [5]).

До превращенія Германскаго союза въ имперію голландцы по старой памяти о политическомъ безсиліи нѣмцевъ и о сравнительной ихъ бѣдности привыкли смотрѣть на нихъ до нѣкоторой степени свысока, но когда нѣмцы образовали по сосѣдству съ Голландіей могущественную имперію, это чувство смѣнилось боязнью за національную независимость, такъ какъ въ числѣ разныхъ завоевательныхъ намѣреній, которыя приписывались вновь основанной имперіи [6]), какъ думали, былъ планъ и Бисмарка овладѣть Голландіей съ ея богатыми

---

[1]) Литература на голландскомъ языкѣ указана, вмѣстѣ съ литературой по исторіи Бельгіи, у *Лависса и Рамбо*, у *Сеньобоса* (гдѣ указаны и русскія статьи; см. выше, стр. 381), а также и въ кн. *Лозинскаго*, указанной на стр. 381.

[2]) Т. IV, стр. 241 и 346 и т. VI, ч. 1, стр. 226.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 227.

[4]) Т. V, стр. 660 и 734 и т. VI, ч. 1, стр. 84.

[5]) Въ этомъ маленькомъ государствѣ въ концѣ XIX в. числилось 220 т. жителей, говорящихъ въ большинствѣ по-нѣмецки, хотя оффиціальный языкъ герцогства французскій. Съ Германіей его связываетъ еще то обстоятельство, что съ 1843 г. Люксембургъ состоитъ въ таможенномъ союзѣ, а кромѣ того, желѣзныя дороги въ немъ принадлежатъ германской компаніи. О конституціи Люксембурга *Eyschen*. Das Staatsrecht des Gross-Herzogthums Luxemburg (1890; въ коллекціи Marquardsen'а).

[6]) См. т. VI, ч. 1, стр. 118.

колоніями, что̀ еще болѣе усилило бы Германію. Однимъ изъ слѣдствій опасенія лишиться независимости было стремленіе реформировать военный строй королевства, какъ это происходило въ семидесятыхъ годахъ почти повсемѣстно подъ вліяніемъ германскихъ побѣдъ. Подобно Англіи, Голландія до середины XIX в. въ дѣлѣ комплектованія своей арміи держалась устарѣлой системы вербовки, и только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ съ этою системою была соединена другая—жеребьевка съ правомъ для тѣхъ, которые по жребію должны были идти въ военную службу, замѣщать себя другими лицами, что̀ было, конечно, выгодно для буржуазіи. Послѣ 1870 г. подъ вліяніемъ упомянутаго опасенія нѣкоторые политическіе дѣятели стали предлагать введеніе въ Голландіи прусской военной организаціи, какъ образцовой, но буржуазія, господствовавшая въ народномъ представительствѣ, не допустила совершиться такой реформѣ,—очень рѣдкій случай того, что въ концѣ концовъ въ извѣстномъ государствѣ не пошли по дорогѣ развитія военныхъ силъ въ направленіи, которое было показано побѣдоносной Пруссіей. (Другой примѣръ исключенія изъ общаго правила—Англія). Во всякомъ случаѣ, военная реформа и въ Голландіи была однимъ изъ важныхъ вопросовъ внутренней политики.

Другими вопросами, какъ и въ сосѣдней Бельгіи, — да и въ иныхъ мѣстахъ тоже въ этотъ историческій періодъ,—были для Голландіи вопросъ католическій (собственно школьный) и вопросъ объ избирательной реформѣ. Въ составѣ населенія Нидерландскаго королевства имѣются и католики, больше всего на югѣ, по сосѣдству съ Бельгіей, и здѣсь, въ областяхъ съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ, духовенство пользовалось такимъ же громаднымъ вліяніемъ, какъ и въ Бельгіи. Совершенно такъ же, какъ и въ ней, духовенство въ Голландіи даже сплачивало свою паству въ настоящую политическую партію, хорошо дисциплинированную и послушную. Различіе съ Бельгіей состояло только въ томъ, что въ протестантской Голландіи католическая партія никогда не могла расчитывать на полученіе большинства въ генеральныхъ штатахъ, т.-е. въ народномъ представительствѣ и, слѣдовательно, не могла стать и у власти. Наоборотъ, католикамъ приходилось здѣсь нерѣдко вести оборонительную войну противъ нѣкоторыхъ мѣропріятій, исходившихъ отъ кальвинистическихъ властей, проводившихъ въ жизнь свои вѣроисповѣдныя стремленія. Въ случаяхъ подобнаго рода нидерландскіе католики находили защиту у либераловъ, стоявшихъ за религіозную свободу и тѣмъ самымъ за вѣроисповѣдныя права своихъ католическихъ согражданъ. Когда, однако, либералы, въ концѣ пятидесятыхъ еще годовъ, провели въ генеральныхъ штатахъ законъ объ общинныхъ школахъ безъ всякой конфессіональной окраски, католики и ортодо-

ксальные протестанты стали устраивать частныя школы чисто конфессіональнаго характера, и, какъ позднѣе въ Бельгіи, эти школы, находившіяся подъ церковнымъ патронатомъ, успѣшно конкуррировали со свѣтскими, существовавшими на основаніи государственнаго закона. Такъ какъ послѣдній давалъ общинамъ право содержать школы на свой счетъ и выбирать для нихъ учителей, то общины съ католическимъ населеніемъ легко придавали своимъ школамъ совершенно католическій характеръ. На почвѣ школьнаго закона католики стали дѣйствовать заодно съ правовѣрными протестантами, чтобы добиться отмѣны школьнаго закона. Совершенно такъ же, какъ позднѣе въ Бельгіи, духовенство всячески стремилось воздѣйствовать на родителей, убѣждая ихъ не отдавать дѣтей въ свѣтскія школы и даже совѣтуя скорѣе оставлять дѣтей безграмотными, чѣмъ позволять имъ учиться въ этихъ школахъ. Самый ихъ нейтралитетъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи ставился при этомъ на видъ, какъ самая дурная аттестація для даваемаго въ нихъ образованія. Эти нападки на государственную школу особенно усилились въ эпоху всеобщаго подъема католическихъ чувствъ послѣ ватиканскаго собора и отнятія у папы свѣтской власти. Но въ Голландіи католической партіи было трудно добиваться такихъ успѣховъ, какіе выпадали на ея долю въ Бельгіи, тѣмъ болѣе, что большинство въ народномъ представительствѣ постоянно было либеральное, и изъ либераловъ равнымъ образомъ большею частью состояли и министерства. Почти всѣ семидесятые годы прошли въ попыткахъ католиковъ какъ-нибудь добиться своей цѣли, но въ 1878 г. правительство положило конецъ ихъ домогательствамъ, издавъ новый школьный законъ на тѣхъ же началахъ конфессіональной нейтральности и съ ассигнованіемъ изъ государственной казны бо̀льшихъ средствъ въ помощь общинамъ. Можно даже сказать, что бельгійскіе либералы въ своемъ школьномъ законодательствѣ лишь повторяли многое изъ того, что̀ раньше ихъ дѣлалось либералами голландскими.

Силу либеральной партіи, господствовавшей въ обѣихъ палатахъ нидерландскаго парламента, составляла буржуазія различныхъ ранговъ. Среди либераловъ существовало, однако, два оттѣнка—консервативный и прогрессивный, и, между прочимъ, предметомъ разногласія между ними сдѣлался вопросъ объ избирательной реформѣ. По избирательному закону 1848 г. въ Голландіи существовалъ высокій и притомъ неравномѣрный для различныхъ мѣстностей (какъ въ Бельгіи по конституціи 1831 г.) цензъ,—гдѣ въ 20 гульденовъ, а гдѣ и въ 160—съ промежуточными между ними цифрами. Либералы-прогрессисты поставили на очередь вопросъ объ измѣненіи этой системы еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, но и правительство сначала

очень долго противилось этому, да и несогласіе болѣе консервативныхъ партій тормазило дѣло. И здѣсь, какъ и въ Бельгіи, одни отстаивали statum quo, другіе готовы были дать избирательныя права всѣмъ грамотнымъ жителямъ, тогда какъ иные не шли далѣе лишь извѣстнаго пониженія ценза, иные же стояли прямо за введеніе всеобщаго голосованія. Годами, когда этотъ вопросъ рѣшался, были 1884—87; въ это время стала заявлять о своемъ существованіи и въ Голландіи небольшая, но очень энергичная соціалистическая партія, пропагандировавшая свои требованія среди промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Ея вождь, бывшій пасторъ Домела Ньювенгюйсъ, послѣ того, какъ была проведена избирательная реформа, попалъ въ нижнюю палату, какъ первый въ ней соціалистъ. Что касается до самой избирательной реформы, то она произошла въ 1887 г., слѣдовательно, раньше, нежели въ Бельгіи, гдѣ нѣкоторые даже не прочь были послѣдовать голландскому образцу, но сравнительно съ бельгійскою реформою голландская является гораздо болѣе консервативною, такъ какъ ею не вводилось всеобщаго избирательнаго права, а только понижался цензъ съ 20 гульденовъ поземельнаго налога на 10 гульденовъ, и кромѣ того, созданы были новыя категоріи, во-первыхъ, избирателей изъ домовладѣльцевъ и квартиронанимателей по англійскому образцу (что̀ вмѣстѣ повышало число избирателей съ 140 т. до 300 т.), а во-вторыхъ, изъ людей, „обладающихъ признаками способности или годности и матеріальнымъ благосостояніемъ". Послѣдняя категорія была довольно-таки неопредѣленною, да и принята была соотвѣтствующая статья только въ принципѣ, который требовалъ еще болѣе конкретнаго истолкованія. Клерикальное министерство, бывшее у власти отъ 1888 до 1895 г., отложило рѣшеніе вопроса о томъ, что̀ же слѣдуетъ понимать подъ неопредѣленной формулой новаго закона, но когда образовалось либеральное министерство, одинъ изъ его членовъ, Такъ фонъ-Поортфлитъ, предложилъ истолковать первый признакъ (способность или годность) умѣніемъ писать, а второй (благосостояніе) фактомъ непользованія въ теченіе года помощью отъ учрежденій общественной благотворительности. Предполагалось, что при принятіи такого толкованія число избирателей поднялось бы съ 300 т. до 800 т. По поводу этого проекта произошла въ Голландіи настоящая перетасовка прежнихъ партій. Теперь образовалось два враждебныхъ лагеря: „такистовъ" и „антитакистовъ", сторонниковъ и противниковъ проекта министра Така. Либеральный составъ палаты послѣ выборовъ 1891 г., какъ оказалось, не гарантировалъ принятія проекта Така, который и не былъ одобренъ палатою. Послѣдняя была распущена, и новые выборы превратились въ борьбу такистовъ съ антитакистами, въ которой партіи совершенно спутались. Результаты выборовъ для

проекта Така оказались неблагопріятными: такистовъ выбрано было 46, антитакистовъ 54. Новое министерство провело въ 1896 г. законъ, которымъ избирательное право давалось всѣмъ голландцамъ, достигшимъ 25-лѣтняго возраста и удовлетворяющимъ одному изъ слѣдующихъ условій: платежъ прямого налога, хотя бы въ одинъ гульденъ съ земли, владѣніе домомъ или наемъ квартиры, личный заработокъ извѣстнаго размѣра въ теченіе опредѣленнаго количества лѣтъ, обладаніе книжкою сберегательной кассы съ записью въ ней не менѣе 50 гульденовъ. Благодаря этой реформѣ, число избирателей въ Голландіи поднялось до 700 тысячъ. Первые же выборы по этому закону были очень благопріятны для либераловъ.

На этихъ же выборахъ нѣкоторый успѣхъ имѣли и соціалисты. Первымъ изъ нихъ прошелъ въ палату, какъ мы видѣли, Ньювенгюйсъ еще въ 1888 г., но въ 1891 г. буржуазныя партіи употребили всѣ усилія, чтобы помѣшать его избранію, и онъ переизбранъ не былъ, что произвело сильное впечатлѣніе на партію. Уже раньше голландскіе соціалисты были не прочь прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ,—что въ 1886 г. даже привело къ одному столкновенію съ войскомъ, кончившемуся смертью 35 манифестантовъ (при 90 лицахъ, получившихъ увѣчья и раны),—теперь же, послѣ забаллотировки Ньювенгюйса въ партіи стали особенно сильно раздаваться голоса о необходимости насильственнаго переворота. Это повело къ роспуску партіи правительствомъ, но она возродилась подъ новымъ названіемъ, часть же соціалистовъ рѣшила добиваться возможности участвовать въ политической жизни посредствомъ парламентскихъ выборовъ и съ этою цѣлью организовала соціалъ-демократическую рабочую партію по германскому образцу. На выборахъ 1897 г. два вождя этой новой партіи были избраны въ палату, а кромѣ того былъ выбранъ и одинъ соціалистъ-революціонеръ. Въ 1897 г. соціалъ-демократы собрали съ небольшимъ 13 т. голосовъ, а въ 1900 — уже болѣе 38 т. Соотвѣтственно съ этимъ постепенно падало число приверженцевъ Ньювенгюйса.—

Въ исторіи Даніи мы остановились [1]),—разсматривая западноевропейскія отношенія конца шестидесятыхъ годовъ,—на конституціи 1866 г., которая была введена послѣ того, какъ монархія лишилась герцогствъ, отнятыхъ у нея Австріей и Пруссіей. Война съ ними въ 1864 г. и ея результатъ создали въ Даніи крайне враждебное отно-

---

[1]) Для предыдущей исторіи Даніи см. стр. 26—28 первой части VI тома. *C. Goos und H. Hansen.* Das Staatsrecht des Königreichs Dänemark (1889).— *E. Helms.* Die sozial-demokratische und gewerkschaftliche Bewegung in Dänemark (1907). — Кромѣ того, обращаемъ вниманіе на статью *проф. И. В. Лучицкаго* въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза-Ефрона.

шеніе къ нѣмцамъ. Объединеніе Германіи затѣмъ встревожило датчанъ въ виду тѣхъ слуховъ, какіе вообще стали ходить о дальнѣйшихъ планахъ Бисмарка [1]), не говоря уже о томъ, что единая Германія на берегахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей оттѣсняла Данію на второй планъ, какъ морское государство. Нѣкоторое время датчане еще питали слабую надежду на то, что рано или поздно будетъ исполненъ параграфъ 5 вѣнскаго мира, по которому, въ случаѣ выраженнаго народнымъ голосованіемъ желанія сѣверной части Шлезвига присоединиться къ Даніи, область эта будетъ ей возвращена [2]) и по этому поводу велись въ 1867—68 г. переговоры, но они ни къ чему не привели, такъ какъ у Пруссіи не было серьезнаго намѣренія уступить эту территорію Даніи и условія, ставившіяся съ прусской стороны относительно огражденія правъ нѣмецкаго элемента въ Сѣверномъ Шлезвигѣ, казались Даніи непріемлемыми. Цѣлыя десять лѣтъ вопросъ этотъ продолжалъ волновать датчанъ, но въ 1878 г. между Австріей и Пруссіей состоялось соглашеніе, которымъ указанный параграфъ отмѣнялся. Датская агитація и послѣ этого не ослабѣвала въ Сѣверномъ Шлезвигѣ, и оттуда въ германскій рейхстагъ постоянно выбирался одинъ протестующій депутатъ, еще болѣе націоналистически настроенный, чѣмъ его соплеменники въ самой датской монархіи. Датчанъ крайне раздражали репрессивныя мѣры прусскаго правительста по отношенію ко всякимъ оказательствамъ датскихъ симпатій въ присоединенной области, въ родѣ пѣнія датскихъ патріотическихъ пѣсенъ или употребленія датскихъ національныхъ цвѣтовъ, даже на обложкахъ книгъ. На датскій дворъ въ Европѣ даже смотрѣли, какъ на средоточіе всѣхъ враждебныхъ Германіи настроеній и стремленій, и съ этой точки зрѣнія большое политическое значеніе приписывали выходу замужъ двухъ датскихъ принцессъ за наслѣдниковъ русскаго и англійскаго престоловъ, а третьей, позднѣе, за герцога Кумберландскаго, не желавшаго отказываться отъ своихъ правъ на ганноверскій престолъ [3]). Притомъ одинъ изъ сыновей датскаго короля царствовалъ въ Греціи. Понятно, что въ 1870—71 г. сочувствіе датчанъ было на сторонѣ французовъ, и датское правительство готово было бы примкнуть къ Франціи, которой, впрочемъ, неоффиціально съ датской стороны и оказывалась посильная помощь на Нѣмецкомъ морѣ (именно французскому флоту). Въ концѣ XIX в. большую конкурренцію датскому мореплаванію сталъ дѣлать морской каналъ, устроенный Германіей между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ мо-

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 118.

[2]) Т. V, стр. 729.

[3]) См. выше, стр. 82.

рями [1]), что тоже немало поддерживало нерасположеніе датчанъ къ своей могущественной сосѣдкѣ.

На матеріальномъ благосостояніи Даніи все это, впрочемъ, не отозвалось. Земледѣліе, скотоводство, обрабатывающая промышленность, желѣзнодорожное дѣло, мореплаваніе, торговля, постоянно прогрессировали за всѣ послѣднія десятилѣтія XIX в., и столица королевства выросла въ большой городъ съ населеніемъ свыше 300 т. жителей (въ 1890 г.), что для общаго населенія страны въ два милліона съ небольшимъ составляетъ громадную цифру. Конечно, въ виду германской опасности немало изъ государственныхъ средствъ было потрачено на усиленіе арміи и флота, и бюджетъ сдѣлался даже чуть не главнымъ предметомъ политической борьбы въ Даніи. Дѣло заключалось вотъ въ чемъ.

Со времени шлезвигъ-гольштейнскаго дѣла во главѣ управленія стояли либералы, которые наиболѣе проявили патріотизма и энергіи во время конфликта изъ-за герцогствъ, а потомъ обратили особое вниманіе на усиленіе арміи и флота, пользуясь при этомъ расположеніемъ короля, придворныхъ сферъ, бюрократіи, зажиточныхъ классовъ и вообще населенія столицы, пока въ ней не стала формироваться соціалъ-демократія. Противъ господствующей партіи образовалась оппозиція, въ которой видную роль играли „друзья крестьянъ" [2]), что способствовало только сильному поправѣнію либераловъ. Оппозиція нападала особенно на ростъ государственнаго бюджета, находя непомѣрными траты на армію и бюрократію, и такъ какъ эта оппозиція сама численно росла, то въ 1870 г., благодаря союзу умѣренной и радикальной демократіи, бюджетъ былъ народнымъ представительствомъ отвергнутъ, и министерство вышло въ отставку; только новому удалось уладить дѣло. Затѣмъ въ 1873 г. повторилось то же самое: бюджетъ не былъ утвержденъ, и министерству при этомъ формально было выражено недовѣріе. Палата на этотъ разъ была распущена, но оппозиція побѣдила на выборахъ и въ новой палатѣ предъявила требованія въ духѣ парламентаризма по образцу Англіи, Бельгіи, Франціи. Король (Христіанъ IX) съ такимъ толкованіемъ дѣйствующей конституціи не соглашался, защищая ту точку зрѣнія, что министерству достаточно имѣть поддержку одной верхней палаты, что эта послѣдняя по своимъ правамъ вполнѣ равна нижней и что вообще во всѣхъ важныхъ дѣлахъ требуется взаимное соглашеніе королевской власти и обѣихъ палатъ, т.-е. ту точку зрѣнія, которая діаметрально противоположна парламентаризму и особенно охотно поддер-

---

[1]) См. выше, стр. 110—111.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 27.

живалась прусскими государственными людьми школы Бисмарка и правовѣрными государствовѣдами въ родѣ Борнгака [1]). Начался конституціонный конфликтъ, какой былъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ въ Пруссіи, но болѣе еще рѣзкій и затяжной. Палату распускали, но новые выборы опять давали большинство оппозиціи, а министерство и не думало подавать въ отставку; палата снова отказывалась утвердить бюджетъ, какъ представленный министерствомъ, не пользующимся ея довѣріемъ и слишкомъ много требующимъ средствъ на вооруженія и фортификаціи, но бюджетъ утверждался верхнею палатою, и всѣ протесты оппозиціи ни къ чему не приводили. Въ то время, такимъ образомъ, когда фолькстингъ былъ въ постоянной оппозиціи правительству, ландтингъ стоялъ на его сторонѣ. Это обстоятельство мѣшало оппозиціи свалить министерство, предавъ его суду за нарушеніе конституціи, такъ какъ судить должна была бы верхняя палата, поддерживавшая министерство и считавшая себя въ правѣ утверждать бюджетъ для того, чтобы потомъ министерство пользовалось имъ, какъ временнымъ закономъ. Датская конституція заключала себѣ одинъ параграфъ, который мы находимъ и въ другихъ монархическихъ конституціяхъ, — стоитъ только вспомнить соотвѣтственныя статьи французской хартіи 1814 г. [2]) или нынѣ дѣйствующей австрійской конституціи [3]), — параграфъ, дающій королю право въ случаяхъ крайней необходимости, если народное представительство не въ сборѣ, издавать временные законы, которые, правда, потомъ все-таки должны были поступать въ палаты. Къ такому способу превращенія бюджета во временный законъ правительство стало прибѣгать не сразу, и въ этомъ дѣлѣ потомъ помогло ему то обстоятельство, что болѣе умѣренное крыло оппозиціи проявляло въ данномъ случаѣ уступчивость. Выборы 1884 г., когда уже пошелъ второй десятокъ лѣтъ съ начала конфликта, дали рѣшительное большинство въ фолькстингѣ болѣе радикальной группѣ оппозиціи и даже три мѣста соціалистамъ отъ столицы королевства. Эта палата не шла уже ни на какія сдѣлки и прямо заявила, что не намѣрена безплодно тратить время на какіе бы то ни было переговоры съ министерствомъ, не пользующимся ни малѣйшимъ довѣріемъ съ ея стороны. И безъ того затянувшійся конфликтъ теперь обострился до послѣдней степени, такъ какъ палата отказывалась отъ утвержденія бюджетовъ и на основаніи временныхъ

---

[1]) Борнгакъ—авторъ соч. по прусскому государственному праву въ строго монархическомъ духѣ. Ср. т. VI, ч. 1. стр. 19, прим.

[2]) Т. IV, стр. 387. Извѣстно, какое злоупотребленіе сдѣлалъ изъ этой статьи Карлъ X. Т. V, стр. 37.

[3]) См. выше, стр. 13. О томъ, какъ Францъ-Іосифъ пользовался этою статьею, см. выше, стр. 312, 315, 316—317 и др.

законовъ, а министерство продолжало увеличивать расходы на военныя надобности и стало, опять-таки пользуясь временными законами и нерѣдко вынужденнымъ согласіемъ верхней палаты, прибѣгать къ стѣсненію свободы прессы и собраній и къ увеличенію полицейскихъ штатовъ, къ судебнымъ преслѣдованіямъ, отъ которыхъ пострадалъ и главный вождь оппозиціи, Бергъ, какъ подстрекатель къ бунту.

Во время этого конфликта, затянувшагося на цѣлое двадцатилѣтіе, въ Даніи произошла значительная переформировка партій. Въ 1878 г. организовалась соціалистическая партія, которой удалось провести первыхъ своихъ представителей въ 1884 г. въ фолькстингъ, гдѣ она начала требовать введенія всеобщей подачи голосовъ и реформъ въ духѣ соціальнаго законодательства. Близко къ ней по своимъ взглядамъ стала подходить выдѣлившаяся изъ прежней демократической партіи группа подъ руководствомъ видныхъ датскихъ писателей, между прочимъ, Брандеса [1]), получившая названіе „литературной лѣвой“ въ отличіе отъ старой крестьянской, такъ называемой „датской лѣвой“. Кромѣ умѣренной лѣвой, въ оппозиціи послѣ такого разслоенія было три отдѣльныхъ партіи, расходившихся между собою и по вопросамъ тактики, что̀ ослабляло силы оппозиціи. Въ 1888 г. на съѣздѣ оппозиціонныхъ партій было рѣшено добиться отъ правительства амнистіи и отмѣны репрессивныхъ мѣръ, установленныхъ временными законами 1885 г., такъ какъ большинство разочаровалось въ цѣлесообразности обструкціонной тактики. Вступили въ переговоры съ министерствомъ, амнистія была дана, исключительныя мѣропріятія отмѣнены. Въ палатѣ 1892 г. большинство уже не принадлежало демократической лѣвой. Конфликтъ закончился въ 1894 г., когда наконецъ были утверждены правильнымъ порядкомъ бюджетъ и военные законы. Послѣ этого боевое министерство вышло въ отставку, и глава его, Эструпъ, получилъ отъ короля особую благодарность, потому что въ концѣ концовъ побѣда была на сторонѣ правительства. Послѣднему нельзя было бы, при всей неконституціонности его дѣйствій, даже его противникамъ не поставить въ заслугу то, что̀ оно умѣло устраивало финансовое благополучіе страны, не только избѣгая дефицитовъ и, наоборотъ, большею частью получая остатки, но и уменьшая постепенно государственный долгъ, который послѣ войны 1864 г. возросъ до 380 милліоновъ, а къ началу послѣдняго десятилѣтія XIX в., за двадцать пять лѣтъ между 1866 и 1891 гг., уменьшился на цѣлую треть—до 250 милліоновъ.

Послѣ прекращенія въ 1894 г. тягостнаго конфликта новое министерство [2]), выступившее съ примирительнымъ заявленіемъ и

[1]) Младшаго брата извѣстнаго критика и историка литературы.
[2]) Во главѣ его̀ стоялъ Reedtz Thott.

старавшееся избѣгать новыхъ конфликтовъ, продержалось у власти до конца 1899 г., когда вышло въ отставку изъ-за разногласій между обѣими палатами все по поводу того же бюджета.

Борьба правительства съ народнымъ представительствомъ не ограничивалась самою Даніей, но велась правительствомъ и въ Исландіи, гдѣ въ 1874 г. было впервые введено представительное правленіе и гдѣ палата, избиравшаяся на пять шестыхъ своего состава въ 36 человѣкъ всеобщею подачею голосовъ (шестеро назначались королемъ), настойчиво требовала отдѣльныхъ отъ Даніи администраціи и финансовъ. Этого Исландія послѣ долгой борьбы съ правительствомъ добилась только въ 1893 г. съ новой конституціей, введшей въ странѣ, впрочемъ, двухпалатную систему [1]).—

Швеція [2]) была гораздо менѣе, нежели Данія, затронута совершившимся къ началу разсматриваемаго періода объединеніемъ Германіи. Здѣсь въ 1864 г. проявилось сильное антинѣмецкое теченіе, выразившееся, между прочимъ, въ томъ, что въ Данію отправилось тогда немало шведскихъ добровольцевъ съ цѣлью помочь родственной націи въ ея борьбѣ съ сильнѣйшими ея противниками. Не было также недостатка въ данофильскихъ манифестаціяхъ, и даже былъ вотированъ народнымъ представительствомъ спеціальный кредитъ на вооруженія. Прусская побѣда еще 1866 г. и передъ шведскимъ правительствомъ выдвинула вопросъ о развитіи военныхъ силъ, а событія 1870—71 гг. окончательно утвердили правительство въ мысли о необходимости усиленія арміи и флота. Совершенно такъ же, какъ въ Даніи, военный вопросъ сдѣлался и въ Швеціи предметомъ внутренней политической борьбы.

Король Карлъ XV, царствовавшій съ 1859 по 1872 г., стремился преобразовать армію по прусскому образцу и создать сильный

---

[1]) Въ исландской верхней палатѣ засѣдаютъ 6 членовъ по королевскому назначенію и 6 по выбору нижней палаты.

[2]) Для предыдущей исторіи Швеціи см. стр. 25—26 первой части VI тома. Изъ литературы отмѣтимъ: *Э. Реклю.* Швеція и Норвегія (1896; съ приложеніемъ очерка государственнаго устройства). — *T. H. Aschehong.* Das Staatsrecht der vereinigten Königreiche Schweden und Norwegen (1889). — *Дымша.* Государственное право Швеціи (1901). — *Э. Берендтсъ.* Государственное хозяйство Швеціи (1882 и 1884). — Больше можно указать по исторіи Норвегіи: *Boyssen.* The history of Norway (1886). — *P. Dareste.* La dernière crise politique en Norvège („Revue de deux mondes“ la 1884).—*Fr. Nansen.* La Norvège et l'union avec la Suède (1905; франц. пер.).—*R. Waultrin.* Un siècle d'union suèdo-norvégienne et la fondation du royaume de Norvège (Annales des sciences politiques за 1906 г.).—*A. Mohn.* La Suède et la révolution norvégienne (1906).—*R. Claparède.* La Norvège indépendante (1906). — *О. Рудченко.* Современная Норвегія и страничка изъ ея исторіи („Рус. Мысль“ за 1908 г., іюль).

военный флотъ, на что̀ требовались большія средства, и въ этомъ отношеніи находилъ поддержку въ консервативной партіи, къ которой принадлежали королевскій дворъ, аристократія, чиновничій классъ, вообще образованные слои общества (партія интеллигенціи). Но противъ правительственныхъ плановъ энергично выступала демократическая партія, или, какъ ее называли, партія деревень, въ которой большинство принадлежало крестьянской массѣ. И здѣсь, слѣдовательно, въ общемъ были такія же отношенія между общественными классами и политическими партіями, какъ и въ Даніи. Нужно вспомнить, что какъ-разъ передъ началомъ разсматриваемаго періода Швеція измѣнила свою прежнюю, средневѣковую, сословно-представительную конституцію въ конституцію новаго, народно-представительнаго типа [1]), но съ избирательнымъ цензомъ безъ малѣйшаго намека на парламентаризмъ. Новая конституція была введена въ 1866 г., а въ слѣдующемъ году риксдагомъ уже былъ отвергнутъ правительственный законопроектъ о военной реформѣ по прусскому образцу, такъ какъ оппозиція находила сопряженные съ этимъ расходы слишкомъ обременительными и ненужными, разъ никто извнѣ не грозитъ и не станетъ грозить Швеціи, и считала болѣе полезною реорганизацію арміи на манеръ народной милиціи, какъ въ Швейцаріи, что̀ было бы гораздо дешевле. Съ 1871 г., послѣ франко-германской войны, правительство опять начало предлагать военную реформу, но столь же неуспѣшно. Въ это время умеръ Карлъ V, и шведскій престолъ перешелъ къ его брату Оскару II, царствованіе котораго наполняетъ весь послѣдующій періодъ [2]), но и при немъ продолжалось то же самое. Только шведскій монархъ въ этомъ спорѣ оказался болѣе уступчивымъ, чѣмъ датскій,—не обострялъ его до конституціоннаго конфликта и даже включалъ въ составъ министерства умѣренныхъ представителей крестьянской партіи.

Къ восьмидесятымъ годамъ жизнь поставила въ Швеціи на очередь новые вопросы и образовала новыя партійныя группировки. Во-первыхъ, среди городского населенія стали распространяться демократическія идеи, и рядомъ съ прежнею демократическою партіей начала формироваться новая, требованія которой шли гораздо дальше. Она получила настолько важное значеніе, что въ 1884 г. въ столицѣ государства консерваторы вышли изъ выборовъ побѣжденными. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого возникла въ Швеціи и соціалистическая партія, организованная по германскому образцу. Такъ какъ она была не въ состояніи проводить своихъ собственныхъ кандидатовъ на законо-

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 25—26.

[2]) Онъ умеръ только въ началѣ XX в. (1907).

дательныхъ выборахъ, то вошла въ союзъ съ демократами, чтобы вмѣстѣ добиваться всеобщаго избирательнаго права. Правительство и правящіе классы были встревожены возникновеніемъ соціалистической партіи и, воспользовавшись нѣкоторыми рѣзкостями партійнаго органа, предало суду его редакцію по обвиненію въ богохульствѣ и оскорбленіи величества, за что вся редакція была посажена въ тюрьму. Часть крестьянской партіи тоже отрицательно отнеслась къ соціалистической программѣ и къ союзу съ соціалистами, въ силу котораго въ 1893 г. обѣими партіями былъ устроенъ политическій съѣздъ, подавшій королю адресъ о необходимости введенія въ Швеціи всеобщаго избирательнаго права. Мало того, это требованіе послужило поводомъ для раскола въ демократической партіи, болѣе консервативное крыло которой прямо соединилось съ правою для противодѣйствія реформѣ, чѣмъ консервативная партія значительно была усилена и потому могла отвергать предложенія демократовъ. Опираясь на такое большинство, и правительство могло принимать свои мѣры противъ того, чему тоже сильно не сочувствовало. Въ 1894 г. оно даже добилось закона, сокращавшаго число депутатовъ.

Другимъ предметомъ спора въ Швеціи съ начала восьмидесятыхъ годовъ была экономическая политика. Несмотря на приливъ населенія къ городамъ, Швеція остается страною по преимуществу земледѣльческою, въ которой болѣе половины населенія занимается сельскимъ хозяйствомъ, и съ такимъ распредѣленіемъ поземельной собственности, что бо́льшая ея половина принадлежитъ крестьянству. Избытокъ населенія притомъ поглощался здѣсь больше эмиграціей за предѣлы страны, нежели обращеніемъ къ обрабатывающей промышленности. Интересы сельскихъ хозяевъ въ виду паденія хлѣбныхъ цѣнъ привели къ образованію въ этомъ классѣ партіи, которая начала агитировать въ пользу введенія охранительныхъ таможенныхъ пошлинъ, тогда какъ правительство продолжало стоять на точкѣ зрѣнія свободной торговли. Борьба по этому вопросу приняла въ восьмидесятыхъ годахъ страстный характеръ между приверженцами аграрнаго протекціонизма и свободы торговли. Число первыхъ постепенно возрастало, пока въ 1887 г. не возрасло до большинства въ палатѣ. Тогда министерство вышло въ отставку, и покровительственныя пошлины были введены. Впрочемъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ фритредеры опять были въ большинствѣ во второй палатѣ.

Отдѣльную сторону исторіи Швеціи со времени введенія въ ней конституціи 1866 г. составляли ея отношенія къ Норвегіи, игравшія громадную роль и во внутренней исторіи этой страны. Два родственные народа, шведы и норвежцы, не составляли одного государства, имѣя только общаго короля, да и то лишь съ начала XIX в. До

того времени Норвегія, когда-то бывшая отдѣльнымъ королевствомъ, входила въ составъ Датской монархіи, отъ которой была отторгнута въ 1814 г. и отдана шведскому королю. Послѣдній вынужденъ былъ однако, признать ее самостоятельной націей и согласиться на введеніе въ ней самой демократической конституціи, какая тогда только была въ Европѣ [1]). Общность установлена была для Швеціи и Норвегіи только по отношенію къ внѣшней политикѣ, т.-е. по отношенію къ дипломатіи и войнѣ. Учрежденія обѣихъ странъ покоились на рѣзко различавшихся между собою началахъ: въ Швеціи была сильная королевская власть и вліятельная аристократія, и даже конституція 1866 г. мало приблизила Швецію къ Норвегіи съ ея демократическимъ общественнымъ строемъ и крайне ограниченною по конституціи 1814 г. королевскою властью [2]). Норвежцы смотрѣли на своего короля, лишь изрѣдка наѣзжавшаго къ нимъ изъ Швеціи, какъ на чужеземца, и каждый разъ оппозиція предложеніямъ и требованіямъ его правительства разсматривалась норвежцами, какъ защита національныхъ достоинства, правъ и интересовъ. Первый же король изъ династіи Бернадоттовъ, вступившій на престолъ черезъ четыре года послѣ соединенія Норвегіи съ Швеціей, царствовавшій потомъ до 1844 г., Карлъ XIV, постоянно ссорился со своими норвежскими подданными, требуя, напр., такихъ измѣненій въ конституціи, которыя стортингомъ отвергались. Слѣдующіе два короля, Оскаръ I и Карлъ XV, наоборотъ, держались политики въ высшей степени миролюбивой, и въ ихъ царствованія норвежская свобода не только ничего не потеряла, но и выиграла даже—отъ признанія за Норвегіей права на особый національный флагъ, отъ расширенія правъ нелютеранъ, отъ замѣны, въ 1869 г., прежнихъ сессій стортинга по разу въ три года ежегодными. Въ 1866 г. въ Норвегіи произошла военная реформа на основѣ всеобщей воинской повинности (съ правомъ замѣстительства, отмѣненнымъ въ 1876 г.), но и въ новомъ своемъ видѣ норвежская армія была скорѣе похожа на земскую милицію съ короткими сроками отбыванія воинской повинности и съ подспорьемъ въ формѣ массы вольныхъ союзовъ стрѣлковъ. Общее правительство, однако, и въ этотъ періодъ было непрочь тѣснѣе связать оба королевства. Въ 1865—67 гг. были выработаны нѣкоторыя предложенія на счетъ условій уніи, но народныя представительства обоихъ государствъ ихъ отклонили въ 1871 г. Заключены были только монетная, почтовая и мореходная конвенціи (въ 1873 и 1874 гг.), къ которымъ примкнуло и третье скандинавское государство, Данія. Въ

---

[1]) Т. IV, стр. 166 и т. VI, ч. 1, стр. 26, прим. 1.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 25—26.

своихъ экономическихъ отношеніяхъ Норвегія за всю эту эпоху прогрессировала: за сорокъ лѣтъ между 1835 и 1875 гг. населеніе ея увеличилось въ полтора раза (съ 1.200.000 до 1.800.000), народъ богатѣлъ, торговый флотъ получилъ такое развитіе, что занялъ въ Европѣ четвертое мѣсто [1]), финансы процвѣтали, государственный долгъ былъ уплаченъ.

Благопріятныя отношенія между королемъ и Норвегіей продолжались только до царствованія Оскара II, который, какъ сказано было выше, вступилъ на престолъ въ 1872 г. Дѣло въ томъ, что стортингъ сталъ обнаруживать стремленіе ко введенію въ Норвегіи парламентаризма. Раньше норвежцы, конституція которыхъ была основана на французскомъ принципѣ раздѣленія властей, не допускали, чтобы члены государственнаго совѣта, т.-е. представители исполнительной власти, могли являться въ засѣданія стортинга, но еще въ серединѣ XIX в. въ стортингѣ прошло предложеніе,—не утвержденное, впрочемъ, Оскаромъ I,—которое дозволяло это присутствіе. Въ 1872 г. стортингъ вторично принялъ такой же законъ и уже съ явнымъ намѣреніемъ привести короля къ необходимости назначать представителей исполнительной власти изъ большинства народныхъ представителей. Дѣло касалось пересмотра конституціи, а онъ въ Норвегіи могъ происходить въ обыкновенномъ законодательномъ порядкѣ и съ согласія короля, хотя королевское *veto* могло лишь отсрочить приведеніе въ исполненіе непринятаго имъ рѣшенія стортинга. Оскаръ II соглашался на эту реформу, но подъ условіемъ, чтобы королю дано было право роспуска палатъ, существующее при парламентарномъ строѣ, въ противномъ же случаѣ онъ своего согласія не давалъ и утверждалъ, что конституціонныя измѣненія безъ соглашенія народнаго представительства съ королевскою властью не могутъ имѣть мѣста. Конституція, такимъ образомъ, понималась различно, и умолчаніе въ ней о томъ, какъ долженъ былъ совершаться ея пересмотръ, толковался различно: стортингъ приравнивалъ внесеніе измѣненія въ конституцію изданію обыкновеннаго закона, несогласіе короля съ которымъ теряетъ силу, разъ законъ прошелъ три раза съ трехлѣтними интервалами, а Оскаръ II стоялъ на томъ, что конституція, принятая по обоюдному соглашенію, и измѣняема быть можетъ не иначе, какъ по такому же соглашенію [2]). Три раза въ теченіе девяти лѣтъ (1872—80) стортингомъ принимался и трижды королемъ отвергался законъ о государственномъ совѣтѣ. Оскаръ II не отступалъ ни

---

[1]) Въ 1895 г. онъ доходилъ до 7.312 судовъ въ полтора милліона тоннъ.

[2]) Нѣкоторые историки считаютъ требованіе стортинга незакономѣрнымъ и признаютъ за королемъ абсолютное *veto* въ вопросахъ конституціонныхъ. *O. Kaemmel* (стр. 572 по изд. 1902 г.).

на іоту отъ своей точки зрѣнія, для которой онъ получилъ подтвержденіе отъ юридическаго факультета въ Христіаніи. Началась борьба, и обѣ стороны начали отказывать одна другой во всѣхъ требованіяхъ, не останавливаясь и передъ обостреніемъ внѣшнихъ формъ въ своихъ сношеніяхъ. Внутренній конфликтъ въ Норвегіи готовъ былъ разыграться и въ видѣ внѣшняго шведско-норвежскаго столкновенія. Шведы стали на сторону своего короля, и въ Стокгольмѣ поговаривали уже о чемъ-то въ родѣ военной экзекуціи, а норвежцы создали организацію для вооруженной защиты своей свободы. Дѣло до войны, впрочемъ, не дошло. Норвежцы избрали для выхода изъ создавшагося невозможнаго положенія, вполнѣ согласный съ конституціей. Одна палата (одельтингъ) могла обвинить передъ высшимъ судомъ изъ 9 членовъ верховнаго суда и 22 членовъ другой палаты (лагтинга) совѣтниковъ короны, дающихъ королю вредные для страны совѣты, и вотъ къ этому средству прибѣгъ стортингъ при первомъ же благопріятномъ для осужденія составѣ лагтинга. Въ 1884 г. составленный такимъ образомъ судъ нашелъ, что королевскіе совѣтники дѣйствительно виновны въ поступкахъ, вредныхъ для страны, и приговорилъ ихъ къ отрѣшенію отъ занимаемыхъ въ государственномъ совѣтѣ мѣстъ и даже къ денежнымъ штрафамъ. Министры не рѣшились послѣ этого оставаться въ своихъ должностяхъ и подали въ отставку, которую король не могъ теперь не принять. Попытка Оскара II назначить министерство изъ членовъ норвежской консервативной партіи не удалась вслѣдствіе того, что никто изъ консерваторовъ на это пойти не нашелъ для себя возможнымъ, и потому королю оставалось одно—обратиться къ вождю оппозиціи Свердрупу, занимавшему должность предсѣдателя стортинга. Вмѣстѣ съ этимъ король согласился на то, чтобы члены государственнаго совѣта принимали участіе въ засѣданіяхъ представительнаго собранія, а затѣмъ были удовлетворены и многія другія желанія, высказывавшіяся норвежской демократіей, каковы реформа выборовъ, введеніе суда присяжныхъ, еще большее приближеніе арміи къ типу народнаго ополченія и т. п. Благодаря такому исходу конфликта съ короною, Норвегія сразу превратилась въ парламентарную монархію съ политически отвѣтственнымъ передъ народными представителями министерствомъ и съ сохраненіемъ въ конституціи прежняго отсутствія права роспуска.

Во время этого конфликта съ короною оппозиція дѣйствовала замѣчательно единодушно; ее не раздѣляли и потомъ стоявшіе на очереди законодательные вопросы. Раздѣленіе среди побѣдителей началось, только когда затронуты были вопросы чисто культурнаго характера. Норвежская демократія была демократія крестьянская и отличалась свойственнымъ крестьянскому сословію культурнымъ кон-

серватизмомъ. Между тѣмъ конституція 1814 г обошла молчаніемъ религіозную свободу, и въ законодательство право существованія иновѣрныхъ общинъ и совершенія нелютеранскихъ культовъ было внесено лишь въ сороковыхъ годахъ, а общая религіозная свобода признана была только въ 1878 г. Норвежскій народъ былъ въ деревняхъ строго лютеранскій, и только въ городахъ начинало складываться болѣе свободное отношеніе къ лютеранской церкви и къ религіи вообще. Вождь оппозиціи, побѣдившей сопротивленіе короля, Свердрупъ оказался въ вопросахъ культурнаго свойства довольно-таки отсталымъ, чѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе въ рядахъ болѣе радикальной, городской демократіи, вождемъ которой сдѣлался знаменитый писатель Бьёрнстернъ-Бьёрнсонъ. Свое реакціонное настроеніе Свердрупъ, сдѣлавшись министромъ, проявилъ, наприм., въ томъ, что отказалъ въ пенсіи тоже извѣстному писателю Килланду, мотивируя свое рѣшеніе его религіознымъ вольномысліемъ. Уже одно это показывало свободомыслящей части норвежской демократіи, какой политики будетъ вообще держаться Свердрупъ; съ другой же стороны, „писательскую лѣвую" приверженцы старыхъ традицій обвиняли въ измѣнѣ національности, въ европеизмѣ, даже прямо называя эту партію „европейской". Разладъ между двумя демократическими партіями проявился съ наибольшею силою, когда Свердрупъ внесъ въ стортингъ реакціонный проектъ закона о приходскихъ совѣтахъ. Какъ и въ Англіи, приходъ въ Норвегіи является одновременно и административной единицей, т.-е. гражданской общиной, и церковною единицей, т.-е. общиной религіозною. Предложеніе Свердрупа заключалось въ томъ, чтобы вооружить приходскіе совѣты правомъ лишать избирательныхъ правъ всѣхъ мѣстныхъ жителой, не признающихъ авторитета церкви или ведущихъ порочную жизнь (1886). Новая лѣвая провалила этотъ законопроектъ и потребовала, чтобы предложившій его Свердрупъ вышелъ въ отставку. Министру, однако, не захотѣлось разставаться съ властью, и онъ сталъ искать поддержки у консерваторовъ и ссылаться на то, что господиномъ министерства является король. Все, достигнутое въ упорной борьбѣ съ Оскаромъ II, какъ бы шло на смарку къ великому удовольствію Стокгольма. Между тѣмъ демократы устроили съѣздъ въ Дронтгеймѣ, на которомъ, рядомъ съ требованіями относительно введенія всеобщаго голованія и строгаго соблюденія парламентаризма, было поставлено еще одно требованіе, получившее впослѣдствіи особое значеніе. Это было требованіе, направленное уже противъ уніи съ Швеціей, по крайней мѣрѣ, въ ея прежней формѣ, требованіе, чтобы Норвегія, имѣющая, благодаря развитію своей торговли, массу интересовъ за границей, могла назначать тамъ своихъ собственныхъ консуловъ отдѣльно отъ шведскихъ. Новая демократи-

ческая партія, однако, не имѣла большинства въ стортингѣ, и выборы 1889 г. ей этого большинства не дали. Впрочемъ, и самъ Свердрупъ не имѣлъ большинства, что заставило его наконецъ выйти въ отставку и позволило королю образовать министерство изъ консерваторовъ, бывшихъ, благодаря расколу среди демократовъ, самой значительной парламентской группой [1]).

Новое министерство, во главѣ котораго стоялъ Стангъ, было боевымъ и притомъ шведоманскимъ [2]). Демократическая оппозиція вслѣдствіе этого приняла теперь рѣзко національный характеръ, осложнившись и требованіями соціальнаго характера, такъ какъ во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ и въ Норвегіи соціализмъ сталъ сильно распространяться среди рабочихъ, между которыми въ 1887 г. возникла и соотвѣтственная партія. Министерство Станга, однако, не долго удержалось у власти и потерпѣло пораженіе по вопросу какъ-разъ о шведско-норвежскихъ отношеніяхъ. Въ нихъ многое оставалось недостаточно опредѣленнымъ или, по крайней мѣрѣ, было много такого, что требовало пересмотра. Министерство Станга взялось-было за дѣло упорядоченія шведско-норвежскихъ отношеній, но составленный имъ на этотъ счетъ проектъ былъ отвергнутъ обѣими демократическими партіями. Министерство вышло въ отставку, и король поручилъ составленіе новаго одному изъ лидеровъ радикальной партіи, Стеену, получившему даже большинство послѣ выборовъ 1891 г. На этотъ разъ партія изъ всѣхъ своихъ требованій выдвинула на первый планъ учрежденіе самостоятельныхъ норвежскихъ консульствъ за границей и даже отдѣльнаго норвежскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Опять по этому поводу возникло несогласіе между короной и народнымъ представительствомъ: король не признавалъ за стортингомъ права на отдѣльную политику въ иностранныхъ дѣлахъ, а стортингъ между тѣмъ учредилъ должности норвежскихъ консуловъ. Теперь споръ касался не только предѣловъ власти короля и норвежскаго стортинга, но имъ задѣвалась и сама Швеція, консулы которой обслуживали и норвежскіе интересы. Оскаръ II ссылался на то, что это—вопросъ, имѣющій отношеніе къ союзу, т.-е. что одни норвежцы его рѣшить безъ соглашенія со шведами не могутъ, а въ стортингѣ преобладало мнѣніе, что, представляя собою суверенную норвежскую націю, онъ не ну-

---

[1]) Въ стортингѣ было 54 консерватора, 38 радикаловъ и 22 человѣка изъ партіи Свердрупа. Какъ искажается иногда изображеніе событій консервативными историками, видно хотя бы изъ словъ *O. Kaemmel'я* (стр. 572) будто все дѣло было „persönliche Zänkereien der Radikalen“, которыя и привели къ образованію консервативнаго министерства.

[2]) Напр., оно заключило торговый договоръ съ Швеціей, который принималъ въ расчетъ, главнымъ образомъ, шведскіе интересы.

ждается для своихъ рѣшеній въ санкціи со стороны другого государства. Шведы приняли сторону короля, откуда между обѣими націями возникло сильное взаимное озлобленіе. Въ 1893 г. Оскаръ II снова сдѣлалъ министромъ Станга съ консервативными товарищами, несмотря на то, что у нихъ не было большинства, и, не смотря на то, что этому министерству стортингомъ было выражено недовѣріе, продолжалъ держать его у власти. Опять началась старая исторія взаимныхъ во всемъ отказовъ—вплоть до отказа со стороны стортинга въ содержаніи королю. Само министерство подало-было въ отставку (1895), но Оскаръ II не далъ на нее согласія. Дѣло принимало все болѣе и болѣе характеръ международнаго конфликта. Шведское министерство шло само на пересмотръ союзныхъ отношеній, стортингъ же соглашался на переговоры лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ вестись норвежскимъ министерствомъ, пользующимся довѣріемъ своей націи. Мало того, и въ Швеціи, и въ Норвегіи въ 1895 г. были вотированы чрезвычайные военные кредиты, причемъ въ Норвегіи все болѣе и болѣе брала верхъ чисто сепаратистическая тенденція. Въ 1896 г. стортингъ даже измѣнилъ внѣшній видъ національнаго норвежскаго флага, снявъ съ него эмблему уніи съ Швеціей, что уже указывало на общій характеръ желательнаго для норвежцевъ выхода изъ создавшагося положенія. Распря эта, какъ извѣстно, окончилась въ 1905 г. расторженіемъ уніи и образованіемъ въ силу этого изъ Норвегіи самостоятельнаго государства, въ короли котораго былъ избранъ датскій принцъ, принявшій имя Гакона VI.—

Намъ остается теперь въ этой главѣ разсмотрѣть исторію Швейцаріи послѣ 1870 г., на которомъ мы остановились, излагая развитіе демократическихъ нововведеній въ ея конституціи, каковыми являются референдумъ и народная иниціатива въ законодательствѣ [1]). Эти два

---

[1]) Для предыдущей исторіи Швейцаріи см. стр. 28—31 первой части VI тома. Литература: *A. v. Orelli.* Das Staatsrecht der Schweizerischen Eidgenossenschaft (1885). — *E. J. James.* The federal constitution of Switzerland (1890).—*H. Fazy.* La constitution de la république de Genève (1890).—*Coolidge.* Early history of the referendum („Engl. Hist. Rev." за 1891 г.).—*Blumer.* Handbuch des schweizerischen Bundesstaatsrechts (1891). — *L. von Salis.* Schweizerisches Bundésrecht (1891). — *J. W. Vincent.* State and federal governwent in Switzerland (1891).—*B. Winchester.* The Swiss republic (1891).—*Hilty.* Constitutions fédérales de la Suisse (1891). — *Его же.* Le referendum et l'initiative en Suisse (въ „Revue de droit internat. et de législation comparée" за 1892 г.). — *I. Berney.* L'initiative populaire en droit public fédéral (1892).—*Эдемсъ* (*Adams*) *и Коннингемъ.* Швейцарія и ея учрежденія (1893).—*S. Deploige.* Le referendum en Suisse (1893).—*Ch. Borgeaud.* Etablissement et révision des constitutions en Amérique et en Europe (1893; есть рус. пер.). — *Stüssi.* Referendum und Initiative in den Schweiz. Kantonen (1893).—*A. Дюнанъ.* Народное законодательство въ Швейцаріи (1896).—*A. Keller.* Das Volksinitiativrecht nach der schweize-

учрежденія заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что въ нихъ мы должны видѣть дальнѣйшій шагъ впередъ, какой дѣлается политической эволюціей современнаго конституціоннаго государства въ смыслѣ замѣны парламентаризма непосредственною демократіей [1]).

Во время франко-германской войны симпатіи швейцарцевъ, даже швейцарцевъ-нѣмцевъ были на сторонѣ Франціи. Для охраны своего нейтралитета Швейцарія собрала на западной своей границѣ военную силу въ 80 т. человѣкъ, которая и обезоружила въ февралѣ 1871 г. перешедшую черезъ границу Швейцаріи французскую армію Бурбаки [2]). Сама эта армія была, однако, принята швейцарцами очень

---

rischen Kantonsverfassung (1899). — *Schollenberger.* Grundriss des Staats- und Verwaltungsrechts der schweizerischen Kantone (1898—1900).—*С. Курти.* Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи (1900). Переводчикъ этого труда, вышедшаго въ нѣм. подлинникѣ еще въ 1885 г., *Г. Ѳ. Львовичъ,* приложилъ къ нему, кромѣ своей статьи („Общій обзоръ развитія швейцарскаго народоправства и права народной инціативы въ союзѣ"), еще переводъ другой работы *Curti* (Die Resultate des schweizerischen Referendum), которая по-русски вышла и отдѣльно подъ заглавіемъ „Всенародное голосованіе въ Швейцаріи" (изд. „Библіот. Просвѣщенія"). *Curti* принадлежитъ еще книга „Die schweizerische Volksrechten" von 1848 bis 1900 (1900).—*Klötti.* Die Proportionalwahl in der Schweiz. Geschichte, Darstellung und Kritik (1901).— *А. Л. Лоуэль.* Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы (1905), главы X (Учрежденія), XI (Референдумъ и Инціатива) и XII (Партіи).—*A. Soubies et E. Carette.* Les régimes politiques au XX siècle. La république démocratique (1907).—*К. Тахтаревъ.* Отъ представительства къ народовластію (1907; книга, кромѣ общаго значенія, имѣетъ интересъ по отношенію къ исторіи демократизаціи швейцарской конституціи, начиная со стр. 98). — *Berghoff-Ising.* Die socialistische Arbeiterbewegung in der Schweiz (1895).—Указанія на статьи о Швейцаріи въ русскихъ журналахъ во II т. *Сеньобоса,* въ пер. подъ ред. *В. А. Поссе,* стр. 266—267. — *Simon Kaiser.* Untersuchungen über die Neutralität der Schweiz (1894). — *Schweizer.* Die schweizerische Neutralität (1895).—*Woeste.* Histoire du Culturkampf en Suisse (1887).—*Gareis und Zorn.* Staat und Kirche in der Schweiz (1877 и слѣд.).

[1]) „Самодержавіе народа, провозглашаемое въ моментъ великихъ революцій, осуществляемыхъ буржуазіей лишь съ помощью народа, потомъ отожествляется представителями буржуазіи, враждебной народовластію, съ самодержавіемъ парламента. Только въ странахъ, гдѣ прежнее господство самодержавныхъ парламентовъ все болѣе и болѣе начинаетъ ограничиваться народомъ, гдѣ народъ обладаетъ верховною властью и имѣетъ возможность непосредственно рѣшать важнѣйшія политическія дѣла,—только въ этихъ демократическихъ странахъ политическіе писатели рѣзко различаютъ демократію отъ парламентаризма и противополагаютъ ихъ другъ другу, какъ двѣ различныя политическія системы. Подобное противоставленіе господствуетъ въ государственномъ правѣ демократической республики Швейцаріи". *К. Тахтаревъ.* Отъ представительства къ народовластію (1907), стр. 9. Ср. выше (стр. 237, прим. 2) о подобной же тенденціи въ англійскомъ государственномъ устройствѣ.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 102. *Davall.* Les troupes françaises internées en Suisse (1873).

дружелюбно. Мало того, французскія симпатіи швейцарцевъ стали принимать враждебный по отношенію къ Германіи характеръ, когда германскіе подданные на территоріи союза очень шумно праздновали свои побѣды; въ Цюрихѣ по этому случаю произошли даже нѣкоторыя непріязненныя по отношенію къ нѣмцамъ сцены. Германскія побѣды не остались безъ вліянія и въ Швейцаріи въ томъ смыслѣ, что способствовали пересмотру союзной конституціи въ болѣе централистическомъ смыслѣ. Среди швейцарскихъ гражданъ возникло опасеніе на счетъ завоевательныхъ плановъ, какіе приписывались Бисмарку [1]) или, по крайней мѣрѣ, на неприкосновенность нейтралитета, каковымъ пользовалась Швейцарія, если бы между ея сосѣдями снова вспыхнула война. Чтобы отстоять себя, свою независимость, свой нейтралитетъ, Швейцаріи нужно было получить большее внутреннее единство, нужно было обладать болѣе значительными военными силами. Радикальная партія, которой отдѣльные кантоны были обязаны введеніемъ референдума [2]), стремилась къ тому, чтобы ввести его и въ союзную конституцію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усилить союзную власть; въ этомъ смыслѣ еще въ 1866 г. радикалы добивались пересмотра союзной конституціи. Въ 1869 г. образовалось въ національномъ совѣтѣ большинство въ пользу бо̀льшаго соотвѣтствія устройства республики съ современными требованіями. Франко-германская война подвинула вопросъ о пересмотрѣ впередъ, но у пересмотра были противники, главнымъ образомъ, въ первоначальныхъ [3]) и во французскихъ кантонахъ. Первое предложеніе пересмотра конститиціи было даже отвергнуто 260.859 голосами противъ 255.606 и 13 кантонами противъ 9. Этотъ провалъ пересмотра былъ результатомъ оппозиціи, какъ со стороны первоначальныхъ кантоновъ, строго католическихъ и потому боявшихся объединительныхъ стремленій радикальной партіи, такъ и со стороны кантоновъ французскихъ, бывшихъ настроенными радикально, но опасавшихся преобладанія въ болѣе объединенномъ союзѣ—нѣмецкаго большинства къ ущербу для романскаго элемента. Когда, впрочемъ, какъ мы увидимъ, проектъ пересмотра былъ нѣсколько измѣненъ, за него въ 1874 г. составилось большинство, и противъ него высказалось лишь 7¹/₂ кантоновъ. Это были тѣ самые кантоны, которые въ сороковыхъ годахъ составили такъ называемый Зондербундъ, только силою приведенный къ повиновенію [4]). Въ нихъ господ-

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 118.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 30—31.

[3]) Urkantone, т.-е. Швицъ, Ури, Унтервальденъ и Люцернъ.

[4]) Т. V, стр. 426—428. Кантонъ Аппенцель состоитъ изъ двухъ полукантоновъ—католическаго и протестантскаго, называемыхъ Иннерроденомъ и Аусерроденомъ. Такіе же полукантоны существуютъ еще въ Унтервальденѣ

ствовала католическая партія и большую роль играло духовенство, такъ какъ конституція 1848 г. не отдѣляла совсѣмъ церкви отъ государства и за каждымъ кантономъ оставляла его государственную церковь, какая гдѣ установилась въ эпоху реформаціи [1]). Католическая партія была крайне недовольна тѣмъ, что указанная конституція устанавливала правительственный надзоръ за духовенствомъ и за начальною школою. Всѣ стремленія этой партіи были направлены къ возвращенію католической церкви ея „свободы", если не de jurie, то de facto, къ сохраненію начальной школы въ рукахъ духовенства, къ веденію ея въ строго-церковномъ духѣ и къ возможно неполному осуществленію въ жизни всеобщаго обязательнаго обученія. Весьма естественно, что законъ о свѣтскомъ характерѣ народнаго образованія и на низшихъ его ступеняхъ былъ крайне непріятенъ швейцарскимъ клерикаламъ. И по другому еще поводу въ семидесятыхъ годахъ среди швейцарскихъ католиковъ царствовало страшное возбужденіе. Какъ это было и въ другихъ странахъ, и для Швейцаріи не могло пройти совершенно безслѣднымъ провозглашеніе въ 1870 г. догмата папской непогрѣшимости, вообще сильно поднявшій повсемѣстно духъ сторонниковъ преобладанія духовной власти надъ свѣтскою, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставившій и представителей и защитниковъ послѣдней съ большею энергіей отражать притязанія клерикаловъ.

Нѣчто подобное германскому культуркампфу происходило и въ Швейцаріи. Дѣло въ томъ, что и здѣсь были старо-католики [2]), и здѣсь, слѣдовательно, извѣстная часть чадъ римской церкви не хотѣла признавать догматъ, возвѣщенный ватиканскимъ соборомъ 1870 г. Свѣтскія власти Швейцаріи смотрѣли на старо-католиковъ, какъ на равноправныхъ съ остальными католиками, признавшими новый догматъ, и потому настаивали на томъ, чтобы священники, примкнувшіе къ старо-католическому движенію и за это отлученные отъ церкви, тѣмъ не менѣе оставались на своихъ мѣстахъ. Это повело за собою цѣлый рядъ столкновеній между мѣстными правительствами и католическими епископами, принявшихъ характеръ настоящей борьбы между свѣтскою и духовною властями. Въ 1873 г. было запрещено провозглашеніе папской непогрѣшимости; папская нунціатура въ

(Верхній и Нижній) и въ Базелѣ (городъ и округъ). Каждый полукантонъ совершенно независимъ отъ другого, но обѣ половины выбираютъ лишь по одному члену второй палаты (а не двухъ, какъ это дѣлаетъ каждый цѣльный кантонъ) и имѣютъ лишь половину голоса при рѣшеніи конституціонныхъ вопросовъ.

[1]) Т. II, гл. XIV, гдѣ см. о постановленіи двухъ каппельскихъ мировъ 1529 и 1531 (стр. 160—161 по 1 изд.).

[2]) См. выше, стр. 349.

Бернѣ была уничтожена; назначенный въ Женеву безъ согласія правительства викарнымъ епископомъ Мермильо [1]) былъ оттуда удаленъ, базельское епископство отмѣнено и епископъ (Lachat) смѣщенъ; смѣщено было не мало священниковъ, заявлявшихъ свой протестъ, а въ Бернскомъ университетѣ учрежденъ старо-католическій факультетъ. Конечно, противъ всего этого протестовало не одно швейцарское католическое духовенство, но протесты шли еще и отъ папы Пія IX, да и отъ самихъ католическихъ гражданъ Швейцаріи. Свѣтскія власти страны во время этой церковной распри считали себя въ правѣ устанавливать въ странѣ церковный строй совершенно такъ же, какъ въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма дѣлалъ это Іосифъ II [2]) или какъ поступило во время французской революціи учредительное собраніе, издавъ гражданское устройство духовенства [3]). Въ нѣкоторыхъ кантонахъ со смѣшаннымъ населеніемъ,—именно въ Женевѣ, въ Бернѣ, въ Золотурнѣ, въ Аргау,—мѣстныя правительства при помощи народнаго голосованія прямо вводили для католическихъ гражданъ этихъ кантоновъ совершенно новые порядки, перераспредѣляя по своему усмотрѣнію, т.-е. безъ всякаго соглашенія съ церковными властями католическіе приходы и устанавливая для замѣщенія настоятельскихъ вакацій избраніе кандидатовъ прихожанами. Католики видѣли въ такихъ распоряженіяхъ кантональныхъ властей нарушеніе не только правъ церкви, но и своей религіозной свободы, вслѣдствіе чего обращались къ союзному правительству съ просьбами о защитѣ, но въ немъ не находили поддержки, такъ какъ само оно стояло на точкѣ зрѣнія совершенной правильности образа дѣйствій кантональныхъ властей. Правовѣрные католики отказывались отъ выборнаго духовенства, а въ бернской Юрѣ дѣло дошло даже до настоящаго бунта противъ старо-католическихъ священниковъ, пользовавшихся особымъ покровительствомъ властей; безпорядки были здѣсь прекращены только вмѣшательствомъ военной силы. Эта церковная распря продолжалась до конца жизни Пія IX, и только при Львѣ XIII ей былъ положенъ конецъ [4]), какъ и культуркампфу въ Германіи. Нужно прибавить, что впослѣдствіи сами же швейцарскіе католики стали пользоваться конституціонными средствами, которыми Швейцарія была обязана иниціативѣ и энергіи радикаловъ, для того, чтобы проводить въ жизнь свои стремленія. Въ числѣ этихъ средствъ былъ и созданный въ 1874 г. общесоюзный референдумъ: именно, благодаря ему, католическая партія и партія французская получили возможность устранять

---

[1]) См. выше, стр. 357.
[2]) Т. III, стр. 380 и слѣд.
[3]) Т. III, стр. 550 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 357.

мѣры, исходившія отъ радикальнаго и нѣмецкаго большинства въ союзѣ.

Вмѣстѣ съ франко-германской войною, заставившею серьезно подумать объ измѣненіи конституціи въ болѣе централистическомъ направленіи, къ тому же самому приводилъ и культуркампфъ, имѣвшій своимъ предметомъ устраненіе вліянія, какимъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ пользовались клерикальные защитники папской непогрѣшимости. Если для огражденія національной безопасности нужно было создать единую союзную армію, то для устраненія ультрамонтанскихъ происковъ столь же необходимою казалась единая школа. Въ этомъ направленіи, съ присоединеніемъ къ двумъ указаннымъ требованіямъ еще третьяго въ томъ же духѣ — единства права, и былъ составленъ первый проектъ пересмотра союзной конституціи, въ которую, сверхъ всего этого, должно было быть включено и расширеніе правъ демократіи.

Въ 1874 г. за новую конституцію [1]) было подано 340.199 голосовъ, противъ — 198.013, причемъ на ея сторонѣ оказалось $14^1/_2$ кантоновъ, а противъ нея, какъ было сказано, только $7^1/_2$. Перемѣна сравнительно съ голосованіемъ 1872 г. объясняется, съ одной стороны, кое-какими уступками кантонализму, которыя были сдѣланы радикалами, авторами проекта, съ другой же стороны, тѣмъ, что разыгравшаяся какъ-разъ въ это время, въ 1873 году, борьба съ клерикализмомъ перетянула на сторону нѣмецкой радикальной партіи французскихъ антиклерикаловъ.

Уже конституція 1848 г., сравнительно съ прежнимъ устройствомъ Швейцаріи, усиливала власть федеральнаго правительства, конституція же 1874 г. еще сдѣлала шагъ впередъ въ томъ же направленіи, хотя бы и не въ томъ объемѣ, въ какомъ это было желательно авторамъ первоначальнаго проекта. Въ организаціи федеральныхъ властей не было произведено никакихъ измѣненій, но зато была расширена ихъ компетенція. Кромѣ того, благодаря измѣненіямъ, дѣлавшимся впослѣдствіи въ конституціи, союзная законодательная власть съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разросталась, такъ какъ эти измѣненія постоянно вносили новые и новые

---

[1]) Союзная конституція Швейцарской конфедераціи 1874 года имѣется въ II т. сборника *Гессена* и *Нольде*, стр. 317—352. Тамъ же помѣщены конституціи кантоновъ Аппенцеля 1876 г. съ измѣненіями 1880 г. (стр. 366—374), Берна 1893 г. (стр. 378—401) и Гларуса 1887 г. (стр. 438—465) и старая (1847 г.) женевская конституція съ позднѣйшими измѣненіями, дополненіями, къ числу коихъ относятся главы о религіи, измѣненныя въ 1873 — 74 г. (стр. 490 — 492 и 496 — 497), законъ 1879 г. о факультативномъ референдумѣ (стр. 497—499) и законъ 1905 г. о правѣ иниціативы (стр. 499—500).

предметы въ область федеральнаго законодательства. Политическая унификація въ то же время ослабляла и обособленность кантоновъ. „Кантоны, по статьѣ 6 конституціи, обязаны испрашивать у союза гарантію своихъ конституцій“: нужно только, чтобы онѣ вообще не содержали ничего противнаго союзной конституціи, находились въ согласіи съ республиканскими, представительными или демократическими формами и были приняты большинствомъ гражданъ, а за всѣмъ тѣмъ кантонамъ предоставлено право измѣнять свое устройство, какъ имъ угодно. Извѣстно, что послѣднимъ правомъ кантоны—особенно нѣмецкіе—стали пользоваться очень широко. Напримѣръ, только за одно четырехлѣтіе отъ 1891 до 1895 г. совершено было около двадцати частичныхъ пересмотровъ и четыре полныхъ, бывшихъ, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ полною замѣною старыхъ конституцій совершенно новыми. При этомъ очень часто нововведенія, сдѣланныя одними кантонами, перенимались другими, что влекло за собою установленіе большей однородности въ ихъ устройствѣ. Народныя голосованія 1887 и 1898 г. внесли въ конституцію 1874 г. важныя поправки въ смыслѣ права союза законодательствовать въ областяхъ гражданскаго и уголовнаго права съ сохраненіемъ въ вѣдѣніи кантоновъ только судоустройства, судопроизводства и судебной администраціи; это открыло путь къ введенію „единаго права“. Впрочемъ, Швейцаріи пришлось еще ждать четырнадцать лѣтъ, пока народнымъ голосованіемъ 1898 г. не было санкціонировано объединеніе во всемъ союзѣ какъ уголовнаго такъ и гражданскаго права [1]).

До извѣстной степени осуществилось въ Швейцаріи и требованіе „единой арміи“. Правда, по статьѣ 13 конституціи, „союзъ не имѣетъ права содержать постоянное войско“, и лишь кантонамъ принадлежитъ это право, но въ случаяхъ внѣшней опасности или внутреннихъ волненій кантональныя войска „должны быть немедленно подчинены представителю союзной власти“ (ст. 17). Вообще „кантоны располагаютъ военными силами своей территоріи“, но лишь по-

[1]) Отмѣтимъ, что конституція 1874 г. отмѣнила смертную казнь, но въ 1879 г. была принята поправка, отмѣнявшая соотвѣтственную статью конституціи или, вѣрнѣе, замѣнявшая ее другою, которая гласитъ: „смертный приговоръ не можетъ быть вынесенъ за политическія преступленія“ (ст. 65). За эту статью голосовало 200.485 (и 15 кантоновъ), противъ — 181.588 (и 7 кантоновъ). Случилось это такъ. Въ одномъ изъ кантоновъ было совершено преступленіе, особенно возмутившее общественную совѣсть. Населеніе потребовало смертной казни преступника, чѣмъ и воспользовались федералисты, стоящіе за расширеніе правъ кантоновъ, для того, чтобы настоять на отмѣнѣ 65 статьи конституціи. Большинство кантоновъ, однако, не возстановило у себя смертной казни, а тамъ, гдѣ она была вновь принята, она не получила распространенія.

столько, „поскольку это право не ограничено союзной конттитуцiей или союзными законами" (ст. 19). Особыя статьи устанавливали всеобщую воинскую повинность (ст. 18) и лишь союзу давали право издавать законы объ организацiи армiи и завѣдовать дѣломъ обученiя войскъ и ихъ вооруженiя (ст. 20). Союзное правительство немедленно же послѣ принятiя конституцiи 1874 г. занялось однообразнымъ устройствомъ армiи, оставивъ въ исключительномъ своемъ вѣдѣнiи инженерную, артиллерiйскую и кавалерiйскую части и назначенiе на высшiя военныя должности. Къ концу XIX в. Швейцарiя довела свою армiю до 300 т. комбатантовъ. Въ этомъ сказалось влiянiе повсемѣстнаго роста милитаризма и на Швейцарiи, которая при этомъ должна была потратить значительныя суммы на свои вооруженiя. Однѣ сенъготтардскiя укрѣпленiя обошлись въ 13 миллiоновъ франковъ; лишь на замѣну стараго ружья новымъ однажды сразу былъ ассигнованъ кредитъ въ 20 миллiоновъ и т. п. Кромѣ заботы о единой армiи, существовала при пересмотрѣ конституцiи 1874 г., какъ мы видѣли [1]), и забота о единой школѣ. Въ этомъ отношенiи, однако, кантоны проявили бо̀льшее упорство въ защитѣ мѣстной свободы отъ централизацiонныхъ стремленiй. Конституцiя 1874 г. въ данномъ случаѣ должна была ограничиться лишь принятiемъ однообразныхъ общихъ принциповъ. „Кантоны, гласитъ статья 27, заботятся о достаточномъ первоначальномъ обученiи, которое должно находиться въ исключительномъ завѣдованiи гражданской власти. Оно обязательно и въ государственныхъ школахъ безплатно. Государственныя школы должны быть открыты для посѣщенiй послѣдователей всѣхъ исповѣданiй, безъ нарушенiя какимъ бы то ни было образомъ ихъ свободы совѣсти или вѣры. Союзъ, сказано въ заключенiе, приметъ необходимыя мѣры противъ кантоновъ, которые не будутъ исполнять это обязательство". Понятно, что послѣдняя прибавка была сдѣлана, чтобы клерикалы католическихъ кантоновъ (а отчасти и нетерпимые протестанты) не могли устраивать у себя исключительно конфессiональныя школы [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 416.

[2]) Укажемъ кстати на нѣкоторыя постановленiя конституцiи 1874 г., направленныя противъ власти, влiянiя и притязанiй духовенства: „кантоны и союзъ могутъ принимать необходимыя мѣры... противъ посягательствъ духовныхъ властей на права гражданъ и государства... На швейцарской территорiи не могутъ быть учреждаемы епископства безъ разрѣшенiя союза" (ст. 50). — „Орденъ iезуитовъ и общества, соединенныя съ нимъ, не могутъ быть допущены ни въ какую часть Швейцарiи, и членамъ ихъ запрещается всякая дѣятельность въ церкви и въ школѣ. Это запрещенiе можетъ быть распространено путемъ союзнаго постановленiя и на другiе религiозные ордена, дѣятельность которыхъ опасна для государства или угрожаетъ миру между вѣроисповѣданiями" (ст. 51). — „Воспрещается основывать новые монастыри

Когда съ достаточною ясностью обнаружилось, что требованія 27 статьи конституціи не вездѣ исполняются, центральною властью была наряжена ревизія школъ и въ связи съ этимъ была учреждена должность своего рода швейцарскаго министра народнаго просвѣщенія, но противъ этой должности началась сильная агитація со стороны клерикаловъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что народное голосованіе 318.139 противъ 172.010 голосовъ отвергло принятое центральною властью рѣшеніе.

Самымъ главнымъ явленіемъ въ исторіи швейцарской конституціи за послѣднюю треть XIX в. было дальнѣйшее развитіе непосредственнаго участія народа въ законодательствѣ. Въ своемъ мѣстѣ [1]) мы видѣли, что въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка бо̀льшая часть кантоновъ перешла къ системѣ „демократическаго законодательства“ при непосредственномъ участіи народа и что еще тогда же сдѣлана была неудачная попытка ввести этотъ важный принципъ и въ союзное устройство. Въ 1870 г. не было этой системы лишь въ Женевѣ, Базелѣ-городѣ, Фрейбургѣ, Цугѣ и Тичино, но и они потомъ, за исключеніемъ одного Фрейбурга, перешли къ непосредственному народному участію (въ 1875 г. Базель-городъ, въ 1877 г. Цугъ, въ 1879 г. Женева и въ 1883 г. Тичино), послѣ того какъ оно было принято и въ союзную конституцію. Нужно прибавить, что установившійся въ большей части кантоновъ референдумъ былъ двухъ родовъ: или факультативный, или обязательный, т.-е. въ первомъ случаѣ законы представляются на утвержденіе народа лишь тогда, когда этого требуетъ извѣстное число гражданъ, между тѣмъ, какъ во второмъ случаѣ законы должны утверждаться народомъ безъ какихъ бы то ни было заявленій со стороны гражданъ. Впрочемъ, это раздѣленіе касается обыкновенныхъ законовъ, измѣненія же въ конституціяхъ подлежали во всякомъ разѣ обязательному референдуму.

Послѣ того, какъ народное право утверждать или отвергать законы было принято большею частью кантональныхъ конституцій, политическая послѣдовательность требовала, чтобы тотъ же принципъ былъ осуществленъ и въ союзной конституціи. Демократическая партія, главнымъ средоточіемъ которой былъ союзъ „Грютли“ [2]), за-

---

или религіозные ордена и возстановлять тѣ, которые были закрыты“ (ст. 52).— „Гражданское состояніе и веденіе книгъ, къ нему относящихся, подлежитъ вѣдѣнію гражданскихъ властей“ (ст. 53). — „Нельзя препятствовать браку на основаніи религіозныхъ соображеній“ (ст. 54). Въ 1875 г. въ Швейцаріи былъ введенъ гражданскій бракъ.

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 31.

[2]) Grütliverein (по имени горной лужайки, на которой въ 1307 г. основатели первоначальнаго союза, выросшаго потомъ въ Швейцарію, поклялись

ключавшій въ себѣ много рабочихъ, прямо и указывала на неестественность и несправедливость лишенія гражданъ по отношенію къ союзу тѣхъ правъ, которыми они уже пользовались въ кантонахъ. Кромѣ того, демократы выдвигали на видъ и такое соображеніе: съ превращеніемъ Швейцаріи изъ союза государствъ въ союзное государство произошло усиленіе центральной власти, а это должно быть уравновѣшено соотвѣтственнымъ расширеніемъ народовластія. Къ послѣднему соображенію со стороны соціалистовъ присоединялось указаніе на необходимость увеличить народныя права ради обузданія капиталистическихъ предпріятій, бороться съ которыми совсѣмъ не по силамъ населенію отдѣльныхъ кантоновъ, такъ какъ капиталистическія кампаніи не ограничиваются предѣлами одного какого-либо кантона, а нерѣдко распространяютъ свою дѣятельность на весь союзъ и даже оказываютъ вліяніе на союзное представительное правительство съ его почти исключительно буржуазнымъ составомъ. На возраженіе сторонниковъ исключительно представительной системы, что народъ еще недостаточно созрѣлъ для такой реформы, защитники ея отвѣчали тѣмъ, что подобный аргументъ—самое лучшее средство для возможности не предпринимать нужныхъ реформъ. Кромѣ непосредственнаго участія въ законодательствѣ, демократы требовали еще избранія и исполнительной власти (союзнаго совѣта) не представительнымъ собраніемъ, а самимъ народомъ.

Первое удалось демократической партіи осуществить, второе — нѣтъ. Когда, наконецъ, былъ выработанъ и принятъ національнымъ представительствомъ проектъ новой конституціи, онъ очень много еще обсуждался въ печати и въ народныхъ собраніяхъ, пока народное голосованіе не утвердило его, какъ было уже сказано, 340 т. голосовъ противъ 198 т. [1]), причемъ въ голосованіи, нужно еще прибавить, участвовало 85% всего числа полноправныхъ гражданъ.

Въ статьѣ 89 конституціи 1874 г. вслѣдъ за указаніемъ на то, что „для принятія союзныхъ законовъ, декретовъ и постановленій необходимо согласіе обоихъ совѣтовъ“, сказано слѣдующее: „Союзные законы должны передаваться народу, для принятія или отклоненія, если этого потребуютъ 30.000 имѣющихъ право голоса гражданъ или восемь кантоновъ. То же относится и къ союзнымъ постановленіямъ, имѣющимъ общее значеніе и не имѣющимъ характера неотложности“. Изъ этой статьи мы видимъ, что швейцарская союзная конституція вводила въ странѣ законодательный референдумъ въ его необяза-

освободить свою родину) ведетъ начало отъ 1838 г. Многочисленность его членовъ позволяла ему собирать такое количество подписей, какое необходимо для требованія референдума или возбужденія народной инициативы.

[1]) См. выше, стр. 416.

тельной, факультативной формѣ. Эта статья, расширяющая союзныя права швейцарскихъ гражданъ, получила дальнѣйшее продолженіе въ принятомъ народомъ въ 1891 г. конституціонномъ законѣ, установившемъ народную инициативу въ дѣлѣ пересмотра союзной конституціи. Опредѣляя впервые условія для пересмотра и послѣдующихъ измѣненій конституціи, конституція 1848 г. не сдѣлала никакой разницы между полнымъ и частичнымъ пересмотрами конституціи. Тогдашній учредительный сеймъ даже не нашелъ нужнымъ дѣлать на этотъ счетъ какія-либо оговорки, полагая, что какъ полный, такъ и частичный пересмотры совершенно одинаково могутъ быть подвергаемы народному голосованію, разъ этого потребуютъ 50 т. полноправныхъ гражданъ [1]). Въ 1879 г. болѣе пятидесяти тысячъ гражданъ заявили о необходимости дополненія союзной конституціи новой статьей о союзныхъ финансахъ, но и правительство, и представительныя собранія союза, ссылаясь на букву конституціи, отвѣтили, что граждане могутъ требовать только полнаго пересмотра, а не частичныхъ измѣненій. Этотъ отказъ вызвалъ въ странѣ сильное движеніе, въ которомъ одну изъ главныхъ ролей опять игралъ союзъ „Грютли". Демократическая агитація требовала теперь признанія за народомъ инициативы въ дѣлѣ частичныхъ пересмотровъ обязательнаго, а не факультативнаго законодательнаго референдума и непосредственнаго выбора гражданами членовъ союзнаго совѣта. Движеніе это приняло столь внушительный характеръ, что центральныя власти склонились къ признанію права частичнаго пересмотра, но, составляя въ этомъ смыслѣ законопроектъ, правительство не хотѣло включить въ него условіе, принятое для полнаго пересмотра и заключавшееся въ томъ, чтобы въ случаѣ согласія народа на пересмотръ обѣ палаты подвергались переизбранію. Такое мнѣніе высказалъ и національный совѣтъ, но другой совѣтъ внесъ въ проектъ очень существенное измѣненіе, принявъ, вдобавокъ, существовавшій въ Цюрихѣ съ 1869 г. порядокъ, въ силу котораго предложеніе частичнаго пересмотра конституціи могло быть поставлено на народное голосованіе не только въ формѣ извѣстнаго пожеланія, но и въ формѣ совершенно готоваго законопроекта. Въ этомъ именно смыслѣ и были составлены новыя статьи, принятыя 5 іюля 1891 г. 183.029 голосами противъ 120.599 и 18 кантонами противъ 4.

„Частичный пересмотръ, гласитъ новая (121) статья конституціи, можетъ происходить путемъ народной инициативы или же путемъ, установленнымъ для союзнаго законодательства". Въ первомъ случаѣ достаточно заявленія со стороны 50 т. полноправныхъ гражданъ, при-

---

[1]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 30.

чемъ „требованіе иниціативы можетъ быть представлено или въ видѣ общаго указанія, или въ видѣ подробно разработаннаго проекта“. Въ случаѣ согласія союзныхъ палатъ съ высказаннымъ пожеланіемъ, онѣ и разрабатываютъ законопроектъ, который потомъ голосуется народомъ и кантонами, въ противномъ же случаѣ вопросъ предварительно передается на народное голосованіе. Если получится при этомъ положительный отвѣтъ, союзное собраніе предпринимаетъ само пересмотръ, буде нѣтъ уже готоваго проекта, въ случаѣ же несогласія съ нимъ может выставить свой контръ-проектъ. О переизбраніи совѣтовъ говорится лишь въ статьѣ 120, разсматривающей условія общаго пересмотра. Такимъ образомъ, федеральнымъ учрежденіямъ удалось сохранить въ новомъ законѣ свою точку зрѣнія въ вопросѣ о переизбраніи совѣтовъ, и тѣмъ болѣе поэтому швейцарская демократія стала дорожить своимъ правомъ иниціативы не только въ формѣ общаго пожеланія, но именно готоваго законопроекта. Она даже начала пользоваться этою формою для предложенія вообще всякихъ законопроектовъ: нужно было только выставлять послѣдніе, какъ основные. Нельзя, однако, сказать, чтобы первое же примѣненіе этого новаго народнаго права было удачно выбрано, хотя въ этомъ вина падаетъ не на прогрессивную, а на реакціонную часть швейцарскаго общества. Именно, въ 1893 г. швейцарскіе антисемиты подняли вопросъ о включеніи въ конституцію статьи, запрещающей въ Швейцаріи убой скота по способу, предписываемому еврейской религіей, т. е. безъ предварительнаго оглушенія убиваемаго животнаго, и эта статья была принята 191.527 голосами и $11^1/_2$ кантонами противъ 127.101 голосовъ и $10^1/_2$ кантоновъ [1]).

Швейцарская демократія не остановилась на достигнутыхъ успѣхахъ. Въ 1898 г. въ Люцернѣ состоялся съѣздъ 233 делегатовъ отъ союза „Грютли“, отъ соціалъ-демократической партіи, отъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и отъ соціалъ-политической группы союзнаго собранія [2]) и рѣшилъ поставить на народное голосованіе два требованія [3]), именно о избраніи союзнаго правительства непосредственно народомъ и о введеніи пропорціональнаго представительства въ національномъ совѣтѣ. Избранный съѣздомъ комитетъ составилъ

[1]) Отсюда странная для конституціи статья 25-bis: „строго воспрещается выпускать кровь изъ животныхъ на бойняхъ, не оглушивши ихъ предварительно; это постановленіе примѣняется ко всѣмъ способамъ убоя и къ скоту всякаго рода“. Не нужно, впрочемъ, думать, что всѣ, подававшіе голоса за статью, были настроены антисемитически: многіе голосовали за нее по соображеніямъ состраданія къ животнымъ.

[2]) Въ этой группѣ состоялъ Курти, авторъ сочиненій о народномъ законодательствѣ, названныхъ выше, стр. 412.

[3]) Такъ называемая Doppelinitiative.

воззванiе къ швейцарскимъ гражданамъ въ этомъ смыслѣ и началъ усиленно агитировать въ пользу своего предложенiя, что, однако, не увѣнчалось успѣхомъ, ибо народное голосованiе отвергло обѣ новыя статьи: 4 ноября 1900 г. противъ избранiя союзнаго совѣта народомъ было подано 270.522 голоса, за — 145.926; противъ пропорцiональныхъ выборовъ въ нацiональный совѣтъ 244.666, за — 169.000. То, что было отвергнуто въ 1900 г. для союзной конституцiи, уже существовало, однако, въ нѣкоторыхъ конституцiяхъ кантональныхъ [1]). Швейцарскiе демократы, однако, говорили, что осуществленiе ихъ требованiй—только вопросъ времени [2]).

Со времени введенiя въ Швейцарiи референдума это новое учрежденiе пустило прочные корни въ жизнь нацiи, и даже клерикалы стали имъ дорожить, какъ тормазомъ, задерживающимъ слишкомъ поспѣшное изданiе законовъ, хотя, съ другой стороны, консти-

---

[1]) Интересные итоги о дѣйствiи въ Швейцарiи референдума и народной инициативы до середины девяностыхъ годовъ подведены *Лоуэллемъ* въ книгѣ „Правительства и политическiя партiи въ Западной Европѣ“ (1905), стр. 406 и слѣд. „Исторiя народнаго голосованiя въ Швейцарiи,—говоритъ онъ между прочимъ,—указываетъ на рѣзко выраженное стремленiе отвергать всѣ мѣры такъ или иначе радикальныя; это,—прибавляетъ онъ,—фактъ очень поучительный, такъ какъ онъ доказываетъ, что народъ дѣйствительно болѣе консервативенъ, чѣмъ его представители“. Лоуэлль обращаетъ вниманiе на то, что „какъ это ни странно, нелюбовь къ радикальнымъ мѣрамъ обращается и на фабричные законы и другiя мѣры, имѣющiя цѣлью улучшить положенiе рабочаго класса, хотя, замѣчаетъ онъ, обыкновенно предполагается, что такого рода законы въ высшей степени популярны у большинства народа“, стр. 416. Онъ приводитъ нѣсколько подтверждающихъ его выводъ примѣровъ изъ исторiи Цюриха, имѣющаго большое количество рабочихъ, самъ, впрочемъ, объясняя отклоненiе законовъ въ пользу рабочаго класса влiянiемъ фабрикантовъ, грозившихъ, наприм., сбавкою платы въ случаѣ законодательнаго ограниченiя рабочаго времени, стр. 417. Другiе объясняютъ отклоненiе такихъ предложенiй, какъ сдѣланное въ 1894 г. въ смыслѣ обезпеченiя за рабочими права на трудъ, „мелко-буржуазнымъ составомъ большинства швейцарскихъ гражданъ“. *К. Тахтаревъ*. стр. 202. Противъ указаннаго предложенiя подано было 308.289 голосовъ, за — лишь 75.880, а кромѣ того и всѣ 22 кантона были противъ. Ср. на стр. 411—412 кн. *Лоуэлля* таблицу всѣхъ народныхъ вотумовъ Швейцарскаго союза съ 1874 по 1896 годъ.

[2]) Непосредственное избранiе народомъ министровъ въ Цюрихѣ, Цугѣ, Золотурнѣ, обоихъ Базеляхъ, Шаффгаузенѣ, Сэнъ-Галленѣ, Граубюнденѣ, Тургау, Тичино и Женевѣ. См., наприм., статьи 25 и 26 женевской конституцiи, гласящiя, что „общее собранiе избирательнаго корпуса образуетъ генеральный совѣтъ“, который и „назначаетъ непосредственно представителей исполнительной власти“. Что касается до пропорцiональнаго представительства, то въ послѣднемъ десятилѣтiи XIX в. оно было введено въ Тичино, Женевѣ, Невшателѣ, Цугѣ и Золотурнѣ, причемъ въ первомъ изъ названныхъ кантоновъ оно примѣняется и при избранiи исполнительнаго совѣта.

туція 1874 г. сильно оживила вообще законодательную дѣятельность союза, между прочимъ, и въ области рабочаго вопроса [1]). Въ 1877 г. 181.204 голосами противъ 170.857 былъ принятъ законъ, ограничивающій работу на фабрикахъ для взрослыхъ 11 часами. Въ 1890 г. по народной инициативѣ была принята 283.228 голосами противъ 92.220 и $20^1/_2$ кантонами противъ $1^1/_2$ конституціонная поправка объ обязательномъ страхованіи рабочихъ [2]). Кромѣ того, и безъ референдума было издано нѣсколько законовъ объ отвѣтственности компаній за несчастные случаи съ рабочими сначала на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ (1875), потомъ на фабрикахъ и заводахъ (1877) и т. п. Но вообще соціальное вліяніе на швейцарское законодательство не было особенно сильнымъ, и нѣкоторыя предложенія въ духѣ соціальной политики даже отклонялись народнымъ голосованіемъ.

Дѣло въ томъ, что и самъ соціализмъ не получилъ въ Швейцаріи значительнаго развитія, несмотря на то, что, благодаря старинной политической свободѣ, соціалисты разныхъ націй издавна находили убѣжище на территоріи союза—къ великому неудовольствію консервативныхъ правительствъ другихъ странъ [3]). Въ разсматриваемую эпоху союзный совѣтъ даже принималъ нѣкоторыя мѣры противъ иностранныхъ соціалистовъ и анархистовъ, дѣйствовавшихъ въ Швейцаріи: въ 1878 г. была закрыта революціонная газета „L'Avant Garde", издававшаяся въ Невшателѣ; въ 1881 г. былъ изгнанъ русскій анархистъ Кропоткинъ; въ 1885 г. было выслано даже нѣсколько анархистовъ; въ 1888 г. та же мѣра была принята по отношенію къ редакціи „Соціалъ-демократа" [4]) и т. п. Сравнительно-слабому развитію собственно швейцарскаго соціализма давали различныя объясненія, начиная съ мелко-буржуазнаго состава большинства населенія и кончая характеромъ самой конституціи союза [5]). Тѣмъ не

[1]) Въ конституціи 1874 г. есть такая статья: „Союзъ имѣетъ право установить единообразныя предписанія относительно дѣтскаго труда на фабрикахъ, относительно продолжительности рабочаго дня, могущей быть установленнымъ для взрослыхъ, а также относительно оказанія защиты рабочимъ отъ занятія вредными для здоровья и опасными промыслами" (ст. 34).

[2]) Статья 34 *bis*.

[3]) Т. V, стр. 200—201, 426, 642 и др. О значеніи Швейцаріи въ исторіи Интернаціонала см. въ главахъ II и V первой части настоящаго тома.

[4]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 296.

[5]) „Если въ Швейцаріи соціализмъ сравнительно поздно пустилъ корни, несмотря на ея высоко-развитую промышленность, то... главная причина этого — радикально-демократическая конституція: какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Швейцаріи самодержавный народъ медленно проникался сознаніемъ того, что даже самая радикальная демократія не истребитъ въ свѣтѣ то зло, которое ведетъ съ собою капитализмъ для пролетаріата". *В. Зомбартъ*. Соціализмъ и соціальное движеніе, стр. 331.

менѣе къ концу XIX в. и здѣсь соціализмъ сталъ дѣлать очень значительныя завоеванія, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя: въ 1884 г. на выборахъ въ національный совѣтъ за соціалистическихъ кандидатовъ было подано всего 2.800 голосовъ, въ 1890 г.—уже 20.000, въ 1898 г.—50.000, а въ 1902 г.—63.000. На то же усиленіе соціализма указываетъ еще то, что въ 1904 г. въ 17 кантональныхъ совѣтахъ было 158 соціалиста (39 въ Цюрихѣ, 22 въ Баденѣ, 20 въ Невшателѣ и т. д.) и по семи въ кантональныхъ правительствахъ Цюриха, Базеля и Сенъ-Галлена. Сама соціалъ-демократическая партія по образцу германской была основана въ Швейцаріи лишь въ 1888-89 гг., а кромѣ того, соціалистическія идеи стали сильно проникать въ союзъ „Грютли“ [1]), который въ 1892 г. даже замѣнилъ въ своей программѣ выраженіе „либеральная демократія“ терминомъ „соціальная демократія“ и въ 1901 г. вошелъ въ болѣе тѣсный союзъ съ соціалъ-демократическою партіей.

---

[1]) См. выше, стр. 419, прим. 2.

ОБЩІЕ ОБЗОРЫ.

XXIII. Экономическая эволюція Западной Европы въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка [1]).

Сущность экономическаго развитія на Западѣ въ XIX в.—Распространеніе индустріальной революціи на новыя страны.—Пріобрѣтеніе промышленными кризисами мірового характера.—Капиталистическое производство и пауперизмъ.—Неравномѣрность экономическаго развитія разныхъ странъ.—Проявленія экономической отсталости во Франціи.—Общій сельско-хозяйственный кризисъ въ Западной Европѣ.—Развитіе аграрнаго протекціонизма.—Увеличеніе городского населенія.—Ростъ крупной промышленности.—Судьбы ремесленнаго и кустарнаго производства.—Возникновеніе союзовъ предпринимателей.—Техническій прогрессъ послѣднихъ десятилѣтій.—Индустріальный протекціонизмъ.—Таможенныя войны и торговые трактаты между отдѣльными государствами.—Ростъ государственныхъ бюджетовъ и государственной задолженности.—Перемѣны въ области экономической идеологіи.

Въ настоящей главѣ мы остановимся на экономической эволюціи Западной Европы въ послѣднюю треть XIX в., исходя изъ ха-

---

[1]) Для экономической и соціальной исторіи Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка см. въ четвертомъ томѣ настоящаго труда главы XXII („Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX вѣка и ея изученіе") и XXIII—XXV (о положеніи крестьянъ и рабочихъ въ первой половинѣ XIX вѣка), а въ пятомъ томѣ главы XXX—XXXI (о крестьянахъ и рабочихъ въ серединѣ XIX вѣка). Кромѣ литературы, указанной въ названныхъ главахъ, иногда имѣющей отношеніе и къ исторіи послѣдней трети XIX в., равно какъ нѣкоторыхъ сочиненій, отмѣченныхъ въ другихъ главахъ настоящаго тома, см. Промышленность. Сборникъ статей изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften" (1905).—*Д. Гобсонъ.* Эволюція современнаго капитализма (1898).—*В. Зомбартъ.* Современный капитализмъ.—*И. Озеровъ.* Итоги экономическаго развитія XIX вѣка (1902).—*Sinzheimer.* Ueber die Grenzen der Weiterbildung des fabrikmässigen Grossbetriebs (1893).—*M. Bouniatian.* Wirtschaftskrisen und Ueber—kapitalisation (1908).—*Шиппель.* Современная бѣдность и современное перенаселеніе (1902).—Большіе города, ихъ общественное, политическое и экономическое значеніе. Сборникъ статей (1905).—*A. F. Weber.* The growth of cities

рактеристики этой эволюціи вообще въ XIX столѣтіи. Наиболѣе важными процессами въ послѣдней,—о чемъ подробнѣе уже было нами сказано въ двухъ посвященныхъ данному предмету главахъ четвертаго тома „Исторіи Западной Европы“ [1]),—являются обезземеленіе сельскаго населенія, уничтоженіе цеховыхъ стѣсненій въ области обрабатывающей промышленности и замѣна ручного труда машиннымъ. Такую общую характеристику можно дать перемѣнамъ въ экономическомъ быту Западной Европы, имѣя въ виду преимущественно раз-

---

in the nineteenth century (1899; рус. пер.: *А. Веберъ.* Ростъ городовъ въ XIX в., 1903).—*К. Бюхеръ.* Крупные города (1905) *или* Большіе города (1905).—*И. Озеровъ.* Большіе города (1906).—*E. Vandervelde.* L'influence des villes sur les campagnes (1898).—*Э. Вандервельде.* Бѣгство изъ деревни (1904).—*Bruno Volger.* Die Gewerbepolitik. — По исторіи экономическихъ ученій въ новѣйшее время см. *I. М. Кулишеръ.* Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Т. II. Девятнадцатый вѣкъ (1908).—*М. Туганъ-Барановскій.* Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. — *А. Миклашевскій.* Исторія политической экономіи. Философскія, историческія и теоретическія начала экономіи XIX в. (1909). — По вопросу о превращеніи аграрнаго государства въ индустріальное и сельско-хозяйственномъ кризисѣ см. *Ad. Wagner.* Agrar- und Industrie-Staat (1902; изд. 2).—*G. Ruhland.* Die internationale landwirtschaftliche Konkurrenz (1901).—*Max Sering.* Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerikas (1887).—*С. Булгаковъ.* Капитализмъ и земледѣліе (1900; въ этомъ двухтомномъ трудѣ имѣются историческіе очерки англійскаго, германскаго и французскаго земледѣлія въ XIX в.). — *Е. Смирновъ.* Крестьянскій вопросъ во французской палатѣ депутатовъ („Новое Слово“ за 1897 г., ноябрь). — *В. Левитскій.* Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи въ 1862—92 гг. (1899). — *А. Скворцовъ.* Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство (1890).—Такъ какъ главною страною, подвергшеюся переходу изъ аграрнаго состоянія въ индустріальное, является Германія, то отмѣчаемъ здѣсь особо сочиненія по экономической исторіи этой страны. Кромѣ названныхъ на стр. 224—225, 232, 252—253 и 271 первой части этого тома и выше, на стр. 61 и въ ихъ числѣ большого труда *Sombart'a* „Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert“ (1903), отмѣтимъ: *его же* болѣе ранніе „Очерки промышленнаго развитія Германіи“ (1900 и 1902). — *L. Pohle.* Deutschland am Scheidewege (1902).— *W. Troeltsch.* Ueber die neuesten Veränderungen im deutschen Wirtschaftsleben (1899).—*Paul Voigt.* Deutschland und der Weltmarkt (въ I т. сборника „Handels- und Machtpolitik“, 1900).—*W. Lotz.* Verkehrsentwickelung in Deutschland, 1800—1900 (1900). — *G. Neuhaus.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte im XIX Jahrhundert (1907).—*Diouritch.* L'expansion des banques allemandes à l'étranger (1909). — Спеціально по торговой политикѣ: *К. Каутскій.* Торговые договоры и торговая политика (1904).—*Г. Зивекингъ.* Внѣшняя торговая политика (1908). — *Ad. Beer.* Die oesterreichische Handelspolitik im XIX Jahrhundert (1891). — *W. Baikic.* Die französische Handelspolitik, 1892—1902 (1904; въ серіи „Münchener volkswirtschaftliche Studien“, 1904) и др.

[1]) Это—главы XXIV, занимающая стр. 550—574, и XXV, занимающая стр. 575—597.

витіе въ ней въ XIX в. крупнаго капиталистическаго производства, какъ главное явленіе всей хозяйственной исторіи новѣйшаго времени. Крупная капиталистическая промышленность была бы совершенно невозможна при отсутствіи особаго рабочаго класса, т.-е. пролетаріата, разлученнаго съ орудіями производства, которыя составляли бы собственность трудящихся, а этотъ классъ не могъ бы образоваться, если бы въ сельскомъ быту не происходилъ процессъ обезземеленія крестьянской массы, и въ быту городскомъ не совершалось паденіе стараго ремесленнаго строя, искусственно поддерживавшагося законодательствомъ о цехахъ. Останавливаясь пока только на обезземеленіи сельскаго населенія, мы не можемъ, далѣе, не отмѣтить, что оно само было результатомъ глубокихъ юридическихъ и экономическихъ перемѣнъ въ сельско-хозяйственномъ быту. Подъ юридическими перемѣнами мы разумѣемъ здѣсь, конечно, уничтоженіе крѣпостничества и помѣщичьихъ правъ надъ крестьянскою землею, подъ перемѣнами экономическими—вытѣсненіе натуральнаго хозяйства денежнымъ и мелкаго хозяйства крестьянскаго типа хозяйствомъ крупнымъ, помѣщичьимъ или фермерскимъ. 1848 годъ принесъ съ собою окончательную ликвидацію крѣпостническихъ отношеній на Западѣ [1]), а передъ 1870 г. ихъ не существовало уже и въ Восточной Европѣ, такъ что объ этомъ предметѣ для послѣднихъ десятилѣтій XIX в. не можетъ быть и рѣчи. Достаточно только отмѣтить, что во многихъ случаяхъ освобожденіе крестьянъ и ихъ собственности отъ помѣщичьей власти сопровождалось открѣпленіемъ ихъ отъ земли, что, между прочимъ, имѣло мѣсто и въ прусской крестьянской реформѣ XIX в., окончившейся уменьшеніемъ площади крестьянскаго землевладѣнія [2]). Съ другой стороны, замѣна натуральной аренды денежною и мелкой крупною (или развитіе помѣщичьяго и фермерскаго хозяйства на счетъ крестьянскаго) отрывала отъ земли массу прежнихъ самостоятельныхъ хозяевъ, превращало ихъ въ пролетаріевъ и заставляло искать средствъ къ жизни въ иныхъ мѣстахъ. Отсюда эмиграція не только въ другія страны, но особенно въ города и ростъ городского населенія вообще и населенія бездомнаго въ особенности, какъ это мы ранѣе всего видимъ въ Англіи [3]). Конечно, въ данномъ случаѣ не нужно упускать изъ виду такого важнаго фактора, какъ вообще увеличеніе въ странѣ населенія путемъ естественнаго его приращенія вслѣдствіе перевѣса числа рожденій надъ числомъ смертей. Въ этомъ отношеніи весьма наглядный и показательный примѣръ изъ исторіи

---

[1]) Т. V, глава XXX.

[2]) Т. IV, стр. 539—540.

[3]) Т. III, 107 и слѣд. и т. IV, стр. 553 и слѣд.

послѣдней трети XIX в. представляетъ собою быстрое возрастаніе населенія въ Германіи [1]), которая именно въ этотъ періодъ изъ всѣхъ странъ Запада и сдѣлала наибольшіе успѣхи въ своемъ промышленномъ развитіи и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обогнала Францію съ ея почти не увеличивающимся населеніемъ [2]). На это какъ-разъ время и падаетъ превращеніе Германіи изъ „аграрнаго" въ „индустріальное" государство.

Итакъ, обезземеленіе сельской массы,—само вызываемое и ростомъ населенія, уже не могущаго питаться исключительно отъ земли,—является однимъ изъ важнѣйшихъ условій образованія городского пролетаріата. Другимъ такимъ условіемъ было паденіе мелкаго производства, поддерживавшагося цеховыми уставами средневѣкового происхожденія. Еще въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX эти уставы были помѣхою для возникновенія въ городахъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, но и тогда уже эти законы обходились, наприм., устройствомъ мануфактуръ внѣ городовъ или мануфактуръ привилегированныхъ, т.-е. „королевскихъ", „герцогскихъ" и т. п., въ послѣдней же трети XIX в. цеховыхъ препятствій для развитія крупной промышленности болѣе не существовало, и съ этой стороны, ничто уже не мѣшало естественному процессу концентраціи производства. Нужно прибавить, что еще передъ отмѣною цеховыхъ монополій, при сохраненіи еще старой формы, уже сильно стало измѣняться самое существо цехового строя [3]). Въ эпоху процвѣтанія цеховъ хозяинъ каждой мастерской былъ самостоятельнымъ предпринимателемъ, но мало-по-малу онъ началъ превращаться въ кустаря, зависящаго отъ болѣе богатаго предпринимателя, что приближало его уже къ положенію наемнаго рабочаго. Новѣйшія изслѣдованія въ области историческаго развитія обрабатывающей промышленности на Западѣ оставляютъ внѣ всякаго сомнѣнія, что переходъ ремесленно-цехового строя въ фабричный совершался черезъ строй кустарный или, какъ выражаются нѣмцы, черезъ „Hausindustrie", когда прежній самостоятельный мастеръ-предприниматель превращался, какъ называютъ это теперь французы, въ мастера-рабочаго (maître-ouvrier). Мелкія мастерскія продолжали еще существовать, но онѣ уже были не самостоятельными единицами, а только частями болѣе крупныхъ предпріятій: стоило только, наприм., перенести станки ткачей-кустарей изъ отдѣльныхъ помѣщеній въ одно общее, какъ получалась „manufacture réunie",

---

[1]) См. выше, стр. 50.

[2]) См. выше стр. 15.

[3]) Для дальнѣйшаго глава XVIII перваго тома „И. З. Е." и глава IX третьяго тома, равно какъ первая изъ указанныхъ главъ четвертаго, а кромѣ того, стр. 221—240 моей книги „Западно-европейская абсолютная монархія".

одна изъ предшественницъ современной фабрики. Этотъ процессъ индустріальной концентраціи былъ особенно хорошо выясненъ Марксомъ и его послѣдователями [1]). Отъ „Коммунистическаго манифеста" 1848 г. до „Эрфуртской программы" 1891 г. [2]) идетъ цѣлый рядъ марксистскихъ заявленій въ этомъ смыслѣ. Названная программа, какъ мы увидимъ, прямо и начинается съ указанія на то, что экономическое развитіе „бюргерскаго" общества „съ естественною необходимостью" (mit Naturnothwendigkeit) влечетъ за собою „гибель мелкаго производства" (Untergang des Kleinbetriebes) и, „отрывая работника отъ средствъ производства", превращаетъ его „въ неимущаго пролетарія" (in einen besitzbosen Proletarier), въ то самое время, какъ „раздавленное мелкое производство вытѣсняется колоссальнымъ производствомъ крупнымъ". Эту формулу можно оспаривать только въ томъ случаѣ, если ей придается безусловное, всеобъемлющее значеніе, т.-е. если она распространяется на всякое мелкое производство, но въ общемъ и цѣломъ она, конечно, вѣрна. Въ послѣдней трети XIX в. формула Маркса особенно оправдалась на Германіи, которая еще въ серединѣ XIX в. была страною мелкаго, ремесленно-кустарнаго производства. Процессъ постепеннаго паденія послѣдняго сопровождался пролетаризаціей бывшихъ мелкихъ независимыхъ или только полузависимыхъ мелкихъ мастеровъ [3]). Какъ извѣстно, оффиціальное ученіе марксизма, именно на эту индустріальную концентрацію и возложило всѣ свои надежды, какъ на наступленіе того условія, при которомъ только и можетъ произойти окончательный соціальный переворотъ. Прибавимъ еще, что уже разсмотрѣнное измѣненіе въ сельскомъ быту нанесло ущербъ и сельскимъ кустарнымъ промысламъ, поскольку они служили подспорьемъ для мелкихъ сельскихъ хозяевъ: превращеніе послѣднихъ въ бездомныхъ батраковъ дѣлало невозможнымъ и для нихъ оставаться кустарями.

Рядомъ съ обезземеленіемъ части сельскаго населенія и съ паденіемъ цехового строя въ городахъ третьимъ существеннымъ моментомъ въ созданіи современной капиталистической промышленности было введеніе, какъ извѣстно, двигательной (паровой) и рабочихъ (прядильныхъ, ткацкихъ и т. п.) машинъ. Здѣсь не мѣсто разсматривать тѣ послѣдствія, которыя вообще повлекло за собою введеніе машинъ [4]); напомнимъ только, что первою страною, гдѣ широко воспользовались механическими изобрѣтеніями второй половины XVIII в., была Англія, которой даже долгое время въ этомъ отношеніи принадлежала

[1]) Т. V, стр. 390 и 394—395 и т. VI, ч. I, стр. 279.
[2]) См. ниже, въ слѣд. главѣ.
[3]) На аналогичный процессъ указывается и въ области мелкой торговли.
[4]) Т. IV, стр. 570—573.

монополія. Англія,—всѣ это знаютъ, — раньше другихъ странъ вступила на дорогу современной капиталистической индустріи, другія же страны лишь позднѣе и большею частью не такъ широко и полно стали захватываться процессомъ превращенія изъ аграрныхъ въ индустріальныя съ крупнымъ, капиталистическимъ, машиннымъ производствомъ. Первый опытъ примѣненія паровой машины къ обрабатывающей промышленности сдѣланъ былъ въ Англіи въ 1785 г., за четыре года до французской революціи, и къ этой же эпохѣ относятся введеніе въ прядильное и ткацкое производство новыхъ механическихъ станковъ. Раньше другихъ начала перенимать у Англіи ея техническія изобрѣтенія Франція, но въ общемъ до революціи не успѣла ничего сдѣлать, такъ какъ англичане держали свои изобрѣтенія въ строгомъ секретѣ, потомъ же начались во Франціи внутреннія смуты и вспыхнула между обѣими странами продолжительная война, совсѣмъ прекратившая всякое общеніе между ними. Правда, въ эпоху первой имперіи во Франціи также были сдѣланы свои механическія изобрѣтенія въ областяхъ прядильной и ткацкой промышленности, но настоящимъ періодомъ введенія машиннаго производства въ этой странѣ была только эпоха реставраціи [1]). Къ серединѣ XIX в. во Франціи машины уже играли главную роль въ сильно развившемся къ этому времени крупномъ производствѣ, но Англіи попрежнему принадлежало въ данномъ отношеніи первенство, и одною изъ видныхъ статей англійскаго вывоза въ другія страны сдѣлались машины, особенно послѣ того, какъ въ 1843 г. парламентъ объявилъ полную свободу для ихъ вывоза за границу [2]). Германія въ это время была еще страною сельскаго хозяйства и мелкаго производства, въ которой едва только начиналось введеніе машинъ, встрѣчавшихъ со стороны рабочихъ нерѣдко такую же вражду, какъ это было и въ Англіи въ первыя времена механизаціи отдѣльныхъ производствъ [3]). По отношенію къ экономическому развитію Германію середины XIX в. прямо даже ставятъ на одну доску съ Англіей конца XVIII в. [4]), и переживать эволюцію на англійскій образецъ Германія стала лишь въ эпоху своего объединенія, что и придаетъ столь большой интересъ экономической исторіи Германской имперіи. Конечно, однако, ни Франція, ни Германія, ни разныя другія страны, гдѣ еще позднѣе начала развиваться крупная, капиталистическая, машинная индустрія, въ свои переходныя эпохи къ современному капиталистическому строю

---

[1]) Т. IV, стр. 593—595.
[2]) Т. V, стр. 96.
[3]) Т. IV, стр. 573 и 590 и т. V, стр. 372.
[4]) Т. V, стр. 818—819.

далеко не повторяли съ буквальною точностью экономическую исторію Англіи за соотвѣтственный фазисъ ея развитія.

Нѣкоторыя слѣдствія, какими сопровождалась индустріальная революція конца XVIII и начала XIX в. въ Англіи, переходъ изъ одного экономическаго состоянія въ другое, конечно, равнымъ образомъ влекъ за собою повсемѣстно, но нѣкоторыхъ слѣдствій, наоборотъ, странамъ, позднѣе выступившимъ на этотъ путь, пришлось избѣжать отчасти подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, не зависящихъ отъ воли человѣка, отчасти вслѣдствіе правительственныхъ мѣропріятій и предусмотрительности самихъ промышленныхъ классовъ общества.

Изъ слѣдствій, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ кризисы, время отъ времени переживавшіеся капиталистическою промышленностью и особенно характеризующіе индустріальную исторію Англіи въ новѣйшее время [1]). То, что можно назвать цикличностью, или періодичностью капиталистическаго производства [2]), по своей загадочности стало даже предметомъ ряда теоретическихъ изслѣдованій въ экономической литературѣ [3]), тѣмъ болѣе,

---

[1]) Т. IV, стр. 575—583.

[2]) „Ростъ капиталистическаго производства идетъ не по прямой, а по волнообразной линіи, причемъ послѣдовательные подъемы и паденія этихъ волнъ совершаются съ такою правильностью, которая напоминаетъ явленія не соціальнаго, а біологическаго, даже неорганическаго порядка“. *М. Туганъ-Барановскій.* Основы политической экономіи (1909), стр. 724. Ср. также слѣдующія страницы указаннаго труда, на которыхъ дается общая картина „закономѣрнаго“ прохожденія капиталистическими циклами „нѣсколькихъ неизмѣнно смѣняющихъ другъ друга цикловъ“.

[3]) Указанія на нее см. на стр. 755—757 книги, названной въ предыдущемъ примѣчаніи. Ея авторъ—*М. И. Туганъ-Барановскій*, самъ немало поработалъ надъ теоріей и исторіей кризисовъ. Въ 1894 г. вышла въ свѣтъ (потомъ изданіе было повторено) его книга „Промышленные кризисы современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь“, и я уже имѣлъ возможность воспользоваться ею въ IV томѣ „Ист. Зап. Евр.“, вышедшемъ въ томъ же году, какъ и названная книга. Ему же принадлежатъ еще: „Промышленные кризисы“ (1900) и „Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England“ (1901), а также особая глава о „кризисахъ капиталистическаго хозяйства“ въ „Основахъ политической экономіи“ (1909), стр. 724—755. Изъ новѣйшихъ трудовъ отмѣтимъ: *А. Чупровъ.* О характерѣ и причинахъ современныхъ промышленныхъ кризисовъ въ Западной Европѣ“ (1889). — *Juglar.* Des crises commerciales et de leur retour périodique (1889). — *Hyndman.* Commercial crises of XIX century (1892). — *Bergmann.* Geschichte der nationalökonomischen Krisentheorien (1895).—*Jones.* Economic crises (1900).—*May.* Das Grundgesetz der Wirtschaftskrisen (1902). — *Pohle.* Bevölkerungsbewegung, Kapitalbildung und periodische Wirtschaftskrisen (1902). — *К. Каутскій.* Теоріи кризисовъ (1907). — *Bouniatian.* Studien zur Theorie und Geschichte der Wirtschaftskrisen (1908). — *Лескюръ.* Общіе и періодическіе промышленные кризисы (1908).

что и въ послѣдней трети XIX в. отдѣльныя индустріальныя страны переживали періодическіе кризисы. При этомъ, однако, были замѣчены за указанный періодъ и нѣкоторыя совершенно новыя особенности. Наприм., въ Англіи прежніе кризисы обыкновенно сопровождались очень рѣзкими потрясеніями кредита, массовыми банкротствами, пріостановками платежей изъ банковыхъ учрежденій, общественною паникою и т. п. Гораздо болѣе интересною съ общеисторической точки зрѣнія является другая особенность промышленныхъ кризисовъ послѣдней трети прошлаго вѣка. Именно, съ семидесятыхъ годовъ XIX столѣтія „фазисы подъёма и застоя,—говоритъ русскій изслѣдователь кризисовъ,—охватываютъ собою одновременно или почти одновременно весь капиталистическій міръ. Промышленные застои конца семидесятыхъ, половины восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, равно какъ и текущаго столѣтія, имѣли вполнѣ міровой характеръ; разница была лишь въ томъ, что въ различныхъ странахъ промышленный застой имѣлъ различную степень интенсивности“ [1]). Если, какъ мы это только-что видѣли, англійскіе кризисы послѣднихъ десятилѣтій были непохожи на кризисы прежняго времени и потому сдѣлались лишь болѣе или менѣе продолжительными періодами промышленнаго застоя, то въ болѣе молодыхъ капиталистическихъ странахъ, въ Германіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, промышленные кризисы данной эпохи были не менѣе интенсивны, нежели тѣ, какіе испытывала и Англія въ болѣе отдаленныя времена. Дѣло въ томъ, что въ послѣдней трети XIX в. Англія потеряла свое прежнее гегемоническое положеніе въ промышленности и торговлѣ всего міра [2]). Раньше подъёмы производства въ этой странѣ имѣли болѣе рѣзко выраженный характеръ, нежели теперь, а потому,—какъ это всегда наблюдается,—и слѣдовавшія за ними паденія совершались съ большею быстротою, влекшею всегда за собою общее разстройство кредита. Притомъ значительную часть своихъ капиталовъ Англія стала помѣщать въ другихъ странахъ, что тоже не могло остаться безъ вліянія на меньшую интенсивность ея кризисовъ. Совсѣмъ иное зрѣлище представляютъ намъ страны съ болѣе молодою капиталистическою промышленностью и среди нихъ прежде всего Германія, съ необычайною быстротою развившая свою промышленность къ концу XIX в.

Мы знакомы уже съ этимъ развитіемъ изъ другихъ мѣстъ настоящаго тома [3]). Германія въ эпоху своего объединенія превратилась

---

[1]) *М. Туганъ-Барановскій*. Основы политической экономіи, стр. 733—734.

[2]) О промышленно-торговомъ развитіи Англіи въ серединѣ XIX в. см. т. V, стр. 761—763, а о потерѣ ею прежняго положенія выше, стр. 257—258.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 271—272 и выше, стр. 50—51 и 257—258. См. также

изъ аграрнаго государства въ индустріальное, сдѣлавшееся даже весьма опаснымъ соперникомъ для промышленности, торговли и колоніальнаго могущества Англіи. Быстрое развитіе въ Германіи обрабатывающей промышленности не могло не сопровождаться тѣми же явленіями, какія въ свое время переживала и Англія. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчателенъ уже упоминавшійся нами кризисъ, или „крахъ“ начала семидесятыхъ годовъ, бывшій слѣдствіемъ усиленнаго грюндерства [1]). Вообще фазисы промышленнаго подъема, это — „періоды усиленнаго строительства и устройства новыхъ промышленныхъ предпріятій“ [2]), когда „созданіе новаго основного капитала страны — строительство и грюндерство разнаго рода — не можетъ не сопровождаться общимъ оживленіемъ промышленности“, поскольку „всякое крупное расходованіе капитала (наприм., постройка желѣзной дороги) создаетъ усиленный спросъ не только на элементы основного капитала (желѣзо, машины, дерево и пр.), но и на предметы общественнаго потребленія, такъ какъ рабочіе, занятые на постройкѣ, предъявляютъ усиленный спросъ на предметы потребленія, равно какъ и капиталисты, барыши которыхъ во время промышленнаго подъема особенно велики“. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить, что и въ германскомъ, и въ австрійскомъ кризисахъ начала семидесятыхъ годовъ видную роль играла спекуляція,—имѣвшая мѣсто и въ разныхъ кризисахъ во Франціи [3]),—и что, съ другой стороны, въ 1873 г., когда произошли германскій и австрійскій крахи, наблюдался и міровой кризисъ, задѣвшій, между прочимъ, и самоё Англію. Послѣднее обстоятельство важно, какъ указаніе на усиленіе той взаимозависимости, которая установилась въ экономической жизни между отдѣльными странами.

Прежде, однако, чѣмъ остановиться на этомъ предметѣ, коснемся

ниже, въ этой же главѣ, именно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о сравнительной отсталости экономическаго развитія Франціи и въ частности въ концѣ длиннаго примѣчанія о трудѣ *Levasseur'a*, равно какъ, нѣсколько дальше, гдѣ рѣчь идетъ о ростѣ городского населенія.

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 252. Ср. объ аналогичномъ крахѣ въ Австріи тамъ же, на стр. 371, прим. 2.

[2]) Ср. *М. Туганъ-Барановскій.* Основы политической экономіи, стр. 747—748.

[3]) Крахи спекулятивныхъ предпріятій, въ родѣ французской „панамы“ (см. выше, стр. 186—189), — а такихъ былъ не одинъ во Франціи,—не производятъ въ общемъ такого губительнаго дѣйствія, какъ кризисы, вытекающіе изъ общихъ причинъ, хотя нерѣдко и рѣзче бросаются въ глаза. Во Франціи, кромѣ краха „панамы“, много заставило еще говорить о себѣ банкротство, въ 1882 г., финансоваго общества Union générale, во главѣ котораго стоялъ покровительствуемый папою консерваторъ Бонту (первообразъ Саккара, главнаго героя въ романѣ Зола „L'argent“) и другого подобнаго же предпріятія подъ руководствомъ оппортуниста Саварп, бывшаго депутатомъ.

еще одной темы, связанной съ исторіей капитализма. Разсматривая въ своемъ мѣстѣ слѣдствія индустріальной революціи въ Англіи въ началѣ XIX в., мы не могли не отмѣтить страшнаго развитія среди ея рабочаго класса такъ называемаго пауперизма, или нищеты [1]), картины которой были запечатлѣны еще въ серединѣ сороковыхъ годовъ въ знаменитой книгѣ Энгельса „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“ [2]). Извѣстно, что ко второй половинѣ XIX в. положеніе англійскихъ рабочихъ улучшилось [3]), благодаря замѣчательному развитію въ Англіи промышленности и ея господству на всемірномъ рынкѣ, хотя каждый разъ промышленный кризисъ тотчасъ же отражался на повышеніи цифры пауперовъ [4]). Кромѣ преобладанія англійскихъ товаровъ на всемірномъ рынкѣ, создававшаго для англійскихъ рабочихъ болѣе выгодныя условія продажи ими своего труда, тутъ дѣйствовало и другое обстоятельство. Когда въ Англіи фабрика не была еще исключительною формою національнаго труда, она, съ одной стороны, не въ состояніи была давать работу всѣмъ свободнымъ рукамъ, а съ другой, сравнительною дешевизною своихъ продуктовъ понижала заработки мелкихъ производителей, что, въ свою очередь, не могло не отражаться и на высотѣ заработка фабричныхъ рабочихъ. Въ Англіи окончательная побѣда фабричнаго производства надъ кустарнымъ въ области текстильной промышленности относится только къ пятидесятымъ годамъ XIX в. Именно въ это время пролетаріатъ окончательно сдѣлался въ Англіи господствующимъ классомъ населенія, занятаго физическимъ трудомъ, и съ этого времени начинается ростъ заработной платы [5]). Однако, въ общемъ улучшеніе быта англійскихъ рабочихъ во второй половинѣ XIX в. далеко не обозначаетъ собою изчезновенія въ странѣ пауперизма. Въ концѣ столѣтія нѣкто Чарльзъ Бутсъ (Booth) произвелъ очень подробное изслѣдованіе тѣхъ условій, въ какихъ жило рабочее населеніе столицы богатѣйшей страны въ мірѣ [6]). Около одной десятой лондонскаго населенія онъ опредѣлялъ,

---

[1]) Т. IV, стр. 583—587.

[2]) Т. V, стр. 388.

[3]) Въ 1842 г. оффиціальная цифра пауперовъ опредѣлялась въ 1.430.000, а къ 1861 г. она понизилась до 890.000. Т. V, стр. 762.

[4]) Иногда на 20 и болѣе процентовъ. Т. V, стр. 763.

[5]) См. въ слѣдующей главѣ.

[6]) *Ch. Booth.* Life and labour of the people of London (1892) и *его же* The aged poor in England and Wales. Авторъ этихъ работъ—не Вильямъ Бутсъ, который былъ основателемъ извѣстной „арміи спасенія“, (Salvation army), направлявшей свою дѣятельность тоже особенно на низшіе классы населенія. Послѣднему принадлежитъ „In darkest England and the way out“ (1890), гдѣ тоже изображается бѣдственное положеніе пауперовъ и предлагается цѣлый планъ помощи бѣднѣйшему населенію. Эта книга имѣла колоссальный успѣхъ

какъ группу, находившуюся въ совершенной нищетѣ, и въ значительной своей части состоявшую изъ профессіональныхъ нищихъ, воровъ и т. п. или же изъ людей, пробивающихся случайными заработками. Затѣмъ болѣе одной пятой населенія Лондона онъ относилъ къ категоріи не самой крайней бѣдности, но и эта группа была лишена сколько-нибудь прочныхъ заработковъ, что ставило ея представителей нерѣдко на край настоящей нищеты. Въ общей суммѣ пауперизмъ въ лондонскомъ населеніи могъ быть тогда опредѣленъ цѣлою его третью. Кромѣ того, Бутсъ обнаружилъ—уже для всей Англіи съ Уэльсомъ,—что среди пауперовъ, получающихъ общественное пособіе, находилась безъ малаго третья часть всѣхъ стариковъ страны, которые уже перешли за 65 лѣтъ. Конечно, пауперизмъ присущъ не одной Англіи, да и вообще не однѣмъ только капиталистическимъ странамъ: стòитъ только вспомнить, напр., Сицилію съ ея сельскимъ пролетаріатомъ [1]). Но о пауперизмѣ здѣсь зашла рѣчь въ связи именно съ развитіемъ капитализма, давшей, какъ извѣстно, Марксу поводъ, на основаніи наблюденій надъ Англіей, говорить объ общемъ обнищаніи населенія въ капиталистическомъ обществѣ [2]). Англійскія отношенія временъ индустріальной революціи и острыхъ промышленыхъ кризисовъ второй четверти XIX в. представляли достаточно данныхъ для такого пессимистическаго вывода, но въ Германіи быстрое развитіе промышленности не сопровождалось такими послѣдствіями, благодаря тому, что оно сразу же дало работу нуждавшемуся въ ней населенію. Однимъ изъ фактовъ, указывающихъ на это, является то обстоятельство, что какъ-разъ въ періодъ пріобрѣтенія Германіей колоній, эмиграція изъ нея очень сильно сократилась сравнительно съ предыдущимъ временемъ [3]). Нельзя лишь отрицать того, что быстрое накопленіе капиталовъ въ концѣ концовъ все-таки совершается на счетъ рабочей массы, на долю ко-

---

и была переведена на разные языки, между прочимъ и русскій („Въ трущобахъ Англіи", 1891; съ предисловіемъ *Р. И. Сементковскаго*). О дѣятельности этого *Booth'а* и объ арміи спасенія существуетъ цѣлая литература въ видѣ работъ *Sihramm'а* (1883), *Kolde* (1885), *Pestalozzi* (1886), *Railton'а* (1886) и др., а по-русски *проф. И. И. Янжула* (статья „Въ трущобахъ Англіи" въ „Сѣв. Вѣстн." за 1891) и др. Новѣйшій трудъ — The Salvation army and poor law problem (1909).

[1]) Отсылаю къ хотя и не новой (1876), но до сихъ поръ не устарѣвшей книгѣ *Соннино*, названной въ прим. на стр. 283 второй части VI тома.

[2]) „Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ, писалъ Марксъ въ I томѣ „Капитала" (1867), есть въ то же время накопленіе нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т.-е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала".

[3]) Ср. выше, стр. 49.

торой остается вообще лишь небольшая часть вырабатываемаго ею продукта.

Если для начала XIX в. страною, на исторіи которой можно тогда изучать эволюцію современнаго капитализма, является Англія, то для конца того же столѣтія значеніе своего рода классическаго примѣра капиталистической эволюціи должно быть признано за Германіей. Это не значитъ, чтобы данный процессъ не совершался болѣе или менѣе замѣтно и въ другихъ странахъ, но нигдѣ, — въ Европѣ, по крайней мѣрѣ [1]),—съ такою быстротою и даже полнотою не происходило превращеніе аграрнаго столь еще недавно государства въ индустріальное. Въ началѣ XIX в. Англія переживала ту ступень экономическаго развитія, которую суждено было потомъ переживать и другимъ націямъ, въ томъ числѣ и Германіи, въ данномъ отношеніи особенно и ушедшей впередъ къ концу XIX в. Можно даже сказать, что въ этомъ процессѣ однѣ націи толкаютъ другія на становящійся общимъ для всѣхъ путь капиталистической эволюціи, и что усиливающееся, благодаря паровому транспорту, экономическое взаимодѣйствіе всѣхъ частей свѣта создаетъ сложную систему міровыхъ хозяйственныхъ отношеній, все болѣе и болѣе втягивающую въ свой круговоротъ отдѣльныя страны, а также что само это созидающееся міровое хозяйство все сильнѣе проникается тенденціями капитализма. Однимъ изъ признаковъ и вмѣстѣ факторовъ этого послѣдняго процесса является замѣчаемый въ настоящее время въ громадныхъ размѣрахъ постоянный отливъ капиталовъ изъ болѣе экономически развитыхъ въ менѣе экономически развитыя страны. Въ Европѣ первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Англіи, сдѣлавшейся банкиромъ для другихъ націй еще въ началѣ XIX в. [2]). Уже въ первые годы послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка общая сумма англійскаго капитала, помѣщеннаго за границей, опредѣлялась въ 25 милліардовъ (25.000.000.000) рублей съ ежегоднымъ увеличеніемъ этой колоссальной цифры на два процента (на 500 милліоновъ р.). Франція, равнымъ образомъ, имѣетъ помѣщенными за границей около 15 милліардовъ рублей и ежегодно увеличиваетъ эту сумму даже еще на 3.75% (болѣе чѣмъ на 550 милліоновъ рублей). Германія тоже дала помѣщеніе своимъ капиталамъ въ другихъ странахъ на двѣнадцать съ половиною милліардовъ и т. п. Извѣстно также, что маленькая Бельгія постоянно оплодотворяетъ своими капиталами индустріи отсталыхъ странъ. Изъ болѣе богатыхъ странъ въ болѣе бѣдныя капиталы устремляются въ виду того, что въ нихъ, этихъ менѣе экономически

---

[1]) Внѣ Европы достойны особаго вниманія Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Японія.

[2]) Ср. т. IV, стр. 578.

развитыхъ странахъ, прибыль стоитъ на болѣе высокомъ уровнѣ. Это—явленіе, не требующее, чтобы стать понятнымъ, длинныхъ объясненій: суть дѣла въ томъ, что капиталисты предпочитаютъ помѣщать свои „сбереженія“ тамъ, гдѣ за пользованіе послѣдними дороже платятъ, а это именно они и находятъ въ странахъ съ отсталою культурою. Въ этихъ государствахъ капиталистическія предпріятія конкурируютъ не столько между собою, сколько съ мелкою, некапиталистическою промышленностью, которая ими мало-по-малу вытѣсняется и на счетъ которой, такимъ образомъ, и происходитъ ростъ новыхъ капиталистическихъ предпріятій. Найдено, что въ странахъ, гдѣ, капиталистическое производство только еще начинаетъ насаждаться, расширеніе рынка для произведеній крупной индустріи совершается гораздо легче, нежели въ странахъ съ давно упрочившимся капитализмомъ. Наконецъ, и рабочая плата въ болѣе культурныхъ странахъ выше, въ менѣе культурныхъ — ниже, что выгоднѣе для предпринимательскихъ барышей. Въ свою очередь, борьба за существованіе, происходящая между отдѣльными націями, заставляетъ болѣе отсталыя изъ нихъ стремиться къ тому, чтобы не отставать отъ своихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей посредствомъ развитія собственной промышленности и торговли, равно какъ увеличенія военныхъ силъ, для чего обыкновенно мѣстныхъ средствъ не хватаетъ и потому приходится занимать. Такимъ образомъ, капиталъ все болѣе и болѣе дѣлается международнымъ и тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе содѣйствуетъ насажденію капиталистическихъ предпріятій въ болѣе отсталыхъ странахъ и во всемъ мірѣ [1]).

Установленію большей взаимозависимости отдѣльныхъ странъ въ экономическомъ отношеніи очень много способствовало развитіе

---

[1]) Для примѣра того, какъ приливъ денегъ изъ-за границы оживляетъ промышленность страны, см. о вліяніи полученія Германіей французской контрибуціи на германскую промышленность. Т. VI, ч. 1, стр. 252. Въ книгѣ *проф. А. А. Исаева* „Мировое хозяйство“ (1910), вышедшей въ свѣтъ передъ самою сверсткою этого листа 2 ч. VI т., высказывается мысль, что безъ войны 1870—71 г. „Германія была бы, несомнѣнно, бѣднѣе: безъ войны... она не имѣла бы средствъ, дабы за короткое время поднять многія отрасли производства на тотъ высокій уровень техники и хозяйства, которыя дѣлаютъ ихъ образцовыми для другихъ народовъ“, стр. 29. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ прибавляетъ: „я расхожусь по этому вопросу съ мнѣніемъ, довольно распространеннымъ во французской литературѣ, будто главнымъ условіемъ промышленнаго развитія Германіи послужило основаніе таможеннаго союза, а не результаты войны 1870 г. Безспорно, таможенный союзъ былъ важнымъ условіемъ для хозяйственнаго развитія страны; однако, за 30 лѣтъ, отъ таможеннаго объединенія до 1870 г., Германія сдѣлала въ области промышленности и торговли гораздо меньшіе успѣхи, чѣмъ въ одно десятилѣтіе, которое слѣдовало за войной“, стр. 484.

международной торговли, обязанное усовершенствованнымъ способамъ перевозки товаровъ. Успѣхи парового транспорта повлекли за собою цѣлый рядъ хозяйственныхъ перемѣнъ въ отдѣльныхъ странахъ. Въ своемъ мѣстѣ, наприм., было отмѣчено, что въ Англіи второй половины XIX в. сельское хозяйство стало испытывать тяжелый кризисъ [1]), главная же причина этого факта заключалась въ томъ, что на англійскомъ рынкѣ появился въ большихъ количествахъ хлѣбъ, производившійся въ экстенсивныхъ хозяйствахъ Россіи и Америки [2]). Прибавимъ, что отмѣченный фактъ экономической исторіи Англіи не стоитъ особнякомъ, потому что не одна она — и подъ тѣмъ же вліяніемъ — переживала сельско-хозяйственный кризисъ. Чѣмъ далѣе развивается международное общеніе въ хозяйственной жизни отдѣльныхъ странъ, тѣмъ чаще обнаруживаются въ нихъ извѣстныя общія явленія [3]).

Когда мы говоримъ объ экономическомъ развитіи Германіи, мы должны имѣть въ виду не только то, что Германія стала догонять Англію, но и то, что она обогнала Францію. Изъ этихъ двухъ сосѣднихъ странъ материка первая еще до середины XIX в., несомнѣнно, стояла выше второй въ промышленномъ отношеніи. Мы уже отмѣчали въ своемъ мѣстѣ [4]), что передъ войною 1870 г. населенность обѣихъ странъ была почти одинаковою, но что потомъ въ приростѣ своего населенія Германія стала быстро обгонять Францію. Извѣстно вообще, что населеніе во Франціи остается почти неподвижнымъ, тогда какъ въ Германіи оно увеличилось въ полтора раза [5]). Съ другой стороны, вслѣдствіе дороговизны во Франціи каменнаго угля, эта страна не могла сколько-нибудь успѣшно конкуррировать съ Германіей въ массовомъ производствѣ, какъ не могла раньше конкуррировать и съ Англіей. Наконецъ, въ Алжирѣ и вообще въ своихъ африканскихъ владѣніяхъ Франція имѣла обширныя области, которыя доставляли ей пищевые продукты, причемъ по отношенію къ пшеничному, свекло-сахарному и т. п. производствамъ, внутри самой страны для огражденія ихъ отъ иностранной конкурренціи въ восьмидесятыхъ годахъ были введены высокія пошлины. Эти три обстоятельства, т.-е. стаціонарность населенія, дороговизна каменнаго угля и достаточное количество собственныхъ пищевыхъ продуктовъ и про-

---

[1]) См. выше, стр. 257.

[2]) Соединенныхъ Штатовъ и Аргентины.

[3]) Ср. послѣднюю главу настоящаго тома. По затронутому вопросу только-что вышедшая книга *проф. Исаева*, названная въ примѣчаніи на стр. 438. Въ ней авторомъ разсматриваются главныя формы экономическихъ отношеній между народами и значеніе мірового хозяйства для общественной жизни отдѣльныхъ странъ.

[4]) См. выше, стр. 15.

[5]) См. выше, стр. 50.

извели то, что Францiя, если такъ можно выразиться, какъ бы осталась въ сторонѣ отъ общаго экономическаго движенія эпохи [1]). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ во Франціи при третьей республикѣ прямо даже обнаруживается не прогрессъ, а регрессъ. Наприм., за двадцатилѣтній періодъ, предшествовавшій войнѣ 1870 — 71 г., общая цифра французской внѣшней торговли (какъ ввозной, такъ и вывозной) болѣе чѣмъ утроилась, поднявшись съ $2^1/_2$ милліардовъ до 8 милліардовъ франковъ, тогда какъ за первую четверть вѣка послѣ войны эта цифра увеличилась едва на 26%, именно съ почти $7^1/_4$ милліардовъ до безъ малаго 10 милліардовъ. Другими словами, въ среднемъ для пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ ежегодный приростъ внѣшней торговли выражается, по крайней мѣрѣ, десятью процентами сравнительно съ исходной цифрой, а въ послѣднія три десятилѣтія, можетъ быть,—только однимъ процентомъ. Между тѣмъ, въ другихъ странахъ и особенно въ Германіи внѣшняя торговля дѣлала очень крупные успѣхи. Въ 1880 г. германскій ввозъ и вывозъ, вмѣстѣ взятые, составляли цифру въ 4,8 милліардовъ марокъ, а въ 1899 г. соотвѣтственная сумма ввоза и вывоза была уже въ десять слишкомъ милліардовъ, что равносильно болѣе, нежели удвоенію торговыхъ оборотовъ, т.-е. ежегодному увеличенію исходной цифры на 5% [2]). Въ своей внѣшней торговлѣ Францiя давно отстала отъ Германіи и, напр., въ 1905 г. ввозила, считая на германскія марки, на 4,8 милліардовъ и вывозила на 5 милліардовъ, тогда какъ соотвѣтственныя цифры въ Германіи для 1906 г. [3]) таковы: 8,7 и 6,8 милліардовъ.

---

[1]) Нѣмецкій экономическій историкъ *Г. Зивекингъ (Sieveking)* въ небольшой, переведенной и на русскій языкъ, книжкѣ „Внѣшняя торговая политика“ (1908) говоритъ о торговой политикѣ Англіи, какъ „расширяющагося промышленнаго государства“ (стр. 91), а о торговой политикѣ Франціи, какъ „политикѣ неподвижнаго хозяйничества старой культуры“ (стр. 106). „Замкнутое хозяйство,—читаемъ мы у него,—автаркія, нигдѣ не является болѣе возможнымъ, чѣмъ во Франціи“, стр. 110. „Франціи, говоритъ онъ еще, удалось сдѣлать образованіе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты болѣе или менѣе независимымъ отъ міровыхъ цѣнъ“, стр. 11. „Какъ-разъ, — указываетъ онъ, кромѣ того,—девяностые годы отмѣчены для многихъ конкуррентовъ Франціи, особенно для Германіи, крупнымъ подъемомъ промышленности и торговли, который прежде всего покоился на машинномъ производствѣ массовыхъ товаровъ. Францiя не принимала соотвѣтствующаго участія въ этомъ подъемѣ“, *ibid.* По опредѣленію *Зивекинга,* Англія и Францiя, двѣ страны со старымъ, развитымъ хозяйствомъ, „заняли весьма различную позицію въ вопросахъ культурнаго прогресса и развитія“: именно, „Францiя старалась при помощи возможно большей хозяйственной изоляціи сохранить свое своеобразіе, Англія же стремилась къ увеличенію своего значенія путемъ установленія теснѣйшей связи съ міровымъ хозяйствомъ“, стр. 112.

[2]) Ср. выше, стр. 50.

[3]) Кстати, англійскія цифры за 1906 г.—12,4 и 9,4 милліардовъ, такъ что

И въ этотъ періодъ, нужно еще замѣтить, временами происходило и прямое паденіе торговли, какъ это наблюдается, напр., въ началѣ девяностыхъ годовъ, когда цифра 1881 года (10,720 милліоновъ франковъ) понизилась въ 1892 г. (до 9,687 милліоновъ фр.) и потомъ еще болѣе понижалась въ 1893 и 1894 г.г. (до 9,227 м. и до 8,919 м.), пока съ 1895 г. снова не начался подъемъ [1]). Во Франціи даже прямо составилось мнѣніе, что „французы не торговая нація въ собственномъ смыслѣ“, какъ это, наприм., и заявилъ одинъ спеціалистъ въ своей работѣ о причинахъ недостаточнаго развитія французской торговли [2]). Нельзя не отмѣтить, что регрессъ обнаруживался во Франціи и въ области сельскаго хозяйства. Напр., за тридцать лѣтъ отъ 1862 по 1892 площадь обрабатываемой земли уменьшилась на 800 милліоновъ гектаровъ,—цифра, чуть не половина которой (около 350 м.) приходится на одно десятилѣтіе между 1882 и 1892 гг. За тѣ же періоды времени (1862—1882 и 1882—1892) площадь, занятая виноградниками уменьшилась съ 2.380.809 гекторовъ сначала до 2.196.799, потомъ до 1.800.489, т.-е. въ общемъ болѣе, чѣмъ на 580 тысячъ гектаровъ [3]). Самая доходность обрабатываемыхъ земель стала расцѣниваться дешевле: въ 1882 г. гектаръ культурной земли перваго качества стоилъ около 3,4 т. франковъ, въ 1892 г.—только около 2,8 т. Указанныя цифры получаютъ особенно интересное освѣщеніе при сопоставленіи съ другими, свидѣтельствующими объ уменьшеніи во Франціи, этой странѣ мелкаго землевладѣнія, именно мелкихъ и среднихъ хозяйствъ, первыхъ (менѣе 10 гектаровъ) за десятилѣтіе между 1882 и 1892 гг. на 17½ тысячъ при общей цифрѣ, превышающей 2,6 мил-

---

первенство все-таки остается за Англіей, въ которой общая цифра достигала въ началѣ XX в. почти 22 милліардовъ марокъ, тогда какъ въ Германіи она была въ 15½ милліардовъ, во Франціи же не составляла полныхъ 10 милліардовъ. Интересно, что цифрами маленькихъ Бельгіи и Голландіи для 1906 г. являются 9,5 и 7,7 милліардовъ. Расчеты эти сдѣланы по „приложенію“ въ названной выше книгѣ *Зивекинга*, который составилъ его на основаніи „Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich“ за 1907 г.

[1]) Изъ общихъ историковъ третьей республики особенно слѣдитъ за цифрами французской торговли *Инсаровъ* въ своей книгѣ „Современная Франція“ (1900), въ которой см. особенно главу XX.

[2]) *G. Aubert* (négociant, commissionnaire, conseiller du commerce intérieur). À quoi tient l'infériorité du commerce français? (1900). См. цитату у *Инсарова* на стр. 377. Этотъ же французскій писатель говоритъ, что въ полномъ соотвѣтствіи съ національнымъ характеромъ французскіе фабриканты неохотно вводятъ новыя машины, вообще не желаютъ измѣнять рутинѣ и обыкновенно стремятся съ небольшими затратами наживать сто на сто.

[3]) Здѣсь, впрочемъ, была спеціальная причина—появленіе гибельной для виноградниковъ филоксеры. Для 1904 г. указываются двѣ цифры: 1.725.000 и даже 1.641.000, обѣ меньше цифры 1892 г.

ліона, вторыхъ (отъ 10 до 40 гектаровъ) на 16 т. при общей цифрѣ, превышающей 700 тысячъ, причемъ поверхность, обрабатываемая мелкой культурой (больше 11 милліоновъ гектаровъ) уменьшилась на $125^{1}/_{2}$ т. гектаровъ, а площадь средней культуры (больше 14 м. г.)—на 530 м. г., тогда какъ крупная культура увеличила занимавшееся ею пространство (болѣе 22 м. г.) почти на 200 т. г., хотя бы число крупныхъ хозяйствъ за это время и уменьшилось. Слѣдовательно, отмѣченное выше уменьшеніе обрабатываемой площади земли приходилось преимущественно на мелкую и среднюю культуру. Уменьшилось за десятилѣтіе 1882—92 гг. и число земледѣльцевъ-собственниковъ почти на 140 тысячъ (съ 3.525,342 до 3.387,245), что было, впрочемъ, продолженіемъ процесса, происходившаго и раньше: за предшествовавшіе два десятка лѣтъ изчезло ихъ около 275 тысячъ, что за всѣ тридцать лѣтъ между 1862 и 1892 г. составляетъ около 410—415 тысячъ [1]). Въ министерство Мелина [2]) въ палатѣ депутатовъ аграрныя отношенія Франціи были даже предметомъ очень горячихъ преній—въ виду тяжелаго экономическаго положенія части сельскаго населенія, а нѣсколько раньше Академія нравственныхъ наукъ поручила одному изъ своихъ сочленовъ, Бодрильяру [3]), изучить положеніе сельскаго населенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ во Франціи. Результатъ изслѣдованія этого ученаго былъ очень мало утѣшительнымъ, такъ какъ обнаружено было явленіе, считавшееся дотолѣ неизвѣстнымъ во французской деревнѣ, т.-е. сельскій пауперизмъ съ быстрымъ возрастаніемъ цифры нуждавшихся въ общественномъ призрѣніи.

Таковы нѣкоторыя данныя, характеризующія экономическую исторію Франціи за послѣднюю треть XIX в., столь непохожую на то, что наблюдается, наприм., въ Германіи. Между тѣмъ, какъ мы уже видѣли [4]), та же самая Франція была банкиромъ другихъ, болѣе отсталыхъ странъ, ссужавшимъ ихъ своими капиталами и успѣшно въ этомъ отношеніи конкуррировавшимъ съ Англіей [5]).

---

[1]) См. въ книгѣ *Инсарова* стр. 422—423.

[2]) См. выше, стр. 191.

[3]) Бодрильяръ извѣстенъ, какъ авторъ многихъ теоретическихъ („Histoire du luxe", 1888—1880) работъ по политической экономіи, а также какъ редакторъ „Journal des économistes".

[4]) См. выше, стр. 437.

[5]) Весьма обильный матеріалъ по экономической исторіи Франціи послѣ 1870 г. собранъ въ объемистомъ томѣ *E. Levasseur'а* „Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république" (1907). Для вопросовъ, затронутыхъ нами въ текстѣ, важны главы I—объ успѣхахъ и колебаніяхъ французской промышленности, IV — о средствахъ сообщенія и торговлѣ, V — объ индустріальномъ населеніи и X — о народномъ богатствѣ (la fortune) французовъ, не считая главы IX — о заработной платѣ и стоимости (le coût) жизни,

При нѣкоторой общей тенденціи новѣйшаго экономическаго развитія хозяйственная жизнь отдѣльныхъ странъ складывалась, конечно,

---

имѣющей больше отношенія къ слѣдующей главѣ настоящаго тома. (Остальныя главы тоже посвящены преимущественно исторіи рабочихъ). Конечно, Левассеръ заноситъ въ свою лѣтопись факты и прогрессивнаго, и регрессивнаго значенія, тогда какъ нашею цѣлью было указать только на тѣ, которые показываютъ намъ, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ французская экономическая жизнь отставала отъ германской, но и у автора имѣется рядъ такихъ выводовъ, каковы, напр., выводъ объ ослабленіи роста французской торговли въ послѣдней трети вѣка сравнительно съ предыдущимъ періодомъ. Именно, по его вычисленіямъ, увеличеніе французской торговли въ 1851—69 г. опредѣляется въ среднемъ 12% въ годъ, тогда какъ съ 1869 по 1905 г. это увеличеніе было лишь процента въ полтора (*Levasseur*, стр. 257 и слѣд. и 922; ср. у насъ выше, стр. 441). Равнымъ образомъ, сравненіе французской торговли съ торговлею другихъ странъ приводитъ *Левассёра* къ такому заключенію: „Durant la période 1851 — 1869 la France avait été un des pays dont le commerce extérieur, mesuré en tant p. 100 avait le plus progressé. Dans la période 1869—1904, elle est classée dans un rang inférieur, le progrès n'étant que 42 p. 100, tandis que pour l'Angleterre il est de 89 p. 100, pour les États-Unis de 252, pour la Belgique de 208, pour l'Italie de 101 etc.". Впрочемъ, Левассёръ проситъ принять въ расчетъ, что во Франціи и приростъ населенія былъ болѣе медленнымъ, ибо „il existe nécessairement un rapport entre le commerce d'un pays et le nombre de ses habitants", стр. 267. Это — одинъ изъ аргументовъ, особенно часто повторяющихся у автора. „La plupart des états, grands ou petits, ont donc eu depuis 1869 un développement commercial relativement plus ample que la France... La lenteur de l'accroissement de la population française est, avons-nous répété à plusieurs reprises, une cause d'infériorité relative de la France dans la balance des forces économiques du monde", стр. 926. Къ сожалѣнію, Левассёръ лишь слегка затрогиваетъ сельское хозяйство (стр. 29 и слѣд.), отмѣчая, однако, что „l'agriculture a été, en somme, beaucoup moins favorisée sous la troisième république", и тутъ же прибавляя: „mais les difficultés contre lesquelles elle a eu à lutter ne sont pas spéciales à la France; la plupart des pays agricoles de l'Europe les ont éprouvées", стр. 33. (Мѣстами Левассёръ отмѣчаетъ, что извѣстныя неблагопріятныя явленія одновременно происходили не въ одной Франціи; см., напр., стр. 259. Авторъ вообще видимо желаетъ смягчить неблагопріятные для французскаго національнаго самолюбія выводы). Для характеристики роста германской промышленности отъ 1870 по 1903 г. въ сравненіи съ французскою, приведемъ еще нѣкоторыя цифры, которыя мы находимъ у того же Левассёра на стр. 167—168. Въ 1870 г. добывалось и потреблялось каменнаго угля въ Германіи 34 милліона тоннъ, въ 1903 г.—уже 162,4 м., что составляетъ 377%, тогда какъ для Франціи соотвѣтственныя цифры будутъ 13,3 м. и 34,9 м. и 162%. То же самое и по отношенію къ желѣзному производству: германскія цифры—1,4 м. тоннъ, 10 м. и увеличеніе на 614%; французскія цифры—1,2 м., 2,8 м. и увеличеніе на 133%. Въ свеклосахарномъ производствѣ увеличеніе въ Германіи — 18,2%, во Франціи—7,3%, въ хлопчатобумажномъ 180% и 35,5% и т. д.—Въ XII томѣ „Histoire Générale" *Лависса* и *Рамбо* есть статья „La France économique de 1870 à nos jours", написанная *A. Viallate'омъ* (стр. 760—788). Авторъ указываетъ на то, какъ скоро Франція поправилась отъ пораженія 1870—71 гг. и какіе успѣхи сдѣлала въ экономи-

въ послѣднемъ анализѣ подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ условій самыхъ разнообразныхъ категорій, каковыя иногда совсѣмъ не поддаются учету [1]). Своеобразныя особенности, представляемыя хозяйственною жизнью Франціи, могутъ служить нѣкоторою иллюстраціей этого общаго положенія. Съ другой стороны, эти мѣстныя условія

ческой жизни при третьей республикѣ. Общій тонъ статьи оптимистическій, но отмѣчены и неблагопріятныя для Франціи явленія. „Elle se laissa distancer successivement par l'Allemagne et les États-Unis,... qui étaient restés jusqu'alors en arrière d'elle"; стр. 761 и 769. Ср. также мѣста, касающіяся „очень труднаго періода", какой наступилъ для сельскаго хозяйства въ 1880 г. (стр. 765), „опасной конкурренціи", какую французская промышленность вынуждена испытывать со стороны другихъ странъ (стр. 769) или сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, и слабаго развитія внѣшней торговли (стр. 779). Нельзя, кстати, не отмѣтить указанія на то, что съ 1870 г. въ фискальномъ режимѣ Франціи не было произведено ни одной коренной реформы (стр. 784), хотя ростъ бюджета принялъ тревожные размѣры (une proportion véritablement inquiétante", стр. 785) и, въ концѣ концовъ, состояніе финансовъ не можетъ быть названо вполнѣ благополучнымъ („cet état de notre situation financière est d'autant plus à regretter" и т. д., стр. 786). Пессимистическая нота звучитъ и въ слѣдующихъ словахъ автора: „Seuls le réveil de notre industrie et le développement de nos forces productives pourront rendre à la France le rang qu'elle a perdu dans ces vingt dernières années, et lui permettre d'acquérir les ressources nécessaires pour faire face aux lourdes charges que lui réserve l'avenir" (стр. 787). Интересная глава объ экономической жизни Франціи при третьей республикѣ имѣется и въ указывавшейся уже книгѣ *K. Vogel'я* „Die dritte Französische Republik bis 1895". Эта глава, занимающая 61 стр. (490—550), заключаетъ въ себѣ множество цифровыхъ данныхъ. Въ новой книгѣ *проф. Исаева* „Міровое хозяйство" (1910), въ которой тоже отмѣчается медленность движенія впередъ экономической жизни Франціи (стр. 31 и слѣд.), рѣшительно отвергается объясненіе этого явленія слабымъ приростомъ населенія, и главною причиною застоя признается бюрократизмъ, стр. 33—34. Тѣмъ не менѣе Франція богатѣетъ, помѣщая свои свободные капиталы за границей.

[1]) Особенно много затрудненій для составленія общихъ характеристикъ представляютъ собою факты сельско-хозяйственной эволюціи въ разныхъ странахъ. Изъ статистики распредѣленія земледѣльческихъ предпріятій въ Германіи, Франціи и Великобританіи въ 1882 (5) и 1895 г. *М. И. Туганъ-Барановскій* въ своихъ „Основахъ политической экономіи" (1909) дѣлаетъ такой выводъ. „Эти данныя, говоритъ онъ, показываютъ, что не существуетъ законовъ развитія сельско-хозяйственнаго предпріятія, обязательныхъ для всѣхъ странъ, подобно законамъ развитія промышленности... Въ общемъ, аграрныя отношенія и аграрное развитіе не укладываются ни въ какой единый типъ и въ высшей степени индивидуальны и своеобразны... Невозможность подчинить какой бы то ни было общей схемѣ аграрное развитіе различныхъ странъ признаётся въ настоящее время всѣми серьезными экономистами", стр. 307. Привожу это мнѣніе, какъ совпадающее съ моимъ собственнымъ, являющимся въ результатѣ оказавшихся неудачными попытокъ найти для настоящей главы какую-либо обобщающую схему аграрныхъ отношеній въ главныхъ странахъ Западной Европы въ концѣ XIX в.

находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ нѣкоторыми общими причинами міроваго характера, усиливая или, наоборотъ, ослабляя ихъ дѣйствіе въ отдѣльныхъ странахъ съ одной стороны, а съ другой сами усиливаясь или ослабляясь подъ вліяніемъ общихъ причинъ. Въ числѣ тѣхъ общихъ явленій, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, весьма видное мѣсто въ исторіи Западной Европы за разсматриваемый періодъ принадлежитъ тому, что можно назвать сельско-хозяйственнымъ кризисомъ.

Намъ уже приходилось попутно отмѣчать отдѣльныя проявленія этого кризиса въ тѣхъ или другихъ странахъ [1]). Основная его причина заключалась въ конкурренціи, какую продуктамъ западно-европейскаго сельскаго хозяйства стали дѣлать продукты экстенсивнаго сельскаго хозяйства Восточной Европы и заокеанскихъ странъ [2]). Индустріальныя страны Запада давно уже нуждались для прокормленія своего населенія въ привозномъ хлѣбѣ, благодаря же быстрому развитію парового транспорта, эта потребность стала легко удовлетворяться до-

[1]) См. выше, стр. 257, 322 и др. Предыдущій листъ былъ уже отпечатанъ, а настоящій набранъ, когда мнѣ сдѣлался извѣстнымъ только-что вышедшій въ свѣтъ посмертный трудъ *А. В. Зотова* „Очерки землевладѣнія и земледѣлія въ современной Англіи“ (1909), разсматривающій „непосредственныя причины депрессіи“ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты (введеніе), паденіе поземельной ренты и положеніе землевладѣльческаго класса въ Англіи“ (часть I) и „сельско-хозяйственный кризисъ послѣдней четверти XIX в. и возрожденіе земледѣлія“ (часть II). Въ этой книгѣ масса цифровыхъ данныхъ. Интересны, наприм., таблички среднихъ цѣнъ пшеницы по пятилѣтіямъ между 1871 и 1905 г. съ параллельными указаніями процентовъ паденія цѣнъ (на 49% за 35 лѣтъ), отношеній по такимъ же періодамъ между внутреннимъ производствомъ и ввозомъ, причемъ указывается, что съ середины семидесятыхъ годовъ ввозъ даже сталъ превышать внутреннее производство и притомъ сразу въ полтора раза, а къ 1900—1904 гг. даже превышалъ въ четыре раза и т. п. Имѣетъ интересъ и указаніе на то, что если въ 1870—1874 гг. Англія ввозила почти половину (48% и 52%) какъ изъ европейскихъ съ ближайшими къ Европѣ странъ, такъ и изъ странъ заокеанскихъ, то въ началѣ XX в. ввозъ изъ послѣднихъ превышалъ ввозъ изъ первыхъ въ 5²/₃ разъ (15,7% и 84,3%). Особенно важно, что въ книгѣ даются наиболѣе свѣжія цифры, т.-е., какъ мы сейчасъ только видѣли, изъ первыхъ лѣтъ XX в. Авторъ отмѣчаетъ, что въ 1896—1903 г. „депрессія продолжалась, но уже въ болѣе слабой степени“, и что „повсюду замѣчались признаки несомнѣннаго улучшенія въ положеніи сельскаго хозяйства“, сравнительно съ періодомъ 1893—1895 гг., когда „хроническій кризисъ, тяготѣвшій надъ земледѣліемъ въ Англіи въ теченіе всей послѣдней четверти XIX вѣка, достигъ наибольшаго напряженія“, стр. 26. Прибавлю, что къ изслѣдованію приложена интересная картограмма паденія ренты: въ нѣкоторыхъ графствахъ и округахъ среднее пониженіе ренты выражается 50—55%, въ другихъ—45—50%, въ третьихъ—около 40% и т. д.

[2]) *В. Касперовъ*. Международный хлѣбный рынокъ (1887).—*М. Федоровъ*. Обзоръ международной хлѣбной торговли.

ставкою на европейскіе рынки хлѣба, производимаго странами, которымъ ихъ многоземелье позволяетъ снабжать въ изобиліи продуктами питанія и сырьемъ для обрабатывающей промышленности нуждающіяся и въ томъ и въ другомъ націи.

Однимъ изъ слѣдствій сельскохозяйственнаго кризиса было развитіе аграрнаго протекціонизма. Первообразъ его въ первой половинѣ XIX в. составляли знаменитые хлѣбные законы въ Англіи, установленные въ 1815 г. [1]) и отмѣненные послѣ долгой и упорной борьбы въ 1846 г. послѣ торжества въ Англіи ученія о свободной торговлѣ [2]). Сущность этихъ законовъ извѣстна. Это было усиленное покровительство національному хозяйству наложеніемъ на привозный хлѣбъ высокихъ пошлинъ и даже запрещеніемъ ввоза, пока мѣстный хлѣбъ не достигалъ извѣстной, тоже весьма высокой цѣны, что, собственно, говоря, и было характерною особенностью англійскаго аграрнаго протекціонизма первой половины XIX в. Во второй половинѣ этого столѣтія въ Англіи уже было совершенно немыслимо устранить иностранный ввозъ хлѣба, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы обречь страну на настоящій голодъ [3]), а потому англійскіе аграріи, вмѣсто того, чтобы добиваться возстановленія хлѣбныхъ законовъ, стали стремиться къ замѣнѣ зернового хозяйства скотоводствомъ, что тоже не было въ Англіи явленіемъ безъ историческихъ прецедентовъ. Съ другой стороны, Англія имѣетъ много колоній, способныхъ снабжать свою метрополію потребнымъ количествомъ хлѣба. Раньше, въ эпоху господства меркантилистическихъ идей, была тенденція устранять колоніальный хлѣбъ съ англійскаго рынка, теперь же стала распространяться и укрѣпляться мысль о необходимости, путемъ обложенія иностраннаго привознаго хлѣба пошлинами, создать для хлѣба, привозимаго изъ колоній, болѣе выгодныя условія сбыта. Извѣстенъ планъ Чэмберлена превратить Великобританію съ ея колоніями въ одно таможенное цѣлое, эта существенная подробность англійскаго имперіализма [4]). По этому плану Англія должна была бы облагать пошлинами иностранные хлѣбъ и сырье въ пользу расширенія ввоза того и другого изъ колоній, которыя, въ свою очередь, должны были бы дѣлать то же самое по отношенію къ фабрикатамъ иностраннаго, неанглійскаго происхожденія, что связывало англійскій аграрный протекціонизмъ съ индустріальнымъ. Какъ мы уже знаемъ [5]), вопросъ о

---

[1]) Прецеденты были, конечно, и раньше.
[2]) Обо всемъ этомъ см. т. IV, стр. 588—589 и т. V, стр. 93—97.
[3]) Ср. выше, стр. 257.
[4]) См. выше, стр. 260.
[5]) См. выше, стр. 257 и слѣд.

протекціонизмѣ сдѣлался въ Англіи однимъ изъ предметовъ борьбы политическихъ партій.

Это явленіе опять не новое. Борьба за отмѣну хлѣбныхъ законовъ была борьбою между торійскою аристократіей, отстаивавшею эти законы, и вигистской буржуазіей, стремившейся къ ихъ отмѣнѣ [1]). Политическія партіи, какъ извѣстно, въ то же время являются и партіями соціально-экономическими; между тѣмъ вопросы протекціонизма и свободной торговли имѣютъ не только общенаціональное, но и узко-классовое значеніе. Ввозныя пошлины, устанавливаемыя для покровительства національному производству, выгодныя въ послѣднемъ анализѣ мѣстнымъ производителямъ, наоборотъ, оказываются невыгодными для мѣстныхъ потребителей. Въ современномъ обществѣ существуетъ антагонизмъ хозяйственныхъ интересовъ, который не можетъ быть ничѣмъ устраненъ, видное же мѣсто въ этомъ явленіи принадлежитъ противоположности аграрныхъ и индустріальныхъ интересовъ. Особенно важную роль игралъ этотъ антагонизмъ въ Германіи, которая въ послѣдней трети XIX в. превратилась изъ государства аграрнаго въ индустріальное,—особенно же въ виду неодинаковости экономическаго развитія, наприм., восточныхъ частей Пруссіи съ преобладаніемъ въ нихъ аграрнаго строя и западныхъ, въ которыхъ господство—на сторонѣ индустріальнаго строя. Сами „зигзаги“ [2]) имперской политики имѣютъ свой источникъ въ томъ, что ей приходилось лавировать между аграріями и индустріалами, причемъ, быть можетъ, симпатіи носителей власти были больше на сторонѣ дворянства, а не буржуазіи, тогда какъ матеріальный интересъ государства, извѣстнымъ образомъ понимаемый, долженъ былъ склонять эту же власть къ большему покровительству торгово-промышленному классу [3]).

Превращенію Германіи изъ аграрнаго въ индустріальное государство пришлось совершаться какъ-разъ въ такое время, когда и въ ней долженъ былъ, въ силу указанной выше міровой причины,

---

[1]) Т. V, стр. 95, 211—212, 220 и др.

[2]) См. вообще въ обѣихъ главахъ (VII и XV), посвященныхъ исторіи Германіи, а въ частности выше, на стр. 91 и слѣд.

[3]) Въ Пруссіи (а черезъ нее и вообще въ Германіи) остается еще много слѣдовъ стараго порядка, и въ этомъ отношеніи таможняя правительственная политика очень напоминаетъ времена абсолютизма, когда королевская власть, съ одной стороны, въ силу, такъ сказать, исторической симпатіи приносила „среднее сословіе“ въ жертву дворянству, а въ интересахъ государственной казны поступалось сельско-хозяйственными интересами въ пользу интересовъ торгово-промышленныхъ, что подчеркивается въ главѣ моей книги „Западно-европейская абсолютная монархія“.

происходить сельскохозяйственный кризисъ [1]). До образованія имперіи въ Германіи въ интересахъ представителей сельскаго хозяйства было добиваться фритредерской политики, въ интересахъ промышленниковъ — стоять за протекціонизмъ [2]). Въ общемъ политика таможеннаго союза въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ была фритредерскою, потому что, во-первыхъ, подъ вліяніемъ примѣра, поданнаго Англіей, эти два десятилѣтія вообще отличаются почти вездѣ ослабленіемъ протекціонизма, а во-вторыхъ, потому, что это было въ рукахъ Пруссіи однимъ изъ орудій въ ея политической борьбѣ съ Австріей [3]). Въ первые годы имперіи направленіе германской торговой политики оставалось прежнимъ, и, напр., еще въ 1873 г. аграріямъ удалось настоять на томъ, чтобы пошлина на желѣзо, уже вдвое уменьшенная тарифомъ 1870 г., была совсѣмъ отмѣнена. Мы знаемъ, однако, что въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Германіи совершился общій поворотъ къ протекціонизму, однимъ изъ самыхъ энергичныхъ защитниковъ котораго сдѣлался Бисмаркъ [4]). Правда, вводя высокія ввозныя пошлины, онъ имѣлъ въ виду и созданіе для имперіи собственныхъ финансовъ, вмѣсто матрикулярныхъ взносовъ отдѣльныхъ государствъ, но кромѣ того, онъ дѣйствовалъ и въ угоду прусскимъ аграріямъ къ востоку отъ Эльбы („Ostelbier“), совершенно измѣнившимъ свое прежнее отношеніе къ основному вопросу торговой политики государства. Раньше, до начала превращенія Германіи въ индустріальное государство, сельское хозяйство сѣверо-востока Германіи жило главнымъ образомъ экспортомъ хлѣба [5]), но вскорѣ

---

[1]) „Центральной проблемой новѣйшей экономической исторіи Германіи является борьба промышленнаго капитализма (или шире индустріализма) съ земледѣльческимъ капитализмомъ, — съ крупнымъ производствомъ въ земледѣліи. Борьба эта рѣшительно склоняется въ пользу промышленнаго капитализма, нашедшаго себѣ союзника въ аграрной конкурренціи Америки“. *С. Булгаковъ.* Капитализмъ и земледѣліе (1900), т. II, стр. 81. См. вообще вторую половину IV главы этой книги, посвященную „эпохѣ аграрнаго кризиса въ Германіи“, стр. 80—148. По тому же вопросу аграрнаго кризиса въ Германіи см. *G. Blondel.* Études sur les populations rurales de l'Allemagne et la crise agraire (1897).—*М. Соболевъ.* Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи (1898).

[2]) Аналогичныя отношенія наблюдались въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи.

[3]) Т. V, стр. 181 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 66 и слѣд.

[5]) Даже обезземеленіе крестьянъ путемъ расширенія площади помѣщичьяго хозяйства на счетъ крестьянскаго происходило здѣсь въ XIX в. подъ вліяніемъ большей выгодности для помѣстнаго дворянства вести самому хозяйство, чѣмъ получать оброки съ крестьянъ. См. т. III, стр. 110—111; т. IV, стр. 525, 528, 536, 539—540, 542—543; т. V, стр. 791.

послѣ ея политическаго объединенія изъ страны, вывозящей хлѣбъ, она превратилась въ страну, уже ввозящую хлѣбъ, вслѣдствіе чего усилилась ея торговля не только съ ближайшею сосѣдкою, Россіей, но и съ такими отдаленными странами, какъ Соединенные Штаты и Аргентина [1]). Подъ вліяніемъ этой перемѣны остъ-эльбскіе аграріи сдѣлались изъ фритредеровъ, какими были прежде, самыми рѣшительными протекціонистами. [2]) Въ ихъ пользу въ восьмидесятыхъ годахъ (въ 1885 и въ 1887) хлѣбныя пошлины, введенныя въ 1878 г., были даже повышаемы до 3 и 5 марокъ на сто килограммовъ [3]). Только въ канцлерство Каприви, заключившаго въ 1891 — 1894 гг. цѣлый рядъ торговыхъ договоровъ съ другими государствами [4]), былъ нѣсколько ослабленъ аграрный протекціонизмъ, что и было причиною оппозиціи, какую вообще политика этого имперскаго канцлера „безъ клочка собственной земли“ вызывала со стороны консерваторовъ. Послѣ его паденія, однако, имперская политика снова сдѣлалась болѣе протекціонистскою. Нельзя не прибавить, что германскій протекціонизмъ послѣдняго времени,—какъ и вообще новѣйшій западноевропейскій протекціонизмъ,—имѣетъ преимущественно аграрный характеръ, что, именно, и объясняется его происхожденіемъ, какъ слѣдствія общаго кризиса, переживавшагося сельскимъ хозяйствомъ. Но въ Германіи тѣмъ не менѣе этотъ аграрный протекціонизмъ шелъ рука объ руку съ протекціонизмомъ индустріальнымъ. О послѣднемъ у насъ будетъ еще рѣчь впереди, здѣсь же мы обратимъ вниманіе лишь на одну черту въ современной жизни Германіи, которая уже была нами отмѣчена выше [5]): это—вступленіе въ союзъ съ аграріями значительной части промышленной буржуазіи, обнаруживавшей готовность пожертвовать болѣе для нея выгодною дешевизною хлѣба ради общей поддержки консервативной политики. Укажемъ еще, что свои протекціонистскія домогательства германскіе аграріи старались прикрыть интересами всей націи, что, конечно, не одно и то же [6]).

---

[1]) См. выше, стр. 50.

[2]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 240—241, гдѣ сопоставлены экономическія стремленія отдѣльныхъ политическихъ партій Германіи въ началѣ XX в.

[3]) См. выше, стр. 67.

[4]) См. выше, стр. 108.

[5]) Стр. 109.

[6]) Германское крупное землевладѣніе съумѣло (какъ и въ Англіи до реформы) выставить свои интересы не только какъ интересы сельскаго хозяйства, но и какъ интересы всей націи. Оно требуетъ и получаетъ болѣе высокія хлѣбныя пошлины ради охраны „національнаго труда“. Это утвержденіе очень рискованно. Если на востокѣ (Германіи) крупное землевладѣніе часто способно къ конкурренціи, только благодаря пользованію дешевыми, нenѣмецкими рабочими силами, если ежегодно болѣе 300.000 славянскихъ рабо-

Въ сущности, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, повышеніе доходности помѣщичьихъ земель происходило за счетъ кармановъ рабочаго населенія.

По слѣдамъ германскаго аграрнаго протекціонизма пошла, равнымъ образомъ, и торговая политика третьей республики. Вторая имперія во Франціи держалась, какъ извѣстно [1]), фритредерской политики, однимъ изъ главныхъ противниковъ которой былъ тогда Тьеръ. Сдѣлавшись президентомъ республики, онъ подъ угрозою выхода въ отставку добился введенія пошлинъ на сырье, противъ котораго были французскіе промышленники [2]). Это нововведеніе, однако, тогда не удержалось, хотя сельскіе хозяева потомъ и оказывали ему поддержку, ибо для нихъ оно было выгодно. Это были годы, когда между представителями промышленности и земледѣлія еще не было только впослѣдствіи образовавшагося согласія [3]). Семидесятые годы прошли въ борьбѣ двухъ направленій, но перевѣсъ все болѣе и болѣе переходилъ на сторону протекціонистовъ. Въ 1878 г. во Франціи была очень плохая жатва: хлѣба родилось мало, а то, что родилось, было плохого качества; за этимъ неурожайнымъ годомъ послѣдовалъ безъ перерыва и другой, пожалуй, еще худшій. Это вызвало усиленный привозъ во Францію хлѣба изъ Америки, продававшагося по такой низкой цѣнѣ, что французскіе производители съ великимъ трудомъ сбывали свои запасы. Вопросъ о ввозѣ хлѣба сдѣлался предметомъ продолжительныхъ и горячихъ преній въ палатахъ. Между тѣмъ, не смотря на хорошіе урожаи восьмидесятыхъ годовъ, американскій хлѣбъ продолжалъ ввозиться во Францію въ огромныхъ количествахъ: въ 1879 г. его было ввезено 30 милліоновъ гектолитровъ, въ 1882—1887 г.—среднимъ числомъ по 20 милліоновъ. Цѣна на хлѣбъ страшно упала за эти годы: въ 1880 г. за квинталъ (quintal) платили 30 франковъ, въ 1885 г. за ту же мѣру—только 20—21. Тогда парламентъ, долго противившійся пошлинамъ на хлѣбъ, какъ мѣрѣ недемократичной, вотировалъ въ 1885 г. законы, въ силу которыхъ вводились пошлины въ 3 франка съ квинтала привознаго хлѣба (или въ 6 франковъ съ

чихъ переходитъ нѣмецкую границу, то очевидно, что интересы крупныхъ землевладѣльцевъ какъ-разъ противоположны интересамъ національнаго труда". *Г. Зивекингъ*. Внѣшняя торговая политика, стр. 133.

[1]) Т. V, стр. 664.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 193 и 198. „Il n'y eut pas que les industriels protectionistes qui protestèrent", такъ что „protectionistes, ils se rebellèrent contre les deux chefs du protectionisme" (т.-е. самого Тьера и мин. фин. Pouyer-Quertier). *E. Levasseur*. Questions etc., стр. 226.

[3]) „Les manufacturiers voulaient des droits pour eux et n'en voulaient pas contre eux. Ils ne faisaient pas alors cause commune avec les agriculteurs". *Ibid.*, стр. 233.

квинтала муки), а также пошлины съ убойнаго скота и съ мяса. Въ 1887 г. хлѣбная пошлина была увеличена до 5 франковъ, хотя рыночная цѣна хлѣба во Франціи нѣсколько поднялась, новое же пониженіе цѣны послѣ 1891 г. имѣло результатомъ еще разъ повышеніе пошлины въ 1894 г.—до 7 франковъ съ квинтала. Тогда же, въ началѣ послѣдняго десятилѣтія XIX в., произошло во Франціи объединеніе аграрныхъ и индустріальныхъ протекціонистовъ, изъ которыхъ первые обѣщали теперь поддерживать ввозныя пошлины на фабрикаты, вторые — на пищевые продукты и на сырье. Агитація протекціонистовъ привела къ покровительственному тарифу 1892 г., въ которомъ, однако, пошлина на пшеницу была понижена съ 7 франковъ на 5. (Но зато повышены были пошлины почти на всѣ другіе пищевые продукты). Аграріи были не вполнѣ довольны этимъ тарифомъ и добились въ 1894 г. возстановленія семифранковой пошлины, а впослѣдствіи увеличенія пошлины на вино (до 1892 г. совсѣмъ не существовавшей), на мясо и т. п. Кто, — спрашиваетъ извѣстный французскій экономистъ Левассёръ,—кто переплачиваетъ и кто получаетъ барыши отъ хлѣбныхъ пошлинъ? Переплачиваютъ,—отвѣчаетъ онъ,—„всѣ ѣдоки хлѣба, пропорціонально потребленію каждой семьи, и, слѣдовательно, бремя лежитъ гораздо больше на бюджетѣ рабочаго, чѣмъ на бюджетѣ зажиточныхъ классовъ“, выгоду же получаютъ „не безземельные земледѣльческіе рабочіе и не мелкіе собственники, едва пропитывающіеся собственнымъ хлѣбомъ“, а „средніе и еще больше крупные сельскіе хозяева (cultivateurs), которые въ данномъ случаѣ имѣютъ даромъ (bénéficient) премію франковъ въ 45 съ гектара, засѣваемаго хлѣбомъ“ [1]). Или еще, наприм., въ 1895 г. было высчитано, что на каждомъ килограммѣ хлѣба населеніе переплачивало 7 сантимовъ и на каждомъ килограммѣ говядины—35 сантимовъ къ выгодѣ однихъ 138.000 хозяйствъ свыше 40 гектаровъ и лишь части 711.000 хозяйствъ отъ 10 до 40 гектаровъ. Тотъ же экономистъ не находитъ ничего удивительнаго въ томъ, что хлѣбныя пошлины устанавливались земельной аристократіей въ Англіи до парламентской реформы, крупными землевладѣльцами во Франціи въ эпоху реставраціи, какъ въ наши дни германскимъ рейхстагомъ подъ вліяніемъ аграріевъ, „но, — прибавляетъ онъ, — во Французской республикѣ, нужно, чтобы у радикаловъ были очень сильные политическіе мотивы, дабы съ ихъ стороны не было сдѣлано нападенія на экономическій режимъ, столь, повидимому, несогласный съ демократизмомъ“ [2]).

---

[1]) *E. Levasseur.* Questions etc., стр. 255.

[2]) *Ibid.*, 256. Конечно, тема аграрнаго протекціонизма не можетъ считаться сколько-нибудь исчерпанною предыдущими страницами, но того, что на нихъ проведено, совершенно достаточно для такого общаго очерка, какой

Въ чисто-аграрной странѣ сельское населеніе преобладаетъ надъ городскимъ: индустріальное развитіе совершается параллельно съ увеличеніемъ городского населенія. Первою страною, гдѣ произошла „урбанизація“ значительной части населенія, была, какъ извѣстно [1], Англія, въ которой въ 1800 г. городское населеніе составляло едва 21.3% всего населенія, а въ 1891 г.—уже 61.73% [2]. Въ Германіи, пережившей во второй половинѣ XIX в. эпоху экономическаго прогресса, мы, равнымъ образомъ, замѣчаемъ, быстрое увеличеніе—какъ относительное, такъ и абсолютное—городского населенія, что, наприм., показываетъ слѣдующая табличка:

	Городское населеніе.		Сельское населеніе.	
1871 г.	14.790.798	36,1%	26.919.352	63,9%
1880 г.	18.720.530	41,4%	26.513.531	58,6%
1890 г.	23.243.229	44,7%	26.185.241	55,3%

Остановимся нѣсколько на этихъ цифрахъ. За два десятилѣтія, взятыя здѣсь въ расчетъ, общее населеніе Германіи увеличилось на восемь милліоновъ съ нѣсколькими сотнями тысячъ душъ, но за тотъ же періодъ число сельскихъ жителей уменьшилось въ ней на три четверти милліона, такъ что всѣ эти восемь милліоновъ съ нѣсколькими сотнями тысячъ, такъ сказать, были поглощены городами. Въ общей суммѣ населенія городскіе жители едва только нѣсколько превышали въ 1871 г. одну треть, тогда какъ въ 1890 г. стали уже

представляетъ собою настоящая глава, составляющая притомъ лишь часть общаго труда, какимъ является VI томъ. Поэтому мы не разсматриваемъ здѣсь аграрный протекціонизмъ въ другихъ странахъ. Сдѣлаемъ маленькое исключеніе только для монархіи Габсбурговъ, двѣ половины которой имѣютъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, совершенно различные экономическіе интересы, причемъ венгерское сельское хозяйство наноситъ ущербъ австрійскому, а австрійская промышленность препятствуетъ развитію венгерской (см. выше, стр. 292). Въ 1878 г. Австро-Венгрія ввела у себя строго-протекціонный тарифъ, утратившій силу по отношенію къ Германіи только послѣ торговаго договора 1891 г. Изъ обѣихъ половинъ имперіи аграрные интересы болѣе развиты въ Венгріи, но вотъ что читаемъ мы въ изданіи „La Hongrie contemporaine“, о которомъ было сказано выше (стр. 322): „L'agriculture hongroise n'a tiré aucun profit de la communauté douanière, car le blé à coté, à Vienne et à Budapest, a les mêmes prix qu' à Chicago, New-York, Liverpool et Londres. Ce régime a été imposé au pays par l'aristocratie hongroise, par les fabricants et le militarisme autrichiens et par la dynastie. Jusqu' ici toute la politique economique de ce pays s'est faite contre l'intérêt de travailleurs, contre celui du développement social et intellectuel“, стр. 34—35.

[1]) Т. III, стр. 91; т. IV, стр. 554.

[2]) Городское населеніе въ поселеніяхъ свыше 10 т. жителей, а если считать и поселенія свыше 2 т., то получится 72%.

приближаться къ половинѣ; наоборотъ, сельскіе жители въ 1871 г., составлявшіе почти двѣ трети населенія, въ 1890 г. едва стали превышать только половину. Наконецъ, если мы примемъ въ расчетъ, что все городское населеніе Германіи въ 1871 г. не составляло полныхъ 15 милліоновъ, а въ 1890 г. уже превышало 22 милліона, то увидимъ, что населенность городовъ возросла, собственно, болѣе, чѣмъ въ полтора раза, на цѣлый милліонъ. Въ 1890 г. общая цифра населенія Германіи доходила почти до 50 милліоновъ, а въ началѣ XX столѣтія перевалила уже за 60 милліоновъ [1]. Особенно, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Германіи замѣчается ростъ населенности большихъ городовъ, такъ что, наприм., въ 1895 г. насчитывалось уже 28 городовъ, имѣвшихъ каждый болѣе 100 т. жителей, а черезъ десять лѣтъ ихъ было уже 41, т.-е. цифра 1895 г. увеличилась почти въ полтора раза. Сравнивая и въ этомъ отношеніи Францію съ Германіей, мы находимъ, что во Франціи ростъ городского населенія не совершался съ такою быстротою, какъ въ Германіи [2].

Параллельное явленіе въ исторіи населенія главныхъ западноевропейскихъ странъ представляло собою уменьшеніе числа лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, съ числомъ лицъ, работающихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и въ торговлѣ [3].

Если, такимъ образомъ, въ передовыхъ странахъ Западной Европы происходилъ очень быстрый, въ общемъ, процессъ возрастанія городского населенія на счетъ сельскаго и увеличеніе численности промышленныхъ рабочихъ на счетъ сельско-хозяйственныхъ, то, съ другой стороны, совершался и процессъ концентраціи рабочихъ въ крупной индустріи. Это общее положеніе находитъ цѣлый рядъ иллюстрацій въ цифровыхъ данныхъ, не всегда, впрочемъ, могущихъ быть признанными достаточно точными. Но, довольствуясь даже приблизительными вычисленіями, мы не можемъ, наприм., не придать значенія указанію Левассёра на то, что во Франціи въ 1851 г. въ крупной и средней промышленности приходилось 15,5 предпринимателей на 100 рабочихъ, а въ 1881 г. уже только 9,4. Или еще тотъ же ученый отмѣчаетъ, что въ 1840-45 г. насчитывалось 3.200 заведеній, въ каждомъ изъ которыхъ было отъ 50 до 500 ра-

---

[1] Цифра 1905 г.—60.605.183.

[2] Ср. интересныя цифровыя сопоставленія у *K. Vogel'я*. „Die dritte französische Republik, стр. 284. Съ 1871 г. населеніе Парижа увеличилось къ 1895 г. на 590 т., Берлина—на 763. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что въ ростѣ городского населенія Германія отстаетъ лишь отъ немногихъ странъ: „so steht der ausserordentliche Aufschwung der Städte in Deutschland nur dem ältern in Grossbritannien und dem riesigen neuesten in den Vereinigten Staaten Nordamerikas, Kanada und Australien nach“.

[3] Т. VI, ч. 1, стр. 272.

бочихъ, и 133 такихъ, гдѣ работало больше 500 рабочихъ, а въ 1896 г. первыхъ было зарегистрировано на четыре тысячи больше, вторыхъ больше на триста слишкомъ. Болѣе точныя показанія дали во Франціи переписи 1896 и 1901 гг. За эти пять лѣтъ общее число промышленныхъ заведеній повысилось съ 592.628 до 616.164, и увеличеніе относительно больше коснулось болѣе крупныхъ заведеній: число послѣднихъ со ста рабочими и выше увеличилось на 600, съ пятьюстами и выше — на 169 [1]). Знакомясь съ подобными цифрами изъ экономической статистики Франціи, нельзя упускать изъ виду то обстоятельство, что, по общему признанію, Франція далеко не является типической страной концентраціи производства, между прочимъ потому, что въ ней процвѣтаютъ многія такія отрасли промышленности, которыя не допускаютъ массового производства и могутъ продолжать свое существованіе только въ видѣ маленькихъ мастерскихъ. Чтобы имѣть передъ глазами примѣры болѣе быстрой и значительной концентраціи, нужно опять обратиться къ экономической исторіи Германіи. Въ этомъ отношеніи, нѣкоторые факты уже приводились нами выше, и повторять здѣсь сказаннаго мы не будемъ [2]). Въ 1861 г. такихъ промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ работало больше пятидесяти человѣкъ, въ Германіи не насчитывалось полныхъ четырехъ тысячъ; къ 1875 г. ихъ число почти удвоилось (7.800), въ 1882 г. было безъ малаго десять тысячъ (около 9.900), въ 1895 г. уже вдвое больше (18.955). Еще показательнѣе цифры 1882 и 1895 г., касающіяся рабочихъ, занятыхъ въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ: съ 1.600.000 количество ихъ поднялось до 3 милліоновъ при общемъ возрастаніи рабочаго класса приблизительно съ 7 до 19 милліоновъ. Въ 1882 г. число особенно крупныхъ предпріятій съ тысячью и болѣе рабочихъ въ каждомъ было 127, а въ 1895 г. — уже 255. По даннымъ указанныхъ переписей 1882 и 1895 гг. тоже наблюдалось еще болѣе быстрое возрастаніе крупныхъ предпріятій сравнительно съ болѣе мелкими, что̀ можно видѣть изъ слѣдующей таблички, въ которой мелкими заведеніями считаются такія, гдѣ не болѣе пяти рабочихъ, средними — minimum съ шестью и maximum съ пятьюдесятью рабочими, а крупными—всѣ остальныя, цифры же рабочихъ округлены:

	Мелкія.	Среднія.	Крупныя.
1882 г.	4.335.000	1.391.000	1.613.000
1895 г.	4.770.000	2.454.000	3.044.000

[1]) *E. Levasseur.* Questions etc., стр. 279. По поводу переписей 1896 и 1901 г. авторъ говоритъ: „c'est la première fois qu'on peut mesurer avec quelque précision le mouvement de concentration industrielle; on est étonné de l'importance de celui qui s'est produit dans un si court laps de temps“.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 270 и слѣд.

Въ то время, какъ число мелкихъ заведенiй увеличилось (округляя цифры) лишь на 10 процентовъ, число среднихъ возросло на 75%, а крупныхъ на 90%, такъ что процентъ возрастанiя крупныхъ заведенiй оказался въ девять разъ бòльшимъ въ сравненiи съ тѣмъ же процентомъ въ отношенiи къ предпрiятiямъ мелкимъ.

Въ разныхъ странахъ, въ разныхъ мѣстностяхъ одной страны (между прочимъ, въ городахъ или въ деревняхъ), въ разныхъ отрасляхъ промышленности вытѣсненiе мелкаго производства крупнымъ шло далеко неодинаково, но въ общемъ итогѣ фабрика побѣждала какъ и ремесло, такъ и кустарные промыслы. Ремесло убивается не только фабриками, но и магазинами, въ которыхъ городское населенiе покупаетъ совсѣмъ готовыми вещи, въ менѣе населенныхъ мѣстностяхъ обыкновенно заказываемыя ремесленникамъ, однимъ изъ слѣдствiй чего было, напр., наблюдаемое въ Германiи переселенiе ремесленниковъ изъ городовъ въ деревни. Кромѣ того, магазины готовыхъ вещей стали превращать самостоятельныхъ ремесленниковъ въ кустарей, т.-е. въ наемныхъ домашнихъ рабочихъ, изготовляющихъ продукты для предпринимателей. Въ послѣднее время историки-экономисты все болѣе и болѣе убѣждаются, что кустарная работа на капиталиста была, такъ сказать, переходною формою отъ самостоятельнаго ремесла къ современной крупной промышленности,—формою, при посредствѣ которой капиталъ только и могъ постепенно завладѣть производствомъ [1]). Подобно ремеслу, и эта форма не можетъ считаться совершенно отжившею свое время даже въ самыхъ капиталистическихъ странахъ. Мало того, она въ извѣстныхъ категорiяхъ капиталистическаго производства, благодаря самимъ же условiямъ этого производства, начала даже развиваться, какъ это можно сказать, наприм., о системѣ, получившей въ Англiи названiе „выжиманiя пота" (sweating system), т.-е. раздачи матерiала для работы на домъ на крайне тяжелыхъ условiяхъ для работника, который въ такихъ случаяхъ и получаетъ меньше, и работаетъ дольше, чѣмъ фабричный рабочiй, не говоря уже о томъ, что тутъ не можетъ быть рѣчи о стачкахъ, нѣтъ мѣста для фабричной инспекцiи и т. п. Въ Англiи извѣстны случаи переходовъ самихъ фабрикантовъ въ нѣкоторыхъ производствахъ къ „sweating system" съ цѣлью не знать болѣе ни расходовъ, ни хлопотъ, связанныхъ съ выполненiемъ всѣхъ предписанiй фабрично-санитарнаго законодательства. Ремесло и кустарничество приходили въ упадокъ, главнымъ образомъ, въ тѣхъ производствахъ, гдѣ ручному труду оказывалось совершенно невозможнымъ выдерживать конкурренцiю съ машиннымъ. Наприм., извѣстно, что въ Англiи начала

---

[1]) Т. IV, стр. 564—565. См. обобщающую работу *Кулишера*, названную на стр. 427.

XIX в. прядильная машина, гораздо болѣе повышающая производительность труда, чѣмъ механическій ткацкій станокъ, вообще быстрѣе вытѣснила ручное пряденье, нежели это можно сказать о производствѣ тканей. Наоборотъ, въ болѣе близкое къ намъ время паровой ткацкій станокъ все-таки вытѣсняетъ ручное тканье, тогда какъ изготовленіе на магазинную продажу платья, играющее большую роль въ современной промышленности, благопріятствуетъ, наоборотъ, развитію домашней системы. Въ Германіи число лицъ, занятыхъ кустарнымъ ткачествомъ, упало между 1882 и 1895 годами съ 285.000 до 197.000, т.-е. уменьшилось на 88.000 или на 30%, тогда какъ въ производствѣ готоваго платья за тотъ же періодъ времени число рабочихъ въ домашней промышленности возрасло съ 132.000 до 160.000, что составляетъ увеличеніе на 22%. По обработкѣ дерева съ 1882 по 1895 г. цифра рабочихъ, занятыхъ дома, даже чуть не удвоилась, выросши изъ 19 т. до 37 т. [1]). Уже этихъ немногихъ данныхъ достаточно для общей характеристики упадка мелкаго производства или его подчиненія побѣдоносному шествію капитализма.

Такъ какъ основная тенденція капиталистической эволюціи заключается въ концентраціи капиталовъ или, иначе говоря, въ увеличеніи размѣровъ производства, то во второй половинѣ XIX в. и получили такое вообще развитіе акціонерныя компаніи съ ихъ большими капиталами, складывающимися изъ массы мелкихъ паевъ. Мы имѣли уже случай говорить о развитіи акціонернаго дѣла въ Германіи съ середины XIX в. [2]). Въ началѣ XX в. общее число акціонерныхъ компаній превышало тамъ уже пять тысячъ, ихъ капиталъ подходилъ уже къ четырнадцати милліардамъ [3]). Но акціонерная кампанія была формой концентраціи капитала, которая существовала задолго еще до періода времени, разсматриваемаго въ настоящемъ томѣ. Намъ предстоитъ теперь познакомиться съ дальнѣйшимъ развитіемъ кампанейскаго принципа. Жизненнымъ нервомъ капиталистической промышленности всегда была конкурренція, заставлявшая отдѣльныхъ предпринимателей ради нанесенія вреда своимъ соперникамъ по возможности понижать цѣны своихъ продуктовъ, что̀, конечно, не могло не ослаблять всѣ вообще предпріятія данной категоріи. Въ предпослѣднемъ десятилѣтіи

---

[1]) Цифры, приводимыя въ „Основахъ политической экономіи" *Туганъ-Барановскаго* на основаніи книги *Rauchberg'а* „Die Berufs- und Gewerbezählung im Deutschen Reiche" (1901). Послѣ переписей 1882 и 1895 г. въ Германіи была произведена еще перепись въ 1907 г., о которой см., между прочимъ, статью *Ник. Суханова* „Изъ итоговъ послѣдней профессіональной переписи въ Германіи" („Рус. Бог." за 1909 г., авг.).

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 271.

[3]) Цифра 1906 г.

XIX в. цѣлыя отрасли обрабатывающей промышленности переживали довольно тяжелый кризисъ, выразившійся въ очень большомъ паденіи цѣнъ на многія категоріи ея продуктовъ. Выходомъ изъ этого положенія явились соглашенія и даже союзы предпринимателей, ставившіе своею цѣлью замѣнять взаимную борьбу совмѣстною защитою общихъ интересовъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Чѣмъ въ меньшемъ количествѣ предпріятій сосредоточивалось производство какого-либо продукта и чѣмъ болѣе отдѣльныя предпріятія той или другой категоріи велись акціонерными компаніями, тѣмъ легче имъ было приходить къ соглашенію между собою. Стачки торговцевъ въ цѣляхъ искусственнаго подъёма цѣнъ посредствомъ установленія своего рода монопольной продажи — явленіе очень старое, но тѣ союзы, о которыхъ сейчасъ идетъ рѣчь, представляютъ собою уже явленіе вполнѣ новое. Рѣчь, именно, идетъ о такъ называемыхъ „синдикатахъ“, или „картеляхъ“, подъ которыми разумѣются длительные союзы предпринимателей для установленія, съ общаго согласія, правилъ, для всѣхъ одинаково обязательныхъ, относительно производства и сбыта продуктовъ соотвѣтственныхъ отраслей промышленности. Оставаясь самостоятельными, т.-е. не сливаясь воедино, отдѣльныя предпріятія, вступившія въ союзъ, тѣмъ не менѣе подчиняются извѣстнымъ ограниченіямъ и уже не пользуются прежнею свободою. Эти ограниченія могутъ касаться разныхъ сторонъ дѣла, но общая ихъ тенденція—устранять конкурренцію, съ каковою цѣлью синдикаты разграничиваютъ между союзными предпріятіями районы сбыта товаровъ, опредѣляютъ размѣры производства для поднятія цѣнъ и даже прямо устанавливаютъ цѣны покупокъ и продажъ, а иногда и распредѣляютъ между собою всѣ заказы, причемъ соглашенія могутъ обнимать или отдѣльные пункты, или всѣ стороны дѣла. Въ Соединенныхъ Штатахъ, подъ названіемъ „трёстовъ“, возникли даже такіе предпринимательскіе союзы, въ которыхъ отдѣльныя предпріятія вполнѣ утрачиваютъ свою индивидуальность, т.-е. превращаются въ части одного колоссальнаго предпріятія. Картели-синдикаты и трёсты являются дальнѣйшею ступенью капиталистической концентраціи, новымъ моментомъ въ процессѣ замѣны мелкихъ прадпріятій крупными. Какіе размѣры можетъ принимать это объединеніе, лучше всего показываетъ столь еще непродолжительная исторія сѣверо-американскихъ трёстовъ, которые въ самомъ концѣ XIX в. владѣли промышленнымъ капиталомъ въ 8 милліардовъ долларовъ, а въ первые годы настоящаго столѣтія — уже 20 милліардами. Указываютъ на то, что семь наиболѣе крупныхъ трёстовъ, такъ сказать, поглотили въ себя болѣе полуторы тысячи предпріятій, бывшихъ раньше самостоятельными, всего же такимъ образомъ было объединено уже въ началѣ XX в. болѣе 8½ т. предпріятій. Отдѣльные

трёсты владѣютъ иногда колоссальными капиталами и даже распоряжаются чуть не всѣмъ національнымъ производствомъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности. Напр., стальной трёстъ съ капиталомъ въ милліонъ двѣсти тысячъ долларовъ сталъ производить 70% всей стали въ Соединенныхъ Штатахъ, нефтяной трёстъ—болѣе 80% всей нефти, сахарный—90% всего сахара и т. п., а антрацитный и борный завладѣли даже всѣмъ производствомъ. Старой Европѣ неизвѣстна эта форма, сильно двинувшая впередъ промышленность Соединенныхъ Штатовъ къ немалому опасенію европейскихъ націй, но въ послѣдніе годы прошлаго и въ первые годы нынѣшняго вѣка и въ Европѣ получили развитіе картели. Особенно они привились въ Германіи, гдѣ ихъ число въ первые годы XX столѣтія достигло 450, изъ которыхъ 50 имѣли даже международное значеніе. Картели возникли и въ Россіи: стоитъ только вспомнить о знаменитой „сахарной нормировкѣ", ведущей начало отъ 1887 г. Какъ крупное экономическое явленіе, хозяйственные союзы предпринимателей возбудили немало споровъ и вызвали цѣлый рядъ изслѣдованій, такъ что о нихъ создалась цѣлая литература, между прочимъ, и на русскомъ языкѣ [1]). Въ ней достаточно выяснены экономическія условія, создавшія синдикаты [2]), но на важный вопросъ о значеніи синдикатовъ для всей народно-хозяйственной жизни сколько-нибудь опредѣленный и рѣшительный отвѣтъ пока считается невозможнымъ. Это—явленіе совершенно новое. Одни съ нимъ соединяли надежды, другіе — опасенія. Нѣкоторые готовы были видѣть въ синдикатахъ и трёстахъ самое вѣрное средство противъ промышленныхъ кризисовъ, считая, что въ основѣ подобныхъ соглашеній лежитъ совершенно правильная вообще мысль о необходимости планомѣрнаго регулированія производства путемъ согласованія предложенія со спросомъ. Съ другой стороны, многіе боятся, что союзы

---

[1]) *Kleinwächter.* Kartelle (1883); и *его же* статья въ сборникѣ „Промышленность", изд. Водовозова). — *Liefmann.* Die Unternehmerverbände (1897), Schutzzoll und Kartelle (1903), Kartelle und Trusts (1905).—*Steinmann-Bucher.* Ausbau des Kartellwesens (1902).—*Tschiersky.* Kartell und Trust (1903).—*Harmening.* Die nothwendige Entwickelung der Industrie zum Trust (1904).—*Rousier.* Les syndicats industriels de producteurs (1901) и мн. др., между прочимъ, на англ. языкѣ. По-русски объ этомъ предметѣ писали *проф. Пихно* (1885), *акад. Янжулъ* (1895), *А. Гурьевъ* (1898—1899), *М. Курчинскій* (1899), *I. Гольдштейнъ* (1907 и 1908) и др. Въ своихъ „Основахъ политической экономіи" проф. *Туганъ-Барановскій* посвящаетъ имъ отдѣльную главу. Ср. *А. Исаевъ.* Міровое хозяйство, стр. 308—324. — *Озеровъ.* Итоги экономическаго развитія XIX в., стр. 20 и слѣд.

[2]) См. статьи о синдикатахъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза-Ефрона подъ словами: „Картели" (т. XIV, стр. 610—616) и „Синдикаты" (т. XXX, стр. 8—22) и въ „Большой Энциклопедіи" (т. XVII, стр. 398 — 399).

предпринимателей будутъ только вести къ монопольному установленію цѣнъ, невыгодному для потребителей, и лишь ухудшатъ условія найма для рабочихъ и т. п. Какъ-никакъ, всѣ признаютъ за новой формой концентраціи капитала значеніе хотя и нарождающагося только, но очень крупнаго фактора дальнѣйшей экономической эволюціи. Синдикаты и трёсты—грядущая сила, съ которою уже и теперь приходится считаться не только потребителямъ и рабочимъ, но и самимъ правительствамъ въ ихъ двойной роли общественной власти и въ то же время покупщиковъ и заказчиковъ разныхъ предметовъ въ государственномъ хозяйствѣ (въ арміи, флотѣ, желѣзно-дорожномъ дѣлѣ и т. п.).

Ростъ капитализма, какъ извѣстно, находится въ тѣснѣйшей связи съ прогрессомъ техники, который самъ зависитъ отъ успѣховъ прикладныхъ наукъ, т.-е. отъ изобрѣтеній и усовершенствованій съ одной стороны, и отъ распространенія техническаго образованія, съ другой. Въ обоихъ отношеніяхъ въ исторіи послѣдней трети XIX в. обнаруживается сильное движеніе впередъ, особенно въ Германіи, которая на поприщѣ индустріальной техники въ нѣкоторыхъ производствахъ даже стала опережать Англію, эту родину машинъ, гдѣ столько переполоха надѣлало въ концѣ XIX в. клеймо „Made in Germany“ [1]).

Въ исторіи техническаго прогресса, вообще характеризующаго XIX в., тремъ послѣднимъ десятилѣтіямъ этого вѣка принадлежитъ весьма важное мѣсто [2]). Именно, въ послѣдней трети прошлаго столѣтія продолжались какъ усиленіе эксплуатаціи прежнихъ изобрѣтеній по части машиннаго производства, путей сообщенія и способовъ сношеній между людьми, военнаго дѣла и т. п., такъ и изобрѣтательство, направленное на усовершенствованія въ пріемахъ техники, уже бывшихъ въ употребленіи раньше, и на прокладываніе совершенно новыхъ путей. За тридцать лѣтъ, протекшихъ отъ франко-германской войны до конца столѣтія, страшно возросло общее количество паровыхъ двигателей: вычисляютъ, что каждыя десять лѣтъ количество лошадиныхъ силъ, представляемыхъ паровыми машинами, удваивалось [3]). Быстро возра-

---

[1]) См. выше, стр. 257.

[2]) Ср. т. V, стр. 843 и слѣд. Кромѣ того, *П. Энгельмейеръ.* Техническій итогъ XIX в. (1898).

[3]) „Въ 1888 г., говоритъ *проф. Озеровъ,* человѣчество располагало 50 милліонами лошадиныхъ силъ. Если считать каждую силу равною 12 человѣческимъ силамъ, то у человѣчества было въ 1888 г. 600 милліоновъ рабовъ. Въ концѣ вѣка, вѣроятно, это число удвоилось: я потому говорю „удвоилось“, что еще... въ 1880 г. въ распоряженіи человѣчества было 34 милліона лошадиныхъ силъ, а въ семидесятыхъ годахъ — 18 милліоновъ, въ шестидесятыхъ — 9, въ пятидесятыхъ—4, въ сороковыхъ 2 милліона. По этимъ даннымъ видно, что количество паровыхъ рабовъ удваивается каждое десятилѣтіе“. Итоги экономическаго развитія XIX вѣка, стр. 15. Въ 1801 г. всего было 80. т. лошади-

стало также и общее протяженіе желѣзныхъ дорогъ, какъ во всемъ свѣтѣ, такъ и въ Европѣ. Въ 1907 г. въ нашей части свѣта длина желѣзнодорожныхъ линій исчислялась почти въ 321 т. километровъ, тогда какъ въ 1900 г. она была равна 283,5 т., а въ 1870 г. только приблизительно 105 т. [1]). Въ общемъ эксплуатація силы пара значительно возрасла къ концу XIX в., но въ этотъ же періодъ съ паромъ стало конкуррировать, какъ рабочая и двигательная сила, электричество, въ области примѣненія котораго послѣ франко-германской войны было сдѣлано особенно много новыхъ изобрѣтеній. Въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка создалась даже особая отрасль электротехнической индустріи [2]). До семидесятыхъ годовъ этотъ видъ промышленности удовлетворялъ почти исключительно потребности телеграфнаго дѣла, но потомъ электро-техника получила блестящее развитіе, когда стали входить въ употребленіе телефоны (1877), электрическія лампочки, электрическіе трамваи, машины, работающія электрическимъ токомъ, и т. п. Въ 1895 г. въ одной Германіи число лицъ, занятыхъ въ „Elektrizitätsindustrie“, превышало 26 т., а черезъ десять лѣтъ ихъ насчитывали уже 82,5 тысячи, а въ 1907 г. почти 107 т. Въ 1898 г. годовое производство этой индустріи въ Германіи оцѣнивалось въ 228,7 милліоновъ марокъ [3]). Большое развитіе получила

ныхъ силъ въ Англіи, въ концѣ XIX в. ихъ было въ этой странѣ 15 милліоновъ, стр. 18.

[1]) Заимствуемъ изъ статьи *K. Wiedenfeld'a* „Eisenbahnen (Statistik)“ изъ III т. (стр. 901) третьяго изданія „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ (1909) цифры увеличенія протяженія желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ. За тридцать лѣтъ между 1840 и 1870 гг. было построено желѣзныхъ дорогъ 101.989 километровъ, а за тридцать лѣтъ между 1870 и 1900 гг.—180.411 километровъ, т.-е. чуть не вдвое болѣе. Для отдѣльныхъ, болѣе важныхъ странъ Западной Европы получаются такія цифры длины желѣзныхъ дорогъ въ километрахъ:

Страны:	1870 г.	1900 г.
Германія	19.575	51.391
Австро-Венгрія	9.589	36.883
Великобританія съ Ирландіей	24.999	35.186
Франція	17.931	42.827
Италія	6.134	15.787

Еще болѣе быстрый ростъ замѣчается въ Америкѣ, гдѣ въ 1870 г. было 93.139 километровъ, а въ 1900 г.—402.171, т.-е. болѣе, нежели въ четыре раза. Въ русской литературѣ ср. работу *проф. П. И. Георгіевскаго* „Историческій очеркъ развитія путей сообщенія въ XIX в.“ (1893).— *W. Lotz.* Verkehrsentwickelung in Deutschland, 1800—1900 (1900).

[2]) Ср. статью *A. Wirminghaus'a* Elekricitätsindustrie въ III т. новаго (3) изд. „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ съ указаніями на спеціальную литературу.

[3]) Любопытно, что во Франціи эта отрасль промышленности не получила особенно большого развитія.

еще химическая промышленность, благодаря успѣхамъ прикладной химіи, создающей новые продукты или усовершенствованія въ добываніи бывшихъ уже и раньше въ употребленіи веществъ [1]). Къ числу новыхъ производствъ нужно отнести еще и такія, какъ велосипедное, автомобильное и т. п. Что особенно заслуживаетъ вниманія въ этомъ прогрессѣ техники, это — извѣстная, такъ сказать, планомѣрность изобрѣтеній и открытій, дѣлающая роль случайности все менѣе значительной. Развитіе прикладныхъ наукъ и организація техническаго образованія оказали въ данномъ отношеніи особое вліяніе. Въ исторіи новѣйшихъ изобрѣтеній первое мѣсто принадлежало Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, а въ нихъ геніальному Эдиссону. Въ серединѣ XIX в. въ этомъ государствѣ уже бралось ежегодно около тысячи патентовъ на изобрѣтенія, а въ 1900 г. даже около $26^1/_2$ тысячъ, причемъ одному Эдиссону приписываютъ болѣе восьмисотъ изобрѣтеній. Понятно, что многія техническія усовершенствованія стали требовать большихъ затратъ и при оборудованіи отдѣльныхъ предпріятій, и при веденіи самого производства, а это тоже немало содѣйствовало возрастанію крупной индустріи. Одновременно со всѣмъ этимъ долженъ былъ возрастать и персоналъ спеціально обученныхъ техниковъ разныхъ наименованій, механиковъ, электриковъ, химиковъ и проч. и проч., должны были возникать при заводахъ и фабрикахъ особыя лабораторіи, одною изъ задачъ которыхъ сдѣлалось производство новыхъ опытовъ въ цѣляхъ дальнѣйшихъ изобрѣтеній и открытій. Многія изъ этихъ изобрѣтеній и открытій служили и интересамъ чистой науки, но и она въ своемъ движеніи впередъ, создавала немало новаго, что, въ свою очередь, отражалось на техническомъ прогрессѣ. Никогда раньше чистая наука и техника не находились въ столь тѣсномъ взаимодѣйствіи, какъ въ концѣ XIX в. Въ послѣднее время много заставляли говорить о себѣ открытіе рентгеновскихъ лучей и радія, изобрѣтеніе безпроволочнаго телеграфа и т. п.

Потребность промышленности въ спеціально обученныхъ техникахъ вызвала къ жизни цѣлую систему профессіональнаго образованія съ высшими техническими школами во главѣ. Рядомъ со старыми университетами, въ которыхъ еще въ средніе вѣка преподавались теологія, право и медицина, а также „свободныя искусства", развившіяся въ гуманитарныя науки и въ естествознаніе новаго времени,

---

[1]) Во второй половинѣ XIX в. важное значеніе получили производство динамита, бездымнаго пороха, цѣнныхъ красокъ изъ дегтя, разныхъ продуктовъ изъ нефти, всевозможныхъ пищевыхъ продуктовъ въ видѣ консервовъ и т. п., равно какъ усовершенствованные способы винокуренія, пиво- и сахароваренія и т. п. Хронологію этихъ и другихъ „изобрѣтеній и открытій" можно найти подъ этими словами въ „Большой Энциклопедіи" (ред. *С. Н. Южакова*).

стали основываться въ эпоху промышленнаго развитія, въ послѣднее же время— быстро развиваться новыя высшія школы прикладныхъ наукъ, своего рода техническіе университеты, разъ въ нихъ сосредоточивалось изученіе разныхъ спеціальностей (политехникумы [1]).

Все это индустріальное развитіе главнѣйшихъ странъ Западной Европы находило сильную поддержку со стороны государства. Раньше нами уже не разъ отмѣчалось, что въ серединѣ XIX в. получила довольно значительное распространеніе и нѣкоторое, иногда немалое вліяніе на экономическую политику отдѣльныхъ государствъ идея свободной торговли [2]), главною представительницею которой была Англія [3]). Принятая ею система свободной торговли и процвѣтаніе англійской промышленности ставились въ причинную связь, что принималось и за фактическое подтвержденіе чисто-теоретическихъ выводовъ въ пользу свободы торговли. Но въ разсматриваемую нами теперь эпоху совершился быстрый поворотъ въ пользу покровительственной системы, которая и стала рѣшительно господствовать въ торговой политикѣ почти всѣхъ государствъ. Впрочемъ, сама Англія осталась вѣрна системѣ свободной торговли, хотя, какъ мы имѣли уже случай видѣть, и въ ней за послѣднее время XIX в. происходило значительное движеніе въ пользу протекціонизма [4]).

Въ шестидесятыхъ годахъ чуть не общимъ мнѣніемъ было, что ученіе о свободной торговлѣ заключаетъ въ себѣ непререкаемую

---

[1]) Важнымъ моментомъ въ исторіи высшаго техническаго образованія были съѣзды, въ 1877—80 гг., его представителей въ странахъ нѣмецкаго языка, т.-е. въ Германіи, въ Австріи и въ Швейцаріи, потому что на этихъ съѣздахъ были выработаны общія начала организаціи высшихъ техническихъ школъ и веденія въ нихъ преподаванія. Тогда же (1879) произошло сліяніе въ одно высшее училище берлинскихъ горной и промышленной академій, что сильно повліяло на позднѣйшій типъ политехникума, т.-е. высшаго училища съ нѣсколькими спеціальными отдѣленіями по образцу университетскихъ факультетовъ. Въ концѣ XIX в. въ названныхъ странахъ насчитывалось уже 17 политехникумовъ, изъ которыхъ 9 было въ Германіи съ 15 тысячами учащихся, не считая другихъ высшихъ спеціальныхъ школъ и такъ называемыхъ (въ Германіи) техникумовъ съ сокращеннымъ курсомъ. Вмѣстѣ съ средними и низшими техническими школами политехникумы весьма сильно содѣйствовали промышленному процвѣтанію Германіи. *Zöller*. Die Universitäten und technischen Hochschulen (1891).—*Riedler*. Ziele der technischen Hochschulen (1896).—*Его же*. Unsere Hochschulen und die Anforderung des XX Jahrhunderts (1897).—*Scheffler*. Die technischen Hochschulen und Bergakademien (1893).—*Holzapfel*. Die technischen Schulen und Hochschulen (1897). Цѣлямъ индустріальнаго преуспѣянія и интересамъ торговли стали также служить особо для этого приспособленные музеи. *И. Янжулъ*. Торгово-промышленные музеи (1897).

[2]) Т. V, стр. 93 и слѣд.

[3]) Т. V, стр. 761. Ср. *И. Янжулъ*. Англійская свободная торговля, т. II (1882).

[4]) См. выше, стр. 260 и слѣд.

научную истину и даже представляетъ собою не что иное, какъ центральный пунктъ самой науки о народномъ хозяйствѣ [1]), хотя со временъ нѣмецкаго экономиста Фридриха Листа [2]) не было недостатка въ экономистахъ, которые стояли на другой точкѣ зрѣнія. Благопріятная свободной торговлѣ тенденція этой эпохи нашла, между прочимъ, выраженіе въ франкфуртскомъ мирномъ договорѣ между Германіей и Франціей въ 1871 г. По статьѣ 11 этого акта оба государства обезпечивали одно за другимъ, безъ обозначенія срока, положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи, на что Бисмаркъ охотно согласился, будучи въ то время еще сторонникомъ свободной торговли. Иниціатива этого условія шла съ французской стороны, хотя у тьеровскаго министра Пуйе-Кертье, бывшаго большимъ протекціонистомъ [3]), была при этомъ задняя мысль о пересмотрѣ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, существовавшихъ тогда у Франціи торговыхъ трактатовъ съ другими государствами. Мы уже видѣли [4]), что выступленіе Тьера, когда онъ былъ президентомъ республики, не сопровождалось прочнымъ успѣхомъ, но съ теченіемъ времени протекціонистское теченіе во Франціи, какъ, впрочемъ, и въ другихъ странахъ, взяло верхъ.

Въ этой же главѣ, нѣсколько выше [5]), уже шла рѣчь объ аграрномъ протекціонизмѣ послѣднихъ десятилѣтій XIX в. и было, кстати, отмѣчено, что новѣйшій западно-европейскій протекціонизмъ получилъ преимущественно аграрный характеръ [6]), объяснена и причина этого

---

[1]) Къ этому мы еще вернемся и будемъ объ этомъ говорить подробнѣе въ концѣ этой главы.

[2]) О Листѣ и его „Національной системѣ политической экономіи", вышедшей въ свѣтъ еще въ 1841 г., см. на стр. 376—378 пятаго тома. Именно, онъ оцѣнивалъ значеніе свободной торговли въ зависимости отъ степени экономическаго развитія страны и, считая, наприм., для Англіи свободную торговлю полезною, требовалъ для Германіи разумнаго протекціонизма, который содѣйствовалъ бы насажденію въ ней самостоятельной обрабатывающей промышленности. Онъ готовъ былъ видѣть въ свободной торговлѣ идеалъ международныхъ экономическихъ отношеній (ср. точку зрѣнія Кобдена, т. V, стр. 97—98), но доказывалъ, что для отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи странъ покровительственныя пошлины являются единственнымъ средствомъ выйти изъ положенія простыхъ поставщицъ сырья для государствъ съ болѣе развитою индустріей.

[3]) См. выше, стр. 450.

[4]) На только, что указанной страницѣ. См. указаніе (т. VI, ч. 1, стр. 194, прим.) на соч. *B. Franke* по исторіи новѣйшаго французскаго протекціонизма.

[5]) Стр. 446 и слѣд.

[6]) Наоборотъ, въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, которымъ нечего бояться ввоза иностраннаго хлѣба, протекціонизмъ получилъ, главнымъ образомъ, индустріальный характеръ. Ср. во „Внѣшней торговой политикѣ" *Зингкинга* главу, посвященную Соединеннымъ Штатамъ и Россіи (стр. 112—121).

явленія, заключавшаяся въ кризисѣ сельскаго хозяйства подъ вліяніемъ усиленія хлѣбнаго ввоза изъ Америки и Россіи. Въ сущности, этотъ новѣйшій протекціонизмъ распространился и на обрабатывающую промышленность, которая тоже переживала тяжелыя времена. Содѣйствовали успѣхамъ протекціонизма еще и другія причины. Послѣ франко-германской войны внутренняя политика приняла въ Европѣ вообще болѣе націоналистическій характеръ [1]), и отдѣльныя правительства стали не только усиливать свои вооруженія [2]), но и принимать мѣры, направленныя противъ иностранной промышленности. Какъ и въ дѣлѣ вооруженій, и здѣсь мѣры, принимавшіяся одною страною, тотчасъ же находили подражаніе въ другихъ. Ссылки на иностранные образцы даже сдѣлались любимыми аргументами защитниковъ покровительственной системы въ публицистикѣ и въ парламентахъ: разъ всѣ остальныя націи вооружаются одна противъ другой таможенными тарифами, зачѣмъ-де и намъ не дѣлать того же самаго? Если фритредеры въ доказательство правильности своихъ идей привыкли ссылаться на примѣръ Англіи, то протекціонисты начали указывать на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, экономическое процвѣтаніе которыхъ приписывали ихъ покровительственной торговой политикѣ. Въ Европѣ протекціонистскій тонъ стала задавать Германія. Излагая внутреннюю исторію послѣдней, мы довольно подробно остановились на переходѣ главнаго руководителя ея политики, Бисмарка, на протекціонистскую точку зрѣнія [3]), чему содѣйствовали также его политическія и финансовыя соображенія,— политическія въ томъ отношеніи, что въ борьбѣ съ соціализмомъ онъ сталъ искать поддержки со стороны консерваторовъ, бывшихъ протекціонистами, финансовыя же—поскольку изъ ввозныхъ пошлинъ можно было создать независимые имперскіе финансы. Главнымъ аргументомъ Бисмарка была, конечно, необходимость поддержки національнаго производства. Кромѣ аграріевъ, покровительственныхъ пошлинъ въ Германіи требовали и промышленники. Перепроизводство продуктовъ послѣ войны 1870—71 гг. окончилось для германской промышлен-

---

[1]) „La guerre franco-allemande avait, depuis 1870, développé le sentiment d'antagonisme, comme après les guerres du premier empire; chaque état s'ingéniait à se faire manufacturier et à se suffire à lui-même, tout en aspirant à étendre son marché a l'étranger. La concurrence devenait plus âpre". *E. Levasseur*. Questions etc., стр. 243.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 122 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 65 и слѣд. Объ экономической политикѣ Бисмарка (и вообще Германской имперіи) существуетъ цѣлая литература, именно труды *Бирмера*, *Пошингера*, *Бродница*, *Цейтлина*, *Шмоллера*, *Рёриха*, *Циммермана*, *Губера*, по-русски *М. Бернацкаго*, *И. Озерова*, *М. Фридмана* и пр., названные на стр. 224 первой части VI т. и выше, на стр. 61—62.

ности кризисомъ [1]), заставившимъ германскихъ индустріаловъ, объединенныхъ въ сильный союзъ („Zentralverband deutscher Industrieller“) добиваться введенія покровительственныхъ пошлинъ. „Этому движенію, замѣчаетъ одинъ нѣмецкій, но не германскій историкъ [2]), благопріятствовало возросшее со времени войны національное самосознаніе нѣмцевъ, которому иностранная конкурренція казалась какимъ-то почти недопустимымъ притязаніемъ“. Вступленіе Германской имперіи на путь усиленнаго протекціонизма относится, какъ извѣстно, къ концу семидесятыхъ годовъ, а въ восьмидесятыхъ по той же дорогѣ пошли и другія государства, какъ-то Италія, Австро-Венгрія, Россія и отчасти даже Бельгія. Франція тоже стала развивать протекціонистскую политику, главнымъ дѣятелемъ которой былъ извѣстный Мелинъ [3]), подготовившій строго-протекціонистскій тарифъ 1892 г. [4]). Въ немъ аграрный протекціонизмъ, о которомъ у насъ уже шла рѣчь [5]), сочетался съ индустріальнымъ. О характерѣ даннаго тарифа можно судить по тому, что если въ 1889 г. французскія таможни дали въ казну 144 милліона, то по тарифу 1892 г. отъ нихъ, при такомъ же ввозѣ, можно было бы ожидать уже 259 милліоновъ, если же въ дѣйствительности доходъ отъ таможенъ въ 1893 г. не превысилъ 212—213 милліоновъ, то вслѣдствіе сокращенія, благодаря новому тарифу, ввоза очень многихъ товаровъ. Общее усиленіе протекціонизма въ континентальныхъ странахъ заразило и часть англійскаго общества, главнымъ выразителемъ мнѣній которой сдѣлался Чэмберленъ, и, кромѣ того, вызвало къ жизни идею „справедливой торговли“ (fair trade), рекомендующую Англіи ввести у себя покровительственныя пошлины, которыя, однако, можно было бы понижать въ пользу государствъ, согласныхъ на пониженіе пошлинъ съ англійскихъ товаровъ.

Прибавимъ, что, кромѣ экономическаго значенія, новѣйшій протекціонизмъ игралъ и большую политическую роль, какъ одинъ изъ ингредіентовъ страшнаго націонализма, получившаго вообще большое развитіе во всѣхъ консервативныхъ и реакціонныхъ партіяхъ европейскихъ государствъ. Въ качествѣ ярыхъ протекціонистовъ стали выступать не только матеріально заинтересованные классы, но и всѣ тѣ общественные элементы, для которыхъ существуютъ наименованія

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 252.

[2]) *Г. Зивекингъ.* Внѣшняя торговая политика, стр. 123. Авторъ состоитъ профессоромъ въ Цюрихѣ.

[3]) См. выше, стр. 191.

[4]) Исторію этого тарифа даетъ *E. Levasseur* на стр. 245—254 своихъ „Questions“. „Мелиновская таможенная политика 90-тыхъ годовъ, говоритъ *Зивекингъ,* нашла для себя опору какъ-разъ въ шовинизмѣ французовъ“, стр. 129.

[5]) См. выше, стр. 446 и слѣд.

шовинистовъ, джингоистовъ, „патріотовъ“ (въ ковычкахъ) или „патріотовъ своего отечества“, равно какъ „истинныхъ“ (vrais, echte) французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, русскихъ и т. п., только и думающихъ о борьбѣ съ внѣшними и внутренними инородцами [1]). И въ оффиціальныхъ международныхъ отношеніяхъ торговая политика очень часто въ рукахъ правительствъ была орудіемъ для нанесенія вреда государствамъ, съ которыми у даннаго правительства возникали дурныя политическія отношенія. Подобныхъ примѣровъ исторія послѣднихъ десятилѣтій XIX в. представляетъ очень мало, если мы разсмотримъ исторію всѣхъ таможенныхъ войнъ за это время. Нѣкоторые отдѣльные случаи уже были нами попутно отмѣчены въ разныхъ мѣстахъ этого тома. Вспомнимъ, наприм., времена ухудшеній въ русско-германскихъ отношеніяхъ, когда Бисмаркомъ объявлялась война и русскимъ денежнымъ бумагамъ [2]). Намъ пришлось также упомянуть и о тарифной войнѣ между Франціей и Италіей [3]). Эта война, бывшая очень продолжительной (1888—1899) и притомъ особенно тяжелою для Италіи, сопровождалась и для Франціи крайне невыгоднымъ для нея сокращеніемъ вывоза въ Италію: въ 1887 г. передъ началомъ тарифной войны этотъ вывозъ доходилъ до 326 милліоновъ франковъ, а черезъ десять лѣтъ, передъ заключеніемъ торговаго договора 1899 г., указанная цифра сократилась болѣе, чѣмъ вдвое (160 милліоновъ въ 1897 г.). Кромѣ протекціонистскихъ соображеній съ обѣихъ сторонъ, въ повышеніи тарифовъ немалую роль съиграла тунисская исторія [4]). Конечно, однако, далеко не всегда таможенныя войны вызывались при такомъ содѣйствіи политическихъ причинъ.

Съ другой стороны, политическія сближенія приводили, въ свою очередь, и къ взаимнымъ уступкамъ экономическаго характера. Въ этомъ смыслѣ немалый интересъ представляетъ собою исторія австро-германскихъ отношеній. Создавая Таможенный союзъ и Германскую имперію, Пруссія стремилась къ нанесенію вреда Австріи не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Пруссія всячески препятствовала сближенію Австріи съ Таможеннымъ союзомъ, къ чему, напротивъ, послѣдняя стремилась. Когда, однако, въ самомъ этомъ государствѣ (главнымъ образомъ, въ Богеміи) развилась промышленность, то для ея поддержки противъ германской конкурренціи потребовалось введеніе покровительственныхъ пошлинъ. Между тѣмъ венгерскіе аграріи желали сохранить бывшій прежде свобод-

---

[1]) Антисемитизмъ, „polakożerstwo“, національныя распри въ Австріи и т. п. Ср. выше, стр. 116—130, 193—195, гл. XIX.

[2]) См. выше, стр. 14.

[3]) См. выше, стр. 265 и 276.

[4]) См. выше, стр. 45—46 и 267.

нымъ ввозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Германію [1]), что̀, разумѣется, вовсе не входило въ число желаній сельскихъ хозяевъ въ этой странѣ. Въ 1877 г. попытка заключенія торговаго договора между Германіей и Австро-Венгріей окончилась неудачей, и въ слѣдующемъ же году въ монархіи Габсбурговъ былъ введенъ новый тарифъ съ высокими покровительственными пошлинами. Вслѣдъ затѣмъ, однако, взаимныя отношенія гогенцоллернской и габсбургской имперій измѣнились, прежнее соперничество уступило мѣсто союзу, и это мало-по-малу подготовило заключеніе между обоими государствами болѣе тѣснаго договора 1891 г. Франко-русскій союзъ тоже не остался безъ экономическихъ послѣдствій для обѣихъ странъ, что̀ и выразилось, между прочимъ, въ заключеніи русско-французскаго договора 1893 г.

Нужно, однако, оговориться, что заключеніе между отдѣльными государствами торговыхъ договоровъ вовсе еще не свидѣтельствуетъ объ особой политической близости между ними, въ родѣ, наприм., такой, какая существуетъ въ тройственномъ или франко-русскомъ союзахъ. Развитіе торговыхъ сношеній между отдѣльными странами все болѣе и болѣе, и въ эпоху господства протекціонизма, вызывало необходимость заключенія международныхъ договоровъ, въ которыхъ договаривающіяся стороны обязываются взаимно не повышать таможенныхъ пошлинъ. Очень нерѣдко договоръ, заключенный между двумя странами, какъ извѣстно, регулируетъ торговыя отношенія и другихъ странъ, именно если принятыя въ немъ тарифныя ставки распространяются на всѣ страны, по отношенію къ которымъ тою или другого договаривающеюся стороною обѣщано наибольшее благопріятствованіе, подобное тому, какое мы находимъ во франкфуртскомъ трактатѣ 1871 г. [2]).

Послѣ этого трактата, какъ извѣстно, вездѣ возобладали принципы болѣе или менѣе строгаго протекціонизма, бывшаго вообще противъ торговыхъ договоровъ, т.-е. за автономные таможенные тарифы. Австро-германскій договоръ 1881 г. уже не заключалъ въ себѣ никакихъ тарифныхъ уступокъ. Съ первыхъ годовъ послѣдняго десятилѣтія XIX в. въ этой сферѣ отношеній сталъ, однако, обнаруживаться поворотъ въ сторону взаимныхъ уступокъ при заключеніи торговыхъ договоровъ, начало чему и было положено рядомъ трактатовъ, которые въ канцлерство Каприви были заключены между Германіей и другими

---

[1]) Ср. выше, стр. 452, прим.

[2]) См. выше, стр. 463. Въ трактатѣ 1871 г. оно устанавливается безсрочно, въ большинствѣ же случаевъ договоры о наибольшемъ благопріятствованіи заключаются на опредѣленное количество лѣтъ.

странами [1]). Въ частности, въ 1891 г. Германія и Австро-Венгрія признали одна за другою права наиболѣе благопріятствуемой державы, вслѣдъ за чѣмъ подобные же договоры были заключены и съ нѣкоторыми другими государствами [2]). Вообще послѣ этого основнымъ принципомъ торговыхъ трактатовъ сдѣлалось признаніе равенства договаривающихся державъ и равноправія иностранцевъ съ подданными того или другого государства въ занятіи промышленностью и торговлею [3]).

Если теперь мы перейдемъ отъ вопросовъ народнаго хозяйства къ вопросамъ государственнаго хозяйства, то и на его исторіи можемъ прослѣдить нѣкоторыя общія черты экономической исторіи послѣднихъ десятилѣтій XIX в.

Извѣстный нѣмецкій экономистъ Ад. Вагнеръ въ своей „Grundlegund der politischen Oekonomie", вышедшей въ свѣтъ въ 1876 г., различилъ, какъ извѣстно, въ современномъ народномъ хозяйствѣ три несходныя системы, изъ которыхъ одну обозначилъ, какъ частнохозяйственную, другую—какъ общественно-хозяйственную, а третью назвалъ благотворительной („каритативной"). Во второй изъ этихъ системъ онъ, далѣе, различилъ двѣ категоріи хозяйствъ—добровольныя и принудительныя, отнесши къ этой послѣдней категоріи, главнымъ образомъ, хозяйство государственное, ставящее своею цѣлью служеніе общему интересу. Ошибка прежнихъ экономистовъ, по мнѣнію Ад. Вагнера, заключалась въ томъ, что они изучали только одну изъ этихъ трехъ системъ, именно только первую. Начало такому пониманію предмета науки было положено еще Ад. Смитомъ, который вмѣстѣ со всею затѣмъ классическою школою видѣлъ въ государствѣ лишь организацію для охраны личной и имущественной неприкосновенности населенія. Школа Ад. Смита ожидала, что экономическія функціи государства съ теченіемъ времени будутъ только сокращаться, но Вагнеръ поставилъ своею задачею доказать обратное, т.-е. что законъ эволюціи народнаго хозяйства заключается въ естественномъ и неизбѣжномъ развитіи системы общественно-принудительнаго хозяйства на счетъ системы хозяйствъ частныхъ. Вагнеръ совершенно вѣрно

---

[1]) См. выше, стр. 108.

[2]) Трактатъ съ Испаніей не былъ ратифицированъ испанскимъ парламентомъ, что повлекло за собою между Германіей и Испаніей таможенную войну, длившуюся съ 1894 до 1896 г., и трактатъ между ними былъ заключенъ только въ 1899 г.

[3]) Ср. статью *Oncken*'а во 2 изд. „Handwörterbuch der Staatswissenschaften" и соотвѣтственные отдѣлы въ „Международномъ правѣ" покойнаго *проф. Мартенса* (4 изд., 1900 г., т. II) или въ соч. *Фр. Листа* „Международное право въ систематическомъ изложеніи" (2 рус. изд., 1909 г., стр. 275 и слѣд.), гдѣ можно найти указанія и на литературу предмета.

подмѣтилъ и ясно формулировалъ одно изъ явленій современной экономической эволюціи. Государственное хозяйство ростетъ и ширится, и нерѣдко государство или, какъ у насъ принято выражаться, казна выступаетъ сама въ роли крупнаго предпринимателя: стоитъ хотя бы вспомнить одно желѣзно-дорожное хозяйство, являющееся въ настоящее время однимъ изъ наиболѣе сложныхъ предпріятій. Концентрація капиталовъ (или въ данномъ случаѣ доходовъ) совершается и въ государственномъ хозяйствѣ [1]). Финансовая исторія послѣднихъ десятилѣтій XIX в. характеризуется возрастаніемъ налогового бремени, лежащаго на населеніи, возрастаніемъ государственныхъ расходовъ, возрастаніемъ, наконецъ, и задолженности отдѣльныхъ государствъ [2]). Правда, въ этой финансовой исторіи можно отмѣтить нѣкоторыя положительныя стороны сравнительно съ прежними временами (стремленіе къ болѣе равномѣрному распредѣленію, лучшіе отчетность и контроль, бо̀льшую прочность финансовъ даже послѣ неудачныхъ войнъ и т. п.), но главная причина роста государственныхъ бюджетовъ за-

---

[1]) То, что изображается *А. В. Пѣшехоновымъ* въ его работѣ „Экономическая политика самодержавія“ (2 изд. 1906 г.), появившейся подъ другимъ названіемъ, быть можетъ, болѣе вѣрнымъ, въ „Рус. Бог.“, имѣло и имѣетъ мѣсто и въ конституціонныхъ странахъ; вся разница лишь въ размѣрахъ явленія.

[2]) Въ послѣднемъ (3) изд. „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ (т. IV, стр. 226—261) есть интересная статья *O. Schwarz'a* „Die Finanzen der Gegenwart“, содержащая въ себѣ очень подробное, съ массою цифровыхъ данныхъ, изображеніе роста доходовъ, расходовъ и государственныхъ долговъ послѣ 1870 г. Первая, меньшая (стр. 226—232), часть статьи заключаетъ „краткую характеристику финансоваго развитія великихъ державъ“, взятыхъ въ отдѣльности, вторая, большая, — „сравнительное обозрѣніе великихъ державъ и вообще болѣе значительныхъ государствъ“. Въ 1870 г. (передъ войной), задолженность Европы была равна 59 милліардамъ марокъ, въ 1906 г. достигала уже почти 122 милліардовъ. За эти 35—36 лѣтъ не только возросли долги нѣкоторыхъ государствъ (Франціи съ 11 милліардовъ почти до 25, Германіи съ 3,₂ до слишкомъ 16 и т. п.), но и образовались значительные долги у такихъ государствъ, которыя ихъ въ серединѣ XIX в. не имѣли, стр. 233. Интересна таблица на стр. 238—239, гдѣ сравниваются цифры расходовъ по управленію главнѣйшихъ государствъ въ 1875 г. (большею частью, иногда въ 1873 или 1874, а для Германіи въ 1881—2 гг.), съ одной стороны, и 1907—8, 1908 и 1908—9 гг., съ другой. Въ Англіи цифра съ 1.379,₃ т. увеличилась до 2.398,₂, во Франціи съ 1.902,₉ до 2.634,₆, въ Австро-Венгріи съ 791,₈ до 1.846,₇, въ Италіи съ 864,₇ до 1.117, въ Германіи съ 1.403,₅ до 3.966,₅ (цифры въ тысячахъ марокъ). На одну душу населенія изъ этихъ расходовъ падало въ Англіи около 41 и 54 марокъ, во Франціи—52 и 67, въ Австро-Венгріи—22 и 37, въ Италіи—31 и 33 (малое увеличеніе), въ Германіи—31 и почти 63 (увеличеніе вдвое). Важно и указаніе на то, что въ послѣднемъ десятилѣтіи военный бюджетъ росъ быстрѣе гражданскаго, стр. 242. См. также *Zahn*. Finanzen der Grossmächte.

ключается въ современномъ милитаризмѣ [1]), особенно съ тѣхъ поръ, какъ народное (= національное) хозяйство стало переходить въ міровое и на историческую сцену выступили задачи міровой политики. Обычнымъ явленіемъ сдѣлалось, что обыкновенныхъ доходовъ на сухопутныя и морскія вооруженія не хватаетъ, и государства прибѣгаютъ къ займамъ, хотя, разумѣется, государственная задолженность имѣла и другой источникъ въ удовлетвореніи такихъ потребностей, какъ сооруженіе новыхъ путей сообщенія, выкупъ въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Избытокъ капиталовъ въ такихъ странахъ, какъ Англія, Франція, Бельгія, Германія, С.-А. Соединенные Штаты ведетъ къ пониженію процента съ капитала, что только облегчаетъ дѣланіе долговъ, хотя, съ другой стороны, часто прибѣганіе къ займамъ мелкихъ государствъ содѣйствовало повышенію процента именно при заключеніи займовъ маленькими странами (откуда сравнительно болѣе высокая биржевая цѣна денежныхъ бумагъ этихъ государствъ). Отмѣтимъ еще тотъ общій фактъ, что возрастаетъ равнымъ образомъ и коммунальная задолженность, благодаря тому, что и городское хозяйство дѣлается болѣе обширнымъ и болѣе сложнымъ, особенно тамъ, гдѣ развивается такъ называемый „муниципальный соціализмъ".

Въ заключеніе остановимся еще на исторіи экономическихъ идей послѣдней трети XIX в.

Параллельно съ экономическою эволюціей совершается эволюція и экономическихъ идей, то забѣгающая впередъ отъ первой, то, наоборотъ, отъ нея отстающая. Въ развитіи каждой науки происходитъ свой логическій процессъ, и добытыя истины дѣлаются основами для полученія дальнѣйшихъ истинъ. Такъ дѣло обстоитъ, однако, лишь въ математикѣ, наукѣ чисто умозрительной, не нуждающейся въ опытѣ и наблюденіи и не подвергающейся никакимъ вліяніямъ со стороны окружающей ея дѣйствительности. Лишь до нѣкоторой степени извѣстную чисто идейную филіацію мы находимъ и въ исторіи экономическихъ ученій, но эта наука не можетъ сторониться отъ наблюденій надъ все впередъ и впередъ движущеюся жизнью и игнорировать результаты историческаго опыта, какъ своего объекта, что должно постоянно производить ломку въ ученіяхъ политической экономіи. Въ началѣ разсматриваемаго нами періода, въ 1876 г., праздновалось столѣтіе со дня выхода въ свѣтъ „Богатства народовъ" Адама Смита, труда, съ котораго начинается развитіе новѣйшей экономической литературы, и въ это время уже вошла во всеобщее сознаніе та истина, что создавшій эпоху въ исторіи человѣческой мысли трудъ Смита за-

---

[1]) Ср. спеціально этому посвященныя стр. 122 и слѣд. первой части VI тома. Ср. таблицу на стр. 235 только-что названной статьи.

ключаетъ въ себѣ многія положенія, истинныя не для всѣхъ временъ и мѣстъ, какъ могли это думать раньше, а только для эпохи самого своего творца, для тѣхъ реальныхъ отношеній, которыя тогда существовали въ Англіи. Когда въ Германіи,—главнымъ образомъ, уже послѣ 1830 г.,—болѣе самостоятельно стали изучать теоріи англійской классической школы политической экономіи, нѣкоторыя ея положенія оказались въ противорѣчіи съ фактическими отношеніями нѣмецкой дѣйствительности, что и послужило началомъ для основанія особой исторической школы національной экономіи въ Германіи [1]). Съ другой стороны, и многія предсказанія или ожиданія, вытекавшія изъ наиболѣе популярныхъ положеній политической экономіи, созданной трудами Адама Смита, Мальтуса и Рикардо, тоже далеко не оправдывались на дѣлѣ, и такимъ образомъ съ этой стороны могла идти критика господствующей экономической теоріи, начало чему было положено еще въ исходѣ второго десятилѣтія XIX в. извѣстнымъ сочиненіемъ Сисмонди [2]). Первоначально этотъ французскій ученый стоялъ всецѣло на точкѣ зрѣнія англійской классической школы, но когда самъ побывалъ въ Англіи,—и какъ-разъ во время страшнаго промышленнаго застоя и вызванной ею поразительной нищеты рабочихъ,—онъ усумнился въ правильности ученія, по которому въ дѣйствительности все должно было выходить совсѣмъ иначе и даже наоборотъ. Но особенно противорѣчія между оптимистическою теоріей и практикою, приводившей къ пессимистическимъ заключеніямъ, вскрывались представителями зародившагося около того же времени соціализма, которые поэтому даже игнорировали экономическую науку своего времени, какъ фальшивое знаніе [3]). Только около 1840 г. соціалисты стали серьезнѣе относиться къ политической экономіи, и изъ ихъ среды даже вышелъ такой крупный экономистъ второй половины XIX в., какъ Марксъ. Сами экономисты, съ другой стороны, начали въ той или другой мѣрѣ испытывать на себѣ вліяніе соціализма, въ смыслѣ измѣненія нѣкоторыхъ своихъ точекъ зрѣнія на основаніи именно соціалистической критики, примѣръ чему еще въ серединѣ XIX в. былъ поданъ авторомъ „Основаній политической экономіи", Джономъ Стюартомъ Миллемъ [4]).

Соціалисты вскрыли еще и нѣчто другое въ политической экономіи первой половины XIX в. Общественныя науки отличаются отъ математики не только тѣмъ, что должны основываться на данныхъ дѣйствительности и постоянно новыми данными провѣрять свои прежнія

---

1) Т. V, стр. 377 и слѣд.
2) Т. IV, стр. 619—621.
3) Т. IV, стр. 627 и др.
4) Т. V, стр. 811—812.

положенія, но и тѣмъ, что и сами принимаемыя этими науками за истину положенія часто выражаютъ собою не дѣйствительное, а только желательное. Для утвержденія, что дважды два—четыре, не требуется никакихъ предварительныхъ наблюденій и послѣдующихъ провѣрокъ, но если бы эта же самая ариѳметическая формула задѣвала чьи-либо интересы, то, какъ непріятная, она могла бы сдѣлаться предметомъ возраженій и даже стала бы прямо отвергаться, какъ ложная. Политическая экономія, пожалуй, даже больше, чѣмъ какая-либо другая наука, подвержена этой опасности, и если экономическіе матеріалисты говорятъ, будто всякая идеологія есть не что иное, какъ выраженіе классовыхъ интересовъ, то самое сильное основаніе, дающее имъ поводъ это утверждать, есть несомнѣнно классовый характеръ, какой, въ сущности, приняла такъ называемая манчестерская школа политической экономіи. Извѣстно, что самъ Мальтусъ создалъ свою знаменитую теорію народонаселенія, дабы ссылкою на естественный законъ, „его же не прейдеши", защитить отъ радикально-демократическихъ нападокъ тотъ соціальный строй, которому онъ симпатизировалъ [1]). Извѣстно также, что теоріей Мальтуса пользовались и другіе для возраженія соціальнымъ реформаторамъ, доказывавшимъ, что общественныя бѣдствія происходятъ отъ неправильнаго экономическаго строя. На такой именно точкѣ зрѣнія стоялъ, напр., главный французскій политико-экономъ первой трети XIX в., Жанъ-Батистъ Сэй [2]). Въ манчестерской школѣ классовые интересы, можно сказать, выступали уже обнаженными, ничѣмъ не прикрытыми [3]). Она и впослѣдствіи продолжала быть наукообразною идеологіей промышленной буржуазіи, находившей, что для нея выгоднѣе всего предоставить экономическую жизнь общества естественному теченію вещей безъ всякаго вмѣшательства со стороны государства. Если Милль поколебался въ правильности такой точки зрѣнія и сталъ различать между законами производства, какъ законами природы, и законами распредѣленія, какъ зависящими отъ людской воли [4]), то другіе экономисты даже второй половины XIX в., особенно во Франціи, продолжали стоять на старой, манчестерской точкѣ зрѣнія, по примѣру знаменитаго своими „Экономическими гармоніями" (1849 г.) Бастіа [5]). Можно даже сказать, что манчестерство вообще было въ ходу въ шестидесятыхъ годахъ. Уже сенъ-симонисты порицали принципы современныхъ имъ экономистовъ [6]),

---

[1]) Т. IV, стр. 613—616.
[2]) Т. IV, стр. 618.
[3]) Т. V, стр. 97—93.
[4]) Т. V, стр 811.
[5]) Т. V, стр. 814.
[6]) Т. IV, стр. 644.

позднѣйшіе же французскіе соціалисты прямо отмѣчали, какъ буржуазный, характеръ оффиціальной политической экономіи, и только Прудонъ старался опредѣлить взаимныя отношенія политической экономіи и соціализма, какъ двухъ параллельныхъ ученій, изъ которыхъ первое выясняетъ хорошія стороны современнаго хозяйственнаго строя, второе же дурныя [1],—такъ какъ и въ каждой экономической категоріи, въ отдѣльности взятой, онъ различалъ хорошія и дурныя стороны. Но въ такомъ взглядѣ Прудонъ стоялъ одиноко, и съ его формулой совсѣмъ не могъ согласиться Марксъ, самъ ставшій на ту точку зрѣнія, что экономисты являются научными выразителями интересовъ буржуазіи, соціалисты же—теоретиками пролетаріата [2].

После той критики, которой подверглась старая политическая экономія и особенно манчестерское ея вырожденіе со стороны исторической школы и со стороны соціалистовъ, ей уже трудно было отстаивать свои прежнія позиціи, тѣмъ болѣе, что и практическая жизнь внушала идеи, коренньмъ образомъ расходившіяся съ манчестерскими догматами. Бастіа былъ послѣднимъ замѣтнымъ представителемъ чистаго манчестерства на Западѣ, и наибольшая его популярность не пережила шестидесятыхъ годовъ. Но въ эти годы,—что доказывается и популярностью Бастіа,—все еще у манчестерства было немало приверженцевъ въ общественныхъ и правительственныхъ сферахъ. Оживленіе политическаго либерализма, отмѣчающее собою исторію шестидесятыхъ годовъ, сопровождалось вмѣстѣ съ тѣмъ и оживленіемъ экономическаго либерализма, поскольку оба они стремились къ ограниченію правительственной власти, къ устраненію государственнаго вмѣшательства въ разныхъ сферахъ частной дѣятельности человѣка и его индивидульной свободы [3]. Какъ мы уже не разъ повторяли, блестящее экономическое развитіе Англіи, гдѣ только-что проявились результаты незадолго передъ тѣмъ введенной свободы торговли [4], принималось за лучшее и самое наглядное доказательство въ пользу невмѣшательства. Одно то, что Франція, бывшая всегда оплотомъ протекціонизма, заключила съ Англіей въ 1860 г. торговый трактатъ въ фритредерскомъ духѣ, было великимъ торжествомъ для „либеральной“ экономической теоріи [5]. Вообще примѣръ Англіи въ эти годы сильно импонировалъ правительствамъ другихъ странъ. Самъ Наполеонъ III, заключившій съ нею только что упомянутый торговый договоръ, находился подъ вліяніемъ либеральной доктрины, и настоящимъ руководителемъ тогда

[1]) Т V, стр. 312.
[2]) Т. V, стр. 390.
[3]) Объ исторической связи обоихъ либерализмовъ т. IV, стр. 601 и слѣд.
[4]) Т. V, стр. 95—97 и 761—762.
[5]) Т. V, стр. 763.

экономической политики Франціи сдѣлался Мишель Шевалье, стоявшій на точкѣ зрѣнія свободы торговли, какъ Шарль Дюнуайе проповѣдовалъ свободу промышленности [1]). Въ Сардиніи, превратившейся въ эти годы въ Итальянское королевство, равнымъ образомъ экономическая политика направлялась графомъ Кавуромъ, раздѣлявшимъ идеи манчестерской школы и слѣдовавшимъ примѣру Англіи въ духѣ фритредерства [2]). Образовавшаяся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Пруссіи партія прогрессистовъ въ числѣ своихъ требованій тоже выставила пересмотръ промышленнаго законодательства въ духѣ экономическаго либерализма [3]). На ту же точку зрѣнія стала и сформировавшаяся къ концу шестидесятыхъ годовъ націоналъ-либеральная партія [4]). Конечно, подобныя же проявленія манчестерскихъ стремленій относятся не къ однимъ шестидесятымъ годамъ, а встрѣчаются въ большомъ изобиліи и въ послѣдующія десятилѣтія, но имъ, этимъ стремленіямъ, уже не было такого простора, какъ въ шестидесятыхъ годахъ, потому что еще бо̀льшую силу получили потомъ противоположныя воззрѣнія, исходившія или изъ національно-государственныхъ соображеній, какъ, напр., у Бисмарка [5]), или изъ требованій соціальной справедливости. Сами сторонники либерализма стали колебаться въ своихъ взглядахъ. Характерно, напр., заявленіе, которое мы находимъ въ изданной въ 1881 г. программѣ націоналъ-либеральной партіи. Именно, въ ней выражено твердое убѣжденіе партіи („halten wir an der Ueberzeugung fest“), что „противоположныя мнѣнія относительно охранительныхъ пошлинъ и свободы торговли не должны служить основою образованія политической партіи. Различіе,—поясняется далѣе,—мѣстныхъ интересовъ, смотря по преобладанію торговли и мореплаванія, земледѣлія или промышленности, настоятельно требуетъ, чтобы внутри нашей партіи дано было мѣсто несходнымъ взглядамъ относительно пошлинъ“. И программа къ этому прибавляла еще слѣдующія слова: „отказъ отъ этой свободы (мнѣній) сдѣлалъ бы совершенно невозможною націоналъ-либеральную партію, которая распространялась бы на всю Германію“. Это—очень интересное заявленіе, которое проливаетъ свѣтъ на вопросъ, почему даже среди прежнихъ принципіальныхъ защитниковъ промышленной свободы стало возникать мнѣніе, пошедшее въ разрѣзъ съ чистымъ манчестерствомъ и фритредерствомъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ шестидесятыхъ годовъ старая „либеральная“ экономическая теорія уже замѣтно склонилась къ

---

[1]) Т. V, стр. 664.

[2]) Т. V, стр. 680.

[3]) Т. V, стр. 714 и 715, а также выше, стр. 66, 67 и др.

[4]) Т. V, стр. 738, а также выше, указ. стр.

[5]) См. выше, стр. 63 и слѣд.

упадку, утративъ и былую свою увѣренность, и господство надъ умами. Она продолжала еще имѣть представителей и на университетскихъ каѳедрахъ, особенно во Франціи [1]), и въ научной литературѣ, и въ публицистикѣ, и въ программахъ политическихъ партій, но вездѣ и всегда имѣла видъ чего-то запоздалаго, какого-то пережитка, анахронизма. Политико-экономическая мысль вообще въ три послѣднія десятилѣтія XIX в. работала въ новыхъ направленіяхъ, отмѣчая дѣлавшіяся раньше теоретическія и практическія ошибки, учитывая результаты совершившихся въ экономической жизни измѣненій и принятыхъ законодательствами разныхъ странъ мѣръ и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣшаясь отъ той классовой точки зрѣнія, которая служила основаніемъ для отожествленія всякаго либерализма съ буржуазно-промышленными вожделѣніями.

Сами англичане, первые провозвѣстники экономическаго либерализма, не удержались на старой точкѣ зрѣнія невмѣшательства государства. Дайси, авторъ превосходнаго труда о вліяніи общественнаго мнѣнія на законодательство въ Англіи XIX в. [2]), прямо противополагаетъ въ исторіи Англіи послѣ второй парламентской реформы періодъ, по его терминологіи, „коллективизма“ [3]) періоду „бентамизма“, полагая границею между ними 1870 годъ и характеризуя перемѣну

---

[1]) См. въ „Questions“ *Levasseur'a* стр. 366 и слѣд. Онъ перебираетъ здѣсь отдѣльныхъ французскихъ политико-экономовъ (какъ изъ профессоровъ, такъ и „en dehors du corps enseignant“), парламентскихъ дѣятелей, политическіе журналы и спеціальныя изданія (Le Journal des économistes, L'Économiste français, Le Monde économique) и ученыя общества, которыя держатся „доктрины либеральной школы“. „Le libéralisme,—говоритъ онъ,—наприм., est la doctrine dominante aujourd'hui dans la section d'économie politique de l'Académie des sciences morales et politiques“, стр. 368. Левассёръ защищаетъ своихъ сотоварищей отъ разныхъ дѣлаемыхъ имъ упрековъ, но весьма характерны самые эти упреки французской либеральной школѣ: „on a reproché à l'école libérale d'être une doctrine bourgeoise;... d'être optimiste, parce qu'elle croit que l'essor libre des activités individuelles procure en général à la société un résultat économique plus avantageux que ne feraient les canalisations factices;... enfin d'être égoiste et dure, voire même cruelle, parce que, lorsqu'elle analyse des faits et qu'elle en induit des lois, elle n'affiche pas la prétention de supprimer les misères de l'humanité“, стр. 370. Для исторіи политической экономіи во Франціи см. *Béchaux*. École économique française (1902).

[2]) *A. Dicey*. The relations between law and public opinions in England during the XIX century (1905). Подробнѣе объ этой книгѣ см. на стр. 335—336 первой части настоящаго тома и ср. ссылки на нее тамъ же, на стр. 313, 315 и 319.

[3]) Конечно, въ данномъ случаѣ коллективизмъ не идентиченъ съ коллективизмомъ, какъ обозначеніемъ одного изъ видовъ соціализма или синонимомъ соціализма вообще. Ср. подстрочное примѣчаніе въ слѣдующей главѣ о терминѣ „коллективизмъ“.

въ экономическихъ взглядахъ образованныхъ классовъ общества, какъ переходъ отъ ученія о „laisser passer, laisser faire“ къ ученію о государственномъ вмѣшательствѣ. Еще болѣе рѣшительныхъ сторонниковъ государственное вмѣшательство нашло въ Германіи, гдѣ, какъ извѣстно, возникло даже цѣлое направленіе, названное „катедеръ-соціализмомъ“ и требовавшее, чтобы государство регулировало своимъ законодательствомъ разныя стороны экономической жизни и въ особенности условія быта и труда рабочаго класса. Съ этой точки зрѣнія государство должно было перестать играть роль простого зрителя свободной игры индивидуальныхъ интересовъ, вмѣшивающагося въ ихъ борьбу лишь тогда, когда совершается посягательство на индивидуальную свободу или происходитъ нарушеніе уголовныхъ законовъ и общественнаго мира [1]). Какъ это новое направленіе общественной мысли отразилось на возникновеніи новѣйшаго соціальнаго законодательства, мы уже видѣли на примѣрѣ хотя бы Германіи [2]) и будетъ еще объ этомъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Въ своемъ мѣстѣ у насъ уже упоминалось о возникновеніи въ Германіи только что названнаго катедеръ-соціализма [3]). Это слово было пущено въ ходъ однимъ сторонникомъ теоріи невмѣшательства, Оппенгеймомъ, авторомъ полемическихъ статей, изданныхъ имъ потомъ въ видѣ отдѣльной книжки, заглавіе которой гласило „Der Kathedersozialismus“ (1872) и на которую немедленно же отвѣчалъ одинъ изъ представителей новаго направленія въ экономической наукѣ, Адольфъ Вагнеръ. Въ начавшейся такимъ образомъ полемикѣ приняли участіе и другіе экономисты, большею частью занимавшіе университетскія каѳедры своего предмета (откуда и самая кличка катедеръ-соціалистовъ), сблизившіеся по этому случаю между собою и даже основавшіе особое научно-политическое общество подъ названіемъ „Verein für Socialpolitik“. Всѣхъ профессоровъ, присоединившихся къ соціально-политическому союзу, сразу же оказалось двадцать пять, но къ нимъ примкнуло еще около ста тридцати представителей разныхъ другихъ профессій, такъ что въ первомъ же съѣздѣ ферейна, состоявшемся въ Эйзенахѣ въ 1872 г., участвовало болѣе полутораста членовъ. Политическія воззрѣнія и симпатіи членовъ этого союза оказались весьма различными, начиная очень консервативными и кончая достаточно прогрессивными, но въ союзъ не вошло ни одного соціалиста. Глав-

---

[1]) Ср. противоположеніе новѣйшаго „патернализма“ прежнему „laisser faire“ у *L. Lowell'я* въ „The government of England“, т. II, стр. 520 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 74 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 65. Тамъ же указана и та полемическая литература, какую вызвало новое направленіе.

ною объединяющею идеей соціально-политическаго союза была идея государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь націи. Во взглядѣ на государство катедеръ-соціалисты заняли позицію, среднюю между националъ-либералами и соціалистами, а основной ошибкой прежней политической экономіи считали то, что всѣ ея интересы сосредоточены на ростѣ производства, и что, наоборотъ, вопросъ о болѣе справедливомъ распредѣленіи ею оставлялся въ сторонѣ. Желая сохранить индустріальную свободу вмѣстѣ съ существующимъ экономическимъ строемъ, они только настаивали на необходимости участія государства въ регулированіи такихъ отношеній, какъ условія фабричнаго труда, жилищныя условія рабочихъ и т. п., равно какъ разнаго рода предпріятій банковыхъ, страховыхъ и т. д. Изслѣдованія въ области соціальныхъ вопросовъ по иниціативѣ, на счетъ и подъ руководствомъ государства тоже входили въ практическую программу катедеръ-соціалистовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и государственныя же мѣры въ цѣляхъ распространенія въ рабочемъ классѣ научныхъ и прикладныхъ знаній и развитія добрыхъ нравовъ. Сторонники этого направленія называли его еще „этическимъ“, такъ какъ вносили въ экономическую теорію моральный элементъ, или „историко-этическимъ“, поскольку все направленіе было продолженіемъ прежней исторической школы, осложненнымъ все тѣмъ же моральнымъ элементомъ. Въ Союзѣ для соціальной политики вырабатывались разнаго рода предположенія о необходимѣйшихъ преобразованіяхъ, и въ этомъ смыслѣ можно признать, что онъ не остался безъ извѣстной доли вліянія на соціальное законодательство Германской имперіи, хотя болѣе значительное вліяніе оказано было на возникновеніе этого законодательства давленіемъ со стороны соціалъ-демократіи, да и на практикѣ соціальная политика позднѣйшаго времени оказалась болѣе рѣшительною, нежели это входило въ первоначальные планы Союза.

Развитіе въ Германіи и экономической науки въ послѣдней трети XIX в. совершалось подъ сильнымъ вліяніемъ идеи катедеръ-соціалистовъ. Нѣмецкая политико-экономическая литература выдвинула въ это время цѣлый рядъ видныхъ именъ. Особенно важную роль съигралъ въ научномъ движеніи этой эпохи Шмоллеръ [1]), создавшій цѣлую

---

[1]) Густ. Шмоллеръ былъ проф. въ Галле, въ Страсбургѣ (съ 1872 г.) и въ Берлинѣ (съ 1882 г.) и членомъ прусской палаты господъ (съ 1899 г.), и вся его сила, какъ ученаго, заключалась въ его историко-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Съ 1878 г онъ началъ издавать серію „Staats -und sozialwissenschaftliche Forschungen“, состоящую, главнымъ образомъ, изъ работъ его учениковъ. Въ 1908 г. Шмоллеръ праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей профессуры, что было ознаменовано изданіемъ составленнаго его учениками и почитателями труда подъ заглавіемъ „Die Entwickelung der deutschen Volks-

школу вѣрныхъ его идеямъ учениковъ. По своимъ взглядамъ изъ всѣхъ представителей экономической науки въ Германіи онъ наименѣе другихъ могъ бы быть обвиненъ въ сочувствіи соціализму: его политическое міросозерцаніе вполнѣ могло удовлетворяться традиціями прусской государственности, и въ этомъ отношеніи съ нимъ вполнѣ сходился Шёнбергъ [1]), подозрительно, напр., относившійся къ рабочимъ союзамъ. Болѣе свободное теченіе въ этомъ общемъ направленіи представляли собою уже упоминавшійся выше Адольфъ Вагнеръ [2]) и Шэффле [3]). Хотя первый изъ нихъ тоже былъ консерваторомъ, какъ членъ прусскаго ландтага, и одно время дружилъ съ Штёккеромъ и даже очень близко стоялъ къ Бисмарку, однако, его политико-экономическіе взгляды настолько приближались къ соціализму, что пребываніе его въ соціально-политическомъ союзѣ сдѣлалось фактически невозможнымъ. Что касается до Шэффле, то онъ даже написалъ такую книжку, „Die Quintessenz des Socialismus" (1875), которая оказала довольно большое содѣйствіе распространенію соціалистическихъ идей. Наиболѣе прогрессивнымъ былъ среди соціалъ-политиковъ Луйо Брентано [4]), такъ какъ довольно сильно

---

wirtschaftslehre im XIX Jahrhundert". Изъ теоретическихъ трудовъ Шмоллера отмѣтимъ, какъ наиболѣе важные: „Uber einige Grundfragen des Rechts- und der Volkswirtschaft" (1879), „Die Gerechtigkeit in der Volkswirtschaft" (1880) и „Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre" (1900—1904).

[1]) Густ. Шёнбергъ, между прочимъ, написалъ „Die deutsche Freihandelsschule und die Partei der Eisenacher Versammlung vom Oktober 1872" (1873), „Die Sozialpolitik des Deutschen Reichs (1886), кромѣ ряда теоретическихъ и историческихъ работъ по политической экономіи.

[2]) Ад. Вагнеръ съ 1870 г. занималъ каѳедру политической экономіи въ Берлинскомъ университетѣ. Главный его трудъ—„Grundlegung der politischen Oekonomie" (1876). Въ 1872 г. онъ издалъ „Ueber die soziale Frage". Членомъ прусской палаты депутатовъ онъ былъ въ 1882—1885 гг.

[3]) Альб. Шэффле въ шестидесятыхъ годахъ былъ профессоромъ въ Тюбингенѣ и членомъ вюртембергской палаты депутатовъ, потомъ съ 1868 г. занималъ каѳедру въ Вѣнѣ и въ 1871 г. нѣсколько мѣсяцевъ былъ министромъ торговли въ кабинетѣ Гогенварта. Послѣ этого онъ занялся соціологіей, результатомъ чего былъ его извѣстный трудъ „Bau und Leben des sozialen Körpers" (1875—1878). Его первоначальная симпатія къ соціализму со временемъ ослабѣла. Въ 1885 г. онъ написалъ „Die Aussichtlosigkeit der Sozialdemokratie". О немъ, какъ о соціологѣ, ср. ниже, въ гл. XXV.

[4]) *Lujo* (*Ludwig*) *Brentano* въ семидесятыхъ годахъ былъ профессоромъ въ Бреславлѣ, и къ этому времени относится его полемика съ фритредерами („Ueber Einigungsämter, line Polemik mit Dr. Alex. Meyer" и „Die wissenschaftliche Leistung des Herrn L. Bamberger"). Ему тоже принадлежитъ рядъ теоретическихъ работъ (между прочимъ, „Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung", 1876) и сочиненій о современной Англіи, куда онъ неоднократно ѣздилъ. Ср. слѣд. примѣч.

сказался болѣе свободный духъ Англіи, бывшей ему хорошо извѣстною. Знатокъ англійскаго трэдъ-юніонизма [1]), онъ не полагался исключительно, въ дѣлѣ улучшенія быта рабочихъ, на одну государственную помощь, но стоялъ и за широкое развитіе профессіональныхъ союзовъ. Кромѣ того, Брентано не соглашался съ тѣми соціалъ-политиками, которые рекомендовали поддерживать старыя, болѣе консервативныя формы мелкаго производства, и указывалъ на необходимость крупнаго производства, но въ свое міросозерцаніе вмѣстѣ съ тѣмъ вносилъ неоправдываемую естественнымъ ходомъ вещей долю оптимизма въ духѣ нѣсколько утопичнаго „соціальнаго мира“ [2]).

За послѣдніе годы XIX в. новое направленіе стало пускать корни и во Франціи, гдѣ въ 1886 г. возникъ органъ, въ которомъ стали писать экономисты болѣе молодой генераціи [3]), проповѣдовавшіе необходимость законодательнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь („l'interventionnisme“) и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывавшіе, съ точки зрѣнія эволюціонизма, относительность законовъ политической экономіи. Одинъ изъ упрековъ, какіе новая школа дѣлаетъ традиціонной экономической ортодоксіи французскихъ ученыхъ, заключается въ ея оптимистическомъ характерѣ, въ томъ, что она вѣритъ въ благодѣтельность естественнаго хода вещей безъ человѣческаго вмѣшательства. Лозунгу „laisser passer, laisser faire“ они рѣшительно противопоставили свои „интервенціонизмъ“ и притомъ въ двухъ его приложеніяхъ, именно, съ одной стороны — къ улучшенію быта рабочихъ, съ другой—къ защитѣ интересовъ производителей. Въ первомъ отношеніи они явились горячими защитниками соціальнаго законодательства [4]), во второмъ — сторонниками протекціонизма, нашедшаго во Франціи и нѣкоторыхъ чисто-теоретическихъ защитниковъ [5]). Надежда, какую экономисты новаго направленія (а съ ними и нѣкоторые юристы) стали возлагать на государство въ дѣлѣ улучшенія соціально-экономическихъ отношеній, дала даже поводъ обвинять ихъ въ чрезмѣрномъ преклоненіи передъ государствомъ, или въ „этатизмѣ“ (étatisme), какъ съ недавняго времени стали называть во Франціи

---

[1]) Его работа „Die Arbeitergilden der Gegenwart“ (1871—2). Ср. ниже, стр. 492, прим. 2.

[2]) О соціальномъ мирѣ писалъ, между прочимъ, Шульце-Геверницъ, соч которaго на эту тему названо было въ числѣ пособій въ XXII гл. IV тома, стр. 513.

[3]) Это — „Revue d'économie politique“, а главные дѣятели новаго направленія суть Bourguin, Jay, Paul Pic, Cauwès и др. Къ ихъ числу нужно отнести и *Жида (Gide)*, автора „Принциповъ политической экономіи“ (1883), извѣстныхъ русскимъ читателямъ въ переводѣ.

[4]) Напр., въ „La protection légale des travailleurs“ par *R. Jay* (1904).

[5]) Проф. Ковесъ (*Cauwès.* Cours d'économie politique), Жюль Думергъ, ред. „Réforme économique“, Тери (Théry), ред. „Économiste européen, и др.

направленіе, слишкомъ расширяющее функціи государства [1]). Отъ этатизма, говорятъ нѣкоторые критики новаго направленія, недалеко и до соціализма [2]).

Что касается до теоретической разработки основныхъ проблемъ политической экономіи, то изъ отдѣльныхъ писателей наибольшее вліяніе на эту разработку въ послѣдней трети XIX в. оказалъ Карлъ Марксъ, о „Капиталѣ" котораго, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1867 г., у насъ уже шла рѣчь въ другомъ мѣстѣ [3]).

Какъ экономистъ-теоретикъ, Марксъ среди спеціалистовъ политической экономіи въ Германіи возбуждалъ главнымъ образомъ только оппозицію противъ своихъ положеній [4]),—не то, что въ Россіи, гдѣ, его теорія цѣнности и капитала повліяла положительнымъ образомъ на очень многихъ извѣстныхъ экономистовъ, сочетавшихъ, впрочемъ, эту теорію съ воззрѣніями соціальныхъ политиковъ. Съ формальной стороны нѣмецкіе оппоненты Маркса признавали въ немъ рѣдкій научный даръ, но возражали противъ существа его теоріи, которую одинъ изъ его критиковъ (Бёмъ-Баверкъ) прямо называлъ карточнымъ домикомъ [5]). Теорія цѣнности Маркса, съ точки зрѣнія которой прибыль предпринимателя должна считаться не чѣмъ инымъ, какъ неоплачен-

---

[1]) *E. Levasseur.* Questions, стр. 377 и слѣд.

[2]) Во Франціи существуетъ цѣлая литература по вопросу о предѣлахъ дѣятельности государства. Сочиненіе *Laboulaye* „L'état et ses limites" (1863) было переведено по-русски (1868), равно какъ и историческое изслѣдованіе *Henri Michel'я* „L'idée de l'état (1896; рус. пер. 1903 г.). Кромѣ того, см. *Paul Leroy-Beaulieu.* L'état moderne et ses fonctions (1890).—*M. Bourguin.* Le système socialiste et l'évolution économique (1904). Бургенъ, собственно, и является въ глазахъ критиковъ типичнымъ представителемъ „этатизма". Критикуя коллективизмъ, какъ утопію, онъ вмѣстѣ съ соціалистами видитъ сущность экономической эволюціи въ развитіи капитализма, промышленной концентраціи, ассоціаціи и государственнаго вмѣшательства и возлагаетъ всѣ свои надежды на мутуализмъ и на законодательную и административную защиту рабочаго класса.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 275—279. Тамъ же, на стр. 267, указана и литература объ ученіи Маркса. Второй и третій томы „Капитала" вышли въ свѣтъ въ 1885 и 1894 гг. (изданы Энгельсомъ), а въ 1904 г. въ обработкѣ Каутскаго по рукописямъ Маркса вышла какъ бы въ видѣ 4 и 5 томовъ „Капитала", книга „Theorien über den Mehrwerth".

[4]) Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить того, что вліяніе Маркса до извѣстной степени, какъ-никакъ, сказалось на Карлѣ Бюхерѣ, авторѣ „Происхожденія народнаго хозяйства", — книги, признаваемой наиболѣе важною работою въ области общей теоріи экономическаго развитія за послѣднее время.

[5]) *Boehm-Bawerk.* Geschichte und Kritik des Kapital und Kapitalzinstheorien (1884) и болѣе поздняя (1896) его статья „Zum Abschluss des Marxschen Systems".

нымъ трудомъ рабочихъ [1]), пріобрѣла большую популярность среди послѣднихъ, но именно это и сдѣлало ее подозрительною въ глазахъ буржуазіи. На теорію цѣнности и въ соціалистическомъ лагерѣ, и среди противниковъ соціализма стали смотрѣть, какъ на фундаментъ, на которомъ покоится весь соціализмъ: поддерживать эту теорію сдѣлалось равносильнымъ защитѣ и даже теоретическому обоснованію соціализма, опровергать ее — равносильнымъ его разрушенію. И то, и другое вносило въ споры, вызванные теоріей Маркса, большую страстность, благодаря какъ-разъ тому, что отъ рѣшенія въ ту или другую сторону чисто отвлеченнаго вопроса теоріи ожидали громадныхъ практическихъ результатовъ въ смыслѣ оправданія или опроверженія всего соціализма. Только такъ называемая австрійская школа, очень сильно напоминающая школу германскую [2]), попыталась внести въ споръ о цѣнности нѣсколько больше чистой теоретичности, отрѣшившись въ извѣстной мѣрѣ отъ постороннихъ соображеній о практической выгодности или невыгодности принятія теоріи Маркса.

XXIII. Рабочее движеніе и соціализмъ въ концѣ XIX вѣка [3]).

Производительныя ассоціаціи, профессіональные союзы и политическія партіи въ исторіи рабочаго движенія въ XIX в.—Профессіональное движеніе въ разныхъ странахъ. — Англійскій трэдъ-юніонизмъ въ концѣ XIX в. — Германскіе рабочіе ферейны въ ту же эпоху.—Синдикаты, биржи труда и федерація синдикатовъ во Франціи. — Германская соціалъ-демократія и эрфуртская программа.—Возникновеніе ревизіонизма. — Успѣхи марксизма внѣ Германіи. — Революціонный синдикализмъ во Франціи. — Интернаціонализмъ въ соціализмѣ конца XIX в. — Проявленія анархизма въ послѣднія десятилѣтія XIX в.—Законодательство о рабочихъ въ разныхъ странахъ.

Въ исторіи рабочаго движенія на Западѣ въ XIX столѣтіи нужно различать трoякаго рода организаціи, а именно: во-первыхъ, произво-

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 276 и слѣд.

[2]) Карлъ Менгеръ, профессоръ политической экономіи въ Вѣнскомъ университетѣ, извѣстенъ, какъ противникъ господствовавшей въ нѣмецкихъ университетахъ исторической школы („Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere“, 1883, и „Die Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie“, 1884). Сторонникъ стараго, абстрактнаго, или дедуктивнаго метода, онъ упустилъ изъ виду новѣйшія формулировки общихъ законовъ экономической эволюціи. См. о немъ въ ст. „Объ историзмѣ въ политической экономіи“ въ моихъ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ“ (1896). (Карла Менгера не слѣдуетъ смѣшивать съ Антономъ Менгеромъ, вѣнскимъ профессоромъ-юристомъ, извѣстнымъ работами въ области соціальнаго вопроса).

[3]) Предыдущее въ исторіи рабочаго движенія и соціализма съ шестидесятыхъ годовъ XIX в. разсказано въ главахъ: XXXI пятаго тома, и II, V и VIII

дительныя ассоціаціи, во-вторыхъ, профессіональные союзы и, въ-третьихъ, рабочія политическія партіи. Нѣтъ надобности долго оста-

---

шестого тома, не считая отдѣльныхъ мѣстъ еще и въ нѣкоторыхъ главахъ послѣдняго. Кромѣ сдѣланныхъ тамъ указаній, называемъ еще слѣдующія сочиненія по рабочему быту и соціализму вообще: *P. Brisson*. Histoire du travail et des travailleurs (1906).—*R. Lavollée*. Les classes ouvrières en Europe.—*Г. Геркнеръ*. Рабочій трудъ въ Западной Европѣ (1899). — *W. Sombart*. Der Proletariat (1906).—Noth des vierten Standes von einem Arzt (1894).—Положеніе рабочаго класса въ главнѣйшихъ государствахъ Европы, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и Австраліи. Сборникъ статей (1906).—*Ф. и М. Пеллутье*. Жизнь рабочихъ во Франціи (1901).—*Полліа*. Рабочій классъ во Франціи („Наблюдатель" за 1883 г., май, іюнь, іюль и августъ). — *E. Levasseur*. Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république (1907).—*A. Milhaud*. La classe ouvrière en France au XIX siècle.—*С. Блекловъ*. Новое изслѣдованіе о бытѣ рабочихъ во Франціи („Сборникъ Правовѣдѣнія", II).—*E. Chevallier*. Les salaires au XIX siècle (1887).—Въ „Очеркахъ современной Франціи" *Н. Е. Кудрина* обращаемъ вниманіе на „письма" V—IX, въ которыхъ идетъ рѣчь о положеніи крестьянъ и рабочихъ.—*Г. Ностицъ*. Рабочій классъ въ Англіи въ XIX столѣтіи (1902).—*А. Кларкъ*. Фабричная жизнь въ Англіи (1904). —*K. Giffen*. The progress of the working classes in the last half century (1884).—*С. Веббъ*. Положеніе труда въ Англіи за послѣднія 60 лѣтъ (1899).—*Его же*. Соціализмъ въ Англіи (1907).—*А. Браунъ*. Положеніе рабочаго класса въ Германіи (1906).—Жизнь современнаго фабричнаго рабочаго (въ Германіи). Подъ ред. и съ предисловіемъ *Павла Гёре* (1908).—*П. Гёре*. Три мѣсяца на фабрикѣ (1906).—*E. Vandervelde*. Enquête sur les associations professionnelles d'artisans et d'ouvriers en Belgique (1892).—*Э. Вандервельдъ*. Положеніе рабочаго класса въ Бельгіи (1906). — „Соціальное движеніе въ современной Франціи". Сборникъ статей *Э. Герта, Г. Лагарделя, Э. Пуже, Ж. Сореля* и *Г. Эрве* съ предисловіемъ *Л. Козловскаго* (1908).—*В. Зомбартъ*. Соціализмъ и соціальное движеніе (въ 1906 г. вышло въ свѣтъ два перевода съ 5 нѣм. изд., значительно разросшагося сравнительно съ первымъ 1897 г., о которомъ см. у насъ т. V, стр. 186; есть еще болѣе новое изд. 1908 г., переведенное съ 6 нѣм.)—*Villey*. Le socialisme contemporain. — *E. d'Eichthal*. Socialisme, communisme et collectivisme (1901; изд. 2).—*O. Noël*. Le socialisme et la question sociale (1902).—*Vilfredo Pareto*. Les systèmes socialistes (1902). — *Bourdeau*. L'évolution du socialisme (1901). — *M. Bourguin*. Le système socialiste et l'évolution économique (1904; есть рус. пер. 1906). — *М. Туганъ-Барановскій*. Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи (1906). — Задачи соціалистической культуры. Сборникъ статей, выпущенныхъ и отдѣльными брошюрами (1907).—*Н. С. Русановъ*. Соціалисты Запада и Россіи (1908). — *Mazowiechi* (*Kulczycki*). Nowy kierunek w socyalizmie europejskim.—*В. Грагамъ*. Соціализмъ новый и старый (1906; 2 изд. 1908 г.).—*E. Bernstein*. Zur Geschichte und Theorie des Sozialismus (1901).— *Th. Wyzeva*. Le mouvement socialiste. Les hommes et les idées (коллекція интервью изъ газеты „Фигаро"). — *Mermeix*. La France socialiste.—Очень полные обзоры соціалистическихъ партій представляютъ собою статьи о нихъ *В. В. Водовозова* въ XXI и дополнительномъ II томахъ „Энциклопедическаго Словаря" Брокгауза и Ефрона, снабженныя богатыми библиографическими указаніями". Программы разныхъ соціалистическихъ партій можно

навливаться на разъясненіи, въ чемъ заключается разница между этими тремя формами организацій, существующихъ въ рабочемъ классѣ.

найти въ слѣд. книгахъ: *Р. Энзоръ.* Современный соціализмъ. Обоснованіе его въ рѣчахъ и сочиненіяхъ его виднѣйшихъ представителей и въ программахъ партій.—Приложеніе къ рус. пер. „Всемірной исторіи" *Лависса и Рамбо*, гдѣ помѣщены эрфуртская программа, программа бельгійской раб. партіи 1893 г. и нѣкоторыя болѣе позднія (уже изъ XX в.).—Сборникъ *Е. Смирнова* „Государственный строй и политическія партіи Европы и Америки" содержитъ въ себѣ статьи о соціалистическихъ партіяхъ.—Въ V томѣ труда *Бліоха* „Будущая война" есть нѣсколько страницъ (35 — 51) о „движеніи противъ войны послѣ 1870 г." (общества мира и конгрессы) и большой отдѣлъ о соціалистической и анархистской пропагандѣ противъ милитаризма (стр. 905—1028). Отмѣтимъ, далѣе, нѣсколько работъ объ отношеніи соціализма къ національностямъ: *O. Bauer.* Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie (1907; есть русск. пер. 1909 г.). — *Фр. Гертцъ.* Соціализмъ и національный вопросъ (въ сборникѣ „Задачи соціалистической культуры" и отдѣльно, 1907). — *Х. Житловскій.* Соціализмъ и національный вопросъ (два изданія). — *М. Ратнеръ.* Національный вопросъ въ свѣтѣ соціалистическаго міровоззрѣнія (въ „Рус. Бог." за 1908 г.). — Дебаты по національному вопросу на брюннскомъ партейтагѣ. Пер. подъ ред. и со вступит. статьей *М. Ратнера* (1907).—Особую категорію относящихся къ этой главѣ работъ представляютъ тѣ, которыя посвящены рабочему движенію какъ вообще, такъ и въ отдѣльныхъ странахъ, каковы: *Э. Магаймъ.* Профессіональные рабочіе союзы (1895).—*В. Кулемонъ.* Профессіональное движеніе (1901).—*А. Лоріа.* Рабочее движеніе (1905).—*В. Святловскій.* Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ.—*Holyocke.* The cooperation movement to-day (1891)—*С. и Б. Веббъ.* Исторія рабочаго движенія въ Англіи (1898).—*Ихъ же.* Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма (1900).—*Ихъ же.* Кооперативное движеніе въ Англіи (1905). — *П. де-Рузье.* Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи (1898)-—*А. Золотовъ.* Соглашенія и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности (1902).—*Е. Кувшинская.* Борьба рабочихъ за 8-часовой рабочій день въ Англіи (1907).—*L. Lowell.* The government of England (1908), vol. II, chapt. 33: „The labour party".—*L. Bertrand.* Histoire de la démocratie et du socialisme en Belgique; préface par E. Vandervelde (1906). — *Л. Бертранъ.* Исторія коопераціи въ Бельгіи (1906). — *E. Vandervelde et J. Destrée.* Le socialisme en Belgique (1890; есть рус. перев.). — *Л. Дешенъ.* Рабочіе синдикаты въ Бельгіи (1906).—*Н. В. Водовозовъ.* Рабочее движеніе въ Бельгіи (въ „Экономическихъ этюдахъ", 1897). — *Huber-Valleroux.* Les associations coopératives en France et à l'étranger (1884). — *Paul Louis.* Hist. du mouvement syndical en France. 1789—1906 (1907; есть рус. и нѣм. перев.).—*G. Weil.* Histoire du mouvement social en France de 1852 à 1902 (есть рус. пер.). — *Л. Козловскій.* Очерки синдикализма во Франціи (1907). — *Н. Критская и Н. Лебедевъ.* Исторія синдикальнаго движенія во Франціи, 1789 — 1907 (1908). — *Д. Галеви.* Очерки по исторіи рабочаго движенія во Франціи.—*Lagardelle.* Evolution des syndicats ouvriers en France (1901).—*Drioux.* Les coalitions d'ouvriers et de patrons de 1789 à nos jours (1883).—*Smith.* Les coalitions et les grèves (1886).—*Jourdain.* La législation française sur les coalitions, son évolution au XIX siècle (1898).—

Въ производительныхъ товариществахъ мы имѣемъ дѣло съ соединеніями извѣстнаго количества рабочихъ, образующихъ своего рода самоуправляющіяся хозяйственныя группы, что-либо производящія или сообща пользующіяся средствами производства, или же, по крайней мѣрѣ, сообща нанимающіяся исполнять какія-либо хозяйственныя работы. Другими словами, это—то, чему дается у насъ названіе артелей или что во Франціи обозначается терминомъ „ассоціація" въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Отъ этой формы слѣдуетъ отличать другую — профессіональные союзы, т.-е. такія соединенія рабочихъ, которыя ставятъ себѣ цѣлью защищать ихъ интересы, какъ людей, вынужденныхъ продавать свой трудъ, другими словами, дѣлать условія найма въ работу болѣе для себя выгодными путемъ коллективнаго давленія на предпринимателей. Только такіе рабочіе союзы представляютъ интересъ для исторіи соціальнаго движенія, потому

Vaillé. La coalition ouvrière et les grèves. Etude historique (1901).—*L. de Seilhac.* Les grèves (1903).—*Э. Ватсонъ.* Стачки рабочихъ во Франціи и въ Англіи (въ „Очеркахъ и этюдахъ по общественнымъ вопросамъ" 1892).—*Н. М.* Стачки во Франціи въ 1874—89 гг. („Рус. Мысль" за 1892 г., сентябрь). — *Н. Карышевъ.* Стачки во Франціи („Юрид. Вѣстн." за 1887 г., ноябрь). — *Pelloutier.* Histoire des bourses du travail (1902; есть рус. пер.).—*De Seilhac.* Les congrès ouvriers en France.—*Л. Блюмъ.* Конгрессы французскихъ рабочихъ и соціалистовъ въ 1876 — 1900 гг. (1906). — *Озеровъ.* Общества потребителей (1895). — *Ch. Gide.* Les coopératives de consommetion (1904).—Профессіональные союзы во Франціи. Сборникъ статей (1908).—*Krüger.* Die Erwerbs- und Wirthschaftgenossenschaften (1892). — *Ziedler.* Gesch. des deuschen Genossenschaftswesen der Neuzeit (1893).—*E. Bernstein.* Die Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, (есть рус. пер.). — *С. Прокоповичъ.* Рабочее движеніе въ Германіи (2 изд. 1908 г.).—*I. Шмеле.* Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи (1904).—*А. Мюллеръ.* Рабочіе секретаріаты и государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи (1907). — *J. Deutsch.* Geschichte der österreichischen Gewerkschaftsbewegung. Die sozialistischen Gewerkschaften von ihren Anfängen bis zur Gegenwart (1908). — *E. Helms.* Die sozial-demokratische und gewerkschäftiche Bewegung in Dänemark.—*Frdmann.* Die christlichen Arbeiter in Deutschland (1908). — *J. Langhard.* Die anarchistische Bewegung in der Schweiz (1909; 2 изд.).—*В. Тотоміанцъ.* Формы аграрнаго движенія (1906).—*А. Анцыферовъ.* Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Изд. 2. Для исторіи законодательства о рабочихъ см. *М. Туганъ-Барановскій.* Законодательная охрана труда. — *В. В—овъ.* Фабричное законодательство во Франціи („Міръ Божій" за 1893, мартъ).—*А. Кеппенъ.* Соціальное законодательство Франціи и Бельгіи (1900).—*Ю. Гамбаровъ.* Рабочее законодательство Вальдека-Руссо („Рус. Бог." за 1901 г., апр. и май).—*P. van Nerom.* Les lois ouvrières et sociales en Belgique (189?).—*Paul Pic.* Traité élementaire de législation industrielle. Les lois ouvrières (1903). — *Paul Louis.* L'ouvrier devant l'état (1904; есть рус. пер.). — *L. Combe.* De la législation internationale du travail (1897).—*G. Tabacovici.* То же заглавіе (1896).

что, кромѣ нихъ, могутъ быть еще и разные союзы съ цѣлями взаимопомощи или совмѣстнаго удовлетворенія культурныхъ нуждъ, но не имѣющіе прямого отношенія къ борьбѣ труда съ капиталомъ, которая составляетъ самую суть соціальнаго вопроса. Наконецъ, совершенно особую категорію организацій представляютъ собою рабочія партіи, ставящія себѣ политическія цѣли и потому участвующія уже не въ той экономической борьбѣ рабочихъ съ предпринимателями, ради которой образуются профессіональные союзы, а прямо въ борьбѣ политической, будетъ ли она вестись революціонными средствами, или путемъ парламентскихъ выборовъ и голосованій.

Сравнивая относительное значеніе этихъ трехъ категорій рабочихъ организацій въ исторіи соціальнаго движенія въ концѣ XIX в., мы должны признать, что наименѣе важную роль въ этомъ движеніи играли производительныя ассоціаціи. Было, однако, время, когда именно на нихъ возлагались особыя надежды и отъ ихъ развитія ожидали осуществленія соціалистическаго идеала. Идея промышленныхъ ассоціацій принадлежала, какъ извѣстно, Фурье [1]), и въ свое время были даже сдѣланы попытки ихъ осуществленія [2]). Луи Бланъ въ своей „Организаціи труда“ проповѣдовалъ необходимость основанія, при помощи государства, „соціальныхъ мастерскихъ“, которымъ даже пророчилъ самое заманчивое будущее: именно, по его мнѣнію, онѣ должны были вытѣснить, путемъ конкурренціи, всѣ частныя предпріятія и тѣмъ самымъ осуществить соціализмъ [3]). Эта идея, какъ мы знаемъ, отразилась и на соціальномъ міросозерцаніи родоначальника рабочей партіи въ Германіи, Лассаля, который въ своей программѣ требовалъ государственной помощи для производительныхъ ассоціацій, устраиваемыхъ рабочими [4]). Въ опытахъ устройства трудовыхъ товариществъ съ цѣлью производства тѣхъ или другихъ продуктовъ не было недостатка, особенно во Франціи въ серединѣ XIX в., но бо̀льшая часть этихъ ассоціацій здѣсь погибала, а изъ тѣхъ, которыя продолжали существовать и даже начинали процвѣтать, вырабатывались самыя обыкновенныя капиталистическія предпріятія—съ наемными рабочими, въ противорѣчіе съ самою сущностью трудовой артели. Во всей Франціи такихъ ассоціацій въ началѣ XX столѣтія насчитывалось едва около двухъ съ половиною сотенъ, да и то въ ихъ числѣ оказывалось немало такихъ ассоціацій, которыя не занимались производствомъ чего-либо на сбытъ, а только нанимались на опредѣленныя работы, въ родѣ производства каменныхъ работъ и т. п.

---

[1]) Т. IV, стр. 649 и 653—654.
[2]) Т. V, стр. 290 и 294.
[3]) Т. V, стр. 307—308.
[4]) Т. V, стр. 834—835 и т. VI, ч. 1, стр. 280—281.

Въ Германіи и въ Англіи такихъ производительныхъ товариществъ было еще меньше. Отъ какихъ бы причинъ,—внѣшнихъ или внутреннихъ,—ни погибала бо̀льшая часть производительныхъ предпріятій на артельныхъ началахъ, разъ между ними оказывались такія, которыя преуспѣвали, онѣ неминуемо втягивались въ водоворотъ капиталистической эволюціи. Происходило не то, на что въ свое время расчитывалъ Луи Бланъ, а нѣчто совершенно противоположное. Луи Бланъ полагалъ, что конкурренція „соціальныхъ мастерскихъ“ съ теченіемъ времени убьетъ всѣ частныя предпріятія, которыя прямо не въ состояніи будутъ выдержать соперничества съ ними, но на дѣлѣ выходило такъ, что для успѣха въ конкурренціи съ капиталистическими предпріятіями рабочія производительныя товарищества сами должны были перенимать у нихъ все то, что обезпечиваетъ бо̀льшую дешевизну производства и бо̀льшій сбытъ на рынкѣ. Только при такихъ условіяхъ иныя ассоціаціи и преуспѣвали. „Съ волками жить—по волчьи выть“,—эта элементарная истина о естественномъ ходѣ вещей оправдалась на исторіи производительныхъ ассоціацій на Западѣ, и вотъ почему эта форма рабочихъ организацій утратила свою былую популярность, хотя, конечно, рабочіе будутъ всегда стремиться къ созданію такихъ ассоціацій, изъ которыхъ имъ только нужно будетъ изгонять духъ капиталистической наживы. Менѣе опасности въ этомъ отношеніи существуетъ для товариществъ, занимающихся не производствомъ тѣхъ или другихъ продуктовъ на сбытъ, а отдачею въ наемъ своей рабочей силы, и можно даже сказать, что эта форма все болѣе и болѣе развивается. Но она уже составляетъ, такъ сказать, переходъ къ формѣ профессіональнаго союза, поскольку въ послѣдней сталъ вырабатываться коллективный договоръ.

Если въ общемъ производительныя ассоціаціи не получили и не могли получить большого развитія, а потому и не играли сколько-нибудь значительной роли въ рабочемъ движеніи, то, наоборотъ, профессіональные союзы очень часто давали знать о своемъ существованіи тѣмъ, противъ кого они возникали.

Классическою страною профессіональныхъ союзовъ, или трэдъ-юніоновъ въ XIX в. была Англія, гдѣ они и стали ранѣе возникать, и получили большее распространеніе, и играли потому болѣе значительную роль, нежели въ другихъ странахъ Европы. Въ разныхъ мѣстахъ какъ этого, такъ и предыдущаго тома „Исторіи Западной Европы“ намъ уже приходилось говорить объ англійскомъ трэдъ-юніонизмѣ [1]), ко-

---

[1]) Т. V, стр. 217, 233, 246, 765, 806 и слѣд. и т. VI, ч. 1, стр. 48 и слѣд., 166 и слѣд., 317 и слѣд. и часть 2, стр. 250—252.

торый пережилъ нѣсколько различныхъ періодовъ [1]). Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ установилась нѣкоторая связь между англійскими трэдъ-юніонами и Интернаціоналомъ, но она не могла быть особенно прочною по самому характеру тогдашняго трэдъ-юніонизма, болѣе оппортунистическаго и мирнаго, чѣмъ это соотвѣтствовало радикализму и боевому характеру Международнаго Общества рабочихъ [2]). Немало способствовало возвращенію англійскихъ рабочихъ союзовъ къ мирному настроенію, установившемуся въ нихъ съ неудачею чартизма, а потому и разлученію ихъ съ основными идеями Интернаціонала—законодательство 1871—1875 гг. о трэдъ-юніонахъ,

---

[1]) Въ недавнее время *М. И. Туганъ-Барановскій* въ своихъ „Основахъ политической экономіи“ (1909) предложилъ раздѣлить исторію англійскаго трэдъ-юніонизма на четыре періода, ставя въ упрекъ С. и Б. Веббамъ, что они въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи трэдъ-юніоновъ „не проводятъ яснаго и опредѣленнаго разграниченія этихъ періодовъ“, стр. 598. По схемѣ М. И. Туганъ-Барановскаго (стр. 577 и слѣд.) въ первыя десятилѣтія XIX в. „рабочіе боролись не только съ капиталистами, но и съ новыми формами промышленности, съ самымъ капиталистическимъ способомъ производства, какъ таковымъ“. Затѣмъ наступилъ революціонный періодъ тридцатыхъ годовъ, когда рабочіе находились подъ вліяніемъ чартизма и оуэнизма и одно время думали, что „конечною цѣлью профессіональныхъ организацій должно было быть созданіе такого порядка, при которомъ данная организація могла бы руководить хозяйственными предпріятіями соотвѣтствующаго рода, иначе говоря, стать собственникомъ средствъ производства“, т.-е., прибавимъ мы, перейти въ производительную ассоціацію. Третьимъ періодомъ англійскаго рабочаго движенія названный авторъ считаетъ время отъ начала пятидесятыхъ годовъ приблизительно до середины восьмидесятыхъ, когда, развиваясь, трэдъ-юніоны „не захватывали широкихъ массъ рабочихъ и были дѣломъ исключительно высшихъ слоевъ рабочаго населенія, представителей такъ называемаго искуснагѣ труда (skilled labour)“, причемъ „въ союзахъ получили особое развитіе операціи взаимопомощи“, и сами они „утратили свою прежнюю революціонную энергію, стали менѣе склонны къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ капиталистическаго класса“, совсѣмъ освободившись отъ „прежнихъ увлеченій соціализмомъ Оуэна“ и замѣнивъ послѣдній „совершенно инымъ отношеніемъ къ капиталистическому обществу“, именно, „усвоивъ въ бо̀льшей или меньшей степени идеалы буржуазнаго либерализма“. Четвертый періодъ въ схемѣ М. И. Туганъ-Барановскаго, это—тотъ, о которомъ, главнымъ образомъ, и идетъ рѣчь въ настоящей главѣ. Эта періодизація, въ общемъ вѣрная, не отмѣчаетъ, однако, того момента, когда существовала очень тѣсная связь между англійскимъ трэдъ-юніонизмомъ и Интернаціоналомъ, о чемъ см. т. VI, ч. 1, стр. 48 и слѣд. Отмѣтимъ, между прочимъ, вліяніе, оказанное Интернаціоналомъ на образованіе въ континентальныхъ странахъ профессіональныхъ союзовъ по англійскому образцу. Т. VI, ч. 1, стр. 56. Нужно, впрочемъ, оговориться, что связь англійскаго трэдъ-юніонизма съ Интернаціоналомъ не была особенно прочною. Т. VI, ч. 1, стр. 166, 167, 171 и др.

[2]) См. ссылки въ концѣ предыдущаго примѣчанія.

вполнѣ легализировавшее ихъ существованіе [1]). Долго особенностью англійскаго трэдъ-юніонизма было то, что союзное движеніе охватывало только своего рода рабочую аристократію, квалифицированныхъ, т.-е. обученныхъ, искусныхъ рабочихъ (skilled labourers), имѣющихъ опредѣленную спеціальность и постоянный заработокъ, тогда какъ чернорабочіе, живущіе болѣе или менѣе случайною работою (unskilled labourers), оставались обыкновенно неорганизованными. Въ привилегированной рабочей средѣ стали даже развиваться свое особое классовое самосознаніе и утверждаться воззрѣнія либеральной буржуазіи о полной свободѣ рабочаго договора и невмѣшательствѣ государства въ отношенія между предпринимателями и рабочими. Фабричное законодательство признавалось союзами лишь въ смыслѣ охраны дѣтей, подростковъ и женщинъ, но они опредѣленно высказывались противъ того, чтобы законъ регулировалъ продолжительность труда совершеннолѣтнихъ мужчинъ. Очень часто вожди трэдъ-юніоновъ ограничивали задачу союзовъ самопомощью въ случаяхъ болѣзни, безработицы, смерти, но и тогда, когда дѣло шло о лучшихъ условіяхъ труда, большинство находило, что для рабочихъ гораздо выгоднѣе соціальный миръ, а не классовая борьба, тѣмъ болѣе, что современный экономическій строй принимался при этомъ за окончательный [2]). Такой характеръ профессіональное движеніе получило въ Англіи въ началѣ второй половины XIX в., благодаря замѣчательному развитію въ эти годы ея промышленности и торговли [3]), дававшему рабочимъ небывалые прежде заработки. Это была для Англіи эпоха своего рода монопольнаго обладанія міровымъ рынкомъ, но къ восьмидесятымъ годамъ положеніе измѣнилось въ виду развитія капиталистическаго производства въ другихъ странахъ и начала конкурренціи съ Англіей со стороны Германіи и Соединенныхъ Штатовъ [4]). Перемѣна, происшедшая въ другихъ странахъ, не могла не отразиться на положеніи англійскихъ рабочихъ и по отношенію къ міровому рынку и тѣмъ самымъ не обострить классовую борьбу. Вслѣдствіе этого стала мѣняться и идеологія рабочаго класса въ Англіи, и болѣе благодушный оптимизмъ либеральнаго манчестерства сталъ уступать мѣсто вліянію соціалистической мысли. Раньше лишь немногія лица протестовали противъ исключительности и оппортунизма старыхъ трэдъ-юніоновъ, теперь протестанты сдѣлались иниціаторами и организаторами новаго союзнаго движенія, „нью-трэдъюніонизма“, начавшаго съ 1889 г. вербовать сторонниковъ среди неквалифицированныхъ рабочихъ и на первыхъ же порахъ принявшаго

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 138—319.

[2]) Подробнѣе см. въ V т., на стр. 806—810.

[3]) Т. V, стр. 761—764.

[4]) См. выше, стр. 257—258 и др.

болѣе боевой обликъ. Въ этомъ новѣйшемъ трэдъ-юніонизмѣ самопомощь отошла на задній планъ, на первый же планъ мало-по-малу выдвинулась идея государственной или муниципальной помощи, рядомъ съ чѣмъ создалась и почва, болѣе благопріятная для соціалистической пропаганды.

Въ главѣ, посвященной исторіи Англіи между 1880 и 1900 гг., мы уже говорили о томъ движеніи среди англійскихъ рабочихъ, начало которому было положено громадною стачкою 1889 г., устроенною чернорабочими на докахъ [1]). До этой стачки не въ однихъ рабочихъ кругахъ Англіи господствовало убѣжденіе, что все значеніе рабочихъ союзовъ зиждется на тѣхъ денежныхъ суммахъ, которыя находятся въ ихъ распоряженіи и которыя, конечно, всегда составляются только изъ регулярныхъ взносовъ, какіе могутъ быть аккуратно выплачиваемы лишь болѣе обезпеченной категоріей квалифицированныхъ рабочихъ. Успѣшность борьбы, въ какую вступили противъ своихъ хозяевъ доковые рабочіе, показала, что дѣло не въ деньгахъ, а въ единеніи, и вотъ вслѣдъ за этимъ въ странѣ начали образовываться союзы чернорабочихъ, которые отказались отъ операцій взаимопомощи, игравшей видную роль въ старыхъ трэдъ-юніонахъ, а если и собирали тоже деньги, то лишь для поддержки стачекъ. Однимъ изъ наиболѣе популярныхъ лозунговъ союзовъ чернорабочихъ сдѣлалось установленіе законодательнымъ порядкомъ восьмичасового рабочаго дня, какъ это было принято на конгрессѣ 1890 г. Нѣсколько позже къ этому требованію присоединилось другое — установленіе государственной пенсіи для всѣхъ рабочихъ, достигшихъ 60-лѣтняго возраста. Впрочемъ, и старые трэдъ-юніоны, за которыми все-таки осталась главная роль въ рабочемъ движеніи Англіи, начали также подпадать подъ нѣкоторое вліяніе соціализма.

Англійскіе трэдъ-юніоны второй половины XIX в. вообще соединяли въ себѣ двѣ функціи рабочихъ организацій—борьбу съ предпринимателями за лучшія условія труда и различныя операціи взаимопомощи, причемъ иногда послѣднія занимали совершенно самостоятельное положеніе въ спеціальныхъ обществахъ взаимопомощи, или такъ называемыхъ „дружескихъ сообществахъ“ (friendly societies). Трэдъ-юніоны обнаружили сильную тенденцію къ развитію у себя особенно взаимнаго страхованія своихъ членовъ на случай всякихъ бѣдствій, потому, между прочимъ, что изъ страховыхъ взносовъ образуются очень значительныя суммы, которыя, когда въ томъ является надобность, могутъ играть роль стачечнаго фонда, а также и фонда для помощи безработнымъ, лишающихся заработка или поневолѣ, или въ силу

---

[1]) См. выше, стр. 250.

тактическаго пріема—оставлять по одиночкѣ несговорчивыхъ хозяевъ. Что касается до борьбы за лучшія условія труда, то въ этой области англійскіе трэдъ-юніоны изобрѣли новую форму — коллективный договоръ, замѣняющій собою единичные договоры отдѣльныхъ рабочихъ съ предпринимателями. Кромѣ того, англійскіе же трэдъ-юніоны выработали, во избѣжаніе стачекъ, особаго устройства третейскіе суды изъ свѣдущихъ лицъ отъ обѣихъ сторонъ, задача которыхъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ авторитетномъ разъясненіи условій договоровъ и всякихъ вообще соглашеній, существующихъ между предпринимателями и рабочими.

Въ 1874 г. на конгрессѣ трэдъ-юніоновъ, собравшемся въ Шеффильдѣ, было представлено уже около милліона организованныхъ рабочихъ, за послѣднее же время число ихъ возросло вдвое. Это—далеко еще не весь рабочій классъ Англіи, это — лишь какая-нибудь четвертая часть совершеннолѣтнихъ рабочихъ мужского пола, но за то своими усиліями эта передовая часть рабочаго класса уже съумѣла оказать вліяніе и на положеніе остальной, неорганизованной массы. Несомнѣнно, съ другой стороны, что черезъ трэдъ-юніоны въ народныя массы Англіи все болѣе и болѣе проникаютъ соціалистическія идеи. Нельзя, при этомъ, не отмѣтить того, что за послѣднее время въ Англіи стало скадываться со стороны правящихъ классовъ неблагопріятное отношеніе къ профессіональнымъ союзамъ. Конечно, во главѣ враждебнаго движенія стали предприниматели, начавшіе находить, что рабочіе установили свою тираннію надъ хозяевами, которая-де можетъ отразиться гибельно на всемъ національномъ производствѣ, ослабивъ его въ конкурренціи съ другими странами. Суды въ Англіи поддались этому настроенію правящихъ классовъ и начали понемногу своими толкованіями ограничивать то, что раньше признавалось вполнѣ законнымъ въ дѣятельности трэдъ-юніоновъ. Такъ какъ разсматривать жалобы предпринимателей на дѣйствія союзовъ въ уголовномъ порядкѣ болѣе не приходилось, то предприниматели принялись вчинать гражданскіе иски о возмѣщеніи убытковъ, а судьи—подвергать отвѣтственности союзы за дѣйствія, которыя никоимъ образомъ не подлежали бы судебной репрессіи, еслибы совершались отдѣльными лицами [1]).

---

[1]) *В. Зомбартъ* нашелъ въ одной статьѣ Кэръ-Гарди данныя, указывающія на то, что до 1905 г. трэдъ-юніоны принуждены были уплатить уже 5 милліоновъ марокъ (считая на германскія деньги) вознагражденія предпринимателямъ. Самъ Зомбартъ ставитъ вопросъ: „не находится ли въ связи съ этой судебной практикой то явленіе, что англійское движеніе въ пользу профессіональныхъ союзовъ пришло въ застой за послѣдніе годы?“ Соціализмъ и соціальное движеніе, стр. 302 (по указывавшемуся изд.).

Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ XIX в., когда только-что вполнѣ легализированные профессіональные союзы насчитывали въ Англіи милліонъ членовъ, на континентѣ эта форма рабочихъ организацій большею частью едва только зарождалась. Особенно это нужно отмѣтить по отношенію къ Германіи, далеко въ то время опережавшей Англію своею политическою, т. е. партійною организаціей рабочихъ, какой въ Англіи тогда еще совсѣмъ не было. Подобно тому, какъ и въ исторіи цѣлыхъ странъ то политическая интеграція предваряетъ экономическую, то, наоборотъ, эта послѣдняя—первую [1]), такъ и въ исторіи рабочаго движенія то политическая организація предшествуетъ экономической, то наблюдается обратное отношеніе. Въ началѣ послѣдней трети XIX вѣка Англія уже имѣла свои трэдъ-юніоны, задачею которыхъ было оказывать воздѣйствіе на взаимныя экономическія отношенія двухъ классовъ населенія,—хотя по временамъ трэдъ-юніоны вмѣшивались и въ политику [2]),—но при этомъ англійскіе рабочіе не имѣли еще своей собственной политической партіи въ парламентѣ, какая, напротивъ, была у германскихъ рабочихъ, почти не знавшихъ тогда профессіональной организаціи. Одна изъ причинъ этого, помимо болѣе поздняго расцвѣта индустріализма въ Германіи, заключалась въ томъ, что германское имперское законодательство далеко и въ настоящее время не даетъ такой широкой свободы рабочимъ союзамъ, какую послѣдніе пріобрѣли въ Англіи [3]), главная же причина была далеко не въ этомъ. Она заключалась въ характерѣ той соціалистической идеологіи, которая стала объединять германскихъ рабочихъ въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. Это была эпоха наибольшаго вліянія Лассаля, сторонника производительныхъ ассоціацій съ государственною помощью и рѣшительнаго противника политики самопомощи, главнымъ проповѣдникомъ которой былъ прогрессистъ Шульце-Деличъ, доказывавшій рабочимъ, что они, держа себя подальше отъ государственнаго вмѣшательства, должны помогать себѣ разными потребительными, ссудосберегательными и производительными товариществами [4]). Именно, Лассаль опровергалъ основную мысль Шульце-Делича ссылкою на такъ называемый „желѣзный законъ“ заработной платы, дѣлающій-де невозможнымъ какое бы то ни было повышеніе вознагражденія за трудъ при

---

[1]) Ср. соображенія и иллюстраціи на этотъ счетъ въ моей книгѣ „Монархіи древняго Востока“, стр. 39 и слѣд. (по 2 изд.).

[2]) Напр., при проведеніи второй реформы парламентскихъ выборовъ, о чемъ т. VI, ч. 1, стр. 33.

[3]) Особенно тормазилъ профессіональное движеніе законъ о соціалистахъ.

[4]) Т. V, стр. 833.

современной организаціи промышленности [1]). Правда, съ теченіемъ времени лассалеанская политическая экономія уступила мѣсто марксистской [2]), отвергающей правильность ученія о „желѣзномъ законѣ“ и вслѣдствіе этого уже не могущей обратить противъ профессіональнаго движенія лассалевскій аргументъ, но, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что центральною идеей марксизма было завоеваніе пролетаріатомъ политической власти и что потому главнымъ его проявленіемъ въ практической жизни должно было быть образованіе политической партіи [3]). Если марксизмъ и обращалъ вниманіе на профессіональное движеніе, когда оно стало проявляться и въ Германіи, то лишь постольку, поскольку главари соціалъ-демократіи не могли не понимать, что оно создаетъ очень благопріятную среду для успѣха соціалистической пропаганды, хотя при этомъ и говорилось, что профессіональные союзы должны быть въ партійномъ смыслѣ вполнѣ нейтральными. Позднѣе, когда изданы были въ Германіи законы о всякаго рода страхованіи рабочихъ [4]), то и это до извѣстной степени сдѣлалось препятствіемъ для образованія рабочихъ союзовъ въ цѣляхъ взаимопомощи, разъ государство взяло на себя то, что въ Англіи исполнялось трэдъ-юніонами. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, дѣйствіе этихъ причинъ могло быть только временнымъ, отсрочивающимъ, и

---

[1]) Т. V, стр. 834.

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 280 и слѣд. „Повидимому, говоритъ *В. Зомбартъ*, Лассаль не имѣлъ яснаго представленія о положеніи вещей въ Англіи. И на самомъ дѣлѣ англійскіе профессіональные союзы проникли въ нѣмецкую науку, только благодаря Брентано, и въ жизнь—благодаря почину Гирша въ 1870-хъ годахъ. Такимъ образомъ неудивительно, что Лассаль въ своемъ „Открытомъ отвѣтѣ“ хотя и упоминаетъ потребительные союзы и рабочія организаціи и другія подобныя организаціи, но ни однимъ словомъ не касается профессіональныхъ союзовъ“. Соціализмъ и соціальное движеніе (по изд. А. С. Суворина 1908 г.), стр. 191 — 192. *Ф. Мерингъ* въ „Исторіи германской соціалъ-демократіи“ не соглашается съ этимъ объясненіемъ. IV, 368 (по изд. Гранатъ и К⁰).

[3]) „Марксъ впервые высказался о профессіональныхъ рабочихъ союзахъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ Прудона. Хотя въ 1847 г. къ нимъ одинаково отрицательно относились и буржуазные экономисты, и утопическіе соціалисты, однако Марксъ усматривалъ въ нихъ необходимый продуктъ капиталистическаго общества. Но того своеобразнаго и самостоятельнаго значенія, которое они имѣютъ для классовой борьбы пролетаріата, Марксъ тогда еще не видѣлъ“. *Ф. Мерингъ*, Исторія германской соціалъ-демократіи, IV, 368 (по указ. изд.). По мнѣнію Меринга, „самый простой инстинктъ самосохраненія предписывалъ (германскому) пролетаріату поставить въ своей классовой борьбѣ политическую организацію выше профессіональной; поступи онъ,—прибавляетъ Мерингъ,—наоборотъ, ему понадобилось бы несравненно больше времени, чтобы стать могущественною силою въ національной жизни“. IV, 370.

[4]) См. выше, стр. 80—81.

въ самомъ концѣ XIX в. профессіональное движеніе въ Германіи ознаменовалось необычайно быстрыми успѣхами. Еще послѣ 1890 г. общее число всѣхъ рабочихъ, объединенныхъ профессіональными союзами, едва равнялось 300 тысячъ, а теперь, къ концу перваго десятилѣтія XX в., оно уже подходитъ къ двумъ милліонамъ. Добрыя три четверти послѣдней цифры [1]) образуютъ достояніе соціалъ-демократіи, и лишь меньшинство рабочихъ союзовъ раздѣляетъ воззрѣнія католическихъ и протестантскихъ руководителей, которые принялись за организацію союзовъ въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка. Внѣпартійныхъ ферейновъ въ Германіи очень мало, но и соціалъ-демократическіе, въ сущности, независимы отъ собственно партійной организаціи. Во всякомъ случаѣ, профессіональные союзы сдѣлались въ Германіи ареною, на которой происходитъ борьба между буржуазіей и соціалъ-демократіей изъ-за господства среди организованныхъ рабочихъ той или другой идеологіи.

„Главною причиною громадныхъ успѣховъ профессіональнаго движенія въ Германіи“ въ послѣдніе годы XIX в. историкъ германской соціалъ-демократіи, Мерингъ, считаетъ „расцвѣтъ въ промышленности, наступившій около середины девяностыхъ годовъ и продолжавшійся до самаго конца ихъ“ [2]). Впервые сочувствіе профессіональнымъ союзамъ было обнаружено соціалъ-демократами на партійномъ съѣздѣ въ Галле въ 1890 г., но въ 1893 г. на съѣздѣ въ Кёльнѣ уже высказано было сомнѣніе въ томъ, можетъ ли выйти что-либо важное изъ этого движенія—въ виду безсилія, на которое обрекаетъ союзы идущая впередъ концентрація капиталовъ, съ одной стороны, и въ виду существованія государственнаго страхованія рабочихъ, съ другой. Но именно быстрый ростъ союзовъ разсѣялъ сомнѣнія пессимистовъ, и „неизмѣримая цѣнность союзовъ стала усматриваться преимущественно въ томъ, что они укрѣпляютъ силу рабочаго класса, который, благодаря имъ, не выданъ головой возрастающему могуществу сконцентрированнаго капитала“, и что „профессіональное движеніе про-

---

[1]) 1.400.000 слишкомъ изъ 1.800.000 въ 1908 г. По вычисленію *Меринга*, въ первые годы XX вѣка „въ профессіональныхъ союзахъ было организовано только 14,42% промышленныхъ рабочихъ“. Исторія германской соціалъ-демократіи. IV, 372. Нѣкоторыя фактическія данныя о матеріальномъ положеніи германскихъ профессіональныхъ союзовъ даются тамъ же, на стр. 372 — 374. Вообще см. весь § 2 („Десятилѣтіе профессіональныхъ союзовъ“) въ главѣ XI шестой книги труда Меринга, изъ котораго можно познакомиться и со взглядомъ германской соціалъ-демократіи на этотъ предметъ. Между прочимъ, названный авторъ находитъ, что „позднее развитіе германскихъ профессіональныхъ союзовъ имѣетъ и свою хорошую сторону, такъ какъ оно заградило ложные пути, на которые сбились англійскіе трэдъ-юніоны“. IV, 372.

[2]) См. IV, 372 названнаго труда.

буждаетъ въ рабочемъ классѣ рядъ способностей и силъ, которыя не могутъ быть въ одинаковой мѣрѣ пробуждены его политическимъ движенiемъ, но которыя должны быть пробуждены, чтобы обезпечить побѣду пролетарiата“ [1]). Особенное влiянiе на образованiе положительнаго отношенiя германскихъ соцiалъ-демократовъ къ профессiональному движенiю произвела работа Парвуса „Die Gewerkschaften und die Sozialdemokratie“, вышедшая въ свѣтъ въ 1896 г.: въ ней, между прочимъ, проводится та мысль, что самая важная работа, которую совершили германскiе рабочiе послѣ отмѣны закона о соцiалистахъ, заключается въ образованiи профессiональныхъ союзовъ, и что для классовой борьбы пролетарiата въ политическомъ развитiи послѣдняго времени не произошло ничего, что хотя бы отдаленнымъ образомъ могло идти въ сравненiе съ этою работою.

Къ концу XIX в. большое значенiе прiобрѣло профессiональное движенiе и во Францiи. Французскiе рабочiе союзы, или „синдикаты“ заставили о себѣ много говорить только въ самое послѣднее время [2]) и особенно въ виду того, что на нихъ здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, возлагается упованiй въ перестройкѣ современныхъ экономическихъ отношенiй. Приводя данное Сиднеемъ Веббомъ опредѣленiе англiйскаго трэдъ-юнiона, какъ „постоянной ассоцiацiи наемныхъ рабочихъ, стремящейся къ защитѣ и улучшенiю своего наемнаго договора“, новѣйшiй историкъ синдикальнаго движенiя во Францiи, Поль Луи, заявляетъ, что это опредѣленiе не соотвѣтствуетъ современному фазису французскаго синдикализма съ его болѣе широкими стремленiями, направленными на разрушенiе капиталистическаго строя [3]). Опредѣленiе Вебба онъ считаетъ правильнымъ лишь по отношенiю къ тенденцiямъ первоначальныхъ профессiональныхъ союзовъ во Францiи, „становясь же на историческую точку зрѣнiя“, слѣдуетъ, говоритъ онъ, дать новое опредѣленiе, которое будетъ таково: „синдикатъ есть ассоцiацiя рабочихъ одного ремесла или одной отрасли промышленности, которая сначала заботится объ улучшенiи быта рабочихъ въ рамкахъ существующаго строя, а въ дальнѣйшемъ своемъ развитiи стремится къ разрушенiю этихъ рамокъ, подготовляя матерiальные и моральные элементы для будущей новой организацiи“. Развитiе синдикатовъ этотъ авторъ ставитъ въ зависимость отъ процесса концентрацiи пролетарiата, въ свою очередь зависящаго отъ концентрацiи капитала, и различаетъ въ исторiи синдикатовъ перiоды обществъ взаимопомощи (mutualité), потомъ обществъ

---

[1]) Слова *Фр. Меринга*, IV, 374.

[2]) См. выше, стр. 176, прим. 1.

[3]) *Поль Луи.* Исторiя синдикальнаго движенiя во Францiи (1907), стр. 6.

сопротивленія (résistance[1]) и синдикальныхъ камеръ (chambres syndicales), „борящихся за улучшеніе общихъ условій труда, путемъ ли прямого договора съ предпринимателемъ, или давленія на законодательную машину“ [2]). Въ сущности, эта послѣдовательность возникновенія трехъ формъ далеко не исключаетъ возможности одновременнаго преслѣдованія синдикатами разныхъ цѣлей, но самое главное, что характеризуетъ современный фазисъ синдикатовъ, это—возникновеніе различныхъ видовъ соединенія отдѣльныхъ синдикатовъ, явленіе для Франціи новое, но уже раньше бывшее извѣстнымъ въ Англіи [3]), но какъ-разъ во Франціи получившее теперь особое развитіе. „Въ теченіе долгаго времени, говоритъ Поль Луи, каждый изъ мѣстныхъ союзовъ оставался замкнутой единицей, и такъ какъ онъ не вступалъ въ сношенія ни съ другими союзами той же мѣстности, ни съ союзами другихъ мѣстностей, представляющихъ то же производство, то сфера его дѣятельности была ограничена“, современная же эпоха характеризуется „болѣе сплоченною и методическою организаціей рабочихъ силъ“ [4]). Именно, союзы одного ремесла или одной отрасли промышленности стали соединяться въ „федераціи“ (fédérations), а рабочіе союзы одного и того же города, къ какой бы профессіи они ни принадлежали,—объединяться „биржами труда“ (bourses du travail), всѣ же федераціи и биржи труда вмѣстѣ съ ихъ первоначальными ячейками охватила собою „генеральная конфедерація труда“ (confédération générale du travail), эта, какъ ее называетъ Поль Луи, „единая армія всего борющагося пролетаріата“. На новой своей ступени, прибавляетъ онъ, синдикальное движеніе „громко провозглашаетъ несостоятельность капиталистической системы, необходимость коммунистическаго общественнаго строя и почти неизбѣжность революціи“ [5]).

Вотъ въ немногихъ словахъ сущность новѣйшаго синдикальнаго движенія во Франціи, которое въ сравненіи не только съ англійскимъ, но даже и съ германскимъ професcіональнымъ движеніемъ предста-

---

[1]) „Общества взаимопомощи старались предохранить своихъ членовъ отъ превратностей судьбы; корпоративные союзы посвящаютъ себя уже борьбѣ съ патронатомъ“. *Поль Луи*, стр. 11. *Levasseur*, дающій въ своихъ „Questions ouvrières“ (стр. 643 и слѣд.) исторію стачекъ во Франціи, переходя къ обзору синдикальнаго движенія, говоритъ слѣдующее: „les grèves ont-elles engendré de syndicats ou les syndicats ont-ils produits des grèves? L'un et l'autre. Les syndicats ouvriers sont les points d'appui de la résistance des ouvriers“, стр. 714.

[2]) *Поль Луи*, стр. 12.

[3]) Нѣкоторыя подробности объ объединеніи англійскихъ трэдъ-юніоновъ еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка см. у насъ въ V томѣ, стр. 809.

[4]) *Поль Луи*, стр. 13.

[5]) Тамъ же, стр. 15—16.

вляетъ собою явленіе болѣе позднее [1]). Послѣ разгрома коммуны французскимъ рабочимъ приходилось начинать все почти совершенно заново [2]), притомъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Особенно въ семидесятыхъ годахъ правительство вело упорную борьбу противъ образованія рабочихъ союзовъ, стоя на точкѣ зрѣнія одного судебнаго приговора надъ какимъ-то союзомъ, провозгласившаго тотъ принципъ, что терпимость по отношенію къ недозволенной ассоціаціи еще не обозначаетъ разрѣшенія на ея существованіе. Съ 1876 г., когда было сдѣлано первое предложеніе объ узаконеніи рабочихъ союзовъ, до изданія закона 1884 г., разрѣшившаго синдикаты [3]), въ дѣлѣ устройства этихъ организацій царилъ административный произволъ, крайне тормазившій профессіональное движеніе,—которому, впрочемъ, и впослѣдствіи власти ставили разныя препоны, въ особенности опасаясь возникновенія такого союза союзовъ, который распространилъ бы свое дѣйствіе на всю Францію. Суды, въ свою очередь, карали очень часто за малѣйшія отступленія отъ параграфовъ закона 1884 г. Тѣмъ не менѣе, именно съ середины восьмидесятыхъ годовъ, стало усиливаться образованіе синдикатовъ. Другія общественныя силы въ это же время начали стремиться къ привлеченію синдикатовъ на свою сторону. Французская соціалистическая партія гэдистскаго направленія сдѣлала попытку стать во главѣ синдикатовъ, основавъ съ этою цѣлью въ 1886 г. „Національную федерацію синдикатовъ“, но этой партіи не удалось ими овладѣть, потому что, въ концѣ концовъ, синдикаты не пожелали быть простыми орудіями одной изъ политическихъ партій. Съ другой стороны, и буржуазія, и католическое духовенство стремились организовать свои рабочіе синдикаты, которые въ отличіе отъ „красныхъ“ впослѣдствіи стали называться „желтыми“ [4]). Къ сожалѣнію, точныхъ цифръ, иллюстрирующихъ ростъ рабочаго синдикализма во Франціи, не имѣется [5]). Въ 1884 г. министерство тор-

---

[1]) Тамъ же, стр. 25.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 222—223 и выше, стр. 131 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 133—134 и

[4]) О нихъ въ 1906 г. появились работы *Japy* („Les idées jaunes“) и *Biétry* („Le socialisme et les jaunes“). Названіе это возникло случайно. Въ одномъ мѣстѣ были выбиты стекла въ помѣщеніи консервативнаго синдиката, и пока разбитыя стекла не были еще вставлены, ихъ нѣкоторое время замѣняли листы желтой бумаги. Прибавимъ, что Бьетри самъ принадлежалъ къ „желтымъ“ и даже основалъ періодическій органъ „Le Jaune“. См. *Levasseur*, стр. 725 и слѣд.

[5]) „Мы не обладаемъ достаточно полнымъ матеріаломъ для общей статистики всей арміи синдикованныхъ рабочихъ. Сами союзы въ этомъ отношеніи до сихъ поръ еще ничего не сдѣлали, а къ оффиціальнымъ даннымъ приходится относиться съ нѣкоторою осторожностью, такъ какъ секретари

говли насчитывало во Франціи только 68 синдикатовъ, но ихъ было, конечно, больше, такъ какъ многіе существовали безъ оффиціальной легализаціи, но въ 1889 г. число ихъ возрасло до 821, въ 1899 г.—до 2685, въ 1905 г.—до 4665, причемъ въ 1893 г. насчитывалось около 400 т. членовъ этихъ союзовъ, а въ 1905 г. безъ малаго 800 т.

Въ серединѣ же восьмидесятыхъ годовъ возникло и то движеніе, которое привело къ распространеннымъ теперь во Франціи биржамъ труда. Первая такая биржа возникла въ Парижѣ въ 1886 г., а въ началѣ XX в. въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи ихъ насчитывалось уже 135, причемъ къ нимъ примыкало значительное количество союзовъ съ 350—370 тысячами рабочихъ, что составляло приблизительно половину (немного только меньше) всѣхъ синдикованныхъ рабочихъ. Задачею этихъ биржъ сдѣлалось посредничать между спросомъ и предложеніемъ труда и содѣйствовать рабочимъ въ пріисканіи болѣе выгодныхъ условій найма, а также оказывать имъ содѣйствіе и въ другихъ смыслахъ. Наприм., биржи труда стали выдавать пособія рабочимъ на необходимые переѣзды, устраивать общеобразовательныя лекціи, профессіональные курсы, библіотеки, промышленные музеи и т. п. (все это въ виду слабаго развитія взаимопомощи во французскихъ синдикатахъ). Муниципалитеты съ своей стороны начали приходить на помощь этимъ своеобразнымъ учрежденіямъ.

Биржамъ труда во Франціи, какъ и синдикатамъ, тоже пришлось претерпѣть разныя невзгоды. Въ Парижѣ уже въ 1889 г. биржа труда была въ конфликтѣ съ муниципалитетомъ, давшимъ ей субсидію, но и пожелавшимъ регламентировать ея дѣятельность. Въ 1893 г. парижская биржа была даже закрыта правительствомъ за то, что изъ 270 объединенныхъ въ ней синдикатовъ было только 150 легализованныхъ по закону 1884 г., а остальные отказались подчиниться требованію правительства на счетъ соблюденія этого закона. Вновь была открыта прежняя биржа только черезъ полтора года (въ концѣ 1895 г.), но уже съ новымъ уставомъ, который впослѣдствіи подвергался измѣненіямъ то въ болѣе либеральномъ направленіи (въ 1900 г.), то, наоборотъ, въ смыслѣ усиленія правительственнаго надзора и опеки (въ 1905 г.). Разныя стѣсненія, которыя испытывала не одна париж-

---

профессіональныхъ союзовъ или вовсе отказываются давать какія бы то ни было свѣдѣнія Дирекціи труда или эти свѣдѣнія отличаются не всегда одинаковой точностью. *Поль Луи*, стр. 113—114. „Les ouvriers syndiqués, говоритъ *Levasseur*, se sont tenus plusieurs années en défiance, croyant voir des pièges policiers dans les mesures d'ordre de la loi.... L'institution s'est beaucoup développée depuis la loi (1884): de 1890 à 1906 leur nombre a presque quintuplé et le nombre de leurs membres a sextuplé“. Questions ouvrières, стр 715.

ская биржа труда, заставляли какъ столичные, такъ и провинціальные синдикаты объединяться и внѣ оффиціальныхъ рамокъ.

Въ томъ же 1886 г., когда возникла парижская биржа труда, собрался въ Ліонѣ первый національный конгрессъ синдикатовъ, за которымъ послѣдовали конгрессы 1887 г. (въ Монлюсонѣ), 1888 г. (въ Бордо), въ 1893 г. (въ Марсели) съ постепенно увеличивавшимся числомъ представленныхъ организацій. Монлюсонскій конгрессъ рѣшилъ основать національную федерацію, но уже на слѣдующемъ конгрессѣ произошло разногласіе между коллективистами и приверженцами генеральной стачки, идея которой восторжествовала на конгрессахъ 1888 и 1893 г. Послѣдній принялъ резолюцію, которою принималась идея всеобщей стачки, какъ единственнаго орудія освобожденія рабочаго класса и предлагалось всѣмъ синдикальнымъ учрежденіямъ „распространять эту идею въ трудящихся массахъ, изучить и подготовить условія для ея осуществленія и представить международному конгрессу 1893 г. полный проектъ такой стачки“. Дальнѣйшаго развитія національная федерація синдикатовъ, однако, не получила, такъ какъ съ нею вступила въ соперничество и скоро ее побѣдила, совершенно ее устранивъ, федерація биржъ, что уже вполнѣ обнаружилось на нантскомъ конгрессѣ, состоявшемся въ 1894 г.

Биржи со своимъ чисто практическимъ характеромъ оказались болѣе жизненнымъ элементомъ для общей организаціи, нежели отдѣльные синдикаты: федерація послѣднихъ потому и не могла имѣть столько непосредственнаго дѣла по удовлетворенію насущныхъ потребностей пролетаріата, находившаго, притомъ, слишкомъ много политики въ дѣятельности федераціи синдикатовъ. Что касается до національной организаціи биржъ труда, то она возникла на конгрессѣ ихъ представителей въ Сентъ-Этьенѣ, собравшемся въ 1892 г. На этомъ конгрессѣ очень рѣзко отнеслись къ стремленію гэдистовъ подчинить интересы рабочей борьбы съ хозяевами интересамъ борьбы политической, которую вела эта партія, и сдѣлать изъ синдикальной организаціи какой-то второстепенный придатокъ гэдизма. Въ нантскомъ конгрессѣ 1894 г. приняли участіе обѣ федераціи—и синдикатовъ, и биржъ, причемъ между ними произошла страстная борьба изъ-за вопроса о всеобщей забастовкѣ, отвергавшейся гэдистами. Федерація синдикатовъ потерпѣла пораженіе и распалась, а въ слѣдующемъ году руководители биржъ труда создали на лиможскомъ конгрессѣ, вмѣсто нея, новую организацію, получившую названіе „Генеральной конфедераціи труда“, въ составъ которой впослѣдствіи вошла и сама федерація биржъ (1902). Эта новая организація занималась на конгрессахъ въ Турѣ (въ 1896 г.), въ Тулузѣ (въ 1897 г.), въ Реннѣ (въ 1898 г.), въ Парижѣ (въ 1900 г.), въ Ліонѣ (въ 1901 г.) и въ

Монпелье (въ 1902 г.) выработкою своихъ статутовъ и опредѣленіемъ своихъ отношеній къ федераціи биржъ труда. Такимъ образомъ, на рубежѣ XIX и XX вв. создалась во Франціи организація, охватившая и объединившая все профессіональное движеніе въ странѣ за исключеніемъ „желтыхъ", католическихъ и т. п. союзовъ. Эта организація заняла совершенно независимое положеніе по отношенію къ соціалистической политической партіи, тѣмъ болѣе, что въ нѣдрахъ синдикальнаго объединенія стали развиваться и вмѣстѣ съ этимъ получать широкое распространеніе доктрина такъ называемаго революціоннаго синдикализма. Но рѣчь объ этомъ у насъ будетъ послѣ.

Мы не будемъ останавливаться на профессіональномъ движеніи въ другихъ странахъ, гдѣ оно также получило большое развитіе за послѣднія десятилѣтія XIX в. и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе пріобрѣтало соціалистическій характеръ [1]).

Переходимъ теперь къ рабочимъ политическимъ партіямъ, или что равносильно, къ соціалистическимъ партіямъ, дѣйствовавшимъ въ концѣ XIX в. въ разныхъ странахъ. Въ главахъ, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ странъ, уже шла рѣчь и объ этихъ партіяхъ [2]),

---

[1]) Самыя общія данныя можно найти у *Зомбарта*, въ его книгѣ „Соціализмъ и соціальное движеніе", на стр. 317 (для Бельгіи), 319—320 (для Даніи, которая, „можетъ быть, и есть та страна, гдѣ наибольшій процентъ рабочихъ—30%—организованы въ профессіональные союзы"), стр. 321 (для Голландіи), стр. 326—327 (для Италіи, гдѣ особенно много участвуетъ въ союзахъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ), стр. 327 (для Норвегіи), стр. 329 (для Австро-Венгріи), стр. 331 (для Швеціи) и стр. 333 (для Швейцаріи). Равнымъ образомъ, мы не останавливаемся здѣсь на сельскохозяйственныхъ коопераціяхъ въ виду, во-первыхъ, ихъ сравнительно слабаго развитія, во-вторыхъ, большого, при всемъ томъ, разнообразія формъ въ отдѣльныхъ странахъ и, наконецъ, обилія чисто техническихъ подробностей. Можно только отмѣтить, что кооперативное движеніе въ сельскомъ быту стало значительно усиливаться къ концу XIX в., благодаря, между прочимъ, новымъ законамъ, облегчавшимъ устройство коопераціи или придающимъ имъ бо́льшую прочность, каковы, наприм., французскій законъ 1884 г. (о которомъ см. выше, стр. 133—134 и 406), германскій законъ 1889 г. о товариществахъ и т. п. Литература предмета, однако, обширна: *Мендель-Штейнфельсъ*. Сельско-хозяйственныя товарищества (сборн. „Сельское хозяйство и земледѣліе", изд. *Водовозовой*, 1896).—*Л. Кржевицкій*. Земледѣльческія коопераціи въ Западной Европѣ (Міръ Божій, 1900. — Въ частности, для Франціи соч. *Rocquigny* (1897), *Coulet* (1898), *Kudelka* (1898) и др., для Германіи *Ertl und Licht* (1899), *Mendel* (1886) и др., для Англіи *Gobson* (1895), *Long* (1899) и др., для Италіи *Marzotto* (1898) и др.

[2]) Часть первая, гл. VIII (Германія), а во второй части стр. 177—182 (Франція), 249—252 (Англія), 287—290 (Италія), 300—301 и 336—338 (Австрія), 330 (Чехія), 334 (Галиція), 374, 389—390 и 393 (Бельгія), 397 и 398 (Голландія) и 424—425 (Швейцарія).

причемъ постоянно приходилось отмѣчать, какое сильное вліяніе оказывала на образованіе этихъ партій германская соціалъ-демократія и своей идеологіей, и своей организаціей, и своею, наконецъ, тактикой.

Изъ соціалистическихъ партій отдѣльныхъ странъ, которыя только существовали въ 1900 г., самою старою и самою сильною внутри страны и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе вліятельною въ исторіи соціалистическаго движенія вообще была именно германская соціалъ-демократія, что и заставило насъ подробнѣе всего говорить въ настоящемъ томѣ только о ней и даже посвятить ей особую главу [1]), въ которой изложеніе было доведено до эпохи дѣйствія въ Германіи исключительнаго закона о соціалистахъ. Мы уже знаемъ, что въ эти годы германское правительство для борьбы съ соціализмомъ, кромѣ репрессій, прибѣгло и къ соціальному законодательству [2]), но что ни репрессіи, ни законы въ пользу рабочихъ не могли остановить сильнаго возрастанія на выборахъ въ рейхстагъ количества голосовъ, подававшихся за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ. Въ годъ прекращенія дѣйствія репрессивнаго закона, т.-е. въ 1890 г. этихъ голосовъ было уже безъ малаго полтора милліона, на слѣдующихъ выборахъ (1893) еще на три съ половиною сотни тысячъ больше [3]), а еще черезъ пять лѣтъ превысило два милліона [4]). „При изданіи закона о соціалистахъ, говоритъ историкъ германской соціалъ-демократіи, партія располагала 437.158 избирательными голосами и 42 политическими газетами, а профессіональныя организаціи имѣли

---

[1]) Глава VIII, занимающая стр. 266—297.

[2]) См. выше, стр. 77 и слѣд., 94 и слѣд. и 102 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 108 и 109.

[4]) См. выше, стр. 112 — 113. Небольшая таблица лучше всего можетъ изобразить ростъ германской соціалъ-демократіи за послѣднія тридцать лѣтъ XIX в.

Годы:	1871	1874	1877	1878	1881	1884	1887	1890	1893	1898
Число голосовъ на выборахъ въ тысячахъ:	113	351	493	437	311	549	763	1427	1786	2107
Соотвѣтствующій процентъ:	2.9	6.7	9.1	7.5	6.1	9.7	10.1	19.7	23.2	27.[illegible]
Число депутатовъ:	2	10	13	9	13	24	11	35	44	56

Подробности въ работѣ *Neumann-Hofer'a* „Die Entwickelung der Sozialdemokratie bei den Wahlen“ (1898; изд. 2). Любопытно, что въ Австріи на выборахъ 1897 г. въ пятой куріи (всеобщаго избирательнаго права) за соціалъ-демократовъ было подано, какъ и въ Германіи въ 1898 г., болѣе 27%.

50.000 членовъ и 14 печатныхъ органовъ; при истеченіи срока того же закона 1.427.298 избирательныхъ голосовъ и 60 политическихъ газетъ, а профессіональныя организаціи имѣли 200.000 членовъ и 41 органъ" [1]).

Законъ о соціалистахъ пересталъ дѣйствовать, какъ только-что было упомянуто, въ послѣдній годъ предпослѣдняго десятилѣтія XIX в. Въ самомъ же началѣ новаго періода исторіи германской соціалъ-демократіи среди ея вождей произошли нѣкоторыя тренія, которыя, по словамъ историка партіи, сами по себѣ не представляли особаго значенія, но были раздуты въ очень важное дѣло, благодаря въ значительной степени шуму буржуазной печати [2]). Поводомъ было желаніе многихъ рабочихъ организацій ознаменовать первый майскій праздникъ труда, установленный на парижскомъ конгрессѣ 1889 г. [3]), всеобщею забастовкою, чего, однако, въ Парижѣ не было установлено. Парламентская фракція соціалъ-демократической партіи почти единогласно постановила отсовѣтовать такую форму празднованія 1 мая, но противъ этого поднялся, какъ выразился Энгельсъ, „литературный и студенческій бунтъ", т.-е. оппозиція со стороны болѣе молодыхъ членовъ партіи изъ писательской и академической среды [4]). Противъ „молодыхъ" со стороны „старыхъ" выступилъ, главнымъ образомъ, Бебель, за которымъ и пошелъ въ данномъ случаѣ рабочій классъ. Эпизодъ этотъ, дѣйствительно, не имѣлъ особеннаго значенія, но зато очень характеренъ, какъ показатель того вліянія, какого достигли вожди соціалъ-демократической партіи въ народныхъ массахъ. Первымъ дѣломъ партіи было теперь создать новую организацію и выработать новую программу въ виду измѣнившагося политическаго положенія. Въ серединѣ октября 1890 г. въ Галле состоялся делегатскій съѣздъ партіи, на который были присланы привѣтствія отъ родственныхъ партій въ Австріи, Швейцаріи, Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Швеціи и Польшѣ. Съѣздъ отвергъ мысль о возвращеніи къ союзной организаціи, какая была у партіи до 1878 г., и созданы были только ежегодные съѣзды партіи, или „партейтаги" и выбираемое съѣздомъ правленіе партіи (Parteivorstand

---

[1]) *Ф. Мерингъ.* Исторія германской соціалъ-демократіи, IV, 347 (по изд. Гранатъ и К⁰). На той же страницѣ см. у него, во что обошлась для партіи репрессія. Наприм., было запрещено 1.300 періодическихъ и непеpіодическихъ изданій и 332 организаціи того или другого рода, а сумма судебныхъ каръ, соединенныхъ съ лишеніемъ свободы, составила около 1.000 лѣтъ, распредѣлявшихся между 1.500 лицъ и т. п.

[2]) *Ф. Мерингъ*, VI, 349.

[3]) См. выше, стр. 180.

[4]) Пауль Эрнстъ, Кампфмейеръ, Гансъ Мюллеръ, Бруно Вилле и др.

изъ 12 человѣкъ, изъ коихъ пятеро должны были вести дѣла, а семеро — ихъ контролировать), а кромѣ того, оффиціальный органъ „Vorwärts“ (Впередъ). Наконецъ, для поддержки связей между правленіемъ партіи и мѣстными партійными группами были учреждены особыя довѣренные люди (Vertrauensmänner). Черезъ годъ, тоже въ октябрѣ (отъ 14 по 20), новый партійный съѣздъ въ Эрфуртѣ пересмотрѣлъ готскую программу [1]), послѣ изданія которой прошло болѣе пятнадцати лѣтъ, но и на этомъ съѣздѣ дѣло тоже не обошлось безъ нѣкоторыхъ партійныхъ раздоровъ, не заслуживающихъ, впрочемъ, того, чтобы на нихъ здѣсь сколько-нибудь останавливаться. Что касается до проекта партійной программы, получившей названіе „эрфуртской“, то онъ былъ составленъ однимъ изъ новыхъ идеологовъ партіи, Карломъ Каутскимъ [2]).

Эрфуртская программа исходила изъ того положенія, что „экономическое развитіе гражданскаго общества [3]) приводитъ естественно и необходимо къ гибели мелкаго производства, основою котораго является право частной собственности работника на его средства производства“: работникъ пролетаризируется, а средства производства монополизируются въ рукахъ относительно небольшого числа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Рядомъ съ послѣднимъ процессомъ совершается вытѣсненіе мелкаго производства колоссальнымъ крупнымъ, притомъ машиннымъ съ „исполинскимъ ростомъ производительности человѣческаго труда“, опять-таки монополизируемымъ капиталистами и крупными землевладѣльцами. „Для пролетаріата и для исчезающихъ среднихъ слоевъ — для мелкаго мѣщанства и крестьянства—это равносильно увеличенію необезпеченности существованія, бѣдствій, угнетенія, порабощенія, униженія, эксплуатаціи (Ausbeutung)“. Далѣе указывалось на увеличеніе какъ количества пролетаріевъ и безработныхъ, такъ и противоположности эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ и на обостреніе классовой борьбы буржуазіи и пролетаріата, причемъ присущіе капиталистическому строю кризисы только расширяютъ пропасть между имущими и неимущими. Это служитъ лишь доказательствомъ того, „что производительныя силы теперешняго общества переросли самихъ себя (über den Kopf gewachsen sind) и что частная собственность на средства производства сдѣлалась несовмѣстимою съ ихъ цѣлесообразнымъ использованіемъ (Anwendung) и полнымъ ихъ развитіемъ“. Эта собственность, бывшая

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 287—289.

[2]) О Каутскомъ, какъ теоретикѣ соціалъ-демократіи, см. ниже, въ этой же главѣ (стр. 506, прим.).

[3]) Bürgerliche Gesellschaft имѣетъ двоякій смыслъ и гражданскаго, и буржуазнаго общества. Ср. т. V, стр. 368, прим.

раньше средствомъ обезпеченія за трудящимся продукта его труда, сдѣлалась средствомъ экспропріаціи однихъ въ пользу другихъ, безъ собственнаго труда пользующихся плодами чужихъ трудовъ. Отсюда програма дѣлала тотъ выводъ, что только превращеніе капиталистической частной собственности на средства производства въ собственность общественную и превращеніе производства товаровъ въ соціалистическое (sozialistische, für und durch die Gesellschaft betriebene) можетъ привести къ превращенію „крупнаго производства и постоянно возрастающей доходности (Ertragsfähigkeit) общественной работы для доселѣ эксплуатировавшихся классовъ изъ источника бѣдствій и угнетенія въ источникъ наивысшаго благополучія и всесторонняго гармоническаго совершенствованія". Такому превращенію въ программѣ приписывается значеніе „освобожденія не только пролетаріата, но и всего человѣческаго рода", которое, прибавляетъ программа, „можетъ быть только дѣломъ рабочаго класса" въ виду того, что всѣ остальные классы, при всѣхъ своихъ разногласіяхъ, одинаково держатся за современный строй. Затѣмъ шло указаніе на политическій характеръ борьбы рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи: и для экономической борьбы, и для экономической организаціи рабочимъ нужны политическія права, и они не добьются перехода средствъ производства въ обладаніе общества (der Gesammtheit) безъ обладанія политическими правами. Этимъ опредѣлялась задача соціалъ-демократической партіи—вносить сознательность и единство въ борьбу, указывать ей ея естественно-необходимую цѣль. „Интересы рабочаго класса во всѣхъ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства одинаковы", и положеніе рабочихъ каждой страны все болѣе и болѣе зависитъ отъ положенія ихъ въ другихъ странахъ съ развитіемъ міровыхъ экономическихъ отношеній, откуда—общность задачи освобожденія рабочихъ во всѣхъ странахъ. Программа напоминала также, что это не есть борьба за новыя классовыя привилегіи и преимущества, а борьба ради уничтоженія классового господства и самихъ классовъ, ради достиженія всеобщаго равенства правъ и обязанностей безъ различія также пола и расы (происхожденія). Исходя изъ этихъ принциповъ, программа перечисляла по пунктамъ требованія соціалъ-демократической партіи, повторяя соотвѣтственные пункты готской программы [1]) съ нѣкоторыми новыми прибавленіями. Такъ, въ параграфѣ о всеобщемъ избирательномъ правѣ прибавлены слова: „безъ различія пола" [2]) и выставлены требованія „пропорціональной системы выбо-

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 287 и слѣд.

[2]) Весьма большое вліяніе на распространеніе соціалистическихъ идей (между прочимъ, и въ буржуазіи) оказывала книга *Бебеля* „Женщина и со-

ровъ“, „перераспредѣленія избирательныхъ округовъ послѣ каждой народной переписи“, „двухгодичныхъ легислатуръ“, „вознагражденія выбраннымъ“, „отмѣны всякаго ограниченія политическихъ правъ“. Равнымъ образомъ, параграфъ о прямомъ народномъ законодательствѣ дополненъ былъ требованіями выбора властей народомъ и ихъ отвѣтственности, съ ежегоднымъ вотированіемъ налоговъ. Въ слѣдующихъ статьяхъ обращаютъ на себя вниманіе, въ качествѣ новыхъ требованій; „разрѣшеніе всѣхъ международныхъ споровъ третейскими судами“ (auf schiedsgerichtlichem Wege), „отмѣна всѣхъ законовъ, которые ограничиваютъ женщину сравнительно съ мущинами въ публично-правовомъ и частно-правовомъ отношеніяхъ“, „уничтоженіе всякихъ платежей изъ общественныхъ средствъ на церковныя и религіозныя требы“, „свѣтскій характеръ (Weltlichkeit) школы“, вспомоществованіе ученикамъ и ученицамъ народныхъ школъ, оказывающихъ способность къ продолженію дальнѣйшаго образованія, „вознагражденіе невинно обвиненныхъ, заключенныхъ и приговоренныхъ къ наказанію и отмѣна смертной казни“, „безвозмездность врачебной помощи, со включеніемъ помощи при родахъ и лѣкарствъ, и безвозмездность погребеній“ и т. п. Изъ этого видно, что эрфуртская программа гораздо богаче содержаніемъ, нежели готская, во всѣхъ общихъ требованіяхъ, и то же самое приходится сказать, равнымъ образомъ, о разработкѣ спеціальныхъ требованій, касающихся рабочаго класса. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ національное и международное законодательство объ охранѣ рабочихъ, въ смыслѣ установленія нормальнаго рабочаго дня не свыше восьми часовъ, запрещенія работы для дѣтей моложе 14 лѣтъ, запрещенія ночной работы, „за исключеніемъ такихъ отраслей промышленности, которыя по самой природѣ своей, по техническимъ причинамъ или соображеніямъ общественнаго благополучія требуютъ работы ночью“, установленія непрерывнаго 36-часового отдыха каждую недѣлю для каждаго рабочаго, запрещенія Trucksystem. Далѣе, въ числѣ требованій для охраны рабочихъ выставлены были программою „надзоръ за всѣми промышленными заведеніями, изслѣдованіе и регулированіе условій труда въ городѣ и деревнѣ“ особыми учрежденіями общегосударственнымъ и мѣстными (Reichsarbeitsamt und Bezirksarbeitsämter) и рабочими палатами, промышленная гигіена, „правовое уравненіе сельскохозяйственныхъ рабочихъ и лицъ, находящихся въ услуженіи (Dienstboten) съ промышленными рабочими“, „упроченіе права коалиціи“ и „взятіе государствомъ на себя

ціализмъ“, которая имѣла колоссальный успѣхъ и была переведена на разные языки (въ томъ числѣ и на русскій).

всего страхованія рабочихъ съ участіемъ рабочихъ въ завѣдованіи (Verwaltung) этимъ дѣломъ“ [1]).

Въ первые годы соціалъ-демократической партіи многіе ея приверженцы ожидали скорой побѣды соціализма, т.-е. близкаго торжества соціальной революціи. Многіе раздѣляли эту вѣру и въ концѣ XIX в. Наприм., Энгельсъ еще въ началѣ девяностыхъ годовъ пророчилъ переворотъ къ 1898 г., т.-е. къ пятидесятилѣтнему юбилею мартовской революціи, а когда этого не случилось, отсрочилъ исполненіе своего предсказанія еще на десятокъ лѣтъ. Въ 1899 г. въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей и Бебель готовъ былъ увѣрять, что развѣ только немногіе изъ присутствовавшихъ въ залѣ рейхстага не доживутъ до переворота, не будутъ свидѣтелями „великаго Kladderadatsch’а“. Эта вѣра дѣлала партію непримиримой, не позволяла ей идти ни на какіе компромиссы, заставляла ее скептически относиться и къ соціальнымъ реформамъ или же поддерживать ихъ развѣ только въ качествѣ агитаціоннаго средства. Бывало иногда такъ, что сами рабочіе отказывались отъ участія въ профессіональномъ движеніи: едва ли, думали многіе изъ нихъ, отъ рабочихъ союзовъ могъ бы быть какой-либо толкъ, разъ часъ побѣдоносной пролетарской революціи уже близокъ, близко время, когда начнется диктатура рабочаго класса, имѣющая превратить современное капиталистическое государство въ соціалистическое общество будущаго. Законъ противъ соціалистовъ, дѣйствовавшій въ теченіе всѣхъ восьмидесятыхъ годовъ, только поддерживалъ революціонное настроеніе партіи, но въ эти же годы превращеніе Германіи въ индустріальное государство, что подняло заработки пролетаріата, вліяло на настроеніе рабочихъ въ обратномъ смыслѣ [2]). Правда, эрфуртская программа стояла на прежней, непримиримой точкѣ зрѣнія, но уже на съѣздѣ, выработавшемъ эту программу, депутатъ Фолльмаръ [3]) рекомендовалъ „новую тактику“ при-

---

[1]) Эрфуртская программа существуетъ и въ русскомъ переводѣ, но я пользовался нѣмецкимъ подлинникомъ. По отзыву о ней далеко не соціалистическаго новѣйшаго историка нѣмецкихъ политическихъ партій *Grotewold’a*, „unter seiner Herrschaft hat sich die sozialdemokratische Partei zur stärksten Deutschlands entwickelt“, стр. 303. Ср. *К. Каутскій*. Эрфуртская программа (1905). — *Его же*. Экономическое развитіе и общественный строй. Комментарій къ положеніямъ эрфуртскаго съѣзда (1905).

[2]) Въ 1892 г. *Hans Müller* въ своей работѣ „Der Klassenkampf in der deutschen Sozialdemokratie“ уже указывалъ на то, что до законовъ противъ соціалистовъ партія была чисто пролетарской и революціонной, но потомъ въ нее стали вербовать мелкую буржуазію, которая сама начала пополнять ряды партіи: это и внесло въ партію новый, болѣе мирный духъ.

[3]) Георгъ фонъ-Фолльмаръ, членъ рейхстага, въ 1891 и 1892 г. издалъ брошюры „Ueber die nächsten Aufgaben der deutschen Sozialdemokratie“ и

мирительнаго характера. Эрфуртскій партейтагъ строго осудилъ его идеи, но на послѣдующихъ съѣздахъ, нѣтъ да нѣтъ, и другіе делегаты начинали отстаивать подобную же точку зрѣнія, вплоть до защиты (Шиппелемъ) того положенія, что соціалъ-демократіи нечего противиться лучшему вооруженію германской арміи, дабы, наприм., Россія въ одинъ прекрасный день не перестрѣляла нѣмецкихъ солдатъ.

Въ самомъ концѣ XIX в. среди германскихъ марксистовъ начался по вопросамъ этого рода расколъ. Въ 1899 г. вышла книга соціалъ-демократа Эдуарда Бернштейна [1]) подъ заглавіемъ „Предпосылки соціализма и задачи соціалъ-демократіи“ [2]), тотчасъ же вызвавшая нѣсколько возраженій и, между прочимъ, со стороны Каутскаго [3]), быв-

---

„Ueber Staatssozialismus“, гдѣ доказывалъ необходимость оставить непримиримую позицію и заняться законодательствомъ въ пользу рабочихъ. „До соціалистическаго государства мы не доживемъ, а до восьмичасового дня, пожалуй, и доживемъ“, говорилъ онъ.

[1]) Эдуардъ Бернштейнъ примкнулъ къ соціалъ-демократіи еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, а въ восьмидесятыхъ былъ редакторомъ цюрихскаго „Соціалъ-демократа“ (т. VI, ч. 1, стр. 296), отличаясь въ это время большимъ радикализмомъ. Обвиненный въ Германіи въ оскорбленіи величества, онъ не могъ жить на родинѣ, а изъ Цюриха въ 1888 г. его выслали (ср. выше, стр. 424). Въ девяностыхъ годахъ Бернштейнъ проживалъ въ Лондонѣ, гдѣ въ его убѣжденіяхъ и произошла рѣзкая перемѣна, отразившаяся на названной въ текстѣ работѣ. Въ 1901 г. въ брошюрѣ „Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich“ онъ отвергъ самую мысль о возможности научнаго соціализма. Въ томъ же году давность, покрывшая его политическое преступленіе, позволила ему поселиться въ Берлинѣ, гдѣ онъ сталъ ревностно сотрудничать въ „Sozialistische Monatshefte“ (раньше назывались „Der sozialistische Akademiker“), сдѣлавшихся главнымъ органомъ основаннаго имъ ревизіонистскаго направленія германской соціалъ-демократіи. Изъ его соч. переведены по-русски: „Общественное движеніе въ Англіи XVII в.“ (1899), „Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма“ (1902) и „Предпосылки соціализма“ (4 перевода).

[2]) *Bernstein.* Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie.

[3]) Карлъ Каутскій является однимъ изъ главныхъ теоретиковъ германской соціалъ-демократіи и въ частности наиболѣе виднымъ представителемъ экономическаго матеріализма въ исторіи. Начавъ свою литературную дѣятельность еще въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ особенно сдѣлался извѣстенъ въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ послѣ выхода на свѣтъ его работъ объ „Утопіи“ Мора (1888), о классовыхъ интересахъ во Франціи въ 1789 г. (1889), объ экономическомъ ученіи Маркса, объ эрфуртской программѣ (1892) и др. Немало его извѣстности содѣйствовало и изданіе имъ періодическаго органа для научной разработки марксизма („Die Neue Zeit“). Въ 1894 г. подъ ред. Каутскаго начала выходить „Geschichte des Sozialismus in Einzeldarstellungen“, въ которой самъ онъ написалъ отдѣлъ о предшественникахъ новѣйшаго соціализма. Какъ представитель ортодоксальнаго марксизма, Каутскій выступалъ и на всѣхъ съѣздахъ соціалъ-демократіи. Глав-

шаго однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Бернштейна, теперь въ своей книгѣ „Бернштейнъ и соціалъ-демократическая программа“ [1]), рѣзко на него напавшаго. Сенсація, вызванная критикою марксизма со стороны одного изъ прежнихъ его теоретиковъ, и объясняется именно тѣмъ, что критикомъ его выступилъ такой видный представитель соціалъ-демократіи, какимъ всегда считался Бернштейнъ. Ортодоксальные марксисты напали на своего товарища, рѣшившагося на такой шагъ, особенно потому, что его „Предпосылки соціализма“ должны были, по ихъ мнѣнію, доставить удовольствіе, какъ выразился Каутскій, только „буржуазіи, либераламъ и анархистамъ“.—Критика Бернштейна коснулась и теоретическихъ положеній, и практической программы марксизма. Въ первой авторъ усматривалъ „остатки утопизма“, которые объяснялъ тѣмъ, что самъ Марксъ недостаточно разграничивалъ чистую и прикладную стороны своего ученія. По мнѣнію Бернштейна, въ послѣднемъ слились два разныя теченія, исходящія одно—изъ сектантско-утопическаго и мирно-эволюціоннаго стремленія къ эманципаціи рабочаго класса путемъ экономической организаціи, другое—изъ конспиративной, демагогической и террористической эманципаціи путемъ политической экспропріаціи: хотя Марксъ и отвергъ оба направленія, но его ученіе все-таки является компромиссомъ между ними, т.-е. въ немъ есть дуализмъ, есть противорѣчія. Въ частности, Бернштейнъ подвергъ критикѣ и теорію экономическаго матеріализма [2]), и примѣненіе гегельянско-діалектическаго метода, причемъ обратилъ вниманіе на зависимость историческаго процесса отъ многихъ факторовъ, а не одной только экономики. Послѣдователей Маркса Бернштейнъ обвинилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ теоретическомъ догматизмѣ, противъ котораго самъ выдвинулъ требованіе критическаго пересмотра чисто научной стороны марксистскаго соціализма.

Не эта, однако, отвлеченно-теоретическая часть критики Бернштейна вызвала всю бурю въ соціалъ-демократическомъ лагерѣ; въ возникшей по поводу его книги полемикѣ эта сторона даже вообще мало была задѣта. Самъ Каутскій, притомъ, долженъ былъ согласиться, что экономическій матеріализмъ, какъ „высшая ступень соціалистической теоріи, съ которою стоитъ и падаетъ марксизмъ“, въ общемъ еще недостаточно разработанъ, но если здѣсь оказалось возможнымъ сдѣлать кое-какія уступки, то въ области практическихъ выводовъ и програмныхъ требованій марксизма оппоненты Бернштейна проявили величайшую неуступчивость. Дѣло въ томъ, Бернштейнъ усумнился

нѣйшія книги, брошюры и статьи („Очерки и Этюды“, 1901 и „Сборникъ статей“, 1905 и др.) Каутскаго существуютъ въ русскихъ переводахъ.

[1]) *K. Kautsky*. Bernstein und das sozialdemokratische Programm (1899).

[2]) Ср. ниже, въ гл. XXV.

въ правильности взгляда, по которому пропасть между богатыми и бѣдными все болѣе и болѣе увеличивается [1]), и сталъ доказывать, что, наоборотъ, экономическое неравенство постепенно, хотя и съ большою медленностью, сглаживается. Отсюда онъ дѣлалъ выводъ не въ пользу вѣры въ „Zusammenbruch“ капиталистическаго строя, а въ пользу отдѣльныхъ соціальныхъ реформъ, въ особенности тѣхъ, которыя увеличиваютъ плату за трудъ; т.-е. онъ указывалъ на такую практическую дѣятельность, которая лишь болѣе или менѣе медленнымъ путемъ постепенныхъ реформъ превратитъ капиталистическій строй въ соціалистическій. Такъ какъ, однако, эти реформы могутъ быть производимы представителями разныхъ классовъ общества, то, по мнѣнію Бернштейна, освобожденіе рабочаго класса не должно считаться „дѣломъ только рабочаго класса“: съ его точки зрѣнія это—дѣло лишь „преимущественно рабочаго класса“. Разъ классовая основа соціалъ-демократіи всѣми этими соображеніями въ критикѣ Бернштейна подрывалась, онъ не только допускалъ сотрудничество классовъ, но становился на національную точку зрѣнія: политическая жизнь превращаетъ пролетарія въ гражданина, въ члена націи, который не можетъ равнодушно относиться къ судьбамъ отечества. Въ частности, Бернштейнъ нашелъ нужнымъ защищать колоніальную систему и сталъ совѣтовать членамъ своей партіи прекратить прежнее непримиримое отношеніе къ военнымъ предложеніямъ имперскаго правительства.

Старые вожди германской соціалъ-демократіи съ Бебелемъ и Либкнехтомъ во главѣ, подобно Каутскому, отнеслись къ „бернштейніанству“,—которое въ первыхъ годахъ XX в. стало еще называться „ревизіонизмомъ“, — крайне отрицательно, на сторону же новаго направленія стали, наприм., Фолльмаръ, Шиппель и др. Кромѣ того, и въ каждомъ изъ двухъ лагерей образовались новыя подраздѣленія, именно, еще болѣе „правое“ теченіе въ бернштейніанствѣ (Шиппель) и еще болѣе „лѣвое“ въ ортодоксальномъ направленіи, надѣящееся на скорое наступленіе и побѣду революціи съ народнымъ возстаніемъ, борьбой на баррикадахъ и т. п. (Парвусъ, Клара Цеткинъ, Роза Люксембургъ). Тѣмъ не менѣе партія сохранила свое единство, благодаря тому, что на ея съѣздѣ въ Ганноверѣ въ 1899 г. была принята достаточно неопредѣленная резолюція, подъ которою могли подписаться и ортодоксы, и бернштейніанцы [2]), хотя внутри единой

---

[1]) Ср. выше, стр. 436.

[2]) Отмѣтимъ еще, что до самаго конца XIX г. прусскіе соціалъ-демократы считали невозможнымъ принимать участіе въ выборахъ въ прусскій ландтагъ, но на штутгартскомъ съѣздѣ 1898 г. вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу участія въ выборахъ и въ представительную палату Пруссіи.

партіи все-таки не прекращался начатый Бернштейномъ расколъ. Партейтаги начала XX в. продолжали большинствомъ голосовъ отвергать ревизіонизмъ, однако, эволюція соціалъ-демократіи отъ революціонизма къ реформизму все-таки давала себя знать [1]).

Въ виду сильнаго распространенія, какое марксистскія идеи получили къ концу XIX в. въ другихъ странахъ, возникновеніе въ германской соціалъ-демократіи критическаго направленія Бернштейна пріобрѣло значеніе и для иностранныхъ соціалистовъ. Между прочимъ, во Франціи споръ между непримиримымъ и умѣреннымъ теченіями изъ области чисто академическаго обсужденія вопроса перешелъ и на почву практической полемики, когда вступленіе соціалиста Мильерана въ министерство Вальдека-Руссо [2]) поставило на очередь вопросъ, можетъ ли соціалистъ участвовать въ буржуазномъ правительствѣ. Изъ французскихъ соціалистовъ на точкѣ зрѣнія строгой марксистской ортодоксіи продолжалъ стоять Гэдъ, тогда какъ Жоресъ доказывалъ необходимость болѣе гибкой политики, находя, что упор-

---

[1]) Однимъ изъ частныхъ вопросовъ, затронутыхъ критикой Бернштейна, было отношеніе соціалъ-демократіи къ аграрной проблемѣ. Въ семидесятыхъ годахъ Либкнехтъ въ работѣ „Zur Grund- und Bodenfrage“ настаивавшій, что нужно избѣгать всего, что вооружило бы крестьянъ противъ соціализма (какъ это было во Франціи въ 1848 г.), пророчилъ, что „паровой плугъ совершитъ такую же революцію въ земледѣліи, какую паровой ткацкій станокъ и прядильная машина совершили въ индустріи“, т.-е. уничтожитъ мелкое производство. (Марксъ тоже въ шестидесятыхъ годахъ предсказывалъ быстрый ходъ концентраціи земельной собственности). На самомъ дѣлѣ пророчество не оправдалось. „Третья четверть XIX в., говоритъ *Э. Давидъ*, была временемъ не упадка, а экономическаго и соціальнаго подъема нѣмецкаго крестьянства... Какъ показали результаты переписи 1895 г. (въ Германіи), крупные владѣльцы утратили долю земельной площади, а мелкіе пріобрѣли“. Соціализмъ и сельское хозяйство (1906), стр. 17 и 18, а также 28 и слѣд. Въ своихъ взглядахъ на вопросъ о пролетаризаціи крестьянской массы нѣкоторые соціалъ-демократы поколебались только въ серединѣ девяностыхъ годовъ, когда, напр., Фолльмаръ на франкфуртскомъ съѣздѣ указалъ, между прочимъ, на то, что надежды на паровой плугъ совсѣмъ не оправдались. Энгельсъ и др. защищали старую точку зрѣнія, и бреславльскій съѣздъ 1895 г. отвергъ предложеніе нѣкоторыхъ на счетъ охраны крестьянской собственности, исходя изъ ученія о совершенной тожественности индустріальной и аграрной эволюціи, которое потомъ (1899) пытался отстоять и Каутскій въ своемъ „Аграрномъ вопросѣ“. Бернштейнъ на основаніи аграрной статистики Германіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи и Англіи, равно какъ восточной части великой заатлантической республики, выставилъ тотъ тезисъ, что мелкое и среднее сельско-хозяйственное производство повсемѣстно разрастается, а крупное и гигантское сокращаются. То же подтвердилъ *Фр. Отто Герцъ (Herz)* въ сочиненіи „Аграрные вопросы въ отношеніи къ соціализму“. Ср. книгу *Э. Давида*, названную выше въ этомъ примѣчаніи.

[2]) См. выше, стр. 192.

ство гэдистовъ только обрекаетъ французскій соціализмъ на политическое безсиліе.

Распространеніе марксизма внѣ Германіи въ концѣ XIX в. представляетъ собою фактъ, вообще заслуживающій вниманія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ всѣ соціалисты той или другой страны принимали всю идеологію, программу и тактику германской соціалъ-демократіи,— иногда, впрочемъ, съ кое-какими измѣненіями,—въ другихъ же случаяхъ марксизмъ дѣлался однимъ изъ наиболѣе видныхъ соціалистическихъ теченій, если и другія продолжали существовать. Въ Италіи, какъ извѣстно, соціалъ-демократія появилась поздно, не ранѣе девяностыхъ годовъ, но за то развилась необычайно быстро [1]). Незадолго передъ этимъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, возникла австрійская соціалъ-демократическая партія, черезъ десять лѣтъ послѣ того принявшая федеративный характеръ въ зависимости отъ существованія въ Австріи разныхъ національностей [2]). Марксизмъ оказалъ большое вліяніе и на программу бельгійской рабочей партіи въ серединѣ послѣдняго десятилѣтія XIX в. [3]). И въ Англіи около 1880 г. образовалась особая соціально-демократическая федерація, усвоившая марксистское ученіе, но не вытѣснившая другихъ теченій при всемъ своемъ вліяніи на отдѣльныя проявленія рабочаго движенія [4]). Во Франціи, какъ извѣстно, тоже образовалось нѣсколько соціалистическихъ направленій, изъ которыхъ лишь одно усвоило цѣликомъ марксистскіе принципы, именно направленіе, начало которому около 1880 г. было положено Гэдомъ и Лафаргомъ [5]) и за которымъ утвердилось названіе коллективизма [6]). Въ самомъ же началѣ существо-

---

[1]) См. выше, стр. 287 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 301, 334—338. На первомъ соціалъ-демократическомъ съѣздѣ въ Австріи, имѣвшемъ мѣсто въ Гайнфельдѣ съ 1888 г. была сдѣлана попытка не обращать никакого вниманія на національныя различія, но это оказалось на практикѣ невозможнымъ, и на съѣздахъ конца XIX в. (вѣнскомъ 1897 г. и брюннскомъ 1899 г.) былъ принятъ уставъ, признавшій автономію національныхъ партій съ установленіемъ между ними федеративной связи, образующей единую соціалъ-демократію Австріи.

[3]) См. выше, стр. 393.

[4]) См. выше, стр. 250 и слѣд.

[5]) См. выше, стр. 178 и слѣд.

[6]) Терминъ „коллективизмъ“ впервые встрѣчается, кажется, въ вышедшей въ свѣтъ въ 1842 г. „Théorie nouvelle sociale et économique“ Пеккёра (Pecqueur) и первоначально обозначалъ тотъ оттѣнокъ соціализма, въ которомъ точно и опредѣленно указывались средства производства, прежде другихъ подлежащія переходу изъ частныхъ рукъ въ руки государства для общественнаго пользованія этими средствами (лѣса, рудники, пути сообщенія и т. п.). Впослѣдствіи терминъ „коллективизмъ“ сталъ мало чѣмъ отличаться отъ термина „соціализмъ“ и даже сдѣлался какъ бы его синонимомъ, въ ближайшее же

ванія французскаго марксизма въ немъ произошелъ уже упоминавшійся нами въ другомъ мѣстѣ „поссибилистскій“ расколъ [1]), напоминающій собою болѣе поздній ревизіонизмъ въ Германіи, о которомъ только-что шла рѣчь. Отмѣтимъ еще сильное распространеніе марксизма и въ Россіи въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в., въ исходѣ котораго (1898) возникла и партійная его организація, вступившая въ борьбу съ другимъ, соціально-революціоннымъ теченіемъ.

Конечно, въ разныхъ странахъ образовались разные оттѣнки соціалъ-демократіи, но взятая въ общемъ она, какъ и германская, къ началу новаго столѣтія стала обнаруживать тенденцію къ мирному реформизму [2]). Съ другой стороны, марксизму далеко не вездѣ удалось вытѣснить другія соціалистическія направленія, равно какъ не удалось окончательно побѣдить и анархизмъ, съ которымъ соціалъ-демократія вела особенно упорную борьбу на соціалистическихъ конгрессахъ девяностыхъ годовъ, о чемъ еще будетъ сказано ниже. Мало того, въ послѣднее время народилось одно совсѣмъ новое направленіе, получившее названіе революціоннаго синдикализма и особенно сильное распространеніе во Франціи.

О возникновеніи во Франціи синдикальнаго движенія уже было сказано выше [3]) Развитіе рабочихъ союзовъ сопровождалось здѣсь такимъ увеличеніемъ числа стачекъ, что въ этомъ отношеніи къ концу вѣка Франція заняла первое мѣсто среди всѣхъ промышленныхъ странъ Стараго и Новаго Свѣта [4]). Это, конечно, не представ-

---

къ намъ время началъ замѣнять собою названіе марксизма. Ср. *Borde*. Le collectivisme au congrès de Marseille (1880).—*I. Guesde*. Le collectivisme et la révolution. — *Naquet*. Socialisme, collectivisme et socialisme libéral (1890). — *D'Eichtal*. Socialisme, communisme et collectivisme (1892). Въ „Socialisme intégral“ Малона дается цѣлая классификація отдѣльныхъ видовъ коллективизма, лишь одинъ изъ которыхъ представляетъ собою марксизмъ.

[1]) См. выше, стр. 179. Французскимъ соціалистамъ объединиться вообще оказывается дѣломъ труднымъ. Въ самомъ концѣ XIX в. между главными направленіями произошло-было объединеніе, но въ 1900 г. опять совершилось распаденіе: гэдисты стали называться „parti socialiste *de France*“, жоресисты (съ бланкистами и аллеманистами) — „parti socialiste *français*“. Дальнѣйшихъ перипетій французскаго соціализма не касаемся. См. въ приложеніи къ рус. пер. „Исторіи соціальнаго движенія во Франціи“ *Ж. Вейля* (1906) статью *Борисовича* подъ заглавіемъ „Объединеніе французскихъ соціалистовъ“.

[2]) „Соціалистическое движеніе, проявляющееся въ существованіи соціалъ-демократіи, носящей во всѣхъ странахъ одинъ и тотъ же характеръ, стало постепенно терять дѣйствительно революціонныя черты и превратилось постепенно въ мирное политическое культурное теченіе“. *Л. Кульчицкій*. Современный анархизмъ (1907), стр. 258.

[3]) См. стр. 494 и слѣд.

[4]) Стачечное движеніе въ концѣ XIX в. было дѣйствительно, наиболѣе сильно во Франціи. Въ семидесятыхъ годахъ оно, впрочемъ, еще было слабо,

ляло ничего новаго въ исторіи борьбы капитала съ трудомъ, новымъ же было то, что на синдикаты и ихъ федерацію стала возлагаться задача самаго разрушенія существующаго соціальнаго строя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подготовленія матеріальныхъ и моральныхъ элементовъ соціалистическаго общества. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ основателей новаго направленія сдѣлался Гюберъ Лагарделль, бывшій раньше гэдистомъ, потомъ отказавшійся отъ чистаго марксизма [1]). Сущность революціоннаго соціализма заключается въ отказѣ отъ парламентской дѣятельности, какъ ни къ чему не ведущей, всѣ же свои упованія онъ возложилъ на синдикальное движеніе, которое должно воспитывать рабочій классъ и подготовлять его къ всеобщей забастовкѣ и къ захвату политической власти въ цѣляхъ общей экспропріаціи капитализма. Проповѣдь этого новаго ученія,—въ теоретической части котораго сдѣлана была попытка сочетанія марксизма съ прудонизмомъ,—нашла сочувствіе во Франціи не только среди бланкистовъ или аллеманистовъ (т.-е., въ сущности соціально-революціонныхъ элементовъ), но и среди гэдистовъ съ жоресистами, да и самъ Жоресъ отнесся къ синдикализму сочувственно (тогда какъ Гэдъ, его осудилъ). Впрочемъ, исторія революціоннаго синдикализма принадлежитъ уже XX вѣку [2]).

Распространеніе германскаго марксизма въ другихъ странахъ и большое вниманіе, какое обратилъ на себя внѣ Франціи революціонный синдикализмъ, указываютъ на то, что соціалистическое движеніе продолжало развиваться въ направленіи интернаціональности, о чемъ свидѣтельствуетъ и возобновленіе въ концѣ XIX в. международныхъ соціалистическихъ съѣздовъ.

и стачки здѣсь происходили рѣже, нежели въ Англіи и въ Бельгіи, но съ 1879 г. число ихъ стало рости (*Levasseur*, Questions ouvrières, стр. 643—644), и къ началу XX в. Франція въ этомъ отношеніи опередила другія промышленныя страны. „La France, говоритъ *Levasseur*, a maintenant le privilège peu enviable d'occuper le premier rang dans la statistique internationale des grèves, quoiqu' elle ait moins d'ouvriers ou de groupements d'ouvriers que l'Angleterre, l'Allemagne et les Etats-Unis“, стр. 740. Ср. прим. 1 на стр. 495, гдѣ приводятся слова *Левассера* о связи между синдикальнымъ и стачечнымъ движеніями.

[1]) Его органомъ сдѣлался „Le mouvement socialiste“; его „Революціонный синдикализмъ“ (1906) имѣется въ русскомъ переводѣ.

[2]) Онъ имѣетъ свою литературу, да и о немъ уже литература существуетъ. Кромѣ указанной выше работы *Лагарделля*, назовемъ: *Ж. Сорель*. Размышленія о насиліи (1907).—*Л. Козловскій*. Очерки синдикализма во Франціи (1907). — *А. Лабріола*. Реформизмъ и синдикализмъ (1907). — *Е. Сталинскій*. Новое теченіе въ соціализмѣ (1907). — *П. Струльскій*. Новая секта въ рядахъ соціалистовъ.

Послѣ распаденія Интернаціонала [1]) разныя попытки, дѣлавшіяся для возобновленія международныхъ соціалистическихъ съѣздовъ, оканчивались безуспѣшно, и только 14 іюля 1889 г., въ сотую годовщину взятія Бастиліи, удалось въ Парижѣ собрать первый большой „международный соціалистическій рабочій конгрессъ“, въ которомъ приняло участіе 467 делегатовъ изъ 20 отдѣльныхъ государствъ [2]). Рѣшивъ и на будущее время созывать такіе съѣзды, парижскій конгрессъ, кромѣ того, постановилъ, чтобы 1 мая вездѣ устраивался рабочій праздникъ въ видѣ демонстраціи въ пользу восьмичасового рабочаго дня. Намъ уже приходилось отмѣчать въ разныхъ мѣстахъ, что въ отдѣльныхъ странахъ съ 1890 г. и стали устраиваться такія соціалистическія манифестаціи [3]). Изъ-за нихъ происходили кое-гдѣ острыя столкновенія рабочихъ съ полиціей, что заставило второй международный конгрессъ соціалистическихъ рабочихъ организацій, происходившій въ Брюсселѣ, предложить внести въ эту агитацію за восьмичасовой рабочій день бо̀льшую осторожность и умѣренность. Третьему конгрессу, бывшему въ 1893 г. въ Цюрихѣ, пришлось опредѣлить свое отношеніе къ анархистамъ, которымъ не было дано мѣста среди собравшихся делегатовъ. Дѣло дошло до насильственнаго удаленія изъ залы совѣщаній наиболѣе упорныхъ анархистовъ, не пожелавшихъ подчиниться постановленію, и это, нужно прибавить, произошло и еще разъ на лондонскомъ конгрессѣ 1898 г. Принятая въ Цюрихѣ формула распространяла право участія въ международныхъ соціалистическихъ съѣздахъ лишь на тѣ партіи и общества, которыя стоятъ за необходимость, съ одной стороны, оргазаціи рабочихъ, съ другой—пользованія рабочими ихъ политическими правами для участія въ парламентской дѣятельности [4]). Кромѣ того, конгрессъ отвергъ предложенія о всемірной стачкѣ и объ отказѣ отъ исполненія воинской повинности. Два слѣдующіе года, 1894 и 1895, прошли безъ конгрессовъ, и четвертый съѣздъ состоялся лишь въ

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 165—172.

[2]) См. выше, стр. 179—180. Одновременно съ этимъ французскіе поссибилисты созвали другой такой же конгрессъ, но онъ потерпѣлъ полное fiasco.

[3]) См. выше, стр. 180, 289 (прим.), 336, 501 и др.

[4]) Противъ этого постановленія протестовалъ вождь голландскихъ соціалистовъ Ньювенгюйсъ (см. выше, стр. 397), называвшій парламентскую дѣятельность только комедіей. Анархисты обвиняли германскій соціализмъ въ томъ, что онъ принялъ государственно-соціалистическое направленіе, продолжая традиціи Луи Блана и якобинизма (о связи между ними см. т. V, стр. 324) и даже католицизма. Кропоткинъ прямо указывалъ на то, что соціализмъ сдѣлался движеніемъ универсальнымъ, управлять которымъ столь же безумно и преступно, какъ безумно и преступно стремленіе папства управлять міромъ.

1896 г., какъ было уже сказано, въ Лондонѣ. Въ промежуткѣ между третьимъ и четвертымъ конгрессами французскій національный съѣздъ въ Нантѣ [1]) и германскій во Франкфуртѣ-на-Майнѣ [2]), оба въ 1894 г., разсматривали аграрный вопросъ, который былъ предметомъ обсужденія и на лондонскомъ конгрессѣ, не принявшемъ никакого опредѣленнаго постановленія. Для пятаго конгресса, состоявшагося тоже послѣ значительнаго перерыва, мѣстомъ, какъ и для перваго, былъ выбранъ Парижъ, временемъ, какъ и въ 1889 г., годъ новой всемірной выставки, послѣдній въ XIX столѣтіи 1900 годъ. На этотъ разъ анархисты уже не добивались того, чтобы ихъ приняли на съѣздъ. Въ работахъ конгресса 1900 г. участвовало уже около 700 делегатовъ, представлявшихъ собою безъ малаго тридцать странъ. Самымъ острымъ вопросомъ на этомъ конгрессѣ былъ споръ по поводу Мильерана между жоресистами и гэдистами о томъ, можетъ ли соціалистъ участвовать въ буржуазномъ министерствѣ. Большинство конгресса въ данномъ случаѣ склонилось на сторону Каутскаго, предложившаго смотрѣть на это, не какъ на принципіальный, а какъ на чисто тактическій вопросъ. На этомъ же конгрессѣ тогдашняя англійская политика въ Южной Африкѣ [3]) и поведеніе европейскихъ державъ по отношенію къ Китаю [4]) дали поводъ осудить колоніальную политику, имперіализмъ и милитаризмъ. Важнымъ постановленіемъ парижскаго конгресса 1900 г. было учрежденіе постояннаго международнаго соціалистическаго комитета, мѣстомъ пребыванія котораго былъ выбранъ Брюссель, и на который были возложены посредни-

---

[1]) Конгрессу въ Нантѣ предшествовалъ съѣздъ въ Марсели (въ 1892 г.), и на обоихъ гэдистами была принята „аграрная программа“ съ такими пунктами, какъ организація крестьянскихъ товариществъ, покупка общинами съ помощью отъ казны сельско-хозяйственныхъ машинъ, посредническіе суды между землевладѣльцами и фермерами, вознагражденіе послѣднихъ за мелioраціи и пр.

[2]) Аграрный вопросъ для германской соціалъ-демократіи былъ вообще камнемъ преткновенія (ср. выше, стр. 509, прим. 1). И на франкфуртскомъ съѣздѣ 1894 г., и на бреславльскомъ въ 1895 этотъ вопросъ былъ предметомъ большихъ споровъ. Бебель, Либкнехтъ, Фолльмаръ и др. стояли на той точкѣ зрѣнія, что соціалъ-демократія есть партія не однихъ индустріальныхъ рабочихъ, но и крестьянъ, къ которымъ поэтому и должна придти на помощь организаціей мелкаго кредита, но большинство (съ Каутскимъ, Зингеромъ и др.) не согласилось съ предложенною аграрною реформою. См. книгу *Эд. Давида* „Соціализмъ и сельское хозяйство“ (1906), въ которой особенно важно „введеніе“ (стр. 1 — 38), гдѣ разсматривается, между прочимъ, крестьянскій вопросъ съ точки зрѣнія соціалъ-демократіи съ 1870 г. См. *В. Коништедтъ*. Аграрный вопросъ и соціалъ-демократія.—*K. Kautsky*. Die Agrarfrage (1899).—*Fr. O. Hertz*. Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Sozialismus (1899).

[3]) См. выше, стр. 261 и слѣд.

[4]) См. ниже, въ главѣ XXIV.

чество въ сношеніяхъ между соціалистическими организаціями отдѣльныхъ странъ, собираніе для нихъ разныхъ свѣдѣній и справокъ, изданіе необходимѣйшихъ и важнѣйшихъ матеріаловъ, устройство новыхъ съѣздовъ и т. п. При этомъ было постановлено, чтобы самый составъ этого комитета былъ постоянный, и чтобы была учреждена должность при немъ постояннаго же секретаря [1]).

Анархизмъ, о возникновеніи и проявленіяхъ котораго въ послѣдней трети XIX в. уже шла рѣчь въ другихъ мѣстахъ настоящаго тома [2]), за этотъ періодъ пріобрѣлъ виднаго теоретика въ лицѣ русскаго эмигранта Кропоткина [3]), который сталъ доказывать историче-

[1]) Протоколы конгрессовъ издаются. Кромѣ того, см. *А. Hamon.* Le socialisme et le congrès de Londres (1897). — Международные соціалистическіе конгрессы (1906).

[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 70 и слѣд., 350—351, 167 и слѣд., и тѣ выше, стр. 182 и слѣд., 283, 286 и слѣд., 301 и др. Со времени устраненія Бакунина отъ политической дѣятельности и послѣ его смерти первый съѣздъ анархистовъ былъ въ 1876 г. (по одному извѣстію, въ Лозаннѣ, по другому, въ Бернѣ), потомъ въ 1878 г. состоялся съѣздъ во Фрейбургѣ, въ 1879 г.—въ Шо-де-фонѣ, въ 1880 г.—еще гдѣ-то въ Швейцаріи, въ 1881 г. два—въ Парижѣ (предварительный и въ Лондонѣ и въ 1882 г.—въ Женевѣ, послѣ чего поступилъ десятилѣтній перерывъ, потомъ были съѣзды въ Каполаго (1891), Чикаго (1893) и Парижѣ (1900), не всегда удачные. *Л. Кульчицкій*, стр. 184 (глава XII: „развитіе анархическаго движенія“), *Цокколи*, стр. 340 и слѣд. Объ исключеніи анархистовъ изъ соціалистическихъ съѣздовъ см. выше, стр. 513 и *Цокколи*, стр. 361 и слѣд. За послѣдніе годы анархисты предпочитали частные съѣзды общимъ конгрессамъ, стр. 365.

[3]) Петръ Александровичъ Кропоткинъ изъ княжескаго рода, ведущаго свое происхожденіе отъ удѣльныхъ князей смоленскихъ, бѣжалъ изъ Россіи за границу въ 1876 г. и въ 1877 г. сталъ издавать въ Женевѣ „Le Revolté“, сдѣлавшійся главнымъ органомъ анархизма. Въ 1881 г. за рекомендацію пропаганды дѣйствіемъ онъ былъ высланъ изъ Швейцаріи, а въ 1883 г. приговоренъ въ Ліонѣ къ пятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ; помилованный въ 1886 г., онъ уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ и поселился навсегда. Нѣкоторыя его сочиненія (съ его именемъ или анонимно) были изданы и въ Россіи. Изложеніе взглядовъ Кропоткина есть у *Эльцбахера* (стр. 169 по рус. загран. изд. 1903 г.), *Кульчицкаго* (Современный анархизмъ, стр. 92—122), Цокколи (стр. 161 и слѣд.) и др. *Л. Кульчицкій* совершенно справедливо отводитъ Кропоткину „очень видное мѣсто въ исторіи анархизма“, какъ его „выдающемуся теоретику“, въ міровоззрѣніи котораго „анархическая мысль достигла своихъ вершинъ“, стр. 121. Говоря о другихъ новѣйшихъ анархистахъ, онъ, наоборотъ, отмѣчаетъ большею частью ихъ малую значительность въ исторіи анархизма: напр., въ ней Элиле Реклю „не занимаетъ выдающагося мѣста, не обогатилъ ее новыми идеями“, стр. 122; буквально то же сказано о Гравѣ, стр. 126; „Мостъ (о немъ т. VI, ч. 1, стр. 296) не принадлежитъ къ выдающимся теоретикамъ современнаго анархизма“, стр. 139. О томъ, что Кропоткинъ называетъ „научной позиціей анархизма“, см. у *Цокколи* на указанныхъ выше страницахъ и у него же (стр. 159—161) перечень соч. какъ самого Кропоткина, такъ и о немъ.

скую неизбѣжность анархіи, какъ одной изъ ступеней,—ступени притомъ ближайшей,—въ соціальной эволюціи. Въ послѣдней трети XIX в. анархисты по временамъ особенно заставляли о себѣ говорить по поводу своего участія въ народныхъ волненіяхъ, цѣлаго ряда динамитныхъ покушеній и совершенныхъ политическихъ убійствъ [1]), равно какъ своей пропаганды путемъ печати. Все это заставляло правительства отдѣльныхъ странъ принимать спеціальныя мѣры противъ анархизма [2]). Соціалисты и въ частности соціалъ-демократы находились съ анархистами въ постоянной враждѣ, особенно обострившейся въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. въ эпоху цюрихскаго и лондонскаго международныхъ конгрессовъ [3]), хотя и раньше, въ восьмидесятыхъ еще годахъ, были рѣзкія проявленія этой борьбы [4]).

Намъ остается только въ заключеніе этой главы остановиться на соціальномъ законодательствѣ въ пользу рабочихъ за разсматриваемый въ настоящемъ томѣ періодъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что начало фабричному законодательству было положено въ Англіи еще въ тридцатыхъ годахъ [5]), и что въ новѣйшее время примѣръ другимъ странамъ въ этомъ отношеніи былъ поданъ Германіей въ эпоху соціальной политики [6]). Съ полною несомнѣнностью можно сказать, что въ обоихъ случаяхъ т.-е. и въ Англіи въ тридцатыхъ годахъ, и въ Германіи въ восьмидесятыхъ, государство брало на себя охрану интересовъ труда подъ вліяніемъ рабочаго движенія, несмотря на большее или меньшее сопротивленіе со стороны тѣхъ, въ интересахъ которыхъ было, напротивъ, всячески охранять принципъ невмѣшательства.

---

[1]) Въ числѣ ихъ, кромѣ указывавшихся въ разныхъ мѣстахъ тома, нужно еще отнести убіеніе итальянскимъ анархистомъ Луккени въ 1898 г., австрійской императрицы Елизаветы, бывшей очень недюжинною личночтью, о которой см. англ. соч. *de Burgh'a* (есть нѣм. пер.) и норвеж. *Tschudi* (есть нѣм. пер., запрещенный въ Австріи).

[2]) Законы, которыми наказываются храненіе съ преступными цѣлями и употребленіе взрывчатыхъ веществъ, были изданы въ 1883 г. въ Англіи, въ 1884 г. въ Германіи, въ 1885 г. въ Австріи, въ 1886 г. въ Бельгіи, въ 1893 г. во Франціи, въ 1894 г. въ Швейцаріи, въ Испаніи и въ Италіи. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ странахъ были изданы спеціальные законы противъ анархистской пропаганды, анархистскихъ организацій и иныхъ проявленій анархизма, именно, въ 1886 г. въ Даніи, въ 1893 и 1894 г. во Франціи и др. Убіеніе въ 1901 г. анархистомъ президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ послужило поводомъ для изданія спеціальнаго закона и въ этой странѣ.

[3]) См. выше, стр. 513.

[4]) Въ 1887 г. одинъ соціалъ-демократъ былъ убитъ въ Швейцаріи анархистомъ.

[5]) Т. V, стр. 213 и слѣд.

[6]) См. выше, стр. 74 и слѣд.

Настоящею эпохою повсемѣстнаго развитія рабочаго законодательства были два послѣднія десятилѣтія XIX в. Въ самой Англіи конецъ семидесятыхъ годовъ (1878) былъ ознаменованъ изданіемъ общаго „акта о фабрикахъ и мастерскихъ", въ которомъ были слиты воедино, улучшены и дополнены всѣ прежніе фабричные законы (числомъ 16), а послѣ этого было издано столько новыхъ законовъ, что въ началѣ XX столѣтія понадобилась новая ихъ кодификація въ видѣ „акта о фабрикахъ и мастерскихъ 17 августа 1901 г." О германскомъ рабочемъ законодательствѣ у насъ говорилось уже въ другомъ мѣстѣ, равно какъ и о томъ, что третья республика во Франціи взялась за дѣло законодательнаго огражденія труда сравнительно поздно, хотя за послѣднее время и стала усиленно наверстывать упущенное [1]). Однимъ изъ важныхъ моментовъ въ исторіи рабочаго законодательства является учрежденіе фабричныхъ инспекторовъ. Примѣръ въ этомъ отношеніи былъ, какъ извѣстно, поданъ Англіей еще въ тридцатыхъ годахъ [2]), а въ 1891 г. надзору этихъ инспекторовъ была подчинена домашняя работа на заказчиковъ-предпринимателей, занимавшихся „выжиманіемъ" изъ рабочихъ „пота" [3]). Въ Пруссіи, ранѣе другихъ континентальныхъ государствъ выступившей на путь фабричнаго законодательства, спеціальная инспекція была учреждена только лѣтъ черезъ двадцать послѣ англійской, да и то сначала лишь факультативно — „тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ" (1853). Франція завела у себя фабричную инспекцію еще позже, только въ 1874 г., а Австрія и того еще позже—въ 1883 г. Если первые зачатки фабричнаго законодательства въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ странахъ относятся еще къ семидесятымъ годамъ (въ Даніи, въ Испаніи, въ Швейцаріи), то другія приступили къ этому дѣлу лишь въ восьмидесятыхъ и даже въ девяностыхъ: Швеція въ 1881 г., Италія въ 1886 г., Голландія и Бельгія, двѣ эти наиболѣе промышленныя страны, только въ 1889 г., Португалія въ 1891 г., Норвегія въ 1892 г. [4]). Къ этой же эпохѣ относятся первыя попытки международнаго соглашенія по охранѣ рабочихъ. Первая мысль объ этомъ была высказана въ 1880 г. швейцарскимъ союзнымъ совѣтомъ, но тогда изъ этого ничего не вышло. Только черезъ десять лѣтъ послѣ того по иниціативѣ Вильгельма II,—о чемъ тоже уже шла рѣчь выше [5]),—въ Берлинѣ была созвана международная конференція оффиціальныхъ деле-

---

[1]) См. выше, стр. 132—134.

[2]) Т. V, стр. 223, гдѣ приводится мнѣніе Маркса объ этомъ учрежденіи.

[3]) „Sweating system", о чемъ выше, стр. 455.

[4]) Россія въ 1882 г. (законъ о работѣ малолѣтнихъ и введеніе фабричной инспекціи).

[5]) См. стр. 94 и 95—96.

гатовъ, присланныхъ разными правительствами. Она дала нѣсколько общихъ постановленій, однако, безъ большого практическаго значенія [1]). Наконецъ, и въ 1900 г. собирался въ Парижѣ конгрессъ по международной законодательной охранѣ рабочихъ, создавшій для разработки этого вопроса особую ассоціацію съ постояннымъ комитетомъ [2]).

XXIV. Міровая политика въ концѣ XIX в. [3]).

Тройственный и франко-русскій союзы и англо-германское соперничество въ концѣ XIX в.—Царство вооруженнаго мира въ Европѣ.—Ближне-восточный вопросъ въ концѣ XIX в.—Новое положеніе, занятое Германіей на Ближнемъ Востокѣ. — Возникновеніе міровыхъ вопросовъ въ области политики. — Раздѣлъ Африки между европейскими націями. — Англо-французскія и англо-русскія отношенія въ Азіи. — Китайскій вопросъ конца XIX вѣка. — Начало борьбы за Великій океанъ. — Выступленіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ на поприще міровой политики. — Испанско-американская война. — Установленіе постоянныхъ міровыхъ сношеній.

Въ изложеніи международныхъ отношеній послѣдней трети XIX в., которымъ посвящены XII и XIII главы настоящаго тома „Исторіи

---

[1]) Вотъ какъ опредѣляетъ значеніе этой конференціи французскій экономистъ *E. Levasseur*: „международнаго соглашенія относительно общей регламентаціи не состоялось, но эти вопросы, стоявшіе уже на очереди, послѣ этого стали больше обсуждаться (ont eu plus de retentissement); они изучались съѣздами, по поводу ихъ образовались ассоціаціи, новые законы были приняты въ большей части государствъ“. Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république (1907), стр. 437.

[2]) Главнѣйшія данныя, касающіяся самого содержанія законовъ по охранѣ труда, можно найти въ курсахъ политической экономіи (напр., у *Туганъ-Барановскаго*, на стр. 599—612 съ указаніями, на стр. 612, на спеціальную литературу), въ первой части книги *А. Н. Быкова* „Фабричное законодательство и развитіе его въ Россіи“ (1909) т. п. Такъ какъ одною изъ особенно часто упоминаемыхъ задачъ рабочаго движенія является установленіе восьмичасового рабочаго дня, сдѣлавшагося особенно популярнымъ въ рабочихъ массахъ въ концѣ XIX в. (ср. выше, стр. 504 и др.), то указываемъ, что о немъ существуетъ значительная литература: работы *Вебба и Кокса, Дж. Ре, Каутскаго, Кричевскаго, Мижуева* и др.

[3]) Кромѣ сочиненій, названныхъ выше, на стр. 1—2, 24—25, 29, 34, 39, 40, 44, 48, 58, 59 и др., можно еще указать цѣлый рядъ книгъ. Въ концѣ 1908 г. вышелъ въ свѣтъ послѣдній томъ роскошно иллюстрированной „Weltgeschichte“ разныхъ авторовъ подъ редакціей *von Pflugk-Harttung'a*. Послѣдніе два отдѣла этого тома охватываютъ исторію послѣднихъ тридцати лѣтъ XIX в. Одинъ изъ нихъ (V) озаглавленъ „Entstehung eines Weltstaatensystems“ и написанъ *F. Brandenburg'омъ* (стр. 399 — 595), другой (VI) посвященъ „Europäische Expansion in Vergangenheit und Gegenwart“ и принадлежитъ перу *K. Lamprecht'a* (стр. 599—625). Внутренней исторіи западно-европейскихъ го-

Западной Европы въ новое время", мы остановились на томъ моментѣ, когда континентальныя державы Европы составили два большихъ союза: тройственный, образовавшійся еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ изъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, и франко-русскій создавшійся въ противовѣсъ ему въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія. Эта международная комбинація перешла и въ XX вѣкъ, сдѣлавшись, такимъ образомъ, довольно прочною основою внѣшней политики пяти названныхъ государствъ. Что касается до Англіи, то она стояла внѣ обоихъ союзовъ, въ положеніи „блестящей изолированности",

---

сударствъ отведено въ первомъ изъ названныхъ отдѣловъ сравнительно очень мало мѣста, главное же вниманіе посвящено міровой политикѣ.—*E. Marcks.* Die imperialístische Idee der Gegenwart.—*O. Hintze.* Imperialismus und Weltpolitik.—*P. Reinsch.* World politics (1904). — *E. Seillière.* Philosophie de l'impérialisme (1903 — 1907). — *E. Kretzer.* Imperialismus und Romantik. Kritische Studie über E. Seillières „Philosophie des Imperialismus" (1909). — *Vosberg-Rekow.* Nation und Welt. Batrachtungen über Grundlagen und Aussichten der deutschen Weltpolitik (1907). — *M. Lair.* L'impérialisme allemand. — *W. Liebknecht.* Weltpolitik, Chinawirren und Transwaalkrieg (1900). — Въ только-что вышедшемъ въ свѣтъ трудѣ *E. Lémonon*'а „L'Europe et la politique britannique" (1909) очень много о колоніальной политикѣ и имперіализмѣ.—Нѣкоторое отношеніе къ темѣ главы имѣетъ и книга *P. Rohrbach*'а „Deutschland unter den Weltvölkern" (1903; 2 изд. 1908 г.), въ которой рѣчь идетъ не объ одной Германіи и разсматриваются взаимныя отношенія міровыхъ державъ какъ въ Европѣ, такъ и внѣ ея. — *H. Ditzel.* Weltwirtschaft und Volkswirtschaft (1900). — *K. Kindermann.* Deutschlands wirtschaftliche Weltstellung (1909). — *С. Гулишамбаровъ.* Всемірная торговля въ XIX в. (1898). — По вопросу о раздѣлѣ Африки см. *I. Scott Keltie.* The partition of Africa (1893). — *Darcy.* La conquête de l'Afrique. — *T. von Ortroy.* Conventions internationales concernant l'Afrique (1894).—*R. de Caix de Saint-Aymour.* Le partage de l'Afrique (глава въ исторіи *Лависса* и *Рамбо*; см. выше, стр. 24). — *V. Deville.* Partage de l'Afrique (1898). — *H. Lorin.* L'Afrique à l'entrée du XX siècle.—*Θ. Мартенсъ.* Африканская конференція въ Берлинѣ („Вѣстн. Евр." за 1885 г.).—*G. Hanotoux.* Le partage de l'Afrique. Fachoda.— *Herstlet.* The map of Africa by treatises. — Для Азіи: *Albrecht Wirth.* Geschichte Asiens und Osteuropas (1905; во второй, меньшей части этого труда, стр. 457—653, разсматривается эпоха „Europäerherrschaft" въ Азіи).—*Rouire.* La rivalité anglo-russe an XIX siècle en Asie. — *H. Cordier.* Histoire des relations de la Chine avec les puissances occidentales. 1860—1902 (1901 —1902).— Для Америки: *E. v. Hesse-Wartegg.* Amerika, als neuste Weltmacht der Industrie (1909).—*A. Viallate.* L'industrie américaine (1908). — *A. C. Coolidge.* Die Vereinigten Staaten als Weltmacht (1908; пер. съ англ.).—*Ch. Benoist.* L'Espagne, Cuba et les États Unis.—Статья о томъ же предметѣ *Olivart*'а въ „Rev. gén. du droit international publique" (1897).—Для международнаго общенія: *Казанскій.* Всеобщіе административные союзы государствъ (1897).— *Weithase.* Geschichte des Weltpostvereins (1895). — *Schröter.* Der Weltpostverein. Geschichte seiner Gründung und Entwickelung in 25 Jahren (1900).—L'union postale universelle. Sa fondation et son développement (изд. Бернскаго бюро 1900 г.).

какъ одно время объ этомъ любили выражаться [1]). Правда, въ 1890 г. произошло нѣкоторое сближеніе между Англіей и Германіей, когда первая даже уступила второй островъ Гельголандъ [2]),—сближеніе, сильно подвинувшее впередъ уже ранѣе существовавшій вопросъ о франко-русскомъ союзѣ [3]), но мало-по-малу между Германіей и Англіей обнаружился такой антагонизмъ экономическихъ и политическихъ интересовъ, что ихъ сближеніе 1890 года оказалось чисто-временнымъ, и англійская политика стала проявлять тяготѣніе къ новой, англо-франко-русской комбинаціи, къ той самой, какая уже устанавливалась въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIX в., во времена битвы при Наваринѣ [4]). Сначала Англія сблизилась съ Франціей (въ 1904 г.), потомъ съ Россіей (1907), но это уже относится къ исторіи XX столѣтія, находящейся внѣ рамокъ настоящаго тома.

Со стороны Вильгельма II въ началѣ девяностыхъ годовъ дѣлалось все, что только было можно, для привлеченія Англіи на сторону тройственнаго союза, бывшаго вновь подтвержденнымъ въ 1891 г. Съ этою цѣлью онъ довольно регулярно ѣздилъ въ Англію на болѣе или менѣе продолжительное время навѣщать свою престарѣлую бабушку и пользовался всякими поводами произносить рѣчи, въ которыхъ подчеркивалъ расовое родство англійскаго и нѣмецкаго народовъ и высказывался въ смыслѣ необходимости солидарнаго выступленія обѣихъ націй въ международной политикѣ. Со стороны Англіи въ эти годы тоже обнаруживалось стремленіе ближе держаться Германіи въ виду соперничества съ Франціей и Россіей по африканскимъ и азіатскимъ дѣламъ [5]). Однако, уже тогда начинала проявляться и противоположность англо-германскихъ интересовъ. Когда Англія заключила одинъ договоръ съ государствомъ Конго, который казался одинаково противорѣчащимъ интересамъ и Германіи, и Франціи, обѣ эти державы, принадлежавшія къ двумъ различнымъ политическимъ лагерямъ, заявили протестъ, возымѣвшій дѣйствіе въ смыслѣ измѣненія нѣкоторыхъ условій договора. Конечно, въ Англіи этимъ не могли быть довольны, какъ не были довольны и происшедшимъ въ началѣ царствованія въ Россіи императора Николая II улучшеніемъ русско-германскихъ отношеній [6]). Совсѣмъ уже испортилъ отношеніе къ себѣ въ Англіи Вильгельмъ II, когда послалъ свою знаменитую телеграмму трансваальскому президенту Крюгеру по поводу отраженія англій-

---

[1]) См. выше, стр. 262.
[2]) См. выше, стр. 16.
[3]) См. выше, стр. 19.
[4]) Т. V, стр. 12—13.
[5]) См. выше, стр. 35, 47 и др.
[6]) См. выше, стр. 110.

скаго „разбойничьяго нападенія“ Джемсона на одну изъ бурскихъ республикъ Южной Африки [1]). Но болѣе всего вліянія на ухудшеніе англо-германскихъ отношеній оказали страхи, которые возникли по поводу успѣховъ германской промышленности, начавшей очень успѣшно конкуррировать съ англійскою [2]). Теперь самою опасною соперницею для Англіи въ міровой торговлѣ и политикѣ стала казаться Германія, и потому старые счеты съ Франціей и Россіей отошли въ Англіи на задній планъ, чѣмъ и была подготовлена новѣйшая англо-франко-русская комбинація.

Условія обоихъ союзовъ, образовавшихся на континентѣ Европы, остались неизвѣстными для лицъ, не посвященныхъ въ дипломатическія тайны соотвѣтственныхъ государствъ. Оба союза одинаково заявляли, что цѣль ихъ—охрана всеобщаго міра, и дѣйствительно, результатомъ обоихъ союзовъ было то, что могло бы быть и слѣдствіемъ общаго соглашенія, но попытка общаго соглашенія на счетъ уменьшенія разоруженій [3]) не привела ни къ чему, и государства попрежнему продолжали усиливать свои вооруженія и на сушѣ, и на морѣ. Впрочемъ, страхъ войны между европейскими державами сдѣлался столь вліятельнымъ факторомъ международной политики, что правительства стали все рѣже и рѣже прибѣгать къ запугиванію другъ друга возможностью войны, предпочитая вступать между собою въ компромиссы. Уже съ окончанія франко-германской войны наступило это царство вооруженнаго мира между великими державами Европы [4]). Такъ какъ за все это время военная техника дѣлала постоянные успѣхи,—что заставляло европейскія государства находиться какъ бы въ хроническомъ состояніи перевооруженій въ зависимости отъ разныхъ новыхъ изобрѣтеній въ военномъ дѣлѣ, дабы не отставать отъ сосѣдей,—то и это являлось своего рода гарантіей мира. Въ иныхъ случаяхъ, когда прежде, того и гляди, вспыхнула бы война, правительства теперь отказывались отъ того, чтобы мѣряться силами, предпочитая поступать такъ или иначе въ зависимости отъ подсчета своихъ и враждебныхъ силъ, въ смыслѣ возможной помощи отъ союзниковъ, дѣлающейся все болѣе и болѣе проблематическою, состоянія собственныхъ финансовъ и большей или меньшей военной подготовленности, которая, благодаря все новымъ изобрѣтеніямъ, всегда оказывается оставляющею еще очень многаго желать. Современное состояніе промышленности также требовало мира въ интересахъ самихъ же капиталистическихъ предпринимателей, все болѣе и болѣе

---

[1]) См. выше, стр. 39 и 106.

[2]) См. выше, стр. 257—258.

[3]) См. выше, стр. 21—23.

[4]) См. выше, гл. IV.

дѣлавшихся вліятельными въ политическомъ отношеніи, хотя бы, съ другой стороны, они отнюдь не являлись противниками милитаризма, поскольку послѣдній поддерживалъ спеціальную промышленность [1]), или поскольку они, наприм., не отрицали военной политики по отношенію къ другимъ частямъ свѣта. Господствующіе общественные классы не могли не понять той истины, что европейская война нанесла бы страшнѣйшій вредъ всѣмъ экономическимъ интересамъ Европы при тѣхъ тѣсныхъ отношеніяхъ, какія установились между отдѣльными ея странами, благодаря не знающему отечества капитализму, благодаря иностраннымъ денежнымъ бумагамъ, котирующимся на европейскихъ биржахъ, дѣятельному торговому обмѣну, развитію желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ, телеграфныхъ сношеній и т. п. Если бы Европу посѣтили бѣдствія войны, въ выигрышѣ отъ этого была бы только Америка, и это также заставляло господствующіе классы и правительства задумываться надъ вопросами войны и мира и надъ вопросами общеевропейскихъ интересовъ. Ко всему сказанному нужно прибавить и возрастающее, какъ-никакъ, вліяніе и идеологическихъ факторовъ мира, благодаря все сильнѣе и сильнѣе проникающему въ сознаніе интеллигенціи и рабочихъ классовъ отвращенію къ войнѣ [2]).

Однимъ изъ международныхъ вопросовъ, въ которомъ считали себя заинтересованными всѣ великія державы и по которому находили нужнымъ дѣйствовать солидарно, былъ въ XIX в. восточный вопросъ, или, какъ стали его называть въ настоящее время, вопросъ Ближняго Востока въ отличіе отъ другого, дальне-восточнаго вопроса, о которомъ рѣчь въ настоящей главѣ идетъ ниже. Послѣднимъ созданіемъ „европейскаго концерта“ въ ближне-восточномъ вопросѣ былъ берлинскій трактатъ 1878 г., разсмотрѣнный нами въ своемъ мѣстѣ [3]). Послѣ него задачею „концерта“ великихъ державъ должна была сдѣлаться охрана постановленій этого трактата, огражденіе создавшагося status quo отъ какихъ бы то ни было нарушеній, но такъ какъ постановленія берлинскаго конгресса противорѣчили жизненнымъ потребностямъ христіанскихъ народовъ, оставшихся подъ властью турецкаго султана, то нарушенія трактата оказывались неизбѣжными. Тогда наступала очередь для новыхъ проявленій „европейскаго концерта“, въ большинствѣ случаевъ стремившагося не допускать ликвидаціи наслѣдства „больного человѣка“, такъ какъ эта ликвидація заключала въ себѣ угрозу европейскому миру.

Первымъ нарушеніемъ берлинскаго трактата было упоминав-

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 130 и слѣд.
[2]) См. въ книгѣ *Бліоха* мѣста, указанныя выше, на стр. 483.
[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 413 и слѣд.

шееся нами [1]) присоединеніе къ Болгарскому княжеству автономной Восточной Румеліи, вызвавшее протестъ со стороны Россіи. Уже этотъ случай показалъ, что полнаго согласія со стороны великихъ державъ въ ближне-восточномъ вопросѣ не было. Англія одобрила переворотъ, Германія и Италія отнеслись къ нему снисходительно, но Австро-Венгрія и Франція заявили о необходимости сохраненія въ силѣ берлинскаго трактата. Никто, однако, не пошевелилъ пальцемъ, чтобы помѣшать возсоединенію двухъ частей Болгаріи, а когда низложеннаго военнымъ заговоромъ сторонниковъ Россіи князя Александра Баттенбергскаго, признаннаго султаномъ въ качествѣ генералъ-губернатора Восточной Румеліи, замѣнилъ принцъ Фердинандъ Саксенъ-Кобургскій, то непризнаваніе его въ теченіе довольно долгаго времени великими державами ни малѣйшимъ образомъ не помѣшало ему сдѣлаться фактическимъ государемъ Болгаріи (1887). Общее дѣйствіе державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ, оказалось невозможнымъ. Больше единодушія проявили они, чтобы блокадою, при помощи своихъ флотовъ, береговъ Греціи удержать это государство отъ войны въ защиту эллинизма противъ усиленія Болгаріи, но и тутъ Франція воздержалась отъ участія въ этомъ давленіи на Грецію.

Косвенная поддержка, оказывавшаяся Австро-Венгріей и Германіей враждебному по отношенію къ Россіи направленію болгарской политики, была одною изъ причинъ того, что Россія стала склоняться къ сближенію съ Франціей, и болгарская неурядица окончилась лишь тогда, когда князь Фердинандъ смирился передъ Россіей (1896).

Другимъ вопросомъ ближняго Востока, по поводу котораго также обнаружилось разстройство европейскаго концерта, былъ вопросъ армянскій. Въ 1893 — 94 г. произошли возстанія армянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ азіатскихъ владѣній Турціи, подавленныя, однако, съ страшною жестокостью. Англія, Франція и Россія сдѣлали Портѣ напоминаніе о необходимости осуществленія реформъ, обѣщанныхъ ею на берлинскомъ конгрессѣ, но провозлашеніе Портою реформъ сдѣлалось сигналомъ для ужасающаго избіенія армянъ, въ которомъ дѣло не обошлось безъ участія самихъ же турецкихъ властей. Это было повтореніемъ болгарскихъ ужасовъ [2]): въ началѣ 1896 г. насчитывали болѣе 37 т. убитыхъ христіанъ, чуть не 300 т. пущеннымъ по міру и т. п. Въ отместку на это и для того, чтобы обратить на себя вниманіе Европы, армяне въ Константинополѣ совершили вооруженное нападеніе на банкъ, на что султанъ отвѣтилъ организаціей рѣзни армянъ на улицахъ своей столицы (въ августѣ 1896 г.). Во время армянскихъ избіеній

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 421.
[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 401.

Англія предложила совершить европейское вмѣшательство въ дѣла Турціи, но на этотъ разъ идея вмѣшательства встрѣтила несочувствіе со стороны Россіи, одному изъ дипломатовъ которой приписывали такія слова: „намъ совсѣмъ нежелательно, чтобы для насъ изъ Арменіи устроили новую Болгарію". Франція поддержала русскую точку зрѣнія, къ чему присоединилась и Германія съ Австро-Венгріей—во избѣжаніе политическихъ осложненій. Султанъ былъ спасенъ отъ принудительныхъ дѣйствій со стороны „европейскаго концерта", и это обстоятельство подняло русское вліяніе въ Константинополѣ, тѣмъ болѣе, что и Болгарія около этого времени возстановила свои прежнія хорошія отношенія къ Россіи. Нужно, однако, прибавить, что очень скоро, какъ мы еще увидимъ, самою вліятельною державою въ Константинополѣ сдѣлалась Германія.

Одновременно съ армянскими событіями произошли осложненія и на островѣ Критѣ (или, какъ онъ называется на Востокѣ, Кандіи), гдѣ положеніе христіанъ также сдѣлалось опаснымъ. Въ данномъ случаѣ великія державы довольно солидарно настояли на осуществленіи реформъ, даже образовавъ для наблюденія за ихъ проведеніемъ особую коммиссію изъ своихъ представителей, которая должна была пребывать въ городѣ Канеѣ (1896). За своихъ критскихъ соплеменниковъ вздумали, однако, заступиться греки Эллинскаго королевства, начавшаго поэтому готовиться къ войнѣ. Когда Греція показала, что она не желаетъ повиноваться предостереженіямъ „европейскаго концерта", великія державы сосредоточили въ критскихъ водахъ международную эскадру, но и это не помогло. Греческая эскадра, во главѣ которой находился королевичъ Георгій, направилась къ берегамъ острова, а затѣмъ произошла и высадка на берегъ греческаго отряда подъ начальствомъ полковника Вассоса, провозгласившаго присоединеніе Крита къ Греческому королевству. Тогда наступили рѣшительныя дѣйствія со стороны „европейскаго концерта": островъ былъ подвергнутъ международной блокадѣ, и мѣстности, занятыя на берегахъ инсургентами, стали обстрѣливаться изъ дальнобойныхъ орудій европейскихъ военныхъ судовъ, что принудило греческую эскадру отплыть изъ критскихъ водъ.

Дѣлая попытку присоединенія Крита, Греція хорошо знала, что она начинала войну съ Турціей: она расчитывала на содѣйствіе Англіи, отказавшейся въ это время отъ своей прежней туркофильской политики, равно какъ на то, что въ войнѣ примутъ участіе Румынія, Сербія и Болгарія, а въ Македоніи произойдетъ возстаніе. Всѣ эти надежды, однако, обманули грековъ, такъ какъ Англія не пошла противъ согласнаго заступничества континентальныхъ державъ за Турцію, а балканскія страны были удержаны отъ войны съ Турціей очень энергич-

ными представленіями Россіи и Австро-Венгріи. Греціи пришлось поэтому одной вести войну, которая получила для нея крайне неблагопріятное теченіе. Ѳессалія чрезвычайно быстро была занята турками, но въ это время русскій государь послалъ султану телеграмму о пріостановкѣ дальнѣйшаго движенія и заключеніи перемирія (въ маѣ 1897 г.), послѣ чего великія державы, по просьбѣ Греціи, вступили съ Турціей переговоры объ условіяхъ мира. Эти переговоры были очень продолжительны, причемъ греческіе интересы особенно отстаивались Англіей, тогда какъ Германія, наоборотъ, проявила особую заботливость о Турціи. Греція должна была уступить часть своей территоріи, очень важную въ стратегическомъ отношеніи, и уплатить контрибуцію приблизительно въ 40 милліоновъ рублей, считая на русскія деньги, и Германія настояла при этомъ, чтобы Ѳессалія оставалась занятою турками, пока не будетъ заключенъ заемъ для уплаты Греціей этой контрибуціи. Германія также особенно настаивала еще и на томъ, чтобы въ Аѳинахъ была учреждена международная коммиссія для наблюденія за полученіемъ и употребленіемъ доходовъ, обезпечивавшихъ уплату Греціей ея новаго и прежнихъ долговъ: въ данномъ случаѣ изъ Берлина хлопотали о нѣмецкихъ держателяхъ греческихъ бумажныхъ цѣнностей. Мало того, въ началѣ 1898 г. Германія и Австро-Венгрія какъ бы вышли изъ состава европейскаго концерта, такъ что дальнѣйшее регулированіе греческаго и критскаго вопроса осталось на рукахъ прочихъ четырехъ великихъ державъ. Англія, Франція и Россія гарантировали Греціи заемъ и потребовали наискорѣйшаго очищенія Ѳессаліи отъ турецкихъ войскъ. Тѣ же три державы и Италія добились у султана объявленія автономіи Крита съ назначеніемъ греческаго королевича Георгія на постъ генералъ-губернатора этого острова.

Критскій вопросъ былъ улаженъ, но это только еще болѣе содѣйствовало обостренію отношеній въ Македоніи и Арменіи, гдѣ опять начались волненія и звѣрскія усмиренія со стороны турокъ. Общественное мнѣніе въ разныхъ странахъ Европы требовало, чтобы великія державы вмѣшались въ пользу македонцевъ и армянъ, но принятое державами направленіе было для этого крайне неблагопріятно. Сохраненіе status quo на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи сдѣлалось цѣлью усилій со стороны всѣхъ правительствъ, въ особенности же со стороны Россіи и Австріи, которыя въ 1897 г. положили начало соглашенію о раздѣленіи сферъ вліяній обѣихъ державъ на Балканскомъ полуостровѣ [1]).

Германія недаромъ оказала услугу Турціи при заключеніи мира съ Греціей въ 1897 году. Германской дипломатіи удалось внушить

---

[1]) Ср. т. VI, ч. 1, стр. 21, примѣч.

султану мысль, что лучшимъ другомъ Оттоманской имперіи является германскій императоръ, и это Вильгельмъ II старался потомъ всячески оправдать. Германское вліяніе въ Константинополѣ стало брать рѣшительный перевѣсъ надъ русскимъ, что открыло передъ Германіей широкія политическія перспективы въ духѣ міровой политики.

Въ 1898 г., осенью, Вильгельмъ II съ императрицею совершилъ обставленное необычайною пышностью путешествіе въ Іерусалимъ. По дорогѣ въ Палестину онъ заѣзжалъ въ Константинополь, гдѣ ему былъ оказанъ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ самый торжественный пріемъ, еще болѣе закрѣпившій узы только-что сложившейся политической дружбы между Германской и Оттоманской имперіями. Въ Іерусалимѣ въ день празднованія реформаціи, 31 октября, германскій императоръ принялъ участіе въ освященіи евангелической церкви во имя Спасителя и воспользовался этимъ торжествомъ, на которое было приглашено немало германскихъ и иностранныхъ протестантовъ, чтобы произнести рѣчь объ историческомъ значеніи событія. Дабы показать, что германскій императоръ является императоромъ не только протестантовъ, но и католиковъ, Вильгельмъ II отдалъ германскому католическому ферейну въ Іерусалимѣ уступленное ему изъ дружбы Абдулъ-Гамидомъ мѣсто „Успенія Св. Дѣвы“ (Dormitio Mariae), которое раньше христіане ни за какія деньги не могли пріобрѣсти отъ турокъ. При этомъ въ противовѣсъ традиціонному французскому протекторату надъ католиками въ Св. Землѣ, поддерживавшемуся и папствомъ [2]), Вильгельмъ II заявлялъ, что всѣ германскіе подданные въ Палестинѣ находятся подъ охраною имперіи и что, благодаря этому, евангелики пользуются совершеннымъ равноправіемъ съ греческою и римскою церквами. Порта поспѣшила въ согласіи съ этими заявленіями оффиціально дать знать Ватикану, что протекторатъ надъ германскими католиками въ Оттоманской имперіи отнынѣ будетъ принадлежать самой Германіи. Вильгельмъ II старался расположить въ свою пользу и мусульманское населеніе, подвластное Турціи. Въ Дамаскѣ въ честь Вильгельма II былъ устроенъ банкетъ, на которомъ онъ произнесъ рѣчь, назвавъ себя всегдашнимъ неизмѣннымъ другомъ 300 милліоновъ мусульманъ, которые признаютъ своимъ халифомъ султана Абдулъ-Гамида. Не малое впечатлѣніе на мусульманъ произвело и то, что Вильгельмъ II возложилъ въ Дамаскѣ вѣнокъ на гробницу султана Саладина, современника третьяго крестоваго похода. Этой своей поѣздкѣ германскій императоръ вообще старался придать высокое политическое значеніе, и самый въѣздъ

---

[7]) См. выше, стр. 358—359.

его въ Берлинъ по возвращеніи изъ путешествія былъ обставленъ особою торжественностью.

Установленіемъ турецко-германской дружбы въ 1898 г. завершилось уже ранѣе начавшееся проникновеніе германскаго вліянія въ дворецъ Абдулъ-Гамида. Еще въ 1883 г. султанъ пригласилъ прусскаго генерала фонъ-деръ-Гольца стать во главѣ константинопольской военной школы и вмѣстѣ съ этимъ реформировать турецкую армію по германскому образцу. Одновременно съ этимъ начался и приливъ въ Турцію германскихъ капиталовъ. Въ 1888 г. Германскій банкъ въ Берлинѣ получилъ на 99 лѣтъ концессію на желѣзную дорогу въ Малой Азіи до Ангоры, а техническую сторону дѣла взяло на себя „Нѣмецкое общество для постройки мало-азіатскихъ дорогъ", когда же желѣзнодорожный путь дошелъ до Ангоры (1892), названный банкъ получилъ право дальнѣйшаго продолженія желѣзнодорожной линіи—въ направленіи къ Багдаду, довести путь до котораго концессія была дана въ 1902 г. особому германско-французскому обществу. Вопросъ о постройкѣ желѣзной дороги въ сторону Персидскаго залива долгое время тормазился подъ вліяніемъ преимущественно англійской дипломатіи, но когда Вильгельмъ II посѣтилъ султана, дѣло получило вполнѣ благопріятный для германскихъ интересовъ оборотъ. Багдадская желѣзная дорога, имѣющая связать Босфоръ съ Персидскимъ заливомъ, открываетъ для германской торговли и колонизаціи, равно какъ и для политическаго вліянія Германской имперіи доступъ въ Азію, гдѣ раньше у нѣмцевъ не было почти никакихъ интересовъ. Германское движеніе въ Малую Азію и дальше къ нижнему теченію Тигра и Евфрата относится къ той міровой политикѣ, въ которую Германія вступила въ восьмидесятыхъ годахъ.

Разсматривая колоніальныя предпріятія европейскихъ націй съ восьмидесятыхъ годовъ XIX в. [1]), мы уже познакомились съ тѣмъ, какъ широко распространяли эти націи свою власть надъ внѣ-европейскими территоріями. Выше уже отмѣчалось, что это развитіе колоніальной политики не могло не отразиться на международныхъ отношеніяхъ въ самой Европѣ, такъ какъ чисто-европейскіе вопросы, къ числу которыхъ относится ближне-восточный, перестали уже играть прежнюю роль въ виду возникновенія новыхъ, міровыхъ вопросовъ, касающихся другихъ частей свѣта, въ связи съ тѣми политическими стремленіями, которыя получили въ концѣ XIX в. названіе „имперіализма" [2]). Прежняя система пяти-шести великихъ державъ, какъ мы видѣли въ

---

[1]) Выше, въ главѣ XIV.

[2]) См. выше, стр. 33—34, 43—44, 257—259 и др.

другомъ мѣстѣ [1]), замѣнилась другою — системою міровыхъ державъ, въ которой нѣтъ мѣста ни для Австро-Венгріи, ни для Италіи, но въ которой получили, на рубежѣ XIX и XX вв., мѣсто Соединенные Штаты Сѣверной Америки и въ которой стала стремиться играть роль и совсѣмъ новая политическая величина—Японія. Въ самомъ концѣ XIX в. два историческихъ событія обращаютъ на себя особое вниманіе въ качествѣ крупныхъ явленій всемірно-политическаго значенія, именно раздѣлъ Африки между отдѣльными европейскими націями и новая роль, какую началъ играть въ международныхъ отношеніяхъ европейскихъ и азіатскихъ націй Великій океанъ.

Какія части Африки какими европейскими націями были заняты съ восьмидесятыхъ годовъ XIX в., это мы видѣли въ главѣ, посвященной колоніальной политикѣ. Хотя берега африканскаго материка давно уже стали покрываться стоянками португальцевъ, а позднѣе французовъ, голландцевъ и англичанъ, но въ глубь материка европейцы не шли, и самъ онъ на извѣстномъ разстояніи отъ береговъ оставался мало извѣстнымъ: если туда и отправлялись путешественники изъ цивилизованныхъ націй, то это были либо ученые изслѣдователи невѣдомыхъ странъ, либо миссіонеры, шедшіе проповѣдовать евангеліе. Съ восьмидесятыхъ годовъ, какъ сказано, Африка сдѣлалась главною ареною колоніальныхъ завоеваній, ибо изъ всѣхъ материковъ это былъ единственный, который еще не имѣлъ владѣльцевъ за исключеніемъ дикихъ или полудикихъ племенъ, которыхъ европейскія націи никогда и нигдѣ не считали за настоящихъ владѣльцевъ. Въ самое короткое время въ Африкѣ все было расхватано, и если бы колоніальныя націи захотѣли и дальше расширять здѣсь свои владѣнія, то имъ пришлось бы это дѣлать на счетъ другъ друга. Самый захватъ тѣхъ или иныхъ территорій не могъ не затрогивать взаимныхъ интересовъ европейскихъ націй, а это неминуемо должно было или приводить къ войнамъ, или вызывать необходимость въ соглашеніяхъ. Европейскія державы предпочитали идти по этому второму пути.

Уже въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ вопросъ о дѣлежѣ нѣкоторыхъ частей Африки вызвалъ необходимость созыва международной конференціи, которая была собрана въ Берлинѣ осенью 1884 г. и окончила свои занятія въ началѣ 1885 г. Заключительный актъ этой конференціи былъ подписанъ представителями Германіи, Австро-Венгріи, Бельгіи, Даніи, Испаніи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ [2]), Франціи, Англіи, Италіи, Нидерландовъ, Португаліи, Россіи, Швеціи съ Норвегіей и Турціи. Эта конференція была обязана своимъ созывомъ

---

[1]) См. выше, стр. 23.

[2]) Съ ихъ стороны, однако, ратификаціи не послѣдовало.

иниціативѣ Бисмарка, который, очевидно, желалъ, съ одной стороны, дать вѣсъ Германіи въ вопросахъ міровой политики, а съ другой, повидимому, былъ непрочь въ данномъ случаѣ дѣйствовать заодно съ Франціей, такъ какъ первое обращеніе съ предложеніемъ сообща регулировать африканскія отношенія было сдѣлано Бисмаркомъ именно по адресу французскаго правительства. Только заручившись согласіемъ послѣдняго, Бисмаркъ заявилъ протестъ противъ одного договора, заключеннаго незадолго передъ тѣмъ между Англіей и Португаліей относительно нѣкоторыхъ территорій. Берлинская конференція признала существованіе независимаго государства Конго [1]) и установила свободу торговли во всемъ бассейнѣ рѣки этого имени, а также правовыя нормы относительно пріобрѣтенія на берегахъ Африки территоріальнаго верховенства [2]).

Послѣ этого африканскія дѣла были особенно часто предметомъ соглашеній между отдѣльными государствами, какъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и поводами къ столкновеніямъ. Одна Германія по разграниченію сферъ интересовъ въ Африкѣ заключала договоры съ Англіей 1 ноября 1886 г. [3]), 1 іюля 1890 г., 15 ноября 1893 г. [4]), съ Португаліей 30 декабря 1886 г., съ Франціей 15 марта 1894 г. и 23 іюля 1897 г. [5]). Едва только основалось независимое государство Конго, позднѣе сдѣлавшееся достояніемъ Бельгіи, какъ черезъ нѣсколько времени и ему пришлось улаживать свои пограничныя отношенія путемъ

---

[1]) См. выше, стр. 59—60.

[2]) Въ международномъ правѣ этимъ и другими соглашеніями было создано понятіе „Hinterland'овъ", или заднихъ земель колоній (или же „сферъ интересовъ"), т.-е. территорій, въ которыхъ тому или другому государству „принадлежитъ не государственная власть, а ближайшимъ образомъ лишь исключительное право на завладѣніе, равно какъ право, еще до осуществленія этого завладѣнія, не допускать дѣйствій постороннихъ государственныхъ властей". *Францъ Листъ.* Международное право въ систематическомъ изложеніи (1909), стр. 99. Авторъ главы о раздѣлѣ Африки въ XII томѣ „Исторіи" *Лависса* и *Рамбо (R. de Caix de Saint-Aymour)* говоритъ: „L'acte de Berlin est resté presque sur tous les points une solennelle, mais vaine manifestation de bonne volonté diplomatique... L'acte de Berlin édictait diverses procédures pour l'occupation des territoires africains, ou pour l'arbitrage en cas de disputes, mais en ces diverses matières il est presque toujours resté lettre morte", стр. 848—849.

[3]) Въ 1886 г. былъ еще англо-германскій договоръ (9 апрѣля) относительно Великаго океана.

[4]) И въ самомъ началѣ XX в. (23 февраля 1901 г.) былъ еще англо-германскій договоръ по дѣламъ Африки.

[5]) Объ этихъ договорахъ уже есть спеціальная литература: *Van Ortroy.* Conventions internationales définnissant les limites actuelles des possessions, protectorats et sphères d'influence en Afrique (1898). — *Zorn.* Deutsche Kolonialgesetzgebung (1901).

цѣлаго ряда договоровъ съ Португаліей, съ Англіей и съ Франціей (24 марта, 12 мая и 14 августа 1894 г.), причемъ въ одномъ случаѣ въ дѣло вмѣшалась и Германія, чтобы потребовать уничтоженія невыгодной для нея статьи англо-конгскаго договора. Вообще между англичанами и нѣмцами въ Африкѣ возникали постоянныя распри [1]), пока трактатъ 1 іюля 1890 г. не далъ болѣе точнаго разграниченія сферъ ихъ интересовъ. Въ данномъ случаѣ Германія сдѣлала Англіи довольно значительныя уступки, которыя нашли такое объясненіе въ одной оффиціозной газетѣ: „наши отношенія къ Англіи составляютъ одну изъ самыхъ значительныхъ гарантій поддержанія въ Европѣ мира, а потому правительство не можетъ подкрѣплять колоніальныя предпріятія, которыя, не давая никакой выгоды для Германіи, направлены противъ интересовъ Англіи“. На жалобы участниковъ нѣмецкой колонизаціи, считавшихъ себя обиженными соглашеніемъ, правительство уже оффиціально возражало, указывая на то, что оно руководилось общеполитическими соображеніями, которыя заставляютъ его поддерживать хорошія отношенія съ Англіей. Съ тою же цѣлью германское правительство старалось заглушить недовольство крайнихъ шовинистовъ, подчеркивая выше всякой мѣры значеніе уступки Англіей въ пользу Германіи о-ва Гельголанда. Когда, однако, Конго уступилъ Англіи полосу земли въ 25 километровъ ширины вдоль границы германскихъ владѣній, въ Берлинѣ этому, какъ уже было упомянуто, воспротивились, и Англія отказалась отъ этой статьи своего договора съ Конго. Между тѣмъ для Англіи указанная полоса земли имѣла существенно важное значеніе, такъ какъ именно въ этомъ мѣстѣ, т.-е. тамъ, гдѣ идетъ граница между государствомъ Конго и восточно-африканской территоріей, принадлежащей Германіи, образуется перерывъ между африканскими владѣніями Англіи къ сѣверу и къ югу отъ экватора. Мы уже знаемъ, что у знаменитаго „капскаго Наполеона“, Сесиля Родса, былъ планъ соединить желѣзною дорогою Египетъ съ Капландомъ, и, собственно, вотъ тутъ англичанамъ особенно пригодилась бы полоса земли, отрѣзанная отъ государства Конго [2]). Разъ, однако, Германія вынудила отмѣну касавшагося этой территоріи соглашенія между Англіей и Конго для осуществленія грандіозной идеи Родса, послѣдній самъ поѣхалъ въ Берлинъ, чтобы выхлопотать у Вильгельма II позволеніе провести часть англійскаго великаго трансъ-африканскаго пути по германской территоріи. Несмотря на очень радушный пріемъ, Родсъ своей цѣли не достигъ, получивъ разрѣшеніе на проведеніе чрезъ Германскую

---

[1]) См. выше, стр. 52 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 40—41.

Восточную Африку только телеграфа. Что же касается до желѣзной дороги, то Германія оставила ея постройку—въ будущемъ—за собою (1899).

При дѣлежѣ африканскихъ территорій обѣимъ великимъ державамъ, о которыхъ только-что шла рѣчь, т.-е. Англіи и Германіи, приходилось считаться одной съ другою и потому идти иногда на взаимныя уступки. Для такой политики у Англіи не было, конечно, основаній по отношенію къ маленькой Португаліи, владѣнія которой съ двухъ сторонъ граничатъ съ англійскою Южной Африкою. Мечтою португальцевъ, которые еще въ XVI в. стали утверждаться на берегахъ Африки къ югу отъ экватора, было связать между собою Анголу на западномъ берегу Южной Африки съ Мозамбикомъ на восточномъ. Въ Англіи, однако, этого допустить никоимъ образомъ не могли, такъ какъ осуществленіе португальскаго плана сдѣлало бы невозможнымъ владычество Англіи въ Африкѣ „отъ Капа до Каиро". Въ 1886 г. Португалія заключила два договора, одинъ съ Франціей (13 мая), другой съ Германіей (30 декабря), въ силу которыхъ съ согласія обѣихъ этихъ державъ она могла занять промежуточную территорію между Англіей и Мозамбикомъ, но тутъ Португаліи пришлось встрѣтиться съ аналогичнымъ стремленіемъ со стороны англичанъ [1]). Происшедшее затѣмъ столкновеніе между англичанами и португальцами изъ-за водруженія національныхъ флаговъ на одномъ незанятомъ никѣмъ дотолѣ пунктѣ сдѣлалось въ Англіи предметомъ сильной газетной агитаціи противъ Португаліи (1889), и лордъ Солсбери потребовалъ у лиссабонскаго правительства отозванія должностного лица, позволившаго себѣ снять англійскій флагъ, на что въ Лиссабонѣ готовы были согласиться, но только подъ условіемъ, чтобы и Англія отозвала своего агента, дѣйствія котораго привели къ конфликту. Тогда со стороны лорда Солсбери послѣдовалъ ультиматумъ (12 января 1892 г.), которому Португалія была вынуждена подчиниться. Въ прессѣ обѣихъ странъ возникла рѣзкая полемика, и если Солсбёри поспѣшилъ не доводить столкновеніе до послѣдней крайности, то только въ виду сильнаго народнаго возбужденія въ Португаліи, грозившаго революціей и низложеніемъ царствующей въ странѣ династіи. Сначала Сольсбёри хотѣлъ заставить португальское правительство подписать договоръ о полномъ отказѣ отъ расширенія южно-африканскихъ владѣній, но потомъ ограничился установленіемъ своего рода шестимѣсячнаго перемирія, въ теченіе котораго обѣ стороны обязывались ничего не предпринимать въ спорной территоріи. Во время этой отсрочки Родсъ началъ на свой страхъ завоеваніе спорной

[1]) См. выше, стр. 40.

области [1]), но прежде чѣмъ до Европы дошло извѣстіе о самомъ рѣшительномъ его успѣхѣ, Португалія сочла себя вынужденною по договору 11 іюня 1891 г. отказаться отъ всѣхъ своихъ притязаній. Англія согласилась только уступить Португаліи небольшой клочекъ спорной области и обѣщала португальцамъ привилегію первенства, если бы вздумала продать свою новую колонію (чего, конечно, она вовсе и не предполагала сдѣлать). Кромѣ того, португальцы обязались предоставить англичанамъ для коммерческихъ цѣлей новаго ихъ владѣнія свободное сообщеніе съ портами Индійскаго океана [2]). Въ томъ же 1891 г. Португалія уступила Мозамбикъ, оставивъ его подъ своимъ сюзеренитетомъ, акціонерной компаніи, образовавшейся на французскіе капиталы, но на эту область уже въ концѣ девяностыхъ годовъ существовали свои виды у Англіи и Германіи. Въ это время поговаривали о тайномъ договорѣ между обѣими этими державами съ цѣлью заставить Португалію, если ей будетъ нужно, заключить новый заемъ непремѣнно въ обоихъ этихъ государствахъ подъ обезпеченіе таможенныхъ доходовъ Мозамбика. Ангола, какъ говорятъ, тоже была при этомъ предметомъ какого-то англо-германскаго соглашенія (1898).

Въ тѣсной связи съ этою политикою Англіи въ Южной Африкѣ стояли и ея отношенія къ двумъ тамошнимъ бурскимъ республикамъ, съ которыми англичане въ 1899 г. начали войну, окончившуюся для буровъ въ 1902 г. потерею независимости [3]). Время бурской войны, какъ мы знаемъ [4]), ознаменовано во внутренней исторіи Англіи колоссальнымъ развитіемъ шовинистическаго имперіализма, но сочувствіе общественнаго мнѣнія на континентѣ было не на сторонѣ Англіи. Англо-германскія отношенія отчасти сказались и на возникновеніи этой войны. Дѣло въ томъ, что еще въ 1884 г. пріѣзжавшій въ Берлинъ президентъ Трансваальской республики Крюгеръ просилъ Вильгельма I взять буровъ подъ покровительство Германской имперіи, на что Бисмаркъ совѣтовалъ тогда императору не давать своего согласія [5]). Англичане были очень встревожены перспективою соединенія нѣмцевъ съ бурами,

---

[1]) См. выше, стр. 40.

[2]) Въ 1875 г. на одинъ изъ этихъ португальскихъ портовъ (въ бухтѣ Делагоа) Англія заявляла свое притязаніе, но тогда дѣло было рѣшено не въ ея пользу (третейскимъ судомъ Макъ-Магона).

[3]) См. выше, стр. 38—39.

[4]) См. выше, стр. 261—262.

[5]) Крюгеръ имѣлъ аудіенцію у Вильгельма I и былъ приглашенъ имъ на освященіе новаго зданія рейхстага, причемъ сидѣлъ за столомъ противъ императора. Во время аудіенціи онъ сказалъ Вильгельму I: „когда ребенку худо, онъ ищетъ помощи у своихъ родителей или опекуновъ. Ваше величество, когда намъ опять будетъ плохо, тогда помогите намъ тоже“. *G. Egelhaaf*. 341—342.

что могло бы совершиться черезъ ту же территорію, которая лежала между португальскими Анголою и Мозамбикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ между двумя колоніальными владѣніями Германіи. Еще раньше, нежели Родсъ основалъ Родезію, англичане уже начали свое движеніе къ сѣверу отъ Капланда, чтобы разобщить германскія владѣнія и бурскія республики. Въ другихъ мѣстахъ мы уже упоминали о поздравительной телеграммѣ Вильгельма II Крюгеру по поводу отраженія джемсоновскаго набѣга [1]). Англичане были страшно раздражены этою телеграммою, въ которой говорилось о „независимости страны“, тогда какъ въ Англіи стояли на той точкѣ зрѣнія, что Трансвааль находится подъ сюзеренитетомъ Великобританіи. Имперіалистическая „Morning Post“ писала, что „настоящимъ отвѣтомъ на эту телеграмму должно было бы быть соединеніе всѣхъ англійскихъ морскихъ силъ въ Ламаншѣ“, и что „англійская нація никогда не забудетъ этой депеши, но будетъ всегда о ней думать, опредѣляя свою внѣшнюю политику“. Во Франціи, наоборотъ, газеты, стоявшія близко къ правительственнымъ сферамъ, оправдывали шагъ, сдѣланный германскимъ императоромъ. Начиная въ 1899 г. войну съ Англіей, правительства бурскихъ республикъ отчасти возлагали свои надежды на прямую или косвенную поддержку со стороны Россіи и Франціи, какъ враждебныхъ Англіи державъ, въ особенности же со стороны Германіи, ручательствомъ въ чемъ были въ ихъ глазахъ, кромѣ телеграммы Вильгельма II Крюгеру, еще и нѣкоторыя заявленія статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ фонъ-Маршалля въ германскомъ рейхстагѣ объ интересѣ, какой имперія имѣетъ въ сохраненіи бурской независимости. Извѣстно, что во время войны престарѣлый Крюгеръ отправился въ Европу, дабы лично просить у великихъ державъ о посредничествѣ, но Вильгельмъ II отказался даже принять Крюгера, не желая задѣть Англію. Миссія Крюгера кончилась полною неудачею.

Кромѣ Англіи и Германіи, участіе въ раздѣлѣ Африки приняли еще Италія и Франція. Мы видѣли, что въ своемъ африканскомъ предпріятіи Италія потерпѣла неудачу [2]). Сначала ея взоры были обращены на Тунисъ, но когда послѣдній былъ занятъ Франціей (1881), итальянцы направили свои силы на пріобрѣтеніе, въ двухъ мѣстахъ, части восточно-африканскаго побережья между экваторомъ и 18^0 с. ш., гдѣ и пришли въ неблагопріятное для нихъ самихъ столкновеніе съ Абессиніей. Появленіе итальянцевъ на берегахъ Африки произошло не безъ участія Англіи. Вспомнимъ, что послѣдняя въ 1882 г. утвердилась въ Египтѣ и что вслѣдъ за этимъ ей пришлось имѣть дѣло съ

---

[1]) См. выше, стр. 39 и 106.
[2]) См. выше, стр. 58—59 и 277 и слѣд.

грознымъ возстаніемъ махдистовъ [1]). Теперь Англія была заинтересована въ томъ, чтобы не допустить махдистовъ до берега Краснаго моря, откуда они могли бы получать оружіе и провіантъ, а потому и была не прочь, чтобы здѣсь заняла позицію какая-либо европейская держава, которая сама не могла быть для Англіи опасна,—лишь бы этого не сдѣлала Франція, пользовавшаяся расположеніемъ абессинскаго негуса. На берегу Краснаго моря, въ такъ называемой теперь Эритреѣ, итальянцы явились въ качествѣ союзниковъ и сотрудниковъ англичанъ, но когда эти союзники стали расширять свои владѣнія въ сторону Нила (въ направленіи Хартума), Англія тотчасъ же остановила дальнѣйшее движеніе Италіи, принудивъ ее подписать весною 1891 г. два протокола, въ силу которыхъ далѣе 35° в. д. отъ гринвичскаго меридіана итальянцы идти въ западномъ направленіи не имѣли права. Правда, къ востоку отъ указанной линіи по договору 1891 г. они могли захватывать все, что имъ нравилось, до Сомалійскаго берега, за исключеніемъ того, чѣмъ владѣли здѣсь сами англичане и по сосѣдству съ ними французы [2]), но тутъ-то итальянцы и понесли пораженіе отъ абессинцевъ. Послѣ этого событія Англія, съ своей стороны, поспѣшила вступить въ переговоры съ негусомъ Менеликомъ, дабы уладить свои пограничныя отношенія въ цѣляхъ безопасности Нила и своего владѣнія на Сомалійскомъ берегу.

Гораздо счастливѣе въ своихъ африканскихъ предпріятіяхъ была Франція. Намъ уже не разъ приходилось по разнымъ случаямъ упоминать о присоединеніи, въ 1881 г., Туниса [3]) равнымъ образомъ, въ своемъ мѣстѣ было отмѣчено, что Франція завладѣла большею частью Западной Африки до независимаго государства Конго,—причемъ въ одномъ мѣстѣ территорія, принадлежащая Франціи заходитъ за экваторъ, въ южное полушаріе,—и сверхъ того Мадагаскаромъ [4]). Благодаря всѣмъ этимъ завоеваніямъ, Франція тоже сдѣлалась міровою державою (puissance mondiale), внѣшняя политика которой стала направляться не одними европейскими интересами. Въ Африкѣ это приводило и Францію въ соприкосновеніе съ другими державами. Къ югу отъ Алжира и Туниса она не имѣла никакихъ соперниковъ, но на берегахъ Гвинейскаго залива ей пришлось вступать въ договорныя соглашенія съ Германіей, съ Португаліей и съ Англіей относительно разграниченія, а иногда и обмѣна территорій. Положенія берлинской конференціи 1885 г. упорядочивали международныя отношенія всѣхъ четырехъ го-

---

[1]) См. выше, стр. 36 и слѣд.

[2]) По южному берегу Аденскаго залива; французамъ здѣсь принадлежитъ Обокъ (см. выше, стр. 29).

[3]) См. выше, стр. 45 и др.

[4]) См. выше, стр. 46—47.

сударствъ въ обѣихъ Гвинеяхъ,—въ Верхней и въ Нижней,—отношенія, нужно сказать, въ общемъ довольно сложныя, хотя и не имѣвшія особенно большой остроты. Но въ одномъ смыслѣ здѣсь Франція, несомнѣнно, потеряла. На нижнемъ теченіи Нигера съ семидесятыхъ годовъ соперничали между собою англійскія и французскія торговыя компаніи, и сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ французовъ, такъ что за отступное въ нѣсколько милліоновъ они легко могли бы оставить монополію за собою, если бы англичане не получили поддержки изъ метрополіи и сами наоборотъ, не скупили французскія конторы, что повлекло за собою переходъ въ 1885 г. всего нижняго теченія Нигера къ Англіи [1]). Что касается до французскаго Конго, то для легализаціи французскихъ правъ потребовались, кромѣ берлинской международной конференціи, еще сепаратные договоры съ Германіей, Португаліей и независимымъ государствомъ Конго (1887), съ которымъ, впрочемъ, у Франціи возникли въ началѣ девяностыхъ годовъ недоразумѣнія. Между прочимъ, Франція вмѣстѣ съ Германіей протестовала противъ договора 1894 г. между независимымъ Конго и Англіей, по которому послѣдняя уступала первому лѣвый берегъ Нила до Фашоды, что отрѣзывало французскія владѣнія отъ сношеній съ Египтомъ [2]). Какъ разъ въ этихъ краяхъ впослѣдствіи разыгрался уже упоминавшійся нами фашодскій инцидентъ, чуть-было не приведшій къ войнѣ между обоими государствами. Франція, какъ мы знаемъ, здѣсь должна была уступить.—Конечно, это былъ далеко не единственный пунктъ въ Африкѣ, гдѣ происходило столкновеніе англійскихъ и французскихъ интересовъ, требовавшее переговоровъ и соглашеній. Присоединеніе о-ва Мадагаскара къ колоніальной имперіи французовъ [3]) не обошлось безъ нѣкотораго вмѣшательства въ это дѣло европейскихъ державъ. Въ самомъ началѣ „недоразумѣній“, впослѣдствіи приведшихъ къ аннексіи, т.-е. еще въ 1882 г. на Мадагаскарѣ чувствовалось неприязненное по отношенію къ Франціи англійское вліяніе, и тамошнее населеніе посылало въ Лондонъ (а кромѣ того, въ Берлинъ и въ Нью-Іоркъ) просить поддержки противъ французовъ. Въ 1890 г. Англія признала трактатъ о протекторатѣ, заключенный Франціей съ Мадагаскаромъ въ 1885 г., взамѣнъ чего Франціей было признано за Англіей обладаніе о-вомъ Занзибаромъ, отъ котораго въ пользу Англіи по своему договору съ нею въ томъ же 1890 г. [4]) отказалась и Германія, владѣющая африканскимъ берегомъ

---

[1]) Въ силу постановленія берлинской конференціи 1885 о „Hinterland'ахъ“, о чемъ выше, стр. 529, прим. 2.

[2]) См. выше, стр. 47 и 530.

[3]) Ср. выше, стр. 47—48.

[4]) См. выше, стр. и 16 и 520.

противъ названнаго острова. Окончательное присоединеніе Мадагаскара въ 1897 г. потребовало со стороны Франціи новыхъ договоровъ съ Англіей и съ другими державами, отмѣнившихъ всѣ прежнія по отношенію къ нимъ обязательства мадагаскарскаго правительства. Въ 1887 г. Франція вступила еще въ соглашеніе съ Англіей по поводу своего Обокскаго владѣнія, гдѣ была произведена небольшая мѣна территоріями.

Чтобы покончить съ раздѣломъ Африки, скажемъ еще нѣсколько словъ о Марокко, изъ-за котораго, произошло уже въ началѣ XX в. серьезное столкновеніе между Франціей и Германіей, чуть-было, какъ тогда опасались, не поведшее къ войнѣ. Еще въ 1880 г. въ Мадридѣ собиралась международная конференція для регулированія отношеній между европейцами и Марокко, такъ какъ и здѣсь стало проявляться соперничество интересовъ Испаніи, Англіи, Германіи и Франціи, хотя вообще въ этомъ столь близкомъ къ Европѣ углу Африки европейское вліяніе ощущалось пока очень мало, и, напр., въ Фесѣ, столицѣ названнаго султаната, въ 1890 г. едва насчитывалась какая-нибудь дюжина европейцевъ. Въ мадридскомъ договорѣ 1880 г. участвовали Германія, Австрія, Бельгія, Данія, Франція, Англія, Италія, Испанія, Голландія, Португалія, Швеція съ Норвегіей и Сѣверо-Американскіе Штаты, въ общемъ цѣлая дюжина государствъ, съ которыми мароккскій султанъ и заключилъ договоръ, дозволявшій ихъ подданнымъ пріобрѣтать недвижимую собственность въ его владѣніяхъ и создававшій въ пользу иностранцевъ разныя торговыя льготы на началахъ, однако, коммерческаго равноправія всѣхъ государствъ, подписавшихъ трактатъ. Въ Парижѣ между тѣмъ стали подумывать объ установленіи въ Марокко, граничащемъ съ Алжиромъ, французскаго протектората и потому были очень недовольны договоромъ, заключеннымъ въ 1887 г. между Англіей, Италіей, Австріей и Испаніей для поддержанія status quo на Средиземномъ морѣ. Чтобы имѣть на своей сторонѣ Германію, Франція была не прочь „уступить“ ей какую-либо угольную станцію на мароккскомъ берегу, но особенно было важно то, что уже въ первые годы XX столѣтія Франція вошла въ соглашенія съ Италіей (1902) и Англіей (1904), которыми выговорила себѣ у нихъ свободу дѣйствій въ Марокко, признавъ таковую же за Италіей по отношенію къ Триполи, принадлежавшему турецкому султану, и предоставивъ Англіи право распоряжаться въ Египтѣ, тоже вассальномъ владѣніи Турціи. Извѣстно, что противъ намѣренія Франціи прибрать Марокко къ своимъ рукамъ заявила протестъ Германія, и Вильгельмъ II даже сдѣлалъ демонстративный визитъ мароккскому султану въ Танжерѣ (1905), заявивъ при этомъ, что въ Марокко ни одна страна не должна имѣть преобладающаго вліянія, хотя въ дальнѣйшемъ дѣло все-таки приняло

такой оборотъ, что Франціи пришлось-таки предпринять въ Марокко военную экспедицію.

Задачею этой главы не можетъ быть сколько-нибудь полный, хотя бы только самый сжатый обзоръ всѣхъ отношеній между европейскими державами изъ-за внѣевропейскихъ странъ. Нѣсколько подробнѣе (конечно, относительно) мы остановились на раздѣлѣ Африки, какъ на одномъ изъ важнѣйшихъ и характернѣйшихъ явленій міровой политики за полтора десятка лѣтъ въ самомъ концѣ XIX в. На томъ же основаніи мы остановимся нѣсколько болѣе на тѣхъ—также новыхъ—политическихъ отношеніяхъ, какія къ концу XIX в. создались на берегахъ и островахъ Великаго Океана, тѣмъ болѣе, что о нихъ еще совсѣмъ не было рѣчи въ главѣ о колоніальныхъ предпріятіяхъ европейцевъ въ исходѣ прошлаго столѣтія. Все наиболѣе важное и существенное объ остальномъ было уже тамъ изложено, и если мы теперь вернемся еще разъ къ намъ уже извѣстному, то лишь къ англо-французскимъ и англо-русскимъ отношеніямъ, возникшимъ въ этой части свѣта въ связи съ англійскими интересами въ Индіи: особое значеніе этого предмета заключается въ томъ, что обнаружившееся въ началѣ XX в. соперничество въ міровой политикѣ между Германіей и Англіей заставило послѣднюю сблизиться съ Франціей и Россіей, считавшимися ею раньше самыми опасными соперницами ея въ Азіи.

На юго-востокѣ Азіи не могло не произойти встрѣчи взаимно непріязненныхъ интересовъ Франціи и Англіи послѣ того, какъ французы стали твердою ногою въ Индо-Китаѣ, подчинивъ себѣ Тонкинъ и Аннамъ, и даже обнаружили намѣреніе установить свой протекторатъ надъ Сіамомъ съ превращеніемъ Бирмы въ государство-бýфферъ между своими и англійскими владѣніями. Нѣкоторые пункты Бирмы въ это время уже находились въ обладаніи Англіи, что естественно заставляло само бирманское правительство искать покровительства у Франціи, съ которою въ 1885 г. оно поспѣшило заключить договоръ, но Англія не допустила до установленія здѣсь французскаго вліянія и въ слѣдующемъ же году начала войну, результатомъ которой было присоединеніе всей Бирмы къ англійскимъ владѣніямъ [2]). Подобно тому, какъ бирманцы искали защиты у Франціи противъ Англіи, сіамцы противъ самой Франціи искали покровительства у Англіи, надежда на каковое позволила сіамскому королю начать вызывающую по отношеніи къ Франціи политику, поставившую французовъ въ необходимость совершить противъ Сіама свою военную демонстрацію 1893 г. [3]). Это государство послѣ 1886 г. и стало играть роль государства-буффера

---

[1]) См. выше, стр. 44—45 и 48.

[2]) См. выше, стр. 36 и 48.

[3]) См. выше, стр. 48.

между владѣніями двухъ великихъ державъ на ю.-в. Азіи, хотя въ смыслѣ политическаго вліянія на Сіамъ главная роль выпала на долю Англіи, какъ это особенно обнаружилось во время посѣщенія сіамскимъ королемъ, въ 1897 г., Европы. Такъ дѣло продолжалось до 1904 г., когда общее англо-французское соглашеніе не привело къ раздѣленію сферы вліянія между обоими государствами въ восточной и въ западной частяхъ Сіама.

Въ общемъ, Англія гораздо менѣе опасалась за Индію со стороны французовъ, утвердившихся въ Индо-Китаѣ, нежели по отношенію къ русскимъ успѣхамъ въ Средней Азіи, которые приблизили Россію къ Индіи [1]. Въ сѣверо-западномъ направленіи отъ Индіи роль государства-буффера между владѣніями обѣихъ державъ долженъ былъ играть Афганистанъ, и притомъ онъ долженъ былъ оставаться въ сферѣ исключительно англійскаго вліянія. Въ 1885 г. изъ-за Афганистана даже чуть-было, какъ тогда думали, не вспыхнула между Англіей и Россіей война (какъ позднѣе между Англіей и Франціей изъ-за Фашоды). Когда въ 1884 г. Россія овладѣла сосѣднимъ съ Афганистаномъ Мервомъ, русское и англійское правительства пришли къ соглашенію, въ силу котораго граница между средне-азіатскими владѣніями Россіи и Афганистаномъ должна была быть проведена смѣшанною англо-русскою коммиссіей. Англійское вмѣшательство въ русско-афганскія отношенія было вызвано тѣмъ, что между русскими и афганцами возникъ споръ изъ-за одного важнаго стратегическаго пункта по дорогѣ къ Герату, въ оазисѣ Пенде (или Пенджъдехъ), въ которомъ находится, между прочимъ, долина р. Кушки. Еще не успѣли замѣшкавшіеся русскіе уполномоченные пріѣхать на то мѣсто, гдѣ коммиссія должна была работать, какъ афганцы захватили мостъ черезъ рѣку Кушку на глазахъ англичанъ и даже, какъ говорили, съ ихъ согласія. Отвѣтомъ на это съ русской стороны было нападеніе (въ мартѣ 1885 г.) на афганцевъ отряда генерала Комарова, который и разбилъ ихъ на голову на берегу Кушки. Этотъ инцидентъ внесъ большое обостреніе въ англо-русскія отношенія,—заговорили даже о возможности войны между Россіей и Англіей,—но дѣло окончилось миромъ, причемъ Россія удержала за собою спорный пунктъ, съ своей стороны согласившись (1886) на присоединеніе къ Афганистану клочка земли, считавшагося бухарскимъ, къ югу отъ Аму-Дарьи (хотя окончательное проведеніе русско-афганской границы затянулось на цѣлый десятокъ лѣтъ). Въ этихъ краяхъ англо-русскія отношенія осложнились еще вопросомъ о Памирѣ, „крышѣ міра“, гдѣ сходились границы Россіи (съ 1891 г.), Китая, англійскихъ вла-

[1]) Ср. выше, стр. 35.

дѣній и Афганистана. Произведенное здѣсь въ 1895 г. разграниченіе оставило бо̀льшую (сѣверную) часть этой горной страны во владѣніи Россіи, но меньшая (южная) была присуждена Афганистану въ видѣ цѣлой полосы между непосредственными владѣніями Россіи и Англіи. Оба государства взаимно обязались уважать нейтральность этого „буффера“ между своими владѣніями и даже не допускать туда научныхъ экспедицій.

Другимъ мѣстомъ на югѣ Азіи, гдѣ встрѣтились русскіе и англійскіе интересы, была Персія, къ границамъ которой Англія приблизилась въ своихъ индійскихъ владѣніяхъ съ подчиненіемъ ея власти Белуджистана. Равнымъ образомъ, поѣздка, въ 1873 г., персидскаго шаха въ Европу была тоже моментомъ, когда рѣшался вопросъ, какая изъ двухъ державъ получитъ перевѣсъ въ Персіи. Соперничество между Россіей и Англіей въ этой странѣ со всѣми его перипетіями окончилось соглашеніемъ 1907 г., опредѣлившимъ сферы исключительнаго вліянія—Россіи на сѣверѣ, Англіи на югѣ,—съ установленіемъ равноправія обѣихъ державъ во всей средней части Персіи.

Переходимъ теперь къ международнымъ отношеніямъ на берегахъ Великаго Океана, поскольку въ этихъ отношеніяхъ замѣшаны были европейскія державы.

Въ числѣ азіатскихъ государствъ, на которыя у европейскихъ державъ стали возникать свои виды, былъ и Китай. Здѣсь не мѣсто разсматривать исторію самыхъ раннихъ отношеній между Китаемъ и европейскими государствами; достаточно вспомнить, что еще съ сороковыхъ годовъ XIX в. открывается эпоха аггрессивныхъ дѣйствій со стороны этихъ державъ въ Китаѣ, начиная съ „опійной войны“, которую вела съ нимъ Англія изъ-за запрещенія китайскимъ правительствомъ ввоза въ Китай опіума и которая окончилась для Англіи въ 1842 г. очень выгоднымъ миромъ (полученіе контрибуціи съ Китая, пріобрѣтеніе о-ва Гонконга противъ Кантона, открытіе пяти китайскихъ портовъ для торговли и т. п.). Въ 1858 г. между Англіей и Китаемъ опять началась война, а въ слѣдующемъ году въ ней на сторонѣ Англіи приняли участіе и французы. Осенью 1860 г. союзное войско даже вступило въ столицу имперіи, Пекинъ, послѣ чего китайцы должны были смириться и признать всѣ условія побѣдителей. Этимъ было установлено преобладаніе въ Китаѣ Англіи и Франціи, и обѣ онѣ потомъ помогли пекинскому правительству усмирить одно опасное внутреннее движеніе. Затѣмъ наступила эпоха продолжительнаго мира между Китаемъ и европейскими державами, прерваннаго лишь на короткое время китайско-французскою войною

середины восьмидесятыхъ годовъ [1]), — эпоха расширенія коммерческихъ и дипломатическихъ сношеній Небесной имперіи съ Европой и Сѣверной Америкой. Европейскія державы очень хорошо видѣли полную военную неподготовленность Китая и дѣлались все требовательнѣе въ своихъ съ нимъ сношеніяхъ, китайцы же обнаруживали все бо̀льшую и бо̀льшую уступчивость. Между тѣмъ подъ бокомъ у Китая выросла новая Японія, начавшая съ конца шестидесятыхъ годовъ XIX в. быстро усваивать европейскую культуру и въ очень короткое время опередившая страшно отсталый Китай. Послѣдній очень хорошо почувствовалъ это въ войнѣ, вспыхнувшей между нимъ и Японіей въ 1894 г. и окончившейся въ слѣдующемъ же году полнымъ его пораженіемъ. По симоносекскому миру 1895 г. Китай долженъ былъ уступить Японіи юго-восточную часть Манчжуріи въ видѣ полосы, прилегающей къ корейской границѣ, съ Ляодунскимъ полуостровомъ, а также о-ва Формозу и Пескадорскіе, причемъ Японія выговорила широкія льготы для своей торговли, равно какъ большую контрибуцію, до уплаты которой должна была занимать гавань Вей-ха-вей при входѣ въ Печилійскій проливъ (напротивъ отходившаго къ Японіи Портъ-Артура, на южной оконечности Ляодунскаго полуострова).

Симоносекскій миръ, показавшій, до какой степени Китай ослабѣлъ, и какою, наоборотъ, силою сдѣлалась еще столь недавно ничтожная Японія, былъ сигналомъ для европейскаго вмѣшательства въ дѣла Дальняго Востока и для приступа къ своего рода „раздѣлу Китая". Подобно тому, какъ въ 1878 г. „Европа" не дала Россіи на берлинскомъ конгрессѣ воспользоваться плодами побѣды надъ Турціей, урѣзавъ главнѣйшія условія санъ-стефанскаго мира, не дали и Японіи получить все, что ей причиталось по симоносекскому договору. Протестъ противъ него былъ заявленъ Россіей, которая не хотѣла согласиться на то, чтобы какая бы то ни было часть сосѣдней съ ея сибирскими владѣніями провинціи Китая отошла къ Японіи. Русскій протестъ поддержали Франція и Германія, вслѣдствіе чего Японіи пришлось отказаться отъ территоріальнаго пріобрѣтенія на азіатскомъ материкѣ. Китайцы не могли, разумѣется, не отблагодарить помогшія имъ державы. Россія получила концессію на проложеніе черезъ Манчжурію великаго сибирскаго пути, что ставило на будущее время эту обширную провинцію подъ исключительное русское вліяніе. Одновременно Китаемъ дана была концессія и Германіи на проведеніе желѣзныхъ дорогъ и на горное дѣло въ Шантунской области между Желтымъ моремъ и Печилійскимъ заливомъ, а Франціи — подобныя же концессіи въ Южномъ Китаѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, наконецъ, состоялся русско-японскій договоръ

---

[1]) См. выше, стр. 48.

объ обоюдномъ протекторатѣ надъ Кореей, находившейся раньше въ вассальной зависимости отъ Китая. Этимъ начался своеобразный раздѣлъ Китая, скоро приведшій къ пріобрѣтенію европейскими державами и важныхъ въ торговомъ или военномъ отношеніяхъ пунктовъ въ самомъ Китаѣ.

За европейскими промышленниками потянулись въ Китай и миссіонеры, которые своими не всегда тактичными поступками стали сильно раздражать китайцевъ, вообще бывшихъ крайне недовольными хозяйничаньемъ у нихъ европейцевъ. Протекторатъ надъ католическими миссіонерами на Востокѣ издавна принадлежалъ Франціи и всегда былъ однимъ изъ ея орудій въ иностранной ея политикѣ внѣ Европы [1]). Въ 1882 г. Франція согласилась на то, чтобы итальянскіе францисканцы, дѣйствовавшіе въ Квантунской области, уступили часть своей территоріи нѣмецкимъ миссіонерамъ, очень быстро достигшимъ здѣсь такого положенія, что ихъ начальникъ получилъ званіе апостолическаго викарія. Въ 1897 г. двое нѣмецкихъ миссіонеровъ были убиты китайцами, и это немедленно повлекло за собою появленіе въ бухтѣ Кьяо-Чоу германской эскадры подъ начальствомъ адмирала Дидерихса, дессантъ которой и занялъ этотъ портъ безъ какихъ бы то ни было затрудненій, а менѣе, нежели черезъ два мѣсяца (5 января 1898 г.) особымъ договоромъ Китай отдалъ Германіи „въ аренду" на 99 лѣтъ Кьяо-Чоу съ его бухтою, островками и береговою территоріей по радіусу въ 50 километровъ вокругъ названнаго порта. Чтобы обезпечить за Германіей это новое владѣніе и показать, что „германскій орелъ не выпускаетъ изъ своихъ когтей того, во что ихъ вонзилъ", Вильгельмъ II отправилъ къ берегамъ Китая большую эскадру, поставивъ во главѣ ея своего брата, принца Генриха. Прощаясь съ братомъ въ Килѣ, императоръ произнесъ весьма воинственную рѣчь на ту тему, что морская сила Германіи и ея имперская сила одно и то же, что одна отъ другой неотдѣлима и что онъ посылаетъ своего брата всюду, гдѣ захотятъ вредить Германіи, „съ броненоснымъ кулакомъ" (mit gepanzter Faust). Не менѣе интересна была и отвѣтная рѣчь принца Генриха, которому Вильгельмъ II предложилъ еще „сорвать лавры для украшенія своего юнаго чела": „меня, сказалъ принцъ между прочимъ,—не прельщаютъ слава и лавры; меня привлекаетъ только задача возвѣстить на чужбинѣ евангеліе священной особы вашего величества какъ тѣмъ, которые хотятъ ему внимать, такъ и тѣмъ, которые не хотятъ".

Значеніе вмѣшательства въ китайскія дѣла было такъ объяснено рейхстагу статсъ-секретаремъ по внѣшнимъ дѣламъ Бюловомъ въ рѣчи

---

[5]) См. выше, стр. 358—359 и 526.

6 декабря 1897 г.: „мы вовсе не ощущаемъ потребности совать свои пальцы въ каждый горшокъ. Тѣмъ не менѣе, мы держимся того мнѣнія, что вовсе не нужно исключать Германію изъ соперничества другихъ націй въ странахъ съ богатымъ будущимъ. Прошли тѣ времена, когда нѣмецъ оставлялъ въ распоряженіе однихъ своихъ сосѣдей землю, другихъ—море, а себѣ самому резервировалъ только небо, гдѣ возсѣдаетъ на тронѣ (thront) чистая доктрина. Мы полагаемъ, что одна изъ нашихъ наиболѣе предпочтительныхъ задачъ есть, именно, споспѣшествовать въ Восточной Азіи интересамъ нашего мореплаванія, нашей торговли, нашей промышленности... Мы съ большою охотою готовы принимать въ расчетъ интересы другихъ великихъ державъ въ Восточной Азіи, никого не хотимъ оставлять въ тѣни, но и сами, однако, требуемъ себѣ мѣста на солнышкѣ".

Едва только былъ оформленъ захватъ Германіей части китайской территоріи, какъ и другія державы потребовали себѣ подобныхъ же компенсацій. Раньше всего сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе было произведено извѣстіемъ о томъ, что въ Портъ-Артуръ, только-что возвращенный Японіей Китаю, пришла на зимнюю стоянку русская эскадра; болѣе всего этимъ событіемъ были недовольны въ Японіи и въ Англіи. Послѣдняя поспѣшила тогда заключить съ Китаемъ особый договоръ, которымъ обезпечивалось, что Китай не уступитъ ни одной области какой-либо другой иностранной державѣ въ бассейнѣ Яндцы-дзцяна, главной рѣки Небесной имперіи. Кромѣ того, во главѣ китайскихъ таможенъ долженъ былъ стоять англичанинъ, и Англія пріобрѣтала право свободнаго плаванія по всѣмъ внутреннимъ воднымъ сообщеніямъ Китая. Англичане были очень довольны такимъ успѣхомъ своей дипломатіи, но весьма скоро наступило разочарованіе, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Китай въ то же самое время уступилъ Россіи на 25 лѣтъ въ аренду, съ правомъ возобновленія контракта, Портъ-Артуръ и Таліенванъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ было разрѣшено соединить вѣтками съ великою сибирскою желѣзною дорогою. Въ Англіи это произвело переполохъ, послышалось бряцаніе оружіемъ, но дѣло уладилось мирнымъ путемъ, потому что въ концѣ концовъ и Англія получила въ видѣ компенсаціи Вей-хай-вей на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ Россіи были отданы два выше названные пункта. Франція не захотѣла отстать отъ трехъ великихъ державъ, получившихъ важныя концессіи на китайской территоріи, и тоже взяла у Китая въ аренду угольную станцію Куансъ-чеу-уанъ съ гарантіей, что пограничныя съ Тонкиномъ южныя области не будутъ отданы никакой другой державѣ. Даже Италія, и та стала добиваться аренды въ Китаѣ, но потерпѣла неудачу, такъ какъ ее никто не поддержалъ изъ другихъ великихъ державъ, въ самомъ же Китаѣ уже начиналось враждебное по отно-

шенію къ европейцамъ движеніе, да и въ Италіи, къ тому же, нѣсколько поохладѣлъ пылъ къ политикѣ приключеній.

Европейскія державы не только дѣлили между собою Китай, но и оспаривали одна у другой вліяніе при дворѣ богдыхана. Въ 1898 г. англійское вліяніе взяло сначала верхъ надъ русскимъ (главнымъ сторонникомъ котораго былъ столь хорошо тогда извѣстный въ Европѣ всѣмъ читателямъ газетъ Лихунчанъ), но очень скоро вслѣдствіе дворцоваго переворота возобладало вліяніе Россіи. Одновременно съ этимъ, однако, въ Китаѣ тамъ и сямъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ начались народныя волненія противъ европейцевъ, въ особенности противъ миссіонеровъ, въ которыхъ населеніе видѣло иностранныхъ агентовъ, работающихъ во вредъ неприкосновенности и независимости Китая. Вмѣстѣ съ миссіонерами подвергались нападеніямъ и христіане изъ китайцевъ, которыхъ въ 1900 г. было перебито около 30 тысячъ человѣкъ на 300 собственно европейцевъ. Это народное неудовольствіе приняло въ Пекинѣ такой характеръ, что для безопасности своихъ посольствъ въ столицѣ Китая европейскія державы осенью того же 1898 г. отправили туда свои военные отряды, а черезъ годъ съ небольшимъ потребовали у китайскаго правительства защиты миссій въ странѣ отъ постоянныхъ нападеній на нихъ со стороны населенія. Между тѣмъ, видя, что народъ начинаетъ вездѣ вооружаться противъ европейцевъ, китайское правительство стало негласнымъ образомъ оказывать этому движенію поощреніе и помощь, и само движеніе, кромѣ того, объединилось, благодаря тайному патріотическому обществу „Большого Кулака“, сдѣлавшемуся извѣстнымъ въ Европѣ большею частью подъ англійскимъ названіемъ боксеровъ. Лѣтомъ 1900 г. китайскіе инсургенты вступилие въ Пекинъ и сообща съ войсками самого богдыхана подвергли европейскія посольства осадѣ, разрушивъ вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзную дорогу, соединявшую Пекинъ съ Тянь-Цзиномъ. Теперь и правительство Китая объявило, что ведетъ войну съ иностранцами, забравшимися въ страну. Все, что было по близости на европейскихъ военныхъ судахъ, — небольшой отрядъ въ двѣ тысячи человѣкъ,—было двинуто на Пекинъ подъ начальствомъ англійскаго адмирала Сеймура, на выручку посольствъ, но китайцы преградили путь этой экспедиціи, хотя ей и удалось взять штурмомъ форты приморской крѣпости Таку. Это было началомъ настоящей войны: близъ Тянь-Цзина китайская армія окружила находившіеся здѣсь отряды европейцевъ, а на Амурѣ подвергся нападенію русскій городъ Благовѣщенскъ. Въ Европѣ долгое время ничего не знали о судьбѣ посольствъ, осажденныхъ китайцами въ Пекинѣ, и только временами приходили не подтвердившіяся впослѣдствіи извѣстія о томъ, будто посольства были взяты и всѣ европейцы пере-

биты. На самомъ дѣлѣ убитыми оказались лишь германскій посолъ баронъ Кеттлеръ и драгоманъ японскаго посольства. На выручку посольствъ пришлось, въ концѣ концовъ, послать болѣе значительныя военныя силы, во главѣ которыхъ, по мысли Вильгельма II и съ согласія всѣхъ участвовавшихъ въ предпріятіи державъ, былъ поставленъ германскій фельдмаршалъ графъ Вальдерзее.

Это была война соединенной Европы противъ китайцевъ, не хотѣвшихъ дальше терпѣть европейскаго хозяйничанья въ своей странѣ. Самое назначеніе во главѣ союзнаго войска одного общаго начальника должно было показать китайцамъ, что въ данномъ случаѣ они имѣютъ дѣло съ единою, внутренне сплоченною Европою,—хотя послѣднее не вполнѣ соотвѣтствовало фактической истинѣ. Болѣе всего хлопоталъ о приданіи союзному дѣйствію именно такого характера Вильгельмъ II, по своему обычаю особенно шумно выступавшій въ этомъ дѣлѣ съ заявленіями, объяснявшими весь смыслъ начавшейся борьбы. Еще когда только впервые на Дальнемъ Востокѣ обнаружила себя японская сила, Вильгельмъ II готовъ былъ видѣть въ возникновеніи новой нехристіанской великой державы угрозу христіанству и европейской культурѣ съ ея духовными благами. Многимъ и теперь еще памятна написанная по наброску Вильгельма II нѣмецкимъ художникомъ Кнакфусомъ картина, на которой ангелъ съ огненнымъ мечемъ показываетъ нѣсколькимъ женскимъ фигурамъ, символизирующимъ разныя европейскія націи, надвигающуюся на европейскій ландшафтъ грозовую тучу съ изображеніемъ Будды и на всепожирающій пожаръ, идущій за этою тучею; извѣстна и подпись подъ этимъ символическимъ изображеніемъ: „народы Европы, берегите свои священнѣйшія сокровища!“ Это было одно изъ проявленій тѣхъ толковъ, какіе тогда ходили о такъ называемой „желтой опасности“, т.-е. опасности для Европы со стороны желтой расы. Посылка войска въ Китай на выручку посольствъ дала поводъ Вильгельму II произнести рѣчь, получившую названіе гуннской вслѣдствіе одобрительной ссылки въ ней на гуннскій способъ веденія войны. „Пардону не давать! Плѣнныхъ не брать!“—таковы были приказанія Вильгельма II отправлявшимся въ Китай солдатамъ: „какъ за тысячу лѣтъ тому назадъ гунны со своимъ королемъ Этцелемъ прославили свое имя, и еще теперь въ преданіяхъ о нихъ даетъ знать о себѣ ихъ мощь, такъ пусть и германское имя чрезъ ваши подвиги получитъ въ Китаѣ такое значеніе, чтобы и черезъ тысячу лѣтъ ни одинъ китаецъ не дерзнулъ хотя бы только бросить косой взглядъ на нѣмца“.

Прежде, однако, чѣмъ Вальдерзее успѣлъ пріѣхать на мѣсто своего командованія, уже находившіяся тамъ европейскія войска сдѣлали свое дѣло. Ранѣе другихъ явились военныя подкрѣпленія изъ Японіи, которая въ данномъ случаѣ всецѣло присоединилась къ Европѣ.

Благодаря японской помощи, состоялось взятіе Пекина союзниками, и посольства были освобождены отъ осады, между тѣмъ, какъ въ Китай вступило сухопутное русское войско, занявшее Манчжурію. Вальдерзее оставалось только довершить усмиреніе Китая, послѣ чего въ свои права вступила дипломатія. Извѣстно, что Россія заняла тогда совершенно особое положеніе и по собственному почину вывела въ началѣ 1901 г. свои отряды изъ Печелійской провинціи, гдѣ находится Пекинъ, но за то выговорила для себя у китайскаго правительства протекторатъ надъ Манчжуріей. Другія державы вынудили у Россіи отказъ отъ соглашенія относительно Манчжуріи. Англія и Германія даже заключили между собою и поспѣшили опубликовать трактатъ, которымъ взаимно обязывались поддерживать сообща цѣлость Китая. Наконецъ, осенью 1901 г. былъ подписанъ уполномоченными державъ и Китая мирный договоръ, по которому правительство богдыхана обязывалось послать въ Берлинъ китайскаго принца съ извиненіями по случаю убіенія германскаго посла, наказать всѣхъ виновниковъ совершившихся событій, вознаградить державы за военныя издержки, не ввозить въ теченіе двухъ лѣтъ въ Китай оружія и боевыхъ припасовъ, срыть форты, защищающіе доступъ къ Пекину отъ моря, допустить занятіе на этомъ пути нѣкоторыхъ пунктовъ иностранными войсками, пересмотрѣть торговые трактаты съ европейцами и т. п.

Китайскія событія 1894 — 1901 годовъ совершенно измѣнили положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. Во-первыхъ, здѣсь появилась новая политическая сила въ лицѣ Японіи, которую великія державы приняли, какъ равную, въ свой союзъ противъ Китая. Во-вторыхъ, европейскія державы, пользуясь слабостью, обнаруженною Китаемъ въ войнѣ съ Японіей, вынудили у китайцевъ территоріальныя уступки въ формѣ отдачи въ аренду важныхъ въ торговомъ и стратегическомъ отношеніяхъ пунктовъ. Въ-третьихъ, по поводу китайскихъ событій возникали новыя комбинаціи между европейскими державами, самою замѣчательною изъ которыхъ былъ общеевропейскій союзъ противъ Китая. Особое значеніе всѣ эти событія получили въ виду того, что въ нихъ нельзя было не видѣть начала борьбы за обладаніе Великимъ океаномъ, съ его, несомнѣнно, громаднымъ будущимъ въ дальнѣйшемъ ходѣ всемірной исторіи. Главною ея сценою въ древности были страны, окружающія Средиземное море, а въ средніе вѣка, кромѣ него, извѣстную роль стали играть еще Нѣмецкое и Балтійское моря. Затѣмъ наступилъ четырехвѣковой періодъ, въ теченіе котораго развивалось значеніе Атлантическаго океана, и вотъ на рубежѣ XIX и XX в. выдвинулось впередъ значеніе, какъ всемірнаго торговаго пути, и Великаго океана. Къ этому океану стали стремиться великія державы, интересы которыхъ начали сталкиваться

здѣсь между собою—и на многочисленныхъ его островахъ, и у береговъ дряхлаго Китая. Вмѣшательство европейскихъ державъ въ китайско-японскія отношенія 1895 г. открываетъ новую эпоху всемірной исторіи, эпоху тихо-океанскую, уже успѣвшую записать на своихъ скрижаляхъ событіе такой міровой важности, какъ русско-японская война 1904—1905 г. Не нужно при этомъ забывать, что, кромѣ азіатскаго берега, у Тихаго океана есть еще другой берегъ, американскій, и что часть этого берега принадлежитъ тоже великой державѣ, Соединеннымъ Штатамъ, которые не могли оставаться равнодушными зрителями того, что совершалось на берегахъ и островахъ Тихаго океана. Въ войскахъ, усмирявшихъ въ 1900—1901 гг. Китай, рядомъ съ европейцами, кромѣ японцевъ, были и американцы. Какъ-разъ въ самомъ концѣ XIX в. великая заатлантическая республика вышла изъ своей прежней американской замкнутости и тоже выступила на путь міровой политики, какъ конкуррентка главныхъ націй европейскихъ. Это ея появленіе на міровой сценѣ международныхъ отношеній было событіемъ не меньшей важности, нежели и появленіе Японіи: во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ въ восточномъ полушаріи европейскимъ націямъ, пока что, приходится теперь считаться не только между собою, но и съ двумя великими державами Тихаго океана—съ Японіей и съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами при перспективѣ имѣть въ будущемъ дѣло еще и съ пробуждающимся къ новой жизни Китаемъ.

До конца XIX в. Соединенные Штаты не принимали никакого участія въ міровой политикѣ. Самое большее, къ чему они стремились въ теченіе всего XIX в., это было сдѣлать изъ Америки исключительно сферу своего вліянія и потому не допускать европейцевъ до основанія въ ней новыхъ колоній: Америка должна была быть для американцевъ. Вмѣстѣ съ этимъ Соединенные Штаты были еще не прочь создать изъ всѣхъ независимыхъ американскихъ государствъ общій союзъ подъ своей гегемоніей съ уничтоженіемъ между ними таможенъ, введеніемъ въ нихъ общей монеты, улучшеніемъ сношеній, учрежденіемъ всеамериканскаго третейскаго суда, а также съ явною тенденціей отгородиться высокими таможенными пошлинами отъ европейской конкурренціи. Въ 1889 г. въ Вашингтонѣ былъ даже созванъ первый панамериканскій конгрессъ, на которомъ, однако, выяснилось, что романскія государства Америки не очень сочувственно отнеслись бы къ подобному объединенію. Изъ двухъ сѣверо-американскихъ политическихъ партій, республиканской и демократической, первая, желавшая усиленія союзной власти и покровительства промышленности, мало-по-малу начала проникаться имперіалистическими стремленіями въ европейскомъ вкусѣ, вторая, отстаивавшая авто-

номію штатовъ и интересы сельскаго хозяйства, напротивъ, сдѣлалась противницею какихъ бы то ни было внѣшнихъ выступленій, а потому высказалась и противъ панамериканизма, опасаясь, что уничтоженіе таможенъ между американскими государствами облегчитъ южно-американскимъ хлѣбу и сырью конкурренцію съ продуктами сельскаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ.—Развитіе сѣверо-американской торговли съ Восточной Азіей, Европой и Африкой сдѣлало для великой республики необходимою болѣе дѣятельную внѣшнюю политику внѣ Америки. Уже при основаніи въ Африкѣ независимаго государства Конго, Соединенные Штаты приняли участіе въ переговорахъ и соглашеніяхъ европейскихъ государствъ по этому поводу [1]). Пріобрѣтеніе нѣмцами, англичанами и французами, въ восьмидесятыхъ годахъ XIX в., массы океанскихъ острововъ сильно затрогивало интересы американскихъ комерсантовъ, а на группѣ Самоа дѣло дошло до прямого столкновенія германскихъ, англійскихъ и американскихъ интересовъ, потребовавшее даже созыва конференціи трехъ державъ, каковая и состоялась въ Берлинѣ въ 1889 году. По ея постановленію эти острова были объявлены независимыми и нейтральными, но подъ высшимъ надзоромъ всѣхъ трехъ государствъ. Слѣдующимъ шагомъ было установленіе американскаго протектората надъ Гавайскими о-вами, и только замѣна на президентскомъ креслѣ республиканца Гаррисона демократомъ Кливлендомъ помѣшала прямой аннексіи этихъ острововъ.

Какъ-разъ, однако, при этомъ самомъ президентѣ произошли событія, результатомъ которыхъ была война между Штатами и Испаніей, приведшая къ переходу испанскихъ колоній подъ власть Штатовъ. Въ другомъ мѣстѣ уже упоминалось о возстаніи противъ своей метрополіи острова Кубы [2]), находившагося въ очень тѣсныхъ экономическихъ отношеніяхъ съ Союзомъ. Жители о-ва обратились за помощью къ американцамъ, что было благопріятно встрѣчено не только въ республиканской партіи, но и въ конгрессѣ, и только президентъ, считавшій необходимымъ сохраненіе полнаго нейтралитета, ограничился однимъ дипломатическимъ заступничествомъ. Испанцы крайне обидѣлись, однако, вмѣшательствомъ въ ихъ дѣла, и въ странѣ произошло нѣсколько враждебныхъ по отношенію къ Америкѣ демонстрацій, заставившихъ самого Кливленда заявить конгрессу, что упрямство Испаніи можетъ принудить сѣверо-американцевъ исполнить свой высшій долгъ. Это заявленіе только подлило масла въ огонь. Между тѣмъ, противъ Испаніи возстали и Филиппинскіе острова, а тутъ въ 1897 г. на президентскомъ посту въ Сѣверной Америкѣ Кливленда смѣнилъ

---

[1]) См. выше, стр. 60 и 528.

[2]) См. выше, стр. 380.

имперiалистически настроенный Макъ-Кинлей. Испанiя пошла-было на уступки, но возмутившiеся противъ нея колонисты ни о чемъ не хотѣли слышать, кромѣ полной независимости. Въ началѣ 1898 г. въ портѣ кубанской столицы Гаванны кѣмъ-то былъ взорванъ американскiй военный корабль Мэнъ, и въ этомъ общественное мнѣнiе въ Штатахъ обвинило испанцевъ. Данный инцидентъ для американскихъ имперiалистовъ былъ желаннымъ поводомъ къ войнѣ, принявшей для Испанiи какъ въ Вестъ-Индiи, такъ и въ Восточной Азiи несчастный оборотъ. Испанскiй флотъ и тамъ, и здѣсь былъ совершенно уничтоженъ, кубанская армiя сдалась на капитуляцiю, и американцы готовились уже начать военныя дѣйствiя у береговъ самой Испанiи, когда, благодаря посредничеству Францiи, воюющiя державы заключили между собою въ Парижѣ миръ, по которому Испанiя лишилась всѣхъ своихъ колонiй въ Вестъ-Индiи и въ Восточной Азiи. Куба была по этому договору признана независимой съ предоставленiемъ, впрочемъ, Соединеннымъ Штатамъ права вмѣшательства въ управленiе островомъ до окончательнаго его замиренiя. Филиппинскiе о-ва и Пуерто-Рико сдѣлались собственностью Штатовъ за вознагражденiе въ 20 миллiоновъ долларовъ [1]). Послѣ парижскаго мира Штаты присоединили къ своимъ владѣнiямъ и Гаваи, а въ слѣдующемъ году и о-ва Самоа были подѣлены между Германiей и Соединенными Штатами, причемъ Англiя была вознаграждена Саломоновыми о-вами [2]).

Всѣ эти успѣхи Соединенныхъ Штатовъ только усилили имперiалистическiе аппетиты республиканской партiи, вслѣдствiе чего началось усиленiе военнаго могущества Союза. Сѣверная Америка, такимъ образомъ, совершила свое вступленiе въ число мiровыхъ державъ съ ихъ имперiализмомъ и милитаризмомъ. Обладанiе Филиппинскими о-вами привело Соединенные Штаты въ непосредственное соприкосновенiе съ тѣмъ Дальнимъ Востокомъ, гдѣ въ концѣ XIX и въ началѣ XX в. произошли столь крупныя политическiя событiя, и мы уже видѣли, что Штаты приняли участiе въ общемъ дѣйствiи европейскихъ державъ противъ Китая, ближайшими сосѣдями котораго сдѣлались по своимъ Филиппинамъ, ставши въ то же время очень близкими сосѣдями и Японiи. Для Испанiи эта война окончилась потерею послѣднихъ остатковъ когда-то грандiозной колонiальной имперiи, ей принадлежавшей.

Говоря о мiровомъ хозяйствѣ и мiровой политикѣ, нельзя не упомянуть вообще о томъ универсальномъ интернацiонализмѣ, который

---

[1]) Тогда же Испанiя продала Германiи Каролинскiе и Марiанскiе о-ва. Ср. выше, стр. 56.

[2]) См. выше, стр. 56; ср. стр. 547.

характеризуетъ конецъ XIX в. и наше время и могъ бы послужить особой темой для цѣлой главы. Къ числу явленій этой категоріи слѣдуетъ отнести всемірный почтовый союзъ, ведущій свое начало съ международнаго почтоваго конгресса въ Бернѣ въ 1874 г. Въ этомъ съѣздѣ участвовало чрезъ своихъ делегатовъ двадцать два государства. Сначала это былъ союзъ почти исключительно европейскій (да и то Франція примкнула къ нему не сразу), такъ какъ изъ внѣ-европейскихъ странъ въ немъ приняли участіе лишь Сѣверо-Американскіе Штаты, но съ 1876 г. къ нему стали присоединяться государства и другихъ частей свѣта, равно какъ и колоніи европейскихъ націй. Въ 1874 г. территорія всемірнаго почтоваго союза опредѣлялась въ 40 милліоновъ квадратныхъ километровъ съ 350 милліонами жителей, въ концѣ же XIX в. (1897) эта территорія исчислялась уже въ 103 м. кв. км. съ 1020 м. жителей, и тогда же было заявлено на конгрессѣ въ Вашингтонѣ о предстоящемъ присоединеніи къ союзу и новыхъ странъ, между прочимъ Китая. Образованіе этого союза повлекло за собою сильный ростъ почтовыхъ отправленій: въ 1873 г. ихъ число не доходило до четырехъ съ половиною милліардовъ, а въ 1896 г. достигало уже двадцати милліардовъ [1]).

XXV. Общій взглядъ на умственныя теченія конца XIX в. [2]).

Умственный переворотъ середины XIX в. и задача настоящей главы. — Вытѣсненіе научнымъ духомъ метафизическаго мышленія.—Временный успѣхъ нѣкоторыхъ представителей метафизики въ послѣдней трети XIX в. —Мода на пессимизмъ.—Философскій критицизмъ и стремленіе къ научности въ философіи.—Представители матеріализма послѣ 1870 г.—Позитивизмъ въ послѣдней трети XIX в.—Вопросъ о вліяніи его на практическую дѣятельность. —Реализмъ въ литературѣ.—Отношеніе новѣйшей философіи къ вопросамъ религіи и этики.—Проявленія реакціи противъ научнаго духа.—Представители цѣльнаго философскаго міросозерцанія въ послѣднія десятилѣтія XIX в.—Развитіе соціологіи и экономическій матеріализмъ.

Въ пятомъ томѣ „Исторіи Западной Европы“ послѣдняя глава была посвящена „умственному перевороту середины XIX-го вѣка“ съ раздѣленіемъ этой обширной темы на двѣ, а именно по отно-

---

[1]) Та же потребность облегченія сношеній вызвала появленіе такъ называемыхъ „всемірныхъ языковъ“ въ родѣ пресловутаго „волапюка“ или болѣе счастливаго его соперника „эсперанто“, болѣе практичной „lengua catolica“ Липтея (Eine Gemeinsprache der Kulturvölker) и т. п., о чемъ см. статью *проф. Булича* въ XIII полутомѣ „Энц. Слов.“ Брокгауза-Ефрона.

[2]) Настоящая глава должна составлять непосредственное продолженіе, главнымъ образомъ, послѣдней (XXXII) главы „Исторіи Западной Европы“, посвященной общей характеристикѣ „умственнаго переворота середины XIX в.“.

шенію къ научному прогрессу, отразившемуся на успѣхахъ техники въ широкомъ смыслѣ, и особенно по отношенію къ общему движенію впередъ въ области общаго міросозерцанія. Собственно говоря, эта вторая тема и составляетъ главное содержаніе указанной главы, какъ будетъ составлять и содержаніе всего слѣдующаго дальше.

Однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій умственнаго переворота середины XIX в. слѣдуетъ признать вытѣсненіе научными точками зрѣнія и пріемами мысли прежнихъ мистическихъ, метафизическихъ и романтическихъ идей не только въ общемъ міросозерцаніи, но и въ пониманіи общественныхъ задачъ и способовъ ихъ рѣшенія. Реакція противъ прежняго „идеалистическаго" направленія во имя „реализма" ударялась иногда въ серединѣ XIX в. въ противоположную крайность довольно грубаго матеріализма, какъ тоже, несомнѣнно, чисто метафизическаго ученія, которое достигло наибольшаго своего развитія въ пятидесятыхъ годахъ („Круговоротъ жизни" Молешотта въ 1852 г., „Сила и матерія" Бюхнера въ 1855 г.), а наибольшаго распространенія—въ слѣдующемъ десятилѣтіи. Въ это время матеріализмъ былъ своего рода міровоззрѣніемъ эпохи, пока его исторія, написанная Ланге и вышедшая въ свѣтъ въ 1866 г., не установила на него правильную точку зрѣнія. Въ общественномъ отношеніи матеріализмъ пятидесятыхъ

Кромѣ книгъ, указанныхъ тамъ, см. еще *H. Höffding*. Histoire de la philosophie moderne (1906). Во второмъ томѣ этого капитальнаго труда изложеніе доведено до 1880 г., причемъ изъ мыслителей, о коихъ у насъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ, разсматриваются Шопенгауеръ, Спенсеръ, Гартманъ и Дюрингъ. Продолженіемъ этого тома служитъ: *Г. Гёффдингъ*. Современные философы (1907), гдѣ среди другихъ разсматриваются Вундтъ, Фулье, Авенаріусъ, Гюйо, Ницше, Эйкенъ и Джемсъ. (Цитируемъ ниже первый трудъ „*Höffding*", второй—„*Г. Гёффдингъ*").—*Th. Ziegler*. Die geistigen und sozialen Strömungen des XIX Jahrhundert (1899; рус. сокращ. пер. въ „Мірѣ Божіемъ" за 1900 г., отдѣльный перев.: *Т. Циглеръ*. Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка, 1901).—*Abel Rey*. La philosophie moderne (1908).—*О. Кюльпе*. Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій (1903; подлинникъ составляетъ одинъ изъ выпусковъ изд. „Aus Natur und Leben").—*Алексѣй Введенскій*. Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи (1894).—*В. Лесевичъ*. Письма о научной философіи (1878).—*Его же*. Что такое научная философія (1891). — *J. Bourdeau*. Les maîtres de la pensée contemporaine (4 изд. 1900).—*Г. Челпановъ*. О современныхъ философскихъ направленіяхъ (1902; изд. „на правахъ рукописи", но многое вошло въ его „Введеніе въ философію"). Въ общихъ историческихъ обзорахъ очень рѣдко и очень мало говорится о философіи. См., наприм., стр. 628—629 въ XII томѣ „Исторіи" *Лависса* и *Рамбо*, на которыхъ сказано все, что найдено было нужнымъ, о французской философіи между 1870 и 1900 гг.—Въ томѣ „Ullsteins Weltgeschichte", посвященномъ XIX вѣку, есть глава „Wandlungen der Weltanschauungen", едва на шести страницахъ (впрочемъ, очень большихъ, 367 — 372) разсматривающая этотъ предметъ.

шестидесятыхъ годовъ игралъ ту же роль, какая въ тридцатыхъ и сороковыхъ принадлежала „лѣвому“, радикальному гегельянству. Правда, въ это время уже существовалъ позитивизмъ Конта („Курсъ положительной философіи“ 1830—42 гг.), но онъ оставался неизвѣстнымъ, и только съ шестидесятыхъ годовъ началась пропаганда этого ученія [1]), провозглашавшаго необходимость философіи, основанной исключительно на положительномъ научномъ знаніи, и, равнымъ образомъ, чисто научной теоріи общества, соціологіи. Въ 1867 г. вышло въ свѣтъ второе изданіе контовскаго „Курса“ и сталъ издаваться спеціально позитивистическій журналъ Литтре и Вырубова („Philosophie positive“). Настоящее, широкое вліяніе позитивизма относится уже къ семидесятымъ годамъ, когда, между прочимъ, онъ сталъ пользоваться большою популярностью и въ Россіи. Съ конца же пятидесятыхъ до начала семидесятыхъ годовъ появился и рядъ замѣчательныхъ книгъ, внесшихъ новыя реалистическія струи въ общее міросозерцаніе эпохи семидесятыхъ годовъ, каковы: „Исторія цивилизаціи въ Англіи“ Бокля (1858—59), „Происхожденіе видовъ“ и „Происхожденіе человѣка“ Дарвина (1859 и 1871), „Основныя начала“ Спенсера (1862), за которыми послѣдовали и другія его сочиненія, „Душа человѣка и животныхъ“ Вундта (1863), „Объ умѣ и познаніи“ (De l'intelligence) Тэна (1870) и др. Реакція противъ метафизическихъ построеній въ духѣ системъ Фихте, Шеллинга и Гегеля выразилась и въ томъ „возвращеніи къ Канту“, къ его критической философіи, однимъ изъ первыхъ проявленій котораго была „Исторія матеріализма“ Ланге, проповѣдовавшая отказъ отъ проникновенія въ сокровенную, недоступную нашему знанію сущность вещей: въ этой проповѣди были родственныя черты съ тѣмъ, что говорилось на этотъ счетъ и въ „Курсѣ“ Конта, и въ „Основныхъ началахъ“ Спенсера. Немалую услугу неокантіанскому движенію оказалъ еще въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ великій нѣмецкій натуралистъ Гельмгольцъ, объявившій, что результаты физіологіи органовъ чувствъ вполнѣ согласуются съ основною точкою зрѣнія „Критики чистаго разума“. На эту точку зрѣнія стали въ шестидесятыхъ годахъ очень многіе натуралисты, и ее же въ 1872 г. формулировалъ извѣстный нѣмецкій ученый Дю-Буа-Реймонъ въ рѣчи „О границахъ знанія природы“, гдѣ онъ заявилъ, что естествознаніе должно разъ навсегда отказаться отъ рѣшенія метафизическихъ вопросовъ о сущности вещей. Таковы были наиболѣе важныя проявленія новаго реалистическаго міросозерцанія, которое уже успѣло оказать свое вліяніе и на нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей разсматриваемой въ настоящемъ томѣ эпохи. Не безъ слѣда остался общій реалистическій тонъ новыхъ умствен-

[1]) Книга Литтре о Контѣ 1863 г. и книга о немъ Милля 1865 г.

ныхъ теченій, равнымъ образомъ, на произведеніяхъ изящной литературы и искусства.

Вопросъ, который мы теперь послѣ всего сказаннаго должны себѣ поставить, заключается въ томъ, какую судьбу испытали на себѣ, въ общемъ, тѣ умственныя теченія, которыя съ такимъ блескомъ и съ такою силою проявились въ исторіи философіи и науки въ серединѣ XIX в. Другими словами, отнюдь не претендуя на то, чтобы дать въ послѣдующемъ обзорѣ главу изъ исторіи философіи и науки въ послѣдней трети XIX в., я предполагаю отвѣтить лишь на вопросы: продолжалось ли между 1870 и 1900 г. начавшееся раньше вытѣсненіе научнымъ духомъ метафизическаго устремленія въ потусторонній міръ „ноуменовъ" или, наоборотъ, верхъ взяла метафизика надъ наукою? Продолжалось ли „возвращеніе къ Канту", или, наоборотъ, оживали скорѣе традиціи временъ Фихте, Шеллинга и Гегеля? Продолжало ли, далѣе, попрежнему естествознаніе доминировать своими основными точками зрѣнія и методами надъ всею областью научнаго знанія, или, наоборотъ, опять чистая спекуляція начала овладѣвать всѣмъ полемъ человѣческаго знанія, какъ во времена Гегеля? Совсѣмъ ли, затѣмъ, былъ побитъ метафизическій матеріализмъ Бюхнера и др., или и въ разсматриваемую эпоху онъ еще имѣлъ и видныхъ представителей, и многочисленныхъ сторонниковъ? Наконецъ, какова была судьба основной идеи позитивизма послѣ того, какъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ взгляды Конта, до того времени очень мало распространенные въ обществѣ, обратили на себя всеобщее вниманіе и сдѣлались предметомъ научно-философской обработки.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи поэтому читатель не въ правѣ искать ни исторіи разрѣшенія главнѣйшихъ гносеологическихъ, онтологическихъ и этическихъ проблемъ въ философской литературѣ послѣдней трети XIX в. [1]), ни исторіи отдѣльныхъ ученій, взятыхъ каждое въ его цѣломъ: для всего этого потребовалась бы не одна глава (здѣсь

[1]) Въ концѣ XIX и началѣ XX в. обзоромъ проблемъ философіи запялись авторы цѣлаго ряда „Введеній въ философію" (Паульсенъ, Вундтъ, Кюльпе, Іерузалемъ, Струве, Челпановъ, Ивановскій и др.), что очень характерно, для эпохи ихъ появленія, именно, что стали появляться „введенія", а не „системы". Отмѣчу, что за философской литературой по нѣкоторымъ вопросамъ мнѣ приходилось слѣдить по временамъ болѣе или менѣе систематично, и для настоящей главы пришлось использовать кое-что изъ читаннаго еще при работѣ надъ „Основными вопросами философіи исторіи" (1883), надъ популярными „Бесѣдами о выработкѣ міросозерцанія" (1895) и надъ „Мыслями объ основахъ нравственности" (1895). Въ первомъ изданіи послѣдней книжки имѣется даже обзоръ новѣйшей литературы по этикѣ, выпущенный, однако, при перепечаткѣ книжки въ виду того, что я намѣревался тогда переработать этотъ обзоръ (дополнивъ его) въ большую статью.

даже только часть главы), а цѣлая книга, для написанія которой понадобилось бы и гораздо большее количество матеріала, нежели тотъ, которымъ я располагалъ [1]). Т.-е. моею задачею вовсе не было написать исторію философскихъ теорій, какъ не было, наприм., моимъ намѣреніемъ и излагать исторію политической экономіи, когда приходилось говорить о тѣхъ или другихъ экономистахъ и отдѣльныхъ книгахъ по названной наукѣ. Нельзя забывать, что философское движеніе происходило одновременно въ цѣломъ рядѣ странъ, причемъ въ каждой разбивалось на нѣсколько направленій,—обстоятельство, крайне затрудняющее сколько-нибудь полную характеристику движенія, какую бы общую тенденцію самъ историкъ ни усматривалъ въ этомъ разнообразіи [2]). Не меньшую трудность представила бы собою задача и сколько-нибудь исчерпывающихъ характеристикъ отдѣльныхъ философовъ, особенно тѣхъ, у которыхъ силенъ элементъ творческой мысли, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могущій быть совершенно понятнымъ лишь подъ условіемъ ознакомленія со всѣмъ внутреннимъ міромъ философа [3]). Наконецъ, я совершенно устраняю и разсмотрѣніе той

---

[1]) *А. Rey* говоритъ, что свою книгу „La philosophie moderne“ онъ могъ бы назвать „un exposé sommaire de la forme sous laquelle les grands problèmes de la philosophie se posent à l'heure actuelle“, если бы это заглавіе не было такъ длинно.

[2]) *Проф. Алексѣй Введенскій* характеризуетъ состояніе германской философіи въ концѣ XIX в. двумя чертами: во-первыхъ, чрезвычайнымъ дробленіемъ философскихъ школъ, доходящимъ до утраты взаимнаго интереса и пониманія, а во-вторыхъ, невыясненностью или шаткостью отношенія философіи къ точнымъ наукамъ. Современное состояніе философіи, стр. 1 и слѣд. Тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что почвою для соглашенія разныхъ школъ и для огражденія самостоятельности философіи отъ точныхъ наукъ послужитъ философія волунтаризма или пантелизма. стр. 6. *О. Кюльпе* подводитъ новѣйшія философскія направленія въ Германіи подъ категоріи позитивизма, матеріализма, натурализма и идеализма, противополагая послѣдній первымъ тремъ, которые „хотятъ быть чистой философіей дѣйствительности“ и „совершенно уклоняются отъ метафизики“, причемъ позитивизмъ онъ все-таки ставитъ выше двухъ другихъ не-идеалистическихъ направленій. Современная философія въ Германіи, стр. 21 и 26—29. Главное мѣсто въ современномъ философскомъ движеніи *О. Кюльпе* отводитъ позитивизму и идеализму, которые, по его мнѣнію, „прекрасно уживаются вмѣстѣ, если оставить въ сторонѣ антиметафизическую тенденцію позитивизма. Оба, прибавляетъ онъ, являются и стремятся быть *научной* философіей, которая относится отрицательно къ произвольной спекуляціи, покоящейся *исключительно* на свободномъ и чистомъ мышленіи“, стр. 129. Классификаціи главныхъ направленій, даваемыя въ обзорахъ современной философіи, далеко между собою не совпадаютъ, равно какъ не совпадаютъ и взгляды ихъ авторовъ на то, что же въ философскомъ движеніи конца XIX в. является главнымъ.

[3]) О вліяніи (или отраженіи) личности философа на его творчествѣ см. въ моихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, кн. II, гл. II по 1 и 2

связи, какую нѣкоторые обозрѣватели стараются установить между отвлеченными философемами и реальными явленіями общественной жизни [1]): здѣсь пока возможны только догадки или совершенно произвольныя объясненія [2]).

Итакъ, первый нашъ вопросъ заключается въ томъ, продолжалось ли вытѣсненіе научнымъ мышленіемъ метафизическихъ построеній или, наоборотъ, метафизика снова взяла перевѣсъ надъ наукою. Въ общемъ, на этотъ вопросъ можно отвѣтить въ томъ смыслѣ, что метафизика не только оказалась не въ состояніи вытѣснить науку изъ занятой ею въ современномъ міросозерцаніи позиціи, но и сама все болѣе и болѣе утрачивала собственныя свои позиціи. По мѣрѣ усиленія отрицательнаго или скептическаго отношенія къ метафизикѣ само ея содержаніе стало расчленяться между отдѣльными философскими дисциплинами, т.-е. логикой (съ гносеологіей), психологіей, этикой, которыя все болѣе и болѣе проникаются духомъ научнаго знанія, и между разными точными науками, поскольку послѣднія касаются основныхъ вопросовъ бытія [3]). Съ другой стороны, сами философы,

---

изд. и гл. VII по 3 изд. (стр. 305 и слѣд. по 1 изд.), гдѣ, между прочимъ, это положеніе иллюстрируется на примѣрахъ Шопенгауера и Гартмана, о чемъ ср. ниже. Дюрингъ, наприм., даже прямо высказывалъ мысль, что философія не простая теорія, а выраженіе чисто личной мысли.

[1]) „Все больше и больше выясняется, говоритъ *Гёффдингъ*, насколько всякое философское теченіе является одновременно и работой мысли, и знаменіемъ времени. Философія есть какъ разработка проблемъ, такъ и нѣкоторый симптомъ, и въ наше время она рѣзко выдвигается въ этой двоякой своей формѣ... Обѣ эти стороны философіи (ихъ можно называть субъективной и объективной ея сторонами) выступаютъ у современныхъ философовъ съ большею рѣзкостью, чѣмъ у философовъ прошлыхъ временъ“. Современные философы (1907), стр. 8. Ср. слѣдующее его замѣчаніе: „мысли Гюйо и Ницше имѣютъ въ большей мѣрѣ значеніе, какъ симптомы того, что происходитъ въ глубинѣ души тѣхъ, кто сильнѣе всего захваченъ жизнью въ наши дни, чѣмъ какъ активный вкладъ въ разработку проблемъ“, стр. 130.

[2]) Я могъ бы привести нѣсколько подробныхъ „объясненій“, но удовольствуюсь ссылкою на слѣдующія два мѣста. „Близился конецъ бисмарковской эры, но теперь только философія облекла ея содержаніе въ форму понятій: великій человѣкъ воли научилъ ее признавать главенство воли не только въ индивидуумѣ, но и въ мірѣ, какъ таковомъ“. *Т. Циглеръ*, стр. 513–514. „Когда германскій народъ, въ лицѣ Бисмарка, человѣка сильной воли, былъ побужденъ имъ къ дѣятельности и подвигамъ и достигъ побѣды и единенія, наступила очередь волюнтаризма“, стр. 324.

[3]) „Бросая общій взглядъ на философію двухъ послѣднихъ десятилѣтій XIX в.“, *Höffding* указываетъ, во-первыхъ, на то, что на философское движеніе во Франціи и Англіи оказывала особое вліяніе нѣмецкая мысль (преимущественно Кантъ и Гегель), а во-вторыхъ на все большее и большее раздѣленіе труда въ этой области, въ видѣ разработки спеціальныхъ вопросовъ

не отказывающіеся отъ постановки и рѣшенія метафизическихъ проблемъ, считаютъ нужнымъ совершать эту работу въ наибольшемъ согласіи съ общимъ духомъ, частными выводами и научными пріемами положительнаго знанія [1]). Образовалось даже цѣлое направленіе такъ называемой эмпирической метафизики, которое ставитъ себѣ задачею быть продолженіемъ науки за границами опытнаго знанія, но съ характерными чертами, присущими послѣднему. Въ этомъ направленіи можно усматривать возвращеніе къ традиціямъ спекулятивной философіи, когда въ ней царилъ идеализмъ, т.-е. своего рода реакцію противъ агностическаго равнодушія или позитивистическаго презрѣнія къ метафизическимъ проблемамъ [2]), но главное, это—то, что въ данномъ случаѣ не метафизика хочетъ диктовать истину наукѣ, а наука призывается на помощь метафизикѣ. Можно быть разнаго мнѣнія о „научности“ этой новѣйшей метафизики и о томъ, что получится въ результатѣ всѣхъ ея исканій [3]), но въ этомъ нельзя не видѣть важ-

---

логики, психологіи и этики внѣ непосредственной связи съ общими проблемами философіи, стр. 513—514.

[1]) Ср. слова *О. Кюльпе* о стремленіи современной философіи быть научною, приведенныя выше, въ прим. 2 на стр. 553.

[2]) Новѣйшій идеализмъ *О. Кюльпе* характеризуетъ, какъ „попытку возобновить старыя стремленія спекулятивной философіи при помощи лучшихъ средствъ, а именно при помощи самихъ спеціальныхъ наукъ... Этотъ идеализмъ, говоритъ онъ, отличается отъ прежнихъ прообразовъ того же направленія не столько своей тенденціей, сколько своимъ методомъ“: именно, „переступая черезъ границы, установленныя опытомъ, онъ вооружается той критической осторожностью и тѣмъ хладнокровіемъ, которые свойственны позитивизму, и тѣмъ уваженіемъ къ естествознанію, которымъ отличаются матеріализмъ и натурализмъ“. По мнѣнію Кюльпе, „въ философіи новый идеализмъ, уже обученный позитивизмомъ, призванъ, отдавая должное старымъ задачамъ философіи, открыть новую эпоху идей и системъ“. Современная философія въ Германіи, стр. 29—30. Ср. также стр. 78 и слѣд., гдѣ у Кюльпе идетъ рѣчь о различіи (главнымъ образомъ, методологическомъ) между старымъ идеализмомъ и современною эмпирическою метафизикой. Въ виду меньшей,—сравнительно съ наукою,—„достовѣрности предвосхищеній, рѣшеній и синтезовъ“ метафизики онъ и „болѣе скромно оцѣниваетъ“ ся значеніе, находя, съ другой стороны, неправильнымъ „впадать и въ тупое равнодушіе къ непознанному или въ гордое позитивистическое самоотреченіе отъ разрѣшенія міровыхъ загадокъ“, стр. 80.

[3]) Ср. критическія замѣчанія *проф. Н. Н. Ланге* (въ предисловіи къ рус. пер. „Современной философіи въ Германіи“ *О. Кюльпе*, стр. X и слѣд.) объ „эмпирической метафизикѣ, т.-е. философіи, которая, основываясь на результатахъ положительныхъ наукъ стремится гипотетически расширить ихъ за предѣлы, доступные нынѣ опыту, связать ихъ такимъ образомъ между собою въ цѣльное міровоззрѣніе и на этомъ міровоззрѣніи основать нравственные идеалы человѣка“. Критикъ находитъ, что „эта новая метафизика ничуть не болѣе научна, чѣмъ старая“, и что она страдаетъ „недостовѣрностью

наго симптома, опредѣляющаго въ значительной мѣрѣ общій характеръ философствованія въ исходѣ XIX в. Даже такой типичный представитель метафизическаго мышленія, какимъ является Гартманъ [1]), думалъ придать научный вѣсъ своей „Философіи Безсознательнаго" [2]) заявленіемъ въ самомъ же заголовкѣ книги, что это—спекулятивные выводы изъ эмпирическихъ данныхъ естествознанія. Немалое значеніе въ этомъ внѣдреніи научнаго духа въ чистое умозрѣніе новѣйшаго времени принадлежитъ тому обстоятельству, что за рѣшеніе философскихъ проблемъ нерѣдко брались люди съ основательною естественно-историческою подготовкою [3]).

Противъ всего сказаннаго можно сдѣлать то возраженіе, что за разсматриваемый періодъ времени тѣмъ не менѣе появился цѣлый рядъ философовъ, которые, несомнѣнно, должны быть отнесены къ числу представителей метафизики, и что въ самомъ обществѣ нѣкоторые изъ нихъ (или даже болѣе ранніе) пользовались большою популярностью. Конечно, это такъ, но поскольку, съ одной стороны, метафизическіе запросы присущи самой человѣческой природѣ [4]), а съ другой, поскольку, популярность того или другого философа часто создается лишь оригинальностью, новизной и смѣлостью его мысли и чисто литературными достоинствами его произведеній и нерѣдко бываетъ дѣломъ простой моды [5]), метафизическое творчество едва ли когда-либо прекратится, и едва ли когда-либо не будетъ больше по-

---

своихъ выводовъ и неясностью въ опредѣленіи своей задачи". Наоборотъ, другой русскій профессоръ философіи (*Г. И. Челпановъ* въ книжкѣ „О современныхъ философскихъ направленіяхъ", 1902) держится на этотъ счетъ положительнаго взгляда. Онъ называетъ эту метафизику „индуктивной".

[1]) „Гартманъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу самыхъ энергичныхъ и явныхъ поборниковъ реализма (-трансцендентальнаго) въ борьбѣ съ антиметафизическими тенденціями современныхъ естествоиспытателей и философовъ". *О. Кюльпе.* Современная философія въ Германіи, стр. 107.

[2]) См. ниже, стр. 560 и слѣд.

[3]) Отъ естествознанія перешли къ философіи Вундтъ и Махъ, отъ медицины—Джемсъ. Изъ естествоиспытателей, занимавшихся философіей, слѣдуетъ назвать физиковъ Максуэлля, Эрнста Маха и Герца, химика Оствальда. Обзоръ ихъ ученій см. у *Гёффдинга*, стр. 100 и слѣд.

[4]) Ср. развитіе этой мысли въ книгѣ *A. Fouillée.* L'avenir de la metaphysique (1889), въ первой главѣ коей говорится о „pérennité de la métaphysique".

[5]) Говоря объ успѣхѣ „Мировыхъ загадокъ" Геккеля въ публикѣ, *О. Кюльпе* замѣчаетъ, что „въ этомъ случаѣ сыграла роль та безразсудная толпа, которая сегодня въ слѣпомъ энтузіазмѣ почитаетъ Геккеля, между тѣмъ какъ она, быть можетъ, еще вчера предавалась культу Ницше, а третьяго дня клялась въ вѣрности Шопенгауеру". Современная философія въ Германіи, стр. 61. Ср. у него еще мѣсто, гдѣ успѣхъ, какимъ пользовались Шопенгауеръ, Ницше и Геккель, объясняется литературными достоинствами этихъ философовъ, 18 и 19. По поводу моды на Ницше у насъ будетъ еще рѣчь идти впереди.

вальныхъ, но скоро преходящихъ увлеченій въ родѣ тѣхъ, какими ознаменованы были и нѣкоторые моменты послѣдней трети XIX в. Человѣческая душа есть нѣчто столь сложное, что въ ней всегда найдутся такія струны, которыя будутъ звучать въ унисонъ съ авторами книгъ,—будутъ ли то поэты, романисты, публицисты или философы,—особенно проникнутыхъ опредѣленными и рѣзко выраженными настроеніями.

Съ этой точки зрѣнія очень характерна въ исторіи разсматриваемаго періода общественная мода на пессимистическую философію, отличающая семидесятые годы. О причинахъ увлеченія пессимизмомъ въ эти годы разсуждали разно [1]), но вполнѣ удовлетворительныхъ объясненій я не знаю, если только не прибѣгать къ гипотезѣ своего рода психической заразы (съ проявленіемъ въ ней „законовъ подражанія") тѣмъ болѣе, что далеко еще не доказано, чтобы всѣ многочисленные читатели и почитатели Шопенгауера и Гартмана на самомъ дѣлѣ были проникнуты пессимистическимъ настроеніемъ, — скорѣе въ этомъ позволительно сомнѣваться [2]). Во всякомъ случаѣ, харак-

---

[1]) „Пессимистическое настроеніе, говоритъ *Виндельбандъ*, господствовавшее въ Германіи въ первыя десятилѣтія второй половины XIX в., легко объясняется политическими и соціальными условіями, а потому считается обыкновенно вполнѣ понятнымъ, что шопенгауеровское ученіе было воспринято съ такою жадностью, чему способствовали, впрочемъ, еще и блестящія качества этого писателя. Приходится, продолжаетъ онъ, удивляться и задумываться надъ тѣмъ, что это настроеніе пережило 1870 годъ и какъ-разъ въ послѣдующее десятилѣтіе нашло себѣ исходъ въ той безбрежной популярно-философской болтовнѣ, которая на нѣкоторое время вполнѣ завладѣла общей литературой. Историко-культурное изслѣдованіе, конечно, должно отмѣтить здѣсь истощенія и пресыщенія; въ историко-философскомъ же смыслѣ это движеніе остается связаннымъ, главнымъ образомъ, съ блестящимъ и ослѣпляющимъ появленіемъ „Философіи Безсознательнаго", II, 380. Ср. замѣчанія о пессимизмѣ у *Т. Циглера*, который выводитъ его изъ настроенія, господствовавшаго въ пятидесятыхъ годахъ (стр. 311 и слѣд., и соображенія *H. Lichtenberger* (L'Allemagne moderne, стр. 302 и слѣд.) о причинахъ распространенія пессимизма во второй половинѣ XIX в. Изъ общей литературы о пессимизмѣ укажемъ: *Е. Каро.* Пессимизмъ въ XIX в. — *Паульсенъ.* Основанія и причины пессимизма. — *Дж. Сёлли.* Пессимизмъ. Исторія и критика (1893).

[2]) Рисуя настроеніе современной французской буржуазіи, *Н. Е. Кудринъ* говоритъ, между прочимъ, о томъ, какъ средній буржуа при зрѣлищѣ нищеты и бѣдствій припоминаетъ читанное или слышанное о Шопенгауерѣ и о блаженствѣ небытія. „Этотъ современный пессимизмъ, продолжаетъ онъ,—сущій кладъ для современнаго мѣщанства. Все скверное, съ этой точки зрѣнія, совершается по желѣзнымъ законамъ естества, и никто ни въ чемъ не виноватъ. Значитъ, будемъ влачить въ этой юдоли плача наше бремя жизни,—каждый на свой манеръ, каждый при разныхъ условіяхъ, одинъ развалясь въ коляскѣ, другой шлепая въ опоркахъ по грязи, но твердо памятуя, что все это когда-нибудь кончится". Очерки современной Франціи, стр. 376.

терно то, что одною изъ приманокъ въ философіи пессимизма была поставка ею совсѣмъ новаго вопроса уже не о сущности міра, занимавшаго, главнымъ образомъ, прежнихъ метафизиковъ, а о цѣнности бытія [1]). Съ точки зрѣнія объективной науки этотъ вопросъ, конечно, неразрѣшимъ [2]), но что онъ на время взволновалъ большіе круги общества, есть фактъ, мимо котораго пройти, не отмѣтивъ, его нельзя. Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ здѣсь остановиться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, на обоихъ главныхъ представителяхъ бывшаго въ семидесятыхъ годахъ моднымъ пессимизма, т.-е. на Шопенгауерѣ и Гартманѣ. Перваго изъ нихъ въ это время давно уже не было въ живыхъ, но тѣмъ знаменательнѣе его посмертная слава и его вліяніе изъ-за гроба [3]).

Философская дѣятельность Шопенгауера относится еще къ первой половинѣ XIX в., когда онъ не имѣлъ никакого успѣха: главный его трудъ „Міръ, какъ воля и представленіе“, вышедшій въ свѣтъ въ 1819 г., едва былъ отмѣченъ, да и то не сразу, тремя рецензентами, а читающая публика и совсѣмъ не обратила на него вниманія; не меньшую неудачу претерпѣли и его университетскія лекціи со стороны студентовъ. Шопенгауеръ издалъ названный трудъ и началъ преподовательскую дѣятельность въ эпоху всеобщаго увлеченія Гегелемъ, котораго, кстати замѣтимъ, Шопенгауеръ страшно не любилъ [4]).

---

[1]) О пессимизмѣ см. книгу *Vaihinger'а* „Hartmann, Dühring und Lange“ (1876), многочисленныя ссылки на которую имѣются въ моихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“ (кн. II, гл. II и V по изд. 1 и 2, глава VII и X по 3 изд.). Любопытно, что автору названной книги приходилось доказывать законность отдѣленія ученія vom Werth der Welt отъ ученія vom Wesen der Welt. *Höffding* называетъ радикальный пессимизмъ Шопенгауера „явленіемъ большой важности въ исторіи цивилизаціи“, такъ какъ онъ „обнажилъ антиноміи и дурныя стороны природы и цивилизаціи“, вслѣдствіе чего „проблема установленія цѣнностей вступила въ новую силу“, стр. 243.

[2]) „Міръ, писали мы въ другомъ мѣстѣ, самъ по себѣ ни дуренъ, ни хорошъ: оптимистъ находитъ въ немъ ту гармонію, которую самъ въ него внесъ; пессимистъ поступаетъ не иначе, отыскивая вездѣ обратную сторону медали. Обоимъ абсолютнымъ направленіямъ можно приписывать субъективно-этическое значеніе, но въ теоретическо-объективномъ имъ нужно отказать“. Основные вопросы философіи исторіи, I, 318 (по изд. 1). Ср. тамъ же, стр. 441 и слѣд., написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ спора между оптимизмомъ и пессимизмомъ въ нѣмецкой философіи семидесятыхъ годовъ, причемъ имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, Дюрингъ и Гартманъ, какъ рѣзко расходившіеся по вопросу о цѣнности бытія.

[3]) Совсѣмъ прошелъ незамѣченнымъ у насъ еще одинъ философъ пессимизма, *Mainländer*, авторъ „Philosophie der Erlösung“, о которой есть интересная работа *S. Smolikowskiego* „Filozofja wyzwolenia“.

[4]) Для Шопенгауера все, что было сдѣлано въ философіи послѣ Канта, есть „Afterphilosophie“: Фихте, Шеллингъ и Гегель—три софиста, особенно по-

Свой неуспѣхъ мрачный философъ объяснялъ простою стачкою завидовавшихъ его геніальности цеховыхъ ученыхъ, профессоровъ философіи. Несмотря на то, что книга совсѣмъ не расходилась, и часть экземпляровъ была даже продана на макулатуру, Шопенгауеръ издалъ и въ тридцатыхъ годахъ нѣсколько сочиненій, которыя постигла та же самая судьба: это были годы увлеченія лѣвыми гегельянцами [1]). Извѣстностью Шопенгауеръ сдѣлался только въ эпоху реакціи пятидесятыхъ годовъ, послѣ крушенія лѣваго гегельянства и революціонныхъ стремленій 1848 г., къ которымъ философъ также относился съ большою злобою, и теперь онъ уже могъ говорить, что вечерняя заря его жизни сдѣлается утреннею зарею его славы: дѣйствительно, слава Шопенгауэра достигла апогея только послѣ его смерти въ 1860 г. Въ семидесятыхъ годахъ (1873—1874) вышло въ свѣтъ и имѣло большой успѣхъ первое собраніе его сочиненій, и скоро возникла цѣлая шопенгауеровская литература [2]): его стали переводить, изучать, начали писать о немъ и о его философіи цѣлыя книги. Весьма естественно, что нѣкоторыя его идеи не могли не оказать своего вліяніе на дальнѣйшее развитіе философіи (на успѣхи неокантіанства, на Ланге, автора „Исторіи матеріализма“, позднѣе на Ницше и т. п.), но насъ здѣсь интересуетъ не эта сторона дѣла, а та популярность, какою философія Шопенгауера пользовалась одно время въ обществѣ.

Дѣло, именно, въ томъ, что Шопенгауеръ былъ философскимъ теоретикомъ пессимизма, — пессимизма не негодованія, вызываемаго несовершенствомъ общественной дѣйствительности, а пессимизма метафизическаго, сводившагося къ объявленію самого бытія и зломъ какъ бы переносившаго въ европейскую философію основныя идеи буддизма [3]). Логически проповѣдь Шопенгауера должна была бы приводить къ самоубійству [4]), разъ жизнь есть страданіе, которое прекращается только смертью, но самъ философъ находилъ, что такой выводъ былъ бы ошибочнымъ, поскольку, убивая себя, истребляютъ не самую сущность зла, заключенную въ міровой волѣ, а лишь одно изъ ея индивидуальныхъ явленій. Къ идеѣ самоубійства, но только не индивидуальнаго,

---

слѣдній, этотъ „geist-und geschmackloser Scharlatan, Unsinnschmierer und Kopfverderber“, философія котораго—„ткань изъ contradictiones in adjecto“, „арлекинада“, „психическое рвотное“.

[1]) Т. V, стр. 354 и слѣд.

[2]) См. въ „Исторіи новой философіи“ *Ибервега-Гейнце.*

[3]) „Какъ Гегель скопировалъ съ себя свой абсолютный духъ, такъ и Шопенгауеръ свое личное настроеніе вынесъ изъ себя, чтобы превратить его въ выраженіе абсолютной цѣнности міра“. Основные вопросы философіи исторіи, I, 311 (по 1 изд.).

[4]) Самоубійствомъ и кончилъ жизнь Майнлендеръ. Ср. выше, стр. 558, примѣч. 3.

а коллективнаго, которымъ долженъ завершиться космическій и исторический процессъ, и пришелъ, въ концѣ концовъ, другой философъ пессимизма, Эдуардъ Гартманъ, тоже пользовавшійся большою популярностью въ началѣ разсматриваемаго историческаго періода.

Книга Гартмана „Философія Безсознательнаго" вышла въ свѣтъ за годъ до начала франко-германской войны (1869), сразу обративъ на себя вниманіе въ обществѣ, потребовавъ нѣсколько изданій и сдѣлавъ имя своего автора одною изъ литературныхъ знаменитостей семидесятыхъ годовъ [1]). Въ своей метафизикѣ Гартманъ былъ послѣдователемъ и продолжателемъ Шопенгауера. Въ „Мірѣ, какъ воля и представленіе" Шопенгауеръ призналъ сущность бытія и основу всего существующаго въ метафизической „волѣ", объявивъ „представленіе" (т.-е. интеллектуальный элементъ) лишь производнымъ и зависимымъ продуктомъ воли, а Гартманъ объединилъ эти два понятія въ нѣкоторомъ единомъ началѣ, которое назвалъ „Безсознательнымъ", въ пользу чего даже привелъ цѣлый рядъ аргументовъ эмпирическаго происхожденія, именно, изъ области естествознанія [2]). Изъ этого „Безсознательнаго", какъ единой сущности міра, Гартманъ вывелъ,—совершенно такъ же, какъ это дѣлали болѣе ранніе метафизики,—весь міровой процессъ, объяснивъ по-своему его начало, изобразивъ и общее его направленіе, а также показавъ, какой будетъ его конецъ. Весь этотъ процессъ онъ фантастически выводилъ изъ того, что одинъ изъ элементовъ „Безсознательнаго", воля, совершенно случайно и вполнѣ безъ всякаго смысла, захотѣла хотѣть, съ чего и началось бытіе, само по себѣ не имѣющее поэтому никакого смысла, т.-е., собственно, и не долженствующее быть, откуда-де и вытекаетъ бѣдствіе и страданіе всего существующаго. Въ силу такого взгляда на происхожденіе міра и такой оцѣнки существованія Гартманъ ставилъ всему космическому и историческому процессу одну только цѣль, могущую считаться разумною,—небытіе. Другой элементъ „Безсознательнаго", представленіе, или идея создаетъ въ цѣляхъ упраздненія существованія постепенно условія, при которыхъ появляются существа, одаренныя сознаніемъ, могущимъ освободиться отъ господства слѣпой воли. Это освобожденіе совершается въ человѣчествѣ, въ которомъ концентрируется міровое сознаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно про-

---

[1]) Въ теченіе двадцати лѣтъ вышло десять изданій главнаго сочиненія Гартмана, а въ 1870—1875 гг.—почти шестьдесятъ работъ, посвященныхъ вопросу. О Гартманѣ тоже существуетъ обширная литература, о которой см. у *Ибервега-Гейнце*. Изъ новѣйшихъ трудовъ о немъ отмѣтимъ: *A. Drews*. E. von Hartmanns philosophisches System im Grundriss (1902).

[2]) *Höffding* вѣрно замѣчаетъ, что Гартманъ соединялъ съ реалистическимъ первымъ планомъ романтическій и мистическій фонъ, стр. 558.

грессирующее въ пониманiи какъ цѣли, такъ и средствъ. Сначала люди воображали, что блаженство для каждой личности возможно здѣсь, на землѣ, но это была только „первая ступень иллюзiи", за которою послѣдовала вторая ступень, состоявшая въ вѣрѣ въ личное же блаженство, но уже лишь за гробомъ; утративъ и эту вѣру, человѣчество отказалось отъ идеи личнаго блаженства, поставивъ цѣлью своихъ стремленiй коллективное блаженство опять на землѣ, но это только третья ступень иллюзiи: когда человѣчество постигнетъ иллюзорность и послѣдняго своего идеала, наиболѣе сознательная часть человѣчества, въ которой будетъ сосредоточено наибольшее количество мiровой воли, совершитъ коллективное самоубiйство, вмѣстѣ съ чѣмъ прекратитъ существованiе и всего мiра [1]).

Время увлеченiя философiей Гартмана было, въ общемъ, весьма непродолжительно [2]), и вообще пессимизмъ столь же быстро вышелъ изъ моды, какъ и вошелъ въ моду, а въ концѣ XIX столѣтiя господствовало уже противоположное настроенiе, объяснить которое можно тоже лишь путемъ болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ [3]). Модный философъ конца вѣка Ницше объявилъ пессимизмъ не столько заблужденiемъ, сколько болѣзнью [4]).

Шопенгауеръ и Гартманъ были на Западѣ послѣдними крупными метафизиками стараго типа, оказывавшими влiянiе на широкiе общественные круги. Другiе философы, стремившiеся познать

---

[1]) Объ историко-философскомъ построенiи Гартмана см. въ „Основныхъ вопросахъ философiи исторiи", I, 313 и слѣд. (по 1 изд.). „Какъ въ „хитрости" гегелевскаго всемiрнаго духа рисуется самъ Гегель, такъ „Безсознательное" Гартмана есть какъ бы его собственное олицетворенiе: Гартманъ узналъ его секретъ „подстрекать людей къ подвигамъ, совершить которые они въ большинствѣ случаевъ были бы неспособны, еслибы прозрѣвали истинныя цѣли „Безсознательнаго"... Та „демоническая иронiя", которою онъ надѣляетъ свое „Безсознательное", можетъ быть всецѣло отнесена къ Гартману". Основные вопросы философiи исторiи, I, 315 (по 1 изд.).

[2]) По указанiю *Т. Циглера* „съ 1877 г. къ метафизикѣ Гартмана не относились серьезно" и „на нее уже не обращали вниманiя", стр. 321. Причина—въ усиленiи поворота къ Канту, каковой авторъ видитъ и въ томъ, что въ философiи Шопенгауера стали больше интересоваться ея кантiанскою, а не пессимистическою стороною, стр. 321.

[3]) „Peu à peu l'athmosphère spirituelle s'éclaircit en Allemagne. Les succès militaires de 1866 et de 1870, le magnifique essor économique du pays, l'avènement de la grande politique inpérialiste et mondiale font naître dans les ésprits des dispositions nouvelles. Au découragement succède l'effort jouyeux vers la puissance... Nietzsche pose d'une manière nouvelle le problème de la valeur de l'existence". *H. Lichtenberger*. L'Allemagne moderne, стр. 304. „Et peu à peu, vers la fin du siècle, le culte de la vie se répand de plus en plus", стр. 306. Ср. выше, стр. 554, примѣч. 2.

[4]) См. ниже.

сущность міра, никогда не достигали такого положенія, а между тѣмъ метафизическія попытки не прекращались и въ теченіе всего послѣдующаго времени, и притомъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ наклономъ къ религіи, какъ это мы видимъ, наприм., въ дѣятельности Эйкена [1].

Несмотря на временныя увлеченія тѣми или другими философами рѣзко метафизическаго типа, направленіемъ, прочно господствовавшимъ въ концѣ XIX в., было все-таки такъ называемое „возвращеніе къ Канту“ [2], результатомъ котораго явилось „неокантіанство“. Подъ этимъ терминомъ отнюдь не слѣдуетъ разумѣть наличности какого-либо цѣльнаго ученія [3]: подъ общее названіе неокантіанцевъ обыкновенно подводятъ всѣхъ философовъ, считающихъ себя послѣдователями Канта, но это одно только и даетъ имъ право

---

[1]) *Rud. Eucken,* начавшій писать еще въ семидесятыхъ годахъ, занимался историко-философскими вопросами, потомъ перешелъ къ рѣшенію проблемъ чисто философскихъ и окончательно сосредоточилъ свои занятія на религіи. Особенность его міросозерцанія та, что онъ въ бытіи различаетъ матеріальную, психическую и духовную области, изъ которыхъ двѣ первыя служатъ основами для натурализма и идеализма, сводящихъ все либо къ механикѣ, либо къ логикѣ. Ни та, ни другая система не удовлетворяетъ Эйкена, и онъ сдѣлалъ основнымъ своимъ понятіемъ самостоятельную сверхприродную жизнь духа (Geistesleben), находящуюся въ глубочайшемъ противорѣчіи съ природною дѣйствительностью. На почвѣ этого конфликта и возникаетъ религіозное стремленіе. Der Kampf um einen geistigen Lebensgehalt. Neue Grundlegung einer Weltanschauung. Der Wahrheitsgehalt der Religion (1901). Въ Россіи съ семидесятыхъ годовъ главнымъ представителемъ метафизической реакціи противъ позитивизма былъ, какъ извѣстно, Владиміръ Соловьевъ, магистерская диссертація котораго „Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ“ (1874) вызвала въ нашей литературѣ большую полемику (*К. Кавелинъ.* „Апріорная философія или положительная наука?“—*В. Лесевичъ.* „Какъ иногда пишутся диссертаціи“ и др.). Сама метафизика Соловьева имѣла религіозный характеръ, что̀ позволило, напр., одному изъ его поклонниковъ (*Э. Л. Радлову* въ статьѣ о немъ въ „Энцикл. Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона) сказать, что, въ сущности, для Соловьева философія была ancilla theologiae.

[2]) На поворотъ къ Канту оказали вліяніе появившееся въ 1860 г. блестящее изложеніе критической философіи, сдѣланное Куно Фишеромъ, книга *Liebmann'a* „Kant und die Epigonen“, „Исторія матеріализма“ Ланге (см. у насъ т. V, стр. 851) и т. п. Въ Германіи образовалась даже своего рода „кантіанская филологія, столь же точная и мелочная, какъ гетевская филологія“ (*H. Lichtenberger*, 298); съ 1896 г. сталъ издаваться періодическій органъ (Kantstudien), посвященный Канту, а въ 1900 г. берлинская академія наукъ предприняла критическое изданіе его сочиненій. Въ Россіи на неокантіанской точкѣ зрѣнія особенно стоитъ петербургскій проф. *Александръ И. Введенскій.*

[3]) *Höffding* справедливо подчеркиваетъ, что неокантіанство не есть опредѣленная школа, а лишь стремленіе подвергать гносеологической критикѣ понятія, которыми мы пользуемся, стр. 575.

быть зачисленными въ данную категорію. Отрицая вслѣдъ за Кантомъ метафизику, стремясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ соглашенію своихъ идей съ выводами положительной науки, а потому находясь въ большей или меньшей близости къ позитивизму, неокантіанцы почти во всемъ остальномъ заняли довольно-таки несходныя позиціи, тѣмъ болѣе, что сама двойственность критикъ „чистаго“ и „практическаго разума“ должна была дать начало очень различнымъ направленіямъ. Самое существенное въ неокантіанствѣ, при всемъ разногласіи въ нѣкоторыхъ даже очень важныхъ пунктахъ, это—признаваніе недоступности „вещи самой въ себѣ“ для человѣческаго познанія и, слѣдовательно, ограничиваніе познанія одними лишь „явленіями“, или феноменами. Въ этомъ и заключается сущность „критицизма“ не въ смыслѣ метода, а въ смыслѣ согласія съ основнымъ положеніемъ критической философіи Канта.

Нашему познаванію доступенъ только міръ явленій, это есть, равнымъ образомъ, и основной тезисъ позитивизма, въ болѣе широкомъ смыслѣ не одного только ученія Огюста Конта, а потому неокантіанскій критицизмъ, философски болѣе глубокій, и позитивизмъ, съ гносеологической точки зрѣнія болѣе догматическій, и, слѣдовательно, болѣе поверхностный, представляютъ собою направленія, находящіяся въ нѣкоторомъ родствѣ между собою: между обоими направленіями возможны своего рода переходныя ступени [1]). Въ послѣднія десятилѣтія XIX в. выдвинулся впередъ цѣлый рядъ философовъ, поставившихъ своею задачею борьбу съ метафизикой съ точки зрѣнія гносеологическаго критицизма. Таковы особенно Риль, Лаасъ [2]), Авена-

---

[1]) „Вслѣдствіе глубокой оппозиціи по отношенію къ романтической философіи, многіе изъ тѣхъ, которые изучали Канта, бросились въ объятія позитивизма“, замѣчаетъ *Höffding*, стр. 575. Критическую философію и позитивизмъ онъ называетъ „deux tendances qui se combattent... dans toute la philosophie de l'époque moderne“, стр. 576. Въ Россіи особенно *В. В. Лесевичъ* сближалъ позитивизмъ съ критицизмомъ. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія его „Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи“ (1877), гдѣ онъ упрекалъ послѣдователей Конта въ томъ, что они застыли на своего рода догматизмѣ, и указывалъ на новѣйшую научно-критическую философію (или на критическій реализмъ), какъ на направленіе, только и могущее возвести позитивизмъ на высшую ступень развитія. Ср. названныя выше (стр. 550) сочиненія *Лесевича*. О родственности позитивизма и неокантіанства см. еще въ книгѣ *Э. Кёнига* о Вундтѣ (рус. пер., изд. въ 1902 г.), стр. 7 и слѣд. Ср. *Zimmermann*. Kant und Comte in ihrem Verhältniss zur Metaphysik (1885).

[2]) Съ идеями Риля и Лааса русскую публику особенно знакомилъ *В. В. Лесевичъ* (Письма о научной философіи), который, какъ было сказано въ предыдущемъ прим., считалъ необходимымъ обосновать позитивизмъ на крити-

ріусъ. Цѣлью стремленій Риля, автора „Философскаго критицизма и его значенія для положительной науки" (1876 и слѣд.),—большого труда, часть котораго была въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ переведена по-русски [1]),—было создать научную философію, въ смыслѣ цѣльнаго міросозерцанія, которое основывалось бы на данныхъ и выводахъ положительной науки. Борьба съ метафизикою проходитъ черезъ всю дѣятельность Риля, для котораго теоретическая философія, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, является только критикою познанія, т.-е. особою наукою съ спеціальною задачею не только изслѣдованія возможности и границъ, источниковъ и формъ познаванія, но и опроверженія всякихъ метафизическихъ измышленій. Практическая философія, по убѣжденію Риля, должна ограничиваться областью нашихъ идеаловъ, т.-е. творчествомъ того, что̀ должно быть, безъ какихъ бы то ни было изслѣдованій, касающихся того, что̀ есть, а потому дѣйствовать не аргументами, но вызывая въ людяхъ вѣру въ нѣчто лучшее, долженствующее быть осуществленнымъ дѣятельностью человѣка. Эрнстъ Лаасъ, бывшій профессоромъ философіи въ Страсбургѣ, въ своемъ „Идеализмѣ и позитивизмѣ" (1879 — 1884) единственнымъ основаніемъ познанія признавалъ опытъ, защищая въ этомъ отношеніи взгляды Протагора, Юма и Милля, т.-е., въ сущности, точку зрѣнія позитивистическую противъ идеализма.

Наиболѣе замѣчательнымъ философомъ этой группы былъ цюрихскій профессоръ Рихардъ Авенаріусъ, обозначившій свою философію, какъ „эмпиріокритицизмъ" [2]). Новымъ въ этомъ направленіи

цизмѣ, а впослѣдствіи старался привить въ Россіи интересъ къ философіи Авенаріуса, о чемъ см. ниже, въ примѣч. 2 на этой же стр.

[1]) *А. Риль.* Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма (1888). Кромѣ книги „Der philosophische Kritizismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft", Риль написалъ еще брошюру „Ueber wissenschaftliche und unwissenchaftliche Philosophie" (1883), переведенную по русски въ приложеніи къ „Теоріи науки".

[2]) Объ Авенаріусѣ и его эмпиріокритицизмѣ уже существуетъ большая литература. Однимъ изъ первыхъ его пропагандировалъ *Fr. Karstanjen,* („Fr. Avenarius biomechanische Grundlegung der neuen allgemeinen Erkenntnisstheorie"), извѣстный русскимъ читателямъ и по переводамъ („Введеніе въ критику чистаго опыта" въ перев. *В. В. Лесевича.* 1898 и „Рих. Авенаріусъ, и его общая теорія познанія" въ пер. Шиманскаго, 1902). Работа *I. Petzold'a* „Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung" (1903), имѣющая характеръ и самостоятельнаго изслѣдованія вопроса, тоже существуетъ въ рус. пер. (1909). Въ Россіи особо горячимъ сторонникомъ Авенаріуса выступилъ изслѣдователь вопросовъ научной философіи (см. названія его соч. выше, стр. 550), покойный *В. В. Лесевичъ,* который написалъ объ Авенаріусѣ ст. „Философское наслѣдіе XIX в." (въ „Рус. Бог." за 1896 г.). Кромѣ того, по русски объ Авенаріусѣ писали *М. М. Филипповъ* („Науч. Обозр." за 1898 г.), *Г. И. Челпа-*

была попытка создать общую теорію опыта безъ какихъ бы то ни было гносеологическихъ предпосылокъ, будутъ ли онѣ имѣть своимъ предметомъ мыслящій субъектъ или же объектъ мышленія. Исходнымъ пунктомъ своей эмпиріокритической философіи Авенаріусъ взялъ чистый опытъ (reine Erfahrung) въ томъ, именно, его видѣ, въ какомъ его непосредственно познаютъ люди вообще, т.-е. и философы, и профаны, среди же философовъ мыслители разныхъ направленій, начиная матеріалистами и кончая идеалистами. Свои идеи Авенаріусъ развилъ, главнымъ образомъ, въ трехъ трудахъ [1]: „Философія, какъ мышленіе о мірѣ, согласно принципу о наименьшей мѣрѣ силъ“ (1874), „Критика чистаго опыта“ (1888—1890) и „Человѣческое понятіе о мірѣ“ (1891). Въ первомъ изъ этихъ произведеній Авенаріусъ выдвинулъ впередъ ту идею, что философія должна разсматриваться, какъ научное стремленіе мыслить совокупность данныхъ опыта съ возможно меньшей затратой силы (der Prinzip des kleinstes Kraftmasses), откуда задача философіи—достигнуть чистаго опыта посредствомъ элиминаціи изъ познанія всего, что самъ данный намъ опытъ въ себѣ не заключаетъ. Во второмъ трудѣ онъ призналъ прямо возможнымъ установить, какъ общее правило, то, что мы постоянно приближаемся къ чистому опыту по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе эманципируемся отъ всѣхъ понятій, которыя не заключаются въ самихъ данныхъ опыта. Въ третьемъ, наконецъ, своемъ трудѣ Авенаріусъ указалъ, гдѣ, по его мнѣнію, находится источникъ осложненія чистаго опыта: это — анимизмъ и вообще пониманіе внѣшнихъ явленій по аналогіи съ самими собою. Чистымъ опытомъ онъ признавалъ поэтому воспроизведеніе даннаго въ опытѣ безъ какихъ бы то ни было субъективныхъ примѣсей, но и самъ онъ оговаривался, что къ чистому опыту можно только приближаться, вполнѣ же его

новъ (Кіевскія „Унив. Извѣстія“ за тотъ же годъ), *проф. Кудрявцевъ* (въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад.“ за 1903 г.), *И. И. Лапшинъ* (въ первомъ дополнительномъ томѣ „Энц. Слов.“ Брокгауза-Ефрона, 1905 г.) и др. Только что, наконецъ, вышла въ свѣтъ русская книга *Д. Викторова* „Эмпиріокритицизмъ или философія чистаго опыта“ (1909), о которой уже были даны въ печати благопріятные отзывы. См. также *Э. Эрдманъ.* Пролегомены къ общей теоріи понятій на эмпиріокритическомъ основаніи (1903). Интересно, что эмпиріокритицизмъ Авенаріуса за послѣднее время стремятся использовать въ интересахъ экономическаго матеріализма (ср. ниже). Для опредѣленія генезиса эмпиріокритицизма важною признаётся статья *Вундта* „Ueber den naiven und kritischen Realismus“ (въ „Phil. Studien“ 1896—97 гг.), но, наприм., *Гёффдингъ* находитъ мнѣніе Вундта, что Авенаріусъ — матеріалистъ, несправедливымъ стр. 258.

[1]) Имѣются первое и третье въ рус. пер. *М. М. Филиппова.*

никогда нельзя достигнуть [1]). „Невозможно трудная терминологія эмпиріокритицизма“, какъ аттестуетъ ее, наприм., Виндельбандъ [2]), эти причудливые неологизмы Авенаріуса, на которые жалуются и другіе авторы, были одною изъ помѣхъ для болѣе быстраго распространенія этой новой теоріи.

Нечего говорить, что неокантіанское движеніе, столь сильное послѣ крушенія идеализма первой половины XIX в., гораздо больше благопріятствуетъ вліянію на философію со стороны положительной науки вообще и въ частности естествознанія [3]), нежели со стороны

---

[1]) Послѣдователь Авенаріуса *Іозефъ Петцольдъ* во „Введеніи въ философію чистаго опыта“ говоритъ о своемъ учителѣ, что уже съ юношескихъ лѣтъ онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, которое можетъ быть описано слѣдующимъ образомъ: „чтобы достичь правильныхъ воззрѣній на міръ, мы должны разсматривать вещи и процессы возможно болѣе безъ предубѣжденій, поддаваться всецѣло ихъ воздѣйствію на насъ, не отнимая отъ нихъ ничего и ничего къ нимъ не прибавляя, приспособить наше мышленіе возможно болѣе совершенно къ окружающей насъ средѣ, возможно тщательнѣе принаравливать наши мысли къ фактамъ, отказаться отъ всякой метафизики, значеніе которой въ лучшемъ случаѣ не выше же значенія поэтическаго вымысла, или, по крайней мѣрѣ, не давать ей вліять на научное изслѣдованіе, давать, слѣдовательно, слово одному только *опыту*, опыту безъ всякихъ примѣсей, не поддающихся опытному доказательству, — чистому опыту“. I, 322 по рус. пер. *Г. А. Котляра* (изд. 1909 г.).

[2]) *Виндельбандъ*, Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. 2 изд. подъ ред. *проф. А. И. Введенскаго*, т. II, стр. 366.

[3]) „Рѣшающимъ моментомъ въ философскомъ движеніи XIX в. является, безъ сомнѣнія, такой вопросъ: какое значеніе можетъ имѣть для общаго воззрѣнія на міръ и на жизнь естественно-научное пониманіе явленій? Вліяніе, пріобрѣтенное этой спеціальной наукой на философію и общую духовную жизнь, хотя сперва было въ XIX в. нѣсколько задержано и оттѣснено на задній планъ, но зато впослѣдствіи оно проявилось съ тѣмъ большею силою“. *В. Виндельбандъ*, стр. 346. „Конецъ XIX в., оговаривается тотъ же ученый, пережилъ относительно быстрое паденіе міровоззрѣнія, опредѣляемаго исключительно понятіями и гипотезами заимствованными у естествознанія; терминъ „натурфилософія“ опять въ чести, а въ теоріяхъ „энергетики“ подготовляется съ этой стороны новая форма философскаго пониманія природы“, стр. 357 (со ссылкою на книгу *W. Ostwald'а* Vorlesungen über Naturphilosophie, 1903).—„Прежнія системы философіи,—говоритъ послѣдователь Авенаріуса *Петцольдъ*,—терпѣли полное крушеніе, стоило только поколебать ихъ основной принципъ, ихъ онтологическую или теоретико-познавательную точку зрѣнія. Современная философія старается создать себѣ болѣе прочную основу. Въ значительной своей части она есть естествознаніе и его основа. Если она своей критикой познанія разбираетъ фактическій матеріалъ, представляющій труды наукъ *спеціальныхъ*, то она при этомъ только продолжаетъ далѣе собственную ихъ работу... Она хочетъ избѣжать всякаго произвола мышленія, всякой метафизической спекуляціи, которая, по ея мнѣнію, можетъ имѣть, вѣдь, только цѣнность выдумки, игры фантазіи и слишкомъ

тѣхъ элементовъ духовной культуры, въ которыхъ на первомъ планѣ не изслѣдованіе, а творчество,—каковы религія, поэзія, искусство. Конечно, къ одному естествознанію не можетъ сводиться все, чѣмъ положительное знаніе въ состояніи обогащать философію: въ этомъ смыслѣ противъ натуралистической исключительности не только возможна, но и необходима реакція, хотя въ томъ вліяніи, какое естествознаніе оказываетъ на мышленіе, нельзя не видѣть гарантіи того, что философія стоитъ на вѣрномъ пути и не собьется съ этой дороги, дабы снова блуждать, какъ во времена гегельянства, въ туманахъ метафизики. Соединенными усиліями философовъ, натуралистовъ и представителей наукъ гуманитарныхъ и соціальныхъ все болѣе и болѣе разрабатывается понятіе научнаго метода въ изслѣдованіи вопросовъ о томъ, что̀ есть, какъ оно есть, и въ ростѣ литературы по такъ называемой логикѣ наукъ нельзя не видѣть одного изъ признаковъ времени, характеризующихъ послѣднюю треть XIX в. [1])

Какова бы ни была роль новѣйшаго естествознанія въ исторіи философскаго мышленія нашей эпохи, можно утверждать, что представители естественныхъ наукъ, сколько-нибудь знакомые съ философіей, согласны съ тѣмъ, что матеріализмъ представляетъ собою такое же метафизическое ученіе, какъ и спиритуализмъ. Но если матеріализмъ можетъ считаться уже преодолѣннымъ въ философіи и наукѣ, то въ широкихъ кругахъ интеллигенціи онъ продолжалъ и продолжаетъ имѣть еще весьма многочисленныхъ адептовъ [2]). Слѣдуетъ

скоро сбиваетъ съ толку и заводитъ въ безплодную пустыню". *Іозефъ Петцольдъ.* Введеніе въ философію чистаго опыта, т. I, стр. 15. Авторъ имѣетъ въ виду, въ особенности, эмпиріокритицизмъ, о которомъ и говоритъ въ пропущенныхъ и отмѣченныхъ многоточіемъ строкахъ. О послѣднемъ онъ заявляетъ, что „это именно та философія, которая лучше всякой другой соотвѣтствуетъ и можетъ помочь нашей эпохѣ, эпохѣ естествознанія", стр. 12. Дѣло въ томъ, что, покоясь на фактахъ, добытыхъ наукой, она хочетъ открывать и новые факты: „она не хочетъ только слѣдовать путемъ научныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, а хочетъ... сама оказать вліяніе на этотъ путь", стр. 15.

[1]) По логикѣ наукъ долгое время единственнымъ трудомъ оставалась „Система логики" Милля, на которую указаніе уже было сдѣлано въ V томѣ (стр. 866). Она вышла въ свѣтъ въ 1843 г., и послѣ нея первымъ трудомъ подобнаго рода была книга *G. C. Lewis'a* (A treatise on the methods of observation and reasoning in politics, 1852), а затѣмъ *A. Bain'a* (Logic inductive and deductive, 1871, изъ которой были по-русски переведены и изданы „Юрид. Вѣстн." въ 1882 г. главы VII и VIII подъ заглавіемъ „Логика общественныхъ наукъ"). Новѣйшіе труды: *Sigwart.* Logic (1874).— *W. Wundt.* Logic (1880 и новыя изданія). Тому, какъ Вундтъ смотритъ на логику общественныхъ наукъ, посвящено нѣсколько страницъ въ моемъ „Введеніи въ изученіе соціологіи" (стр. 210—216 по 2 изд.). Болѣе подробныя указанія на сочиненія по методологіи общественныхъ наукъ сдѣланы въ только-что указанной книгѣ.

[2]) Матеріализмъ, преодолѣнный въ наукѣ, „живетъ еще въ качествѣ міро-

также отмѣтить, что матеріалистическое міросозерцаніе значительно распространялось въ послѣднія десятилѣтія среди рабочихъ, усвоившихъ соціалистическія стремленія, въ особенности между сторонниками соціалъ-демократіи, хотя бы въ формѣ экономическаго матеріализма, который, конечно, не то же самое, что матеріализмъ метафизическій, но всетаки довольно къ нему близокъ [1]).

На то, что матеріализмъ, по крайней мѣрѣ, въ Германіи, продолжалъ пользоваться сочувствіемъ въ извѣстной части читающей публики, указываетъ,—кромѣ, наприм., появленія въ 1898 г., за годъ до смерти Бюхнера, девятнадцатаго изданія его „Силы и матеріи",—успѣхъ, какимъ пользовались и нѣкоторые другіе писатели родственнаго Бюхнеру направленія. Впрочемъ, представители матеріалистическаго міровоззрѣнія, начиная съ самого же Бюхнера [2]), въ разсматриваемый періодъ большею частью покидали старую позицію и становились, хотя и не очень выдерживая послѣдовательность, на точку зрѣзія монизма, объявляющаго духъ и матерію лишь разными проявленіями одной и

воззрѣнія какъ-разъ въ такихъ слояхъ общества, которые охотно украдкой пользуются „результатами науки", предлагаемыми имъ услужливой рукой. Такой матеріализмъ, пригодный для полуобразованности, нашелъ себѣ характерное выраженіе въ сочиненіяхъ Геккеля и въ его такъ называемомъ монизмѣ". *В. Виндельбандъ*, II, 358. Съ эимъ замѣчаніемъ вполнѣ сходится *H. Lichtenberger* въ своей интересной „L'Allemagne moderne" (1908), гдѣ говорится, что въ Германіи матеріализмъ „compte aujourd'hui ses adhérents par millions", стр. 287. Правда, оговаривается онъ, „le matérialisme a incontestablement perdu beaucoup de son crédit parmi l'élite intellectuel", но зато „l'immense succès des ouvrages de Haeckel, répandus à milliers d'exemplaires, démontre clairement qu'il a gardé toute son action sur une fraction très importante du public cultivé", стр. 288 (ср. еще разъ ссылку на Геккеля, на стр. 295). *Lichtenberger* полагаетъ, что „le matérialisme a bénéficié du préstige immense dont jouit aujourd'hui la science positive", стр. 289, и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „est apparu à beaucoup comme la forme la plus radicale de l'anticléricalisme", стр. 292. Ср. у него (стр. 295) замѣчаніе о томъ, что собственно интеллигенція нѣмецкая настроена по отношенію къ матеріализму болѣе строго, нежели французская.

[1]) *Höffding* указываетъ на то, что матеріализмъ въ Германіи, противопоставивъ свой догматизмъ догматизму церковному, заставилъ думать о проблемахъ, бывшихъ въ пренебреженіи послѣ разложенія романтической философіи,—и признаётъ за заслугу матеріалистическаго движенія то, что оно было одушевлено идеалистическою любовью къ человѣчеству и къ прогрессу, стр. 523. Неустраненнымъ признаётъ матеріализмъ и *Т. Циглеръ*, стр. 297, указывая, между прочимъ, на сильное распространеніе его среди рабочихъ.

[2]) Бюхнеръ съ 1889 г. сталъ исповѣдовать панпсихизмъ въ формѣ гилозоизма. *И. Лапшинъ*. Законы мышленія и формы познанія, стр. 121. *Höffding* полагаетъ, что на этой послѣдней стадіи Бюхнеръ соединялъ въ своемъ воззрѣніи противорѣчивыя точки зрѣнія духа и матеріи, какъ феноменальныхъ формъ одной и той же субстанціи, и матеріи, какъ послѣдней основы всего сущаго, стр. 527—528.

той же міровой сущности [1]) или,—какъ опредѣляютъ эту новую позицію ея критики,—гилозоизма, т.-е. воззрѣнія оживотворяющаго матерію (откуда и само названіе „гилозоизмъ“). Эта новая позиція настолько видоизмѣнила старую точку зрѣнія, что наиболѣе популярнаго въ концѣ XIX в. ея представителя, извѣстнаго германскаго натуралиста Эрнста Геккеля [2]), отдѣльные писателя называютъ то матеріалистомъ [3]), то гилозоистомъ [4]), то монистомъ [5]), то пантеистомъ [5]) или панпсихи-

---

[1]) О стремленіи къ монизму, примиряющему въ высшемъ синтезѣ духъ и матерію, какъ два проявленія одной и той же сокровенной сущности, главнымъ образомъ, на основаніи заявленій въ этомъ смыслѣ, дѣлавшихся въ семидесятыхъ годахъ, см. нѣсколько отмѣтокъ въ моихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“. Особенно на этотъ счетъ есть одно эффектное мѣсто въ книгѣ *Тэна* „De l'intelligence“, I, 365 и слѣд. (по изд. 1870 г.). Въ „популярно-философскомъ этюдѣ“ *В. Кандинскаго* „Современный монизмъ“ (1882) собрано еще нѣсколько указаній на эту тенденцію въ философіи конца XIX вѣка. Итальянскій философъ Роберто Ардиго, о которомъ см. у *Гёффдинга* на стр. 42—57, смотритъ на психическія и физіологическія явленія, какъ на выраженія одной и той же психофизической реальности (realtà psicofisica), которую онъ называетъ еще „Indistinto“: это — состояніе недифференцированности, предшествующее и лежащее въ основѣ двухъ дифференцировавшихся явленій—„явленій міра психики и міра матеріи“, стр. 52 и 205.

[2]) Изъ всѣхъ германскихъ зоологовъ первымъ, высказавшимся за теорію Дарвина, былъ Эрнстъ Геккель. Еще въ шестидесятыхъ годахъ онъ издалъ два крупныхъ общихъ труда, изъ которыхъ одинъ выходилъ за предѣлы спеціальныхъ занятій автора и представлялъ собою попытку построенія цѣльнаго міросозерцанія на основаніи эволюціонной идеи. Именно, въ „Generelle Morphologie der Organismen“ (1866), Геккель далъ общую систему органическаго міра, въ другомъ, „Natürliche Schöpfungsgeschichte der Organismen (1868), — цѣлую картину мірозданія. Въ 1899 г. онъ издалъ надѣлавшую много шуму книгу „Міровыя загадки“ (Die Welträtsel) съ подзаголовкомъ „Общедоступные очерки (Studien) монистической философіи“. Эта книга, какъ и „Естественная исторія міротворенія“, имѣется и на русскомъ языкѣ. Для характеристики ученія Геккеля еще очень интересенъ взглядъ на душу, какъ на сочетаніе многихъ индивидуальныхъ душъ, т.-е. душъ отдѣльныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ состоитъ организмъ. См. его переведенную и по русски (1880) работу „Клѣточныя души и душевныя клѣтки“. Объ этомъ ср. въ моихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, т. II, стр. 109—110 (по первому изд.) или вообще въ кн. III, гл. 3 въ 1 и 2 изд. и гл. 13 въ 3 изд.

[3]) Когда говорятъ о распространенности въ Германіи матеріализма, то ссылаются особенно на популярность философіи Геккеля. Ср. выше, стр. 568.

[4]) О гилозоизмѣ Геккеля см. у *А—ъя Введенскаго*, стр. 83 и 88.

[5]) На той точкѣ зрѣнія, что Геккель не матеріалистъ, а монистъ, какъ самъ онъ себя опредѣлялъ, стоитъ *Höffding*, стр. 530. Датскій философъ находитъ только, что Геккель не снялъ противоположности матеріализма и спиритуализма, такъ какъ у него есть „aussi bien des propositions d'aspect spiritualiste que des propositions d'aspect matérialiste“.

[6]) *Т. Циглеръ* отмѣчаетъ, что Геккель, „дѣйствительно, оставилъ распространенное матеріалистическое міросозерцаніе и выработалъ свое собственное

стомъ [1]), хотя иногда и оговариваются о невыдержанности его точки зрѣнія (въ смыслѣ наклона въ сторону матеріализма). Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни называть направленіе Геккеля, оно уже не было тѣмъ упрощеннымъ матеріализмомъ, съ какимъ мы имѣемъ дѣло у Бюхнера, и то же самое приходится, пожалуй, сказать по поводу матеріализма Штрауса [2]), о взглядахъ котораго рѣчь еще впереди.

Здѣсь мы остановимся вкратцѣ еще на одномъ вопросѣ, тѣсно связаннымъ съ матеріализмомъ. Именно, я имѣю въ виду возрожденіе въ біологіи конца XIX в. такъ называемаго витализма, т.-е. ученія о „жизненной силѣ", какъ особомъ началѣ, долженствующемъ объяснять явленія жизни. Витализмъ,—или неовитализмъ, какъ его стали тоже называть, — вооружился противъ сведенія жизни къ чисто механическимъ, физико-химическимъ процессамъ, объясняющимъ явленія неорганической природы. Первымъ, кто высказался отрицательно по отношенію къ господствовавшему въ біологіи взгляду, былъ профессоръ физіологической химіи Бунге въ общемъ трудѣ, посвященномъ этой наукѣ и вышедшемъ въ свѣтъ въ 1887 г. [3]). Изложенная имъ здѣсь критика механицизма произвела впечатлѣніе и снискала неовитализму нѣкоторое количество приверженцевъ среди естествоиспытателей, то большинство не пошло за неовиталистами, признавъ въ новомъ ученіи возвращеніе къ метафизикѣ съ ея мнимымъ познаніемъ сущности вещей [4]).

Одною изъ особенностей новѣйшаго матеріализма нужно признать его гуманитарно-идеалистическій характеръ въ культурномъ отношеніи и либерально-прогрессивный въ отношеніи политическомъ. Единственнымъ крупнымъ исключеніемъ изъ общаго правила является міросозерцаніе Давида Штрауса, которое онъ обнародовалъ въ книгѣ

пантеистическое воззрѣніе на природу", но прибавляетъ, что „при этомъ въ его теорію все-таки вкрались не вполнѣ ясные и неразобранные остатки матеріалистическаго характера", стр. 294.

[1]) „Новѣйшіе эволюціонисты Геккель, Вундтъ, Фулье и Гюйо принимаютъ панпсихизмъ". *И. Лапшинъ*, стр. 121 и 292.

[2]) *Проф. Введенскій (Ал-ѣй)* причисляетъ Штрауса къ гилозоистамъ, стр. 82.

[3]) Lehrbuch der physiologischen Chemie (1887). Очеркъ „Vitalismus und Mechanismus".

[4]) Подъ „витализмомъ" *Höffding* рекомендуетъ разумѣть объясненіе жизненныхъ явленій гипотезой особой жизненной силы, а отнюдь не общее указаніе на то, что въ явленіяхъ жизни есть много такого, что не можетъ еще быть объяснено изъ физическихъ и химическихъ причинъ, стр. 614—615. Наприм., Спенсера мы не назовемъ виталистомъ, хотя и онъ заявлялъ о невозможности сведенія на физико-химическіе процессы явленій физіологическихъ и психическихъ (о чемъ см. ниже).

„Старая и новая вѣра“, вышедшей въ свѣтъ въ самый разгаръ культуркампфа [1]), въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Имя автора, общій характеръ его книги, и сенсація, какую она въ свое время произвела въ обществѣ, заставляютъ насъ остановиться на этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе.

Давидъ Штраусъ, авторъ „Жизни Іисуса“, по поводу которой началось, въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, раздѣленіе гегельянства на „правое“ и „лѣвое“ [2]), человѣкъ, лишившійся изъ-за нея каѳедры въ Тюбингенскомъ университетѣ и не могшій потомъ занять каѳедру въ Цюрихѣ [3]), въ политическомъ отношеніи отличался консерватизмомъ, что и обнаружилось въ его дѣятельности, какъ члена франкфуртскаго парламента въ 1848 г., когда ему, по требованію недовольныхъ избирателей, даже пришлось сложить съ себя депутатскія полномочія. Въ 1870 г. Штраусъ проявилъ, къ тому же, еще крайній націонализмъ съ настоящимъ, вдобавокъ, культомъ Бисмарка въ своихъ письмахъ къ Ренану, отвѣчавшему ему грустными жалобами на торжество грубой силы надъ цивилизаціей [4]). Вскорѣ послѣ окончанія франко-германской войны Штраусомъ была издана книга подъ заглавіемъ „Старая и новая вѣра“ (1872) съ подзаголовкомъ, указывавшемъ на то, что это была цѣлая исповѣдь (Ein Bekenntniss). Появленіе ея вызвало настоящую сенсацію въ публикѣ: ее сильно читали и быстро раскупали одно изданіе за другимъ [5]). Политическій консерватизмъ и націоналистическая исключительность Штрауса сказались въ книгѣ въ полной силѣ [6]). Съ гордостью заявляя, что онъ бюргеръ, Штраусъ тѣмъ не менѣе отстаивалъ необходимость дворянства и майоратовъ, нападалъ на идею гражданскаго равноправія, на всеобщую подачу голосовъ, на соціализмъ, заявляя, напр., что „исторія всегда останется аристократкой“, доказывалъ, что единственно возможная форма правленія для цивилизованныхъ націй есть монархія, защищалъ смертную казнь, возражалъ сторонникамъ вѣчнаго мира и, въ общемъ, признавалъ себя сторонникомъ политики Бисмарка.

---

[1]) Т. VI, ч. 1, стр. 261. Сама книга начинается съ указанія на воинственный характеръ движенія, происходившаго тогда въ католической церкви.

[2]) Обо всемъ этомъ т. V, стр. 354 и слѣд.

[3]) Т. V, стр. 356.

[4]) Послѣ того, какъ Ренанъ въ 1863 г. издалъ свою „Жизнь Іисуса“, Штраусъ тоже переиздалъ свое знаменитое сочиненіе, сильно его переработавъ для самой широкой публики (Das Leben Jesu für das deutsche Volk bearbeitet, 1864).

[5]) Недавно вышелъ въ свѣтъ и запоздалый переводъ ея на русскій языкъ.

[6]) Все политическое міросозерцаніе Штрауса изложено, главнымъ образомъ, на стр. 258 и слѣд. его „Старой и новой вѣры“ (по 4 изд. 1873 г.).

Съ проповѣдью такихъ идей книга соединяла, тѣмъ не менѣе, убѣжденную защиту полной духовной свободы личности, свободу совѣсти, свободу мысли, свободу слова, да и самъ авторъ съ большою смѣлостью высказывалъ свои радикальныя идеи въ областяхъ философіи и религіи.

Бывшій лѣвый гегельянецъ тридцатыхъ годовъ, Штраусъ въ „Старой и новой вѣрѣ“ уже открыто стоялъ на точкѣ зрѣнія матеріализма середины XIX в. [1]), осложненнаго дарвинизмомъ. Защита этого міросозерцанія наполняетъ собою всю третью главу книги („Какъ понимаемъ мы міръ?“): это и есть „новая вѣра“, которую Штраусъ противополагалъ „старой вѣрѣ“, христіанству. „Христіане ли мы еще?“—такъ называется первая глава книги, заключающая въ себѣ безусловно отрицательный отвѣтъ автора за себя и за тѣхъ, которые раздѣляли его идеи. И другой вопросъ: „имѣемъ ли мы еще религію?“, поставленный для разрѣшенія въ слѣдующей главѣ, получилъ у него также отрицательный отвѣтъ: Штраусъ заявлялъ здѣсь, что не признаётъ никакой догматической религіи и что если что-либо имъ и удержано изъ религіозной сферы, то, во всякомъ случаѣ, это стоитъ очень далеко отъ обычныхъ религіозныхъ вѣрованій. Такова была теоретическая философія Штрауса, практическіе выводы изъ которой, указанные выше, были имъ изложены въ послѣдней главѣ, носящей названіе: „Какъ устраиваемъ мы нашу жизнь?“ [2]).

На этомъ мы и покончимъ относительно проявленій матеріализма въ послѣдней трети XIX в. [3]). Теперь у насъ на очереди (по поставленной выше программѣ)—позитивизмъ [4]).

---

[1]) Т. V, стр. 850—851. Онъ самъ говоритъ слѣдующее: „wenn man hierin den claren crassen Materialismus ausgesprochen findet, so will ich zunächts gar nichts dagegen sagen“, стр. 212 по указанному изданію. Впрочемъ, и Штраусъ высказывается за монизмъ, находя, что обѣ противоположныя точки зрѣнія, т. е. матеріализмъ и идеализмъ („oder wie man die dem erstern entgegenstehende Ansicht sonst nennen mag“), будучи развиваемы вполнѣ послѣдовательно, одна въ другую переходятъ.

[2]) Критикамъ своей книги Штраусъ отвѣчалъ брошюрой „Nachwort als Vorwort“ (1873), которая потомъ перепечатывалась въ слѣдующихъ изданіяхъ книги. Въ числѣ критиковъ былъ и только что начинавшій тогда Ницше.

[3]) Однимъ изъ послѣднихъ произведеній въ матеріалистическомъ духѣ является имѣвшая у насъ столь большой успѣхъ (благодаря, впрочемъ, своему марксистскому характеру) книга *Бельтова*, о которой см. ниже.

[4]) Подробныя указанія на соч. о позитивизмѣ можно найти въ моемъ „Введеніи въ изученіе соціологіи“ (см. стр. 424—425 по 2 изд.). Болѣе важно отмѣтить здѣсь, кромѣ книги *В. В. Лесевича*, названной выше въ прим. къ стр. 550, слѣдующіе труды: *A. Fouillée*. Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde (1896). — *H. Gruber*. Der Positivismus von Tode Aug. Comtes bis auf unsere Zeit (1891).—*M. Brütt*. Der Positivismus (1889). Есть,

Извѣстно, что настоящее вліяніе на умственную жизнь цивилизованныхъ націй родоначальникъ позитивизма, взятаго въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, Ог. Контъ, началъ оказывать только съ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ [1]). Послѣднее изъ названныхъ десятилѣтій, но уже въ меньшей степени слѣдующее за нимъ, были временемъ наибольшаго вліянія основныхъ идей, содержащихся въ „Курсѣ положительной философіи“, хотя критическое изученіе взглядовъ Конта не прекращалось и позднѣе. Нельзя, наконецъ, не прибавить, что къ началу текущаго столѣтія интересъ къ Конту значительно ослабѣлъ [2]). Это не значитъ, однако, что позитивизмъ, понимаемый въ болѣе широкомъ смыслѣ научной философіи [3]), утратилъ кредитъ: въ контовскомъ позитивизмѣ нужно отличать то, что̀ было, такъ сказать, личнымъ мнѣніемъ самого Конта, отъ того, въ чемъ онъ былъ только выразителемъ общаго научнаго стремленія, нерѣдко предвосхищавшимъ идеи, къ которымъ другіе приходили позднѣе [4]). Внѣ

кромѣ того, спеціальныя работы о самомъ Контѣ, вышедшія въ свѣтъ въ новѣйшее время (между прочимъ, русскія *В. И. Герье*, *А. С. Лаппо-Данилевскаго* и др.), тоже указанныя во „Введеніи въ изученіе соціологіи“.

[1]) Однимъ изъ первыхъ, познакомившихъ нѣмецкую публику съ Ог. Контомъ, былъ *Twesten*, сдѣлавшій это во вступительной части своей книги „Die religiösen, politischen und socialen Ideen der asiatischen Kulturvölker“ (1872). Ранѣе его, кажется, можно указать только *R. Springer*. A. Comte und seine Philosophie („Deutsches Museum“ за 1867 г.).

[2]) Одно изъ доказательствъ этого нельзя не видѣть въ слѣдующемъ: говоря въ своей книгѣ „Очерки по теоріи статистики“ (1909) о раздѣленіи наукъ (по Риккерту) на номотетическія и идіографическія, *А. А. Чупровъ* даже не упомянулъ, что, въ сущности, родоначальникомъ этого дѣленія былъ Контъ, употреблявшій только другую терминологію: нѣсколько раньше это было бы у насъ совсѣмъ немыслимо.

[3]) *A. Rey* рекомендуетъ замѣнить слово „positivisme“ неологизмомъ „scientisme“, такъ какъ первый терминъ или обозначаетъ только доктрину Конта, или употребляется еще въ разныхъ другихъ смыслахъ. La philosophie moderne, стр. 6.

[4]) *Іозефъ Петцольдъ*, авторъ небольшой книги подъ заглавіемъ „Das Weltproblem von positivistischem Standpunkte aus“ (1906), существующей уже въ двухъ русскихъ переводахъ, говоря объ „исторической необходимости современнаго позитивизма“, отмѣчаетъ, что оно, это „нынѣшнее, новое, строго-позитивистическое пониманіе міра“, „вполнѣ естественно выросло изъ потребностей нашего естественно-научнаго вѣка, относящагося враждебно къ безплоднымъ метафизическимъ стремленіямъ“. Доказательство этого Петцольдъ видитъ въ томъ, что „въ своихъ важнѣйшихъ составныхъ частяхъ такое міропониманіе найдено тремя человѣками, работавшими независимо другъ отъ друга“: это — Шуппе, Махъ и Авенаріусъ. „Психологически и исторически, прибавляетъ онъ, нынѣшній позитивизмъ примыкаетъ къ неокантіанско-естественно-научной фазѣ современнаго мышленія“, стр. 3 (по перев. *М. А. Лихарева*, изд. 1909 г.). Главное здѣсь—въ преодолѣніи представленія о суб-

Франціи раньше всего Контъ былъ оцѣненъ англичанами, съ ихъ складомъ ума, наиболѣе родственнымъ общему духу положительной философіи. Большое количество поклонниковъ было у Конта, кромѣ того, еще и въ Россіи, во всякомъ случаѣ, гораздо бо̀льшее, нежели въ нѣмецкихъ странахъ, но изъ того, что на нѣмецкомъ мышленіи слабо сказалось вліяніе Конта, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы позитивизмъ, въ болѣе широкомъ смыслѣ слова и притомъ чисто мѣстнаго происхожденія, не существовалъ и въ Германіи [1]), гдѣ подготовкою къ нему нерѣдко могло бывать неокантіанство [2]). Позитивистами имѣли право объявить себя отдѣльныя лица, которыя раньше знакомства съ Контомъ или даже съ главными положеніями англо-французскаго реализма уже приходили къ позитивистическимъ взглядамъ [3]).

Въ извѣстномъ смыслѣ, но въ довольно все-таки ограниченномъ,

станціи; нужно, однако, принципіально признать его ошибочность, но и проникнуться во всемъ своемъ теоретическомъ мышленіи этимъ убѣжденіемъ, стр. 151. Отвергая „идеализмъ, опирающійся на Канта", Петцольдъ находитъ столь же несостоятельнымъ и то, что онъ называетъ „позитивистическимъ идеализмомъ" Конта и Милля, „не вѣдающимъ никакихъ апріорныхъ условій опыта", стр. 138. „Позитивизмъ, по его мнѣнію, впервые достигается путемъ окончательнаго устраненія представленія о субстанціи", а поскольку Контъ этого не сдѣлалъ, его, говоритъ авторъ, „правильнѣе было бы считать идеалистомъ, чѣмъ позитивистомъ", стр. 121.

[1]) См. у *Höffding'a* указаніе на то, что новѣйшее научное направленіе нѣмецкой философіи не есть „продолженіе франко-англійскаго позитивизма"; авторъ указываетъ на самостоятельное происхожденіе этого направленія подъ вліяніемъ успѣховъ естествознанія, стр. 515 и слѣд. Ср. замѣчаніе о Дюрингѣ, какъ „самомъ значительномъ представителѣ позитивизма въ Германіи", „продолжающемъ дѣло Людвига Фейербаха", стр. 576. Одну изъ заслугъ эмпиріокритицизма новѣйшій представитель его, *Іозефъ Петцольдъ*, видитъ въ „преодолѣніи имъ представленія субстанціи", а „такъ какъ, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ представленіемъ субстанціи падаетъ и всякая метафизика, то философія чистаго опыта есть вмѣстѣ съ тѣмъ позитивизмъ, и всего лучше будетъ, пожалуй, назвать ее релятивистическимъ позитивизмомъ". Введеніе въ философію чистаго опыта (1909), т. I, стр. 9—10.

[2]) Ср. выше, стр. 563, прим. 1.

[3]) Итальянскій философъ Ардиго указывалъ, что онъ пришелъ къ своимъ позитивистическимъ выводамъ независимо отъ французскаго и англійскаго позитивизма, съ которымъ онъ познакомился лишь впослѣдствіи. *Гёффдингъ*, стр. 47. Прибавимъ, что, называя себя позитивистомъ, Ардиго самымъ существеннымъ въ позитивизмѣ считалъ не его окончательный выводъ, а то, что берется имъ за исходную точку, опытъ. „Позитивистъ не торопится дать окончательный выводъ; онъ не хочетъ создать себѣ идею, которую можно было бы выставить партійнымъ лозунгомъ, но идетъ шагъ за шагомъ впередъ, въ томъ направленіи, гдѣ ему представляется истина, стр. 48. *Marchesini* въ „La crisi del positivismo" (1898) разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія взаимоотношеніе между философіей Ардиго, своего учителя, и позитивизмомъ.

мы можемъ даже говорить о проявленіяхъ вліянія болѣе широко понимаемаго позитивизма и на практическую общественную дѣятельность. Конечно, этотъ вопросъ съ гораздо бо́льшимъ трудомъ поддается изслѣдованію сравнительно съ вопросомъ о вліяніи позитивизма въ области теоретическаго мышленія, но кое-что и объ этомъ предметѣ все-таки можетъ быть сказано. Отчасти намъ уже пришлось коснуться этого, когда шла рѣчь объ умственномъ настроеніи французскихъ республиканцевъ одного поколѣнія съ Гамбеттою [1]), но, конечно, подобныхъ указаній слишкомъ мало для какихъ бы то ни было выводовъ. Въ такомъ же положеніи мы находимся, напримѣръ, и по отношенію къ польскому позитивизму, заслуживающему быть отмѣченнымъ въ исторіи польской общественной мысли послѣ возстанія 1863 г. [2]). Преимущественно въ русской Польшѣ проповѣдь позитивизма, предшествовавшая соціалистической пропагандѣ, получила рѣзко выраженный характеръ реакціи противъ какой бы то ни было мечтательности, не исключая, прежде всего, политическаго фантазерства. Въ молодой польской прессѣ середины шестидесятыхъ годовъ проповѣдь позитивизма приняла, такимъ образомъ, чисто практическое направленіе и была, въ сущности, тѣмъ же самымъ, что представляла собою и проповѣдь органическаго труда [3]); теоретическая, т.-е. настоящая сторона позитивизма стала больше обращать на себя вниманіе только около 1870 г. [4]). Когда во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ началась новая восточная война, во время которой многіе поляки стали разбирать вопросъ о возможности наступленія нѣкоторыхъ благопріятныхъ для Польши обстоятельствъ, противъ этихъ мечтаній возстали, какъ извѣстно, галиційскіе консерваторы-станьчики [5]), но возстали также и варшавскіе прогрессисты-позитивисты. Нѣкоторое время польскій позитивизмъ сближался съ соціализмомъ [6]), но въ концѣ семидесятыхъ годовъ между обоими напра-

---

[1]) См. т. VI, ч. 1, стр. 184 и выше, стр. 142.

[2]) *А. Л. Погодинъ.* Главныя теченія польской политической мысли, гл. II.

[3]) См. выше, стр. 333.

[4]) Объ одномъ изъ вождей новаго направленія, А. Свентоховскомъ, въ названной выше книгѣ *проф. Погодина* читаемъ: „онъ и его товарищи по школѣ относились съ осужденіемъ къ возстанію 1863 г. и естественнымъ образомъ подчинились новымъ позитивнымъ идеямъ, которыя носились въ воздухѣ; начиналось знакомство съ Дарвиномъ и Контомъ; система Бокля захватывала умы молодежи, и особенно живо испытывалась многими потребность впустить свѣжаго воздуха въ затхлую атмосферу клерикализма и шляхетскихъ традицій“, стр. 118.

[5]) См. выше, стр. 332.

[6]) Какъ это было и среди русскихъ (П. А. Лавровъ и др.).

вленіями произошелъ разрывъ [1]). Укажемъ, наконецъ, и на то, что въ Россіи семидесятыхъ годовъ (вообще въ эпоху „Отечественныхъ Записокъ“) позитивизмъ сдѣлался однимъ изъ идейныхъ ингредіентовъ міросозерцанія представителей наиболѣе прогрессивнаго направленія тогдашней общественной мысли. Указывая на всѣ эти факты, мы обязаны тутъ же, однако, отмѣтить, что чисто общественное вліяніе позитивизма не могло быть прочнымъ и продолжительнымъ по причинѣ отсутствія въ немъ того, что можно было бы назвать деонтологическимъ элементомъ [2]). „Курсъ положительной философіи“ Конта былъ теоріей того, что есть, какъ оно есть, ученіе же свое о томъ, что должно быть, Контъ, какъ извѣстно изложилъ въ болѣе поздней „Системѣ положительной политики“, которая была написана уже въ мистико-теократическомъ направленіи, вызывавшемъ къ себѣ со стороны научно настроенныхъ людей лишь отрицательное отношеніе. Другими словами, въ томъ позитивизмѣ, который оказывалъ

---

[1]) „Въ сущности, говоритъ *проф. Погодинъ*, позитивизмъ (рѣчь идетъ именно о польскомъ позитивизмѣ), какъ политическое міровоззрѣніе, не отличался большой опредѣленностью: онъ доказывалъ необходимость индуктивнаго метода въ мышленіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отреченіе отъ дедуктивныхъ истинъ, навязанныхъ традиціей; онъ убѣждалъ, что только взаимодѣйствіе единицы и общества можетъ быть продуктивно въ своихъ послѣдствіяхъ, но въ какую сторону должно направить взаимодѣйствіе, каковы конечныя цѣли „работы у основъ“, что общаго съ будущимъ Польши имѣетъ какой-нибудь Поланецкій, разбогатѣвшій съ помощью „органическаго труда“, — на эти вопросы позитивизмъ не давалъ отвѣта. Напротивъ, временно онъ совсѣмъ вычеркивалъ ихъ изъ своей памятной книжки, потому что все отзывавшееся мечтаніями было ему противно“. Къ этому проф. Погодинъ прибавляетъ даже, что „неминуемымъ послѣдствіемъ его (позитивизма) пропаганды былъ упадокъ широкой общественной мысли, который знаменуетъ періодъ до конца восьмидесятыхъ годовъ“. Главныя теченія, стр. 139—140.

[2]) Одинъ изъ писателей, наиболѣе содѣйствовавшихъ распространенію въ Россіи идей позитивизма въ широкомъ смыслѣ слова, *П. Л. Лавровъ*, окончившій незадолго до своей смерти большой трудъ „Задачи пониманія исторіи“ (вышелъ въ свѣтъ въ 1898 г. съ псевдонимомъ *С. С. Арнольди*), высказалъ, въ качествѣ яркаго представителя соціализма, ту мысль, что при всемъ своемъ громадномъ теоретическомъ значеніи основныя особенности позитивизма „не представляли удобной почвы для борьбы общественныхъ партій“. Причину этого Лавровъ усматривалъ въ томъ, что позитивизмъ подпалъ „вліянію современнаго идейнаго индифферентизма“, отказавшись отъ усвоенія „какого бы то ни было присущаго этому міросозерцанію, нравственнаго ученія“ (стр. 354—355). Это обстоятельство умаляло въ глазахъ Лаврова историческую роль позитивизма „въ попыткахъ рѣшить современныя задачи мысли“. Этотъ-то, именно, недостатокъ и стремилась вообще восполнить такъ называемая „русская субъективная школа соціологіи“ съ самимъ Лавровымъ во главѣ,—направленіе, связывавшее, но не смѣшивавшее вопросы существованія съ вопросами долженствованія. См. мое „Введеніе въ изученіе соціологіи“, гл. XIV.

вліяніе на передовые общественные круги, была представлена, выражаясь терминами Н. К. Михайловскаго, „правда-истина“, разлученная, однако, съ „правдою-справедливостью“, и этотъ дефектъ, конечно, не могъ не сказаться на общественной роли позитивизма. Самое несходство соціальныхъ стремленій позитивистовъ семидесятыхъ годовъ во Франціи, въ Польшѣ и въ Россіи указываетъ на то, что одна трезвость мысли только и была общимъ ихъ признакомъ въ эту эпоху.

Изящная литература тоже испытала на себѣ извѣстное и, пожалуй, даже большее, чѣмъ въ разсмотрѣнномъ сейчасъ отношеніи, вліяніе позитивизма. Между нимъ и тѣмъ, что въ литературѣ получило названіе реализма, или натурализма [1]), существуетъ такое же внутреннее родство, какое въ свое время было между идеалистической философіей и романтизмомъ [2]): позитивизмъ явился, какъ реакція противъ идеализма, натурализмъ—какъ реакція противъ романтизма. Родоначальникъ позитивизма, при своей жизни остававшійся малозамѣченнымъ, сталъ оказывать вліяніе много спустя послѣ своей смерти, но о сравнительно небольшой извѣстности въ свое время и объ огромной популярности впослѣдствіи можно говорить и по отношенію къ родоначальникамъ новаго литературнаго направленія—Анри Бейлю (Стендалю) и Бальзаку, писателямъ первой половины XIX в., вошедшимъ въ моду одновременно съ болѣе молодыми Флоберомъ и обоими Гонкурами съ ихъ романами, написанными въ строго-реалистическомъ духѣ. Основною особенностью новой школы было устраненіе изъ романа всякаго идеализма и субъективизма, т.-е. преклоненіе передъ фактической дѣйствительностью съ ея детерминизмомъ, принимавшимъ иногда фаталистическую окраску. Въ семидесятыхъ годахъ это направленіе нашло своего теоретика и какъ бы законодателя въ знаменитомъ романистѣ эпохи, Эмилѣ Зола.

Какъ теоретикъ литературы и въ частности романа, Зола требовалъ отъ художника подчиненія тѣмъ же правиламъ, какія существуютъ для науки. Романистъ, какъ Зола понималъ дѣло, долженъ воспроизводить явленія жизни, строго придерживаясь дѣйствительности. Противникъ романтизма и сентиментальной идеализаціи, какую онъ находилъ, наприм., въ романахъ Жоржъ-Зандъ, отстаивая реализмъ въ искусствѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказывался противъ всякаго эмоціональнаго субъективизма, какъ бы раздѣляя совѣтъ Спинозы „не радо-

---

[1]) О немъ имѣется цѣлая литература: *Camille et Albert*. Petit traité de littérature naturaliste. — *Desprez*. L'évolution naturaliste. — *David Sovageot*. Le réalisme et le naturalisme. — *Paul Lindau*. Die naturalistische Schule in Frankreich.—*Max Nordau*. Zola und der Naturalismus и т. п.

[2]) Нѣкоторые историки философіи (наприм., Гёффдингъ) даже самоё философію первой половины XIX в. называютъ „романтической“.

ваться и не плакать, а только понимать". Романистъ, какъ и ученый, по теоріи Зола, долженъ отличаться полнымъ объективизмомъ, совершеннымъ безстрастіемъ, прятать свои чувства, не выдавать своего волненія, не восторгаться добродѣтелью, не негодовать на порокъ, а лишь излагать свои наблюденія надъ жизнью. Зола говорилъ не только о натурализмѣ въ искусствѣ, но даже объ „экспериментальномъ романѣ" [1]). Въ этомъ сказалось его увлеченіе экспериментальнымъ методомъ естествознанія (въ частности Клодомъ Бернаромъ). Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Зола предпринялъ свою знаменитую серію изъ двухъ десятковъ романовъ, составляющую „естественную исторію" одного семейства (Ругонъ-Маккаровъ), къ которой онъ примѣнилъ вычитанныя изъ книгъ по физіологіи и патологіи свѣдѣнія о наслѣдственной передачѣ физическихъ и психическихъ свойствъ. Первый изъ этихъ романовъ (La fortune des Rougon) вышелъ въ свѣтъ вскорѣ послѣ франко-прусской войны (1871), послѣдній (Le docteur Pascal)—болѣе, чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ (1893). Въ этомъ грандіозномъ литературномъ предпріятіи романистъ ставилъ себѣ прямо, если не научную, то наукообразную задачу разрѣшенія вопросовъ о средѣ, наслѣдственности и личномъ темпераментѣ и даже составлялъ генеалогическія таблицы своихъ героевъ. Онъ считалъ себя прямымъ изслѣдователемъ „человѣческихъ документовъ" [2]) и старался быть документальнымъ до совершенной протокольности своихъ описаній всего, безъ малѣйшихъ исключеній, обихода человѣческой жизни со всякою житейскою грязью включительно, за что и подвергался обвиненіямъ въ порнографическомъ цинизмѣ и въ безнравственности. (Въ этой сторонѣ его творчества иные даже видѣли одно изъ необходимѣйшихъ проявленій натурализма).

Въ общемъ, литературная теорія Зола („золаизмъ", какъ ее называли) имѣла позитивистическій характеръ. Зола относился весьма отрицательно ко всѣмъ поэтическимъ и философскимъ абсурдамъ прежнихъ міросозерцаній. Онъ преклонялся только передъ наукой съ ея экспериментальнымъ методомъ и документальностью, цѣнилъ лишь трезвый умъ, безстрастную работу мысли и видѣлъ высшее проявленіе интеллектуальной дѣятельности въ томъ, что называлъ „писанною мыслью". Созерцатель по самой своей натурѣ, Зола относился отрицательно и къ политикѣ, считая, что̀ ею могутъ увлекаться лишь бездарные люди или, въ лучшемъ случаѣ, посредственности. Онъ даже пророчилъ, что въ будущемъ величіе будетъ признаваться не за тѣми,

---

[1]) См. сборники его статей подъ заглавіями: „Le roman expérimental" (1880), „Les romanciers naturalistes" и „Le naturalisme au théatre" (1881).

[2]) Ср. сборникъ „Documents littéraires" (1881)

которые мечтають объ исправленіи человѣчества, а за тѣми, которые изображають его жизнь, какова она есть, безъ всякихъ прикрасъ и умолчаній. Въ этомъ онъ готовъ былъ усматривать великую задачу своего времени.

Таково было господствующее настроеніе Зола, по крайней мѣрѣ, въ эпоху созданія серіи Ругонъ-Маккаровъ. Позднѣе, въ девяностыхъ годахъ, романистъ поколебался въ этомъ своемъ „позитивизмѣ“. Онъ началъ находить, что натурализмъ, пожалуй, сталъ закрывать отъ людей болѣе широкія перспективы, и въ своихъ послѣднихъ романахъ проявилъ намѣреніе изъ строгаго объективиста (какимъ на дѣлѣ никогда не былъ) сдѣлаться учителемъ жизни. Еще болѣе замѣчательнымъ фактомъ было извѣстное его вмѣшательство, въ 1898 г., въ политическую злобу дня по поводу дѣла Дрейфуса [1]). Это различное настроеніе Зола, узко позитивистическое въ семидесятыхъ годахъ и болѣе смягченное въ девяностыхъ, можетъ тоже служить иллюстраціей для того общаго положенія о деонтологическомъ пробѣлѣ въ позитивизмѣ, которое было высказано выше [2]). Вообще разлученіе „правды-истины“ отъ „правды-справедливости“ не могло быть длительнымъ, и рано или поздно должна была наступить реакція противъ исключительно интеллектуалистическаго объективизма позитивистической философіи [3]).

Въ литературной критикѣ еще раньше Зола аналогичныя его

---

[1]) См. выше, стр. 197 и слѣд.

[2]) См. стр. 576—577.

[3]) Въ своей книгѣ „La philosophie moderne“ (1908) *Abel Rey* старается провести демаркаціонную линію между „la philosophie qui finit et la philosophie qui commence“ (стр. 20 и слѣд.). „Маркой“ прежней философіи была „la séparation absolue de la pensée scientifique et du monde moral“ (философіей), и какъ-разъ противъ этой тенденціи происходитъ реакція, но самое новое въ философіи, по автору, это—сближеніе считавшихся прежде противоположными „проблемы познанія и проблемы дѣятельности“. „Il semble,—говоритъ *Rey*,—qu'aujourd'hui le problème de la science et le problème de l'action ne tendent plus qu'à en faire qu'un, et à être résolus, sinon par la même solution, du moins par la même méthode“, стр. 27.—„Сильнѣе, чѣмъ прежде, подчеркивается теперь необходимость наблюденія, анализа, критики, объективной связи, но въ то же время настойчивѣе, чѣмъ прежде, выдвигается субъективный выборъ точекъ зрѣнія и исходныхъ точекъ и заключительныхъ мыслей“. *Г. Гёффдингъ.* Современные философы, стр. 8. Именно эту же сторону дѣла имѣетъ въ виду и *I. Петцольдъ*, когда говоритъ о современной философіи: „подобно тому, какъ она желаетъ чувствовать живой пульсъ не только научной, но и всей дѣйствительной жизни, такъ она видитъ свою важнѣйшую задачу въ формированіи этой жизни, въ содѣйствіи дальнѣйшему развитію человѣчества во всѣхъ сторонахъ его жизни и даже въ томъ, чтобы самому этому развитію поставить опредѣленную цѣль“. Введеніе въ философію чистаго опыта (1909), т. I, стр. 15.

взглядамъ идеи высказывалъ Тэнъ [1]). Онъ тоже былъ позитивистомъ интеллектуалистическаго типа, раздѣлявшимъ реалистическіе принципы Конта и Милля. Въ нашемъ человѣческомъ мірѣ и Тэнъ,—какъ самъ же онъ и говорилъ о себѣ,—признавалъ лишь одно достойнымъ разумнаго существа, это—отдаваться съ энтузіазмомъ изслѣдованію истины. По его представленію, литературная, равно какъ и художественная критика должна была быть прежде всего научной: дѣло не въ томъ, чтобы передавать свои субъективныя впечатлѣнія отъ произведеній поэзіи и искусства, а въ томъ, чтобы понимать психологію авторовъ и объяснять ихъ произведенія вліяніями расы, среды и историческаго момента. Въ частности, Тэнъ находилъ, что и романъ, и критика должны заниматься изслѣдованіемъ человѣка. Поэтому отъ критика онъ требовалъ такого же хладнокровнаго отношенія къ своимъ объектамъ, какое, наприм., проявляетъ ботаникъ, напр., къ своему гербарію, ибо исторія и критика въ дѣлѣ изученія литературы и искусства — только продолженіе работы естествоиспытателя надъ явленіями природы. Допуская, впрочемъ рядомъ съ научною критикою эстетическую и моральную, Тэнъ и для нихъ искалъ научнаго критерія. Мы видѣли, однако, что со своимъ принципомъ строго научнаго объективизма Тэнъ, какъ ему казалось, подошелъ и къ изученію французской революціи, но что это совсѣмъ ему не удалось [2]).—

Если на критицизмъ и на позитивизмъ смотрѣть, какъ на прочнѣе всего съ философской и научной точекъ зрѣнія обоснованныя направленія современной познающей мысли, то особый интересъ можетъ представлять отношеніе только этихъ направленій,—а не какихъ-либо другихъ, тоже существующихъ въ наше время,—къ вопросамъ долженствованія какъ въ жизни индивидуальной, такъ и въ жизни соціальной. Но прежде скажемъ нѣсколько объ отношеніи новѣйшей философіи къ религіи.

Философія, взятая въ цѣломъ всей своей исторіи отъ Ѳалеса до нашихъ дней, представляетъ собою великое поле исканій между двумя другими же такимъ полями исканій, называемыми религіей и наукой. На двухъ противоположныхъ краяхъ поля философіи есть своего рода промежуточныя области, гдѣ философское мышленіе соприкасается и даже сливается или съ религіозною вѣрою, или съ научнымъ знаніемъ: нерѣдко сама религія получаетъ философскій характеръ, или философія—религіозную окраску; нерѣдко и наука проникается философскимъ духомъ, или философія стремится быть научной. Конечно, въ

---

[1]) О Тэнѣ тоже есть литература, указанная на стр. 157 первой части VI т.
[2]) Т. VI, ч. 1, стр. 160—161.

современной философіи преобладаетъ тяготѣніе не въ сторону религіи, а въ сторону науки, ибо свои проблемы философія понимаетъ, ставитъ и стремится разрѣшить, какъ проблемы знанія, а не какъ постулаты вѣры. Этимъ опредѣляется и доминирующее отношеніе новѣйшей философіи къ религіи. Конечно, и въ недавнемъ прошломъ, и въ настоящее время мы найдемъ различныя пониманія взаимныхъ отношеній между философіей и религіей, начиная требованіемъ сдѣлать изъ философіи лишь прислужницу теологіи, какъ это заявилъ папа Левъ XIII въ своей энцикликѣ 1879 г. „Aeterni patris [1]) или какъ это понимали и нѣкоторые свѣтскіе философы, и кончая разными комбинаціями между знаніемъ и вѣрою въ болѣе независимой философіи религіи [2]), но для критико-позитивныхъ направленій философія религіи естественно и необходимо превращается въ психологію религіи и въ исторію религій, дающія матеріалъ для общаго пониманія эволюціи религіи и ея роли въ интеллектуальной, моральной и соціальной жизни человѣчества. О религіозной проблемѣ вообще и въ частности о христіанствѣ за разсматриваемый періодъ времени написано было очень много,—все и перечислить здѣсь было бы трудно, не то, чтобы передать главнѣйшіе только взгляды, что, впрочемъ, и не входитъ въ нашу задачу, — но въ этой массѣ книгъ и идей есть нѣкоторыя наиболѣе характерныя для отношенія новѣйшей философіи къ религіи, о которыхъ мы здѣсь и упомянемъ.

Подъ значительнымъ вліяніемъ неокантіанства создалось въ протестантской теологіи такъ называемое ричліанское направленіе, получившее свое названіе по имени своего родоначальника, боннскаго и гёттингенскаго профессора Ричля [3]), который рѣшительно отказы-

---

[1]) См. выше, стр. 354. Энциклика не осталась безъ вліянія на философскую литературу католицизма. Напр., въ 1897 г. вышелъ въ свѣтъ третій томъ „Исторіи идеализма“ пражскаго профессора Вильманна, въ которомъ „вся германская философія, вся умственная работа другихъ народовъ, поскольку онѣ не соотвѣтствуютъ католической догматикѣ, представлены не то злостнымъ, не то безумнымъ заблужденіемъ“. *Т. Циглеръ*, стр. 347. *Rud. Eucken.* Thomas von Aquino und Kant, ein Kampf zweier Welten (1901).

[2]) Интересныя данныя и соображенія относительно новѣйшихъ направленій философіи религіи въ Германіи см. у *проф. Ал-ѣя Введенскаго*, который находитъ въ этой области три комбинаціи: возвышеніе религіи на счетъ философіи, или, наоборотъ, возвышеніе второй насчетъ первой, или же равновѣсіе между обѣими, стр. 141 и слѣд.—Ср. *Boutrou.* Science et religion dans la philosophie contemporaine.

[3]) Ричль (ум. въ 1889 г.) исходилъ изъ кантіанскаго убѣжденія о невозможности и несостоятельности всякой метафизики, откуда дѣлалъ выводъ о необходимости принципіальнаго отверженія всѣхъ христіанскихъ постулатовъ или догматовъ соотвѣтствующей категоріи, другими словами, отъ всякаго вліянія метафизики на богословіе, основа котораго исключительно въ вѣрѣ.

вался отъ метафизической догматики, поскольку „вещь въ себѣ“ недоступна для знанія. Къ ричліанскому направленію причисляютъ и самаго виднаго протестантскаго богослова эпохи, Адольфа Гарнака [1]), главнымъ образомъ, прославившагося своими историческими трудами, но вызвавшаго своимъ относительнымъ свободомысліемъ въ консервативныхъ кругахъ репутацію разрушителя христіанства. И Ричль, и Гарнакъ принадлежатъ къ числу вѣрующихъ въ божественную истинность христіанства, хотя ихъ вѣра и не можетъ быть названа ортодоксальной [2]), но рядомъ съ этимъ направленіемъ шла, конечно, и разработка исторіи религіи вообще, а въ частности христіанства и съ

Объ этомъ направленіи было много написано отдѣльныхъ работъ, между прочимъ, по вопросу объ отношеніи къ философіи Канта (*L. Stähelin.* Kant, Lotze und Ritchl, 1888), по-русски: *В. Керенскій.* Школа ричліанскаго богословія въ лютеранствѣ (1903). Изъ многочисленныхъ трудовъ Ричля слѣдуетъ отмѣтить „Theologie und Metaphysik“ (1881; второе изд. 1887).

[1]) Адольфъ Гарнакъ, заслужившій имя „Моммзена современной теологіи“ своими изслѣдованіями въ области церковной исторіи, занялъ въ концѣ XIX в. въ Германіи положеніе вождя прогрессивнаго протестантизма. Начавъ работать еще въ семидесятыхъ годахъ, онъ предпринялъ систематизацію своихъ взглядовъ въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда появился первый томъ его знаменитой „Исторіи догматовъ“ (1885). Вскорѣ послѣ этого (1889) онъ сдѣлался профессоромъ Берлинскаго университета, не смотря на самую рѣзкую оппозицію со стороны ортодоксальнаго „верховнаго церковнаго совѣта“: въ данномъ случаѣ поддержку ему оказывалъ Бисмаркъ, которому это даже ставилось въ немалую вину (ср. выше, стр. 97). Нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя Гарнакомъ въ девяностыхъ годахъ, создали ему въ консервативныхъ кругахъ прямо репутацію разрушителя вѣры и христіанства (мнѣнія о недостаточности и безусловной необязательности апостольскаго символа съ предложеніемъ объ устраненіи его изъ богослуженія и т. п.). Въ зимній семестръ 1899—1900 г. онъ прочиталъ въ Берлинскомъ университетѣ рядъ лекцій на тему „Сущность христіанства“, которыя и издалъ потомъ отдѣльною книгою. (Русскій пер. ихъ появился въ издаваемой Брокгаузомъ-Ефрономъ „Исторіи европейской культуры“, т. IV). Послѣ нея консерваторы еще громче стали говорить о Гарнакѣ, какъ разрушителѣ христіанства. („Сущность христіанства вообще вызвала большую полемику, обзоръ которой имѣется въ Harnack's Wesen des Christentums und die religiösen Strömungen der Gegenwart“ *E. Rolffs'a*, 1902). Между тѣмъ самъ онъ въ брошюрѣ „Задачи богословскихъ факультетовъ“ (1901) рѣшительно возражалъ противъ мнѣнія, приравнивающаго изученіе христіанскаго богословія къ изученію другихъ религій. (Авторъ статьи о Гарнакѣ въ IV т. „Православной Богословской Энциклопедіи“ даже хвалитъ его за то, что этимъ „онъ съумѣлъ подчинить чисто-научныя стремленія религіознымъ упованіямъ, при взаимномъ ихъ согласованіи“, хотя и считаетъ „прискорбнымъ и вѣрнымъ“, что основной пунктъ религіознаго міросозерцанія Гарнака „заключается въ отверженіи церковной догматики“, ст. 116).

[2]) Отклоненія отъ ортодоксальности въ католической церкви получили названіе „модернизма“, который былъ осужденъ папской энцикликой „Pascendi“, 16 сент. 1907 г. *I. Kübel.* Geschichee des katholischen Modernismus (1909).

чисто „натуралистической точки зрѣнія“. Какъ на наиболѣе яркаго представителя этого послѣдняго направленія, которое можно назвать реалистическимъ въ широкомъ смыслѣ слова, слѣдуетъ указать на профессора исторіи религій въ Collège de France Альбера Ревилля [1]), автора цѣлаго ряда трудовъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстна его книга „Іисусъ Назарянинъ“, третья послѣ сочиненій Штрауса и Ренана попытка въ этомъ родѣ.

Среди трудовъ, посвященныхъ вообще религіи, особенно въ концѣ XIX в. обратила на себя вниманіе книга безвременно скончавшагося (1888) французскаго философа Жана-Мари Гюйо [2]) „L'irreligion de l'avenir“ [3]), о которомъ здѣсь умѣстно сказать нѣсколько больше.

Гюйо противопоставилъ свою книгу объ „иррелигіи“ будущаго новѣйшимъ трудамъ о религіи будущаго, исходя изъ того, что ихъ авторы смѣшивали религію въ собственномъ смыслѣ то съ метафизикою, то съ моралью, то съ обѣими вмѣстѣ взятыми, откуда выводили необходимость постояннаго существованія (pérennité) религіи. Специфическими особенностями всякой религіи Гюйо призналъ 1) миѳическое, ненаучное объясненіе естественныхъ явленій или историческихъ фактовъ, 2) систему догматовъ, т.-е. вѣрованій въ нѣкоторыя абсолютныя истины, недоступныя ни научному доказательству, ни философскому оправданію, и 3) культъ, или систему болѣе или менѣе

---

[1]) Въ 1881 г. Ревилль выпустилъ въ свѣтъ „Пролегомены къ исторіи религій“, за которыми послѣдовалъ рядъ сочиненій о разныхъ религіяхъ, начиная съ религій нецивилизованныхъ народовъ (1883), а въ 1897 г. появился его большой трудъ „Іисусъ Назарянинъ“, существующій и въ русскомъ переводѣ (подъ ред. *проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго*, 1909). Не имѣя ни малѣйшей претензіи соперничать съ Ренаномъ въ литературномъ отношеніи, Ревилль находитъ, что „Жизнь Іисуса“ Ренана „могла бы быть переработана съ большей строгостью въ отношеніи метода и съ большей твердостью въ критической оцѣнкѣ источниковъ“ (рус. пер., т. I, стр. XXII). Ученый историкъ полагаетъ, что „заразительная горячка отрицательнаго отношенія къ религіи, ...повидимому, достигла уже своего максимума“, и что „по многимъ признакамъ.... готовится новый періодъ мистицизма“. Не одобряя первой, онъ высказываетъ опасеніе, какъ бы мистицизмъ и на сей разъ не сдѣлался „поглощающимъ и смертоноснымъ“, т.-е. не сталъ „повиноваться только своимъ фантазіямъ и грезамъ“ и „притуплять нравственную энергію и убивать чувство истинѣ“ (стр. XXIII—XXIV).

[2]) Гюйо много работалъ по психологіи, этикѣ и эстетикѣ, внося въ свои работы соціологическую точку зрѣнія (ср., напр., названіе его труда „L'art au point de vue sociologique“, имѣющагося и въ рус. пер. и примѣч. въ концѣ настоящей главы). Къ Гюйо придется еще возвращаться дальше, но полной характеристики его философіи дать не приходится по причинѣ, указанной у насъ выше, стр. 552—553.

[3]) Есть въ двухъ рус. перев.

неизмѣнныхъ обрядовъ, которымъ приписывается чудодѣйственная сила [1]). Религія будущаго, по мнѣнію Гюйо, столь же невозможна, какъ алхимія будущаго или астрологія будущаго, а потому онъ и считалъ позволительнымъ говорить лишь о „нерелигіозности" или „безрелигіозности" (irreligion ou a-religion) будущаго, которую, впрочемъ, просилъ отнюдь не понимать въ смыслѣ антирелигіозности, такъ какъ безрелигіозность будущаго сохранитъ изъ религіознаго чувства то, что въ немъ есть наиболѣе чистаго, а именно, съ одной стороны, удивленіе передъ Космосомъ съ безконечностью его силъ, а съ другой, исканіе идеала и притомъ не только индивидуальнаго, но и соціальнаго [2]) и даже космическаго, превышающаго наличную дѣйствительность. Гюйо находилъ даже, что „l'absence de religion positive et dogmatique" есть та форма, къ которой стремятся всѣ отдѣльныя религіи, ибо всѣ онѣ (кромѣ католицизма и турецкаго магометанства) все болѣе и болѣе отрѣшаются отъ своихъ противонаучныхъ утвержденій и отъ подчиненія индивидуальной совѣсти преданію. Дальнѣйшіе шаги въ развитіи религіи всегда дѣлались въ направленіи большей умственной независимости, менѣе буквальнаго и менѣе узкаго догматизма, болѣе свободнаго умозрѣнія [3]). Другими словами, Гюйо видѣлъ въ „отсутствіи религіи", собственно, не что иное, какъ „религіозную аномію, религіозный индивидуализмъ". Съ послѣдней точки зрѣнія онъ возражалъ авторамъ „религій будущаго" и въ томъ еще смыслѣ, что въ большинствѣ случаевъ они пророчили унификацію религіи, т.-е. приведеніе всѣхъ вѣрованій къ единству, которому онъ противополагалъ свою религіозную аномію, или „будущую множественность вѣрованій": общность и единство даже неосуществимы въ метафизикѣ и морали, ибо элементъ неразрѣшимости и непознаваемости всегда будетъ приводить къ разнообразію мнѣній [4]). Одна изъ основныхъ чертъ отношенія Гюйо къ существующимъ религіямъ заключалась еще въ томъ, что онъ осуждалъ антирелигіозный фанатизмъ, находя его столь же опаснымъ, какъ и религіозный [5]).

---

[1]) „Une religion sans mythes, sans dogme, sans culte ni rites, n'est plus que la *religion naturelle*, chose quelque peu bâtarde, qui vient se résoudre en hypothèses *métaphysiques*". *Guyau*, стр. XIII.

[2]) О связи религіи съ соціальною жизнью, по Гюйо, см. ниже.

[3]) Поэтому *Guyau* говоритъ: „l'irreligion, telle que nous l'entendons, peut être considérée comme un degré supérieur de la religion et de la civilisation même", стр. XV.

[4]) Въ этомъ отношеніи Гюйо какъ разъ стоялъ на точкѣ зрѣнія, діаметрально противоположной стремленію Конта, вооружившагося противъ умственной анархіи (т. V, стр. 862) и побѣдоносно спрашивавшаго: развѣ существуетъ свобода совѣсти въ математикѣ или химіи?

[5]) Интересно у *Guyau* (стр. XXIII и др.) противоположеніе двухъ вѣ-

Отъ всей книги Гюйо вѣетъ духомъ величайшей терпимости и уваженія ко всякой искренности [1]).

Въ сущности, Гюйо во всемъ своемъ философствованіи исходилъ изъ понятія жизни, изъ котораго исходилъ и другой философскій писатель, особенно повсемѣстно прославившійся въ концѣ XIX в., Фридрихъ Ницше, выступившій съ рѣзко антихристіанскою проповѣдью, но уже не въ догматикѣ, а въ этикѣ.

Конечно, въ настоящей главѣ нашею задачею не можетъ быть подробное обозрѣніе всѣхъ и даже только наиболѣе важныхъ системъ морали, возникшихъ въ послѣднія десятилѣтія XIX в. Достаточно будетъ, если мы дадимъ самую общую характеристику того, что дѣлалось въ литературѣ, посвященной вопросу о происхожденіи и сущности нравственности, и отмѣтимъ нѣкоторыя наиболѣе новыя точки зрѣнія [2]).

Въ настоящее время можно считать научно общепринятымъ (иногда даже, со стороны мыслителей, стоящихъ на религіозной точкѣ зрѣнія), что признаніе нравственнаго долга вовсе не покоится на теологической вѣрѣ. Можно вѣрить въ Бога и въ безсмертіе души, но въ то же время не признавать нравственности: вѣра въ Бога и въ безсмертіе есть лишь признаніе ихъ существованія, а не обязательности чего-то, хотя бы оно нигдѣ не существовало, отъ существованія же нельзя заклю-

---

ковъ—XVIII и XIX въ ихъ отношеніи къ религіи: въ XVIII в. апріорные философы вообразили, что разъ доказана нелѣпость какого-либо вѣрованія, дѣло съ нимъ и покончено, въ XIX же столѣтіи аттака противъ религій велась, главнымъ образомъ, историками, „qui ont un respect absolu pour le fait et sont portés à l'ériger en loi"; философы XVIII в. ненавидѣли религіи и стремились ихъ уничтожить, историки XIX в. ихъ изучаютъ и желаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы этотъ предметъ изученія всегда оставался, и судятъ о будущемъ по настоящему. Философъ конца XIX в. сошелся съ писательницей его начала, г-жей Сталь, въ характеристикѣ двухъ вѣковъ. Ср. т. IV, стр. 274.

[1]) Ср. его мнѣніе о миссіонерствѣ среди дикарей, которое заключается хотя бы въ слѣдующей фразѣ: „missionnaires et libres penseurs cultivent des plantes diverses dans des terrains divers; mais au fond, les uns et les autres ne font que travailler à la fécondité incessante de la vie".

[2]) Однимъ изъ наиболѣе систематическихъ изложеній разныхъ этическихъ теорій является книга *Фуллье* „Изложеніе и критика современныхъ системъ морали" (1883; пер. 1886 г. неудовлетворителенъ; лучше 1899 г.), гдѣ разсматривается мораль эволюціонизма и дарвинизма, „независимая мораль" (Vacherot), неокантіанская, пессимистическая, спиритуалистическая, эстетическая, мистическая и теологическая. Изъ одного этого перечисленія можно видѣть, какъ разнообразны современныя системы морали, которыя авторъ подводитъ, впрочемъ, подъ двѣ основныя категоріи „физики нравовъ" и „метафизики нравовъ". Интересный обзоръ кантіанскихъ теченій въ новѣйшей этикѣ сдѣланъ *Карломъ Форлендеромъ* въ книгѣ „Кантъ и Марксъ" (рус. пер. 1909).

чать къ обязательности, ибо это понятія разныхъ категорій [1]). Въ сущности, это разсужденіе можетъ быть распространенно и на метафизическія системы морали, въ которыхъ долженствованіе всегда выводилось изъ того или другого пониманія истинно сущаго [2]). Разъ основная тенденція новѣйшей философіи характеризуется своею антиметафизичностью, задачею этики становится разсмотрѣніе долженствованія безъ всякихъ метафизическихъ предпосылокъ, чѣмъ и характеризуются новѣйшія исканія въ теоретическомъ пониманіи этики [3]). Понятно, что на этой почвѣ должно было возникнуть множество объясненій, весьма противорѣчивыхъ, борьба между которыми по всей вѣроятности, и не скоро еще прекратится, потому что это —одна изъ наиболѣе трудныхъ проблемъ философіи.

Этика, отрѣшившаяся отъ всякихъ соображеній о потустороннемъ, конечно, должна была развиваться, главнымъ образомъ, на основѣ эвдемонизма или, вѣрнѣе говоря, того его преобразованія, которое извѣстно подъ названіемъ утилитаризма. Это послѣднее ученіе, наиболѣе обстоятельно изложенное въ послѣдній разъ Дж.-Ст. Миллемъ въ его извѣстной книгѣ (1861), пользовались громадною популярностью въ началѣ того періода времени, который разсматривается въ

---

[1]) Въ русской литературѣ эту мысль защищалъ, напр., кромѣ неокантіанца *проф. Ал-дра Введенскаго* (О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію, 1894, стр. 50 — 76), что весьма естественно, и такой религіозный мыслитель, какъ *Вл. Соловьевъ*. Вотъ какъ въ свое время я передавалъ его взглядъ на это въ своихъ „Мысляхъ объ основахъ нравственности" (1895): „признавая существованіе тѣснѣйшей связи этики по ея существу съ религіей, а по способу познанія съ теоретической философіей, авторъ (т. е. Соловьевъ) отрицаетъ, однако, одностороннюю зависимость этики какъ отъ положительной религіи, такъ и отъ умозрительной философіи, потому что нравственная область имѣетъ собственное содержаніе и самостоятельное значеніе. Нравственныя нормы не только не зависятъ отъ положительныхъ религій, но даже, въ извѣстномъ смыслѣ сами ихъ обусловливаютъ; съ другой стороны, онъ возражаетъ и противъ того взгляда, по которому этика подчиняется теоретической философіи вообще, въ особенности же той ея части, которая разсматриваетъ права и границы нашихъ познавательныхъ способностей", стр. 172—173. Конечно, другіе писатели религіознаго направленія съ такою точкою зрѣнія не соглашаются; напр., *А. Мальцевъ* въ „Нравственной философіи утилитаризма" (1879) объявляетъ отдѣленіе нравственности отъ религіи невозможнымъ и ошибочнымъ.

[2]) Ср. выше, стр. 555, прим. 3.

[3]) О нѣкоторыхъ исканіяхъ того, какъ обосновать долженствованіе, не прибѣгая къ метафизикѣ, мнѣ пришлось говорить въ своихъ „Мысляхъ объ основахъ нравственности" (1895), какъ, наприм., на стр. 83 и слѣд. (о „Moralphilosophie gemeinverständlich dargestellt" *Гижицкаго*), стр. 93 и слѣд. (*W. Salter*. Die Religion der Moral, 1885), и 132 и слѣд. (гдѣ подробно изложена статья „Von Ursprung sittlicher Erkenntniss").

настоящей главѣ, но мало-по-малу утилитаристическая точка зрѣнія уступила мѣсто эволюціонистической Герберта Спенсера. Уже Контъ ввелъ въ обиходъ позитивистической этики понятіе альтруизма, въ качествѣ фактора поведенія, противоположнаго эгоизму, и этимъ эволюціонизму была поставлена задача объяснить генезисъ альтруизма. Если утилитаристы полагали возможнымъ выводить альтруизмъ изъ эгоизма же, не выступая изъ предѣловъ индивидуальнаго сознанія, то Спенсеръ перевелъ этотъ вопросъ съ индивидуально-психологической почвы на почву эволюціи коллективной (видовой и соціальной) жизни, показавъ, что моральные стимулы, не могущіе, въ сущности, быть выведенными изъ стремленія къ личному благополучію, т.-е. изъ эгоизма, наоборотъ, вполнѣ выводимы изъ условій и требованій коллективной жизни. Эта теорія должна была привести къ признанію за моральными принципами (или инстинктами) врожденности и интуитивнаго характера въ силу дѣйствія фактора біологической наслѣдственности, что, въ свою очередь, сообщаетъ моральнымъ требованіямъ видимость апріорности, но лишь по отношенію къ индивидуальной, отнюдь не видовой и соціальной жизни [1]). Къ эволюціонистической точкѣ зрѣнія примкнули въ объясненіи генезиса нравственнаго чувства и многіе другіе мыслители послѣдней трети XIX в. [2]). На эволюціонную же точку зрѣнія сталъ и Гюйо въ своемъ „Очеркѣ морали безъ долга и санкціи“ [3]), въ которомъ, однако, выводилъ мораль не изъ дарвиновскаго естественнаго подбора и не изъ спенсеровскаго приспособленія къ жизненнымъ отношеніямъ, не изъ внѣшнихъ вліяній среды вообще, а изъ внутреннихъ стремленій человѣческой психики. Одинъ писатель опредѣлилъ цѣль воспитанія необходимостью внѣдрить въ чело-

---

[1]) Воздерживаюсь здѣсь отъ болѣе обстоятельнаго изложенія взглядовъ Спенсера, хотя бы даже въ такомъ объемѣ, какъ это было мною сдѣлано въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, т. II, стр. 326 и слѣд. по первому изданію.

[2]) Въ русской литературѣ обращаетъ на себя вниманіе статья *П. Л. Лаврова* „Современныя ученія о нравственности и ея исторіи“, сначала появившаяся анонимно въ „Отеч. Зап.“ за 1870 г., потомъ (1904) изданная отдѣльно подъ псевдонимомъ *С. Арнольди.*

[3]) Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction (1885). Въ болѣе раннемъ своемъ трудѣ „La morale anglaise contemporaine“ (1879), имѣющемся и въ русскомъ переводѣ, Гюйо критиковалъ утилитаризмъ и эволюціонизмъ, сводящіе въ послѣднемъ анализѣ основы морали къ чисто эгоистической потребности, въ самосохраненіи. Гюйо не считалъ возможнымъ съ этимъ согласиться, какъ, впрочемъ, и съ тѣмъ воззрѣніемъ, по которому эти основы заключаются въ симпатіи, или альтруизмѣ: для него все дѣло—въ стремленіи къ дѣятельности, къ саморазвитію и саморасширенію, могущемъ принимать и альтруистическій или соціальный характеръ, т.-е. въ способности человѣка подчиняться жизненнымъ мотивамъ съ болѣе широкимъ содержаніемъ, нежели забота только о себѣ.

вѣкѣ „предразсудокъ добра“ (la préjugé du bien), и Гюйо поставилъ себѣ задачу изслѣдовать, чѣмъ была бы и докуда могла бы идти мораль, въ которой не было бы ни малѣйшаго мѣста для какого-либо предразсудка или предвзятаго мнѣнія. Если, по его словамъ, большинство философовъ, — даже утилитаристы, эволюціонисты и позитивисты, — не могло вполнѣ рѣшить эту задачу, то по той причинѣ, что всѣ они желали сдѣлать свою раціональную мораль болѣе или менѣе адэкватной обыкновенной морали въ смыслѣ и объема (étendue), и почти такой же императивности требованій. „Когда, — развивалъ онъ свою мысль, — наука ниспровергла догматы разныхъ религій, она вовсе не претендовала ни замѣнить ихъ всѣ, ни тотчасъ же доставить религіозному чувству опредѣленный предметъ, опредѣленную пищу: положеніе науки по отношенію къ морали совершенно такое же, какъ и по отношенію къ религіи“ [1]). Нѣтъ никакихъ основаній думать, что научная этика, основанная исключительно на томъ, что мы знаемъ, должна совпадать съ обыденной моралью (la morale ordinaire), состоящею большею частью изъ вещей, которыя чувствуются или относительно которыхъ существуютъ предразсудки (qu' on sent ou on préjuge). Гюйо рѣшительнѣйшимъ образомъ отвергалъ кантовскій категорическій императивъ, вслѣдствіе чего и исключалъ изъ своего разсмотрѣнія моральную санкцію въ собственномъ смыслѣ, т.-е. отличную отъ соціальныхъ санкцій [2]).

Исходнымъ пунктомъ всего этическаго построенія Гюйо было понятіе возможно болѣе интенсивной и экстенсивной жизни (la vie la plus intensive et la plus extensive possible). Въ жизни царитъ борьба за существованіе, и мечтою моралистовъ являлось всегда какъ можно болѣе ее сократить, откуда и вытекалъ призывъ къ высшему закону, стоящему надъ самою жизнью, сверхъ-естественному. Гюйо, разумѣется, отказывался отъ этого со всѣми другими представителями позитивистической этики, чтобы упорядочивать жизнь самою же жизнью, но самоё жизнь онъ понималъ въ наиболѣе широкомъ смыслѣ дѣятельности человѣческаго существа, притомъ имѣющаго самого по себѣ общественный характеръ [3]). Всестороннее развитіе жизни, общеніе

---

[1]) Esquisse etc., стр. 4 (по изд. 1890 г., сдѣланному Фуллье, который вообще высоко цѣнилъ Гюйо. См. *Fouillée*. La morale, l'art et la religion d'après Guyau). Ср. у насъ выше, стр. 853—584, гдѣ излагается взглядъ Гюйо на религію.

[2]) „Quant à la sanction morale proprement dite, distincte des sanctions sociales, on verra que nous la supprimons purement et simplement“, стр. 7.

[3]) „Cest tout notre être qui est *sociable;* la vie ne connaît pas les classifications et les divisions absolues des logiciens et des métaphysiciens: elle ne peut pas être complètement *égoiste,* quand même elle le voudrait“, стр. 246. „Vivre, ce n'est pas calculer, c'est agir. Il y a dans l'être vivant une accumula-

съ другими и развитіе въ себѣ способности къ этому общенію, вотъ въ чемъ вся этика, долгъ же есть не что иное, какъ выраженіе силы или избытка жизни, требующаго себѣ примѣненія въ самопожертвованіи и великодушіи безъ всякаго принужденія или внѣшней необходимости.

Совершенно особую позицію въ вопросахъ этики занялъ экономическій матеріализмъ, видящій во всякой „идеологіи“, а слѣдовательно и въ этикѣ простую „надстройку“, и притомъ чисто классовую „надстройку“ надъ экономическимъ „базисомъ“ общества [1]). Общая тенденція экономическаго матеріализма—„выводить сознаніе изъ бытія“ и все объяснять классовыми интересами: отсюда для послѣдовательныхъ сторонниковъ этого ученія вытекаетъ логическая необходимость отрицать возможность какой бы-то ни было общечеловѣческой деонтологіи. Впрочемъ, среди самихъ марксистовъ за послѣднее время стало обнаруживаться стремленіе внести въ этику соціализма деонтологическую основу — въ противорѣчіи, конечно, съ самою сущностью экономическаго матеріализма, обосновывающаго соціализмъ не на принципахъ общечеловѣческой этики, а на классовомъ сознаніи пролетаріата [2]).

Говоря объ этическихъ исканіяхъ и вообще объ умственныхъ теченіяхъ послѣдней трети XIX в., совершенно было бы недопустимо совсѣмъ обойти молчаніемъ столько нашумѣвшаго Ницше. По причинѣ, уже не разъ указывавшейся выше [3]), здѣсь не можетъ быть дана сколько-нибудь полная и всесторонняя характеристика этого оригинальнаго писателя, около имени котораго даже создалась цѣлая литература,

---

tion de force, une réserve d'activité qui se dépense non *pour le plaisir* de la dépenser, mais *parce qu'il faut qu'elle se dépense*: une cause ne peut pas produire ses effet, même sans considération de *fin*“, стр. 247.

[1]) См. мои „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“ (1896). Аналогичная точка зрѣнія и у *А. Менгера* (Новое ученіе о нравственности).

[2]) Особенно въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія недавно (1909) вышедшая и въ русскомъ переводѣ книга *К. Форлендера* „Кантъ и Марксъ“, съ подзаголовкомъ „Очерки этическаго соціализма“. Цѣль автора соединить воедино экономическій матеріализмъ и кантовскую этику, ибо, по его мнѣнію, „внѣ этики, т.-е. внѣ преслѣдованія самостоятельно и сознательно анти-эгоистическихъ цѣлей нѣтъ соціализма и не можетъ быть рѣчи о соціализмѣ“, стр. 32. Для не-марксистовъ, въ томъ числѣ одинаково и для не-соціалистовъ, и для соціалистовъ, это, конечно, не новость. См., напр., книжку *Th. Ziegler'a* „Die soziale Frage eine sittliche Frage“ (1890), имѣющуюся и во французскомъ переводѣ. Особенно же ссылаюсь на русскихъ „субъективныхъ соціологовъ“ (П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловскаго и др.).

[3]) См. стр. 552—553.

тѣмъ болѣе, что Ницще необычайно личенъ, индивидуаленъ [1]). Но какъ-разъ не это его качество заставляетъ насъ остановиться въ главѣ, посвященной общимъ теченіямъ эпохи, а именно его необычайная популярность въ концѣ XIX в., въ которой, я сказалъ бы, было какъ-разъ много увлеченія модною новинкою [2]).

---

¹) „Ницше—мыслитель съ наиболѣе сильно выраженною индивидуальностью. Изъ глубины собственныхъ душевныхъ переживаній онъ почерпнулъ слова о томъ, что каждая философія была всегда „исповѣдью своего созидателя и какъ бы невольными мемуарами“, и что въ философіи не можетъ быть ничего безличнаго“. *А. Риль.* Фр. Ницше, какъ художникъ и мыслитель (1898), стр. 15. Ср. стр. 74 и слѣд., гдѣ Риль объясняетъ, почему Ницше не былъ и никогда не могъ быть научнымъ философомъ (коротко говоря, поскольку наука требуетъ безличности), а также стр. 103, гдѣ указывается на возможность объясненія морали Ницше только его личностью.

²) Ср. о философскихъ модахъ вообще то, что сказано выше, на стр. 556). О „модности“ Ницше, особенно среди литераторовъ и художниковъ *А. Риль.* Фр. Ницше, какъ художникъ и мыслитель (1898), стр. 14. „Возрастающее вліяніе Ницше, говоритъ Риль еще,—въ особенности на молодежь объясняется, главнымъ образомъ, обаяніемъ его рѣчи, которая дѣлаетъ этого необычайнаго писателя птицеловомъ, завлекающимъ неопытныя души въ свои сѣти“, стр. 27. Былъ ли и могъ ли быть Ницше настоящимъ властителемъ думъ? Нѣтъ. „Никто, говоритъ *Риль*, не изберетъ въ путеводители того, кто „всегда становился инымъ, всегда былъ чуждъ себѣ“. Ницше мѣшало стать духовнымъ вождемъ не отсутствіе „системы“, а отсутствіе „твердаго обоснованія мыслей“, стр. 145. Совершенно вѣрно замѣчаетъ цитируемый авторъ, что „духовный вождь своего времени долженъ понимать свое время“, Ницше же разсматривалъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ соціальный вопросъ, какъ „созданіе глупости и вырожденія инстинктовъ“, стр. 147. Я вполнѣ согласенъ и съ такимъ приговоромъ *Риля*: „при своей крайне воспріимчивой натурѣ, Ницше поддавался, хотя бы поверхностно, вліянію всѣхъ теченій, всякаго настроенія, охватывавшаго общество; всѣ они находили отзвукъ въ его бурной душѣ“, стр. 138.—Говоря о „томъ громадномъ вліяніи, какое въ послѣднее десятилѣтіе оказалъ поэтъ Фр. Ницше“, и *Виндельбандъ* объясняетъ его „чарующей красотой языка, которая все еще обольщаетъ и опьяняетъ даже тамъ, гдѣ содержаніе переходитъ въ загадочные намеки; тѣмъ полнымъ предчувствій символизмомъ, который... допускаетъ сумерочное утопаніе въ неопредѣленномъ; афористической формой изложенія, никогда не требующей отъ читателя связнаго логическаго мышленія“, ...наконецъ, „непосредственнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ самою личностью поэта“,... „вполнѣ своеобразною, которая переживаетъ вмѣстѣ со своимъ временемъ всѣ господствующія въ немъ стремленія и болѣетъ тѣмъ же неразрѣшимымъ противорѣчіемъ, какъ и само это время“. II, 383—384. Значительное вліяніе Ницше на нѣмецкую мысль отмѣчаетъ и *Lichtenberger*, но и онъ говоритъ: „l'observateur étranger a pourtant le sentiment très net que Nietzsche ne saurait passer pour l'interprète typique des aspirations qui dominent aujourd'hui en Allemagne. Il est une exception brillante, un „cas“ extraordinaire... (L'Allemagne) lui rend poliment le tribut d'hommage qu'on doit à une illustration nationale, mais elle cherche ailleurs ses inspirateurs et ses guides“, стр. 314 и 315. О вліяніи Ницше

Ницше [1]) былъ афористическимъ, если можно такъ выразиться, а не систематическимъ философомъ, притомъ скорѣе художникомъ, нежели мыслителемъ, очень часто, наконецъ, мѣнявшимъ свои позиціи. Начавъ философствовать подъ сильнымъ вліяніемъ метафизики Шопенгауера, онъ впослѣдствіи порвалъ со всякою метафизикою, не сдѣлавшись, однако, позитивистомъ, такъ какъ вся его философія, оставаясь неуловимою и совершенно не поддаваясь, хоть сколько-нибудь, кристаллизаціи, дѣйствовала больше на чувство, на настроеніе, нежели на мысль, на знаніе. Собственный его идеалъ отличался большою неясностью, но въ основѣ его лежалъ крайній индивидуализмъ, напоминающій Макса Штирнера [2]), индивидализмъ совершенно анархистическій, но и самый анархизмъ Ницше былъ своеобразнымъ вслѣдствіе своего аристократизма и пренебрежительнаго отношенія къ демократическому равенству съ его соціальными стремленіями. Подобно Гюйо, Ницше былъ проповѣдникомъ культа жизни, свободнаго проявленія ея инстинктовъ, ея расширенія и распространенія, развитія и мощи, но ему чуждо было то самоотверженіе, которое Гюйо выставилъ, какъ идеалъ: ницшеанскій „сверхчеловѣкъ" менѣе всего подходилъ подъ нравственный идеалъ Гюйо [3]). Ради удовлетворенія требованіямъ инстинктовъ жизни Ницше прославлялъ то, что самъ называлъ силою лжи, разумѣя подъ нею стремленіе къ выдуманному нами же самими, но за то гармонирующему съ запросами нашей души: нужно жить инстинктами, аффектами, внушеніями воли, игрой воображенія, а не разумомъ, ихъ ограничивающимъ и разрущающимъ, какъ это дѣлалось съ самаго же начала культуры, которая, по мнѣнію Ницше, превратила человѣка въ существо болѣзненное, само себя отвергающее; философъ звалъ человѣчество выйти изъ этого состоянія, давая волю всѣмъ своимъ страстямъ въ стремленіи къ идеалу „сверхчеловѣка".

Въ этомъ и заключался „аморализмъ" Ницще [4]). Какъ бы несогласны между собою ни были, въ самыхъ основныхъ пунктахъ своихъ

преимущественно на молодежь см. у *Т. Циглера* стр. 492 и слѣд. О самомъ Ницше въ этой книгѣ говорится, главнымъ образомъ, какъ объ индивидуалистѣ: „въ эпоху соціализма и дарвинизма все было проникнуто ученіемъ о средѣ и наслѣдственности,... явился Ницше и воспѣлъ гимнъ единичной личности", стр. 495. Другая причина притягательности Ницше та, что „матеріализмъ и позитивизмъ сдѣлали наше мышленіе плоскимъ", и это вызвало реакцію, стр. 497.

[1]) О Ницше соч. *Förster-Nietzsche* (его сестры; есть пер. въ приложеніи къ рус. изд. его сочиненій), *Riehl'я* (есть рус. пер.), *Ziegler'a*, *Lichtenberger* (по-франц.; есть русскій пер.) и др.

[2]) См. т. VI, ч. 1, стр. 65—66.

[3]) См. выше, стр. 588—589.

[4]) *A. Fouillée*. Nietzsche et l'immoralisme (1902).

теорій всѣ новѣйшіе философы, разрѣшавшіе этическую проблему, они всегда болѣе или менѣе сходились между собою въ одномъ — именно въ пониманіи положительныхъ требованій этическаго идеала, какими являются альтруизмъ, подчиненіе общественнымъ цѣлямъ и т. п., но Ницше какъ-разъ усумнился во внутренней цѣнности общепринятыхъ нравственныхъ понятій, объявивъ ихъ не только условными, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ложными, даже вредными. „Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей", критика всѣхъ понятій о добрѣ и злѣ, о правдѣ и лжи была тою новою и оригинальною въ этической литературѣ точкою зрѣнія, которая особенно поразила воображеніе современниковъ [1]). Въ сущности, это было ниспроверженіемъ всей традиціонной нравственности, критеріи которой Ницше считалъ неприложимыми къ тому, что одно имѣетъ внутреннюю цѣнность, т.-е. ко всему, что поднимаетъ жизнедѣятельность, полноту, широту и красоту жизни. Во всемъ остальномъ Ницше видѣлъ одинъ аскетизмъ: подъ это понятіе онъ подводилъ все, что только напоминало этику долга и общепринятую мораль. Поскольку этика въ своихъ положительныхъ требованіяхъ совпадаетъ съ общимъ духомъ христіанства, она провозглашалась у Ницше, какъ „мораль рабовъ", самъ же онъ проповѣдовалъ „мораль господъ" съ ихъ „волею къ власти" [2]). Все христіанство онъ подводилъ подъ категорію возстаній рабовъ въ морали, къ числу каковыхъ относилъ также буддизмъ и ученіе Сократа. Въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ, къ числу коихъ принадлежитъ и его „Antichrist", Ницше не стѣснялся говорить крайнія рѣзкости объ этомъ историческомъ явленіи [3]). Конечно, въ общей, такъ сказать, экономіи развитія теоретической этики едва ли пройдутъ безслѣдными идеи Ницше, представляющія собою

---

[1]) „Новизну своей задачи... Ницше вполнѣ сознавалъ. Никто до него не разсматривалъ еще цѣнности нравственности, никто не посягалъ на критику нравственныхъ принциповъ". *А. Риль.* Фр. Ницше, какъ художникъ и мыслитель, стр. 92. Но онъ хотѣлъ стать разрушителемъ нравственности лишь потому, что считалъ себя призваннымъ къ созданію новой нравственности, стр. 93. Риль правильно исходитъ изъ того, что на самоё нравственность Ницше смотрѣлъ лишь съ точки зрѣнія Шопенгауера, теорія котораго о происхожденіи морали изъ жалости или состраданія и нашла въ немъ рѣзкаго отрицателя, стр. 93 и слѣд.

[2]) *А. Риль* находитъ, что итоги морали Ницше подведены въ слѣдующихъ фразахъ его „Антихриста": „Въ чемъ добро? Во всемъ, что возвышаетъ чувство силы и власти и желаніе этой власти въ человѣкѣ.—Въ чемъ зло? Во всемъ, что исходитъ изъ слабости. — Въ чемъ счастье? Въ чувствѣ того, что власть *растетъ*, что препятствіе преодолѣвается. *Не* довольства нужно искать, а больше власти: *не* мира, а войны, *не* добродѣтели, а дѣльности", стр. 130.

[3]) Эти произведенія писались уже во время душевнаго заболѣванія Ницше, когда онъ, между прочимъ, страшно злоупотреблялъ хлоралъ-гидратомъ.

переоцѣнку нравственныхъ цѣнностей человѣчества, но несомнѣнно, что не въ направленіи слишкомъ индивидуалистичнаго аморализма Ницше съ его аристократизмомъ и исключительно эстетическою окраскою будетъ совершаться дальнѣйшее развитіе этики.

Въ то время, какъ свободная философская и научная мысль шла своею дорогою, разбиваясь на самыя разнообразныя направленія среди извѣстныхъ круговъ общества время отъ времени усиливалась реакція противъ научнаго духа съ призывами къ истинѣ единоспасающей церкви. Однимъ изъ эпизодическихъ проявленій этой реакціи былъ походъ противъ позитивизма и науки со стороны нѣкоторыхъ популярныхъ писателей Франціи, находившихъ въ этомъ отношеніи немалое сочувствіе въ консервативной буржуазіи [1]). Въ свое время владѣли подобнаго рода тенденціи въ сильно нашумѣвшемъ и у насъ романѣ Бурже „Le disciple", гдѣ было изображено отрицательное, въ моральномъ отношеніи, вліяніе позитивныхъ идей въ духѣ Тэна и Литтрэ на одного молодого человѣка, кончающаго самоубійствомъ, но это было только начало проповѣди знаменитаго романиста о необходимости возвращенія къ вѣрѣ, прямо къ католицизму—въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ „Космополисъ" и „За океаномъ". На католическую же точку зрѣнія сталъ и извѣстный литературный критикъ Мельхіоръ де-Вогюэ, авторъ, между прочимъ, книги о русскомъ романѣ. Одно изъ выступленій третьей парижской знаменитости, Брюнетьера, съ очень яркимъ заявленіемъ въ католическомъ духѣ даже произвело особенно сильную сенсацію, и о немъ много говорили и писали, притомъ не въ одной только Франціи. Этотъ эпизодъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ нѣсколько подробнѣе.

Популярный литературный критикъ и вліятельный профессоръ Высшей Нормальной школы, Фердинандъ Брюнетьеръ когда-то былъ человѣкомъ свободомыслящимъ, но потомъ перешелъ на сторону политической и религіозной реакціи, въ духѣ которой сталъ дѣйствовать на самый широкій кругъ читателей въ качествѣ редактора столь распространеннаго журнала, какъ „Revue des Deux Mondes" [2]). Въ 1894 г. онъ съѣздилъ въ Римъ, гдѣ выхлопоталъ аудіенцію у Льва XIII, о которой потомъ и повѣдалъ міру въ своемъ журналѣ, напечатавъ

---

[1]) Ср. *A. Debidour.* L'église catholique et l'état sous la troisième république (1909), II, 8—9, 133 и слѣд. Очень много черточекъ разбросано въ книгѣ *Н. Е. Кудрина* „Очерки современной Франціи" (см., напр., письмо 14 подъ заглавіемъ „Современное чертобѣсіе").—*F. Paulhan.* Le nouveau mysticisme (1891).

[2]) Любопытно, что на стр. 642—643 XII тома *Lavisse et Rambaud,* гдѣ идетъ рѣчь о Брюнетьерѣ, не сказано ни единаго слова объ его направленіи.

въ немъ статью „Une visite au Vatican“, написанную въ самомъ католическомъ духѣ съ вылазками противъ свободной мысли и противъ науки, совершенно, по его мнѣнію, обанкротившейся. Эта статья вызвала большое волненіе и рядъ возраженій, среди которыхъ наибольшею силою отличалась статья знаменитаго химика Бертело подъ заглавіемъ „Наука и мораль“ [1]). Отвѣтъ великаго ученаго произвелъ сильное впечатлѣніе въ обществѣ, и черезъ нѣсколько дней цѣлый рядъ ученыхъ и политическихъ дѣятелей чествовалъ Бертело грандіознымъ банкетомъ, гдѣ въ похвалу маститому защитнику науки и цивилизаціи произнесено было нѣсколько рѣчей [2]). Брюнетьеръ не остался въ долгу и перепечаталъ свою статью отдѣльною брошюрою („La science et la réligion“) съ примѣчаніями и дополненіями. Въ этой статьѣ Брюнетьеръ привѣтствовалъ совершающійся, по его мнѣнію, общій поворотъ отъ невѣрія къ истинной католической религіи и объяснилъ этотъ поворотъ банкротствомъ науки [3]). Выступленіе Брюнетьера въ духѣ клерикальной реакціи сдѣлало его имя очень популярнымъ въ духовенствѣ, а впослѣдствіи, въ эпоху дѣла Дрейфуса, когда на защиту „еврея“ поднялись „интеллигенты“, „les intellectuels“ [4]), Брюнетьеръ высмѣивалъ всѣхъ этихъ химиковъ, палеографовъ и латинистовъ, осмѣлившихся усумниться въ правильности су-

[1]) Въ „Revue de Paris“ отъ 1 февраля 1895 г.

[2]) Въ числѣ говорившихъ на банкетѣ былъ *Poincaré*, самъ впослѣдствіи написавшій книгу „La valeur de la science“.

[3]) „Le temps n'est pas très éloigné de nous où l'incrédulité savante passait communément pour marque ou pour preuve de supériorité d'intelligence et de force d'esprit“. *F. Brunetière.* La science et la réligion (1895), стр. 10. „Que s'est- il donc passé depuis lors? quel sourd travail s'est accompli dans les profondeurs de la pensée contemporaine? et, à ce propos, parlerons-nous à notre tour de la „banqueroute de la science“, стр. 13. Далѣе идетъ перечень не исполненныхъ наукою обѣщаній: если это не были „des banqueroutes totales“, то все-таки „des faillites partielles“, стр. 36. Брюнетьеръ видитъ въ этомъ причину нѣкоторой революціи или эволюціи: „l'évolution se produit, et, déja, nous commençons d'en discerner quelques-unes des effets. Deux mots suffisent à les résumer: la science a perdu son préstige, et la réligion a reconquis une partie du sien“, стр. 40—41. Между прочимъ авторъ восхваляетъ папу Льва XIII за его энциклики и въ частности за энциклику 1879 г. о христіанской философіи (о которой см. выше, стр. 354), стр. 45 и слѣд. Брюнетьеръ считаетъ религію необходимою для обоснованія морали (стр. 62); притомъ разъ приходится „выбирать изъ разныхъ формъ христіанства ту, которую можно было бы лучше всего использовать для возрожденія нравственности“, выборъ долженъ остановиться на католицизмѣ, стр. 70—71: „le catholicisme est un gouvernement“; „il est aussi une „doctrine“ et une tradition“, стр. 73 и 75; кромѣ того, онъ есть и цѣлая соціологія, что особенно важно въ переживаемую минуту, стр. 77.

[4]) См. выше, стр. 197, 199 и 203, прим. 1.

дебнаго приговора надъ измѣнникомъ [1]). Въ своемъ усердіи онъ объявилъ, что теперь онъ даже поколебался относительно невинности Каласа [2]). Особая ревность Брюнетьера къ католицизму снискала ему, въ концѣ концовъ, и большое расположеніе въ Ватиканѣ [3]).

Дѣлая этотъ обзоръ умственныхъ теченій на Западѣ въ концѣ XIX в., мы не можемъ не коснуться еще двухъ вопросовъ. Философія всегда стремилась быть цѣльнымъ, всеобъемлющимъ знаніемъ, но далеко не всѣ философы выполняли эту универсальную задачу, и поэтому тѣ, которые ее выполняли, заслуживаютъ особаго упоминанія, какъ творцы всеобъемлющихъ системъ. Позитивизмъ, въ лицѣ Конта, поставилъ передъ философіей какъ-разъ эту задачу [4]), и намъ нужно теперь бросить взглядъ на ея выполненіе въ послѣдней трети XIX в. Во-вторыхъ, тотъ же самый позитивизмъ поставилъ задачу созданія научной теоріи общества, соціологіи, и этотъ нашъ очеркъ умственныхъ теченій конца XIX в., въ которомъ заходила рѣчь объ отношеніи философіи къ человѣческому знанію, къ религіи, къ нравственности и т. п., былъ бы неполонъ, если бы въ немъ ничего не было сказано о соціологической проблемѣ въ исторіи философскаго мышленіи разсмотрѣнной эпохи.

По первому изъ только-что указанныхъ пунктовъ должны быть названы Гербертъ Спенсеръ въ Англіи, Дюрингъ и Вундтъ въ Германіи и Фуллье во Франціи, хотя, разумѣется, въ разсматриваемомъ отношеніи они далеко не могутъ быть поставлены на одну доску. Менѣе всего, конечно, можно было бы оспаривать право Спенсера на то, чтобы считаться всеобъемлющимъ философомъ: въ данномъ отношеніи его имя справедливо ставится рядомъ съ именемъ Конта. Съ „Курсомъ положительной философіи“ послѣдняго и съ „Системой синтетической философіи“ перваго иногда прямо сопоставляютъ и стремленіе къ созданію цѣльной картины міра въ „философіи дѣйствительности“ Дюринга [5]). То же самое говорятъ нерѣдко и о Вундтѣ. Наприм., большой его поклонникъ Кюльпе, готовый назвать Вундта „современнымъ Аристотелемъ или Лейбницемъ“ по многосторонности его знаній, находитъ, что съ нимъ можно сравнивать только Конта и Спенсера

---

[1]) *F. Brunetière*, Après le procès (1898).

[2]) Извѣстный процессъ временъ Вольтера. См. т. III, стр. 162—163.

[3]) Въ Institut de France не одинъ Брюнетьеръ отличается такимъ католическимъ направленіемъ. Рядомъ съ нимъ можно назвать и М. де Вогюэ, А. Леруа-Больё, Тюро-Данжена, Вандаля и др., которые въ эпоху отдѣленія церкви отъ государства получили насмѣшливую кличку „зеленыхъ кардиналовъ“ (по зеленому цвѣту академическаго мундира).

[4]) Т. V, стр. 862.

[5]) См., наприм., *Höffding*, стр. 584; онъ прямо въ этомъ отношеніи сравниваетъ Дюринга съ Контомъ и Спенсеромъ.

по той связи, въ какой философія Вундта находится со спеціальными науками [1]). Менѣе другихъ въ сравненіе съ Контомъ и Спенсеромъ можетъ идти Фуллье, поскольку его занятія не распространялись на естественныя науки, но зато, съ другой стороны, въ своихъ сочиненіяхъ онъ разсматривалъ вопросы и психологіи, и теоріи познанія, и соціологіи, и этики, что даетъ и ему право быть зачисленнымъ въ группу философовъ, имѣющихъ свою цѣльную картину міра. Что сближаетъ между собою всѣхъ четырехъ философовъ, т.-е. Спенсера, Дюринга, Вундта и Фуллье, это — ихъ стремленіе обосновывать свои заключенія на научныхъ данныхъ. Впрочемъ, и въ послѣднемъ отношеніи они далеко неодинаково смотрятъ на дѣло. Самымъ рѣзкимъ отрицателемъ метафизики изъ этихъ четырехъ мыслителей является Дюрингъ [2]), для котораго и спенсеровское „Непознаваемое", лежащее за предѣлами опытнаго знанія, должно казаться совершенною ненужностью въ философіи. Наоборотъ, Вундтъ уже стоитъ по другую сторону Спенсера [3]), поскольку считаетъ возможнымъ гипотетически продолжить философію въ область спенсеровскаго „Непознаваемаго" для восполненія этимъ продолженіемъ того, что не можетъ быть дано научнымъ знаніемъ [4]). Еще далѣе отъ

---

[1]) *О. Кюльпе.* Современная философія въ Германіи, стр. 108 и 120.

[2]) *Höffding* называетъ его самымъ значительнымъ представителемъ позитивизма въ Германіи, стр. 576.

[3]) Слѣдуетъ оговориться, что Спенсера многіе не считаютъ позитивистомъ. Наприм., покойный *Лесевичъ* говорилъ, что Спенсера причисляютъ къ позитивистамъ „только по недоразумѣнію" и что даже „просто смѣшно принимать мистико-метафизическое построеніе Спенсера за позитивное". Въ его „Основныхъ началахъ" Лесевичъ усматривалъ „повтореніе послѣкантовскихъ натурфилософскихъ пареній" и находилъ вполнѣ умѣстнымъ называть Спенсера англійскимъ Гегелемъ. Это—отзывъ русскаго позитивиста, но и защитникъ мысли о возможности метафизики проф. Челпановъ, являющійся послѣдователемъ Вундта, тоже признаётъ, что „называть Спенсера позитивистомъ просто мы не имѣемъ никакого права" (именно, въ системѣ Спенсера онъ видитъ „наклонъ позитивизма въ сторону метафизики").

[4]) Нужно, кстати, замѣтить, что отношеніе къ Вундту современниковъ измѣнилось съ выходомъ въ свѣтъ его „Системы философіи" (1889). Его работы „О задачѣ философіи въ настоящее время" (1874) и „О вліяніи философіи на опытныя науки" (1876), равно какъ вся его дѣятельность, были поняты такъ, что одни съ удовольствіемъ видѣли въ немъ „опытнаго философа", другіе же относились къ нему холодно и отрицательно, но потомъ первые стали упрекать Вундта въ томъ, что онъ остановился на полпути и даже вступилъ на реакціонный путь, а прежніе его недруги обрадовались обращенію „преслѣдующаго умозрительную метафизику Савла въ Павла, который—неудовлетворенный опытомъ—обратился къ царству идей". *Э. Кёнигъ.* В. Вундтъ (1902), стр. 12—13. Эта перемѣна взгляда была вызвана заявленіемъ Вундта въ „Системѣ философіи", что центральнымъ пунктомъ его философіи является метафизика.

Спенсера и, слѣдовательно, на противоположномъ отъ Дюринга концѣ ряда находится Фуллье, котораго тѣмъ не менѣе иногда причисляютъ къ позитивистамъ [1]), хотя также обозначаютъ, и какъ полупозитивиста [2]). Нельзя, наконецъ, и не признавать за четырьмя названными философами ни одинаковаго значенія въ смыслѣ вкладовъ, сдѣланныхъ каждымъ въ общую сокровищницу знанія и пониманія, ни одинаковаго, равнымъ образомъ, вліянія какъ на другихъ философовъ, такъ и на образованныхъ людей своего времени вообще. Болѣе крупными силами, во всякомъ случаѣ, нужно считать Спенсера и Вундта, причемъ первый изъ нихъ, въ общемъ, оказывалъ на свое время болѣе сильное вліяніе, нежели второй, особенно если принимать въ расчетъ вліяніе каждаго изъ нихъ внѣ его родины [3]). О Дюрингѣ и Фуллье, съ другой стороны, приходится сказать, что ихъ вліяніе,—одного внѣ Германіи, другого внѣ Франціи,—было менѣе значительно, нежели вліяніе Вундта за предѣлами его отечества. Если только эти соображенія вѣрны, то изъ факта особенной популярности Спенсера въ

---

[1]) *Гёффдингъ*, 71 и слѣд., но съ оговорками.

[2]) *А. Козловъ*. Полупозитивисты. А. Фуллье (въ „Вопросахъ философіи и психологіи" за 1894 г.). По мнѣнію самого *Fouillée*, существенный недостатокъ позитивизма заключается въ томъ, что онъ игнорируетъ „истинный субъектъ, чувствующее и мыслящее существо" и, слѣдовательно, не поднимается „до настоящей философской точки зрѣнія", требующей „разсмотрѣнія отношенія объектовъ къ мыслящему субъекту и собственной жизни этого мыслящаго субъекта", т.-е. что въ позитивизмѣ нѣтъ ни „теоріи познанія, неотдѣлимой отъ теоріи бытія", ни психологіи. Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde (1896), стр. 8. Это, конечно, вѣрно по отношенію къ самому Конту. Ср. въ приложеніи къ названному труду статью Фуллье (стр. 345—375) подъ заглавіемъ „Histoire et appréciation du positivisme" (разборъ трехъ работъ на академическую премію).

[3]) О Спенсерѣ, какъ „научномъ явленіи европейскаго или, вѣрнѣе, всемірнаго значенія" см. на первыхъ же страницахъ книги о немъ *Отто Гауппа* (1898). „Онъ,—говоритъ этотъ авторъ,—какъ многіе сказали бы, есть философъ нашего времени, т.-е. тотъ человѣкъ, который далъ наиболѣе ясное и полное выраженіе современному научному сознанію. Это мнѣніе раздѣляется на его родинѣ представителями самыхъ различныхъ направленій научной мысли", стр. 1. См. тамъ же, на стр. 2—3 указанія на всесвѣтную славу Спенсера. Исключеніе составляетъ только Германія, для которой Спенсеръ едва существовалъ до начала восьмидесятыхъ годовъ, и „врядъ ли, прибавляетъ *Гауппъ*, будетъ большой ошибкой сказать, что и теперь Спенсеръ для многихъ нѣмецкихъ ученыхъ и философовъ не больше, какъ имя", стр. 3. *Гауппъ* объясняетъ это, съ одной стороны, недовѣріемъ представителей отдѣльныхъ отраслей положительнаго знанія въ Германіи къ общимъ философскимъ системамъ, съ другой, старымъ нерасположеніемъ нѣмецкихъ философовъ къ „неосновательному и поверхностному" англійскому эмпиризму. Если даже философы въ Германіи и занимались Спенсеромъ, то какъ философомъ „Непознаваемаго", а не философомъ эволюціонной теоріи, въ которой вся его сила, все его значеніе, стр. 4—5.

концѣ XIX в.,—притомъ болѣе прочной, нежели популярность Шопенгауера, Гартмана или Ницше,—нельзя не сдѣлать нѣкотораго вывода о своего рода среднемъ философскомъ настроеніи эпохи.

Дальше о каждомъ изъ четырехъ философовъ будетъ сказано отдѣльно, безъ малѣйшаго, однако, притязанія на то, чтобы дать полныя характеристики ихъ міросозерцаній.

Планъ своей синтетической философіи Спенсеръ [1]) составилъ еще въ 1858 г., а въ 1860 г. издалъ подробный ея проспектъ, а также и первый выпускъ ея „Основныхъ началъ", оконченныхъ въ 1863 г. Въ этомъ трудѣ Спенсеръ, какъ извѣстно, провелъ рѣзкую грань между областью доступнаго нашему познанію и тѣмъ, что онъ обозначилъ, какъ „Непознаваемое". Наше знаніе относительно, и едва мы дѣлаемъ попытку мыслить что-либо безъ отношенія къ чему-либо другому, мы тотчасъ же впадаемъ въ совершенно неразрѣшимыя противорѣчія. Разъ, слѣдовательно, все абсолютное не можетъ быть заключено въ какія-либо конечныя опредѣленія нашей мысли, мы должны признать его за „Непознаваемое", могущее быть только предметомъ религіозной вѣры, въ качествѣ безконечной, но непостижимой силы, которая составляетъ основу всего мірового процесса со всѣми его матеріальными и духовными явленіями. Наука не можетъ не признавать существованія этого „Непознаваемаго", но если оно остается непонятнымъ нашему разуму, то наше чувство (вѣра) заставляетъ насъ именно признавать его существованіе. Въ явленіяхъ нашего опыта, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, Спенсеръ усматривалъ лишь отображенія „Непознаваемаго", причемъ считалъ себя въ правѣ изъ изученія эволюціи какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ явленій дѣлать заключеніе о существованіи нѣкотораго параллелизма между явленіями и свойствами самого „Непознаваемаго" [2]). Эту свою точку зрѣнія онъ называлъ преобразованнымъ реализмомъ.

Другіе эту сторону философіи Спенсера чаще обозначаютъ терминомъ „агностицизмъ", подъ которымъ разумѣютъ цѣлое направленіе, родственное позитивизму. Едва ли, однако, было бы правильно только къ этому агностицизму сводить все значеніе философіи Спенсера,—какъ это иногда дѣлали въ Германіи [3]) и что давало поводъ заподозривать Спенсера въ возвращеніи къ мистико-метафизическимъ стре-

---

[1]) Литература о немъ указана у *Ибервега-Гейнце*.

[2]) Гёффдингъ въ 1876 г. частнымъ письмомъ обратилъ вниманіе Спенсера на противорѣчія во взглядахъ на соотношеніе физическаго и психическаго въ его системѣ, и во второмъ изданіи „Основъ біологіи" (1898) Спенсеръ заявилъ о невозможности свести явленія жизни и сознанія на физико-химическіе процессы. *Höffding*, стр. 489—490 и 614.

[3]) По словамъ *О. Гауппа*, приведеннымъ выше, стр. 597, прим. 3.

мленіямъ [1]). Собственно говоря, всѣ эти разсужденія Спенсера не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на его теорію познаваемаго въ ея цѣломъ и на отдѣльныя его построенія въ областяхъ наукъ о неорганической природѣ, біологіи, психологіи, соціологіи и этики, въ основѣ каковыхъ построеній у него лежали данныя опытнаго знанія. Непостижимое у него такъ и остается непостижимымъ, а о томъ, что постижимо, притомъ взятомъ въ цѣломъ, и должна была говорить его синтетическая философія, построенная на научномъ фундаментѣ изъ научнаго матеріала, при помощи научнаго же метода и объединенная однимъ принципомъ, каковымъ у Спенсера является принципъ развитія, эволюціи. Поэтому основная черта системы Спенсера не въ его агностицизмѣ, дающемъ право толковать себя и въ смыслѣ канто-контовскаго отказа отъ метафизики, и, наоборотъ, въ смыслѣ мистико-метафизическаго стремленія, — а въ реалистическомъ эволюціонизмѣ.

Историческое значеніе Спенсера заключается въ томъ, что онъ первый понялъ все великое значеніе эволюціонной точки зрѣнія. „Когда,—писалъ о Спенсерѣ американецъ Юмансъ еще въ самый разгаръ его дѣятельности,—когда теорія о томъ, что существующій порядокъ вещей былъ созданъ сразу и во всей своей полнотѣ, оказалась несостоятельной [2]), явилось воззрѣніе, по которому считалось безразличнымъ, какъ возникъ этотъ порядокъ, ...Спенсеръ же, напротивъ того, полагалъ, что вопросъ о происхожденіи вещей имѣетъ опредѣляющее значеніе, и что мы никогда не можемъ понять, что онѣ такое, если не знаемъ, какъ онѣ стали тѣмъ, чѣмъ онѣ есть... Заслуга Спенсера, прибавляетъ Юмансъ, не въ томъ, что онъ первый примѣнилъ этотъ методъ [3]) къ особымъ предметамъ, но онъ былъ первый, примѣнявшій его, какъ всеобщій методъ, первый, который усмотрѣлъ, что этотъ методъ доставляетъ новое воззрѣніе на человѣческую природу, новую науку о духѣ, новую науку объ обществѣ и что всѣ они—члены одной связной и цѣльной философской системы. Наконецъ, онъ былъ первый, который, исходя изъ этой новой точки зрѣнія, или, другими словами, на основѣ принципа эволюціи создалъ обширную философскую систему“ [4]). Въ предисловіи къ послѣднему тому своей „Системы“ Спенсеръ говоритъ, что онъ „самъ изумляется смѣлости своего предпріятія и еще болѣе его выполненію“, но еще болѣе приходится другимъ изумляться и грандіозности замысла, и неуклонности въ дѣлѣ его исполненія, и силѣ мысли, проявленной философомъ въ этомъ колоссальномъ трудѣ всей его жизни, рядомъ съ поразительнымъ энцикло-

---

[1]) Ср. выше, стр. 596, прим. 3.

[2]) Объ этомъ см. т. V, стр. 855 и слѣд.

[3]) Эволюціонно-генетическій.

[4]) Приведено у *Гауппа*.

педизмомъ его эрудиціи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что „Система синтетической философіи“, какъ единое цѣлое, отличающееся высшею степенью внутренняго единства и цѣльности, превзошла „Курсъ положительной философіи“ Конта, не представляющаго такого единства и такой цѣльности. Одинъ и тотъ же законъ развитія, какъ процесса интеграціи, сопровождаемой дифференціаціей, примѣняется Спенсеромъ къ неорганической и органической природѣ и къ тому, что онъ назвалъ „надъ-органическимъ развитіемъ“, т.-е. къ культурно-соціальной жизни человѣка.

До основныхъ началъ, вышедшихъ въ свѣтъ, какъ было отмѣчено, еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Спенсеръ уже писалъ по соціологіи („Соціальная статика“, 1851), издалъ большой трудъ по психологіи („Основанія психологіи“, 1855) и набросалъ первый очеркъ своей общей теоріи эволюціи („Прогрессъ, его законъ и причина“, 1857), и Дарвинъ, въ предисловіи къ „Происхожденію видовъ“, уже называлъ его въ числѣ своихъ предшественниковъ. Послѣ обнародованія проспекта своей „Системы синтетической философіи“ [1]) Спенсеръ работалъ надъ ея выполненіемъ тридцать пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ имъ были изданы общіе труды по біологіи, по соціологіи и по этикѣ, а именно: „Основанія біологіи“ (1867), „Изученіе соціологіи“ (1873), „Описательная соціологія“, отдѣльныя части „Основаній соціологіи“, законченныхъ только въ 1896 г., и наконецъ „Основаній этики“ (между 1879 и 1891 гг. [2]).

Евгеній Дюрингъ [3]), о которомъ уже по одному поводу пришлось упомянуть въ настоящемъ томѣ [4]), началъ писать еще въ шестидесятыхъ годахъ („Цѣнность жизни“, 1865), съ конца которыхъ стали появляться одна за другою его „критическія исторіи“ философіи, политической экономіи и соціализма, общихъ принциповъ механики и другія его сочиненія по разнымъ областямъ знанія, что указываетъ на энциклопедичность его эрудиціи [5]). Въ серединѣ

---

[1]) Этотъ проспектъ цѣликомъ воспроизведенъ въ книгѣ *О. Гауппа*, стр. 69—73.

[2]) Спенсеръ умеръ въ 1903 г.

[3]) *А. Козловъ.* Философія дѣйствительности (1878). О Дюрингѣ есть еще труды *Druskowitz'a* (1888), *Döll'я* (1892) и др.

[4]) По поводу его антисемитизма, о чемъ см. выше, стр. 128, примѣч. 2.

[5]) Вотъ перечень его трудовъ: „Kritische Geschichte der Philosophie“ (1889), „Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Sozialismus“ (1892; 3 изд.), „Kritische Geschichte der allegemeinen Prinzipien der Mechanik“ (1887; 3 изд.). Имъ были написаны еще и другія работы по философіи („Natürliche Dialektik“, 1865; „Logik und Wissenschaftstheorie“, 1878), по политической экономіи („Kapital und Arbeit“, 1865; „Kritische Grundlegung der Volkswirtschaftslehre“; 1866; „Die Verkleinerer Careys und die Krisis der Nationaloeko-

семидесятыхъ годовъ вышелъ въ свѣтъ его „Курсъ философіи, какъ строго научнаго міровоззрѣнія“ (1875). Своей системѣ Дюрингъ далъ названіе „философіи дѣйствительности“, исходя изъ того положенія, что, вопреки критицизму, вся дѣйствительность можетъ быть принята нашимъ разумомъ [1]). Исходнымъ пунктомъ его философствованія было „возвращеніе къ Канту“, причемъ съ теченіемъ времени его мышленіе принимало все болѣе позитивистическій характеръ. Въ концѣ концовъ, Дюрингъ даже сталъ въ самое рѣзкое отношеніе къ основному тезису критицизма, по которому наше знаніе обусловлено не только, природою вещей, но и нашею собственною природою: въ этомъ взглядѣ онъ сталъ усматривать просто-на-просто лицемѣрное приспособленіе результатовъ работы мысли къ желанію сохранить допустимость потусторонняго міра. По его гносеологіи, понимать дѣйствительность нужно, не привнося въ нее ничего, что не извлекалось бы изъ нея самой. Что касается до той черты, ради которой мы здѣсь говоримъ о Дюрингѣ наравнѣ со Спенсеромъ и Вундтомъ, то она заключается въ настойчивомъ проведеніи той мысли, что философія должна быть полною картиною объ основныхъ формахъ, или общихъ чертахъ, „схемахъ“ реальнаго бытія. Сравнивая Дюринга со Спенсеромъ въ данномъ отношеніи, нельзя не отмѣтить, что схематизмъ перваго гораздо абстрактнѣе, нежели эволюціонизмъ второго, потому что Дюрингъ и не ставилъ своею задачею переработку конкретнаго содержанія отдѣльныхъ наукъ, какъ это сдѣлалъ англійскій мыслитель.

Переходимъ къ Вундту [2]). Этотъ философъ, котораго слѣдуетъ

---

nomie“, 1867; „Kursus der National- und Sozialoekonomie“), по исторіи литературы („Die Grösse der modernen Literatur“, 1892), даже по физикѣ, химіи и математикѣ (въ сотрудничествѣ съ сыномъ), кромѣ публицистическихъ произведеній и автобіографіи („Sache, Leben und Feinde“, 1882). Соціально-экономическіе взгляды Дюринга были приняты представителями манчестерства враждебно, но также вызвали опроверженіе и со стороны соціалъ-демократовъ. Особенно извѣстны печатавшіяся въ 1877—78 г. статьи *Engels'a* „Herrn Eug. Dührings Umwälzung der Wissenschaft“, изданныя потомъ отдѣльно и часто обозначаемыя сокращенно „Anti-Dühring“. (Изъ этой книги три главы въ 1882 г. были напечатаны особой брошюрой подъ заглавіемъ „Die Entwickelung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft“; имѣется и по-русски).

[1]) Коротко *Виндельбандъ* такъ формулируетъ мысль Дюринга: „истинное познаніе усвояетъ дѣйствительность совершенно такою, какою она есть, какъ она непосредственно представляется человѣческому опыту; вздорная мечта—искать за нею еще чего-то другого“, стр. 378. *Höffding* лучшимъ философскимъ трудомъ Дюринга считаетъ ставшую библіографическою рѣдкостью „Естественную діалектику“, полагая, что если Дюрингъ ее не переиздавалъ, то по причинѣ измѣненія своихъ взглядовъ въ сторону позитивизма, стр. 576.

[2]) Общему обзору его философіи посвящена книга *König'a* „Wilhelm Wundt, seine Philosophie und Psychologie“ (1901), имѣющаяся въ рус. пер. (1902 г., въ изд. „Образованія“), на который и сдѣланы ссылки въ этой главѣ.

признать наиболѣе вліятельнымъ мыслителемъ Германіи въ послѣдней трети XIX в., получилъ, какъ извѣстно, медицинское образованіе и началъ свою профессорскую карьеру съ приватъ-доцентуры по физіологіи [1]). Занятія этою наукою привели Вундта къ изученію и психологическихъ вопросовъ, отъ которыхъ онъ перешелъ потомъ и къ общимъ вопросамъ философіи. Въ исторіи новѣйшей психологіи Вундтъ занялъ даже совершенно особое положеніе, какъ родоначальникъ въ ней экспериментальнаго метода [2]). Другая особенность психологіи Вундта, это—отверженіе имъ субстанціальности души: душа у него не вещь, не субстанція, которую можно было бы мыслить по аналогіи съ матеріальнымъ атомомъ,—къ чему обнаруживали всегда склонность спиритуалисты [3]),—но только дѣятельность, активность, откуда Вундтъ и противополагаетъ свое понятіе души, какъ актуальное понятію субстанціальному. Такая „психологія безъ души", казавшаяся ревнителямъ ортодоксальныхъ традицій опаснымъ матеріализмомъ [4]), несомнѣнно, представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе позитивистическихъ элементовъ философіи Вундта [5]). Наконецъ, понятіе психологіи Вундтъ распространялъ не только въ сторону зоологіи („Thierseele", „душа животныхъ"), но и въ сторону соціологіи и исторіи подъ

---

[1]) У Вундта есть свой учебникъ физіологіи человѣка, вышедшій въ свѣтъ въ 1865 г. и выдержавшій потомъ нѣсколько изданій.

[2]) За „Лекціями о душѣ человѣка и животныхъ" (1863), уже отмѣченными въ V томѣ (стр. 855), послѣдовала въ 1874 г. „Физіологическая психологія", а въ 1896 г. былъ издалъ „Очеркъ психологіи". Основная точка зрѣнія Вундта — независимость психологіи не только отъ метафизики, но и отъ физіологіи, хотя онъ вмѣстѣ съ тѣмъ прославился какъ-разъ введеніемъ въ нѣкоторые отдѣлы психологіи экспериментально-физіологическаго метода вплоть до устройства въ Лейпцигскомъ университетѣ психологической лабораторіи, бывшей первымъ подобнаго рода учрежденіемъ во всей Европѣ (см. о ней статьи *Г. И. Челпанова* въ „Рус. Мысли" за 1889, *Я. Н. Колубовскаго* въ „Рус. Бог." за 1890 г. и т. п.).—„Характернымъ измѣненіемъ въ общихъ научныхъ условіяхъ XIX в. является постоянно прогрессирующее отдѣленіе психологіи отъ философіи, которое въ настоящее время можетъ разсматриваться, какъ завершившееся въ принципѣ". *В. Виндельбандъ*, 348. Въ подкрѣпленіе этого онъ ссылается на изданную имъ еще въ 1876 г. работу „Ueber den gegenwärtigen Stand der psychologischen Forschung".

[3]) Вундтъ поэтому даже называетъ спиритуализмъ замаскированнымъ матеріализмомъ.

[4]) Вспомнимъ, что русскій переводъ *(Е. Кемница)* „Vorlesungen über die Menschen- und Thierseele" былъ предметомъ судебнаго процесса, отчетъ о коемъ явился въ приложеніи къ книгѣ, когда ее разрѣшено было выпустить; примѣненіе слова „душа" къ животнымъ тоже производило немалый соблазнъ.

[5]) Въ данномъ отношеніи Вундтъ болѣе позитивистиченъ, чѣмъ Спенсеръ съ его гипотезой основнаго психическаго атома. Вполнѣ на актуалистической точкѣ зрѣнія стоялъ и Тэнъ въ „De l'intelligence" (1870).

несомнѣннымъ вліяніемъ созданной въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Лацарусомъ и Штейнталемъ „психологія народовъ“ („Völkerpsychologie“ [1]). Появленіе капитальныхъ трудовъ Вундта по логикѣ [2]) и этикѣ [3]), а затѣмъ и общей „Системы философіи“ (въ 1889 г.) еще болѣе прославили Вундта, какъ первокласснаго философа. Энциклопедичность его эрудиціи вполнѣ соотвѣтствуетъ задачѣ, ставимой имъ философіи.

Вундтъ раздѣляетъ точку зрѣнія Канта, признавая, что нашему познанію недоступно что-либо, кромѣ нашихъ же собственныхъ субъективныхъ состояній. На высшей ступени познанія, по его представленію, наше мышленіе уже переходитъ за границы всякаго опыта, создавая, однако, лишь идеи, обреченныя на то, чтобы всегда оставаться гипотезами, или же имѣющія характеръ ни для чего ненужныхъ фикцій. Разъ нельзя ничего знать, что не дано въ реальномъ опытѣ, философія должна быть только нѣкоторымъ комплексомъ научныхъ выводовъ, приведенныхъ между собою въ общую согласованность съ возможнымъ устраненіемъ изъ нихъ всякой противорѣчивости [4]). Если Вундтъ и говоритъ о метафизикѣ, то лишь какъ о совокупности гипотезъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна спеціальная наука, и въ этомъ смыслѣ метафизика, соединяющая воедино разные гипотетическіе элементы знанія, получаетъ у него значеніе не фундамента философіи, а ея увѣнчанія, будучи продолженіемъ или восполненіемъ опытнаго познанія [5]). Съ другой стороны, Вундтъ настаиваетъ на не-

---

[1]) Объ этой научной попыткѣ мнѣ уже не разъ приходилось высказываться. См., главнымъ образомъ, „Основные вопросы философіи исторіи“, кн. III, гл. 2, по первымъ двумъ изданіямъ (гл. 12 по 3 изд.) и „Введеніе въ изученіе соціологіи“, въ главѣ VII. Въ первомъ изданіи „Лекцій о душѣ человѣка и животныхъ“ этому элементу отведено значительное мѣсто, но, переиздавая въ 1892 г. свою книгу, Вундтъ его выпустилъ, чтобы дать ему самостоятельную обработку въ многотомной „Völkerpsychologie“, начавшей выходить въ 1897 г.

[2]) „Логика“ Вундта вышла въ свѣтъ въ 1880—1883 гг. О ней по отношенію къ методологіи общественныхъ наукъ мнѣ уже пришлось говорить во „Введеніи въ изученіе соціологіи“ (гл. X).

[3]) „Этика появилась въ 1886 г. и вскорѣ вышла въ русскомъ (очень неважномъ) переводѣ.

[4]) „Съ низинъ опыта, говоритъ о Вундтѣ *Гёффдингъ,* онъ стремится къ вершинамъ мышленія; этихъ вершинъ достигала, какъ она думала, романтика, но, по мнѣнію Вундта, воодушевленнаго критическимъ направленіемъ Канта, онѣ являются лишь высшимъ пунктомъ кругозора, которымъ (пунктомъ) мы пользуемся для оріентировки“. Современные философы, стр. 11.

[5]) „Къ позитивизму Вундтъ приближается въ пониманіи того значенія, какое онъ придаетъ опыту, какъ масштабу, критерію“, тамъ же 31. „Вундтъ, говоритъ авторъ книги о немъ, *Э. Кёнигъ,* стремится преобразовать позитивизмъ изнутри: онъ соглашается вполнѣ съ его требованіями и только возстаетъ про-

обходимости, чтобы философія удовлетворяла требованіямъ не только ума, но и чувства. Согласованіе интеллектуальныхъ интересовъ и этическихъ потребностей есть, по Вундту, тоже задача философіи [1]).

Остановимся еще на Альфредѣ Фулье, какъ мыслителѣ, который во Франціи является однимъ изъ плодовитѣйшихъ философскихъ писателей послѣдняго времени [2]). Фуллье можно назвать въ исторіи французской философіи продолжателемъ дѣла Тэна, закончившаго первую, философскую половину своей литературной дѣятельности блестящей книгой „De l'intelligence" (1870), во второй же половинѣ занимавшагося, главнымъ образомъ, исторіей революціи [3]). „Если бы, говоритъ Гёффдингъ, мы хотѣли назвать изслѣдователя, про котораго можно было бы сказать, что онъ въ области философіи продолжаетъ дѣло Тэна, что мы должны были бы прежде всего указать на Альфреда Фуллье" [4]).

Въ своемъ трудѣ „Будущее метафизики, основанной на опытѣ" (1889) Фуллье особенно подчеркивалъ гипотетичность всякой метафизики, указывая на то, что метафизика является результатомъ потребности въ высшемъ обобщеніи, и что основаніемъ для нея служатъ аналогіи, притомъ не только психологическія, но и соціологическія. Въ метафизикѣ, по мнѣнію Фуллье, человѣкъ не можетъ идти дальше гипотетическихъ схемъ и не въ состояніи представить себѣ послѣдній синтезъ съ такою же положительностью, какъ вообще представляетъ себѣ связь между явленіями, дающуюся человѣку въ болѣе точномъ

тивъ взгляда, по которому обработка опытныхъ фактовъ заканчивается въ области спеціальныхъ наукъ. Эмпирическимъ спеціальнымъ изслѣдованіемъ начинается всякое научное познаніе, но оно имъ еще не заканчивается; наоборотъ, внимательное изслѣдованіе проблемъ спеціальныхъ наукъ показываетъ необходимость философскаго дополненія, такъ какъ при этомъ возникаютъ вопросы, которые не могутъ быть разрѣшены на почвѣ спеціальныхъ наукъ и при помощи средствъ, какими онѣ располагаютъ". *Э. Кёнигъ.* В. Вундтъ, стр. 11.

[1]) Ср. выше, стр. 555, прим. 3. Разсмотрѣніе этики Вундта завело бы насъ слишкомъ далеко, и я ограничусь лишь указаніемъ на то, что здѣсь Вундтъ наиболѣе является метафизикомъ по постановкѣ цѣли жизни внѣ ея самой. Не касаемся и его отношенія къ религіи, о чемъ см. у *Кёнига*, стр. 174 и слѣд.

[2]) *Alfred Fouillée* началъ писать еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Кромѣ трудовъ историко-философскаго характера (ср., между прочимъ, указанное выше, на стр.   соч. о системахъ морали) и „Исторіи философіи", существующей и въ рус. пер.), отмѣтимъ: La liberté et le déterminisme (1872; есть рус. пер.). — La science sociale contemporaine (1880; есть рус. пер.) — L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience (1889). — L'évolutionisme des idées-forces (1890).—La psychologie des idées-forces (1893).—Le mouvement idéaliste et la réaction contre la science positive (1896). — Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde (1896) и др.

[3]) Т. VI, ч. 1, стр. 159 и слѣд.

[4]) *Г. Гёффдингъ*, стр. 81.

знаніи. Разныя метафизическія системы находятся между собою въ состояніи борьбы за существованіе, и въ ней преуспѣваетъ, такъ сказать, та, которая можетъ разсматриваться, какъ наиболѣе приспособленная къ общей научной атмосферѣ даннаго времени: по мѣрѣ того, какъ научное знаніе все дальше и дальше будетъ идти впередъ, все болѣе и болѣе будутъ съуживаться самыя возможности возникновенія новыхъ метафизическихъ системъ. Задача философіи заключается въ томъ, чтобы въ предѣлахъ, доступныхъ человѣческому опыту, находить возможно бо̀льшую связь между познаваемыми явленіями, дополняя, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ на основаніи принципа существующей въ мірѣ явленій непрерывности [1]). Настроенный вполнѣ реалистически, Фуллье въ то же время далекъ отъ отрицанія идеализма, стремясь примирить противоположныя направленія [2]). Напр., въ своей книгѣ „La science sociale contemporaine“ (1880) онъ выяс-

[1]) Въ названной книгѣ *Fouillée* отмѣчаетъ современныя метафизическія исканія, имѣющія притомъ характеръ не погони за идеаломъ въ духѣ Ланге (о чемъ см. у насъ на стр. 852 пятаго тома), а настоящаго добыванія реальности. L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience (1889), стр. VIII. Показательное значеніе для Фуллье имѣетъ то обстоятельство, что обоснованія для универсальнаго синтеза ищутъ въ опытѣ, стр. X. Прямой и притязательный вопросъ прежней философіи о томъ, что̀ такое вселенная, Фуллье замѣняетъ вопросомъ косвеннымъ и болѣе скромнымъ: „comment l'univers est-il senti, pensé, voulu par la conscience humaine? quelle est, parmi toutes les conceptions de l'ensemble des choses, celle qui s'accorde le mieux avec elle-même, avec les lois constitutives de la pensée et de l'action, enfin avec la totalité de notre expérience actuelle?“ стр. 7. Становясь на точку зрѣнія непреходимости метафизики, Фуллье возражаетъ противъ позитивистическаго устраненія метафизическихъ проблемъ: „le plus positif des positivistes a beau professer une complète suspension de jugement, soyez sûrs qu'il a sur le compte de l'univers sa pensée de derrière la tête“, стр. 13, а также ср. стр. 274 и слѣд. Въ отдѣльной интересной главѣ (стр. 187 и слѣд.) авторъ ставитъ вопросъ: „всегда ли будутъ нужны для морали метафизическія гипотезы?“ Общее заключеніе Фуллье состоитъ въ слѣдующемъ: „съ одной стороны, мораль будетъ дѣлаться все болѣе и болѣе позитивной и даже въ такой степени, какая и не снится теперешнимъ соціологамъ и физіологамъ“, но съ другой, она будетъ давать и больше простора „этому роду искусства, раціональной поэзіи, который называютъ метафизикой“, стр. 198.

[2]) Одна изъ особенностей философствованія Фуллье заключается вообще въ томъ, что̀ онъ самъ называетъ „методомъ примиренія“ (méthode de conciliation), т.-е. объединенія противоположныхъ точекъ зрѣнія въ высшемъ синтезѣ. См. объ этомъ въ „L'avenir de la métaphysique“, стр. 115 и слѣд. со словъ: „la métaphysique ne peut pas n'être par essence une conciliation, puisqu'elle est un essai de synthèse universelle“. Ср. § подъ заглавіемъ „Différence entre la méthode de conciliation, la méthode hégélienne et la méthode éclectique“ стр. 129 и слѣд., гдѣ авторъ особенно отграничиваетъ свой „конциліаціонный методъ“ отъ эклектическаго.

няетъ вѣрныя стороны ученія объ обществѣ (или государствѣ), какъ своего рода организмѣ и какъ объ общественномъ договорѣ: одно—реальность, другое—идеалъ, претворяющійся въ реальность [1]). Дѣло въ томъ, что и „идея" можетъ сдѣлаться „силой", т.-е. факторомъ жизненнаго творчества. Свое ученіе о „идеяхъ-силахъ" [2]) Фуллье развилъ въ самомъ большомъ своемъ трудѣ „Психологія идей-силъ" (1893). Можно даже сказать, что для Фуллье сама психологія, прежде всего, есть изученіе воли, той самой воли, которой Тэнъ намѣревался посвятить свой трудъ, оставшійся, къ сожалѣнію, не написаннымъ [3]).

Стремясь къ цѣльному міросозерцанію, Фуллье самымъ опредѣленнымъ образомъ сталъ на точку зрѣнія эволюціи и того, что можно назвать непрерывностью бытія, отрицавшейся прежними французскими мыслителями,—въ ихъ числѣ и Контомъ, который въ своей классификаціи наукъ рѣшительно признавалъ существованіе своего рода пропастей, отдѣляющихъ одна отъ другой различныя области природы, поскольку каждая новая въ іерархическомъ ряду абстрактная наука имѣла въ глазахъ Конта своимъ предметомъ особую, къ другимъ несводимую категорію явленій. Въ этомъ отношеніи Фуллье (а раньше его и Тэнъ) стоитъ въ своемъ пониманіи міра на той же точкѣ зрѣнія непрерывности, какая наблюдается и у Спенсера, и у Дюринга, и у Вундта [4]). Въ смыслѣ признанія непрерывности видными представителями философіи конца XIX в. мышленіе въ этомъ отношеніи вернулось къ традиціямъ великихъ идеалистическихъ системъ начала XIX в.

Таковы главныя явленія философскаго движенія за послѣднія десятилѣтія XIX в., насколько вообще умственныя теченія могутъ быть предметомъ изложенія и характеристики въ такомъ общеисто-

---

[1]) Фуллье въ этомъ смыслѣ создаетъ понятіе „договорнаго организма", „organisme contractuel", о чемъ ср. въ моемъ „Введеніи въ соціологію" (гл. IV).

[2]) Въ этомъ понятіи тоже нельзя не видѣть результата примѣненія „méthode de conciliation".

[3]) Отмѣтимъ здѣсь, кстати, волюнтаристическій характеръ новѣйшей психологіи и даже метафизики, впервые проявившійся въ философіи Шопенгауера и отличающій собою, равнымъ образомъ, воззрѣнія Вундта, для котораго весь міръ представляется, какъ совокупность воль, или волевыхъ единицъ.

[4]) Защитникомъ „прерывности" во французской философіи былъ Шарль Ренувье, о чемъ см. у *Гёффдинга*, стр. 89 и слѣд. *Гёффдингъ*, говорившій о Ренувье еще при его жизни, выражаетъ сожалѣніе о томъ, что объ этомъ философѣ не писали, но послѣ смерти послѣдняго (1903) вышла въ свѣтъ о немъ книга *Ph. Bridel'я* (Charles Renouvier et sa philosophie, 1905). Другимъ противникомъ принципа непрерывности является Бутру, авторъ „De la contingence des lois de la nature" (1875) и „De l'idée de la loi naturelle dans la science et la philosophie contemporaines" (1895).

рическомъ трудѣ, какимъ является настоящій томъ [1]). Это была эпоха постояннаго и весьма интенсивнаго взаимодѣйствія, какого раньше никогда не было, между философіей и спеціальными науками и вмѣстѣ съ этимъ особенно дѣятельной разработки, въ духѣ научнаго реализма и философскаго эволюціонизма, общественныхъ наукъ вообще и въ частности время быстраго развитія соціологіи, общему обзору котораго и посвящены послѣднія страницы этой главы [2]).

Въ послѣдней главѣ V тома „Исторіи Западной Европы“ было отмѣчено то, что къ началу послѣдней трети XIX в. паденіе идеалистической метафизики и успѣхи естествознанія не могли не отразиться на общественныхъ наукахъ, особенно на изученіи и теоретическомъ пониманіи государства и права. Политическая экономія еще раньше освободилась отъ того, что Контъ называлъ метафизическимъ методомъ, подчиняющимъ наблюденіе воображенію, благодаря чему изъ всѣхъ общественныхъ наукъ политическая экономія уже давно имѣла позитивный, реалистическій характеръ, въ то время, какъ общія теоріи права и государства оставались еще подъ властью „метафизики“. При занятіи ими въ большинствѣ случаевъ не умѣли строго разгра-

---

[1]) Повторяю, что я не гнался за полнотою ни въ смыслѣ включенія въ обзоръ по возможности всѣхъ теченій, ни тѣмъ болѣе въ смыслѣ разсмотрѣнія или простого упоминанія наибольшаго числа писателей, равно какъ, наконецъ, подробныхъ и всестороннихъ характеристикъ отдѣльныхъ мыслителей, о которыхъ идетъ рѣчь. Конечно, въ главѣ найдены будутъ большіе пробѣлы, но я заранѣе оговариваюсь, что нѣкоторые изъ нихъ допущены мною совершенно сознательно. Наприм., мнѣ не разъ приходило въ голову, что меня будутъ упрекать за пропускъ такого популярнаго (въ значеніи общедоступности, и извѣстности) писателя, какъ Ренанъ, которому, наприм., и *Гёффдингъ* даетъ мѣсто среди своихъ „Современныхъ философовъ“ (стр. 75—80), но при всемъ психологическомъ интересѣ, какой представляетъ собою личность Ренана, его философскій дилеттантизмъ былъ слишкомъ поверхностнымъ, а скептицизмъ, къ которому онъ пришелъ, слишкомъ неглубокимъ. Въ 1848 г., когда ему было только 25 лѣтъ, онъ оптимистически вѣрилъ въ науку и въ демократію, что и выразилъ въ написанной тогда книгѣ „L'avenir de la science“, обнародованной много позднѣе, но дальнѣйшія событія въ исторіи его родины сдѣлали его пессимистомъ и скептикомъ. Между прочимъ, въ эпоху коммуны онъ написалъ (но издалъ только черезъ пять лѣтъ) „Dialogues et fragments philosophiques“, гдѣ прямо говорилъ о несовмѣстимости науки и демократіи. Его идеи здѣсь получили чисто аристократическій и при всемъ его свободомысліи клерикальный оттѣнокъ: у него священниками будущаго въ качествѣ пастырей душъ толпы должны быть ученые. Въ своемъ „Examen de conscience philosophique“ (въ „Feuilles détachées“, 1888) Ренанъ особенно рекомендовалъ избѣгать того, чтобы „être dupe“.

[2]) Въ первоначальный замыселъ, касающійся настоящей главы, входило дать и общій очеркъ успѣховъ исторической науки, что было даже обѣщано на стр. 886 пятаго тома, но тема эта оказалась слишкомъ обширною, чтобы найти здѣсь мѣсто.

ничить категоріи существованія и долженствованія, не умѣли, далѣе, примѣнять къ пониманію данныхъ въ дѣйствительности государственныхъ и правовыхъ явленій тѣ же точки зрѣнія и привычки мысли, которыя давнымъ-давно утвердились въ изслѣдованіяхъ натуралистовъ и даже экономистовъ, и не умѣли, наконецъ, не связывать понятія о должномъ съ какими-либо традиціонными или вновь изобрѣтенными представленіями мистическаго, метафизическаго или романтическаго характера. Важнымъ моментомъ въ исторіи освобожденія общественныхъ наукъ отъ „подчиненія наблюденія воображенію“ было возникновеніе положительной науки объ обществѣ, соціологіи, какъ чистой (не прикладной) науки, изслѣдующей законы общественнаго бытія и развитія во всемъ многообразіи и сложности составляющихъ общественную жизнь явленій. Она указывала, чѣмъ должна была быть „соціальная физика“, вмѣсто прежней соціальной метафизики. Уже самъ Контъ пытался построить новую науку на принципѣ закономѣрной эволюціи, играющемъ столь важную роль вообще въ міросозерцаніи XIX вѣка, а великое открытіе Дарвина, оказавшее бо̀льшее или меньшее вліяніе на всѣ науки нашего времени, дало лучшую опору для эволюціонизма въ соціологіи, сдѣлавшагося основною особенностью и работъ Спенсера въ изученіи разныхъ явленій общественной жизни. Другою капитальною чертою истиннаго соціологическаго направленія сдѣлалась его историчность, или „историзмъ“, т.-е. пользованіе, при теоретическомъ изученіи такихъ явленій общественной жизни, какъ государство, право, народное хозяйство, и историческимъ матеріаломъ, и историческою точкою зрѣнія (совпадающею съ эволюціонною), и историческимъ методомъ. Правда, историческія школы въ юриспруденціи и въ политической экономіи возникли еще въ началѣ и въ исходѣ первой половины XIX в. [1]), но въ нихъ историзмъ былъ соединенъ или съ романтизмомъ и консерватизмомъ, свойственными исторической школѣ права [2]), или съ консерватизмомъ и отсутствіемъ широкаго обобщающаго взгляда, что позволительно сказать объ историческомъ направленіи въ политической экономіи [3]). Болѣе свободный, болѣе трезвый, болѣе философскій историзмъ соціологіи долженъ былъ давать, конечно, и болѣе цѣнные и плодотворные результаты. Очень важное значеніе имѣло для дальнѣйшаго развитія положительнаго пониманія общественныхъ явленій въ ихъ эволюціи также внесеніе въ ихъ историко-соціологическое изученіе сравнительно-историческаго

---

[1]) Т. IV, стр. 274 и слѣд. и т. V, стр. 378 и слѣд.

[2]) Въ ученіи объ исконномъ народномъ правосознаніи, о народномъ духѣ и т. п. и въ приверженности къ существующему, о чемъ также въ т. IV, стр. 347—348.

[3]) Т. V, стр. 380.

метода, будущую роль котораго провидѣлъ еще самъ основатель соціологіи, Огюстъ Контъ. — Это общее стремленіе къ идеалу научности не могло не отразиться и на міросозерцаніи соціальныхъ реформаторовъ. Соціализмъ Маркса и Энгельса уже прямо противополагалъ себя прежнему соціализму, какъ научный утопическому, ибо и онъ основывалъ себя на идеѣ закономѣрнаго историческаго развитія, совершенно устраняющей точку зрѣнія не только консерваторовъ и романтиковъ, но и такихъ людей, какими были раціоналисты [1] XVIII или утописты XIX в., мечтавшіе о внезапномъ переустройствѣ общественныхъ отношеній подъ однимъ вліяніемъ счастливой идеи въ умѣ отдѣльнаго человѣка.

Таковы были въ общихъ чертахъ, тѣ руководящія идеи въ области соціологическаго пониманія, которыя уже широко проложили себѣ путь въ сознаніе людей, научно занимающихся или даже просто только интересующихся жизнью человѣческаго общества вообще, въ частности ея политическою, юридическою, экономическою и культурною сторонами. Конечно, не было и въ послѣдней трети XIX в. недостатка въ болѣе или менѣе запоздалыхъ проявленіяхъ прежнихъ точекъ зрѣнія и пріемовъ мысли, какъ бывали, съ другой стороны, и попытки сознательнаго возвращенія вспять, но все это составляло временныя, преходящія явленія, не оставлявшія замѣтныхъ слѣдовъ на общемъ движеніи соціальной мысли.

Къ концу XIX в. соціологическая литература достигла на разныхъ языкахъ громадныхъ размѣровъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ возникли спеціальные періодическіе органы для соціологіи въ видѣ журналовъ и ежегодниковъ, стали образовываться соціологическія общества и собираться международные съѣзды соціологовъ, и новая наука начала дѣлаться предметомъ академическаго преподаванія [2]. Въ самой соціологіи за это время успѣли обозначиться отдѣльныя направленія. Два изъ нихъ сходились въ томъ, что строили соціологію непосредственно на біологіи, съ тѣмъ различіемъ, что одно исходило изъ уподобленія общества индивидуальному организму („органицизмъ" Спенсера, Лиліенфельда, Шэффле и др.), другое—изъ отожествленія законовъ, управляющихъ жизнью общества, съ законами видовой

---

[1] Т. III, стр. 149 и слѣд.

[2] Обо всемъ этомъ см. послѣднюю главу моего „Введенія въ изученіе соціологіи". Такъ какъ эта книга вышла первымъ изданіемъ въ 1897 г., то состояніе соціологіи въ концѣ XIX в. могло найти въ ней довольно полное отраженіе, и все, что изложено дальше, въ сущности, основано цѣликомъ на данныхъ, имѣющихся въ этой книгѣ. Къ ея тексту былъ приложенъ обширный указатель соціологической литературы, пополненный новыми названіями во второмъ изданіи „Введенія", сдѣланномъ въ 1907 г.

жизни организмовъ („дарвинистическое“ направленіе). Одною изъ заслугъ русскихъ соціологовъ семидесятыхъ годовъ (Лаврова, Михайловскаго и Южакова) было то, что, сами стоя на точкѣ зрѣнія зависимости соціальныхъ явленій отъ біологическихъ и, въ частности, будучи дарвинистами, они подвергли основательной критикѣ всѣ біологическія аналогіи „органицистовъ“ и „дарвинистовъ“ (въ узкомъ смыслѣ), выдвинувъ на первый планъ психологическое объясненіе соціальныхъ фактовъ. Позже начавшіе свою дѣятельность американскіе соціологи во многомъ близко подошли къ той же самой точкѣ зрѣнія. Что соціологія должна основываться непосредственно не на біологіи, а на психологіи, это еще много раньше было высказано и Миллемъ, и самимъ Спенсеромъ, поэтому и критиковавшими іерархію наукъ Конта, который поставилъ соціологію непосредственно за біологіей, но, конечно, индивидуальная психологія не могла служить базисомъ для соціологіи. Еще въ шестидесятыхъ годахъ въ нѣмецкой наукѣ была высказана мысль о необходимости коллективной психологіи, которая изучала бы человѣка, взятаго не особнякомъ, но сначала эта мысль получила (въ „Völkerpsychologie“ Лацаруса и Штейнталя [1]) одностороннее направленіе, такъ какъ предметомъ изученія были сдѣланы не психическое взаимодѣйствіе, происходящее въ обществѣ, какъ совокупность процессовъ особой категоріи, а только его результаты, да и результаты-то лишь въ области духовной культуры (съ доминирующимъ интересомъ къ языку), но не въ сферахъ государственной, правовой и хозяйственной жизни обществъ. Новѣйшіе соціологи поставили вопросъ о психизмѣ соціальной жизни въ смыслѣ, именно, совокупности всѣхъ видовъ психическихъ взаимодѣйствій, совершающихся въ жизни общества. „Органицисты“ и „дарвинисты“ были слишкомъ склонны разсматривать историческій процессъ, какъ чисто органическую, спонтанейную, безличную эволюцію, подобную процессу развитія любого организма или біологическаго вида, чѣмъ устранялось изъ соціологіи или затушевывалось въ ней понятіе дѣйственности, преднамѣренности и планомѣрности [2]). Къ концу XIX в. въ соціологіи все болѣе и болѣе начала брать перевѣсъ психологическая точка зрѣнія, встрѣтившая, однако, въ послѣднее десятилѣтіе XIX в. сильную конкуренцію въ экономическомъ матеріализмѣ, ставшемъ, какъ и оба біологическія направленія соціологіи, на точку зрѣнія, стихійности соціальной эволюціи и ея чисто матеріальной основы.

---

[1]) Ср. прим. 1 на стр. 603 о „Völkerpsychologie“ Вундта. Кстати, объ отношеніи Вундта къ соціологіи см. въ спеціальномъ параграфѣ IX главы „Введенія въ изученіе соціологіи“.

[2]) Въ этомъ нельзя не видѣть освобожденія позитивизма отъ натурализма, съ которымъ была наклонность его смѣшивать. Ср. выше, стр. 557.

Вся соціологическая литература семидесятыхъ годовъ примыкала въ большей или меньшей степени къ иниціативѣ Огюста Конта, усвоивъ теоретическія основы позитивизма, но отринувъ позднѣйшія построенія Конта въ области практической политики. Общій характеръ всей соціологической литературы былъ прогрессивный, но безъ яркой политической окраски въ томъ или другомъ направленіи. Научный объективизмъ даже сдѣлался лозунгомъ соціологіи, которая, прежде всего, должна изучать то, что есть, какъ оно есть (или что было, какъ оно было). На самомъ дѣлѣ, однако, отдѣльныя теоріи общества всегда болѣе или менѣе заключали въ себѣ субъективные элементы желательнаго или должнаго. Самъ Спенсеръ, особенно настаивавшій на необходимости устранять всякій субъективизмъ, отнюдь не былъ отъ него свободенъ. Казалось бы, приравниваніе имъ общества къ организму должно было бы привести его къ антииндивидуалистическому выводу, но на самомъ дѣлѣ Спенсеръ какъ-разъ защищалъ индивидуальную свободу отъ всякаго вмѣшательства и принужденія со стороны общественной власти (его сочиненіе „The man versus the state“), вслѣдствіе чего въ соціализмѣ онъ видѣлъ лишь „грядущее рабство“. Въ своемъ индивидуализмѣ англійскій соціологъ былъ даже близокъ къ анархизму, полагая, что въ идеальномъ обществѣ рѣшительно все, не исключая почты и телеграфа, должно быть въ рукахъ свободныхъ компаній безъ какого бы то ни было участія во всемъ этомъ принудительной власти государства, хотя, съ другой стороны, онъ вообще стоялъ на точкѣ зрѣнія современнаго экономическаго строя, и потому его индивидуализмъ былъ лишь логическимъ выводомъ изъ политическаго либерализма и экономическаго манчестерства. Отношенія другихъ соціологовъ къ соціализму были весьма разнообразны вплоть до приданія самой соціологіи чисто соціалистической окраски [1]), что особенно ярко выразилось въ трудахъ Лаврова (преимущественно, изданныхъ за границею). Нужно, однако, замѣтить, что какимъ бы вліяніямъ ни под-

---

[1]) Ср. въ гл. XIV „Введенія въ изученіе соціологіи“ параграфъ подъ заглавіемъ „Соціологія и главныя общественныя направленія XIX вѣка“, гдѣ указывается на то, что въ ближайшее къ намъ время одни хотѣли бы, чтобы предвзятая мысль соціологіи заключалась въ теоретической оппозиціи соціализму, тогда какъ другіе, наоборотъ, думали сдѣлать изъ соціологіи теоретическое обоснованіе соціализма. „Соціологія будетъ соціалистическою, или ея вовсе не будетъ“, заявилъ, напр., Энрико Ферри. Въ библіографическомъ указателѣ „Введенія“ можно найти названія работъ прямо или косвенно относящихся къ темѣ. Послѣдними публикаціями являются книги: *J. Bourdeau.* Socialistes et sociologues (1905) и *A. Fouillée.* Le socialisme et la sociologie réformiste (1909). Ср. также въ соч. *Fouillée* „Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde“ (1896) кн. II, гл. II („Sociologie, socialisme et positivisme“).

вергалась соціологія со стороны соціализма и сколько бы отдѣльными соціологами ни воспринималось разныхъ элементовъ спеціально изъ ученія Маркса, они были очень далеки отъ его экономическаго матеріализма. Послѣдователи этой теоріи приняли участіе въ разработкѣ вопросовъ соціологіи, какъ мы увидимъ дальше, только въ самомъ концѣ XIX в., совершенно порвавъ съ традиціями позитивизма и всей вообще соціологической литературы, чтобы вести свою линію исключительно отъ Маркса, философскаго же обоснованія для своего ученія искать или въ гегельянской діалектикѣ, или въ критицизмѣ Канта, или даже въ метафизическомъ матеріализмѣ [1]). Послѣднимъ важнымъ событіемъ въ исторіи соціологической мысли послѣдней трети XIX в. и было энергичное выступленіе сторонниковъ экономическаго матеріализма, успѣху которыхъ много содѣйствовала его связь съ пріобрѣтавшимъ все бо̀льшую популярность практическимъ марксизмомъ.

Главнымъ соціологическимъ писателемъ въ Англіи былъ Гербертъ Спенсеръ, первый трудъ котораго въ этой области вышелъ въ свѣтъ еще въ 1851 г. [2]), послѣ чего изъ-подъ его пера въ теченіе цѣлой четверти вѣка не выходило ни одного труда по соціологіи, пока въ 1873 г. не появилась его книжка „Изученіе соціологіи“ [3]) и въ томъ же году не началось изданіе отдѣльными частями „Основаній соціологіи“, продолжавшееся около двадцати лѣтъ. Въ семидесятыхъ же годахъ писалъ по соціологіи Бэджготъ [4]), всѣ остальные въ родѣ Кидда [5]) позже. Къ тому же десятилѣтію относится и начало нѣмецкой соціологической литературы въ лицѣ такихъ писателей, какъ П. Лиліенфельдъ и Шэффле, за которыми въ восьмидесятыхъ годахъ послѣдовалъ Гумпловичъ, въ девяностыхъ—Зиммель [6]). Кромѣ того, семидесятые годы были, равнымъ образомъ, временемъ выступленія русскихъ соціологовъ

---

[1]) Послѣднее особенно у *Плеханова* въ его книгѣ, появившейся съ псевдонимомъ *Бельтова* и подъ заглавіемъ „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ (1895). Ср. ея разборъ въ гл. XII моихъ „Старыхъ и новыхъ этюдовъ объ экономическомъ матеріализмѣ“ (1896). За самое послѣднее время послѣдователи экономическаго матеріализма ухватились и за эмпиріокритицизмъ.

[2]) Social statics. Въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ даются только названія первыхъ работъ; подробныя перечисленія въ указателѣ „Введенія въ изученіе соціологіи“.

[3]) The study of sociology; есть рус. пер.

[4]) *Bagehot.* Physics and politics (1873); есть рус. пер.

[5]) *B. Kidd.* Social evolution (1895); есть рус. пер.

[6]) *P. Lilienfeld.* Gedanken über Sozialwissenschaft der Zukunft (1873 и слѣд.)—*Schäffle.* Bau und Leben des sozialen Körpers (1875 и слѣд.). — *Gumplowicz.* Grundriss der Sociologie (1885). — *Simmel.* Ueber soziale Differencirung (1890). — Первый томъ соч. *Лиліенфельда* подъ инипіалами *П. Л.* былъ изданъ и по русски; соч. *Гумпловича* и *Зиммеля* переведены.

П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловскаго, С. Н. Южакова, М. М. Ковалевскаго, Е. В. де-Роберти, писавшаго, впрочемъ, больше по-французски [1]).

Во Франціи интересъ къ соціологіи возродился только въ восьмидесятыхъ годахъ, когда стали появляться труды Фуллье, Эспинаса и Тарда, за которыми въ девяностыхъ годахъ послѣдовали работы Дюркгейма, Изуле и Вормса [2]). Въ восьмидесятыхъ же годахъ сталъ писать бельгійскій соціологъ де-Грееfъ [3]). Одновременно съ Франціей и Бельгіей началось развитіе соціологической литературы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ первымъ крупнымъ соціологомъ въ восьмидесятыхъ годахъ былъ Лестеръ Уордъ, а въ слѣдующемъ десятилѣтіи особенно выдвинулся Гиддингсъ [4]).

О происхожденіи экономическаго матеріализма у насъ говорилось уже въ другихъ мѣстахъ настоящаго труда [5]). Достойно вниманія,

---

[1]) См. перечень ихъ соціологическихъ сочиненій во „Введеніи въ изученіе соціологіи".

[2]) *A. Fouillée.* La science sociale contemporaine (1880). — *Espinas.* Les sociétés animales (1882). — *G. Tarde.* Les lois de l'imitation (1890). — *Durkheim.* De la division du travail social (1893). — *Izoulet.* La cité moderne (1894). — *R. Worms.* Organisme et société (1896). — Соч. *Фуллье, Эспинаса, Тарда* и *Вормса* существуютъ въ русскихъ переводахъ. — *Guyau* тоже долженъ быть причисленъ къ соціологическимъ писателямъ, ибо и на искусство, и на религію и т. п. смотрѣлъ съ соціологической точки зрѣнія (ср. выше, стр. 583, прим. 2). Напр., онъ указывалъ на то, что опредѣленія религіи брались большею частью изъ разныхъ областей, т.-е. метафизики, морали и т. п. и почти никогда изъ области соціальной. По его мнѣнію, основа религіи—въ „общественной связи (lien de société) человѣка и высшихъ силъ (puissances supérieures), болѣе или менѣе ему подобныхъ", т.-е. въ той „sociabilité", которая является однимъ изъ основныхъ признаковъ человѣка. „La réligion, говоритъ Гюйо, est un *sociomorphisme* universel, ... une *explication sociologique universelle à forme mythique*". — *M. Guyau.* L'irréligion de l'avenir (1887), стр. I и III. Поэтому онъ и назвалъ свое сочиненіе „étude sociologique". „La dernière partie de *l'Irréligion de l'avenir* est une vraie synthèse sociologique du monde". *Fouillée.* Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde, 313. Самъ Фуллье въ только-что названной книгѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1896 г., становится па эту же точку зрѣнія.

[3]) Первое сочиненіе *de Greeff'a* Introduction à la sociologie (1886).

[4]) Первымъ трудомъ *Lester Ward'a* была его „Dynamic Sociology" (1883), за которою послѣдовалъ рядъ другихъ его работъ, а *Giddings* написалъ „Principles of sociology" (1896). Книга *Гиддингса* переведена по-русски, какъ и нѣкоторыя болѣе позднія работы *Уорда*, но попытка изданія перевода „Динамической соціологіи" въ свое время встрѣтила цензурныя затрудненія.

[5]) Т. V. стр. 879 и слѣд. и т. VI, ч. 1, стр. 279—280, прим. Подробнѣе объ этомъ я писалъ въ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ" (1896), гдѣ см. главы V („Происхожденіе и сущность экономическаго матеріализма") и VI („Исторіологическіе взгляды Маркса и Энгельса").

что эта теорія, какъ чисто соціологическое ученіе, призванное объяснить исторію человѣчества изъ одного принципа, заставило о себѣ говорить довольно поздно, когда у него явился цѣлый рядъ послѣдователей, занявшихся его пропагандой и примѣненіемъ къ пониманію отдѣльныхъ періодовъ исторіи. Собирая и изучая литературу по теоріи исторіи для своихъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1883 г., я въ массѣ книгъ и статей, съ которыми приходилось знакомиться, не встрѣтилъ ни одной, посвященной обоснованію той точки зрѣнія, что въ основѣ всего историческаго процесса лежитъ процессъ экономическій. И позднѣе, когда въ 1887 г. „Основанные вопросы философіи исторіи“ переиздавались вторично, тоже еще не было литературы по экономическому матеріализму, да и многочисленные критики „Основныхъ вопросовъ“ не преминули бы указать на пробѣлъ, если бы таковой былъ. Въ первомъ изданіи очень обстоятельнаго „Lehrbuch der historischen Methode“ Э. Бернгейма, появившемся въ 1889 г., совсѣмъ даже ничего не было сказано объ отношеніи историзма къ экономизму вообще, и только во второмъ изданіи, вышедшемъ въ свѣтъ черезъ пять лѣтъ (въ 1894), было посвящено нѣсколько страницъ экономическому матеріализму, о которомъ едва даже упоминается въ одномъ англійскомъ трудѣ 1893 г., гдѣ о немъ должна была бы идти рѣчь [1]). Кто слѣдилъ за русской соціологической литературой семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, очень чутко относившейся къ разнымъ возникавшимъ на Западѣ теоріямъ общества и исторіи, можетъ, конечно, засвидѣтельствовать, что объ экономическомъ матеріализмѣ въ это время совсѣмъ почти не было слышно: говорили и писали тогда о Контѣ, о Спенсерѣ, о дарвинистахъ и т. п., какъ говорили и писали, конечно, и о Марксѣ, но только не какъ объ основателѣ экономическаго матеріализма. Послѣдній сдѣлался у насъ извѣстнымъ и популярнымъ лишь въ девяностыхъ годахъ [2]), и произошло это, разумѣется, потому, что и на Западѣ, т.-е. преимущественно въ Германіи, соотвѣтственная литература стала развиваться только около 1890 г. Главными представителями новаго соціологическаго ученія выступили теоретики и историки германской соціалъ-демократіи, какъ-то Каутскій, Мерингъ и др. [3]). Вообще въ это время экономическій метеріализмъ появился

---

[1]) *James Bonar.* Philosophy and political economy in some of their historical relations (1893).

[2]) Тогда у насъ сразу явилось нѣсколько горячихъ послѣдователей экономическаго матеріализма, изъ которыхъ нѣкоторое отреклись впослѣдствіи отъ этого своего увлеченія.

[3]) *Kautzky* въ своей книгѣ „Karl Marx' oekonomische Lehren“ совсѣмъ не далъ сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія экономическаго матеріа-

на исторической сценѣ, какъ оффиціальное исторіологическое ученіе соціалъ-демократіи. Въ сущности, оно вовсе не обосновываетъ собою ни теоріи цѣнности Маркса, ни практическихъ требованій партіи, потому что можно признавать вѣрность упомянутой теоріи цѣнности, не раздѣляя экономическаго матеріализма, безъ которой точно также можетъ обойтись и все остальное въ марксизмѣ [1]), на дѣлѣ же вышло такъ, что вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ сталъ въ большинствѣ случаевъ обсуждаться въ связи съ правотой или неправотой соціалъ-демократіи, какъ это случилось,—о чемъ уже шла рѣчь [2]),— и съ теоріей цѣнности Маркса: защитники экономическаго матеріализма объявили его существенною принадлежностью пролетарской идеологіи, полагая, что это—доказательство его истинности. Между тѣмъ, начавшаяся около 1890 г. разработка теоріи мало-по-малу привела самихъ же ея сторонниковъ къ такимъ взглядамъ, которые подрываютъ самую суть экономическаго матеріализма. Наприм., мы это наблюдаетъ въ двухъ книжкахъ Вейзенгрюна „Законы развитія человѣчества“ и „Разные способы пониманія исторіи“ [3]), изданныхъ въ 1888 и 1890 г. Этотъ авторъ нашелъ нужнымъ восполнить пробѣлъ въ исторіологической теоріи Маркса и указалъ въ историческомъ процессѣ, кромѣ экономическаго фактора, еще самостоятельный фак-

---

лизма, очевидно, не такъ-то уже считая его нужнымъ для обоснованія марксизма. Въ одной изъ раннихъ своихъ статей (1885) „Die Entstehung des Christenthums“ онъ уже проводилъ мысль, что христіанство было создано матеріальными факторами, но особенно точка зрѣнія экономическаго матеріализма стала проводиться въ работахъ Каутскаго, начиная съ его книги о „Томасѣ Морѣ и его Утопіи“ (1890). Во время полемики съ Бернштейномъ Каутскій долженъ былъ, однако, кое съ чемъ согласиться относительно дефектовъ марсистской исторической теоріи (ср. выше, стр. 507). Францъ Мерингъ, историкъ германской соціалъ-демократіи, въ 1891 г. выпустилъ въ свѣтъ книгу „Die Lessing-Legende“, въ приложеніи къ которой помѣстилъ статью „Ueber den historischen Materialismus“ (стр. 429—500). Около того же времени экономическій матеріализмъ сталъ пропагандироваться и въ рабочей массѣ отдѣльными брошюрами „Берлинской рабочей библіотеки“, издававшейся съ 1890 г. соціалъ-демократомъ Максомъ Шинделемъ (*Krause*. Die Arbeiterbewegung im Lichte der materialistischen Geschichtsauffassung и *его же* Die Entwickelung der Geschichtsauffassung bis auf Karl Marx и т. п.). Тогда же, равнымъ образомъ, появилась и первая критическая работа, въ которой разсматривается экономическій матеріализмъ (*Paul Barth*. Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann, 1890). Объ этой литературѣ см. въ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ“ главу VII („Разборъ аргументаціи нѣмецкихъ сторонниковъ экономическаго матеріализма“).

[1]) Доказательства въ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ“.

[2]) См. выше, стр. 480—481.

[3]) *Paul Weisengrün*. Die Entwickelungsgesetze (1888) и Verschiedene Geschichtsauffassungen (1890).

торъ психическій [1]). Съ другой стороны, далеко не всѣ соціалисты стали на точку зрѣнія экономическаго матеріализма. Въ началѣ девяностыхъ годовъ по этому вопросу произошла полемика между Лафаргомъ, какъ защитникомъ строгаго марксизма, и Жоресомъ, выступившимъ въ качествѣ критика теоріи съ точки зрѣнія ея односторонности [2]). Наконецъ, вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ былъ поднятъ и Бернштейномъ въ его „Предпосылкахъ соціализма" [3]). Въ общемъ, если передъ 1890 г. объ экономическомъ матеріализмѣ едва упоминали, то къ началу XX в. о немъ уже существовала обширная литература [4]). Для теоретическаго пониманія общественности и исторіи она не пройдетъ безслѣдно, какъ поправка къ прежнему историческому идеологизму [5]), но съ самаго же начала экономическій матеріализмъ обнаружилъ свою крайнюю односторонность.

[1]) Въ русской литературѣ такую же поправку въ теорію внесъ П. Ѳ. Николаевъ. См. обо всемъ предыдущемъ въ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ" главу VII („Измѣненія, вносимыя въ экономическій матеріализмъ нѣкоторыми его послѣдователями").

[2]) *Jean Jaurès.* L'idéalisme dans l'histoire и *Paul Lafargue.* L'idéalisme et le matérialisme dans la conception de l'histoire. Обѣ статьи, между прочимъ, были изданы и вмѣстѣ. Ср. т. VI, ч. 1, стр. 132, прим. Въ свое время „Новое Слово" (1896) познакомило со статьей Жореса, о которой см. также „Старые и новые этюды", стр. 301.

[3]) См. выше, стр. 507. „Старые и новые этюды" вышли въ свѣтъ еще до появленія книги Бернштейна, общія соображенія котораго вполнѣ большею частью сходятся съ нашей критикой. Одинъ изъ русскихъ пер. книги Бернштейна даже вышелъ подъ заглавіемъ „Историческій матеріализмъ" (1901).

[4]) Перечень главнѣйшихъ книгъ, брошюръ и статей можно найти въ обоихъ изданіяхъ моего „Введенія въ изученіе соціологіи", равно какъ въ статьѣ моей объ экономическомъ матеріализмѣ въ XL томѣ „Энциклопедическаго словаря" *Брокгауза-Ефрона.* Нельзя не отмѣтить, что экономическій матеріализмъ сдѣлался весьма популярнымъ и въ Италіи (ср. выше, стр. 287), гдѣ въ этомъ направленіи вышло довольно много работъ (*Asturado*, *Chiapelli*, *Ferrari*, *Ferri*, *Labriola*, *Loria* и др., названія которыхъ имѣются во „Введеніи въ изученіе соціологіи").

[5]) Т. V, стр. 875 и слѣд.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Поправки, дополненія, примѣчанія [1]).

Для первой части.

XI, прим. 1, Въ XII томѣ „Ulltsteins Weltgeschichte“ herausgegeben von Prof. v. *Pflugk-Harttung* (1908) періодъ послѣ франко-германской войны обработанъ *Brandenburg*'омъ (стр. 399—595) и для „europäische Expansion“ *K. Lamprecht*'омъ (599—625). Эта книга имѣетъ выйти въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Отъ вѣнскаго конгресса до нашихъ дней“.—*Эд. Дріо*. Исторія Европы въ концѣ XIX в. (въ „Мірѣ Божіемъ“ за 1901 г.).—*В. Поссе*. Европа нашихъ дней, 1897—1907 (въ приложеніи къ 4 изд. 1908 г. т-ва „Знаніе“ книги *Сеньобоса*). — *Е. Тарле*. Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ (1903).

XI, 11—22 св. Это изданіе имѣется въ русскомъ переводѣ съ дополнительными статьями *П. Г. Виноградова* („Итоги XIX вѣка“), *М. М. Ковалевскаго* („Очерки развитія соціологическихъ ученій“) и *К. А. Тимирязева* („Основныя черты развитія біологіи въ XIX в.“).

1—2, прим. Политическій строй современныхъ государствъ (сборникъ статей П. Г. Виноградова, В. В. Водовозова, М. М. Ковалевскаго и др., 1906).—Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Ам. Соед. Штатахъ (подъ ред. *Е. Смирнова*).—*В. Вильсонъ*. Государство (1905).—*О. Пиффэрукъ*. Европейскія избирательныя системы—парламентскія, провинціальныя, муниципальныя (1909).—Цѣлый рядъ монографій объ отдѣльныхъ конституціяхъ имѣется въ „Bibliothek des öffentlichen Rechts“.

2, 22 сн. *Э. Фланденъ*. Политическія учрежденія современной Европы (1906; изъ этой коллекціи переведена книжка объ Англіи и Бельгіи).

2, 3 сн. Нужно прибавить: „Тексты важнѣйшихъ конституцій съ историческими введеніями“. Подъ ред. проф. *М. А. Рейснера*. — *C. Kindermann*. Parteiwesen und Entwicklung in ihren Wirkungen auf die Kultur der modernen Völker (1907). — *П. Берлинъ*. Политическія партіи въ Западной Европѣ (1907).

5, прим. 2. *Fr. Racioppi*. Commento allo statuto del regno (1901).

---

[1]) Жирнымъ шрифтомъ отмѣчены страницы, обыкновеннымъ — мѣста на указанныхъ страницахъ (строки сверху или снизу и №№ примѣчаній).

8—9, прим. 2. По исторіи государственнаго устройства Австріи (Oesterreichische Reichsgeschichte) см. нѣм. соч. *Bachmann*'a (1895—96), *Huber-Dopsch*'a (1901 г., изд. 2), *Luschin v. Ebengreuth*'a (1896), *Werunsky* (1884) и др.— *Fiedler*. Rk.-uh. vyrovnàní po r. 1878 (1903).—*Fv. Gaertner*. Der öesterreichisch-ungarische Ausgleich (1908). — *Akos v. Timon*. Ungarische Verfassungs-und Rechtsgeschichte (1909).

9, 12 сн. Работа *Крамаржа* есть и по-нѣмецки (Das böhmische Staatsrecht, 1896).

13, 7 сн. Вмѣсто *партій*, должно быть *націй*.

18, 13 сн. Ср. ниже указаніе на **353**, 12 св.

19, прим. 1. Прусская конституція съ объясненіями *Арндта*, перев. *Мейендорфа* (1905). — Прусская конституція, пер. подъ ред. проф. *Лучицкаго* (1905).—*H. V. Gerlach*. Die Geschichte des preuszischen Wahlrechts (1908).— *P. Schubart*. Die Verfassung des Deutschen Reiches und des Preuszischen Staates in gedrängter Darstellung (1909).—*H. Schulze-Gaevernitz*. Das preuszische Staatsrecht, auf Grundlage des deutschen Staatsrechts dargestellt (1888—90; изд. 2).—*E. Hubrich*. Preuszisches Staatsrecht (1909).

29, 5 св. Вм. *изглагая*, должно быть *излагая*.

31, 14 сн. Вм. *исключительнымъ*, должно быть *исключительно*.

33, 16 св. Кличка „адулламитовъ" была дана отщепенцамъ Джономъ Брайтомъ, который сравнивалъ ихъ поведеніе съ удаленіемъ царя Давида въ одну изъ пещеръ по близости отъ города Адуллама, о чемъ разсказывается въ Библіи.

33, 9 сн. Послѣ слова „графствахъ" въ скобкахъ должно стоять „counties".

59, прим. 1. Въ подлинникахъ вышли въ свѣтъ указанныя сочиненія: *E. Zenker*'a—въ 1895 г., *P. Eltzbacher*'a—въ 1900 г., *Plechanow*'a—въ 1894 г. См. еще *Ломброзо*. Анархисты (1907).—*Ludw. Franz*. Kommunismus, Anarchismus, Sozialismus (1908).—Обзоръ литературы объ анархизмѣ прив.-доц. *А. С. Ященко* въ „Критическомъ Обозрѣніи" за 1907 г.

63, прим. 3. *W. Godwin*. Das Eigentum; перев. *Bahrfeld*'a со вступительной статьей о Годвинѣ.—*H. Simon*. W. Godwin und Mary Wollstonecraft.

65, прим. 1. Одно изъ произведеній названнаго здѣсь анархиста есть въ рус. перев.: *В. Тэкеръ*. Вмѣсто книги (1908; въ духѣ индивидуалистическаго анархизма).

65, прим. 2. *Робертъ Шельвинъ*. Максъ Штирнеръ и Фридрихъ Ницше (1909).

66, прим. *E. Droz*. Proudhon (1909).—*J. L. Puech*. Le Proudhonisme dans l'Association Internationale des travailleurs.

66, прим. 2. Заглавіе подлинника: *J. H. Mackay*. Max Stirner, sein Leben und sein Werk (1898).

70, прим. 1. *М. А. Бакунинъ* (1906; ст. *А. И. Герцена* о немъ; біографическій очеркъ Б., составленный *Драгомановымъ*; рѣчи и воззванія Б.). — *М. Драгомановъ*. А. М. Бакунинъ (1906).

80, прим. *В. Мюллеръ*. Политическая исторія новѣйшаго времени. 1870 годъ. (1872).

80, 7 сн. *P. Lehautcourt*. Histoire de la guerre de 1870—1871 (1907).

82—83. Исторію границъ между Германіей и Франціей удобно прослѣдить, кромѣ вообще историческихъ атласовъ, въ спеціальномъ атласѣ, приложенномъ къ соч. *Фримана* „Историческая географія Европы".

85, прим. 4. *D. R. Cosse*. Leçons de l'histoire. La France et la Prusse avant la guerre. La politique de Sadowa, la politique de Sedan (1907).

94, 17 св. Вмѣсто Базэна, по недосмотру названъ Макъ-Магонъ.

98, прим. 5. *Sagnier.* Paris pendant le siège (1888).

107, 15—16 св. Вмѣсто 2175, слѣдуетъ читать 1875.

108, прим. *A. Méral.* De la paix de Francfort à la conférence d'Algéciras (1909).

114—115. *E. Bourgeois et E. Clermont.* Rome et Napoléon III (1907).

121, 7—8 сн. *Gontaut-Biron.* Mon ambassade en Allemagne, 1872—1873.—*André Dreux.* Dernières années de l'ambassade en Allemagne de M. de Gontaut-Biron, 1874—1877.

122, прим. 2. *Guire.* Le militarisme en Europe (1890).—*W. Ahr.* Kriegswesen und Volkswirtschaft der Grossmächte während der letzten 30 Jahre (1909; брош. съ раскрашенной таблицей).

123, 13—21 св. По корректурному недосмотру въ этихъ строкахъ при цифрахъ стоитъ буква „м." (милліоновъ), вмѣсто „т". (тысячъ).

128, 18 св. Вмѣсто *ея* и *ей*, слѣдуеть быть *ихъ* и *имъ*.

133—134, прим. *E. Lockroy.* La commune et l'assemblée (1871).—*П. Боборыкинъ.* На развалинахъ Парижа („Отеч. Зап." за 1871 г.).—*В. Л. Зотовъ.* Закулисная исторія парижской коммуны (въ „Истор. Вѣстн." за 1882).—*Ковальскій.* Разсказы русскаго очевидца о первыхъ дняхъ коммуны (въ „Рус. Вѣстн." за 1871 г.).—*G. Bourgin.* Histoire de la commune (1907).—*Élie Reclus.* La commune au jour le jour (1908; это—дневникъ отъ 28 марта по 28 мая).—*Jules Guesde.* Le livre rouge de la justice rurale, documents pour servir à l'histoire d'une république sans républicains (сборникъ выдержекъ изъ реакціонныхъ газетъ о подавленіи коммуны).

147, прим. 1. Дѣятель коммуны *Beslay* тоже написалъ „Mes souvenirs" (1873).

157, прим. 1. *Ch. Picard.* H. Taine (1909).—*Labarde-Milaa.* H. Taine (1909).

173, прим. 2. *John Labusquière.* La troisième république (XII томъ изд. подъ ред. *Jaurès*'а „Histoire Socialiste" съ заключительной статьей редактора „Le bilan social du XIX siècle").—*Th. Lavallée.* Histoire des Français, t. VII (1905).—*K. Vogel.* Die dritte französische Republik bis 1895 (1895).—*E. Levasseur.* Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république (1907).—*M. A. Leblond.* La sociéte française sous la troisième république (1905).—*H. Leyret.* Waldeck-Rousseau et la troisième république. 1869—1889 (1908).—*З. Аваловъ.* Децентрализація и самоуправленіе во Франціи (1905).—*В. Судейкинъ.* Прямые налоги и ихъ организація во Франціи (1887).

173, 9—10 сн. Книга *Н. Е. Кудрина* въ 1906 г. вышла вторымъ изданіемъ.

183, прим. 2. Уже послѣ того, какъ глава VI была отпечатана, вышелъ въ свѣтъ IV томъ книги *Hanotaux*, въ которомъ изложеніе доведено до смерти Гамбетты, т.-е. до конца 1882 г. На этомъ моментѣ авторъ вообще оканчиваетъ свой трудъ, заявляя въ предисловіи къ IV т., что, быть можетъ, позже онъ и возвратится къ его продолженію („plus tard, nous verrons!"), но что пока событія еще слишкомъ близки и свѣдѣній о нихъ слишкомъ мало, а кромѣ того, нужна „une passibilité dont, en vérité,—прибавляетъ Ганото,—je ne me sens pas capable anjourd'hui". Равнымъ образомъ, и глава XVI была уже написана, когда IV т. *Hanotaux* впервые достигъ моихъ рукъ, что, однако, все-таки дало мнѣ возможность кое-чѣмъ изъ него воспользоваться.—*Neucastel.* Gambetta, sa vie et les vues politiques (1885).—*Tournier.* Gambetta, souvenirs anécdotiques (1893).—*А. Трачевскій.* Леонъ Гамбетта и правительство національной обороны.

183, 4—6 сн. Статья *Е. Тарле* о Гамбеттѣ перепечатана въ его „Очеркахъ и характеристикахъ изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ“ (1904), стр. 301—367.

184, прим. 3. *О Жюлѣ Валлесѣ* см. статью *Н. С. Русанова* (*Н. Е. Кудрина*) въ его сборникѣ „Соціалисты Запада и Россіи“ (1908), стр. 93—137.

185, прим. 1. *E. Geffroy.* L'enfermé. — Есть рус. пер.: *Жеффруа.* Бланки, его жизнь и революціонная дѣятельность (1906).—*А. Мірской.* Вѣчный-инсургентъ (1906).

193. О бывшемъ при Тьерѣ министрѣ финансовъ: *G. Michel.* Léon Say, la vie, les oeuvres.

203, прим. *Joseph du Bourg.* Les entrevues des princes à Frohsdorf, 1873 et 1883. La vérité et la légende (1910). Авторъ—легитимистъ-абсолютистъ.

194, прим. *C-te de Butenval.* Politique économique et négociations commerciales du gouvervement de la république française pendant les années 1871, 1872 et 1873 (1874).

205, прим. 1. *Fidus.* Le prince impérial.

213, прим. *Е. Темниковскій.* Государственное положеніе религіи во Франціи (1898). Спеціально по вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства, совершившемся уже въ началѣ XX в., см.: *Claudio Janet.* Conférences sur la séparation de d'église et de l'état (1881).—*Jules Roche.* Le budget des cultes, la séparation de l'église et de l'état et les congrégations (1883).—*E. Ollivier.* La séparation etc. (1885).—*Aug. Dide.* То же заглавіе (1886).—*Guilbert.* L'abolition du concordat et la séparation etc. (1885). –*E. Sévestre.* L'histoire, le texte et la destinée du concordat de 1801 (1903). — *Noblemère.* Concordat ou séparation (1904). — *Brisson-Lanessan-Allier etc.* La séparation des églises et de l'état (1905). — *Ballin.* То же заглавіе (1905). — *A. Baudrillart.* Quatre cents ans de concordat (1905).—*H. Charriault.* Après la séparation (1905).—*R. Geigel.* Die Trennung von Staat und Kirche in Frankreich (1908). — *А. Франсъ.* Отдѣленіе церкви отъ государства (1906).

216, 8 сн. *К. Арсеньевъ.* В. Гюго, какъ политическій дѣятель („Вѣстн. Евр.“ за 1876 г., апрѣль).—*Его же.* В. Гюго послѣ возвращенія во Францію (тамъ же за 1877 г., августъ).

218, 16 св. *G. Picot.* M. Dufaure, sa vie et ses oeuvres.

224—226, прим. *P. Klöppel.* Dreissig Jahre deutscher Verfassungsgeschichte, 1867 — 1897 (1902). — *E. Véron.* Histoire de l'Allemagne depuis la bataille de Sadowa jusqu'à nos jours.—Для внутренней исторіи Германіи послѣ 1870 г. много даетъ вторая половина книги *Теобальда Циглера* „Умственныя и общественныя теченія XIX в.“ (стр. 340 и слѣд., по рус. пер., изд. 1901 г.).—*В. Модестовъ.* О Германіи. Наука, школа, парламентъ, люди, стремленія (1888).—*Dawson.* Evolution of modern Germany.—*I. E. Barker.* Modern Germany (1907). — *Bruno Bauer.* Zur Orientirung über die Bismarck'sche Ära (1880).—*A. Singer.* Bismarck in der Literatur. Ein bibliographischer Versuch (1909).—*F. Gilles.* Demokratie und Bismarck (1885).—*Böthlingk.* Bismarck als Nationaloekonom. — *Ѳ. Мартенсъ.* Національная политика князя Бисмарка („Вѣстн. Евр.“ за 1883 г.).—*И. Янжулъ.* Бисмаркъ и государственный соціализмъ (въ „Вѣстн. Евр.“ за 1890 г.).—*Р. Сементковскій.* Князь Бисмаркъ, его жизнь и государственная дѣятельность (1895).—*K. Promnitz.* Bismarcks Eintritt in das Ministerium (1908). — Только-что вышла въ свѣтъ 2 часть „Исторіи современной Германіи“ *А. К. Дживелегова* (1910), въ которой изложеніе начинается съ 1862 г. и доводится до нашихъ дней.

224, 9 сн. *Paul Matter*. Bismarck et son temps. Это трехтомное сочиненіе, вышедшее въ свѣтъ въ 1904, 1906 и 1908 гг., касается эпохи послѣ 1870 г. только послѣднимъ своимъ томомъ.

224, 19 сн. Politische Geschichte Deutschlands im XIX Jahrhundert *G. Kaufmann*'а переведена по-русски.

236—238. Въ недавно вышедшей въ свѣтъ и переведенной по русски брошюрѣ *Г. Еллинека* „Правительство и парламентъ въ Германіи“ проводится та мысль, что преобладаніе правительства надъ парламентомъ составляетъ вообще типическую черту нѣмецкой конституціонной системы, начиная еще съ южно-германскихъ конституцій первой четверти XIX в.

238, прим. 1. *E. Bruck*. Das Verfassungs- und Verwaltungsrecht von Elsass-Lothringen. (1908).

239, 6 сн. *Н. Жорданія*. Происхожденіе и развитіе политическихъ партій въ Германіи (1907). — Die Parteien des deutschen Reichstages (1893; съ соц.-дем. точки зрѣнія). — *O. Stillich*. Die politischen Parteien in Deutschland. I. Die Konservativen (1908).

256, 15 сн. Вм. „кременецкій епископъ“, нужно читать: „Кременцъ, епископъ эрмандскій“ (или вармійскій по польской терминологіи).

261, прим. 2. Гл. XXV, а не XXIV.

266—267, прим. *Russel*. German Socialdemocracy (1896). — *Brunhuber*. Die deutsche Sozialdemokratie. — *А. Бебель и др*. Возникновеніе германской соціалъ-демократіи (1906).—*Э. Бэмъ-Баверкъ*. Теорія К. Маркса и ея критика (1897).—*P. Weisengrün*. Der Marxismus und das Wesen der sozialen Frage (1900).—*Г. Плехановъ*. Основные вопросы марксизма (1908). — *W. Ed. Biermann*. Die Weltanschauung des Marxismus (1908). — *К. Форлендеръ*. Кантъ и Марксъ (1909). — *W. Sombart*. Das Lebenswerk von Karl Marx (1909). — *A. Labriola*. Marx nell'economia e come teorico del socialismo (1909).—Памяти Карла Маркса, 1818—1883 (1908).—*E. Hammacher*. Das philosophisch-oekonomische System des Marxismus (1909).—Уже по отпечатаніи главы VIII вышла въ свѣтъ книга *проф. А. Миклашевскаго* „Исторія политической экономіи. Философскія, историческія и теоретическія начала экономіи *XIX* в.“ (1909), въ которой на стр. 493—559 разсматривается „марксизмъ“ (съ указаніями на литературу на стр. 493). — Ср. *W. Jacoby*. Der Streit um den Kapitalbegriff, seine geschichtliche Entwickelung und Versuche zu seiser Lösung (1908).

267, 15 св. *P. Kampfmeyer*. Geschichte der modernen Gesellschaftsklassen in Deutschland (рус. пер. сильно сокращенъ по цензурнымъ соображеніямъ).

267, 11 сн. Ср. *Л. Слонимскій*. Споры о сущности марксизма („Вѣстн. Евр.,“ 1909).

267, 10 сн. Рус. пер.: *Л. Будинъ*. Теоретическая система Карла Маркса въ свѣтѣ новой критики.

298—299, прим. *Э. Фланденъ*. Политическія учрежденія современной Европы: Англія и Бельгія (1906; ср. выше, къ стр. 2).—*G. Wendt*. England, seine Geschichte, Verfassung und staatliche Einrichtungen (1898; изд. 2).—*Fr. Wicks*. Britische Verfassung und Verwaltung (1909; пер. съ англ.).

300, прим. 7. Соч. *Redlich*'а существуетъ въ англ. переводѣ съ дополненіями, сдѣланными *F. W. Hirst*'омъ.

308—309, прим. *Moritz Bonn*. Modern Ireland and her agrarian problem (1906; пер. съ нѣм.). — *С. Булгаковъ*. Капитализмъ и земледѣліе (1900), глава VII: „Судьбы Ирландіи“ (стр. 291—384 второго тома).

317 и слѣд. *F. Haneld*. Das englische Gewerkvereinsrecht nach 1870 (1909).

322—323, прим. О „коукесѣ“ еще, но очень коротко: *Dickinson*. Development of Parliament.—*Franqueville*. Le gouvernement et le parlement britanniques.—*I. Редлихъ*. Англійское мѣстное управленіе, I, 305—307.

336, 15 сн. Резолюція галиційскаго сейма приведена въ книгѣ *проф. А. Л. Погодина* „Главныя теченія польской политической мысли“ (стр. 630—632).

337—338, прим. Въ 1908 г. начала выходить „Storia degli ultimi trent' anni del secolo *XIX*, narrata da *Pietro Vigo*“, въ первыхъ двухъ томахъ которой погодно разсмотрѣно время отъ 1871 до 1878 г. включительно.—*Stillmann*. The union of Italy, 1815—1895 (1898).

352—354, прим. Die Entwickelung der oesterreichischen Verfassungs-Partei. (1870).—(*Gabler* und *Toman*, анонимно). Der Wahlsieg der Verfassungstreuen in Böhmen im April 1872 und seine Bedeutung im oesterreichischen Verfassungsleben (1872). — *Karel Adamek*. Zàklady vyvoje maďarův. Kulturnehistorické rozhledy (1879).—*Leo Gr. Thun*. Der Föderalismus im oesterreichischen Parteikämpfe (1875).

353, 12 св. и слѣд. За указанными двумя томами „Чешской политики“ сталъ выходить въ свѣтъ отдѣльными livrезонами III томъ, заключающій въ себѣ „Dějiny ceské politiki nové doby“, авторы которой — *Zd. Tobolka* и *K. Kramař*. Въ этомъ томѣ дается весьма обстоятельное изложеніе чешской исторіи съ 1848 г. до новѣйшаго времени (до министерства Кёрбера), причемъ сообщается и необычайно богатая библіографія.—Для главы XI шестого тома имѣетъ значеніе вторая часть работы *Тоболки* (Od diplomu řijnového až do vstoupení cechů na řiškou radu r. 1879), заключающая въ себѣ 265 страницы (183—447). Одна изъ главъ (4) этой части носитъ характерное заглавіе „Doba stàtoprávního radikalismu“. Укажу еще, что въ послѣдней работѣ французскаго историка Чехіи *E. Denis*, двухтомной „la Bohême depuis la Montagne Blanche“ (1903), указанной нами въ пред. том., имѣются главы, посвященныя чешской исторіи конца XIX в.

371, прим. 2. *Гаттенбергеръ*. Вѣнскій кризисъ 1873 г.—*J. Neiwirth*. Die Spekulationskrisis von 1873 (1874).

379, прим. *J. V. Jahn*. Fr. Lad. Rieger (1895).

380, 2 сн. V, а не IV.

383, прим. W sprawie uniwersytetu lwowskiego. Głos Towarzystwa nauczycieli szkół wyźszych (Odbitka z „Muzeum“, 1908). Въ этой статьѣ защищается польская политика и польская точка зрѣнія въ дѣлѣ Львовскаго университета. Ср. замѣтку о ней въ журналѣ „Świat Słowiański“ за февраль 1909 г.

384, прим. 2. О славянскомъ съѣздѣ 1867 г. въ Москвѣ: Всероссійская этнографическая выставка и славянскій съѣздъ въ маѣ 1867.—Pout'slowanův do Ruska r. 1867 a jeji význam (1867). Это—изданія въ сочувственномъ тонѣ, а въ несочувственномъ: *Klaczko*. La congrès de Moscou et la propagande panslaviste (Rev. des Deux Mondes, 1867) и нѣсколько польскихъ брошюръ.

388, прим. *E. Simon*. L'Allemagne et la Russie au XIX siécle (1893).—*Димитъръ Йоцовъ*. Дипломатически студии по нашето освобождение (1909).

388, 21 сн. Заглавіе соч. *Герц. Аргайльскаго*: Our responsibilities for Turkey.—*René Henry*. Questions d'Austriche-Hongrie et la question d'Orient (1904).

388, 8—10 сн. IV томъ книги *Hanotaux* уже вышелъ.

389, 4 сн. *Ottokar Nemeczek*. Die wirtschaftliche Aufschwung Bosniens und der Herzegowina zur Zeit der Okkupation durch Oesterreich-Ungarn

(1909; Separatabdruck aus dem IV Jahresbericht der Neuen Wiener Handelsakademie).

413. *D. Entschef.* Die völkerrechtliche Bedeutung des Berliner Vertrags von 1878 (1903).

419, 1 сн. Вм. *Ново-Баварскій,* нужно *Ново-Базарскій.*

Для второй части.

1—2, прим. Для исторіи международныхъ отношеній конца XIX в. представляетъ интересъ по своему содержанію только-что вышедшая книга *E. Lémonon*'а „L'Europe et la politique britannique", охватывающая періодъ времени отъ 1882 до 1909 г. Изъ 13 главъ концу XIX в. посвящены первыя пять.— *M. Lenz.* Die Grossmächte. Ein Rückblick auf unser Jahrlundert (1900). — *Pierre-Ramus.* Die historische Entwickelung der Friedensidee und des Antimilitarismus (1908; въ коллекціи „Kultur und Fortschritt"). — *Ѳ. Мартенсъ.* Гаагская конференція мира („Вѣстн. Евр.," 1900).—*Гр. Л. Комаровскій.* Успѣхи идеи мира (1898).—*Его же.* Гаагская мирная конференція (1902).—*O. Nippold.* Die zweite Haager Friedenskonferenz. — *J. Brown Scott.* The Hague Peace conference of 1899 and 1907 (1909). — *Max. Choublier.* La question d'Orient depuis le traité de Berlin (1897).

14, 19 св. Вм. *Шнебеля,* нужно *Шнебеле.*

18. Въ III т. книги *Hanotaux* „Histoire de la France contemporaine" (стр. 95 — 96) приводятся, на основаніи одного неизданнаго документа, слова, сказанныя въ декабрѣ 1874 г. гр. Шуваловымъ французскому министру внутреннихъ дѣлъ герцогу Деказу, въ которыхъ авторъ видитъ „les premiers linéaments d'une alliance franco-russe".

24—25, прим. Для исторіи колоніальной политики съ начала восьмидесятыхъ годовъ см. указанную выше (въ дополненіе къ стр. 1—2) книгу *Lémonon*'а.—*Jean Darcy.* Cent années de rivalité coloniale (два тома о соперничествѣ Англіи и Франціи). — *F. Martens.* La conférence du Congo à Berlin et la politique coloniale des états modernes.—*G. Hanotaux.* Le partage de l'Afrique (1909).—*Gustavo Chiesi.* La colonisazione europea nell'est Africa.—Въ XII гл. „Ullsteins Weltgeschichte" herausgegeben von prof. von *Pflugk-Harttung* есть интересныя карты „der grossen Kulturkreise der Menschheit".

29. *Moritz Julius Bonn.* Die Eingeborenen-Politik im britischen Südafrika (1908).

34—36. *K. Dutt.* The economic history of India in the Victorian age (1906).—*E. Piriou.* L'Inde contemporaine et le mouvement national. — *Alfred Milner.* L'Angleterre en Égypte (перев. съ англ. *Mazuc*'а).—*C. de Freycinet* La question d' Egypte.

39, прим. *W. J. Hyds.* Die erste Annexion Transvaals (1907).

42, *Doerkes-Boppard.* Verfassungsgeschichte der australischen Kolonien und des „Commonwealth of Australia".—*R. Schachner.* Australien in Politik, Wirtschaft, Kultur (1909).—*Уокеръ.* Развитіе австрійской демократіи (1901).— *П. Мижуевъ.* Передовая демократія современнаго міра. Англ. колонія „Новая Зеландія".—*Его же.* Счастливая Австралія.

44, прим. 1. *E. Levasseur.* La France et ses colonies (1890 — 93).— *P. Gaffarel.* La politique coloniale en France de 1789 à 1830 (1908).—*M. Fallex et A. Mairey.* La France et les colonies.—*L. Deschamps.* Histoire de la question

coloniale en France (1891).—*L. Coquet.* Politique commerciale et coloniale franco-allemande (1907).—*H. Vast.* La plus grande France. Bilan de la France coloniale (1909).—*L. Hubert.* L'éveil d'un monde. L'oeuvre de la France en Afrique occidentale (1908).—*P. H. X.* (= d'Estournelles de Constant). La politique française en Tunisie. — *Faucon.* La Tunisie avant et pendant l'occupation française (съ предисловіемъ *J. Ferry*).—О французскихъ колоніяхъ см. также главу XX книги *K. Vogel'я* „Die dritte französische Republik" (1895), стр. 658—695.

44, прим. 1. Къ указаннымъ книгамъ нужно еще прибавить вышедшую въ 1909 г. книгу *G. Hanotaux* „Le Partage de l'Afrique. Fachoda", составившуюся изъ ряда статей автора, который называетъ ее „une contribution émanant d'un acteur et d'un témoin" и даже „документомъ" (ce livre est un document). Кромѣ того, она является дополненіемъ къ другой книгѣ *Ганото*, посвященной тоже африканскимъ дѣламъ („L'affaire de Madagascar").

45, 2 св. Вм. *Айнамомъ*, слѣдуетъ *Аннамомъ*.

47, 19 сн. Вм. *Омдуманъ*, слѣдуетъ *Омдурманъ*.

46—47. См. таблицу 49 въ „Atlas de géographie historique" *Schrader'a* (Progrès des découvertes au XIX siècle), гдѣ есть карта Африки въ 1894 г. съ указаніями на главнѣйшія экспедиціи въ XIX в.

48, 6 сн. *Tonnebar* ошибочно, вмѣсто правильнаго *Tonnelat.*—*A. Chéradame.* La colonisation et les colonies allemandes.

52, 6 св. Вм. *Ангри-Псквену*, слѣдуетъ *Ангри-Пеквену*.

58, прим. *G. Parisi.* Storia degli Italiani nell'Argentina (1907).

61—63, прим. *L. Zeitlin.* Fürst Bismarcks sozial-, wirtschafts- und steuerpolitische Anschanungen (1902).

62, прим. Wilhelm II wie er geschildert wird und wie er ist. Von einem Diplomaten.

89, 1 сн. Въ главѣ XXIV, а не XXV.

97, 1 сн. Въ главѣ XXV, а не XXIV.

101. *J. Penzler.* Fürst Bismarck nach seiner Entlassung (1897—1898).

103, 17 сн. Есть русскій переводъ: *Ф. Науманъ.* Демократія и императорская власть (1907).

103, прим. *Goehre.* Schule, Kirche und Arbeiter (1906).

115, прим. 1. *Max Hachenburg.* Das bürgerliche Gesetzbuch für das Deutsche Reich (1900).

121, прим. 2. Въ 1909 г. *Henryk Sienkiewicz* издалъ въ Парижѣ большой томъ подъ заглавіемъ „Prusse et Pologne. Enquête internationale organisée". Въ немъ разсматриваются прусскія мѣры, направленныя противъ польскаго землевладѣнія.

125, прим. 5. *Ч. Ломброзо.* Антисемитизмъ и современная наука (1909).

127—130. Подъ вліяніемъ антисемитизма среди евреевъ возникло движеніе, извѣстное подъ названіемъ сіонизма („друзей Сіона"), націоналистической проповѣди о необходимости „автоэмансипаціи" (*L. Pinsker.* Autoemanzipation. 1882), возвращенія въ Палестину и даже основанія въ ней собственнаго еврейскаго государства (*Theodor Herzl.* Der Judenstaat, 1896; есть рус. пер.). Литература указана въ ст. „Сіонизмъ" въ „Энц. Слов." *Брокгауза-Ефрона.*

137, прим. 2. Французскіе публицисты, склонные вездѣ усматривать руку масоновъ, въ нихъ самихъ видятъ, въ свою очередь, орудіе враждебныхъ Франціи силъ. На первомъ планѣ здѣсь имѣются въ виду евреи (наприм., *Copin-Albancelli.* Le pouvoir occulte contre la France и его же La conjuration

juive contre la chrétienté), но недавно *Max Doumic* сталъ настаивать, что масонство—орудіе Англіи. Эту мысль онъ изложилъ въ брошюрѣ „La Franc-Maçonnerie est-elle juive ou anglaise?" и въ книгѣ „Le secret de la Franc-Maçonnerie", вышедшей въ началѣ 1910 г. четвертымъ изданіемъ. Въ этой послѣдней см. особенно главу VI („L'action maçonnique en France et la politique de l'Angleterre durant la troisième république", стр. 249—347), гдѣ даже дѣло Дрейфуса объясняется англійскою интригою: Англіи-де нужно было „troubler la France et la mettre en lutte avec l'Allemagne, car l'arrivée de Marchand à Fachoda allait rouvrir la question d'Egypte". Книга Думика—образецъ націоналистической публицистики во Франціи. Въ томъ же духѣ написаны книги *Paul'я Nourisson'а* „Le Club des jacobins sous la troisième république. Études sur la Franc-Maçonnerie contemporaine" и „Les jacobins au pouvoir. Nouvelles études sur la Franc-Maçonnerie contemporaine", стр. IX; ср. стр. 293 и слѣд., гдѣ эта мысль доказывается: по представленію автора, это была махинація, разсчитанная чуть не на европейскую войну, отъ которой выиграла бы одна Англія, стр. 306.

167, 185, 196. Буланжизмъ, „Панама" и дѣло Дрейфуса сильно отвлекали вниманіе французовъ отъ другихъ политическихъ вопросовъ, что отмѣчаетъ, напр., *Hanotaux* въ своей книгѣ „Le partage de l'Afrique, Fachoda" (1909). „Quel poids à soulever que celui des affaires de Tunisie, d'Inde-Chine, de Madagascar, du Congo, de la Nigéria, de la Côte d'Ivoire, de l'Egypte, des Nouvelles Hébrides, de la Guyane, tandis que l'opinion publique ne se passionnait que pour l'aventure boulangiste et l'affaire du Panama", стр. 72. „En France, les esprits, passionnés pour l'affaire Dreyfus étaient ailleurs. C'est à peine si l'opinion.... devinait les soucis du gouvernement au sujet de l'Afrique", стр. 121.

175, прим. *M-gr Baunard.* Vie du cardinal Lavigerie.

178, прим. 1. *J. B. Guesde* et *Lafargue.* Le programme du parti ouvrier, son histoire, ses considérants, ses articles (1883).

204, прим. *Duca di Gualtieri.* L'evoluzione democratica delle istituzioni inglesi (1899).

205, прим. 2. *M. Sibert.* Étude sur le premier ministre en Angleterre (1909).

205—206. *L. Kellner.* Die englische Literatur im Zeitalter der Königin Viktoria (1909).

216—217. Исторія внѣшней политики Англіи съ министерства Гладстона въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ изложена въ книгѣ *E. Lémonon*'а, названной выше (въ дополн. къ стр. 1—2 второй части).

237, прим. 2. „Что касается, говоритъ одинъ изъ русскихъ молодыхъ государствовѣдовъ, до понятій, которыя господствуютъ среди англійскаго общества, то можно сказать, что оно уже пережило всякія понятія о самодержавномъ парламентѣ и самодержавныхъ представителяхъ. Народное самосознаніе признаётъ лишь самодержавіе народа. Избиратели отдѣльныхъ округовъ смотрятъ на избранныхъ ими членовъ парламента, какъ на своихъ собственныхъ представителей. Съ другой стороны, сами члены англійскаго парламента точно такъ же смотрятъ на себя, какъ на представителей отдѣльныхъ избирательныхъ собраній, или округовъ... Такимъ образомъ, можно сказать, что современная политическая и парламентская жизнь Англіи уже не признаётъ прежнихъ „представителей всего народа"; она признаётъ лишь представителей отдѣльныхъ избирательныхъ округовъ. И представитель каждаго

округа избирается подъ условіемъ проводить политическую программу, одобренную большинствомъ избирателей". *К. Тахтаревъ.* Отъ представительства къ народовластію (1907), стр. 125. Авторъ въ этомъ справедливо видитъ результатъ вступленія въ жизнь мелкобуржуазной и рабочей демократіи, стр. 79 и слѣд. Отсюда все чаще раздающіяся требованія замѣны палаты лордовъ народнымъ голосованіемъ. О томъ, что въ Англіи нѣтъ референдума, недавно высказывалъ сожалѣніе самъ Чэмберленъ, См. т. VI, ч. 1, стр. 327, прим. 2.

242, прим. *О. Гирке.* Рудольфъ Гнейстъ (1900).—„Englische Verfassungsgeschihte" Гнейста (1882) имѣется въ рус. пер. подъ ред. *С. А. Венгерова* (Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, 1885). О Гнейстѣ у насъ писали *М. М. Ковалевскій* (Англійская конституція и ея источникъ, 1880) и *А. Назимовъ* (Теорія конституціонализма и самоуправленія Р. Гнейста, 1881).

250, 1 св. Сочиненія Гайндмана: The historical basis of the socialism in England (1883). — The social reconstruction of England. — Economics of socialism (1896). — Summary of the principles of socialism (въ сотрудничествѣ съ *Morris*'омъ).

254, 1 св. *Е. Тарле.* Лордъ Арчибальдъ Розберри и современное состояніе либеральной партіи въ Англіи (въ „Мірѣ Божіемъ" за 1903 г.).

257, прим. 1. Въ XXIV, а не XXV.

276. Брошюра *Brachet* „Al misogallo signor Crispi" (1882).

283, прим. *Comte le Roquigny.* Le prolétariat rural en Italie. Ligues et grèves des paysans (1904).

285, 12 сн. *Guido d'Amaro.* L'ordinanza d'urgenza (1907).

287, прим. 4. *Enrico Ferri.* Die revolutionäre Methode (во введеніи статья „Die Entwickelung der Theorien im modernen Sozialismus Italiens").—*R. Michels.* Il proletariato e la borghesia nel movimento socialista italiano (1908).

291, прим. Уже послѣ того, какъ были написаны обѣ главы этого тома (XI и XIX) объ Австро-Венгріи, я познакомился съ книгою *E. Beneš'а* „Le problème autrichien et la question tchèque" съ подзаголовкомъ: „étude sur les luttes politiques des nationalités slaves en Autriche" (1908), конецъ которой (начиная съ стр. 233) посвященъ времени послѣ 1867 г.—*A. C. Popovici.* Die Vereinigten Staaten Gross-Oesterreichs. Politische Studien zur Lösung der nationalen Fragen und staatsrechtlichen Krisen in Oesterreich-Ungarn (1906).—*В. Водовозовъ.* Политическія партіи Австріи (Рус. Бог., 1898).

292, 7—9 сн. *Mailáth.* La Hongrie rurale, sociale et politique. Еще болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о соціальныхъ отношеніяхъ въ Венгріи даются въ вышедшей позднѣе (1909) книгѣ *Gabriel Louis-Joray* „La question sociale et le socialisme en Hongrie", первыя двѣ главы которой (стр. 13—94) посвящены изображенію положенія сельскаго и городского пролетаріата.

295, 16 св. *В. Д.* Три года правленія гр. Таафе (Вѣстн. Евр." за 1882 г.).

303, 17 сн. *Touzimski.* Windischgrätzovo koaliční ministerstwo. Historicko-politický rozhled (въ журналѣ „Osvěta" за 1895 г.).

305 и слѣд. *Touzimski* Ministerstwo Badeniovo (въ журналѣ „Osvěta" за 1895 г.).

305—307 и **317—318**. „Чтобы имѣть возможность судить о соотношеніи силъ въ рейхсратѣ при всеобщемъ избирательномъ правѣ", *Р. Шпрингеръ* дѣлаетъ слѣдующія соображенія. „Въ 1890 г. нѣмцы насчитывали 8,46 милліоновъ человѣкъ, чехи—5,47, поляки—3,72, русины—3,1, словинцы—1,18, сербохорваты—0,64, итальянцы—0,67 и румыны—0,21. Союзъ всѣхъ славянъ про-

тивъ нѣмцевъ насчитывалъ бы 14,1 мил. противъ 9,3 мил. нѣмцевъ, итальянцевъ и румынъ... Но нѣмцы и итальянцы уплачиваютъ вмѣстѣ болѣе половины налоговъ; ихъ экономическое и политическое положеніе компенсируетъ бо́льшую численную величину славянъ. Къ тому же 3,1 мил. русиновъ, которыхъ никогда не притѣсняли нѣмцы, а всегда поляки, являются безусловными союзниками нѣмцевъ. Такимъ образомъ, за панславизмъ стоятъ 11 мил., противъ него 12,4 мил... Отсюда слѣдуетъ, что даже при невыгодномъ для нѣмцевъ всеобщемъ, равномъ и прямомъ избирательномъ правѣ панславистское большинство было бы невозможно, а скорѣе образовалось бы большинство изъ нѣмцевъ, итальянцевъ, румыновъ и русиновъ подъ естественной гегемоніей нѣмцевъ". Національная проблема (1909), стр. 264.

308, 6—7 сн. *Іосифъ Пекаръ*. Чехи—апостолы варварства (1901).

314, 8 сн. Въ 1909 г. вышла въ свѣтъ книжка (VIII + 96 стр.) *A. Fournier* „Wie wir zu Bosnien kamen", гдѣ начало вопроса объ аннексіи Босніи и Герцоговины отнесено еще къ 1856 г., когда объ этомъ былъ составленъ мемуаръ Радецкимъ. Въ статьѣ *Dopsch*'а въ вѣнской „Die Zeit" (отъ 18 мая 1909) разсказывается о подобномъ планѣ еще 1688 года.

325, прим. 2. *В. Д.* Чехи и чешское движеніе („Рус. Мысль" за 1880).— *J. Bourlier*. Les tchèques et la Bohême contemporaine (1897).

330, прим. 4. *А. Погодинъ*. Главныя теченія польской политической мысли въ 1863—1907 годахъ, первая половина главы VII (Автономія Галиціи и автономія Царства Польскаго).

332—333, прим. 4. О теоріи органическаго труда см. еще А. *Погодинъ*. Главныя теченія польской политической мысли въ 1863—1907 г., стр. 72 и слѣд., 104 и слѣд.

333, 5—7 сн. О станьчикахъ см. также въ книгѣ *проф. А. Л. Погодина* „Главныя теченія польской политической мысли", стр. 91 и слѣд. Между прочимъ, авторъ беретъ ихъ подъ свою защиту: „галицкіе поляки, говоритъ онъ, только-что укрѣпили добрыя отношенія съ правительствомъ въ лицѣ императора Франца-Іосифа; автономныя учрежденія были введены въ Галиціи совсѣмъ недавно, и цѣлый рядъ важнѣйшихъ уступокъ національнымъ требованіямъ, въ родѣ введенія польскаго языка въ судопроизводствѣ и преподаваніи, былъ основанъ не на законахъ, а на правительственныхъ распоряженіяхъ. Одинъ опрометчивый шагъ могъ привести къ пропасти, въ которую рухнули бы всѣ завоеванія", стр. 96.

325, *Karel Adamek*. Jindy a nyní. Uvahy o vídeňských punktacích. (1890). — *Его же*. Původ vídeňských úmluv o navrácení se Němcův do sněmu kralovstvi českého.—*Его же*. Obrana českého školství. (1883).

335, прим. 3. *М. П. Драгоманову* принадлежитъ рядъ статей о Галиціи: „Русскіе въ Галиціи" и „Литературное движеніе въ Галиціи" („Вѣстн. Евр." за 1873 г.), „Литературно-общественное движеніе въ Галиціи" (въ „Дѣлѣ" за 1882 г.) и др. Предпринято изданіе его сочиненій.

336, *K. Schwechler*. Die oesterreichische Sozialdemokratie (1908).

339—341, прим. *Lucius Lector*. Le conclave (1894). — *Gr. von Hoensbroech*. Moderner Staat und Kirche (1909).

341, прим. 1. *Скарятинъ*. Римская церковь и Церковная область при папѣ Піи IX (1875).

342, 19 св. *E. Keller*. Le syllabus de Pie IX et de Pie X et les principes de 1789 (1909).

343, прим. 1. *J. Friedrich.* Geschichte des vatikanischen Konzils (1877).— *T. Granderath.* Histoire du concile du Vatican (1908; въ iезуит. духѣ).

357, 11 сн. *W. Martin.* La situation du catholicisme à Genève, 1815—1907 (1909).

364, 2 св. *A. de Mun.* Ma vocation sociale. Souvenirs de la fondation de l'oeuvre des cercles catholiques d'ouvriers, 1871—1875 (1909).

366, 18 сн. *M. Turmann.* Le développement du catholicisme social. Depuis l'Encyclique „Rerum novarum" (1909; второе изд.).

376, 2—4 сн. Во второмъ изданiи книги *проф. Пискорскаго* есть большiя дополненiя, касающiяся новѣйшей исторiи Испанiи и Португалiи.

381, прим. 3. *O. Orban.* Le droit constitutionnel de la Belgique (1906—1909).—*Э. Фланденъ.* Политическiя учрежденiя: Англiя и Бельгiя (1906).

395, прим. 1. Нидерландская конституцiя въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ послѣ пересмотра 1886—87 гг., у *Гессена* и *Нольде*, т. I, стр. 278—319. Ср. *Hartog.* Das Staatsrecht des Königreichs Niederlande (1886; въ коллекцiи Marquardsen'а).

416, прим. *F. Müller.* Eine rein demokratische Republik. Der Kanton Zürich (1908).—*J. Schollenberger.* Das schweizerische öffentliche Recht (1909).

424, прим. 5. *G. Büscher.* Ein Wort an die Sozialisten und solche die es werden wollen (1909; рѣзкая критика марксизма со стороны швейцарскаго радикальнаго соцiалъ-политика).

426—427, прим. *E. Cauderlier.* L' évolution économique du XIX siècle (1903).—*Шульце-Геверницъ.* Крупное производство (1897).—*Г. Шенбергъ.* Положенiе труда въ промышленности (1896). — *В. Кеннингэмъ.* Современная цивилизацiя въ нѣкоторыхъ ея экономическихъ проявленiяхъ (1899).—*E. Vandervelde.* Le collectivisme et l'évolution industrielle.—*Blondel.* Essor économique du peuple allemand. — Die Entwickelung der deusschen Volkswirtschaftslebre im XIX Jahrh. Gustav Schmoller zur siebenzigsten Wilderkehr seines Geburtstages (1908). — *Chr. Gruber.* Deutsches Wirtschaftsleben auf geographischer Grundlage geschildert. Mit 4 Karten (1902; входитъ въ составъ коллекцiи „Aus Natur und Geistesleben").—*Croner.* Geschichte der agrarischen Bewegung in Deutschland. — *Вильямсъ.* Торжество германской промышленности (1897).—*Ж. Блондель.* Торгово-промышленный подъемъ Германiи (1900 г.; есть и др. переводъ 1899 г.). — *K. Boehme.* Dreissig Jahre deutscher Schutzpolitik (1909).— *А. Билимовичъ.* Германское землеустроительное законодательство. Т. I. Раздѣлъ общинныхъ земель (1908).—*Парвусъ.* Мiровой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ (1898).—*Шлоссъ.* Формы заработной платы (1900).—*Hobson.* The problem of the unemployed (1896). — *Bowley.* Changes in average wages in the United Kingdom between 1860 and 1891 (въ 48 т. „Journ. of the Royal Statistical Society").—*Brouilhet, Julliet et de Sainte-Kroix.* Études sur les populations rurales de l'Allemagne (1898).—*R. Kuczynski.* Die Entwickelung der gewerblichen Löhne seit der Begründung des Deutschen Reichs (1909). — *P. Leroy-Beaulieu.* Essai sur la répartition des richesses et la tendance à une moindre inégalité des conditions (1897).—*E. Levasseur.* Salariat et salaires (1900).—*G. Bry.* Histoire industrielle et économique de l'Angleterre depuis les origines jusqu'à nos jours (1900).—Въ только-что вышедшей книгѣ *E. Lémonon*'a „L'Europe et la politique britannique" цѣлая глава VII (стр. 241—268) посвящена экономическому соперничеству между Англiей и Германiей.

432, прим. 3. *A. Aftalion.* Essai d'une théorie des crises générales et periodiques (1909).

440—442, *С. Булгаковъ.* Капитализмъ и земледѣліе (1900), т. II, стр. 182 и слѣд. (объ аграрномъ кризисѣ во Франціи).

445, прим. 1. *Fr. Brinkmann.* Die Grundlagen der englischen Landwirtschaft und die Entwickelung ihrer Produktion seit dem Auftreten der internationalen Konkurrenz (1909).

475, прим. 1. *Joseph Rambaud.* Histoire des idées économiques (1902).— *Ch. Gide et Ch. Rist.* Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours.

476, прим. 4. О катедеръ-соціалистахъ см. послѣднюю (VII) главу въ книгѣ *проф. А. Н. Миклашевскаго* „Исторія политической экономіи“, стр. 559 и слѣд. Авторъ указываетъ на зависимость нѣмецкихъ „соціалъ-политиковъ“ отъ англійскихъ идей и отношеній, хотя бы и не исключительную (стр. 560—561).

480, прим. 5. *Lifschitz.* Zur Kritik der Boem-Bawerkschen Werttheorie (1908).

482—484, прим. *J. Stammhammer,* составитель „Bibliographie des Sozialismus und Kommunismus“ (см. т. V, стр. 800), въ 1909 г. издалъ III томъ (Nachträge und Ergänzungen bis Ende des J. 1908). Le socialisme à l'étranger (1909; сборникъ статей разныхъ авторовъ съ предисловіемъ *A. Leroy-Beaulieu* и съ послѣсловіемъ *J. Bourdeau*).—*Brougham Villiers.* The socialist movement in England (1908).— *W. Morris and E. B. Bax.* Socialism, its growth and outcome (1909).—*J. Deutsch.* Geschichte der oesterreichischen Gewerkschaftsbewegung. Die sozialistische Gewerkschaften von ihren Anfängen bis zur Gegenwart (1908).—*E. Helms.* Die sozialdemokratische und gewerkschaftliche Bewegung in Dänemark.—*Hans Müller.* Der Klassenkampf in der deutschen Sozialdemokratie (1892).—*Berghoff-Ising.* Die sozialistische Arbeiterbewegung in der Schweiz (1895).—*G. Louis-Joray.* La question sociale et le socialisme en Hongrie (1909).—*Otto Warschauer.* Zur Entwickelungsgeschichte des Sozialismus (1909).— *П. Мижуевъ.* Англійскіе рабочіе союзы, какъ союзы взаимопомощи.—Профессіональные союзы во Франціи (Сборникъ статей Гриффюэля, Дельзаля, Лагарделя, Латапи и Пуже).

484, 20 св. *Léon de Seilhac.* Syndicats ouvriers, fédérations, bourses de travail.—*G. Renard.* Syndicats, trade-unions et corporations (1909).

484, 1—9 сн. *Kuno Frankenstein.* Der Arbeiterschutz, seine Theorie und Politik (1896).—*R. van der Borght.* Grundzüge der Sozialpolitik (1904).— *G. Zacher.* Die Arbeiterversicherung im Auslande (1898—1909; пять томовъ съ текстами соотвѣтственныхъ законовъ).—*P. Boilley.* La législation internationale du travail.—*O. von Zwiedinek-Südenhorst.* Arbeiterschutz und Arbeiterversicherung (1905).—*Schmoller.* Zur Sozial- und Gewerbepolitik der Gegenwart.—*Conrad Bornhak.* Die deutsche Sozialgesetzgebung systematisch dargestellte (1900).—*H. Ferrette.* Manuel de législation industrielle avec le texte des lois ouvrières (1909).—*G. Baragiana.* La legislazione del lavoro in Italia (1909).

500. *A. Bebel.* Die Sozialdemokratie im deutschen Reichstage.

501—502. Основные вопросы программы и тактики на съѣздахъ германской соціалъ-демократіи. В. I. Программа партіи. Рѣчи и дебаты на съѣздахъ въ Галле въ 1890 г. и въ Эрфуртѣ въ 1891 г. подъ ред. *В. Волгина* (1907).

507, 3 сн. *К. Каутскій.* Къ критикѣ теоріи и практики марксизма. Анти-Бернштейнъ (1905).—*Его же.* Торговая политика и рабочій классъ (1906; брош.).—*Его же.* Обнищаніе и крушеніе. Новая фаза ревизіонизма (1908).

512, 2—3 сн. *Е. Сталинскій.* Эволюція французскаго синдикализма (Рус. Бог., 1909).—*G. Prezzolini.* La teoria sindicalista (1909).

519, 7—9 сн. *И. Озеровъ.* Гроза изъ Америки. Итоги экономическаго развитія *XIX* в., стр. 42 и слѣд. Свой выводъ онъ формулируетъ такъ: „*XIX* вѣкъ принесъ намъ супрематію Англіи... Въ сумеркахъ исхода *XIX* в. меркнетъ промышленная слава Англіи; она передаетъ свой тронъ Америкѣ“, стр. 76.

520, 11—13 св. О сближеніи Англіи съ Франціей и Россіей въ началѣ *XX* в. см. главы IX и X книги *E. Lémonon*'а „L' Europe et la politique britannique“ (1910).

546. *E. L. Borart.* The economic history of the United States (1908).—*И. Озеровъ.* Америка идетъ на Европу (1903).

549—550, примѣч. *А. Гиляровъ.* Предсмертныя мысли XIX в. во Франціи. Очеркъ міропониманія современной Франціи по ея крупнѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ (1901).

564, 2—5 сн. *В. В. Лесевичъ.* Эмпиріокритицизмъ, какъ единственная научная точка зрѣнія (1909).

564—565. *Вл. Ильинъ.* Матеріализмъ и эмпиріокритицизмъ (1909).

568, 12—13 и 18 сн. *Paulsen.* Philosophia militans. Gegen Klerikalismus und Naturalismus (1901).

569, прим. 2. *Adikes.* Kant contra Haeckel (1901).

586, 1 сн. Авторъ названной статьи — *Franz Brentano.*

591, 11 св. Объ отношеніи Ницше къ Максу Штирнеру см. книгу, указанную въ дополненіи къ стр. 65 первой части.

591, прим. 4. *Файгингеръ.* Ницше, какъ философъ (1903).

599—600. *L. v. Wiese.* Zur Grundlegung der Gesellschaftslehre. Eine kritische Untersuchung von Herbert Spencers System der synthetischen Philosophie. 1906.

609, 5 св. Новѣйшіе соціалисты въ отличіе отъ утопистовъ не занимаются предсказываніями относительно будущихъ формъ соціальнаго строя, и изъ соціалъ-демократовъ лишь одинъ Бебель въ своей книгѣ „Женщина и соціализмъ“ (1884) отступилъ отъ этого общаго правила. Тѣмъ не менѣе и въ концѣ XIX в. появлялись и имѣли успѣхъ, но успѣхъ больше чисто литературный, нѣкоторыя утопическія картины будущаго, каковы особенно книги *Bellamy* „Looking backward, 2000—1887“ (выдержала массу изданій въ Америкѣ и Англіи и переводовъ на разные языки; рус. перев. подъ заглавіемъ „Грядущій вѣкъ“ 1891), *Hetzka* „Das Freiland“ (*А. Кирхенгеймъ.* Вѣчная утопія. Съ приложеніемъ статьи „Страна свободы Т. Герцка“ изъ книги Ф. Клейнвехтера „Государственные романы“, 1902) и *W. Morris.* News from Nowher (рус. пер.: „Вѣсти ниоткуда. Утопія“; ср. *Е. В. Аничковъ.* Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ; въ сборн. „Литер. дѣло“, 1902; о Моррисѣ см. еще статью въ книгѣ *Н. Е. Кудрина* „Соціалисты Запада и Россіи“). Изъ возраженій на соціалистическія утопіи особенно извѣстны „Соціалъ-демократическія картины будущаго“ *Евгенія Рихтера* (ср. т. VI, ч. 1, стр. 246, прим. 4). Ср. еще *А. Гобсонъ.* Джонъ Рескинъ, какъ соціальный реформаторъ (1899).—*И. Янжулъ.* Въ поискахъ лучшаго будущаго (1908; изд. 2).

611, 18 св. *Г. Спенсеръ.* Грядущее рабство (1884).

615, прим. 3. *П. Вейзенгрюнъ.* Конецъ марксизма (1901).

